

АРХИВЪ

ЮГО-ЗАПАДНОЙ РОССИИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

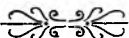
КОММИССІЕЮ ДЛЯ РАЗБОРА ДРЕВНИХЪ АКТОВЪ,

состоящей при Кіевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ Генераль-
Губернаторѣ.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ,

ТОМЪ III.

Акты о брачномъ правѣ и семейномъ бытѣ въ Юго-западной Руси въ
XVI—XVII вв.

К І Е В Ъ .

Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра Акц. Общ
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, 6.

1909.

Печатано по распоряженію Предсѣдателя Коммисіи для разбора древнихъ актовъ.

Черты семейнаго быта въ Юго-западной Руси въ XVI—XVII вв.

Собранные въ настоящемъ томѣ акты представляютъ столь богатый и разнообразный историко-юридическій матеріалъ, что обозрѣть его весь во вступительной статьѣ (какъ принято въ изданіяхъ нашей Коммиссіи) нѣтъ никакой возможности, поэтому мы по необходимости должны съузить рамки нашего обзора. Главное содержаніе обозрѣваемыхъ нами актовъ—брачное право и семейный бытъ въ Юго-западной Руси въ XVI и первой половинѣ XVII ст. Та и другая тема находятъ въ нихъ обильный матерьялъ для своего рѣшенія, но послѣдняя получаетъ особенно яркое освѣщеніе въ виду чрезвычайнаго богатства и разнообразія данныхъ, рельефно рисующихъ оригинальныя черты тогдашняго семейнаго быта. Сгруппировать эти данныя въ извѣстной системѣ такъ, чтобы предъ читателемъ предстала возможно полная картина семейной жизни того времени, и составить задачу настоящаго очерка.

При этомъ мы должны сдѣлать одну оговорку. Наши матеріалы извлечены почти исключительно изъ актовыхъ книгъ гродскихъ (замковыхъ) и земскихъ судовъ, потому что акты другихъ судебныхъ учреждений тѣхъ вѣковъ или вовсе не сохранились (наприм., акты судовъ духовныхъ, доминіальныхъ), или сохранились въ весьма незначительномъ числѣ и при томъ изъ болѣе поздняго времени

(книги магистратскія и ратушныя). Земскіе суды и акты учреждены были исключительно для шляхетскаго сословія; въ книги замковыя, или городскія, вносили свои документы тоже преимущественно шляхтичи, точно такъ же, какъ и судились въ городскомъ судѣ лица непривилегированныхъ классовъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Поэтому, при всемъ богатствѣ собранныхъ нами матеріаловъ, они имѣютъ тотъ недостатокъ, что касаются главнымъ образомъ быта привилегированныхъ классовъ и лишь изрѣдка въ нихъ выступаютъ представители мѣщанскаго и крестьянскаго сословія. Въ виду этого и мы, изображая черты семейнаго быта, будемъ имѣть въ виду главнымъ образомъ высшіе классы тогдашняго южно-русскаго общества, касаясь остальныхъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой позволяютъ это матеріалы.

Въ ту пору, съ которой начинается наше изслѣдованіе, высшіе классы въ Юго-западной Руси не успѣли еще объединиться и обособиться отъ остальнаго населенія въ видѣ равноправнаго и политически полноправнаго шляхетскаго сословія, какъ это случилось послѣ Люблинской уніи ¹⁾. Обозрѣвая тогдашній общественный строй, мы можемъ указать лишь сословныя группы, столь слабо разграниченныя одна отъ другой, что не всегда можно провести между ними точную демаркаціонную черту. Въ первой линіи стояли многочисленные княжескіе роды, по большей части потомки древнихъ удѣльныхъ князей; ихъ было особенно много на Волыни. Были между ними очень вліятельные магнаты, члены литовской великокняжеской рады, какъ князья Острожскіе, Вишневецкіе, Чорторый-

¹⁾ Предупреждаемъ читателя, что въ настоящемъ очеркѣ мы совсѣмъ не будемъ касаться Подолья, такъ какъ оно еще въ первой половинѣ XV ст. вошло въ составъ Польскаго государства, послѣ чего здѣсь введено было польское право и начался наплывъ коренной польской шляхты, благодаря чему исконныя начала древне-русскаго права и быта скоро подверглись здѣсь измѣненіямъ. Въ виду этого мы не включили въ нашъ томъ актовъ Каменецкаго земскаго суда, сохранившихся съ 1521 года.

скіе, Сангушки и др., но много было и захудалых княжеских фамилій, не игравших никакой общественной роли. За князьями слѣдовалъ самый многочисленный военно-служилый классъ землевладѣльцевъ, именовавшихся землянами; ихъ общественное значеніе опредѣлялось не знатностью рода, какъ первой группы, а исключительно службой и состояніемъ: кто изъ нихъ былъ богатъ или занималъ должности старостъ и другихъ велико-княжескихъ урядниковъ, тѣ ни въ чемъ не уступали князьямъ средней руки, а болѣе бѣдные земляне примыкали къ третьей группѣ — боярамъ. Это былъ классъ мелкихъ землевладѣльцевъ, подобно землянамъ обязанный военной службой, но по условіямъ быта составлявшій какъ бы переходную ступень къ мѣщанамъ, тоже именовавшимся тогда «панами», и крестьянамъ, еще свободнымъ въ то время отъ крѣпостной зависимости. Всѣ эти общественныя группы, связанные единствомъ вѣры, національности и старыхъ вѣчевыхъ преданій, были чужды понятій сословной исключительности, жили однимъ бытомъ и постоянно сливались и смѣшивались между собою: князья роднились съ землянами и боярами, земляне и бояре — съ мѣщанами; земляне нерѣдко переходили въ мѣщанское сословіе, и наоборотъ — богатые мѣщане, пріобрѣтая земли, становились въ ряды землянъ, и т. под. Никакой классовой отчужденности не было еще въ то время. Когда въ 1471 году богатая волынская землянка Марья Вохнова выдавала дочь въ замужество, то свидѣтелями сговора она пригласила четырехъ землянъ, двухъ священниковъ, ксендза, мѣстнаго войта и двухъ мѣщанъ: «пана Тина Горчицу и пана Маска» ¹⁾. Присутствіе католическаго ксендза наряду съ православными священниками достаточно свидѣтельствуетъ объ отсутствіи вѣроисповѣдной отчужденности: но эта же черта и сто лѣтъ спустя ярко выступаетъ въ извѣстной грамотѣ короля Стефана Баторія 1579 г., изъ которой видно, что даже послѣ Люблинской уніи католики на Волыни весьма часто обращались къ православнымъ священникамъ за по-

¹⁾ См. въ приложеніи № СLIV.

лученіемъ христіанскихъ таинствъ и совершеніемъ всевозможныхъ требъ, до брачныхъ разводовъ включительно ¹⁾).

Съ половины XVI ст. въ жизни высшихъ западно-русскихъ классовъ обнаруживается знаменательный процессъ, разрѣшеніе котораго составило поворотную эпоху въ политической, общественной и бытовой исторіи страны. Съ одной стороны, здѣсь пробуждается сильное умственное движеніе, вызванное наплывомъ идей реформации и усвоеніемъ европейскаго образованія, а съ другой — открывается безпрепятственный доступъ вліянію польской культуры и общественности, чему особенно содѣйствовала Люблинская унія. Успѣхъ этой уніи, задуманной еще при Ягеллѣ и съ особенною энергіею подготовляемой въ правленіе обоихъ Сигизмундовъ, былъ рассчитанъ на поддержку и сочувствіе многочисленнаго въ Литовскомъ государствѣ сословія земянь, хотя и владѣвшихъ землею, но лишь на ленномъ правѣ, а не на правѣ полной собственности и поставленныхъ не только въ полное подчиненіе по отношенію къ великому князю, но сверхъ того находившихся въ извѣстной зависимости отъ болѣе крупныхъ ленниковъ, потомковъ бывшихъ удѣльныхъ князей и другихъ литовско-русскихъ магнатовъ. Дѣйствительно, польскій сословно-общественный и политическій порядокъ, съ его пресловутою шляхетскою вольностью и равноправностью, долженъ былъ дѣйствовать на членовъ этого сословія весьма заманчиво, такъ какъ водвореніе того же порядка въ Литовскомъ вел. княжествѣ и соединенныхъ съ нимъ русскихъ земляхъ сулило земянамъ рядъ такихъ важныхъ выгодъ, какъ уравниеніе ихъ съ магнатскими родами, пріобрѣтеніе права полной земельной собственности, закрѣпощеніе жившихъ на ихъ земляхъ крестьянъ, ограниченіе зависимости отъ велико-княжеской власти и пріобрѣтеніе вліянія на ходъ и направленіе государственныхъ дѣлъ. И точно, все это принесла съ собою Люблинская унія, и въ этомъ смыслѣ она справедливо считается поворотнымъ пунктомъ въ исторіи Литвы и Юго-западной

¹⁾ Архивъ Юго-зап. Россіи, часть I, т. 1, № 117.

Руси, открывшимъ собою эпоху коренного измѣненія существовавшихъ здѣсь раньше политическихъ, сословно общественныхъ и экономическихъ отношеній. Она уничтожила прежнее разнообразіе сословныхъ группъ, чуждыхъ строгаго разграниченія, и разбила все население на двѣ рѣзко отдѣленные одна отъ другой сословныя категоріи: шляхтичей и людей «простого стану». Заимствованіе формъ польскаго общественнаго строя повлекло за собою перенесеніе цѣлой атмосферы понятій, выработанныхъ въ польско-шляхетскомъ обществѣ; началось усвоеніе польской образованности и языка, обычаевъ и вообще формъ шляхетскаго общежитія. Исчезла прежняя простота жизни и уступила мѣсто роскоши и тщеславію. Тѣсное сближеніе западно-русскихъ дворянъ съ поляками, въ особенности же брачныя между ними связи, все чаще стали приводить ихъ къ перемѣнѣ старой, русской вѣры на новую, шляхетскую, т. е. католическую.

Казалось бы, что всѣ эти важныя перемѣны должны были повлечь за собою рѣзкія измѣненія и въ семейномъ бытѣ, но собранные нами акты не подтверждаютъ этого предположенія. Правда, кое-какія черты древне-русскаго патріархальнаго быта замѣтно начали исчезать, но чаще всего это были такого рода пережитки глубокой старины (наприм., брачный сговоръ малолѣтнихъ), которые сами по себѣ въ XVI в. являлись уже анахронизмами и по закону естественной эволюціи подлежали исчезновенію; основныя же черты семейнаго быта, какимъ застаемъ его въ Юго-западной Руси до Люблинской уніи, долго еще и затѣмъ оставались неизмѣнными. Этому содѣйствовало, прежде всего, то важное обстоятельство, что старинный семейный укладъ здѣсь находилъ для себя точку опоры въ Литовскомъ статутѣ, который сохранилъ въ Юго-зап. Руси силу дѣйствующаго права и послѣ присоединенія ея къ Польшѣ въ 1569 г.; впрочемъ, не надо забывать, что ни въ какой области права обычаи не обнаруживаютъ столько жизненности и живучести, какъ именно въ семейной сферѣ. Потребовалась смѣна нѣсколькихъ поколѣній, приведшая южно-русское дворянство къ поголовному почти

рenegатству и денационализациі,—и тогда только старый семейный бытъ подвергся разложенію, да и то лишь въ высшихъ шляхетскихъ кругахъ, а никакъ не среди мелкой шляхты. Но это произошло уже за предѣлами тѣхъ хронологическихъ рамокъ, какими мы ограничиваемъ наше изслѣдованіе.

Говоря о семейномъ бытѣ въ извѣстномъ обществѣ, нельзя обойти вопроса о положеніи женщины въ этомъ обществѣ, такъ какъ оба эти явленія несомнѣнно находятся между собою въ ближайшей связи и взаимодѣйствіи. Здѣсь мы покаместъ будемъ говорить не о юридической правоспособности женщины (объ этомъ рѣчь будетъ ниже), а только о положеніи ея, какъ члена общества, и о той роли, какую она занимала въ немъ.

Вообще говоря, южно-русская женщина XVI—XVII вв. пользовалась широкою свободою и независимостью, почти не уступая въ полнотѣ своихъ гражданскихъ правъ мужчинамъ. Не знала она ни теремнаго затвора, ни монастырскаго заключенія, ни той горькой домостроевской неволи и порабощенія, какія выпали на долю ея сестры—великороссіянки; напротивъ, консерваторы XVI в. горько жаловались, что въ высшей средѣ западно-русскаго общества жены взяли рѣшительный перевѣсъ надъ мужьями съ тѣхъ поръ, какъ Литовскій Статутъ обезпечилъ ихъ имущественныя права. Жила она среди свободнаго общества, которое лишь въ слабой степени ощущало надъ собою правительственную опеку литовскаго князя и его намѣстниковъ и собственными средствами и силами должно было охранять внутренній порядокъ и защищаться отъ постоянныхъ вторженій степныхъ хищниковъ; а въ такихъ условіяхъ жизни вырабатываются энергичныя личности, не терпящія ни въ чемъ стѣсненія своей независимости, предприимчивости и права инициативы. И точно, южноруссы того времени всѣхъ классовъ и состояній, можетъ быть, даже въ излишествѣ обладали всѣми этими качествами, и женщины ни въ чемъ не уступали мужчинамъ, одинаково проявляя эту силу и энергію въ добрыхъ и дурныхъ поступкахъ.

Играя вполнѣ активную роль въ тогдашней общественной жизни, женщина столь же воспріимчиво, какъ и мужчина, отзывалась на всѣ вѣянія своего вѣка, страстно проникалась его интересами и едва ли не рѣзче отражала въ своей жизни и дѣятельности какъ свѣтлыя, такъ равно и темныя черты эпохи. Каждая общественная идея и направленіе, каждая господствовавшая въ данную эпоху добродѣтель или порокъ находили въ южно-русской женщинѣ не менѣе полное и страстное выраженіе, какъ и въ представителяхъ грубаго пола. Такъ, напримѣръ, когда во второй половинѣ XVI ст. на Волыни и Украинѣ началось увлеченіе протестантскими идеями, оно не замедлило найти для себя жаркихъ поборницъ въ средѣ знатныхъ женщинъ, изъ коихъ инья, подобно, напримѣръ, умной и образованной волынской княгинѣ Аннѣ Корецкой, по нѣскольку разъ перемѣняли вѣру, пробовали всѣхъ существовавшихъ въ то время здѣсь протестантскихъ сектъ и толковъ и нерѣдко оканчивали тѣмъ, что снова возвращались къ предковской вѣрѣ и становились ея горячими поборниками; укажемъ, сверхъ того, на усердныхъ социанокъ изъ фамилій Чапличь-Шпановскихъ, Сенють, Немиричей, Войпаровскихъ и др. Съ другой стороны, когда, подъ вплиномъ борьбы съ унией и католичествомъ, въ южно-русскомъ обществѣ возникло религіозно-просвѣтительное движеніе, появилось немало достойныхъ женщинъ, дѣятельно подвизавшихся на пользу православной церкви, просвѣщенія и христіанской благотворительности: онѣ записывались въ члены церковныхъ братствъ, основывали монастыри, школы, богадѣльни, а инья и сами становились инокинями. Таковы, наприм., были: Елена Горностаева, урожденная княжна Чорторыйская, фундаторка Пересопницкаго монастыря, составившая для него прекрасный уставъ (общежительный) и устроившая при немъ «шпиталь для убогихъ и недужныхъ и школу для науки дѣтей»¹⁾; столь извѣстная въ исторіи Кіево-братскаго училища и монастыря Гальшка Гулевичъ, а равно основательницы во-

¹⁾ Архивъ Юго-зап. Россіи, часть I, т. 1, № 118.

лынскихъ монастырей: Почаевского—Ганна Гойская, Загаецкаго—Раина Ярмолинская, и многія другія. Къ нимъ же должна быть причислена просвѣщенная княжна Софья Михайловна Чорторыйская, бывшая въ замужествѣ за хорунжимъ волынскимъ Вацлавомъ Боговитиномъ, которая основала въ своемъ имѣніи, м. Рахмановѣ, типографію и сама занималась переводомъ съ греческаго на славянскій языкъ евангельскихъ и апостольскихъ бесѣдъ¹⁾).

Были между южно-русскими женщинами того времени и такія, которыя совмѣщали въ себѣ высшія типическія черты семейныхъ добродѣтелей; другія славились, какъ образцовыя хозяйки, лично управлявшія громадными имѣніями и съ успѣхомъ замѣнявшія своихъ мужей въ «господарскихъ» обязанностяхъ. Но, вообще говоря, въ тотъ жестокій вѣкъ пороковъ было больше, нежели добродѣтелей, и потому отрицательные типы южно-русскихъ женщинъ XVI—XVII ст. отличаются изобиліемъ и разнообразіемъ. Вотъ предъ нами типъ волынской Мессалины конца XVI в., въ лицѣ землянки Ганны Монтовтъ, которая вела открыто развратную жизнь и не гнушалась прибѣгать къ тайнымъ средствамъ отравы, когда хотѣла отдѣлаться отъ нелюбимаго человѣка²⁾. Къ тому же отчасти типу могутъ быть отнесены Настасья Пузовская и Елена Харлинская, жестоко расправившіяся съ нелюбимыми мужьями⁴⁾. Впрочемъ, личности, подобныя двумъ послѣднимъ дамамъ, и въ тѣ времена въ южно-русскомъ обществѣ были явленіемъ исключительнымъ. Зато въ немъ широко распространенъ былъ типъ женщины, выросшей и воспитанной въ сферѣ безгражданнаго своеволія шляхетской среды,

¹⁾ Въ этой типографіи въ 1619 г. было напечатано Учительное евангеліе извѣстнаго Кирилла Транквиліона; въ посвященіи этой книги князю Юрію Михайловичу Чорторыйскому говорится, что многія евангельскія и апостольскія бесѣды „преложила зъ грецкого языка на словенскій стараннямъ, промысломъ и коштомъ своимъ светои памяти ее милость княжна Чорторыйская Софія, сестра вашей княжей милости“.

²⁾ См. нашъ бытовой очеркъ: „Ганна Монтовтъ“, въ „Кіев. Старинѣ“ 1889 г. О ней же—въ настоящемъ томѣ №№ X, XXVII XLIX, CXXVII.

³⁾ О нихъ см. №№ CXX и CXXV.

не сдерживаемаго ни извнѣ — властью и закономъ, ни извнутри — твердыми нравственными принципами и сознаниемъ долга. Для примѣра укажемъ на біографію одной изъ такихъ энергичныхъ женщинъ — волынской землянки конца XVI в. Ганны Борзобогатой-Красенской, которая сумѣла подчинить своему вліянію и слабхарактернаго мужа, и престарѣлаго тестя — владыку, управляла самопроизвольно имѣніями и казною Луцкой епископіи, вела многочисленныя тяжбы, предпринимала безпрестанныя наѣзды на имѣнія сосѣдей, отказывалась исполнять законныя требованія властей, даже распоряженія самого короля, и когда однажды, по королевскому приказанію, поднято было противъ нея поголовное ополченіе цѣлаго воеводства, то эта неустрашимая женщина, одѣтая въ панцирь и предводительствуя гайдуками и артиллеріей, мужественно отразила ополчившихся дворянъ и нанесла имъ рѣшительное пораженіе ¹⁾. Такихъ воипственныхъ дамъ было очень много въ XVI—XVII вв., и мы, минуя другихъ, назовемъ лишь еще одну — волынскую княгиню Софью Ружинскую, которая въ 1608 г., лично предводительствуя отрядомъ въ 6000 человекъ пѣхоты и конницы, съ развѣвающимися знаменами и военною музыкою, приступомъ взяла замокъ князей Юрецкихъ въ м. Черемошнѣ, сожгла его и разграбила мѣстечко ²⁾. Конечно, своеволіе въ такихъ размѣрахъ могли позволять себѣ лишь магнатки; шляхтянки средняго состоянія и положенія могли вести, такъ сказать, малую войну съ сосѣдями, да еще любили предаваться сутяжничеству. Этой страсти — вести судебные процессы — вообще предавалась до излишества тогдашняя шляхта, и женщины не уступали въ ней мужьямъ и братьямъ. Бывали между ними такіе завзятые юристы, которые только и дѣлали, что ѣздили по судамъ и трибуналамъ, знали хорошо статутъ и др. законы, постигали всѣ тонкости судебной казуистики и лично, а

¹⁾ См. о ней въ историч. разказахъ д-ра Антонія J: Niewiasty kresowe. Варшава, 1833.

²⁾ Архивъ Юго-зап. Россіи, часть VI, т. 1, № CVII.

не через повѣренныхъ, выступали въ сложныхъ и трудныхъ процессахъ ¹⁾).

Столь широкая женская самодѣтельность и активная роль въ общественной жизни, строго говоря, не вполне согласовалась съ духомъ Лит. Статута, по смыслу котораго женщина считалась всю жизнь состоящею въ опеку: до замужества ея опекунами являлись родители или, за ихъ смертью, близкіе родственники, въ замужествѣ—мужъ, въ вдовствѣ—нарочитые опекуны. Но жизнь и тогда уже опередила это патріархальное возрѣніе на женщину, какъ на полуправное существо, и такъ же мало считалась съ нимъ, какъ и современная жизнь мало считается съ подобнымъ возрѣніемъ устарѣвшаго законодательства. Вообще же говоря, Лит. Статутъ весьма мало ограничивалъ гражданскую правоспособность женщины, въ полной мѣрѣ признавалъ за нею права имущественныя, право вступать въ обязательства и вообще всю сумму частныхъ правъ, и сугубо охранялъ ея жизнь, здоровье, честь и личную неприкосновенность ²⁾). Ниже мы подробнѣе коснемся этого предмета, когда будемъ говорить о положеніи замужней женщины и вдовы, а теперь лишь замѣтимъ, что даже дѣвушки, оставаясь еще въ родительскомъ домѣ, по достиженіи «дорослыхъ лѣтъ», т. е. гражданского совершеннолѣтія, уже пользовались широкою правоспособностью. Срокъ совершеннолѣтія еще въ Статутѣ 1529 г. былъ опредѣленъ для

¹⁾ Для образца вотъ маленькая бытовая сценка. Въ маѣ 1570 г. въ Луцкомъ городскомъ судѣ происходилъ разборъ дѣла по обвиненію князя Марка Сокольскаго въ сопротивленіи судебному декрету относительно отобранія отъ него имѣнія для передачи другому лицу. Среди судебныхъ преній выступила мать Марка, княгиня Олена Сокольская, и сказала: „Слышу, ижъ тутъ мовять, якобы я намовяла (подговаривала) сына. Ино я не намовяла, а коли и заброронила увезаня, то ми того вчинити волно водле Статуту, яко о томъ учить въ розделе четвертомъ, въ артыкуле тридцять первомъ“. Актов. кн. Киев. Центр. Архива, № 2044, л. 253.

²⁾ По Лит. Статуту „навязка“ за пораненіе женщины и „головщина“ за ея убійство взыскивалась „совито“ (вдвойнѣ), и это постановленіе касалось не однѣхъ шляхтянокъ, но и женщинъ „простого стану“.

мужчинъ въ 18 лѣтъ, для дѣвушекъ въ 15 лѣтъ¹⁾. Съ этого возраста дѣвушка не только становилась владѣтельницей наслѣдственного имущества въ случаѣ сиротства, но могла имѣть отдѣльную собственность и при жизни родителей, которую она приобретала путемъ раздѣла съ замужними сестрами или же получала въ даръ отъ родителей. Въ 1573 г. дочь землянина, «панна» Татьяна Бѣлостокская сдѣлала формальное заявленіе въ Луцкомъ градѣ: «што дей которые части въ йменію нашомъ отчизномъ Любитове поделили есмо з сестрою моею, панею Марьею Михайловою Микулинскою, а ижъ дей на сесь часъ отсель зъ Воляня с панею маткою моею до зятя моего пана Микулинского на Подолье отъежчамъ, тогда дей тые люди свои (крестьянъ) части моее Любитовское в опеку, в мощъ и в оборону даю зятю моему пану Михайлу Дрозденскому»²⁾. Изъ словъ заявительницы видно, что въ то время была еще жива ея мать, которой по закону принадлежало право опеки надъ незамужнею дочерью, но это какъ будто не ограничивало права «панны» распорядиться своею собственностью. Еще яснѣе звучитъ сознаніе такого права въ записи 1570 г. княжны Ганны Четвертенской объ условіяхъ ея имущественной сдѣлки съ невѣсткою, вдовою брата, княгинею Богданою Четвертенскою. Дѣйствуя также при жизни своей матери (съ ея вѣдома и согласія), княжна Ганна рѣзко подчеркиваетъ свои имущественныя права, заявляя, что «маючи лѣта зуполные и могучи именьемъ своимъ ку своему пожиточному шафювати», она такъ-то распредѣлила съ невѣсткой родовыя свои имѣнія³⁾. Въ обоихъ этихъ случаяхъ дѣвушки распоряжаются, имѣя въ живыхъ лишь матерей; по то же могло быть и при жизни обоихъ родителей, ибо въ то время нерѣдко случалось, что одинъ изъ родителей, при жизни другого, выдавалъ своей дочери въ на-

¹⁾ Разд. I, арт. 18. То же во 2-мъ Стат. разд. III, арт. 38. Въ 3-мъ Статутѣ срокъ совершеннолѣтія для дѣвушекъ пониженъ до 13-ти лѣтъ. Разд. VI, арт. 1.

²⁾ Актовая книга Кіев. Центр. Архива № 2047, л. 446.

³⁾ № LXII, стр. 217.

граду за «милость (любовь), зычливость и всякую поволюность, якъ доброй дѣяти належить», дарственную запись па имѣніе или денежныя суммы, съ правомъ немедленно вступить во владѣніе даромъ и распорядиться какъ полною собственностью¹⁾. Такимъ образомъ имущественныя права незамужней дѣвушки были почти тѣ же, что и права неженатыхъ мужчинъ. Лишь въ послѣдственномъ правѣ законъ полагалъ рѣзкое различіе между полами. Подобно всѣмъ кодексамъ древне-славянскаго (и германскаго) права, Лит. Статутъ въ принципѣ исключалъ дочерей отъ наслѣдства родовыми имѣніями при сыновьяхъ, что вытекало изъ древне-русскаго понятія о первоначальной семейной основѣ права наслѣдства и что вполне согласовалось съ требованіями феодальнаго строя Литовскаго государства, въ которомъ владѣніе земельною собственностью всегда было сопряжено съ обязанностью военной службы. Впрочемъ, исключеніе это не было безусловнымъ: материнскія имѣнія дочери и сыновья наслѣдовали въ равныхъ доляхъ, изъ отцовскихъ же дочери, сколько бы ихъ ни было, получали въ приданное деньгами и вещами на сумму, равную стоимости четвертой части этихъ имѣній; но если не было сыновей, дочери наслѣдовали и отцовскія имѣнія. Такъ было узаконено еще въ первомъ Статутѣ, и то же узаконеніе удержано въ послѣдующихъ его редакціяхъ и отсюда цѣликомъ перенесено въ нынѣ дѣйствующее русское законодательство въ видѣ мѣстныхъ законовъ для малороссійскихъ губерній (Черниг. и Полтавской).

Теперь посмотримъ, насколько южно-русская женщина была свободна въ выборѣ себѣ мужа и вообще при вступленіи въ бракъ.

¹⁾ Для образца можно указать на дарственную запись 1579 г. пана Василя Гулевича дочери своей паннѣ Ганнѣ на имѣніе с. Княгининъ—Луцкая гр. книга. № 2095, л. 466, и на такую же запись 1564 г. княгини Варвары Збаражской дочери своей паннѣ Катеринѣ на денежную сумму—Луцкая замковая книга № 2038, л. 282 и 283 обор.—Бывали случаи, что отецъ одарялъ такимъ образомъ совѣтъ малолѣтнюю, даже новорожденную дочь; см., напр. № X настоящаго тома.

Было время, когда древне-русскіе, а по ихъ примѣру и литовскіе князья активно устраивали браки своихъ подданныхъ, сочетавая ихъ по своей волѣ и усмотрѣнію; но уже Сигизмундъ I рѣшительно отрекся за себя и за своихъ преемниковъ отъ этого патріархальнаго права и внесъ въ Лит. Статутъ 1529 г. торжественное обѣщаніе: вдовъ и дѣвушекъ не выдавать замужъ противъ ихъ воли, «пижли кождой зъ нихъ, за кого хотя, за того волно пойти»¹⁾. Этимъ былъ установленъ въ литовско-русскомъ правѣ принципъ свободнаго произволенія женщины (какъ и мужчины) при вступленіи въ бракъ, какъ того требовало и древне-русское каноническое право. Правда, въ томъ же Статутѣ заключалось постановленіе, что дѣвушка, вышедшая замужъ «безъ воли отцовской и матчиной», а сирота—безъ воли родственниковъ-опекуновъ, лишалась права на полученіе приданаго и теряла наслѣдственныя имѣнія²⁾; но то же самое грозило ей и въ томъ случаѣ, когда она, будучи шляхтянкой, выходила замужъ за человѣка «простога стану»³⁾, прямого же запрещенія вступать въ бракъ ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не было, и законность такихъ браковъ, если они совершались, не подвергалась сомнѣнію. Мало того, законъ такъ далеко шелъ въ огражденіи свободнаго произволенія невѣсты, что предусматривалъ случаи, когда ея опекуны, или даже кто-либо изъ ея родителей, по корыстнымъ побужденіямъ, желая продлить управленіе имѣніями невѣсты, стали бы препятствовать ей вступить въ бракъ съ избраннымъ ею лицомъ; въ такомъ случаѣ дѣвушка могла заявить о такомъ препятствіи городскому суду и отъ него получить

¹⁾ Разд. IV, арт. 18. Это постановленіе, первоначально касавшееся лишь женщинъ высшихъ классовъ, въ послѣдующихъ редакціяхъ Статута было распространено и на лицъ „всякаго иного стану“. 2-й Ст. разд. III, арт. 31, 3-й Ст. разд. III, арт. 39. Въ уставныхъ земскихъ грамотахъ, данныхъ Витебской землѣ въ 1503 г., Смоленской въ 1505 и Полоцкой въ 1511 г. встрѣчается такое же королевское обязательство, но оно касается лишь вдовъ, владѣющихъ вотчинами умершихъ мужей.

²⁾ 1-й Ст. разд. IV, арт. 11 и 12, 2-й Ст. разд. V, арт. 7 и 8; 3-й Ст. разд. V, арт. 8 и 9.

³⁾ 2-й Ст. разд. V, арт. 11, 3-й Ст. разд. V, арт. 12.

дозволеніе на замужество, не считаясь съ волею опекуновъ и не подвергаясь уже никакимъ имущественнымъ ограниченіямъ ¹⁾). Слѣдовательно, по смыслу литовско-русскаго законодательства, добрая воля и непринужденное согласіе невѣсты (какъ и жениха) признавались существеннымъ условіемъ при заключеніи браковъ. Таковъ же былъ взглядъ на это и тогдашняго общества. Въ предбрачныхъ, вѣнчальныхъ, дарственныхъ и др. записяхъ, какія женихъ и невѣста (или повобрачные мужъ и жена) выдавали другъ другу, первый обыкновенно писалъ: «Я N чиню вѣдомо, ижъ з воли, ласки Божое и зъ дару Духа святого, за позволенемъ (или «за порадою») пана отца моего и пани матки и радою кривныхъ и приятелей, съ хути и милости моее (или «съ правое любве и приуподобани моего»), понялъ есми за себе въ стальъ святыи малженский панну N» ²⁾). Жена въ такихъ записяхъ тоже упоминала, что вышла замужъ «за позволенъемъ» родителей, «съ порады и зъ вѣдомостю» родственниковъ «и за властнымъ позволенъемъ моимъ» ³⁾). Бывало и такъ, что родственники—опекуны, а иногда и сами родители невѣсты, прежде ея свадьбы, требовали, чтобы она формально, передъ судомъ, заявила о своемъ непринужденномъ согласіи на вступленіе въ бракъ съ известнымъ лицомъ. Такъ въ 1564 г. волынскій землянинъ Монтовтъ, явившись въ Луцкій замокъ, заявилъ, что онъ сговорилъ дочь свою Ганну за князя Василя Солтановича Сокольскаго, и при этомъ потребовалъ, чтобы послѣдняя въ присутствіи суда подтвердила, что сама выбрала себѣ въ мужа названное лицо. И «стоячи передъ урядомъ», невѣста заявила: «я никгда (никогда) ни за кого въ малженство пойти не пошлюбовала а ни ся ни за кого не отдавала, одпо жъ теуерь то собѣ вмыслила и позволяю съ правого умыслу

¹⁾ Въ 1-мъ и во 2-мъ Статутахъ это постановленіе имѣло въ виду лишь злоупотребленіе опекуновъ, но 3-мъ Статутомъ (разд. V, арт. 8) оно распространено и на родителей.

²⁾ См. напр. NN XII, стр. 27, XVI, стр. 39, LVI, стр. 200, LXXIV, стр. 272 и мн. др.

³⁾ Для примѣра—№ LXXVII, стр. 251.

сердца моего мети собѣ за малжонка его милость князя Василя Солтановича Сокольскаго, съ которымъ и животь свой хочу доконати»¹⁾. Такъ же поступилъ въ 1572 г. волынскій землянинъ Рогозенскій, выдавая замужъ падчерицу Варвару Угриновскую. Онъ явился въ градскій судъ вмѣстѣ съ женою, матерью невѣсты, и оба они заявили: «я Дмитръ Рогозенскій пасербицу свою, а я Орина Болбасовна дочку свою панну Барбару, за радюю приятелей своихъ и тежъ за хутю и позволенемъ ее самое, за чловека доброго, почтивого шляхтича, пана Яна Ворону, въ малженство отдати хочемъ». Здѣсь же находились и женихъ съ невѣстою и «добровольне признали тыми словами: «я Янъ Ворона панну Барбару Угриновского за себе в малженство взяти, а я Барбара за пана Яна Ворону въ малжонство пойти хочу, хуть и волю маю». И просили всѣ, «абы то было записано» въ градскія книги, что и было слѣлано²⁾. Нужно замѣтить, что подобныя заявленія, нерѣдкія во 2-й половинѣ XVI ст., уже не встрѣчаются въ XVII в., что можно объяснить лишь тѣмъ, что принципъ свободнаго произволенія обоихъ брачующихся настолько окрѣпъ въ общественномъ сознаніи и въ практикѣ, что не было уже и надобности формально передъ судомъ заявлять о томъ, что получило общее признаніе.

Въ странномъ противорѣчій съ этимъ принципомъ находился обычай, исчезнувшій въ концѣ XVI ст., но еще изрѣдка практиковавшійся въ половинѣ и даже въ третьей четверти этого вѣка: разумѣемъ—сговоръ малолѣтнихъ, когда родители сосватывали своихъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей и заключали между собою на этотъ предметъ формальные договоры, въ которыхъ за нѣсколько лѣтъ впередъ обозначался срокъ свадьбы, выговаривалось приданое невѣсты и вѣно со стороны жениха и договоръ обезпечивался круп-

¹⁾ № XXVII, стр. 81. Такое же заявленіе той же Ганны Монтовтъ при послѣдующемъ бракѣ, № XLIX, стр. 179.

²⁾ № LXVIII, стр. 254. См. подобное же заявленіе невѣсты Ганны Осекровской (въ 1574 г.), ея матери и дядей—опекуновъ № LXXX, стр. 288.

ными неустойками на случай его нарушенія одною изъ сторонъ ¹⁾. По нашему мнѣнію, это былъ пережитокъ предшествовавшихъ вѣковъ, когда браки на Руси совершались въ столь малолѣтнемъ возрастѣ (м. 11 лѣтъ, дѣв. 10), что не могло быть и рѣчи о свободномъ произволеніи брачующихся, и активными сторонами въ предбрачномъ сговорѣ естественно являлись не женихъ и невѣста, а ихъ родители или опекуны ²⁾. Позже, когда возрастъ для брака былъ повышенъ, сговоръ малолѣтнихъ продолжалъ практиковаться и даже въ иныхъ случаяхъ сопровождался церковнымъ вѣнчаньемъ сговоренныхъ, устанавливавшимъ между ними и ихъ семьями формальное родство со всѣми юридическими его послѣдствіями. Такъ, когда панъ Мартинъ Хребтовичъ, въ самомъ началѣ XVI в., сосваталъ и «заручилъ» своего малолѣтняго сына съ такою же дочерью умершаго п. Сенка Олизаровича, то король Александръ I призналъ, что «иному никому не придетъ имени (имѣніями) пани Сенковое Олизаровича опекается, только нану Мартину», и разрѣшилъ послѣднему, до возраста и вступленія въ бракъ его сына, взять въ опеку имѣнія Олизаровича, устранивъ вдову его отъ права распоряжаться ими; а когда возникъ споръ по этому дѣлу, то король Сигизмундъ I въ 1507 г. не только подтвердилъ рѣшеніе своего предшественника, но дозволилъ также п. Мартину поселить въ своемъ домѣ и сговоренную невѣсту его сына, а матери ея, вдовѣ, приказалъ жить особо, гдѣ укажетъ п. Мартинъ ³⁾. То же мы видимъ и въ процессѣ волыпскаго землянина Януша Угриновскаго (1563 г.), только въ обратномъ порядкѣ: сговоренный женихъ, потерявъ отца и не имѣя чѣмъ платить его долги, самъ отдаетъ себя и свое имѣніе въ опеку на-

¹⁾ Образцы такихъ договоровъ см. №№ XX и LXXI.

²⁾ См., напримѣръ, подобный договоръ 1471 г. въ Приложеніи, № CLVI.

³⁾ № IV, стр. 5. Изъ другого декрета кор. Сигизмунда I по тому же дѣлу (23 іюля, 1507 г.) видно, что малолѣтняя дочь Сенка Олизаровича была не только „заручона“, но и „вѣнчана за п. Богдана Хребтовича“, но до совершеннолѣтія была помѣщена не въ домѣ жениха, а въ семьѣ своей тетки съ отцовской стороны. Русская Истор. Библіотека, т. XX, Лит. Метрика, т. I, стр. 512.

речепному тестю до совершеннолѣтія невѣсты¹⁾. Пока подобныя сговоры сопровождались церковнымъ обрученіемъ и даже вѣнчаніемъ, въ случаѣ ихъ нарушенія дѣло поступало въ духовный судъ, который сторону, устоявшую въ договорѣ, нерѣдко «вызволялъ» отъ обязательствъ, данныхъ при сговорѣ, а съ виновной стороны присуждалъ «заруку», т. е. неустойку²⁾. Во 2-й половинѣ XVI ст. мы уже не видимъ вѣнчанья малолѣтнихъ, и вся крѣпость подобныхъ сговоровъ единственно обуславливалась крупными неустойками, уплата которыхъ очевидно освобождала отъ необходимости совершать бракъ. Мало того, подъ вліяніемъ новыхъ, болѣе раціональныхъ понятій о нравѣ личности, стали возникать сомнѣнія: насколько обязательнъ сговоръ для жениха и невѣсты, активно въ немъ не участвовавшихъ? Когда князь Александръ Чорторыйскій, сговорившій свою малолѣтнюю дочь за такого же сына князя Александра Сангушка-Коширскаго, требовалъ въ 1565 г. исполненія договора или уплаты неустойки, то послѣдній отвѣтилъ: «еще рокъ весело (срокъ свадьбѣ) не пришло, нехай князь Чорторыйскій року назначоного въ листехъ нашихъ ждеть, а мешковъ на заклады (неустойки) нехай не шить; одно жъ если я умру або князь Чорторыйскій, то ся все ни во што обернетъ, бо сынъ мой ему ся не записовалъ и печатей къ тому запису не прикладалъ: сынъ мой од того воленъ»³⁾; другими словами: князь Сангушко, признавая договоръ обязательнымъ лично для себя, считалъ его вовсе не обязательнымъ для своего сына, который по малолѣтству не принималъ въ сговорѣ никакого участія. По мѣрѣ усвоенія обществомъ подобной точки зрѣнія на данный предметъ, обычай сговора малолѣтнихъ долженъ былъ прекратить свое существованіе, какъ пережитокъ старины. Не могъ онъ найти для себя поддержки и въ дѣйствовавшемъ законодательствѣ, требовавшемъ, какъ мы видѣли, свободаго произволенія брачующихся.

¹⁾ № XXI, стр. 51—62.

²⁾ № VI, стр. 8.

³⁾ Приложение, дополненіе къ акту № XX, стр. 635—636.

Когда возникали споры по поводу такихъ сговоровъ, то заинтересованная сторона, минуя мѣстные суды, обыкновенно обращалась прямо къ королю и просила его побудить противную сторону къ уплатѣ неустойки. Короля нетрудно было склонить къ удовлетворенію такой просьбы, такъ какъ онъ и самъ былъ въ ней заинтересованъ: дѣло въ томъ, что стороны, договаривавшіяся о сговорѣ своихъ малолѣтнихъ дѣтей, въ видахъ большей крѣпости договора, всегда включали въ него такое условіе, что сторона, отказывающаяся отъ совершенія брака, обязывалась заплатить крупную «заруку» не только сторонѣ, устоявшей въ договорѣ, но также и «господару королю его милости»¹⁾; поэтому король, не столько въ качествѣ верховнаго блюстителя закона, сколько въ роли какъ бы посредника въ частномъ договорѣ, охотно выдавалъ просителю «напоминальнѣй листъ» для предъявленія отвѣтчику съ приказаніемъ, послѣднему исполнить договоръ или платить неустойку. Но такія «напоминанія» обыкновенно ни къ чему не приеодили, и послѣ долготѣхъ препирательствъ, а нерѣдко и кровопролитныхъ усобицъ, воюющія стороны заключали миръ, а ихъ дѣти вступали въ бракъ съ кѣмъ хотѣли²⁾.

Такъ самъ собою, по закону естественной эволюціи, исчезъ въ концѣ XVI ст. архаическій обычай, явно противный духу времени. Любопытно, что всего дольше онъ удержался въ знатныхъ южнорусскихъ домахъ, именно въ княжескихъ семьяхъ, такъ какъ подобныя сговоры чаще всего заключались по соображеніямъ родовымъ, фамильнымъ: «примуючи промежку себе вѣчное přátельство»³⁾. Послѣдній по времени такой сговоръ, сколько намъ извѣстно, былъ совершенъ въ 1576 г. между волынскимъ воеводой княземъ Богушемъ Корецкимъ и виленскимъ каштеляномъ Яномъ.

¹⁾ См. №№ XX, стр. 48, XXI, стр. 58, XL, стр. 124, и LXXXI, стр. 292.

²⁾ См. образецъ такой распри между князьями Сангушкомъ и Чарторыйскимъ въ 1563—1565 гг. № XX и къ нему дополненіе стр. 634—637.

³⁾ № XX, стр. 49.

Ходкевичемъ относительно женитьбы сына перваго князя Якима на дочери послѣдняго Ганиѣ, въ послѣдствіи пріобрѣтшей извѣстность тѣмъ, что она нѣсколько разъ мѣняла религію. Такъ какъ во время сговора «обѣдѣ парсуны (женихъ и невѣста) зуполныхъ лѣтъ» далеко еще не достигли, то срокъ свадьбѣ былъ назначенъ черезъ шесть лѣтъ. Договоръ скрѣпленъ «зарукой»: «на господаря короля его милость» 15,000 копъ грошей литовскихъ и противной сторонѣ столько же, и подписанъ не только родителями сговоренныхъ, но и малолѣтнимъ женихомъ, очевидно уже грамотнымъ въ то время ¹⁾). Можеть быть, отчасти поэтому договоръ этотъ, едва ли не въ видѣ единственнаго исключенія, не возбудилъ въ послѣдствіи никакихъ споровъ и былъ съ точностью приведенъ въ исполненіе.

Если сговоръ малолѣтнихъ, совершаемый ихъ родителями, являлся уже въ XVI в. анахронизмомъ, то когда такой сговоръ устраивали опекуны—это было уже формальнымъ злоупотребленіемъ, источникъ котораго крылся въ извѣстной особенности опеки по Лит. Статуту, состоявшей въ томъ, что опекунъ не только управлялъ, но и владѣлъ опекаемымъ имуществомъ, и такая опека продолжалась не до совершеннолѣтія дѣвушки, а до выхода ея въ замужество. Это и было причиною того, что недобросовѣстные опекуны заранѣе искали для опекаемой дѣвушки такого жениха, который готовъ былъ войти съ ними въ миролюбивое соглашеніе относительно отчета по опекѣ, причемъ нерѣдко сосзатывали даже малолѣтнихъ, а если невѣста противилась ихъ планамъ и хотѣла выйти за другого, то они просто не давали согласія на ея бракъ съ цѣлью продлить срокъ опеки. Вотъ одинъ изъ характернѣйшихъ случаевъ такого рода, въ которомъ между прочимъ ярко выразилось отношеніе лучшихъ представителей общества къ подобнымъ злоупотребленіямъ.

Луцкій замковый судья Василій Михайловичъ Семашко, умрѣя (въ 1561 г.), поручилъ дѣтей и имѣніе въ опеку женѣ и сверхъ

¹⁾ № LXXXI, стр. 290.

того назначилъ особыхъ опекуновъ. Спустя нѣсколько лѣтъ сыновья его всѣ умерли и осталась лишь дочь Богдана. Тѣмъ временемъ вдова Семашка вышла замужъ за п. Ивана Чаплича и хотя удержала при себѣ малолѣтнюю дочь, но ея отцовскія имѣнія должна была передать въ опеку ближайшему родственнику умершаго мужа, двоюродному брату Богданы, владимирскому подкоморію Александру Семашку, формально при этомъ обязавшемуся въ день выхода замужъ Богданы возвратитъ ей въ цѣлости эти имѣнія и сдать отчетъ въ управленіи ими. Семашко былъ жадный, жестокой и своевольный человѣкъ и потому заранѣе сталъ придумывать способъ, какъ бы ему уклониться отъ исполненія этого обязательства. Онъ началъ съ того, что въ 1566 г. заключилъ съ мельницкимъ старостою Григоріемъ Воловичемъ формальное условіе относительно выдачи малолѣтней Богданы въ замужество за сына Воловича, въ то время тоже малолѣтняго, съ отсрочкой свадьбы до 1571 г. и съ обязательствомъ возвратитъ ей въ день брака ея отцовскія имѣнія, по уже безъ представленія отчета. Мать Богданы считала себя въ правѣ игнорировать этотъ сговоръ, заключенный безъ ея воли и участія, и когда дочери ея исполнилось 15 лѣтъ, то опа, «за власнымъ позволеньемъ» самой невѣсты и съ согласія назначенныхъ отцомъ ея опекуновъ, сговорила ее въ замужество за князя Януша Четвертынскаго и послала Ал. Семашку приглашеніе пожаловать на свадьбу. Но Семашко успѣлъ съѣздитъ въ Варшаву и привезъ королевскій листъ съ запрещеніемъ Ивану Чапличу и его жепѣ выдавать Богдану Семашковну за князя Четвертынскаго, такъ какъ-де опекувъ ея Ал. Семашко раньше еще сговорилъ ее за своего шурина п. Воловича. Пришлось Чапличамъ отложить свадьбу и вступить въ переговоры съ Семашкомъ. Послѣдній не прочь былъ пойти на уступки, но откровенно требовалъ, «абы онъ зъ личбы былъ воленъ», т. е. освобожденъ отъ представленія отчета по опекѣ, на что другая сторона не хотѣла согласиться, а Семашко грозилъ, что если Богдана вступить въ бракъ противъ его воли, то, согласно Статуту¹⁾,

¹⁾ Статутъ 1566 г., разд. 5, арт. 7.

потеряетъ право на отцовскія имѣнія и они перейдутъ ближайшимъ родственникамъ, т. е. достанутся ему же самому. Чтобы положить коонецъ этимъ домогательствамъ, Ив. Чапличъ обратился къ суду. Видимо, это дѣло и по предмету спора, и по личности участниковъ, представляло живѣйшій интересъ, и потому въ засѣданіе луцкаго городскаго суда прибыли почетнѣйшіе обыватели Волинскаго воеводства, которыхъ предсѣдатель суда, староста князь Богущъ Корецкій, пригласилъ принять участіе въ обсужденіи самого дѣла. Жалобщицами явились—Богдана Семашковна и ея мать, жена Чаплича, которому онѣ поручили защиту своихъ интересовъ. Такъ какъ Семашко противился браку своей двоюродной сестры съ княземъ Четвертынскимъ на томъ основаніи, что раньше сговорилъ ее за сына Воловича, то возраженія Чаплича и были направлены къ тому, чтобы доказать юридическую ничтожность этого сговора, какъ заключеннаго безъ вѣдома и участія матери, а главное—безъ воли и согласія самой невѣсты. Если (говорилъ защитникъ) «его королевская милость нашъ милостивый государь и самъ николи дивок и вдов ни за кого безъ воленя ихъ влостного не отдаеть и Статутомъ то обваровати рачил, тогда поготову (тѣмъ болѣе) и панъ Семашко жадное змовы заочное о сестру свою безъ позволеня панны чинити не мог, бо панна Богдана сына пана Григоря Воловича николи не видела и онѣ ея». Что же касается ссылки Семашко на 7-й артикулъ 5-го разд. Статута, запрещающій дѣвушкамъ выходить замужъ «безъ воли братьевъ и стрывевъ» (дядей), то, во-первыхъ, это постановленіе закона касается лишь круглыхъ сиротъ, а у панны Богданы жива мать; во-вторыхъ—оно имѣеть въ виду невѣсты, которыя «це водли боязни Божой за неровныхъ собѣ ку зелженю дому своего» идутъ замужъ, а панна Богдана «зъ боязни Божой, зъ волею родительки своей» и съ согласія назначенныхъ ея отцомъ опекуновъ «за собѣ ровного, зацного, родового человека в малженство ест змовена и сама доброволне позволила, и тымъ дому своего панпий не полжила» (нимало не опорочила); поэтому Чапличъ просилъ судъ, согласно артикулу, «который на лакобую братю и

стрыевъ в Статутѣ есть описанъ»¹⁾, дать ей предписанное закономъ урядовое дозволеніе на бракъ съ княземъ Четвертынскимъ.

Послѣ рѣчи повѣреннаго говорила мать невѣсты; она «со слезами просила ихъ милостей пановъ радъ»—знатныхъ лицъ, присутствовавшихъ въ судѣ, побудить Семашку не препятствовать ея дочери вступить въ бракъ съ избраннымъ ею лицомъ, «бо дей панъ Семашко, улакомившися на имѣня девки моеи, ей в томъ переказу чинить, што ему Богъ мстити будетъ». Дошла очередь и до самой Богданы; она подтвердила все, что сказалъ передъ судомъ отъ ея имени вотчимъ, и съ своей стороны заявила: «я сама добровольно, з волею вашей милости, княже старосто, опекуна своего²⁾, и пани матки своее, за князя Януша, маючи лета заплные, позволила и теперъ позволяю».

Отвѣтчикъ Александръ Семашко съ своей стороны представилъ лишь такое объясненіе: «Я для того ей за князя Януша ити не позволяю, же не толко я, але и стрый мой (отець Богданы) еще з отцемъ моимъ за пана Воловича панну Богдану змовиль, а ей тепер нет болшей, только одиннадцать летъ»; но противъ этого мать Богданы съ горячностью возразила: «Отець твой умеръ, а моя дочка еще не родилася; тут, ваша милость, обачте справедливость его! А о лета, тогда я лепей вѣдома, же есть девце моеи шостыйнацать годъ». Тутъ всѣ знатныя лица, присутствовавшія въ судѣ, видя, что «панъ Семашко жадное причины слушное не далъ», а «взрость паннинъ оказовалъ, же вже лета маеть, и сама matka лета ей признала», стали «упоминать» (уговаривать) Семашку, чтобы онъ добровольно, не ожидая судебного постановленія и не навлекая на себя подозрѣнія, что дѣйствуетъ по корыстнымъ побужденіямъ, не чинилъ препятствій браку своей сестры съ княземъ Четвертынскимъ, но упорный Семашко «того упоминанна не услухалъ». Тогда тѣ же

¹⁾ Рѣчь идетъ о 8-мъ артикулѣ 5-го раздѣла Статута 1566 г.

²⁾ Князь Богущъ Корецкій былъ однимъ изъ опекуновъ, назначенныхъ умершимъ отцомъ Богданы.

«панове рада и панове маршалки, врядники и все рыцарство» въ одинъ голосъ стали совѣтовать старостѣ князю Корецкому, чтобы онъ «той почтливой паннѣ, которая слушне въ томъ з волею опекуна и матки своее поступаетъ, за князя Януша, в зацности и шляхетствѣ еи ровного, водле Статута пойти въ малженство позволилъ». Князь Корецкій, рапыше въ качествѣ опекуна давшій уже такое позволеніе, счель нужнымъ вторично спросить Богдану: вѣрно ли, что она «зъ доброй воли, а не за намовою чиею, князю Япушу Четвертенскому въ малженство быти хочеть» и на то позволенія просить? на что она отвѣтила: «Я сама доброволне, за радюю матки моея, князю Янушу малжонкою быти шлюбила (обѣщала) и тепер быти хочу и прошу, абы ми ваша милость позволить рачиль». Послѣ этого староста велѣлъ прочестъ въ слухъ 8-й арт. 5-го разд. Статута и объявилъ постановленіе, что, согласно этому закону, онъ даетъ урядовое дозволеніе паннѣ Богданѣ вступить въ бракъ съ избраннымъ ею женихомъ¹⁾.

Въ этомъ процессѣ достойна вниманія одна подробность: судъ совершенно игнорируетъ сговоръ Богданы съ сыномъ Воловича, совершешный Семашкомъ по всей формѣ, съ выдачей обоюдныхъ обязательствъ съ крупными неустойками и «зарукой» въ пользу короля, и самъ Семашко на судѣ какъ бы теряетъ увѣренность въ своемъ правѣ совершенія этого сговора и прячется за авторитетъ отца невѣсты, который будто бы еще при жизни сговорилъ ее за того же Воловича. Очевидно, подобный актъ, грубо нарушавшій личныя права опекаемой дѣвушки, по суду тогдашняго общества,

¹⁾ № XL, стр. 122—133. Такое же дозволеніе дано было гродскимъ урядомъ въ 1584 г. княжнѣ Ганнѣ Збаражской-Воронецкой, жаловавшейся, что ея братья-опекуны препятствуютъ ей выйти замужъ за „человѣка зацного, шляхтича почтивога“. № СП, стр. 415. Въ подобныхъ случаяхъ урядъ справлялся лишь о томъ: имѣеть ли невѣста „зуполныи лѣта“, дѣйствуетъ ли по свободному произволению и выходитъ ли за человѣка „собѣ ровного“, и если все эти условія оказывались на лицо, то въ выдачѣ разрѣшенія не было отказа.

представлялся явнымъ беззаконіемъ. Выбирая себѣ мужа, дѣвушка была обязана въ извѣстной мѣрѣ считаться съ волею родителей или опекуновъ, чтобы легкомысленнымъ выборомъ не причинить безчестья своему роду, но никто не имѣлъ права навязывать ей въ мужа кого-либо противъ ся воли и желанія.

Выше было упомянуто, что въ вѣнчанныхъ и дарственныхъ записяхъ новобрачный мужъ обыкновенно заявлялъ, что взялъ себѣ жену «съ правое любве и приунодобапя своего», или же: «дознавши ее до себе в папенствѣ (во время дѣвчества) прихилпую и вмиловавши (полюбивъ) ее» ¹⁾, а часто и такъ: «зѣ воли Божеи а любости нашей сполной» (взаимной любви) ²⁾. Чтобы зародилась между молодыми эта «правая любовь» и «любость сполная», они должны были предварительно хорошо узнать другъ друга. Такъ и бывало на дѣлѣ. Обычай позволялъ, чтобы молодой человѣкъ свободно посѣщалъ домъ, гдѣ намѣтилъ себѣ панну по сердцу, и «учтиво старался о еи хуть и милость» (любовь). Въ одной вѣнчанной записи 1624 г. новобрачный заявляетъ, что взялъ себѣ жену «за волею Божею и за учтивымъ стараннемъ моимъ» ³⁾. Въ чемъ именно выражалось это «старанье» — можно отчасти видѣть изъ другого акта, заключающаго въ себѣ жалобу отвергнутаго жениха, что онъ, «стараячися собѣ о приятеля до стану святого малженского, немалый кошть и утрату поднялъ, упоминки (подарки) паннѣ даючи и отсылаючи» ⁴⁾. Это «учтивное старанье» нерѣдко принимало формы

¹⁾ Для примѣра см. №№ XVI, стр. 39, и LXI, стр. 213.

²⁾ Вѣнчанная запись волынского землянина Гермогена Яскевича-Ясеницкаго 1567 г.—актовая книга Кіев. Центр. Архива № 2094, л. 16 обор. и такая же запись вол. землянина Андрея Хмары 1580 г.—актовая книга № 2047, л. 385.

³⁾ Актовая книга Кіев. Центр. Архива № 2823, л. 162.

⁴⁾ № CXIII, стр. 453. Такая же жалоба жениха, тратившагося на подарки невѣстѣ и ея роднымъ, № XLIV, стр. 146. Бывало, что и невѣста дѣлала подарки жениху. № IX, стр. 14—16.

изысканнаго ухаживанья за дамой сердца по все́мъ правиламъ рыцарской *galanterie*. Изъ одного судебного дѣла конца XVI ст. мы узнаемъ такую подробность: луцкій мѣщанинъ, желая доказать любимой женщиной силу своей страсти и тронуть ея сердце, однажды на ея глазахъ бросился съ моста въ р. Стырь во время весенняго разлива, а въ другой разъ «за здоровье ея» топоромъ отрубилъ себѣ палець на лѣвой рукѣ¹⁾. Если въ мѣщанской средѣ любовная эксцентричность достигала иногда такихъ предѣловъ, то тѣмъ чаще могла она встрѣчаться у дворянъ, посѣщавшихъ чужія страны и усвоившихъ рыцарскіе обычаи.

Заручившись согласіемъ невѣсты и ея родителей, женихъ въ условленное время (обыкновенно въ воскресный день) пріѣзжалъ въ ихъ домъ вмѣстѣ съ своимъ отцомъ и родственниками, а родители невѣсты въ свою очередь созывали родню и пріятелей, и на этомъ семейномъ совѣтѣ совершались такъ называемыя «змовины» или сговоръ. Обычными предметами сговора были: срокъ свадьбы, приданое невѣсты и вѣно со стороны жениха; если женихъ и невѣста принадлежали къ различнымъ христіанскимъ исповѣданіямъ, то при «змовинахъ» сверхъ того договаривались и о томъ, въ чью вѣру, отцовскую или материнскую, должны быть окрещены дѣти²⁾. Результаты сговора обыкновенно оформлялись письменными договорными обязательствами, въ которыхъ контрагентами являлись: съ одной стороны женихъ, а съ другой—отецъ невѣсты, а когда его не было въ живыхъ, то мать ея и братья или опекуны. Такія обязательства именовались «змовными листами», а въ XVII ст. ихъ звали «шлюбными иптерцызами». Въ нихъ стороны главнымъ образомъ условливались, что одинъ изъ контрагентовъ долженъ выдать дочь (или сестру), а другой долженъ на ней жениться въ назначенный день, а кто не исполнитъ своего обязательства, тотъ долженъ заплатить другому условленную денежную «заруку» или не-

¹⁾ № СХVІІІ, стр. 474.

²⁾ Упомянутое объ этомъ см. № X, стр. 19 и 20

устойку ¹⁾. «Змовные листы», или интерцезы, скрѣплялись подписями и печатями самих контрагентовъ и присутствовавшихъ при сговорѣ свидѣтелей и нерѣдко, для большей прочности договора, предъявлялись затѣмъ въ судъ и вносились въ актовыя книги ²⁾.

Обыкновенно разомъ съ «змовинами» совершались и «заручины». Подъ этимъ именемъ нужно разумѣть не церковный обрядъ обрученія, о которомъ рѣчь будетъ ниже, а особое символическое дѣйствіе, посредствомъ котораго выражалась воля на бракъ какъ самими брачущимися, такъ и ихъ родителями, и вмѣстѣ съ тѣмъ— передача послѣдними своей власти надъ невѣстой ея будущему мужу. Къ сожалѣнію, наши документы не даютъ полного описанія обряда «заручинъ», и лишь по нѣкоторымъ отрывочнымъ указаніямъ можно возстановить приблизительную форму совершенія этого несомнѣнно древняго народнаго обычая. Въ одномъ документѣ 1616 г. женихъ упоминаетъ, что его нареченная теща, вдова, «змовивши» за него дочь свою, «руки даньемъ оную обручила» ³⁾. Для выясненія этого неопредѣленнаго выраженія слѣдуетъ его сопоставить съ указаніемъ другого документа (1649 г.), въ которомъ упоминается, что сговоренные женихъ и невѣста «руки и перстени, же (что) одне другому слова дотримати мѣло, при людехъ зацныхъ, на тотъ часъ будущихъ, дали» ⁴⁾. А вотъ болѣе подробная «реляція» вознаго, посланнаго въ 1585 г. луцкимъ старостою въ домъ вдовы землянки Ганны Хребтовичевой для присутствія при заручинахъ ея дочери Настасьи съ п. Стапиславомъ Кавезскимъ. Тамъ были собраны родственники и пріятели семьи невѣсты, въ присутствіи которыхъ Кавезскій, очевидно исполняя обрядъ, троекратно опрашивалъ свою нареченную: «если хочешь, папно Настасе, за мене?». «Папна мовчала», но видно по всему, что ея молчаніе было лишь

¹⁾ Иногда такая «зарука» назначалась и въ пользу короля, какъ то бывало при сговорѣ малолѣтнихъ; см. №№ LX, LXIV и LXVII.

²⁾ Образцы «змовныхъ листовъ» см. №№ XXVI, XXXII, LVIII и CXLIH.

³⁾ № СХХХІІІ, стр. 535.

⁴⁾ № CL, стр. 614.

слѣдствіемъ дѣвичьяго смущенія, а вовсе не выраженіемъ несогласія на бракъ. Тогда мать обратилась къ старшему сыну, луцкому подстаростѣ Ивану Хребтовичу, съ просьбой, чтобы онъ, какъ старшій братъ и представитель семьи, «помогъ ей» исполнить обрядъ— «дѣвку пану Кавезскому до рукъ дать за жону». И тогда п. Иванъ Хребтовичъ вмѣстѣ съ матерью, «взявъ панну Настасю за руки. пану Кавезскому дали», за что послѣдній ихъ «подяковаль». И вслѣдъ за тѣмъ «просила панна Настася пана Кавезского, ижбы пустиль до приятелей (родственниковъ), до его милости пана Адама Боговитина; якожь пустиль панну на побыванье»¹⁾. Отмѣтимъ послѣднюю подробность: только что зарученная невѣста просить у жениха дозволенія на такое маловажное дѣло, какъ посѣщеніе родственниковъ. Очевидно, обрядъ передачи невѣсты жениху знаменовалъ собою передачу ему той власти или опеки надъ нею, какая до того времени принадлежала родителямъ.

Иногда одновременно съ «змовинами» и «заручинами» было совершаемо и обрученіе молодыхъ по церковному обряду. Въ нашихъ актахъ имѣется, впрочемъ, единственное указаніе на такой случай, что церковное обрученіе было совершено одновременно съ сговоромъ, а вѣнчанье отложено на годъ и два мѣсяца до совершенія свадьбы: въ «змовномъ» листѣ 1565 г. кievскій землянинъ Іосифъ Немиричъ писалъ, что «змовилъ за пана Лазора Иванич-

¹⁾ № CVI, стр. 430. Слѣдуетъ замѣтить, что какъ *змовины*, такъ и *заручины* и въ настоящее время бытуютъ въ народныхъ обычаяхъ Малороссіи. Послѣдній обрядъ въ наиболѣе старинной формѣ сохранился на Волыни, Подольи и въ Полѣсьи. Сущность его состоитъ въ томъ, что на этомъ семейномъ торжествѣ, всегда происходящемъ въ домѣ невѣсты, окончательно изъясняется согласіе на бракъ какъ со стороны молодыхъ, такъ равно и со стороны ихъ родителей, послѣ чего съ извѣстными церемоніями молодымъ соединяють руки и сажаютъ ихъ въ парѣ за столъ, при чемъ они мѣняются перстнями и подарками. Здѣсь же, на заручинахъ, назначается день свадьбы и опредѣляется, какой штрафъ обязана платить сторона, которая захотѣла бы отказаться отъ брака. См. „Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ Западнор. край, югозап. отдѣлъ, т. IV, стр. 65, 603, 615, 645 и 659.

каго дочку свою Настасю у малженство светое дати, съ которою дочкою моею вже водле закону нашего хрестиянского и обрученье его милость принялъ“, въ силу чего эта Настасья въ актѣ именуется уже «жоною обручоною» пана Иваницкаго ¹⁾).

Наконецъ, мы имѣемъ рядъ документальныхъ указаній на то, что и церковное вѣнчанье перѣдко совершалось одновременно съ сговоромъ, задолго до свадьбы. Въ 1570 г. князь Яковъ Четвертшскій заявилъ луцкому гродскому уряду, что «змовилъ онъ за себе в малженство» дочь землянки-вдовы Богданы Гораиновой панну Ганну, «съ которою и шлюбъ з нею бралъ», т. е. обвѣнчался, и заключилъ съ ея матерью такой договоръ: свадьбѣ быть черезъ годъ; если бы онъ не пожелалъ «Ганны за себе въ малженство взять», то долженъ заплатить «заруки» королю 150 копъ грошей, а если мать невѣсты не захочетъ отдать за него дочери, то обязана безденежно возратить ему имѣніе, которое онъ ей заставилъ въ обезпеченіе 170-ти копъ грошей, выданныхъ ему при сговорѣ въ счетъ будущаго приданаго ²⁾). Изъ этого документа (и изъ другихъ подобныхъ) можно заключить, что вѣнчанье нисколько не измѣняло сущности предбрачнаго сговора и не дѣлало его болѣе обязательнымъ, чѣмъ простой сговоръ, не сопровождаемый церковнымъ освященіемъ. Все-таки это былъ не болѣе, какъ договоръ о *будущемъ* совершеніи брака, обезпеченный лишь денежною неустойкой.

По условіямъ предбрачныхъ договоровъ, въ срокъ, назначенный для совершенія свадьбы, женихъ долженъ былъ прибыть въ домъ невѣсты «для доконаня скутечного малженства», а родные невѣсты обязывались приготовить къ этому дню все необходимое для «акта весельного». Только болѣзнь или военная служба признавались уважительными препятствіями къ выполненію этихъ обязательствъ, но и въ такомъ случаѣ сторона, встрѣтившая препят-

¹⁾ № XXXII, стр. 95.

²⁾ № LX, стр. 211. Такія же указанія о церковномъ вѣнчаньи при сговорѣ, задолго до свадьбы, содержатся въ документахъ №№ LXVII, стр. 251, LXXX, стр. 288, CXLIИ, стр. 590—594.

ствіе, должна была письменно, за четыре или за шесть недѣль до срока ¹⁾, извѣстить другую о своей «недослѣшности» и просить отсрочки, иначе—возникалъ поводъ для иска о взысканіи неустойки и пополненіи убытковъ, понесенныхъ стороною, напрасно готовившеюся къ свадьбѣ. Когда въ 1570 г. п. Василій Петровичъ Загоровскій за нѣсколько дней до своей свадьбы заболѣлъ, то прежде, чѣмъ увѣдомить о томъ мать невѣсты, княгиню Чорторыйскую, онъ формально донесъ о постигшей его болѣзни городскому и земскому урядамъ, истребовалъ вознаго и понятыхъ, чтобы они личнымъ осмотромъ удостовѣрились въ его «хоробѣ» и донесли уряду, затѣмъ выпросилъ урядовые листы и формальнымъ порядкомъ, черезъ того же вознаго, вручилъ ихъ княгинѣ вмѣстѣ съ своимъ письмомъ ²⁾. Могла одна изъ сторонъ просить другую отсрочить свадьбу и по другимъ причинамъ, кромѣ болѣзни и военной службы ³⁾, но это было уже дѣломъ ихъ частнаго соглашенія, и если такая отсрочка получалась, то сторона, о ней просившая, иногда выдавала новое письменное обязательство, или «интерцызу», съ оговоркой, что прежняя остается въ своей силѣ ⁴⁾. Такъ какъ между сговоромъ и свадьбой проходилъ обыкновенно весьма значительный промежутокъ времени (отъ полугода до двухъ лѣтъ и болѣе), то нерѣдко случалось, что одна изъ сторонъ измѣняла свое первоначальное намѣреніе и подъ разными предлогами уклонялась отъ совершенія брака. Въ такихъ случаяхъ другая сторона обращалась въ городскій урядъ и получала отъ него «папоминальный листъ» для врученія черезъ вознаго сторонѣ уклоняющейся; но это не всегда

¹⁾ №№ XXVI, стр. 78, и XXXII, стр. 95.

²⁾ № LIX, стр. 209.

³⁾ Напримѣръ, княгиня Марья Ружинская въ 1567 г. дважды отсрочивала свадьбу своей дочери: въ первый разъ потому, что хотѣла послать сына въ домъ жениха, чтобы «ведомость взяти о оселости его», т.-е. сдѣлать такъ называемыя нынѣ въ Малороссіи «розглядыны», а во второй—потому, что не успѣла во время «пашню посѣяти». № XLIV, стр. 145.

⁴⁾ За исключеніемъ, конечно, измѣненнаго срока свадьбы. №№ LXIV, стр. 227, и XCVII, 358.

помогало дѣлу, и нерѣдко случалось, что женихъ въ день свадьбы, въ сопровожденіи родственниковъ и свадебныхъ гостей, пріѣзжалъ въ домъ невѣсты—и не заставалъ тамъ никого дома ¹⁾, или находилъ «ворота замкнутые и добре челядью субординованую опатронные» ²⁾, или же ему сообщали, что невѣста уже выдана за другого ³⁾. А бывало и такъ, что сторона, уклонявшаяся отъ брака, старалась выманить хитростью или отнять силою у другой стороны предбрачную запись («интерцыз»), чтобы имѣть возможность, въ случаѣ иска, отречься отъ своего обязательства и не платить неустойки ⁴⁾. Въ концѣ концовъ, если стороны не приходили къ миролюбивому соглашенію, дѣло поступало въ судъ, что бывало, впрочемъ, рѣдко. Въ собранныхъ нами документахъ имѣется лишь одинъ судебный декретъ по такому дѣлу. Волинскій земянинъ Ильяшъ Несвицкій сговорилъ дочь свою за земянина Януша Угриновскаго. но когда наступилъ срокъ свадьбы, сталъ уклоняться отъ совершенія брака. По жалобѣ Угриновскаго, луцкій староста послалъ черезъ вижа Несвицкому «напоминальный листъ», чтобы онъ «дочку свою панну Богдану за Угриновскаго выдалъ», но эта мѣра не привела ни къ чему, и послѣ трехлѣтней волокиты луцкій земскій судъ въ 1568 г., рассмотрѣвъ дѣло и основываясь исключительно на томъ, что Несвицкій въ «змовномъ листѣ» обязался, въ случаѣ нарушенія имъ условій сговора, заплатить «заруки» королю 500 копъ грошей и Угриновскому 300 копъ и удовлетворить послѣдняго за «вси шкоды и наклады» по приготовленію къ несостоявшейся свадьбѣ и веденію иска, постановилъ декретъ: относительно королевской «заруки» донести королю, а въ пользу Угриновскаго взять съ Несвицкаго «заруку 300 копъ за неданье дѣвки» и 400 копъ «за шкоды и наклады» ⁵⁾. Ни о какомъ принужденіи къ браку

¹⁾ № XXI, стр. 54, и LXXXIV, 300.

²⁾ № CXLV, стр. 598.

³⁾ №№ CXIII и CXXXXIII.

⁴⁾ № CXLIV, стр. 595.

⁵⁾ № XXI, стр. 51—62.

нѣтъ въ этомъ декретѣ и упоминанія; самый декретъ мотивируется ссылкой на параграфъ Статута, трактующій вообще о договорныхъ обязательствахъ. Ясно, что судъ смотрѣлъ на брачный сговоръ, какъ на всякій другой имущественный договоръ, неисполненіе котораго [вело лишь къ уплатѣ неустойки и вознагражденію за убытки.

Но какъ рѣшилъ бы земскій судъ данное дѣло, если бы Угриновскій былъ не только помолвленъ, но и обвѣнчанъ съ своею невѣстою? Къ сожалѣнію, намъ не случилось встрѣтить въ актовыхъ книгахъ судебный приговоръ по такому именно дѣлу; но вотъ предъ нами документъ, ясно говорящій о томъ, какъ мало значенія придавалъ тогдашній свѣтскій судъ вѣнчанью, совершенному до свадьбы. Въ 1575 г. волынская землянка Александра Цетковская и ея братья, опекуны дочери ея отъ перваго брака Ганны Волобановны, прибыли во владимирскій гродскій судъ и заявили, что по общему совѣту, съ согласія самой панны Ганны, они сговорили ее за землянина Федора Шашку «и водле обычаю закону нашего хрестянского звѣнчати дали», а теперъ просятъ урядъ дать ей позволеніе на этотъ бракъ. Съ современной точки зрѣнія подобная просьба показалась бы абсурдной: какой смыслъ можетъ имѣть разрѣшеніе или запрещеніе вступить въ бракъ, когда невѣста уже обвѣнчана? Но гродскій урядъ не нашелъ ничего страннаго въ такой просьбѣ и поступилъ такъ, какъ всегда поступалъ въ случаяхъ, когда опекуны дѣвушки испрашивали урядового дозволенія на ея замужество: онъ хотѣлъ лишь удостовѣриться въ томъ, имѣетъ ли невѣста совершенный возрастъ и не терпитъ ли она принужденія. И когда панна Ганна была поставлена предъ урядомъ и лично заявила, что «не сама своволне, а ни тежъ поневолне, одно по доброй воли своей, за позволеньемъ паней матки» и опекуновъ, она дала слово п. Шашкѣ быть его женой, то гродскій урядъ безпрепятственно далъ ей просимое дозволеніе и, согласно съ желаніемъ ея матери и опекуновъ, постановилъ быть свадьбѣ въ

назначенный ими срокъ 1). Итакъ гродскій урядъ совершенно игнорировалъ то обстоятельство, что невѣста уже была обвѣнчана, и поступилъ такъ, какъ если бы вѣнчанья не было вовсе. Спрашивается, какую же юридическую силу и важность имѣло въ то время церковное вѣнчанье? Этотъ вопросъ требуетъ детальнаго разсмотрѣнія.

Извѣстно, что въ древней Руси еще въ языческую пору была выработана опредѣленная форма брака, основанная на свободномъ соглашеніи и религіозныхъ обрядахъ. По мнѣнію проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, уцѣлѣвшіе понынѣ народныя свадебныя обряды служатъ самымъ вѣрнымъ и самымъ точнымъ историческимъ свидѣтельствомъ объ этой древне-языческой религіозной формѣ 2). Христіанство съ самаго начала стремилось замѣнить ее церковнымъ вѣнчаньемъ, но духовенству пришлось долго и безуспѣшно бороться съ противоположными понятіями и обычаями, вѣками выработанными въ народномъ быту. Еще въ концѣ XI ст. народъ, по свидѣтельству кіевопечерскаго черноризца Іакова, думалъ, что только князьямъ и боярамъ подобаетъ вѣнчаться по церковному обряду, а простымъ людямъ достаточно брать своихъ женъ «съ плясаніемъ и гудѣніемъ, и плесканіемъ», т. е. по стариннымъ языческимъ обычаямъ 3). Однако и въ то время бракъ простыхъ людей былъ бракомъ не только въ глазахъ государства, но и церкви, вѣдавшей семейныя отношенія и права, вытекавшія изъ такихъ браковъ. Нѣчто подобное тому, что происходило въ XI в., мы находимъ въ южной Руси и въ XVI ст. Здѣсь, именно въ украинныхъ повѣтахъ Подолья, по даннымъ одного оффиціального документа, все брачное право сводилось къ двумъ пунктамъ: 1) «когда который человекъ обычаемъ пограничнымъ, самовольнымъ, возьметъ себѣ чью дѣвку

1) № LXXX, стр. 288.

2) Обзоръ исторіи русскаго права, изд. 2-е, стр. 350.

3) Въ означенномъ Обзорѣ это свидѣтельство ошибочно отнесено къ XII в.; митроп. Іоаннъ II, въ „Правилѣ“ котораго оно содержится, занималъ кіевскую кафедру въ 1077—1089 гг.

или вдову, или разведенную, въ качествѣ жены и съ нею желаетъ жить, тогда даетъ три гривны на замокъ»; и 2) «кто хочетъ жену отпустить или жена мужа, то тотъ, кто даетъ тому причину (т. е. поводъ), платитъ три гривны»,¹⁾—т. е. сдѣлки брака и развода жители заключали безъ участія церкви и даже безъ участія свѣтской власти, а лишь заявляли послѣдней о состоявшихся сдѣлкахъ и при этомъ уплачивали пошлины; такія пошлины именовались «поемщина» и «разводы» и собирались въ селахъ атаманами, а въ городахъ войтами. Уже самымъ фактомъ взиманія пошлины государственная власть признавала и санкціонировала эти «пограничные» обычаи, представлявшіеся королевскимъ чиновникамъ «своевольными». Но, видно, не въ однихъ украинскихъ повѣтахъ существовали такіе «своевольные» порядки въ дѣлѣ заключенія браковъ; 2) иначе чѣмъ объяснить частыя жалобы высшаго православнаго духовенства XVI—XVII в. в. на то, что «многіи люди Русь незаконне мешкають, жоны поймуючи не вѣнчаються»? 3) Дѣло очевидное, что въ этихъ жалобахъ рѣчь идетъ не о блудномъ сожительствѣ, а о настоящихъ бракахъ, всѣми за таковыя признаваемыхъ, но не освященныхъ церковнымъ благословеніемъ. Съ канонической точки зрѣнія такіе брачные союзы должны были представляться незаконнымъ сожительствомъ, но простой народъ, а огчасти и высшіе классы южнорусскаго общества, вовсе не считали ихъ таковыми. Здѣсь сталкивались два различныя воззрѣнія на бракъ и форму его совершенія: церковь понимала бракъ какъ таинство и единственно законною формою совершенія его признавала церковное вѣнчанье, а обычное право вѣками выработало взглядъ на бракъ,

¹⁾ Люстрація Барскаго староства 1565 г. Архивъ Югозап. Россіи, часть VI, т. 2, стр. 261.

²⁾ Равно и въ дѣлѣ ихъ расторженія, какъ о томъ скажемъ ниже.

³⁾ Жалоба митроп. Іосифа, вызвавшая королевскую грамоту 1509 г. съ приказомъ урядникамъ не препятствовать выдачѣ такихъ лицъ на судъ духовный. Акты Зап. Россіи т. II, стр. 63 О томъ же—*ibid.* т. III, стр. 20 и т. IV, стр. 526.

какъ на договоръ, свободно заключаемый и расторгаемый по волѣ брачущихся; а чтобы такой договоръ приобрѣлъ въ глазахъ общества силу законнаго брачнаго союза, требовалось публичное совершѣніе вѣками установленнаго брачнаго ритуала, распадавшагося на два акта: а) предварительный—«змовины» (договоръ жениха съ родителями невесты) и «заручины» (символическое подтвержденіе договора самими брачущимися) и б) собственно брачный, «веселый актъ», сопровождаемый традиціонными обрядами, сложившимися еще въ до-христіанскую пору и знаменовавшими иѣкогда религіозное освященіе брачнаго союза; послѣдній актъ признавался опредѣляющимъ моментомъ въ бракѣ, «доконаньемъ скутечнаго малженства». Борьба церковнаго воззрѣнія на бракъ съ народнымъ едва ли можетъ считаться поконченной и въ настоящее время, а въ тѣ вѣка не могло быть и рѣчи о полпомъ торжествѣ церковной идеи. Безусловная обязательность народныхъ брачныхъ обрядовъ и ихъ юридическая сила признавалась всѣми классами тогдашняго общества, и съ этимъ фактомъ вынуждено было до извѣстной степени считаться и государственное право, въ общемъ раздѣлявшее церковную точку зрѣнія на бракъ. Признавая единственно законнымъ «вѣнчальный», или «шлюбный» бракъ, Лит. статутъ не разъ упоминаетъ о бракѣ съ «невѣнчальной», «нешлюбпой женой», какъ о чемъ-то полулегальномъ и во всякомъ случаѣ не подлежащемъ уголовному преслѣдованію наравнѣ съ явнымъ прелюбодѣяньемъ, а въ параграфѣ о незаконнорожденныхъ Статутъ выдѣляетъ дѣтей, прижитыхъ «зъ невѣнчальною женою», въ особую категорію, менѣе безправную сравнительно съ дѣтьми, рожденными отъ прелюбодѣянія. Но Статутъ, какъ извѣстно, далеко недостаточно охватилъ собою семейныя нормы, и уже по одной этой причинѣ его постановленія далеко не сразу отгѣснили противоположныя имъ нормы обычнаго права; поэтому мы наблюдаемъ, что свѣтскіе суды XVI—XVII вв., руководствовавшіеся въ своихъ опредѣленіяхъ не однимъ писаннымъ закономъ, но и обычнымъ правомъ, шли гораздо дальше въ снисходительномъ отношеніи къ «невѣнчальнымъ» бракамъ. Не входя здѣсь

въ подробное разсмотрѣніе этого вопроса, сошлемся на заключенія проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, который, изслѣдуя относящіяся къ брачному праву документы Могилевскаго магистрата и Гродненскаго земскаго суда, пришелъ къ выводамъ, что въ западно-русскомъ правѣ XVI—XVII вв. господствовала двойственность возрѣній на условія правильнаго совершенія брака, что среди населенія, рядомъ съ браками «вѣнчальными», существовали и «невѣнчальные», и что всѣ отношенія, вытекавшія изъ невѣнчальнаго брака, признаваемы были въ той же силѣ, какъ и послѣдствія церковнаго брака, но въ случаяхъ споровъ о правахъ, вытекающихъ изъ того или другого брака, суды отдавали предпочтеніе браку вѣнчальному. ¹⁾ Все это наблюдается и въ Южной Руси въ тѣ же вѣка. И здѣсь существовали «невѣнчальные» браки, и не только въ средѣ простаго народа, какъ въ Бѣлоруссіи, но и въ землянской, даже въ княжеской средѣ. Въ 1564 г. волинскій земяникъ Ѳеодоръ Хомякъ за что-то удалилъ изъ своего дома жену, а когда за нее вступился ея родственникъ п. Красовскій и вмѣстѣ съ нею и вознымъ прибылъ въ имѣніе Хомяка, чтобы разслѣдовать это дѣло, то урядникъ послѣдняго не пустилъ ихъ въ дворъ, такъ объясняя поступокъ своего пана: «панъ мой не маеть въ себе жоны, одно кухарку, и тамъ ее отослать, где былъ взять»: между тѣмъ Красовскій, заносся жалобу объ этомъ луцкому городскому суду, свидѣтельствовалъ, что п. Хомякъ «зъ раженя Божого и своее любви» взялъ эту жену изъ его дома, получилъ за нею приданое и записалъ ей вѣно на третьей части своей вотчины. Ясно, что это было не простое сожителство, а настоящій бракъ, только невѣнчанный. въ противномъ случаѣ жалобщикъ не преминулъ бы сослаться на эту важную подробность. ²⁾ Къ сожалѣнію, мы не нашли въ актовыхъ кни-

¹⁾ Чтенія въ Историч. Общ. Нестора Лѣтоп., кн. IV, „Черты семейнаго права Зап. Россіи“. Кіевскія Университетскія Извѣстія, 1878 г., № 4. Отчетъ объ „Историко-юридич. матеріалахъ“ Витебскаго Центр. Архива.

²⁾ № XXXI, стр. 91.

гахъ продолженія этого дѣла; вѣроятно, оно окончилось миромъ. Другой случай еще характернѣе. Князь Станиславъ Воронежскій (православный) много лѣтъ прожилъ въ бракѣ съ Мариной Гулевичевой, ¹⁾ выдалъ ей нѣсколько записей на свои имѣнія, самъ получилъ отъ нея дарственную запись на денежную сумму, и во всѣхъ этихъ актахъ Марина титулуется «малжонкою, княгинею Станиславовою Воронежскою», какой титулъ признають за нею и уряды, принимавшіе къ явкѣ означенныя записи. Но затѣмъ между супругами возникли распри, и въ 1594 г. князь Воронежскій, заноса въ луцкомъ гродскомъ судѣ жалобу на жену, уже такъ ее титулуеть: «пани Марина Гулевичевна, которая се менить быти жоною моею, а не есть, бо-мъ *шлюбъ зъ нею не бралъ*» (т. е. не вѣнчался); впрочемъ, въ дальнѣйшихъ жалобахъ онъ все-таки именуеть ее «жоною», только «нешлюбною». А Марина, являясь съ своими жалобами въ тотъ же судъ, по прежнему продолжаетъ называть князя Воронежскаго своимъ «малженкомъ», и урядъ, какъ и раньше, титулуеть ее «княгинею Станиславовою Воронежскою». ²⁾

Нѣтъ сомнѣнія, что такихъ невѣнчанныхъ браковъ было много въ то время во всѣхъ классахъ населенія, ³⁾ но обнаружить ихъ по документамъ весьма трудно. Только въ случаѣ распрей между супругами кто-нибудь изъ нихъ самъ проговаривался, что его союзъ былъ «нешлюбный», но и въ такихъ случаяхъ, пока дѣло между супругами не доходило до судебного рѣшенія, и сами они пользо-

¹⁾ Дочь ея отъ перваго брака въ то же время состояла въ замужествѣ за сыномъ князя Станислава отъ первой жены.

²⁾ № СХVI; стр. 462—468. До судебного декрета и здѣсь, кажется, дѣло не дошло, да и претензіи между супругами были имущественнаго характера.

³⁾ Даже среди духовенства; по крайней мѣрѣ пребываніе въ такомъ невѣнчаномъ бракѣ не считалось препятствіемъ къ полученію духовнаго сана. Антіохійскій патріархъ Іоакимъ, побывавъ въ 1586 г. въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Львовской епархіи, замѣтилъ нерѣдкіе случаи поставленія во священники и діаконы лицъ, жившихъ прежде съ женами безъ вѣнчанья, что и поставилъ на видъ мѣстному епископу. Архивъ Югоз. Россіи, ч. I, т. X, стр. 433.

вались всѣми гражданскими правами законныхъ супруговъ, и всѣ отношенія, вытекавшія изъ ихъ брака, признаваемы были въ той же силѣ, какъ и послѣдствія брака церковнаго.

Безспорно, однако, что и въ то время громадное большинство не отказывалось отъ церковнаго вѣнчанья; къ тому побуждало и религіозное чувство, и прямыя настоянія духовенства. Въ наказѣ кievскаго митрополита Исаи Копинскаго (1631 г.) приходскимъ священникамъ категорически предписывалось: «которые мешкають безъ шлюбу (т. е. невѣнчаные), абы тѣхъ отлучали отъ церкви». ¹⁾ Можно сомнѣваться въ томъ, примѣнялась ли эта мѣра къ лицамъ высшихъ классовъ, но въ примѣненіи къ простому народу она должна была производить устрашающее дѣйствіе. А для шляхтичей такое же дѣйствіе имѣли предписанія Лит. Статута, въ силу которыхъ дѣти, рожденныя отъ невѣнчаныхъ браковъ, признавались незаконнорожденными и лишались почти всѣхъ гражданскихъ правъ. Хотя, какъ было сказано выше, подобныя предписанія, рѣзко расходившіяся съ воззрѣніями обычнаго права, обыкновенно игнорировались, но стоило кому-нибудь потребовать ихъ примѣненія, и никакой судъ не могъ бы отказать въ этомъ; въ виду такой опасности естественная заботливость о судьбѣ дѣтей побуждала не уклоняться отъ церковнаго вѣнчанья. И что же, можно ли утверждать, что церковь, при содѣйствіи государственнаго закона, успѣла наконецъ въ XVI—XVII вв. провести въ жизнь свое ученіе о бракѣ, какъ о таинствѣ, и о единственно законной формѣ его совершенія—вѣнчанья? Мы этого отнюдь не думаемъ и склонны, напротивъ, утверждать, что и при вѣнчанья сущность брака въ понятіяхъ тогдашняго общества осталась прежнею и форма его совершенія не потерпѣла существеннаго измѣненія и ни на іоту не потеряла традиціоннаго значенія. Развѣ при вѣнчанья исчезли старые брачныя обряды—«змовины», «заручины» и «веселье» или сдѣлались пустою, ни для кого необязательною формальностью? Напро-

¹⁾ Акты Зап. Россіи, т. IV, стр. 526.

тивъ, мы видѣли, что, разъ совершены были всѣ эти старовѣчные «звычайи», бракъ въ глазахъ общества почитался законно состоявшимся и безъ церковнаго вѣнчанья, но едва ли могло быть наоборотъ. Ясно, что рѣчь можетъ идти не о побѣдѣ церковныхъ воззрѣній надъ народными, а лишь объ извѣстномъ компромиссѣ между ними. Въ число другихъ брачныхъ обрядовъ вошелъ и обрядъ церковный—вѣнчанье, но ему не было дано рѣшающаго значенія: даже опредѣленнаго мѣста для него не находилось въ сложившемся вѣками брачномъ ритуалѣ: вѣнчанье въ то время происходило то одновременно съ сговоромъ, при чемъ неисполненіе послѣдняго по прежнему вело лишь къ уплатѣ неустойки, то между сговоромъ и свадьбой, «обачивши часъ слушный и доспѣшный», ¹⁾ т. е. когда женихъ и родные невѣсты находили это удобнымъ, то, наконецъ, въ день самой свадьбы. ²⁾ А какую юридическую силу придавали вѣнчанью—объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ хотя бы приведенный выше случай, что мать и дяди сначала повѣнчали невѣсту, а затѣмъ отправились въ судъ просить урядоваго дозволенія «дати ее въ малженство святое». А вотъ другой случай: крестьянка Орышка Дорогичанка 22-го февраля 1650 г. повѣнчалась въ Зименскомъ монастырѣ съ крест. Андреемъ Кондратенятемъ, а 24-го передумала и обвѣнчалась съ Грицемъ Галайдою, и хотя мѣстный епископъ призналъ этотъ бракъ недѣйствительнымъ и запретилъ Орышкѣ жить съ Галайдою, но они и послѣ того продолжали супружеское сожитіе, за что и были позваны въ свѣтскій судъ. ³⁾ Положимъ, это были простецы, не понимавшіе каноническихъ тонкостей; но вотъ случай въ шляхетской средѣ. Въ 1571 г. княгиня Ганна Масальская сговорила и разомъ обвѣнчала дочь свою княжну Марину съ п. Константиномъ Еловичемъ-Малинскимъ, назначивъ свадьбу черезъ годъ съ лишнимъ, но за этотъ долгій срокъ измѣнила преж-

¹⁾ № XXVI, стр. 78.

²⁾ Напримѣръ, № XXXII, стр. 93.

³⁾ № СЛШ, стр. 620.

нее намѣреніе и увезла дочь къ старшему своему сыну (отъ перваго брака), владимирскому подкоморію Александру Семашку, который, подвергнувъ свою сестру тяжкому заключенію и угрожая выдать ее за своего «машталѣра» (конюшаго), вынудилъ отъ нея и п. Еловича уступочныя записи на имѣнія и только тогда дозволилъ имъ вступить въ бракъ, но при этомъ заставилъ ихъ вторично вѣнчаться, чему они не оказали сопротивленія. ¹⁾ Конечно, это былъ капризъ своевольнаго папа, желавшаго выразить этимъ, что онъ не признаетъ перваго вѣнчанья, совершеннаго безъ его соизволенія. Но вотъ вполне нормальный случай, представлявшій обычное явленіе въ то время и дающій понятіе о томъ, какое юридическое значеніе придавали вѣнчанью даже лучшіе люди, въ томъ числѣ и представители высшаго православнаго духовенства. Въ декабрь 1634 г. въ с. Березовицѣ, ²⁾ въ домѣ православныхъ землянъ Стрыбылей, происходили «змовишы» дочери ихъ Катерины съ п. Яномъ Ярмолинскимъ, сыномъ извѣстной Раины Ярмолинской, строительницы Загаецкаго монастыря. Обѣ фамиліи славились старожитностью и благочестіемъ, и потому въ числѣ другихъ знатныхъ гостей, прибывшихъ на семейное торжество, встрѣчаемъ здѣсь кievскаго митрополита Петра Могилу, овручскаго архимандрита Филона Кузаревича и другихъ «зацныхъ людей». Одновременно съ сговоромъ женихъ и невѣста были обвѣнчаны, при чемъ вѣнчанье совершалъ самъ митрополитъ, а затѣмъ была составлена «шлюбная интерцыз», главные пункты которой таковы: а) свадьба («актъ весельный») назначается въ Духовъ день 1637 г., т. е. отсрочивается почти на два съ половиною года со дня сговора и вѣнчанья; б) до свадьбы панна Катерина будетъ жить по прежнему въ домѣ своей бабки; в) обѣ стороны, заключившія интерцызу, обязываются «сдержатъ слово и вѣру» другъ другу, «подъ закладомъ 100,000 злотыхъ польскихъ и вознагражденіемъ шкодъ». Эту интерцызу, въ числѣ дру-

¹⁾ № LXVII, стр. 234—254.

²⁾ Нынѣ с. Березовка, Радомысльскаго у. Кіев. губ.

гихъ свидѣтелей, скрѣпили своими подписями и печатями митрополить Могила и архимандрить Бизаревичъ. ¹⁾ Такимъ образомъ мы видимъ, что даже въ благочестивой дворянской семьѣ церковное вѣнчанье ни въ чемъ не измѣнило положенія молодыхъ сравнительно съ тѣмъ, въ какомъ они обычно оставались послѣ сговора: до свадьбы невѣста по прежнему остается въ родительскомъ домѣ. по прежнему именуется «панною», хотя и «пошлюбленою малжонкою» своего жениха; даже союзъ между ними вовсе не почитается неразрывнымъ: какъ и при всякомъ договорѣ, его прочность гарантирована лишь денежной неустойкой. Все это мало согласовалось съ церковнымъ понятіемъ о вѣнчаньѣ, какъ о таинствѣ, которое само по себѣ неразрывно соединяетъ брачующихся, и однако высшіе представители южнорусской церкви не только не протестовали противъ условій сговора, но и сами санкціонировали его своими подписями.

Все сказанное, полагаемъ, даетъ основаніе для вывода, что въ то время, въ глазахъ не только простого народа, но и высшихъ классовъ, церковное вѣнчанье само по себѣ, безъ выполнения традиціонныхъ свадебныхъ обрядовъ, не имѣло рѣшающаго значенія въ дѣлѣ брака, а исполнялось лишь какъ религіозный актъ; оно юридически не скрѣпляло союза между сговоренными женихомъ и невѣстою, и обвѣнчанные молодые такъ же легко могли разойтись до свадьбы, какъ и не вѣнчанные; наконецъ, не вѣнчанье устанавливало моментъ дѣйствительнаго супружескаго сожитія, а свадьба.—Напомнимъ, что такъ смотрѣли на вѣнчанье въ Малороссіи и въ позднѣйшее время. Въ царствованіе Елисаветы Петровны синодъ обратилъ вниманіе на то, что здѣсь вѣнчанье обыкновенно предваряетъ свадьбу и затѣмъ повѣнчанные не считаются еще мужемъ и женою, но «по отправленіи церковномъ брачнаго таинства, того жъ времени разлучився, по нѣскольку лѣтъ до называемаго по ихъ обычаю брачнаго *веселія* живутъ въ разныхъ домахъ, и нѣкіе изъ нихъ,

¹⁾ № СХLIII. стр. 590—594.

послѣ онаго таинства, къ вѣчному между собою разлученію поступаютъ». Строго осуждая этотъ обычай, синодъ указомъ 1744 г., 18 октября, предписалъ, чтобы брачующіеся въ Малороссіи были обязываемы подписками въ томъ, что они тотчасъ послѣ вѣнчанья, не ожидая свадьбы, стануть жить вмѣстѣ, какъ прилично супругамъ. Эта мѣра повела лишь къ тому, что въ Малороссіи стали вѣнчаться въ самый день свадьбы; однако и теперь, если почему-либо свадьба отсрочивается, повѣнчанные молодые не живутъ вмѣстѣ, а остаются въ домахъ родителей, и если одинъ изъ нихъ умретъ до свадьбы, то его хоронятъ какъ парня или дѣвушку. ¹⁾

Чтобы не возвращаться больше къ вопросу о церковномъ вѣнчаньи, отмѣтимъ нѣкоторыя особенности тогдашняго совершенія этого обряда сравнительно съ нынѣшнимъ. Мы уже упоминали, что п. Яна Ярмолинскаго вѣнчалъ въ 1634 г. самъ митрополитъ Петръ Могила. Въ 1571 г. Василій Петровичъ Загоровскій, каштелянъ брацлавскій, былъ повѣнчапъ съ княжной Катериной Чорторыйской игуменомъ Пересопницкаго монастыря, при чемъ вѣнчанье происходило въ домѣ, а не въ церкви. ²⁾ Вѣнчались въ то время не только въ приходскихъ церквяхъ, но и въ монастыряхъ, ³⁾ при чемъ въ послѣднемъ случаѣ вѣнчанье совершали монахи, что было впервые запрещено лишь на Кіевскомъ соборѣ 1640 г., созванномъ по инициативѣ П. Могилы. ⁴⁾ Если одинъ изъ брачующихся принадлежалъ къ православному исповѣданію, а другой къ католическому, то вѣнчанье совершалось совмѣстно православнымъ священникомъ и католическимъ ксендзомъ, ⁵⁾ но въ иныхъ случаяхъ такіе смѣшанные браки вѣнчались и однимъ православнымъ священникомъ. ⁶⁾ Такъ какъ въ то время вѣнчанье обычно совершалось задолго до свадьбы,

¹⁾ Труды Этнографически-статист. Экспедиціи въ Западнор край, т. 6, стр. 41.

²⁾ № XCIV, стр. 344.

³⁾ №№ СШ, стр. 417 и СЛШ, стр. 622.

⁴⁾ Русская Историч. Библиотека. т. IV. стр. 43.

⁵⁾ № CVII, стр. 440.

⁶⁾ № CXLII, стр. 589.

то духовенство находило возможнымъ совершать его не въ опредѣленные дни, какъ теперь, а во всякое время, даже въ посты; такъ поступилъ между прочимъ и самъ митрополитъ П. Могила, повѣнчавшій п. Ярмолинскаго 21 декабря, т. е. въ Филипповъ постъ.¹⁾ Любопытно, что до времени Петра Могила въ чинѣ церковнаго вѣнчанья въ Югозападной Руси совсѣмъ отсутствовали обычные нынѣ вопросы священника о согласіи жениха и невѣсты на бракъ, не существовавшіе и нынѣ не существующіе въ еволюціяхъ греческихъ. Это вполне соответствовало характеру брака какъ гражданскаго договора, какимъ онъ былъ и въ Византіи. Тамъ вѣнчанью предшествовалъ сговоръ, происходившій въ присутствіи почетныхъ особъ, свидѣтелей, и гражданскаго чиновника, который писалъ предбрачное условіе, прикладывалъ къ нему печати договаривавшихся, и затѣмъ условіе это подписывалось женихомъ и невѣстою, чѣмъ и выражалось ихъ добровольное согласіе на бракъ;²⁾ въ Южной Руси то же происходило на «заручинахъ», когда женихъ и невѣста, въ присутствіи родни и свидѣтелей, устно, а иногда и письменно въ «интерцызахъ», достаточно явственно выражали свое взаимное согласіе. И тамъ, и здѣсь церковь лишь благословляла и освящала то, что было сдѣлано уже гражданскимъ порядкомъ, и потому священнику не было нужды спрашивать вѣнчавшихся объ ихъ свободномъ произволеніи. Эти вопросы впервые введены въ чинъ вѣнчанья митрополитомъ П. Могилой, въ его пзвѣстномъ Требникѣ, изд. въ 1646 г., и сдѣлано имъ это, безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ упрековъ со стороны католическихъ богослововъ, будто въ чинѣ совершенія брака по православному обряду педо-

¹⁾ Не ссылаемся на факты обвѣнчанія въ 1634 г. п. Яна Дробота тоже въ Филипповъ постъ (№ СХLII) и п. Яна Слопчевскаго въ 1649 г. на 2-й недѣлѣ Великаго поста (№ СI.), такъ какъ въ обоихъ этихъ случаяхъ можно предполагать насиліе надъ священниками, когда, по свидѣтельству автора „Тивося“, священнику приказывали: „albo szlub day porpie, albo w łeb strzeleć“.

²⁾ Христіанское Чтеніе, 1856 г., сент., стр. 263.

ставало самаго существеннаго: матеріи и формы таинства, такъ какъ, по толкованію тогдашней богословской схоластики, матерія и форма таинства брака заключается не въ чемъ иномъ, какъ во внутреннемъ соизволеніи брачующихся и въ произносимыхъ ими словахъ, выражающихъ это соизволеніе. ¹⁾ Точно такъ же, и по тѣмъ же причинамъ, до временъ П. Могилы въ южно-русской церкви не было обычая производить предварительное «оглашеніе», или такъ называемый нынѣ «обыскъ» о брачующихся. равно не велись при церквяхъ и брачныя метрики, что также ставилось православнымъ въ упрекъ со стороны католиковъ. ²⁾ Метрики впервые введены П. Могилой, давшимъ въ своемъ Трєбникѣ и форму для ихъ составленія. ³⁾

Въ томъ же Трєбникѣ къ чину брака приложены особыя «Молитвы на разрѣшеніе вѣнцевъ въ осьмый день», съ замѣчаніемъ, что «сія молитвы чтутся тамо, идѣже даже до осмага дне (молодые) въ вѣнцахъ не снемлюще ходятъ; но идѣже абіе снимаются по предъуказанному (въ чинѣ вѣнчанья), не требѣ есть честн я». ⁴⁾ Здѣсь мы имѣемъ интересное свидѣтельство о томъ, что еще въ половинѣ XVII ст. кое-гдѣ въ Малороссіи удержался какой-то, вѣроятно, древній обычай, въ силу котораго новобрачные въ теченіе

¹⁾ См. полемику по этому предмету между К. Саковичемъ, въ его *Perspektiw'ѣ*, изд. 1642 г., и составителями книги *Лиѡось*, изд. 1644 г.

²⁾ *Perspektiwa* К. Саковича. Въ этомъ же сочиненіи Саковичъ, осмѣивая православный обрядъ вѣнчанья, утверждалъ, будто при этомъ бывають удивительныя церемоніи: „попъ обводитъ брачующихся, съ ихъ друзьями, друзьями и старостами, вокругъ аналоя и танцуетъ съ ними, распѣвая: „Святые мученицы“, потомъ поитъ ихъ пивомъ. а богатыхъ вномъ, и велитъ имъ дѣловаться въ церкви, какъ будто не нацѣловались въ нныхъ мѣстахъ; а кое-гдѣ и волосы стригутъ брачующимся.—Авторъ „Лиѡоса“ отвергаетъ это; тѣмъ не менѣе, подъ влияніемъ подобныхъ издѣвокъ, П. Могила, въ своемъ Трєбникѣ, уничтожилъ въ чинѣ вѣнчанья „общую чашу“ и хожденіе вокругъ аналоя, хотя то и другое было раньше въ трєбникахъ, какъ существуетъ и нынѣ.

³⁾ А въ Московской Руси брачныя метрики установлены еще позже: по опредѣленію собора 1666 года.

⁴⁾ Трєбникъ. стр. 427.

цѣлой недѣли не снимали съ головы вѣнцовъ, возложенныхъ на нихъ во время вѣнчанья. ¹⁾ Впрочемъ, подобный обычай существовалъ и въ Византіи, и въ греческихъ требникахъ тоже полагаются молитвы на разрѣшеніе вѣнцовъ въ 8-й день.

Относительно того, сколько разъ могъ быть повторяемъ бракъ однимъ лицомъ, въ литовскомъ законодательствѣ не было определенныхъ предписаній. Судя по одному выраженію [Статута 1529 года, ²⁾ можно бы думать, что для вдовца бракъ могъ быть повторяемъ неограниченное число разъ, какъ то допускалось и древнерусскимъ (языческимъ) обычнымъ правомъ; но въ послѣдующихъ редакціяхъ Статута, въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ, рѣчь идетъ лишь о вдовцѣ, который бы *«з двѣма або с трома жонами дѣти мѣлъ»*, а о четвертой нигдѣ уже не упоминается. ³⁾ Въ этомъ измѣненіи текста нельзя не видѣть тенденціи законодателя согласовать свои предписанія съ каноническими правилами. Впрочемъ, если вѣрить католическимъ полемистамъ XVII ст., южнорусская церковь не отказывалась благословлять и четвертый бракъ, но на вступающихъ въ такой бракъ (и даже въ третій) налагала епитимью. ⁴⁾

¹⁾ Не отсюда ли возникъ и понынѣ существующій въ Украинѣ обычай титуловать новобрачныхъ: „князь“ и „княгиня“?

²⁾ Разд. IV, арт. 15: „Хто бы мелъ с первою жоною дети, а потомъ, кгда жона умереть, и онъ пойметъ другую, а с тою другою также дети мети буде: тогды дети яко первое жоны, такъ и другое, и третее, и четвертое, и колько ихъ мети будуть, ровную часть во всѣхъ именахъ его... мети будутъ“.

³⁾ 2-й Стат. разд. V, арт. 9; 3-й Стат. разд. V, арт. 10.

⁴⁾ Въ этомъ упрекали православныхъ все тотъ же К. Саковичъ въ своей *Perspectiwѣ*, и любопытно, что составители „Лінеоса“ почему-то обошли молчаніемъ этотъ упрекъ. Архивъ Югозап. Россіи, ч I, т. 9, предисл. стр 51. И въ документахъ XVI—XVII вв. нрѣдко можно встрѣтить лицъ, вступавшихъ въ 4-й и даже въ 5-й браки. Для примѣра назовемъ лишь тѣхъ лицъ, о которыхъ имѣются указанія въ настоящемъ томѣ: 1) Зем. Томило Ворона былъ женатъ: а) на Равнѣ Смоковнѣ, б) Софьѣ Козинской, в) Немилѣ Джусянкѣ и г) Марушкѣ Ильяшовнѣ (См. Указатель лицъ). 2) Ганна Монтовтъ была въ замужествѣ: а) за кн. Богущемъ Любецкимъ, б) за кн. Василиемъ Сокольскимъ, в) за двор. Казимиромъ Ледницкимъ и г) за дв. Павломъ Згличинскимъ. 3) Княжна Любецкая Ганна Романовна: а) за

То же самое приходится сказать и относительно браковъ между родственниками. До изданія Статута 1588 года свѣтское законодательство не вмѣшивалось въ эту часть брачнаго права, всецѣло предоставляя ее компетенціи церкви, а при тогдашней дезорганизациі духовнаго суда и управленія можно было совершать безнаказанно какія угодно нарушенія каноническихъ правилъ—даже съ вѣдома и благословенія духовныхъ властей. Жившій въ концѣ XV ст. князь Иванъ Борятинскій, желая вступить въ бракъ съ родной племянницей, долженъ былъ выхлопотать разрѣшеніе на то у константинопольскаго патріарха ¹⁾, но въ послѣдующее время подобныя разрѣшенія безъ труда приобрѣтались и на мѣстѣ. Въ 1575 г. къ львовскому епископу Іонѣ поступилъ доносъ, что его намѣстникъ и крылошане благословили нѣсколько браковъ въ близкихъ степеняхъ родства, въ томъ числѣ обвѣнчали родныхъ братьевъ на родныхъ сестрахъ. Епископъ расторгъ незаконные браки, но не подвергъ намѣстника и крылошанъ никакому взысканію, да и самый проступокъ ихъ былъ раскрытъ лишь благодаря тому, что нарушены были интересы приходскаго священника ²⁾. Въ 1573 г. внукъ луцкаго епископа Θεодосія, Демьянъ Романовичъ Гулевичъ женился на дочери кременецкаго подкоморія Ивана Патрикія-Курозвонскаго, несмотря на то, что нѣсколькими годами раньше родная его мать, оставшись вдовой, вышла за того же Курозвонскаго ³⁾. Насколько обычны были въ тѣ времена браки въ недозволенныхъ церковью степеняхъ родства и свойства и какъ бесплодна была борьба духовенства съ этимъ обычаемъ, о томъ отчасти свидѣтельствуетъ «Почуеніе» митроп. Сильвестра новопоставленному іерею (1562 г.), впускающее ему по крайней мѣрѣ личнымъ своимъ присутствіемъ

дв. Матв. Дубровскимъ, б) за М. Левартомъ, в) за Андр. Непржецкимъ, г) за Ник. Остиковичемъ и д) за кн. Павломъ Соколинскимъ (См. *Poczet Rodów*, стр. 1-7, и наст. тома стр. 14—16, 185, 187).

¹⁾ Папроцкій, *Herbu*, стр. 683.

²⁾ Архивъ Юго-зап. Россіи. часть I, т. X, № XXIX.

³⁾ № XXXIV и LXXVII. Актовая кн. Кіев. Центра. Архива № 2047, л.

на такихъ свадьбахъ не давать повода думать, будто подобные браки нестрогивны законамъ церковнымъ: «а на бракъ не ходи, гдѣ въ сватовствѣ или во племени поймутся, или въ кумовствѣ» 1). При изданіи 3-го Статута включенъ былъ въ него специальный параграфъ, воспрещавшій браки до 8-й степени кровнаго родства и до 6-й степени свойства и угрожавшій нарушителямъ этого закона расторженіемъ брака, конфискаціей имѣній и признаніемъ незаконнорожденными дѣтей, рожденныхъ отъ такихъ браковъ 2); но и эта мѣра оказалась не вполне дѣйствительной въ борьбѣ съ укоренившимся обычаемъ, и не далѣе какъ три года спустя львовскій епископъ Гедеонъ Болобанъ, посѣтивъ, по порученію митрополита, перемышльскую епархію, нашелъ, что многіе священники „беззаконные браки, кровосмѣшенія, въ сватствахъ и кумствахъ понятія допущаютъ и таковыхъ въ малженство вѣнчаютъ» 3). Особенно мало считались въ то время съ родствомъ, возникающимъ изъ свойства, какъ это выше указано на примѣрѣ брака Курозвопскаго и Гулевича. Немного позже совершенно такой же случай повторился въ семьѣ князей Воронецкихъ, гдѣ сынъ вступилъ въ бракъ съ дочерью мачихи, т. е. съ сводной сестрой 4). Безъ сомнѣнія, на заключеніе такихъ браковъ должна была оказывать извѣстное вліяніе практика католической церкви, въ которой подобные браки считаются дозволенными 5).

1) Акты Зап. Россіи, т. III, стр. 116.

2) Раздѣлъ V, артык. 22.

3) Акты Зап. Россіи, т. IV, № 29. Въ томъ же обвинялъ православныхъ и К. Саковичъ въ своей „Перспективѣ“.

4) № СХVI. Правда, мачиха эта была „неслюбной“ женой стараго князя.

5) Подражая католикамъ, и униатская церковь со временемъ приняла правило, по которому родственники мужа и жены не состоятъ между собою въ родствѣ, препятствующемъ браку, и потому „могутъ побраты вдовецъ вдову, а его сынъ вдовину дочь, зъ инаго рожденную, такожде два братія могутъ поняты двѣ сестри чуждіе“. („Вогословія Нравоучительная“, Почаевское изд. 1756 г.).

Но все это были требованія формальнаго закона, церковнаго или государственнаго; обычай же для признанія брака законно совершившимся требовалъ одного: чтобы сполна былъ выполненъ въ-ками установленный брачный обрядъ, въ особенности же самый важный и существенный его актъ—«*веселье*» (свадьба), признаваемое въ то время «доконченъемъ скучечнаго малженства», опредѣляющимъ моментомъ въ бракѣ.

Какъ именно справлялась въ то время свадьба—объ этомъ, по самому свойству актовaго матеріала, какимъ мы пользуемся, нельзя сказать ничего точно опредѣленнаго; судя же по отрывочнымъ указаніямъ, можно съ увѣренностью предполагать, что тогдашнее «*веселье*» въ общихъ чертахъ справлялось по тому же ритуалу, какой и нынѣ свято выполняется въ крестьянскомъ «*весіліі*» (свадьбѣ) на Украинѣ, только въ то время ритуальъ этотъ былъ, вѣроятно, еще сложнѣе и считался обязательнымъ для всѣхъ классовъ общества.

Какъ и нынѣ самый бѣдный крестьянинъ считаетъ долгомъ чести созвать на свадьбу не только всю родню, кумовей и пріятелей, но, если можно, то и всѣхъ односельчанъ¹⁾, такъ и въ то время признавалось обязательнымъ, чтобы «веселье не потаемене, але при бытности людей зацныхъ, на то везванныхъ, было учинено и звываемъ пристойнымъ отправлено»²⁾; поэтому для пріема многочисленныхъ гостей дѣлались большія приготовления. Такъ какъ свадебное ширшество, начавшись въ домѣ невѣсты, переходило затѣмъ (вмѣстѣ съ ся переѣздомъ) въ домъ жениха, то приготовления

¹⁾ Наканунѣ свадьбы женихъ съ „дружбами“, а невѣста съ „дружками“ обходятъ все село и съ поклонами приглашаютъ всѣхъ, отъ мала до велика, на свадьбу. Возвратившись въ домъ невѣсты, „дружки“ поють:

Ой гараад ми зробили:

Всю родину сиросили,

Все село обходили,

Від кілочка до кілочка.

Не минули ні дворочка.

(Чубинскій. „Труды Этногр. Экспед.“ т. IV, стр. 133, 134, 144 и 145).

²⁾ № CVII, стр. 437.

къ свадьбѣ происходили одновременно въ обоихъ домахъ, и издержки по нимъ нерѣдко достигали значительной суммы ¹⁾.

Какъ и теперь, днемъ свадьбы обыкновенно назначалось воскресенье и лишь въ исключительныхъ случаяхъ другой день недѣли ²⁾. Утромъ въ домъ невѣсты прїѣзжалъ женихъ съ большой свитой прїятелей. Вѣроятно, они прїѣзжали вооруженные и вели себя шумно, какъ люди, отправляющіеся въ военный походъ: иначе нельзя объяснить, почему въ одну изъ предбрачныхъ интерцызъ включено особое условіе, что женихъ обязывается прибыть съ прїятелями «до того акту святоблнвого звычайемъ старожитнымъ христіанскимъ, вшелякую заховуючи пристойность» ³⁾ Въ другомъ документѣ упоминается, что женихъ, ѣдучи со своей свитой «до акту весельного», послалъ впереди себя въ домъ невѣсты двухъ прїятелей «зъ вѣнцомъ, яко звычайъ есть» ⁴⁾. Вслѣдъ за жепихомъ прїѣзжалъ его отецъ, а если лично не могъ почему-либо прїѣхать, то

¹⁾ О такихъ приготовленіяхъ см. стран. 95, 170, 228, 453. Въ одномъ документѣ 1563 г. подробно исчисляются и самые припасы къ свадьбѣ: заготовленные женихомъ; тамъ были: „меды, пива, горелка, рыбы, мяса воловые, яловичне, зверина, зайцы, тетеричъ, гуси и кури набигыс; перцу, шафрану и иншого кореня полна скриня; также овсы, сена, муки пшеничныѣ и житныѣ“,—всего на сумму „большей ста копъ грошей“. № XXI, стр. 55—56. Въ другомъ документѣ (1638 г.) упоминается, что женихъ, готовясь къ свадьбѣ, между прочимъ, заказалъ луцкимъ аптекарямъ приготовить „марцепаны“ (родъ пирожнаго) № CXLIV, стр. 596.

²⁾ Въ собранныхъ нами актахъ въ 24-хъ случаяхъ точно опредѣленъ день свадьбы, и изъ нихъ 19 указаній падаетъ на воскресенье. См. стран. 28, 94, 128, 131, 169, 207, 227, 235, 299, 302, 309, 316, 358, 535, 537, 591, 596, 598.

³⁾ № CXLIII, стр. 592. И въ современной украинской свадьбѣ, когда „бойре“ съ женихомъ отправляются въ домъ невѣсты, они дѣлають видъ, будто ѣдутъ завоевать ее для своего „князя“, и поютъ:

„Будемо замки ламати,
Марусеньку доставати“.

А „дружки“ напутствуютъ ихъ пѣсней:

„Этиха, бояре, йдѣте,
Явора не ломіте“ и т. д.

Это - отзвукъ сѣдой старины, когда похищеніе было обычной формой брака у славянъ.

⁴⁾ № CXLV, стр. 398 и 399.

присылалъ вмѣсто себя особыхъ уполномоченныхъ «зъ листами умоповаными и вѣрущими», т. е. съ формальными довѣренностями¹⁾. А въ домѣ невѣсты были уже въ сборѣ родные, пріятели и званые гости, въ числѣ коихъ (въ домахъ знатныхъ людей) нерѣдко бывали и высшія духовныя лица, даже владыки. Прибывъ сюда, женихъ вмѣстѣ съ своимъ отцемъ или заступающими его уполномоченными «чинилъ просьбу» предъ отцемъ невѣсты о томъ, что хочетъ онъ «зъ его милостью крепкое звязанье, зъ домомъ его милости вѣчистую пріязнь и водле закону Божого зъ девкою его милости, панною N, малженство приняти». Отецъ невѣсты отвѣчалъ, что, «будучи того з воли Божое по немъ (зятю) вдяченъ (благодаренъ), а помнечи на все застановленіе и змову (т. е. предбрачный договоръ) около таковое вѣчистое зъ нимъ пріязни,» готовъ «все выполнить: дочку въ малженство дати» и условленное приданое выдать,—«и заразы то чинилъ:» тутъ же, предъ всѣми гостями, вручалъ жениху приданое въ деньгахъ и вещахъ и передавалъ дочь, чтобы тотъ велъ ее къ вѣнцу. А женихъ, все то «къ рукамъ своимъ вземши и заховываючися въ томъ подле правъ посполитыхъ земскихъ», прежде чѣмъ вступить «подле обычая христіанского въ малженство skutечнос» съ невѣстой, выдавалъ ей установленную закономъ и обычаемъ вѣновную запись.—Такъ было, на примѣръ, на свадьбѣ знатнаго волынскаго пана Мих. Боговѣтина-Шумбарскаго, въ 1552 г., въ домѣ его тестя Олехна Борзобогатаго, гдѣ въ числѣ гостей присутствовали оба волынскіе владыки, луцкій Θεодосій и владимирскій Іосифъ, и другая знать²⁾; но можно съ увѣренностью сказать, что подобная сцена была обычнымъ предвареніемъ свадебнаго торжества: въ большей части предбрачныхъ интерцызъ и вѣновныхъ записей прямо говорится, что женихъ, прибывъ на свадьбу, прежде всего получалъ изъ рукъ тестя приданое невѣсты п формальнымъ документомъ обезпечивалъ ее вѣно, и затѣмъ уже велъ ее «до

¹⁾ №№ XI, стр. 26, и LXIII, стр. 225—226.

²⁾ № XII, стр. 28—29.

шлюбу». ¹⁾ О вѣнѣ и приданомъ рѣчь будетъ ниже, а пока доскажемъ, что намъ извѣстно о свадебныхъ обычаяхъ того времени.

Мы уже цитировали свидѣтельство К. Саковича о томъ, что въ церемоніи вѣнчанья, вмѣстѣ съ женихомъ и невѣстой, участвовали и ихъ «дружки, дружбы и старосты», т. е. тѣ же свадебные чины, которые и теперь играютъ важную роль въ украинскомъ «весільномъ» ритуалѣ. Тотъ же Саковичъ, смѣясь надъ обычаемъ канонарханья у православныхъ, говоритъ, что оно похоже на то, какъ бываетъ «на свадьбахъ, или весильяхъ, гдѣ, именно послѣ обѣда, одинъ, сидя за столомъ, начинаетъ пѣть и благодарить хозяина и хозяйку за обѣдъ, а другіе за нимъ поютъ то же» ²⁾; слѣдовательно, и въ то время, какъ и теперь, всѣ свадебныя дѣйствія сопровождались хоровымъ пѣніемъ. Въ самый день свадьбы невѣсту вмѣстѣ съ ея приданымъ перевозили въ домъ жениха, куда слѣдовали и свадебные гости; это называлось «препосины», или «припосины» ³⁾. Обычай этотъ и теперь исполняется въ крестьянскихъ свадьбахъ на Украинѣ ⁴⁾. Извѣстно также, съ какими церемоніями отводятъ теперь невѣсту въ «комору», на первый ночлегъ съ повобрачнымъ мужемъ ⁵⁾; нѣчто подобное было въ обычай и въ то время: въ одномъ документѣ 1572 г., гдѣ рѣчь идетъ о ссорѣ между свадебными гостями, отмѣчается, что ссора началась въ томъ моментъ, «коли вже есмо панпу до ложка отпровадили» ⁶⁾. Можно полагать, что и въ то время, даже въ знатныхъ домахъ, соблюдался обычай, нынѣ практикуемый лишь въ крестьянскихъ свадьбахъ на Украинѣ и состоящій въ томъ, что знаки дѣвичьей непорочности новобрачной (такъ называемая «покраса») демонстрируются передъ гостями, и всѣ начинаютъ въ пѣсняхъ величать новобрачную и благодарить ея родителей ⁷⁾. Въ тѣ времена

¹⁾ Въ нашихъ документахъ страницы 78, 95, 195, 227, 291, 302, 316.

²⁾ Архивъ Югозап. Россіи, часть I, т. 9, стр. 305.

³⁾ № LXXIX, стр. 286—287.

⁴⁾ Чубинскій, Труды Этногр. Экспед., т. IV, стр. 434.

⁵⁾ Ibidem, стр. 434—438.

⁶⁾ Актовая кн. Кіев. Центр. Архива № 2046, л. 20 обор.

⁷⁾ Чубинскій, Труды Этногр. Экспед., т. IV, стр. 443—455.

новобрачный, на другой день свадьбы, торжественно благодарил за то же тестя и тещу и дѣлалъ цѣнный подарокъ молодой женѣ; такъ въ 1568 г. князь Иванъ Дмитріевичъ Буремскій подарилъ новобрачной женѣ «по доброй ночи» золотую цѣпь ¹⁾; въ 1570 г. панъ Андрей Хмара, въ подобномъ же случаѣ, выдалъ женѣ дарственную запись на «весь статокъ» свой въ награду за «цнотливое паненское ее выхованье и правую и верную милость (любовь) къ нему ²⁾. Такіе подарки назывались тогда «обрадованьемъ» ³⁾, а дарственные записи, по этому случаю выдаваемые мужемъ новобрачной женѣ и впоследствии вносимыя въ актовыя книги, именовались «обрадованными листами». Въ подобныхъ листахъ счастливый мужъ, желая документально засвидѣтельствовать предъ всѣми фактъ цѣломудрія своей жены, что ставилось въ заслугу и честь не только ей, но и всему ея роду ⁴⁾, обыкновенно писалъ такъ: «вызнаваю и чиню явно симъ моимъ листомъ, ижъ што з воли Божое и призренья Его святого, и з милости (любви) моее, понялъ есми за себе в стадло малжонское, водле закону нашего светого хрестянского, панну (такую-то), по которой я познавши доброе, верное а цнотливое въ ее паненствѣ захованье ку себе, ижъ она, малжонка моя милая, яко зацного отца и поцтивое матки своее, вышла, ни въ чомъ стану а особы паненства своего не нарушила,

¹⁾ Акт. книга Кіев. Центр. Архива № 2042, л. 383—385.

²⁾ Акт. книга того же Архива № 2094, л. 535. Подобную же дарственную запись 1572 г, см. № LXIX настоящего тома.

³⁾ Въ 1564 г. вдова князя Богуша Любецкаго заявляла уряду о пропаяхъ „скринки з листами“, между которыми находился и „листъ на обрадованье отъ небожчика малжонка моего милого мне речами рухомыми“, т. е. дарственная на движимое имущество. Акт. книга Кіев. Центр. Архива № 2038, л. 228 обор.

⁴⁾ Такъ и теперь поютъ на свадьбахъ въ честь оказавшейся цѣломудренною невѣсты:

А в лузі червона калина

Весь луг окрасила:

Доброго батька дитина

Весь рід звеселила.

Чубинскій, Труды, IV, 444.

але все то, што доброй а цнотливой паненць належало, мнѣ въ стагъ святоблывый малжонский принесла и оказала¹⁾; а такъ я, познавши по ней, малжонць моей милой, такую вѣрность, учтивое захованье къ себе, а будучи тому вдяченъ, и съ тое вдячности моее родичомъ ее, отцу и матце, великое подякованье (благодареніе) мое вчинилъ, а малжонце мое милой даю, дарую и записую» такую-то денежную сумму, обезпечивая ее на такомъ-то моемъ имѣніи²⁾. Подобныя выраженія признательности за сохраненіе цѣломудрія нерѣдко встрѣчаются и въ вѣнчаныхъ записяхъ, если послѣднія составлялись не передъ свадьбой, а на другой или на третій день ея³⁾.

Наконецъ, къ свадебнымъ обычаямъ того времени надо причислить и тотъ церковный обрядъ, который и въ настоящее время совершается въ одной только Малороссіи: разумѣемъ такъ называемое здѣсь «скриванье молодыхъ», или «выводъ». Обрядъ состоитъ въ томъ, что на другой день свадьбы, утромъ, женихъ и невѣста, въ сопровожденіи свадебныхъ гостей, отправляются въ церковь, и здѣсь священникъ совершаетъ надъ ними молитвенный обрядъ, который

¹⁾ Удивительно, какъ эти выраженія актового „подякованья“ XVI в. совпадаютъ съ выраженіями современной свадебной пѣсни, какой величаютъ отца цѣломудренной невѣсты:

Ой спасибі тобі, таточку,
За твою учтиву дитину,
Що вона по ночам не ходила,
Своеі цноти не згубила,
Цноти не втерjala,
А для N (имя жениха) держала.

Чуб., Труды, IV, 451—452.

²⁾ Такой „обрадованный листъ“ выдалъ 23 января 1570 г. (въ понедѣльникъ, т. е. на другой день свадьбы) своей новобрачной женѣ князь Станиславъ Воронницкій, записавъ ей въ даръ, независимо отъ вѣна, 200 червонцевъ угорскихъ. № LVII.

³⁾ См., напр., вѣнчаную запись 1551 г., гдѣ отъ лица мужа говорится о новобрачной женѣ: „я то бачачи, ижъ (она) такъ цнотливого вихованя паненства своего ко мне малженства своего верность принесла...“ № XI, стр. 25. Запись эта писана 12 мая, во вторникъ, т. е. очевидно на третій день свадьбы.

въ требникѣ Петра Могилы именуется: «Молитва первобрачной невѣсты, хотящей ввестися по брацѣ въ церковь и пріяти благословеніе первому покровенію главѣ». О такомъ обрядѣ нѣтъ и упоминанія въ современномъ русскомъ требникѣ, такъ какъ онъ никогда не былъ извѣстенъ въ Великороссіи. Нѣтъ его чина и въ греческихъ требникахъ, но онъ встрѣчается въ требникахъ южнорусскихъ домогиллинскаго періода, наприм. въ Стратинскихъ и Львовскихъ, и очевидно съ очень давнихъ поръ существовалъ въ Малороссіи, какъ мѣстный обычай. Такъ смотрѣлъ на него и Петръ Могила, включившій чинъ его въ свой требникъ съ примѣчаніемъ: «не всюды сей обычай содержится, но точію въ пѣкїихъ церквахъ; тѣмъ же убо каяждо церковь въ силѣ своей древній обычай да содержать»¹⁾.

Выше было замѣчено, что началу свадебнаго обряда обычно предшествовало: а) врученіе жениху приданаго невѣсты и б) выдача женихомъ невѣстѣ такъ называемой «вѣнновной» записи, обезпечивающей ея приданое.

Приданое еще и въ XVI ст. удерживало древнерусское названіе «вѣно»²⁾, но чаще замѣнялось терминомъ «посагъ». Оно состояло обыкновенно на половину въ деньгахъ (собственно «посагъ», или «готововизна»), а на половину въ разнаго рода движимомъ имуществѣ: въ драгоценныхъ украшеніяхъ, серебряной, мѣдной и оловянной посудѣ, бѣльѣ, одеждахъ, мѣхахъ, лошадахъ и экипажахъ, стадахъ, «челяди невольной» (рабахъ) и проч., что называлось «выпрáвой». Въ XV ст. и вообще въ эпоху, предшествовавшую изданію Лит. Статута, въ составъ приданаго могла входить и недвижимая собственность изъ родовыхъ отцовскихъ имѣній³⁾, но послѣ изданія Статута это сдѣлалось возможнымъ лишь въ томъ случаѣ,

¹⁾ Требникъ П. Могилы, изд. 1646 г., 428.

²⁾ Стран. актовъ: 25, 68, 76, 171, 174, 183, 284, 303, 316, 326, 480.

³⁾ См. Приложенія, № СLIV.

когда невѣста не имѣла братьевъ¹⁾. Цѣнность «посага» зависѣла, конечно, отъ состоянія родителей невѣсты, при чемъ, по закону, на снаряженіе дочерей приданымъ могла быть израсходована четвертая часть всего отцовскаго состоянія. Въ формѣ приданаго дочь получала какъ-бы выдѣлъ своей наслѣдственной части изъ состоянія родителей, и потому, тотчасъ послѣ свадьбы, она, вмѣстѣ съ мужемъ, обязана была выдать имъ формальнымъ порядкомъ особую запись, именованную «выреченье з добръ отчистых и материстых и всѣх спадковъ и припадковъ», въ которой навсегда отрекалась отъ права наслѣдства²⁾.

Приданое приносилось не мужу, а семьѣ. По понятіямъ того времени, приданое—это былъ своего рода паевый капиталъ, вносимый женой на предметъ устройства новой семьи. Пока существовалъ бракъ, этимъ капиталомъ пользовались совмѣстно мужъ и жена въ цѣляхъ благосостоянія семьи; но лишь только бракъ прекращался—путемъ смерти одного изъ супруговъ или путемъ развода,—капиталъ этотъ полностью подлежалъ возврату: въ случаѣ смерти бездѣтной жены онъ возвращался въ ея родъ³⁾, а въ случаѣ вдовства ея онъ возвращался ей самой и отъ нея по наслѣдству переходилъ къ дѣтямъ или, по завѣщанію, кому она хотѣла⁴⁾. А для того, чтобы этотъ капиталъ не подвергся растратѣ и, когда потребуется, полностью былъ возвращенъ, для этого мужъ, получая въ день свадьбы изъ рукъ тестя приданое жены, одновременно съ этимъ выдавалъ ей формальный документъ, въ которомъ писалъ, что получилъ за ней приданое на такую-то сумму и обезнечиваетъ

¹⁾ Бывали, впрочемъ, и отступленія отъ этого законнаго порядка: въ 1564 г. волынской землянинъ Петръ Кирдѣй Мыльскій далъ въ приданое за дочерью одно родовое имѣніе и обязался „того имения з сынами своими... выречи“ и формально отчудить его въ пользу дочери и зятя. № XXV.

²⁾ Образцы такого отреченья см. въ №№ LXIII и CLV.

³⁾ См. №№ LXI и LXXV.

⁴⁾ При разводахъ вопросъ о приданомъ обыкновенно рѣшался путемъ взаимнаго соглашенія разводящихся супруговъ, о чемъ будетъ рѣчь ниже.

цѣлость его въ этой суммѣ на такой-то части своихъ имѣній съ тѣмъ, что, въ случаѣ его смерти, жена его въ правѣ будетъ владѣть этой частью, какъ заставной, до тѣхъ норъ, пока его наслѣдники не уплатятъ ей сполна означенную сумму. Это называлось «вѣновати» жену, «записати ей вѣно», или «оправити вѣно», и такія записи именовались «листами вѣновными», или «оправными». По всему видно, что это былъ весьма древній обычай, узаконенный еще Вислицкимъ Статутомъ короля Казимира III въ 1347 г. и впоследствии подробно регламентированный во всѣхъ трехъ редакціяхъ Литовскаго Статута, гдѣ помѣщена и угроза, что не вѣнованная жена, въ случаѣ вдовства, не въ правѣ требовать возвращенія своего приданого¹⁾. Поэтому родители или родственники невѣсты, при сговорѣ, обычно требовали, чтобы женихъ формально обязался въ день свадьбы «оправити» ей вѣно, и если онъ впоследствии медлил исполненіемъ такого обязательства, то это грозило тѣмъ, что бракъ, уже формально заключенный, могъ и не состояться. Въ собранныхъ нами актахъ встрѣчается интересное постановленіе третейскаго суда (1564 г.), согласно которому тестъ удерживаетъ у себя обвинчанную дочь и ея приданое до тѣхъ норъ, пока зять не совершитъ законнымъ порядкомъ вѣновной записи²⁾.

Почти во всѣхъ вѣновныхъ записяхъ цѣнность приданого обезпечивалась въ двойной суммѣ, какъ то требовалось и Статутомъ; это называлось «записати вѣно съ привѣнкомъ». Впрочемъ, на практикѣ допускалось въ этомъ отношеніи такое разнообразіе: такъ какъ въ составѣ приданого различали «посагъ» (деньги) и «выправу» (вещи), то иные удваивали только цѣнность «посага», обезпечивая «выправу» въ ея дѣйствительной стоимости³⁾; другіе же обѣ части приданого оцѣнивали съ «привѣнкомъ», т. е. въ двойной

¹⁾ I Статутъ, разд. IV, арт. 4; II Ст., разд. V, арт. 1; III Ст., разд. V, арт. 1.

²⁾ Актъ № XXV.

³⁾ См. №№ I, XIII, XXIII, XLII, LIV, LVI, LXI, LXXXV, LXXXII. CXXX.

суммѣ¹⁾. Въ собранныхъ нами документахъ оказалась одна лишь вѣнковая запись (1567 г.), въ которой «посагъ» и «выправа» обезпечены въ ихъ дѣйствительной стоимости, безъ привѣнка²⁾; но бывало и такъ, что мужъ, записавъ новобрачной женѣ одно лишь вѣно, внослѣдствіи особымъ актомъ записывалъ ей и привѣнокъ³⁾. Можно думать, что «привѣнокъ» былъ не чѣмъ инымъ, какъ даромъ невѣстѣ за цѣломудріе; въ одной вѣнковой записи 1559 г. мужъ пишетъ, что беретъ за женою приданого па такую-то сумму, «а за ея учтвое противко мне захованье записалъ ей (вѣно) совито», т. е. вдвойнѣ⁴⁾. Какъ видимъ, здѣсь та же мотивировка дара, что и въ «обрадованныхъ» листахъ. И вообще во всѣхъ записяхъ привѣнокъ мотивируется какъ даръ, а не какъ должное, и записывается онъ только первобрачнымъ, а не вдовамъ или разводкамъ, вступающимъ въ новые браки.

Чтобы имѣть возможность «оправить вѣно» невѣстѣ, женихъ долженъ былъ обладать недвижимою собственностью и при томъ такой стоимости, чтобы ея третья часть вдвое превышала цѣнность приданого. Это естественно вело къ тому, что браки заключались обычно между лицами, приблизительно равными по состоянію. Если же невѣста оказывалась настолько богаче жениха, что ему печѣмъ было обезпечить ея вѣно, въ такомъ случаѣ законъ предоставлялъ ея родителямъ или опекунамъ право—на тѣ деньги, какія предназначались въ приданое, купить ей имѣніе, и тогда женихъ обязанъ былъ «оправить» лишь ту часть приданого, какую получалъ сверхъ того, «а того имѣнія, которое отецъ, купивши, дочцѣ своей дастъ, мають (новобрачные) сполу уживати ажъ до живота мужнего, а по животе мужнемъ она яко свое власное маеть одержати весполокъ

¹⁾ См. №№ XII, XV, XVI, XXII, XXV, XXVI, XXXV, XLVIII, LI, LXXIV, LXXXVIII, CIV.

²⁾ № XXXVIII.

³⁾ См. № LXXXII.

⁴⁾ Актъ № XV.

з вѣномъ своимъ» ¹⁾. Если женихъ въ моментъ сватовства еще не получилъ выдѣла своей части изъ отцовскихъ имѣній, онъ обязанъ былъ позаботиться, чтобы ко дню свадьбы его родители выдѣлили и формально закрѣпили за нимъ по крайней мѣрѣ такую часть наслѣдства, на которой онъ могъ бы «оправить вѣно» невѣстѣ ²⁾; въ противномъ случаѣ свадьба отсрочивалась, или же родные невѣсты, выдавъ ее замужъ, удерживали ея приданое до тѣхъ поръ, пока зять не выполнитъ своего обязательства ³⁾. Если же выдѣлъ почему-либо не могъ быть совершенъ, тесть отъ своего имени выдавалъ невѣсткѣ «вѣновпый листъ», обеспечивая вѣно ея на своихъ имѣнiяхъ. Такъ поступилъ, между прочимъ, князь Конст. Острожскiй, женивъ въ 1585 г. сына Януша на княжнѣ Зузанѣ Шередiй ⁴⁾.

Могъ ли мужъ записать вѣно на всемъ имѣнiи своемъ, или только на извѣстной его части? Такой вопросъ возникъ въ законодательной практикѣ Литовско-русскаго государства еще въ самомъ началѣ XVI ст., и чтобы понять, почему понадобилось вмѣшательство законодательной власти въ это дѣло, нужно знать, къ чему на практикѣ сводилась «оправа вѣна». Она сводилась къ тому, что вдова, по смерти мужа, вступала во владѣнiе тою частью его имѣнiй, на какой было обеспечено ея вѣно, и самостоятельно распоряжалась ею пожизненно или до новаго замужества (это зависѣло отъ того, на какихъ условiяхъ мужъ записалъ ей вѣно), во всякомъ случаѣ до тѣхъ поръ, пока наслѣдники мужа не ушачивали ей сполна суммы, въ какую было оцѣнено ея вѣно. А такъ какъ деньги въ то время были рѣдки и ихъ трудно было достать при отсутствiи кредитныхъ учрежденiй, то проходило обыкновенно много времени, пока наслѣдники выкупали свою отцовщину. Разумѣется,

¹⁾ 2-й Статутъ, разд. V, арт. 2, То же и въ 3 мѣ Ст., разд. V, арт. 2.

²⁾ См. №№ XLVШ, XCIX, CXLШ.

³⁾ См. № LXXXV.

⁴⁾ См. № CX.

такой порядокъ былъ крайне невыгоденъ для наслѣдниковъ, въ особенности, если таковыми являлись не родныя дѣти вдовы или же, при ея бездѣтности, родственники мужа; но онъ былъ такъ же мало выгоденъ и для государственныхъ интересовъ, такъ какъ тогдашнее землевладѣніе было связано съ несеніемъ земскоѣ военной службы, а правительство неоднократно убѣждалось, что когда вдовы владѣютъ помѣстьями, то «многія škоды отъ нихъ дѣлаются рѣчицпополитой, а то тымъ обычаемъ, ижъ службы земскія отъ ихъ не бывають служоны такъ, яко бы мѣли быти, и тежъ ближнимъ много имѣнья утрачаютъ»¹⁾. Чтобы ослабить вредныя послѣдствія такого порядка, оставалось ограничить «оправу вѣна» лишь известною частью имѣній мужа. Въ уставной грамотѣ, данпой Кіевскоѣ землѣ въ 1507 г., впервые введено было такое ограниченіе: «а записати вѣно на одной части, а всего имѣнья не записывати»²⁾. Въ 1509 г. состоялось постановленіе великокняжескоѣ рады о томъ, что «оправа вѣна» можетъ быть совершена только на третьей части имѣній мужа³⁾, каковое постановленіе вошло впослѣдствіи и въ Лит. Статуть⁴⁾.

«Оправа вѣна» имѣла назначеніемъ имущественное обезпеченіе жены на случай ея вдовства. Но каковы были при жизни мужа юридическія права ея на имѣнія, записанныя ей въ вѣно? Въ Статутѣ объ этомъ говорится лишь, что мужъ «того имѣнія своего никому иному ни которымъ правомъ а ни способомъ записовати а ни въ чужіе руки заводити не можетъ» безъ согласія жепы, и что никакія взысканія за долги или за проступки мужа не могутъ быть

¹⁾ Лит. Статуть 1529 г., разд. IV, арт. 3. Тоже въ Стат. 1566 г., разд. V, арт. 5.

²⁾ Акты Зап. Россіи, т. 2, № 30.

³⁾ Литовская Метрика, т. I, стр. 595.

⁴⁾ Однако, въ собранныхъ нами документахъ встрѣчаются двѣ вѣновныя записи (1564 и 1565 гг.), въ коихъ вѣно обезпечено на двухъ частяхъ имѣнія мужа, а третья часть записывается женѣ въ даръ на правахъ полной собственности. №№ XXIII и XXXV.

обращены на такое имѣніе ¹⁾). Слѣдовательно, законъ приравнивалъ подобныя имѣнія къ залоговымъ. А нужно знать, что по тогдашнему обычаю имѣнія, поступавшія въ залогъ, формально передавались въ пользованіе кредитору впредъ до выкупа, при чемъ послѣдній имѣлъ право перезаложить ихъ третьему лицу, чего не могъ уже сдѣлать собственникъ. Судя по указаніямъ нѣкоторыхъ вѣновныхъ записей, можно думать, что и жена вступала въ подобныя же права залогодержателя по отношенію къ имѣніямъ, записаннымъ ей въ вѣно. Такъ, въ одной записи мужъ пишетъ: «маеть малжонка моя третью часть во всѣхъ именьяхъ моихъ *такъ тепер, за живота моего*, яко и по животе моемъ, к рукамъ своимъ держати и того вживати яко влостности своее, а я самъ, при животе моемъ, не отдавши тое сумы пенезей (вѣна), в тую третью часть ничимъ ся вступовати, з моцы и владности ее выймовати и никоторое кривды на томъ ей дѣлати не маю» ²⁾). Здѣсь ясно устанавливается право безпрепятственнаго пользованія, какъ и при залогѣ. Въ другой вѣновной записи говорится: «волна она (жена) будетъ тую третью часть именьей моихъ отчизныхъ держати и вживати и в той сумѣ *за живота моего* и по животе моемъ заставити» ³⁾). Здѣсь, сверхъ пользованія, выговаривается и право перезалога при жизни мужа. Еще въ одной такой же записи мужъ, поименовавъ помѣстья, на коихъ онъ «оправилъ вѣно» новобрачной женѣ, пишетъ далѣе: «которые вышей помененые именя мои от того часу симъ листомъ, записомъ своимъ, *подаю и подалъ если* въ спокойное держанье и вживанье предреченой малжонце моей милой, и тыхъ же тежъ именьей *постолу зо мною* она, малжонка моя, держати и вживати маеть такъ при животѣ, яко и по животѣ моемъ; которыхъ именьей вже отъ сего часу, безъ воли и призволеня предреченой малжонки моеи, никому ниякимъ правомъ а ни в жадной суме заводити не маю и

¹⁾ Статутъ 1566 г., разд. V. арт. 16. Стат. 1588, разд. V, арт. 17.

²⁾ № XXXVШ, стр. 117.

³⁾ № LX, стр. 213.

мочи не буду»¹⁾). Здѣсь мы видимъ уже и формальную передачу женѣ записанныхъ ей въ вѣно имѣній, и отказъ мужа отъ права заложить ихъ другому лицу,—совсѣмъ такъ, какъ писалось въ тогдашнихъ залоговыхъ актахъ; но выраженіе «держати и вживати *постолю зо мною*» ясно указываетъ на отличный характеръ этого залогодержанія. Безспорно, жена обладала всѣми правами залогодержателя по отношенію къ имѣніямъ, записаннымъ ей въ вѣно, но въ то же время, состоя въ брачномъ союзѣ съ мужемъ, она не могла устранить его отъ участія въ пользованіи этими имѣніями, такъ какъ, по литовско-русскому праву, имущества, предназначенныя при заключеніи брака на осуществленіе цѣлей семьи, должны были находиться въ общемъ распоряженіи обоихъ супруговъ, а не одного изъ нихъ; а къ такимъ имуществамъ именно и принадлежали: приданое со стороны жены и вѣно со стороны мужа. Историки русскаго права выводятъ отсюда общее положеніе, что въ литовско-русскомъ правѣ (какъ и въ московской) въ разсматриваемую эпоху господствовало начало общности имущественныхъ правъ супруговъ²⁾; но съ этимъ положеніемъ трудно, намъ кажется, согласовать рядъ другихъ фактовъ, скорѣе свидѣтельствующихъ въ пользу раздѣльности означенныхъ правъ: а) оба супруга владѣли имуществами, принадлежавшими каждому изъ нихъ въ отдѣльности; таковы были изъ имуществъ мужа—всѣ его родовыя и благопріобрѣтенныя имѣнія, за исключеніемъ той части ихъ, какая была записана въ вѣно, а изъ имуществъ жены—ея отцовскія и материнскія имѣнія, за исключеніемъ тѣхъ, какія входили въ составъ ея приданого; б) эти имѣнія (и другія имущества) супруги обычно дарили, продавали и закладывали другъ другу и вообще заключали между собою договорныя сдѣлки объ имуществѣ, что было бы невозможно при общности имуществъ; и в) раздѣльность имуществен-

¹⁾ № CIV, стр. 421.

²⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, изд. 2, стр. 386—387.

ныхъ правъ супруговъ съ полною очевидностью проявляется въ отношеніи къ обязательствамъ: въ то время, какъ въ Московскомъ государствѣ еще въ 1688 году царскимъ указомъ велѣно было «выдавать (кредитору за долгъ) мужей съ женами, а женъ съ мужьями» ¹⁾, въ Литовскомъ княжествѣ уже въ XVI ст. было установлено въ видѣ основного закона, что «не маеть никто за чей-колвекъ учинокъ терпѣти, а ни... жона за мужа, а ни мужъ за жону, толко каждый самъ за свой выступъ маеть терпѣти» ²⁾, и потому, даже при конфискаціи имѣній за государственную измѣну, когда и малолѣтнія дѣти измѣнниковъ лишались отцовскаго достоянія, ихъ жены, не участвовавшія въ преступленіи мужей, сохраняли въ неприкосновенности лично имъ принадлежавшія имѣнія, какъ равно и вѣно, «передъ учинкомъ тое зрады (измѣны) имъ отъ мужей ихъ записанное» ³⁾. Такимъ образомъ, если и можно говорить о супружеской общности имущества въ литовско-русскомъ правѣ XVI—XVII вв., то только въ отношеніи приданого и вѣна. Но и эта общность существовала только до тѣхъ поръ, пока продолжался брачный союзъ. Лишь только онъ прекращался смертью мужа, вдова становилась полною собственницей своего приданого и вступала во всѣ права заставной владѣлицы по отношенію къ имѣніямъ, записаннымъ ей въ вѣно. По закону, она владѣла ими до тѣхъ поръ, пока наследники мужа не уплачивали ей сполна суммы, въ какую было оцѣнено ея вѣно съ привѣнкомъ; но въ вѣновныхъ записяхъ этотъ пунктъ опредѣляется неодинаково: въ однѣхъ—вдовѣ предоставляется право пожизненно владѣть своимъ вѣномъ и только въ случаѣ вступленія ея въ новый бракъ наследники получаютъ право выкупа ⁴⁾; въ другихъ—право пожизненнаго владѣнія предоставляется вдовѣ безусловно, т. е. если она и замужъ пойдетъ, наследники

¹⁾ Полное Собр. Зак. № 1825.

²⁾ Лит. Ст. 1566 г., разд. I, арт. 14; Ст. 1529 г., I, 7; Ст. 1588 г., I, 18.

³⁾ Статутъ 1566 и 1588 гг., разд. I, арт. 3 и 6.

⁴⁾ №№ I, XIII, XV, LXXVI.

не могутъ выкупить у нея вѣна, а могутъ выкупить лишь у того, кому она его завѣщаетъ или передастъ инымъ способомъ¹⁾; въ третьихъ—наслѣдникамъ предоставляется право выкупа во всякое время, не ожидая замужества вдовы²⁾. Выкупная сумма признавалась полною собственностью вдовы, которую она въ правѣ была кому угодно «дати, даровати, и на церковь дати, и куды хотя обернути»³⁾.

Таково было въ то время имущественное положеніе женщины въ замужествѣ и во вдовствѣ. Какъ ни судить, его во всякомъ случаѣ нельзя признать мало обезпеченнымъ; быть можетъ, современная женщина любой страны могла бы позавидовать въ этомъ отношеніи южнорусской женщинѣ XVI—XVII вв. Прибавимъ еще, что послѣдняя, находясь въ замужествѣ (и во вдовствѣ), имѣла неограниченное право пріобрѣтать всякаго рода движимое и недвижимое имущество, равно и сама могла его дарить, продавать и закладывать, вступать въ обязательства, вести судебныя искы, для чего лично являлась въ суды, а если поручала подобныя дѣла мужу, то выдавала ему на то формальную довѣренность, какъ и постороннему повѣренному⁴⁾. Принимая фамилію мужа, она удерживала и свое родовое фамильное имя (и даже титулъ)⁵⁾, и можно указать много актовъ, въ которыхъ замужнія женщины именовались однимъ урожденнымъ прозвищемъ⁶⁾. Жена имѣла и свою отдѣльную пе-

¹⁾ №№ XII, LIV, LXVI.

²⁾ №№ III, XI, XXIII, XXXVIII, LXI, LXXXVIII.

³⁾ Актъ № III и др.

⁴⁾ Въ актовыхъ книгахъ часто встрѣчаются такія довѣренности; для образца укажемъ въ акт. книгѣ Кіев. Центр. Архива № 2038 документы на 156 и 268 листахъ и въ книгѣ № 2039 документъ на 110 листѣ.

⁵⁾ Наприм. княжна Марина Дмитріевна Буремская, выйдя замужъ за землянина Григорія Кольмовскаго, титулуется въ актахъ такъ: „пани Григоріева Кольмовская княжна Марина Дмитровна Буремского“. № LXXVIII.

⁶⁾ Наприм. въ актѣ № XVIII землянка Ганна Богдановна Дчусянка, жена Андрея Добринскаго, именуется: „пани Ганна Богдановна Дчусянка Андрѣева Добринская“—и въ томъ же актѣ однимъ урожденнымъ именемъ: „пани Ганна Богдановна Дчусянка“. Подобное же въ актѣ № XXVIII и въ др.

чать, на которой были вырѣзаны ея имя и гербъ и которую она прикладывала къ выдаваемымъ ею разнаго рода записямъ и вообще документамъ ¹⁾.

Весьма естественно, что, устраиваемые на началахъ свободнаго выбора и обоюдной личной и имущественной независимости мужа и жены, тогдашніе браки въ большинствѣ случаевъ отличались прочностью и постоянствомъ взаимной привязанности супруговъ и сопровождались мирной, согласной ихъ жизнью. Въ актахъ того времени очень нерѣдки записи, въ которыхъ мужъ, одаривая чѣмъ-нибудь жену, дѣлаетъ въ дарственной записи такого рода признаніе: «будучи мнѣ в малженствѣ с панею (такою-то) и мешкаючи з нею добре и цотливе, яко прислуша па цотливое а милое мешканье, и маючи еи ку собѣ великую милость (любовь) и цотливое захованье... ²⁾; а жена, записывая въ даръ мужу свое вѣно, объясняетъ, что оно ей не нужно, такъ какъ «Панъ Богъ з ласки своее святое доброго мешканя з малжонкомъ узычити ей рачилъ» ³⁾. Несмотря на то, что люди того вѣка вообще не отличались умѣньемъ сдерживать свои страсти и порочныя склонности, и судебные акты того времени переполнены дѣлами о самыхъ разнообразныхъ преступленіяхъ среди шляхетскаго общества, тѣмъ неменѣе акты, свидѣтельствующіе о дурныхъ отношеніяхъ между супругами, о случаяхъ нарушенія ими своего долга, а тѣмъ болѣе о явныхъ между ними ссорахъ, тиранствѣ, насиліи и убійствахъ, встрѣчаются далеко не

¹⁾ №№ LXIII, стр. 224, CXV, стр. 461 и CLIV, стр. 628, документъ 1471 года. Въ 1564 году княгиня Ганна Любецкая жаловалась, что, убѣгая изъ дома Немирича, оставила тамъ шкатулку, въ которой между прочимъ хранилась „печать моя сребренная, на которой гербъ и имя мое вырыто“. Акт. книга № 2038, л. 228. Именные печати употребляли не однѣ дворянки, но и мѣщанки. Акт. книга № 2045, л. 239.

²⁾ № XXXVII, стр. 115; то же въ №№ XXIII, LIII и LXXXIX.

³⁾ № LXX, стр. 258.

часто¹⁾; даже тяжбы между супругами по имущественнымъ искамъ случались очень рѣдко, несмотря на всеобщую въ то время склонность къ сутяжничеству²⁾. Зато въ актовыхъ книгахъ въ изобиліи встрѣчаются положительныя указанія, свидѣтельствующія о наилучшихъ взаимныхъ отношеніяхъ между тогдашними супругами. Больше всего такихъ указаній нужно искать въ духовныхъ завѣщаніяхъ, а равно въ многочисленныхъ дарственныхъ и такъ называемыхъ «доживотныхъ» записяхъ, какія тогда весьма часто мужъ и жена выдавали другъ другу. Въ актахъ подобнаго родъ мужъ, записывая женѣ въ даръ, наприм., движимое или недвижимое имущество или же предоставляя ей право пожизненнаго пользованія («доживотья») его родовыми имѣніями, отчужденіе коихъ воспрещено было закономъ, объяснялъ внутреннія побужденія своего дара такъ: «Мешкаючи з нею (женою) черезъ часъ немалый в станѣ малженскомъ а дознавши ее ку собѣ склонность, милость (любовь) и во всемъ статечное а цютливое малженское захованье, теж службы, которыми мнѣ она уставичне (постоянно), пошедши за мене в станѣ малженский, и в тяжкихъ хоробахъ моихъ услугуетъ и угрожаетъ; за што ее нагорожаючи з доброты и милости (любви) моее малженской, даю и записую ей (то-то)³⁾. За такіе подарки жены отплачивали тѣмъ, что въ свою очередь дарили мужьямъ имѣнія, или вѣно, или денежныя суммы, обезпеченныя на родовомъ имѣніи, и свой даръ мотивировали такъ: «ижъ я вѣрпе а правдиве умиловавши (полюбивъ) малжонка моего милого, а дознавши ласку, милость (любовь) а доброе, почтливое, а ласкавое и милое захованье его ку собѣ, ижъ онъ мене, малжонку свою, вѣрпе милуючи (любя), в кождыхъ пригодахъ моихъ не опускалъ

¹⁾ Сравнительное обиліе такихъ актовъ въ нашемъ собраніи объясняется просто тѣмъ, что мы съ особенною тщательностью разыскивали ихъ въ сотняхъ актовыхъ книгъ, такъ какъ подобные акты намъ нужны для выясненія вопроса о брачныхъ разводахъ.

²⁾ Въ нашемъ собраніи имѣется всего два такихъ документа, подъ №№ СХVI и СXXXV.

³⁾ № I.XXXIX; то же въ №№ XXIII, XXXVII и въ другихъ.

(не оставляя), одно во всемъ ласкаве а добротливе, як на вѣрпного а доброго малжонка належить, показоваль, и хотячи теж я за милость и добродѣйство его свою хуть и милость сердечную противко его показати, даю, дарую и сим листом записую ему... (то-то)»¹⁾. Подобныя стремленія выразить посредствомъ дара признательность «за ласку, милость и доброе захованье», а еще болѣе, конечно, желаніе обезпечить независимое и безбѣдное положеніе милаго товарища на случай его вдовства, были столь сильны между тогдашними супругами, что въ тѣхъ случаяхъ, когда эти стремленія встрѣчали препятствія въ требованіяхъ закона (напр., когда супруги владѣли лишь родовыми имѣніями, коихъ по закону не имѣли права отчуждать), они обходили эти препятствія, прибѣгая чаще всего къ такой фиктивной сдѣлкѣ: мужъ, напр., выдавалъ женѣ долговую записку на известную сумму и обезпечивалъ мнимый долгъ залогомъ родового имѣнія, предоставляя женѣ пользоваться имъ до уплаты долга со стороны наслѣдниковъ. Очевидно, что въ подобныхъ случаяхъ мужъ прямо нарушалъ интересы дѣтей, руководствуясь, конечно, тѣмъ соображеніемъ, что дѣти скорѣе могутъ обидѣть мать, чѣмъ она ихъ.

И какія возвышенныя мысли и трогательныя выраженія о святости брачнаго союза и о силѣ супружеской любви нерѣдко прорываются въ означенныхъ дарственныхъ записяхъ! Женщины въ особенности умѣли въ шаблонную форму документа внести проблескъ задушевнаго чувства. Волинская землянка Богдана Воловичъ, записывая (въ 1571 г.) мужу свое вѣно, такъ мотивируетъ свой даръ: «злучившися (съ мужемъ) малженствомъ святымъ, и маетностью хочу з нимъ едночить»²⁾. Другая землянка, Катерина Басарабовна, дарить мужу всю свою движимость, желая тѣмъ снискать еще большую его любовь, такъ какъ, по ея мнѣнію, «на свѣтѣ ништо не есть

¹⁾ №№ XVIII и XXX; см. также №№ XIII, XXVIII, XXXIII, LI, LV, LXV, LXVI, LXXXVI и др.

²⁾ № LXV, стр. 229.

милшого, як стан малженский и милость (любовь)» ¹⁾. Княжна Марина Буремская даритъ мужу свое вѣно въ тѣхъ видахъ, чтобы онъ, въ случаѣ смерти ея, не имѣлъ изъ-за него какихъ-либо хлопотъ и непріятностей со стороны ея матери и племянниковъ: «бомя теж (поясняетъ она) и Слово Божее того научило, иж-ем не есть никому повиннѣйшая (т. е. никому я не роднѣе), только малжонку своему милому» ²⁾. Княгиня Ганна Сангушко-Коширская, руководимая чувствомъ горячей любви къ мужу и сердечной признательности за его любовь и попеченія о ней, даритъ ему свое вѣно (въ 17200 копѣ грошей литовскихъ), скромно сознавая, что этотъ даръ ничтоженъ сравнительно съ «добродѣйствами» мужа по отношенію къ ней: «которое такъ великое добродѣйство его милости не только маетностью моею естем винна его милости отдавати и нагорожати, але бых рада и здоровьемъ моимъ такие ласки его милости олівала» ³⁾. Князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, староста владимирскій, желая на дѣлѣ доказать горячую любовь «противко цотливому милому товаришу, малжонцѣ своей милой», даритъ ей всю движимость ⁴⁾. Такъ и другой современный ему князь, Станиславъ Радзивиль, завѣщая въ 1598 году своей женѣ право пожизненнаго пользованья его имѣніями, объясняетъ: «кгда ж она мнѣ милымъ товаришемъ, а не слугою была» ⁵⁾. И точно, многія изъ тогдашнихъ женъ являлись вѣрными и надежными товарищами своихъ мужей во всѣхъ обстоятельствахъ жизни. Хорошій мужъ ничего не дѣлалъ безъ совѣта съ женой. Читая разнаго рода записи южнорусскихъ землянъ, бояръ и мѣщанъ XVI—XVII вв., мы видимъ, что когда мужъ продавалъ или другимъ способомъ отчуждалъ даже собственное, лично ему принадлежавшее имущество, онъ и въ такомъ случаѣ признавалъ нужнымъ упомянуть въ

¹⁾ № LXVI, стр. 232.

²⁾ № LXXXVIII, стр. 284.

³⁾ № LI, стр. 184.

⁴⁾ № XCV, стр. 350.

⁵⁾ Актовая кн. Кіев. Центр. Архива № 2118, л. 310.

актъ, что дѣлаетъ это «порадившись (посоветовавшись) з малжонкою своею милою» ¹⁾. Тѣмъ съ большимъ основаніемъ онъ могъ довѣрить ей дѣло воспитанія дѣтей и устройство ихъ участи на случай своей смерти. Волинскій землянинъ Николай Боговитинъ-Шумбарскій писалъ въ 1584 г., что «не маючи у себе лѣпшого, вѣрнѣйшого и зычлившого приятеля, яко малжонку свою милую», онъ, на случай своей смерти или отъѣзда за границу, записываетъ ей все состояніе и ей одной предоставляетъ право опеки надъ дѣтьми, а въ случаѣ ихъ смерти—и право наслѣдованія ихъ вотчинами, устраняя (вопреки закону) отъ опеки и отъ наслѣдства своихъ родственниковъ ²⁾. Въ 1609 году другой волинскій землянинъ Николай Малыщинскій завѣщаль, чтобы жена его одна оставалась полною распорядительницей всего состоянія его и воспитательницей дѣтей, опекуновъ же онъ назначаетъ единственно для ея защиты, «абы она з дѣточками въ сиротствѣ кривды ни отъ кого не мѣла»; если бы она и замужъ пошла, «дѣтки при ней же зостати мають», а когда вырастутъ, мать не будетъ обязана давать имъ отчетъ по распоряженію состояніемъ, «кгда ж то нашъ сполный сборъ з нею» ³⁾. Можно сказать: такъ распоряджались мужья, ослѣпленные любовью къ женамъ или дѣйствовавшіе по ихъ настояпіямъ; но вотъ предъ нами духовное завѣщаніе дѣда, озабоченнаго судьбой малолѣтнихъ внуковъ, потерявшихъ отца. Зная «статечность» своей невѣстки, вдовы,

¹⁾ А часто и актъ о такомъ отчужденіи выдавался отъ имени обоихъ супруговъ; напр., князь Дмитрій Ивановичъ Ружинскій, продавая въ 1588 г. свою „отчизну и дедизну“, пишетъ въ продажной записи: „Я, князь (такой-то) и я, малжонка его Марья Хомяковна, змовившиися есмо обое сполне и нерозделне“, продаемъ такія-то имѣнія. (Акт. книга Кіев. Центр. Архива, № 927, л. 297).

²⁾ № акта CV, см. также №№ XXXIV и XXXVI. Такое же завѣщаніе оставилъ въ 1582 г. землянинъ Борисъ Охлоповскій, что настолько озлобило устраненныхъ отъ опеки двоюродныхъ братьевъ его, что они возбудили впослѣдствіи формальное обвиненіе его вдовы, будто она подговорила слугъ убить мужа. № CI, стр. 367—415.

³⁾ Акт. книга Кіев. Центр. Архива, № 2118, л. 275. Такого же содержанія два дух. завѣщанія въ №№ XXXIV и XXXVI.

онъ ей одной передаетъ въ пожизненное распоряженіе всѣ имѣнія и полное право опеки надъ дѣтьми, а опекуновъ назначаетъ лишь для ея защиты и «обороны» съ тѣмъ, что если они стануть вмѣшиваться въ ея управленіе имѣніями или въ дѣло воспитанія дѣтей, то вдова можетъ замѣнить ихъ другими по своему выбору ¹⁾.

Но какъ бы ни были разумны условія и формы заключенія брака, при полномъ даже личномъ и имущественномъ полноправіи обоихъ супруговъ,—все же неизбежны будутъ случаи, когда лица, вступившія въ бракъ, по несходству ли характеровъ, или по другимъ причинамъ, могутъ оказаться рѣшительно неспособными къ сколько-нибудь согласной совмѣстной жизни. Въ тѣхъ обществахъ, гдѣ женщина считается низшимъ, безправнымъ существомъ, тамъ подобные брачные союзы приводятъ лишь къ тому, что болѣе сильный членъ, т. е. мужъ, на вѣки связанный съ женщиной, къ которой онъ не чувствуетъ никакой привязанности, въ короткое время порабощаетъ ее, низводитъ въ положеніе безответной рабы, покорной исполнительницы одной лишь его воли, послѣдняя же волей-неволей мирится съ своей горькой долей, отрекается отъ всѣхъ правъ свободной человѣческой личности и безусловно подчиняетъ себя волѣ своего повелителя, при чемъ въ концѣ концовъ, путемъ взаимнаго приспособленія, между ними устанавливается такой или иной *modus vivendi*, сохраняющій хоть съ виѣшней стороны нѣкоторое подобіе брачнаго союза. Но въ обществахъ, гдѣ женщина находится въ иномъ положеніи, тамъ подобный исходъ при данныхъ условіяхъ немыслимъ: неразрывный союзъ двухъ равноправныхъ, но взаимно не симпатичныхъ другъ другу лицъ неизбежно будетъ приводить къ такимъ печальнымъ послѣдствіямъ, что общество рано или поздно вынуждено будетъ если не вполне отказаться отъ идеального принципа неразрывности брачнаго союза, то, по крайней

¹⁾ № Акта ХСІ, стр. 324—331.

мѣрѣ, допустить извѣстнаго рода компромиссъ между его велѣніями и неумолимыми требованіями дѣйствительной жизни, т. е. въ данномъ случаѣ облегчить возможность разводовъ. Такъ было и въ Югозападной Руси, только здѣсь эта легкость разводовъ не столько возникла путемъ общественной эволюціи, сколько была унаслѣдована отъ временъ начального періода русской исторіи. Древнерусское право, регулируя прежнюю безусловную свободу разводовъ, какая была допускаема обычаемъ въ дохристіанскую пору, должно было сдѣлать невольныя уступки вѣковымъ народнымъ обычаямъ и потому значительно расширило причины расторженія брака, допускаемыя церковью. Простой народъ, полагавшій (какъ свидѣтельствуеъ черноризецъ Іаковъ), что только князьямъ и боярамъ подобаетъ вѣпчаться по церковному обряду, а простымъ людямъ достаточно брать своихъ женъ «съ плясаніемъ и гудѣніемъ, и плесканіемъ», безъ сомнѣнія, и въ случаяхъ расторженія браковъ точно такъ же обходился безъ участія церковной власти. Но вѣдь то же самое мы видѣли и во 2-й половинѣ XVI ст. на южныхъ окраинахъ Кіевской и Подольской земли, гдѣ сдѣлки брака и развода жители заключали безъ участія церкви, и даже безъ участія свѣтской власти, а лишь заявляли о состоявшихся сдѣлкахъ старостинскому уряду, при чемъ уплачивали пошлины—«поемщину» и «розводы»¹⁾. Съ теченіемъ времени болѣе культурные классы постепенно становились на сторонѣ болѣе твердой и признанной нормы въ дѣлѣ расторженія браковъ, хотя, конечно, были еще далеки отъ точнаго слѣдованія каноническимъ предписаніямъ. Да и само западно-русское духовенство въ своихъ рѣшеніяхъ по бракоразводнымъ дѣламъ далеко не строго руководствовалось этими предписаніями, дѣлая уступки мѣстнымъ обычаямъ, за что и подвергалось постояннымъ упрекамъ со стороны представителей католической церкви, въ которой разводы ограничены до крайней степени. Между прочимъ, такіе

¹⁾ См. выше, стр. 32 и 33.

упреки высказывались на Флорентійскомъ соборѣ (1438—1439 гг.) вмѣстѣ съ обвиненіемъ, что русская церковь, допуская легкомысленно расторгать брачные союзы, тѣмъ самымъ колеблетъ святость таинства брака ¹⁾. Жившій въ концѣ XV ст. краковскій каноникъ И. Сокранъ, въ сочиненіи своемъ *Elucidarius errorum rithus Ruthenici*, тоже укорялъ южноруссовъ за то, что они расторгали браки безъ всякой основательной причины, полагая, что каждый, кто проситъ о разводѣ, можетъ развестись.

Съ половины XVI ст. мы имѣемъ уже довольно богатый запасъ документальныхъ свидѣтельствъ, рисующихъ съ достаточной полнотой тогдашнюю практику брачныхъ разводовъ, во многомъ рѣшительно не согласную съ каноническими правилами, принимаемыми за норму и дѣйствовавшимъ тогда государственнымъ закономъ ²⁾, и однако признаваемую мѣстными управленіями не только свѣтскими, но отчасти и духовными. Основнымъ руководящимъ началомъ въ ней является все тотъ же вѣками выработанный народнымъ правосознаніемъ взглядъ на бракъ, какъ на договоръ, свободно заключаемый и такъ же свободно расторгаемый по волѣ брачующихся. Всѣ частныя подробности тогдашней бракоразводной практики, а также форма совершенія разводовъ ³⁾ и поводы къ нимъ яснѣе будутъ видны въ живыхъ примѣрахъ, взятыхъ изъ тогдашней жизни, къ которымъ мы и переходимъ.

Самый ранній по времени и наиболѣе характерный по содержанию разводный актъ найденъ въ одной изъ самыхъ древнихъ

¹⁾ Русская Историч. Библіотека, т. VII, стр. 472.

²⁾ По Лит. Статуту, разводъ всецѣло отнесенъ къ компетенціи духовнаго суда, свѣтскому же суду было предоставлено лишь регулировать имущественныя отношенія разведенныхъ, но и то на основаніи рѣшенія духовнаго суда: если бракъ расторгался по винѣ жены, она теряла вѣно и приданое, въ противномъ же случаѣ—сохраняла то и другое. 2-й Ст., разд. V, арт. 18; 3-й Ст., разд. V, арт. 20.

³⁾ Актъ расторженія брака въ тогдашнихъ документахъ именовался различно: „розводъ“ (очень рѣдко), „розлученье“, „розпустъ“ или „розпущенье“ (и „вызволенье“) з малженства“, „розстанье“, а у мѣщанъ—„розлука“.

книгъ Кіевскаго Центр. Архива, именно въ луцкой замковой книгѣ 1564 года. Содержаніе его слѣдующее: 7-го іюня этого года явилась въ луцкій замковый урядъ землянка Марья Ивановна Борзобогатая-Красенская, дочь извѣстнаго Ивана Яцковича Борзобогатого, въ послѣдствіи епископа луцкаго, а въ то время нареченнаго владыки владимирскаго, и предъявила для внесенія въ актовыя книги слѣдующаго рода запись, подтвердивъ ее передъ урядомъ и устнымъ заявленіемъ: «Я, Марья Борзобогатовна-Красенская, объявляю этимъ листомъ, что, по волѣ Божьей и дару Его святой милости, я вступила въ бракъ съ паномъ Яцкомъ Стецковичемъ Добрыльчицкимъ, съ которымъ живя въ супружествѣ немалое время, и дѣтей, отъ Бога Сотворителя намъ данныхъ, мы съ нимъ породили. Но вотъ уже почти два года, какъ съ гнѣва и попущенья Божьяго между нами завелись великіе розницы и раздоры, благодаря коимъ мы не могли уже жить, какъ подобаеть супругамъ. Вѣди перемѣну въ расположеніи ко мнѣ моего мужа и замѣчая въ немъ «мысль отмѣнную и хуть ко мнѣ, женѣ своей, не такую, яко есть обычай малжонку противу малжонци показывать», я пришла къ убѣжденію, что добраго житья съ нимъ я уже не могу имѣть. Поэтому, не желая большихъ распрей и розниць между нами множить, я не по чьему-либо принужденію или уговору, а совершенно добровольно, «въ цѣломъ а зуполномъ здоровьи будучи», объявляю, что съ этого времени и впредь навсегда вольнымъ чиню моего мужа пана Яцка Стецковича отъ супружества, въ коемъ мы съ нимъ доселѣ состояли: я отъ него свободна, а онъ отъ меня. И такъ какъ Господу Богу угодно было за грѣхи наши допустить расторгнуть супружескій союзъ, то я, поручивъ то волѣ Божьей, позволяю пану Яцку жениться на комъ онъ захочетъ, а мнѣ тоже вольно выйти за кого хочу замужъ. А что касается нашихъ дѣтей, то при мнѣ остаются двѣ дочери, Магдалина и Настасья, а при пану Яцку оба сына, Иванъ и Якимъ. Каждый изъ насъ обязывается до конца жизни своей заботиться, какъ того требуетъ христіанскій долгъ, о дѣтяхъ и прилагать о нихъ все стараніе, какое свойственно всѣмъ честнымъ родителямъ

въ отношеніи своихъ дѣтей. Сверхъ того, мы обязываемся ни въ чемъ не нарушать условій настоящаго нашего «ростанпя» и обоюднаго постановленія подѣ угрозой «заруки» (неустойки) въ пользу его королевской милости 500 копѣ грошей и противной сторонѣ. тоже 500 копѣ грошей, по уплатѣ коихъ настоящее постановленіе по прежнему должно навсегда оставаться для обѣихъ сторонъ въ полной силѣ. А при томъ были и это дѣло хорошо знаютъ цанъ Андрей Русинъ, подстароста луцкій, и папъ Михайло. Кортенскій, которые, по моей просьбѣ, печати свои къ настоящему листу приложили; и я сама тоже печать свою приложила и руку подписала. Писано въ Луцкѣ, лѣта 1564, мѣсяца мая 27 дня»¹⁾. Точно такого же содержанія запись выдалъ своей женѣ и п. Яцко Добрылчицкій²⁾, и затѣмъ оба бывшіе супруги не замедлили вступить въ новые брачные союзы: Марія Борзобогатовна въ сентябрѣ того же года вышла за землянина Василя Рогозенскаго, а Добрылчицкій недолго спустя женился на Ганнѣ Малинской³⁾.

Изъ приведенной записи, могушей служить наиболѣе типичнымъ образцемъ подобнаго рода документовъ, можно извлечь слѣдующія положенія: а) непремѣннымъ условіемъ развода является обоюдное согласіе на то супруговъ: оба супруга даютъ актъ развода одинъ другому; б) несогласная жизнь супруговъ признается вполне достаточной причиной для расторженія брака; в) разводъ, въ противность церковнымъ и даже тогдашнимъ гражданскимъ законамъ, могъ совершаться и безъ участія духовной власти; для этого было достаточно, чтобы супруги въ присутствіи свидѣтелей выдали другъ другу такъ называемые тогда «роспутные листы» и затѣмъ лично ихъ заявили предѣ урядомъ для внесенія въ актовыя книги; г) обѣ стороны, опять таки въ противность канонамъ, пре-

¹⁾ № XXIV, стр. 70.

²⁾ Записи этой мы не нашли въ актовыхъ книгахъ, но о ней упоминаетъ Марья Борзобогатовна въ своемъ устномъ заявленіи о разводѣ. № XXIV, стр. 71.

³⁾ См. примѣч. къ № XXIV, стр. 72

доставляли другъ другу право вступить въ брачные союзы съ другими лицами; и д) если у разводящихся супруговъ были дѣти, послѣднія были распредѣляемы между отцемъ и матерью по взаимному ихъ соглашенію.

Слѣдующій бракоразводный случай въ общемъ подтверждаетъ эти положенія и кое въ чемъ ихъ пополняетъ.

Семень Ивановичъ Хребтовичъ-Богуринскій, писарь гродскій лупкій, въ 1567 г. женился на Райнѣ Русиновнѣ, дочери богатаго землянина Андрея Иваловича Русина-Берестецкаго, который въ 1571 г. выхлопоталъ себѣ у короля жалованную грамоту на епископію Пинскую и Туровскую и, уѣзжая въ Пинскъ, «до владыцтва своего», уступилъ зятю и дочери въ пользованіе свое имѣніе въ м. Берестечкѣ. Но недолго Хребтовичъ тѣшилсѣ тѣмъ, что, какъ онъ выразился въ вѣнковой записи, «пришолъ в кровную а звечистую приязнь (родство) з домоу ихъ милости пановъ Русиновъ»¹⁾: скоро у него начались нелады съ молодой женой, доходившіе до того, что Райна неоднократно пыталась отравить его. Скоро и тестъ за что-то разгнѣвался на зятя и въ январѣ 1572 г. прислалъ въ Берестечко своего племянника Павла Корытенскаго съ отрядомъ вооруженныхъ слугъ, которые, воспользовавшись отсутствіемъ Хребтовича, пограбили его имущество и увезли съ собою его жену. Когда урядникъ и ключникъ Хребтовича спрашивалъ Корытенскаго: «для чого онъ то чинить?»—тотъ отвѣчалъ: «мнѣ дядько мой, владыка пинскій, казалъ жону пана Семенову и маетность побрати и его самого забити, а жону его Райну до себе прислати до Пинска». Узнавъ о случившемся, Хребтовичъ позвалъ тестя къ суду за «квалтовный» наѣздъ на дворъ Берестецкій, похищеніе жены и грабежъ имущества; сверхъ того Хребтовичъ претендовалъ о возмѣщеніи ему расходовъ, «што онъ выложилъ на лѣкарство, кгда былъ с причины жопы своее Райны, дочки пана Русиновы, по

¹⁾ № XLII, стр. 138.

колько кротъ трутъ (отравленъ)». Въ мартѣ того же 1572 года въ луцкомъ гродскомъ судѣ происходилъ разборъ этого сенсационнаго дѣла. Андрей Русинъ на судъ не явился, а прислалъ листы—суду и сторонѣ—съ извѣстіемъ о болѣзни, но «для хоробы боленья очью» не подписалъ ихъ, а лишь приложилъ къ нимъ свою печать. Судъ призналъ эти листы формально недѣйствительными, а самого Русина уклонившимся отъ явки, и присудилъ: а) чтобы Русинъ «пану Семену малжонку его и дочку свою Раину Русинову отдалъ, а кгда бы ее не отдалъ, тогда яко за голову, ведлугъ Статуту, двѣсти копъ грошей пану Семену платити будетъ повиненъ»¹⁾; и б) чтобы онъ уплатилъ зятю «за квалтъ дому шляхецкого» 20 копъ и за грабежъ (по оцѣнкѣ) 1075 копъ грошей литовскихъ. Тогда А. Русинъ упросилъ зятя передать ихъ дѣло на рѣшеніе третейскаго суда, въ составъ коего стороны пригласили такихъ именитыхъ людей, какъ воевода волынской князь Богущъ Корецкій, подсудокъ луцкаго земскаго суда князь Остафій Сокольскій и писарь того же суда Михайло Кориценскій. Третейскій судъ, обсудивъ дѣло во всѣхъ подробностяхъ, предложилъ сторонамъ слѣдующіе пункты «угоды», т. е. миролюбиваго соглашенія: а) панъ Хребтовичъ и его жена Раина должны «доброволне одно другого з малженства выпустити», для чего въ условленный срокъ они обязываются лично заявить объ этомъ передъ луцкимъ гродскимъ урядомъ и просить, чтобы ихъ устное о томъ заявленіе внесено было въ актовыя книги; б) тамъ же, передъ урядомъ, разводящіеся супруги должны назначить срокъ, когда они обязываются стать передъ луцкимъ владыкою Іоною и заявить ему о своемъ разводѣ; в) приданое Раины, въ суммѣ 600 копъ грошей литовскихъ, поступаетъ въ собственность ея бывшаго мужа, которому

¹⁾ № LXXIII, стр. 268. Стоитъ отмѣтить это любопытное постановленіе (неизвѣстно, впрочемъ, на какомъ законѣ основанное), что родители, противузаконно удерживавшіе свою дочь, оставившую мужа, подвергались уплатѣ штрафа, какъ за „головщину“ (вознагражденіе за убійство). Такая именно головщина (200 копъ) и полагалась за убійство шляхтянки.

А. Русинъ обязанъ сверхъ того выдать долговую запись на сто копъ грошей, а панъ Хребтовичъ за это прекратить судебный съ нимъ процессъ и «на сторону отложить» состоявшійся уже въ его пользу приговоръ гродскаго суда.—Обѣ стороны приняли эти условія и дали судьямъ и другъ другу руки въ томъ, что обязуются въ точности ихъ выполнить, а п. Хребтовичъ сверхъ того «и слово свое шляхетское далъ на томъ», что «бывшая жена его» Раина и ея отецъ могутъ «безпечне для того до замку (гдѣ помѣщался гродскій урядъ) ехати, жадное небезпечности отъ него самого и ни от кого не выстерегаючись», изъ чего можно заключить, до какой остроты дошли ихъ взаимныя отношенія.

Когда наступилъ условленный срокъ, обѣ стороны (каждая въ сопровожденія толпы своихъ пріятелей) прибыли въ луцкій замокъ и стали передъ гродскимъ урядомъ, чтобы сдѣлать заявленіе о разводѣ; но тутъ между ними возникъ споръ: Хребтовичъ требовалъ, чтобы Раина, помимо уступаго заявленія передъ урядомъ о «вызволеньи его з малженства», еще выдала ему и разводную запись («роспустный листъ») съ прописаніемъ въ ней своихъ винъ, приведшихъ къ разводу, а Русинъ утверждалъ, что на третейскомъ судѣ не было и рѣчи о выдачѣ такого листа, порочащаго «добрую а почтивую славу» его дочери и его самого, а было постановлено, чтобы Хребтовичъ и Раина, какъ передъ гродскимъ, такъ и передъ духовнымъ урядомъ, ограничились однимъ лишь устнымъ заявленіемъ о расторженіи ими брачнаго союза «и на томъ вѣчными часы цереставати мѣли». Хребтовичъ упорно настаивалъ на своемъ требованіи. Споръ разгорался; въ него вмѣшивались пріатели той и другой стороны, и въ концѣ концовъ дѣло окончилось грубой ссорой и дракой. Скоро послѣ того Андрей Русинъ умеръ, что еще больше затормозило дѣло о разводѣ.

Въ началѣ слѣдующаго 1573 года Хребтовичъ, черезъ посредство общихъ пріятелей, уговорилъ жену отправиться съ нимъ въ м. Берестечко, гдѣ въ мартѣ того же года происходилъ сеймиковый съѣздъ дворянъ Волынскаго воеводства, чтобы тамъ оконча-

тельно уговориться на счетъ условій развода. Что тамъ произошло— объ этомъ мы знаемъ лишь со словъ Райны, которая жаловалась, будто Хребтовичъ, пробывъ съ нею въ Берестечкѣ нѣсколько дней «и пикоторого постановленья з нею не учинивши», бросилъ ее тамъ, строго наказавъ при прощаньи: «я тебе за жону мети и с тобою в малжонстве мешкати не хочу; а ни до мене бывай и жонною ся моею не озывай, бо ты певне окалѣчу». Между тѣмъ имѣются указанія, что если не на Берестецкомъ съѣздѣ, то въ скорости послѣ него разводъ совершился. Въ октябрѣ того же года «Райна Русиновна, бывшая Семенова Хребтовичова Богуринская» (такъ она съ тѣхъ поръ титулуется въ актахъ) жаловалась на членовъ волинскаго депутатскаго, или «каптуроваго» суда¹⁾, что они, «зпаты змовившия з бывшимъ мужемъ моимъ, мене отъ вѣна 900 копъ грошей вѣчне отсудили и его пану Богуринскому, бывшему малжонку моему, присудили», т. е. формально утвердили одинъ изъ пунктовъ разводнаго соглашенія, предложеннаго и принятаго сторонами еще на первомъ третейскомъ судѣ по дѣлу развода, чего каптуровый судъ не слѣлалъ бы, если бы разводъ формально не состоялся. Впрочемъ, въ духовномъ судѣ дѣло объ этомъ разводѣ тогда еще продолжалось, но припяло, какъ кажется, другое направление: годъ спустя Райна являлась къ луцкому владыкѣ, но не добровольно, какъ было условлено въ первоначальномъ разводномъ соглашеніи ея съ мужемъ, а для отвѣта на врученный ей позовъ къ духовному суду по дѣлу съ Хребтовичемъ. Очевидно, послѣдній убѣдился, что путь миролюбиваго соглашенія съ Райной не приведетъ ни къ чему, и предъявилъ въ духовномъ судѣ искъ о расторженіи его брака, имѣя для этого достаточное основаніе хотя бы въ томъ, что Райна покушалась отравить его.

Къ сожалѣнію, конца этого дѣла мы не нашли въ актовыхъ книгахъ. Извѣстно лишь, что въ началѣ 1576 года Семень Хреб-

¹⁾ Избраннаго по случаю *interregnum*, наступившаго по смерти короля Сигизмунда-Августа.

товичъ-Богуринскій вступилъ въ бракъ съ Катериной Андреевной Бабинской, вдовой по земляникъ Иванъ Городецкомъ, и овдовѣлъ въ 1586 году; что же касается Раины, то она не вышла вторично замужъ и всегда титуловалась въ актахъ однимъ урожденнымъ именемъ: «Раина Русиновна Берестецкая», но въ одномъ документѣ 1604 года она почему-то вновь именуется себя «Раина Русиновна Семенова Хребтовичова Богуринская» ¹⁾.

Въ переданномъ процессѣ заслуживаютъ вниманія слѣдующія черты тогдашней бракоразводной практики: а) при долговременныхъ несогласіяхъ въ супружеской жизни, когда мужъ и жена опытомъ убѣждались, что нѣтъ надежды вернуть былое согласіе, они обращались къ посредничеству близкихъ, обыкновенно почетныхъ лицъ, приглашали ихъ на роль полюбовныхъ судей и поручали имъ выработать наиболѣе справедливыя и для обѣихъ сторонъ безобидныя условія развода; б) такъ какъ съ прекращеніемъ брака наступало право жены на возстановленіе ея приданого, то въ условія развода обыкновенно входило и рѣшеніе вопроса о приданомъ и вѣнѣ и вообще о ликвидаціи имущественныхъ отношеній разводящейся четы, причемъ полюбовные судьи неизбѣжно должны были входить въ оцѣнку причинъ и поводовъ, приведшихъ къ расторженію брака; въ данномъ случаѣ, на примѣръ, болѣе виновной стороною была признана жена, и потому ея приданое отсуживалось въ пользу мужа, причемъ, конечно, она теряла и свое вѣно ²⁾; в) выдача супругами другъ другу разводныхъ записей («роspустныхъ листовъ») не была обязательной: ихъ могла замѣнить личная явка обѣихъ сторонъ

¹⁾ № LXXIII, стр. 262—271.

²⁾ Если супруги раньше дарили другъ другу какое-либо имущество, то при разводѣ они формально уничтожали такія дарственные записи; такъ землянка Дорота Петровская, разводясь въ 1594 г. съ мужемъ, особымъ актомъ уничтожаетъ силу выданной имъ раньше „з ласки своей“ дарственной записи на денежную сумму и на право опеки дѣтьми и имѣніемъ, въ случаѣ его смерти, и обязуется не требовать отъ него своего приданого. № СХУ, стр. 459.

передъ гродскимъ урядомъ и одно устное заявленіе о томъ, что они взаимно освобождаютъ другъ друга отъ брачныхъ обязательствъ, причемъ это заявленіе вносилось въ актовыя книги; и г) иногда такую же явку разводящіяся чинили еще и передъ мѣстнымъ архіереемъ, причемъ и здѣсь дѣло ограничивалось однимъ лишь заявленіемъ о разводѣ и записью этого заявленія въ актовыя книги, какія велись въ то время при епископскихъ кафедрахъ, т. е. разводъ и передъ духовнымъ урядомъ совершался, такъ сказать, явочнымъ порядкомъ.

Слѣдующій бракоразводный актъ даетъ новое указаніе на то, кому принадлежало право принимать заявленія о расторженіи брака. У пана Яна Лагодовскаго въ с. Затурцахъ ¹⁾ служилъ «рукодачный» (т. е. поступившій на службу по личному договору) слуга, нѣкто Надъ Янушъ, венгерець, женатый на дочери боярина Лагодовскаго Аннѣ Едановской. Въ іюнѣ 1609 года оба супруга явились къ своему пану, пригласивъ свидѣтелей и вознаго отъ уряда гродскаго. Здѣсь, предъ лицомъ пана Лагодовскаго, Надъ Янушъ заявилъ, что такъ какъ жена его противъ воли была выдана за него замужъ, то между ними не было «доброто и слушнаго мешканья и милости (любви) малженской», поэтому онъ добровольно освобождаетъ ее «отъ малженства», равно какъ и жена его Анна также «вольнымъ учинила его од стану малженского». Все это было тамъ же запротоколировано въ формѣ записи отъ лица Надъ Януша и скрѣплено подписями и печатями свидѣтелей, послѣ чего Надъ Янушъ обратился къ возному съ просьбою внести его запись въ гродскія актовыя книги «для вѣчной памяти», что тотъ и сдѣлалъ потомъ ²⁾. Какъ видимъ, здѣсь заявленіе о разводѣ было сдѣлано предъ доминиальнымъ судомъ помѣщика, но въ присутствіи

¹⁾ Въ нынѣшнемъ Владиміръ-Вольнскомъ уѣздѣ.

²⁾ № СХХІХ, стр. 525—528. Достоинно замѣчанія, что въ числѣ пяти свидѣтелей, подписавшихся на этомъ разводномъ листѣ, оказалось три священника, одинъ мѣстный и два изъ сосѣднихъ селъ.

правительственнаго чиновника, вознаго, который приложилъ и свою печать къ разводному листу и затѣмъ предъявилъ его въ гродскомъ урядѣ для внесенія въ актовая книги.

А вотъ случай развода, совершеннаго не передъ урядомъ, а просто въ семейномъ кругу, въ присутствіи родственниковъ. Случай этотъ представляетъ особый интересъ въ виду того, что произошелъ онъ въ семьѣ такъ называемой «околичной шляхты» Овручскаго повѣта, которая по своему быту ничѣмъ не отличалась отъ массы украинскаго мѣщанства и «посполства». Бѣдная шляхтянка Оришка Федоровичевна жила несогласно съ мужемъ своимъ Ѳедоромъ Шкирипою. Виновницей этого несогласія была сама же Оришка, откровенно сознающая въ своемъ разводномъ листѣ, что «черезъ свои проступки она утратила любовь къ себѣ со стороны мужа». Видя, что «между ними не будетъ добраго житья», она просила мужа о разводѣ, но тотъ не давалъ на то своего согласія. Тогда Оришка «пала къ ногамъ» своей матери, вотчима и дядей, прося ихъ слезно, чтобы они, сжалившись надъ ея несчастливомъ супружествомъ, уговорили мужа дать ей разводъ. Ѳедоръ Шкирипа сдался на ихъ уговоры и просьбы. Тогда (въ февралѣ 1682 г.) созваны были ближайшіе родственники, и въ ихъ присутствіи совершенно былъ обрядъ «розлуки»: бывшіе мужъ и жена заявили, что они «одно-стайно» даютъ другъ другу «роspусть з малженства». Послѣ этого здѣсь же были составлены и подписаны присутствовавшими свидѣтелями «разводные листы». Въ своемъ листѣ Оришка, изложивъ поводъ къ разводу, писала: «я тымъ листомъ увольняю отъ супружества бывшаго мужа моего Ѳедора Шкирипу: я ему больше не жена, а онъ мнѣ—не мужъ, и позволяю ему жениться,—пусть здоровъ съ другою женится и пусть Богъ благословить его съ другою въ лучшемъ супружествѣ пожить, нежели со мною, а я уже такъ буду страдать, какъ мнѣ Господь Богъ далъ. А что пани матка моя дала было намъ на вспоможеніе бычка, котораго ихъ милости папы пріятели (посредники развода) оцѣнили въ шесть злотыхъ, то деньги эти я сполна получила и настоящимъ листомъ

во всемъ его (мужа) квитиую». Этимъ и закончился актъ развода. Ни передъ какимъ урядомъ, духовнымъ или свѣтскимъ, онъ не былъ заявленъ; лишь два года спустя Ѳеодоръ Шкирина, вѣроятно по поводу вступленія своего въ новый бракъ, внесъ въ гродскія Овручскія книги разводный листъ, выданный ему бывшей его женою¹⁾.

Въ приведенныхъ доселѣ примѣрахъ поводомъ къ разводу служитъ несогласная жизнь супруговъ. Дѣйствительно, это былъ въ то время самый обыкновенный мотивъ для расторженія брака²⁾. Но встрѣчаются, хотя и рѣдко, случаи, что разводъ совершался и по другимъ причинамъ, наиримѣръ, вслѣдствіе тяжкой болѣзни одного изъ супруговъ. Болѣзнь долговременная и неизлѣчимая еще въ древнерусскомъ обычномъ правѣ признавалась достаточной причиной для развода; но древнее право, очевидно, допускало эту причину не по волѣ здороваго, а по волѣ больного супруга, если семейная жизнь для него была только тягостью³⁾. Въ Московскомъ государствѣ установился порядокъ, что больной супругъ (чаще всего жена) обыкновенно принималъ монашеское постриженіе, и затѣмъ разводъ совершался по этой послѣдней причинѣ, хотя въ дѣйствительности болѣзнь, а не постриженіе, была здѣсь причиною развода. Въ южной Руси не было поводовъ для подобной маскировки, такъ какъ здѣсь разводъ по болѣзни не влекъ за собою обязательнаго постриженія. Да и по всему видно, что такіе разводы были здѣсь очень рѣдки; намъ удалось разыскать лишь одинъ разводный актъ такого рода, тогда какъ въ тѣхъ же актовыхъ книгахъ далеко не рѣдки свидѣтельства о томъ, что мужа и жены не оставляли другъ друга въ случаяхъ даже неисцѣлимыхъ болѣзней. Землянинъ Прокопъ Шелвовскій въ дарственной записи, выданной женѣ, выражаетъ ей

¹⁾ Архивъ Югозав. Россіи, часть IV, т. 1, № XLIV.

²⁾ Древнерусское обычное право тоже допускало разводъ по этой причинѣ. „Обзоръ исторіи русскаго права“ проф. Владимірскаго-Буданова, 2 изданіе, стр. 376.

³⁾ Тамъ же, стр. 375.

сердечную признательность за любовь и «за службы, которыми она мнѣ уставичне и въ тяжких хоробах моих, што от часу неблизкого терплю, услугуеть и угрожаетъ»¹⁾. Еще сердечнѣе благодарить княгиня Ганна Сангушкова Коширская своего мужа, князя Льва Александровича, «за великую литость (состраданіе) до хоробъ ея чаетых», что онъ «на лекарства и на докторы, улечаючи здорвье ея, великій коштъ и немалыми сумами для нея принялъ, не брыдячися ни въ чомъ форобы ея сродзе страшливое, як належитъ вѣрному, цнотливому, правому малжонкови»²⁾. При такихъ возвышенныхъ понятіяхъ о супружескомъ долгѣ, разводъ по болѣзненному состоянію одного изъ супруговъ былъ возможенъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, по настойчивому желанію самого заболѣвшаго, какъ то и было въ томъ единственномъ случаѣ, какой намъ извѣстенъ. Въ февралѣ 1594 г. землянка Ѳедора Головинская, по первому браку Черевчѣвая, предъявила въ гродскомъ луцкомъ урядѣ слѣдующаго содержанія запись: «Не такъ давно я, по волѣ Божьей, вступила въ бракъ съ паномъ Яномъ Волицкимъ. Но такъ какъ Богу угодно было посѣтить меня тяжкою болѣзнью, то я неоднократно просила моего мужа, чтобы онъ навсегда освободилъ меня отъ супружескаго союза съ нимъ. И панъ Волицкій, въ виду моей тяжкой болѣзни, уступая моей просьбѣ и видя, что я не могу уже жить съ нимъ въ супружествѣ, выдалъ мнѣ листъ, которымъ навсегда учинилъ меня вольною отъ супружества съ нимъ. Съ своей стороны и я настоящимъ листомъ на вѣчные часы освобождаю пана Волицкаго отъ брачнаго союза со мной и позволяю ему жениться съ другой, о чемъ я и передъ духовнымъ судомъ лично заявила и вольнымъ его отъ себя учинила. А если бы я, въ нарушение настоящей моей добровольной записи, стала чинить какія-либо трудности пану Волицкому «и его потомъ до малженства потягала», то должна буду заплатить ему «заруку» въ тысячу копъ грошей

¹⁾ № LXXXIX, стр. 318—319.

²⁾ № LI, стр. 184.

литовскихъ и возмѣстить всѣ «шкоды и наклады». Сверхъ того, помня расположенность ко мнѣ пана Волицкаго, его усердныя заботы о восстановленіи моего здоровья и понесенные имъ по этому поводу расходы, я подарила ему 442 копы грошей литовскихъ, возвратила все лично ему принадлежащее имущество, равно уступила ему все, что было справлено въ хозяйствѣ во время моего съ нимъ сожителства, чего уже ни я, ни мои родственники не въ правѣ будемъ взыскивать съ него».—Точно такого же содержанія разводную запись выдалъ своей бывшей женѣ и панъ Волицкій, подтвердивъ ее и устнымъ «сознашемъ» передъ гродскимъ урядомъ, чего не сдѣлала его жена, вѣроятно, по своему болѣзненному состоянію¹⁾. Здѣсь видимъ, что разводящіеся супруги, прежде чѣмъ заявить о своемъ разводѣ въ гродскомъ урядѣ, сдѣлали это равнше въ духовномъ судѣ, причемъ отмѣтимъ любопытную подробность, что хотя Янъ Волицкій, какъ можно судить по его имени и польской подписи, былъ католикъ, но заявленіе о разводѣ онъ сдѣлалъ, совмѣстно съ женой, «въ ея парахвіи», т. е. передъ приходскими православными священниками. Роль этого «духовнаго суда» въ дѣлѣ расторженія брака чисто пассивная: супруги Волицкіе упоминаютъ, что они, «ставши очевидно въ судѣ духовномъ», лишь «вызнали» свое взаимное «вызволенье з малженства и вольными отъ себе учинили» другъ друга «вѣчными часы». О санкціи духовнаго суда не упоминается; очевидно, послѣдній въ этомъ случаѣ исполнилъ ту же роль, что въ приведенныхъ выше примѣрахъ замковый и гродскій суды и даже доминіальный судъ помѣщика, т. е. онъ принялъ лишь заявленіе о разводѣ; главнымъ же факторомъ въ дѣлѣ расторженія брака и въ послѣднемъ случаѣ является все та же обоюдная воля супруговъ.

Перемѣна религіи однимъ изъ супруговъ также могла служить въ то время достаточной причиной для расторженія брака, но разводъ и по этой причинѣ требовалъ взаимнаго согласія обоихъ

¹⁾ № CXIV, стр. 454—459.

супруговъ. Такъ, въ 1589 г. слуга князя Константина Острожскаго, крещенный еврей Константинъ изъ Преворска сдѣлалъ слѣдующее формальное заявленіе предъ гродскимъ владимирскимъ урядомъ: «По доброй волѣ моей я приступилъ до закона и вѣры христіанской, а жена моя Тиля Юсковна, не желая со мной въ вѣрѣ христіанской жить, просила меня, чтобы я ее «з стану малженскаго выпустилъ». И такъ я, согласно учиненному между нами постановленію, ту жену мою «з стану малженскаго добровольно вызволяю и уже ее вызволилъ», и съ этого времени не буду имѣть къ ней никакого дѣла, и настоящимъ заявленіемъ моимъ навсегда ее вызволяю и квитиую». Заявленіе это, согласно просьбѣ заявителя, было записано въ гродскія актовыя книги ¹⁾. Здѣсь интересно лишь то, что созданная мѣстнымъ обычаемъ форма развода примѣнена и къ расторженію брака, заключеннаго по обрядамъ нехристіанской религіи. Значить, возможны были разводы по той же причинѣ и между супругами христіанами, въ особенности при частыхъ въ тѣ времена переходахъ изъ одного исповѣданія въ другое и возникавшихъ отсюда семейныхъ раздорахъ. Въ 1649 г. шляхтичъ Андрей Коморовскій жаловался въ луцкомъ гродскомъ судѣ о томъ, что его теща Катерина Соколова разлучила его съ женой, съ которой онъ прожилъ въ бракѣ 29 лѣтъ, обратила ее и дѣтей въ «рускую вѣру» (изъ католической) и намѣревается развести ее съ жалобщикомъ ²⁾. Конечно, разводъ въ данномъ случаѣ не могъ быть совершенъ безъ согласія самого же Коморовскаго, но онъ не напрасно тревожился: разъ въ его семьѣ разладъ изъ-за религіи принялъ такую острую форму, что уже привелъ ее къ фактическому распаду, не трудно было вынудить отъ него согласіе и на разводъ, при чемъ послѣдній могъ быть формулированъ просто несогласной жизнью супруговъ.

Отсутствіе одного супруга изъ мѣстожителства другого из-

¹⁾ № CXI, стр. 450.

²⁾ № CLII, стр. 619.

древле признавалось законною причиною для развода, какъ оно признается и нынѣ дѣйствующимъ правомъ. Въ тѣ времена, о которыхъ мы говоримъ, въ Украинѣ никогда не прекращалось бѣдствіе, постоянно разлучавшее членовъ семьи: разумѣемъ почти ежегодныя татарскія вторженія и столь же частые военные походы, сопровождавшіеся для многихъ плѣномъ. Разсчитывать на выкупъ плѣнника или на случайный побѣгъ его изъ неволи было очень трудно, и потому оставшійся супругъ, не получая формальнаго развода по отсутствію другого, свободно заключалъ бракъ съ третьимъ лицомъ. Но когда плѣнный по какой-либо счастливой случайности возвращался на родину, тогда возникалъ трудный вопросъ, какой именно бракъ долженъ подлежать расторженію. Казалось бы, что, при тогдашнемъ взглядѣ на бракъ, какъ на гражданскій договоръ, заключаемый по свободному произволенію, преимущество должно быть отдано послѣднему браку, а не первому, уничтоженному силою несчастныхъ обстоятельствъ; но факты говорятъ другое. Въ 1563 г. волынскій землянинъ Иванъ Романовичъ Сенюта отправился въ походъ вмѣстѣ съ извѣстнымъ княземъ Дмитріемъ Вишневецкимъ (Байдой) добывать для него молдавскій престолъ, оставивъ дома молодую жену съ ребенкомъ. Эта авантюра окончилась неудачей, и Вишневецкій вмѣстѣ съ Сенютой были выданы туркамъ и отправлены въ Константинополь, гдѣ первый былъ казненъ, а второй остался въ плѣну. Тѣмъ временемъ жена Сенюты Марина Олехновна Борзобогатая, прождавъ его около трехъ лѣтъ и потерявъ надежду на его возвращеніе, вступила въ новый бракъ съ паномъ Александромъ Лесотой и осталась жить съ нимъ въ имѣніи перваго мужа, записавшаго ей вѣно на этомъ имѣніи. Минуло еще три года, и вдругъ Сенютѣ какимъ-то чудомъ удалось выйти на свободу и вернуться на родину. Прослышавъ, что онъ ѣдетъ въ свой домъ, Лесота бѣжалъ изъ имѣнія, а пани Марина съ дѣтьми отъ двухъ мужей осталась въ домѣ, съ волненіемъ ожидая, что то будетъ. Въѣхавъ во дворъ, Сенюта «за великимъ и незноснымъ жалемъ своимъ» не захотѣлъ видѣть жену, а послалъ

къ ней вознаго и одного изъ своихъ пріятелей, который объявилъ ей: «Панъ Сенюта казалъ тобѣ отъ себе мовити: кгда ж еси так своволне учинила а в пебытности его, будучи ему в неволи, в рукахъ неприятелскихъ, замужь за иншого пошла, дворъ и имѣнье и всю маетность спустошила и зничила, для тое причины тебе собѣ за жону мѣти и с тобою мешкати не хочеть; а ижъ мужа твоего тутъ нѣтъ, теда и ты тутъ у дворѣ не мешкай, пойди собѣ за мужемъ своимъ, бо тежъ мужъ твой и ты сама до двора и имения моего ничого не маєте». Пани Марина ничего на это не возразила, лишь отвѣтила въ свое оправданіе: «Я для того замужь пошла, ижъ о томъ вѣдомости не мѣла, абы панъ Сенюта живъ былъ; а ижъ живъ и тутъ до имения своего приехалъ, теда я, ни в чомъ ся ему не спротивляючи, дворъ и именье ему ноступую», и тотчасъ же положила на столъ связку ключей и, взявъ на руки меньшого ребенка, прижитаго отъ Лесоты, удалилась со двора, не заикнувшись даже о своемъ вѣнѣ¹⁾. Такъ она и осталась навсегда въ бракѣ съ Лесотой, а Сенюта въ слѣдующемъ же году вступилъ въ бракъ съ панною Ганною Хоболтовскою и до конца дней своихъ не могъ простить первой женѣ ея измѣну. Составляя въ 1578 году духовное завѣщаніе, онъ помянулъ и ее: «а што ся дотыче жоны моее першое Олехновны Борзобогатынки, теда, иж она, опустивши мене, мужа своего, а не ждучи мене, покол бы-мъ вышолъ з рукъ неприятелскихъ, кгда-мъ былъ пойманъ до Турокъ, за иного мужа пошла и дѣти з нимъ мѣла, а в томъ станъ малженский зрушила, и тымъ всякого от мене права и маетности моее отпала», т. е. потеряла свое право на вѣно²⁾. Въ этихъ словахъ Сениуты слышится непреклонное убѣжденіе въ томъ, что Марина не имѣла права вступать въ новый бракъ, не выждавъ его возвращенія изъ плѣна и не получивъ отъ него развода; да и сама она оправдывается лишь тѣмъ, что, не имѣя отъ мужа вѣстей, считала его погибшимъ на-

¹⁾ Актовая книга Кіев. Центр. Архива № 966, № акта 213.

²⁾ Такая же книга № 926, л. 135.

равнѣ съ другими участниками несчастливаго похода. Очевидно, таковъ былъ общій въ то время взглядъ па это дѣло, и обратись Сенюта къ духовному суду, бракъ его жены съ Лесотой несомнѣнно былъ бы расторгнутъ, несмотря на то, что между временемъ плѣна Сенюты и вторичнымъ замужествомъ Марины прошло болѣе трехъ лѣтъ¹⁾. Но Сенюта самъ отрекся отъ своихъ сузужескихъ правъ по отношенію къ Маринѣ, и это отреченіе, сдѣланное въ присутствіи свидѣтелей и вознаго, какъ бы замѣнило собой формальный разводъ, послѣ чего вторичное замужество Марины приобрѣло силу законнаго брака, да и самъ онъ получилъ свободу вступить въ бракъ съ третьимъ лицомъ.

Приведемъ еще нѣсколько подобныхъ случаевъ, происходившихъ уже въ XVII ст. и въ другомъ концѣ Малороссіи. Въ 1648 г. намѣстникъ черниговскаго старосты писалъ сѣвскому воеводѣ: поданный его Олихверъ, изъ с. Бобровицы, близъ Чернигова, выдалъ дочь свою за Супрона Котляра, который пожилъ съ нею не болѣе трехъ лѣтъ, а затѣмъ, «набравшись сваволи», бросилъ жену съ дѣтьми и пошелъ неизвѣстно куда, а только недавно стало слышно, что проживаетъ онъ въ Сѣвскѣ. Между тѣмъ жена его хотѣла бы замужъ пойти за другого мужа, но священники ей это забороняють и не хотятъ вѣнчать. Теперь отецъ покинутой женщины идетъ съ листомъ до вельможности вашей «и до того Котляра, абы вже мижъ собою а жоною своею який конецъ учинивъ: либо самъ до ней вернувся, либо ей листъ волный замужъ ити далъ»²⁾. Итакъ безвѣстное отсутствіе даже явнаго бродяги не даетъ брошенной женѣ права выйти замужъ безъ разводнаго листа со стороны мужа.

Въ 1676 г. крестьянка с. Сасиновки³⁾ Савчиха, мужъ которой находился въ татарскомъ плѣну, захотѣла обвѣнчаться съ за-

¹⁾ Срокъ давности для такихъ случаевъ (нахожденія въ плѣну), назначенный въ византійскомъ свѣтскомъ правѣ (Юстин. и Прохиронъ), съ постановленіями котораго считается и русское каноническое право.

²⁾ Акты Ю. и Зап. Россіи, т. III, № 157.

³⁾ Нынѣ с. Пирят. у. Полт. губ.

хожимъ изъ Подолья человѣкомъ, жена котораго также томилась въ крымской неволѣ. Но священникъ не рѣшался вѣнчать ихъ, опасаясь отвѣтственности въ случаѣ возвращенія кого-либо изъ плѣнниковъ. Между тѣмъ женихъ и невѣста не давали ему покоя, а главное—за нихъ усердно хлопотали «сваты», въ числѣ коихъ былъ и сельскій атаманъ, лице вліятельное въ то время; они же брались «переняти на себе вину» въ томъ случаѣ, если бы опасенія священника оправдались. Только подъ этимъ условіемъ осторожный священникъ согласился приступить къ вѣнчанью, но предварительно въ присутствіи заинтересованныхъ лицъ и многихъ «зацныхъ людей» составилъ записъ о томъ, что «ежели Господь здарить, же оные неволники на волю новиходятъ, абы-мъ я не былъ в тимъ виненъ, за що оны (поручители) взявшися, на себе самихъ вину оную переняли»¹⁾.

Обыватель с. Голубичъ, черниговскаго полка, роисскоѣ сотни, Кондрать Шаршановичъ въ духовномъ завѣщаніи, составленномъ въ 1691 г., распредѣляетъ свое имущество между дѣтьми, прижитыми отъ двухъ женъ, и при этомъ такъ объясняетъ фактъ своего двоеженства: «сынъ мой Иванъ сплжоній з жоною моею второю, которая за мною была подъ часъ забранія жони моеи першої отъ татаръ в неволю, але, за благодати Божой и пресвятой Богородицы, вышла з неволѣ жона моя першая; теди вторую жону понятую отправилемъ со всѣмъ учтивемъ», т. е. матеріально ее обезпечивъ, почему и «не маеть она жадного уступку до убозтва нашего»²⁾.

Какъ видимъ, во всѣхъ этихъ случаяхъ ясно сказывается общее пониманіе, что пребываніе въ плѣну, какъ и вообще бесрочное отсутствіе супруга, само по себѣ не освобождало оставшагося отъ брачнаго союза съ нимъ; когда же отсутствовавшій супругъ неожиданно возвращался и находилъ остававшагоса въ брачномъ союзѣ

¹⁾ „Кіев. Старина“, 1903 г., № 12, стр. 127.

²⁾ Обзорѣніе Румянцовской описи Малороссіи, Ал. Лазаревскаго, 67.

съ третьимъ лицомъ, то онъ могъ или потребовать возстановленія своихъ супружескихъ правъ, и тогда новый бракъ расторгался съ сохраненіемъ всѣхъ гражданскихъ правъ за дѣтьми, рожденными въ этомъ бракѣ,—или же онъ мирился съ совершившимся фактомъ и добровольно отрекался отъ супружескихъ правъ, и въ такомъ случаѣ заключенный въ его отсутствіе бракъ навсегда оставался въ своей силѣ. Такой порядокъ находилъ логическое оправданіе въ томъ общемъ принципѣ, что бракъ могъ быть расторгнутъ не иначе, какъ по волѣ и взаимному соглашенію *обоихъ* супруговъ.

Но если кто-либо выкупалъ изъ плѣна чужую жену, тотъ могъ свободно жениться на ней, не испрашивая ей развода со стороны мужа. Такой случай былъ на Волыни съ Александромъ Оедоровичемъ Владычкою, маршалкомъ господарскимъ. Бывая часто въ Крыму по дѣламъ посольскимъ, онъ выкупилъ тамъ изъ неволи овруцскую шляхтянку Ганну Ивановну, жену кievскаго землянина Михаила Халаима, и вернувшись на Волинь въ 1568 году, вѣнчался съ нею въ Зименскомъ монастырѣ. Прибывшій туда же п. Халаимъ требовалъ отъ него возвращенія жены, но Владычка отказалъ ему, говоря: «то не жона твоя, але неволница моя, же ее есми з неволи окупилъ». Такъ и прожилъ онъ въ брачномъ союзѣ съ Ганной до конца дней своихъ и передъ смертью завѣщалъ ей пять деревень, выслуженныхъ имъ на королевской службѣ¹⁾.

Любопытно, что самая обыденная причина, и по каноническому праву влекущая за собою расторженіе брака—прелюбодѣяніе отсутствуетъ въ числѣ формальныхъ мотивовъ, по которымъ въ то время совершались разводы. Оно и понятно, если вспомнимъ, что прелюбодѣяніе, по Статуту, считалось тяжкимъ уголовнымъ преступленіемъ и каралось смертью²⁾. Поэтому, въ случаяхъ нарушенія супружеской вѣрности, потерпѣвшая сторона или прямо обращалась къ

¹⁾ № СШ, стр. 417—418.

²⁾ 3-й Статутъ, разд. XIV, арт. 30. Въ нашихъ актахъ смертные приговоры за чужеложство. №№ СХVІІІ и СХХХІХ.

духовному суду съ требованіемъ развода. подвергая этимъ виновную сторону уголовной отвѣтственности¹⁾, или (что бывало чаще всего) такіе супруги, скрывая свой позоръ, разводились по взаимному соглашенію подь предлогомъ болѣзни или несогласной жизни. Такъ поступили, напримѣръ, князь Левъ Воронежскій и его жена Христина Боговитиновна. Долго они позорили другъ друга, засыпая свѣтскіе и духовные суды скандальными жалобами и обвиненіями, наконецъ взялись за умъ и въ 1621 году, при участіи родственниковъ, заключили между собою фформальное «постановленіе», по которому обязались другъ передъ другомъ уничтожить всѣ прежнія жалобы и позовы и, ставши передъ судомъ духовнымъ, развестись подь предлогомъ болѣзни или другой причины, но такой, которая не дѣлала бы безчестья ни той, ни другой сторонѣ²⁾. Лица, болѣе равнодушныя къ такому безчестью, поступали въ подобныхъ случаяхъ иначе: мужъ, уличившій жену въ невѣрности, заявлялъ объ этомъ уряду и просилъ взять ее подь арестъ впредь до судебного надь нею приговора. Но онъ могъ и простить ее, или же дать ей разводъ, и тѣмъ освободить ее отъ уголовной отвѣтственности, такъ какъ въ тѣ времена даже на убійство и другія тяжкія преступленія смотрѣли прежде всего какъ на дѣянія, нарушающія частные интересы, и если, напримѣръ, убійца или соблазнитель чужой жены примирялись съ потерѣвшими и получали отъ нихъ прощеніе, то судъ освобождалъ ихъ отъ наказанія³⁾. Такой именно случай произошелъ въ 1581 г. въ семьѣ Януша Бенедиктовича Глипскаго, бывшаго, кажется, «служебникомъ» или бояриномъ князя Конст. Острожскаго. Въ февралѣ того гола онъ сдѣлалъ слѣдующее заявленіе передъ гродскимъ владимирскимъ урядомъ: «Вашей милости,

¹⁾ По Статуту, декретъ духовнаго суда о разводѣ, съ прописаніемъ причины развода, обязательно сообщался въ свѣтскій судъ для руководства при рѣшеніи вопроса, кому изъ разведенныхъ супруговъ должно быть присуждено вѣно. Разд. V, арт. 20.

²⁾ СХХХVIII, стр. 569.

³⁾ См. подобный случай въ актѣ № ХСIII, стр. 334.

пане подстаросто, извѣстно, что недавно, при помощи отрѣженныхъ вами служителей, я отыскалъ здѣсь, во Владимирѣ, бѣжавшую отъ меня жену мою Катерицу Криковну и привелъ ее къ вашей милости для заключенія подъ стражу. Въ то время моя жена отказывалась признавать меня своимъ мужемъ и именовала таковымъ другого, именно Ивана Щаурскаго; но потомъ, одумавшись и «взявши Бога въ сердце», признала себя моею женою и чрезъ посредство своихъ и моихъ пріятелей стала упрашивать меня, чтобы я, простивъ ей все, что она мнѣ худого чинила, освободилъ ее отъ супружества со мною. Снисходя просьбѣ пріятелей и видя, что она настоящей любви супружеской и «щирого сердца» ко мнѣ не имѣетъ, я освобождаю ее нынѣ предъ вашей милостью на вѣчныя времена отъ себя «зъ стану святого малженского» и впродъ отказываюсь имѣть къ ней какое-либо дѣло, и искать на ней ничего не буду. Вольна она съ тѣмъ мужемъ своимъ, котораго теперь имѣетъ, Иваномъ Щаурскимъ, какъ съ настоящимъ «шлюбнымъ» мужемъ жить въ супружествѣ до тѣхъ поръ, пока на это воля Божья будетъ. А если бы тотъ мужъ ея Щаурскій раньше ея умеръ, тогда она будетъ имѣть право снова замужъ пойти, но только «за нашу нацею», за человѣка «закону греческого, або римского и иншихъ».— Присутствовавшая здѣсь же, на урядѣ, Катерина Щаурская (въ актѣ она называется этимъ именемъ) съ своей стороны изъявила согласіе на все выше изложенное, прибавивъ, что она въ свою очередь бывшего своего мужа Януша Глинскаго на вѣчныя времена «зъ стану малженского выпустила и волнымъ учинила и дала ему вольность с другою жоною ся оженити», обѣщая въ томъ ему никакого затрудненія и «шкоды» не чинить подъ закладомъ на обѣ стороны по двѣсти копъ грошей литовскихъ и такой же суммы въ пользу короля. «А если бы я, присовокупила она, настоящаго постановленія не исполнила и, оставшись вдовой по смерти мужа моего Щаурскаго, пошла замужъ «за нацею народу цыганского»¹⁾,

¹⁾ Судя по этимъ словамъ, можно думать, что Щаурскій былъ цыганъ и что это обстоятельство было причиной, почему Глинскій не сразу со-

то не иначе, какъ только смертью имѣю быть за то карана». Наконецъ выступилъ присутствовавшій здѣсь же и самъ Иванъ Щаурскій и заявилъ, что отнынѣ онъ даетъ обѣщаніе не причинять никакого худа Янушу Глинскому, его братьямъ у родственникамъ, ихъ слугамъ и подданнымъ, и не посягать на ихъ здоровье, подъ закладомъ въ 200 копей грошей; а Янушъ съ своей стороны далъ такое же обѣщаніе Щаурскому ¹⁾).

Здѣсь, какъ видимъ, разводъ совершается въ гродскомъ судѣ посредствомъ одного лишь устнаго заявленія разводящихся и въ присутствіи третьяго лица, которому мужъ формально переуступаетъ свои супружескія права въ отношеніи къ своей прежней женѣ, при чемъ весьма характерно то обстоятельство, что незаконная связь Катерины съ Щаурскимъ, за которую она, по требованію мужа, была подвергнута заключенію и даже могла быть, по Статуту, казнена,—эта связь признается уже законнымъ бракомъ съ того момента, какъ только прежній мужъ призналъ за нею этотъ характеръ и освободилъ свою бывшую жену отъ супружества съ собой. Важно здѣсь еще и то, что расторженіе брака даже по причинѣ явнаго прелюбодѣянія жены основывается все таки на взаимномъ, формально выраженномъ согласіи на то обоихъ супруговъ, при чемъ обѣ стороны предоставляютъ другъ другу право вступать въ новые брачные союзы.

Но какъ примирить требованіе такого согласія съ категорическимъ предписаніемъ закона о разводѣ, какъ о мѣрѣ уголовного наказанія? Такое именно наказаніе за чужеложство полагалось по Магдебургскому праву, которымъ руководствовался въ то время суды магистратскіе, ратушные, а въ лѣвобережной Украинѣ сверхъ того суды полковые и сотенные. Въ одной изъ руководственныхъ книгъ Магдебургскаго права прямо предписывалось: «чужеложникъ

гласился переуступить ему свою невѣрную жену. Онъ хотѣлъ, чтобы она хотя бы вторично, въ случаѣ вдовства, не шла замужъ за цыгана.

¹⁾ № XCII, стр. 332.

долженъ быть на горлѣ карань, а чужеложница у позорнаго столба бита и отъ права малженскаго отдалена»¹⁾). И вотъ какъ примѣняли этотъ законъ козацкіе суды въ Гетманщинѣ. Въ 1691 г. въ полтавскомъ полковомъ судѣ разбиралось дѣло по обвиненію мѣщанки Насти Цымбалистой въ чужеложствѣ. Справившись съ законами и ссылаясь именно на цитированную статью Магдебургскаго права, судьи постановили приговоръ: соблазнителя Насти навсегда изгнать изъ города, а ее самое, наказавши кіями на торговой площади, «дать на волю» ея мужу: «коли не хоче, респектючи на дѣти, зъ нею сплуженыи, приняти онои Насти за жону, тогда, якъ доложено у «Порядку» на листѣ 132, одъ права малженскаго и мы отдаляемъ; а коли въ наступуючіи часы онъ моглъ бы приняти оную Настю за жону, то о тимъ впередъ въ суду духовнаго, потимъ намъ, врядови, повиненъ оповѣститися»²⁾). Итакъ, безусловное предписаніе закона о расторженіи брака съ прелюбодѣйной женой козацкій судъ примѣняетъ условно, въ зависимости отъ желанія или нежеланія мужа. Ясно, что, кромѣ опасенія нарушить интересы и право невиновнаго супруга, судъ въ данномъ случаѣ невольно подчинился воззрѣніямъ обычнаго права, по которому главнымъ факторомъ въ дѣлѣ расторженія брака признавалась воля и согласіе самихъ супруговъ.

Можетъ быть, по аналогіи съ расторженіемъ брака по причинѣ прелюбодѣянія, обычное право допускало возможность развода и въ тѣхъ случаяхъ, когда одинъ изъ супруговъ опозорилъ себя и семью совершеніемъ какого-либо проступка, караемаго общественнымъ презрѣніемъ, и былъ въ томъ уличенъ на судѣ. Весьма цѣнное, хотя и единственное пока, указаніе на это находимъ въ одномъ рѣшеніи Бориспольскаго сотеннаго и вмѣстѣ ратушнаго суда 1665

¹⁾ Porządek sądow u spraw mieyskich prawa Maydeburskiego, часть 4-я.

²⁾ Подлинная актовая книга полтавскаго полковаго суда конца XVII ст., хранящаяся въ бібліотекѣ Кіев. Университета, въ собраніи рукописей А. М. Лазаревскаго.

года. Козачка Лихолапиха обвинялась въ кражѣ. Винодность ея была доказана на судѣ, но потерпѣвшая сторона заявила, что она не настаиваетъ на осужденіи своей обидчицы. Согласно обычаю, судьи спросили мѣтніе «мира», т. е. присутствовавшихъ па судѣ козаковъ и мѣщанъ, но «миръ весь едностайно крикнулъ: «коли той не настоѣтъ, кому шкода, а намъ на що?» Въ виду этого судъ «даровалъ Лихолапиху жадною карностью», т. е. освободилъ отъ наказанія, но обратился къ присутствовавшему здѣсь же мужу ея Лукьяну съ вопросомъ: «чи приймешъ еѣ собѣ за жону, якъ были-сте впродъ?» Лукьянъ отвѣтилъ: «пане вряде, я не хочу еѣ мѣти собѣ за жону, кгда (пока) она с тих злихъ речий виводу собѣ не дастъ (т. е. пока не оправдается); а ежели бы дала вивод, же не она тому есть причинцею, можна бы тому рѣч, а теперъ еѣ цураюся и не хочу за жону мѣти; а дѣти моѣ при мѣѣ нехай застають». Судьи, «выслухавши мовы его, ижъ «я цураюся еѣ», казали оное дѣло признати и писару записати», т. е. узаконили заявленіе Лукьяна о расторженіи его брачнаго союза съ женой-воровкой на выраженныхъ имъ условіяхъ¹⁾. Какъ видимъ, и здѣсь разводъ ставится въ зависимость отъ воли и желанія невиннаго супруга.

Наконецъ, обычное право на Украинѣ допускало возможность расторженія брака (и при томъ по рѣшенію свѣтскаго суда) и въ такихъ случаяхъ, когда одинъ изъ супруговъ совершалъ или только замышлялъ какія-либо преступныя дѣйствія, угрожавшія жизни и здоровью другого или его родителей. Въ 1701 г. полтавскій полковой судъ, разсмотрѣвъ жалобу Нехворощанскаго сотника Федора Сухомлина, обвинявшаго своего зятя Данила Дробязку въ нанесеніи ему ранъ и въ угрозахъ «зогнати его зъ свѣта», постановилъ приговоръ: согласно 16-му арт. 11-го разд. Статута, отсѣчь Дробязкѣ руку. Когда же Сухомлинъ, внявъ просьбамъ каившагося зятя, сталъ ходатайствовать о его помилованіи, судъ, «спустившись

¹⁾ Акты Бориспольскаго мѣйскаго уряда 1612—1699 гг., изданные въ приложеніи къ «Кіевской Старинѣ», № 106.

на его волю», отменилъ свой декретъ и отпустилъ Дробязку «безъ карности», но помиловаль его условно, съ предупрежденіемъ, что если бы онъ, Дробязка, впредь «важился до якои незгоды противъ тестя своего прийти, то не тилко подлугъ нынѣшняго декрету будетъ скаранъ, але и *отъ права малженского, яко неприятель, будетъ отчужденъ*»¹⁾. Формальнаго основанія для послѣдней угрозы нельзя отыскать ни въ одномъ изъ дѣйствовавшихъ тогда въ Малороссіи кодексовъ; она лишь отчасти напоминаетъ ученіе византійскихъ законовъ о такихъ преступленіяхъ одного супруга противъ другого, какъ, напр., покушеніе на жизнь, которыя могутъ повести къ лишенію правъ, а потому и къ расторженію брака; между тѣмъ, по козацкому праву, послѣднее могло примѣняться и какъ самостоятельная кара.

Таковы были разнообразныя причины, иризнаваемые въ то время законнымъ поводомъ для разводовъ. Въ сущности, ими исчерпывалось все, что могло служить препятствіемъ къ осуществленію физическихъ и особенно нравственныхъ цѣлей брака. Самый обрядъ развода состоялъ лишь въ томъ, что супруги, въ присутствіи свидѣтелей, выдавали другъ другу разводныя листы и потомъ лично заявляли ихъ передъ тѣмъ урядомъ, подъ юрисдикціей коего они находились; кто хотѣлъ, заявлялъ ихъ еще и передъ духовнымъ урядомъ, приходскимъ или епархіальнымъ. Такой порядокъ одинаково противорѣчилъ какъ церковнымъ законамъ, такъ равно и дѣйствовавшему въ то время государственному праву, по силѣ котораго расторженіе браковъ было подчинено исключительно компетенціи духовнаго суда; тѣмъ не менѣе гродскіе, старостинскіе и другіе уряды, какъ мы видѣли, не колеблясь принимали заявленія о разводахъ и безпрепятственно вносили въ актовыя книги развод-

¹⁾ Подлинная актовая книга полт. полкового суда въ собраніи рукописей А. М. Лазаревскаго, хранящихся въ бібліотекъ Университета св. Владимира.

ные листы, какъ и всякіе другіе законно составленные акты,— знакъ, что этотъ порядокъ издавна пріобрѣлъ всеобщее признаніе и никому не казался беззаконіемъ. И точно, древнерусское обычное право тоже допускало очень широкую свободу разводовъ и практиковало ту же самую форму ихъ совершенія—письменный договоръ между супругами, явленный свѣтскому или духовному суду¹⁾. Вотъ почему и южно-русское духовенство терпимо относилось къ разводамъ, какъ и вообще оно слабо боролось противъ того, что брачныя отношенія регулировались не столько каноническими предписаніями, сколько обычаями и преданіями, унаслѣдованными отъ предшествовавшихъ вѣковъ. О сельскихъ причтахъ и говорить нечего: не составляя въ то время особой, замкнутой корпораціи и живя одной бытовой жизнью съ своей паствой, приходское духовенство въ своихъ отношеніяхъ къ брачнымъ дѣламъ вполнѣ подчинялось воззрѣніямъ обычнаго права и нисколько не думало вооружаться противъ нихъ во имя каноническихъ требованій, о которыхъ и само мало вѣдало. Припомнимъ, что въ одномъ изъ приведенныхъ нами бракоразводныхъ случаевъ мы встрѣтили приходскихъ священниковъ въ роли свидѣтелей развода, совершеннаго по обычному порядку. Что касается высшихъ представителей западно-русской церкви, то они тоже восходили на епископскіе уряды непосредственно изъ мірской среды и въ новомъ званіи удерживали всѣ понятія и привычки, свойственныя тогдашнему обществу. Сами они на каждомъ шагѣ грубо нарушали основныя требованія церковнаго права и дисциплины, и имъ ли было заботиться о точномъ исполненіи каноническихъ предписаній ихъ пасомыми? Вотъ почему, до конца XVI ст., мы не видимъ съ ихъ стороны сколько-нибудь энергичнаго протеста противъ народныхъ обычаевъ въ дѣлѣ разводовъ. Лишь слабое слово осужденія этимъ обычаямъ слышится въ наказѣ митрополита Сильвестра новопоставленному іерею (1562

¹⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, проф. Владимірскаго-Буданова, изд. 2, стр. 375—377.

года): «а на бракъ не ходи, где мужъ жопу пустить или жона мужа безъ вины, а инде ся поймають» ¹⁾). Случалось, что сами короли, возмущаясь легкостью разводовъ, совершенно недопустимой по правиламъ католической церкви, ставили на видъ православному митрополиту и епископамъ, что среди ихъ пасомыхъ «частые и неслухные розводы в стадлѣ малженскомъ дѣются, што есть противъ Богу и приказанью Его святому» ²⁾). Въ отвѣтъ на это со стороны православныхъ іерарховъ слѣдовали жалобы, что они безсильны искоренить это зло, такъ какъ старосты и державцы въ королевскихъ имѣніяхъ и сами владѣльцы и ихъ урядники въ частныхъ маетностяхъ «въ справки духовные вступаются, мужовъ зъ жонами роспускають и роспусы (доходы) берутъ, а до права и до казни духовноѣ ихъ не выдаютъ» ³⁾). Дѣйствительно, разводы въ то время облагались денежной пошлиной въ пользу лицъ или учрежденій, принимавшихъ заявленія о разводѣ, и составляли для нихъ важную статью дохода. Въ люстраціяхъ королевскихъ староствъ эти пошлины, подъ именемъ «роспусовъ» и «розводовъ», открыто фигурируютъ въ реестрахъ обычныхъ старостинскихъ доходовъ; то же, безъ сомнѣнія, было и въ частныхъ имѣніяхъ; поэтому, преслѣдуя обычные разводы, духовенство тѣмъ самымъ задѣвало матеріальные интересы старостъ и владѣльцевъ. Исполняя ходатайства митрополитовъ, короли неоднократно издавали окружныя грамоты князьямъ, воеводамъ, старостамъ, державцамъ, урядникамъ земскимъ и дворнымъ и ихъ намѣстникамъ, землянамъ и всей шляхтѣ духовнаго и свѣтскаго стану, равно войтамъ, бурмистрамъ и прочимъ магистратскимъ и ратушнымъ урядникамъ, съ строгимъ наказомъ, чтобы они «въ доходы церковные и во вси справки и суды духовные не вступовались и роспусковъ мужовъ съ жонами не чинили, кгдажь то не свѣтскому, але духовному суду належить» ⁴⁾). Такіе же приказы своимъ старостамъ и урядникамъ

¹⁾ Акты Зап. Россіи, т. III, № 31.

²⁾ Акты Зап. Россіи, т. III, №№ 3 и 152.

³⁾ Тамъ же, т. II, № 230, и т. III, №№ 22 и 149.

⁴⁾ Тамъ же, и сверхъ того т. IV, № 31.

иногда издавали, по просьбамъ духовенства, и нѣкоторые благочестивые магнаты, въ родѣ князя Константина Острожскаго ¹⁾). Но всѣ эти запрещенія оставались, конечно, безрезультатными, такъ какъ задѣвали матеріальныя интересы могущественной шляхты, въ большинствѣ иновѣрной и потому сугубо равнодушной къ пользамъ православной церкви. Да и сами владыки, стремясь подчинить дѣла о разводахъ своей исключительной юрисдикціи, едва ли не больше ревновали объ умноженіи своихъ доходовъ, нежели о строгомъ исполненіи церковныхъ законовъ, такъ какъ и ихъ позвы и декреты по такимъ дѣламъ тоже облагались пошлинами и «винами» (штрафами) въ ихъ пользу; сами же они въ своихъ опредѣленіяхъ по бракоразводнымъ дѣламъ не всегда руководились каноническими правилами, а часто тѣми же мѣстными обычаями. Такъ, на примѣръ, извѣстенъ случай разрѣшенія епархіальной властью развода князя Андрея Курбскаго съ его женой Марьей Юрьевной Гольшанской въ 1578 году, единственнымъ поводомъ къ которому служили ихъ семейныя несогласія—причина, какъ извѣстно, по церковнымъ законамъ не дающая никакого основанія къ разводу, что, однако, не помѣшало Курбскому, годъ спустя, вступить во вторичный бракъ при жизни разведенной жены ²⁾). А еще раньше, въ 1570 г., кievскій митрополитъ Иона далъ разводъ луцкому земскому судѣ Гаврилу Бокію тоже по причинѣ несогласной жизни его съ женою. Но вотъ предъ нами случай, въ которомъ какъ нельзя болѣе ясно выразилось отношеніе тогдашней духовной власти къ обычнымъ разводамъ. Случай этотъ заслуживаетъ подробной передачи, такъ какъ онъ, кромѣ того, живо рисуетъ семейныя невзгоды одного изъ лучшихъ людей того вѣка, виднаго общественнаго дѣятеля на Волыни, глубоко преданнаго интересамъ родной церкви и народности, брацлавскаго каптеляна Василя Петровича Загоровскаго.

¹⁾ Тамъ же, т. IV, № 30, и Архивъ Югозап. Россіи, часть I, т. 1, № 64.

²⁾ Жизнь князя А. М. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, т. I, Предисловіе, стр. XVIII.

Въ своемъ завѣщаніи, писанномъ въ Крыму, въ татарской наволѣ, онъ наказывалъ сыновьямъ своимъ, чтобы они, при выборѣ себѣ женъ, «не сквапились на красу людскую а ни на маетность и славу чьего дому, велможного и оздобеного, и не смотрѣли по жонахъ великихъ посаговъ»; но самъ онъ не слѣдовалъ этому мудрому правилу, за что и поплатился полнымъ крушеніемъ своего семейнаго благополучія. Происходя изъ небогатаго землянскаго рода, но быстро преуспѣвая на королевской службѣ, Загоровскій задумалъ укрѣпить свое общественное положеніе, породнившись съ богатымъ и знатнымъ домомъ князей Збаражскихъ, въ то время еще не измѣнившихъ православію, но уже сильно тронутыхъ вліяніемъ польской культуры. Въ февралѣ 1566 года онъ вступилъ въ бракъ съ княжной Марушей¹⁾, дочерью кременецкаго старосты Николая Андреевича Збаражскаго, и въ предбрачномъ условіи выговорилъ, чтобы, сверхъ приданого, ей были выдѣлены ея материнскія имѣнія²⁾. Вначалѣ молодые супруги жили въ любви и согласіи и, по обычаю вѣка, одаривали другъ друга: княжна Маруша записала мужу третью часть своихъ имѣній въ даръ, а двѣ трети въ заставу за мнимый долгъ³⁾; но скоро между ними, на почвѣ именно счетовъ имущественныхъ, возникли несогласія. Въ іюнь 1567 г. князь Збаражскій формально протестовалъ, что Загоровскій, «пе маючи ведлугъ приказаня Божого и присеги своее доброгo у малженстве светомъ мешканя» съ его дочерью, внесъ въ актовыя книги какія-то «поневоле учиненные» ею дарственныя записи⁴⁾. Тогда же княгиня Збаражская, мачеха Маруши, захотѣла навѣститъ ее въ отсутствіи мужа, но урядникъ Загоровскаго не пустилъ ее во дворъ и не позволилъ ей видѣться съ падчерицей⁵⁾. Спустя нѣсколько дней самъ князь Збаражскій съ отрядомъ вооруженныхъ слугъ пріѣхалъ къ дочери

¹⁾ Въ актахъ она именуется также Мариной.

²⁾ № XXVІ, стр. 77.

³⁾ № XLV, стр. 167.

⁴⁾ № XXVI, стр. 76.

⁵⁾ № XLV, стр. 147.

и увезъ ее къ себѣ. Загоровскій тотчасъ запесъ на него жалобу, въ которой изобразилъ дѣло такъ, что это былъ вооруженный наѣздъ со стороны князя Збаражскаго, сопровождавшійся разгромомъ двора и дома и грабежемъ имущества; по объясненію же послѣдняго, онъ вовсе и не былъ въ дворѣ своего зятя, а остановился въ селѣ и далъ знать дочери, что хочетъ видѣться съ нею. Маруша тотчасъ прибѣжала «и вмѣсто витаня, заразомъ падши передъ отцемъ, слезно просила его, абы ее зъ такъ великое и тяжкое неволи, которое дей отъ часу немалого отъ малжонка своего, яко одна неволница, вживаетъ и терпитъ, вызволити а ее зъ собою взяти рачиль», что онъ и сдѣлалъ¹⁾. Прибывъ съ отцемъ во Владимиръ, княжна Маруша и передъ гродскимъ урядомъ жаловалась, будто она отъ мужа своего «везеня, бою и зраненя приймавала и терпѣла, которого зраненя и теперъ дей знаки в себѣ в голове маеть; а то дей все ни для чого иншого мне чиниль, одно примушаючи мене, абыхъ ему имени мои материстые поневоле записала», каковыхъ записей она, однако, никогда ему не выдавала, и если бы онѣ гдѣ-либо появились, то должны быть признаны недѣйствительными²⁾. Такимъ образомъ одновременно начаты были въ судѣ два дѣла: Загоровскій обвинялъ тестя въ вооруженномъ наѣздѣ на его имѣніе, увозѣ жены и грабежѣ имущества, а княжна Маруша обвиняла мужа въ подложномъ составленіи отъ ея имени дарственныхъ записей. Прежде чѣмъ судиться, стороны согласились передать дѣло на рѣшеніе полюбовныхъ судей, которымъ, послѣ неоднократныхъ попытокъ, удалось примирить ихъ на такихъ условіяхъ: Загоровскій обязался прекратить начатое имъ въ гродскомъ судѣ дѣло по обвиненію тестя въ наѣздѣ и грабежѣ и вернуть женины имѣнія, а князь Збаражскій обѣщалъ прислать ему свою дочь. Загоровскій выполнилъ свое обязательство относительно прекращенія судебного иска, но имѣнія жены пока удержалъ, а князь Збаражскій не вернулъ ему дочери. Тогда (въ августѣ

¹⁾ Тамъ же, стр. 148—154.

²⁾ Тамъ же, стр. 154.

1568 г.) Загоровскій позвалъ Марушу на судъ духовный, къ владимирскому епископу Ѳедосію Лазовскому, очевидно обвиняя ее въ самовольномъ его оставленіи, а Маруша, при содѣйствіи своего брата, князя Януша Збаражскаго, силой отобрала у него свои имѣнія¹⁾.

Тѣмъ временемъ Маруша пропустила срокъ явки въ духовный судъ, и слухъ прошелъ, будто владыка заочно развелъ ее съ Загоровскимъ. Когда князь Збаражскій послалъ спросить владыку, вѣрно ли это, тотъ отвѣтилъ, что «за пестаньемъ и непослушенствомъ» Маруши онъ «вчинилъ волнымъ папа Загоровского от нее». Это было сказано въ присутствіи вознаго, который такъ и допесъ городскому уряду для внесенія въ актовыя книги²⁾. Князь Збаражскій разсудилъ, что его дочери приличнѣе развестись съ мужемъ по добровольному соглашенію, чѣмъ быть разведешной по приговору духовнаго суда, и потому сталъ склонять зятя къ миролюбивому рѣшенію возникшихъ между ними несогласій и къ разводу. Загоровскій не сталъ противиться. Снова были приглашены «едначи» (целобовные судьи), которые, послѣ долгихъ переговоровъ, составили и написали «листь угоды», или «застаповенье пріятельское», принятое сторонами. Подлинный текстъ этого документа не дошелъ до насъ, но одицъ изъ свидѣтелей, видѣвшій его, такъ передавалъ его содержаніе: оба супруга учинили вызволенье другъ друга «з шлюбу и закопу малженскаго», при чемъ «позволилъ папъ Василій княжнѣ Марушѣ за инога мужа пойти, а княжна Маруша папу Василію Загоровскому позволила доброволне иную жону поняти, кого хочаши». Договоръ былъ обезпеченъ обычными «заруками, абы се тое вечными часы не вспоминало передъ жаднымъ правомъ, такъ духовнымъ, яко и свецкимъ», скрѣпленъ печатями свидѣтелей, «и сама ее милость княжна Маруша, печать свою до опого листу, постановенья пріятельскаго, приложивши, рукою своею власною

¹⁾ Тамъ же, стр. 156—166.

²⁾ № XLV, стр. 160—161.

пополску поднисати рачила» ¹⁾. Тамъ же было оговорено, что разводящіеся супруги обязываются пастояцій договоръ (или особые разводныя листы) «до права духовного дати албо сознати», но почему-то пунктъ этотъ не былъ выполненъ ²⁾. Покопчивъ съ разводомъ, Загоровскій возвратилъ Марушѣ ея дарственныя и заставныя записи на имѣнія, а она формально, передъ гродскимъ урядомъ, отреклась отъ обвиненія его въ томъ, будто онъ насильственно вынуждалъ онъ нея эти записи и составилъ ихъ безъ ея согласія ³⁾.

Такъ закончился первый актъ семейной драмы Загоровскаго. Прожилъ онъ въ бракѣ съ княжной Збаражской всего лишь два съ половиной года. Она ушла отъ него беременной ⁴⁾ и уже въ отцовскомъ домѣ родила дочь; но этотъ ребенокъ, по волѣ матери, никогда не видѣлъ своего отца.

А Загоровскій недолго оставался въ положеніи вдовца. Два года спустя онъ уже сосваталъ за себя княжну Катерину Ивановну Чорторыйскую и въ предбрачномъ условіи настоялъ, чтобы ея приданое было не меньше того, какое получила ея старшая сестра, княжна Олена, выходя за сына новгородскаго воеводы Остафья Горностая ⁵⁾. Свадьба Загоровскаго происходила въ январѣ 1571 года. Вѣнчалъ его игумень Пересопницкаго монастыря, владѣльцами и благотворителями коего издавна были князья Чорторыйскіе, Кириллъ Лясковскій; онъ-то впоследствии свидѣтельствовалъ въ гродскомъ судѣ, что передъ вѣнчаньемъ видѣлъ подлинный актъ «угоды» о разводѣ Загоровскаго съ первой женой и, кромѣ того, читалъ еще какой-то «листъ» (письмо) владимирскаго епископа Θεодосія Лазовскаго, изъ котораго «зрозумѣлъ, иж не такъ Василей Загоровскій причину до розорваня малженства далъ, але ее милость кнежна Маруша Збаражская сама причиною розорваня малженства была»,

¹⁾ № XCIV, стр. 345.

²⁾ № XCIV, стр. 338. Архивъ Югозап. Россіи, часть I, т. 1, стр. 176.

³⁾ № XLV, стр. 167—168.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 155.

⁵⁾ № LVIII, стр. 207.

почему опъ, игумень, съ спокойною совѣстью приступилъ къ вѣнчанью ¹⁾). Очевидно, княгиня Чорторыйская, выдавая дочь за челоуѣка, состоявшаго въ разводѣ, находила нужнымъ удостовѣриться, правильно ли совершенъ его разводъ, и съ этою цѣлью собирала справки и у мѣстнаго архіерея.

Родъ князей Чорторыйскихъ былъ богаче и знатнѣе рода первой жены Загоровскаго. Сами они считали себя Гедиминовичами и еще въ половинѣ XV ст. получили отъ короля Владислава III особый привилей, коимъ онъ призналъ ихъ родство съ Ягеллонами и на этомъ основаніи даровалъ имъ право употреблять литовскій великокняжескій гербъ Погони ²⁾). Кромѣ того, князья Чорторыйскіе издавна отличались усердіемъ къ православной церкви и благотворительностью по отношенію къ монастырямъ, каковыхъ было нѣсколько въ ихъ имѣніяхъ. Родство съ такимъ домомъ, казалось, сулило всѣ блага честолюбивому и вмѣстѣ набожному Загоровскому. И точно, годъ спустя послѣ второго брака онъ получилъ рѣдкое въ то время для не титулованнаго русина служебное повышеніе: ему было пожаловано брацлавское каштелянство и вмѣстѣ съ тѣмъ кресло въ сенатѣ. Но семейное счастье не улыбнулось ему и во второй разъ. Начались недоразумѣнія съ тещей изъ-за имущественныхъ счетовъ: въ 1574 г. Загоровскій жаловался въ судъ, что княгиня Ганна Чорторыйская отняла ея же записанныя ему имѣнія, а послѣдняя жаловалась, что Загоровскій, управляя этими имѣніями въ качествѣ опекуна ея несовершеннолѣтняго сына, разорилъ ихъ ³⁾). Эти пререканія не могли не отразиться дурно на взаимныхъ отношеніяхъ Загоровскаго и его жены, если только и раньше эти отношенія не были въ конецъ испорчены. Княжна Катерина, несомнѣнно, не любила мужа, тяготилась сожителемъ съ нимъ и

¹⁾ № XCIV, стр. 344—346.

²⁾ Грамота эта, подтвержденная впоследствии кор. Сигизмундомъ Августомъ въ 1569 г. и Августомъ II въ 1713 г., напечатана въ Архивѣ Югозап. Россіи, ч. VIII, т. 4, № X.

³⁾ Акт. книга Киев. Центр. Архива № 2048, л. 196, 225 и 236.

только ожидала удобнаго случая, чтобы уйти отъ него. Въ іюнѣ 1576 года она, подѣ предлогомъ посѣщенія больной матери, уѣхала къ ней и не захотѣла больше возвращаться къ мужу и малолѣтнимъ дѣтямъ. Напрасно Загоровскій посылалъ своихъ пріятелей, «зацныхъ людей», уговаривать ее, чтобы она «присязѣ своей досыть чинила и до малжонка и до дѣтей своихъ въ домъ ехала»; напрасно вручалъ ей и матери ея черезъ вознаго «напоминальные листы» отъ земскаго суда съ тѣмъ же требованіемъ. Старая княгиня отвѣчала на это: «я ей до малжонка и дѣтей ехати не бороню, але ее, яко детяти своего, з дому выганяти не годится»; а сама княжна напрямикъ отрѣзала: «видячи з грѣхомъ свое мешканье у малженстве съ паномъ каштеляномъ, до его милости ехати и зъ его милостю жити не хочу, аж бы его милость шлюбилъ (обѣщаль) и добре мя уневнилъ жадное sprawy малженское до живота своего зо мною не мѣти ¹⁾».

Послѣ этого Загоровскому оставалось только хлопотать о разводѣ; но прежде чѣмъ успѣлъ онъ это сдѣлать, его постигло неожиданное несчастье: въ мартѣ 1577 года, выступивъ съ ополченіемъ Волынской земли для отраженія татарскаго набѣга, онъ потерпѣлъ поражение, былъ раненъ и достался въ плѣнъ татарамъ. Томясь въ неволѣ, напрасно онъ писалъ трогательныя посланія къ своимъ друзьямъ ²⁾, умоляя ссудить его деньгами, нужными для выкупа: ни друзья, ни богатые родственники не помогли ему выкупиться изъ плѣна. Страдая отъ ранъ и не надѣясь уже «сложить свои кости возлѣ гробовъ родителей», Загоровскій прислалъ изъ Крыма духовное завѣщаніе, полное горькихъ упрековъ и жалобъ на «незачливость и нестатечность» жены, бросившей дѣтей въ такомъ возрастѣ, когда они «потребуютъ мети при нихъ сердоболного при-

¹⁾ № LXXXIII, стр. 296—298. Архивъ Югозап. Россіи, часть I, т. 1, стр. 70—71.

²⁾ Напр., къ князю Андрею Курбскому. Письмо къ нему помѣщено во 2-мъ томѣ „Жизнь князя А. М. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни“, № V.

ятеля, который бы ихъ не только покормомъ телеснымъ ускормивалъ, але и добрыхъ норововъ уставичне приучивалъ»; она же, пренебрегши этимъ святымъ долгомъ «и домъ мой собѣ огидивши, а волочащій животь улюбивши, тамъ, где ся ей подобало, мешкаетъ и проежчокъ уживаетъ»; поэтому Загоровскій совѣтъ отстранилъ жену отъ опеки надъ дѣтми и даже лишилъ ее права возвращаться къ нимъ до ихъ совершеннолѣтія, воспитаніе же дѣтей и полное распоряженіе его имѣніями онъ поручилъ теткѣ своей Софѣ Загоровской. Не позабылъ онъ въ завѣщаніи и о дочери своей отъ перваго брака, Ганнѣ, «хотя я ее (жалуется онъ) про незычливость матки ее, николи очима моима не видиль»: ей онъ завѣщалъ въ приданое тысячу копь грошей и часть движимости¹⁾.

Василій Загоровскій умеръ въ Крыму 29 февраля, 1580 года. Едва вѣсть о его смерти достигла Волыни, какъ послужила здѣсь сигналомъ къ возбужденію непримѣрнаго судебного иска. Тѣ самыя жены Загоровскаго, княжна Маруша Збаражская и княжна Катерина Чорторыйская, которыя такъ мало цѣнили его при жизни, теперь выступили ожесточенными соперницами за честь носить его имя. Инициатива въ этомъ непристойномъ процессѣ принадлежала княжнѣ Збаражской, и начала она его изъ корыстныхъ побужденій. Ей было мало того, что Загоровскій завѣщалъ въ приданое дочери его Ганнѣ; она захотѣла добиться, чтобы дочь эта была признана единственною паслѣдницею всего отцовскаго состоянія. Воспользовавшись тѣмъ обстоятельствомъ, что разводъ ея съ Загоровскимъ былъ совершенъ домашнимъ порядкомъ, при участіи лишь полюбовныхъ судей и даже безъ предъявленія акта о разводѣ въ какомъ-либо урядѣ, княжна Збаражская возбудила въ духовномъ судѣ искъ о педѣйствительности втораго брака Загоровскаго и, слѣдовательно, о незаконнорожденности происшедшаго отъ этого брака потомства. Обвиненіе княжны Катерины Чорторыйской формулировалось такимъ образомъ,

¹⁾ Духовное завѣщаніе В. Загоровскаго напечатано въ Архивѣ Югозап. Россіи, ч. I, т. 1, № 16.

что она, «приписавши собѣ титулъ, якобы малжопокою пана Василя Загоровского, кашталяна браславского, быти мѣла, чимъ она мимо ее (истицу), живую жону, быти не можетъ, имея и маетность всю небожчика малжопка ее милости (княжны Збаражской) забрала и при собѣ маеть».

Въ первый разъ дѣло это разсматривалось владимирскимъ епископомъ Θεодосіемъ Лазовскимъ въ февралѣ 1583 г., но не было окончено и, по апелляціи княжны Чорторыйской, перенесено на судъ митрополита. Но тогдашній митрополитъ Онисифоръ Дѣвочка, разсмотрѣвъ это дѣло въ присутствіи сторонъ, призналъ, что оно ему не подсудно, а на основаніи апостольскихъ правилъ и соборныхъ постановленій, подлежить единственно суду епархіального архіерея, т. е. того же Θεодосія Лазовскаго. Тогда король повелѣлъ еп. Θεодосію вторично разобрать и рѣшить это дѣло со своею капитулою, придавъ ему въ ассистенты холмскаго епископа Леонтія Зеновича-Полчицкаго. Нѣсколько дней (съ 1 по 7 ноября 1583 г.) продолжался разборъ этого необычайнаго дѣла, при участіи лучшихъ волинскихъ адвокатовъ, повѣренныхъ той и другой стороны. Положеніе обѣихъ соперницъ передъ судомъ было далеко не равно. Княжна Збаражская предстала во всеоружіи правъ церковныхъ и гражданскихъ. Она представила рядъ письменныхъ удостовѣреній отъ кievскаго митрополита, епископовъ луцкаго и пипскаго и даже отъ самого патріарха константинопольскаго въ доказательство того, что никто изъ нихъ не давалъ ей законнаго развода съ Загоровскимъ. Мало того, она запаслась еще особымъ листомъ отъ патріарха, въ которомъ послѣдній рѣзко осуждалъ практиковавшіеся въ Южной Руси разводы, именовалъ блудомъ вторичные браки, основанные на подобныхъ разводахъ, и предавалъ проклятію священниковъ, осмѣливающихся вѣнчать такіе браки. Между тѣмъ княжна Чорторыйская въ свою защиту предъявила нѣсколько документовъ, доказательная сила коихъ легко была побиваема адвокатами противной стороны. Прежде всего она представила актовую выпись донесенія вознаго, присутствовавшего при томъ. какъ въ августѣ 1568 г. епископъ Θεодосій будто бы

велѣлъ передать князю Збаражскому, что за неявку на судъ къ нему, по иску мужа, княжны Маруши онъ «вчинилъ волнымъ» пана Загоровскаго отъ брака съ нею ¹⁾; но предсѣдатель суда отвергъ этотъ документъ, какъ «неслушный и неуравный», а противная сторона предъявила актовую выпись донесенія другого вознаго о томъ, что въ апрѣлѣ 1581 года тотъ же еп. Θεодосій заявилъ князю Янушу Збаражскому, брату княжны Маруши, что никакого развода ея съ Загоровскимъ онъ не чинилъ и благословенія послѣднему на вторичный бракъ не давалъ ²⁾. Предъявила также княжна Чорторыйская выписи разныхъ документовъ, въ которыхъ княжна Збаражская, послѣ развода съ Загоровскимъ, всегда писалась однимъ урожденнымъ именемъ, не именуя себя женой Загоровскаго; ссылалась еще и на то, что въ продолженіе девятилѣтняго ея замужества, до самой смерти Загоровскаго, истица не оспаривала законности его второго брака. Сравнительно большее впечатлѣніе на судей произвелъ предъявленный отвѣтчицей подлинный актъ «угоды» или «застановенья приятельскаго» относительно развода Загоровскаго, подписанный самою княжною Збаражскою и скрѣпленный ея печатью, гдѣ, между прочимъ, значилось, что «кнежна Маруша его милости пану Василю Загоровскому позволила доброволне иную жону поняти, кого хочици». Повѣренные истицы съ особенною энергіею старались подорвать силу и значеніе этого документа. Они критиковали его и со стороны формы, и по существу. Становясь всецѣло на каноническую точку зрѣнія, они настаивали, что духовный судъ не въ правѣ и разсматривать подобные документы. «Разводъ въ малженствѣ», доказывали они, «безъ причины, в писмѣ святомъ описаное, быти не могъ, а если бы за причиную, в писмѣ описаную, стался, то нигдѣ индей, только передъ судомъ духовнымъ», какъ учить и Статутъ; поэтому, «если бы хто таковыя лисы (разводные) за слушные разумѣти

¹⁾ Документъ этотъ помѣщенъ въ настоящемъ томѣ подъ № XLV, на стран. 160—161.

²⁾ Тамъ же, № XCIV, стр. 336.

хотѣлъ, теда бы то было пожидовску, чого хрестиянство боронить. Теда и ты, отче владыко, яко пастырѣ, того стеречи и того заборонити повиненъ, абы ся жаденъ блудъ въ хрестиянстве не дѣялъ». А хотя бы и былъ совершенъ разводъ Загоровскаго, чого исковая сторона не допускаеть, то и въ такомъ случаѣ онъ «другое жоны, мимо ее, живую жону, ажъ до смерти своѣе поймовати не могъ, водлугъ писма и словъ Христовыхъ у Матфѣя, глава 19, и до Коринтовъ въ посланію Павла светого, глава сема». Въ согласіи съ этой «наукою писма Божого» владыка и обязанъ постановить свой приговоръ.

Но владыка Θεодосій былъ сыномъ своего вѣка и человѣкомъ своего общества, и потому для него было ясно, что строгое примѣненіе канонической мѣрки къ оцѣнкѣ даннаго случая было бы величайшею несправедливостью. У него не хватило рѣшимости лишити отвѣтчицу всѣми признанныхъ за нею правъ въ угоду истицѣ, добровольно отрекшейся отъ брака съ Загоровскимъ и формально давшей ему «дозволеніе оженитися з иншою жоною», ¹⁾ а потому онъ, призвавъ Бога во свидѣтельство того, что судить по совѣсти, объявилъ рѣшеніе, по которому княжна Катерина Чорторыйская была признана законной женой Загоровскаго, а ея малолѣтній сынъ ²⁾ законнымъ потомкомъ его. Съ этимъ рѣшеніемъ было согласно и засѣдавшее въ епископскомъ судѣ духовенство, за исключеніемъ холмскаго епископа Леонгія, оставшагося при особомъ мнѣніи. Княжна Збаражская заявила недовольство этимъ приговоромъ и апеллировала къ королевскому суду, но король не взялъ на себя рѣшенія этого дѣла, а передалъ его на судъ особой комиссіи, состоявшей изъ львовскаго католическаго архиепископа и православныхъ епископовъ холмскаго и львовскаго. Вѣроятно, и эта комиссія не постановила окончательнаго рѣшенія, такъ какъ въ

¹⁾ Такъ мотивировалъ свой декретъ еп. Θεодосій. № XCIV, стр. 342.

²⁾ Изъ двухъ сыновей Вас. Загоровскаго, Василія и Максима, о которыхъ онъ упоминаеть въ своемъ завѣщаніи, во время настоящаго процесса въ живыхъ находился лишь старшій, Василій.

1588 г. княжна Збаражская звала епископа Θεодосія Лазовскаго на митрополичій судъ, обвиняя его въ неправильномъ рѣшеніи дѣла ея съ княжною Чорторыйскою ¹⁾ Конца этого интереснаго процесса намъ не удалось прослѣдить по актамъ. Одно лишь извѣстно, что какъ княжна Маруша Збаражская, такъ и княжна Катерина Чорторыйская, каждая изъ нихъ до смерти своей именовалась «панею Василевою Загоровскою, каштеляновою браславскою», при чемъ княжна Чорторыйская владѣла с. Суходолами, родовымъ имѣніемъ Загоровскаго, а Ильинская церковь въ г. Владимирѣ съ ея землями и подданными, принадлежавшая раньше Василію Петровичу Загоровскому, въ 1596 и въ слѣдующихъ годахъ оказывается во владѣніи княжны Маруши Збаражской, изъ чего можно заключить, что обѣ соперницы въ концѣ концовъ миролюбиво подѣлили межъ собой наслѣдство ихъ бывшего мужа. Такъ закончился этотъ интересный случай столкновенія каноническаго начала съ бытовымъ.

А вотъ и другой подобный случай, хотя и не столь опредѣлительный, какъ первый, но любопытный и въ другомъ отношеніи, какъ свидѣтельство того, что и въ то время попытка строгаго примѣненія каноническихъ требованій къ бракоразводнымъ дѣламъ вынуждала супруговъ взводить другъ на друга гнусныя обвиненія и сознательно прибѣгать къ услугамъ лжесвидѣтелей. Выше было упомянуто о разводѣ князя Андрея Курбскаго съ его первою женою, княжною Марією Гольшанскою ²⁾. Хотя при этомъ Курбскій не выговорилъ себѣ права на вторичный бракъ, по, руководствуясь мѣстными обычаями, онъ не задумался годъ спустя снова жениться на Александрѣ Семашковнѣ, съ которой мирно прожилъ три года,

¹⁾ Процессъ между женами В. Загоровскаго напечатанъ въ Архивѣ Югозап. Россіи, ч. I, т. 1, № 35. Дополнительные къ нему документы въ настоящемъ томѣ, подъ № XCIV.

²⁾ Собственно говоря, кн. Гольшанская была второй женой князя Курбскаго. Первая его жена, послѣ бѣгства его въ Литву, осталась въ Москвѣ, вслѣдъ за чѣмъ Грозный велѣлъ сослать ее съ малолѣтнимъ сыномъ Курбскаго въ отдаленное заточеніе, гдѣ они скоро умерли.

имѣлъ отъ нея дѣтей и, отправляясь въ военный походъ, составилъ въ 1581 г. завѣщаніе, въ коемъ записалъ ей съ дѣтьми всѣ свои имѣнія. Вдругъ княжна Гольшанская, съ которой у него и послѣ развода продолжались враждебныя отношенія, начала противъ него дѣло о незаконномъ расторженіи брака съ нею и потребовала его на судъ къ митрополиту. Этимъ князь Курбскій былъ поставленъ въ крайне затруднительное положеніе: приговоръ духовнаго суда могъ имѣть для него и въ особенности для его новой семьи очень опасныя послѣдствія. Видя бѣду неминуемую и желая для своей защиты представить причину, которая и по церковнымъ законамъ оправдывала бы его разводъ съ первой женой, Курбскій прибѣгъ къ тому же средству, какое не безъ успѣха практикуется ипогда въ такихъ случаяхъ и въ наши дни: онъ записалъ въ актовыя книги владимирскаго гродскаго суда допись, будто княжна Гольшанская, бывши еще женой его, измѣняла ему, и при этомъ представилъ въ судъ двухъ свидѣтелей, которые не обинуясь показали, будто собственными глазами видѣли, какъ послѣдняя предавалась блуду съ слугой своимъ Жданомъ Мироновичемъ. Дѣло не дошло, однако, до судебного приговора, такъ какъ Курбскій успѣлъ заключить съ Гольшанской мировую, и съ этого времени ни она сама, ни духовныя власти не оспаривали больше законности его второго брака и правъ рожденныхъ въ этомъ бракѣ дѣтей ¹⁾).

Нужно замѣтить, однако, что подобные двумъ приведеннымъ случаямъ, когда одна изъ разведшихся сторонъ, становясь на почву каноническихъ предписаній, пыталась оспаривать законность собственного развода, были въ то время весьма рѣдки. Порождаемая обычно побужденіями корысти или злобной мести, подобныя попытки едва ли могли встрѣчать моральную поддержку или сочувствіе въ тогдашнемъ обществѣ и, какъ мы видѣли въ процессѣ княжны

¹⁾ Жизнь кн. А. М. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, Предисловіе, стр. XXIV—XXVI.

Збаражской, даже духовная власть не оказывала имъ особеннаго содѣйствія или покровительства.

Та же сила общественнаго мнѣнія удерживала людей того вѣка и отъ злоупотребленій легкостью разводовъ, хотя пѣкоторыя гарантіи противъ подобныхъ злоупотребленій заключались въ самой формѣ совершенія тогдашнихъ разводовъ, которымъ обыкновенно предшествовали переговоры родственниковъ и друзей той и другой стороны, въ присутствіи и при участіи коихъ составлялись и разводныя записи, а главное—что при этомъ требовалось добровольное и ясно выраженное согласіе непременно *обоихъ* разводящихся супруговъ. И дѣйствительно, въ актовыхъ книгахъ бракоразводные документы встрѣчаются довольно рѣдко. Очевидно, къ разводамъ прибѣгали не какъ-нибудь зря, легкомысленно, а обдуманно, съ полнымъ сознаніемъ всей важности этого акта и только въ случаяхъ дѣйствительной необходимости. Этимъ объясняется и тотъ миролюбивый, дружелюбный характеръ, какимъ запечатлѣна ббольшая часть извѣстныхъ доселѣ бракоразводныхъ записей. Въ нихъ нерѣдко слышится непритворное сожалѣніе разводящихся лицъ объ утраченномъ семейномъ согласіи и признательность другъ другу за былую любовь и взаимное попеченіе. Въ одной изъ цитированныхъ нами такихъ записей жена, освобождая мужа отъ супружества съ ней, напутствуетъ его трогательнымъ благожеланіемъ: «пусть здоровъ съ другою женится и пусть Богъ благословитъ его съ другою въ лучшемъ супружествѣ пожить, пезели со мпоу». Нерѣдко, какъ мы видѣли, бывало и такъ, что, разводясь, супруги одаривали другъ друга деньгами или инымъ способомъ.

Такой характеръ разводы удерживаютъ за собою въ теченіе всего своего существованія въ южной Руси и на Украинѣ, т. е. до начала XVIII ст., когда они, наконецъ, подверглись канонической регламентаціи. Благотворное вліяніе ихъ на семейный бытъ и общественную нравственность того времени несомнѣнно. Они представляли естественный и мирный исходъ для разнаго рода вольныхъ и певольныхъ столкновеній въ семейномъ быту, которыя безъ

нихъ неизбѣжно приводили бы къ страшнымъ преступленіямъ. Въ 1573 г. на Воляни былъ такой случай: землянка Оедора Холоневская, дурно жившая съ мужемъ, ушла отъ него къ матери, забравъ приданое. Мужъ посылаетъ «добрыхъ людей» требовать ея возврата. Теща отвѣчаетъ посланнымъ: «я къ нему жоны его не пошлю, але ему ражу (совѣтую), ижбы ей дал покой а ее вызволилъ з малженства, а она его: бо возьметъ собѣ не жону, одно *неприятеля*». Холоневскій хотѣлъ было противиться этому разумному совѣту: «з жоню своею венчанною без потребности распускаться не мышлю», но перспектива имѣть въ домѣ, вмѣсто жены, «неприятеля» поколебала его упорство: начались переговоры при участіи «приятелей», и разводъ таки состоялся ¹⁾. Подобныя уступки въ то время были неизбѣжны, такъ какъ бoльшая часть тогдашнихъ семейныхъ трагедій происходила именно оттого, что одипъ изъ супруговъ упорно отказывалъ другому въ требованіи согласиться на добровольный разводъ. Мужья добивались такого согласія путемъ грубыхъ насилій, жены нерѣдко прибѣгали къ отравамъ или къ услугамъ наемныхъ убійць ²⁾. Если подобныя преступленія изрѣдка случались и при свободѣ разводовъ, то можно съ увѣренностью сказать, что безъ такой свободы, при тогдашнихъ нравахъ и характерахъ, всякій семейный конфликтъ приводилъ бы къ кровавой развязкѣ. Въ этомъ, можетъ быть, и заключалась одна изъ причинъ, почему южнорусскіе разводы, никогда не признаваемые государственными законами и явно противные каноническому праву, въ теченіе XVI—XVII, а можетъ быть, и болѣе раннихъ вѣковъ пользовались явнымъ покровительствомъ со стороны свѣтскихъ судовъ и снисходительной терпимостью даже со стороны духовной власти.

¹⁾ № LXXVII, стр. 280—282.

²⁾ №№ XLI, CI, CXX, CXXV, CXLI.

Не то встрѣчаемъ мы въ XVIII вѣкѣ. Въ 1713 г. дворянка летичевского повѣта, па Подольи, Анастасія Томашевская, выдала мужу обычную разводную запись, въ которой писала: «не маючи помешканя палезитого» съ мужемъ моимъ папомъ Яномъ-Агаіемъ Томашевскимъ, зная воли Божьей и ласки не было въ томъ нашемъ помешканіи малжепскомъ, я даю ему вольность отъ себя и добровольно позволяю ему жениться на другой, какъ ему будетъ угодно; а если бы я вздумала нарушить въ чемъ-либо настоящую запись, то должна буду отвѣчать передъ какимъ онъ захочетъ судомъ и заплатить заруку въ десять гривенъ». Это—последняя по времени бракоразводная запись, извѣстная намъ по актамъ; но она была предъявлена гродскому летичевскому суду не супругами Томашевскими, а мѣстнымъ уніатскимъ декапомъ, заявившимъ при этомъ отъ имени львовскаго уніатскаго епископа энергическій протестъ противъ признанія этого развода; «противнаго божескимъ и церковнымъ законамъ»¹⁾. А двумя годами раньше магистратъ м. Выжвы приговорилъ мѣщанина Семена Гулика къ штрафу въ три фунта воску на церковь только за то, что онъ пытался уговорить зятя, тирапившаго его дочь, дать ей «розлуку»²⁾. Какъ видимъ, не только уніатское духовенство, но и магистратскіе урядники уже прониклись совсѣмъ другими понятіями о законности стараго народнаго обычая «розлуки» и строго преслѣдуютъ его, какъ явно беззаконіе. Вѣроятно, такъ же неблагосклонно относились къ нему и другіе свѣтскіе суды и уряды, почему мы и не встрѣчаемъ больше разводныхъ записей въ актовыхъ книгахъ. Безъ сомнѣнія, эта перемѣна должна быть поставлена въ связь съ общимъ процессомъ разложенія стараго семейнаго быта въ югозападной Руси подъ вѣковымъ вліяніемъ польской общественности, пайболѣе же активную роль въ этомъ процессѣ слѣдуетъ приписать церковной уніи Унія съ первыхъ дней своего возникновенія стала въ явно враждебныя

¹⁾ Актовая книга Кіев. Центр. Архива, № 5252, л. 20,

²⁾ Такая же книга, № 1294, л. 27.

отношенія къ мѣстнымъ народнымъ обычаямъ въ области брачныхъ установленій. Это произошло, вѣроятно, оттого, что латино-польскіе полемисты, критикуя съ своей точки зрѣнія обычаи западнорусской церкви, съ особенною настойчивостью укоряли православныхъ за легкость разводовъ. Извѣстный іезуитъ П. Скарга признавалъ это однимъ изъ главныхъ «заблужденій» русской церкви ¹⁾. Подъ вліяніемъ этихъ укоровъ, еще въ концѣ XVI ст. тѣ изъ православныхъ владыкъ, которые склонны были къ церковной уніи съ Римомъ, въ свою очередь проникались нетерпимостью къ обычнымъ разводамъ и старались искоренить ихъ. Не имѣя возможности вырвать изъ рукъ свѣтскихъ урядовъ право утверждать такіе разводы, они стремились вырвать его, по крайней мѣрѣ, изъ рукъ приходскаго духовенства, съ давнихъ поръ присвоившаго это право вопреки канонамъ. Извѣстный поборникъ уніи Ипатій Потѣй, еще въ бытность свою православнымъ епископомъ владимирскимъ и брестскимъ, издалъ въ 1594 г. соборную грамоту, въ которой подъ угрозою низверженія и анафемы предписывалъ священникамъ своей епархіи, чтобы они не смѣли никому давать «ропусы», а отсылали такіа дѣла на его епископскій судъ ²⁾. А годъ спустя, когда владыки съѣхались для выработки условій предположенной уніи, то, въ числѣ другихъ пунктовъ, помѣстили просьбу къ королю, «чтобы свѣтскія особы, въ имѣніяхъ коихъ, часто по ихъ желанію, священники самовольно расторгають браки, не защищали такихъ священниковъ, но выдавали ихъ владыкамъ для кары духовной» ³⁾. Особенною нетерпимостью по отношенію къ разводамъ отличался все тотъ же Ипатій Потѣй. Уже въ бытность уніатскимъ митрополитомъ онъ издалъ въ 1608 г. полемическое сочиненіе въ защиту уніи, подъ заглавіемъ: «Гармонія восточной церкви съ костеломъ римскимъ», въ которомъ, между прочимъ, писалъ: «Але ми ся овые

¹⁾ Русск. Историч. Библиотека, т. VII, стр. 472—473.

²⁾ Акты Зап. Россіи, т. IV, № 47.

³⁾ Theiner, Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae, III, № 185.

разводы бѣсовскіе частые и о леда-што (изъ-за пустяковъ), которыхъ у насъ ни за што не мають, не подобають (не нравятся)! Подобно, заламетали, што Христось повѣдилъ: «што Богъ злучылъ, человекъ да не розлучаетъ». И тутъ же онъ ставитъ въ образецъ практику католической церкви, въ которой «о разводахъ рѣдко и услышишь, и то не иначе, какъ по важнымъ причинамъ, указаннымъ въ церковныхъ канонахъ» ¹⁾. Но такихъ пылкихъ ревнителей уніи, какъ И. Потѣй, было немного, да и они вынуждены были тратить всѣ свои силы не на то, чтобы перестроить жизнь своихъ пасомыхъ на какихъ-то новыхъ началахъ, а единственно на то, чтобы какъ-нибудь поддержать самое существованіе уніи, которая, будучи лишена жизненной силы со дня своего рожденія, долгое время пребывала въ состояніи жалкаго прозябанія. Лишь къ началу XVIII ст., когда православіе въ правобережной Украинѣ окончательно лишилось прежнихъ защитниковъ въ лицѣ козачества, единовѣрнаго дворянства и братствъ, унія, при поддержкѣ союзнаго съ ней католичества, стала насильственно распространяться въ краѣ и приобрѣла такую силу, что ея установленія могли имѣть обязательный характеръ для ея невольныхъ послѣдователей. Тогда только уніатское духовенство и могло съ успѣхомъ заняться преслѣдованіемъ народнаго обычая «розлуки» и добиться того, что какъ заключеніе, такъ и расторженіе браковъ стало нормироваться церковными правилами. Но это не было возстановленіемъ силы древняго христіанскаго канона, такъ какъ въ свое ученіе о причинахъ, влекущихъ законное расторженіе брака, уніатство внесло много вымысловъ, совѣмъ невѣдомыхъ древнему каноническому праву. Достаточно сказать, что въ уніатской каноникѣ насчитывалось шестнадцать причинъ, «которыя не токмо подъ грѣхомъ смертельнымъ возбраняють пріяти супружество, но и пріятное разоряють» ²⁾. Въ числѣ ихъ встрѣчаются и такія странныя причины, какъ, на примѣръ,

¹⁾ Русская Историч. Библиотека, т. VII, стр. 212.

²⁾ „Богословія Нравоучительная“. Почаевское издан. 1756 г., стр. 77—83.

«поблужденіе, то-есть омилка (ошибка) імѣній: когда кто мнится быти богатъ, иже есть убогъ», или «поблужденіе свойства: когда кто мнится быти красенъ или добръ, иже есть студній или злій, албо тежъ: аще невѣста мнить ся быти дѣва, яже нѣсть таковая», и т. под. Безспорно, что эти схоластическія измышленія не самостоятельно придуманы уніатскими богословами, а цѣликомъ заимствованы у тогдашнихъ латинскихъ канонистовъ; по крайней мѣрѣ, намъ извѣстенъ случай, что въ 1776 году кievская католическая консисторія свободно дала разводъ дворянкѣ Бригитѣ Яцковской только потому, что она тоже впала въ одно изъ упомянутыхъ «поблужденій»: выходя замужъ за нѣкоего пана Богдановича, панна Бригита полагала, что онъ природный шляхтичъ, а на дѣлѣ онъ не оказался таковымъ ¹⁾.

Лѣвобережная Украина не знала уніи и была далека отъ католическаго вліянія, однако и здѣсь обычные разводы подверглись въ XVIII ст. суровому преслѣдованію. Инициатива этого преслѣдованія исходила отнюдь не со стороны мѣстнаго духовенства, которое вообще терпимо относилось къ народнымъ обычаямъ въ области брачныхъ отношеній ²⁾. Выше мы упоминали, что козацкіе суды въ Гетманщинѣ безпрепятственно расторгали законные браки за проступки, не имѣвшіе никакаго отношенія къ сферѣ супружескихъ обязанностей, напримѣръ, за кражу или за непочтительное отношеніе зятя къ тестю; однако мы не знаемъ случаевъ, чтобы тогдашнія духовныя власти протестовали противъ вторженія свѣтскаго суда въ такую область, которая по церковнымъ законамъ принадлежитъ всецѣло духовной юрисдикціи. Послѣдовавшее въ 1686 году подчиненіе кievской митрополіи московскому патріархату ни въ чемъ не измѣнило внутреннихъ порядковъ, издавна царившихъ въ южнорусской церкви. Но со времени учрежденія синода и реформы

¹⁾ Актовая книга Кiev. Центр. Архива, № 87.

²⁾ Въ 1667 г. гетманъ Брюховецкій доносилъ царю, что украинскіе духовные „людемъ обоимъ плоти незаконно жити и роспускатися дозволяютъ“. Акты Ю. и З. Россіи, т. 6, № 58, стр. 162

церковнаго управленія на началахъ Духовнаго Регламентна не только настала конѣцъ фактической автономіи южнорусской церкви, но и наступила безпощадная ломка всѣхъ особенностей ея строя и быта и замѣна ихъ великорусскими порядками. Въ первую очередь эта насильственная нивелировка коснулась именно бракоразводныхъ обычаевъ, что сразу же породило цѣлый рядъ конфликтовъ въ семейномъ быту козацкой старшины, до того времени широко пользовавшейся свободой разводовъ. Для примѣра расскажемъ одинъ случай подобнаго конфликта.

Нѣжинскій хорунжій Иванъ Величковскій въ 1715 г. вступилъ въ бракъ съ дочерью новгородъ-сѣверскаго протопопа Евфиміей Заруцкой, но жилъ съ нею несчастливо и всякій разъ, возвращаясь домой съ войсковыхъ походовъ, находилъ, что жена въ его отсутствіе пьянствовала, «жила непостоянно и въ такомъ пьянствѣ и непостоянствѣ безчинствовала и прелюбодѣйствовала, да еще и въ чародѣйство часто уклонялась». Пробовалъ онъ отсылать ее «для обличенія и наказанія» къ ея матери, вдовѣ, но она, «и при матери будучи, всегда чинила богомерзкое прелюбодѣйство». Тогда на семейномъ совѣтѣ было рѣшено, что, такъ какъ Евфимію исправить уже невозможно, а онъ, Величковскій, «многіе лѣта въ такомъ безчестіи и домъ его въ срамотѣ пребываетъ», то пусть онъ разведется и ищетъ другую жену. Въ такомъ смыслѣ Величковскій и подалъ прошеніе кievскому митрополиту Варлааму Вапатовичу, а самъ сталъ искать себѣ невѣсту. Митрополитъ прислалъ члена своей консисторіи, игумена Ѳеодосія Хоминскаго, для производства дознанія по прошенію Величковскаго. Дознаніемъ были подтверждены факты преступнаго поведенія Евфиміи, и сама мать свидѣтельствовала противъ безпутной дочери и просила дать зятю разрѣшеніе «ко второбрачію», почему игумень Хоминскій приказалъ удалить преступную жену изъ дома мужа и отослать ее къ матери. Величковскій рѣшилъ, что этимъ актомъ бракъ его съ Евфиміей расторгнутъ духовной властью, да и въ консисторіи «нѣкоторые члены, равно и мірская старшина, совѣтовали ему сочетаться бракомъ съ другою»,

что онъ и сдѣлалъ, не дождавшись митрополичьяго на то разрѣшенія. Между тѣмъ скоро выяснилось, что митрополитъ потому и медлилъ съ выдачей такого разрѣшенія, что опасался, угодить ли онъ синоду, если своею властью дастъ разводъ и разрѣшить второй бракъ, и потому представилъ все дѣло на усмотрѣніе синода. Онъ поступилъ такъ еще и потому, что случай съ Величковскимъ далеко не былъ единичнымъ въ его епархіи: «также и другіе (писалъ Ванатовичъ), съ четверолѣтнаго походу ¹⁾ пришедши въ дома своя, просятъ на женъ своихъ, въ прелюбодѣяніе впадшихъ и незаконно родившихъ, допустить ихъ другихъ поняти, и много обрѣтается таковыхъ служилыхъ людей, которые, оставивши первую или вторую законную свою жену, другую незаконно до себе принимаютъ». Въ отвѣтъ на это представленіе послѣдовалъ синодальный указъ съ рѣшительнымъ предписаніемъ, чтобы какъ Величковскому, такъ и другимъ, ему подобнымъ, «отъ живыя жены къ второму браку приступать было запрещено; понеже, ежели то учинить, то жены пущеницы востребуютъ благословенія посягнути законныхъ мужей; также и другіе, кромѣ словеси прелюбодѣйнаго, вознегодовавши законными женами, начнутъ беззаконовать, а жены, кромѣ всякой вины, возгнушавшись мужами своими, тожде начнутъ дѣлать, чтобы беззаконіе ихъ было виною розлученія». Такимъ образомъ синодъ высказался въ смыслѣ совершеннаго воспрещенія разводовъ, даже въ случаѣ явнаго прелюбодѣянія одного изъ супруговъ. Получивъ этотъ грозный указъ, митрополитъ Ванатовичъ велѣлъ немедленно привлечь Величковскаго къ консисторскому суду по обвиненію въ томъ, что онъ, «по своей самовольной волѣ отринувши кромѣ всякой вины первую жену, принялъ къ прелюбодѣйному своему сожитію другую, Анну Новицковну». Судъ приговорилъ: разлучить Величковскаго «с тою мнимою женою» и послать его для покаянія въ Максаковскій монастырь, а ее въ Великобудицскій дѣвичій мона-

¹⁾ Рѣчь идетъ о походѣ въ Гиліанъ 20000 козаковъ, подъ начальствомъ Семена Лизогуба, въ 1725 году.

стырь, лишивъ обоихъ св. причастія, пока не раскаются. Но Величковскій не подчинился консисторскому декрету: подъ разными предлогами онъ сталъ уклоняться отъ наложепной на него «покуты», а затѣмъ и жепу взялъ изъ монастыря въ домъ свой и «дерзнулъ по прежнему съ нею беззаконно жить». Тогда митрополитъ, по синодальному наказу, предалъ его «и оную прелюбодѣйцу Анну Новицковну» церковному отлученію ¹⁾, при чемъ, «для лучшаго извѣстія общенароднаго и ради побужденія прелюбодѣевъ къ покаянію», указы объ этомъ были разосланы по всѣмъ церквамъ и монастырямъ епархіи для прочтенія народу по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, а копіи съ нихъ были припты къ дверямъ церковнымъ. Около пяти лѣтъ Величковскій, съ женой и со всѣми домочадцами, оставался внѣ церковнаго общенія, и только въ 1731 году, когда умерла его первая жена Евфимія Заруцкая, ему удалось выхлопотать въ синодѣ снятіе клятвы и разрѣшеніе «съ опою второю женою Анною въ супружествѣ законномъ жить безъ всякаго препятствія». ²⁾

Подобными крутыми мѣрами, нарочито оглашаемыми притомъ съ церковныхъ каедръ по всей епархіи, можно было отучить населеніе Украины отъ старыхъ обычаевъ въ бракоразводныхъ дѣлахъ, но и то не сразу. Простой народъ упорно не хотѣлъ отъ нихъ отказаться, хотя виновные, въ случаѣ раскрытія дѣла, неизбѣжно расплачивались монастырскимъ заточеніемъ. Не далѣе, какъ въ 1743 г. козакъ миргородскаго полка Никифоръ Донецъ, бывшій сѣчевикъ, развелся съ женой по добровольному съ нею соглашенію, такъ какъ они не ладили другъ съ другомъ. Разводъ былъ совершенъ съ соблюденіемъ тѣхъ самыхъ формальностей, какія намъ уже извѣстны по волынскимъ актамъ XVI ст.: въ присутствіи и съ согласія свидѣтелей—родственникововъ, супруги выдали одинъ другому «розводные

¹⁾ А съ ними разомъ и значковаго товарища нѣжинскаго полка Ивана Дудченка за самовольное вступленіе въ 4-й бракъ и отказъ разойтись съ женой.

²⁾ Изложенныя о Величковскомъ свѣдѣнія заимствованы изъ старыхъ „указныхъ книгъ“, хранящихся при многихъ церквахъ Полт. губерніи.

листы» и предоставили другъ другу право вступить въ новые браки, а одинъ изъ родственниковъ жены, сверхъ того, выдалъ мужу отъ имени ея рода письменное поручительство въ томъ, что ни сама она, ни кто либо изъ ея родныхъ никогда не будутъ предъявлять къ нему какія-нибудь претензіи по поводу настоящаго развода. Послѣ этого Донецъ вступилъ въ новый, по счету четвертый бракъ и могъ бы спокойно жить въ немъ, но кто-то изъ личной мести сдѣлалъ на него доносъ митрополиту, по суду котораго разводъ и новый бракъ Донца признаны были недѣйствительными, а самъ онъ приговоренъ къ двухгодичному покаянію въ монастырѣ ¹⁾). Любопытна одна подробность въ этомъ дѣлѣ: актъ развода Донца совершился въ домѣ и въ присутствіи приходскаго священника, который затѣмъ и повѣнчалъ его съ четвертой женой. Очевидно, сельское духовенство на Украинѣ и въ половинѣ XVIII ст. попрежнему раздѣляло народный взглядъ на бракъ, какъ на свободный союзъ, заключаемый и расторгаемый единственно по взаимному согласію мужа и жены. Съ этимъ понятіемъ о существѣ брака не разставался украинскій народъ и въ новыхъ мѣстахъ, куда направлялось его колонизаціонное движеніе: въ Слободской Украинѣ разводы по взаимному согласію супруговъ практиковались и въ XVIII ст., хотя епархіальныя власти строго ихъ преслѣдовали ²⁾).

Едва-ли можно утверждать, что и въ настоящее время простой народъ на Украинѣ совсѣмъ разстался съ этимъ понятіемъ. Помните онъ, что въ старину можно было свободно разойтись съ «нелюбою дружиною», и изрѣдка пытается воскресить старый обычай. Въ газетныхъ корреспонденціяхъ изъ глухихъ захолустій иногда вышлываютъ такія странныя сообщенія изъ области обычнаго права, что невольно кажется, будто они выхвачены изъ быта давно минувшихъ вѣковъ. Вотъ, напримѣръ, что приходилось читать намъ въ одной изъ

¹⁾ Чтенія въ истор. обществѣ Нестора Лѣтописца, кн. XV, вып. 1, отд. 5.

²⁾ См. интересную брошюру проф. А. Лебедева: „О брачныхъ разводахъ по архивнымъ документамъ Харьк. и Курекой дух. консисторій“. Москва, 1887 г.

кіевскихъ газетъ четверть вѣка назадъ: «Въ Каневскомъ уѣздѣ, Корсунской волости, 5 іюля 1881 г. крестьянская дѣвушка с. Карашина, Александра Раченко, праздновала свою свадьбу съ *женатымъ* крестьяниномъ Калиникомъ Савицкимъ. Объ этой свадьбѣ знало все село, а главное, знала и сама первая жена Савицкаго, но всѣ считали этотъ бракъ мужа при живой жепѣ вполне законнымъ. Дѣло въ томъ, что годомъ раньше первая жена Савицкаго послѣ родовъ заболѣла и пользовалась совѣтами кіевскихъ врачей. Когда здоровье ея поправилось, то, по ея же просьбѣ, выдано было ей врачебное свидѣтельство, что она неспособна болѣе къ брачному сожителству. Считая этотъ документъ вполне достаточнымъ для совершенія развода, супруги уже не находили нужнымъ обращаться за расторгненіемъ брака къ бракоразводнымъ инстанціямъ, и норѣшили сами развестись. Они раздѣлились всѣмъ своимъ имуществомъ и стали жить врозь. Затѣмъ Калиникъ Савицкій пріискалъ себѣ невѣсту и, какъ сказано уже, 5 іюля женился. Правда, бракъ совершешъ былъ не въ мѣстной церкви, но это лишь потому, что въ цѣнѣ не сошлись съ причтомъ.—вѣнчалъ священникъ сосѣдняго села. Супруги жили бы мирно и до-днесь, но недавно полицейскія власти узнали объ этомъ дѣлѣ и возбудили преслѣдованіе. Теперь Савицкій обвиняется въ двоеженствѣ, вторая жена его въ выходѣ замужъ за него при жизни первой его жены, а четверо поручителей—въ томъ, что знали объ этомъ и не сообщили священнику»¹⁾. Не правда ли, что это—почти буквальное повтореніе исторіи развода волинскихъ землянъ Волицкихъ, рассказанной нами по документу 1594 года?

Такъ живуча въ народѣ привязанность къ обычаямъ, которые онъ признаетъ разумными и справедливыми.

Орестъ Левинскій.

¹⁾ Газета „Заря“, 1884 г., № 273.

I.

Вѣновная запись волынскаго землянина Дмитра Порыцкаго, обезпечивающая приданое жены его Гальшки, дочери п. Грицька Кирдѣвича. Документъ половины XV ст.

Я пан Дмитръ Порыцький, пана Ильинъ сын Вячковича, сознаваю сим моим листомъ каждому доброму, кому одно его потреб слухати: узял есми по своей женѣ по паней Гальще, по пана Грицьковой дощце Кирдѣевича, полтора ста коп широких гроши чеськой монѣты, а полтора ста коп выправою; а про то ж ей записываю на своихъ имѣньех, на своей . . . ¹⁾ двѣ Порыцкох, а на третихъ Гриковичехъ триста коп широкихъ гроши чеськой монеты со всимъ с тымъ, шьто ю ²⁾ слушаешь, какъ есми сам держал, а полста да дал есми ей вѣчно и домовыи рѣчи по своем животѣ. А шьто есми ей записал, у тое не надобе ся уступати ни сыну моему, а ни дочкамъ моимъ, а ни ближнимъ моимъ. А коли жона моя замужь, тогда бѣ ближний мой, отложивши ей то, шьто есми ей записал, имѣнье озми (sic!) тое, шьто есми ей записал. А хѣто бы ей кривду учинил у томъ имѣньи черес мой запис, тогда осподарю королю тысячу коп заплатит. А при томъ были.. (све)тъки: князь Олександро Сонкушькович, а пан Михайло Олександрович, а пан Ламан хоружий Луцький, а братъ его пан

¹⁾ Вѣроятно „отчинѣ“. Мѣста, означенныя точками, въ подлинномъ документѣ совсѣмъ стерлись и прочесть ихъ не возможно.

²⁾ Должно быть „к тому имѣнью“.

Лазорь, а пан Михайло Ляховский; а надъ то про лѣпшее подтверженъе къ сему листу и печати есмо свои приложили.

Подлинникъ, писанный на пергаментъ, съ привѣсною восковою печатью, хранится въ собраніи Коммисіи подъ № 13.

Примѣч. Документъ не имѣетъ никакой даты. Мы относимъ его къ половинѣ XV ст. на основаніи слѣдующихъ соображеній: а) Отецъ Дмитра Порыцкаго, Илья Вячковичъ служилъ еще князю Витовту и за вѣрную службу получилъ отъ него имѣнія на Воляни: Порыцкъ и Грековичи во Владимірскомъ новѣтѣ и Ворончинъ, Тростень и Стыдень—въ Луцкомъ новѣтѣ (Метр. Лит. 36. Ad. Boniecki, Roczet Rodów стр. 256). б) Тестъ Порыцкаго, панъ Грицько Кирдѣевичъ состоялъ членомъ „вѣрной рады“ при вел. князѣ Свидригайлѣ и въ этомъ званіи подписался на одной грамотѣ, выданной Свидригайлѣмъ 9 Декабря 1433 г. въ Кіевѣ (Акты Ю. и Зап. Россіи, т. I, № 21; Archiwum ksiąz. Lubartowiczów-Sanguszków, t. I. № XXXVIII. в) Въ числѣ свидѣтелей въ нашемъ документѣ упоминается князь Александръ Сангушковичъ, который въ 1469 г. титулуется старостою Кременецкимъ (Arch. ks. Sang. № LXVIII), а равнше (до 1451 г.) онъ будто-бы былъ старостою Владимірскимъ (Żr. Dz. VI. f. 6). Такъ какъ въ нашемъ документѣ онъ упомянутъ безъ всякаго титула, то изъ этого можно вывести заключеніе, что самый документъ писанъ ранѣе по крайней мѣрѣ 1469 года.

II.

Запись волянскаго землянина Волчка Хренницкаго о томъ, что въ обезпеченіе денежной суммы, условленной въ приданое за дочерью его Мариною при выдачѣ ея замужъ за землян. Пашка Посяговецкаго, онъ впредь до уплаты таковой суммы уступаетъ зятю и дочери въ пользованіе имѣніе Лопавши. Опредѣленіе границъ этого имѣнія и условій пользованія имъ. 1472 г., сентября 15.

Во ймя святые единосущные и нерозделимые Троицы Отца и Сына и Светого Духа, аминь. Я пан Волчко Хренницкій объявляю и чиню ведомо сим моимъ листомъ каждому доброму, хто на него посмотритъ, або чтучи его услышитъ: отдалъ есми по Божой воли а по моей любѣви дочку мою Марину за пана Пашка Пося-

говецкого ему за жону и поступил есми ему у вѣне, у петидесять
 копах грошей широких чеськое монеты, именьцо мое Лопавши;
 а обрубъ земельный тому именицу моему Лопавшомъ по старине:
 от имени моего Хренникъ, почен нижей синожати Хренницкое
 луки, от реки Стыра межою мимо нивы дворица Ляхова и межою
 конецъ нивъ подворищныхъ Хренницкихъ до Могилокъ и Язви-
 нокъ, от Язвинокъ до дороги, што з Лопавшъ идетъ до Корытна,
 а черезъ тую дорогу краем нив церковныхъ Хренницкихъ у Смы-
 жаль, которая вѣстала нижей озерца Линева, у верхъ тое Смыжали
 посеред речки аж до верхов тое Смыжали, а оттол жолобомъ до
 Пропастищъ; а от Пропастищъ до Демидова рову,—тотъ обрубъ
 земляца Лопавшская. А зятю моему и дочцѣ моей и их дѣтем и
 никому не надобе через тот обруб и границу з Лопавшъ у мою
 землю Хренницкую уступати и переходити николи; одно ж позво-
 ляю зятю моему и дочце моей на потребу имъ самим на селидбу
 з ведомомъ моим у дуброве моей Хренницкой дерева утяти и травы
 укусити, а дубровы моей Хренницкой не копати и сѣна въ стоги
 не кидати и не мают далей у дуброву мою Хренницкую уходу по
 дерево и по траву мети, одно по Роскопаницу—могилу до воли
 моей; а мнѣ самому, а по смерти моей никому, не надобе у зятя
 и у дочки моей того именица Лопавшъ брати, аж имъ пятдесят
 копъ грошей отдавши. И на то давамъ зятю моему и дочце моей
 сесь мой лист под моею печатью. А при тых моих умовеных ре-
 чач, при сем моем записном листе были панове люде добрые: пан
 Семашъко, пан Гринко Мукосѣвич, а братанич мой родный пана
 Богдановъ сын Немѣра, которые панове на твердость сего моего
 листу за чоломбитьем моим печати свои приложили к сему моему
 листу. Писанъ в Хренникох, в лѣто шестое тисечи девятьсотное
 осмѣдсаятое, месеца сентебра пятогонадцат дня.

Книга земская Луцкая, 1585 г. № 2067, листъ 266 на обор.

III.

Вѣновная запись князя Ивана Семеновича Кобринскаго, выданная имъ женѣ своей княгинѣ Ѳедкѣ, дочери Ивана Рогатинскаго, на сумму 2000 золотыхъ угорскихъ, съ обезпеченіемъ этой суммы на двухъ частяхъ его отчины. 1487 года, января 25, индиктъ 5.

Во имя святыхъ Троица станься.

Се я князь Иванъ Семеновичъ Кобринскій, будучи у полном своемъ разумѣ, безъ кожного припужѣнья, чиню знакомито симъ моимъ листомъ каждому доброму, нинѣшнимъ и потомъ будучимъ, кому будетъ потрѣбъ того видѣти алибо чтучи слышати: запишю и вѣную женѣ моеи княгинѣ Ѳедкѣ, дочьцѣ пана Ивана Рогатинскаго а князя Андрѣя Володимировича внуцѣ, на тыхъ двухъ дѣлницахъ отчины моеѣ, которыхъ же есми ей не записалъ, двѣ тысячи золотыхъ угорскихъ; а она имаеть держати тѣ двѣ дѣлници отчины моеѣ и поживати со всѣми доходы и приходы, какъ я самъ имѣлъ, до тыхъ мѣстъ, доколь ей отложитъ двѣ тысячи золотыхъ, кто будетъ ближшии къ тымъ двѣма дѣлницамъ отчины моеѣ; а коли ближниѣ мои отложатъ тѣ двѣ тысячи золотыхъ, и она имаеть тыхъ двухъ дѣлницъ отчины моеѣ поступити имъ. А жона моя княгини Ѳедка, взявши тыхъ двѣ тысячи золотыхъ, волна даровати и отдати, и на церковь дати, и куды хотя обернути къ своей воли. А при томъ моемъ записномъ листу былъ отецъ нашъ Даміанъ, владыка Володимирскій, а князь Михаило Сенгушковичъ, а ловчій королевъ пан Янъ Мишковичъ, а дворянинъ королевъ панъ Юрьи Кондратовичъ, а дворянинъ королевъ панъ Богущъ Боговитиновичъ, а панъ Завиша Романовичъ, а панъ Млѣчко Сачковичъ, а писарь королевъ, ключпикъ Берестіискій, панъ Левъ Боговитиновичъ, а бояре наши: Сугакъ Бѣликовичъ, Сенко Проступчичъ, Пронко а Мрочко. А про утвержѣнье сего моего листа и печатъ есми свою приложилъ къ сему моему листу и тыхъ добрыхъ людіи есми просилъ, шгобы и свои печати приложили къ сему моему листу; и ихъ милость приложили: отца владыки Володимирскаго Даміанова печатъ, князя Михайлова печатъ,

пана Янова печат, пана Юрєва печат, пана Богушова печат, пана Завишина печат, пана Млѣчкова печат, пана Львова печать. Писана у Добучинах, в лѣтѣ 6995, мѣсяца генваря 25, индикта 5.

На оборотѣ надпись: Inscriptio in duabus partibus Kobrin et Dubuczyn, seu totius patrimonii sui 2000 aureos per Iwan Kobrinski uxori Theodora $\frac{6995}{1487}$ 25 Januarii, w Dobuczynach.

Подлинникъ на пераментѣ, съ привѣшенными печатами, хранится въ Архивъ Литовской Метрики, отд. X, № 54.

IV.

Грамота Сигизмунда I о подтвержденіи пану Мартину Хребтовичу права опеки надъ дочерью и имѣніями умершаго намѣстника Брестскаго Сенка Олизаровича съ устраненіемъ вдовы послѣдняго отъ распоряженія этими имѣніями. Основаніемъ такому праву служило то обстоятельство, что сынъ Хребтовича Богданъ, не достигшій совершеннолѣтія, былъ сосватанъ съ означенной дочерью Сенковича. 1507 года, декабря 28, индиктъ 10.

Листъ, данный намѣстнику Жолудскому пану Мартину Хребтовичу на опеканье се всеми именами пани Сенковое Олизаровича до того часу, покул сын его Богдан, который змовил за себе дочку у пани Сенковое, леть доростет.

„Жикгимонт Божю милостю великий князь. Билъ намъ чоломъ ловчий и конюшый нашъ дворный, намѣстник Жолудскій, пан Мартин Хребтович и поведил перед нами: што ж дей сынъ его Богданъ заручилъ дочку у пани Сенковое Олизаровича, которую жъ маеть и поняти за себе, а братъ дей нашъ Александръ, корол и великий князь, убачивши тое, што ж иному никому не прийдеть

имени пани Сенковое Олизаровича опекаети ся, толко пану Мартину, и полетил дей вси имена ее у моц и в опеку ему и отъ кривдъ их велел боронити, а паней Сенковой в тые имена вжо не казал его милость вступати ся для того, абы их не пустошила, а велелъ его милость пану Мартину ж обрати ей который двор на мешкане. И на то листъ брата нашего, короля его милости, перед нами вказывал, и просил нас, абыхмо дали ему нашъ листъ по тому ж. Ино мы, выслухавши того листа брата нашего короля его милости на то, дали ему сей нашъ листъ, иж маеть он вси имена панее Сенковое Олизаровича у своей моцы мети и ими опекаети ся и от кривдъ их боронити, и тую дочку ее панее Сенковое, которую сынъ его пойметъ, маеть в себе заховати до тых часовъ, пока сынъ его Богданъ летъ своихъ доростетъ, а пани Сенковая маеть ув одномъ дворе мешкати, который ей пан Мартин обереть, подле листу брата нашего Александра, короля его милости. Писан в Мен...(?), декабря 28 день, индикт 10.

Литовская Метрика, книга Записей 1506—1513 и., № 3, листъ 132 на оборотъ.

V.

Королевскій декретъ по дѣлу о приданомъ княжны Ганны Васильевны Полубенской, бывшей въ замужествѣ за княземъ Александромъ Андреевичемъ Сангушковичемъ-Кошырскимъ и потомъ разведенной съ нимъ. 1534 года, марта 12, индиктъ 7.

Жаловал князь Андрей Кошырский зъ сыномъ своим на князя Василя Полубенского о речы, внесенье дочки князя Василевы, што принесла в домъ их, и коли князь Василей взял дочку свою кгвалтомъ, перенемшы на доброволной дорозе, у сына его, в он

час тые вси речы погинули; где ж на он час князь Кошырский жаловал о том господару его милости на князя Полубенского, а затым згоду межы себе вчинили и дали то на розсудокъ прыятельский, с которого ж розсудку князь Кошырский зъ сыномъ своимъ заплатили князю Полубенскому деветь сотъ копъ и осмъ копъ грошей. То пакъ дей я некоторые речы с тыхъ принесеныхъ ее речей, за которые есмо князю Василю платил, в тое дочки его, которая за моимъ сыномъ была, познал. И положил передъ господаремъ его милостью списокъ дочки его, яко ся она ку онымъ речамъ признала. Его милость велел тот списокъ чести; в томъ списку выписуеть, иж она, тые речы побравшы, внесла в домъ отца своего, а отецъ дей мой и matka тому не были сведоми. Князь Василей на то поведил: „вже дей мпе о томъ с тобою было право передъ полюбовными судьями и во всемъ есмо с тобою конецъ приняли и речей твоихъ некоторыхъ в себе не маю, а ни есми тому звездомъ“. Господарь его милость рачыл на то казати вырокъ вчинити: кгда князь Кошырский на князя Полубенского жаловал и списокъ дочки его положыл, в томъ списку оная дочка князя Полубенского визнаваеть, иж оныя речы забрала, а отецъ и matka ее о томъ не ведають,—его милость господарь князя Василя Полубенского найдуетъ в томъ правого, а князь Кошырский тыхъ речей на немъ не доискался, нижли усхочеть ли князь Кошырский з дочкою князя Полубенского, которая за сыномъ его была, говорити, тогда можетъ с нею о томъ мовити.

*Литовская Метрика, книга Судныхъ Дѣлъ 1533—1540 и.,
№ 9/10, мистъ 120.*

VI.

„Судовый листъ“ кievскаго митрополита Макарія по дѣлу объ отказѣ землянки Юражиной выдать въ замужество за князя Богдана Пузыну дочь свою Ѳедю, раньше уже „змовленную“ и „зарученную“ съ нимъ. 1536 года, генваря 11.

То есть листъ судебный митрополита Макарія, который князь Богдан Пузына передъ королемъ его милостью покладал, в справе его с пани Михайловою Юражиною о дочку ее, за него змовеную в малженство.

„Милостию Божьею и пречистое его Матери мы Макарей, архіепископъ митрополит киевский и галицкий и всея Руси, смотрели есмо того дела. Стояли передъ нами очевисто в нашомъ духовномъ праве: жаловаль намъ дворянинъ господарьский князь Богданъ Тимофеевичъ Пузына на землянку господарьскую пани Михайловую Юражиную о том, што ж дей она такъ три года змовила и заручила за него дочку свою старшую панну Ѳедю и записалася дей з нимъ записомъ своимъ под зарукою господарскою и на сторону другою: еслибы она дочки своее за него дати або дочка ее за него пойти не хотела, тая сторона повинна была платити заруку две тысячи копъ грошей. Якъ же он ее в томъ позвы нашими позывал, абы она ку праву стала и дочку свою поставила, и пани Михайлова сама стала, а дочки своее не поставила, поведаючи в тот обычай, иж тая дочька ее не въ ее мощи есть, але в Богдана Юраги. Где ж Юрага, стоячи тут же очевисто, жедал насъ о то, абыхмо ему дозволили с княземъ Пузыною от нее реч мовити; где ж мы ему того допустили. Какъ же тот сам Богдан, передъ нами стоячи, то знал: „ачъ колвекъ дей пани Михайлова к тому ся знаеть, иж за тебе оную дочку свою змовила и заручила и записомъ своимъ под зарукою ся описала,

нижли тая панна не в пани Михайловое в опець, але в мене“. И князь Богдан вказывал перед нами листы господарскии и пановъ радъ и тое панее запис, в которых листех от господаря короля и от пановъ рад и водле запису ее князь Богданъ ее зъ детьми и з ымени у своей опеце маеть. Гдежь Богданъ Юрага восполок с пани Михайловою просили насъ, абыхмо имъ дали другой рокъ земъский под страченемъ права. И мы на жеданье ей то вчинили, зложили есмо им рок за чотыри недели по Крещени Господни на завтре, под страченемъ права, на который жо рокъ мел пан Богданъ самъ стати и пани Михайловую и тую панну поставити; а которая бъ сторона з них на тот рок не стала, тая была повинна платити господарю королю его милости и стороне тую ж заруку, водле запису того, две тысячи копъ грошей, и вину нашу духовную, на што ж с obu сторон зволили. И кгда оный рокъ пришол, князь Богданъ Пузына передъ нами на тот рокъ сталъ, а пан Богданъ Юрага, якъ ся подвезал на оный рокъ передъ нами, и пани Михайлова, и тое панны поставити не хотели, и сами не стали. И мы, помысливши зъ нашими духовными, кдыж на тот рокъ пан Богданъ Юрага, якъ ся подвезалъ, и с панею и з оною панною не стали, князя Богдана в томъ есмо нашли правого, и во всемъ есмо его при листех господарьских и пановъ радъ и запису ее зоставили, и тую заруку тысячу копъ грошей князю Богдану всказали есмо на пану Богдану Юраге и на пани Михайловой Юражиной, дядиной его, Марине Федоровне. А што ся дотычеть оное панны, которую был князь Богданъ Пузына в пани Михайловое змовил и заручилъ, ино мы его от тое панны вызволяемъ и благословляемъ его малженку поняти где ся ему придасть. А при том были: князь Федор Василевич Соломирицкий, а войский и подстаростий Слонимский Гринько Михайлович, а пан Борыс Федорович Колонтай, мостовничий господарьский, а Мартин Михайлович, дворянин господарьский, Мудрейко. И на то есмо князю Богдану Пузыне дали сей нашъ лист судовой з нашою печатью. Писанъ у Слониме, под леты Божего нароженья

1536, мѣсяца генвара 11 ден, индикта 9.—Волею Божьею архиепискуп митрополит Киевський и Галицький и всея Руси“.

Литовская Метрика, книга Записей 1536—1537 и., № 21/22, листъ 201 на оборотъ.

Примѣч. Изъ той же Литовской Метрики мы узнаемъ, что бракъ князя Богдана Пузыны съ Федею Юражиною впоследствии состоялся. Adam Boniecki, Roczet Rodów, стран. 267.

VII.

Запись князя Солтана Михайловича Сокольскаго, выданная имъ женѣ своей Оленѣ Коптевнѣ въ дополненіе къ первоначальному вѣновному ея листу, съ обозначеніемъ тѣхъ имѣній, какія должны перейти ей въ вѣно въ случаѣ ея вдовства. 1538 г., августа 16.

Я Солтан Михайлович Соколский визнаваю то сим моим листом, кому будетъ потреба того ведати, албо чтучи его слышати, нынешним и напотом будучим: иж што еси жоне моей княгини Олене Коптевне записал вено на всех именных моихъ, на третьей части, шесть сотъ копъ грошей подлуг обычаю, на што и лист еси ей дал под печатю людей добрых и своюю; ино жона моя Олена просила мене черезъ братью свою, видечы, же дети наши тогда еще лет не мають, а я еси человекомъ хорым, жебы по животе моем от диверей своих, а от братьи моее, и от сынов наших, коли доростут, даст ли Богъ, летъ своих, клопоту якого не мела, абых еи на которых именных моих отделеных оставилъ подлугъ листу моего, которого еси еи далъ. А такъ я на прозбу се а приятелей моихъ вделал, а сам еси то обачилъ, же то реч пристойная, абы жона моя от братьи моее и от дитей моих, коли, дастъ Богъ, лет доростуть, клопоту не мела, выделяю и записую

и на том листе моем ознаймую: маеть жона моя, скоро по животе моем, в той же суме ненезей, што в листе первом, ей от мене даном, описано, в шестисот копах грошей личбы литовской и ведлугъ его ся справуючи, якъ на третей части седить в тыхъ именных моих, то есть напервей, на Сѣтовичахъ и на частехъ всехъ в Копылех, в Суску, в Корсыню, в Подлесех, выймуючи то за третью часть зо всехъ именей моих; маеть жона моя Олена тые именная мои, скоро по животе моем, к рукам своимъ взяти и ихъ держати зо всеми платы и доходы и роботами, такъ яко я самъ те-перъ держу, а братья моя и дети, сыны и дочки, и никто зъ близкихъ моихъ не мають ся уступовати в тые имена вышей описаные, одно ихъ маеть жона моя Олена держати подлугъ опису моего, што есмь первой ей дал. А при томъ были и того добре сведоми братья моя: князь Василий а князь Анѣдрей Федоровичи Четвертенские, а пан Тихно Кисиль Дорогиницъкий, а дворенинъ господарский пан Андрей Коровай; и я ихъ милости просиль о приложенье печатей, и ихъ милости на прозбу мою то вчинили и печати свои приложили, и для лепшого сведомя и твердости и я Солтанъ печать свою приложилъ къ сему моему листу. Писанъ в Соколи, подъ леты Божого нароженья тисеча пятьсотъ тридцать осмого, месеца августа шосто-гонадцать, индикта одиннадъцатого.

Книга земская Луцкая 1570—1575 г., № 2094, л. 48 об.; а также книга городская Луцк. 1570 г., № 2044, л. 95.

VIII.

Запись волынского землянина Боговитина Петровича Шумбарскаго и его жены, выданная ихъ зятю Яну Богдановичу Загоровскому на право владѣнія имѣніями Кокоревымъ и Динятиномъ впредь до уплаты ему трехсотъ копъ грошей, обѣщанныхъ ими въ приданое за своею дочерью. 1538 года, ноября 6.

Я Боговитинъ Петровичъ Шумбарскій и з жоною своею Зоффею Андреевною визнаваемъ симъ нашимъ листомъ, кому будетъ потреб того вѣдати: што есмо з ласки милого Бога зволили и дали дочку нашу панну Федору за пана Яна Богдановича Загоровскаго, а так который посагъ—готовыхъ пѣнязей триста копъ грошей—мѣло пану Яну, зятю нашему, за дочкою нашою прити водле обещаня нашего, мы, на тот час готовыхъ пѣнязей не маючи, поступили есмо ему имения нашего Кокорева и Динятина, которое имене маемъ мы в пѣнязех в пяти сот копах грошей литовское монеты и полосмадесят золотых черленых от небожчика князя Яна, бискупа Познанскаго. Мает пан Ян Загоровскій, зят нашъ, тое имене в той суме у трех сот копах грошей держати и вживати со всеми ставы и пожитки и доходы, которыи с того имени идут, и спусты ставов, которыи мают на первый час прйти; а мы не маемъ до первшого испусту ставовъ тыхъ пѣнязей пану Яну отдавати и того имени в него окупати и з рук его выймовати, поки онъ первый испустъ з ставов того имени возмет; а как онъ первый спустъ с тых дву ставов к пожитку своему приведет, тогда мы маемъ тыи пѣнязи триста копъ грошей зятю нашему отложить, а онъ мает того имени намъ зася со всимъ поступити. Нижли естли бы мѣла волю королева я ея милость за тое имене тыи пѣнязи пят сот копъ грошей и полосмадесят золотых черленых намъ отложить, мы напротивку того стояти не можемъ, и коли колвек ея милости господарини наше на то воля будет пѣнязи намъ отдати, мы маемъ тыи пѣнязи к руком своимъ взяти и пану Яну триста копъ грошей маемъ дати; а он, хотя бы дождалъ, або не дождал

спусту с тых ставовъ, тогда предся мает пѣнязи свои триста копъ грошей приняти, а того имени королевой еи милости поступити. А того Боже вховай, естли бы над зятем нашимъ паномъ Яномъ або дочкою нашою, жоною его, Божья воля стала, смерть зашла, детей не мевши, а мы быхмо того имени в него не окупили, тогда въ той суме у трех сот копах грошей маемъ с паномъ Яномъ або братею его заховатися водле статуту прав земскихъ и подлугъ листу его веновного, который он жоне своей, дочце нашей, дал; а в остатку суммы пѣнязей, то есть у дву сот копахъ грошей и в полосмадесят золотых черленых, которыи мы на томъ имени маемъ, мает намъ пан Ян Загоровский того имени поступити без каждого гамованя. И того теж Боже милый рач вховати, естли бы на нас обеюх смерть пришла, а тое бы имене в пана Яна, зятя нашего, предся в той суме было, тогда сынове и дочки або зяти наши мают ся в томъ с ним справовати водлугъ того листу и теперешнее вмовы наше. И на то есмо пану Яну Загоровскому, зятю нашому, дали сей наш листъ з нашою печатю. А при томъ были и тому добре сведоми и печати свои на нашу прозбу к сему нашему листу приложили: князь Василей Ѳедорович Четвертенский, пан Станислав Ѳалчовскій, староста Кремянецкий, пан Лев Патеевич Тишкевича, пан Семен Цата. Писанъ в Шумбаре, под лет Бож. нарож. 1538, мѣсяца ноября 6 ден, индикт 12.

Подлинникъ на бумагъ, съ пятью притиснутыми печатями, хранится въ Архивъ Литовской Метрики, отдѣлъ X, № 211.

IX.

Дарственная запись, выданная п. Миколаемъ Юрьевичемъ Остиковичемъ жень своей, княжнѣ Ганнѣ Романовнѣ Любецкой, на имѣвие с. Свержно, въ благодарность за супружескую любовь ея, а равно и за то, что она, не будучи еще женой Остиковича, ссужала его деньгами и дѣлала ему разнаго рода цѣнные подарки. 1546 г. октября 10.

Я Миколай Юревич Остикович явно чиню и визнаваю сим моимъ листомъ винешъним и напотомъ будучимъ, кому будетъ потреба того ведати, албо чтучи его слышати, што ж есми никимъ не намовенный а ни примушонный, одно сам по своей доброй воли и с пороадою приятелей моихъ, а бачечи цнотливое захованье и поволность к себе малжонки моее Ганны Романовны кнежны Любецкое, а звлаща маючи на бачности, иж она, ач колвекъ еще не будучи мне малжонкою, многими речми в потребахъ моихъ спамагала и даровывала, так шатами, якъ конми, серебромъ, и тежъ позычала мне готовыми грошми чотыриста копъ грошей монеты и личбы литовское по десети пенезей у грошь, а к тому позычила ми сто золотыхъ черленыхъ угорскихъ добреважныхъ и ланцухъ золотый важностью сто золотыхъ черленыхъ, а серебра десеть гривенъ с позлотою, а перстени золотыхъ чотыри с каменьемъ коштовнымъ, важностью семдесятъ копъ грошей и шестъ золотыхъ португгалскихъ, в каждомъ по десети золотыхъ чирвоныхъ, яко ж на вси тые вышей писаные речи листъ мой писаня власное руки моее и на тую суму пенезей под печатью моею и ивнихъ людей добрыхъ, веры годныхъ, печатями се то в себе маеть; подъле которого листу моего на тое даного и в совитость был есми ей впалъ для того, иж-емъ был на рокъ и день положонный оной сумы пенезей и тыхъ всихъ речей, вышей писаныхъ, ей не отдалъ; где ж она за прозбою моею оную совитость мне отпустила и во ймене мое Свержно подле запису моего не увязовалася, а повторе позычила мне триста копъ грошей личбы литовское, и двадцать гривеньъ серебра, и полтораства золотыхъ

черьленых угорских, и перстень золотый важностью осмь золотыхъ черьленых, а шубу окъсамиту черного, кунами подшиту, с тканицами золотыми и с кнафлями сребрными позлотистыми, шапункомъ пятьдесят копъ грошей литовских; якож и на тую триста коп грошей и на вси тые речи другой лист мой писаня власное руки моее под печатью моею в себе маеть. Гдеж я, Миколай, тую вышей описаную суму пенезей и тые вси речи, на оныхъ листех моихъ вызнаныхъ описаные, к рукам своимъ взялъ и на свой пожитокъ обернул и власные долги мои тыми пенезями платил, а потомъ з дару Духа Светого кгда она зостала власною малжонкою моею, даровала мя тымъ листомъ, который есми повторе на себе даль, иж мель есми ей платити триста копъ грошей, и двадцать гривен сребра, и перстен золотый, и полтора ста золотыхъ черленых, и шубу оксамитную, кунами подшитую. Где ж я, вбачивши таковыя ея ко мне любости и цнотливое захованье малжонства, иж она немало речей для мене, малжонка своего, чинила и ведле первого листу моего совитость ми отпустила, хочечи ей, яко малжонце своей, любост малжонскую оказати и отдаровати..., дарую и вечно тымъ моимъ листомъ записую ей самой и потомкомъ ея имене мое Свержно, всю часть мою, которая ся мне в делу остала по матце моей небожчицы панее Ганне Литаворовне, в той суме пенезей ея власныхъ и во всихъ тыхъ вышей писаныхъ речахъ, на листе моемъ описаныхъ; маеть малжонка моя Анна, кнежна Любецкая, тое имене мое Свержно держати и вживати на вечные часы и от даты того моего листу тую часть мою именя Свержна в руки и в моць ей подаю, то есть часть мою в замку, будованьи и в дворцохъ, с пашнями дворными, с челедью неволною, з бояры, з слугами путными, з людьми тяглыми и огородними, з мещаны, з ставы, з млыны, з озеры, з реками, з лесы, з гаи и земли пустовскими, звериными и пташими ловы, бобровыми гоны, з данми грошовыми, медовыми и куничными, со всимъ тымъ, яко ся тое имене мое само в себе маеть, ничего на себе и на близкихъ моихъ не оставуючи, а ни выймуючы. Волна вжо будетъ малжонка моя Ангна тую всю

часть мою имения Свержна отдати, продати, променити и ку своему налецьшому пожитку обернути; а я сам и ближнии мои не мають ся ничим в тоє именьє мое Свержно во всю часть мою уступовати. А при том были велможные панове а рада его королевское милости: бискупъ жомоитский князь Венцлавъ, а маршалокъ земский великого князства Литовского, пан Миколай Миколаевич Радивил, и воевода киевский князь Фредрых Пронский, а маршалокъ дворный, подскарбий земский, староста Словимский и Мстибоговский пан Иванъ Горностай; которые ж панове их милости за прозбою моею печати свои приложили къ сему моему листу. А на твердость того моего листу я Миколай Остикович свою печать есми приложилъ къ сему моему листу и с подписю руки моеє малжонце моеєй Ганне тот мой лист есми дал.

Писан у Вилни, лета Божого нароженя тисеча пятсотъ со-рокъ шестого, месеца октября десятого дня, индикта четвертого.

Книга земская Луцкая 1570—1575 и., № 2094, л. 18.

X.

Дарственная запись п. Яна Якубовича Монтовта-Коблинскаго въ пользу малолѣтней дочери своей Ганны на имѣнія с. Млыновъ съ при-селками, выданная въ видѣ удовлетворенія отчасти за дурное обра-щеніе его съ женою, а главнымъ образомъ за нарушеніе имъ предбра-чнаго условія, по которому означенная дочь должна была быть окрещен-ной въ вѣру матери, т. е. въ православіе; объясненіе п. Монтовта относительно побужденій, въ силу которыхъ онъ рѣшился окрестить дочь по католическому обряду. 1547 г., августа 22.

Лѣта Божого нароженя 1570, месеца сентебра 6 дня, у вов-торокъ.

Передо мною Иваномъ Хребтовичомъ Богуринскимъ, подста-ростимъ Луцким, постановившимся обличне в замку его королевское

милости Луцком, пан Янъ его милость Якубович Монтольтъ Коблинский оповедал и доброволне до книгъ вгородскихъ тыми словы созналъ: ижъ дей якожь я вжо от часу немалого з доброе воли своее а умиловавши дочку свою властную, теперешнюю панюю Казимеровую Ледницкую, панюю Ганну, которую я сплодилъ з небожьчицею малжонкою своею а маткою ее панею Оленою Мацкевичовною, далъ и даровалъ есми еи имена мои отчизные, тутъ в повете Луцкомъ лежачие: двор Млыновъ и з некоторыми селми, то есть: село Млыновъ, Озлиевъ, Пекаловъ, Беневщизну и половицу села Аршичина, в которые жъ то помененные именья и увезане я самъ доброволне вжо отъ немалого часу поступилъ, оставивши собе одно тое, ижъ с тыхъ именей вышей помененныхъ я, поки, даст Богъ, буду надолжей на томъ свете жив, не маю быти рупонъ; яко жъ я на то далъ и листъ дочце моей милой панен Ганне Казимеровои Лядницкой и на тутошнемъ уряде Луцкомъ то есми созналъ, около чого тамъ есть досыть широко доложено. Который выписъ сознания моего ижъ былъ в захованю у тещи моее и у небожчика пана Василя Мацкевича з инъшими листы записными на вено и на выправу небожьчицы первое жоны моее а матки панее Ледницкое, а ижъ ся тотъ выписъ достал до рукъ вжо еи самой, просила мене дочка моя, абымъ я тое вызнанье свое тепер знову поновилъ и то на вряде вгородскомъ Луцкомъ вызнал. А такъ я, перестерегаючи того, абы около именей моихъ якие зайштъя и посварки по смерти моей не были, вгды ж болшей потомства не маю, одно тую одну дочку свою милую панюю Ганну, теперешнюю Ледницкую, хотячи тую милость противку еи показати, которую мель ку еи з молодости летъ ее, и не откладаючи в томъ прозбы ее, такъ и мужа ее а зятя своего пана Казимера Ледницкого, который тежь противку мене, тестеви своемъ, досыть значне з немалымъ коштомъ и накладомъ своимъ послуги чинит,—тотъ выписъ знову тепер, будучи здоровымъ на тѣле и на умыслу своемъ, не примушовый, але доброволне до вѣдомости твоеи, пане подстаростей, яко до вряду вгородского, принесл есми и оповедам и прошу,

абы тот выпис, в которомъ есть и листъ мой властный, вжо давно тои дочке моеи даный, был вычитанъ и до книгъ кгородскихъ Луцкихъ вписанъ, а тотъ выписъ с теперешнихъ книгъ кгородскихъ Луцкихъ жона его, а дочка моя пани Ганна взявши, коли похочеть, до книгъ земскихъ Луцкихъ мает перенести и дати въписать, которое вписанье, за показанемъ от нихъ до книгъ земскихъ Луцкихъ, мает то такъ мощно быти, яко быхъ я самъ очевисто передъ судомъ зуполнымъ земскимъ Луцкимъ вызналъ.—А такъ я Иванъ Богуринский, подстаростий луцкий, взявши з рукъ пана Монтоловыхъ вы(пис) с книгъ замку господарского Луцкого, под датую року тисеча пят сотъ чотырдесять сегомо, месеца декабра десятого дня, индикта пятого, почавши с початку ажъ до конца вычиталъ и до книгъ кгородскихъ Луцкихъ вписати росказалъ, который слово от слова такъ ся в себе мает: Выпис с книгъ замку господарского Луцкого, лета Божого нароженя тисеча пятъ сотъ чотырдесять сегомо, месеца декабра десятого дня, индикта пятого. Пришодчы и постановившеса обличне в замку господарскомъ Луцкомъ, передо мною Михаиломъ Ощовскимъ Ивановичемъ, подстаростимъ Луцкимъ, дворенин господарский панъ Янъ Якубовичъ Монтолт оповедалъ и доброволне передо мною до книгъ замковыхъ Луцкихъ тыми словы созналъ: Ижъ што з воли Божое и за радою и намовою ее милости пани матки своее и ихъ милости пановъ приятелей и кривныхъ своихъ понялъ и взялъ некоторого часу в станъ малъжонский дочку небожчика Андрея Мацковича панну Олену у ей милости панее Богданы Юревы, с которою то дочкою ихъ милости а малъжонкою моею панею Оленою мешкаючи з нею в стане малъжонскомъ, позналъ есми по ее милости досыт учтивое а цнотливое малъжонство, и хотячи ее ку себе тымъ хутлившую въ милости, в той жо вѣрной милости малъжонской учинити, бо ся она такъ цнотливе заховала противко мнѣ, яко на поцтивую з народу зацного приналежит, которая тежъ досыт и безвинъне битья от мене терпила, што она мне, яко цнотливая малъжонка, приймуючи то на себе, вдячне отпустила; ку тому тежъ, цнотливе а верне со мною

мешкаючи, сплодила и на светъ уродила мнѣ дѣтя милое, девку паньну Ганьну, тымъ именемъ охрищеную подлугъ обычаю римскаго, а такъ тая дѣвка моя, подлугъ опису моего, который я учинилъ при змовинахъ с панею тещею своею, мела была быти охрищена по вѣри матки своее и по обычаю греческаго закону, за што я попалъ въ заруки жоне моеи и панеи тещи, а ижъ тая девка моя охрищена ку воли моеи, а што наболшая, ижъ ся уродила во всихъ подобенствахъ, яко в лице мое, такъ и знаками, которые тежъ на теле моемъ на мнѣ есть, и у нее ся притраховили; а я то жонѣ своей обещовал, ижъ естлибы ку подобенству моему дѣтя мнѣ уродила, ижъ тое дѣтя мело быти обдаровано от мене надъ иншия дѣти. А такъ я тые вси речы вышей менованыя уваживши у себе и розмыслившись на то, даю, дарую зовсимъ тои дочце моеи милои, недавныхъ часовъ нароженои, панне Ганне имѣнья мои отчизныя, Млыновъ з дворцемъ Млыновскимъ и з Озлеивомъ, Пекаловомъ, Беневщицкою и половицу Аршичина непорушне, якожъ еси по которыхъ тые имена от иншихъ именей моихъ дѣвка моя (*истъвѣшия мѣста въ подлинникъ*) въ листе своемъ того меновите поступил, выкладаючи то в листе своемъ, ижъ я с тыхъ именей вышей помененыхъ до живота своего, поки ми Богъ судить на томъ свѣте надолжъшей живому быти, не маю с того быти порушонъ, што ширей а достаточней тот мой лист, который я, справивши и написавши на тые имена дочце моеи милои, даломъ его до схованя панеи тещи моеи а бабце ее; который жо то листъ яко при моемъ животе, так и по моемъ животе маеть быти захован во всемъ в моцы ани в чомъ непорушне вѣчными часы тепер и напотомъ вѣку будучихъ.—И просилъ панъ Монтолтъ, абыхъ я тот листъ, который онъ, отъ пана Василя Мацкевича з рукъ взявши, до рукъ моихъ далъ, передъ собою вычитати казалъ, и до ведомости врядовое припустивши, въ книги замковыя записати казалъ. А такъ я, Михайло Ощовский, на прозбу пана Монтолтову то вчинилъ и тот листъ вычитати казалъ и до книгъ замковыхъ вписати велелъ; который листъ слово в слово такъ ся

в собѣ маеть: „Я Янъ Якубовичъ Монтолтъ визнаваю самъ на себе тымъ моимъ листомъ, кому будетъ потреба того ведати, альбо чтучи его слышати, сесь вѣкъ и напотомъ будущий, ижъ што из справки Божеи а съ презрєня Духа светого, такъ с порады и дозволеня ее милости панєи матки моеє и иныхъ крєвныхъ а повиноватыхъ своихъ, понял и взялъ есми за себе у станъ малжонский дочку небожчика Андрея Мацкевича панъну Олену у ее милости панєи Богданы Юрєвны, теци своеє, с которою малжонкою моею панєю Оленою отдавшися мнѣ и мешкавши с нею час немалый, а хотячи ее ку себе тымъ хутлившую в милости малжонской учинити, гдєжъ она ку мнѣ такъ ся заховала, яко на поцтивую панюю з народу задного пристоить, не беручи того перед себе, ижємъ я противко неи такъ се не заховаль, яко на станъ ее пристоит, алємъ еи колько разовъ безвинне, с пьянства своего о горло мало не приправиль, што она, такъ и всѣ безвинные битья, мнѣ, яко цнотливая, верная а поволная малжонка, отпустила; а иж цнотливе со мною мешкаючи, сплодила и на съветъ со мною уродила мнѣ девку панну Ганъну, тымъ именємъ охрищеную водлугъ обычаю римского, которая подлугъ опису и постановєня моего, которое я учинил изъ ее милостю пани тецюю своею, мила быти охрицона у веру греческую, тогда и в том я выступил яко противку приятель малжонки моеє, такъ и противъ ее милости пани теци своеє и сыномъ их милости, по которыхъ я великое запоможєне и помоч у правахъ, которые есми мель, узнал, гдєм я малжонце своеє верне милой за тое, иж есми похрыстиль в закон римский дочку нашу, першую в народе моемъ, в заруку (попаль), розумеючи, иж есми винєнь мель зостати, бо мене о тую заруку позвати мѣль шурин мой пан Василєй Мацковичъ позвы господарьскими. А такъ я, уваживаючи у себе тыє вси поменєные речи, а наболшей, иж малжонка моя верне милая уродила мнѣ зо мною спложовую дочку панну Ганну, которая ся во всемъ тєли своемъ, такъ в лицу, яко и в знаках, которые у мене єсть, притрахвила и уродила,—тогда маючи я на то добрую паметь, а хо-

тяти тежъ малжонку свою милую, такъ и приятелей ее, утешити, приставуючи теж до обычаев задних пановъ, такъ паметаючи на то, иж есми цнотливым своимъ словомъ малжонце моей милой обѣщываль, ижъ естлибы ку подобенству моему дѣтя мнѣ, такъ сына, або дѣвку, уродила, тогда тое дѣтя мело быти от мене добре обрадовано, ниж иншие дѣти; а так я, полнечи обещность свою и паметаючи на вси тые речи вышей в томъ листе моемъ поменены, даю, дарую тую наменованую дочку мою панну Ганьну, ново мне нарожоную, именѣ мое Млыновское з дворцемъ, який есть тепер, такъ и с приселками моими: Озлиевомъ, Пекаловомъ, Беневщизною и половицу Аршичина, которымъ именямъ тые границы такъ тымъ моим листомъ описую: напервей, почавши от реки Иквы, под самую греблю Аршичицкую, zostавуючи поправе греблю ку Коблину, у верхъ ставу, аж до узножи того ставу Коблинского взгору, а черезъ тую узножь переехавши до дороги, которая идетъ надъ узножью до Погорелець, zostавуючи поливе узножь зо всими кгрунты у сторону Млыновскую, а поправе за дорогою ку кгрунту Коблинскому, аж до границы сел Дубенскихъ, а от того мѣстца, где тая дорога увошла у кгрунты Дубенский, села Ивана грани ажъ до граней князя Головинных села Кошарева, а от пята остатнее села Кошарева аж до граней Дорогостайскихъ, а грани Дорогостайскими ажъ до граней Муравицкихъ и в долину, а потомъ в болото Ужинецъ названное, а Ужинцемъ ажъ до реки опять Иквы, грани Муравицкое, и через реку, а на другую сторону реки Иквы на дол рекою Иквою половицою ажъ опять до граней Смордовскихъ, а граню Смордовскою аж до гостинца, который идет изъ Смордвы до Аршичина, через гостинець Дубенский великий на греблю Аршичинскую, а тамъ опять под греблю аж до реки Иквы, zostавуючи греблю зовсимъ поправи за тымъ гостинцомъ, и гай и поля ку половици Аршичина и къ Коблину; гдежь по тымъ местцамъ и врочищамъ, такъ село Млыновъ и Озлиевъ, Пекаловъ, Беневщизну и пол-Аршичина, тот увес кгрунт, который одно есть межи тыми границами описаный, тот я даю, дарую тои

дочки моей милой панъне Ганъне, якож я маю и повиненъ буду передъ вижемъ лудкимъ тыхъ именей вышей помененыхъ поступити и в держанье доброволное дати той дочце моей милои; а коли я увезане поступлю, маеть мнѣ ея милость пани теща моя через сына своего пана Василя опятъ всихъ тыхъ именей дочки моеи поступити и въ держане подати, а я, взявши тое опятъ в держане свое, маю то держати толко до живота своего; одно жъ, естлибы она с того свѣта первой мене зошла а то бы кому листомъ своимъ записала, не маю я быти рушонъ с тыхъ именей аж до живота своего, такъ тежъ поки она жива не маеть того з рукъ моихъ вышмовати аж до живота моего; а естли тежъ я первой с того свѣта зыйду, а она жива по животи моемъ зостанет, не маетъ ся увязывати в тые имена вышей помененые, поки тѣла моего грѣшного не погребутъ, але тогожъ часу, по погребѣ, взявши вижа з уряду замку Луцкогo, або отъ маршалъка земли Волинское, мощна будетъ уехати у дворець и в села вышей помененые, яко у свое властное, от мене ей дарованое, и того уживати и на себе держати вѣчными часы и ими шафовати водле воли и вподобаня своего маеть, егдажъ я то не обчому, але дитяти своему, которое есми умилывалъ, дарую и вечне тымъ моимъ листомъ запишю; але предся выправа с четвертое части межи иншими дѣтми моими, естли ихъ ми Богъ дастъ, маеть быти дана албо именъемъ, албо грошми, якъ она похочеть. И уже от того часу я самъ того именья вышей помененого в тыхъ границахъ описаныхъ не могу ани маю мощы заставляти и записывати, и хотябы якие листы от мене кому жъ колвекъ даные показались, такъ вперед того, яко и послѣ дати того листу моего, тогда таковыя листы, яко передъ господаромъ королемъ его милостью, такъ и передъ паны воеводами Троцкими, передъ которыми Волинская ся земля судить, и ни у якогожъ колвекъ права мощы не будутъ и не мають мѣти; где мнѣ уже самому тыхъ именей неволно никому записывати, ани до рукъ кому иншому пущати. А естлибы тежъ дѣвка моя панна Ганъна, не дождавши смерти моее, с того света зошла, тогда,

еслибы того не записала, то е мене Млыновъ и с приселками ни на кого иншого, одно на дом мой прийти мает; а если бы давность земьская водлугъ статуту тому листу зашла, то есть, еслибы тыи имена, которыи з доброй воли мнѣ до живота моего даны, а я бых тые имена летъ болшей десяти, албо пока Богъ мнѣ надалей продолжить здоровья и живота моего держалъ, тогда тая давность хотя бы наболшими леты, бы была и кольеодесять лѣтъ, тому запису моему шкодити не маеть, бо уже мнѣ одно доживоте за ласкою ее милости панее тещи моее, такъ и малжонки моей милой и пана Василя, брата еи, дано, што я от их милости вдячне приемши, дяковалъ. И волна будетъ дочка моя тых именей вышей помененыхъ уживати, яко своихъ властныхъ, а их кому хотя, такъ при животи, яко и по животи моем записати, отдати, даровати и на церковь записати зо всеми землями, пашными, дворными и сеножатами, такъ з людми и их роботами, чиншами, подачками и зо всеми их повинностями, ставы, ставищами и зъ их уловами, з млыны и з млыницами и их вымелками, з реками и з речками и з бобровыми гоны, з гайми, з дубровами, з лесы и з хворощами, такъ из людми и зъ их селищами, которыи бы за держаня моего на тыхъ кгрунтехъ осели, такъ зо всимъ, яко ся тыи имена подлугъ описаня моего в собѣ мають и по доброй воли моеи есть означены и объведены, якож я на себе и на иншие дѣти мои, такъ крвные и потомки и щадки мои, ничего не zostавую вѣчными часы. А для твердости того моего листу и печат мою приложилъ есми къ сему моему листу. А при томъ были ихъ милость панове приятели мои, дворане господарьские, панъ Петръ Кирдий Мылский, панъ Иванъ Александровичъ Солтанъ, панъ Андрей Якубовичъ Монтолтъ, а панъ Михайло Тихновичъ Козынский, панъ Марко Жоравницкий, а панъ Василей Иванович (Андреевичъ?) Мацкевич, панове за чолобитьемъ моимъ печати свои приложили к тому моему листу, который я далъ дочце своей панне Ганне. Писанъ у Коблини, лета Божого нарочена тисеча пятсотъ чотырдесятъ семого, месеца августа двадцат вторый день, индикта пятого.—А по вы-

читаню и вписаню в книги замковые Луцкие вызнаня и листу его милости пана Монтольтова, и коли я то, яко вряд, до вѣдомости своеи зуполной принял, просил мене, Михайла Ивановича Оцовского, подстаростего Луцкого, панъ Янъ Монтолтъ и панъ Василей Мацкевича, абых пану Мацкевичу выпис с книгъ под печатю моею дал; а такъ я того добровольного сознаня пана Монтолтова выпис с книгъ Луцких давши выписати, под печатю своею пану Василю Мацкевичу далъ. Писан в Луцку, року и даты вышей описаного.—А такъ я Иванъ Богуринский, подстаростий Луцкий, тое очевистое оповедане, добровольное сознане пана Яна Якубовича Монтолта Коблинского и выпис с книгъ замку Луцкого, за прозбою пана Монтолта, слово от слова, с початку ажъ до конца в книги кгродские замку Луцкого записати казалъ.

Книга кгродск. Луцкая 1570 г. № 2044, л. 462.

XI.

Вѣновная запись земянина Федора Воютинского, выданная имъ новобрачной женѣ своей Оленѣ Промчейковичевой-Деревянецкой въ обезпеченіе приданого и въ награду за сохраненіе цѣломудрія. 1551 года, мая 12.

Лета Божего нароженя 1570, месяца сентебра пятого дня.

Постановившися очевисто в замку господарскомъ Луцкомъ, передо мною Иваномъ Хребтовичомъ Богуринскимъ, подстаростимъ Луцким, земенинъ господарский пан Федоръ Гавриловичъ Воютинский оповедал и тыми словы добровольне до книгъ кгродскихъ созналъ: иж што дей за зраженемъ дару Духа светого повялъ есми дочку в малженъство подле закону нашего греческого в пана Грицька Промчейковича Деревянецкого, панну Олену, за которую

панъною его милость рачиль мне дати вена: грошей готовых сто копъ грошей монеты и личбы литовское, в шатах и в перлах, в золоте, серебре, в конех и в иных домовых речах дал мне его милость двесте копъ грошей, то ест всего от его милости мне за дочкою его милости дано триста копъ грошей; то мне все дошло и вже в руках своих тое все и з малжонкою моею панею Оленою маю. Я то бачачи, ижъ так цнотливого выхованя паненства своего ко мне малженства своего верност принесла, и тежъ таковыи и дары и посаг знаменитые от пана Грицка, отца нашего, намъ даны есть, з волею пана отца моего пана Гаврила Воютинского даю и записую жоне моей милой панее Олене на имену моемъ отчизном Воютине и на именах материстых моих у Серховѣ и в Цевове третюю часть всех тых трех именей моих в суме певной въ чотырох сот копах грошей монеты и личбы литовское, што ширей а достаточней на листе моемъ вызнаном, малжонце моеи от мене даномъ, ест описано и доложено. И тотъ лист свой пан Федоръ Воютинский передо мною покладалъ, просячи, абы был вычитан и в книги кгородские былъ вписанъ; который лист так ся в себе мает: „Я Федоръ Гаврилович Воютинский визнаваю симъ моимъ листомъ перед кождым, хто бы хотел ведати або чтучи его слышати, ижъ за зраженемъ дару Духа святого понял есми дочку в малженство подле закону нашего греческого в пана Грицка Промчейковича Деревяницкого, панну Олену, за которою панною его милость рачиль мне дати вена: грошей готовых сто копъ грошей монеты и личбы литовское, в шатах, в перлах, в золоте, серебре, въ конехъ и в иных домовыхъ речах далъ мне его милост двесте копъ грошей, то ест всего от его милости мне за дочкою его милости дано три ста копъ грошей; то мене все дошло и вже въ руках своих тое все и з малжонкою моею панею Оленою маю. Я то бачачи, ижъ так цнотливого выхованя паненства своего ко мне малжонства своего верность принесла, и тежъ таковой посагъ и дары знаменитые от пана Грицка, пана отца нашего, намъ данъ есть, з волею пана отца моего пана Гаврыла Воютинского даю и записую жоне моеи милои паней

Олене на имени моемъ отчизном Воютине и на именах моих материстых у Серхове и въ Цевове третюю часть всех тых трех именовъ моихъ в суме певной в чотырох сот копах грошей и монеты личбы литовское, и еще еслибы панъ Богъ створитель нашъ рачиль нас з мою милою малжонкою панею Оленою Грицковною спомоч где што прислужит, або купить и якимъ колвек обычаемъ набыти именъя, земли, якогж колвек кгрунту земеного, того всего третюю част моеи милои жоне даю, запишю в той суме вышей мененои чотыри ста копах грошей, отдаляючи всех своихъ близкихъ; и еслибых з милосердя Божого мел потомки з жоною моею, а, чога. Боже вховай, часу смерти, а хотели бы потомки наши албо близкие мои што з неласки и трудного жоне моеи вчинити, а с тое третее части всех тых именовъ моихъ отчизныхъ и набытых чимъ порушити, тогда мают ажъ чотыриста копъ грошей жонѣ моеи милои Олене отдати, а не отдавши тое суммы, не мают ничим ся в третюю часть всех именовъ моихъ отчизныхъ Воютина и материстыхъ Серхова и Цевова, в которыхъ я маю часть окромъ отца моего, и што бы за милосердемъ Божимъ мелъ якимъ колвекъ обычаемъ набыти, къ рукамъ своимъ брати, а ни якими причинами вживать, а ни чимъ ся вступовать не мають, ажъ чотыриста копъ грошей отдавши, тожъ до рукъ своихъ тую третюю часть въ mocy своеи, и похотели-ль бы мои властныи потомки албо близкые мети, взяти мають. А для твердости сего моего листу вызнанъя и отправы отданя и внесеня в руки мои всехъ тыхъ речей вышей мененыхъ, яко грошей готовыхъ, и золота, и сребра, шаты и всякого домовства, панъ отецъ мой панъ Гаврило Воютинский печать свою приложилъ, и я тежъ свою печать къ сему листу моему приложилъ и руку свою подписалъ. А при томъ были и того добре сведоми: панъ Еско Есенницкий и панъ Романъ Белостоцкий, а панъ Петръ Костюшковичъ Хоболтовский, которыхъ з руки пана Гаврила, отца моего, за листомъ моцованнымъ и верущимъ, въ домъ пана Грицка Промчейковича ку браню панны приезчали; панъ Иванъ Окорский, а панъ Яцко Дрозденский, а

пан Олехно Белостоцкый, а Миско Долбуновъскый, которыхъ есми просиль о приложене печатей; ихъ милости на мою прозбу печати свои къ сему моему листу приложили. Писанъ у Д. (*невозможно прочесть*), подъ лета Божого нароженя тисеча пят сот пятьдесятъ первого року, месяца мая второгонадцат дня, индикта первогонадцать¹⁾.— А такъ я тое оповедане, доброволное сознане его милости пана Федора Воютинского, слово от слова, с початку аж до конца в книги кгородские записати казалъ.

Книга кродск. Луцкая 1570 г., № 2044, л. 466 об.

ХІІ.

Предбрачная вѣнновная запись, выданная п. Михайломъ Боговитиномъ-Шумбарскимъ невѣстѣ своей, паннѣ Ганнѣ Олехновнѣ Борзобогатовнѣ, въ обезпеченіе обѣщаннаго за нею приданнаго. 1552 г. февраля 27.

Року 1583, месеца февраля 25 дня.

Присылаъ на врьдѣ кгородскый Луцкый, до мене Станислава Петровского, подстаростего Луцкого, пан Иван Борздобогатый-Красенскый, мостовничий Луцкый, Есифа Андрѣевича з листомъ, просечи, абы былъ до книгъ кгородскихъ Луцкихъ уписанъ; которого я листу огледавши, передъ собою читати казалъ, и такъ ся в себе маеть: „Я Михайло Боговитин Шумбарскый чиню явно и визнаваю симъ моимъ листомъ нинешнимъ и напотомъ будучимъ кождому, кому бы одъно была того потреба ведати, албо чтучи его слышати: ижъ што з воли Божое а за статечною порадю ихъ милости панов и приятелей моих, а звлаща ее велможное милости кнегини Васильвое Санкгушковича Ковелского, старостиное Сви-слоцкое, кнегини Зофеи Лозчанки, панее матки моее, а з милости

¹⁾ Индиктъ означенъ невѣрно: въ 1551 г. былъ индиктъ 9-й.

уприймое, змовиломъ за себе въ малженство дочку его милости пана Олехна Борзобогатого-Красенского, целника господарского, панъну Ганъну, по которой дей обецаль мне былъ его милост панъ Олехно вѣна дати готовыхъ пенезей чотыриста копъ грошей, а выправу другую чотыриста копъ грошей личбы литовское. Ино я, хотечи за судом и волею Божео а за порадою ихъ милости пановъ и приятелей моихъ и ее милости кнегини матки своее, а з милости моее уприймое, зъ его милостю паномъ Олехномъ крвное званье и з домом его милости вечистую приязнь, а водле закону Божого з девкою его милости панъною Ганъною малженство приняти, яко дня нинешнего, в недѣлю, году петдесять второго, месеца февраля двадцать семого дня, приехали в дом его милости до Красного зъ ихъ милостями паны и приятelmi моими: его милостю паномъ Петромъ Михайловичомъ Семашкомъ, старостою Кремьянецкимъ, а его милостю княземъ Андрѣемъ Козѣкою и з братомъ своимъ паномъ Стефаномъ Шумскимъ, и теж с паномъ Андреемъ Русиномъ Берестецкимъ и весполк зъ их милостями прозбу о томъ до пана Олехна вчинилом. Ино его милость пан Олехно, маючи при себе в дому своемъ пановъ и приятелей своихъ, яко ихъ милости велебныхъ в Бози отца владыку Володимерского и Берестейского Иосифа, а его милость отца Феодосия Гулевича, владыку Луцкого и Острозского, а ихъ милость князя Александра Санькгушковича Кошерского, а князя Ивана Четвертенского, а пана Станислава Залеского Медведа, будучи того з воли Божое по мне вдячон, а помнечи на все поменное застановленье и змову около таковое вечистое приязни моее зъ его милостю все выполнити, якъ грошей готовыхъ, и выправу, и мне в малженство дочку дати рекъ и обецаль, и заразъ то учинил: пенезей готовыхъ чотыриста копъ грошей, а выправы другую чотыриста копъ грошей в золоте, серебре, в клейнотех, в перстенех, в перлахъ и в шатахъ мне передъ ихъ милостями всеми поменеными паны и приятели моими и своими отдалъ. Што я к рукамъ своимъ взявши, а в томъ заховываючися подле звыклости и бѣгу в такой мере правъ посполитыхъ земскихъ, перво нижелимъ подле обы-

чая хрестиянскаго з дочкою пана Олехною а мне от Бога обещанною малжонкою панъною Ганъною в малженство скутечное вступилъ, записую и оправую малжонце моею з милости упріймое, которую до приязни дому пана отца ее и до нее, от Бога обещанное малжонки своее, маю, все внесене ее, такъ грошей готовыхъ, яко и выправы, осмъ сотъ копъ грошей, штомъ по ней от пана отца ее взялъ, совито, тоест шестнадцати сотъ копъ грошей личьбы Литовскою, личачи по десяти пенезей бѣлыхъ у грошъ, на третей части замку и места Шумбара и всѣхъ дворахъ и именьяхъ моихъ Волинскихъ и Подляшскихъ отчизныхъ и материстых и на рсѣхъ иныхъ пожиткохъ, якимъ колвекъ именовъ маютъ быти названы або именованы, которые теперъ суть и нанотомъ прибавлены и розширены быти могутъ, тое всее части, што я от брата моего пана Павла в одделе деръжу, або еще з делу вечного держати буду, маеть малжонка моя пани Ганъна на третей части всѣхъ помененыхъ именей моихъ за живота моего тое всее оправы шестнадцати сотъ копъ грошей гледѣти и певна быти и яко именей, пожитковъ якимъ колвекъ именовъ могутъ быти названы, нине и напотомъ, третее части зо мною сполне до живота своего уживати. А если бы Панъ Богъ на мене смерть допустил, тогда она на тое своее оправе на третее части замку и места Шумбара и всѣхъ именей моихъ Волинскихъ и Подляшскихъ, маючи то при животе и по животе моемъ от мене симъ моимъ листомъ записано, будь на вдовьемъ столци, або и замужь пошедши, спокойне держати и того яко влостности своее подле воли и баченя своего уживати, пожитки на тое третее части множити, прибавляти, розширати и уживати, ажъ до живота своего, и по животе ее кому хотя отдати, даровати и записати волно ихъ будет, а ни хто з детей моихъ, если мне ихъ Панъ Богъ дасть, такъ з брата, кривныхъ, приржонныхъ и близкихъ моихъ в то ей трудности задавати ани скуповати с помененое третее части не мають. И на томъ далъ сей листъ з моею печатю. Писанъ у Шумбару, лѣта Божого наржоння тисеча пятсотъ петдешать сегого, месеца июня первого

дня ¹⁾“.—А такъ я тое оповедане его милости пана Михайла Богдановича Шумбарьскаго и тот листъ записный за прозбою его слово у слово в книги замковы записати казалъ.

Книга городская Луцкая 1583 г. № 2062, листъ 71.

XIII.

Вѣнковая запись, выданная п. Василиемъ Михайловичемъ Семашкомъ своей женѣ Оленѣ Есифовичевой въ обезпеченіе ея приданого. 1554 года, іюня 29.

Лѣта Божого нароженя 1567, месеца октебра 28 дня.

Ставши очевисте передо мною Андреемъ Ивановичомъ Русиномъ, подстаростимъ Луцкимъ, земянка земли Волинское пани Ивановая Чапличовая Галена Карповна зознала тыми словы: што дей записала малжонку своему пану Ивану Чапличу тысячу коп грошей на имени Зденежи и Березолупех, вено внесене мое, што по мнѣ небожчикъ пан Семашко, перший малжонок мой, взялъ и мнѣ на имени Зденежи и Березолупехъ полторы тысячи коп гро-

¹⁾ Признаемъ эту дату не болѣе, какъ ошибкой писца, вносившаго настоящій документъ въ актовую книгу. Выше, въ самомъ текстѣ настоящей записи ясно означено, что она была составлена въ день свадьбы, когда женихъ прибылъ въ домъ невесты „дня нинешнего, в недѣлю, году петдесятъ второго, месеца февраля двадцать сегомо дня“, и не въ Шумбарѣ, а въ Красномъ, гдѣ происходила самая свадьба. Вѣнчанье и свадьба въ то время всегда совершались въ *воскресеніе*, а не въ другіе дни недѣли; и точно, 27-е февраля въ 1552 г. приходилось въ воскресеніе, тогда какъ 1-е іюня 1557 г. падаетъ на вторникъ. Ошибка переписчика произошла, вѣроятно, оттого, что, кромѣ настоящей записи, ему пришлось въ 1583 г. одновременно вносить въ актовую книгу и другую—дарственную запись того же Мих. Боговитина женѣ, датированную 1557 г. 1 іюня и помѣщаемую нами ниже, подъ № XIV. Что обѣ эти записи никакъ не могли быть выданы въ одинъ и тотъ же день и тому же въ разныхъ мѣстахъ (одна въ Шумбарѣ, а другая въ Красномъ), а что, напротивъ, между совершеніемъ той и другой изъ нихъ должно было пройти значительное время—это вполне очевидно изъ содержанія обѣихъ записей и изъ сопоставленія лицъ, поименованныхъ и тамъ и здѣсь въ качествѣ свидѣтелей или участниковъ событія.

шей за вено и внесене мое з ласки своее записал, якож есми, умоцнивши малжонка моего пана Ивана Чаплича листомъ своимъ, и лист свой веновный, который от пана Семашка, першого малжонка моего, маю, на котором ми на имени Зденежи и Березолупех записалъ полтори тысячи коп грошей, ему ж малжонку моему пану Ивану Чапличу дала. И принесши перед мене лист тот свой веновный, просила, абы слово в слово до книг замку Лудкого вписан был; который лист так ся в себе мает: „Я Василей Михайлович Семашко визнаваю самъ на себе сим моимъ листомъ кождому доброму, кому того буде потреба ведати, або чтучи его слышати, нинешнимъ и напотомъ будущимъ: штож з воли Божее понялем собе жону, дочку пана Карпа Есифовича панну Олену, и узял есми по неи посагу пятсот коп грошей монеты и личбы великого князства Литовского готовых, а другую пятсот коп грошей у выправе: в ланцугох, в клейнотахъ, в золоте, в серебре, в перлах, в шатах и в иных многих речах; где я, милуючи жену свою, а бачачи ку себе ее доброе а цютливое заховане, и чинечи досыт обычаю, як ест в панстве пана нашего великого князства Литовского на третей части всего имени оправу вчинити, записую и дарую ей, жоне моеи, выймуючи з двох частей именей моихъ, третюю част именей моих Зденеж и Березолупы, з дворомъ и с пашнею дворною и зо всимъ с тымъ, яко ми ся от брата моеи з дѣлу zostало, яко ся здавна в себе мает, полторы тысячи коп грошей Литовских; которыи то имени мои Зденеж и Березолупы мает она, жона моя, по животе моемъ в тых полторы тысячи копах грошей держати и вживати, аж до живота своего, а по животе своемъ волно ей будет тое вено свое отдати и продати, яко сама похочет тую суму обернути. А дети мои, если бы она замуж не пошла, с того имени не мают рушати, ани ся в него вступовати, одно она яко власност свою держати аж до живота своего; а если бы замуж хотела пойти, або и пошла, тогда дети мои, которые в нею малжонкою моею мети буду, не повинни будут болшей давати от полторы тысячи кой грошей. И чого Боже вховай на мене

смерти, а детей быхъ з нею, малжонкою моею; не мел, тогда братья и ниhto з близких моихъ, не отдавши ей сумы пенезей полторы тысячи копъ грошей, во имене Зденеж и Березолупы уступовати не мают, а еслижбы замуж пошла, тых именей не мают в нее з рукъ брати, алиж ей тую суму пенезей отложить и всѣ речи рухомые при ней зоставят, которые ест вышей на том листе менованые. И то тежъ на томъ листе моемъ докладамъ: если бы замуж пойти не хотела, тогда мает седети и на тыхъ двоухъ частехъ именья моего так отчизного, яко набытого, ажъ до живота своего, а по животе своемъ маеть в целости зостати брати моей або тому, кому быхъ по животе своемъ и ее записати мел. А што ся дотычет тое третее части именья моего Зденежа и Березолупъ, кому она тое вено свое по животе своемъ отпишет, теды братья моя повинни будут тому тое вено, от мене записаное, полторы тысячи копъ грошей отдати, а не отдавши тое сумы пенезей, не мают тыхъ именей брати. На што давамъ ей, малжонце моеи, сес мой листь з моею печатью и с подъписью властьное руки моее. А при томъ были и того добре сведоми: господинъ и отецъ нашъ владыка Луцкый и Острозский Феодосей, пан Петръ Киръдей, маршалок господарский, а брат мой пан Петръ Михайловичъ Семашко, староста Кремьянецкий, панъ Марко Василевич Жоравницкий, панъ Михно Ощовъский, подстаростий Луцкий, и брат мой пан Дмитръ Олехновичъ Козинъский; гдѣ ихъ милост за чоломъбитьемъ моимъ печати свои приложили к сему моему листу. Писан у Зденежи, под летъ Божого нарожена тысяча пятьсотъ пятьдесят четвертый, месеца июня двадцат девятого дня".—А так я тот лист ее милости веновъяный, за очевистымъ сознаниемъ, с коньца в конецъ прочетши, слово в слово до книгъ замку Луцкого записати казалъ и выпис с книгъ подъ печатью моею пану Ивану Чапличу Шпановскому на то даль.

Книга градск. Луцкая 1563—1564 и. №2037, л. 189 об.

XIV.

Дарственная запись и. Михайла Боговитина-Шумбарскаго на значительную денежную сумму, выданная имъ въ пользу своей жены Ганны Борзобогатовны въ награду за вѣрную супружескую любовь и изъ желанія имущественно обезпечить ея положеніе на случай его смерти. 1557 года, іюня 1.

Року тисеча петсот осмдесят третего, месяца фѣвраля двадцать осмого дня.

Присылал на врьд кгородский Луцкій, до мене Станислава Петровского, подстаростего Луцкого, пан Иванъ Борзобогатый Красенский, мостовничий Луцкій, лист для вписованя пана Михайла Боговитина Шумъбарского, просечи, абы былъ до книгъ кгородских Луцкихъ уписанъ, которого я читати казалъ и такъ ся в себе маеть: Выпись с книгъ замку господарьского Луцкого, лѣта Божого нароченя тисеча пят сот петдесятъ семого, месеца іюня осмого дня. Пришедши перед мене обличне Михайла Ивановича Ощовского, подстаростего Луцкого, дворенинъ господарский его милость панъ Михайло Боговитинъ Шумъбарский оповедалъ и до книгъ вызналъ самъ доброволне, ижъ дей есми малжонце своей, паней Ганъне Олехновне Борздобогатовне, на двох частех именовъ моихъ всѣхъ отчизных и материстых, Волинских и Подляшских, которыхъ тепер в держанью моимъ ест и по животе матки своее и иншихъ в держаню быти маю, далъ и даровалъ и листомъ своимъ под сведомьемъ и печатми людей добрыхъ певную суму пенезей две тисечи копъ грошей личбы литовское записалъ; который лист передо мною на врьде господарскомъ покладалъ и просилъ, абы тот листъ до книгъ записанъ былъ, который такъ ся в себе маеть: „Я Михайло Боговитин Шумъбарский чиню явно и визнаваю то листом моимъ каждому, кому бы была того потреба ведати, або чтучи его слышати, нинешним и напотомъ завжды, ижъ я, знаючи ку себе милость и великие, пилные, правдивые,

зачливые а верные послуги малжопки своее панее Ганьны Олехновны Борзобогатовны Красенского, и ктому ижемъ тежъ на потребности свои отъ нее некоторую суму пенезей позычилъ и взялъ, такъ тежъ маючи ласку и запоможенъе от отца ее, а тестя своего, пана Олехна Яцковича Красенского, ключника, городничого и мостовничого Луцкого, целника господара короля его милости коморы Волынское, такъ при ожененъю моемъ, и в отпущенъю значное немалое позычоное на потребности мое сумы пенезей, и в иныхъ каждыхъ а долеглихъ потребахъ и припадкох моих, а звлаца едуци теперь на службу господарскую и земскую военъную при освещеномъ и велможномъ кнежати его милости пану воеводе Виленскомъ пану Николаю Радивилу до земли Ифлянтское, помнечи на пригоду и на часъ смертелный, а хотечи то малъжонце своей еще при животе своемъ нагородити и вперед ку милости и службамъ своимъ тымъ охотнейшую и прихилнейшую способити, на то ся добремъ розмысливши, даю, дарую и симъ листом моимъ, яко властного а позычоного долгу, запишу малжонце своей паней Ганьне на двоухъ частехъ именей моихъ отчизныхъ и материстыхъ, Волынскихъ и Подляшскихъ, всее части моее, которую в отделе от брата моего пана Павла на сесь час держу и еще вечне держати буду, то есть на половицы замку и места Шумъбара, на селе Горбовцахъ, на селе Загайцохъ и на всей половине всѣхъ именей нашихъ Волынскихъ и Подляшскихъ, которые на насъ по матце нашео припасти мають, и на всѣхъ иныхъ именахъ нашихъ, пожиткахъ якимъ колвекъ именемъ названыхъ або менованыхъ, которые теперь суть и напотом прибавлены и розширены быти могут, певъную суму пенезей две тисечи копъ грошей личбы Литовское. Маеть и волна будеть малжонка моя пани Ганьна Олехновна на двоухъ частехъ всѣхъ именей моихъ отчизныхъ и материстыхъ, Волынскихъ и Подляшскихъ, вышей помененыхъ, и по животе матки моее кнегини Василевое Михайловича Санкгушковича Ковелское на мене або дѣти мое припалыхъ, и всѣхъ пожиткохъ именей моихъ, при животе и по животе моемъ, ихъ певна быти и того водле воли и зданья

своего налепшого уживати и кому хотя иному, будь деткамъ своимъ, або кому с приятел, з близких и далеких своихъ и обчихъ, дати, даровати и записати, такъ при животе, яко и по животе своемъ; а я вжо самъ и по мне дети мое и никто з близкихъ и далеких моих ее, малжонки моее, не отдавши и не заплативши еи тое от мене дарованое и записаное сумы пенезей, всее сполна двохъ тисечей копъ грошей личбы литовьское, с тых двох частей именовъ моих всѣхъ, отчизных и материстыхъ, Волянскихъ и Подляшскихъ, рушити не мають; якож таковое дароване и записанье малжонце своей оповедалъ на вряде господарьскомъ Луцкомъ. И на то есми малжонце своей панеи Ганъне Олехновне далъ сесь мой лист з моею печатю и с подписомъ руки моее. И просиломъ ихъ милости князя Ивана а князя Богдана Масалскихъ, пана Януша Федоровича Гулевича, пана Станислава Залеского Медведа, дворенина королевского, а пана Яцка Ивановича Русина о приложене печатей; их милость то вчинили и печати свои за прозбою моею приложили к сему моему листу. Писанъ у Красномъ, лета Божого нарожена тысяча пятсотъ петдесять сегого року, месеца июня первого дня.—А такъ я тое оповеданье его милости пана Михайла Боговитина Шумьбарского и тотъ листъ записный, за прозбою его, слово у слово в книги замковыи записати казалъ, на што себе пани Ганъна Олехновна Боговитинова и выпись съ книгъ под печатю моею на то взяла. Писанъ у Луцку. Романъ Перевеский.

Книга продск. Луцкая 1583 г. № 2062, л. 73 об.

XV.

Вѣнковая запись п. Федора Бѣлиискаго, выданная имъ женьѣ своей Ганнѣ съ Пардова въ обезпеченіе принесеннаго ею приданаго. 1559 года, февраля 20.

Лета Божого нароженя 1570, месеца генвара 18 дня.

Ставши очевисто в замьку господарскомъ Луцкомъ, земенин господарский пан Янъ Тупичовский оповедалъ, ижъ што року прошлого тисеча пятсот пятдесят девятого нинешний тестъ его пан Федор Белинский записал малжонце своей, а тещы его, паней Ганне пять сот золотыхъ польских, в каждый золотый по тридцати грошей польских личачы, на йменью своем Любини, под Ковлемъ лежачомъ, даючы ей волность тую суму ни на шчо иншого, одно на дети свои влити и дати; яко-жъ дей того-жъ року пятдесят девятого зараз панъ Белинский тое дарованье и записане свое на вряде замьку господарского оповедавши, до книгъ врядовыхъ оный лист запис свой уписати даять, с которыхъ и выпис жона его Ганна одержавши, а будучи тымъ волна шафовати, ему тую пятсот золотыхъ записала и оное право свое на него и на жону его, а дочку свою Раину влила, и выпись Володимерский зъ уписаньемъ того листу мужа своего ему дала; а Ян Тупичовский, заховываючыся в томъ ведле права и статуту и уфаль соймовыхъ, оный выпис Володимерский передъ нами, яко судомъ земьскимъ, покладад, просечы, абы вычитанъ и в книги справъ земьскихъ обычаемъ перенесеня уписанъ былъ; которого мы огледавши, передъ собою вычитати казали, и такъ ся в себе маеть: Выпис с книгъ Михайла Тихновича Козинского, городничого и подстаростего Володимерского, лета Божого нароженя тисеча пятсот пятдесят девятого, месеца февраля двадцат пятого дня. Пришедши передъ мене обличне на врядъ замьку господарского Володимерского пан Федор Белиньский, никимъ не принузон, а некоторымъ правомъ не притисненъ, одно по своей доброй воли поведалъ и вызналъ передо

мною, иж онъ жоне своей Ганье, которую с Парцова за себе взял в малженство, на третей части имени своего Любина под Ковлем пятсот золотых польских, по трыдцати грошей в золотый личачы, записал, на што и лист свой записный литерами полскими писанный, под печатми и сведомемъ людей добрых и своею печатью, передо мною покладал, просечы, абы тот листъ в книги замковые записан былъ, который так ся в себе маеть: „Я Федоръ Белинский сознавам тым моим листом, кому того будетъ потреба ведати, албо чтучы его слышати, иж-ем записал жоне своей паней Ганне, которую-м взялъ с Парцова за малжонку себе, на йменью моем Любини под Ковлем пятсот золотых полских, по трыдцати грошей в золотый личачы, под таким обычасм, иж она, яко добрая а вчтывая молжонка моя, которое узналом противку себе верную а skutечную милость и во всем пристойное захованье, будет волна на третей части того имения моего Любина, так в пашни, в людех, в лесех, сеножатех и в ьных пожиткох, якъ колвекъ обычаем названы быти могли, в той суме пятисот золотых тримати, оного вживати, яко власности своее, ни в чом не порушне и неотменъне, ено такъ, яко тут в том листе своем добрым розмыслом застановлям и описую; а, чога Боже вховай, на мене смерти первей, нижли на жону мою, тогда сынове и цорки мои, або которые з ближних моих не мают оное рушати зо всего имения, яко ся в себе маеть, Любина, ено пани Ганна, малжонка моя, маеть седети и того всего имения моего Любина во всем уживати, яко ся в себе маеть, аж до живота своего, а тую суму, от мене ей описаную, не мает она ни на кого вливати и оное отдаляти, одно на дѣти наши, и то юж ма быть, естли она зохцеть по животе ее, нижли естлибы по смерти моей пошла замуж, тогда в он час, кгда дети мои тую пятьсот золотых полских вѣна оной заплатять, тогда до того имения Любина ничего не будетъ мети и в жадной речи не будетъ волна в том владнути, яко-м вышей описаль, бо-м то учинил с причин слушныхъ . . . жем взял посагу от отца папее Ганны готовыхъ пенезей полъ третя

ста золотых, а за ее учтливое противко мне захованье записалем совито, водле обычаю и статуту земского, другую пол третя ста золотых полских, ведле вышъшого описанья, бо м то на йменю своем дал, даровал, але она естли замуж поидеть, тую пятсот золотых будеть волна обротити, яко ся ей подобаеть. При том были и того добре звезоми его милость пан Францышекъ Фаличовъский, староста Ковельский, а пан Михайло Козенский Тихнович, подстаростей и городничий Володимерский, а пан Станислав Кграевский, его княжчее милости пана Яна Миколая Радивиля, воеводы Виленского, служебник; которых пановъ, верху описаныхъ, просилемъ, абы печати свои приложити рачили ку тому моему листу, и их милости на прозбу мою печати свои приложили ку тому моему з добрым розмыслом учиненому листу, и я сам для лепшого твердости печат свою естемъ приложил, хотечи то моцне малжонце моей стрымати з детми и з близкими своими. Писан у Ковли, двадцатого дня февраля, року панского тисеча пятсот пятдесят девятого".— А такъ я тое очевистое сознанье пана Федора Белинского ку ведомости врядовой припустившы, и лист записный слово в слово у книги замковые записати казалъ, и выпис с книгъ под печатю моею жоне его Ганне на то есть дан. Писан у Володимери. Михайло Козинский, городничий Володимерский, власная рука". Которое ж то оповеданье пана Яна Тупичовского и теж выпис с книгъ замку Володимерского менованый у книги справъ земских слово от слова, с початку аж до конца у пренесенью записати есмо казали.

Книга земская Луцкая 1570 г., № 2094, л. 212 об.

XVI.

Вѣновная запись, выданная п. Михайломъ Шостаковскимъ своей жень Настасьи Бронницкой въ обозначеніе внесеннаго ею приданаго. 1560 г., февраля 5.

Року тисеча шестсот чотырдесят третего, месеца июля семнадцатого дня.

На въряде кгородскомъ, в замъку его королевской милости Луцъкомъ, передо мъною Гавриломъ Коритынскимъ, бугграбимъ и наместникомъ староства Луцъкого, постановившихся очевисьто урожоный его милость панъ Григорий Гавовичъ Шостаковский для вписаня до книгъ нинешнихъ кгородскихъ Луцъкихъ подал пер обятамъ листъ запись зошлого негда урожоного пана Михайла Гавовича Шостаковского, с печатю и с подписомъ руки его и теж при томъ с печатми людей заднихъ, от него урожоной паней Настазии Бронницкой Шостаковской, мальжонце своей, а то на речъ певъную, нижей в томъ записе актикованомъ меновите выражоную, данный и служачий, яко о томъ тотъ запись шырей в себе маеть; которого подаючи в томъ, кумъ протесътационе противъко пану Иванови Юразичови Зарицъкому о затриманъе до того часу запису того и пншихъ справъ себе повероныхъ а и до того часу ихъ неактикованъя, на тот часъ просиль, абы принять и до книгъ уписанъ былъ. А такъ я врядъ тотъ запись, за прозбою вышъреченого его милости пана Шостаковского, для вписаня до книгъ принявши, читаломъ, который такъ в себе маеть: „Я Михайло Гавовичъ Шостаковский ознаймую то симъ моимъ листомъ, ижъ з воли, ласки Божое и презрениа его светого, к тому правой любве а приуподобаня своего, повялъ есми в малженство у пана Ждана Гневошевича Бронницкого дивку его милости панну Настасю, по которой взялъ есми готовыми пинезми сто золотыхъ польскихихъ, а в срибри, перлахъ, клейпотахъ, в шатахъ и в виншой выправе з дому его милости шацукомъ пултретяста золотыхъ польскихихъ, тоесътъ всего

Яко пұлчетвертаста золотых полскихъ. А такъ я напротивку тое полчетвертаста золотых, которыхъ яко готовизъною, такъ и внесе-нем рухомых речей побрал, записую жоне моей милой паней На-стасии з совитостю тых пинезей яко семсотъ золотых полскихъ: шестсот золотыхъ, которые яко на долъгахъ, такъ и в готовизъне там в схованю моемъ и на всей маетности моей, яко въ шатахъ, в конехъ, въ быдъле и на всякихъ рухомыхъ речахъ, а сто золо-тыхъ на именицу моемъ Шостакове, которое мне его милость славное памети князь Иванъ Чоръторьскый, панъ мой милосты-вый, за службы мое обдаровати и записати мне, яко слузе своему, рачил. А иж я зъ воли Божее мешкаючи во всемъ зъ жоною моею панею Настасею, за тую суму пенезей, верху помененую, або и за болшую суму где бы колвекъ досътал имене зъ кгрунтами, зъ людми, тогда вона при животе моемъ восполокъ зо мною мает того имену уживат, а по животи моем, хотя бы м и потомство мел, тогда она будет волна, яко на своемъ власномъ мешкаючи, на всякие пожитки оборочати, шафоваги, отдати, продати, записат, дароват и къ своему тое все пожитечному обернути; а дети мое, потомки и близкие въ тое имене не мают се вступуват, ани его зъ рукъ ее будут могли одиймоват. А кгда бы я до того часу, меш-каючи з нею, имену або оселости якое за тую суму вышьпоме-неную не купил, або не закупил, потомъ быхъ зъ воли Божее с того света зъшол, тогда дети мое, которые бы-м з нею мел, бу-дут повинни жоне моей паней Настасии, матце своей, тую суму верху помененую зо всею маетности моей сполна платит, тоест семсотъ золотых полских; а еслибы з нею потомства не мал, а по животе моемъ тая маетность моя спадывала бы на близких моихъ правомъ прирожонимъ, тогда и близкие мои мают жоне моей паней Настасии тую суму верху мененую сполна заплатити. А гдѣбы з воли Божее по животе моемъ жона моя замужъ пойти не хотела, тогда мает мешкати до живота своего на выслузе моей, на имену моемъ Шостакове, а дети мои и близкие мои не будутъ моцы мети с того именья рушати; а еслибы замужъ пошъла по животе моемъ,

тогда будетъ повинна, взявъши тую суму пенезей вышей поменную от дитей, або от близких моих, тое имене мое Шостаков им до рук их поступит. На што есми дал сесь лист мой жоне моей вызнанный, под моею печатю и подписанью властное руки моее; а для лишнее певности сего листу моего просил есми о приложене печатей их милость пановъ, на тот час при том будущихъ и того добре сведомихъ, на йме: пана Гермогена Ясениницкого, а пана Анддрея Хмары, пана Яцка Гуленицкого, а брата моего пана Анддрея; которые на прозбу мою вчинили, печати свое приложили къ сему моему вызнаному листу. Писанъ въ Бронникахъ, року тисеча пятсотъ шестдесятого, месеца феврала пятого дня.—У того запису печатей притисненныхъ пят, а подпис руки тыми словы: „Михайло Гавъсович Шостаковъский рукою своею подписал“.—Который-же то запис, за поданем и при том осветченем вышъ речоное особы, а за принятемъ моим урядовым, увесь, с початку аж до конца, слово до слова до книгъ вгородских Луцких ест уписан.

Книга вродская Луцкая 1643 г. № 2160, л. 352.

XVII.

Декретъ Луцкаго замковаго суда по жалобѣ землянина Ивана Ставецкаго на свою тещу Татьяну Порванецкую объ удержаніи обѣщаннаго за ея дочерью приданаго. 1561 года, марта 21.

Лѣта Божого нароженя 1561, месеца марта 21 дня.

Запис судовый Гаврила Василевича Бокѣя, суди повету Луцкаго, а Бориса Ивановича Собы, подстаростего Луцкаго. Што земнин господарский повѣту Володимерскаго пан Иван Богданович Ставецкий позывал позвы врьдовыми и децкимъ до замку Луцкаго тещю свою панюю Овдотю Тихновую Порванецкую о вѣно жоны своее паней Татьяны Тихновны Порванецкаго, ижъ дей кгда ея у малженство за него выдала, тогда по ней вѣна обещала и листомъ ся своимъ описала ему за нею посагу дати сорок коп грошей личбы и монеты литовское напротивку той оправы, которую онъ на имепях своих жоне своей а дочце ея ведле обычаю права описал, которыми сорокма копами грошей она сама у листе своемъ записномъ и роки заплате положила под совитостю, ижъ естлибы на роки описаные она тых пенезей сорока коп грошей ему не отдала, тогда мела ему поступити в тых пенезех чотыри службы людей своих подворищных во имену своем Порванецкомъ; а пак ли бы ему людей своих в державе его не поступила, описала ся тые пенези совито ему заплатити, то ест осмъдесят коп грошей, к тому шкоды и наклады не на жаден довод, одно на приречене слова его ему досыт чинити. Которые роки в листе описаные вже давно проминули, а она водле запису своего тых сорока коп грошей и до сих часов ему не заплатила и увязаня в люди свои Порванецкие ему не поступила; што ширей а достаточней на позвах его и на листе децкованом и на листе ея записном ест описано. За которыми позвы, так теж и за децким, пан Иван Ставецкий перед нами ся становил ку праву, зо всимъ доводом своимъ готов был и цилност в том чинил, хотячи водле позвов, листу

децкованого и листу ее записного справедливости своее себе доводити; а пани Овдотя Тихновая Порванецкая, яко за позвы на рок припалый, так тежъ и за децкимъ на рок зложоный ку праву сама не стала и никого ку отказу з моцю зуполною на место свое не присылала, а никоторое причины слупное перед роком до вряду о себе знати не дала. Пан Иван Ставецкий, показавши лист ее записный под печатми людей добрых, просил, абы был захован обычаем правным. А так мы, заховыгаючися водле обычаю права посполитого и статуту земского, за нестанем ку праву пани Овдоти Тихновой Порванецкое, указали есмо ему на неи водле листу ее записного вѣна сорок коп грошей, а совитост другую сорок коп грошей, за шкоды и наклады водле приреченя слова его пятнадцат коп грошей, того всего сумою указали есмо ему до права деведесят коп и пят коп грошей; которое указане наше до книг замковых записат есмо казали.

Книга замков. Луцкая 1561 г., № 2035, л. 79 об., актъ 9.

XVIII.

Дарственная запись землянки Ганны Добринской на третью часть родовыхъ ея имѣвий, выданная ею мужу своему Андрею Добринскому въ благодарность за его любовь и попеченіе о ней. 1562 года, генваря 16.

Лета Божого нароженя 1562, месеца генваря девятнадцат дня.

Пришодчи и постановившия обличне в замку Луцком, передо мною Борисомъ Ивановичом Совою, подстаростимъ Луцкимъ, землянка господарская пани Ганна ее милость Богдановна Дчусянка Андрѣеваля Добринская оповедала и сознавала: ижъ дей я, познавши малжопка моего милого пана Андрея Добринского доброе а почтивос а ласкавое и милое заховале ку себе, иж его милость мене,

малжонку свою, милуючи, въ кождых пригодах и форобах моих не опускаль, одно во всемъ ласкаве а добротливе, яко на верного а доброго малжонка належит, показоваль, и хотечи тежь я за добродейство его милости зычливост мою противко его милости малжонка моего пана Андрея Добрынъского показат, протож што имена мои, отчизна моя, Бочаница, Бухаров и пол Садковъ, часть Вилгор, в руках нашихъ есть, третюю часть тых именей моих отчизных з дворы, с пашнею дворною, полми, сеножатми, дуброгами, з гаи, з ставы, з млыны, з людьми тяглыми, з слугами путными и зо всякими пожитки малыми и великими даю, дарую и записую малжонку моему милому пану Андрею Добрынскому до живота его милости; мает его милост тую третюю часть тых именей моих вышей помененых держати и вживати до живота своего непорушно, ку своему лепшому а вжиточному обернути. А ниhto зъ детей, з близких и кривных моих не мают ся в тую третюю част тых именей моих вступовати, ани которое переказы и поволоки ку праву его милости чинити аж до живота его милости; што ширей и достаточней на листе моемъ записном ест описано. Якож и листъ свой на то малжонку моему пану Андрею Добрынскому от себе даный передо мною поклала, и был вычитанъ с початку аж до конца, который лист так ся в себе мает: „Я Ганна Богдановна Дчусянка Андрѣвая Добринская ознаяму то симъ моимъ листом кождому, кому того будет потреба ведати, або чтучи его слышати, сесь часъ и напотомъ завжды: познавши есми малжонка моего милого пана Андрея Добринского доброе а почтливое, ласкавое и милое заховале ку собѣ, ижь его милость мене, малжонку свою, милуючи, в кождых пригодах и в форобахъ не опускаль, едно во всем ласкаве а добротливе, яко на верного а доброго малжонка належит, показовал, и хотечи тежь я за тое добродейство его милости зычливост мою противко его милости малжонка моего пана Андрея Добринского показати, ино што которы имена отчизна моя: Бочаница, Бухаров и пол Садков, часть Вилгоръ, в руках нашихъ есть, третюю часть тых именей моих

отчизных з дворы, с пашнею дворною, полми, сеножатми, дубровами, гаи, ставы, млыны, з людми тяглыми, з слугами путными и всякими пожитки малыми и великими, даю, дарую и записую малжонку моему милому пану Андрею Добринскому до живота его милости. Маеет его милост тую третюю част тыхъ именей моих вышей писаных держати и вживати до живота своего непорушно и ку своему лепшому а вжиточному обернути, а никто з детей, з близких и кровных моих не мают ся в тую третюю част имѣней моих Бочаницы, Бухарова и Садков и части у Вилгори вступовати, ани которое его милости переказы и поволоки ку праву чинити аж до живота его милости; а по животе его милости малжонка моего пана Андрея Добрынского маеет тая вся третья часть спасти и прислухати на дети мои, такъ на два сыны, яко и на дочку, без жадного права. На то есми его милости малжонку моему милому пану Андрею Добрынскому дала сесь мой лист под моею печатю и прохала есми о приложене печатей князя Федора Петровича Острожецкого а пана Ярофѣя и пана Романа Гостских, пана Михайла Еловича Малинского, и их милости за прозбами моими печати свои приложити рачили к сему моему листу. Писан в Луцку, лет Божого нароженья тысяча пят сот шестдесят второго, месяца генвара шостогонадцат дня.—А по вычитаню листа ее милости, пани Гавна Богдановна Дчусянка просила, абы то было записано. А такъ я тое очевистое сознане, добровольное оповедане и лист ее милости записный слово от слова до книг замковых записати казалъ.

Книга замк. Луцкая 1562 г., № 2036, л. 21.

Примѣч. Въ тотъ же самый день и п. Андрей Добринскій выдалъ женѣ дарственную запись на все благопріобрѣтенное движимое и недвижимое свое имущество, мотивируя этотъ даръ такъ: „Познавши есми доброе а почтливое и вѣрное захованье малжонки моее милое панец Галны Богдановны Дчусянки до себе и хотячи ея, малжонце моея, за такуюю добротливую милость и зычливость а поволность ея нагородити слушне и во всемъ от приятел а кровных и дѣтей наших убезпечити, ижбы ей, малжонце моея милой, по животе моемъ яко трудности не чинили а спокойне ся заховали“... (Ibidem, л. 20).

XIX.

I. Жалоба землянина Михайла Лабунскаго о томъ, что его жена Марья Гулевичевна въ его отсутствіе уѣхала изъ дому, забравъ цѣнное имущество, и отказывается возвратиться къ жалобщику. 1563 года, февраля 23.

II. Жалоба жены Лабунскаго о томъ, что мужъ наносилъ ей частые побои, отобралъ ея имущество, выпуждалъ отъ нея въ свою пользу дарственную запись на ея вѣно и приданое и грозилъ въ случаѣ отказа взвести на нее позорное обвиненіе въ нарушеніи супружеской вѣрности. 1563 г., марта 31.

I.

Лѣта Божого нароченя 1563, месеца февраля 23 дня.

Прислал до мене Бориса Ивановича Собы, подстаростего Луцкого, земенин господарский пан Михайло Богухвалович Лабунский, оповедаячи, иж дей тых часов о Громницах малжонка его милости пани Маря Михайловна Гулевичовна, зобравшися зо всим на все, побравши вси речи свои и к тому всю маетност его, то ест злото, сребро, перла, шаты и гроши готовые, без бытности его з дому его выехала и вже дей колко недел мешькает в замку дядка своего его милости пана Михайла Мышки Варковскомъ. Где ж дей его милост пан Михайло Лабунский уже не однокрот до нее посылал, ижебы до него в дом его поехала, а она дей того вчинити и до него ехат не хочет, поведаячи, иж дей ми дячко мой его милост пан Михайло Мышка до себе к Мозыру приехати казалъ, и для тое дей причины до малжонка своего пана Лабунского теперешних часов не поеду, аж первой у Мозыру у пана дядка своего побываю. И просил пан Михайло Лабунский, абы то было записано; а так я тое оповедане его в книги замковые записати казал.

II.

Лѣта Божого нароженя 1563, месеца марца 31 дня.

Писала и присылала до мене, Бориса Ивановича Совы, подстаростего Луцкого, землянка господарская пани Михайлова Ягугуфаловича Лабунская пани Марина Михайловна Гулсвича, жалючи великого жалю и надзы ¹⁾ своеи на малжонка своего пана Михайла Ягугуфаловича Лабунского, оповедаючи тым обычаем: иж дей он, выехавши от дядка ее папа Михайла Мыпки з Мозыра, таковые окрутенства и мордерства над нею чинил, чого дей каждому почтивому не толко над малжонкою своею, але и над подлейшою служебничкою того чинит не пристойно: иж дей каждого дня окрутне сам ее бивал и кгермкови ²⁾ своему бити ее казал, так же дей обадва завжды ее бивали; а потом дей малжонка ее пан Михайло Лабунский золото, серебро, перла, шаты, так теж кони и все внесене ее милости, што з собою в дом его была унесла, от нее отобрал, и там дей в дому своем окрутне а безвинне ее бивалъ, и мордерства над нею чинивал и праве дей ее за одну неволницу в себе ховал, и еще надто приневолял ее, ажебы ему вси речи свои, которые в дом его внесла, и тое дей вено, што он ей напротивку вношена ее на именах своих семсот коп грошей записал, ему даровала и записала и то перед урядом в замку Луцкомъ сознала, грозячи ей тым способом, иж если бы того не вчинила, тогда дей мел ее с тым же кгермком своим на одном местцу замкнуги а то приятелем ее и своим обявити, хотячи на нее водлугъ невинности ее злую славу положить. А так дей она, терпечи отъ него бои и окрутное мордырство, а наболшей выстерегаяучися пригрозы малжонка своего злого ославаня, с тых причин, уже дей и бременем поступивши от пана малжонка своего, по своей тяжкой неволи мусила зъехати до Баркович, то ест до

¹⁾ Съ польскаго „pedzy“.

²⁾ Польск. giermek (съ венгерскаго)—оруженосецъ.

именя дядка своего пана Михайла Мышки, так же дей и до сих часов там мешкает, а до малжонка своего пана Михайла Лабунского ехати не смеет. И прѣсила, абы то было записано; а так я тую жалобу и оповедане паней Марины Михайловое Лабунское в книги замковые записати казал.

Книга замк. Луцкая 1563 г. № 2037, л. 38 обор. актъ 26 и л. 49 об., актъ 12.

XX.

Условіе, заключенное княземъ Александромъ Андреевичемъ Сангушквичемъ-Коширскимъ съ княземъ Александромъ Федоровичемъ Чорторыйскимъ, воеводою Волынскимъ, по которому сынъ перваго, князь Левъ, имѣлъ вступить въ бракъ съ дочерью послѣдняго, княжною Мариною, съ назначеніемъ срока свадьбы черезъ три года. 1563 года.— Жалоба князя Чорторыйскаго о нарушеніи княземъ Сангушквичемъ означеннаго условія. 1564 г., марта 7.

Лѣта Божого нарожептя 1564, месяца марца семого дня.

Писалъ и присылал до мене Андрея Ивановича Русина, подстаростего Луцкого, его милость князь Александро Федоровичъ Чорторыйский владовника своего Чорторыйскаго пана Яцка Сушка, оповедаячи на князя Александра его милость Андрѣевича Сангушквича Кошерскаго, маршалка господарьскаго, изъ дей его милость за частокротными а пилными прозбами своими змовилъ у мене дочку мою кнежну Марину за сына своего князя Лва водле закону светого нашего хрестянского у малженство, якожь и рокъ певный есмо водле того змовентя нашего тому веселю зложили, отъ змовеня за три годы, который рок припасти маеть въ року по лѣтъ Божого нарожентя тисеча пят сотъ шестьдесят семомъ; гдєжь

дей есмо тое застановене наше з обех сторонъ держати а статочне и скутечне выполнити прирекли, на што есми промежку себе и листы свои под печатми и с подписми власных рукъ наших и под печатми людей зацныхъ собе роздали, въ которыхъ дей листехъ есть заруки описано на стороне того поставеня не держачое: господарю королю его милости десятъ тысячей копъ грошей, а стороне тое застановене наше держачои другую десятъ тысячей копъ грошей, што ширей а достаточней на листехъ нашихъ есть описано. То пакъ дей его милость князь Александро Санкгушковичъ Кошерский, пропомневши доброго а почтывого княжеского приреченя своего, не дбаючи на листъ свой, такъ тежъ на заруки въ немъ описанные, тое наше постановене, не хотячи его полнити, разрываетъ и за сына своего иншую панну в малженство еднаеть, о чомъ дей его милостъ князь Александро Кошерский тыхъ часовъ, на мясопустъ нашъ русский, присылалъ до мене тебе, пане подстаростий, и брата твоего, пана Федора, писара замку Луцкого, и дворенина его кролевское милости пана Григоря Бутка з листомъ своимъ, просячи мене за то, абыхъ я тое постановене наше, з нимъ скутечне застановене, на сторону опустилъ и листъ его записный, которымъ ся его милостъ самъ за себе и за сына своего князя Льва под заруками описалъ, ему вернулъ, а свой отъ него до себе взялъ; чого дей мне вчинити а слова своего отступити не пристояло, абыхъ то мелъ зрушити, одно якомъ з княземъ Александромъ Кошерскимъ змовилъ, такъ то статечне держу и скутечне выполнити хочу.—Якожь его милостъ князь Александро Чорторыский и копѣю з листу его милости князя Александра Кошерского под печатью своею до мене на врьдъ замку господарьского присылалъ, жадаючи, абы былъ вычитанъ и в книги замковые записанъ; который листъ такъ ся в собе маеть: „Я Александро Андрѣевичъ Санкгушковича Кошерский, маршалокъ господарский, даю ведати и визнавамъ тымъ листомъ моимъ, ижъ з воли Божее и з ряженя его светое милости, такъ тежъ з воли сполное наше, приймуючи промежку себе вѣчное приятелство, змовилъ и постановилъ есми з его милостю княземъ

Александромъ Федоровичемъ Чорторыскимъ, ижъ его милость за жадаем моимъ и сына моего маеть дати дѣвку свою князю Марину за сына моего Лва в малженство, которому веселю первый рок зложили есмо от пришлых мясопусть великих за три годы, который рок припасти маеть в року тисеча (пят сотъ) шестьдесятъ семомъ; якож тое застановене гды бы я самъ, або сын мой того постановеня водле змовы нашое здержати не хотел, а сесь листь мой чимъ колвек нарушити мел, тогда маю заруки заплатити господару королю его милости десят тысячей копъ грошей, а его милости князю Александру Чорторыскому, яко стороне тое постановене держачон, другую десят тисечей коп грошей, и въ той заруце десяти тисечох копах грошей воленъ будет его милость князь Александро Чорторыский, або сынъ его милости, в ѡймене мое замек Кошер и во вси села к нему прислухающие мощно въехати и того держати и со всѣми пожитки вживати до того часу, поки тая сума вышей мененая десят тысячей копъ грошей вся сполна от мене або от сына моего его милости будет заплачона. И на то есми его милости князю Александру Чорторыскому дал сесь мой листь з моею печатю и с подписю властное руки моее. А при томъ были и того добре свѣдомѣ их милости: панъ Миколай Харлинский, панъ Бартошъ Витвинский а панъ Михайло Оцовский, которые за прозбою моею печати свои к сему моему листу приложити рачили. Писан в селцы Подлѣсехъ, Божего нароженъя тисеча пятсотъ шестьдесят третего.—И хотечи его милость князь Александро Федоровичъ Чорторыский с княземъ Кошерскимъ о то мовити, просилъ, абы то было записано. А такъ я тое оповеданье его милости князя Чорторыского и копею з листу князя Александра Кошерского слово от слова, с початку ажъ до коньца в книги замковые записати казалъ.

Книга замк. Луцк. 1565 г. № 2039, л. 43 об.

XXI.

I. Жалоба землянина Януша Угриновскаго объ уклоненіи землянина Ильяша Несвѣцкаго отъ исполненія условія, заключеннаго имъ первоначально съ отцемъ жалобщика, а затѣмъ вторично съ нимъ самимъ относительно выдачи въ замужество за него дочери своей Богданы. Донесеніе вижа о врученіи имъ п. Несвѣцкому урядоваго „напоминальнаго листа“ по этому дѣлу и о рѣшительномъ его отказѣ выдать дочь за п. Угриновскаго. Свидѣтельство того же вижа относительно приготовленій, сдѣланныхъ Угриновскимъ къ несостоявшейся свадьбѣ. 1563 года, октября 5.

II. Декретъ Луцкаго земскаго суда по означенной жалобѣ. 1568 года, августа 28.

I.

Лѣта Божого нароженя 1563, месяца октебра пятого дня.

В небытности пана Бориса Ивановича Сова, подстаростего Луцкаго, на тот час будучи на местцы его Войтех Красовский, што перво сего приежал до мене на врьд замку господарьскаго Луцкаго землянинъ господарьскій панъ Янушъ Прокоповичъ Угриновский, оповедаючи тымъ обычаемъ: иж дей панъ Иляшъ Богушевичъ Несвѣцкій вчинил застановенъе з небожчикомъ отцемъ моимъ паномъ Прокопомъ черезъ листы свои записныи, хотячы з собою повиноватство вечистое мети а за мене в малжонство дочку свою панну Богдану дати, а потомъ дей кгды небожчик отецъ мой з того свѣта зполь, тогды панъ Иляшъ Несвѣцкій, по смерти отца моего, потвержаючи оногю застановеня, з отцемъ моимъ учиненого, знову со мною постановене вчинилъ, хотячи тому застановеню досыт чинити а дочку свою за мене в малженство дати, на што есмо промежку себе и листы свои под печатми и с подписанемъ рукъ своихъ, под заруками описаными, собе роздали; гдеж и листъ пана Иляша Несвѣцкаго подъ печатю и с подписомъ властное руки его в себе маючи, передо мною на врьде оказовалъ,

и был вычитанъ; въ которомъ такъ описано: ижъ панъ Иляшъ Несвѣцкій маеть за него дочку свою панну Богдану в малжонство дати въ року теперешнемъ шестдесят третемъ, яко на день Покровы Пречистое Богородицы; а еслибы на тот рокъ описанный панъ Иляшъ Несвѣцкій за пана Януша Угриновского дочки своее не отдадь, тогда обовязался листомъ своимъ заруки платити: господарю королю его милости пят сот копь грошей, а пану Угриновскому триста копь грошей, к тому шкоды и наклады на приречене слова его мает ему платити; што ширей а достаточней на листе пана Иляша Несвѣцкого записомъ есть описано и доложено. Кгдыжъ тот рокъ описанный день Покрова Пречистое Богородицы припадалъ, панъ Янушъ Угриновский, будучи готовъ ку тому веселю, просилъ мене о лист з уряду навпоминальный и о вижа, при которомъ бы черезъ листъ врядовый мел пана Иляша Несвѣцкого в томъ навпоменути и при тои всеи справе своеи мети; ино я з уряду Луцкого посылал есми на то вижомъ боярина господарьского Красноселского Михна Павловича, который вижъ тамъ былъ и отголя приехалъ, и ставши передо мною в замку Луцкомъ, до книгъ тыми словы созналъ: ижъ тыхъ часовъ у середу прошлую, месяца сентебра двадцат девятого дня панъ Угриновский зо мною вижомъ и з сторонами ездилъ до пана Иляша Несвѣцкого до Несвеча, и скоро есмо до двора его приехали и зседпи с коней ишли до светлицы, тогда насъ поткала пани Иляшова Несвѣцкая перед сенми, поведаячи, же пана Иляша Несвѣцкого в дому немашь. А панъ Угриновский почаль ей мовити: „Госпоже пани Несвѣцкая! Якомъ я черезъ людей добрых и самъ черезъ себе малжонька твоего и твою милость не по однокрот навпоминалъ, ижебы есте водлугъ змовы и застановеня своего з небожчикомъ отцемъ моимъ, на листех записныхъ вчиненым, а потомъ и зо мною также черезъ листы свои под заруками, в листехъ нашихъ меновите описаными, застановеньемъ, дочку свою панну Богдану па рокъ близко припалый за мене в малжонство выдали, такъ и теперечи васъ черезъ листъ врядовый и самъ черезъ себе навпоминам,

абы есте, чинячи досыт опису своему, ку тому року на веселе ся готовали и дочку свою за мене в малженство выдали, бо дей вже рокъ нашъ день Покрова Пречистое Богородицы недалеко!“ И даль ей лист навпоминальный врядовый, до мужа ее пана Иляша Несвецкого писанный, ижебы дочку свою панпу Богдану в малжонство за него выдал. А пани Иляшова Несвецкая, взявши листъ врядовый напоминальный, под заруками до них писанный, отказала тымъ обычаемъ: „Я дей сама листовъ чести не вмѣю и дяка, который бы его чести мель, не маю, але то тебе, пане Угриновский, поведаю, иж мы дочки своее за тебе не дамо, и ку тому ся року не готуемо“. А за тымъ оный листъ пану Угриновскому отдала, а копѣю с того листа списаную себе взяла. Што панъ Угриновский мною вижом врядовым и людми сторонними осветчивши, ехаль з Несвѣча до имения князей Соколских Михлина, бо ся самъ в дворе къ тому веселю былъ добре зготовал и немало людей добрых, панов а приятелей своихъ мель. А потомъ назавтрие, в четвергъ дано пану Угриновскому знати, ижъ пан Иляшъ Несвецкий приехалъ до Угринова; тогда панъ Угриновский тогожъ часу послаль мене, вижа, з людми сторонними и служебника своего Яна до пана Иляша Несвецкого з листовъ врядовым навпоминальнымъ; и кгдажь есмо пана Иляша Несвецкого ув Угринове знашли, тогда я даль ему до рукъ его лист врядовый навпоминальный, ижебы дочку свою в малжонство за пана Угриновского водле опису своего на рокъ прыпалый выдалъ и именѣ его Угриново з дворомъ, з людми и зо всим на все, як от него ув опеку взять, ему в держане поступиль, так тежъ привиля, листы и твердости, которые от него з жоною своею до схованя взять, абы пану Угриновскому поворочалъ, и имения того Угриновского, под зарукою господарскою пятма сты копами грошей, штобы никому иншому в руки пустити не смѣлъ. А пан Иляшъ Несвецкий, давши себе тотъ листъ писару ее милости паней Кнѣзненское пану Бенедыкту вычитати, зась его мне отдалъ и поведиль тыми словы: „Я дей пану Угриновскому жаднымъ ся листом не описоваль дочки своея за него

выдавати; а што дей панъ Угриновский на то в себе листъ мой под печатю и с подписомъ руки моее быти менить, я дей дали-Богъ писати не вмѣю, листу есми ему своего не давал, печати не прикладаль и руки своеи не подписоваль; а нехай дей о томъ пан твой вѣдает, ижъ я за него дочки своее не дам!“ А служебникъ пана Угриновского тыи слова, отказъ пана Иляша Несвецкого, мною вижомъ врядовымъ и людьми сторонними осветчилъ. А потомъ назавтрие, в пятницу прошлую, на рок веселю припалый, яко на день Покрова Пречистое Богородицы, месяца октебра первого дня, панъ Янушъ Угриновский, маючи при себе людей добрыхъ, то есть дворенина королевского пана Михала Болгака, пана Гаврыла Оедоровича Селецкого, а пана Левка Шпрастского и инших людей добрыхъ немало, ездил с ними и зо мною вижомъ врядовымъ до пана Иляша Несвецкого до Несвеча, хотячи водле застановеня и опису своего досыт вчинити, а дочку пана Иляшову панну Богдану за себе въ малжонство взяти. Ино есмо тамъ в Несвечу пана Иляша Несвецкого, ни жоны, ани дочки его не застали, и пытали есмо: где бы панъ Иляшъ Несвецкий (быль)? Врядникъ его намъ поведиль, иж панъ Иляшъ Несвецкий з жоною и з дочкою своею в Угринове. И тамъ же пан Угриновский пыталъ жонки дворное на ймя Люцы о двоухъ дѣвкахъ их неволныхъ, которых дей далъ былъ паней Иляшовои ховати до того часу, покол бы дочку свою за него в малжонство выдала; тая жонка повѣдила, ижъ тыи дѣвки есть обедве в панее Иляшовое, где есмо одну девку Огафю очима своими видели. З Несвеча ехали есмо до Угринова, ино и тамъ есмо пана Иляша Несвецкого, ни жоны, ани дочки его панны Богданы не знашли; а потом з Угринова ехали есмо до имени князей Соколских Михлина, а тамъ будучи в Михлине, довѣдал ся пан Угриновский, ижъ панъ Иляшъ Несвецкий з жоною своею в Склѣни, так же панъ Угриновский тогож часу послалъ зо мною врядника князей Соколскихъ Михлинского, Богдана, до Склѣня, и знашли есмо тамъ пана Иляша Несвѣцкого и жону его перед дворомъ панее Кгнезненское. Тогда врядникъ Михлинский Богданъ

сталъ мовити пану Иляшу Несвецкому от пана Угриновского, поведаячи тыми словами: ижъ дей твоя милость, пане Иляшу Несвецкий, описал ся пану Угриновскому листомъ своимъ и подъ руками яко нинешнего дня, на свято Покрова Пречистое Богородицы, дочку свою панну Богдану за него в малженство выдати, при которомъ дей выданю дочки своее мель твоя милость имене Угриново з дворомъ, с пашнею дворною, з людьми и зо всякими пожитки, яко твоя милость от него в опеку свою до того часу взялъ, ему в держанье его в целости поступити, так тежъ привилля, листы и твердости на йменя его прислухаючие, и иншие листы его потребные ему поворочати мель. Отожь дей панъ Януш Угриновский к тому веселю зготовался, яко потреба, хотя застановеню опису своему на рокъ припалый досыт чинити, а дочку твоее милости за себе взяти, до именя твоего Несвѣча и до Угринова до твоеи милости ездилъ; але ижъ там тебе самого, ани малжонки твоее милости не знашол, для того и тутъ мене з вижомъ вядовымъ и з людьми сторонними прислалъ.—А панъ Иляшъ Несвецкий на то отказалъ: „Я дей пану Угриновскому жаднымъ листомъ своимъ на то не описовался и то вамъ поведая, ижъ я дочки своее за пана Угриновского не дамъ, именя ему не поступлю, нехай о томъ пан Угриновский ведает; а што ся дей дотычетъ привилля и листовъ пана Угриновского, тыи вси листы его в дворе моемъ Несвѣцкомъ погорѣли, коли дворъ мой горелъ. А ведже, поведаетъ, естли чого пану Угриновскому до мене потреба, нехай же мене где хочеть позываетъ; я ему хочю отказати тамъ, где ему потреба будетъ“. Што вядникъ Михлинский Богданъ то все мною вижомъ вядовымъ и людьми сторонними осветчил. А кдыжъ есмо приехали до Михлина, тогда пан Угриновский показовалъ намъ меды, пива, горелку, рыбы, мяса воловые, яловичие, зверину: зайцы, тетеричь, гуси и кури набитыхъ множество; перцу, шафрану и иншого кореня полную скриню; такъ тежъ овсы, сена, муки пшеничные и житные, поведаячи, ижъ на томъ шкодуеть болшей ста копъ грошей, што ку тому веселю готуючися наложилъ; чого реестръ вшелякихъ речей

пан Янушъ Угриновский в себе мает и то все водле реестру своего паномъ а приятелемъ своимъ и мне вижу врядовому и людемъ стороннимъ показоваль и через колко дней всих приятелей своих и людей добрыхъ меды, пивы и всеми достатками честоваль мало не тыждень.—Хотячи о тое мовити, просиль пан Януш Угриновский, абы то было записано. А такъ я тое оповедане его и вижово сознане в книги замковые записати казалъ.

Книга замк. Луцк. 1563 г. № 2037, л. 170.

II.

Лѣта Божого нарощення 1568, месеца августа двадцат осмого дня.

Ставши очевисто в замку господарьском Луцкомъ, перед судом земскимъ, на роках першихъ судовых, от господаря короля его милости по службе господарьской земской военной и по выволаню сойму валного Городенского зложоных, передо мною Гаврилом Василевичомъ Бокиемъ, судею земскимъ повету Луцкого, а передо мною Остафьемъ Василевичомъ Соколским, подсудкомъ земскимъ Луцкимъ, земенн господарьский пан Янушъ Прокопович Угриновский жаловал ведле позву своего на пана Иляша Несвицкаго о томъ, што ж дей он часовъ прошлыхъ, учинивши застановене з небожчикомъ отцемъ моимъ паномъ Прокопомъ Угриновскимъ через листы свои записные, хотечи повиноватество вечистое з собою мети, за мене, яко за сына его, дочку свою пану Богдану в малженство дать, а потом дей, кгда небожчикъ отецъ с того света зшоль, тогды дей он, вже по смерти отца моего, потвержаючи оног застановеня, з отцемъ моимъ учиненого, знову з мною постановене учинил, хотечи опису своему досыт вчинити, а дочку свою за мене в малжонство дати; на што и листы есмо промижку себе, под печатми и с подписанемъ рук наших, под заруками на господаря короля его милости и сторона стороне описаными, дали, ктому о шкоды и наклады на слова преречене

описался платити; а кгда ж дей тот рок, ведле зложена, был припал, я дей, зготовившись на веселе в дому приятелей своих, ихъ милости князей Соколскихъ, у Михлине, зо всеми приятелми своими и з вижом врядовымъ, яко на рок, до него до Несвеча ездил, хотечи опису своему досыт чинити а дочку его панну Богдану за себе в малжонство взяти, нижли дей на он час его самого, жоны и дочки его у дворе его Несвецкомъ, так и в Угринове, не знашли; а потом дей з Угринова приехавши до Михлина, послышавши, же он на тот час з жоною своею был в Склению, посылал дей до него врядника ихъ милости князей Соколских и з вижом врядовымъ, навпоминаючи его, абы ему ведле опису своего досыт вчинил и дочку свою панну Богдану за него в малжонство выдал, так теж имене его Угриновское з двором, з людми, с пашнею дворною, засеяною и в гумне оставленою, и зо всеми домовыми статки, што онъ опекою до того часу, ним бы веселю рок припал, до рук своихъ взял, все в целости мне поступил и подал, к тому листы, привилья, которые до сховаия своего в него взял, поворочал. То пак дей, пробачивши постановеня своего, не дбаючи ничего на заруки господарьские и сторона стороне, на себе доброволне описанные, тому листу своему досыт не вчинил, дочки свое за него в малжонство не дал, именя своего Угриновского зо всеми речами, верху писанными, не поступил, в чѣм себе от него не мало на том шкодует, штом дей заразом того-ж часу на вряде господарьскомъ в замку Луцкомъ оповедал и то записали даль, на што и выпис в себе мает. Якож дей вже пана Иляша Несвецкого позвы господарьскими, так теж и врядовыми позывал, нижли дей за службами господарьскими земскими военными о то себе справедливости з ним звести и до того часу не мог; где ж дей и тых часов недавно прошлыхъ, в року теперешнем шестдесят осмом, о томъ же позывал его перед суд земский Луцкий на роки прошлые, на день Светое Тройцы римского свята, которые роки за соймомъ Городейскимъ судовне дойти не могли; але дей там же на сойме в Городне то уфалено и постановено, же тые всѣ справы, хто

одно кого на оные роки прошлые позывал, переложены на суд земский теперечий по выволаню сойму в шести недѣлях справовати. Я дей того року за позвы своими уставаю и пилность в том чиню. Яко ж панъ Янушъ Угриновский, положивши перед нами позов свой и выпис с книг вызнания возного, доведечи року того, на который его позвалъ, а другой выписъ сознаня вижова на вряде готовности его на веселе учиненое, к тому теж положил два листы записных пана Иляша Несвецкого, оден што ся был описал з отцем его паном Прокопом Угриновским о отдане дочки своеи панны Богданы за него, яко за сына его, а другой лист ктому вже по смерти отца его, знову подтверждаючи того ж постановеня своего, з ним учиненого, тое свое застановене при моцы заховываючи, под такими ж заруками умоцнилъ; и просил, абы есмо тые вси лысты, право его, прочитали и его в том, яко сторону жалобливую, обычаем правным заховали. Где ж мы позов и выпис врядовый сознаня возного на рокохъ за позвы ставя ихъ ку праву, теж выпис вижова сознаня о готовности его на веселе вчиненое, а потом два листы записных пана Иляша Несвецкого под печатю и с подписом руки его глостъное читати есмо перед собою казали. Тогда в першомъ листе его, которым ся пану Прокопу Угриновскому обвязал, такъ вызнаваает, иж змовил и пошлюбил дочку свою панну Богдану за сына его пана Януша выдать, которой естли бы за него не дал, тогда мает господару королю его милости заруки платити петсот коп грошей, пану Прокопу Угриновскому триста коп грошей, ктому вси шкоды и наклады на слова речене платити, што ширей а достаточней ест на тому листе его описано; а другой лист, вже по смерти отца его, постановеня знову з ним учиненого, так ся в себе мает: „Я Иляшъ Богушевич Несвицкий вызнаваю сам на себе сим моимъ листом, кому будет потреба того ведати, або чтучи его слышати, иж з воли Бозкое а намовы приятелское, змовил есми дочку свою панну Богдану в малженство его милости пану Янушу Угриновскому, где ж я, не отступуючи першого запису небожчика отца его пана Прокопа Угриновского

и тых зарук, которые на нем есть описаны, на господаря короля его милости петсот коп грошей, а сторонѣ триста коп грошей, вси шкоды и наклады ведлуг приреченя слова, и заплативши тые вси шкоды и наклады, так и заруки доброволне на себе принятые, предця тые листы при моцы захованы быти мают, и я теж Иляшъ Богушерич Несвецкий теперешнего часу тот лист записный отца его для лепшого твердости слоимъ листомъ есми потвердил и в моцы их заховал под тыми ж заруками, доброволне на себе принятыми, на господаря короля его милость петмасты конами грошей, а пану Янушу триста коп грошей, вси шкоды и наклады ведлуг приреченя слова его. А што ся дотычет посагу девки моей, тогды я маю триста коп грошей готовыхъ, а выправы сто коп грошей ему дати перед Крещениемъ за тыжден, а скоро тые гроши пану Янушу до рук дойдут, тогды он девцы моей вѣно оправити мает, которому веселю и рок есми певный промежо себе приняли на ден Покрова Пречистое Богородицы свята прийдучого, которое быти мает в року шестдесят третем, а нигде индей, одно в дому моемъ Несвечу. И на то есми пану Янушу Угриновскому дал тот мой лист под моею печатю и с подписю руки моей влостное. Писан в Луцку, лета Божого нароженя тысяча пятсот шестдесятого, месеца декабря осмого дня".—При том теж пан Янушъ Вгриновский положил выпис под печатю владвою, в котором такъ пишет: „Лета Божого нароженя тысяча пятсот шестдесят первого, месеца февраля первого дня. Казано записати: пришедъши и постановившися обличне передо мѣною Борисомъ Ивановичомъ Совою, подстаростим Луцким, земенинъ господарский пан Янушъ Прокоповичъ Угриновский оповедал и вызнал тым обычаем, што ж дей небожъчикъ отец мой с того света зшол, оставивши по себе долги немалые, о што мене по смерти небожъчика отца моего многократ ку праву перед влад позывано, а влад присужовал платити з ыменя своего отчизного, которого ми ся велми мало по смерти отца моего остало, и не маючи я с чого тых долговъ отцевскихъ платити, утеклomsя в томъ до ласъкавого

приятеля своего пана Иляша Несвицъкого и малжонки его панее Олены, иж оны дочку свою панну Богѣдапу за мене в малжонство заручили, по которой паненцы своей мели мнѣ дати вѣна готовых пенезей триста коп грошей готовыхъ, а выправы за сто коп грошей,—просил есми ихъ, абы мнѣ тые пенези на долги отцевские выплачовати дали. Оны, ужаливъшися мене, не хотечи мнѣ пѣководы моей узычати, абых я остаток отчизны моей на долги отцевские мел заставляти, дали мнѣ триста коп грошей готовыхъ. А иж тот час еще не пришел и рок весия моего не припал, я до того ж часу в той суме пѣнезей даль есми имене мое Угриновское з людьми и зо всякими пожитки и сам ся есми его милости, яко пану отцу своему, ув опеку дал; мает его милость мене самого ув опеце своей мети, имене моего держати до того часу, покул ихъ милость дочку свою за мене в малжонство выдаст, а при выдани вже девки своей панны Богданы одно ми его милость мает дати выправы за сто копъ грошей, а я тые пенези триста коп и выправы сто копъ грошей дочце ихъ милости а малжонце своей панне Богдане Илъяшовне Несвицкой на третей части имене моего Угриновского совито оправу вчинити маю; а естлибы в том часе, з допущенъя Божого, на мене смерть зашла, тогды сестры мои рожонные винны будут тые пенези пану Илъяшу Несведкому дати, а имене мое Угриновское к рукамъ своимъ взяти. И просилъ, абы было записано“; што ширей а достаточней на тыхъ всѣхъ листех справы его есть написано и доложено. За которыми позвы и за тою справою своею панъ Янушъ Прокоповичъ Угриновский перед нами на року ся становил и зо всим доводомъ своимъ ку праву былъ готов и пилность в том с пораньку ажъ до вечора чинил, хотечи себе в том справедливости своей доводити з ним, а пан Иляш Несведкий самъ ку праву не сталь и никого ку отказу з моцю зуполною на месце свое не прислал и жадное ведомости тут до вряду о себе знати не дал. А так мы, присмотревъшися добре записом пана Иляша Несведкого и углянувши в статут земский, всему панству его кролевской милости великому князъству Литовскому

наданный, в розъделе четвертомъ артыкулъ двадцатъ второй такъ опевааетъ: „если бы ся хто добъровольне кому записалъ и рокъ в листе своемъ ознаймил, а не вчинил бы тому досыт, тогда за позвы на першомъ року, яко на завитомъ, естли не станет, вовсе упадывает водлуг листу або запису своего, а суд вже мает отправу вчинити водлуг листу, жадныхъ роков не складаючи“. Про то с тыхъ причин, вышей помененых, за нестанемъ пана Иляша Несвецкого на рокъ завитый ку праву, всказали есмо и присудили на нем, кром заруки его милости господарской, о которой мы вряд господару королю его милости дать знати маем, пану Янушу Угриновскому заруку, водле листу его записного, триста коп грошей о недане девки его за него, а шкод и накладов его як на веселе, так и на наклад, собе доводечи справедливости, чотырисъта копъ грошей, такъ тежъ именье его вѣластное отъчизное Угриновъ, которое панъ Иляшъ Несвецкий только до выданья дочьки своее за него ув опеце своеи держати мелъ, з двором, з людми, зо всим на все так, яко ся тое именье само в себе в кгрунътехъ и в пожиткохъ своихъ мает, ему заразомъ в моць, въ держане его есьмо присудили; а за навязьку людей Угриновскихъ тридцати и шесть чоловѣковъ подъворищныхъ а шести огородъниковъ, которые через семь лѣтъ ему не робили, от кождого чоловѣка тяглого на кождый тыжъдень по шести грошей, то чинить на годъ по пяти коп и по дванадцать грошей, а сума того выносить тысячу триста сорокъ и сем копъ грошей пятдесят и чотыри гроши; а от огородниковъ шести на кождый год по две копе по тридцати по шести грошей, чинит сто коп чотырнадцат копъ и тридцат грошей; тые люди давали плату върочистого на кождый год три копы тридцат и шест грошей, то чинит двадъцат пять копъ и десят грошей; корчма на рок по двадцати копъ, чинить за семь лет сто сорокъ копъ грошей; млынъ на кождый год по пети копъ, чинить за семь лет тридцат и пят копъ грошей; два спусты ставу, спуст по десети копъ грошей, чинит двадцат копъ грошей; сеножати и огороды дворные по двадъцати копъ, чинить за сем год

сто и двадцат коп грошей; овса за сем год семъдесат колод, шацуючи мацу по шесть грошей, чинит суюмоу за сем лет сто коп и двѣ копе грошей; того всего суюмоу водле шацунку статутѡвого всказали и присудили есьмо за несътантемъ, яко на рокъ завитый, на пану Иляшу Несвицькомъ пану Янушу Пърокоповичу Угриновъскому на въпадъ дъви тысячи пять сотъ сорокъ копъ чотыри копы тридъцаг и чотыри гроши, которой суме пенежьной, от насъ судовъне всказаной, и роки есмо на заплату, водле статуту земскаго, положили: каждой стома копам грошей дванадцат неделъ; а што ся дотычетъ дворного будованя в дворе, так теж пашнѣ, быдъла рогатого и дробного, всѣхъ статков домовыхъ, с чим былъ панъ Иляшъ Несвецкий тое имене Угриновское от него опекою възьялъ, и тежъ о вьси шъкоды именью, подданымъ его Угриновскимъ черезъ тые семъ летъ, которые бы за держантя пана Иляша Несвецкаго поделаныи, о то ему обо вьсе право волного мовеня вцеле заховано. Якожъ есмо тое судовъное вьсказане наше вь книги справъ земьскихъ записати есьмо казали и выпис с книгъ под печатми нашими пану Янушу Прокоповичу Угриновскому на то дали. Писан в Луцку.

Книга земская Луцкая 1565—1569 и., № 2093, листъ 208.

XXII.

Духовное завѣщаніе князя Якова Васильевича Крокотки-Еловицкаго, въ которомъ онъ, между прочимъ, обезпечиваетъ вѣно своей жены, такъ какъ она при выходѣ замужъ не получила отъ него обычной вѣнковой записи. 1564 года, марта 18.

Лѣта Божого нароженя 1564, месеца ноября девятого дня.

Присылалъ до мене Андрея Ивановича Русица, подстаростего Луцкаго, князь Яков его милост Василевич Крокотка Еловицкий пріятеля своего пана Станислава Деменского, подьялочого Луцкаго, оповедаючи, иж в Божого допущеня есть навежон обложною хоробою, и розумеючи себе то, иж на сем свѣте каждому человеку ничего певнейшого, яко час смертелный, што кождого минути не можетъ, а протож дей он еще за доброе намети и зуполного розуму своего, хотячи малжонку и дѣти свои по животе своем в добром опатреню и слушном порадку зоставити, справивши тастамент водлуг доброе бачности и мысли своее под печатю своею и теж под ведомостю и печатми людей добрых, тут на врядь его королевское милости до замку Луцкаго присылалъ, просячи, абы был вычитанъ и в кѣниги замковые записан, который тастамент его так ся в себе мает: „Во ймя Божое святое и живоначалное Тройцы станся. Я Яковъ Василевич Крокотка Еловицкий ознаймую то и чиню явно всимъ посполите, кому того потреба будет вказовати, албо чтучи его послухати, нинешнимъ и напотомъ будучимъ, штож з навеженя Божого будучи мне обложон форобою и розумеючи то, иж кождый человек есть смертелный, который ся на тот свет народил, тот и умрет, и взнавши самъ по себе, иж с тое форобы жив не могу быти, але хотечи самъ по доброй воли своей, без жадного примушеня и намовеня людского пріятелского, при животе и по смерти живота своего малжонку и промежку детей своихъ порадност, вы йменяхъ своих во всей отчизне поровнане и покой вечный вделати, иж бы по животе моемъ спокой-

пое и вечное мешкание промежку собою мели, то вчинити и зоставити не на словехъ, што под часом с памяти людское выходит, толко на писме, под сведомом врядовымъ и приятельскимъ, будучи в доброй памяти, целомъ и зуполномъ розуме, врозумевши самъ в себе и остаточное воли своеи, пишу тот тастамент мой. Напервей поручаю и даю в руки душу свою Богу сотворителю в Троицы единому, а тело мое грешное мает жона и дети мои почитиве, ведле закону нашего хрестиянского, погresti и по души моеи на церкви Божие роздат на сорокоусты и памяти чинити. И ку тому теж то на томъ тастаменти докладую, иж маючи я за собою у малженстве светомъ з дому зацного, почитивого, до ку небожчика пана Олехна Грынковича Козинского на ймя Овдотю, по которой взялъ есми в посагу, вношеня ее в домъ мой, сто коп грошей готовых личбы и монеты Литовское, а сто коп в золоте, в серебри, в патах, перлах, клейнотах и в иных многих рукомых речах, што ся то все до рук своих взял и ку своему пожитку обернулъ, а иншие речи, бываючи частокрот на службах господарских и земских, утратил, и на то есми ей малжонцы своей никоторое слушное оправы и твердости на йменахъ моих отчизных не вчинилъ; а будучи в томъ малженстве светомъ з нею малжонкою моею и маючи ку себе аж до того часу службы, склонности и сердечную милость, яко на малженский святой станъ приваляжить, паметуючи тые службы ее, цнотливое заховане, теперешней остаточной воли часу своего смертельного показавши ей ласку свою, якъ напротивко того вѣна, вношеня ее въ домъ мой двох сот коп грошей, и ку тому зъ ласки своее привенку другую двесте копъ грошей личбы литовское, такъ теж и за цнотливые службы и склонности ее напротивко мене, малжонка своего, заховываючи в том ведле звьклости наше хрестиянское и ничимъ не отступаючи статуту права земского, хотячи ей малжонцы и детемъ моимъ по животе своемъ покой вечный вчинити, ижбы жона и дети мои на мене не плакали, але спокойное мешкание мели, ведаючи вшелякие пожитки вы йменахъ моихъ: Еловичох, у Ворсине, в Чекне и в

Котелеви, выймуочи зо всих тых именей моих за третюю част двор мой Еловицкий зо всимъ будованемъ и имене Еловичи, з бояры путными, з людьми тяглыми, з дворицы пустовскими, с полми и з сеножатми музскими, так яко которое дворище за отца моего и за мене держано было, и ку тому став и млын Чеконский зо всими пожитки, и в гаи дерево бортное со бчочами и въ котором бчол нет, и бчолы всѣ в пасецы, пашня в гумнехъ нежатая и на поли засеяная, и подворе в замку господарьском Луцком, шаты, цынь, медь,—а грошей готовыхъ и сребра того ничего не маю,—кони ездные, стадо сверѣпье, быдло рогатое, овцы, козы, свини, куры, гуси и вшелякие малые и великие, якимъ колвекъ именемъ названые домовые речи и привилия господарские на вси имена, отъчизву мою,—то все даю, дарую и на вечност тым тастаментомъ моимъ описую, отделяючи то ото всихъ детей, дочокъ и зятей моихъ и ихъ потомковъ, малжонце моей кнегини Овдоты Олехновне на вечност; и ку тому пол и сеножатеи дворных, которые я къ тому двору Еловицкому за живота своего держалъ и вживал, так тежъ въ гаех на будоване дерева и на рубане дровъ, в рецы Стыру бобровыхъ гонъ и на поли ловы звериные и пташие, на всемъ на томъ записую малжонце своей третюю част такъже на вечност; а малжонка моя с тое третее части, от мене ей на томъ тастаменте вышшей на вечност меновите описаное, детемъ, дочкамъ моимъ, не мает и не будет повинна никоторое выправы и посагу давати, толко спокойное мешкане мети мает и то все держати и поживати на вечные часы, и волно будет по животе и при животе своемъ дѣтемъ, дочкамъ своимъ, которои з нихъ, албо тому, кому хуть и воля на то ее будет, отдати, продати, даровати, на церковь Божию записати и такъ з тымъ шафовать водле воли и мысли своеи; а дети, дочки мои вси и зети мои не мают ей того забороняти и в тое ся вступовати, толко вечное молчане мети мають. А внука моя Овдюхна, дочка небожчика зятя моего Василя Красовского, ту маеть малжонка моя княгиня Овдотя до себе взяти и ховати до лет ее, а коли лета свои мети будет, тогда маеть ей

и повинна будет с части своее дати петнадцат копъ грошей готовых, две сверѣпе стадныхъ, пет волов а три корови. А што ся дотычеть тых полъ и сенокателей, и дерева бортного, и гаевъ, што предки мои и я самъ надали на церкви Божие: на церковь чесного Креста и на церков светого Дмитрея, в тое земли и в гаи церковныя жона, дети, дочки и зяти мои ничимъ ся не мают вступовати и от церквей Божих отыймовати. К тому теж, што ся дотычеть имена моего Ворсина, Чекня и двох ставовъ верхнихъ, пол, сенокателей, гаевъ, бобровых гонъ, лововъ звериных и пташих и дворища пустовского на Гнидаве, которое лежитъ недалеко от двора королевского, и вшеляких пожитковъ малых и великих, што ся к тымъ именам на тые две части приналежит, то все отписую дѣтемъ, дочкамъ моимъ: Марухне, Настаси, Гапне, Масцы и Палагне, которые лѣта мают и которые лет не мают; естли замуж пойдут, тогда то промежку собою на части ровныя разделить ведле права природного мают, а которые еще замуж не шли, тьи мают с частями своими, што на нихъ прийти мают, зо всим с тымъ каждая з них при малжонце моеи а матце своеи кнегини Овдоти мешкати, а жона моя и matka ихъ тыхъ именей всих пожитковъ ничимъ утратити не маеть; але коли замуж пойдут, тогда то все имъ, каждой з них, в целости вернути маеть. Ку тому тежъ, которуюмъ сорокъ копъ грошей литовьскихъ, едучи на послугу господарьскую до Ифлянт, взялъ и позычилъ в зяти своего небожчика Василя Красовского и записал есми ему тую суму пенезей на имену моемъ отчизномъ Котелеви, то и тепер тымъ тестаментом моимъ, остаточною волею своею, записую и тотъ лист мой записный на тую сорокъ коп грошей потвержаю, которое имене Котелевъ дочка моя Марухна Василева Привередовская в тое суме въ сорову копахъ грошей и до сего часу держит,—тогда дочки и сестры ее, коли замужъ пойдуть, а будет ли имъ в томъ кривда ся увидет, напервей они сами и зяти мои тую сорокъ копъ грошей власного долгу моего дочце моеи и сестри своеи Марухне еси равными частми заплативши, тож тое имене Котелевъ

на ровные части ведле права прирожоного розделити и поровнати на вечные и потомные часы мают, а не отдавши тыхъ сорока копъ грошей, ничимъ ся въ тое имене Котелев вступовати не мают, аж до зуполной заплаты. А в опеку поручаю жону и дети мои приятелемъ своимъ: их милости пану Михайлу Оедоровичу Сербину Хорохорынскому, хорунжому земли Волынское, суди повету Луцкого, а пану Андрею Ивановичу Русину, подстаростему Луцкому, а шурыну своему пану Дмитру Олехновичу Козинскому. Якож есми тот тастамент остаточную волю на вряде замку господарскомъ Луцкомъ черезъ приятеля своего и черезъ лист свой оповедал и до книг врядовыхъ земскихъ записати далъ. И на то дал есми малжонцы моей кнегини Овдоти Олехновне тот мой тастамент з моею печатю. А при томъ были и тому добре сведоми: пан Войтехъ Красовский, воротный, Луцкий, на тот часъ будучи на местцу пана Андрея Русина, подстаростего Луцкого, в Луцку, а панъ Федоръ Русинъ, писар Луцкий, а панъ Томило Ворона Боротинский, которые за прозбою моею печати свои приложили к сему моему тастаменту. Писан у Еловичах, лет Божого нароженя тысяча пят сот шестдесят четвертого, месеца марца осмогонадцат дня".—А такъ я тое оповедане и тастамент князя Якова Василевича Крокотки Еловицкаго, черезъ пана Станислава Даменского, подключого Луцкого, до вряду присланный, в книги замковыя записати казал, и выпис с книг под печатю моею князю Якову его милости Василевичу Крокотце Еловицкому на то послалъ.

Книга земская Луцкая 1564 г., № 2038, л. 255.

XXIII.

Заявленіе землянина Брестскаго повѣта Василя Збѣрожскаго о томъ, чѣмъ онъ обязывается обезпечить вѣно новобрачной женѣ своей, дочери Волынскаго землянина Галенѣ Бокиевнѣ. Заявленіе это должно было временно замѣнить собою установленную вѣновную запись, какую Збѣрожскій обязывается выдать впослѣдствіи и внести ее въ актовыя книги своего повѣта. 1564 г., мая 18.

Лѣта Божого нароженя 1564, месеца мая 18 дня.

Пришодчи и постановившися очевисто в замку господарьскомъ Луцкомъ, передо мною Войтехомъ Красовскимъ, в тот часъ будучим на местцу пана Андрея Ивановича Русина, подстаростего Луцкаго, земенин господарьскій повету Берестейскаго пан Василей Офанасьевич Збѣрожскій оповедал и созналъ тымъ обычаемъ: „Иж дей я, з воли Божои а з дару Духа светого и с порадую приятелей моих, понял есми за себе в малжонство панну Галену Семеновну Бокиевну, по которой взялъ есми от брата еи пана Яна Семеновича Бокиевича Зарѣцкаго вѣна готовыми пенезми сорок коп грошей мониты и личбы литовское, кроме выправы, то есть золота, серебра, перель, шатъ, коней, быдла и инших рукомых речей; напотивку которого вѣна и всего вношеня ее, с чимъ есми ее за себе взялъ, даю, дарую и записую ей малжонце своей милои паней Галене на имену моемъ отчизномъ Збѣрозехъ, в повете Берестейскомъ, которое мне от брата моее с поровняня и з дѣлу вечистого zostало, осмдесят копъ грошей личбы литовское на двох частех того имени моего Збѣрожскаго. Ку тому тежъ, дознавши я по неи ку собе почтивое заховане, вѣрную милость и поволность ее, ижъ ся она, яко верная а почтивая, напотивку мнѣ, малжонку своему, статочне заховываетъ, протож я з милости моее малжонское даю, дарую и записую ей, малжонце своен милои паней Галене Бокиевне, на вечность третюю част тогож имени моего отчизного Збѣрожскаго з дворомъ, с пашнею дворною, с

полми и сеножатми дворными, зъ их роботами, с подачками, с платы, з доходы и зъ ихъ повинностями и зо всеми пожитками, ничого такъ с тое третее части самъ на себе, на братю, на близкихъ и кровныхъ моих не оставуючи; так теж дома, фолварки и огороды, которые маю в заставе у месте Берестейскомъ, и што-бых еще именовей, з нею мешкаючи, набыль, выслужил, прибавил, або прикупил; к тому статки мое, яко гроши готовые, так теж золото, серебро, цын, мѣд, кони ездные, быдло рогатое и дробное и иншыя речи рухомые и вси статки домовые от мала и до велика, то все ей, жоне моеи милои, ку тои третей части имени моего Збѣрожского на вѣчные часы даю, дарую и то на вряде запишю; которое третее части, так теж и тую суму пенезей осмѣдсят коп грошей личбы литовское, от мене ей на двох частех тогож имени моего Збѣрожского описаную, жона моя милая пани Галена Бокиевна маєт держати, вживати на вечные часы и то по моемъ животе кому хотечи отдати, продати, даровати, записати, ку пожитку своему оборотити и тымъ водлугъ наменшое воли своее, яко сама налепей розумеючи, шафovati; а братя моя и никто з близкихъ и кровныхъ моих в тые две части имени моего Збѣрожского, не отдавши ей тое сумы пенезей осмидесят коп грошей личбы литовское, жадными причинами никоторое переказы за держаня ей чинити и ничим ся в то вступовати не мают, до отданя зуполное заплаты тых пенезей осмидесят копъ грошей личбы литовское. А еслибых я самъ, братя моя и хто ж бы колвекъ з близкихъ и кровныхъ моих, не отдавши тых пенезей ей, жоне моеи милои, паней Галене, або тому, кому бы то она отдати, даровати и записати мѣла, в тые двѣ части чимъ колвекъ уступовати, albo перед который колвек врьдъ ку праву притегати мели, тогды з нас кождый таковой, хто бы одно то смель вчинити, будем винни заруки заплатити господарю королю его милости двѣ сте коп грошей, тому врьду господарьскому, перед который бы колвекъ ее самую и потомков ее ку праву притягати мели, сто копъ грошей, а ей самой и потомком ее вси шкоды наклады, кром жадного права и доводу,

толко на речене слова, ихъ маем платити, а заплативши заруки, так тежъ за шкоды и наклады стороне досыт вчинивши, предся она, жона моя милая, дети и потомки ее мают две части имени моего Збѣрожского держати и вживати до зуполное заплаты тос сумы пенезей осмидесят коп грошей личбы литовское; на што еи жоне моей милои паней Галене и лист веновный под печатми людей задных обецую и прирекам справити и то в повете своем до книг замку господарьского Берестейского вызнати и дати записати.—И просил, абы то было на вряде здешнемъ замку Луцкого до книг записано. А так я тое очевистое оповедане и добровольное сознане пана Василя Збѣрожского в книги замковые записати казалъ.

Книга замков. Луцкая 1564 г., № 2038, л. 79.

XXIV.

Запись п. Марьи Борзобогатовны Красенской объ условіяхъ добровольнаго расторженія брака ея съ п. Яцкомъ Добрыльчицкимъ, съ предоставленіемъ обѣимъ сторонамъ права вступленія въ новые брачныя союзы. Поводъ къ разводу—несогласная жизнь сунруговъ. Судьба дѣтей. 1564 г., мая 27.

Лѣта Божого нароженя 1564, месяца июня 7 дня.

Пришодши и постановившися очевисто в замку господарскомъ Луцкомъ, передо мною Андреємъ Ивановичомъ Русином, подстаростим Луцкимъ, пани Маря Ивановна Борзобогатовна Красенского сознала тымъ обычаемъ: иж дей я з воли Божое и дару его святое милости попла есми в малженство за пана Яцка Стецковича Добрыльчицкого, с которым мешкаючи часть немалый в стане малжонскомъ, потомство от Бога Сотворителя нам даное mezi собою

маючи, узавши росторгнене и разность я з мужем своим, мешканя жадного в деле стану малженского мети не могли есмо; и розумевши то, жем с нимъ мешканя доброго вже мети не могли, а не хотечи болшого заштя и розниц промежку собою множити, с тыхъ причин малжонка своего пана Яцка от сего часа и на потомные часы с того мешканя моего малжонского, которое я з ним по вси часы мѣла, от себе и от малжонства своего волным вчинила, и позволяю ему за себе в малжонство кого хочачи поняти, а и мне теж волно будет замуж за кого хотя пойти; на што есмо промежку себе листы роздали, на которых тое наше доброволное розлучене шерей а достаточней ест описано. Якож и листъ свой под печатми задных панов и с подписом руки, на то от себе малжонку своему данный, передо мною на вrade показовала, просячи, абы был вычитан и в книги замковые записан, который лист так ся в себе маеть: „Я Маря Борзобогатовна Красенского ознаймую тым моим листом нинешнымъ и напотом будучим, кому потреба будет вѣдати, штомъ я была з воли Божое и дару его святое милости пошла в малжонство за пана Яцка Стецковича Добрылчицкого, с которым мешкаючи час немалый в стане малжонскомъ, потомство от Бога Сотворителя нам даное межи собою сплодилисмо; а иж отъ годов мало не двох, з гнѣву и допущена Божого, якоесь нетрафное мешкане межи собою маючи, узавши розницы великие и росторгнене я з мужем своим, мешканя жадного ведле стану малжонского мѣти не могли есмо. Бачачи то я по мужу своем мысль отменную и хуть ку мне, жонѣ своей, не такую, яко есть обычай малжонку противо малжонци показоват, и розумелам то, же я мешканя доброго з нимъ вже по сесь часъ мети не могла, не з жадного примуженя ани понуженя, одно доброволно, в целом а зуполномъ здоровю будучи, а не хочачи болшого зайштя и розницъ межи собою множити, по сесь часъ и на потомные часы малжонка своего пана Яцка Стецковича с того мешканя моего малжонского, которое с нимъ по всѣ часы мѣла, от себе от малжонства волным чиню: я от него прожна, а он от мене. А иж нас Пан Богъ за

грехи наши тым наведити и малжонство розлучить рачил, я, Пану Богу поручивши, позволям пану Яцку кого хотя поняти, а мне теж волно замуж за кого хотя пойти. А што ся тычет детей наших, тые мают быти: при мне двѣ дочце, Макгдалена а Настасия, а при пану Яцку сыны два, Иван а Яким. Тыми так я, яко и онъ, водле повинности хрестъянское, опекагися и старати о них, яко цнотливимъ родицамъ о детех своих пристоить, маемъ вѣчне, в жадном артикуле того ростагя и постановеня нашего не зрушаючи, под зарукою его королевское милости пяти сот копами грошей, а стороне пана Яцковой такеж пят сот копами грошей, а заплативши тые заруки, предся тое постановене вечно держано и в покою на обе стороне заховано быт маеть. А при томъ были и того добре свѣдоми: его милость панъ Андрей Русин, подстаростей Луцкый, а панъ Михайло Корытенскый, которые ихъ милости панове вышшей помененые печати свои за прозбою моею к тому моему вызнаному листу приложили, а и я тежъ сама печат свою приложила и руку подписала. Писан в Луцку, лета Божого нароженя тысяча пят сот шестдесят четвертого, месяца мая двадцат семого дня.—А так я тое очевистое сознание и добровольное оповедане и лист панеи Мари Борзобогатовны вызнаный слово от слова, с початку аж до конца в книги замковые записати казалъ.

Книга замковая Луцкая 1564 г., № 2038, л. 94.

Примѣч. Изъ тѣхъ же актовыхъ книгъ Луцкаго замка намъ извѣстна отчасти и послѣдующая судьба разведшихся супруговъ. Марья Борзобогатовна очень скоро вышла вторично замужъ. Въ томъ же 1564 году, 25 сентября отецъ ея, нареченный владыка Владимірскый, п. Иванъ Борзобогатый-Красенскый выдалъ зятю своему п. Василию *Роюзенскому* заставную запись на имѣнія Мусоры и Ставки въ обезпеченіе 500 копъ грошей, обѣщанныхъ имъ въ качествѣ приданого за своею дочерью „панею *Марухною*“; а 26-го того же сент. имъ была выдана долговая запись на 500 копъ той же дочери „панеи *Марухнѣ Рююзенской*. (Книга замковъ. Луцк. № 2039, л. 251 обор. и 253 обор.). Что же касается п. Яцка Стецковича Добрылицкаго, то въ 1571 г. въ Луцк. земскія книги былъ внесенъ его „тестаментъ“, которымъ онъ все имущество записываетъ женѣ своей *Гантѣ*, племянницѣ п. Михаила Малинскаго, и прижитымъ съ нею дѣтямъ; сыновьямъ же отъ „первой малжонки“ его,

„*Мары Ивановны Борзобогатой*“, предоставляет лишь право участія въ раздѣлѣ его *родового* имѣнія, наравнѣ съ младшими (сводными) братьями, — на томъ основаніи, какъ объясняетъ завѣщатель, „ижь коли-мъ еще з жоною своею першою, ихъ маткою, мешкаль, теды-мъ досыть немало от нее трудности, небезпечности, шкодъ и утратъ приймавалъ, иж отъ всее маетности моее былъ отпалъ для утратъ ее сволольныхъ“. (Книга Луцк. земская, № 2094, л. 734).

XXV.

Соглашеніе, заключенное передъ третейскимъ судомъ между маршалкомъ королевскимъ Петромъ Кирдѣвемъ-Мыльскимъ и его зятемъ Янушемъ Крупскимъ, подчашимъ Холмскимъ, по которому жена послѣдняго Маруша Кирдѣвна имѣла оставаться въ домѣ отца, вмѣстѣ съ своимъ приданымъ, до того времени, пока мужъ ея, согласно предбрачному условію, совершитъ законнымъ порядкомъ вѣновную запись и вручить ее тестю. 1564 года, іюня 14.

Року 1582, месеца генъваря 25 дня.

Пришодчи на врьдъ кгородский Луцкий, до мене Станислава Петровского, подстаростего Луцкого, от его вельможное милости пана Александра Пронского, столника великого князства Литовского, старосты Луцкого, служебникъ его милости пана Романа Гостьского Михайло Лаврентиевичъ Пѣшко положилъ передо мноу листъ под печатми и с подѣписомъ рук ихъ милости пана Ольбрыхта Лаского, пана Петра Кирдѣя Мыльского, маршалка его королевское милости, а пана Януша Крупского, и просилъ именемъ пана своего, абы тотъ листъ до книгъ уписанъ былъ; которого я до книгъ для вписованя принялъ, и такъ ся в себе маеть: „Передо мноу, Ольбрыхтомъ Ласкимъ сего дня, в середу, месеца іюня четвертогонадцать дня, року шестьдесятъ четвертого, сталася естъ угода и постановене певное, которое маршалокъ его коро-

левъское милости панъ Петръ Кирдѣй Мылскій з зятемъ своимъ паномъ Янушемъ Крупскимъ, подчасимъ Хелмскимъ, учинити около оправы дочки своее панее Маруши Кирдѣевны, которую у мальженство тому зятю своему пану Янушу дати рачил, а то в томъ: ижъ яко при отданью дочки своее пану Янушу Крупскому с певного постановення, за листы записными, панъ Кирдѣй обецал и прирекъ именье свое власное Чать на вечность дати, записати и к тому на Киселине чотыриста копъ грошей, на части брата-ничов своихъ пановъ Кирдѣевъ Мнишинскихъ записати, а особливе за тисечу копъ грошей литовскихъ, яко злота, сребра, шать и инъшихъ речей, у выправе шацункомъ дати, што все упевънено и записано есть модными записы; которого именья Чати, тое тисечи золотыхъ на Киселине, у выправе тисечи копъ грошей панъ Янушъ Крупскій ся упоминалъ, хочечи то все мѣти в рукахъ и владности своей, а пан маршалокъ тежъ упоминался з стороны своее и дочки своее пану Крупскому, абы опъ на именьяхъ своихъ отчизныхъ, материстыхъ, дупныхъ и набытыхъ, ведле змовы, запису и постановення своего, противко тому всему внесенью ее записалъ и оправил ей вено и привенокъ ведле обычаю права посполитого, статуту корунного, в кгороде до книгъ замковыхъ Хелмскихъ, а потомъ оттоль ижъ бы запис учинилъ и принес до книгъ земскихъ, часть перед выйштыя року и шести недѣль, такъ яко статутъ коронный учить; на што все панъ Янушъ Крупскій позволилъ и принялъ часть певный, ижъ ехавши до Хелма с паны приятельми своими: паномъ Яномъ Ореховскимъ, подкоморимъ Холмскимъ, паномъ Станиславомъ Лацемъ Степанковскимъ, войскимъ Городенскимъ, таковой записъ в кгороде учинить и мальжонце своей вено и привенокъ ей оправити и записати маеть на день светого Петра, на власныхъ именьяхъ своихъ таковое важности, яко тая сума носити будетъ, тоестъ семь тисечей золотыхъ и доживотное мешванье, владность, уживане и росказованье всего именья и добръ своихъ, ведле записовъ первшихъ, и от тыхъ-же приятелей своихъ и с тыми записы кгородскими, с книгъ Хелмскихъ до-

статочъне водле обычаю права коронного справлеными, в домъ пана Кирьдѣвѣ съ тыми приятельми своими менованными приехати маеть; на онъ же часъ панъ Ореховский и панъ Лащъ пану Кирдееви руками своими записатися мають, ижъ панъ Янушъ Крупский, подъчапий Хелмский, запись и оправу малжонъце своей паней Маруши с книгъ кгородскихъ до земскихъ передъ выйштьемъ року и шести недель учинити и на власныхъ именьяхъ своихъ вѣно и привѣпокъ записати и оправити маеть, ведле статуту коронного, без жадного позванья ку праву; што кгда вчинить, на он час панъ Петръ Кирдей дочку свою а малжонку его панюю Марушу ку згодному а милому малъженскому мешканью, обачивши такие записы и до себе ихъ взявши, пану Янушу Крупскому дати, именья Чати на вечность поступовати и оправу всю сполна, ведле обетници и постановенья певного, записами вчиненого, маеть и виненъ будетъ, запись до книгъ Луцкихъ учинити, того именья Чати з сыньми своими: паномъ Олизаромъ а паномъ Иваномъ Кирьдѣмъ выречи и то певными записы умоцнити и утвердити ку вечному держанью и вживанью, ничего не отступаючи статуту права посполитого, маеть. А уховай, Пане Боже, подъ тымъ часомъ на пана Кирдѣя смерти, тогда сынове его милости тому всему досыть чинити будутъ повинъни; тую жъ мерою и тые приятели пана Крупского, если бы на него подъ тымъ часомъ Панъ Богъ смерть допустити рачил, винны будутъ малъжонъци его милости такую оправу вделати. А поки такое оправы панъ Крупский в домъ пана Кирдѣвѣ не принесет, поты панъ Кирдей и дочки своее ему, именя Чати и тое всее выправы дати не будетъ повиненъ. До которого листу и постановенья сыкгнит мой притиснувши, и руку мою есми подписал, где и панъ Кирдей печат свою приложилъ и руку свою подписал и панъ Янушъ Крупский. Писанъ ув Остроже, июня четвертогонадѣцать дня, року шестьдесятъ четвертого. Laskij Olbrecht ręką swą. Петръ Кир. Мылский, мар. кор. его мил. Jan Krupskij, podczasz. Chel. własną ręką. — А такъ я тотъ листъ менованный, за прозбою менованого служебника пана

Гостьского, слово в слово, с початку аж до коньца, до книгъ кгородскихъ Луцкихъ записати казалъ.

Книга вродская Луцкая 1582 г., № 2060, л. 6.

XXVI.

I. Предбрачное условіе, заключенное п. Василиемъ Петровичемъ Загоровскимъ съ княземъ Николаемъ Андреевичемъ Збаражскимъ, старостою Кременецкимъ, относительно женитьбы его на дочери послѣдняго княжнѣ Маринѣ. 1564 года, іюля 10.

II. Вѣновная запись того же п. Загоровскаго, въ которой онъ обезпечиваетъ женѣ своей, княжнѣ Маринѣ Збаражской, денежную сумму, вдвойнѣ превышающую стоимость ея приданого. 1566 года, февраля 12.

Лет Божого нароженя 1567, месеца июня 5 дня.

Писала и присылала до мене, Якима Василевича, на тот час будущого на местцу пана Михайла Павловича, подстаростего Володимерского, ее милость кнегини Миколаева Я Збаражская, старостина Я Кремянецкая, кнегини Анѣна Деспотовна, вриадника князя его милости малжонка своего Бужковскаго Богуша Заеца Луковскаго, именем его милости малжонка своего оповедаючи, ижъ дей пан Василей Петрович Загоровский, дворенинъ его королевское млти, на рокох прошлых о Трех Крулех ниякие поневолие учиненые записы от малжонки своее а дочки его милости князя, малжонка кнегини ее милости, папелн моее, кнежны Марины, с которою дей не маючи, ведлуг приказаня Божого и присеги своее, добраго у малжонстве светомъ мешканя, одержавши, у книги кгородские и земьские записати мелъ, менуючи, якобы ему всю майност свою, имена материстые и вено свое, которое у дом его унесла, ему записати и его тым даровати мела; а князь дей его милост, пан мой, мает

моц на одно имене, в листе пана Василя Загоровского записномъ, на то его милости князю пану моему даном, описаную: одно имене зо всехъ именей его з доживотемъ на себе вынемши, держати, што дей ширей на том листе описано ест; и як тот лист записный пана Василя Загоровского, так теж и другой лист егож милости веновный, который дей пан Василей Загоровский малжонце своей кнежне Марине дал, Богушь Заец передо мною на вrade показывал, которые ж листы были читаны достаточне, почавши с початку аж до конца, и так ся в себе мает: „Я Василей Петрович Загоровский визнаваю сам на себе тым моим листом всим посполите и кому будет потреба того ведати, ижем змовил за себе в малженство светое з дому зацного дочку в его милости князя Миколая Андреевича Збаражского, старосты Кремянецкого, кнежлу Марину, которому веселю и доконаню скутечного малженства рачил ми его милост зложити рок певный, то ест ден свята римского светого Михаила, которое мает быт в року тисеча петсот шестдесят пятмъ, на который рок маю я и буду повиненъ приехати до его милости до именя его милости Збаража и там на тот же рок и ден с тою дочкою его милости кнежною Мариною малженство светое, ведле закону хрестиянского, приняти; а его милост на тот же рок мает и будет повинен поступити мнѣ и той дочди его милости част именей ее материстых, на нее приходячих, однож с тях всехъ именей ее материстых и части на нее приходячое маст его милост княз Миколай и будет волен на себе одно имене з доживотем своим взяти, а я его милости сам и так тая дочка его милости того боронити не маем и не будем мочи, а по животе его милости тогда и тое имене в ровный делъ на сына его милости князя Януша, так и на тую дочку его милости прийти мает. Што ся дотычет посагу по той дочке его милости кнежне Марине, тогда што колвекъ его милост на оный рокъ мнѣ по ней з ласки своее, яко в пенезех готовых, в золоте, в серебре робленом и неробленом, так теж в перлах, клейнотах, в ношениях и во вшеляких инших рухомых речахъ дати рачит, за то за все на тот же рок выше мененый маю я и буду

повиненъ, по той дочде его милости кнежне Марине то к рукам своимъ вземши, первой нижли ее в skutечное малженство до себе озму, вѣно с привинкомъ ее милости на именах моихъ отчизныхъ и ведле права великого князства Литовского описати. Ведже перед тымъ рокомъ, обачивши часъ слушный и доспешный, маю я приехати в дом его милости, на Волин, и там с позволенемъ его милости с тою дочкою его милости кнежною Мариною ведле обычая хрестиянского шлюбъ припяти. А где быхъ я на тотъ рокъ и деньъ вышей описаный там до того имени его милости Збаража не приѣхалъ, або пак, и приѣхавши, тое дочки его милости кнежны Марины в малженство светое за себе не взял и чимъ колвекъ тотъ запис мой нарушилъ, теды маю я и буду повиненъ заплатити заруки его милости князю Миколаю Збаражскому тисечу коп грошей на личбу литовскую, а заплативши тую заруку, предся тое теперешнее застановене и умова, ведле того листу нашего, при моцы захована и держана быти мает. А где бы в томъ часу и к тому року служба господарская и земская военная зашла, тогда мы маемъ и будемъ повинни оденъ другого о таковои недоспешности перед тымъ рокомъ за чотыри недѣли ведомо вчинити и другой рокъ слушный, певный а неодолючный ку сконченю того малженства, под таковою ж моцою и обовязкомъ, яко и тотъ теперешный рокъ от насъ принятый и зложоный ест, приняти маемъ, и, чого Боже уховай, на его милость князя Миколая в томъ року смерти, тогда я предся з сыномъ его милости княземъ Янушемъ маю и буду повиненъ тое умове и застановеню нашому досыт вчинити, справуючися во всемъ ведле того застановеня и обовязку моего, ни в чомъ того листу нашего не одступуючи а ни нарушиваючи. И на то есми его милости князю Миколаю Андреевичу Збаражскому, старосте Кремянецкому, далъ тотъ мой листъ з моею печатю и с подписомъ власное руки моее. А при той умове и застановеню нашомъ были и того добре сведоми ихъ милости велможные панове: князь Степанъ Андреевичъ Збаражский, воевода Витебский, князь Романъ Федоровичъ Санкгушковичъ, староста Житомирский, а отецъ мой панъ Петръ Богдановичъ Загоровский, маршалокъ госпо-

дарский, а пан Михайло Тихнович Козинский, маршалок господарский, городничий Володимерский; якож и их милости, за прозбою моею, и печати свои приложити рачили до сего моего листу. Писан у Межиречу, лета Божего нароженя тисеча пятсот шестдесят четвертого, месеца июля десятого дня. Василей Петрович Загоровский влостною рукою".—„Я Василей Петрович Загоровский визнаваю сим моим листом, иж з воли Божое и з дару Духа светого понял есми за себе в малженство дочку его милости князя Миколая Андреевича Збаражского, старосты Кремянецкого, кнежну Марипу, и взял есми у его милости по неи посагу чотыриста коп грошей личбы литовское, а в золоте, в серебре, в перлах, клейнотах триста и сем копъ грошей литовских. А так я, дознавши по малжонце своее почтливое выховане и милост малжонскую ку себе захованую, и хотечи еще вперед ее ку себе в милости малженское прихилити и способити, наппротивко того внесеня вена ее вдом мой записую малжонце мой обичаем веновным, то ест вена с привешком, на третее части всех именей моих отчизных и материстых, дедичных и заставных, рухомых и нерухомых, которые на тот час маю: на Суходолех, на Дегтеве, на Перевалех и на Таврове и на тых, которые еще прикупити, выслужити, або яким колвек обичаем набыти могу, чотырпадцат сот коп и чотырнадцат коп грошей личбы литовское. Мае она, малжонка моя, тую третюю част всех именей моих вышей помепеных в той суме пенезей, от мене записаной, в чотырнадцат сот копах и в чотырнадцати копах грошей личбы литовское держати и вживати обичаем веновным, яко се то в светом малжонстве заховывает. И на то ей, паней малжонце моее, вкнежне Марипе Збаражского, дал есми сесь мой лист з моею печатю и с подписом властное руки моее. А при том были и того добре сведоми, а за прозбою моею и печати свои приложити рачили их милости: пан Миколай Лысаковский, кашталян Любачовский, князь Януш Четвертенский, пан Лагодовский а пан Антон Гнивопсвич Еловицкий.—Писан в Кремянцу, лета Божего нароженя тисеча пятсот шестдесят шостого, месеца февраля второгонадцат дня. Василей

Петрович Загоровский властною рукою".—И просил мене Богущ Заец, абы як тое оповедане его, так теж и тые листы пана Василя его милости Загоровского в книги замковые записаны были. Я тое оповедане его и листы записные пана Василя Загоровского перво помененные слово от слова в книги замковые записать казаль.

Книга замковая Владимірская 1567 г. № 934, актъ 120, л. 91.

XXVII.

Заявленіе вдовы князя Богуща Любецкаго Ганны Монтовтовны о томъ, что она по своей волѣ и желанію выходить замужъ за князя Василя Солтановича Сокольскаго. 1564 года, сентября 26.

Лѣта Божого нароженя 1564, месеца сентебра 26 дня.

Пришодчи и постановившиися очевисто в замку господарском Луцкомъ, передо мною Андреем Ивановичомъ Русинемъ, подстаростим Луцким, пан Ян Якубович Монтовтъ восполокъ з дочкою своею панею Ганною Богущевою Дмитровича Любецкою, оповедаючи тым обычаемъ: ижъ дей з ласки а презрєня Бозского змовил есми дочку мою в малжонство за князя Василя Солтановича Соколского дати; а так опытывал ее передо мною врядом, естли же бы она з пановы а порады чиєи, або з милости своеє за кого в малжонство пойти не пришлобовала, або вже за кого ся не отдала? И кнегиня Ганна, дочка пана Яна Монтовтова, тут же стоячи передо мною на вряде, тыми словы сознала: ижъ дей „я никгда ни за кого в малжонство пойти не пошлобовала, ани-м ся ни за кого сама не отдавала, едножъ тепер то себе вмыслила и позволяю зъ правого умыслу сердца моего мети себе за малжонцька его милост князя Василя Солтановича Соколского, с которым и живот мой хочу доковати; якожъ то есми и перед Паномъ Богомъ то его

милости пошлюбовала его за малжонка себе мети. И просили як пан Ян Монтолтъ, так тежъ и дочка его милости кнегиня Ганна, абы то было записано. А такъ я тое пана Яна Монтолтово оповедане и дочки его милости кнегини Ганны очевистое сознане до книг замковых записати казал.

Книга городск. Луцкая 1564 г. № 2038, л. 228, актъ 49.

XXVIII.

Дарственная запись землянки Олены Патрикѣевой-Курозвонской на третью часть родовыхъ ея имѣній, выданная ею мужу своему Ивану Патрикѣю Курозвонскому въ благодарность за любовь и попеченіе. 1564 года, ноября 10.

Лѣта Божого нароженя 1564, месяца ноября 22 дня.

Пришодчи и постановившия очевисто на вряде его королевское милости, передо мною Андреемъ Ивановичемъ Русином, подстаростимъ Луцким, ее милость пани Ивановая Василевича Патрикиевая Курозвонская пани Олена Романовна Цатенка оповедала и сознала тымъ обычаемъ: иж дей што которые имена мои отчизные Борцовка а Лавров и люди у Мытицах, которые имена мои на мене, водлугъ права прироженого, пришли по смерти небожчика отца и дяди моего, панов Цать, вечным вдѣлом от сестръ моих роженных и зятей моихъ, а так я, узнавши цнотливое а доброе заховане малжонка моего милого пана Ивана Василевича Патрикия ку себе, иж его милость мне, яко верную а правдивую малжонку свою, верне а правдиве милует и всякие добродейства и зычливыст по себе мне, малжонце своей, показует, так яко на его милост верного а правдивого пана малжонка прислухает, и вперед тежъ еще хотячи его милост мети такъ ласкавого, милого и зычливого

ку себе, по моеи доброй воли, не будучи никимъ намовена и добре ся на то розмысливши, даю, дарую и записую его милости малжонку моему милому пану Ивану Василевичу Патрикию третюю часть тых именей моих отчизных Борщовки, Лаврова и Мытищъ вечно, на веки, не порушно, его милости самому, его детемъ и напотомъ будучимъ счадькомъ, з дворы, с пашнями дворными, з людьми тяглыми, з слугами путными, с полми, с сеножатми и дубровами, з лесеы, з гаи, з деревомъ боргнымъ и зарослями и з всеми пожитками малыми и великими, яким колвекъ именованые и называемые, такъ и по тому, яко ся тые имена мои сами в себе, в пожитках, в границах и обыходах своих мают; што ширей а достаточней на листе моемъ записномъ есть описано. Якож и лист свой, на паркгамене писанный, с печатью своею властною и с печатми панов зацных завесистыми, на то от себе малжонку своему пану Ивану Василевичу Патрикию Курозвонскому данный, передо мною на вrade покладала, просячи, абы был вычитан и в книги замковые записанъ; который лист так ся в себе мает: „Я Олена Романовна Цатенка Ивановая Василевича Патрикиевая Курозвонского чиню явно и визнавам тым моимъ листомъ кождому, кому того потреба будет ведати, албо чтучи его слышати, нынешнимъ и напотомъ будучимъ, ижъ што которые имена мои отчизные Борщовка и Лавровъ и люди у Мытищахъ, которые имена мои на мене, водлугъ права прироженого, пришли по смерти небожчика отца и дяди моего, панов Цат, вечным делом от сестръ моих роженных и зятей моих, а так я, узнавши цютливое а доброе заховане малжонка моего милого пана Ивана Василевича Патрикия ку себе, ижъ его милость мне, яко веръную а правдивую малжонку свою, веръне а правдиве милуетъ и всякие добродейства и зычливост мне, малжонце своей, по себе показывает, так яко на его милост верного а правдивого пана малжонка прислушает, и вперед теж хотячи его милост мети так ласкавого и милого и зычливого ку себе, по моеи доброй воли, никим не намовена, даю и дарую и записую его милости малжонку моему милому пану Ивану Ва-

силевичу Патрикию третью част тых именей моих отчизных Борщовки и Лаврова и Мытищъ вечно и на веки непорушно, его милости самому, его милости дѣтемъ и напотом будучим счадом, з дворы, с пашнями дворными, з людьми тяглыми, з слугами пугными, с полми, сеножатми и дубровами, з лесеы, з гаи, з деревом бортьнымъ и з зарослями, зъ ставы и ставици, з млыны и млыницы и з их вымелками, з ловы звериными и пташими, и з бровыми гоны, зо всеми пожитки и пошлинами, зо всим по тому, яко ся тые именья мои сами в собе и в границах своих мают, што ку тои третее части прислухает. Маеет его милост малжоннок мой милый пан Иван Патрикий третью част тых именей моих вышшей писаных отчизных, водле того запису моего, держати и вживати, волень отдати, продати, заменити, прибавити и розширити, ку своему лепшому а вжиточнейшому обернути, яко сам его милост налепей розумеючи; а дѣти и сестры мои и ни хто з близких моих не мают никоторыми причинами в третью част тых именей моих вышей писаных вступати, ани под его милостю самым и под потомками его того поискивати, ани которое в том его милости переказы чинити, одно его милость самъ и потомки его милости мают тую третью часть именей моих, ведле дару и запису моего, вечно держати и вживати, яко властью своею. И на то-мъ его милости малжонку моему милому дала сесь мой лист под мою печатью. А при томъ были и того добре сведоми их милост панове: панъ Петръ Кирдей Мылский, маршалокъ господарьский, а панъ Михайло Еловичъ Малиньский, а пан Ярошей Василевич Гостский, а пан Иван Ивановичъ Городищенский, а пан Левъ Вилгорский. И просиламъ их милости о приложене печатей; их милости на мою прозбу то вчинили и печати свои приложили к сему моему листу. Писан в Новоселках, лет Божого нароженя тисеча пят сот шестдесят четвертого, месеца ноября десятого дня.—А так я тое очевистое оповедане, добровольное сознане и лист панев Олены Романовны Цатенки, слово от слова, с початку аж до конца в книги вамговыве записати

казал, и выпис с книгъ под печатю моею малжонку ея милости, его милости пану Ивану Василевичу Патрикию Курозвонскому на то даль.

Книга земск. Луцкая 1564 г. № 2038, л. 273.

XXIX.

Дарственная (вмѣсто вѣнковой) запись землянина Ивана Патрикия-Курозвонскаго женѣ своей Оленѣ Цатиной на денежную сумму съ обезпеченіемъ послѣдней на третей части имѣнія дарителя. 1564 года, ноября 20.

Лѣта Божого нароженя 1564, месеца ноября 22 дня.

Пришодчи и постановившиися очевисто на вряде его королевское милости, передо мною Андреемъ Ивановичомъ Русиномъ, подстаростимъ Луцким, пан Иванъ Василевичъ Патрикий Курозвонский оповедал и созналъ тымъ обычаемъ: иж дей я, з воли Божое и з ласки его светое милости, понял за себе в малжонство малжонку мою милую Олену, дочку его милости пана Романа Цаты, и ач не взял был есми по ней посагу готовыми пенезми ничего, одно именье лежачое, и на то есми немало наложилъ, платечи вѣно яко першой жонѣ тестя моего, так тежъ и другои жонѣ пана Семена Цаты, дядиной жоны моее, против которому имению оправы есми ей былъ не вчинилъ; нижли вже я, мешкаючи з нею час немалый, дозналъ есми по ней, малжонце моеи милои, паней Олене Цатенце, милое а цнотливое, верное и поволное заховане, которос она противко мене, малжонкови своему, уставичне показует,—за такие поволности ея дарую и записую ей, малжонце моеи милои, паней Олене Цатенце, водле обычаю права посполитого, по животе моемъ пят сот копъ грошей личбы литовское на третей части

отчизны моее Курозвонехъ. Маеа она тую третюю част имени моего Курозвонского в той суме пенезей держати и вживати аж до живота своего, а по животе ее маеа ся тое остати детемъ нашимъ; што ширей а достаточней на листе моемъ записномъ есть описано. Якож и лист свой записный, под печатю и подписю властное руки своее и теж под печатми людей зацных, на то от себе малжонцы своеи паней Олене Цатенце даный, передо мною на вrade покладалъ, просячи, абы былъ вычитанъ и в книги замковые записан; который лист так ся в себе маеа: „Я Иван Василевич Патрикий Курозвонский чиню явно и сознаваю тымъ моим листомъ кождому, кому того будетъ потребъ ведати, або чтути его сълышати, нинешъним и напотом будучимъ, штож я понялъ за себе в малжонство малжонку мою милую Олену, дочку его милости пана Романа Цаты, и ач не взял есми былъ по неи посагу готовизны ничого, одно имене лежачое, и на тое есми не мало наложил, платечи вѣно яко першой жонѣ тестя моего, так теж и другой жоне пана Семена Цаты, дядиной жоны моее, против которому имену оправы есми ей былъ не вчинилъ. Нижли я, мешкаючи вжо, з ласки милого Бога, час немалый з малжонкою моею милою, панею Оленою Цатенкою, дозналъ есми по неи, малжонце моеи милои, милое а цнотливое, вѣрное и поволное заховане, которое она против мене, малжонкови своему, уставичне показует; за такие поволности ее дарую и записую ей, малжонце моеи милои, паней Олене Цатенце, водле обычаю права посполитого, по животе моемъ пят сот копъ грошей личбы литовское на третей части отчизны моее Курозвонехъ. Маеа она третюю часть того имени моего Курозвонского в той суме пенезей держати и вживати, ажъ до живота своего, а по животе своемъ тое суме пенезей никому отписовати не маеа, одно ся то маеа дѣтемъ нашимъ остати. И на то есми ей, малжонце моеи милои, дал сесь мой лист, под мою печатю и с подписомъ власное руки моее. А при томъ были и того добре сведоми их милости панове: пан Петро Кирдей-Мылский, маршалокъ господарьский, а пан Михайло Елович Малин-

ский, а пан Андрей Семеновичь Бабинский, а пан Яроей Василевич Гостцкій, а панъ. Иван Иванович Городицский, а пан Лев Вилгорский. И просиль есми их милости о приложене печатей; их милости на мою прозбу то вчинили и печати свои приложили к сему моему листу. Писан у Хмелеве, року Божого нароженя тысяча пят сот шестдесят четвертого, мѣсяца ноябра двадцатого дня".—А так я тое очевистое оповедане, доброволное сознание пана Ивана Василевича Патрикья Курозвонского, и лист его милости записный, слово от слова, с початку аж до конца в книги замковые записати казал и выпис с книг под печатю моею малжонце его милости паней Олене Романовне Цатенце на то даль.

Книга земск. Луцкая 1564 г. № 2038, л. 272 об.

XXX.

Дарственная запись княгини Ганны Масальской на свои родовыя имѣнія, выданная мужу ея князю Андрею Петровичу Масальскому въ благодарность за супружескую любовь и попеченія. 1564 г., декабря 1.

Лѣта Божого нароженъя 1565, месяца февраля осмогонадцат дня.

В небытности пана Андрея Ивановича Русина, подстаростего Луцкого, в Луцку, в тот часъ будучи на мѣстьцы его Федоръ Русинъ, писарь замку Луцкого, приходчи и постановившиися очевисто въ замку Луцкомъ ее милость кнегини Андреевая Петровича Масалская кнегини Ганна Богдановна Путятична оповедала мне и признала тым обычаем: ижъ дей што которые именья водлугъ права прироженого на мене по паней Ивановои, подскарбинои дворной, паней Богдане Федоровне кнежле Четвертенской, тетце моее, отчизные и часть именей Хрыбтовских, то есть у Четвертни на третьей части, к тому двор и имепе Вышкovo, Славожичи, Суско,

Копыль, Навозь, Носачевичи, Годомичи, Руды, Петрашевичи, Олишковичи, Гирсоновичи, Корсынъ, Подлеса, Бреховъ, Литогощъ и часть Уголницы спадкомъ пришли и спали, чогомъ я сама не могучи такъ барзо до тыхъ именей по смерти матки моее панее Ивановое подскарбиное прийти, влила есми тое все право свое малжонку моему милому князю Андрею Петровичу Масалскому, даючи ему моцъ и порученъе тыхъ именей вышей менованыхъ, на мене близкостю а правомъ прирожоннымъ спалыхъ, выискovati, держати и вживати и тымъ яко власностю своею шафовати; гдежъ вже его милость малжонокъ мой князь Андрей Масалский за тымъ правомъ моимъ, ему от мене дарованымъ, некоторые имена, то есть село Суеско з людми, Руду, Носачевичи з людми, Петрашевичи, Олешковичи з людми и часть Вголницы, працою, коштомъ и накладомъ а властивыми пенезми своими окупаючи, выискалъ и в держаню своимъ маеть и того посполъ во мною, малжонкою своею, вживаеть. А такъ я, дознавши ку себе ласку, милость и доброе в малженстве заховане малжонка моего князя Андрея Масалского, ижъ его милость мене, малжонку свою, милуючи, в кождыхъ пригодахъ и форабахъ моихъ никгда не опускалъ, одно во всемъ ласкаве и доброти, яко на верного и почтывого малжонка належитъ, завже показовалъ; и хотячи тежъ я за добродейство его милости зычливость, склонность и знакъ поволности моее противко его милости малжонка моего показати, а такую ласку и доброе заховане его ку мене в малжонстве ему нагородити, безъ жадного примушеня, ани людского намовенъя, одно сама по доброе воли своее, заховываючися в томъ водле обычаю права посполитого и статуту земского, дала, даровала и записала есми его милости князю Андрею Масалскому, малжонку своему, тые села, которые онъ працою и накладомъ своимъ выискалъ и вже в держаню своимъ маеть, на веки вечно и нецорупно, выймуючи то за третюю часть тыхъ именей моихъ, спадкомъ на мене припалыхъ, што ширей а достаточней на листе моемъ записномъ естъ описано. Якожь и листъ свой записный под печатью своею и под печатми людей задныхъ, на то от себе мал-

жонку своему князю Андрею его милости Петровичу Масалскому данный, передо мною на вярде покладала, просячи, абы былъ вычитанъ и в книги замковые записан, который листъ такъ ся в себе маеть: „Я Андреевая Петровича Масалская княгини Ганна Богдановна Путятична чиню явно и визнаваю симъ моим листомъ кождому доброму, кому одно того будетъ потреба вѣдати, або чтучи его слышати, нинешнего часу и напотомъ завжды, ижь што которые имена водлугъ права прирожоного на мене по паней Ивановой, подскарбиное дворное, панее Богдане Федоровне княжне Четвертенской, тетце моее, отчизные, часть именей Хрыбтовскихъ, то есть у Четвертни на третей части, к тому дворъ и имене Вышково, Славожычи, Суско, Копыль, Навозъ, Носачевичы, Годомичи, Руды, Петрашевичы, Олишковичы, Орсоновичи, Корсын, Подлеса, Бреховъ, Литогощъ и часть Уголницы спадкомъ пришли и спали, о што-мъ я сама не могучи такъ борзо до тых именей по смерти тетки моеи панее Ивановое, подскарбиное, прийти, влила есми тое все право свое малжонку моему милому князю Андрею Петровичу Масалскому, даючи ему моць и порученъе тых именей вышей помененых, на мене близкостю и правомъ прирожонымъ спалых, выискovati, держати и вживати и тымъ, яко власностю своею, шафovati; гдежъ вже его милость малжонокъ мой князь Андрей Масалский, за тымъ правомъ моимъ, ему от мене дарованымъ, нѣкоторые имена, то есть село Суско з людми, Руду, Петрашевичи з людми, Олишковичи з людми, Носачевичи з людми и часть Вголницы, працю, коштомъ, накладомъ и властивыми пенезми своими окупаючи, выискалъ и в держанью своемъ мает и того поспол зо мною, малжонкою своею, вживаетъ. А такъ я, дознавши ку себе ласку, милость и доброе в малжонстве заховане малжонка моего милого князя Андрея Масалского, иж его милость мене, малжонку свою, милуючи, в кождыхъ пригодах и форабах моихъ никгда не опускалъ, едно во всемъ ласкаве а добротливе, яко на верного а почтивога малжонка належитъ, завше показовалъ, и хотечи тежъ я за добродейства его милости зычли-

вость, склонност и знак поволности моее противко его милости малжонка моего показат а такуюю ласку и доброе заховане его ку мене в малжонстве ему нагородити, не з жадного примушенъя, ани людского намовеня, одно сама по доброй воли моее, заховываючися в томъ водле обычаю права посполитого и статуту земского, записала еси его милости малжонку моему князю Андрею Масалскому по животе моемъ чотыри тысечи коп грошей на двох частех тых именей, на мене спадкомъ припалых, на штомъ ему особливый листъ свой под печатю своею и подъ печатми людей зацныхъ на тую суму дала; а што ся дотычет тых именей вышей менованыхъ, села Суска, Петрашевичи, Олишковичи, Носачевичи, к тому части Уголницы, которые малжонок мой его милост князь Андрей Петрович Масалский прадою, коштомъ и властивымъ накладомъ своимъ выискалъ и въ моцы своей держитъ, а вси тые села помененые з людми и ихъ роботами, съ платы, з доходы, с полми, з сеножатми, з лесы, з боры, з дубровами, проробками старыми и новыми, з ставы, з млыны, зъ их вымелками, з ставищами, з млынищами, з ловы звериными и пташими и зо всякими пожитки малыми и великими, которыми колвекъ имены именованы албо названы быти могутъ, яко ся тые именья здавна сами в себе, в границах, в обыходехъ и въ пожиткахъ своихъ мають, выймуючи за третюю часть всихъ тых именей спадковых вышей менованых, его милости малжонку моему милому князю Андрею Масалскому з милости моее малжонское даю, дарую и симъ моимъ листомъ на вечные часы записую, отдаляючи то сама от себе, от детей своихъ, от всихъ близких и кровных моих. Воленъ его милость малжонокъ мой князь Андрей Масалский тые имѣня, ему отъ мене на вечност дарованые и симъ моимъ листом записаные, держати и вживати, отдад, дароват, продать, заменить, кому хочечи отказать, ку своему лепшому а пожиточному оборочат и тым водлуг налешное воли а мысли своее, яко власностю своею, шафовать, а сын мой Александро Богданович Семашко, ани дочки мои и ниhto з близкихъ и кровных моихъ до того жадного вступу ани которое не-

реказы в томъ малжонку моему, ани потомкомъ его, чинити не мають; одно его милость малжонок мой с потомками своими мает то вечными часы спокойне держати и вживати. И на то есми его милости малжонку моему милому князю Анъдрею Петровичу Масалскому дала сесть мой листъ под моею печатю, а для лепшого сведомъя и твердости просила есми велемого княжати его милости князя Алексея Федоровича на Чарторыску, его милости отца Ионы архимандрита Жидичинского, а их милости пана Олизара Кирдеевича Мылского и пана Ивана Петровича Чапльча Шпановского о приложене печатей; их милость на мою прозьбу то вчинити, печати свои в сему моему листу приложити рачили. Писан въ Тучинѣ, лет Божого нароженя тисеча пят сот шестдесят четвертого, месяца декабра первого дня".—А так я тое очевидное оповедане, добровольное сознане кнегини Андрѣвое Петровича Масалского кнегини Ганны Богдановны Путятинны и лист ее милости записный слово от слова, съ початку аж до конца в книги замковые записати казалъ, с которых и выпишь под печатю моею его милост князь Андрей Петровичъ Масалский себе на то взять.

Книга замк. Луцк. 1565 г. № 2039, л. 35.

XXXI.

Жалоба воротнаго замка Луцкаго Войтеха Красовскаго отъ имени родственницы своей Ганны Яцковны о томъ, что мужъ ея, землянинъ Федоръ Хомякъ-Смордовскій удалилъ ее, беременную, изъ своего дома, забравъ ея приданое. Донесеніе вознаго, что урядникъ п. Хомяка, по его приказу, не пустилъ Ганны въ домъ ея мужа, именуя ее не женою, а кухаркою своего пана. 1564 года, декабря 12.

Лѣта Божого нароженя 1564, месеца декабря 12 дня.

Пришедши перед мене Андрея Ивановича Русина, подстаростего Луцкаго, служебник его милости князя старосты Луцкаго, пана моего, пан Войтехъ Красовскій, воротный замку Луцкаго, жалуючи и оповедаючи от приятелки своее пани Ганны Яцковны Федоровое Хомяковое, братанни жоны своее, на малжонка ея пана Федора Маскевича Хомяка Смордовскаго тым обычаемъ: штожъ дей он з реженя Божого, Духа Светого и своее любви взял ея в малжонство з дому его и по ней посагу в грошох готовых, в золоте, в серебре, в шатах и в иных рухомах речах тридцат копъ грошей взял, напротивку которому унесеню ея даровал и записал еи вено с привенкомъ на третей части имени своего отчизнаго Смордовскаго, на части своей, которая отъ небожчика брата его роженого от пана Гурина Маскевича Хомяка Смордовскаго мела ся ему у делу зостати. То пак онъ тых часов, пропомневши боязни Бозкое и присяги своее, на шлюбѣ приреченое, тую жону свою а приятелку жоны моее з дому своего бременную, ув одной сукни а в кошули, до мене, до Луцка, тут в домъ мой прислал, обещаючи и самъ к ней приехати у сесь четвергъ прошлый, месеца декабря шестого дня, имене свое и маетност свою всю добре расправити и росписати, едучи на службу господарьскую жолнирскую до Киева. А такъ дей тот рокъ вже минулъ, на который мел быти до нее, а тую дей маетность ея всю вышей описаную, што колвек у мене по ней взял, от нее отобрал и до нее ехат не хочеть,

што дей розумею по немъ, ижъ ее покинулъ. И хотечи ся на нем достаточней доведати того, взявши у мене з уряду замку господарьского Луцкого вижомъ служебъника моего Матѣя Ширея, с тою приятелкою жоны своее Ганвою Федоровою Хомяковою ездили, который вижъ тамъ бывши и оттоля приехал, ставши передо мною до книг замковых, тыми словы сознал: иж кгда есмо до двора пана Федора Маскевича Хомяка, Посягвы, взявши з собою сторону людей добрых, приехали, ино тамъ в том дворе самого пана Федора Хомяка, а ни врядника его не застали,—вже был выехал на службу господарьскую военную; и мало погодивши, врядник его Грин Зарубейко до двора прийшол; в тот час его пан Войтех Красовский пытал: „для чого дей пан твой жону свою а приятельку жоны моее з дому своего выслал и до мене, до Луцка, до дому моего прислал?“ Врядник на то поведил: иж дей „пан мой не мае в себе жоны, одно дей у себе кухарку поведил, и там ее отослал, где был взял; а ты дей, пане Красовский, с тою приятелкою малжонки свое а кухаркою пана моего з двора паньского з учтивостю по доброй воли ед проч, а не хочеш ли по доброй воли ехати, тогды з непочтивостю з двора поедешъ и кий на себе понесешъ, бо мам на то розказане пана своего“. И того ж часу подданые пана его Посяговецкие почали ся збирати з рогатинами, с кийми и з иншими бронями их, хотячи легкость пану Красовскому и приятелцы жоны его выредити. И поведил тот урядник, иж дей „пан мой розказалъ вас, пане Красовский, з двора кийми выбити, а той кухарце своей панъ в дому своемъ мешкат не дозволил, и не толко хлеба ести, але воды пити не казал дат“. Панъ Красовский то все мною вижемъ и тыми людъми сторонними осветчивши и опеведил, и з двора поехали проч. И хотечи пан Красовский о всем том с паном Хомякомъ мовити, просил, абы то было записано. А так я тую жалобу, опеведане его и вижово очевистое сознане в книги замковые записати казалъ.

Книга замк. Луцкая 1564 г., № 2038, л. 289 об.

XXXII.

Предбрачное условіе, заключенное п. Іосифомъ Немиричемъ съ нареченнымъ и обрученнымъ зятемъ своимъ, земляниномъ Лазаремъ Иваницкимъ относительно выдачи за него въ замужество своей дочери, срока вѣнчанья и свадьбы и приданого. 1565 г., марта 21.— Жалоба со стороны жениха о неисполненіи п. Немиричемъ означеннаго условія. 1566 г., іюля 11.

Лѣта Божого нароженя тисеча пять сотъ шестдесят шостого, месеца іюля одинадцетого дня.

Прислал на врьд замку господарского Володимерского, до мене Якима Василевича, на тот час будущого на местцу его милости пана Василя Гулевича, войского и подстаростего Володимерского, земенин господарский пан Лазор Лаврѣнович Иваницкий боярина отпа своего з Иванич Прокопа Даниловича, оповедаючи, иж што дей пан Есифъ Немирич, намовившися з жоною своею и приятelmi своими, змовил и обручил, водле закону нашого христианского, у светое малженство дочку свою панну Настасю за мене дати, и рок веселю, намовившися есмо сполне, зложили были в шести неделях по Великодню в року теперешнемъ шестдесят шостомъ, гдежъ в том и листы ся есмо своими промежку себе описали под зарукою господарскою тисеча копъ грошей, а другую тисеча копъ грошей сторона стороне. Гдеж я, ку тому року способившися, зъ их милостю приятели своими до пана Есифа Немирича, до имени его Олевского, до Городка ехалъ, и будучи в дорозе, послал есми приятеля своего пана Матыса Бережецкого до пана Немирича, даючи ведат, штож я на тое веселье бу тому року описаному с приятелы своими до него еду. Гдеж пан Матыс Бережецкий, бывши у пана Немирича, поведил мне, иж ся з ним поткаль под селомъ Гольшынами и мовил ему от мене тые слова, иж я, будучи готовъ ку тому веселю, яко на рок зложоный а припалый, с приятelmi своими еду. Он тыми словы через тогож

приятеля моего пана Бережецького до мене отказал: „хотя и есть пан Иваницький ку тому веселю и року готовъ, але я не готов с тых причинъ, иж мя пасынокъ мой позвалъ; и хотяж бых тежъ и на мѣстцу был, тогда бы ся тое веселѣе на сесъ час не сто- чило, бо ест дочька моя а жона его обручоная фора, которую дей я форобу дочки моее на замку Мозырском отповедалъ и записати казалъ; а ведъже оставил есми жону свою и дочку вы ймену своем у Городку, а не вѣрит ли пан Иваницький, нехай поехавши самъ ис приятели своими огледаеть, ижъ есть дочка моя а жона его обручоная фора“. А так, кгдаж дей я на тотъ рокъ и ден назначоный, в неделю, мая двадцат шостого дня, с приятели своими до имени пана Немирѣчова, до Городка приѣхаль, самого пана Немирича и жоны его и дочки их, а обручоное жоны своее, не застал, и пытал дей есми у во врядника Олевского: где бы был пан его и пани и девка их панна Настася? Врядникъ мнѣ отказал, ижъ дей „пан мой поехалъ до Берестѣя: позвалъ его пасынокъ, а пани дей и дочка их милости весполек с паном по- ехали на Волин“. И за тым дей мене на тот рокъ описаный тое оженене мое не дошло, за которымъ дей недоитьемъ мнѣ того оженена моего на рок описаный я, над запис пана Немиричовъ, не мало собѣ шкодую и тых всихъ шкодъ своих реестръ меновите писаный в себе дей маю'и часу потреби на праве его положу. Якъже и оный запис пана Есифа Немѣрича пан Лазор Иваницький до мене присылалъ и просил через того посланца своего Прокопа, абы тое оповедане его и тот лист записный пана Немиричовъ в кѣнги замковые записано. Я того листу записного пана Немирича огледивши и достаточне вычитавши, як тое оповедане пана Лазора Иваницького, через посланца его Прокопа передо мною на вряде вчиненое, так и лист записный пана Немиричовъ слово от слова в кнѣги замковые вписати казал, который так ся в собѣ мает: „Я Есифъ Иванович Немѣрич визнаваю и явно чиню тымъ моимъ листомъ, хто его ку ведомости своее мети въсхочет, або чтучи его слышати, штожъ з воли Божее а з раженя его насвятшое

милости, и теж намовившися я з жоною моею и с приятелы своими, узнавши ку собѣ добродейство, схилную и зычливую милость, змовил есми за пана Лазора Лаврѣновича Иваницкого дочьку мою Настасю у малженство светое дати, ничимъ не отменне, с которою дочкою моею вже водле закону нашого хрестиянского и обручене его милость принял, и ку скутечному доконченъю оное змовы наше, намовившися с паномъ Лазоремъ Иваницкимъ, сполне зложили есмо рок венчанъю и веселю в року шестдесят шостомъ по Великодни у шести неделях, на который рок и ден, в сем листе моемъ назначоный, маю и повинен буду ув пймену своемъ Олевскомъ у Городку за его милость дочку свою Настасю у малженство дат. А што ся дотычет посагу, то его милости на тот же рокъ вышей помененый, при шьлюбе, якъ буде з дочкою моею брати, маю дати то есть: пят сот коп грошей личбы литовское, по десети пенезей белых личачи у грошь, а другую пят сот коп грошей у выправе: в перлах, в золоте, серебре, шатах и в ыньших рухомых речах, а его милость также дочце моеи в тот же час оправу веновную, водле обычаю права, маеть и повиненъ будет записати. А еслибых нѣяко чимъ колвекъ того року пребачил и на тот рок помененый, чим колвекъ его отступивши, дочки своее за его милость дати не хотѣль, найдуючи на то причины, всякими имены помененые, тогда винен буду господару королю его милости вины заплатити тысячу копъ грошей литовскихъ, а пану Лазору Иваницкому другую тысячу коп грошей литовское ж личбы, а надто вси шкоды и наклады, штобы на тое веселе наложити мел, то все заплатити буду повиненъ без жадное присяги, одно на речене слова его милости, а поплативши, предся при тоен же умове моее перъвше мамъ дочку свою Настасю за его милость у малженство дати, кроме толко одну тую причину собѣ в том обовязку моемъ волную zostавую: естлибы о томъ року положеномъ веселю послуга господарская военная земьская, або, з допущенья Божого, хороба зашла, тогда предся ж перед тымъ рокомъ мам в том его милости за шест недель через писане свое вѣдомость вчинити; а

скоро по службе господарской, або по хоробе, также у шести неделях, водле тое умовы и постановеня нашего теперешнего, дочку мою за его милость у малженство маю дати под тымъ же обовязком, на верху в семъ листе моемъ помененом, которого ничимъ иншимъ вменшати и прибавляти не могу и мочи не буду, едно во всемъ водле сего запису моего ку его милости заховатися маю и повинен буду. И на то есми пану Лазору Иваницкому на себе дал сесь мой листъ, з моею печатю и с подписантьемъ властное руки моее. А при томъ были и того добре сведомы ихъ милости: княз староста Черкаский и Каневский князь Михайло Александровичъ Вишневецкий, а пан Григорей Василевичъ Чапля, гдешъ ихъ милости, за прозбою моею, и печати свои до сего моего листу приложити рачили. Писан ув Овручомъ, под лет Божого нароженя тысяча пять сотъ шестьдесятъ пятого, месеца марта двадцать первого дня. Есифъ Немиричъ властна рука“.

Книга городская Владимирская 1566 г. № 923, л. 85.

XXXIII.

Дарственная запись п. Галены Крушовой на родовыя имѣнія, движимость и суммы денежныя, выданная ею мужу своему въ знакъ искренней любви къ нему и признательности за такую же любовь съ его стороны. 1565 года, мая 7.

Лѣта Божего нароженъя 1565, месеца мая десятого дня.

Пришедши и постановившиися очевисто на вряде его кролевское милости в замку Луцкомъ, передо мною Андреемъ Ивановичомъ Русиномъ, подстаростимъ Луцкимъ, землянка господарская пани Галена Станиславовна Залеского Францова Крушова опогедала и доброволне сознала тыми словы: иж з волею мило-

сердця Божого и презренемъ его святое милости, подле закону и звичаю хрестянского, за позволенемъ пана отца моего а с порадюю матки и всих приятелей моих, кровных, принявши я шлюбъ и skutечное малжонство з урожонимъ паномъ Фронцомъ Крушом, которого верне а правдиве умиловавши и знаючи его милость ку себе ласкавого и склонного на всемъ быти, и хотечи еще милость его малженскую наперед себе позыскати и то противко ему, малжонку своему, показати, што правдивои малжонцы належитъ, про-то я, не будучи ни кимъ намовена ани примушена, одно сама, по своей доброй воли, милуючи правдиве малжонка своего пана Фронца Круша, отдаляючи от панее матки своее, такъ теж отъ сестръ, от всих близкихъ, крeвных и повиноватыхъ моих, малжонкови моему пану Фронцови Крушови спадок есего имения моего, отчизны и материзны своее, всю част свою, которая на мене правомъ прирожонимъ по отцы моемъ, небожчику пану Станиславе Залескомъ. спала и пришла и прийти маеть, то есть на имению Ляшковскомъ и Лещатовскомъ в людех, въ дворех, в полях, в сеножатех, в ставех, во млынех, в гаех, в садах, в дубровах, в запустех, в кгрунтех и во всих пожиткох великих и малых не вечностю, але двое доживоте даю, дарую и тым моимъ листомъ ему записую под тою мирою, иж естлибых я сама, чого Боже вхогай, мешкаючи з нимъ в малженстве, з сего света, яко невеста хорая, без потомства зышла, тогда по моее смерти державе, владность, уживане и росказоване в тых обеих имениях вышей помененых в Ляшках и в Лещатове, во властной части моеи, ни паней матцы моее, ани сестрамъ моимъ тремъ: паней Зофьи Пивовой и панне Анне и панне Райне, ани которым близкимъ и кровнымъ моимъ, одно ему самому, малжонку моему пану Фронцу Крушови, двое доживоте, то есть до его живота самого и по его животе другое доживоте тому, кому ся ему, малжонкови моему милому, самому даровати, записати приподобает, даю, дарую, и и во всимъ тымъ, яко ся тая част моя тых именей вышей менованых в себе в границах, обыходех и в пожиткох своих маеть,

записую и то все в руки, в держане, владность, розказане и вживане его милости пану малжонку моему даю и пуцаю зо всіми пожитки и належностями; на што есми его милости и лист свой вызнанный, под печатю моею и под сведомостю и печатми задных панов, дала, в котором ширей и достаточней есть описано и доложено. Якожь и лист свой, на то от себе его милости пану малжонку своему Фронцу Крушови данный, передо мною на вряде покладала, просячи, абы был вычитан и в книги замковые записан; который лист так ся в себе маєт: „Я Галена Станиславовна Залеского Фронцова Крушова чиню явно и сознаваю симъ моимъ листомъ каждому вобец и кому бы одно того была потреба ведати, або чтучи его слышати, нынешнимъ и напотомъ завжды будучимъ, ижъ з воли и милосердья Божого и презрєня его святое милости, подле закону и звычайу светого закону хрестянского, за позволенемъ пана отца моего, а с порадою матки и всіх приятелей моих кровных, принявши я шлюбъ и скутечное малженство з урожонимъ паном Фрондомъ Крушемъ, которого верне а правдиве умиловавши, и знаючи его милость ку себе ласкавого и склонного на всемъ быти, и хотячи еще милость его малжонскую наперед себе позыскати и то противко ему, пану малжонку своему, показати, што правдивой малжонцы приналежит, протож я менованая Галена Станиславовна, не будучи никимъ намовена ани примушона, одно сама по своей доброй воли, милуючи правдиве малжонка своего пана Фронца Круша, отдаляючи от панее матки своее, так тежь от сестрь, от всіх близкихъ, крєвных и повиноватых моих, малжонкови моему милому пану Фронцу Крушови спадок всего имени моего, отчизны и материзны своее, всю часть свою, которая на мене правомъ прирожонимъ по отцы моемъ небожчику пану Станиславе Залескомъ спала, пришла и прийти маєть, то есть на имену Ляшковскомъ и Лещатовскомъ в людехъ, в дворех, в полях, в сеножатах, в ставех, в млынех, в гаех, в садох, въ дубровах, в запустех, в кгрунтех и во всіх пожиткох великих и малых, не в вечность, але двое доживоте даю, дарую и тым моимъ листомъ

ему записую под тою мѣрою, ижъ если быхъ я сама, чего Пане Боже вховай, мешкаючи з нимъ в малжонстве, з сего света, яко невеста фораая, без потомства зышла, тогда по моеи смерти держане, владност, уживане и росказане в тыхъ обеихъ именахъ вышей менованыхъ в Ляшкахъ и в Лещатове, го властнои части моеи, ни паней матцы моеи, ани сестрамъ моимъ тремъ: паней Зофѣи Пивовой, а панне Анне и панне Раине, ани которымъ близкимъ и кровнымъ моимъ, одно ему самому, малжонкови моему пану Фронцу Крушови, двое доживоте, то естъ до его живота самого и по его животе другое доживоте тому, кому ся ему, малжонкови моему милому, самому даровати и списати приподобаеть, даю, дарую и зо всимъ тымъ, яко ся тая часть моя тыхъ именей вышей менованыхъ в себе в границахъ, обыходехъ и в пожиткохъ своихъ мает, записую и то я все в руки, в держане, владност, росказане и вживане его милости пану малжонку моему даю и пускаю, зо всѣми пожитками и належностями, ижъ ниhto инший, толко онъ самъ до двойга доживота тыхъ частей моихъ в оныхъ именахъ вышей менованыхъ держати и вживати мает, без жадного нагабаня и переказы от сестръ и близкихъ кровныхъ и повиноватыхъ моихъ; одножъ по смерти малжонка моего пана Фронца Круша и засе по смерти того брата, або которого ближнего его, кому онъ по себе другое доживоте на тыхъ именахъ а части моеи, за симъ моимъ записомъ, пустить и запишетъ, тые обеде части мои в Ляшкахъ и в Лещатове, по томъ двойгу доживотю, даю, дарую и записую сестрамъ моимъ милымъ: паней Зофѣи Пивовой, а панне Анне и панне Раине, яко властнымъ отчичамъ того имения, на вечност, ижъ ниhto инший по томъ двоимъ доживоти, толко они сами и с потомствомъ своимъ до того прийти и, то до рукъ и владности своее вземши, того вечными часы держати и вживати мають. Ктому тежъ оправу мою три тысячи золотыхъ полскихъ, которую я от первшого мужа своего небожчика князя Матуша Александровича Порыцкого себе записую маю на третей части именей его милости отчизныхъ, которыи ему от брата его милости, князя Петра, князя Януша, князя

Михайла и князя Александра Порыцких ув отдѣли зостати мели, ему ж, малжонкови своему милому пану Фронцови Крушови, даю, дарую и симъ моимъ листомъ записую, якож и лист записный оной оправы моее вже есми ему до рукъ его дала и то во владность его ему пустила. А особливе тымъ же моимъ листомъ даю, дарую и записую ему, малжонкови моему пану Фронцу Крушови, всю маетность свою и вси речи мои рухомые, то есть: золото, серебро, клейноты, перла, шаты, пенези готовые, цынъ, мѣдь, кони ездные, стадо, быдло и вси речи мои отъ велика и до мала, што бы одно колвекъ именовъ рухомыхъ речей названо або именовано быти могло. Притомъ тежъ, што есми была позычила некоторыхъ рухомыхъ речей своихъ до рукъ пана отца своего, в доброй памяти его и паней матки своее, на потребы сестры моее паней Зофьи Пивогое, якъ у малжонство пану Пивови была отдавана, которыхъ речей, на онъ часъ от мене побраныхъ, реестръ меновите написанный в себе маю, ведле которого реестру певный а менованный шацунокъ есть пятсотъ золотыхъ монеты личьбы польское, о чомъ вже и змѣнка перво сего перед его милостю паномъ Межирецькимъ была,—што все небожчикъ панъ отецъ мой мне самъ платити мелъ и обецалъ восполкъ с панею маткою моею,—ино я и тую суму пять сотъ золотыхъ полскихъ, отдаляючи то от панее матки своее, такъ тежъ отъ сестръ, близкихъ и кровныхъ своихъ, даю, дарую и симъ моимъ листомъ записую малжонкови моему милому пану Фронцови Крушови на вечное вживане. И волен будетъ пан Крушъ, малжонокъ мой милый, тымъ именовъ моимъ Ляшками и Лещетовомъ, зо всеми позитки приналежащими, до двойга животовъ, а трема тисечма золотыми полскими, оправою моею, которую я от князя Матуша Порыцького маю, и тежъ тую пять сотъ золотыхъ, што мне пан отецъ и матка моя платити за речи мои рухомые винъни зостали, и тыми всеми рухомыми речами моими и власностью моею, ему от мене записаною, такъ теперъ за живота моего, яко и по моемъ животе, онъ самъ владнути и тымъ воде воли и мысли своее, яко властью своею,

пафovati и то ку пожитку своему оборочати, держати и вживати вечно, отдати, даровати и кому хотячи записати, а я вже сама до того ничего мети, и вже через тое другимъ записомъ ани таста-менътомъ моим того двѣйга доживотъя и тых трех тисечей золотых полских, оправы моее, так теж всих рухомах речей, властное маестности моее, и тых пяти сотъ золотых вышей мепеных, хотя бых сама з сего свѣта, вховай Пане Боже, без потомства зышла, никому инчому записовати и отдавати не маю. И па то есми дала малжонку моему милому, пану Фронцу Крушови, сесь мой записный листъ под моею печатью. А при том были и того добре сведоми их милост заднии панове и добродей мои ласкавые: князь Остафей Василевич Соколский, князь Янушъ Матфѣевичъ Четвертенский, панъ Иванъ Петрович Чапличъ Шпановский, панъ Иван Кадияновичъ Чапличъ, панъ Василей Петровичъ Загоровский, панъ Михайло Игнатович Дчуса, а панъ Федоръ Солтанъ, дворенинъ господарьский. И просила-мъ их милости о приложене печатей; их милость на мою прозбу то вчинити и печати свои к сему моему записному листу приложити рачили. Писан ув Острозе, лет Божого нароженъя тисеча пят сотъ шестдесят пятого року, месяца мая семого дня".—А так я тое очевистое ее оповедане и добровольное сознане паней Галены Станиславовны Залского Фронцовое Крушовое и лист ее записный, слово от слова, с початку аж до конца в книги замковые записати казалъ и выписать с книги под печатью моею пану Фронцови Крушу на то далъ.

Книга замковая Луцк. 1565 г., № 2039, л. 93 об.

XXXIV.

Духовное завѣщаніе землянина Романа Гулевича, по которому онъ представляетъ женѣ своей право полного распоряженія его имѣніемъ Радошинымъ впредь до совершеннаго возраста ихъ сыновей, съ обязательствомъ изъ доходовъ означеннаго имѣнія собрать дочерямъ приданое. 1565 года, іюня 12.

Лѣта Божого нароженя 1565, месяца іюня двадцатого дня.

Прислалъ до мене Андрея Ивановича Русина, подстаростего Луцкого, земенин господарскій пан Романъ его милость Федоровичъ Гулевичъ служебника своего Стася, оповедаючи, иж з Божого допущеня есть хворымъ человекомъ, и хотячи в той хворобе своей тастаментъ справити, абы жона и дети его милости вѣдали, яко ся, оставши по животе его, справовати мают, и просиль о вижа, при которомъ бы водле доброе памяти и мысли своее тастаментъ справовати мѣлъ; ино я з уряду замку Луцкого посылалъ на то вижом служебника его милости пана моего, князя Богуша Федоровича Корецкого, старосты Луцкого, Бряславского и Вѣницкого, на ймя Павла Невишского, который виж там бывши, оттоля приехалъ и, ставши передо мною, до книгъ замковыхъ теми словы созналъ: ижъ пан Романъ Гулевичъ, будучи хворымъ, лежачи в дворе брата своего пана Григоревомъ, в Поддубцох, еще за доброе памяти и зуполного розуму своего, при зацныхъ людехъ и приятелехъ своихъ и при мне, вижу врядовомъ, справовалъ тастаментъ и тут его на врьдъ замковый для записованя до книгъ замковыхъ черезъ служебника своего прислалъ. Где, тутъ же стоячи при вижовомъ сознани, служебникъ пана Гулевичовъ Стась оный тастаментъ пана своего передо мною на врьде покладалъ, просячи, абы былъ вычитанъ и в книги замковыя записанъ; который тастаментъ такъ ся в себе маеть: „Во имя Божое станся. Я Романъ Федоровичъ Гулевичъ чиню и справую тотъ мой тастаментъ з доброю памятю а зъ целымъ розумомъ моимъ. Напервей, поручаю душу

мою Богу Вседержителю, а малжонку мою милую Полагю Матяшевну Суропятовну з детками моими злецаю в опеку и в оборону братии моее милои, пану Григорю и пану Василю Гулевичом, и прошу их милости, яко брати своее милое, ажебы их милости рачили малжонку и детки мои от кривдъ боронити. А што ся дотычет имени моего Радошина, стада, сброи, то жона моя Полагя ажъ до лѣтъ сынов моих держати маеть, а держачи тое имене мое, збирати посагъ дѣвкам моимъ, што я припуцаю до верное руки ее; што тое имене мое вчинит и з стада приплодок, то все оборочати на вѣно дѣвок наших, а чого бы имене и стадо не вынесло, тогда сыны повинни, лѣтъ доросши, додати, абы кождую дѣвку дошло сполна посагу по сту коп грошей. А ведже иж старшая дѣвочка Настася лѣтъ доростает, тоси на посагъ остаток тых пенезей, которые до Кгданска за попель принесены будут, нижли первей панъ Василей, братъ мой, мает тыми пенезми долги мои поплатити ведле записов моихъ; а того попелу послалъ есми до Кгданска двадцат и шест лаштов и двѣ бочки. А брата и близкие мои тое опеки под жоною моею поискват не мают, одно тому, што ся вышей поменило, з держаня имени моего Радошина и приплодку з стада вѣно дѣвкамъ нашимъ давати маеть. А з держаня того имени моего Радошина малжонка моя Полагя, коли дѣти лѣтъ доростуть, личбы чинити не будет повинна, бо ямъ еи то даль, яко влостност свою, до шафунку и вживаня ее потол, покул сынове мои лѣтъ доростуть. Што ся теж дотычет именей ее, малжонки моее Полагя, отчизных, то ест Грушовна а на Подоли Утески и другого приселка также на Подоли, которы она мне, малжонку своему, записала, якож был я за тые имена жоны моее отчизные нѣкоторую суму пенезей людемъ дал, выкупуючи, ведле близкости жоны своее, тми ее я имена вышей описаные жоны своее юй отдаю и от всих записов се вызволяю, и от сумы пенезей, которуюм за тые имена откладалъ, волную чиню и zostавую, и тот записъ мой, на которомъ есми ее малжонце своее Полагя вѣно отписал, при моды zostавую.

И на то есми еи, малжонце своее Полагн, дал сесь мой тастаментъ и з мою печатю. А при том были и того добре сведоми их милости панове а добродѣеве мои: его милость пан Ярофей Гостский, ротмистръ его королевское милости, а панъ Иванъ Чапличъ Шпановъский; и просил есми их милости о приложене печатей; их милост на мою прозбу то вчинили и печати свои к сему моему тастаменту приложити рачили. Писан у Поддубцох, лѣт Божого нароженя тысяча пят сот шестдесят пятого, месяца июня второгонадцат дня.—А так я тое вижово сознане и тастаментъ пана Романа Гулевичов, слово от слова, с початку аж до конца в книги замковые записати казалъ.

Книга замк. Луцкая 1565 г. № 2039, л. 161 об.

XXXV.

Вѣновная запись земянина Остафія Короваевича-Селецкаго, въ которой онъ, изъ особой любви къ женѣ, записываетъ ей вѣно (въ двойной суммѣ противъ приданого) на двухъ частяхъ всѣхъ имѣній, какія имѣть или впредь имѣть будетъ, а третью часть тѣхъ же имѣній, равно какъ и всю движимость, записываетъ ей въ даръ съ правомъ полной собственности. 1565 года, июня 24.

Року 1565, месяца июля сегого дня.

Пришодчи и постановившихся очевисто на вряде его королевское милости в замку Луцкомъ, передо мною Войтехом Красовскимъ, воротнымъ замковымъ, в тот часъ будучимъ на местцу пана Андрея Ивановича Русина, подстаростего Луцкого, земенин господарский панъ Остафей Андрѣевич Короваевич Селецкий оповедаль и доброволне созпал тыми словы: Штож дей з воли Божое и презрениа его светое милости понял есми за себе в малженство светое и благословенное дѣвку небожчика пана Ивана Покотила Петигор-

скою панну Галшку, по которос взялъ есми посагу от матки ее пани Ганны Юхновны Федоровича и от брати ее пана Богдана а Ивана Покотиловичов Петигорских пятьдесят коп грошей готовых, а в серебре, в золоте, в перлах, в шатах, в стаде сверепемъ, в конехъ ездных, в быдле домовомъ и в ипших речах рухомых семьдесят пят копъ грошей личбы литовское, личачи в грошъ по десяти пенезей бѣлых. А так я, заховываючися водле обычаю права посполитого и статуту земского и теж немной з упреймое милости моее малжонское, которую ку ней, малжонцы своей, маю, напротивку того вѣна и всего внесеня ее в домъ мой даю, дарую и записую ей, малжонцы моеи милоц, паней Галшце Покотиловне на двох частехъ всихъ именей моихъ отчизных, то есть в Селцы в повѣте Луцкомъ, так тежъ на именахъ моихъ, которые есть в повѣте Браславскомъ, Дашове и Данилковцах, и к тому што быхъ еше за помочью Божою, мешкаючи з пею сполечне, прибавити, прикупити, або на господаре короли его милости выслужити и яко колвекъ обычаемъ добрымъ набыти могль, па тыхъ двохъ частехъ всихъ именей моихъ за вѣно ее з совитостю, то есть все сумою двѣсте копъ и пятьдесятъ копъ грошей личбы литовское, а третюю часть тыхъ же всихъ именей моихъ отчизныхъ або с права приржоного мнѣ припалыхъ даю, дарую и записую ей, малжонцы своен милоц паней Галшце Покотиловне; а чога Пане Боже вховай на мене воли Божое, часу смертелного, тогда по смерти моеи мает жона моя пани Галшка Покотиловна тые двѣ части всихъ именей моихъ з дворами и з людьми, з ставы, з полми, з сеножатми, з лесы, з дубровами, с платы грошовыми, з даню медовою и зо всеми доходы, якъ ся в собе тые двѣ части всихъ именей моихъ мети будутъ, в моц свою взяти, держати и вживати и ку своему налѣпшому а пожиточному оборочати; а брат мой панъ Андрѣй Апдрѣевичъ Короваевичъ Селецкий, ни сестры, ни зятти мои, ани тежъ близкие и кровные мои с тыхъ двохъ частей всихъ именей моихъ ее жадными причинами стискати, ани якое переказы в томъ чинити, не отдавши ей тое сумы пенезей от мене вышей описаное, не мают, ажъ перво отдавши

тую суму пенезей двѣсти и пятьдесят коп грошей личбы литовское, тож тые двѣ части именов моих к рукамъ своимъ взяти мают, а в тую третюю част именов моих брат мой, ани дети, близкие и кровные приятели мои не мают ся ничымъ вступовати, одно она жона моя, естли ми з нею Бог сотворитель не даст потомства мети, волна будетъ тую третюю част именов моих отдать, дароваты продат, заменить, кому хотячы отказати, записати и ку своему на-лепъшому а пожиточному оборочати и тымъ водлугъ налешное воли своее шафовати, што ширей а достаточней на листе моемъ записномъ ест описано и обваровано. Якож и лист свой записный под печатю и с подписом влостное руки моее и под печатми лю-дей добрых, на то от себе малжонце своей паней Галшце Покотиловне данный, передо мною на вряде покладалъ, просячи, абы былъ вычитан и в книги замковые записанъ; который лист его так ся въ себе мает: „Я Остафей Андреевич Короваевич Селецкий созна-ваю и тиню явне симъ моим листомъ, кому того потреба вѣдати, штож з воли и презрениа Божого понял есми за себе въ малженство святое дѣвку небожчика пана Ивана Покотила Пятигорского панну Галшку, по которое взялъ есми от матки ее панее Ганны Юхновны Федоровича и от брати ее пана Богдана а Ивана Покотилевичов Пятигорских посагу пятьдесят копъ грошей готовых, а в серебре, в золоте, в перлах, в шатах, в стаде сверепъемъ, в конех ездных, в быдле домовомъ и иныхъ речах рукомых семьдесят коп и пят копъ грошей личбы литовского князства, личачи по десяти пенезей у грошь; а так я, заховываючися водле права по-сполитого и не мней тежъ з упреимое милости моее, которую ку неи, малжонце моеи маю, хотячи ее, малжонку свою, поволную а зычливую в стаде малжонскомъ ку себе мети, якож и дознавши поволност и хутливую склонност а сердечную милость ее ку себе, напротив того внесея ея даю и дарую и записую ей, малжонце моеи милои паней Галшце Покотилловне на двох частех своих именов моих отчизных, то ест в Селцы, в повѣте Луцкомъ, так тежъ на именах моих, которые ест в повете Бряславскому, Дашови

и Данилковцах и штомъ я за помочю Божею, мешкаючи з нею сполечне, прибавити и якимъ колвек обычаемъ набыти, купнымъ або правомъ прирожонымъ и близкості якое дойти могу, або з ласки господарское за якии послуги мнѣ будуть даны, на тыхъ двохъ частехъ всихъ именей моихъ за вѣно совитостю, то ест всего сумою двѣ сте копъ и пять десятъ копъ грошей личбы литовское, а третюю частъ всихъ именей моихъ отчизныхъ, або с права прирожоного мнѣ припалыхъ, даю и дарую и записую жоне моеи панее Галшце Покотиловне на вечность. Чого Боже вховай, на мене воли Божои, часу смертелного, по смерти моее мает жона моя пани Галшка Покотиловна тые две части всихъ именей моихъ з дворами, з людми, зъ ставы, с полми, з сеножатми, з лесеы, з дубровами, с платы грошовыми, з даню медовою и зо всеми доходы, якъ ся в себе тые две части всихъ именей моихъ мети будут, в моц свою взяти, держати и вживати и ку лепшому пожитку оборочат, а брат мой пан Андрѣй Андрѣевичъ Короваевичъ Селецкий, ани сестры мои, ани зятѣ мои, ани тежъ близкие мои с тыхъ двохъ частей именей моихъ ее жадными причинами стискати, ани якое переказы чинити, не отдавши ей тое сумы пенезей двѣсте копъ и пятьдесятъ копъ грошей литовское личбы; але отдавши тую сумму малжонцы моеи по животе моемъ брат мой, або сестры мои, або близкие мои тожъ, тую двѣ части именей моихъ братъ мой або близкие мои к рукамъ своимъ взяти мают, а в тую третюю частъ именей моихъ брат мой, ани близкие мои, ани приятели мои, ани дѣти мои не мают ничимъ ся вступовати. А если не буду мети з нею детей, тогда она тую третюю частъ всихъ именей моихъ со всимъ с тымъ, яко ся в себе мети будутъ, волна будетъ продати и отдати и ко всякому пожитку себе обернути и по животе своемъ на церковъ отдати; а естли ми з нею Пан Богъ дѣти дати рачить, тогда якъ тые две части всихъ именей моихъ вышшей описаные, такъ и тая третая частъ именей моихъ по животе маеть дѣтемъ моимъ остати, а што ся дотычетъ статку домового: коней, быдла, шат, злота, сребра и всихъ рухомыхъ речей, тогда брат мой, ани близкие мои не мают ничимъ ся в тые речи всту-

повати, одно дѣтемъ моимъ по животе ее маютъ тые вси речи
остати; а естлибы детей не было, тогда она тые вси статки, рухо-
мые речи, волна будетъ где хочячи обернути, а брат мой, ани
близкие мои, ани приятели мои в то ся не мають ничимъ вступи-
вати. И на то есми дал малжонце моеи папее Галище Покотиловне
сесь мой лист з моею печатю, с подписомъ влостное руки моее.
А при томъ были и того добре сведоми их милости папъ Павель
а пан Маско Олехновичи Шпаковские, а пап Еско Гурковичъ
Омелянский, а пан Федоръ Павлович Мезоцкій; якож для лепшее
твердости сего моего листу просил есми их милости о приложене
печатей, што их милости на прозбу мою вчинили, печати свои
приложили к сему моему листу. Писанъ у Пятигорщине, року
Божого нароженя тысяча пят сот шестдесять пятого, месяца июня
двадцат четвертого дня".—А такъ я тое очевистое оповедане добро-
вольное сознане пана Остафья Андрѣевича Короваевича Селецкого
и лист его записный слово от слова, с початку ажъ до конца в
книги замъковые записати казаль.

Книга замк. Луцкая 1565 г., № 2039, л. 185.

XXXVI.

Духовное завѣщаніе землянина Ивана Жабокрицкаго, въ которомъ онъ, желая обезпечить положеніе своей жены послѣ его смерти, не только во всемъ подтверждаетъ раньше записанное ей вѣно на третьей части его родового имѣнія, но еще даритъ ей все движимое имущество и сверхъ того ей одной поручаетъ опеку надъ дѣтьми и полное распоряженіе его имѣніемъ, предоставляя ей право, по достиженіи всѣми дѣтьми совершеннолѣтія, распределить между ними это имѣніе по своему усмотрѣнію. 1565 года, августа 6.

Лѣта Божого нароженя 1565, месяца августа осмого дня.

Ставши очевисто передо мною, Андреемъ Ивановичемъ Русиномъ, подстаростимъ Луцкимъ, земенинъ господарьскій панъ Иванъ Ивановичъ Жабокрицкій оповедалъ тыми словами: ижъ дей будучы мпе з Божого допущеня навежонымъ хоробою, в которой то себе зрозумевши, же на семъ свете ничего певнейшого, яко часъ смертелный, што каждого минути не можетъ, и хотечи тежъ жону и дети свои в добромъ порядку зоставити, протожъ еще за доброе памети и зуполного розуму своего справилъ есми собѣ тастаментъ водлугъ воли и мысли своее, под печатю своею и тежъ под ведомостю и печатми людей добрыхъ; гдежъ тотъ тастаментъ панъ Иванъ Жабокрицкій передо мною покладаль, прослячы, абы былъ вычитанъ и в книги замковые записанъ, который тастаментъ такъ ся в себе маеть: „Во имя Божое станься. Я Иванъ Ивановичъ Жабокрицкій, знаючы то, ижъ на свете ничего такъ певнейшого нѣтъ, яко смерть, и будучы есми отъ Бога сотворителя хоробою наведенъ, за доброго а зуполного смыслу умыслиломъ то самъ по своей доброй воли, щикимъ будучи не намовенъ ани приневоленъ, безъ жадного примупеня, за целое памети живота моего хотячы на часъ пришлый жону мою паню Катерину Промчейковну и з детми, сыны моими, зоставити и впокой вчинити на конецъ, зозпаваю и чиню явно симъ моимъ тастаментомъ нинешнимъ и напотомъ будучымъ, всѣмъ посполите, кому того потреба ведати, ижъ што первой сего,

поймучи за себе малжонку мою панюю Катерину, и досыт доброго речей рухомых и к тому грошей готовых суму немалую за нею в домъ мой Жабокрицький был взялъ, и против которого вношеня ее в домъ мой в том ку ней подле права посполитого заховываючыся, листом первой сего суму на третей части имени моего Жабокрицьк записалъ и ей тот лист мой и запис до рук дал; нижли я, зрозумевши ку себе ее повинную, такъ службы ее поволные, яко теж милость, поволность а цнотливое заховане ее ку собѣ, дознавши верное милости малжонское жоны своее панее Катерины аж до сего часу сталое, службы ее ку себе дознаваючи, и хотячы тое жоне моеи з себе вдячност при животе моемъ показати и то ей нагородити, а такъ я што маю коней ездныхъ, робочихъ, так теж быдла рогатого и дробного: овецъ, козь, свиней и тежъ статок весь домовый, што колвекъ у дому моемъ Жабокрицькомъ ест и штом з нею, жоною моею, воспол набылъ, тымъ всѣмъ жону мою милую дарую и то ей, жоне моеи паней Катерине, симъ моимъ тастаментомъ записую, от детей, сынов моихъ Дмитра, Януша, Василя и от всѣхъ приятелей, кривныхъ и повиноватыхъ моихъ отдаляю. Волна она будетъ, жона моя милая пани Катерина, при животе моемъ, яко тежъ з сее хоробы моее мне не выздоровевши, по смерти, як прудко Пан Богъ сотворитель на мене смерть допустити рачитъ, по моемъ животе, водле запису и обрадованя моего, тымъ вѣномъ своимъ, што от мене на третей части имени моего Жабокрицького отчизного, которое я держу в отдѣле от братьи моее, мает записаного, так тежъ и тою маетностью и статкомъ моимъ, штомъ ей, жоне моеи милои паней Катерине, записалъ симъ тастаментомъ моимъ, тымъ всимъ шафовати и того вживати, отдати и записати и як хотячы ку пожитку своему оборочати, так яко воля ее будетъ; а дети, сыны всѣ и ниhto з близкихъ и кровныхъ моихъ того у нее, жоны моее милое панее Катерины, поисковати не мают и о то вечне молчати мают. А што ся дотычет дѣти мои сынове естли бы хотели якихъ грошей готовыхъ, або сребра, золота, шать, зброи и инное маетности, або скарбу якого по мне у матери своее

а в жоны моее поисквати, або хто жъ колвек з близких моих, и ку якому праву ее, жону мою, позывати, тогда того ничего поисквати никто не мает, бо я самъ того ничего не мелъ. Ку тому теж дѣти мои, которые я з нею, жоною моею, маю и которые еще лѣтъ не доросли, а так я розумѣючи то по нихъ, иж еще они на отчизне своей не вмѣтны жити, а так я имене то мое Жабокрики, яко тежъ и дети, сынове мои Дмитра, Януша, Василья никому иному, одно Пану Богу сотворителю а ей, жоне моей милои панее Катерине, ув опеку и въ моцъ до зросту доброго лѣтъ и смыслу ихъ поручамъ: мает она, жона моя, дети мои и свои, всѣхъ трохъ сыновъ нашихъ, за тымъ порученемъ моимъ в моцы своее их держачы, на службу ведле убозства выправовати и на науку их давати, а имене мое все маеть у моцы своее и в опецы и шафунку своем держати аж до зросту и меншого сына моего Василя; не мает она, жона моя, старшимъ сыномъ моимъ Дмитру а Янушу именя моего Жабокрицкого, которое я держаль, ани жадного пожитку в немъ имъ поступовати и в моц и держане их подавати, а договаваши лет и доброго смыслу детей моих, мает з ними, детми моими, то пристойного вчинити, што ся ей подобати будет. А ведже я, хотячи жону свою с пригодныхъ речей в томъ на пришлый часъ добре обваровати и во впокои заховати, ведляючи, ижъ веле неласкавыхъ приятелей до именя своего мел, для того имене в опеку и в оборону поручам его милости пану Михаилу Хренницкому а пану Михаилу Корытенскому, писару земскому повету Луцкого, и пану Петру Костюшку Хоболтовскому, абы их милость для заслугъ моих то вчинити а ото всякихъ кривдъ, в чомъ бы она утечку жона моя до их милостей мела, ее боронити и в опецы своее мети рачили. И на то есми жоне моей милой панее Катерине Промчейковъне дал сесь мой тастамент под моею печатю; а при томъ были и того добре сведоми их милости панове приятели мои: его милост пан Федоръ Русин, писар замку Луцкого, а пан Иван Павлович Птицкий, а пан Дмитръ Иванович Рогозинский, которые панове на прозбу мою печати свои к тому моему

тастаменту приложити рачили. Писан у Жабокриках, лет Божого нароженя тысяча пят сот шестдесят пятого, месяца августа шестого дня.—А так я тое очевистое оповедале и тастамент пана Ивана Ивановича Жабокрицкого слово от слова, с початку аж до конца в книги замковые записати казалъ, с которых и выпиш под печатю моею пап Иванъ Жабокрицкий себе на то взялъ. Писан в Луцку.

Книга замк. Луцкая 1565 г. № 2039, л. 250.

XXXVII.

I. Дарственная запись землянки Ганны Воропянки Соковой, въ которой она, изъ чувства глубочайшей любви къ своему мужу п. Григорию Сокоору и признательности за такую же любовь съ его стороны, записываетъ ему въ даръ свое приданое и все то, чѣмъ она лично владѣтъ или впредь владѣтъ будетъ. 1565 года, октября 30.

II. Такого же содержания дарственная запись п. Григорія Сокоора своей женѣ. 1565 года, октября 30.

I.

Лѣта Божого нароженя 1565, месяца октебра 31 дня, в середу.

Пришодчи и постановившиися очевисто на вряде его милости господарскомъ в замку Луццьком, передо мною Андрѣемъ Ивановичемъ Русином, подстаростимъ Луцкимъ, землянка господарская пани Ганна Юревна Воропянка пани Григоревая Сокоорова оповедала и доброволве сознала тыми словы: ижъ дей, будучи миѣ в малженствѣ с паномъ Григоремъ Матѣевичемъ Сокоором и мешкаючи с нимъ през час не малый добре а цнотливе, як прислуша на цнотливое а верное мешкане малжонское, и знаючи по нсм ку себе великую милость и хотячи еще на пришыле часы его склоннейшого а милейшого

собѣ мети, про верную милость и великую склонность его, а к тому тежѣ паметаючи на час смертельный, што каждого минути не можетъ, абых прожне малжонка своего при животе и по животе моемъ не опустила, с тых причинъ, не будучи никимъ намо-вена ани примушена, одно сама по своей доброй воли, милующи его, малжонка своего, то што колвекъ есть вношена моего в дом его: золота, серебра и перель, клейнотов, грошей готовых и вше-ляких рухомых речей, почонши от мала и до велика, яко колвекъ именованные быти могутъ, и што бых еце, мешкаючи з нимъ, малжонком моимъ, за влостныи пенези свои в кого-колвекъ купити и закупити мела, албо бы тежѣ спадокъ який до рук моих припасти, и што бых колвекъ обычаемъ слушнымъ набыти могла, то все еси дала, даровала и на вечност малжонку моему милому пану Григорию Сокоору записала, отдаляючи от брата моего рожного пана Андрея и ото всихъ близких а кровных моих, то все малжонка мой по моемъ животе к рукам своимъ мети, держати и вживати мает аж до живота своего; а братъ мой рожный и ниhto з близкихъ и кровных моих в то ничимъ ся вступовати не мают; на што еси малжонку своему милому пану Григорию Сокоору дала лист свой записный, подъ моею печатю и подъ печатми людей добрых, в которомъ ширей а достаточней есть описано и обваровано. Якожь и листъ свой записный, на то от себе малжонку своему пану Григорию Сокоору данный, передо мною на вряде показовала, просячи, абы был вычитанъ и в книги замковые записанъ; который листъ такъ ся в себе маеть: „Я Ганна Юревна Воронянка ознаймую и чиню явно тымъ моимъ листомъ всѣмъ посполите, кому того потреба будет ведати або чтучы его слышати, нинешнимъ и напотом завды: штожь будучи мне в малжонствѣ с паномъ Григоремъ Матфеевичом Сокооромъ и мешкаючи з нимъ добре а цютливе, яко прислуша на цютливое а милое мешкане, и маючи его ку собѣ великую милост а цютливое заховане, умыслила еси собѣ, еше хотячи на потомные часы его поволнейшого а милшого малжонка собѣ мети, про великую милость его, кото-

рую онъ мнѣ чинить и чинити обещаю, а звлѣща бачачи на часть пришлый смертелный, который есть каждому чоловеку паметати, абых прожне малжонка своего милого не опустила,—што ест колвекъ вношеня моего в дом его, то есть, злота, сребра, шат, перель, клейнотов, грошей готовых и вшеляких рухомах речей, почонши отъ мала и до велика, яко колвекъ имени названые, и штобых теж еще, мешкаючи з малжонкомъ моим, мѣла за властные пенези свои в кого колвекъ имени купити, закупити, албо спадокъ який до рукъ моих принасти бы мель, и што колвекъ якимъ обычаемъ слушнымъ набыти могла, то все даю, дарую и тым листомъ моимъ малжонку моему милому пану Григорю Сокору, отдаляючи от брата моего роженного пана Андрея и ото всихъ близких а кровных моих, записую; а чого Боже вховай на мене смерти, тогда то все малжонокъ мой милый мает к рукамъ своимъ мети, держати и вживати, ажъ до живота своего, а брат мой роженный и ниhto з близких а кровных моих в то ничимъ ся не мают уступовати и нигде до каждого права позывати; а еслибы брат мой роженный, албо хто з близких а кровных моих о то его мели ку праву позывати, тогда мають заруки господару королю его милости заплатити сто копъ грошей, малжонку моему противен другую сто копъ грошей и всѣ шкоды и наклады без жадного доводу, толко на приречене слова его заплатити и за те досыт вчинити; а заплативши тые заруки и вси шкоды и наклады, предся малжонокъ мой мает захован быти водле того моего записного листу. А еслибы малжонокъ мой, по животе моемъ, малжонку другую за себе взялъ, тогда по животе своемъ никому иншому не мает тых всихъ речей, в семь листе вышей описаных записовати апи даровати, толко мает записати и даровати тымъ детемъ, которые он зо мною, малжонкою своею, мает. И на то дала есми малжонку моему милому пану Григорю Сокору тот мой лист з моею печатю. А при томъ были и того добре сведоми их милост панове: пан Федор Иванович Русинъ Берестецкий, писар замку господарского Луцкого, пан Томило Ворона Боротинский, панъ

Василей Гнивошовичъ Бронницкий а пан Семенъ Иванович Свищовский. И для лепшое твердости того моего листу просила есми их милости верху писаных панов о приложене печатей, которые панове за прозбою моею печати свои к сему моему записовому листу приложити рачили. Писан в Луцку, лета Божого нарожена тисеча пят сот шестдесят пятого, месяца октября тридцатого дня".— А такъ я тое бчевистое оповедане, доброволное сознане и лист панее Ганны Юревны Воронянки в книги замковые записати казалъ.

II.

„Я Григорей Матфѣевичъ Сокоръ ознаймую и чиню явно тымъ моимъ листом всѣмъ посполите, кому будетъ потреба того ведати, або чтучи его слышати, нинешнимъ и напотомъ завжды: штож будучы мне в малжонстве с панею Ганною Юревною Воронянюкою и мешкаючы з нею добре а цнотливе, яко прислуша на цнотливое а милое мешкане, и маючы ку себе великую милость и цнотливое заховане, умыслилъ есми себе, еще хотячы на потомные часы ее поволнейшую а милшею малъжонкою себе мети, про великую милость ее, которую она мне чинить, а звлаща бачачи на час пришлый смертелный, который есть каждому человеку паметати смерть, абых прожне малжонки моеи милои не опустилъ,— што есть колвекъ первой выслуги моеи и цнотливого набытъя моего, то есть: золота, серебра, шатъ, грошей готовых, коней, седель, зброи, панцыровъ, цену, меди и впеляких рухомыхъ речей домовыхъ; почонши от мала и до велика, яко колвекъ имени названыи, и што бых тежъ еще, мешкаючы з нею, малжонкою моею, мель выслужити, або за пенези свои в кого колвекъ имени на вечность купити або закупити, албо спадокъ який до рукъ моих припасти бы мель, и што колвекъ якимъ обычаем слушнымъ набыти, то все даю, дарую и тым листом моимъ малжонце моее милои панее Ганне Воронянце, отдаляючы от братаи моее рожное и ото всех близкых а кровных моихъ, записую; а чога Боже

вховай на мене смерти, тогда то все малжонка моя милая маеть к рукам своимъ мети, держати и вживати аж до живота своего, а брата моя рожоная и никто з близких а кровныхъ моихъ в то ничимъ ся не мають вступовати и нигде до кожного права позывати; а если бы брата моя рожоная або хто з близкихъ а кровныхъ моихъ о то ее мели ку праву позывати, тогда мают заруки господару королю его милости заплатити сто копъ грошей, а малжонце моее противне другую сто копъ грошей и вси шкоды и наклады без жадного доводу, толко на приречене слова ее, заплатити и за то досыть вчинити; а заплативши тые заруки и вси шкоды и наклады, предся малжонка моя маеть захована быти ведле того моего записного листу; а еслибы малжонка моя по животе моемъ замужъ пошла, тогда по животе своемъ никому иному не маеть тых всих речей в семь листе вышей описанныхъ записовати, ани даровати, толко маеть записати и даровати тымъ детемъ, которыи я з нею, малжонкою моею милою, маю. И на то дал есми малжонце моее милои паней Ганне Юревне Воронянце тот лист, з моею печатью и съ подписомъ руки моее власное; а при томъ были и того добре сведоми их милости панове: пан Федор Иванович Русинъ Берестецкий, писар замку господарского Луцъкого, панъ Томило Ворона Бортинский, панъ Василей Гнивошевичъ Бронницкий, а панъ Семень Ивановичъ Свищовский. И для лепшого твердости того моего листу просилъ есми их милости верху писанныхъ пановъ о приложене печатей, которые панове, за прозбою моею, печати свои к сему моему записному листу приложити рачили. Писанъ в Луцку, лета Божого нарощенъя тисеча пятсотъ шестьдесятъ пятого, месяца октября тридцатого дня.“—

Книга замковая Луцкая 1565 г. № 2039, л. 357 об. и 359.

XXXVIII.

Вѣновная запись зем. Лаврентія Оранскаго, выданная имъ своей женѣ Марьи, дочери зем. Семена Ласковича-Чернчицкаго. 1566 г., мая 2.

Лѣта Божого нароженя 1567, месяца генваря 9 дня, в четвергъ.

Пришедши перед нас: Богдана Костюшковича Хоболтовского, суди земского повету Володимерского, а Павла Шпаковского, подсудка, землянинъ господарский повету Володимерского пан Лаврин Семенович Оранский, ставши обличне а очевисте стоячи, доброволне вызнал весполок з отцемъ своимъ паномъ Семеномъ Оранскимъ: иж што з суду и милосердья Божого и зчливости приятелское и зо власного позволеня и з ведомостю и за листомъ его милости пана отца моего и водлуг закону нашего хрестиянского, поняломъ себе в малженство дочку его милости пана Семена Ласковича Чернчицкаго панну Марю и взяломъ за нею внесеня, вена: злота, сребра, пенезей готовыхъ, перель, шатъ, коней, быдла, платя белого, и внесъ есми то все у домъ его милости пана отца моего и теж мой; где жъ напротивку того внесеня от панее малжонки моее, за дозволенем и ведомостю и за власнымъ листомъ его милости пана отца моего, на то пану тестю моему от его милости данымъ, и теж знаючи цнотливое малжонки моее ку мне учтливое заховане, напротивку того внесеня ее описую и даю и дарую суму пенезей ей на именах его милости пана отца моего и моих, то есть: на Оранех, на Лазкове, в повете Володимерскомъ лежачие, а в повете Кобринскомъ, в Литвѣ: на Линевцы, на трети части, на тых трех именах наших первопомененых чотыриста копъ грошей личбы литовское, и так на моем записе, яко и на особливомъ записе его милости пана отца моего даномъ есть ширей и достаточней описано. И просилъ сын пана Семена Оранскаго пан Лаврин, абы тот лист его самого и отца его до книг земских был вписан; который лист мы, судѣи, с початку аж до конца его

вычитавши, казали есмо его до книгъ земскихъ слово в слово вписати, который лист так ся в себе маеть: „Я Лавринъ Семеновичъ Оранский чиню явно и визнаваю самъ на себе симъ моимъ листомъ кождому, кому бы была потреба о томъ ведати або чтучи сеь листь мой слышати, тепер и напотомъ будучим: иж не з жадное намовы або примушениа, але з особливое ласки, милосердя и справы Божское а позволеня его милости пана отца моего пана Семена Григоревича Оранского, ведаючи я о доброй справе, милости людской и цнотливомъ захованю его милости пана Семена Ласковича Чернъчицкого и вживаючи себе так его милости самого, яко и приятелей, повинныхъ дому его милости, с правое мысли а охоты своее хотечи мети, абыхъ себе в милост, повинность и приязнь вечистую пана Чернъчицкого завель, якож з властное мысли и охоты своее, за позволенемъ его милости пана отца своего, дорадившися приятелей своихъ, сполечне зъ его милостью паномъ отцемъ своимъ и иншими приятелми своими приехавши в домъ его милости пана Семена Ласковича Чернъчицкого, нашол и просил есми его, абы водле звыклости и доброе славы своее пану отцу моему и мне самому сприязливе ся показал, а мене ку себе поволне в милость и приязнь вечистую взялъ, што его милость пан Семень Чернъчицкий не мней в себе уваживши и приемши насъ вдячне до дому своего, з волею и справою Божскою на то позволил и за нашимъ властнымъ прошенем, а причинами приятелей нашихъ, дочку свою панну Марю за мене в стадло светое малжонское далъ, за которую панною дочкою своею, панною Марею, з ласки и даня так его милости самого, яко и малжонки его, датку взялъ есми досыт немало, то есть: готовыхъ грошей, злота, сребра, перель, шатъ, коней, быдла, платяя белого и иншихъ речей так много, яко чотыриста копъ грошей литовское монеты, который датокъ оземши я з дому пана Чернъчицкого до рукъ своихъ, в домъ так свой, яко и пана отца своего внесъ, и кгда ся за ласкою а справою Божскою то все статечне скончило, и бачечи не мнейшую милость, ласку и добродейство его милости пана Семена Чернъчицкого, которое

он пану отцу моему и мне показал, маючи теж милость и охотную склонность ку его милости; за властною хутю и позволенемь пана отца моего, уважаючи добродейство цтя своего пана Семена Чернъчицкогo, а милуючи малженку свою, дочку его милости паню Марию, хочечи з себе поволность показати и водле обычаю повинного и звыклости нашегo посполитогo в том ся заховати,—даю, дарую и сим листомъ моимъ записую, за властнымъ позволенемъ и волею пана отца моего пана Семена Оранского, малженцы моей паней Мари за оный даток и внесене, которое я з дому отца ее за нею взял, на ймену своемъ властномъ отчизномъ и набытомъ Оранех, Лазкове и Линевце, на третей части властное части своегo, чотыриста коп грошей монеты и личбы литовское, личечи по десяти пенязей белых в грошь; в которой суме в чотырох сотъ копъ грошей литовских маеть малжонка моя пани Маря третюю часть во всех именах моих так отчизных, яко и набытых, з дворы, с полми и сеножатми, з людми и з их дворицами, землями пашными и бортными и со всимъ тымъ, што к оной части третей приналежитъ, так тепер за живота моего, яко и по животе моемъ к рукам своимъ держати и того вживати, яко властности своегo; а пан отец мой и я самъ при животе своемъ, потомки и близкие наши по животе нашем, не отдавши тое суммы пенязей чотырох сотъ коп грошей литовских, в тую третюю часть вы йменах наших Оранех, Лазкове и Линевце ничим ся вступовати, з моцы и владности ее выймовати и никоторое кривды на томъ ей делати не маемъ. И волна будет малжонка моя пани Маря так за живота своего, яко и по животе своемъ, оную суму пенязей чотыриста копъ грошей, за позволенемъ пана отца моего и моим ей записаную, к рукам своим сама держати и ее вживати, або кому хотя отдати, даровати и записати, вгде колвек обернути, яко властность свою; а мы сами, потомки и близки наши ей того забороняти и на жадное шкоде и переказе быти не маемо. И на то я с позволенемъ и властною волею пана отца моего малжонце своей, дочцы пана Семена Чернъчицкогo, даю сес мой листъ под печатю моею,

с подписю властное руки моее; а при томъ были и того добре ведомы панове приятели наши: их милость панъ Василей Гулевича, подстаростей Володимерский, пан Ѳедоръ Солтанъ, писар земский повету Володимерского, панъ Иванъ Петровичъ Калусовский а пан Василей Дривинский, которых есмо с паномъ отцемъ своимъ просили, жебы их милость за прозбами нашими печати свои приложити рачили; их милость за прозбою нашою то вчинили и печати свои приложити рачили к сему нашему листу; якож я то вделавши и статечне постановивши, для лепшого умоцъненя и ведомости людское враду земскому и кгородскому тую властную волю и позволене отца моего и свое вызнал, оповедал и до книгъ записати далъ. Писавъ в Чернъчичох, лѣта Божого нароженя тысяча пятсот шестдесятъ шестого, мѣсяца мая второго дня".— Которое ж доброволное а очевистое вызнане сына пана Семена Оранского пана Лаврена и его властный листъ, малженцы его даный, казали есмо до книгъ земских судовых записати. Писанъ у Володимери.

Книга земская Володимерская 1567—1571 и. № 954, л. 8 обор.

XXXIX.

Жалоба княгини Настасьи Ружинской о томъ, что дочь ея княжна Катерина самовольно, безъ вѣдома матери, вышла замужъ за „нѣякого“ Яна Панковского и вмѣстѣ съ нимъ отняла у жалобщицы имѣніе въ с. Роговичахъ. 1566 года, іюля 15.

Лѣта Божего нарожена тисеча пять сотъ шестьдесятъ шостого, месеца іюля 15 дня.

Пришедъши на врьдъ замъку господарьского Володимерского, до мене Якима Василевича, на тот час будущого на местцу его милости пана Василя Гулевича, войского и подстаростего Володимерьского, кнегини Василея Ружинская Настася Лвовна Есмановна жаловала и оповедала на дочку свою Катерину Василевну: штожь дей она, „не докладаячиси мене, матки своее, понела себе за мужа, кром воли моее, нѣякого Яна Панковского и с тым дей то мужемъ своимъ, запомневши напред боязни Божее и добродейства моего, матки своее, кгдам дей поехала з ыменя своего Ружина, отехавши дей всее маетности своее в Роговичах, то ест яко привилевъ и листов венowych и на долги не малые, так дей тежь маетност свою всю рухомую, яко в злоте, въ сребре, в перлах, в шатах, чога дей всего шадую себе на шест сот коп грошей литовских, окром привилевъ и листов своихъ венowych и на долги. Якожь дей, за онымъ отеханемъ моимъ, якъ двор мой в Роговичах дочка моя перво помененая Катерина с тымъ мужемъ своимъ с тою всею маетностю моею и з листы квалтомъ взяли и людей к себе подданных моих Роговицкихъ привернули моцю, и пашню дей дворную з ыншими пожитки от мене отняли, не допускаючи дей ми в жадное речи воли и росказываня, и пашни мои помолотили в дворе Роговицкомъ, у гумне, квалтомъ, на колко сотъ маць жита и пшеницы вымолотили и ку пожитку своему обернули. Якож дей я, приехавши до Рогович, хотела-мъ водле перьшого вживаня своего росказывати и о листах и маетности ся своее до-

ведати; то пакъ дей тот Панковский до кия ся на мене торгнуль и проч мене з двора моего Роговицкого выгнал от всеи маетности моее, и кгда бы дей на тот час не люди его гамовали, тогды бы дей мог мене до смерти забити; ожъ есми, покинувши воз и кони свои, ледве на подводъце втекла тут до вряду господарского замку Володимерского“.—И просила мене кнегини Василева Ружинская Настася Есмановна, абы то было въ книги замковыя записано; я тую жалобу и оповедане ее въ книги замковыя записати казаль.

Книга замковая Владимірская 1566 г. № 923, л. 92 об.

XL.

Дѣло о замужествѣ Богданы Семашковны:

1. Условіе, заключенное Владимірскимъ подкоморіемъ Александромъ Семашкомъ съ Мельницкимъ старостою Григоріемъ Воловичемъ относительно выдачи опекаемой Семашкомъ двоюродной сестры своей Богданы Васильевны Семашковны въ замужество за сына Воловича. Срокъ свадьбѣ назначается черезъ пять лѣтъ послѣ заключенія предбрачнаго условія. 1566 года, іюля 12.

Лѣта Божого нароженя 1566, месеца іюля 12 дня.

Ставши очевисто на вряде его королевской милости в замкѣ Луцкомъ, передо мною Андреемъ Ивановичомъ Русиномъ, подстаростим Луцким, его милост пан Александро Богдановичъ Семашко, подкоморий Володимерский, оповедал и доброволне сознал тыми словы: ижъ дей з воли Божое и з дару Духа светого а с породою повинныхъ приятелей моих, учинилъ есми змову о выданъе у малженство сестру свою стрыечную, которая у мене правомъ приржоннымъ в опеце есть, а на тот час у хованю в пана Ивана Чаплича, войского Луцкого, и в панее малжонъки его милости а

матки своее мешкает, панну Богдану Василевну Семашъковну за сына его милости пана Григоря Воловича, старосты Мелницкого и Мстибоговского, Ейшиского, Воранского, Коневского и Дубичского, городничого Городенского, за пана Григоря, на што есми з обу сторонъ позволивши, рок тому веселю постановили: от свята близко прийдучого светое Пречистое первшое, которое свято быти мает в року теперешнемъ шестдесят шостомъ, за пет лет, и кгда даст Бог здоровье, же до того приидеть, тогды мает его милост пан Григорей Волович, староста Мелницкий, сына своего пана Григоря, приводечи въ skutок до малжонства, а досыт чинечи запису и обовязку своему, яко ся его милост на листе своемъ мне описал и обовезал, и до имени моего Мелницы на тот рок описанный, то ест на день светое Пречистое, которое свято припасти мает в року семдесят первом, поставит; и кгда ся то мне от его милости пана Григоря Воловича, старосты Мелницкого и Мъстибоговского, выполнит, же ся сын его милости пан Григорей на тот рок назначонный ку веселю установит, повинен буду панну Богдану Семашковну, сестру мою, у малженство за пана Григоря, сына его милости пана старосты Мелницкого, выдати, а по выданю в тыжден вси имена ее, сестры моее, которые на нее прийти мают, што я на тот час ув опеце и в руках своих держу, в цѣлости зо всимъ на все, якося тые имена в себе мают, поступити, в моц и в держане к рукамъ сестре моее панне Богдане винен буду подати; што ширей а достаточней на листе моем вызнаном есть описано. Якож и лист свой, на то от себе его милости пану Григорю Воловичу, старосте Мелницкому и Мстибоговскому, данный, его милост пан Александро Богданович Семашко, подкоморый Володимерский, передо мною покладад, просечи, абы был вычитан и в книги замъковые записан; который листъ так ся в себе мает: „Я Александро Богданович Семашко, подкоморый Володимерский, чиню явно и визнаваю симъ моимъ листомъ, кому одно о тым вѣдати належати будет, иж з воли Божое и з дару Духа светого а с порадою повинныхъ приятелей моих, учинил есми змову о

выдана у малженство сестру мою стрыечную, которая в мене правомъ приржонимъ в опеце есть, а на тот час у хованю в пана Ивана Чаплича, войскога Луцкого, и в паней малжонки его милости а матки своее мешкаеть, панну Богдану Василевну Семашковъну за сына его милости пана Григоря Воловича, старосты Мелницкого и Мстибоговского, Ейшиского, Воранского, Коневского и Дубичского, городничого Городенского, за пана Григоря, на што есмо з obu сторон позволивши, и рок тому веселю постановили: от свята близко прийдучого светое Пречистое першое, которос свято припасти мает в року теперешнемъ шестдесят шостомъ, за пят лет, и коли дасть Бог здорове, же до того приидеть, мает его милост пан Григорей Волович, староста Мелницкий, сына своего пана Григоря, приводячи в скуток до малжонства а досыт чинячы запису и обовязку своему, яко ся его милост на листе своемъ мне описал и обовязал, до имения моего Мелницы на тот рок, на ден светое Пречистое, которое свято быти мает в року осмдесят першомъ, постановити. И кгда ся то мѣнѣ от его милости выполнит, же сын его милости пан Григорей на тот рок назначоный ку веселю установится, повинен буду панну Богдану Семашковну, сестру мою, у малженство за пана Григоря, сына его милости, выдати, а по выданю в тыжден всѣ имения ее, сестры моее, которые на нее прийти мают, што я на тот час в опеце и в руках своих держу, в целости зо всимъ, яко ся в себе мают, поступити, в моцъ и в держане к рукам сестре моей панне Богдане подати винен буду. А еслибых я Александро Семашко сему запису моему, от мене его милости пану Григорю Воловичу, старосте Мелницкому, даному, выполнити и ему досыт чинити не хотел, а сестры моеи панны Богданы Семашковны за сына его милости пана Григоря на тот рок, яком ся на сем листе моемъ описал, у малженство не выдал и якими колвек причинами от того обовязку моего волнымъ быти хотел, тогда повинен буду заруки платити господарю королю его милости тысячу копъ грошей, а стороне, то есть пану Григорю Воловичу, старосте Мелницкому,

другую тисечу копь грошей; а заплатившы тые заруки господарю королю его милости и стороне, предся обовязуюся водлуг сего запису моего, от мене его милости даного, заховати, а сестру мою панну Богдану за сына его милости в малженство дати. И на то я Александро Семашко дал есми сес мой лист под моею печатю и с подьписом влостное руки моее; а для лепшого певности до-несломъ и оповедал то вряду господарскому Луцкому, якож тое оповедане мое до книг замьку Луцкого ест записано; с которых я и выпис под печатю вradoвою вземши, далом его з сим моимъ листом до рук его милости пану Григорю Воловичу, старосте Мелницкому и Мстибоговскому. Писан у Вышкове, лета Божого нароженя тысяча пятсот шестдесят шостого року, месеца июля второгонадцат дня".—А так я тое очевистое оповедане, добровольное сознание пана Александра Богдановича Семашка и лист его милости вызнанный, слово от слова, с початьку ажъ до коньца, в книги замковые записати казал, с которых и выпис под печатю моею пан Александро Семашко вземши, его милости пану Григорю Воловичу, старосте Мелницкому и Мстибоговскому, на то дал.

Книга замковая Луцкая 1566 г., № 2040. л. 245, актъ 27.

2. Протоколь рѣшенія Луцкаго гродскаго суда (съ участіемъ почетнѣйшихъ обывателей Волинскаго воеводства) о дозволеніи Богданѣ Семашковнѣ, согласно ея личному желанію и дозволенію со стороны ея матери и опекуновъ, выйти замужъ за князя Януша Матвѣевича Четвергенскаго, не взирая на то, что ея двоюродный братъ Александръ Семашко, считая себя ея опекуномъ, противился этому браку и самовольно сговорилъ ее раньше за п. Григорія Воловича. 1569 года, мая 10.

Лѣта Божого нароженя 1569, месеца мая 10 дня.

Постановившыся обличне в замку господарьскомъ Луцкомъ, передо мною Богущом Хведоровичомъ Корецкимъ, старостою Луц-

кимъ, Браславскимъ и Венецкимъ, пани Ивановая Чаплича Шпановского Галена Карповна из девкою своею панною Богданою Васильевною Семашковною, жаловал малжонок ея милости пан Иван Чапличъ Шпановский, войский Луцкий, именемъ ея самои и панны Богданы, за злеценемъ их очевистым и устным, перед их милостю паны радами, которые на тот час в замку Луцкомъ были: перед его милостю князем Викторином Вербицким, бискупом Луцким, а его милостю княземъ Александромъ Чорторыйскимъ, воеводою земли Волинское, а его милостю князем Романом Федоровичом Санкгушковичом, воеводою Браславскимъ, старостою Житомирскимъ и Венецкимъ, и перед всеми вриадники господарьскими, князи и паны, обывательми того паньства земли Волинское, тыми словы: штож дей небожчикъ малжонокъ ея перший жоны моеи пан Василей Семашко, зсходячи з сего света, записал был в опеку жону и дети свои князю Богушу Хведоровичу Корецкому, старосте Луцкому, Браславскому и Венецкому, князю Матфею Василевичу Четвертенскому а пану Михайлу Елу Малинскому, а имена свои малжонце своеи до летъ сынов детей своих в держане дал; а так по смерти пана Семашковой з воли Божои за себе жону его милости в малжонство взял. Ино в тот часъ, по смерти сынов пана Семашковых я, видечи, же пан Александро Семашко, даючи причины, абы через мене якая шкода в держани именей панне Богдане не стала, мелся к тому, абы тые имена в руках своих мел, покол панна Богдана замуж пойдет, а скоро замуж пойдетъ, обецал ей тые имена в целости отдати и при отданю тыхъ именей личбу ей вчинити, яко бы в томъ держаню панна Богдана ни в чом не шкодовала. Я, видечи такие обетници пана Семашковы и хочети быт того мниманя в кождого прожен, вчинилем з нимъ постановеня— за певным записом его пустилъ есми ему имене Подрез и вси иншие имена, которые он записался, скоро панна Богдана замуж пойдетъ, ея в целости поступити и, личбу вчинивши, досыть ея за то вделати, подъ заруками певными: господарю три тисечи копъ грошей, а мьне и паньне Богдане две тисечи копъ грошей, в чом

бы колвекъ с того листу выступилъ, што ширей на том листе от него мне даномъ есть описано. А так малжонка моя, з волею ваше милости, княже старосто, яко опекуна описаного, учинила постановене с князем Янушом Четвертенским: змовила за его милост князя Януша Четвертенского дочку свою панну Богдану, за власным позволенемъ ее самой, вжо тому два годы, и колко роков вжо веселю складано, на которые роки часто я самъ, также и через приятели свои, пана Александра Семашка в дом мой на веселе просил, а пан Александро Семашко, не ведаю для якое причины, в томъ проволоку чинит, на веселю быт не хотел, уфаючи, жебы за тою небытностю своею панну Богдану в яку шкоду вправити мог, и хотечи того имени, маючи в руках своихъ, долъшей вживати, винес лист господарьский до мене, в которомъ пише, иж бых я и жона моя панны Богданы за князя Януша Четвертенского не выдали, бо дей панъ Александро Семашко змовил ее за шурина своего, пана Григоря, сына пана Григоря Воловича, старосты Мелницкого. Але иж его кролевская милост нашъ милостивый господарь и сам николи дивок и вдов ни за кого без воленя их влостного не отдаеть, и Статутом то обвароват рачил, тогда поготову и пан Семашко жадное змовы заочное о сестру свою а девку жоны моей без позволеня панны чинити не мог, бо панна Богдана пана Григоря, сына пана Григоря Воловича, николи не видела и он ее, а звлаца и Статут на том ачбы досыт описует, иж аж по смерти отца и матки без воли брата и стрьев паненки ити не мають, и то для свовольных девок уставено, абы не водли боязни Божой за также и себе неровных ку зелженю дому своего в малженство не шли; але панъна Богдана иж зезволила в малженство за его милост князя Януша Четвертенского, вчинила то за властным позволенемъ ваше милости, княже старосто, опекуна своего, также и матки своее влостное. Якож и я именемъ жоны своее пана Александра по тои змове просил; его милост вымовил ся мне пилными потребами, иж там быти не мог, але жоне моей скончити и змовити ее за князя Януша Четвертенского радил,

только того просить, абы того постерегли, яко бы он з личбы был волен; а пана Михайла Малинского, другого опекуна, иж на тот час поблизку не было, затым при том постановеню вашей милости не был, але коли смо то его милости потомъ оповедали, тое постановене пофалив и на то зезволив и особливе при тых всих поступках, иж панна Богдана з боязни Божей, з волеи родителки своеи, за себе ровного, задного, родового человека, з давных часов, с продков его господару и речи посполитое заслужоного, в малженство ест змовена, и сама доброволне позволила, и тым дому своего намний не полжила. И хотечи, абы брат ее панъ Александро Семашко причинъ жадных к удержаню именей и ее неласкаве славит не мог, утеклася на тот час до ваше милости, милостивые панове рады его королевской милости, панов наших милостивых, и до ваше милости, княже старосто, яко вряду тутошнего, и просит за то, колиж пан Семашко подобно тот артикул на помоч себе брал, за которымъ девки свовольные от имени отпадают, а тот артикул ему не належит, бо першая: же панна Богдана з волею опекуна, другая: же властна родителка ее жива и з волею ее на то позволила; и еще хотечи себе тымъ слушней и безпечней от так неласкавого брата обваровати и безпечити, покорне а унижоне просит, абы ваша милост, княже старосто, заховавши ее водле артикулу, который на лакомую братю и сътрые в статуте ест описанъ: естлибы корыстечы именемъ а сестры замуж ити не позволили, мает ся панна втечи до вряду, и пойдетъ ли за дозволенемъ вряду за себе ровного шляхтича, тая от имени не отпадаетъ,—рассказавши тот артикул вычести, матъце ее за князя Януша ее выдат позволить рачили. Потомъ, выступивъши сама пани Чапличова, зо слезами просила их милости панов радъ, абы ся до него примовити рачили, абых ее девце водле Статуту за князя Януша в малженство ити на рокъ зложоный, то естъ месеца мая пятого-надцат дня в семь року шестдесять девятомъ, позволил, бо дей пан Семашко, улакомившись на имения девки моеи, еи в томъ переказу чинить, што ему Богъ мстити будетъ. Потомъ и сама панна

Богдана покорне просила, абысмо ее ведле прозбы, которую через пана войскога Лудкого чинила, заховали, бо дей то все влостные слова его милост за прозбою моею мовил, также и водле примовы панее матьки ее; ктому вознала, же дей „я сама доброволне, з волею вашои милости, княже старосто, опекуна своего, и пани матьки своее, за князя Януша, маючи лета зуолные, позволила и теперь позволяю“.—Пан Семашко, слышачи тое оповедане, на то отказ чинил: же дей „я для того ей за князя Януша ити не позволяю, же не только я, але и стрый мой еще з отцем моимъ за пана Боловича панну Богдану змовил, а ей тепер нет болшей, толко одиннадцат лет“. Пани Иванова поведила: „отец твой умер, а моя дочка еще не родилася; тут, ваша милост, обачте справедливост его! А о лета, тогда я лепей ведома, же есть девце моей шостыйнацать годъ“. А видечи, же пан Семашко жадное причины слушное на то не дал, взрост теж паннинъ оказовал, же вже лета мает, к тому и сама matka лета ей признала, их милости панове рада, также и панове маршалкове, врядники и все рыцерство рачили пана Семашка в том упоминат, абы сам доброволне, не ждучи жадного дозволения и не даючи о себе такового вниманъя, зволившиися з паном Иваномъ Чапличомъ и с панею малжонкою его, панну Богдану на рок зложоный з дому пана Чаплича за князя Януша в малженство выдал; и коли пан Семашко того упоминаня их милости не услухал, брал то себе на угоду на пнший час, их милост панове рада, за прозбою паней Чапличовое и девки ее панны Богданы, и бачечи справедливост ее, рачили ся до того примовити и мне радит, абых я тои почтивою панне, котрая слушне в том з волею опекуна и матки своее поступает, за князя Януша, в зацности и шляхетстве ее ровного, водле Статута пойти на рок зложоный въ малженство позволиль. Я знову панны Богданы пытал: естли же она з доброй воли, а не за намовою чиею, князю Янушу Четвертенскому в малженство быти хочет и мне о дозволене просит? Панна Богдана поведила: же „я сама доброволне, за радою матки моее, князю Янушу малжонькою быти шлюбила и

тепер быт хочу и прошу, абы ми ваша милост позволить рачилъ“. И уваживши я примову их милости панов радъ и всего рыцерства, также пилныи прозбы паней Чапличовой и девки ее панны Богданы, а звлца, ижем то водле права вчинит был повинен, казавши прочести в Статуте артыкул осмый в розделе пятом, за которым ся пани Чапличовая и девка ее панна Богдана дозволеня в мене домовяли, чинячи досыт повинности уряду моего, очевисте перед паномъ Семашкомъ дозволилем панне Богдане на рок зложоный за князя Януша в малженство пойти, также и пану Чапличу и малжонце его паней Галене выдат девку свою в дому своего за князя Януша Четвертенъского позволил. И для певной ведомости той sprawy, як ся точила, я то до книг записати казалъ.

Книга городская Луцкая 1569 г., № 2043, л. 203, актъ 198.

3. Донесеніе вознаго, ѣздившаго къ п. Александру Семашку съ приглашеніемъ пожаловать на свадьбу его сестры Богданы Семашковны. Отвѣтъ Семашка. 1569 года, мая 20.

Лѣта Божого нароженя 1569, месеца мая 20 дня.

Пришедшы и постановивъшися очевисто в замку господарскомъ Луцкомъ, передо мною Петромъ Хомякомъ, подстаростимъ Луцкимъ, возный повѣту Луцкого Богдан Олехнович Кнегиненский оповедал и тыми словы до книгъ городскихъ созпал: иж дей будучи мнѣ приданым от его милости князя Богуша Федоровича Корецького, старосты Луцкого, Браславского и Вѣницкого, на sprawy его милости пана Ивана Петровича Чаплича Шпановского, войского земли Волынского Луцкого, и малжонки его милости панее Олены Карповны, которую их милость маютъ зъ его милостю паномъ Александромъ Богдановичомъ Семашкомъ, подкоморимъ Володимерьскимъ, што пакъ кгдамъ приехалъ в дом его милости пана войского до Миловш месеца мая пятогонадцат дня, там его милост пан войский веспо-

лок з малжонкою своею оповедали мне, възному: иж дей якосмы первой сего, будучи в Луцку, при зобраню их милости панов рад его кор. милости и иных панов, врядников господарских, земских и рыцарства, обывателей земъли Волянское, потомъ дей я, войский, самъ есми будучи въ дому пана Семашковом, у Вышкове, перед их милостю паном Михайлом Малинскимъ, паномъ Василемъ Загоровскимъ, маршалкомъ его королевской милости, а передъ паном Григорем Гулевичем, хоружимъ земъли Волянское, именемъ жоны своее в дом свой до Миловшъ пана подкоморого просил на веселе, яко на тот ден неделный месяца мая пятыйнадцат, иж дей ее милост панну Богдану Василевну Семашковну, дочку свою а сестру пана Александра Семашкову, за его милост князя Януша Матвеевича Четвертенского жона моя в малженство отдает, абы его милост при том веселю быти рачил. Которое повести я, възный, от их милости выслухавши и маючи при себе шляхту людей добрых, пана Андрея Хмару и пана Станислава Злонского, тогожь дня в неделю ездил есми до его милости пана Александра Семашка, подкоморого Володимерского, до имени его Вышкова, и то все, яко ся вышей поменило, што ми пан войский и малжонка его милости оповедали, тыми ж словы его милости пану Александру Семашку мовил и на веселе панны Богданы от их милости просил. Его милост пан Семашко на тую повест мою: „Панны Богданы, состры своее, веселя не ведаю и при немъ быт не хочу; одно то вемъ добре, иж небожчикъ сътрый мой а отец сестры моее учинил то постановене около выданья в малженство дочки своее а сестры моее панны Богданы за сына его милости пана Воловича, пана Григоря, которого дей року чекамъ и пилновати буду“. — Который отказ я, възный, от пана Семашка слышачи, то шляхтою, людьми добрыми вышей поменеными, осветчил. И просил его милость панъ войский, абы то было записано; а так я тое возного сознане до книгъ кгородских записати казалъ.

Книга кродск. Луцкая 1569 г., № 2043, л. 233 об., актъ 217.

4. Донесеніе вознаго объ отказѣ Александра Семашка возвратить своей сестрѣ Богданѣ родовыя ея имѣнія. 1569 года, мая 20.

Лѣта Божого нароженя 1569, месеца мая 20 дня.

Пришедшы и постановившеся очевисто в замѣку господарскомъ Луцкомъ, передо мною Петромъ Хоменкомъ, подстаростимъ Луцкимъ, возный повѣту Луцкого Богданъ Олехнович Кнегиненский оповедал и тыми словы до книг кгородских созналъ: ижъ будучи мне приданымъ от его милости князя Богуша Хведоровича Корецкого, старосты Луцкого, Браславского и Вѣницкого, на справы его милости пана Ивана Петровича Чаплича Шпановского, войского земли Волинское Луцкого, паней малжонъце его милости паней Галене Карповне и князю Янушу Матѣевичу Четвертенскому, которую справу их милости мають зъ его милостю паномъ Александромъ Семашкомъ, подкоморимъ Володимерскимъ, и будучи мнѣ в дому его милости пана войского в Миловшах и маючи при себе шляхту людей добрых: пана Андрея Хмару а пана Станислава Злонского, в сую середу близко прошлую, месеца мая осмогопадцать дня, его милость пан войский, князь Янушъ Четвертенский, так тежъ ее милость пани Чапличовая и ее милост кнегини Янушова Чвертенская кнегини Богдана Василевна Семашковна посылали мене возного и шляхту людей добрых до его милости пана Александра Семашка, подкоморого Володимерского, абых то его милости поведиль, ижъ з воли Божое а презрениа его светое милости, за вядовым и приятельским позволенемъ, ее милость панна Богдана Василевна Семашковна, сестра его милости, вже за его милость князя Януша Четвертенского в малжонство ест отдана, абы о томъ панъ Семашко гѣдал, а вспомявши на постановене и запис свой, который их милостямъ пану Ивану Чапличу, малжонъце его милости, так теж и ее милости панне Богдане Семашковне, сестре своей, о имениа, властную отчизну ее милости панны Богданы, то ест Подрезъ и иншие имениа, кгдажъ то до рукъ и держапя своего от пана Ивана

Чаплича, от малжонки его милости и от панны Богданы взялъ и в листе своемъ описалъ, скоро ее милость панна Богдана замуж пойдет, мел пан Семашко с тых всих именей, которые колвекъ в себе держитъ, яко влостную отчизну ее милости, панне Богдане в моц и в держане поступит и личьбу учинит и за нее досыт уделати за то, што через немалый час тые имена на собе держал и вшелякие доходы и пожитки собе бралъ; а где бы тежъ именей тых панъне Богдане не поступилъ, личьбы не вчинил и за личьбу досыт не вделал, тогды описал в листе своемъ заруки господарю королю его милости и стороне немалые платити. И кдымъ то все его милости пану подкоморому от их милости ознакомиль, на то ми пан Александро Семашко поведиль: иж дей „еще стрый мой небожчикъ пан Василей Семашко дочку свою а сестру мою панну Богдану за сына его милости пана Воловича, пана Григоря змовил, а я тежъ имена его милости поступилъ, и ач тепер я их держу, яко будучи владаремъ от него, але поступит их не поступлю, а хтобы их хотел от мене взяти, тогды того боронити буду“.—Што я возный шляхтою людъми добрыми вышпеменоваными осветчил.—И просили их милости панъ войскый и князь Янушъ, сами от себе и от малженок своих, абы то было записано; а так я тое возного сознанье до кпигъ кгородских записати казалъ.

Книга гродск. Луцкая 1569 г., № 2043, л. 233, актъ 216.

ХЛІ.

Жалоба отъ имени землянки Марины Мелешковны о томъ, что мужъ ея землянинъ Прокопъ Волчко-Жасковскій держалъ ее въ заключеніи, морилъ голодомъ и холодомъ, часто подвергалъ побоямъ и истязаніямъ, вынуждалъ отъ нея выдачу бракоразводной записи и наконецъ, мѣсяць спустя послѣ брака, приказалъ отправить ее къ матери, удержавъ у себя все приданое. 1567 года, марта 24.

Лета Божого нароженя 1567, месеца марта 24 дня.

Приходил до мене Якимъ Василевича, на тот час будучого па местцу пана Михайла Павловича, подстаростего Володимерского, служебник воеводы Берестейского, старосты Волковыйского, пана Юря, а маршалка господарьского, старосты Гомелского и Шерешовского, пана Каленика Василевичов Тишковича, Щасный Мартинович з листом ихъ милости отвороним до пана Михайла Павловича, подстаростего Володимерского, обтежливе жалуючи и оповедаячи на пана Прокопа Волчка Жасъковского в речи сестреницы своее, дочки панее Ивановое Мслешковое панее Настаси Василевны Тишковича, малжонки пана Волчковы панес Марины Ивановны Мелешковича писаным, который ж и лист их милости на вряде подавши, копею жалобы и оповеданя их милости пана воеводы и пана маршалка, так теж сестры их милости панее Ивановое Мелешковое, панее Настаси Василевны Тишковича, и дочки ес, сестреницы их милости, малжонки пана Волчковы, панее Марины Ивановны Мелешковича, дал; на которое копеи жалоба и оповедане именем всѣх их милости описана, а наболшей пани Волчкова, пани Марица, меновите а достаточне жалобу и оповедане свое на малжонка своего пана Волчка доложила тым обычаем: Иж дей яко тых недавно прошлых часов, в року теперешнем шестдесят семом, месеца генвара семого дня, по Новом лете, мене, Марину, яко малжонку свою, от пани матки моее панее Ивановое Мслешковос в закон малженства светого взял з немалою маетностью моею, то ест грошей готовых внесеня моего по мне взял двесте копъ литов-

ское личбы, а другую двѣсте копъ грошей у выправе—в перлах, в золоте, в серебре, в патах, в цине, в мѣди и в инших рухомах речах, не оставуючи ничего тое маетности у панее матки моее, а к тому особливе што-м окром того шацунку от панее матки моее и от инших приятелей своих властности своеи мела двесте копъ литовское личбы грошей, а триста золотых черленых, а чотыри возники сѣрые друканты, за которые ее милост пани матка моя двесте таларов дала, так и шатки и плате белое и инших не мало речей мела есми,—то все малжонок мой забравши, до именей своих на Волын со мною ехал. И еще дей скоро от пани матки моее з Бусези выехавши, обачила есми у Косове неволницу матки моее именем Ориницу, которую служебники его до Косова в ночи до него привезли, и на завтрне ж, в дорогу едучи, в одних санях з нею седел, а мене в иншие сани вкинено; и тогож дей часу, в дорозе едучи, от скрын и от всее маетности моее ключи в мене поотбирал, и мене за жону себе не мел, и частокрот мя збивал и окрутне мордовывал, которое нелюбости своее и знак оказовал, же девку тую, которую от пани матки моее есми мела, именем Татьяну, еще в дорозе едучи, в местечку князя Кюперского, в Камени, згвалтовал. А потом, привезши дей мене на Волын, до йменя своего Жаскович, всю маетност мою, што колвек внесеня моего по мне от панее матки моее взял, так и тое, што-м окром шацунку от панее матки и от приятелей своих двесте коп грошей литовское личбы а триста золотых черленых и ланцух золотый, в котором было двесте золотых черленых, и к тому шатки и белое плате и иншие речи,—то все себе побрал, а мене самую с панею-старою моею именем Барбарою, которую пани матка моя при мне была послала, у светлочку малую до везеня осадил, которая светлочка николи не топливана, гдем великого зимна, недзы и голоду, через чотыри недел седечи, уживала, терпечи от него уставичне збита, змордована и паругана, иж завжды упившися, пришедши до мене, до тое светлочки и разволокли нагую, сам мя пугами, тетивами бивал и хлопятом перед собою бити росказовал, и бивано по колку

раз, и дивные мордерства и окрутенства надо мною через колко недел чинил, чога ми встыд а ни ся годить передъ вашою милостю поведати, аж на праве, за пытанем вравовым, або тежъ и перед духовною особою, чога не тылко малжонку, але и жадному хрестянину не слуши, што злѣй чоловикъ надо мною чинил, то бых поведила. Так теж и ести мне давати заказывал, и коли хто мне, яко про Бога, хлеба до светлочки вкинул, он за то слуг, бояр и служебниц своих карал, бил и поранил; якож и паней-старое моее, в том везеню седячое, насмеване чинечи, очи выпалил. А потомъ, взявши против мене злѣй умыслъ, тых недавно прошлых часов, месеца феврала, семого дня, у пятницу, мене збивши и окрутне змордовавши, ледве живую также у везени оставивши, а сам с того имени Жаскович не вем где выехавши, и в небытности своее, мене с того имени своего тром бояром своим, на ймя Мартину Семеновичу Стаховскому, а Тишку Ивановичу, а Давиду Петровичу, усадивши на сани простые, на дровни, соломы подославши, и сама не ведала есми, где мя везти казал: внимала-м, жебы мя на смерть где везъ. Где тые бояре, за росказанем пана своего, мене а панюю-старую мою Барбару, нас двох, с того везеня взявши, не так яко на стан мой почтивый, малжонки его, пристояло, клячами мужицкими подводными, от всее маетности моее, толко в одном саянику бурнатном двуличном, белками подшитомъ, што м на себе уставичне мевала, а шубка опрятная брушковая лисяя, чорным сукном крыта,— и тут, до йменя панее матки моее, до Девяткович, в небытности ее милости панее матки моее в дому своем, будучи ее милости на тот час на Подляши, у пана брата своего, его милости пана воеводы Берестейского, привезли мене, а тую верхомененую маетност мою всю, штом колвек от панее матки моеи мела, так и мои властные речи, што м кром шапунку от панси матки своее и от инших приятелей своих, яко пенези готовые, и золотые, и лавцуг золотый, и чотыри возники, и шатки, и белос платс, и иншие многие речи, так и две служебницы мои, што ми пани matka моя подавала, девку Татьяну, а прачку Малошицу,—то все у себе zostавил и чи-

нил с тыми служебницами моими обема в дому своем мешкане таковое, яко сам хотел; а мне маетности моее болшей жадные речи не дал, толко на подводы панее матки моее, которые там до Жаскович скрыни з маетностью моею за мною отвозили, вставивши две скрыни, одну чорную великую, а другую меншую белую, отлупавши замки, выбравши з них речи вси, через тых же бояр своих за мною послал, в которых дей скрынях ничего не было; што на потом и иными врядами доведено будет. Где ж дей с тых ран, збитя и змордованя от малжонка своего, на дорозе мало не вмерла. Так теж дей, будучи мне у малжонка моего, в ймени его Жасковичох, примусивши мене, по дваокрот до вряду господарьского Володимерского в ноци мене возил и водил и с примушенем розказовал ми на вряде сознане чинити, абых я его от малжепства волным учинила".—А так, як их милост пан Юрей, воевода Берестейский, и пан Калепикъ, маршалок короля его милости, через лист свой до пана Михайла Павловича, подстаростего Володимерского писаный, просили, так теж и тот служебник их милости Щасный, именем их милости панов своих и паней Ивановои Мелешковой паней Настаси и дочки ее милости паней Прокоповои Волчковой паней Марины, устне просил, абы тое обжаловане и оповедане их милости до книг замковых записано было. Я текстъ тое жалобы и оповеданя ихъ милости, ведлуг копей, от их милости через того Щасного на вряд посланое и мне от него далое, в книги замковые записати казалъ.

Книга замк. Владим. 1567 г., № 934, л. 55 об.

XLII.

Възновная запись п. Семена Хребтовича-Богуринскаго, выданная имъ своей женѣ Райнѣ, дочери п. Андрея Ивановича Русина-Берестецкаго. 1567 года, мая 22.

Я Семень Ивановичъ Хребтовичъ Богуринский възъзнаваю и чиню явѣно симъ листомъ моимъ кождому з особна и всимъ посполите, кому того потреба ведати або чѣтучи его слышати, нинешнимъ и напотомъ будучимъ завѣжды, шѣто з ласьки а с презрѣнья Духа Божого, а тежъ за ведомостью и с позволеньемъ ее милости панее Матухъны моее, а с порадою всихъ приятелей моихъ, приполъ есми в кровъную а звѣчистую приязнъ з домоу ихъ милости панов Русинов, изъ у его милости пана Андрея Ивановича Русина Берестецкаго понял есми за себе в малъжонство светое дочьку его милости панну Райну, по которой посагу взял есми триста копъ грошей готовых монеты и личбы великаго князства Литовскаго, личчы по десети пенезей белыхъ у грошъ, а в выправе—въ золоте, в серебре, в перлах, в клейнотах, в шахах, в стаде и в бнших многихъ речах рухомах так же взял есми другую триста копъ грошей, слущным шацункомъ ошадовавши, которую дочьку его милости а малъжонку мою панну Райну, изъ-емъ дозналъ добрую, цютливую и выхована почтивою, особливе милость и склонность ее противку себе, а заховываючися в том водъле Статуту, тои малъжонце моеи Райне симъ листомъ моимъ записую за внесене ее в домъ мой противко троухъ сотъ копъ грошей готовых совито, то естъ шест сотъ копъ грошей литовских, а противко рухомахъ речей выправы, которая ся вышй поменила, триста копъ грошей, того всего девѣтьсот коп грошей на всей части именей моихъ отчизных Богурине и Куняткове, которая мает мне водле делу отбрати моее рожноное прийти, и на той всей части моеи тое вено и внесене малъжонки моее панее Райны Русиновны даю, дарую и симъ листомъ ей записую девѣт сотъ копъ грошей литовскихъ; и воляна она будет

того запису моего на тую суму, ей от мене на всей части моей записаного, уживати, щого такъ дѣти мои, которые кгда быхмо мсжи собою сплодили, яко тежъ братья моя рождоная а повиноватые и кривные мое рушати, ни тое части з рукъ ее, малжопки моей, ажъ до живота ее брати не мают и мочи не будут, а по смерти моей, по животе своемъ, малжонка моя пани Райна Русиновна волна будет в той суме тую всю часть именей моихъ заставить и тую суму пѣнезей деветь сотъ копъ грошей на пожитокъ обернути и тымъ водле мысли своее шафовати, а дети, братья и повиноватые а кривные мое за тую всю часть именей моихъ ей, малжонце моей, пенезей откладати не мают ажъ до живота ее. Ку тому обещаю, иж кгда, да ли Бог, именей а отчизны своее, нижей меновите описаных, з братею своею дойду, которые имена в руки людей обчих в суме есть заведенные, то есть Счерсы, Гривда, Своритва, Путьятичи, Яровая и Боровая, и тежъ што быхъ на господаря короля его милости або якомъ колвекъ пану выслужити, або прикупити мог, и якимъ бы колвекъ спадкомъ на мене прийти мело, тогды я на тот часъ маю и повинен буду сесь лист мой, от мене малжонце моей паней Райне данный, отменити и знову, ничимъ не отступуючи Статуту, на всехъ именахъ моихъ отчизныхъ, которые первой з братею съвоею деръжу и въживаю, яко тежъ которые нам дойти мають, такъ тежъ на выслуге, купчлѣ и спадьку, вынемъши зо всьихъ именей моихъ третью часть с тое части, которая мѣне в отделе от брати моей дойти маеть, тую деветсотъ копъ грошей литовскихъ мененую, ей малжонце моей, мне верне милой, . . . ¹⁾ даю сесь мой листъ под печатью моею и с подписомъ властное руки моее. А при томъ были и того добре сведомы и за прозбою моею печати свои к сему листу моему приложити рачили: его милость панъ Петръ Богдановичъ Загоровскій, маршалокъ его королевское милости, панъ Михайло Корытенъскій, писаръ земскій повету Луцкого, панъ Иванъ а панъ Дахно Ивановичи Хрыбтовичи

¹⁾ Пропускъ въ подлинникѣ.

Богуринские, братья моя рожоны, пан Богданъ а панъ Иванъ Михайловичи Сватъковичи Хренъницкие. Писан в Берестечку, лета Божого нароженя тисеча петсот шестдесят сегомо, месеца мая двадцат второго дня. Подпис пана Семена Хребтовича: Семен Хребтовичъ Богуринский, влостная рука.

Книга земская Луцкая 1565—1569 г., № 2093, л. 214 об.

XLIII.

Духовное завѣщаніе подстаросты Винницкаго Андрея Федоровича Ельца, въ которомъ онъ, озабочиваясь судьбой остающейся послѣ него молодой жены и еще не родившагося потомка, подтверждаетъ ея вѣно и записываетъ ей въ даръ все свое движимое имущество. 1567 года, іюня 8.

Лета Божого нароженя 1568, месеца августа тридцатого дня.

Ставши очевисто в замъку господарскомъ Луцкомъ, передо мною Гавриломъ Бокеемъ, судьей земскимъ Луцкимъ, а мною Остафьемъ Соколскимъ, подсудкомъ земьскимъ Луцкимъ же, землянин господарский пан Романъ Гостский покладалъ передъ нами тестаментъ зятя своего, небожчика пана Андрея Федоровича Ельца, подстаростсго Венецкаго, данный и оставленный дочце его а жоне того Ельца, пани Мари, просечи, абы вычитанъ и в книги земские уписан был. Ино мы его огледавши, перед собою читати казали, который тестаментъ такъ ся в себе маеть: „Во ймя Боже, Святой Живоначальной и Нерозделимой Тройцы, Отца, Сина и Святого Духа, станся. Я грешный рабъ Божий Андрей Федоровичъ Елецъ, подъстаростий Венецкій, визнаваю и явно чипю симъ моимъ тестаментомъ всимъ въ посполитость, нинешнимъ и напотомъ будучимъ, кому того потреба ведати будетъ, што жъ будучи мнѣ з допущеня Божого велми форому, а лежачи на смертной постели, с которе форобы розумелом, иж

ближний есми ку смерти, а нижили ку здоровю, ведаючи теж то, же вси речи на свете сут дочасныи, толко смерть певнейшая, про то без жадное намовы и припуженя, одно по моей доброй воли, памети и з умыслу моего зуполного, хотечи то постановити и обаровати, абы по животе моем жона моя милая Маря, дочка пана Романа Ивановича Гостского, которая, еще за целого здоровья моего, от уласного ложа мене, мужа своего, з ласки милостивого Бога, плодомъ у животе своемъ зашла, и по мнѣ останется ли, от брати, сестрѣ, близкихъ и кривныхъ моихъ, ни отъ кого колвекъ трудности а ни которого принагабана не мѣла и не приймовала, звлаща маючи в себе его милость пана отца моего милостивого лет зошлыхъ,—даю и поручаю якъ самую тую то жону мою милую Марю, такъ и тое дитя, признаваючи его за властного потомка моего, которое, хотя и по животе моем из живота тои то малжонки моеи народиться, и з ласки милостивого Бога будет ли живо, ув опеку и оборону зо всею тою маетностю, от мене ей обдарованою и в сем тистаменте моем нижей описаную, его милости велможному князю Андрею Тимофеевичу Капусте, каштеляну Браславскому, старосте Овруцкому, пану а добродее моему милостивому, а пану Богухвалу Михайловичу Павши, писарю земьскому повсту Киевского, пану а зятю моему милому, и покорне так в сем тистаменте моем, яко и в листехъ моих до их милости, о том от мене особливе писаных, прошу и низко чолом бью, абых ихъ милость тую то жону мою верху помененую Марю и оное дѣтя мое, которое в животе ее осталось и, народившись, будет ли живо, въ моцы и обороне и в опеце своей маючи, их от вшеляких кривдъ и утисков от каждого боронити и в речахъ им потребныхъ во всемъ имъ допомогати рачили. А о похованю тела моего грешного, егда Пан Богъ душу мою грешную с тела моего до хвалы своей светое зобрати рачит, покорне прошу его милости пана отца моего милостивого пана Федора Елца, абы его милость рачил вшелякое старане о похованю учтивомъ хрестяньскомъ тела моего грешного чинити и его поховати со всемъ собором Овруцким в монастыри

светого Спаса ув Овручом, а усю почтивость поминная мает по мне жона моя Маря, подле закону нашего хрестянского грчешского, справовати. Што ся тежъ дотычет самой то жоны моеи милое Мари Романовны, которая от поитштыя своего за мене в малженство великую учтивость и поволныи службы з милостю статечною малженскою мне показывала и тепер ажъ и до конца живота моего показывати не переставает, которой ач есми, беручи ее за себе жоною, напротив внесена ее в домъ мой, подле Статуту права посполитого и маючи на то позволене пана отца моего его милости пана Федора Елца, записал вена и с привинком всего сумою триста коп грошей личбы и монеты литовское на всихъ именахъ моих отчизных, которые, по смерти пана отца моего, яким колвек обычаем через его милость набыты, з делу ровного от брата моей рожное на часть мою придут и спадут, хотя бы то и по животе моим было, але для лепшого ведомости и сим тистаментом моим и остатнею волею моею, того первого запису моего, ей, жоно моей, от мене даного, потвержаючи, тую суму пенезей вышей помененую ей, жоне моей милой, записую, которую часть именей на мене прийдучую и тоеи то жоне моей от мене ув оных трех сот копахъ грошей записаную мает и волна будет тая жона моя милая Маря, подле первого запису и сего тистаменту моего, и по животе моем з делу ровного от брата моей со всим на все до рук своих взяти и ее держати и вживати до тых лит, поки ажъ дети мое, а в недостатку детей, брата, сестры и близкие мои тую суму пенезей не раз помененую триста коп грошей отдадут и сповна заплатят. А особливе, знаючи до себе почтивое заховане и на всем поволныи службы той то жоны моеи милое Мари и хотячи то з ласки и милости моей поровнати, даю дарую и сим тестаментом и остатнею волею моею описую той то жоне моей милой Мари Романовне Гостского вси речи мои рухомые, то ест: золото, серебро, шаты, кони ездные, седла, зброи, цин, медь и все от мала и до велика, што колвек тое маетности моей рухомое есть и по мне зостанет. Мает то все жона моя Маря, нераз по-

меная, до рук своих взяти и тым всим, яко своимъ властнымъ, шафовати а ку пожитку своему оборочати, яко налепей сама розумеючи; а отец мой, братья и сестры, никто з близких моих, а ни теж тот потомок мой, который тепер от мене, властного мужа ес, в животе еи зостал, по мне народится, хотя ему Пан Богъ и живота продолжить,—тых всихъ речей, от мене ей дарованыхъ и сим тастаментом моим отписанныхъ, не мают и не будут мочи на той то жоне моей Мари поискивати, а ни ее о то ку праву позывати вечными часы. Одно ж мает жона моя Маря за провод тела моего грешного дати священником на собор Овруцъский коня моего серого, прозвищем Кочуба, а зятю моему милому пану Богуфалу Павши мает дати коня находника моего мышастого а саблю турецкую без сребра, а игумену Пречистскому Заручайскому мает дати кожух мой чабанский. Гдеж на твердость сего моего тестаменту и печать еси свою приложилъ и руку мою подписал; а при томъ были и того добре сведоми и на прозбу мою печати свои приложили к сему моему тестаменту их милости панове а приятели мои: свещеник Покровский Веницкый отецъ Андрей, духовник мой; пан Крыштофъ Клавенский Масло, дворянин его королевское милости; пан Роман Красноселский, пан Андрей Семенович Садовский, пан Филон Кордыш, земляне повету Веницкого. До чого узвавши еси черезъ прозбы мое его милость пана Миска Петвичанского, войского Веницкого, которому его милость князь Богушь Корецкый, староста Луцкый, Браславский и Веницкый, пан мой милостивый, местце свое старостинское се zde, у Веницы, в небытности своей, злецети рачил, сесь тестамент мой оповедал и о записане до книг замковых Веницких его милости еси просил. Писан у Веницы, лета Божого нароженя тисеча пятсот шестдесят семого, месца июня осмого дня. Андрей Елецъ рукою власною.—А так мы тот тестамент слово въ слово до книг справ земьскихъ вписати казали.

Книга земская Луцкая 1565—1569 и., № 2093, л. 293 на об.

XLIV.

Донесеніе вознаго о переговорахъ п. Станислава Даменскаго съ княгинею Марьей Ружинскою и ея сыновьями по дѣлу сватовства его съ княжною Ганною Ружинскою. 1567 года, ноября 13.

Лета Божого нароженя 1567-го года, месяца ноября третего-надцат дня.

Ставши обличне на вряде замковомъ, передо мною Михайломъ Привередовским, подстаростим Володимерскимъ, возный повесту Володимерского пан Хадко Чуват Туличовский тыми словы до книг вызналъ: иж будучи мне от тебе з уряду замкового данным пану Станиславу Даменскому, служебнику велможного княжати Лва Александровича Санкгушка Коширского, на потребу его до кнегини Оедоровое Ружинское княгини Мари и сына ее князя Михайла Оедоровича Ружинского ку онытаню их о зложене року ку постановеню сватовства дочки княгини Оедоровое Ружинское, сестры князя Степановы а князя Михайловы молодой, кнежны Ганны, был есми с паномъ Станиславомъ Даминскимъ в Ружине в неделю прошлую, месяца теперешнего ноября девятого дня, и пыталъ пан Даменский передо мною, возным, княгини Оедоровос Ружинское и сына ее князя Михайла Ружинского: если же зложили были рок ему який певный ку становеню сватовства о дочку ее, сестру молодшую князя Степанову и князя Михайлову, кнежну Ганну? Ино княгиня Оедоровая Ружинская поведила: „правда, иж напервей зложила есми была весполк з сынами своими княземъ Степаном а княземъ Михайломъ Ружинскими тебе, панс Даминский, рок ку становеню сватовства о дочку свою а сестру сынов моих молодшую кнежну Ганну на ден Рожества Пречистое, свята прошлого, року тепер идучого шестдесят семого, на который рокъ мела есми за тебе дочку свою в малженство дати; а потомъ вси сполечне, як я сама, так и сынове мои, за непосехомъ нашимъ того року помкнули есмо далей до Покрова Пречистое, так

же свята прошлого, под таким обычаемъ: ижесь меля на тот рок до нас, до Ружиня, в дом наш приехати, а я мела с тобою сына своего молодшого князя Михайла до дому твоего послати, хочечи ведати о оселости твоей, и взявши ведомост через того сына своего, тую дочку свою за тебе в малженство мела дати".—Як же сын ее княз Михайло таким же обычаемъ передо мною, возным, то вызнать, же первый рокъ становеню того сватовства пану Даминскому на ден Рожества Пречистое весполкъ з маткою своею и братом своим старшим княземъ Степаном были зложили, а потом того року далей до Покровы Пречистое помкнули, на который он с паном Даминским до дому его мелят ехати, хочечи ведомост взяти о оселости его, и взявши ведомост, донести матце своей и брату своему князю Степану, тогда на он часъ мели есмо дочку княгини матки своей, сестру нашу молодшую, кнежну Ганну сполечным обычаем з маткою своею за пана Даминского в малженство выдати. Пан Даминский передо мною, вознымъ, на тые слова княгини Ружинское и сына ее князя Михайла им поведил: „я будучи от вас в томъ убезпечоным, опустивши потребы а послуги пана своего, так теж не мало иных справъ своих, через так дорогу не близкую з войска, от князя его милости пана своего, з людьми добрыми к тому року на Волянъ ехаль и на тот рок зложоный, на ден светое Покровы, в дому вашем тут, в Ружини, был, будучи готов тому постановеню досыт чинити, а до дому своего з сыномъ твоимъ (то княгини Федоровой мовил) князем Михайломъ, то ест с тобою, княже Михайло, до дому моего ехати и оселост мою показат; ином самое тебе, княгине, на тот рок в дому твоем в Ружини не засталъ, одно сын твой молодший на тот час в Ружини в дворе твоем, то ест ты, княже Михайло, был и отложил ест то до приеханя княгини матки своей; и кгда на завтрее по светое Покрове приехала еси сама твоя милост, кнегине Федоровая, тут до Ружина, тогда просили есте мене з сыном своим князем Михайлом, абых я поволил вамъ еще в том часу до дву недель, за чим бы есте пашню посеяли. Ино дей и на тот рок есте тому

досыт не вчинили, а зо мною княгиня Оедоровая сына своего князя Михайла до дому моего не слала. Я и над тот рок, аж и до сего часу, вже через колко недел, для того тут на Волини мешкаю и за тым до князя его милости, пана своего, до войска не еду и в том собе не мало шкодую, штом стравил от его милости на Волин едуци и тут мешкаючи и людей добрых на то способляючи и што дей ту жь есми вамъ самым, як тебе, княгине, так сыном твоим и дочце твоей, княжне Ганне, подавал, и особливе дей зъ езченя твоего кон мой мышпастый здох, которого дей еси в мене на потребу свою до Мышовъ ехати брала,—которых дей я всих шкод своих реестръ меновите писанный в себе маю".—Княгиня Оедоровая Ружинская поведила: иж „штом мела сына своего князя Михайла с тобою, пане Даменский, слат до дому твоего, доведываючи ся оселости твоей, ино я а ни сынове мои того вже не потребуем и рок певный веселю веснолок з сыном моим князем Михайломъ по роспущеню войска за две недели тебе складаем, на который без всякого вже откладу дочку мою княжну Ганну за тебе в малженство выдамъ".—И просиль мене пан Станислав Даминский, абы тое вызнане возного в книги замковые было записано; я тое в книги замковые записати казалъ.

Книга замковая Владимирская 1567 г., № 934, листъ 188.

XLV.

Документы, относящіеся къ дѣлу о разводѣ Василя Загоровскаго съ первою женою его, княжною Марьей (она же Марина) Збаражскою.

1. Донесеніе вознаго о томъ, что урядникъ п. Василя Загоровскаго, по его приказу, не дозволилъ княгинѣ Аннѣ Збаражской видѣться съ ея падчерицею, княжною Марьей Збаражскою, женою п. Загоровскаго. 1567 года, іюня 7.

Лет Божего нароженя 1567, месеца іюня 7 дня.

Што первой сего дня вчорашнего, месеца іюня шестого дня, в пятницу, писала и присылала до мене, Якима Василевича, на тот час будучого на местцу пана Михайла Павловича, подстаростего Володимерскаго, ея милость кнегиня Миколаегаая Збаражская, старостиная Кремянецкая, кнегини Анъна Деспотовна, просечи о придане возного, меновите, абых ея милости лист мой дал до Тихна Радовицкаго, што бы толко зъ ея милостью до пана Василя Загоровскаго до Суходол, здоровья паней Загоровское наведити, яко ся на нем мает, ехал. Я з уряду замкового лист мой до Тихна Радовицкаго, возного поветового, писаный ея милости послал, абы зъ ея милостью на тую потребу меновите ехалъ; который же возный сегодня, даты на верху написаное, ставши обличне на вряде, передо мною тыми словы до книг вызнал: иж за писанем листу твоего до мене, будучи мне от тебе з уряду замкового возным даным ея милости кнегини Миколаевои Збаражской, старостиной Кремянецкой, ку еханю зъ ея милостью до пана Василя Загоровскаго, до Суходол, здоровья паней Загоровской наведити, яко ся на нем мает,—дня вчорашнего, в пятницу, ездилъ есми зъ ея милости до Суходол; был теж при ея милости и служебник князя Александра ея милости Чортгорыйскаго, воеводы Волянскаго, Семен. Кгды се милост приехала там до Суходол, хотечи здоровья

панеи Загоровскои наведити, яко ся на нем мает, врядникъ пана Василя Загоровского Суходолский кнегини ее милости самое, ани жадного чоловѣка з слуг ее милости до двора пустити не хотел, поведаячи, иж дей „пан мой пан Василей Загоровский мне такъ росказал, абых не так слуг вашей милости, але вашей милости и отца властного малжонки его милости, панеи нашее, до ее милости не пустил, так абы ее милост зъ двора нигде не бывала; а так я вашу мость до двора не пущу“,—и не пустил. Кнегиня ее милость мне, возному, и служебнику его милости князя воеводы Волынского Семену то оповедавши тым способом: „вгдыж ся то мне стало, же мя до двора не пуцоно, яко сами бачите, так розумею, иж тая дочка князя его милости, малжонка моего, пани Василея Загоровская, ест у везеню“. И з тым ее милост оттол з Суходол отехала.—И просила ее милост мене через писане листу и посланца своего, абы то было в книги замковые записано. Я тое вызнание возного в книги замковые записати казалъ.

Книга замк. Владимірская 1567 г., № 934, л. 93.

2. Жалоба урядника п. Василя Загоровского о вооруженномъ нападеніи князя Николая Збаражского на дворъ Загоровского въ с. Суходолахъ и увозѣ его жены. Перечень пограбленнаго при этомъ имущества. Дознаніе вознаго. 1567 года, іюля 17.

Лѣта Божего нароженя 1567, месеца іюля 17 дня, в четвергъ.

Приходил до мене, Якима Василевича, на тот час будущого на местцу пана Михайла Павловича, подстаростего Володимерского, врядникъ пана Василя Петровича Загоровского Суходолский Михайло Мостенский, оповедаючи и жалуючи: штож дей дня сегоднешнего, месеца іюля сегонадцать, в четвергъ, по рану, в не-

бытности пана моего, егдыж его милость тых недавних часов для потреб своих ку его королевское милости до Городна отехати рачил, князь Миколай Андреевич Збаражский, староста Кремянецкий, неведати для которое причины, способившись з многими помочниками, слугами и подданными своими, обычаемъ войны неприятелское, збройно, з гаковницами, з ручницами, умыслъне на дом пана моего до двора Суходолского мощно, квалтомъ, ворота в дворе розказавши выбить, въехалъ мощю у дворъ, панюю малжонку пана моего, дочку свою, панюю Марину з дому его милости квалтовне взялъ, при которомъ квалтовномъ с помочниками, слугами и подданными его до двора пана моего наеханю шкоды ся дей немалые пану моему стали, то ест: въ коморе з светлицы, где пани мешкала, и в другой коморе з большое светлицы двери выбиты и замки дей поламаны и скрны порозбиваны, въ которыхъ дей коморахъ сховане маетности панское и панее, которая дей маетность у ведомости моей была, за тымъ то квалтовнимъ князя Миколая Збаражского на дом пана моего наеханемъ не мало ест побрано, а меновите дей згинуло: шабель пана моего серебромъ оправных двенадцат, на которыхъ дей было серебра по три гривны; шабел позлотистых три, на которыхъ дей серебра по полчетверты гривны; кончировъ чотыри серебромъ оправных: два позлотистыхъ, на нихъ серебра дей по полчетверты гривны, а два кончиры без позлоты— по три гривны серебра; радов гусарскихъ серебромъ оправных два: один позлотистый, на которомъ дей было серебра гривенъ двадцат, а другой рядъ непозлотистый, на которомъ дей было серебра гривенъ осмъ; поводы серебряные, въ которыхъ было серебра гривен чотыри; сидло оксамитом чирвонымъ крыто, серебромъ оправное с позолотою, на которомъ дей серебра гривен десят; кубковъ серебряныхъ дванадцат, въ которыхъ дей было серебра гривенъ двадцат; ковшовъ яворовых, серебромъ оправныхъ, дванадцат, на которыхъ дей было серебра гривенъ осмъ; ленцуговъ золотыхъ два, в которыхъ поведал, ихъ было двесте и сорокъ золотыхъ чирвоныхъ; грошей готовыхъ шестсот копъ литовскихъ, которые дей мне пан мой на войтовство

Володимерское пану Михайлу Дубницкому, дьяку канцлереи его королевское милости, водлугъ запису его дати росказал, и лыжокъ сребръныхъ тюзиновъ два, в которыхъ дей важило сребра гривень осмъ; соболей сороковъ чотыри, куницъ сороковъ осмъ, рысей двадцат, бобров двадцат, волковъ сорокъ и чотыри; шату газуку оксамиту бурнатного, соболями подшитую; шату однорядку оксамиту чорного, кунницами подшитую; кожух соболий новыи, кожух сибирковый новыи, жупанъ злотоглавовый, дедея злотоглавовая, дедея шарлатовая, жупанъ оксамиту чирвоного; зброи: панцеров дванадцат, шишаков дванадцат. Тые дей вси речи, маетност пана моего, за квалтовнымъ наеханемъ князя Миколая Збаражского с помочниками, слугами и поддаными его на дом пана моего, побраны есть; а особо речи панее, шаты и плате белое—то дей все с тыми речми верху писаными на тот же час погинуло. И просил мене тот врядникъ пана Василя Загоровского Суходолский Михайло о придане возного на огледане квалтовного выбитя ворот дворныхъ и выламания дверей в коморах светличныхъ. Я зъ уряду замку кгородского Володимерского давал ему на то возного поветового Тихъна Андреевича Оранъского, который возный там бывши и оттод приехавши, ставши обличне на вряде передо мною, тыми словы до книгъ вызналъ: иж маючи з собою сторону, шляхту людей добрыхъ: пана Павла Грингоревича а пана Григория Семеновича Оранскихъ, был есми дня сегоднешнего, июля семогонадцат, в четверг, в дворе пана Василя Загоровского в Суходолех и виделъ есми: ворота двора Суходолского выбиты и порубаны, а в коморе з светлицы, где пани мешкала, и в другое коморе зъ большое светлицы дери порубаны и выбитые, и в оныхъ коморах видел есми скрыни порозбиваные, которые врядникъ пана Загоровского Михайло менил, иж за квалтовнымъ князя Миколая Збаражского на дом пана моего с помочниками, слугами и поддаными его наеханемъ есть порозбиваны, и с тыхъ комор сховане, маетности панские: золото, сребро в работе с позлотою, а иншее сребро без позлоты, и теж гроши готовые, соболи, куницы, волъ-

ки, шаты, зброи, панцыри, шапки и иншия многия речы, што колвек в тых коморахъ было, отъ мала до велика есть побрано; и тежъ панее маетность, шаты и платье белое в тот же час с тых комор за квалтовнымъ князя Миколая Збаражского на дом пана моего наеханем погинуло. Якожъ и тая вышей мененая шляхта, которую возный при себе мель, ставши обличне на вряде при возном, тыми жъ словы, яко и возный, вызнали: ижъ видели якъ ворота в дворе пана Загоровского Суходолскомъ выбитые и порубаные, такъ и в коморъ двери выламаныя и скрыни порозбиваныя, и оповедане от врядника пана Загоровского Михайла забраня тое маетности пана его за квалтовнымъ князя Миколая Збаражского на дом пана Загоровского наеханем и тежъ згиненя маетности, шат и платье белого паней Загоровской, которое згинуло на тот же час, слышали.—И просилъ мене врядникъ пана Василя Загоровского Суходолский Михайло Мостенский, абы тое оповедане и жалобу его и вызнанье возного и тыхъ шляхтъ, которые при возномъ были, в книги замковъ было записано. Я то в книги замковъ записать казаль.

Книга замков. Владимірская 1567 г., № 934, актъ 158, л. 121.

3. Заявленіе князи Николая Збаражскаго о томъ, что онъ не дѣлалъ никакого наѣзда на дворъ своего зятя Василя Загоровскаго, а былъ тамъ для свиданія съ дочерью, женою Загоровскаго, и взялъ ее съ собою потому, что она слезно просила о томъ, жалуюсь на дурное обращеніе съ нею мужа. Подтвержденіе этого заявленія со стороны вознаго. Личная жалоба княжны Марины Збаражской на тиранство мужа и вынужденіе отъ нея дарственной записи на ея материнскія имѣнія. 1567 года, іюля 18.

Лѣта Божего нароженя 1567, месеца іюля 18 дня, в пятницу.

Што дня вчорашнего, в четвергъ, приходил до мене Якима Василевича, на тот час будущого на местцу пана Михайла Павловича, подстаростего Володимерскаго, служебник его милости князя Миколая Андреевича Збаражскаго, старосты Кремянецкаго, Богуш Заецъ Луковский, оповедаючи именемъ князя его милости пана своего, иж его милост дня сегоднешнего четверговаго, маючи при себе возного повету тутошнаго Володимерскаго, з уряду даного, Ивана Охълоповскаго, а вижа его милости князя Александра Чорторыйскаго, воеводы Волынскаго, Яна Гораина, а пана Семена Ласка Черничцкаго и иных немало людей добрых, ехалъ до имени пана Василя Петровича Загоровскаго Суходол, хотечи здоровья дочки своее, малжонки пана Загоровскаго, кнежны Марины наведити, и кгда дей его милость тамъ до Суходол приехалъ, тогды, не едучи ани идучи до двора, ставши на селе, послалъ до дочки своее, малжонки пана Загоровскаго, кнежны Марины, абы ся зъ его милостью видела. Пани Загоровская з двора дей на село з врядником малжонка своего Суходолскимъ Михайломъ а служебникомъ его Жуховскимъ и с панею-старою и девкою служебною до его милости пана моего, отца своего, вышла, и вместо витаня, заразом падши передъ его милостью, слезне просила, абы ее з такъ великое а тяжкое неволи, которое дей от часу немалого от малжонка моего, яко одна неволница, вживаю и терплю, вызволити а ее з собою взяти рачиль. Его милость, улитовавшись над нею, бачачи ее такъ велми слез-

ную, толко самую одну и ни с чимъ инъшимъ, одно в чомъ з двора вышла, взяти рачил. Якъ же и возный перво помененый Иван Охлоповский тымъ же способомъ, якъ служебникъ его милости князя старосты Кремянецкого Заецъ оповедалъ, передо мною вызналъ, ижъ будучи отъ пана Михайла Павловича, подстаростего Володимерского, за листомъ его, князю Миколаю его милости Збаражскому, старостѣ Кремянецкому, на потребу его милости данымъ, зъ его милостю в Суходолехъ сегодня былъ и то все виделъ и слышалъ, якъ Заецъ оповедалъ, и тот лист пана подстаростего, за которымъ тамъ ездилъ, передо мною показовалъ, который такъ ся в себе маеть: „От Михайла Павловича, подстаростего Володимерского, возному повету Володимерского пану Ивану Охлоповскому. Писалъ и присылалъ до мене князь Миколай его милость Андреевичъ Збаражский, староста Кремянецкий, просячи о придаче возного на потребу свою; а такъ я твою милость на потребу его милости таковую з уряду придавамъ, на которой бы ведле права и статуту посполитого твоеи милости быти пристояло, и тамъ будучи, во всемъ ся заховат, яко на врьд возного належи. Писан у Володимери, року шестдесят семого, месеца июля шестогонадцат дня. Якимъ Василевичъ“.—А потом на завтрие, яко дня сегодняшнего, в пятницу, по рану, его милост князь Миколай Андреевичъ Збаражский, староста Кремянецкий, самъ особю своею на врьд замку господарского Володимерского приехавши, передо мною досыт немало а широче жалъ свой а обыжне дочери своее, малжонки пана Василя Загоровского, кнежны Марины, которое дей от малжонка своего терпела, и якъ се перед вознымъ и вижомъ князя воеводы его милости Волынского и перед иншими людми добрыми толко одну самую и ни с чимъ инъшимъ, одно в чомъ з двора на село в Суходолех до его милости вышла, взялъ, оповедати рачил, повторяючи вчерашнего оповеданья своего, через служебника его милости Заеца передо мною вчиненого; гдеж и возный, як вчора, такъ и тепер, одностайпе, же до Суходол зъ его милостю княземъ старостою Кремянецким ездилъ, и што князь староста в дворе не был, але дочка его ми-

лости, малъжонка пана Василя Загоровского, до его милости выпла тамъ же дей на селе, за великимъ плачемъ ее его милост з собою взяти рачил, осветчаючи оного всего первшого оповеданя Заецова и его милости самого, вызналъ. При которомъ же оповеданю его милости старосты Кремянецкого и вызнаню возного, дочка его милости, малъжонка пана Василя Загоровского, кнежна Марина, тутже стоячи, очевисте передо мною жалостне то оповедала: иж дей „есми через час немалый, яко от полтора году, от малъжонка моего великое недзы, будучи у неволи, яко одна невольница, вживала, везеня, бою и зраненя приймавала и терпѣла, которого зраненя и тепер дей знаки в себе в голове маю; а то дей все ни для чого иного мне чиниль, одно примушаючи мене, абых ему имениа мои материстые поневоле записала, на што я кромъ воли и ведомости его милости князя отца моего, и сама з умыслу своего зволити и того вчинити не хотѣла; и где бы ся дей такovyе записы напотомъ показали, тогда я о них, яко о такovyх, на которыемъ никгды не зволяла, ничего ведати не хочу, бомъ теж по вси тые часы, якъ за пана Василя Загоровского в малженство от отца моего выдана, печати своее гербу князя отца моего в себе не мела.“—А потом теж его милост князь староста Кремянецкий передо мною оповедаль: иж дей „при застановеню и отданю тое дочки моее кнежны Марины за него у малженство, собе одно имене Гривятко, вынемши с части на нее, дочку мою, приходячое, з доживотемъ спокойне держалъ, што дей и в листе его записномъ, мне от него на то даном, ширей описано естъ; то пак дей пан Василей Загоровский, нет вѣдома для которое причины, моцне квалтомъ ув оное имене Гривятко и в двор тамошний въехавши, вранника дей моего Андрея поймавши, у везеню час немалый держалъ, а потомъ вон з двора выгнавши, тое именье зовсимъ аж и до сих часовъ на себе держит и вживаетъ“. И жадалъ его милость мене, абы тое оповедане его милости, через службника его милости Заеца передо мною вчиненое, такъ теж его милости самого устное, и дочки его милости, малъжонки пана

Василя Загоровського, кнежны Марины, и вызнана возного в кни-
ги замковые было записано; што в книги замковые записати казалъ.

Книга замков. Владимірская 1567 г., № 934, л. 122.

4. Заявленіе князя Николая Збаражскаго о беременности его до-
чери, жены Василя Загоровскаго. 1567 года, августа 3.

Лет Божего нарочена 1567, месеца августа 3 дня.

Писалъ и прислалъ до мене Михайла Павловича, подста-
ростего Володимерскаго, его милост князь Миколай Андреевичъ
Збаражский, староста Кремянецкий, оповедаячи: што дей „дочка
моя пани Василева Загоровская Марина, будучи в малженстве
за паном Василемъ Загоровским, в животе своемъ з нимъ дѣтя
почела и естъ бременъна; а чуючи ся быт в томъ початю и бре-
менью и будучи на тот час в мене, отца своего, без бытности
малъжонка своего пана Василя Загоровскаго, не хотечи того зане-
хат, абы напотомъ якого мниманя на себе не понесла, ку ведомости
моее, отца своего, то припустила. И просилъ мене его милост
князь Миколай Збаражский, староста Кремянецкий, через писанье
листу и посланца своего, абы то было в книги замковые записано.
Я тое оповедане его милости в книги замковые записати казалъ.

Книга замков. Владимірская 1567 г., № 934, л. 136.

Б. Донесеніе вознаго о томъ, какъ происходилъ разборъ пріятельскимъ судомъ дѣла по обвиненію Василюемъ Загоровскимъ своего тестя князя Николая Збаражскаго въ наѣздѣ на его дворъ, грабежѣ имущества и увозѣ жены. 1568 года, марта 19.

Лѣта Божего нароженя 1568, месеца марта 19 дня.

Постановившія обличне на вряде замку господарского Володимерского, передо мною Михайломъ Павловичомъ, подъстаростимъ Володимерскимъ, возный повету Володимерского Тихно Радовицкий тыми словы до книгъ вызналъ: ижъ будучи мне отъ тебе з уряду замкового приданымъ на потребу князя Миколая его милости Аньдреевича Збаражскаго, старосты Кремянецкаго, для прислухання тое sprawy, яко ся его милость записаль з паномъ Василемъ Загоровскимъ передъ пріятелими в дому пана Михайла Козинскаго, кашталяна Луцкаго, ув Осмеговичахъ стати по роспущено войска за чотыри недели, былъ есми тамъ при его милости ув Осмеговичахъ дня оногдашнего, месеца марта шостогонадцать дня, у волторокъ. Его милость, чинечи досыть записови своему, в Городне вчиненому, того дня, у волторокъ, тамъ ув Осмеговичахъ самъ ся становилъ и дочку свою, малъжонку пана Василя Загоровскаго, кнежну Марину ставилъ, и выслухавши жалобы пана Загоровскаго, во всемъ перед паны пріятелими их милостю невинност и отвод свой показовал и того ся справити хотел. Якъ же сама пани Загоровская тыми словы на особности перед пріятелими князя его милости,—где тежъ и з стороны пана Загоровскаго были их милости панъ Григорей Гулевичъ, хоружий земли Волынъское, пан Иван Чапличъ Шпановский, войский Луцкий,—сознала: ижъ дей „его милост князь отец мой никгда на двор мужа моего не наежчал, речей жадныхъ, такъ теж и мене самое з двора его не брал и в дворе не был, але дей я до его милости з двора на село сама вышла и слезне просила, абы мя его милость с тое неволи взяти рачил“. А пан Загоровский себе ку доводу брался.

А ижъ их милости панове приятели в томъ ихъ обычаемъ угодливомъ погодити не могли, то собе ведле записов своихъ з обухъ сторонъ до кгороду взять рачили за две недели.—И жадалъ его милост мене князь Миколай Збаражский, староста Кремянецкий, черезъ служебника своего Богуша Заеца Луковского, абы тое вызнане возного в книги замковые было записано. Я то в книги замковые записати казалъ.

Книга замков. Владимірская 1568 г., № 935, л. 32 об.

6. Заявленіе Василя Загоровскаго о прекращеніи начатаго имъ въ судѣ дѣла по обвиненію князя Николая Збаражскаго въ наѣздѣ на его имѣніе, грабежѣ имущества и увозѣ его жены. 1568 года, апрѣля 1.

Лѣта Божего нароженя 1568, месеца априля 1 дня.

Постаиовивъшися обличне на вrade замку господарского Володимерского, передо мною Михайломъ Павловичемъ, подстаростимъ Володимерьскимъ, пан Василей Петровичъ Загоровский то оповедилъ и до книгъ замковыхъ доброволне а устне вызналъ тыми словы: „Ижъ штомъ былъ обжаловалъ и позвы кгородскими до суду замку Володимерского позвалъ князя Миколая его милост Андreeвича Збаражского, старосту Кремянецкого, о взятые жоны моее, дочки его милости, панее Марины и о шкоды, ведле даня справы врадника моего Суходолского Михайла, якъ онъ мне справу далъ и на вrade замку тутошнаго Володимерьского оповедалъ и жаловалъ и в книги замковые записати далъ, жебы за приеханемъ его милости до двора моего Суходоль и при взятю малжонки моее, в небытности моеи на тотъ часъ в Суходолехъ, будучи мне при дворе его королевское милости в Городне, въ року шестдесятъ семомъ,

шкоды в дворе моемъ стати мели; ино я, приехавши до двора моего Суходоль, возьмемъ того справу и ведомость достаточную, штожь за приеханем его милости и при взяту малъжонки моее шкоды некоторые в дворе моемъ от его милости мнѣ не стали; якъ-жемъ я того вранника моего о то караль, а князя Миколая его милостъ Збаражского с того обжалованя моего вызволилъ и волнымъ вчинил, и вже на его милости самомъ и слугахъ его милости того поискивати не маю, якъ же и вси справы листовые, записованя и выписы с книгъ врановыхъ в тое речи, которые есмо межи себе в обжаловани з обудву сторонъ, такъ я противку его милости, якъ его милость противку мене мели, ни во што обернули, и вже то на обѣ стороне промежку себе вечно умораемъ, абы то напотомъ в жадного права и на кождомъ местцу всноминано не было и моцы никоторое не мело".—Которого жъ доброволного а устного вызнаня, тутъ же стоячи обличне, его милость князь Миколай Андреевичъ Збаражский, староста Кремянецкий, выслухати рачиль.

Книга замков. Владимірская 1568 г., № 935, л. 36.

7. Заявленіе Василя Загоровскаго о данномъ ему со стороны тестя его князя Николая Збаражскаго обѣщаніи возвратить ему свою дочь, жену заявителя. Донесеніе вознаго о томъ, что Загоровскій въ назначенный срокъ, въ сопровожденіи своихъ пріятелей, ѣздилъ за женою къ князю Збаражскому, но послѣдній не исполнилъ даннаго зятю обѣщанія. 1568 года, мая 17.

Лѣта Божого нароженя 1568, месеца мая 17 дня, в понеделокъ.

Што первой сего в субботу прошлую, месеца мая пятогонадцать дня, присылал на вран замку господарского, до мене Якима

Василевича, будучи мне на местцу пана Михайла Павловича, подстаростего Володимерского, его милост панъ Василей Петрович Загоровский, городничий Володимерский, оповедаючи, ижъ его милост князь Миколай Збаражский, староста Кремянецкий, прирек словомъ своим и обедал его милости отдати дочку свою, жону его милости, панюю Марину кнежну Збаражскую, дня завтришнего, в неделю, месеца мая шестогонадцат дня, в чотырихъ неделях по Великодни, в ымену своемъ дворе Жасковичах, на который рокъ хочечи его милост до князя Збаражского до Жасковичъ ехати и жону свою к собе от его милости взяти, потребовал, абым возного ку тои справе его милости з уряду дал. А так я з уряду замку господарского Володимерского давал его милости на то возного поветового Тихна Оранского, который же возный сегодня, в понеделок, постановивши ся обличне на вряде замковом передо мною, до книг замковых вызнал тыми словы: ижъ будучи мне от тебе з уряду замкового его милости пану Василю Петровичу Загоровскому приданымъ, былъ есми зъ его милостю дня вчорашнего, в неделю, месеца мая шестогонадцат дня, в дворе князя Миколая его милости Андреевича Збаражского, старосты Кремянецкого, в Жасковичахъ, кгда его милость пан Василей Загоровский, маючи при себе людей добрых: пана Григоря Гулевича, хоружого земли Волынское, пана Ивана Чаплича Шпановского, войского волынского Луцкого, князя Януша Матфеевича Четвертенского, пана Ивана Петровича Калусовского, судю кгородского Володимерского, пана Федора Солтана, писара земского повету Володимерского, пана Прокопа Волчковича Жасковского, пана Петра Костюшковича Хоболтовского, пана Ждана Коиленского, пана Войтеха Паевского, пана Ивана Обуховича Воцатинского, до двора его милости князя Збаражского до Жасковичъ ездил. И кгда его милост пан Загоровский тамъ приехал, на тот час князь Миколай Збаражский якъ самъ в том дворе не былъ, так и дочки своее, жоны пана Загоровского, его милости пану Загоровскому водлуг приреченя слова своего не отдал, и никого на тот ден до Жаско-

вич, даючи о себе пану Загоровскому ведати, не прислал.—Которое же оповедане свое его милост пан Василей Загоровский и вызнане возного в книги замковые дал записати.

Книга замков. Владимірская, 1568 г., № 935, л. 53 об.

8. Донесеніе вознаго о томъ, что князь Николай Збаражскій, чрезъ пріятеля своего князя Войну Вороницкаго, представилъ владимірскому епископу Феодосію объясненіе причинъ, по которымъ онъ не могъ въ назначенный срокъ представить къ духовному суду своей дочери княжны Марины по дѣлу ея съ мужемъ, Василіемъ Загоровскимъ; на что епископъ объявилъ, что вслѣдствіе неявки и непослушанія отвѣтчицы онъ выдалъ декретъ, коимъ освободилъ Загоровскаго отъ брака съ нею. 1568 г., августа 30.

Лѣта Божого нароженя 1568, месеца августа 30 дня.

Постановившія обличне на вряде замку господарского Володимерского, передо мною Михайломъ Павловичомъ, подстаростим Володимерским, возный повету Володимерского Тихно Радовицкий до книг замковых вызнал тыми словы: Будучи мне отъ тебе з уряду замкового даным на потребу князя Миколая его милости Андреевича Збаражского, старосты Кремянецкого, до владыки его милости Володимерского и Берестейского Феодосия, был есми дня сегоднешнего, в понеделок, с княземъ Войною Вороницкимъ ув отца владыки его милости у Володимери, в замочку его милости владыченском. Тамъ же передо мною, вознымъ, княз Война Вороницкий от его милости князя Миколая Збаражского, старосты Кремянецкого, первой показоваль два листы о небезпеченство от поганства татаръ военные, отворонье: один его кролевское милости, а другой веаможного кнежати его милости кнежати Костентина

Островского, воеводы Киевского, маршалка Волинское земли, старосты Володимерьского, в поветъ Кремянецкий по руски писаные, а третій лист затвороний отъ его ж милости князя воеводы Киевского до князя старосты его милости Кремянецкого, также по руски писаный,—и к тому копею з листу его милости пана воеводы Руского до князя воеводы его милости Киевского писаного, по полску писаную,—поведаючи, иж дей его милост княз староста Кремянецкий не без причины, але с причин слушныхъ за тыми листы воепыми под час военный небезпечности от поганства татар дочьки своее панее Василевое Загоровское, княжвы Марины, за позванемъ пана Загоровского, ку праву ставити не мог. А потом княз Война Вороницкий пытал гладыки его милости: если же его милост владыка пана Василя Загоровского отъ дочки его милости волным вчинил? Отец дей владыка поведил: „за нестаньемъ и непослушенствомъ ее, вчинил есми волнымъ пана Загоровского от нее“.—И просил мене княз Война Вороницкий, абы тое визна не возного в книги замковые было записано. Я то в книги замковые записати казалъ.

Книга замк. Владимірская 1568 г., № 935, л. 118.

9. Донесеніе вознаго о врученіи княжною Марушей (она же Марина) Збаражской бывшему ея мужу Василю Загоровскому урядоваго напоминальнаго листа о томъ, чтобы онъ возвратилъ ея приданое и материнскія ея имѣнія. 1568 года, сентября 16.

Лѣта Божего нароженя 1568, месеца сентебра 16 дня.

Постаповившиися обличне на вряде замку господарского Володимерского, передо мною Михайломъ Павловичомъ, подстаростимъ Володимерскимъ, возный повету Володимерского Тихно Радовицкий

до книг замковых вызнал теми словами: будучи мне от тебе в ураду замкового данымъ панее Маруши Миколасвне княжне Збаражской ку. подаю листу упоминального врядового папу Василю Загоровскому, маршалку господарскому, городничому Володимерскому, о внесене и имениа ее милости материстые, дья сегоднешнего в четвергъ был есми з служебником ее милости Василемъ Лубенецкимъ в имениа пана Василя Загоровского в Суходолах; ино его самого пана Загоровского в дворе не поведили. Служебникъ ее милости Васплей тотъ лист упоминальный врядовый вряднику его милости пана Василя Загоровского Суходолскому Станиславу на дворцы подле двора очсвите в руки подал; он лист принявши и перед собою вычитат давши, зася тому служебнику ее милости Василю отдасть, а Василей ему копею с того листу упоминального дал. И просил мене тот служебникъ ее милости Василей Лубенецкый, абы тое вызнане возного в книги замковые было записано. Я то в книги замковые записать казалъ.

Книга замков. Владимірская 1568 г., № 935, л. 126.

10. Жалоба Василя Загоровскаго на князя Явуша Збаражскаго и его сестру княжву Марину, бывшую жену жалобщика, о вооруженномъ захватѣ его двора въ с. Замличахъ и имѣній Войковичъ и Форостова. Перечень пограбленнаго имущества. Донесенія возныхъ по означенному дѣлу. 1568 года, сентября 22.

Лѣта Божого нарочена 1568, месеца сентебра 22 дня, в среду.

Оповедал на вряде замку господарского Володимерского мне, Михайлу Павловичу, подстаростему Володимерскому, его милост нап Василей Петрович Загоровский, маршалок его кролевское милости, городничий Володимерский: вж дей дня вчорашнего, в

олторок, месеца сентебра двадцат первого дня, князь Янушь Миколаевич Збаражский, старостич Кремянецкий, змовившия з сестрою своею, палею Мариною Миколаевною кнежною Збаражскою, старостянку Кремянецкою, а пребавивши срогост права и нарушаючи покой посполитый, пославши умысне слуг своихъ—князь Януш Збаражский наместника своего Росновского Матея Стрыжовского а боярына своего Жасковицкаго Станислава Бобровского, а пани Марина кнежна Збаражская, сестра его, служебников своих: Васка Лубенецкого а Грицка Новицкого, з иншими слугами и многими помочники своими мощне, квалтом в двор мой Замлицкий и в имена к тому двору прислухающие: у Войковичи и Форостов, которые дей я от часу немалого спокойне держал, там же дей в том дворі Замлицкомъ вранника моего Яна Пресмыцкого збити и зранити и з двора проч выгнати казавши, оный двор мой Замлицкий и имена Войковичи и Форостов через тых слуг и помочников своих зо всею маетностю домовою, которая в том дворе была, то сст из збожем, з быдлом и з иншими речми моими и вранничими, квалтовне в моц свою, выбивши мене з спокойного держаня, взяли Ябож тых шкодъ своих и вранничихъ; которые ся дей за тым квалтовным выбитемъ его милости в том дворе Замлицкомъ при взято того двора и именей стали, его милост панъ Василей Загоровский рсестръ на враде передо мною показовал, на котром меновите написано, што в тот час в том дворе было: Напервей дей, в гумне збожя: жита две стирте по сту коп, пшеницы коп двадцат, овса две стирте по сту коп, а три стоги по шестдесятъ коп, гороху стирта, проса коп двадцат, ячменю коп двадцат, гречки в гумне тридцат коп, а на цожне вязанос коп з сорок, сена шест стырт а стог отдал¹⁾; збожя молочоного в дворе, в свирпе и в подклети: пшеницы мац цят, жита мац десет, муки житное корыто; сукна сермяжного местскаго петдесят локот, скура конская, котел великий, што есть варить; быдла дей дворского:

¹⁾ т. е. вдали, въ сторонѣ.

волов шест; коров шест, телят, кон гнедый, вепров десет, свиной пятеро, подсвинокъ пятеронадцетеро, поросят малых двадцатеро, гусей шестдесят, кур девяносто, петухов десят, кашлунов петдесят; в пивницы стаговъ осмъ, бочок двадцат порожних а одна с квасом грушовым, барил пят; у бровари: котел пивный одень, горелчанных котлов два, кадей пивных две, горелчанныхъ кадей три. А врадника его милости Яна Пресмыцкого речей, которые дей были в малой коморце: однорадок сукна влоского зеленого з шнурами шолковыми, кожух бараний, ложник белый, аркабузов два, кошул три: две коленскихъ а третья ткацкая, шапка черная столбоватая, кунцами подшитал; коробка с пенезми, з листы, с квити и реестры потребными; которых дей пенезей дванадцат коп грошей литовскихъ было. И оповедал мне его милост пап Василей Загоровский, иж дей при том кгвалтовномъ выбитю моемъ с того двора и при збитю и зранепю и выгнаню врадника моего Яна Пресмыцкого возный повету Володимерского Тихно Оранский, которого дей есми для инших справ своих з ураду был взял, в том дворе моем трафился быт, которым возным врадникъ мой Ян Пресмыцкий тое кгвалтовное выбите мое с того двора и именей, збите и зранене и выгнание свое осветчал и раны свои оказовал. Як же и тот возный перво помененый Тихно Оранский, тут же стоячи очевисто на вряде передо мною, до книг замковыхъ вызнал тыми словы: будучи мне от тебе з уряду замкового приданым на иншие справы его милости пана Василя Загоровского, трафило ми ся быт днѣ вчорашнего, у волторок, в дворе его милости Замлицком; там же вчора врадник князя Януша Николаевича Збаражского Росновский Матей Стрыжовский, а боярин его милости в Жасковичах мешкающий Бобровский, а слуги панее Марины кнежны Збаражское, сестры его милости, Васко Лубенецкий а Грицко Новицкий з иншими слугами и многими помочниками их, приехавши мощно, кгвалтом в двор его милости Замлицкий, там же в томъ дворе Замлицком врадника его милости Яна Пресмыцкого збили, зранили и з двора проч выгнали, а оный двор Замлицкий зо всею

маетностью домовою, которая в том дворе была, квалтовне в мощь свою взяли, што вранник его милости пана Василя Загоровского Ян Пресмыцкий мною возным осветчил, и раны свои мне оказывал, которых я огледал и видел есми: одну рану на заде, на крыжу, нижей пояса, штыховую кривавую, скроз однорадок и кафътан проколотую, в голове на потылицы за левым ухом рану, удареную синюю, на левой руке на двох палцох, на великомъ и на другом подле тогож палца великого, две раны обрезанных кривавых.—А иж тот возный Тихно Оранский з уряду на то не был приданым, пан Василей его милост Загоровский брал в мене з уряду замкового другого возного Юхна Оранского на огледање того збитя и зраненя вранника своего Яна Пресмыцкого; который же возный Юхно Оранский, постановившисе обличне на вряде передо мною, до книг замковых о огледање збитя и зраненя вранника его милости пана Василя Загоровского Яна Пресмыцкого так же, як и Тихно Оранский, вызнал, што тые раны в него видел, которые дей он менил себе быти от вранника князя Януша его милости Збаражского Росновского Матея Стрыжовьского, а боярина его милости Жасковицкого Бобровского, а слуг сестры его милости панее Марины кнежны Збаражское Васка Лубенецкого а Грицка Новицкого, за посланем и росказанем дей ихъ в дворе пана моего Замлицкомъ, при квалтовном выбитю его милости з спокойного держаня с того двора а именей Войковичъ и Форостова, мне тое збите и зранене стало; так дей теж на тот час шкоды немалые пану моему и мне стали, якъ дей мепе збили, зранили и з двора ото всего проч выгнали, што дей все его милость пан мой меновите а достаточне на враде оповедал. А потом бралъ его милост пан Василей Загоровский в мене з ураду замкового возного поветового Тихпа Оранского ку посланю до того двора Замлицкого, доведоваючися достаточне: хто в немъ есть и на кого тот двор и имена держать? А такъ тотъ возный Тихно Оранский передо мною до книгъ вызналъ тыми словы: иж за приданем твоим врановым а посланем его милости пана Василя Загоровского, ездил есми з

служебником его милости Себестнапомъ Маковъским, маючи при себе шляхту людей добрых: пана Войтеха Паевского, а пана Ивана Обуха Воцатинского, до двора Замлицкого, и кгда есмо там приехали, вышли противку нас з двора служебники князя Януша Збаражского: Иван, Марко Кленский а Кгаласский з гаркабузы и в двор нас не пустили, поведаячи: „не маете тут жадные потребности!“ Служебник его милости пана Василя Загоровского Маковский передо мною возным и перед шляхтою перво поменепою тых слуг князя Януша его милости Збаражского пытал: хто бы промежку их старший и на кого тот двор Замлицкий и имена Войковичи и Форостов держит? Ино оден з них Иванко поведил: „я дей тут ест владником и тот двор Замлицкий и имена Войковичи а Форостов держу от князя Януша его милости Збаражского, пана моего, и сестры его милости панее Марины княжны Збаражское“. Што служебник его милости пана Василя Загоровского Маковский мною возным осветил. И хотечи о тое квалтовное выбите свое с того двора Замлицкого и именеи Войковичи и Форостова, збите и зранене владника своего Яна Пресмыцкого и поделане шкод на он час в томъ дворе у права с князем Янушем Збаражским и сестрою его милости панею Мариною княжною Збаражскою его милост пан Василей Загоровский мовити, просил, абы то было до книг замковых записано; которое я оповедане его милости и возных сознане в книги замковые записати казалъ.

Книга замковая Владимірская 1568 г., № 935, л. 130 об.

II. Заявленіе Василя Загоровскаго о томъ, что онъ добровольно возвратилъ бывшей своей женѣ княжнѣ Маринѣ Збаражской материнскія ея имѣнія, которыя она раньше записала ему въ даръ и въ заставу, и уничтожилъ самыя записи. 1568 года, ноября 10.

Лѣта Божого нароженя 1568, месеца ноябра десятого дня.

Постановившися обличне на вrade замку господарского Володимерского, передо мною Михайломъ Павловичемъ, подстаростим Володимерским, а передо мною Иваномъ Петровичомъ Калусовским, судею кгородским Володимерскимъ, его милост пан Василей Петровичъ Загоровский, маршалок господарский, городничий Володимерский, самъ добровольце а устне до книгъ замковыхъ вызнал тымъ словы: „Иж што пани Марина Миколаевна княжна Збаражская, старостянка Кремянецкая, третюю част именеи своих материстыхъ мне на вечность даровнымъ, а две части в суме пенезей заставнымъ обычаемъ записала, на што и листы свои вызнанные подавала и на вrade замку Володимерского то вызнала, которое вызнание ее милости в книгахъ замковыхъ есть записано; ино я зася тые имена, яко третюю часть на вечност, так и две части в суме пенезей, от панее Марины Миколаевны княжны Збаражское мне записаные, ее милости отдал и поступил и тые записы, которые мел от ее милости, поотдавал и покасовал, так теж и тые записы, которые ест в книгахъ замковыхъ, вызнания ее милости, касую, которые напотомъ жадное моцы мети и наппротивку ее милости ничего шкѣдити не мают.“—И просилъ нас его милост пан Василей Загоровский, абы тое вызнание его милости в книги замковые было записано; мы тое добровольное а устное вызнание его милости в книги замковые записати казали.

Книга замков. Владимірская 1568 г., актъ 227, л. 147 об.

12. Заявленіе княжны Марины Збаражской о томъ, что она признаетъ недѣйствительною занесенную ею раньше жалобу на бывшаго ея мужа Василя Загоровскаго, будто онъ вынуждалъ отъ нея записи на ея материнскія имѣнія и „справиль“ таковыи безъ ея воли. 1568 года, ноябра 10.

Лѣта Божого нароженя 1568, месеца ноябра десятого дня.

Постановившия обличне на вряде замку господарского Володимерского, передо мною Михайлом Павловичомъ, подстаростим Володимерскимъ, а передо мною Иваном Петровичом Калусовскимъ, судею кгородским Володимерским, папи Марина Николаевна княжна Збаражская, старостянка Кремяпецкая, доброволне а устне до книг замковых вызнала тыми словы: „Ижъ штомъ первой того на вряде замку Володимерского на его милост папа Василя Петровича Загоровскаго, маршалъка господарского, городничого Володимерского, около записов на имена мои материстые оповедала, которое оповедане мое в книгахъ замковыхъ есть записано, якобым от его милости бывала к тому примушивана и потом без воли моее справлены быт мели; ино иж ми его милост того не чинил, прото я тот запис оповеданя моего в книгах замковыхъ касую, который напотомъ жадное моцы мети и напротивку его милости пану Василю Загоровскому ничего его милости шкодити не маеть“.—И просила нас ее милост пани Марина Николаевна княжна Збаражская, старостянка Кремянецкая, абы тое доброволное а устное вызнане ее в книги замковые было записано. Мы за прозбою ее милости тое доброволное а устное вызнанье ее милости в книги замковые записати казали.

Книга замков. Владимірская 1568 г., актъ 228 л. 148.

XLVI.

Жалоба п. Ивана Болды объ отказѣ боярина Саввы Кондратовича отъ даннаго имъ обѣщанія выдать дочь свою въ замужество за сына жалобщика. Донсесіе вознаго о личныхъ переговорахъ п. Болды съ Кондратовичемъ по настоящему дѣлу и о вложеніи на послѣдняго „заруки“ въ сто копъ грошей за нарушение слова. 1568 года, февраля 8.

Лѣта Божого парожения 1568, месеца фѣвраля осмого дня.

Пришедшы на врьдъ его королевское милости, перед мене Петра Хомека, подстаростего Луцкого, пменем велможного пана его милости пана Миколая Юевича Радивиля, воеводы Виленского, Иванъ Иванович Болъда*) оповедал па боярина ее милости панее Богушовое Ярославичького, на ймя Саву Кондратовича: „иж дей он мел дочьку свою дати за сына моего Ивана, якож дей, будучи в дому моемъ, тому веселю яко на сюю прийдучую неделю, которая будет месеца фѣвраля пятогонадцат дня, рок зложилъ; па которое дей веселе ямъ ся был всим на все зготоваль, то пак дей тотъ Сава Кондратовичъ через некоторых обчихъ приятелей моихъ дал ся в томъ слышат, не хотечи вже дочки своее за сына моего дати“. Для чого жъ Иванъ Болъда брал в мене, подстаростего, вижомъ служебника моего Станислава Чаплинского, который, ста-ши передо мною, до книгъ кгородскихъ тыми словы созналъ: ижъ нипешньнего дня панъ Иванъ Болда, при мне вижу врьдовомъ и при стороне людей добрых, поткавши тутъ в Луцъку на рынку боярина ее милости панее Богушовое Ярославичького Саву Кондратовича, пытал его тыми словы: „пане милый Саво, для которое причины твоя милость дочки своее за моего сына дати не хочешъ? якож дей твоя милост тому веселю, будучи в дому

*) Точками обозначены мѣста истлѣвшія или совершенно выдѣлтіія въ актовой книгѣ.

моемъ, рок на сую близко приплюю неделю зложилъ“. На што вышепомененый Сава поведил пану Ивану: ижъ дей „я дочку свою (не за) твоего сына буду давати“. И повидил пан Иван при мне вижу врядовомъ, при стороне людей добрых: ижъ дей „я на тое веселе готовизны не мало выдожил и так много собѣ шкодую, яко сорокъ коп грошей“. Яко ж пан Иванъ Болда, естлибы он слову своему досыт не вчинил и тое дивки своее за сына его не отдал, и на ее милост панюю Богушовую, панюю его, заручил сто коп грошей..... вижем и стороною людми добрыми осветчил. И просиль пан Иван Болда, абы то было записано. А так я тое оповедапе и, вижово сознанье до книгъ кгородскихъ записати казаль.

Книга кгородск. Луцкая 1568 г., № 2042, л. 33.

XLVII.

Заявленіе землянина Ивана Шпаковского о томъ, какимъ способомъ онъ обязался обезпечить вѣно своей невѣстки—вдовы его брата, не успѣвшаго при жизни выдать ей вѣнковой записи и не оставившаго духовнаго завѣщанія. 1568 года, августа 18.

Лѣта Божого нароженя 1568, месеца августа 18 дня.

Приходчи и постановившиися очевисто на вряде его кролевское милости в замку Луцком, передо мною Федоромъ Ивановичомъ Русиномъ, писаромъ кгородскимъ замку Луцкого, в тот час будучимъ на местцу пана Петра Хомяка, подстаростего Луцкого, землянинъ господарский повѣту Луцкого пан Иванъ Павловичъ Шпаковский оповедал и доброволне сознал тыми словами: „Ижъ дей брат мой старший пан Васитей Шпаковский понял был за себе в мал-

жепство дочку пана Семена Григоревича Подгороденского панну Ганну, по которои взялъ былъ вѣна на посаг: готовыми пенезми шестдесятъ золотыхъ полскихъ, а в выправе..... то быти могло, с которою малжонкою своею брат мой пан Василей толко одно полроку мешкалъ спокойно, а тыхъ часов, с презрѣня и допущѣня Божого, не вчинивши жоне своей водле права посполитого и статуту земского па имению своемъ оправы, з сего свѣта зшолъ и тастаменъту не чинячи; на которого похоронъ панъ Семень Подгороденскій приехавши, госполокъ зо мною и з дочкою своею панею Ганною тѣла водле закону светого хрестянского поховал и обыходъ делал; а потом, маючи дбалост о дочке своей и милуючи еи, дочку свою милую панною Ганну, невестку мою, вчинил зо мною skutecное постановене под тымъ обычаемъ: ижъ што брат мой небожчикъ Василей взялъ былъ у пана Семена Подгороденского вѣна готовыми пенезми шестдесятъ золотыхъ полскихъ, тогда я с тыхъ пенезей, которые ся были по смерти небожчика брата моего в дому его zostали, сорокъ и семь копъ грошей личбы литовское, даль есми пану Семени Подгороденскому двадцат и одну копу грошей личбы литовское, а остатокъ тыхъ пенезей двадцат и шесть копъ я до рукъ своихъ взялъ, а выправу всю дочка его милости пани Ганна, невестка моя, себе побрати маеть. А што ся дотычет того, ижъ брат мой небожчикъ Василей, оправы напротивъку вѣна и вношеня еи в домъ нашъ водле пристойности не записавъши и тастаменъту не вчинивъши, самъ з сего свѣта зшолъ, тогда я, не хотечи с паномъ Семеномъ Подгороденскимъ доброе а повиноватое приязни розривати и нарушати, такъ есми з нимъ приятельскимъ обычаемъ погодил и на томъ застановил: ижъ онъ маеть з дочкою своею а невесткою моею держати имения нашего Шпакова, всее части небожчика брата моего Василевы и браты мои молодшой Грыцка и Гаврила Павловичовъ Шпаковскихъ, з двором, будованемъ дворнымъ, с пашънею дворною, с полми и сеножатми, зъ ихъ роботами, с платами и вшелякими ихъ повинностями, не выимуючи жадного вживаня в томъ имению части, ничого на нас не

зоставуючи, до року и до шести недел, то ест от часу дати те-перешнее аж до свята Покрова Пречистое Богородицы, которое свято быти маеть в року прийдучом шестдесят девятомъ; а кгда тот рок описаный дочка его милости пани Ганна. имене наше сполна выдержит, тогда я повинен буду дочце его а невьстце своєї а пану Семену Подгороденскому, отцу ее, кром жадного права и позываня дати водле статуту земского вѣпа неоправеного тридцат коп грошей личбы литовское, тож тоє имее свое к рукам своимъ взяти маю. А естли бых я на тот рокъ описаный яко на ден Покрова Пречистое Богородицы в року шестдесят девятомъ тых пенезей тридцат копъ грошей личбы литовское невестце своєї паней Ганне Семеновъне не отдал и хотя однимъ днем того року описаного похибити мел, тогда невестка моя пани Ганна Семеновна, восполокъ з отцем. своимъ паном Семеномъ Подгороденскимъ, тоє имене наше Шпаков зо всѣмъ на все держати и живити маєт от року до року, от свята Покрова Пречистой Богородицы до такового ж свята Покрова Пречистой Богородицы, и аж до оддана зуполное заплаты тых пенезей тридцати копъ грошей личбы литовской; а я самъ, братья моя и ни хто з близкихъ, кровных и повиноватых моих, без року и промежку роковъ того своего имени в него выкуповати и, не отдавши той сумы пенезей, ничим ся в него уступовати и жадное переказы в томъ за держаня сечинити не маю и мочи не буду, под зарукою на сторону царушону тридцатма копъ грошей. А по колко лет невестка моя з отцом своим паном Семеномъ Подгороденскимъ того имени в держаню своем мети будуть, тогда я по всѣ часы с того имени своего службу господарскую и земскую военную, отступуючи статуту, заступовати и служити маю. толкокротъ, иле того потреба вказовати будеть. Кгдабы теж невестце моеї паней Ганне. Василевої Шпаковской была пилная потреба пенезей, тогда будет волно ее милости имене мое Шпаков в той же суми пенезей у тридцати копах грошей личбы литовское кому хотячи оставити, а я яко надротивко си милости невестци своєї, так и надротивко.

тому, хто после пеп держати будетъ, водъле сего листу моего заховатися маю и буду повинен. А што ся дотычет пашнѣ в гумне стоячое сеголетнее, тое все маєт быти обернено на насене и на потребу домовую, а давнее пашнѣ пустил и дал ее милости невестце своей паней Ганне Семеновне полпята с того жита старого, у гумне при дворе стоячого.—Якожъ то и пан Семен Подгороденский, тут же на тотъ час ставъши очевисто, передо мною теми ж словы водле сознания пана Ивана Павловича Шпаковского именемъ дочки своей Ганны и самъ от себе до книгъ кгородских возналъ, поведаючи, ижъ на томъ с паномъ Иваномъ Шпаковскимъ застановил. И просили обоя сторона, пан Иванъ Шпаковский и пан Семен Подгороденский, абы то было записано; а так я тое очевистое оповедапе и добровольное сознание их в книги кгородские записати казал, с которых и выпис подъ печатю моею панъ Семен Подгороденский себе и дочце своей паней Ганне Шпаковской на то взялъ.

Кн. кродск. Луцкая 1568 г., № 2042, л. 271, актъ 275.

XLVIII.

1. Письмо п. Ивана Городицкаго къ п. Андрею Бабинскому съ изъявленіемъ согласія на бракъ своего сына Ивана съ дочерью послѣдняго Катериной и вмѣстѣ съ увѣдомленіемъ, что такъ какъ сынъ этотъ, по несовершеннолѣтію его младшаго брата, пока не получилъ еще своей наслѣдственной части въ родовыхъ имѣніяхъ, то онъ даетъ ему позволеніе записать вѣно своей невѣстѣ на третьей части имѣній, какія въ будущемъ достанутся ему по раздѣлу съ братомъ. 1569 г., 7 февраля.—2. Вѣновная запись п. Ивана Городицкаго (сына), выданная имъ новобрачной женѣ своей на основаніи означеннаго дозволенія со стороны его отца. 1569 г., февраля 9.

Рокъ тисеча пят сот семдесятъ второго, месеца декабра третегонадцать дня.

Пришедши и постановившия обличие и очевидно на вряде кыгородком, в замку Луцкомъ, передо мною Петром Хомяком, подстаростим Луцким, а передо мною Титом Хомяком, судею кгородским Луцким, от его милости князя Богупа Корецкаго, воеводы земли Волынской, старосты Луцкаго, Браславскаго и Веницкаго, пан Иван Городицкскій оповедал и вызнал тыми словы: иж што з воли и з раженя Божого а с позволенем моим властным сын мой пан Иван Городицкскій понял в малжонство дочку пана Андрея Семеновича Бабинскаго панпу Катерину, по которой взял у его милости вена двесте копъ грошей готовых, а въ выправе—в золоте, в серебре, в перлах, в шатах, триста копъ грошей, того всего сумою пят сот копъ грошей, и заховываючися водле права посполитого и статуту земскаго, противко того внесена ес дал, даровал и листом своим еп, малжонце своей мплон, а невестце моеи, на третей части всего имени моего властного и своего отчизного совнито, то есть тисячу копъ грошей личбы и монеты литовское записал; который же листъ свой, с подписанисемъ руки своее, так теж под печатю моею, отца своего, и под печатю иныхъ не мало людей

зацѣныхъ, которыхъ я сполнѣ зъ сыномъ моимъ о приложене печатей до того вѣновного листа просили, на то малъжонце своей давши, мел и былъ повиненъ на рокохъ судовыхъ земскихъ, по дате того листа первыхъ пришлыхъ, ставши, вызнати и до книгъ дати записати; што все сынъ мой панъ Иванъ вчинити а на тыхъ рокохъ судовыхъ вызнати и до книгъ тотъ листъ свой дати вписати былъ готовъ, нижли за соймомъ валнымъ Любелскимъ тые роки земскис, то есть Троецкие, в року тисеча пятъ сотъ шестдесятъ девятомъ, по дате того листа припалые, не сужоны и книги судовые земскис отвороны не были, а потомъ тое вызнане сына моего пана Иваново за ивними справями и тежъ про хоробу его до ведомости врядове не было донесено и листу его веновного до книгъ записати не дано, а на сесъ часъ, вжо по зейшпѣтлю зъ сего свита короля его милости, и роки такъ земскис, яко и кгородскис устали и сужоны не бывають; и хотяжъ ся то такъ стало а вызнаня и листу веновного сына моего до книгъ земскихъ за такими слушными причинами записати не дано, тогда предся тому праву невистки моея напотомъ везде на каждомъ мѣстѣду и у всякого права шкодити не можетъ, але за мощное и слушное приймаво быти маеть, што я и на сесъ часъ посполъ зъ сыномъ своимъ до вѣдомости вашей милости врядове доношу. Где тутъ же стоячи обличне и очевисто передъ нами, врядомъ зуполнымъ Луцкимъ кгородскимъ, сынъ пана Игана Городицкаго панъ Иванъ Ивановичъ Городицкый до книгъ кгородскихъ Луцкихъ вызналъ то: ижъ яко его милость панъ отецъ мой позволилъ мнѣ в стабло светое малжонское взяти за себе дочку пана Андрея Бабинскаго панну Катерину, которую м я, за дозволенемъ его милости листовнымъ, взявши за себе в малженство, противко внесеня ея записалъ есмь ей, малжонце моему милон, водле статуту, на третей части всего имени своего отчизного тисячу копъ грошей литовскихъ, а ижъ ся тотъ листъ запис мой за причинами вышней менованными, которые его милость панъ отецъ мой передъ вашею милостю повѣдилъ, до книгъ судовыхъ земскихъ не записалъ, тогда я то мети хочу, абы тотъ листъ мой за слушный и правный при зуполной мощы в каждого права и на

вшеляком местцу держанъ и хован быти могъ, и прошу, иж бы тые листы, то ест позволенный лист пана отца моего с печатю и с подписом руки его милости, мне на то дашь, абы-мъ, взявши дещку пана Бабинского панну Катерину за себе в малженство, еи малжонци вѣно и внесене ее на третей части всего имени моего отчизного, которая ся мне в делу от брата моего молодшого Кондрата зостанеть, листом записом моим записал, также и тот лист, который я еи противко внесеня ее вено ей, малжонци моим, записал, до книгъ вгородскихъ Луцкихъ слово в слово вписаны были. И тые листы, яко дозволенный на запис вѣна, такъ теж и листъ веповный, малжонце его ж дашь, запис свой перед нами на вярде положил, которыхъ мы огледавши, перед собою читати казали, и такъ ся в себе маеть: „Господине пане Андрею Бабинский, пане и добродеею мни особливе ласкавый! Доброго здоровья и всего щастя восполк с панею малжонкою и з милыми дитками вашей милости отъ Пана Бога правдиве мети зычу. Такъ розумею, иж то естъ нашей милости на доброн памяти а не тайпо всимъ приятеломъ нашимъ, иж ваша милост, з воли и раженя Божого, умиловавши сына моего Ивана, зложивши рокъ весело, дочку свою панну Катерину в малженство давати рачил. А такъ я, Пану Богу хвалу давши и сердечно с того радуючи се, сына своего милого Ивана з благословенемъ Божиимъ и позволенемъ моимъ в домъ вашей милости до Бабина на тотъ рокъ с приятелы своими посыламъ и даю ему моцъ с тыми паны приятелы моими вѣно дочке ташей милости, невестце моей милой, на третей части всихъ именей моихъ части его, которая се ему в делу отчизномъ от брата его, сына моего Кондрата, зостанет, суму отъ вашей милости взятую совнто записати и іъ всемъ томъ водлугъ статуту права земского поступовати безпечне. Затимъ ласце се вашей милости залецамъ, с которое не рач опускати. Писан у Городищу, року шестдесятъ девятого, месяца февраля сегого дня. Иванъ Городищский властною рукою своею подписалъ.“ — „Я Иванъ Ивановичъ Городищский визнаваю то симъ моимъ листомъ передъ кождымъ, хто бы хотелъ того ведати, теперъ и напотомъ зав-

жды, ижъ з воли и раженя Божого, с позволенем его милости пана Ивана Городищъского, пана отца моего милостивого, понял есми в малжонство дочку пана Андрея Семеновича Бабинского, панну Катерину, по которой взял есми у его милости вена двесте коп грошей готовых, а в выправе—в золоте, в серебре, в перлах, шатах, триста коп грошей, того всего сумою пятсот коп грошей. А так я, заховываючися водле права посполитого и статуту земского и видечи по неи цнотливое заховане противко себе в том малжонстве моем, противко того внесеня ее даю, дарую и записую ей, малжонце моей милой, на третей части всего имени моего отчизного совито, то есть тысячу коп грошей литовское личбы. Маеть она, малжонка моя милая пани Катерина, в тои суме третюю часть всихъ именей моих по животе моем к рукам своим взяти з ставы, з млыны, з дворы, з леси, з дубровами, з боры, з гайми, з сеножатми, з людьми тяглыми и служебными и з их платы, з роботами и всякими пожитками, яким колвек именем названными, держати и вживати зо всим, як ся тая третая част именей моих в себе маеть и мети будеть; а брат мой и вси ближние мои, не отдавши ей, малжонце моеи, тое сумы тысячи коп грошей, на тое третее части именей моих от мене ей записаное, з рук ее взяти и ниякое переказы въ том чинити не мают; а еслибы брат мой або хто з близких моих малжонце моей в тои третей части именей моих переказу якую чинити и в тое ся вступовати мели, таковой маеть малжонце моей паней Катерине заруки заплатити пят сот копъ грошей, а заплативши заруку, сес мой лист предся при моцы маеть захован у каждого права быти. И волна будеть малжонка моя милая пани Катерина в тои суме, от мене ей дарованой и записаной, тою третеею частью имени моего як хотячи шафовати, заставити и даровати, под тым же правом и сумою на сем листе моем написаную; а я теж сес лист и обовязок мой на сих пришлых роках судовых земских в Луцку, ставши очевисто, вызнати и до книг записати маю. И на то малжонце моеи милои паней Катерине Андреевне Бабинского давам сес мой лист под печатю

его милости пана Ивана Городицьского, пана отца моего милостивого, и с подписю руки моею. А при том были их милост люди задные: пан Иван Павлович, пан Андрей Добринский, пан Янъ Гурко Омелянский, пан Ян Бокий Зарецкий, а з руки пана Бабинского: пан Ярофей Гостский, пан Лев а панъ Михайло Вилгорские, пан Иван Кирдей Мнишинский, пан Хведор Хомяк; и на прозбу мою ихъ милость печати свои к сему моему листу приложити рачили. Писан у Бабине, року Божого нарочена тысяча пят сот шестдесят девятого, месяца февраля девятого дня. Иван Иванович Городицьский, рука властная.—А по вычитаню тыхъ листовъ, пан Иван Городицьский то теж перед нами из сыном своим паном Иваном же Городицьским одностайне вызнали то, иж если бы по обраню и коронации короля его милости пана нашего, который бы господарем нашим королем Полским обран и коронован был, справы и суды земские, подлуг обычаю права и статуту земского великого князства Литовского, судити и отправовати почалися, а хотяжь при животех и по животех наших того пани Катерина Бабинского, невѣстка моя Ивана Городицьского, а малжонка моя Ивана Ивановича Городицьского, потребовала, абы тые листы, так дозволенье на запис вѣна и внесена ее в дом нашъ имени Городицьского, яко и листъ запис вѣна ее описанный и данный, которые есмо вызнали и на вси пришлые часы при зуполной моцы, ни в чом ни нарушаючи опису вѣна и внесена ее, зоставили, иж бы тые обадва листы наши до книг справ земских записаны были, тогда мы так сами при животех, як и пани Катерина Бабинского по животех нашихъ сама то пред суд земский Луцкий, в котором имене наше Городице лежит и до которого она вѣно свое внесла, донести и сего выпису до книг судовых земских Луцких записати дати маеть; а суд земский Луцкий, заховываючися в том подлуг обычаю права нашего, то так от нас самых, будемъ ли живи, яко и от пани Катерины Бабинского приемши, до книг справ земскихъ Луцкихъ уписати и выпис на то с книг дати мають, кгдаж о то ухвала права нашего

посподитого так учит, иж в том уряд урядови вѣрити маеть; а пани Катерина, за тым таковым теперешним вызнанем нашим, того права своего на вено и внесене ее описаного и урядовне вызнаного вѣчне а спокойне ани в чом не нарушоне от нас самыхъ и потомьков наших уживати маеть.—А так мы тое очевидное оповедане и добровольное сознане пана Ивана Городицъского и сына его пана Ивана Ивановича Городицъского-жь, так и тот лист дозволенный вено записат и другий венонный, которым вено и внесенье панее Катерины Бабинского ей есть записано, за прозбою пана Ивана Городицъского и сына его пана Ивана, с початку аж до конца до книг кгородскихъ Луцкихъ записати казали есмо, с которыхъ и сес вылис под печатми нашими паней Ивановои Городицъскои паней Катерине Бабинского на то дали. Писан в Луцку.

Книга кгородск. Луцк, 1572 г., № 2046, л. 626 об.

XLIX.

Донесеніе вознаго о томъ, что вдова князя Василя Солтановича Сокольскаго Ганна Монтовтъ, спрошенная своимъ деверемъ, княземъ Маркомъ Сокольскимъ: не выходитъ ли она замужъ за п. Ледницкаго по его, Сокольскаго, уговору или принужденію,—отвѣтила, что она вступаетъ въ бракъ съ Ледницкимъ по своей доброй волѣ и съ согласія отца, и что князь Сокольскій не въ правѣ удержать ее отъ того, хотя бы и желалъ это сдѣлать; если же онъ жалѣетъ бочки меду и хлѣба, что съѣдятъ гости на свадьбѣ, то она можетъ то и другое достать у друзей своего будущаго мужа. 1569 года, февраля 22.

Лѣтъ Божого нарожена 1569, месеца февраля 22 дня.

Пришедчы на врад его кор. милости, до мене Петра Хомека, подстаростего Луцкого, возный повету Луцкого Дмитръ Новоселецкий до книг кгородскихъ, ставши очевидно, тымъ словы вызналъ:

иж дей будучи мне приданым з уряду на справы его милости князю Марьку Сокольскому на тот час, коли шла невестка за его милость за пана Казимера Ледницкого в малжонство, и кды вже пришла до шлюбy невестка его милости теперешняя пани Ледницкая пани Ганна Монтолтовна, теды его милост князь Марко передо мною и перед людьми почтивыми пыталъ ее тыми словы: „Оспоже кнегини невестко! твоя милость мнѣ ознайми перед вознымъ, перед вшисткими приятели моими, естли твоя милость идешъ замужъ за пана Ледницкого за намовою моею, або тежъ и за примушенемъ якимъ?“—Теды она перед мъною и перед тыми паны поведила: иж дей „я естли иду в стан малжонский за пана Ледницкого, теды не за жаднымъ примушенемъ, ани за намовою вашей милости, едно по доброй воли своей, а за писанем отца моего до мене, позволяючи мнѣ, абых за пана Ледницкого пошла; ведже хотя быс мя ваша милость, кнеже деверу, хотелъ гамовати, теды мя ваша милость вгамовати не можешъ, бо ми отец мой на то позволил; а естли же о бочку меду або о хлеб ти идеть, што тут его зъедять на тот час приятели пана моего, который ми мает быт малжонкомъ, я его могу индей где в приятеля моего достати“. Гдеж то его милость князь Марко Соколский, слышачы такой отказ от невестки своей, мною вознымъ и людми добрыми сторонными осветчил. И просил его милость князь Марко Солтанович Соколский, абы то было записано; а такъ тое возного сознане его до книг кродских записати казалъ.

Книга кродск. Луцкая 1569 г., № 2043, л. 98 об.

Л.

Донесеніе вознаго о вручені кіевскимъ мѣщаниномъ Яцкомъ Евфимовичемъ судебного позва п. Василю Колядѣ по обвиненію его въ томъ, что онъ, вступивъ въ бракъ съ матерью Евфимовича Богданою, бросилъ ее, забравъ ея имущество. 1569 года, марта 23.

Лѣта Божого нароженя 1569, месеца марта 23 дня.

Пришедчы и постановившия очевисто передо мѣною Петромъ Хоменкомъ, подстаростимъ Луцкимъ, возный повѣту Луцкого Иван Тихнович Путошинский оповедал и тыми словы до книгъ кгородскихъ сознал: иж теперешнего часу и дня даты верху писаное при мѣне возномъ и при шляхте людей добрых, то ест при пану Степану Друченину, служебнику панее подскарбиное земьское, а при пану Богушу Ваньковичу, писару места Луцкого, мещанин киевский Яцко Евхимович далъ позовъ пану Василю Коледѣ в месте Луцком от его милости пана Остафья Воловича, подканцлєрого и маршалка великого князства Литовьского, старосты Берестейского и Кобринского, о забране маєтности матки того Яцька Богданы Евхимовны, жоны его, с которою дей он шлюбъ принявъши, ее обобравъши, проч ехал, што ест ширей а достаточней на томъ позве описано и доложено. Пан Василей Коледа позовъ и листъ зашитый его милости пана подьканцлєрого принял, што пан Яцко мѣною вознымъ и шляхтою людми добрыми осветчил; и просилъ Яцко мещанин киевский, абы то было записано; а такъ я тое сознане возного до книгъ кгородскихъ записати казалъ.

Книга кродск. Луцкая 1569 г., № 2043, л. 131.

II.

Запись княгини Ганны Сангушковой-Коширской, урожденной Остиковичевой, въ которой она, руководимая чувствомъ горячей любви къ мужу своему, князю Льву Александровичу Сангушку-Коширскому, и сердечной признательности къ нему за вѣрную любовь и усердную заботливость объ ея здоровьи, дарить его своимъ вѣномъ, имъ же самимъ ей записаннымъ, въ суммѣ 17,200 копъ грошей литовскихъ. 1569 года, мая 11.

Лѣта Божого нароженя 1569, месеца мая первогоднадцат дня.

Постановившия обличне на вряде замку господарского Володимерского, передо мною Павломъ Григоревичом Оранским, на тот час будучим подстаростим Володимерским, а передо мною Иваном Петровичом Калусовским, судею кгородским Володимерским, кнегиня Лвовая Александровича Сангушка Коширского кнегиня Ганна Николаевна Остиковича лист свой вызнанный, его милости князю Лву Александровичу Сангушку Коширскому, малженку своему, данный, перед нами на вряде показала и просила, абы яко устное добровольное вызнание, так и тот лист ее вызнанный в книги замковые было записано; а такъ мы, за очевистою а устною прозбою ее милости, такъ устное вызнание, яко и лист ее милости вызнанный, казавши его перед собою очевисте при ее милости самое всего достаточне, почавши с початку аж до конца, голосом вычитат, слово от слова в книги замковые записать казали; который же лист ее милости вызнанный так ся в себе маеть: „Я Лвовая Александровича Сангушковича Коширская Ганна Николаевна Остиковича вызнаваю и чиню явно сама на себе сим моим листом кождому, кому будет потреба того ведати або чтучи его слышати, нинешним и напотом завжды будучим: што малжонок мой милый, велможный князь его милост князь Левъ Александрович Сангушкович Коширский, понемши мене за себе у светое малжонство, по смерти отца моего небожчика пана Миколая Остика, у матки моее

панее Миколаевое Остиковое кнежны Ганъны Романовны Любецкого, взявъ по мне вено отъ панее матки моее суму пенезей, которую пани matka моя маючи записаную от малжонка своего а отца моего пана Миколая Остика на имѣнях его милости: на Косове две тисечи коп грошей, а на Упите, волости Шадовское, две тысячи коп грошей, тую чотыри тысячи копь грошей на Косове и на Упите пани matka моя вышей менованая его милости князю Лву Санкгушко, малжонку моему, за мною у посагу записала, и на имену своемъ отчизномъ, на половицы Любча, которое ее милость окупила у его милости велможного пана пана Остафья Воловича, подканцлерого великого князства Литовского, записати рачила две тысячи коп и сто коп грошей, того всего сумою учинило шест тисеч и сто копь грошей литовское личбы; а напротив того вѣна, внесена моего в дом его княжецкое милости, записал мне его милост князь Лев Санкгушко, малжонок мой намилший, водлуг права посполитого и статуту земского, совито, то ест дванадцат тысяч коп и две сте коп грошей монеты и личбы великого князства Литовского, личачи по десети пенезей белых у грош, на имену своемъ, замку и месте Каменском и на селах, ку тому замку и месту належачих и прислухающихъ; а ку тому, што его милост княз Лев Санкгушко, малжонок мой, рачиль позычити у панее матки моее сем тичеч коп грошей на замок свой Перемелский, ино ее милост с тых семи тисечъ коп грошей рачила его милости отпустити две тисечи коп грошей, а пят тысяч копь грошей еще его милост паней матце моеи должонъ был зосталъ; тогда тую пят тысяч копь грошей, знемпи его милост с Перемеля, на тоеж имене свое Камен узнести и до тых дванадцати тысячей коп и двох сот коп грошей прилучити и приписати рачил, того всего сумою на Камени чинило семнадцат тысяч копь и две сте копь грошей. А так я, дознавши ку себе его милости кнежати Лва Санкгушка, малжонка моего намилшого, великую ласку и правую, вѣрную, сердечную и на всем статочную милост малжонскую и милостивую зычливост з наболшими добродействы его милости, которое

доброедейство его милост ку мне рачил показовати з немалыми кошты и наклады его милости, маючи стан мой малженский у зацномъ а у почтивомъ, статечном, гоинном выхованю своем княжецкомъ, так тежъ бачачи его милост, милостивую склонност и великую милост до хороб моих частых, иж на лекарства и на докторы, улечаючи здорое мое, великий коштъ и не малыми сумами пенезей для мене, малжонки его милости, принял, так теж доходечи именовей моихъ отчизных подъ паны дядки моими, их милостю паны Остиками, рачил его милост маетности своее много утратити и уронити и для мене, малжонки своее, з милости своеи малжонскои, многие скарбы дому своего княжецкого утратити, на остаток имени свое отчизные оставуючи и тепер того всего ведучи, великие утраты для мене, малжонки своее, чинити не переставает, не брыдчясы ни в чомъ форобы моее сродзе страпливое, от Пана Бога створителя з воли Его светое на мя допущеное, яко належит верному, цнотливому, правому малжонкови; которое так великое доброедейство его милости не толко маетностю моею естем винна его милости отдавати и нагрожати, але бых рада и здоровем моим такие ласки его милости оливала. А ведже, хочечи теж мое хутливое службы и нагрожене за его милости малжонка моего намилшого добродѣйство, за такъ великие милостивые ласки и утраты его милости и з себе показати и нагрожене вчинити, тогда, не будучи я, Ганна Миколаевна Остиковна, ни от кого намовлена и ничимъ примушена, одно властне по своей доброй воли и верное, милое хути моее, добровольного умыслу моего, милуючи верне его милост князя малжонка моего намилшого, намыслившисе сама добровольне и ростропне, трезво, здорово, з зуполною паметю и з целым розумом, тую всю суму пенезей семнадцат тысяч копъ и двесте копъ грошей литовское личбы, вено мое, его милости князю Лву Санкгуинку Коширскому, малжонкови моему намилшому, даю и дарую и сим листом моим записую на вечные часы; которою сумою пенезей семнадцатма тысячами копами и двемастами копами грошей, веном моим, его милости князю малжонку

моему от мене дарованым, волно его милости шафovati и на свое пожитки оборочати, водлуг воли и мысли и налешного подобана своего, якъ сам налешей розумеючи, такъ при животе, якъ и по животе моемъ, вечно и на веки непорушно; и вже я сама, так и matka моя пани Миколаева Остикова, теперешняя кнегиня Павлова Соколинская, кнегиня Ганна Романовна Любецкая, и ниhto с крвных, близкихъ и повиноватых моих тых семънадцати тысяч коп и двох сотъ копъ грошей у его милости князя Лва Санегушка Коширского, малжонка моего намилшого, упоминатися и ку праву его милость позывати и на его милости поискивати не маем некоторыми причинами, так правными, в статуте через прокураторов вынайденными, так з розуму людского, врадового и прокураторского вымышленими, от сего часу аж на веки ничим непорушно. А еслибых я, Ганна Миколаевна Остиковна, або matka моя предреченая и хто ж колвек с крвных, близких, повиноватых моих, сес подарок мой, его милости князю Лву, малжонку моему милому, дарованый и записаный, хотели зрушити и сего запису моего отступити и якими ж колвек причинами смели тое семънадцати тысячей коп и двох сотъ копъ грошей на его милости князю малжонку моем милом поискивати, албо о то ку праву якому ж колвек его милост позывати, тогда я Ганна Миколаевна Остиковича, и matka моя вышей менованая, и кождый таковой упорный, хтобы ся того важити смель, маем и повинни будемъ господарю королю его милости заплатити заруки семнадцат тысячей копъ грошей, а князю Лву Санегушку, малжонку моему милому, другую семнадцат тысяч копъ грошей и вси шкоды и наклады, которые бы его милость князь Левъ Санегушко, малжонок мой милый, для мене и для зрушенья сего дару моего, его милости князю малжонку моему вчиненого, через кого ж колвекъ з нас принялъ, тогда я и кождый приятел мой, хто бы сес запис мой зрушити смель в которомъ колвекъ артикуле, в семъ записе описаном, маем и повинни будемъ его милости князю Лву Санегушку заплатити вси шкоды и наклады его милости з совитостю, без жадных позвовъ и без жадного пра-

ва, без кождого доводу и присяги его милости самого, так и шафара его милости, толко на голое слово его милости, што колвекъ его милост рачиль будет словом своим речи и наболшую суму пенезей замерати, не выламуючися от сего запису моего и обовязковъ в нем описанных, так теж не отступуючи от зарук; винъ и от накладов, в сем листе записе моемъ вышей помененых, которыми причинами правными, владовыми и в статуте вынайденными, так теж и тыми причинами, которые люди звыкли через прокураторов вымышлят и право боронить, а не боронечися волностью права своего шляхетского, ани закрываючися урадом господарским дворнымъ и кгородским и земским, и не вымовляючися форобою своею и послугою господарскою; ани жадною припалою и змышленою пригодною, толко вже мощно и на веки непорушно сес запис мой за слушный, за годный, за мощный у кождого права держан и захован быти мает, и вряд кождый, дворный господарский, кгородский и земский, толко за оказанемъ на вrade сего запису моего, а не за позвы, мает моц зуполную мети его милост князя Санкгушка, малжонка моего милого, при сем записе моемъ заховати; и в чомъ бых я против сего запису моего ку шкоде его милости князя Лва Санкгушка выступила и который артикуль у семъ записе моемъ описанный нарушила, тогда теж вradь кождый, не позываючи мене перед себе, тые всѣ заруки, вины, шкоды и наклады его милости князю Лву Санкгушку на мне всказовати маеть, яко бых тежъ и очевисто, передъ урадом стоячи, и с права винна зостала, и под такие я всказы и выроки владовые сама доброволне поддаюся и всказомъ владовым во всем чинити маю досыт, якобы ся во всем шкодном от мене его милости князю Лву Санкгушку, малжонку моему, заплаатою досыт стало, яко есть в сем записе моемъ вышей достаточне описано. А еслибых я, Ганна Миколаевна Остиковна, о всказъ и вырокъ владовый, буд якогож колвек вradу, не дбала и заплааты его милости князю Лву Санкгушку зарук, винъ и накладов не поплатила и сему запису моему досыт не вчинила, тогда ку тымъ первым зарукам и винам и

шюдам, штом вышей сего въ сем записе моем поменила, еще на себе подношу особную вину на врьд, которому бы ся спротивила и всказу его послушна не была, тысячу копъ грошей, што все без милосердыя мает быти на маетности моей от ураду справлено; а заплативши тые заруки господару королю его милости, а его милости князю Лву Санкгушку таковыя ж заруки, яко и господару его милости, так теж вси шюды и наклады и на слово речене его милости, яко вышей описано, и теж заплативши вину врьдовую, предся сес мой лист на семнадцат тысячей коп и на двесте копъ грошей, которыми я его милост князя Лва Санкгушка, малжонка моего милого, даровала, при целой зуполной моцы у кождого права захованъ мает быти, яко ясное а на всемъ мощное право его милости князя Лва Санкгушка, малжонка моего милого, на вечные часы от мене доброволне его милости дарованное. И который я лист записаный его милости князя Лва малжонка моего оправный за внесене мое на семнадцат тысячей коп и на две сте коп грошей, у которых мне его милост замок свой Камен записати рачил, я в себе мела под печатю и с подписю руки его милости и под печатми людей добрых, и теж выпис с книг вьраду замку Луцкого сознана его милости, ижъ мне его милост за внесене мое оправу вчинилъ, тые я листы в заховане была дала матце моей вышей менованой паней Миколаевои Остиковой, вьнежне Ганне Романовне Любецкой, ино я тот лист его милости князя малжонка моего записаный и выпис вьрадовый сознания его милости маю от панее матки моее отыйскати и его милости князю малжонку моему тые листы отдати, яко пану и дедичу оное сумы семнадцати тысяч коп и двох сот копъ грошей, которыми есми его милост доброволне на вечные часы даровала. А еслибых я Ганна Миколаевна Остиковича, того листу записного его милости князя Льва, малжонка моего милого, так теж и выпису с книг вьраду Луцкого сознания его милости, в матки своее отыйскати и его милости князю Лву, малженку моему милому, отдати не могла, ино я Ганна Миколаевна Остиковна тот лист его милости князя

малжонка моего, выпис в раду луцкого на семнадцат тысяч коп и на две сте коп грошей, которые тежъ то листы первой мне при-слухали, сим листомъ моимъ уморяю и ни въ што их оборочаю, и пустыми и не потребными собе и матце своей и всим крвным своим тые оба-два листы чиню, и хотяж бы ся потом у матки моее и в кого с крвных приятел моих тые два вышей менованые листы где колвекъ у якого права показали, тые никоторое моцы ани жадное вЪры в кождого права не мают мети, яко листы не-потребны а через мене спустошоны; бом я того вена своего, ани тое сумы пенезей семнадцати тысяч коп и двох сот копъ грошей, которую мне его милост княз Лев Санкгушко, малжонк мой милый, напротив внесена моего на замку Камени и на месте и селах Каменских записати был рачил, никому иному, ани матце своей, ани крвнымъ, близкимъ приятелемъ своимъ, не записовала, ани даровала, ани долгом завела, толко одному самому его милости князю Лву Санкгушку, малжонку моему намилшому, тую семнадцат тысяч коп и двесте коп грошей дала, даровала и симъ листом моимъ вызнанымъ с правое милости и доброволное хути моее, яко властность свою, до которое ж то владности моее ниhto ипный над его милост князя Лва Санкгушка Коширского, малжонка моего намилшого, жадного вступу и жадного права и никоторое причины не мает ани может мети, так при животе, яко и по животе моем на векуистые часы. И вже я Ганна Миколаевна Остиковича с того имени его милости князя малжонька моего милого, из замку Каменя и места и сел Каменских и зо всякое властности Каменское и зо всяких приходов и пожитков Каменских, а с тое сумы пенезей семнадцати тысячей коп грошей и двох сот коп грошей вышей писаных вырекам ся и права своего, которое-м на Камен от его милости малжонка моего милого мела, сим моим листомъ отступую и до того вже ничего не маю я сама, и пани матка моя, и крвные, близкие моее вже до того не мают ничего вечными часы. И на то я Ганна Миколаевна Остиковича доброволне, з милости и правое хути моее малжонское, дала его

милости князю Лву Санкгушку Коширскому, малжонкови моему, сес мой лист, припечатавши его властным севгнетомъ моим. А при том были и того добре сведоми и за прозбою моею очевистою устною печати свои к сему моему вызнаному листу приложити рачили их милост панове: пан Александръ Богданович Семашко, подкоморий Володимерский, пан Василей Гулевич Затурецкий, войский Володимерский, пан Станислав Кграевский, дворенин его королевское милости, пан Петр Костюшкович Хоболтовский, пан Семен Дрозденский, пан Андрей Киверецкий а пан Матфей Ключский. Якож есми тот дар мой доброволный, князю Лву его милости Коширскому, малжонку моему намилшому, от мене дарованый, перед врядом кгородским замку господарского Володимерского ставши очевисто, сама особою своею, доброволне, в целом розуме и в зуполной памети будучи, оповедала и зознала властными словы своими, и тые слова свое до книг кгородскихъ тут же на вряде уписати дала, и взявши выпис с книгъ, князю его милости Лву Санкгушку, малжонку моему милому, до рук есми его милости подала. Которое сознание и сес лист мой, такъ тежъ и выпис в раду кгородского Володимерского, перед судом земским за моцне принято и до книг земских, хотя и без бытности моее, о рокох земскихъ судовых перенесено и уписано быти мает, а в рад земский в раду кгородскому в том во всем постановеню и вызнаню моем зуполную досконалую веру мает дати и то казати до книг земскихъ достаточне вписати. Писан у Володимери, под лѣты Божего нароженя тысяча пятсотъ шестдесят девятого, месеца мая первогоднадцат дня“.

Кн. вродск. Владим. 1569 г., № 919, актъ 134, л. 90.

Примѣч. Далѣ въ той же актовой книгѣ слѣдуютъ еще девять дарственныхъ записей той же княгини Ганны Сангушковой мужу своему на разныя имѣнія ея въ Литвѣ и Бѣлоруссiи (№№ 135—145); во всѣхъ этихъ записяхъ мотивъ дара — тотъ же, что и въ помѣщенномъ документѣ.

III.

Жалоба Кобринскаго землянина Щаснаго Верещаки о томъ, что землянинъ Волинскій Богданъ Дрозденскій, сговоривъ за себя дочь жалобщика Ганну и заключивъ съ нимъ предбрачное условіе, уклоняется отъ вступленія съ нею въ бракъ. 1569 года, сентября 9.

Лѣта Божого нароченя 1569, месеца сентебра 9-го дня.

Присылал до мене Петра Хомека, подстаростего Луцкаго, земенин господарскій повету Кобринскаго пан Щасный Стецкевич Верещака сына своего пана Романа, оповедаючи тымъ обычаемъ: иж дей земенинъ господарскій повету Луцкаго пан Богданъ Иванович Дрозденскій змовилъ был у мене дочку мою паную Ганьну в малженство себе мети, которая была за небожчиком паномъ Григорем Пашкевичомъ Елцомъ, которому ж веселю и рокъ на листе есть назначон, мне от пана Богдана Дрозденскаго даномъ; однож ест то на листех межи наши описано: естли бы который з нас был затрудненъ якими послугами господарскими, албо теж якими пилными потребами своими, тогда на тот рок, в листех наших назначеный, мели дей есмо себе пофолкговати, а тому веселю на инший часъ рок зложити. Гдежь дей есми был на тот час в Городне, на сойме Городенскомъ, року недавно минуломъ шестдесят осмомъ, послом от братъи своее всеи в потребах земских, так теж на тот час был в Городне и пан Богданъ Дрозденскій; едучи з Городна, был в дому моемъ и зо мною о то жадное речи не постановивши в речи приятельской, з дому моего проч отехалъ и до сего дей часу мне о собе знати не дал ани даетъ, якъ самъ через себе, такъ теж и через писане свое; а за тым непостановенемъ своим панъ Богданъ Дрозденскій дочку мою паную Ганьну осадил, которая дей и до сего часу замуж не шла. И просил мене за то панъ Роман Верещака именем от папа отца своего, абы то

было до книг вгородских записано; а такъ я тое его оповедане до книг вгородскихъ записати казалъ.

Книга вродск. Луцкая 1569 г., № 2043, л. 459, актъ 434.

III.

Духовное завѣщаніе землянина Павла Черневскаго, которымъ онъ обезпечиваетъ положеніе своей жены, въ любви и добромъ согласіи прожившей въ бракѣ съ нимъ долгіе годы и не имѣвшей отъ него вѣнковой записи. 1569 года, сентября 19.

Лета Божого нароженя 1569, месеца сентътебря 21 дня.

Постановившиися обличне на вряде замку господарского Володимерского, передо мною Павломъ Оранскимъ, на тот час будущимъ подстаростим Володимерским, возный повету Володимерского Тихно Оранский до книгъ замковыхъ вызналъ тыми словы: иж за приданемъ твоимъ врядовымъ, был есми року тепер идучого шестдесят девятого, сентября девятинадцат дня у пана Павла Черневскаго, у дворе его Войнине, тамже передо мною вознымъ и перед шляхтою, людьми добрыми: княземъ Дмитремъ Ружинским, паномъ Иваномъ Шелвовским, паномъ Семеномъ Козинским а паномъ Михайломъ Линевским, пан Павелъ Черневский, будучи зложоный хворобою, з властныхъ усть своихъ, за доброй памети а целого розуму, волю свою ознаймуючи, оповедалъ и на тастаменти написати казал, при которомъ справованю того тастаменту шляхта, люде добрые, зо мною были и за прозбою его к тому тастаменту печати свои приложили, до которого и он самъ пан Черневский своею властною рукою печат свою приложил и руку свою подпсал, и мене возного о приложене печати просил; якоже-мъ я при печат

тех их милости перво помененых пановъ и при его властной печати и подписаню руки, за прозбою его, печат свою приложил.—При котором вызнаню возного панъ Война Линеvский тот тестамент тестя своего передо мною показал, и тутже очевисте при том же возномъ передо мною тот тестамент увесь достаточне, почавши с початку аж до конца, читан был, который так ся в себе маеть: „Я Павель Черневский вызнавам неспособность свою, иж кдым был еще всих тых прошлых лет в зуполном здоровю, розмышлял есми часто крот, якобых мог статотчне а порадне дом свой, жону и детки, на смерть паметаючи, расправити, а што наиболшого и напотребнейшого, иж я, мешкаючи через так часъ немалый в малженстве з верною и милою жоною моею Катериною Якубовною Вагленского и видечи по ней верное, почтивое и статочное заховане и послуги ко мне, малжонкови ее, так въ упреимой а щирой милости, яко теж в почтивном а статочном выхованю деток наших, так теж в сполном набываню убогое маетности наше, еще есми был и до сего часу ей того ничимъ не нагородил и оправы пристойное, што каждый муж жоне повинен, на маетности своей не вчинилъ, а иж часу теперешнего Богъ сотворител з воли и презреня своего светого мене хоробою доткнути рачил, в которой Он, яко всемогучий Панъ, ведает, што ся со мною деяти будет; а про то я, видечи в той хоробе небезпечный живот свой и паметаючи на то, иж вси sprawy и мысли чловѣчие смертью докончене приймутъ, для чого посполите звыкли люде мысль и волю свою, звлаща остатнюю, на писме ку ведомости на часы потомные зоставляти, тым обычаем и с таковою преимую волею жону, дети и вес дом свой, яко ся тут ниже на том писме покажет, расправую: На первой то ест, иж жона моя милая Катерина мает спокойне держати и вживати до живота своего имене наше Марковичи, лежачое в повете Володимерском, которую част купили есмо весполок з нею, жоною моею, у пана Романа Марковского на вечност, а дети наши, доросши лет своих, так теж братья або близкие мои с того именя ее стискать и доброволного вживаня ей

боронити не маюць до живота ея. И ку тому на том же имену нашом Марковичох записую и дарую ей, жоне моей милой, суму пенязей триста коп грошей личбы литовское, то ест полскихъ золотыхъ полосмаста, личачи в каждый золотый по тридцати грошей полскихъ; волпа она будет тую триста коп грошей, на том имену Марковичах от мене ей записаную, такъ при животе, якъ и по животе своемъ отдати, даровати, кому хочечи записати и ку свосму лепшому а пожиточному обернути. Къ тому, показуючи я зособна еще охотнейшую милост жоне моей милой Катерине, дарую и записую ей вси речи мои рухомые, такъ гроши готовые и на долзехъ, яко и золото, серебро, нерла, цын, мѣдъ, шаты, кони ездные и все, што колвек рухомою речю названо быти и по смерти моей в дому моемъ показатися можетъ: волпа она будет тым шафовати, яко властностю своею, водле воли и уподобаня своего, а дети наши або братья мои и ни хто з близкихъ и природныхъ моихъ того боронити и ни которыми причинами переказы чинити не маюць. А што ся дотычетъ именя нашего Войнина, которое намъ дал за верные послуги наши небожчикъ панъ Михайло Свинуский, а потомъ и его королевская милост тое именечко отъ столу своего господарского подтвердити и удривелевати рачил, на томъ именечку жона моя Катерина мае седець и спокойне его уживати до летъ детей нашихъ; а коли дети наши летъ доростутъ, на тотъ часъ она имъ будетъ повинна тое имене непенно поступити, нижли личбы пикоторое дитямъ и никою с того именя чинити не будетъ повинна. А если бы ся притрафило по зештыю моемъ, жебы жона моя в рыхломъ часе с того свѣта зышла, а дети наши зостали бы летъ недорослые, тогда под тымъ трафункомъ дѣтки наши, также имене наше Марковичи и всю маетностъ поручаю в моцъ, оборону и опеку зятю своему пану Войне Линевскому. Мае онъ, яко милый и верный приятель мой, тою всею опекою шафовати водле Бога и повинности своее хрестыанское и дочки наши Раинукъ а Макгдалену съ пожитковъ того именя замужъ повывавати, и самъ онъ мае тое имене наше Марковичи держати и вживати на

себе дотол часу, докол тот наклад свой, што па дочки наши, выправуючи их замужь, наложит, выберет; а покол ся тому накладу его досыт не станет, до того часу сынове мои, хотя и лет доростут, того имени з моцы, держаня и вживаня его брати не мают; а если бы имене до рук своих мети хотели, тогды, чога пань Война накладу з ыменя не выберет, повинни будут тот наклад увес сполна ему отложити, тож на тот час к своим рукам имене взяти. А при томъ были и того добре сведоми их милости: князь Дмитрей Ружинский, пань Иван Шелвовский, пань Семен Козинский, а пань Михайло Линеvский, а возный повету Володимерского, приданный з уряду кгородского, пань Тихно Оранский; и за очевистою прозбою моею их милост верху мененные панове печати свои до сего тастаменту моего приложити рачили, а для лепшого твердости и я Павел Черневский печат свою к сему тастаменту моему приложил и руку свою подписал. Писан у Войнине, лѣта Божого нароженя тысяча пятсот шестдесят девятого, месеца сентебря девятонадцат дня. Павел Черневский влостную руку подписалъ.—А так я тое вызнана возного и тот тастамент слово от слова в книги замковые записати казалъ.

Книга Владимирская 1569 г., № 954, л. 41 об.

ЛИV.

Вѣновная запись и. Василю Жоравницкаго, выданная имъ своей невѣстѣ, дочери Львовскаго стольника Ганнѣ Печихвостской, въ обезпеченіе полученнаго за нею приданаго. 1569 года, ноября 13.

Лета Божого нароженя 1570, месяца июля осмогонадцат дня.

Постановившия обличне в замку господарском Луцком, передо мною Иваномъ Хребтовичом Богурипским, подстаростим Луцкимъ, панъ Василей Маркович Жоравницкий оповедал добровольне...*) и листъ свой оправный, подъ печатю и съ подписомъ власное руки своее и тежъ подъ сведомомъ, печатми и с подписми рук людей запных малжонце своей даный, передо мною на вряде покладал, просечи, абы вычитанъ и в книги кгородские вписанъ; который лист такъ ся в собе маеть: „Я Василей Маркович Жоравницкий сознаваю и чиню явно тымъ листомъ моимъ всемъ вобець и каждому зособна, хто бы то ведати и слышати хотель, такъ нынешнего, яко и напотомъ завжды будущого веку людям, ижъ з воли а презренъя Божого и з дару Духа светого, с порадою панновъ брати а приятелей своихъ, змовил есми за себе в малъженство девку задне вроженого пана Яна Печифостского, стольника земли Львовское, панну Ганъну, по которое, первой нижли ми дана до шлюбу, его милост панъ Ян Печифостский дал мне посагу: готовых пенезей тисечу золотых полских, то есть чотыри ста копъ грошей личбы литовское, а у выправе—в золоте, в серебре, перлахъ, клейнотахъ, шатахъ и в иныхъ рухомыхъ речахъ явнымъ и певнымъ шадунком чотыри ж ста копъ грошей литовское жъ личбы. Ино я тепер, скоро взявши тот посагъ и выправу менованую от его милости пана стольника по неи, облюбеници своеи, а заховы-

*) Опускаемъ устное „оповеданье“ записки, составляющее буквально повтореніе слѣдующей за симъ записи. *Ред.*

ваючися в том ведле обычаю права посполитого и статуту земьского прав и волностей наших великого князства Литовского и Волинского, заразь тую суму готовизны совито, то есть осмь соть копъ грошей литовскихъ, а выправы, подле вена, шапункомъ чотыриста копъ грошей литовское жъ личьбы, чога всего сумою дванадцат сот коп грошей литовских, на третее части именной своихъ отчизныхъ: Журавникъ, Ржищова и Кочкоровца и ктому Волицы до Журавникъ прислушаючое, и на тыхъ всихъ именныхъ третей части, которые бы мне напотом, за куплею и выслугою моею, правомъ, спадкомъ и яким же колвек набытемъ приходити и припадати мели, еи, даст Богъ пришлои малжонце моеи, панне Ганне Печихвостского записую и тым листом моим утвержаю, которое оправы своее, от мене еи на тыхъ именеяхъ моихъ ведлуг статуту вделаное, маеть она быти иста и певна. А естли бы Пан Богъ на мене первей, нижли на нес, смерт допустити рачил, тогда она скоро по моемъ животе, тую третюю часть оныхъ именей моихъ помененыхъ зо всемъ на все, яко ся в себе в дворех, в людехъ тяглыхъ, слугахъ путныхъ, вгрунтехъ, пашняхъ и вшелякихъ пожиткохъ, доходахъ, можностяхъ и широкостяхъ своихъ маеть, взявши къ рукамъ своимъ, аж до живота своего ее держати и вживати, розширати и примножати и тымъ подле воли и мысли своее шафовать, а по животе своемъ оную суму пенезей дванадцати сотъ копъ грошей, от мене ей на третей части тыхъ именей нашихъ помененыхъ оправою записаную, кому похочеть отписати и отказати она будетъ моцна; а дети мои и нихто зъ близкихъ крвныхъ моихъ, як у ее самое, за живота ее, так тежъ и по животе ее в того, кому теж она запишет, оное третее части именей моихъ вышей менованыхъ, не отложивши тое верху писаное сумы пенезей дванадцати сот коп грошей, зъ рукъ и держанья ихъ выймовати не мають и мочи не будутъ; што я маю и повинен буду передъ врядомъ вгродскимъ Луцкимъ оповедати и сесь лист свой до книгъ замковыхъ записати дати, а потомъ на роки судовые до книгъ справъ земскихъ повету Луцкого перенести. И на то еи, даст Богъ, при-

шлои малжонце своєї панне Ганьне Печифостского даю сесь мой лист з моею печатю и с подписомъ властное руки моее. А при том были и того суг добре сведоми панове их милость: панъ Александро Жоравницкий, ключник и городничий Луцкий, пан Иоахимъ Сам, подстолий Лвовский, пан Бартошъ Корытко, писар земский Лвовский, а панъ Фронць Круци; которых же то вышей писаных панов просил есми о приложене печатей своих и подпису рук, и ихъ милость то на прозбу мою вчинити и печати свои к сему моему листу приложити и руки свои подписати рачили. Писан в Митровичох, лета Божого нароженъя тысяча пят сот шестдесятого девятого, месяца ноября третегонадцать дня. Василей Жоравницкий властною рукою".—А такъ я тое очевидное оповедане, добровольное сознане и лист пана Василя Жоравницкого оправъный, слово от слова, с початку ажъ до конца до книгъ кгородскихъ записати казалъ.

Книга кродск. Луцк. 1570 г., № 2044, л. 384 об.

L V.

Дарственная запись землянки Настасьи Павловичевой, выданная ею мужу своему п. Василю Павловичу на вѣно, отъ него же ей записанное. 1569 года, ноября 22.

„Я Василева Павловичова Настася Петровъна Семашковна визнаваю и чиню явно симъ моимъ листомъ нынешнимъ и напо томъ будучимъ, кому будетъ потреба того ведати, иж кгда з воли Божей и презрениа Его светого, а з ведомостью и позволенемъ ее милости панее Петровое Семашковое, старостиное Кремьянецкос, панес Зохвее Боговитиповны, панее а матухны мосе намишное, и

брата моего рожоного пана Яроша Семашка и иных приятелей повиноватых моих, была м выдана в стан светый малжонский за его милость пана Василя Павловича, тогда его милость пан малжонек мой, заховываючися водле обычаю права посполитого и милуючи мене, малжонку свою, противко внесена вена моего, которое мъ я з дому ее милости панее матухны моее, за его милость идучи, внесла грошми готовыми и выправую шесть сотъ кошь грошей, записал ми листомъ своимъ то, што бы за тую суму от мене принесеную што колявек имениа на вечность набыль або закупил, и ктому если бы ему што Бог з ласки своее светое дал почтиве набыти именовей, такъ теж и вси речи рухомые, яко бы одно колвекъ назват и меноват се могли, то ми былъ все от мала и до велика на вечность по животе своемъ отписал и отдаляючи от того всего братю свою рожоную и всех кровных и повиноватых своихъ, о чомъ ширей а достаточный на оном листе записномъ есть описано; што я вдячне от его милости пана малжонка своего принявши и уважаючи яко в том добродейство его милости к себе показаное, такъ теж не мней бачачи и узнаваючи милость и ласку его милости, которую в стане малъженскомъ от его милости узнавамъ, и не могучи того ничимъ инымъ его милость нагородити, одно повинною и поволною милостью своею малженъскою и службами моими, и на знакъ показуючи тое поволности своее, абых еще охотнейшого ку собѣ его позыскала, кромъ всее намовы и примушеня, леч по своей доброй воли, тое все, што одно кольвекъ мне он листомъ своимъ записал, от мала и до велика, жадъпое речи на себе не zostавуючи, зась есми его милость пана Василя Павловича, малжонъка своего милого, даровала и сим листомъ моимъ даю и дарую, и с того се вырекаю, и оный лист, веновный запис свой, которым мне то его милость записати рачиль, на часы вечные уморяю и ни во што оборочаю, и хотя бы се по моемъ животе тот лист, запис пана малжонка моего мне данный, въ се милости панее матухны моее, або брати моее, и в кого-ж колвекъ з близких, кровных и повиноватых моих показалъ, и хто ж

бы колвекъ хотел за тым листом того на пану Василю Павловичу, малжонку моему, або тежь брати и повиноватыхъ его искати и до права поволокати и якую трудность задавати, тогда вже тот лист, от мене умороный, везде в каждого права моцы и местца не маючи, яко умороный и в ни во што оберненый, касован и на сторону отложен быти маеть, и то все, што мнѣ было от его милости записано, каждый в ряд при пану малжонку моемъ и повинныхъ дому его милости на вечные часы, яко властность его, заховати и сознавати маеть. И на то есми дала его милости пану малжонку моему милому пану Василю Павловичу сесь мой лист, з моею печатю и подписомъ властное руки моее. А при томъ были и того добре зведоми и за прозбою моею печати свои приложити рачили их милости панове а приятели мои: князь Янушт. Матвеевичъ Четвертенский, князь Марко Солтановичъ Соколский, а пан Александро Жоравъницкий, ключникъ и городничий Луцкий. Писан у Луцку, лета Божого нароженя тысяча пятсотъ шестдесят девятого, месеца ноebra двадцать второго дня. Василева Павловичова Настася Петровъна Семашковъна, влостная рука".—Што есть до книг, за очевистымъ оповеданемъ и вызнанемъ ее, записано.

Книга земская Луцкая 1570—1575 г.г., № 2094, л. 22 об.

LVI.

Вѣновная запись князя Станислава Вороницкаго, выданная имъ жень своей Ганнѣ Хомяковнѣ въ обезпеченіе (въ двойной суммѣ, т. е. съ „привѣнкомъ“) ея приданого. 1570 года, генваря 20.

Лѣта Божого нароженя 1570, месяца генваря 28 дня.

Ставши обличне на вряде его королевское милости в замъку Луцкомъ, передо мною Петромъ Хомякомъ, подстаростимъ Луцкимъ, его милост князь Станислав Войнич Воронницкий зе Збаража оповедаль...*) и лист свой вызнанный венонный, под печатью своею и с подписомъ руки своее и с печатми людей задних, малжонце своей даный передо мною на вряде покладал и просилъ, абы былъ читанъ и в книги городовые записанъ, который лист так ся в себе маеть: „Я Станиславъ Войничъ Воронницкий зе Збаража ознаймую то симъ моим листомъ, кому того потреба будетъ въказовати сесь часъ и напотомъ завжды, штож з воли Божее и презрениа Его светого, а з милости моее, понялъ есми за себе в стадо малъжонское, подле закону нашего светого хрестянского, дочку его милости пана Тихна Ивановича Хомека Смордовъского, судьи кгородского замку господарьского Луцкого, панъну Ганну, по которое взялъ есми готовыхъ шесть сотъ копъ грошей и шестьдесятъ копъ грошей, а выправы сто копъ грошей; а такъ я Станиславъ Войничъ Воронницкий зе Збаража, взявши тотъ посагъ у пана Тихна Хомяка Смордовъского, суди кгородского Луцкого, по девце его милости а малъжонце моеи милои кнегини Ганъне, а взнавши малжонки моее милое кнегини Ганъны цнотливое а доброе, верное захованье у ее паненъстве ку себе, и заховываючися в томъ подле статуту и права посполитого земъского, запишю еи, малъжонце моеи, кнегини Ганне Тихновне Хомяковича, на третей части именьей моихъ отчизныхъ, которые я маю ув отдѣли отъ брати моее родное, князя Лва а князя Матыса Воронницкихъ зе Зба-

*) Опускаемъ устную передачу содержания слѣдующей за симъ записи. *Ред.*

ража, то ест: на селе Щурине, Ясенови, Тристени, а к тому што бы на мя спадкомъ по которуи руже пришло, и тежъ што бых, мешкаючи з нею, малжонкою моею, набыл, прислужилъ, прикупил, на всем томъ, против внесена ее в домъ мой готовыхъ шест сотъ копъ и шестдесятъ копъ грошей литовскихъ, с привенъком, тринадцатъ сот копъ грошей литовскихъ, личачи по десяти белых (пенезей) у грошъ, то есть на полскую личбу три тысячи золотых двесте пятьдесятъ золотых полскихъ, а противъ выправы рухомыхъ речей сто копъ грошей литовскихъ же, также личачи по десяти белых у грошъ, без привенъку, того всего сумою яко противъ готовыхъ грошей с привенъкомъ, такъ и противъ выправы без привенъку, чотырнадцать сот копъ грошей, а на полскую личбу полчетверты тисечи золотыхъ полскихъ. Масть она, малъжонка моя милая, кнежна Ганна Тиховна Хоменковича, на той третей части именей моихъ вышей мененыхъ отчизныхъ, спадковыхъ, купленыхъ, выслужонныхъ, якимъ колвекъ обычаемъ набытыхъ, з дворы, с пашнями дворными, полми, сеножатми, дубровами, лесы, боры, ставы, млыны и всякими пожитки седети, держати и вживати, ку своему пожитку привлащати, оборочати, ажъ до живота своего; а с того ее, малъжонки моее милое, кнегини Ганъны Тиховни Хоменковича, не маеть ни хто з детей моихъ, которые если Панъ Богъ даст з нею мѣти, ани з близкихъ, кривныхъ, повинныхъ моихъ и обѣчихъ людей скуповати, а ни под нею того поискивати и никоторое переказы и трудности, поволоки задавати, толко спокойне се в томъ кнегине малъжонце моеи милои кнегине Ганне заховати, ничимъ с того листу а опису моего веновного не выступаючи, до живота ее малъжонки моее; и волна она, малжонка моя милая, княгиня Ганна Тиховна Хоменковича, в тое суме пенезей чотырнадцати сотъ копъ грошей, личачи на литовскую личбу по десяти пенезей белых у грошъ, а на полскую личбу полчетверты тысячи золотых полскихъ, на тое третее части именей моихъ отчизныхъ, купленыхъ, выслужонныхъ, набытыхъ, спадковыхъ, яко властное вено посагу свою (sic!), отдати кому хотя, записати, або на потомки свои за-

ставити, а я самъ, никто з детей, зъ близкихъ, крвныхъ моихъ, не маеть ей, малжонце моее милое, кнегине Ганъны Тихновъне Хомаковича, никоторыми причинами того забороняти, переказы чинити; а кому она, малъжонка моя милая, кнегиня Ганна Тихновна Хомаковича, тую суму вышей мененую вѣна посагу свою, по животе своемъ, на тои третей части имѣней моихъ запишетъ, тогда дѣти, которые я буду з нею, малъжонкою моею, з ласки Божее мѣти, и крвные, а ни близкие мои, не отдавши тое сумы пенезей вѣна посагу ее полчетверты тисечи золотыхъ полскихъ, не мають ся в тую третюю часть именовъ моихъ отчизныхъ, ее веновныхъ, вышей мененыхъ, никоторыми причинами правными и неправными вступовати, искати, а ни ку праву поволоки чинити. На то есми малжонце моеи милои кнегини Ганне Тихновне Хомаковича, судьянце Луцкое, даль сесь мой листъ, запись веновный, подъ моею печатю и с подписомъ руки моее властное; якожь ихъ милости панове а приятели наши: панъ Михайло Малинъский, маршалокъ его королевское милости, князь Юрей Воронницкий з Збаража, панъ Янъ Монтовтъ Коблицкий, панъ Григорей Еловичъ Букоемский, бирчий господарский Луцкий, а панъ Андрей Лаць Стрымилецкий, а панъ Антонъ Яловицкий, панъ Фронць Крушь, панъ Дмитръ Яловицкий, панъ Янъ Мнишковский, за прозбою моею, печати свои приложити рачили. Писан в Смордве, под леты Божего нарожена тисеча пять сотъ семдесятого, месяца генъваря двадцатого дня. Станиславъ Войничъ Воронницкий зе Збаража, рука власна.—И просил мене его милость князь Станиславъ Войничъ Воронницкий зе Збаража за то, абыхъ его милости тое очевистое оповедане и доброволное сознание и листъ его веновный слово въ слово, с початку ажъ до конца, до книгъ кгродскихъ записати казалъ. А такъ я то до книгъ кгродскихъ записати казалъ и выписъ с книгъ, под печатю моею, малъжонце его милости кнегиня Ганне Тихновне Хомаковича даль.

Книга кгродск. Луцк. 1570 г., № 2044, л. 39 об.

LVII.

„Обрадованный листъ“ князя Станислава Вороницкаго, по которому онъ новобрачной женѣ своей Ганнѣ Хомяковиѣ, въ награду за сохраненіе ею цѣломудрія, записываетъ въ даръ, независимо отъ вѣна, двѣсти червонцевъ угорскихъ. 1570 года, генваря 23.

Лѣта Божего нароженя 1570, месяца генваря 28 дня.

Ставши обличне на вряде его королевское милости, в замку Луцькомъ, передо мною Петромъ Хомекомъ, подстаростимъ Луцким, его милост князь Станиславъ Войничъ Воронѣницкий зе Збаража тыми словы до книгъ кгородскихъ сознал: Иж дей, што з воли Божое и презренъя его святого, а з милости моее, поняль есми за себе в стадло малжонское, водле закону нашего светого хрестянского, дочку его милости пана Тихна Ивановича Хомека Смордовского, судѣи кгородского Луцкого, панну Ганну, по которое я малжонце моее милои кнегине Ганне Тихновне Хомяковича позвавши доброе, верное а цютливое въ ее паненстве захованье ку себе, ижъ она, малжонька моя милая княгиня Ганна Тиховна Хомяковича, яко зацного отца и поцтвие матки своее, вышшла, ни в чомъ стану а особы паненства своего не нарушила, але все то, што доброе а цютливое паненце належало, мнѣ в станъ святобливый малжонский принесла; а так я, познавши по неи, малжонце милои кнегине Ганне Тихновне Хомяковича, такую верность и удчивое заховане ку себе, а будучи тому вдячонъ непомаму, и с тое вдячности моее родичомъ ее, отцу и матце, велце подякованье мое вчинил, а малжонце моеи милои даю, дарую и записую двѣсте золотыхъ червонныхъ угорскихъ на имену моемъ лежачомъ (*пропускъ въ подлинникѣ*). Мають и повинньи будуть дети наши, если ми ихъ Пан Богъ з нею дасть мети, або кривные, повинные и близкие мои тую суму двѣсте золотыхъ червонныхъ малжонце моеи милои кнегине Ганне Тихновне Хомяковича

отдати и заплатити, яко влосного дару моего, мають, и ни которыми причинами, такъ правными, яко и неправными, того отбивати не мають. Якожь и листъ свой обрадованный, под печатью своею и с подписомъ руки своее и под печатми людей заднихъ, передо мною на вряде покладаль и просилъ, абы былъ читан и в книги городовые записанъ; который листъ такъ ся в себе маетъ: „Я Станиславъ Войничъ Воронъницкий зе Збаража визнаваю и чиню явно симъ моимъ листомъ, кому того потреба вѣдати будетъ, ижъ што з воли Божое и прѣзренъя Его светого а з милости моее понял есми за себе в стадло малжонъское, водле закону нашего светого хрестяньского, дочку его милости пана Тихна Ивановича Хомека Смордовъского, суди кгородского Луцкого, панну Ганну, по которое я малжонце моее милое кнегине Ганъне Тихновне Хомековича познавши доброе, верное а цнотливое въ ее паненъстве захованъе ку себе, ижъ она, малжонка моя милая кнегня Ганна Тихновна Хомековича, яко задного отца и поцтвие матки своее, вышла, ни въ чомъ стану а особы паненъства своего не нарушила, але все то, што доброе а цнотливои паненъце належало, мнѣ в станъ святоблिवый малжонский принесла и оказала; а такъ я, познавши по неи, малжонъце милои княгине Ганъне Тихновни Хомековича, такую верность, уцтвие заховане ку себе, а будучи тому вдячонъ, и с тое вдячности моее родичомъ ее, отцу и матце, вельце подяковане мое вчинил, а малжонъце моеи милои даю, дарую и записую двѣсте золотыхъ червонныхъ угорскихъ на имену моемъ лежачомъ (*пропускъ*). Мають и повинъни будуть дѣти наши, если ми ихъ Пан Богъ з нею дастъ мети, або кривные, повинъные и близкие мои тую суму двѣсте золотыхъ червонныхъ малжонце моеи милои княгине Ганъне Тихновны Хомековича оддати и заплатити, яко властного дару моего мають, а ни которыми причинами, такъ правными, яко и неправными, того отбивати не мають. И на то даю малжонце моеи милои княгине Ганне Тихновне Хомековича сесь мой листъ обрадованный, под моею печатью и с подписомъ руки моее влосное и тежь под печатми и ведомостю

их милости пановъ а приятель наших: его милости пана Михайла Малинского, маршалка его королевское милости, а пана Яна Монтотта Коблинского, а пана Григоря Еловича Букоемьского, бирчого господарского повѣту Луцкого, а пана Андрея Лаща Стрымилецкого, а пана Фронца Круша, а пана Антона Яловицького. Писан у Смордвѣ, лета Божего нароженъя тисеча пятсотъ семдесятого, месяца генвара двадцать третего дня. Станиславъ Войничъ Воронницкий зе Збаража, власная рука".--А такъ я тое добровольное и очевистое зознане его милости князя Станислава Войнича Воронницкого зе Збаража и листъ его милости обрадованый, с початку ажъ до конца, слово в слово, до книгъ крродскихъ вписати казалъ.

Книга крродск. Луцк. 1570 г., № 2044, л. 42.

LVIII.

Предбрачное условіе п. Василя Петровича Загоровскаго, заключенное имъ съ княгинею Ганною Чорторыйскою относительно его женитьбы на дочери ея, княжнѣ Катеринѣ. 1570 года, марта 30.--Заявленіе княгини Чорторыйской о неявкѣ п. Загоровскаго къ условленному дню для совершения брака. 1570 года, октября 17.

Лѣта Божего нароженя 1570, месеца октебра 17 дня.

Приподчи на врад его королевское милости замку господарского Луцъкого, перед мене Ивана Хрыбтовича Богуринского, подстаростего Луцкого, пан Остафей Горностаевич, воеводич Новгородский, зять велможное кнегини ее милости Ивановои Чорторыйской кнегини Гавъны Кузминъны Жеславского, именемъ от ее милости кнегини Ивановое Чорторыйское, тещи своее, тыми словы

оповедалъ: „ижъ дей которую умову и постановене ее милость кнегиня Ивановая Чорторыйская, теща моя, вчинивши съ паномъ Василемъ Загоровскимъ, маршалкомъ его кролевское милости, городничимъ Володимерскимъ, и рокъ ведлугъ змовы и описовъ, з obu сторонъ на себе даныхъ, приняли были, яко на рокъ певный, день недели прошлое месяца октября пятогонадцать дня, непохибне ку выданю девки своее в станъ малжонский за его милость, кнежны Катерины, на который то рокъ принятый и зложоный, въ неделю *) ей милость княгиня теща ожидаючи с приятелями своими приеханя пана Василя Загоровского в домъ свой а выданя ее милости кнежны Катерины, девъки своеи, за его милость, водле пошлюбеня и приреченя и запису своему досыть чиненъ, а панъ Василей дей Загоровский, не ведати, для которос причины, пошлюбеню и приреченю ее милости, запису своему, досыт вчинити и на тот рокъ зложоный к веселью в домъ ее милости не приехалъ, толко дей ку великои шкоде и накладу ее милость привель“. И тотъ листъ, запись пана Загоровского под печатью его властною и рукою подписаньемъ и печатми приятельскими, кромя одной его милости пана Михайла Ела, маршалка его кролевское милости, не была приложена, покладалъ на вряде и оказывал, который в себе такъ ся маеть: „Я Василей Загоровский, маршалокъ его кролевское милости, городничий Володимерский, сознавамъ симъ листомъ моимъ, кому бы треба того ведати, ижъ з воли и призрениа Божого, а з намовы и порады пановъ приятелей моих, и тежъ за радою пановъ опекуновъ ее милости кнегини Ивановое Чорторыйское кнегини Ганны Кузминъны княжны Жеславское, а з волею ее милости самое кнегини Чорторыйское, змовилъ есми и пошлюбилъ въ стадо малъженское за себе девку ее милости кнегини Ивановое Чорторыйское кнегини Ганны Кузминъны Жославского, кнежну Катерицу, и рокъ певный з ее

*) Точками обозначены мѣста истлѣвшія или совершенно выцвѣтшія въ алковой книгѣ.

милостью кнегиню Ивановою Чорторыйскою оному веселю на отдане девки ее милости кнежны Катерины за мене в станъ малъженскій зложили и приняли: в року теперь идучомъ семьдесятом, по святе греческого закону Покрове Пречистое светое у двухъ неделяхъ, то ест месяца октября пятогонадцать дня, в неделю; на который рокъ помененый и день маю я с приятелми своими в дом до ее милости кнегини Иваново Чорторыйское, до Клевая, приехати и дѣвку ее милости кнежну Катерину, ведле обычаю и закону нашего хрестиянского, въ стадо малъженское за себе взяти, а ее милость, отдавши мнѣ дѣвку свою на оный рокъ вышей мененый у светое малженство, з ласки своее таковой же посагъ и выправу з именей сыновъ своихъ, двѣ тысячи копъ грошей литовскихъ, яко и старшое дѣвце своеи, ее милости кнежне Олене дала, дать обещат рачила, а я тежъ оправу напротивку внесена дѣвки ее милости на именахъ своихъ отчизныхъ и набытыхъ, водле обычаю права, оправити дѣвце ее милости кнежне Катерине обовязуюся. А естли быхъ я на тотъ рокъ, назначоный водле сего опису и застановенъя нашего, в дом ее милости кнегини Иваново Чорторыйское, до Клевая, кромя двохъ причинъ: хоробы своее, а служббы господарское земское, с приятелами своими приехати и оногo веселя кончити не хотелъ и дѣвки ее милости кнежны Катерины в малжонство за себе не взялъ, маю и повиненъ буду заруки заплатити ее милости кнегини Иваново Чорторыйскои и дѣвце ее милости кнежне Катерине три тысячи копъ грошей, а шкoды и наклады, што бы ее милость для того мела, на реченъе слова ее милости буду виненъ; а заплативши оны заруки вышей мененые, такъ тежъ за шкoды и наклады ее милости досыть вчинивши, предся, водле пошлюбеня и сего опису моего, маю дочку ее милости кнежну Катерину за себе взяти, оправу напротивку внесена ее милости на именахъ своихъ, водле обычаю права посполитого, уделати. И на то далемъ ее милости кнегини Иваново Чорторыйскои кнегини Ганъне Кузминича княжне Жославкоу тот мой лист, под печатю моею и с подинсомъ руки моее; а для леп-

шого утверженя того моего листу просилемъ о приложене печатей их милость пановъ а добродеевъ моихъ: пана Михайла Еловича Малиньского, маршалъка его королевское милости, пана Ерофея Василевича Гостского, пана Гектора Кавачинского, старосты Олыцкого, отца Тимофея архимандрита Дорогобузского, пана Стефана Русина, коморника его королевское милости, а нана Федора Калусовского; ихъ милость на мою прозбу то учинили и печати свои приложити рачили к сему моему листу. Писан у Клевани, тысяча пятсотъ семдесятого року, месяца марта тридцатого дня. Василей Петровичъ Загоровъский властною рукою.—И просилъ его милость пан Остафей Горностай именовъ ее милости кнегини Иванови Чорторыйской, тещи своеи, абы такъ листъ заручный, яко и листъ записный пана Василя Петровича Загоровского, для часу пришлого мовеня о то з нимъ у права, записано и до книгъ уведено было; якож тое оповедане, такъ и тот лист, слово в слово вычотши, до книгъ уписано, и выпис с книгъ ее милости кнегини Иванови Чорторыйской под печатю моею ест дан. Писанъ у Луцку.

Книга гродск. Луцк. 1570 г. № 2044, л. 537.

LIX.

Заявленіе п. Василя Загоровскаго о томъ, что онъ по причинѣ болѣзни не можетъ къ опредѣленному сроку прибыть въ м. Клевань для вступленія въ бракъ съ княжною Катериною Ивановною Чорторыйскою. Донесеніе вознаго, посыланнаго съ извѣщеніемъ о томъ къ матери невѣсты, княгинѣ Ганнѣ Чорторыйской. 1570 года, октября 18.

Року 1570, месяца октября 18 дня.

Писалъ и посланца своего Богдана Беницкого прислалъ до мене Ивана Хрыбтовича Богуринского, подстаростего Луцкого, его милость панъ Василей Петровичъ Загоровский, маршалок его королевское милости, городничий Володимерский, оповедаючи: иж што змовил его милост у святое малъженство за себе дочку ее милости кнегини Ивановое Чорторыйское, кнегини Ганны Кузминны Жеславского, кнежну Катерину, а обовязался дей его милость листом своим и под зарукою описал тую дочку ее милости на рок певный, месяца теперешнего октября пятогонадцат дня, в неделю, у светое малженство от ее милости кнегини Чорторыйское за себе узяти, на который дей рокъ, опустивши его милост пилные sprawy господарские, ку ее милости ехати и девку ее милости, водълуг постановеня зъ ее милостю вделаного, у святое малженство за себе узяти готовался; нижли дей будучи его милость на сес час на здоровю своемъ хор и велми неспособенъ, съ приятelmi своими в дом ее милости быти и тому постановеню своему про хоробу свою досыт чинити на тот рокъ не может. Якож на тое возный повѣту Луцкого панъ Богданъ Кнегининский з уряду замку Луцкого его милости пану маршалку даван былъ и ездил до его милости пана маршалка, а от его милости былъ въ Клевани, и с Клеваня опят в пана маршалка на вряде дня нынешнего в середу тыми словы вызналъ: ижъ дня недавно минулого в пятницу, месяца октября третегонадцать дня, будучи мнѣ въ его милости пана Василя Загоровского, маючи при собѣ шляхъту людей добрых, землянъ

господарьских: пана Богдана Перекладовского, папа Станислава Пресмыцкого. а пана Якуба Лесковского, во имену его милости Ставрове былемъ и его милость пана Загоровского хорого и на постели лежачого видель, а отътоль з Ставрова, за посланемъ его милости пана маршалковымъ, з листомъ князя старосты его милости Лудкого и з листомъ суду земского повѣту Луцкого, такъ же при мне з листомъ его милости пана маршалковымъ посланецъ его милости панъ Гневошъ Стахорский, и к тому маючи я при собѣ тых пановъ шляхту: папа Перекладовского и пана Лесковского, того жъ дня въ пятницу до ее милости кнегини Ивановое Чорторыйское до Клевая ездилемъ, ознаймучи ее милости о хоробе его милости пана Василя Загоровского и оповедаючи, же его милость с причины тое хоробы на тот рокъ, въ неделю и обовязку своего Чорторыйское дочки ее милости кнежны Катерины за себе от ее милости у святое малжонство взяти не можетъ. Ее милост кнегини Чорторыйская на он час яко посланца пана Загоровского и лист его милости, также вядовые листы о ознаймену хоробы пана Загоровского, ку ее милости писаные, от мене принявши и ихъ прочитати перед собою базавши, а копею з них от мене под печатью моею и съ подписомъ руки взявши, тыми словы повѣдила: „Иж кгда пан Загоровский, водлуг постановеня и записов, межи нами даных, про хоробу свою на тот рокъ, на который я отдати его милости дочку мою в малжонство была готова, ко мне в домъ мой с приятelmi своими быти и дочкы в малжонство за себе възяти не может, тогда его милост кромъ твоее милости, пане возный и панове шляхта, листомъ своимъ, давши мне о тое хоробе своее ведати, могъ бы то отправити, а хотя бы его милость и хор, чога его милости не зычу, в мой домъ приехал, тогда бы его милости вшелякий вчас в дому моемъ вчинен был.“—Потом, отехавши мнѣ возному от ее милости кнегини Чорторыйское с именя, былемъ есми с тою жъ шляхтою, папомъ Перекладовскимъ и папомъ Лесковскимъ, въ его милости пана Василя Загоровского дня оногдашного, в неделю, в имену

его милости Ставрове, и там теж в Ставрове хорого его милость видели есмо. Якожь и шляхта пан Богданъ Перекладовский а панъ Якубъ Лесковский, стамтол приехавши, на вrade в замку господарскомъ Луцкомъ передо мною то жъ, яко возный, вызнали: же якъ пана Загоровского в пятницу хорого видели, такъ и в кнегини Чорторыйское при поданю тых листов урядовых будучи, то жъ, што и возный зезнал, от кнегини Чорторыйское слышели, а потом и в неделю оногдашнього дня его милость пана Василя Загоровского хорого в имену его милости Ставрове видели.—Которое ж оповедане его милости пана Василя Загоровского и сознание возного и тыхъ шляхты вышей мененых, за прозбою его милости пана Загоровского, через листъ и служебника его милости Богдана Беницкого покорне въчиненою, до книг кгородских ест записано.

Книга городская Луцк. 1570 г., № 2044, л. 546 об.

LX.

Заявление князя Якова Андреевича Четвертенскаго объ условіяхъ предбрачнаго договора, заключеннаго имъ съ матерью его невѣсты п. Богданою Горайною. 1570 года, іюня 19.

Лѣта Божего нароженъя 1570, месяца іюня 19 дня.

Постановившия очевисто на вrade его королевское милости в замку Луцкомъ, передо мною Иваном Хребтовичем Богуринскимъ, подстаростомъ Луцкимъ, князь Яковъ его милость Андреевичъ Четвертенский оповедалъ и доброволне до книгъ кгородскихъ тыми словы созналъ: „и ж дей змевил есми за себе в малженство дочку панес Федоровое Горайновое панее Богданы Мосѣвны панну Ган-

ну, с котороюмъ и шлюбъ з нею бралъ, и тому веселю и рок есмо
невный а ничимъ неотменный з обу сторонъ зложили, то ест на
семую субботу в року прийдучом 1571. А где бых на тот рок ме-
нованный семую субботу в року 71 тое дочки панее Гораинове
панни Ганны за себе в малженство взяти не хотель и якими кол-
векъ причинами с того ся вымовляль, тогда маю и повинен буду
заруки заплатити господару королю его милости полтора ста копъ
грошей. Якожем заразомъ теперешнего часу наперед взяломъ по-
сагу в панее Гораинове готовых пенезей сто и семдесят копъ
грошей личбы литовское, в которое суме пенезей вышей менованой
сту и семидесять копах грошей, выкупивши имене свое властное,
ничимъ не ценное, в пана Петра Хомяка Смордовского, то ест на
имя Боровичи, зо всим на все, так яко ся тое имене менованое
в кгрунте, в границах, в межах и обыходах своихъ з давныхъ
часов маеть, ее милости паней Гораиновой есми до того року и
дня вышей менованого семое субботы заставиль, в моц и держане
ее милости подал и поступиль, а при отдаю дочки своее панни
Ганны за мене в малженство маеть мнѣ зась пани Гораиновая
тое имене мое Боровичи до рук моих отдати и поступити, не
беручи в мене тое сумы пенезей ста и семидесять копъ грошей.
А чого Боже уховай на мене до того часу смерти, тогда тое
имене мое Боровичи пани Гораиновая держати и вживати маеть,
ажъ поки тая сума пенезей сто и семдесят копъ грошей паней
Гораиновой отъ брати, або близких кровных и повиноватых моих
вся сполна отдана и заплачона будет. А кгдабы теж на дочку
панее Гораинове панну Ганну до того ж року вышей менованого
Панъ Богъ час смертельный допустити рачил, тогда я тую суму
пенезей сто и семдесят копъ грошей паней Гораиновой отдати а
тое имене свое Боровичи въ ее милости до рук своих взяти маю.
Ку тому теж естли бы на тот рок менованный семую субботу в
року прийдучомъ 71-мъ дочки своее панн Гораиновая за мене в
малженство отдати не хотѣла, тогда я маю тое имене свое Боро-
вичи въ ее милости без жадных пенезей взяти".—И просиль его

милость князь Яковъ Андреевичъ Четвертенский, абы то было записано. А такъ я тое очевистое оповедане, доброволное сознание его милости до книгъ кгородскихъ записати казаль.

Книга кродск. Луцкая 1570 г., № 2044, л. 316.

LXI.

Въновная запись князя Якова Четвертенскаго, выданная имъ женѣ своей Ганнѣ Горайновой въ обезпеченіе принесеннаго ею приданнаго. Обязательство мужа относительно возвращенія приданнаго родственникамъ жены въ случаѣ бездѣтной ея смерти. 1570 года, ноября 12.

Лѣта Божего нароженя 1570, месяца ноября 17 дня.

Пришедши и постановивъшися очевистю на вѣряде его королевское милости, в замку Луцкомъ, передо мною Иваномъ Хребтовичомъ Богуринскимъ, подстаростимъ Луцкимъ, князь Яковъ Андреевичъ Четвертенский оповедал и доброволне до книгъ кгородскихъ теми словы сознал... и лист свой передо мною на вѣряде покладалъ, просячи, абы былъ вычитанъ и в книги кгородские вписан; который лист так ся въ себе мает: „Я Яковъ Андреевичъ Четвертенский визнаваю тымъ моимъ листомъ каждому, кому то потреба будетъ ведати або чтути его слышати, ижъ з воли Божое и порады ихъ милости приятелей моихъ ласкъавыхъ и дозволенемъ кнегини матьки моее, взялъ есми в малъженство светое дочьку у ея милости нанее Федоровое Горайновой Богданы Мойсеевны панну Ганнну, по которой взялъ есми вена триста копъ готовыхъ грошей, а сто копъ въ золоте, в серебъре, въ шатахъ; а такъ, дознавъши ея до себе въ паненствѣ прихильную и въмиловавъши ея, яко малжоньку мою, ведаючи добре, ижъ каждый чоловекъ водлугъ

обычаю права посполитого и статуту земского жоне своей оправу чинити мает, а так теж я маючи именья свои отчизные от брата моего в каждом местцу наполю в частях напихъ, то есть в Боровичох, в Голузее, въ Яровицы, што на мене ровным деломъ от брата зостанет, и к тому што бых колвек прикупити, набыти, албо яким колвекъ обычаем або правом приржоным спасти а достати мелю, а так я с тых именей всех своих, што мне на делу от брата моего зостанет, и што бых к тому достати мел, вынемши з двух частей третю част, на третьей противко того вена ее даю и записую жоне моеи панее Ганьне Гораиновне семъ сотъ копъ готовых грошей; волна будет тую третюю част именей моихъ отчизныхъ держати и вживати и в той суме за живота моего и по животе моемъ в семи сот копах грошей заставити, дати, даровати и записати тую суму пенезей кому похочет; а близкие мои так брат, яко и сестры, и хто колвекъ с повинных моихъ, в тую третюю част, не отдавши тое сумы вышей помененое жоне моеи, або тому, кому бы она даровала, записала и тотъ лист мой записный дала, ништо ничим ся не маеть уступовати. А еслибы, чого Боже ухорвай, на жону мою смерти, не сплотивши зо мною деток, тогда я повинен буду вѣна чотыриста коп грошей панен Федоровои Гораиновои, албо детемъ ее милости заплативши, або в дом ее милости и потомком ее милости вернена тая сума пенезей быти мает. А еслибы мне Пан Бог зъ нею плод дати рачил, тогда дети мои в тую третюю част имения моего вступовати, не отдавши тое сумы пенезей семи сотъ коп грошей, до живота ее не мают, а по животе своем волна она будет кому хотячи тую всю сполна суму пенезей сем сот коп грошей записати, отдати, даровати, а дети мои або хто колвекъ з брата и повиноватых моих гдыбы мели чим колвек в оную, не отдавши сполна тое сумы пенезей, уступовати або чим колвекъ тот записъ мой нарушити, тогда я самъ и кождый таковой повиненъ будетъ заруки заплатити полчетверта ста копъ грошей, а жоне моей албо тому, у кого сес мой листъ будетъ, другую полчетверта ста коп грошей, к тому шкоды и на-

клады на речене слова без жадного доводу заплатити и нагородити повиненъ буду; а заплативши заруки, так теж за шкody наклады на реченя слова нагородивши, предся тот лист мой у каждого праза мает мощно захован и держан быти. И на том дал сесь мой лист, под моею печатю и з подписом руки моее властное. А при том были и того добре сведоми ихъ милост панове приятели наши: пан Андрей Львович Свищовский, пан Андрей Коровай Селецкий, пан Иван Волянец, а пан Ян Грушецкий. И просилом их милости о приложене печати; их милость на прозбу мою учили и печати свои приложили къ сему моему листу. Писан у Олыце, лета Божого нароженя тисеча пят сот семдесятого, месяца ноября второгонадцат дня. Яков Четвертенский власная рука.“—А так я тое очевистое опоедане, добровольное сознание и лист князя Якова Четвертенского слово от слова, с початку аж до конца, до книгъ кгородскихъ записати казал.

Книга кродск. Луцк. 1570 г. № 2044, л. 583.

LXII.

Запись княжны Ганны Матвѣевны Четвертенской объ условіяхъ миролюбиваго соглашения ея съ невѣсткою, вдовою по умершемъ братѣ ея князь Янушѣ, княгинею Богданою Четвертенскою, относительно обезпеченія вѣна послѣдней, совмѣстной уплаты долговъ покойнаго и раздѣла родовыми его имѣніями. 1570 года, іюня 27.

Лѣта Божого нароженя 1570, месяца іюля сегого дня.

Постановившиися очевисто на вряде его королевское милости в замку Луцкомъ, передъ врядомъ зуполнымъ кгородскимъ Луцкимъ, передо мною Иваномъ Хребтовичемъ Богуринскимъ, подстаростимъ

Луцкимъ, а передо мною Титом Хомякомъ, судею кгородскимъ Луцкимъ, ее милост кнежна Ганна Матфеевна Четвертенская оповедала и доброволне до книгъ кгородских ку записаню тыми словы сознала: . . . *) на што и листъ свой вызнанный на вриде передъ нами покладала, просячи, абы былъ вычитанъ и в книги кгородские записанъ; который листъ так ся в себе маеть: „Я Ганна Матфеевна Четвертенская ознаймую то симъ моимъ листомъ, кому того будетъ потреба ведати, або чтучи слышати. Што дей з воли Божое, по несчастью моемъ, зоставшися мнѣ по его милости князю Матфею Четвертенскомъ, отцу моем миломъ, и з братом моимъ милымъ княземъ Янушемъ Четвертенскимъ при матухне, еи милости кнегини Матфеевой Четвертенской кнегини Овдоти з Ваганова, якожъ его милост князь Янушъ Четвертенский, братъ мой милый, две части именья отчизны своее, и моее части четвертое, подле права на мене у вени посагу моего прислухаючие, до рук и держанья своего взявши, держаль, не давъши мнѣ никоторое выправы вена, посагу ани выхованья съ четвертое части имени отчизного; потомъ, подле закону нашего хрестянского, поняль за себе в стадло малженское з дому зацного его милости пана Ивана Чаплича Шпановского, войского земли Волинское Луцкого, дочьку небожчика пана Василя Семашка, судьи Луцкого, панну Богдану, по которой взявши выправу в золоте, в серебре, в шатах и иных рухомых речах, которые по отцу ее небожчику пану Семашку спали, на што князь Янушъ, братъ мой, и листъ свой вызнанный пану Ивану Чапличу дал; такъ тежъ имени влостные отчизные: Подрежъ с приселки к нему належачими, Стугу в Литве, взявши до рук своих, держаль и их вживаль, также и тые речи рухомые ку потребе своее оборочал, а в тых часех зъ воли и допущеня Божого з того света зышоль, а малжонку свою милую и нас, крвных своих, в смутку и жалости оставилъ на имену Четвертенскимъ, отчизны своее и моее. Якожъ ее милость кнегиня Янушова Четвер-

*) Слѣдуетъ буквальное повтореніе записи. *Ред.*

тенская княгиня Богдана Василевна Семашковна при теперешнимъ часу, перед погребомъ, оповедала, ижъ то вырозумела, с повести жон старых статочныхъ, быт в животе своемъ початое и залеглое потомство от его милости князя Януша Четвертенъского, малжонка своего а брата моего милого. А ижъ яко четвертая часть всего имени отчизного, по отцу нашом князю Матфею Четвертенскимъ на мене припала, такъ и тые части имени, на князя Януша брата моего милого прислухающие, в небытности потомка его милости на мя подле права приржоного припале, еи милость княгиня Янушова Четвертенская Богдана Семашковна, оставшиися по малжонкѣ своемъ на вдовемъ столцу, з рухомыми речами держала, а такъ я в тыхъ всихъ речахъ, яко о четвертую часть имени, на мене правомъ приржонымъ прислухающую, такъ и о части имени брата моего милого и о посагъ ее зъ ее милостью княгинею Янушовой Четвертенской княгинею Богданою Семашковною не хотечи заводити и якие розницы мети, а до права ся позывати, толко приятелски згодливе, черезъ пановъ приятель нашихъ полюбовныхъ в томъ наложити, назначивши часть и рокъ певный ку тому. до места господарского Луцкого, въ домъ пана Михайла Малпинского, войтовский, сего дня, то есть месяца июня двадцат семого дня, року Божого наржениа тисеча пят сот семдесятого, с приятели нашими зъехали, маючи я лета зуполные и могучи именемъ своимъ ку своему пожиточному шафовати, вгодливымъ обычаемъ межи собою застановили: ижъ я, з волею и ведомостью, радою еи милости матухны моеи милостивое, княгини Матфеевое Четвертенское княгини Овдоти з Ваганова, также брати и приятель нашихъ сполныхъ, за вено посагу еи милости княгини Янушовой Четвертенской Богданы Семашковны, которое за речи рухомые и за держане, вживанье именей еи влосныхъ брат мой учинити мел, сама си доброволне обовезую, ижъ если бы еи милость княгиня Янушова Четвертенская власного потомка князя Януша Четвертенского, брата моего, не мела, тогда яко влостный долгъ ружоданый еи милости княгини Янушовой Четвертенской тисячу копъ грошей личбы литовское, то

ест полтрети тисечи золотых личбы полское, заплатити маю, а в тон тисечи копах грошей литовских поступилам и подала в моцъ ее милости кнегини Янушовой Четвертенской Богдане Семашковне, невестце моей милон, имене по брате моем спалое, двор Яровицу с папшиями дворными, з бояры, з людми, с приселки, меновите: село Сокиричи, село Чолница, село Озеро, к нему належачими, зо всею дедичностю вгрунту земельного, к тымъ именямъ належачого, якъ колвекъ названъ, поменен быти может; также з ставы, з озеры и з реками. Маеть ее милость седети на вдовемъ столцу на именах: дворе Яровици, з всимъ по тому, яко ся само в себе в границах мает, и на селе Сокиричах, и селе Чолницы, и Озери, до тых часов, поки ее милост в стадло малженское пойдет. А коли ее милост замужъ пойдет, тогда я повинна буду первой ее милости тисячу копъ грошей личбы литовское, то есть полтрети тисячи золотых полских личбы заплатити, тож тое имене Яровицу з селы вышей менеными к рукамъ своимъ взяти; а не отдавши суммы вышей мененои, именя Яровицы брать от ее милости аж до отдани суммы, переказы жадное чинити не маю; а рухомые речи вси, по его милости князю Янушу Четвертенскомъ зосталы, якъ колвекъ названы быти могутъ, мают при ее милости зостат, того я на еи милости поискиват и ку праву ее милости о тое позывати не маю вечными часы. А кгда ее милост замужъ пойдет, тогда, не будет ли потомка, маю я ее милости тисячу коп грошей заплатити, а тые именя свое отчизные Яровицу зо всем из приселки, яко ся вышей поменило, до рук своих взяти и держати, яко власност маю; а если ее милость кнегиня Янушоваля потомка брата моего мети будетъ, тогда, хотя бы и замужъ пошла, я ее з именя Яровицы скуповати не маю: мает держати ажъ до летъ потомка брата моего; а я на именах отчизных, Четвертни и всих селах и приселках замку именя Четвертенского, так у четвертой части на мене ведле права моего прирожного прислухалое, якъ и в двох частех именя брата моего милого князя Януша Четвертенского спадкового седѣти, держати и вживати маю. А кгдабы оногo потомка

невестка моя, што оповедала, фортуinne, з ласки Божое, доносивши, мела, тогда тое дитя, сын або дочка князя Януша Четвертенского, доросши лет своих, маеть мне четверту част зо всех имень отчизны нашею, у вене посагу, подле права моего прирожоного, на мене прислухающую, мнѣ выделить и за все досыт вчинити, тож тые части имени Четвертенского сел, приселков, к рукам своим, яко отчизну, взяти, держати мает; а не выделивши мнѣ тое части четвертое имень отчизны моею, не мает мене с тых имень, сел и приселков Четвертенских, некоторыми причинами рүшити и стискати, ани которыми причинами правными и неправными у то уступовати, переказы и поволоки чинити не мает; а хот бы тежъ и потомок былъ, тогда и тот, не доросши лет своих зуполных, подле права и статуту, и не выделивши мнѣ четвертое части и не вчинивши мнѣ за все досыт, мене зо всего имени Четвертни и всех селъ и приселковъ к нему прислухающих, которые я за сим постановенемъ, то ест четвертую част за вено, посагъ, такъ и части по брате моемъ спалые, держати и вживати буду, стискати и скуповати и того в мене з моци брат он самъ и никто не мает, ани мочи будет. А привилія, листы вси на вси имена отчизные, мают при мнѣ, именою головномъ Четвертни зостати, списавши на реестра под печатми приятел и нас самых. А што ся дотычет долговъ небожчика князя Януша Четвертенского, брата моего милого, которые ся по его милости на квитех и листех его милости и без листов людем шляхетским и купецким зостали, то ест меновите: пану Федору Рудецкому долгъ на одном квитѣ сто копъ грошей личбы литовское, а на другомъ двадцат копъ грошей; а паней Туровой панее Томиле Ванъковне з Лагодова сто и десять копъ грошей личбы литовское; Миску Клавши триста копъ и шестьдесят копъ грошей; пану Петру Киселю осмъдесят копъ грошей,—то все чинит шестсотъ копъ грошей и деветьдесят копъ личбы литовское; а так тую шестсот копъ грошей розняли есмо водле важности имени: я Ганна Четвертенская з имени Четвертни маю заплатити две части долгов, чотыреста и шестьдесят коп грошей личбы ли-

товское, а ее милость княгиня Янушова Четвертенская Богдана Василевна Семашковна з имени Яровицкое третью часть долговъ заплатити мает, двесте копъ грошей и тридцат копъ личбы литовское, и такъ есмо постановили межи собою, хто кому долги платити мает: я Ганна Матфеевна Четвертенская вышей мененый долгъ Миску Клавъши заплатити маю и высвободити аренду, то ест лист записный его милости князя Януша Четвертенского, брата моего, ему даный, с печатми и подписми рукъ князя брата моего и малжонки его милости, которым ему был записаль и арендовалъ ставъ на три спусти во имену малжонки своее Подрез(у) и тую аренду, за платою певною або листомъ своимъ Миску Клавъши записавши ся, высвободит и кнегини Янушовой, невестце своеи, отдати маю и так то заступити, яко бы княгиня Янушова Богдана Семашковна вже о то позывана отъ Миска Клавъши и о шкоду приправена вечно не будетъ; к тому заплатити пану Петру Киселю осмьдесят копъ грошей; а княгиня Янушова мает заплатити пану Федору Рудецкому сто и двадцат копъ грошей, а панени Туровой Томиле з Лагодова сто и десят копъ грошей, и то обваровати зараз маеть, яко бы я о то позывана и о шкоду и накладъ приправена не была. Кгды ее милость княгиня Янушова Четвертенская, не мевши потомка князя Януша, брата моего, в стабло малжонъское пойде, ино на тот час яко тисечу копъ грошей заплатити, так и тую двесте и тридцат коп грошей заплатитъ, што ей милость за долгъ князя Януша, брата моего, заплатила, ей маю заплатити а готовыми грошми отдати; а не заплативши тисечи копъ грошей вена посагу и двох сот и тридцати копъ грошей, небожчика князя Януша Четвертенского долгу должником заплаченого, не маю я сама, так тежъ и малжонокъ мой, если ми его Богъ даст, в тое имене Яровицкое, села, приселки и вси пожитки малые и великие, уступовати и никоторое переказы правнымъ и неправным обычаем чинити; а я також маю имене Четвертенъское зо всеми селы, приселки и всякими пожитки в томъ долгу чотырох сот копъ и шестидесятъ коп грошей долгу небожчика князя

Януша Четвертенского держати и вживати; а естли бы потомокъ князя Януша Четвертенского, з ласки Божое, былъ, тогда, не доросши летъ своих и не выдѣливъши мнѣ четвертое части зо всехъ именей нашихъ отчизныхъ вѣна, посагу моего, и не вчинивъши мнѣ досыт и не заплативши тыхъ чотырехъ сотъ копъ и шестидесятъ копъ грошей долгу небожчика князя Януша Четвертенского, брата моего милого, подле квитовъ и листовъ его милости, не маетъ ся в имени Четвертенские во вси села и приселки именей отчизныхъ вступовати и никоторое переказы чинити правнымъ и неправнымъ обычаемъ. А естли бы, кромъ сихъ теперешнихъ обрахованныхъ долговъ и списанныхъ, о которыхъ мы вже болшь не ведаемъ ку заплате, хтожь колвекъ о долгъ князя Януша Четвертенского мелъ насъ ку праву позвати а што правне зыскати, тогда тотъ долгъ такимъ же обычаемъ маемо платити: ее милость княгиня Янушова Четвертенская з имени Яровицкого третью часть, а я з имени Четвертенского две части; а заплативши тогда тотъ долгъ, на именахъ частехъ князя Януша Четвертенского з obu сторонъ до заплаты тыхъ всехъ сумъ вышей писанныхъ, я на имени Четвертенскомъ, а княгиня Янушова на Яровици, до заплаченя отъ потомка мети маемъ. А сее теперешнее постановене и угоду нашу маемъ и повинни будемъ по погребе князя Януша, приехавши третего дня, на вряде замку его королевское милости Луцкого оповедати, до книгъ вызнати и записати дати, а подле сего постановеня, вгоды, добровольного зезволеня нашего сполного маю и повинна буду твердо а неотменно во всехъ описанныхъ артыкулахъ сесь лист мой записный держати и полнити вечными часы, с того листу и опису моего ничимъ не выступуючи. А естли бымъ я, Ганна Четвертенская, або матухна моя милая, с которымъ позволенемъ то все чинила и сесь записъ на себе дала, также и малжонк мой, коли ми его Богъ дастъ, чимъ колвекъ з сего постановеня выкрочили правнымъ або неправнымъ обычаемъ, а имени Яровицу, дворъ або и села вышей мененые, к нему прислухаючпе, з моцы княгини Янушовой або малжонька ее, если его Богъ дастъ, также и хто

то за злеценемъ от нее держати будетъ, и не отдавши ее тысячи копь грошей личбы литовское, также и тое сумы, яко на третью часть долговъ брата моего а мужа своего платити будет, отняли, або якую переказу в держани и вживани чинили, тогда повинна буду ея милости княгини Янушовои Четвертенской Богдане Семашъковне, яко стороне ображоной, заруби яко певного долгу заплатити три тисечи копь грошей личбы литовское и досытъ учинити маю . . . а заплативши тые заклады, тогда предся . . . постановене, вгода и еднане наше . . . повинна буду водлугъ сего листу моего держати, полнити. И на то есми, з ведомостю и волею матухны моее милое ея милости кнегини Матфеевое Четвертенское кнегини Овдоти з Ваганова, дала ея милости княгини Янушовои Четвертенской сесь мой лист, с печатю ея милости кнегини матки моее и з моею печатю и с подписомъ власное руки моее. А при томъ были и того добре сведоми ихъ милость панове приятели наши, и за прозбою моею къ сему моему вызнаному листу печати свои приложити рачили: его милост панъ Михайло Еловичъ Малинский, маршалок господарский, пан Григорей Гулевичъ, хорунжий земли Волынское, пан Василей Гулевич, войский Володимерский, пан Андрей Русинъ, нареченый владыка Пинский и Туровский, панъ Станиславъ Кграевский, князь Яковъ Четвертенский, панъ Дмитръ Яловицкий, панъ Иванъ Хренницкий. Писан в Луцку, лета Божого нароженя тысяча пят сотъ семдесятого, месяца июня двадцат сегого дня. Ганна Матфеевна Четвертенская, власная рука.“—А так мы тое очевистое оповедане, доброволное сознание и лист княжны Ганны Матфеевны Четвертенское, слово от слова, с початку аж до конца, до книгъ кгородскихъ записати казали.

Книга кродск. Луцк. 1570 г., № 2044, л. 360.

LXIII.

Заявленіе, подтвержденное формальною записью, п. Богдана Хренницкаго и новобрачной жены его, княжны Олены Андреевны Козѣчанки, о полученіи ими сполна приданого отъ брата послѣдней, князя Дмитрія Козѣпки и о формальномъ отреченіи ея отъ наслѣдственныхъ правъ на четвертую часть родовыхъ имѣній. 1570 года, октября 24.

Лета Божого нароженя 1570, месяца ноябра двадцатого дня.

Передо мною Иваном Хребтовичом Богуринским, подстаростим Луцким, пан Богдан Хренницкий, весполок з малжонкою своею панею Оленою Андреевною Козечанкою, постановившия в замку Луцком обличне, оповедали: „иж дей ся есмо описали листом своим князю Дмитру Андреевичу Козеце, пж есмо сегодня мели, постановившия тутъ на вряде кгородском, я Богдан сознат мел, иж есми увесь посаг сполна от князя Дмитра Козеки по сестри его а малжонце своеи Олене Козечанце не толко с части четвертое имени, которая бы на неи приходит, ведле обетницы князя Дмитровы, мела, але и болшей до рукъ есми своих взял, на што есми и листы той малжонце своеи Олене Козечанце, противко того внесеня еи записуючи на части имени своего, з волею и ведомостю отца своего подавал; так теж и малжонка моя Олена сегодня ж мела то тут на вряде вызнати, иж еи сполна увес посагъ от брата ее князя Дмитра дошол, и мела ся четвертой части имени отчизного выречи. Нижли иж князя Дмитра Козеки тут на вряде не вижу, который того сознаня и выречени нашего дозрети мел, варуючи то, абых у обовязки або в заруки князю Козеце не попали, подлуг квита того, которым есми с того внесеня малжонки моее Олены квитовал, сознаваю, ижъ посаг малжонки моее княжны Олены увес сполна, не толко ведле обетницы, але и болшей, от князя Дмитра Козеки, шурина моего, до рук моих дошол, против чого я, з волею отца своего, на части имени своего, которое ми ся з розделку от брата моеи остат мает, записал и листы тые до

рукъ малжонце своен есми отдал“. А пани Богдановая Хренницкая, тут же стоячи, заразом сознала: „иж дей ми ся от брата моего князя Дмитра Козеки с четвертое части имень отчизны наше не толко ведле обетницы его милости досыт стало, але и болшей ми его милость дал, кром матухны моеи милои, и для того ся вже вырекаю части четвертое всеи отчизны моеи, которая бы одно мела на мене с поровнаня або шацунку приходити“.—А потом, скоро то их милость вымовили, зараз постановившия служебник князя Дмитра Козечин Грицко Михайлович поведил: „иж дей хотя пана моего самого тутъ нѣтъ, але дей мене для того тут прислал, прислуховати того вызнаня вашей милости; я дей тое вызнане от вашей милости приймаю“. И показал лист пана Богдана Хренницкого, которым пан Богдан князя Козеку, пана его, з того квитовал. И просил тот Грицко, абы и тот лист до вызнаня их слово отъ слова был уписан, который я листъ зараз перед собою читати в голос казалъ, и такъ ся в себе маеть: „Я Богдан Михайлович Сватковича Хренницкий чиню явно и признаваю тым моим листом каждому, кому того потреба была ведати або чтучи его слышати, нинешнего веку людем и напотом будущим завсегда, иж што з воли Божое и за радою а позволенемъ его милости пана отца моего милостивого понял есми за себе в малженство дочку ее милости кнегини, кнегини Андреевое Козечиное Настаси Кирдеевны, а сестру его милости князя Дмитра Козеки, княжну Олену Андреевну Козечанку, по которое есми взялъ от их милости посагу так готовизною, яко достаточною выправою, с четвертое части отчизны его милости князя Козеки, на штом лист свой малжонце своен милои панее Олене особливый дал; и требуючи его милост князь Дмитрей, шурин мой, по нас, абыхмо его квитовали, же нам вся выправа с четвертое части зъ отчизны имень его милости, водле права и статуту, достаточное дошла, нижли ижъ малжонка моя тепер, пошедчи за мене, так прудко печати своее не мела, абы мела восполк зо мною брата своего с того квитовати, але просила мене, абых я за нее ручил; про то я обе-

пую и печатью своею за малжонку свою милую Олену Козечанку ручу, иж маем от даты ведле листу моего за чотыри недели, то ест въ року теперешнем семдесятом, месяца ноябра двадцатого дня, в замку Луцком, на вряде кгородском ставши, яко я самъ сознати, иж есми увес сполна посагъ от князя Дмитра, шурина своего, по малжонце своен взял, так и малжонка моя Олена то сознати мает, иж не толко такой посагъ от брата своего, выправу зъ отчизны взяла, який бы на нее с четвертое части отчизны князя Дмитра, шурина моего, приходилъ, але и большей, мает ся тамже на вряде городовом с четвертое части отчизны своси выречи. А если быхмо яко я, так и малжонка моя, тому опису моему досыт не вчинили и чим колвек его не выполнили и тымъ ку шкоде, трудности або и пакладом его милость князя Дмитра Козеку приправити мели, то повиненъ буду господару королю его милости заруки заплатити пят сот копъ грошей, а заплативши тыи заруки, предся тому обовязку и поруце моей во всемъ досыт чинити буду повинен. Нижли, чога Боже уховай, на тот рокъ на которого з насъ одного, албо обоих особ хороба, а также если-бы служба короля его милости яка мене зашла, тогда мы, хотя па тотъ рокъ, въ семъ листе нашомъ вышей помненый, тое речи до вряду пе сознаемъ, тогда заруки платити князю Козеце не буду повиненъ, але по выздоровеню з хоробы, албо по службе короля его милости, маем за две недели то на вряде сознати, под тыми жъ обовязки вышей описаными, и на тот же часъ я буду повиненъ вписати до книг городowych запис мой, который есми малжонце моей дал па двадцат сот копъ грошей позычных; которое сознане наше на вряде городовом в Луцку волпо будет князю Дмитру до книг земских, яко в Луцку, так у Володимери, перенести. И на том есми дал его милости князю Дмитру Козеце сесь мой лист з моею печатью и с подписом властное руки моее; а при томъ были и того добре сведоми их милости панове а приятели наши: велможный пан Петръ Богданович Загоровский, маршалокъ его королевское милости, который был приехалъ, за прозбою пана отца

моего милостивого, за листом его милости, место особы отца моего на веселе мое; князь Александръ Вишневецкий, князь Николай Ярославовичъ, князь Янушъ Збаражский, панъ Андрей Ласчъ, панъ Станиславъ Кюграевский, панъ Жданъ Коиленский, пан Ян Рудигир, а пан Миколай Палуский; которые их милост, за прозбою моею, печати свои приложити рачили къ сему моему листу. Писан в Замличах, лета Божого нароженя тысяча пят сот семдесятото, месяца октября двадцат четвертого дня. Богдан Хренницкий властная рука".—А такъ я'тое очевистое оповедане, добровольное сознане пана Богдана Хренницкого и малжонки его панее Олены Андреевны Козечанки, так и оповедане служебника князя Козечина Грицка Михайловича, и тот лист менованный пана Богдана Хренницкаго, слово от слова, с початку ажъ до конца до книг вгородскихъ Луцкихъ записати казаль.

Книга вродская Луцкая 1570 года, № 2044, л. 584 об.

LXIV.

Жалоба подсудка земскаго Владимірскаго Гаврила Яковицкаго на жениха своей дочери п. Григорія Киселя о неявкѣ въ условленный срокъ для совершенія брака. 1570 года, ноября 7.

Лета Божого нароженья 1570, месеца ноябра сегого дни.

Оповедалъ и жаловалъ мнѣ, Павлу Григоревичу Оранскому, на тотъ часъ будущому подстаростему Володимерскому, панъ Гаврило Ивановичъ Яковицкий, подъсудокъ земський повѣту Володимерского, на пана Григорья Гневошевича Киселя, штожь дей онъ року прошлого шестьдесятъ девятого, месеца генвара пятого дня

змовилъ в мене за себе в малженство дочку мою Феодору и рокъ веселью по святе Рожества Пречистое прошломъ, в року теперь идучомъ семъдесятомъ, третий день зложили, на который дей рокъ панъ Григорей Кисель мелъ с приятelmi своими в домъ мой до мене приехати и дочку мою Феодору за себе в малженство взяти, а я дей мелъ ему по ней дати посагу сто копъ готовыхъ грошей, а у выправе другую сто копъ грошей; а естлибы онъ на тотъ рокъ назначонный до мене с приятelmi своими приехати не мелъ и дочки моее Феодоры за себе в малженство взяти не хотель, тогда положилъ на себе заруки господарю королю его милости триста копъ грошей, а мне двесте копъ грошей и увесь наладъ, што быхъ я, готуючися к тому року, наложити мелъ, мне заплатити; на што и листъ свой вызнанный подъ печатью и с подъписью властное руки своее и тежъ подъ сведомъемъ и печатми людей добрыхъ, приятелей своихъ, мне на себе далъ, на которомъ ширей а достаточней описано есть. То пакъ дей передъ тымъ рокомъ, веселью зложономъ, приехалъ онъ в домъ мой до мене с приятелемъ своимъ паномъ Богданомъ Костюшковичомъ Хоболтовскимъ, судьей земъскимъ повѣту Володимерского, просечи мене, абыхъ и того року веселью ему далей, то есть меновите до тои недѣли, яко дня позавчорашнего, месяца теперешнего ноября пятого дни помъкнулъ, обовезуючися уже певне а неотминне на тотъ рокъ с приятelmi своими в домъ мой приехати и дочку мою Феодору за себе в малженство взяти водле описанъя листу своего, ничимъ его не отступуючи, и еще надъ то и другий листъ свой, тотъ первший вцале при mocy зоставуючи, справилъ былъ, до которого печать свою приложилъ и руку подписалъ; нижли панъ судья, которого панъ Григорей Кисель печатовникомъ в томъ листе былъ описалъ, на тотъ часъ печати своее при себе не мелъ, и для того панъ Кисель тотъ листъ до себе взялъ, ижъ милъ его в пана судьи припечатовати, а припечатавши, мне отдати. Я за прозбою его, ачь колвемъ ся былъ ку оному первшому року зо всѣмъ зготовилъ, хочъ з утратою и шкодою моею было, чинечи то к воли

ему, на онъ часъ року тому веселью далей, то есть до недѣли прошлое, якомъ перво поменялъ, помѣкнулъ. Панъ Кисель оный листъ, который для приложенья печати пана судьи до себе взялъ, неведати где поделъ, а мне его не далъ и повести своими мене о тотъ рокъ упевнялъ, ижъ милъ запевне на тотъ рокъ дочку мою Федору, приехавши с приятelmi своими в домъ мой, за себе в малженство поняти, подъ обовязки в первомъ листе своемъ описаными. И я дей, будучи отъ него в томъ упевненымъ, на тотъ рокъ зложный в неделю прошлую, месеца теперешнего ноября пятого дня, к тому веселью зо всимъ ся былъ зготовилъ, дочку мою Федору за пана Григорья Киселя с тымъ посагомъ перво помененымъ в малженство дати готовъ былъ. Нижли панъ Григорей Кисель, мене в томъ убезпечивши, на тотъ рокъ зложный в неделю прошлую с приятelmi своими а ни самъ до мене до дому моего не былъ, и дочки мое Федору за себе в малженство не понялъ, и мене ку немалому накладу и шкоде привелъ, которыхъ дей всихъ шкодъ своихъ реестръ меновите писаный в себе маю и часу потребности на праве его положу.—И просилъ мене его милость панъ Гаврило Яковицкий, подъсудокъ земьский Володимерский, абы тое оповеданье и жалобу его в книги замъковые было записано; и тое оповеданье и жалобу его милости в книги замъковые записать казалъ.

Книга замков. Владимѣрская 1570 года, № 966, актъ 296.

LXV.

Дарственная запись п. Богданы Семашковны мужу своему п. Григорію Воловичу на вѣно, записанное ей первымъ ея мужемъ, княземъ Явнушемъ Четвертенскимъ; мотивъ этого дара: любовь къ мужу и желаніе слиться съ нимъ въ одно не только лично, но и имущественно. 1571 года, февраля 26.

Лѣта Божого нароченъя тысяча пят сот семдесят первого, месяца марца второго дня, в пятницу.

Пришедши и постановивъшися очевисто на вряде в замку господарском Луцкомъ, передо мною Иваном Хребтовичемъ Богуриньским, подстаростимъ Луцким, а передо мною Титомъ Хомякомъ, судею кгородскимъ Луцкимъ, ее милост пани Григорьевая Воловича пани Богдана Василевна Семашковна оповедала и тымъ словы до книгъ кгородскихъ Луцкихъ доброволне ку записованью сознала. . . . и лист свой вызнанный перед нами на вряде покладала, просячи, абы былъ вычитан и в книги кгородские вписанъ; который лист слово от слова такъ ся в себе маеть: „Я Григоревая Воловичовая Богдана Василевна Семашковна чиню явно и визнаваю то тымъ моимъ листомъ каждому, кому бы того потреба ведати: нж вступивши мпе, з воли и презрентя Божого, за милостивою радю и помочю чих милости пановъ а добродѣвъ моих, его милости пана Ивана Чаплича Шпановского, войского земли Волынско-го Луцъкого, и панее малжонки его милости, панее а матухны моее милостивое, в стан светый малжонский зъ его милостю паномъ Григоремъ Григоревичомъ Воловичом и хотячи его милости пану малжонку моему милому во всемъ хуть и поволност мою показати, а злучившися з его милостю малженствомъ святымъ, тож и маетностю моею, которое ми Панъ Богъ з ласки своее святое узычит рачил, зъ его милостю едночыт, зваща узпаваючи ласку его милости ку себе и будучы певна тым болшого къ собѣ его мило-

сти баченя и слушное пагороды, суму пенезей тысячу двесте и тридцат копъ грошей монеты и личбы литовское, мне по смерти малжонька моего первого, его милости небожчика князя Януша Четвертенъского, от сестры его милости княжны Ганъны Матфеевны Четвертенъское, з угоды и приятелского постановеня, за вено и внесенъе мое в дом небожчика брата ее а малжонка моего зошлого и за речи мои рухомые, такъ теж што именей моих властных вживал, и теж штомъ я долгу небожчиковского две сте и тридцат коп грошей, ведле постановенъя нашего, у которомъ то все ширей описано есть, заплатила, на именью Яровицком певным а властным долгомъ уищеную и записаную, его милости пану малжоньку моему милому пану Григорию Воловичу сим листомъ моимъ записую и яко все право мое на тую суму верху мененую тысячу двесте и тридцат коп грошей монеты и личбы литовское на его милост пана малжонька моего цале и зуполне вливаю и оному того права моего уступую, такъ и оное именъе Яровицкое со всимъ на все, подле права и запису моего и яко мне подано было, в моц и в держанъе его милости пуцаю и поступую, якожем вжо пустила и поступила и листы, право мое на то належачое, до рукъ его милости подала. И вжо я не маю а потомъкове мой, такъ же и нихто зъ близких и кровных моих, тое сумы помененое тысячи двух сотъ и тридцати копъ грошей на томъ именью Яровицком никколи вечне понскивати и в оное именъе Яровицкое вступовати ся; але то маеть его милост панъ малжонокъ мой спокойне держати и вживати до отданъя сумы вышей помененое, которую взявши, волен и моцонъ будет куды хочяти ведле подобанъя своего обернути и яко своимъ властным шафовати, а я и потомъкове мой его милости в том жадное переказы и затрудненъя чинити не маемъ. Якож для утверженъя сего запису моего повинна я тое буду в сую пятницу бльзко приплюю, месяца марта второго дня, на вrade господарскомъ в замку Луцкомъ оповедати, вызнати и до книгъ вгородских дати записати, а потомъ и на первших роцехъ земских до книг земскихъ Луцких

перенести. И на том дала его милости пану малжоньку моему сес мой лист з моею печатю и с подписомъ властное руки моее. А при томъ были и того добре звезоми и за прозбою моею печати свои къ сему моему листу приложити рачили их милости панове а приятеле мои: его милост панъ Григорей Гулевич, хорунжий земли Волынское, панъ Андрѣй Халецкий, писаръ земский Речицкий, панъ Миколай Дубровский, панъ Федор Кадьянович и панъ Федор Петрович Чапличи Шпановские, панъ Фронць Крушъ, а панъ Иванъ Львович Звертищкович. Писанъ в Миловшах, лета Божего нароженъя тысяча пят сотъ семдесят первого, месяца феврала двадцат шостого дня. Григоревая Воловичова Богдана Семашковна влостною рукою подписала.“—А такъ мы тое очевистое оповеданье, доброволное сознанье и листъ ее милости паней Григоревое Воловича пани Богданы Семашковны слово от слова, с початку аж до коньца до книгъ вгородских записати есмо казали.

Книга вродск. Луцк. 1571 г. № 2045, л. 53.

LXVI.

Дарственная запись п. Катерины Басарабовны, по которой она, изъ любви къ мужу своему п. Мартину Прусинскому и признательности за его вѣрную къ ней любовь, дарить ему все движимое свое имунство. 1571 года, апрѣля 29.

Року семдесят второго, месяца марца седмогонадцат дня.

Пришедши и постановившиися очевисто на вряде его королевское милости в замку Луцкомъ, передо мною Иваномъ Хребтовичомъ Богуринскимъ, подстаростимъ Луцкимъ, пани Мариновая

Прусинская, церуликовая, пани Катерина Федоровна Басарабовна поведала и доброволне до книг кгородскихъ вызнала водле листу своего, малжоньку своему под печатми людей добрых даного, и тот лист свой передо мною на врьде покладала, просечи, абы былъ вычитанъ и въ книги кгородские слово въ слово въписан; который лист так ся в себе мает: „Я Катерина Федоровна Басарабовна вызнавам сама на себе симъ моимъ листомъ каждому, кому то потреба будет ведати сес час и напотомъ завѣжды, иж я, знаючи ку собе великую ласку малжонка моего милго пана Мартина Прусинского, церулика, у стане малжонскомъ цнотливе заховалого, и еще вперед хотячи болшей милости собе позыскати, кгдаж на свете ништо не ест милшого, яко стан малжонский а милость, прото я Катерина Басарабовна, не будучи ку тому намовена ани теж примушона, одно сама по своен доброй воли, чинечи то з милости своее ку малженьку моему милому пану Мартину Прусинскому, его милости самому даю и дарую симъ моимъ листомъ на вечные часы: от всѣхъ сестръ, кровныхъ и ближнихъ моих отдаляючи, записую всѣ речи мои рухомые, то ест золото, серебро, гроши, перла, шаты, цын, мед, кони ездные и иные всякие речи мое, всѣ уздоймомъ, якимъ же колвекъ имепемъ названы ест, от мала и до велика, ничого на себе самую, сестръ, кровныхъ и никоторых близкихъ моих не зоставуючи ани выимуючи. Волен его милост будет тыми всѣми речъми моими рухомыми, от мене даными, дарованными и записанными сим моим листомъ, вечно шафовати, продати и кому хотя отписати, водле воли а мысли своее оборочаючи ку лепшому а пожиточному своему; а я сама, сестры, кривные и ништо з близкихъ моих того всего вечными часы на его милости самомъ, детех, потомъству его милости, поискивати и ни которое поволоки ку праву, шкод, трудностей задавати о то не маем. А естли бых я сама, сестры, кривные, и хто ж колвек з близких моих, пробачивши и отступивъши сего опишу моего доброволного, от мене пану малжонку моему даного, чимъ колвек нарушивши, пана малжонка моего або дети его о то до яко

вряду або суду позвати хотели, ку шкоде а накладу привели, тогда хтожь колвек мети будет то учинити над сес опис мой, будет повинень на тотъ вряд або суд, до которого будет позван, заплатити вины сто копъ грошей, а его милости пану Мартину, малжонку моему милому, всѣ шкоды и наклады на речене слова, без усякое присяги и доводу, а заплативши то все, предсе сес мой листъ у кажъдого права при моцы вечно, непорушно захван быти мает. И на том его милости пану Мартину Прусинскому даю сесь мой лист; а не маючи печати своее, просиламъ очевисто их милости панов: пана Романа Гостского, пана Ивана Кирдея Мнишинского, пана Михайла Вилгорского о приложене печатей к сему моему листу, што их милость, за очевистою моею прозбою, а того будучи добре свѣдоми, вчинити рачили, печати свои приложити рачили. Писан у Гощи, лета Божого нароженя тысяча пят сот семдесят первого, месяца апреля двадцат девятого дня".—А так я тое очевистое оповедане, доброволное сознание и лист панее Мартиновое Прусинское панее Катерины Федоровны Басарабовны, слово в слово, с початку аж до конца до книг вгородских Луцких записати казалъ.

Книга вродская Луцкая 1572 года, № 2046, л. 143 об.

LXVII.

Дѣло о заму́жествѣ княжны Мариі Масальской.

1. Княгиня Ганна Масальская обязывается въ условленный срокъ выдать дочь свою княжну Марию Андреевну въ заму́жество за п. Константина Еловича-Малинскаго. День свадьбы отсроченъ болѣе, нежели на годъ послѣ сговора. 1571 года, іюня 27.

Лета Божого нароженъя тысяча пятсотъ семдесятъ первого, месяца іюля двадцатъ пятого дня.

Постановившися обличне на вряде кгородском, в замку господарскомъ Луцкомъ, передо мною Титомъ Ивановичомъ Хомякомъ, судею кгородскимъ Луцкимъ, а Иваномъ Хребтовичомъ Богуринскимъ, подстаростимъ Луцкимъ, велможная ее милость княгини Андреева Петровича Масалскаго кнегини Ганна Путятина сама доброволне перед нами вызнала... и лист записный свой, пану Костентину Малинскому данный, подъ печатми людей добрыхъ, перед нами на вряде кгородскомъ положивши, просила, абы был до книг кгородскихъ врядовыхъ вписанъ; которого листу мы огледавши и достаточне его прочитавши, казали есмо до книгъ врядовыхъ слово въ слово вписати, который листъ такъ се в себе маеть и такъ се починаетъ: „Я Андреева Петровича Масалска Ганна Путятинка чиню явно и визнаваю тым моим листомъ каждому доброму, кому бы того потреба была вѣдати, або чтучи его слышати, ни-нешънимъ и напотомъ будучимъ: штож з воли а презрениа Бога создворителя небесного, а за позволенемъ их милости пановъ опекуновъ, змовила есми и в шлюбъ светый малженский заручила дочку мою кнежну Марину Андреевну Масалскую, за прозбою и жада-немъ его милости велможного пана Михала Еловича Малинскаго, маршалка господарского, за сына его милости пана Костентина, якож час и рокъ певный веселю, намовившися есмо сполне зъ его милостю паномъ Малинскимъ, зложили и приняли на ден Роже-

ства пречистое Богородицы в року пришлом тисечномъ пятсотномъ еемъдесят второмъ, сентебра осмого дня, в неделю, на который то помененый рокъ и день маю я Андреевая Масалская Ганна Путятянка, водле змовы и шлюбу, в малженство светое дочку мою кнежну Марину Андреевну Масалскую его милости пану Костентину Малинскому, маршалковичу господарьскому, отдати и у вечные часы то светое малженство споити. То теж я Андреевая Масалская Ганна Путятянка симъ листом моимъ ознаймую, иж я, ведаючи верност и зычливые службы противку мне зятя моего пана Костентина Еловича Малинского, маршалковича господарьского, з ласки моее его милости имениа мои всѣ отчизные, от небожчика отца моего его милости славное памети князя Богдана Путятича мнѣ правомъ приржонимъ пришлое, то ест: Тучин, Коростятин, Чернично, Воронов, Моцѣн, Пустомыты, Красную Волю и всѣ кгрунты земельные, всякие пожитки от мала до велика, так теж и данники село мое Космачов, его милости пану Костентину Еловичу Малинскому, зятю моему, и дочце моеи кнежне Марине Андреевне Масалской дарую и симъ листом моимъ вечными часы записую...*) А если бых я Андреевая Масалская Ганна Путятянка мела в чомъ колвекъ сес мой записъ взрушити а за пана Костентина Еловича Малинского, кгда Пан Бог здорове намъ дати рачит, на тот час и ден вышей помененый Рожества Богородицы дочки своее кнежны Марины Андреевны Масалское в малженство светое не отдала, або тыхъ именей в держане и вживане яко тепер, так и в тот час, в сем записе моемъ менованых не подала и не поступила и яко колвекъ сес мой лист нарушила, тогды заруки господару королю его милости маю двѣ тисечи копъ грошей заплатити, а пану Костентину Михайловичу Малинскому также другую две тисечи копъ грошей заплатити, а заплативши, шкоды и наклады вси на приреченъе слова, кромъ права жадного и

*) Слѣдуетъ перечень другихъ даримыхъ имѣній и денежныхъ суммъ, что подробнѣе изложено въ помѣщаемой вслѣдъ за симъ особой дарственной записи. *Ред.*

переводу маю его милости платити; а заплативши тые вси заруки и наклады вышей поменены, предсе кнежну Марину Андрееву Масалскую, дочку мою милую, повинна буду в стабло малжонское за пана Костентина Малинского выдати и тому всему, подле сего запису моего, досыт учинити, не найдуючи на то пикоторых причин правных и неправных, и во всемъ сес мой лист при зуполной mocy зостати и в каждого права приймаван быти маег. Гдеж я Андреевая Масалская, утвержаючи сес мой запис, ставши есми на вряде господарскомъ кгородскомъ Луцком, сама очивисто перед врядом листы, привилы и всѣ записы и твердости на тые имена менованы и на вси справы зятю моему пану Костентину Малинскому до рук отдала и то до книгъ кгородскихъ врядовыхъ Луцкихъ очивисто вызнала, на штомъ и лист сес мой вызнанный записный его милости пану Костентину Малинскому подъ печатью моею дала; а для лепшого твердости и mocy сего моего листу просилам ихъ милости велможныхъ панов, то есть: пана Григоря Гулевича, хорунжого повету Луцкого, пана Ярофея Гостского, пана Григоря Чаплича Шпановского, а пана Яна Бокея Зарецкого, дворенина господарского, о приложене печатей; их милость то, за очивистою прозбою моею, вчинити и печати свои приложити рачили к сему моему листу. Писан у Тучинѣ, лета Божего нароженя тисеча пят сот семьдесятъ первого, месяца июня двадцат семого дня. — Што ест до книгъ записано. Которого сознанья кнегини Андреевое Масалское и выпис с книгъ врядовыхъ кгородскихъ Луцкихъ панъ Костентин Малинский на то себе взять. Писан в Луцку.

Книга вродская Луцкая 1571 г., № 2045, л. 287.

2. Дарственная запись княгини Ганны Масальской нареченному зятю своему Константину Еловичу-Малинскому на все движимое и недвижимое свое состояніе, въ томъ числѣ и на вѣно, записавное ей умершимъ мужемъ ея, княземъ Андреемъ Петровичемъ Масальскимъ, а равно и на тѣ имѣнія, которыя перешли бы въ ея руки въ случаѣ смерти дочери—невѣсты п. Еловича-Малинскаго. 1571 года, іюля 12.

Я Андреева Петровича Масальская Ганна Богдановна Пуля-тянка чиню явно и визнаваю сама на себе симъ моимъ листомъ, кому бы была потреба того ведати албо чтучи его слышати, нынешнимъ и напотомъ будущимъ: иж я, дознавши ку себе великие ласки и зычливые приязни, такъ тежъ обачивши сердечную милость, статецность и почтивую прихилность пана Костентина Михайловича Малинскаго, зятя моего милого, ку дочце моей кнежне Мари Андреевнѣ Масальской, и хотечи его и на потомные часы кровностю дому малжонка моего славное памяти небожчика князя Андрея Масальскаго, такъ тежъ и своего дому, ку почтивому захованю противко дочки моее милое кнежны Марины Андреевны Масальское привести а зычливымъ и вернымъ малжонкомъ ее мети,—з ласки моее, по смерти моеи, такъ тежъ тепер и при животе моемъ, именами моими всѣми: отчизными, материстыми, спадковыми и якимъ колвекъ правомъ прирожонимъ набытыми, на мене приходячими, такъ тежъ и всею маетностю рухомою, от мала и до велика, ничего на себе ани на жадного потомъка своего, кровного, близкаго, повинного своего не оставуючи, тому зятю моему милому пану Костентину Малинскому даю, дарую и симъ листомъ моимъ записую. Къ тому тежъ которые имени свои отчизные, яко третью частъ во всехъ именяхъ своихъ русскихъ, князь малжонокъ мой князь Андрей Масальский мне вечностю записал, такъ тежъ и што на третее части вено мнѣ описал, яко ест на тестаменте остаточной воли его милости означено и описано, такъ тежъ и именемъ Счолномъ, мнѣ от малжонка моего записанымъ, и именемъ в-земли Жомонтской, селомъ Линкгами, водлугъ даты и опису малжонка моего, которое выслу-

жилъ на господару королю его милости, так теж и заслугоным в скарбу господарскомъ певною сумою то есть три тисечми тристами и двадцати копами грошей, еще не выданю, так теж и всеми рухомыми речами, от малжонка моего князя Андрея Масалского мне тестаментом записаными, от мала и до велика, зятя моего милого пана Костентина Малинского дарю и симъ листом моим ему записую. А иж теж его милость князь малжонок мой, чога бы пане Боже рач уховат, при животе моемъ на дочку мою кнежну Марину в том часе часу смертного, имени всѣ своим, так тежъ и маетности рухомые, на нее правомъ отчизнымъ а прирожонымъ приходячие, тестаментомъ своимъ а остаточною волею своею записати рачил, даючи мнѣ волност всѣми именами, такъ теж и маетностями рухомыми, на тую дочку мою кнежну Марину Масалскую приходячими, по смерти ее шафовати, продати, даровати и на што се хотячи от мала до велика обернути, албо кому записати; а так я Андреевая Масалская Гаяна Путятянка, кгдабы, чога Боже вховай, при животе моемъ дочку мою милую кнежну Марину Андреевну смерть зашла, а я того всего имени и маетности в держаню и спокойномъ уживаню будучи, потомъ бы мене самую смерть зашла, тогда и тые всѣ имена, по дочце мосѣ от князи малжонка моего тестаментомъ, остаточною волею его милости, мнѣ записаные, так теж и маетностями рухомыми зятя моего пана Костентина Малинского дарю и у вечные часы в держане и уживане по смерти моее никому иншому, одно ему записую. Маеть пан Костентинъ Малинский, албо тот, кому тые всѣ имена мои отчизные, материстые, спадковые, маетности мои рухомые, так теж имена всѣ от малжонка моего князя Андрея Масалского мнѣ записаные, так теж и маетности всѣ, и теж имена на дочку мою кнежну Марину Масалскую приходячие, и маетности рухомые всѣ, по смерти ее мнѣ описаные, водле даты и сего опису моего, их держати, уживати, продати, даровати, заменить и ку свосму доброму а пожиточному обернути, яко власностью своею; а по смерти моей потомъки мои, кровные, близкие а ни повинные мои, так

теж кровные, ближние а ни повинные князя малжонка моего, жадными причинами не мают се в то вступовати, ани з моцы, влады и держаня его тыхъ именей всих помененыхъ, так теж и речей рухомыхъ от мала до велика, его милости симъ листомъ моимъ записаныхъ, жаднымъ правом не мают отнимати. А естли бы который потомок мой, близкий, кровный, так теж и который ближний, повинный князя малжонка моего князя Андрея Масалского пану Костентину Малинскому, зятю моему, в том якую трудность и переказу чинити мели, тогда таковой кождый заруки господару королю его милости две тисечи копъ грошей литовскихъ, а пану Костентину Малинскому другую две тисечи коп грошей литовскихъ мает заплатити, а шкоды всѣ и наклады на приречене слова его милости заплатити; и заплативши тые всѣ заруки вышей помененые, так теж и шкоды и наклады, предсе сес мой лист у кождого права захован и приймован быти мает. На штом есми я Андреевая Масалская Ганна Путятянка пану Костентину Малинскому дала сес мой лист з моею печатю, и для лепшого сведомъя и твердости сего моего листу просиламъ их милости велможныхъ панов: пана Миколая Дорогостайского, столника великого князства Литовского, державцы Веленского, тивуна Кондинского, а пана Мѣхала Тишкевича, а пана Петра Хомека о приложене печатей; их милость, за очевистою прозбою моею, то вчинити, печати свои приложити рачили к сему моему листу. Писан у Тучине, лета Божего нароженя тисеча пят сот семьдесят первого, месяца июля второгнадцат дня.“—Што ест до книгъ записано.

Книга гродская Луцкая 1571 года, № 2045, л. 293.

3. Константинъ Еловичъ-Малинскій обязывается въ назначенный срокъ взять за себя въ замужество княжву Марію Масальскую и вкѣстѣ съ тѣмъ, въ знакъ признательности къ будущей тещѣ за то, что она, еще до свадьбы, записала ему въ даръ все свое состояніе, представляетъ княгинѣ Ганнѣ Масальской право пожизненнаго пользованія нѣкоторыми изъ подаренныхъ ею имѣній, съ извѣстными, впрочемъ, ограниченіями. 1571 года, іюля 26.

Я Константинъ Михайловичъ Малинскій, маршалковичъ господарскій, чиню явно и визнаваю самъ на себе симъ моимъ листомъ каждому, кому бы того потреба ведати або слышати, нынешнимъ и напотомъ будучимъ, штож з воли а презрени Бога Отца небесного, а за позволенемъ ихъ милости пановъ опекунов, а с порождою пана отца моего его милости пана Михаила Ела Малинского и приятелей моихъ, змовилъ есми и заручилъ в станъ святой малженский дочку его милости славное памести велможного князя Андрея Петровича Масалского у ея милости кнегини Андреевои Масалской кнегини Ганны Богдановны Путятянки кнежну Марю Андреевну Масалскую, якож есмо, з обоихъ сторонъ намовившися, рокъ и денъ певный весело зложили и назначили, то ест о Рожестве пречистое Богородицы святе в року прийдучомъ тисечномъ пятсотномъ семьдесятъ второмъ, месяца сентебра осмого дня, у неделю, и кгда тотъ денъ и рокъ помененый придетъ, тогда кнегиня Андреева Масалская кнегини Ганна Путятянка мает до шлюбу и в skutокъ малженский помененую дочку свою кнежну Марю Андреевну Масалскую мне дати и, ведле опису своего, который ея милость мнѣ дати рачила, въ тотъ часъ именей отчизныхъ властныхъ небожчика князя Андрея Масалского, такъ и каждое маестности, на кнежну Марю Андреевну Масалскую правомъ прироженнымъ приходячихъ, мает ми поступити и ку уживаню моему подати. А што ея милость кнегини Андреева Масалская кнегини Ганна Путятянка з ласки своеи мнѣ, зятю свосму, и дочде своей кнежне Маріе Андреевне Масалской, которую есми в станъ святой малжен-

ский у ее милости заручил и змовил, имени свои отчизные, материстые, спадковые так теж и вси маетности властные свои и речи рухомые отъ мала до велика, и теж имена, которые его милость князь Андрей Масалский небожчик, малжонок ее милости, свос властные даровал и позаписовал, от мала до велика мнѣ, зятю своему, и дочце своей кнежне Мари Андреевне Масалской позаписовала, и листъ записный мнѣ давши, отъ сего часу у вечнос держане и уживане подала, листы и всѣ твердости и записы до рук моих подала и то на вряде господарском кгородском Луцком вызнала и вси права прирожонные и набитые на мене, зятя своего, и на дочку свою кнежну Марию Андреевну Масалскую влила, отдаляючи то от першихъ детей своих, близкихъ, кровныхъ и всѣхъ повинныхъ своих, што ест достаточне а меновите на листе се милости записномъ, мнѣ от ее милости данымъ, ширей описано и доложено; а так я Костентин Михайловичъ Малинский, таковую ласку и милость видечи ку себе ее милости паней тесчи моее кнегини Андреевое Масалское кнегини Ганны Путятянки и хочечи ее милости на вечные часы себе милостивою панюю а маткою мети и ее милости услужити, тые вси имена, яко отчизные, то ест Тучин, Коростятин, Моцон, Вороново, Пустомыты, село Космачов, Черънично и иншие вси приселки к тому Тучину припалежащие, ее милости паней тесчи моее кнегини Андреевой Масалской даю, дарую и симъ листомъ моим записую; мает ее милость кнегини Андреевой Масалской кнегини Ганна Путятянка тыхъ именей помененыхъ сама уживати, на нихъ мешкати, радити до живота своего, а не мает их никому к рукам пускати, записовати, а ни даровати, а ни в сумах великих до рук чужих заставляти, окромъ естли бы квалтовная а пилная, знагла припала якая потреба, тогда ее милость может и волна будет в певной суме, и то з волею и ведомостю моею, которое имене с тых именей называемыхъ якое колвек в двесте копахъ грошей литовскихъ заставити.... А кгда бых дей я Костентин Малинский дочки ее милости кнегини Андреевое Масалское кнежны Мари Андреевны в

малженство свстое, кгда тот час, рокъ и ден помененый приѣдетъ, за себе не взял, а тѣбо пак за живота ес милости кнегини Ганны Путятянки, панее матухны и теци моее милое, в тыхъ именах ес милости, мнѣ от ее милости записаных, якое трудности и переказы в держаню ее милости учинил, тогда маю я заруки господару королю его милости двѣ тисечи коп грошей, а ее милости кнегини Андреевои Масалскои кнегини Ганне Путятянце другую двѣ тисечи коп грошей литовских заплатити, а шкоды и наклады маю на приречене слова ее милости заплатити, и заплативши тые помененые заруки, вси шкоды и наклады, предсе сес мой листъ у каждого права принят и захован быти мает. До которого листу сего моего его милост пан отецъ мой пан Михайло Малинский, маршалок господарский, печат свою приложивши, и руку свою властную подписати рачилъ; што и я Костентин Михайловичъ Малинский к сему моему листу печат свою приложил и руку свою подписал. А для лепшого моцы и потверженя сего моего листу просил есми их милости пана Ивана Семеновича Бокея Зарецкого, дворенина господарского, а пана Ярофея Гостского о приложене печатей своих; а так их милости, за очевистою моею прозбою, печати свои приложити рачили к сему моему листу. Писан въ Тучине, лета Божего нароженя тисеча пят сот семдесятом першомъ, месяца июля двадцат постого дня.“

Книга гродская Луцкая 1571 года, № 2045, л 295.

4. Жалоба Константина Еловича-Малинского о томъ, что въ его отсутствіе п. Александръ Семашко (сводный братъ княжны Маріи Масальской), силою овладѣвъ Тучинскимъ замкомъ, похитилъ жену жалобщика и держитъ ее у себя въ суровомъ заключеніи. Перечень пограбленнаго при томъ имущества--приданого княжны Масальской. 1573 года, февраль 21.

Лѣта по нароженю Исуса Хрыста, Сына Божого, тисеча пятсот семдесятъ третего, месеца феврала двадцат первого дня.

Приходил на врид до мене Павла Григоревича Оранского, на тот час будучого подстаростего Володимерского, его милост пан Костентин Ело Малинский, оповѣдаючи и велико обтежливе жалуючи: чтож дей тых часов будучи мне з малжонкою моею панею Марюю Андреевною кнежною Масальского в замку Тучинском, там же дей немало маетности своее при себе есмо мели, а иж дей я сам для великих пилных потреб а справ своих с Тучина отъехал, а малжонку дей свою про неспособность здоровья се в Тучине зо всею тою маетностю, которая на тот час там при нас была, зоставил; то пак дей по отъеханю моем с Тучина пан Александро Семашко, подкоморий Володимерский, з слугами и помочниками своими, року тепер идучого тисеча пятсот семдесят третего, месеца теперешнего феврала шостогонадцат дня, неведати которым духом будучи натхненным, наполнившись своволное мысли своее и не маючи до мене и малжонки моее причины никоторое, наехавши мощно, кгвалтомъ на тот замок Тучинский, где малжонка моя была, малжонку мою панюю Марюю Андреевну кнежну Масальского збил, змордовал, так теж и слуг моих, которые при нем, малжонце моеи, были, позбивал, поранил, и в тот дей час шкоды им стали,—што дей при себе мели, то все в нихъ панъ Александро Семашко побрал, а малжонку дей мою збивши, змордованную взявши и всю маетност нашу, што колвек при нем было, побравши, до имения своего Бужан отпrowадил и яко дей одну не-

волницу у везене' всадил, а мене и малжонку мою не помалу в том обелжил, жал великий и шкоды немалыс в побраню маестностей наших нам вчинил, то ест меновите шкоды в побраню маестностей нашихъ, што пан Александро Семашко побрал: Найпервей дей взял скрынку черленую, в которой дей было: пятсот золотых черленых венкгерских, талярей чотыриста, старых позолотовых талярей двесте и шестьдесят, грошей потройных литовских коп двесте, монеты литовское грошей коп триста и к тому церокграфы на певные долги описанные; ланцухов золотых три золота венкгерского, в которых важило—в одном триста, в другом двесте, в третем сто золотых черленых; перстений золотыхъ осмъ: оден шмаракгдъ не резанный, за которого-м дей дал тридцат коп грошей литовских; другой з дияментом острым, за которого-м дей дал двадцет коп грошей литовских; третий перстен, в нем шафер великий табличка, за которого-м дей дал двадцет коп грошей литовских; два перстени з дияменты табличками, за которые м дей дал шестнадцет коп грошей литовских; шостый перстен з рубином зернястым нерезанным, за которого-м дей дал осмъ коп грошей литовских; а два перстени с табличками рубиновыми, за одного дей дал шест коп, а за другого чотыри копы грошей литовских; завешене золотое с каменем: с трема дияменты, а з двема рубинами, которое дей коштовало тридцет коп грошей литовских; лыжок сребреных тузинов два, в одном важило гривен шест, в другом гривен пят; кубков дванадцет, в которых дей важило сребра гривен чотырнадцет; поясов сребреных позлотистых три, в которых дей важило гривен девят: в одном было гривен чотыри, в другом три, в третем две; обручь сребренный позлотистый, в котором дей важило сребра гривен пят; брамок перловых чотыри, две с пунтали, которые коштовали двадцет чотыри копы грошей литовских, а две безъ пунталюв, которые коштовали двадцет чотыри копы грошей литовских. Другую дей скрынку зеленую взял, в которой дей было: кошулек перловых на золоте две, которые дей коштовали—одна тридцет коп, а другая двадцет коп грошей литовских; чепцов дей перловых на золоте два, оден коштовал двадцет коп,

другий петнадцат коп грошей литовских, а золотых чепцов без перел три, оден дей коштовал пят коп, другой чотыри копы, третий три копы грошей литовских; рубков дей флямских осмъ, за чотыри м дей дал по осми золотых полских, а за другие м дей чотыри дал по шести золотых полских; завиваней перловых на золоте двѣ, одно дей коштовало петнадцет коп, а другое десет коп грошей литовских. Скрыню великую чорную з патами, в которой дей было: саянов оксамитных чотыри: оден чорного оксамиту рытого с трема брамами злоголавовыми, который дей коштовал сорок коп грошей литовских, другой дей оксамиту брунатного, также с трема брамами злоголавовыми, который дей коштовал сорок же коп грошей литовских, третий дей оксамиту гладкого чирвоного, без брамов, который дей коштовал тридцет коп грошей литовских, четвертый дей оксамиту чорного, без брамов, который дей коштовал двадцат пят коп грошей литовских; суконь файлюндышовых пят: одна сукна червоного, оксамитом чорным брамованая, которая дей коштовала дванадцет коп грошей литовских; другая—сукна брунатного, з брамами оксамиту чорного ж, которая дей коштовала дванадцет же коп грошей литовских; третья—сукна чорного, з брамами оксамитными чорными ж, которая дей теж коштовала дванадцат коп грошей литовских; четвертая дей сукна чорного ж, з брамами оксамиту чорного ж, которая дей также коштовала дванадцет коп грошей литовских; пятая дей сукна брунатного, без брамов, которая дей коштовала осмъ коп грошей литовских; шат дей одегалных шестеро: напервей шубка куняя, оксамитом чорным крытая, которая дей коштовала сорок коп грошей литовских; другая дей шубка куняя ж, оксамитом брунатным рытым крытая, которая дей коштовала сорок коп грошей литовских; третья дей куняя ж, адамашкою чорною крытая, которая дей коштовала двадцет пят коп грошей литовских; четвертая дей также куняя, одамашкою брунатною крытая, которая дей коштовала двадцет чотыри копы грошей литовских; шубок лисих две, файлюндышем чорным крытые, которые дей коштовали двад-

цет коп грошей литовских; въ той же дей скрыни было коберцов солгацких белых чотыри. Другую дей скрыню великую, чорную ж, с платем белым, то ест: с кошулями, кошулками, серветами, пологами, чохлами, стирками и иным многим а розным платем белым; которого дей всего платя белого реестръ меновите в себе маю.—И запровадивши дей малжонку мою, збитую, змордованую. с тою всею маетностю нашею, которую дей при ней побрал, до имени своего Бужан, там же дей ее, яко одну неволницу, всадивши у везене, у великом а незносном утрапеню, нендзи, бедѣ, погроздах, знутах непомерных ее в себе у везеню держит, што дей я суседом околичнымъ и на вряде дей належномъ вгородском Луцкомъ оповедал и ожаловал и возного с тогож уряду Луцкого Адама Маевского ку посланю до пана Семашка, просечи и упоминаючи, абы малжонку мою з везеня выпустил и маетност при ней побраную поотдавалъ, и ку застатю ее малжонки своее у везеню и огледаню збитя и змордованя ее, и теж ку огледаню збитя и зраненя слуг моих брал; с которым дей возным и з шляхтою Станиславом Кобыльским а Яном Бендковским служебника моего Ивана Григоревича до пана Александра Семашка, подкоморого Володимерского, до имени его Бужан посылал, упоминаючи и просечи, абы мне жону мою и маетност при ней побраную поотдавал; он дей яко жоны моее, так и маетности, при ней побраное, мне не отдалъ и перед тымъ дей вознымъ и шляхтою тому служебнику моему отказал: „я дей пану твоему жоны его и маетности, штом при ней побрал, не отдам, аж се дей умыслу моему досыт станет, же ми мусят листы такии на себе подавати, яких я от них буду потребовати.“ Служебник дей мой Иван Григоревич перед тым же возным и шляхтою пана Александра Семашка просил, абы его з возным и шляхтою до малжонки моее, где у везеню сидит, абы ее могли видет, пустити казал; он дей их до нее пустити не казал, и с тым дей от него проч отехали. И просил мене пан Костентин Ело Малинский, абых я тое оповедане

и жалобу его в книги вгородские Володимерские записати казал. Я то все, за прозбою его милости пана Костентина Ела Малинского, в книги вгородские Володимерские записати велелъ.

Книга вродск. Владим. 1573 г., №937, л. 24.

• 5. Константинъ Еловичъ-Малинскій и его жена княжна Масальская жалуются, что п. Семашко, держа послѣднюю въ тяжкомъ заключеніи и угрожая насильственно выдать ее замужъ за своего „машталѣра“, вынудилъ отъ нихъ уступочную запись на третью часть родовыхъ имѣній княжны Масальской и принудилъ ихъ къ вторичному совершенію брака. 1573 года, сентября 3.

Лѣта по нароженю Исус Хрыста, Сына Божого, тысяча пятсотъ семьдесятъ третего, месеца сентебра третего дня.

Приходилъ на врьдъ до мене Павла Григоревича Оранского, подстаростего Володимерского, его милост пан Костентин Ело Малинскій весполк из малжонкою своею панею Мареею Андреевною княжною Масальского, оповѣдаючи и велико обтежливе жалуючи: „Ижъ штом дей первой сего перед твоею милостю, яко врадом, оповедал я жаловал о збите и змордоване и квалтовное взяте чрез пана Александра Семашка, подкоморого Володимерского, малжонки моее панее Мари Андреевны княжны Масальского в замку Тучинскомъ з маетностями нашими, которые м дей при неи, малжонце своеи, был зоставил, яко дей оповедане и жалоба моя и вызнане возного в книгах туюшних Володимерских ест записано, на што дей и выпис с книг в себе маю. А так дей я, малючи ведомост о тяжкомъ везеню и мордованю жоны своее а жалуючи того везеня и мордованя невинного ее, жоны моее, мусял есмь, высво-

божаючи ее е того везеня, абы болшей того везеня и окрут-ного мордованя не терпела, позволил есми з нею, малжонкою своею, на такии записы, яких он сам от нас потребовал, иж есмо поне-волне уступуючи третее части тых всих именей, которые по не-божчику отцу малжонки моее князю Андрею Масалском ей, мал-жонце моей, яко властной отчице а потомъку, зостали, отписат. И входечи тежъ панъ Семашко того вниманя, иж жону мою в везеню в себе держал, так тежъ варуючи того запису нашего, который есмо, отступуючи третее части всих имепей нашихъ, нам властне належачих, по неволи своеи ему дали, тогда мя и до того при-мусял, абых з нею, жоною своею, знову шлюб бралъ, по котором вже мне и малжонце моеи было ничего, и лист даровный жебых дал жоне своей, даруючи ее осмасты копами грошей; на што м я мусял зезволит: и знову шлюб из малжонкою своею брал и лист даровный на осм сотъ копъ грошей ей дал; а он дей предся жоны моее съ того везеня выпустити не хотѣл, аж дей ему и тотъ лист на осмъ сотъ коп грошей, ей от мене даный, ему отдаг мусяла, тож дей ее с тое неволи пустил; але маетности, при неи побраное, мне а ни ей, жоне моей, ничего не вернул. О што дей о все, яко о квалтовное взяте ее, малъжонки моее, и побране маетностей, мордоване, бите, везене и инъшис многие незносные утраленые речи и о поневольные записы, и она сама нехай перед твоею ми-лостю, врадом, мовит и жалует".—Якже сама пани Малинская, очевисте а устне передо мъною мовечи, велико обтежливе а слезпе оповедала и жаловала: штож дей року тепер идучого, месеца фев-раля штоогонадцат дня, будучи мне Костентинове Малинское зъ малъжонкомъ своимъ его милостю паномъ Костентином Малин-ским в замку Тучинскомъ, там же дей немало маетности своес при собе з малжонкомъ своимъ есмо мели, а ижъ дей малжопокъ мой для великих а пилных потреб а справ своих с Тучина отъ-ехалъ, а мене дей про неспособность здоровья моего в Тучине во всею тою маетностю, которая на тот час там при нас была, зо-ставил; то пак дей по отъеханю папа малжонка моего с Тучина,

пан Александро Семашко, подкоморий Володимерский, з слугами и помочниками своими приехавши там до замку Тучина, неведати которымъ духомъ будучи натхненный, наполнившисе своволное мысли своее, а не маючи до малжонка моего и до мене причины никоторое, мене безъвинне збивши, змордовавши, зо всею маетностю нашею, што колвек при мне было, оттоль там с Тучина к гвалтовне взявши, до имени малжонки своее до Коблина, а с Коблина до имени своего Бужанъ, зо всею маетностю, через него при мне побраною, збитую, змордованую запровадил и яко одну неволницу у везенъе всадил и у великомъ а незноснымъ утрапеню, нендзи, бѣди, погрозках, знутах непомерных мене в себе ховаль; а малжонку моему, за пеоднокротнымъ упоминанемъ его милости через приятелей, мене и маетности при мне побраное отдати не хотел и не отдал; а мене до того поневоле примупшал, абых я ему третее части тых всих именовей, которые дей по небожчику отцу моему князю Андрею Масалскомъ мне, яко властное отчище а потомку, zostали, уступила и ему на себе таковой опис, який бы ся одно ему подобал, дала: „а если же дей того не учинишь, теды дей я тебе жадным обычаем мужу твоему не дам, але дей за якого человека простого або машталера своего, который ми ся не толко третее части, але и все отчизны твоее отречет, тебе отдам.“ А так дей малжонку мой, маючи ведомост о тяжком везеню и мордованю моему, а жалуючи того везеня и мордованя моего невинного, мусял, высвобождаячи мене с того везеня, абым болшей того везеня и окрутного мордованя не терпила, и к тому уважаячи теж то себе, абых до такового ж обелженя, якъ дѣвка небожчика пана Яна Монтовта, которая дей за Казимеромъ Ледницкимъ была, и маючи ее пан Семашко при себе, за машталера своего отдал,— не припла, бо дей пан Семашко самъ, приходячи до мене, до того везеня, в котором есми в него седѣла, то ми мовлял и тым ми страшил, поведаячи: иж дей „я тебе так же, яко и Ледницкую за машталера своего отдал, выдам,“—мусяла есми ему з малжонком моим по неволи своей на таковые записы, яких он от нас

потребовал, зволити, уступуючи третее части тых всѣхъ именей, которые по небожчику отцу моему, князю Андрею Масалском, мне, яко властной отчичце а потомку, зостали, отписат. И въходечи теж того пан Семашко вниманя, иж мене в везеню держалъ, так теж варуючи того запису нашего, который есмо, отступуючи третее части всихъ именей нашихъ, нам властне належачих, по неволи своей ему дали, тогда малжонка моего и до того примусял, абы зо мною, жоною своею, знову шлюбъ брал, по которомъ вже малжонку моему и мне не было ничего, и лист даровный жебы далъ мне, жоне своей, даруючи мене осма сты копами грошей; на што дей пан малжонокъ мой мусялъ зезволити и знову зо мною, жоною своею, шлюбъ брал и лист свой даровный на осмъ сот копъ грошей мне дал, а пан Семашко дей предся мене малжонку моему пустити не хотел, аж дей ему и тот лист на осмъ сот копъ грошей, от него мне данный, отдат мусяла,—тож дей мене с того тяжкого везеня пустил; але маетности наше, при мене побраное, малжонку моему и мне ничего не вернул.—Которое ж я оповедане и жалобу пана Костентина Малинского и малжонки его милости панее Мари Андреевны княжны Масалского, за прозбою ихъ, в книги кгородские тутошние Володимерские записати казалъ.

Книга кродск. Владим. 1573 г., № 937, л. 239.

6. Княжна Масальская уничтожаетъ выданную на ея имя Константиномъ Еловичемъ Малинскимъ дарственную записъ на 800 копъ грошей лит., такъ какъ записъ эта была вынуждена отъ него п. Семашкомъ, помимо ея воли и желанія, и удержана послѣднимъ у себя. 1576 года, іюля 19.

Року тисеча пятсот семдесят шостого, месеца іюля двадцат первого дня.

Перед нами Михайломъ Вилгорскимъ, подстаростим, а Григоремъ Данилевичом, судьею, врьдниками кгородскими судовыми повету Луцкогю, ставши обличне в замку господарьском Луцком, ее милость пани Константиновая Еловай Малинская княжна Маря Андрѣвна Масалского оповедала и доброволне водле листу запису своего, от нее под печатю ее и под печатми людей зацныхъ малжонку ее пану Константину Малинскому даного, вызнала и просила, абы тот лист вычитан и в книги кгородские Луцкие уписан; которого мы, огледавши, перед собою читати казали, и такъ ся в собе маеть: „Я Константиновая Малинская Маря Андрѣвна Масалского вызнаваю сама на себе и явно чиню тым моимъ листом, хто бы хотел того вѣдати, теперешний и потом будущий: што первой сего ее милость княгиня Андрѣвоя Масалская, княгиня Ганна Путятина, matka моя, с порады приятелей своих и з вѣдомостю крвных моих, за властным позволенъем моимъ, мене в малженство за пана Костенътина Михайловича Ела Малинского змовила, и водле закону нашого греческого мне з ним шлюб вчинивши, рок певный веселю была зложила и то все листом своимъ записным вмоцнила; а потом, невѣдати зъ яких причин, намовившия с паномъ Александром Семашком, сыномъ своимъ а братом моим, на рок зложонный веселью мене за пана Малинского в малженство оддати не хотела и тым пана Костентина Малинского под вѣдомостю моею ку великой шkode приправила. И на том мало маючи, вчинивши намову с паномъ Семашкомъ, возьмши

мене из собою и приехавши в дом пана Семашковъ, до Бужанъ, мене вгвалтовне пану Семашку в моц подала, а сама заразом проч отъехала. А пан Семашко, с порады матки моее, ховаючи мене в дому своем болшей року, не такъ як почтивую шляхтянку а сестру свою, але яко неволницу, за великою а пилною сторожею, завжды через жону и приятел своих менс намовял и ставичне сам до того мене, просечи и грозечи, примушал, жебых третюю часть именей моих Волянских, которые по небожыку отцу моем князю Андрѣю Масалском на мене правом прирожоним, яко на властного потомка еще прийти и спасти мели, ему на вечност записала. Ино ач кольвекъ я тых именей спадковых, которые на мене по отцы моем еще прийти мели, в моцы и в рукахъ своихъ на он часъ не мела и тепер не маю, нижли сходечи таковое невинное неволи и явного безправя, хотя есми ничего в рукахъ своих не мѣла, предся, будучи в него в неволи, третюю часть ему над право по неволи записати и на вrade вызнати мусела. И еще на том записе и вызнаню моему мало маючи, предся мене в малженство за пана Малинского отдати не хотел, аж его до того примусил, што мнѣ на йменяхъ своихъ осмѣсот копъ грошей записати мусил; и взявши в него тот запис, кроме вѣдомости моее, в себе заховал. То пак я, потом маючи вѣдомость от малжонка моего, иж он мнѣ на йменяхъ своих осмѣсот копъ грошей записал и тот лист до рук пану Семашку дал, заразом есми до пана Семашка приятелей своих, людей задных, послала, а потом и сама з возным и с шляхтою до его ездила, просечи, абы тот запис, от малжонка моего мнѣ на осмѣсот копъ грошей данный, мнѣ отдал и вернул; он мнѣ на то никоторого отказу слушного не вчинил и того листу моего вернуть и отдати не хотѣл. А так я, дознавши великую неприязнь до малжонка моего и до себе самое от пана Александра Семашка и постерегаючи того, абы тым листом моим малжонка моего и мене самое пан Семашко ку якой шкоде не привелъ, без жадное памовы и примунснѣя, толко сама добровольце, з милости малжонское, пана

Костентина Малинского, малжонка моего, от того листу, которым мене кром воли и вѣдомости моее на именахъ своихъ осмѣсот коп грошей записал и пану Семашку до рукъ далъ, ото всее тое сумы осмисот копъ грошей и от всѣхъ обовязков, в том листе описаныхъ, вызволяю и волным чиню и тот лист касую и вморяю и в нивеч оборочаю вечными часы; и вже через то я сама, дети и потомки мои и нихто з близких и крвных моих тое сумы на малжонку моею, ни на потомках и близких его, за тым листом пойсковати не мают вечными часы. А естли бы хто-жъ кольвекъ, змыслывши собѣ якое право противку пана Костентина Малинского, малжонка моего, або на властное имя мое што ку тому листу причинивши, малжонка моего, або потомки и близких его за тым описом до права позвати и с тым листом в суду показатися смел, тогда суд, в которого ся тот лист, або иншие листы ку помочи тому листу покажут, не даючи всѣмъ тым листом моцы а местца, одно за неслушные и фалшивые приймавати и розумети мает, и еще тот, хто бы ся с тым листом моим, причинивши до его речи небылые, измышленые, в судѣ показался, тогда таковой кождый мает заплатити вины его королевское милости тысячу коп грошей, а стороне ображоной, кого позовет, другую тысячу копъ грошей; бо я того листу николи от малжонка моего не бърала, а ни его вѣдала, и никого им не даровала и ничего о нем перво не вѣдала и тепер вѣдати не хочу вечными часы. И на то есми дала пану малжонку моему милому сесь мой листъ, подъ моею печатю, и для лѣпшого сведомья просила есми ихъ милости папов и приятелей моихъ о приложенъе печатей: его милости пана Федора Сенюты Ляховецъкого, войского Кремянецъвого, пана Антона Яловицъкого, пана Михайла Павловича, пана Ивана Сенюту Хмелевъского, пана Василя Павловича, пана Павъла Корытенского, пана Остафья Свищовского а пана Андрѣя Киверецкого, которые за устъною прозбою моею печати свои до сего моего листу приложити рачили. Писан в Луцку, лета Божого нароженъя тысяча пятьсотъ семьдесят шостого, месеца июля девятогонадцат

дня. — А так мы, припустивши ку вѣдомости своей врядовой тое очевистое а добъвольное · сознанье и листъ, запись ее милости пани Костентиноее Малинское, панес Мари княжны Андрѣевъны Масалского, с початку аж до конца до книгъ кгородскихъ Луцкихъ записати казали.

Книга кродския Луцкая 1576 юда, № 2050, л. 303 об.

LXVIII.

Заявленіе предъ гродскимъ урядомъ п. Дмитра Рогозенскаго и его жены о томъ, что они отдають дочь послѣдней Варвару Угриповскую въ замужество за п. Яна Ворону съ ея личнаго на то согласія. Такое же заявленіе жениха и невѣсты о томъ, что они вступаютъ въ бракъ по доброй волѣ и личному желанію. 1572 года, генваря 23.

Лѣта Божого нарожения тисеча пят сот семдесятъ второго, месяца генваря двадцат третьего дня.

Пришодчи и постановившиися очевисто на вряде его кролевское милости в замку Луцком, передо мною Иваном Хребтовичом Богуринскимъ, подстаростимъ Луцким, землянин господарский пан Дмитръ Иванович Рогозенский, весполк з малжонкою своею панею Ориною Болбасовною оповедали и доброволне до книгъ кгородскихъ Луцкихъ тыми словы вызнали: Ижъ дей я Дмитръ Рогозенский пасербицу свою, а я Орина Болбасовна дочку свою панну Барбару, за радою приятелей своихъ и теж за хутю и позволнем ее самое, за человека доброго, почтъивого шляхтича, пана Яна Ворону в малжонство отдат хочем. Гдежъ и панъ Янъ Ворона и панна Барбара Угриновского, ставши очевисто жъ передо

мною, подстаростим Луцкимъ, доброволне визнали тыми словы: Иж дей и Инъ Ворона панну Барбару Угриновского за себе в малжонство взяти, а я дей Барбара за пана Яна Ворону в малжонство пойти хочу, хуть и волю маю.—И просили, абы то было записано; а так я тое очевистое оповѣдане, доброволное сознание их милости всѣхъ вышей менованныхъ особъ до книг кгородских записати казалъ.

Книга гродская Луцкая 1572 г., № 2046, л. 51.

LXIX.

Дарственная запись п. Андрея Олизаровскаго новобрачной женѣ своей Федорѣ Бѣлостоцкой на все движимое его имущество, въ награду за ея любовь къ нему и цѣломудріе. 1572 года, октября 19.

Року тисеча пят сот семдесят второго, месеца октебра двадцат осмого дня.

Князь его милость росказалъ записати, ижъ пришедши и постановившиися очевисто перед его милостью земенинъ господарский панъ Андрей Олизаровъский, на зезде теперешнемъ всихъ князей, пановъ, обывателей земли Волынъское в Количине, визналъ водле листу своего властного и доброволного, од себе под печатю и подъ печатями людей добрых жоне своей панен Федоре Олехновне Белостоцкого даного, который листъ свой передъ княземъ его милостью положивши, просиль, абы былъ вычитанъ и в книги кгородские Луцкие слово в слово вписанъ; которого князь его милость огледавъши, перед собою читати казалъ, и такъ ся в себе маеть: „Я Андрей Олизаровъский ознаймую и явно чиню тымъ

моимъ листомъ каждому, кому того потреба вкажетъ ведати, ипнешнимъ и завжды напотом будучимъ, штожь з воли Божое и за порадою и позволенъемъ пана отца моего милого Олехна Олизаровъского понялъ еси за себе в малжонство з дому пана Богдана Занковича Смыковъского свестъ его милости а дочьку пана Олехна Белостоцкого панну Федору, по которой я дознавши склонность, милость и во всемъ статочное и учтливое противъ себе захованъе; такъ яко на станъ ее паненский належало, што хотячи еи нагородити и за таковую ее статочность знакъ ласки своее оказати и тымъ ее впередъ себе в таковой же статечности повольную мети и способити, не будучи никимъ намовенъ, толко по своей доброй воли, даю, дарую и сим листомъ моимъ по животе моемъ ей, жопе моей милой паней Федоре, всѣ речи мои рухомые от мала до велика, то есть: гроши готовые, золото, серебро, шаты, цынь, мѣдь, кони ездные, возники, быдло рогатое и дробное и въвесь спрятъ домовый и то все, што бы ся одно по животе моемъ въ дому моемъ маетности моее оказало, на вечность записую. Маеть жона моя милая тые вси речи мои рухомые по животе моемъ себе мети и вечне ихъ ку пожитку своему оборочати, маючи вечность за симъ листомъ моимъ тымъ, яко влостностью своею, по воли своей шафовати, кому хотячи, будь по частямъ, або вси огуломъ, отдати, даровати и записати; а в томъ еи нихто ни которое трудности задавати и переказы чинити не маеть. Который я сесь мой описъ добровольный свой, ставши очевисто в замку Луцкимъ, оповедати и, давъши его до книгъ уписати и выписъ на то с книгъ одержавши, ей жонѣ моей милой дати; а то маю выполнити подъ закладомъ петима сты золотыхъ польскихъ. И на то-мъ далъ жоне моей милой паней Федоре сесь мой лист подъ моею печатю; а при томъ были и того добре сведоми ихъ милость панове добродей мои: панъ Федоръ Вожитинский, панъ Яковъ Петровичъ Шибенский, панъ Иванъ Гавриловичъ Холоневъский, панъ Иванъ Лецковичъ Белостоцкый, панъ Микита Михайловичъ Ощовъский, панъ Ивалъ Тихнович Поръванецкый, а панъ Богущъ Липлинъский, которыи за

прозбою моею печати свои приложити рачили к сему моему листу. Писанъ у Смыкове, лета Божого нароженъя тисеча пять сотъ семдесятъ второго, месеца октября девятнадцатъ дня“.

Книга вродская Луцкая 1572 года, № 2046, л. 581.

LXX.

Запись землянки Маріи Гуляльницкой о томъ, что, проживъ немалое время въ замужествѣ за земляниномъ Яцкомъ Гуляльницкимъ въ любви и согласіи и не имѣя отъ него ни вѣнковой, ни другой какой-либо записи въ обезпеченіе ея приданого, она и впредь освобождаетъ мужа отъ выдачи ей вѣнковой записи и навсегда отрекается отъ всякихъ правъ на ту часть его имѣній, которую должна была бы получить отъ него въ вѣно. 1572 года, ноября 15.

Року 1572, месеца ноября 29 дня.

Пришодчи и постановившиися очевисто на вряде вродскомъ, в замку Луцкомъ, передо мною Петром Хомякомъ, подстаростимъ Луцкимъ, от его милости князя Богуша Корецкого, воеводы земь Волинскихъ, старосты Луцкого, Браславьского и Вѣницкого, землянка земли Волинское повету Луцкого пани Яцкова Федоровича Поповчиная Гуляльницкая Маря Яцковна Тимоховича Гуляльницкая доброволне до книг вродских Луцких вызнала водле листу своего, под печатю своею и под печатми людей добрыхъ от себе мальжонку своему пану Яцку Гуляльницкому даного, и тот лист свой передо мною, подстаростимъ, на вряде положивши, просила, абы был вычитан и въ книги вродские Луцкие слово въ слово уписан. Которого я огледавъши, перед собою читати казаль,

и так ся в себе маеть: „Я Яцковая Федоровича Поповчиная Гулялницкая Маря Яцковна Тимоховича Гулялницкая явно чиню и визнаваю сама на себе сим моимъ листомъ каждому, кому бы того была ведати потреба, ижъ я вступивши въ стан малжонский з малжонкомъ моим милым паномъ Яцкомъ Федоровичомъ Поповкою Гулялницкимъ и мешкаючи з нимъ въ стане малжонскомъ през немалый час, жадныхъ записовъ а ни жадное оправы посагу, вена на части именья в Гулялникахъ малжонка моего пана Яцка я сама а ни братя не одержали; а ижъ ми Панъ Богъ, з ласки своее светое, доброго мешканя з малжонкомъ моим паномъ Яцкомъ Федоровичомъ Гулялницкимъ узычити рачиль, яко-м в него теперешнихъ часовъ жадныхъ записовъ а ни вена оправеного не одержала на части имени малжонка моего в Гулялникахъ, жаднымъ писмомъ при брати моее нѣт и сама не маю, так и напотомъ никды в малжонка моего жадныхъ записовъ а ни вена оправеного на части имени его въ Гулялникахъ мети не хочу вечными часы. Воленъ будетъ малжонкоу мой тую часть свою в Гулялникахъ самъ держати и ее вживати, и кому хотячи отдати, продати, даровати и записати, где хочечи ку пожитку своему оборочати, якъ самъ налелей розумеючи; а я, яко до того ничего не маючи, ему самому малжонку моему, так и каждому, хто бы тую часть от малжонка моего держаль, ни в чомъ и жаднымъ правомъ а ни жадными листы, естли бы ся напотомъ в мене оказати мѣли або в брати моее, жадное трудности задавати не маемъ, а тые листы напотомъ або записы, естлибы ся або якая оправа посагу мнѣ от малжонка моего показали, везде въ каждого права жадное моцы мѣти не мають, кдыжъ в мене самое а ни в брати моее жадныхъ записовъ а ни оправы посагу, мнѣ от малжонка даныхъ, нѣт и никды жадныхъ записовъ мѣти не хочу от малжонка моего пана Яцка Федоровича Гулялницкого. Якожъ я Яцковая Федоровича Гулялницкая Маря Яцковна Тимоховна Гулялницкая, сее добровольное позволене, выречене и визнаване мое приводечи до мощнейшого и правѣнейшого skutku, обличне ставши передъ вря-

дом замьку господарского Луцкого, до книгъ кгородскихъ Луцкихъ вызнала и записат дала, а потомъ, кгда суды земские, по коронации короля его милости новообраного, будут сужоны и справованы, волно будет малжонкови моему пану Яцку Федоровичу Гулялницкому, або естли бы он комужь колвекъ тую част имени своего в Гулялничохъ продал, тогда и тому волно будет оный выпис кгородский сознанья моего, коли похочет, до книгъ справ судовыхъ земскихъ Луцкихъ перенести и дати записати; который выпис кгородский вызнаня моего суд земский мает до книгъ судовыхъ справъ земскихъ принять и казати записати, так яко бых я сама, очевисто в суду земского Луцкого ставши, сознание учинила. И на то есми дала малжонку моему милому пану Яцку Федоровичу Гулялницкому сес мой лист з моею печатю. А для лепшее твердости и сведомья сего листу моего просила их милости князя Григоря а князя Дмитра Ивановичов Ружинских, а пана Василя Ваньковича Вербьского, а пана Романа Василевича Марковьского о приложенье печатей; ихъ милости, будучи того свѣдоми, то на прозбу мою очевистую вчинити, печати свои къ сему листу моему приложити рачили. Писан в Лобачохъ, лета от нароженья Исуса Христа Сына Божого тисеча пят сот семдесят второго, месеца ноябра пятогонадцат дня.“—А так я, подстаростей, тое очевистое а доброволное сознание и лист панее Яцковое Федоровича Поповчиное Гулялницкое Мари Яцковны Тимоховича Гулялницкое слово в слово, с початку ажъ до конца до книгъ кгородскихъ Луцкихъ записати казалъ.

Книга кродская Луцкая 1572 года, № 2046, л. 605.

LXXI.

Жалоба епископа Владимірскаго Єеодосіа Лазовскаго о томъ, что землянинъ Мануйло Болобавъ, будучи пьянымъ, жестоко избилъ и затѣмъ прогналъ изъ дому свою жену Марухну, внучку жалобщика, удержавъ ея имущество. 1572 года, ноября 21,

Лѣта по нароженію Исус Христовом 1572, месяца ноябра двадцатъ перваго дня.

Прислал на врьд замку господарскаго Володимерскаго, до мене Якима Василевича, писара кгородскаго Володимерскаго, на тот час будучаго на местцу пана Михайла Павловича, подстаростаго Володимерскаго, велебный в Бозе отецъ Феодосей, владыка Володимерскій и Берестейскій, пріятеля своего пана Михайла Дубницкаго, войта Володимерскаго, жалуючи и оповедаючи на земенина повету Володимерскаго пана Мануйла Болобана Осекровскаго: иж дей сее ночи с четверга на пятницу тот то Болобан Осекровский внуку мою а жону свою властную Марухну Михайловну, в ночи, пьян з Свинарина приехавши до дому своего, до Осекрова, обрутне сбилъ и змордовал и, до стайни уведъчи, къ столпу у в одной кошули привезалъ был; а потом дей тое ж ночи, мало погодивши, зас убегши в стайню, а отвезавши ее, жону свою а внуку мою, повторе збивши и змордовавши посторонками, самъ рукою своею з двора и з села своего Осекрова у в одной кошули выгналъ и ее з дому своего квалтовне выбилъ отъ всее маетности ее, то ест золота и сребра, шат, клейнотов, пенезей готовых и иншоe маетности ее, што дей набыла, идучи за него замуж, в домъ его принесла, и тую дей всю маетност ее при себе зоставилъ и ку пожиткови своему привлащил; которых маетностей внука моя реестръ написанный в себе мает и часу права у суду положитьи хочеть".—И просил владыка его милость, абы тую жа-

лобу и оповедане его до книг кгородских было записано; а так я то все за прозбою его милости у книги кгородские Володимерские записати велель.

Книга кродск. Владим. 1572 г., № 936, л. 210.

LXXII.

Довесеніе вознаго о вручени п. Мануйлу Болобану позва къ духовному суду по дѣлу о „неуристойномъ и нерадномъ“ сожительствѣ его съ женой. 1572 года, декабря 5.

Лѣта от нароженя Исус Хрыста Сына Божого 1572, месеца декабря месеца 5 дня.

Ставши очевисто на вряде замку Володимерского, передо мною Якимомъ Василъевичомъ, писаромъ кгородскимъ Володимерскимъ, на тот часъ будучимъ на местцу подстаростъскомъ, возный земьский повету Володимерского Демьянъ Мокренъскій до книг кгородскихъ тыми словы вызналъ: иж за приданъемъ твоимъ врядовымъ, маючп есми при себе дву особъ шляхту: Михайла Ставецкого а Станислава Кичинъского и духовную особу, протопопу Володимерского отца Федора Прокопенъского, на жалобу панее Марухны Михайловъны, сегодня, въ пятницу вышей датою помененую, подаломъ пану Манойлу Болобану Осекровскому, малжоньку ее, в дому его у в Осекрове позов духовный отъ его милости велебного отца Феодосия, владыки Володимерского и Берестейского, и от всего собору церкви столечъное епископьи Володимерское светое Пречистое; оклоло непуристойного и нерадного в малжонстве мешканъя его з нею, яко ширей позовъ въ себе

обновляетъ; за которымъ позволю зложиломъ пану Болобану рокъ передь его милостю отцемъ владыкою и передь духовенствомъ его милости въ замку его милости у Володимери стати месеца теперешняго декабря девятогонадцать дня. Ино дей панъ Болобанъ, оный позволю духовный учтиве от мене принявъши, на томъ року передь его милостю владыкою и духовенствомъ его милости стати обедался.—И просила мене Марухна Михайловъна черезъ приятеля своего пана Михайла Дубницкого, войта Володимерского, абы тое вызнана возного в книги кгородские записалъ.

Книга кродск. Владим. 1572 г., № 936, л. 224

LXXIII.

Дѣло о разводѣ Семена Хребтовича-Богуринскаго и Раины Русиновны.

1. Жалоба п. Андрея Русина-Берестецкаго, нареченнаго владыки Пинскаго и Туровскаго, о томъ, что когда онъ, вмѣстѣ съ дочерью своею Раиною и зятемъ Семеномъ Хребтовичемъ-Богуринскимъ, прибылъ въ Луцкъ съ тѣмъ, чтобы, согласно предварительному между ними соглашенію, Хребтовичъ и его жена формально, передь урядомъ заявили о своемъ рѣшеніи расторгнуть брачный союзъ и „вызвелили“ бы другъ друга „зъ малженства,“ то Хребтовичъ, не довольствуясь раньше принятыми условіями развода, сталъ домогаться отъ своей жены какой-то новой, обидной для ея чести записи, и получивъ отказъ, затѣялъ ссору въ присутствіи суда и нанесъ побои жалобщику и его дочери. 1572 года, апрѣли 14.

Року тисеча пятсот семдесят второго, месеца апреля четвертогонадцат дня.

Пришедши на врьд его кролевское милости в замок Луцкій, до мене Ивана Хребтовича Богуриньскаго, подстаростега Луцкаго, его милост панъ Анъдрей Русинъ Берестецкій, нареченый вла-

дыка Пинский и Туровский, жаловаль и оповедаль велико обя-
жливе и плачливе тымъ обычаемъ: „ижъ дей которое застановене
и угода стала ся промежку насъ, мене Русина, а пана Семена
Хребтовича Богуринаского, писара кгородского Луцкого, черезъ
властную особу его княжецкое милости князя Богуша Федоровича
Корецкого, старосты Луцкого, Браславского и Венецкого, его ми-
лости князя Остафья Соколского, подсудка земского Луцкого, а
его милости пана Михайла Корытенъского, писара земского Луц-
кого, около розводу пана Семена Богуринаского и малжонки его
а дочки моее Раины Русиновны, ижъ его милость князь староста,
поспол с тыми приятлы нашими зобополными, верху менеными,
выналезкомъ своимъ а обычаемъ угодливымъ во имену Красномъ
на томъ промежку насъ застановили, ижъ панъ Богуринский добро-
волне малжоньку свою а дочку мою Раину, такъ тежъ малъжонка
его а дочка моя Раина его з малжонства доброволне одно дру-
гого выпустити мели, а дочка дей моя а жона его, я самъ и по-
томки мое о тотъ посаг шесть сотъ сто копъ грошей, который я
по той дочке своее а малжонце его пану Семену далъ, на немъ
самомъ и потомкохъ его поискивати не мели и о то вечно мол-
чати мели, и енце дей ку тому мел есми ему на ден всихъ све-
тыхъ в року теперешнемъ семдесятъ второмъ сто копъ грошей
литовскихъ дати, а онъ мене с тыхъ позвовъ кгородских, кото-
рыми мене тыхъ недавныхъ часовъ позваль, вызволити, обмовити,
абы мне почтивому то не шкодило, и тую справу всю показовати
и вырокъ а всказъ его милости князя старосты Луцкого на сто-
рону отложить мелъ; такъ тежъ вси листы мое на долги и на
права розные, которые у него есми zostавил и тыхъ листовъ
яко зятю своему зверил, вси поворочати мне приобедаль. И за
тымъ же дей застановенъемъ промежку насъ чрезъ его ми-
лость князя старосту и тыхъ приятель нашихъ, князя подсудка и
пана писара земского, давши ихъ милости и сами промежку себе
подъ добрымъ а цнотливымъ словомъ руки, приняли есмо себе
рок на ден светого Юря, яко на нинешний день, тутъ перед вря-

домъ кгородскимъ, яко передь особливо твоеи милости, пане подстароста, в замку господарскомъ Луцкомъ стати и тую угоду и постановенъе, которое их милость промежку насъ учинити рачили, такъ пан Богуринский, яко и дочка моя а малъжонка его бывшая, одно другого с того малжонства вызволяючи, вызнати и то до книгъ кгородскихъ записати дати и тутъ же передь врядомъ рокъ приняти, на который бы рокъ также обеде стороне, панъ Богуринский, яко и дочка моя, передь его милостю отцемъ Ионою, владыкою Луцкимъ и Острозскимъ, ставши, вызнати и оденъ другого отъ малженства вольными учинити мели. Якожь дей я, чинечи досытъ тому выналезку его милости князя старосты и приятел наших обополных, на тот рок, от их милости зложонный, а отъ насъ сторонъ принятый, з дочкою своею, малъжонкою его бывшою, тутъ, на врядъ его кролевское милости, в замок Луцкий хотечи то выполнити, приехалъ и перед твоею милостю, пане подстаростий, яко врядомъ кгородскимъ, того року уставаль, и дочку свою Раину, которая была готова ведле выналезку их милости, яко ся постановило, все вызнати, ставиль; нижли дей панъ Семень Богуринский, не хотечи тому выналезку а угодливому постановенью его милости князя старосты и приятель верху мененыхъ досытъ чинити, почаль себе дивные причины вынайдовати и якогось листу от дочки моее, што бы было з уближеньемъ доброе а поцтивое славы моее и ее, домогати, чога дей никгды перед его милостю княземъ старостою и приятели поменеными на постановленью споминано не было, только дей на одномъ их очевистымъ врядовнымъ сознанию, кромъ жадныхъ листовъ, которое такъ на вряде кгородскомъ, яко и на вряде духовномъ, перед его милостю отцемъ владыкою, з обеюх сторонъ вызнати и на томъ вечными часы переставати мели, зъвляца около вызволенъя от малженства и шести сот копъ грошей посаговых, што при пану Богуринскомъ зостати мело; толко на сто копъ грошей вышей менованого долгу я ему лист дати мель. Якожь дей и его милость князь Остафей Сокольский, подсудокъ земский Луцкий, яко роземца тое

речи, который то промежку насъ зъ его милостю княземъ старостою и паномъ писаромъ земскимъ становиль, тутъ же на врьде передь твоею милостю, пане подстаростий, очевисто вызналь, иж на томъ есмо поцтвие слово и руки свое его милости князю старосте и приятеломъ нашимъ и тежъ сами промежку себе дали, же ся то такъ, а не инакъ все дня нинешнего передь урядомъ кгородскимъ в замку Луцкомъ скончити мело; але дей панъ Семень Богуринъский, и того сведоцтва его милости князя Соколского не слушаючи, зъгола ся листу домавлял. В чомъ я видечи таковой его упоръ, твоеи милости, пане подстаростий, в томъ оповедавшися, пану Богуринскому мовил, абы он у пятницу близко прийдучую до Красного ку его милости князю старосте ехал, где и я с паны приятели и дочкою своею хотечи быти, же бы то его милость с паны приятели вышей поменеными, водле застановленъя, менованое все речи розознанье и конецъ сполне учинити рачиль. То пакъ панъ Семень Богуринский, закинувши на сторону вышей помененую угоду и постановенье и не маючи баченъя на зверхность и на врьд его кролевское милости, а ни на покой посполитый, на волность шляхетскую, к тому особливе на убезъпеченье, которое ся стало при вышеменованомъ постановенью и угоде черезъ их милость князя старосту Луцкого, князя подсудка, пана писара земского, которымъ он руку и слово свое шляхетское на томъ даль, ижъ я и дочка моя, бывшая жона его, мела зомною безпечне для того до замку ехати и жадное небезпечности от него самого и ни от кого не выстерегаючися, того всего он занедбавши, мимо все тое, торгнувшия кгвалтовне а своволне, непристойне, яко цнотливому никгды ся не годило, на мене, човека шедивого, старого, хорого, способивши собе пана Григоря Гулевича, хоружого Волянское земли, пана Ивана Чаплича Шпановского, войского Луцкого, князя Дмитра Булыгу Курцевича, а пана Олехна Мощеницкого, пана Каховского, пана Понятовского, врьдника пана Кициного Воротнёвского, пана Речицкого, врьдника столникова Дорогостайского, и иныхъ многихъ помочниковъ

своих, з ручницами долгими, з аркабузы, з луки и з ынымъ рознымъ оружемъ, в замку вышнемъ, у притворе церковномъ, где твоя милость, пане подстаростей, на тои вышо описаной справе засель былъ, мене самого рукою своею збилъ, сторгавъ и змордоваль и шапку зъ головы зорваль, а дочку мою, бывшую жону свою, Раину, которая, тежъ будучи от него бита и шарпана, до мене ся под шубку уфатила и руками, яко отца своего, держалася, он, кромъ всее литости и баченья, крикнувши на помочниковъ и слуг своихъ, мене и ее бьючи, с под шубки, с под пахи моее вышарпнули, збили и змордовали, и приятель моихъ, которые зо мною сполне до вряду его кролевское милости перед твою милост, пане подстаростей, пришли были, их милости князя Остафья Соколского, подсудка земского Луцкого, пана Михайла Хренъницкого и сына его пана Ивана Хренъницкого, а пана Ивана Борзобогатого Красеньского, мостовничого Луцкого, положили и никоторых зъшарпали, и панну Ганъну Холоневскую, почтивую шляхтянъку, в тому боярку слуги моего панцерного, жону небожчика Ивана Сушка, на имя Полагю, збили и зшарпали, в которомъ кгвалъте и гуку с хлопца моего Сасина торъбу мою, в которой было две тисечи золотыхъ черленых, таляровъ сто, монеты полское сорок золотых полскихъ, ланъцухъ золотый, в котором дей было двесте и двадцат золотых черленыхъ, перстений золотыхъ с каменъемъ дорогимъ чотыри, два зъ шаферми, а два з рубинами, которые дей коштовали вси чотыриста золотых черленыхъ, крижъ золотый з каменъемъ дорогимъ и з ланцушкомъ золотымъ, который дей коштоваль пятьдесятъ золотых черленыхъ, листы на долги: оденъ листъ пана Василя Федюшка, хоружого Пинъского, на сто копъ грошей литовскихъ, листъ Войтеха Стелмахов на дванадцать копъ грошей литовскихъ, лист дворенина его кролевское милости Григоря Борковъ на дванадцать дукатов, лист Яна абътекара на осмъ копъ грошей литовскихъ, лист Евъхима кравъца Каменецкого на десет копъ грошей литовскихъ, листы черцовъ, жидовъ за наймоване дому на дванадцать копъ грошей

литовскихъ, листъ Войтеха Коленовского на дванадцать копъ грошей литовских, листъ Лаврина столяра на шесть копъ грошей литовских, ку тому дей тежъ листы господарьские и врядовые владычества Пиньского, с паномъ Михайломъ Теснокою и з ыными многими земяны повету Пинского в справахъ именеи церковныхъ, которыхъ дей я листовъ выличити и спаметовати на тотъ часъ не могу; которую дей торбу, для небезбечности злое дороги, перевозивани черезъ воды, и не смеючи ее зо всимъ тымъ у мужика на передности зоставити, казалъ есми тому хлопцу з собою до замку взяти; бо-мъ нигде ся у мести у госпде не становилъ, але скоро-мъ ся черезъ реку Стыръ перевез, заразомъ есми для уставаня того року до замку пошол; якоже-мъ хотелъ, скоро быхъ ся с паномъ Богуринскимъ расправилъ, то есми заразомъ зъ Луцка до Варшавы в дорогу для пилныхъ потребъ своихъ ехати; и в тотъ дей часъ, при томъ квалту, гуку, крику и шарпаню, с того хлопца моего тая торба с тыми речми вышей помененыи оборвана; которое дей я шкоды не меную себе быти ни отъ кого иногъ, толко съ причины самого пана Семена Богуринского.—И хотечи панъ владыко о то мовити, просилъ, абы то было записано. А такъ я тое его милости оповданье и жалобу до книгъ вгородскихъ записати казалъ.

Книга вродская Луцкая 1572 года, № 2046, л. 234 об.

Примѣч. Изложенному въ настоящемъ документѣ случаю предшествовали слѣдующія обстоятельства. Въ ноябрѣ 1571 года Андрей Русинъ, отъѣзжая въ Пинскъ, „до владыцтва своего“, уступилъ зятю и дочери въ пользование имѣнне въ м. Берестечкѣ, давъ имъ „вольность уживанья всякого, яко въ своемъ властномъ“. Обезпеченный этимъ, Хребтовичъ перевезъ въ Берестечко свое имущество и самъ съ женою „тамъ черезъ часть немалый снокоине мешкалъ“. Тѣмъ временемъ А. Русинъ за что-то „розгнѣвался“ на зятя и въ концѣ января 1572 г. прислалъ въ Берестечко своего племянника Гавла Корытенскаго съ отрядомъ вооруженныхъ слугъ, которые, пользуясь отсутствіемъ Хребтовича, пограбили его имущество и увезли съ собою жену его Раину. Когда урядникъ и ключникъ Хребтовича спрашивали Корытенскаго: „для чого онъ то чинить?“—тотъ отвѣчалъ: „мнѣ дядко мой, владыка Пинский, казалъ жону пана Семенову и маетность побрати и его самого забити, а жону его Раину до себе прислати, до Пинска“. Узнавъ о случившемся,

Хребтовичъ позвалъ тестя къ суду „о квалтовное насланье на дворъ Берестецкий, о взятыя жоны его Раины“ и грабежь имущества; сверхъ того Хребтовичъ претендовалъ о возмѣщеніи ему убытковъ, „што онъ выложилъ на лѣкарство, кгда былъ с причины жоны своее Раины а дочки нана Русиновы *по колько кротъ трутъ*“. 10 марта въ Луцк. гр. судѣ происходило разбирательство этого дѣла. А. Русинъ прислалъ „листы“—суду и сторонѣ— съ извѣстіемъ о болѣзни, но „для хоробы боленья очю“, не подписалъ ихъ, а лишь приложилъ къ нимъ свою печать. Судъ, видимо мирволя Хребтовичу, призналъ эти листы недѣйствительными, а самого Русина—невившимся и присудилъ: а) чтобы Русинъ „пану Семену малжонку его а дочку свою Раину Русиновну отдал, а кгдабы ее не отдал, тогда яко за голову, водлугъ статуту, 200 копъ грошей пану Семену платити будет повинень“; б) чтобы онъ уплатилъ зятю „за квалт дому шляхецкого“ 20 копъ и за „шкody“ (по одѣнкѣ)—1075 копъ гр. лит. (Книга Центр. Архива № 2046, л. 193 и слѣд.)—Тогда А. Русинъ упросилъ зятя передать ихъ дѣло на судъ „приятелей“, которые „постановили угоду“ между ними на условіяхъ, изложенныхъ въ помѣщаемомъ документѣ.—Въ августѣ того же года Андрей Русинъ умеръ, но дѣло о разводѣ его дочери продолжалось и по его смерти (Кн. № 2046, л. 443, 465 и др.).

2. Жалоба Раины Русиновны о томъ, что мужъ ея Семень Хребтовичъ-Богуринскій возилъ ее въ Берестечко на сеймикъ Волынскій, чтобы тамъ развестись съ нею, и не учинивъ съ нею никакого „постановенья“, бросилъ ее тамъ, строго запретивъ ей возвращаться къ нему и именоваться его женою. 1573 года, марта 25.

Лѣта Божого нароженя тисеча пятсот семдесят третего, месеца марта двадцат пятого дня.

Князь его милость рачилъ казати до книгъ записати, ижъ постановившися передъ его милостью очевисто в замку Луцкомъ, пани Семенова Хребтовича Богуринскал, писарова кгородская Луцкая, Раина Андреевна Русиновна жаловала и оповедала на малжонька своего пана Семена Хребтовича Богуринского о томъ, што дей онъ году тепер идучого семъдесятъ третего, месеца

февраля осмогонадцат дня, будучи порушонъ неякоюсь нелюбостью против мене и не хотечи зо мною в стане малъжонскомъ мешкати, намайяль мене черезъ никоторыхъ приятель, абых я его доброволе з малжонства вызволила, и хотечи онъ тому предъсаявзятю своему досыт учинити, на зъѣздъ всихъ обывателей здешнего памства земли Волынское, до Берестечка, именъя пана Дзялынъского, в году нынешнемъ же семьдесят третем, месеца марта сегогонадцат дня, мене з собою привезъ и там о томъ, яко бы ся зо мною розвелъ, с приятели моими намовити мелъ. То пакъ дей, будучи тамъ у Берестечку черезъ колько дней, никоторого постановленъя зо мъною не вчинивши, самъ з Берестечъка проч поехал, а мене оттол не брал з собою, не велель, мовечи мне, ижъ „я тебе за жону мети и с тобою в малжонстве мешкати не хочу; а ни дей до мене бывай и жоною дей ся моею не озывай, бо дей тя певне окалечу“; и возницю того на имя Анъдрейка, который мене до Берестечъка был привезъ, от мене з собою взялъ, а мене одну самую, в одной только шубчине, не давши мнѣ ни гроша и не оставивши при мне ни одного слуги, безъ всего жити у Берестечъку, имени пана Дзялынъского, покинул; а маетьность мою всю от мала до велика, такъ гроши готовые, яко золото, серебро, шаты, перла и речи рухомые, стадо сверепъе, быдло и што колвекъ одно з дому пана отца моего зопшого, пана Анъдрея Русина, по мъне онъ взялъ, такъже листы на именъя мои материстые Миръковъ и Браны и иные листы, справы, квиты небожчика отца моего, то все при собе он зоставилъ и въсе в него и тепер есть. Якожъ дей тамъ в Берестечку вашей милости, милостивый княже воеводо Волынский, и всему рыцерству, которые на он час при вашей милости были, таковый свой незносный жалъ и великую кривду и долеглость оповедала; и не маючи ся я где подети, ажъ мусила дей есми тамъ у Берестечку человека наняти, который мене до брати моее, до пановъ Корытенскихъ отвез.—О што все хотечи она с паномъ Семеномъ Богуринскимъ, малъжонкомъ своимъ, мовити, просила, абы то было записано; а такъ князь его милость, при-

пустивши то ку ведомости своее, таковое пани Семеновое Богуринское Раины Русиновны оповеданье рачиль казати до книгъ кгородских Луцкихъ записати.

Книга кгородская Луцкая 1573 года, № 2047, л. 44.

Примъч. Въ этой жалобѣ Раина совсѣмъ умалчиваетъ о томъ, былъ ли совершенъ въ Берестечкѣ, на сеймикѣ всего Волинскаго воеводства, разводъ ея съ мужемъ? Въ актахъ не сохранилось самаго постановленія объ этомъ разводѣ, но есть указанія, что разводъ былъ совершенъ. Въ октябрѣ того же 1573 года Раина Русиновна, „*бывшая Семеновая Хребтовичовая Богуринская*“ (такъ она съ тѣхъ поръ титуруется въ актахъ) жаловалась на членовъ Волинскаго депутатскаго или каптуроваго суда (избраннаго по случаю смерти короля Сигизмунда-Августа), что они, „*знать змовившиися з бывшимъ мужемъ*“ ея, „отъ вѣна ея 900 копъ грошей вечно отсудили и его пану Богуринскому, бывшему малжонку“ ея, присудили, — т. е. уничтожили силу вѣнковой записи п. Хребтовича (см эту запись выше подъ № XLII), что не могло быть сдѣлано судомъ раньше расторженія брака. Впрочемъ, дѣло о разводѣ въ духовномъ судѣ, какъ видно изъ нижеслѣдующаго документа, въ то время еще не было окончено. (Кн. № 2047, л. 424 и 425).

3. Заявленіе Раины Русиновны, что она являлась въ срокъ на судъ духовный, къ Луцкому владыкѣ Юнѣ Борзобогатому - Красенскому, по дѣлу ея съ мужемъ о разводѣ; но владыка не принялъ ея, а его намѣстникъ отказался записать явку ея въ книги. 1574 года, октября 22.

Року 1574, месеца октебра 22 дня.

Приходчи на врид кгородский в замокъ Луцкий, передъ мене Михайла Вильгорского, подстаростего Луцкого от его милости князя Богуша Корецкого, воеводы земли Волинское, старосты Луцкого, Браславского и Венецкого, пани Раина Русиновна опо-

ведала тыми словы: изъ дей владыка Луцкий и Острозский, архимандритъ Жидичинский, отецъ Иона Борзобогатый Красеньский зложилъ ми рокъ очевисто з мужемъ моимъ, паномъ Семеномъ Богуриньским, писаромъ кгородскимъ Луцкимъ, абых я за позвомъ перед нимъ сегодня у пятницу стала; яко же-мъ дей я тому досыть чинечи, становилася и пилность чинила и оповедила наместнику владыки его милости и просила, абы пилность и станье мое записати казалъ; але дей наместникъ, не вем для которое причины, записати не хотель, естли фолкгуючи стороне, мене до шкоды и накладу, до утраты привель, што мене то немало коштуеть, же-м ся же и приятели зобрала; а панъ владыка мнѣ а ни о собе жадное ведомости дати не хотел.—И просила пани Раина Русиновна, абы то было записано; а так я тое оповеданье ее до книг кгородскихъ Луцкихъ записати казалъ.

Книга гродская Луцкая 1574 г., № 2048, л. 370.

Примъч. Окончания этого дѣла нѣтъ въ актовыхъ книгахъ. Извѣстно лишь, что въ началѣ 1576 года Семень Хребтовичъ-Богуринскій вступилъ въ бракъ съ Катериной Андреевной Бабинской, вдовой по зем. Ив Городицкомъ (Кн. № 2050, л. 6 об.) и овдовѣлъ десять лѣтъ спустя, въ 1586 г.; что же касается первой его жены, то она не выходила вторично замужъ и съ тѣхъ поръ титуловалась въ актахъ: „Раина Русиновна Берестецкая“; но въ одномъ документѣ 1604 года она почему-то именуется такъ: „Раина Русиновна Семенова Хребтовичова Богуринская“ (книга № 969, л. 678):

LXXIV.

Въновная запись п. Михайла Витонижскаго, которой онъ обезпечиваетъ въ двойной суммѣ приданое жены своей Софьи Окорской и сверхъ того дарить ей третью часть своего движимаго имущества. 1573 года, генваря 8.

Року тисеча пят сот семдесят третего, месеца феврала двадцат третего дня.

Постановившиися очевисто на вряде въ замку Луцкомъ, передо мною Петромъ Хоменкомъ, подстаростим Луцкимъ от его милости князя Богуша Корецеого, воеводы земли Волынское, земенинъ повету Луцкого пан Михайло Витонизский, водлугъ листа своего веновного малжонъде своей паней Зофьи Олехновне Окорского, до книг кгородских Луцкихъ вызнал, который лист положивши передо мною, просил, абы был читан, и тотъ лист так ся в себе маеть: „Я Михайло Василевичъ Витонизский чиню явно и сознаваю симъ моимъ листомъ каждому, кому будетъ потреба того ведати альбо чтучи его слышати, ижъ з воли Божои, и с хути и милости моее, и за дозволенем его милости пана отца моего, пана Василья Витонизского, и с порадою кривных и приятелей моих, понял есми за себе в малжонство панну Зофью, дочку небожчика пана Олехна Окорского, з дому дядьговъ ее пана Ивана а пана Юря Окорскихъ, по которой есми взялъ посагу двѣсте копъ грошей литовское личбы готовыхъ пенезей, а у выправи, то есть в золоти, в серебре, в шатахъ, в перлахъ, в конех, в быdle и въ иншихъ речахъ рухомыхъ, другую двѣ сте копъ грошей литовскихъ; а такъ я, видечи доброе а цнотливое жоны моее до себе заховане и хотечи ее тымъ склоннийшую и поволнийшую до себе зневолити, протожъ наппротивко того внесеня ее в дом мой записую ея, малжонце моеи милои, Зофьи Олехновне Окорского симъ моимъ листомъ совито на третей части всего имени моего, такъ

Витонизского, яко и если бых, з нею мешкаючи, што прикупил албо выслужил, то есть всего сумою осмъ сотъ кошь грошей личбы литовьской, личечи по десети пенезей белых у грошъ; также тежъ, з доброты моее, записую жоне моеи милои Зофѣи всѣхъ моихъ речей рухомах третью часть; а чого Боже уховай вперед на мене, нижъ на жону мою, смерти, тогда жона моя милая Зофѣи Олехновна волна будеть кому хочечи тое вѣно свое, на имени моемъ от мене ей записаное, отдати, продати, даровати, записати и ку своему лепшому а пожиточнейшому оборочати, якъ едно воля ее на то будеть; того ей заборонити нихто з близкихъ, кривныхъ, повиноватыхъ моихъ и жадноп переказы ей чинити в томъ не мають и не будуть мочи. И на то есмь далъ малжонце моеи милой, паней Зофѣи Олехновне Окорского, сес мой лист з печатю и с подписом властное руки моее; а при томъ были и того добре сведомы их милость панове а приятели наши: его милост пан Иванъ Гулевич, подсудок земьский повету Володимерского, пан Семен Дрозденский, а пан Гаврило Гулевич, которыи за устною прозбою моею печати свои к сему моему листу приложити рачили. Писан у Витонизл, року от нароженья Исус Христа тисеча пят сот семдесятъ третего, месяца генвара осмого дня. Михайло Витонизский, рука власная.—А такъ и тое очевидное а добровольное сознание и листъ пана Михайла Василевича Витонизского венонный, от пего малжонце его паней Зофѣи данный, слово от слова, с початку ажъ до конца до книгъ кгородских Луцкихъ записати казалъ.

Книга городская Луцкая 1573 года, № 2047, л. 6.

LXXV.

Запись п. Михайла Сватковича Хренницкаго о томъ, что онъ, согласно рѣшенію третейскихъ судей, получилъ отъ зятя своего п. Януша Угриновскаго часть приданого дочери своей Оксеніи, умершей не оставивъ потомства. Формальное уничтоженіе силы вѣнковой и дарственной записей, выданныхъ нѣкогда п. Угриновскимъ женѣ своей. 1573 года, февраля 28.

Року тисеча пятсот семдесят третьего, месеца февраля двадцат осмого дни.

Князь его милость рассказал записати, ижъ постановившиися очевидно перед его милостью в замку Луцкомъ, земенин земли Волынское, повету Луцкого, пан Михайло Сваткович Хренницкый до книг кгородскихъ Луцкихъ вызналъ, водле листу своего, пану Янушу Прокоповичу Угриновскому, подъ печатью своею и с подписомъ руки сына своего пана Ивана Хренницкого, и тежъ под печатми людей зацныхъ, от себе даного, который лист перед княземъ его милостью положивши, просил, абы былъ вычитанъ и в книги кгородские Луцкие слово в слово вписанъ; которого князь его милост огледавши, перед собою читати казал, и так ся в себе маеть: „Я Михайло Сваткович Хренницкый явно чиню и визнаваю сим моимъ листом, ижъ што его милость пан Янушъ Прокопович Угриновский, з воли Божей и тежъ за волею и позволенемъ моимъ и всехъ приятел моихъ, у мене взял в стан малженский дочку мою панну Оксиню, по которое дочке моее, выправуючи ес с четвертое части именеи моихъ отчизныхъ, далъ есми пану Угриновскому былъ готовыми грошми чотыриста копъ грошей личбы и монеты литовское, а въ выправе—золота, серебра, перл, клейнотовъ, шат, коней и иныхъ рухомыхъ речей, слушне опацованыхъ за триста копъ грошей тосжъ монсты литовское; и заховываючися пан Янушъ Угриновский, зять мой, водлугъ права посполитого и статуту, противъ того такового впесепи в домъ свой малжонки своее а

дочки моее записалъ и на вряде суду земского Луцкого был вызналъ ей, малжонце своей, противъ чотырох сотъ копъ готовыми грошми взятыхъ, осмъсотъ копъ, а против речей рухомых за триста копъ ошадованых, таковую жъ суму триста коп, того всего сумою одинадцать сот копъ грошей личьбы и монеты литовское, о чомъ всем ширей и меновите на листе веновъномъ и на выписехъ врядовых, в тои справе выданных, есть описано и доложено. То пак будучи пану Угриновскому по закону хрестиянскому з дочкою моею въ стане малжонскомъ и учтиве а статечне час нѣкоторый з собою мешкаючи, съ прездренья Божого тая малжонка пана Угриновского, дочка моя, зъ сего света без потомства зыщъла, а сходечи з сего света, тестаментомъ своимъ, слущъне учиненымъ, вѣно свое, гроши готовые и с привенкомъ, то есть осмъ сот копъ грошей, к тому кони ездные, возники и ложки сребреные отписала и тымъ пана Януша Угриновъского, малжонка своего, будучи волна власностью своею по воли своей шафовати, даровала и остаточною волею своею то потвердила, а речи рухомые, то есть: клейноты, золото, серебро, перла, шаты, то все zase мнѣ, яко отцу своему, в домъ мой на том же тестаменти своемъ малжонку своему пану Янушу отдати поручила и то так же волею своею остаточною потвердила. А так я, Михайло Хреницкый, по смерти дочки моее а малжонки пана Угриновъского, того всего внесена в дом пана Угриновского, то ест вена с привенкомъ, от пана Угриновского дочце моей описаного, водлугъ листов записныхъ его, частокрот через приятел своихъ и пана Угриновъского упоминался, абы, не заводячися зо мною и не вдаючися в право, мнѣ то все, што по жоне своей взял, в целости отдал. Тогда панъ Угриновский, не хотечи зо мною о то правоватися, але веспол со мною на розознана приятельское, а меновите на его милость пана Гаврила Бокия Печихвостского, судю земского повету Луцкого, на пана Василя Гулевича, войского Володимерского, на князи Дмитра Козѣку и на пана Миколая Дубровского то пустили есмо, которые кгда на тои справе напои засѣли, тогда

напервей тестамент малжонки пана Угриновского вечне на всѣ пришыле и потомные часы при зуполной моцы zostавили, и так знашли: нѣ то все, што на тестаменте было описано, таковым обычаем при кождомъ zostати мело, а тую суму пенезей, то ест вено с привенком осмь сот коп грошей, тузинь ложокъ сребраныхъ, кони ездные и возники при пану Угриновскому водлугъ тестаменту zostавили; речи тежъ рухомые, яко золото, серебро, клейноты, перла, шаты, хусты белые и иные речи мне, Михайлу Хренницкому, отдати знашли. Которому приятелскому розсудку и застановеню пан Янушъ Угриновский досыт чинечи, всѣ тые рухомые речи, яко золото, серебро, клейноты, перла, шаты, хусты белые, што одно колвекъ было, водлугъ рейстру, слухнымъ шацунькомъ за триста копъ грошей ошадованы, до рукъ моих отдал; якожъ все вечне, на всѣ пришыле часы, некоторыхъ речей водлугъ листа веновного, тажъ грошей готовых, яко золотыхъ чирвоныхъ и всякое якимъ колвекъ именемъ названое рухомое речи у пана Януша Угриновского и в потомьковъ его я самъ, Михайло Хренницкий, и ниhto з сынов и детей и тежъ близких, кривных и повинныхъ моихъ упоминатися не маю и не мают, а тот тестаментъ малжонки пана Угриновского, дочки моее, вѣчне при зуполной моцы zostавую и николи против его ничего мовити и ни в чомъ его нарушвати и касовати я сам и все потомство мое и ниhto с кривных моих не маю и не мают, але яко слухный, правдивый и правный завжды у кождого права приймован быти мает. А естли бых я, Михайло Хренницкий, и хтожъ колвекъ с кривных и повинныхъ моих тот тестаментъ малжонки пана Угриновского бурити и против него што мовити, або о тую суму осмь сот копъ грошей, пану Угриновскому от малжонки его отписаную, з нимъ правоватися а тымъ трудност пану Угриновскому задавати хотел, тогды я сам и кождый, хто бы то чинити важился, будет повиненъ королю его милости пану нашому, который бы обранъ былъ, заруки тисечу копъ грошей, а пану Угриновскому также тисечу коп грошей заплатити, а заплативши заруки, предя то все, яко тут по-

менило, вѣчьпе зостати и держано быги мает; якож и тот лист веновный, которым вено дочде моеи панъ Угриновъскій записал был, к тому выписы земские и особливе лист тот, которым был панъ Угриновскій вси речи и маетность свою рухомую дочде моеи по животе своемъ описал, и што одно листов ку тое справе належа-чихъ было, тые всѣ есми пану Угриновскому до рукъ отдать, не зоставуючи собе на то жадного права. А иж тые листы, на вено дочки моее зошлое належащие, в книги земские судовые есть упи-саны, чога с книгъ выймовати вже нѣлзя, тогда, варуючи пану Угриновскому, абы хто з стороны так сынов, яко и приятел моих, трудности не задавал, симъ листомъ описом моим тое все право вышей помененое касую и в нивеч его оборочаю, а пана Угринов-ского волным зо всего чиню, и хотя бы ся ктожъ колвек с тым правом у суду належачого, або гдеж колвек показати и о то с паном Угриновъскимъ або потомки его мовити хочет, тогда тако-вые записы, яко скасованные, у каждого суду везде за правные и слушные приймованы быти не мают. И на то есми пану Янушу Угриновскому дал сес мой вызнанный лист, под печатю моею и с подписом руки сына моего пана Ивана Хренницкого; а при том были и того добре сведоми их млость панове а приятели мои: пан Василей Гулевичъ, войскій Володимерскій, панъ Гаврило Бокий, судя земъскій Луцкій, князь Дмитръ Козѣка, пан Миколай Дубровский а пан Иван Борзобогатый, мостовничий Луцкій, кото-рые за устною прозбою моею печати свои к сему моему листу приложити рачили. Писан у Луцку, лета Божого нароженя тисеча пятсот семдесят трѣтего, месеца фѣвраля двадцат осмого дня.

Книга градск. Луцкая 1573 г., № 2047, л. 11.

LXXVI.

Въновный листъ землянина Олехна Гуляльницкаго, выданный имъ женѣ своей Феодорѣ въ обезпеченіе ея приданаго. Обязательства мужа по отношенію къ дѣтямъ жены отъ перваго брака. 1573 года, марта 10.

Року тисеча пят сот семьдесят третего, месяца марта третегонадцат дня.

Передо мною Петром Хомикомъ, подстаростимъ Луцкимъ от его милости князя Богуша Корецкаго, воеводы земъли Волынской, старосты Луцкаго, Браславскаго и Вѣницкаго, землянинъ земли Волынской повету Луцкаго Олехно Михайлович Гуляльницкій добровольне до книгъ кгородских Луцких вызнал водле листу своего веновного, от него жонѣ его Федоре Останковича Игнатовне Ярмогеновича Гуляльницкаго, подъ печатю своею и теж под печатми людей добрых даного, и тот лист свой передо мною на врьде положивъши, просилъ, абы былъ вычитанъ и въ книги кгородские Луцкие слово от слова вписан; которого я огледавши, перед собою читати казал, и так ся въ себе мает: „Я Олехно Михайловичъ Гуляльницкій чиню явно и сознаваю самъ на себе симъ моимъ листомъ, кому будет потреба того ведати албо чтучи его слыпати, нинешнимъ и напотомъ завжды будучимъ, ижъ з ласки Бога сотворителя нашего, не з жадного примушенъя, по доброй воли умысливши, взял есми себе у малженъство панюю Федору Ивановую Останковича Игнатовну Ярмогеновича Гуляльницкаго, по которой жоне своей взял есми речей и маетьностей по ней, то есть съ тою маетьностью, с которою она вышла з дому мужа своего небожчика пана Ивана Михайловича Останка Гуляльницкаго, то есть з воли и с коровами, и с пашнею на поли засѣваю, и з готовою пашнею, што я ничего не падаючи, одно хотячи ее за малжонку мети и у милости себе способити и симъ записомъ моимъ упевнити, не будучи ни од кого принуожоный, ани намовленный, едно

сам, по своей доброй воле, двадцат копей грошей литовскихъ симъ листомъ моимъ жене своей Федоре Игнатовне записую напротивку уношения маестности ее у домъ мой на части имения моего, от брата моего на мене прислухающую, такъ влостной части моеи третью част записую во всеи кгрунте, якъ у дворе, такъ и у полях и сеножатах, селищохъ, чертежах, дубровах и во всеи, яко сята часть имения моего сама в себе мает; а вховай Боже часу смертельного на мене, потомства бых из жоною моею не мел, тогда жона моя пани Федора на части имения от мене записаного до живота своего спокойно мешкати и той части имения моего вживати маеть, а брата моя рождоная, такъ теж близкие, повиноватые мои ни в чомъ ей переказы чинити не маюут; а еслиж бы замужъ пойти хотела, тогда брата моя або близкие, кривные, повиноватые мои маюутъ заплатити жене моеи двадцат копей грошей, а жона моя, взявши гроши, тую част имения моего брата моего або близким в держане до рукъ поступити и подати маеть. Такъ теж, если бы Богъ час смертельный на жону мою допустить рачил, а не мела бы потомства зо мною малъжонкомъ своимъ, тогда я самъ маю и буду мочи тому двадцат копей грошей тую отдати, кому жона моя, детемъ або близкимъ своимъ поручитъ. А што ся дотычет о дети тые, девки две, которые жона моя мела из небожичкомъ паномъ Иваномъ Останковичомъ, которых у моц взял есми изъ жоною моею Федорою, маткою их, при которых девках тых двоихъ готовых грошей двадцат копей грошей взял есми, маю ихъ в дому своемъ ведлуг обычаю ховати до летъ их, а доросши лет, если бы они замужъ пойти хотели, тогда я маю, водлуг обычаю и водле можности своее, замужъ их выдати и при выдаванью якъ панне Татьяне десет копей грошей маю дати, такъ теж и панне Оксимби также при выдаванью другую десет копей грошей дати маю. А до лет их маю я их у моцы и в поцтливости и в обороне своее мети, такъ тежъ и тые гроши при моцы мети восположь из малъжонкою своею. А еслижъ быхъ я, розшафовавши тые гроши, на тот часъ имъ готовых грошии не дал, тогда на части имения

моего записую тым обонимъ девкамъ по десяти копъ грошей. А при томъ были их милости: пан Иван Яцкович а пан Игнат Юшкович Гуляльницкие, а пан Андрей Тарповский, которые за прозбою моею и печати свои приложили к сему моему листу записному. И на то-м дал жоне моей панен Федоре Игнатовне Гуляльницкого сес мой лист, под печатью моею властною и под печатми ихъ милости пановъ вышей в семь листе описаных. Писан у Гуляльничохъ, року Божьего нароженя тисеча пят сот семьдесят третего, месеца марта десятого дня.“—А такъ я тое очевистое а добровольное сознание и лист венонный Олехна Михайловича Гуляльничого, от него жонѣ его даный, слово в слово до книгъ городскихъ Луцкихъ записати казаль.

Кч. городская Луцкая 1573 года, № 2047, л. 30.

LXXVII.

Жалоба землянина Василия Холоневскаго на свою тещу Целагею Матисовну и на мужа ея Кременецкаго подкоморія Ивана Патрикия-Курозвонскаго о томъ, что они содѣйствовали побѣгу жены жалобщика и, не смотря на его требованія, отказываются прислать ее обратно, настаивая, чтобы онъ далъ ей разводъ. 1573 года, сентября 8.

Року тисеча пѣтсот семдесят третего, месеца сентебра осмого дня.

Будучи его милости князю Богушу Корецкому, воеводе земли Волынской, старосге Луцкому, Браславскому и Веницкому, па вриде его милости в замку Луцкомъ, пришедчи перед его милость, земенин повету Луцкого панъ Василей Андреевичъ Холоневский жаловал и оповедал велико обтежливе па папа Ивана Патрикия Ку-

розвонского, подкоморого Кремянецкого, и малжонку его милости панюю Полагю Матясовну: иж яко дей есми взялъ за себе в малжонство дочку небожчика пана Романа Гулевича Хведору з дому пана Ивана Патрикия, з Борицовки, тогды-мъ дей по неи ку себе жадного доброго, зычливого малжонского заховани не узнал, одно такъ, яко з однимъ неприятелемъ, она зо мною мешкала. Я-мъ дей не однокрот черезъ приятелей своихъ, нанов зацныхъ, упомпаль, абы она лепшою, зычливою и захованемъ до мене яко жона была; она о то ничого не дбаючи, предъся своего умыслу уживала, и еще matka ее пани Патрикиевая ей потуху в том чинила, не гамуючи ее от того, а она ся горшъ ку мъне оказовала. А потомъ дей року прошлого семдесят второго, месеца июля десятого дня, въ четвергъ, пани Патрикиевая, теща моя, прислала до жоны моее жопку свою служебную на имя Песчинскую, поведаячи, яко бы мела быти велми хора и за тымъ дей до вас листа не написала, же барзо хора, и мовечи, абы до нее ехала. Она дей у мене ку матце просилася; ямъ ее на малый часъ в субботу, июля второнадцать дня, пустилъ и не досмотрил того, якимъ обычаемъ выбиралася, бо-мъ ся того по неи не сподивал, жебы тое надо мбною учинити смла, а еще-мъ на тот часъ был хор и заснул, а она тот час поехала до матки. А за тымъ мало не в тыжден слугъ моих, которые з нею тамъ на имя Петр а Мартин возничка ездил, пѣших пани Патрикиевая до мене з Радошина послала и с посеванемъ отправила; слуги мои пеши пришли и то мне поведали, ижъ пани Патрикиевая не хорала, але на всемъ здорова была. Я до скрын пойду, коваля призвавши, бо ключи она з собою взяла, и посмотрю у скрынях, аж она мало не всю маетност мою без волп и ведомости моее, то ест золото, серебро, перла, шаты, ложки и ковпъ среблений и иншие речи невесты першон жоны моее небожницы, яко полотна, рантухи, кошулки и иншие речи. выбрала и до матки своее отвезла; которые вси речи, што она з собою побрала, на реистре меновите пописаные в себе маю; и ач быхъ дей зараз то вряду оповедал, нижли-мъ их такъ борзо славити и

в книги уписовати не хотел, але-мъ ожидалъ, ач дей ко мѣне ее приплѣють. И посылалъ дей есми до пана Патрикия и до пансе малжонки его милости, уприсивши людей добрых, то естъ его милость князя Остафья Соколского, подъсудка земского Луцкого, пана Андрея Киверецкого, пана Богдана Смыковского. жебы ко мпе жону мою зо всимъ, с чимъ от мене выбрала ся, послали; на што отказала до мене пани Патрикиевая: „я дей к нему жоны его не поплю, але ему ражу, иж бы ей дал покой а ее вызволил з малженъства, а она его, бо возьметъ себе не жону. одно неприятеля.“ А потомъ дей пан Патрикий и пани малжонка его милости писали до мене лист свой через посланца своего, иж бых я, зъехавшия з ними до которого приятеля, а з жоною ся по доброй воли распустилъ. Я, до жадного распусту мысли и воли не маючи, послал есми до нихъ слугъ своих и описалъ до них, иж з жоною своею венчанною без потребы распускати ся не мыплю, але прошу, абы ми ее прислали; а до нее другой листъ послалъ. абы ко мѣне, мужу своему, ехала. Их милость тое жъ до мене отписали, абых ся распустилъ, а жоны ко мѣне не прислали; а иж ми и до сихъ часов жоны их милость не прислали и в дому своемъ дѣржат, а мне частокрот роки и посажене приятельское в речи тое складаючи, тымъ мене зводят, яко и теперъ у Луцку зо мною приятелей были высадили не мало, и ничего не скончивши, проч ся розъехали. а мене тымъ через увесь час о шкоду приправили болшъ нежли о сто копъ грошей литовскихъ.—И просилъ пан Василей Холоневскій, абы то было записано. А такъ князь его милость тую жалобу и оповедане его до книгъ городскихъ луцкихъ записати розказалъ.

Книга городск. Луцкая 1573 г. № 2047, л. 363.

Примѣч. Курозвонскіе добились такъ того, что Холоневскій развелся съ женою. Такъ можно утверждать на основаніи слѣдующаго отрывка изъ его жалобы, внесенной въ Луцк. гр. книгу отъ 21 января 1574 г. (№ 2048, л 1 обор): посылалъ де онъ, „ведле постановеня приятельского, остаточные двѣ коровы и девчину жоны моее бывшое Федоры Романовны Гулевича до двора пана Патрикия...“ Къ сожалѣнію, въ книгѣ не достаегъ листа, и жалоба на этихъ словахъ обрывается.

LXXVIII.

Княжна Мариша Дмитріевна Буремская, находясь въ состояніи беременности и потому опасаясь за свою жизнь, записываетъ въ даръ мужу своему, землянину Григорію Колмовскому, свое приданое, желая тѣмъ отблагодарить за его любовь и попеченіе. 1574 года, февраля 12.

Року тисеча пятсот семдесят четвертого, месеца фсврала дванадцатого дня.

Приподчи и постановивниися очевисто в замьку господарскомъ .Луцкомъ, передо мною Михайломъ Вельгорскимъ, подстаростимъ .Луцкимъ, от его милости князя Богуша Корецького, воеводы земли Волинское, старосты .Луцкого, Браславского и Веницкого, землянка господарская повету .Луцкого пани Григоревая Кольмовская кнежна Марина Дмитровна Буремьского доброволне до книгъ кгородскихъ .Луцкихъ вызнала водле листу своего, который от себе дала малжонку своему пану Григорію Кольмовскому, под печатю и съ подписомъ руки своее и тежъ под печатми людей задныхъ, и тот лист свой передо мною, подстаростимъ, на врьде положивши, просила се милост пани Кольмовская, абы былъ вычитан и в книги кгородские .Луцкие уписан; которого я листу огледавши, перед собою читати казал, и так се в себе маеть: „Я Марина Дмитровна Буремского Григоревая Енькевича Кольмовская чиню явно и визнаваю симъ моимъ листомъ кожъдому, кому того потреба будетъ ведати, або чтути его слышати, нинешънимъ и на потомъ будущимъ завъжды, ижъ я, будучи через увесь тот часъ в малженстве за его милостью паномъ Григоремъ Кольмовскимъ, дознаваючи ласки а впреймей милости и всякихъ добродействъ по его млости пану Григорію Кольмовскомъ, малжоньку своемъ, которые его милость противку мене, яко верный цнотливый малжонокъ, показуетъ, а ижъ в томъ часе Бог милосердъный з доброты своее обдаровати мене рачил, ижемъ от его милости обременела, слышачи то от людей и всдаючи о томъ певъне, яко то есть реч не безпечная, и

кождый человекъ, хоть же будучи и здоровый, години смерти есть небезпечный; къ тому тежъ не помалу я то бачечи, же его милость. пан Григорей Кольмовский, пан а малъжонокъ мой милый, взявши мене от ея милости кнегини матки моее в тот стан светый малженский, вытегаючи того вѣна моего от пана Ивана Хренницкого, который понял за себе в малъжонство жону брата моего рожоного князя Алексѣсандра Буремьского Марю Соколинского, с которою побрал в моцъ свою дети князя Александровы, того небожчика брата моего, на йми князя Федора и князя Анѣдрея, с которыми и всю маетност брата моего забрал; то пакъ его милость панъ Григорей Кольмовский, панъ а малъжонокъ мой милый, черезъ час немалый правуючися с паномъ Иваномъ Хреньницкимъ и малжонькою его, такъ тежъ и опекунами братаничовъ моих, которыхъ князь Алексѣсандро, брат мой, дѣтемъ своимъ оставил, доходечи вѣна посагу моего, немалый наклад з утратою маетности своее учинилъ, великое трудности ужилъ з небезпеченствомъ здоровья своего,—с тыхъ всихъ причинъ варуючи я, абы его милость пан Григорей Кольмовский, пан и малъжонокъ мой милый, по животи моемъ якои трудности зась зновъ повѣторе от ея милости кнегини матки моеи, або от братаничовъ моихъ, такъ тежъ близких, кривных и повиноватых моих, або и от потомства нашого, если бы намъ его Богъ далъ, и отъ когожъ кождекъ съ стороны о тот посагъ мой и внесенѣе мое в домъ его милости не ужилъ подле листу его милости записаного, которымъ его милость пан Григорей Кольмовский, пан и малъжонокъ мой милый, поимуючи мене за себе в малъжонство, вѣно мне записалъ, который я дала въ схованѣе до рукъ ея милости кнегини матки моее,—бо мя тежъ и слово Божие того научило, ижемъ не есть никому повиннейшая, только малжонку своему милому,—с тыхъ всихъ причинъ даю, дарую и тымъ листомъ моимъ вечѣне записую вѣсе зуполна внесенѣе мое по животи моемъ, то есть: напервей тисечу копъ грошей литовское личбы, которую маю на половицы замку Буремедкого и вѣсего места Буремѣля, и ключъ сорокъ от ея милости кнегини

Дмитровое Буремьское, матки моее, через опекунов в достаменте отца моего описаных, так тежъ и вси иные речи рухомые, которые одно еси мела з ласки ее милости кнегини матки своее, яко золото, серебро, перла, клейноты, шаты, то есть вси вѣры свои, его милости пану Григорию Кольмовскому, малжонку своему милому, на вѣчные часы. Маеть его милость пан Григорей Кольмовский, панъ и малжонок мой милый, тое усе внесенье мое в домъ его милости, тисечу копь грошей литовское личбы на пользамъку Буремьского и на всемъ месте Буремскомъ, подле поровнянана с паномъ Хренъницкимъ и малжонкою его, якожь и листъ его милость пан Григорей, малжонок мой, на то маеть, такъ тежъ клячи и вѣси иные речи рухомые, што кольвекъ одно еси мела и маю, по животи моемъ держати и вѣживати и ку своему лепшому а пожиточнейшому то оборочати, яко самъ похочет. А того всего дару моего ниhto з детей моих, если ми ихъ Богъ дасть, близкихъ, кривных и повиноватых моихъ на его милости пану малжонку моемъ, детех и потомъкохъ его милости, поискивати не мают на вечные часы, и половицы замъку Буремского и всего места Буремля, не отдавши тое вышей помененое тисащи копь грошей, з рукъ и держанья его милости отнимати, шкоды и переказы и затрудненья никому, хто бы за тымъ записомъ моимъ тую половину замъку Буремьского и вѣсе мѣсто Буремле держаль и вживаль, чинити и задавати не маеть. И на то еси тому малжонку моему милому, его милости пану Григорию Кольмовскому, дала сесь мой лист, под моею печатю и с подписом властное руки моее. А при томъ были и того добре сведоми их милость панове, то есть: его милость вельможный пан Михайло Мышка Варковский, кашталян земли Волынское, староста Овруцкий, а пан Григорей Гулевичъ, хоружий земли Волынское, пан Василей Гулевичъ, войский Володимерский, пан Миколай Харлинский, пан Янущъ Угриновъский; которые их милости за прозбою моею печати свои приложити рачили. Писанъ въ Луцку, лета Божого нароженья тисаща пят сот семдесят четвертого, месяца февраля второгонад-

цать дня. Марина Дмитровна Буремъская Григоревая Янковичова влостною рукою“.—А такъ я тое очевистое а добровольное сознанье и лист ее милости панее Григоревое Кольмовское, кнежны Марины Дмитровны Буремъское, слово от слова, с початку ажъ до конца до книгъ кгородскихъ Луцкихъ записати казаль.

Книга городская Луцкая 1574 г., № 2048, л. 27.

LXXIX.

Жалоба землянки Ѳедоры Загоровской на сына своего Михайла Загоровскаго о присвоеніи двора въ с. Загоровѣ, уступленнаго ему жалобщицею лишь на короткое время, „для отиравленья преносинъ“—обычая, совершаемаго во время свадьбы. 1574 года, іюля 22.

Лѣта по нароженю Исуса Христа Сына Божого тисеча пятсот семдесят четвертого, месяца іюля двадцат второго дня.

Присылала до мене Михайла Привередовскаго, подстаростего Володимерскаго, пани Яновая Загоровская пани Федора Боговитиновна служебника своего Федора Шемета, оповедаючи и жалуючи на сына своего пана Михайла Яновича Загоровскаго: што дей кгда се он оженил, теды уживал мене прозбами своими через пана Федора Петровича Загоровскаго, абых я смудя приеханя з жоною его на преносины, до себе, до двора своего в Загорове, на час малый приехат дозволила; я дей то на прозбу его, яко сына своего, вчинила а до двора своего для отиравенья тых преносин ему на час малый приехат дозволила; в которомъ дей он дворе моем аж и до сего часу мешкает, и мешкаючи в немъ, на мене безпрестани словы неуцтивыми а сромот-

ными торгает, кривды и втиски великие, не даючи мне ни в чом воли, чинит; якож дей року тепер идучого тысяча пятсот семдесят четвертого, месеца теперешнего июля сегонадцат дня, в субботу, мене с того двора моего Загоровского квалтовне выбивать почал, в комор замки мои, которыми была позамыкала, поотбивал и слугу моего Федора Шемета збил, и над то дей еще подданных моих Загоровских в мене квалтовне отнял и мене з них, з спокойного держаня выбил и себе им послушным быти велел, а мене ни в чом послушным быти не казал.—И просила мене пани Яновая Загоровская пани Федора Боговитиновна через служебника своего звышпомененого, абых я тое оповедане и жалобу ее в книги кгородские записати казал; я тое оповедане и жалобу ее в книги кгородские записати велелъ.

Книга кродск. Владим. 1574 г., № 938, л. 164 об., актъ 159.

Примъч. О томъ же обычаѣ—„*приносинахъ*“ мы нашли упоминаніе въ слѣдующихъ двухъ документахъ: а) въ 1566 г. землянинъ Владимірскаго повѣта Ив Калусовскій жаловался: „што дей дни вчорашнего, в *неделю*, будучи мнѣ, за прозбою пана Семена Ораньского, в дому его, в Лазкове, на *приносинахъ* дочки пана Черчицкого за сына его, то накъ дей“ земляне Лазаръ Ивановичій и Мих. Секунскій затѣяли съ жалобщикомъ ссору и нанесли ему побой: п б) присутствовавшій на тѣхъ же „*приносинахъ*“, по приглашенію отца невѣсты п. Семена Черничцаго, зем. Степанъ Гоголевскій жаловался, что поздно, ночью, когда онъ легъ уже спать, а его жена „зъ нижими паніями и паннами крутофиля себе вживали“ (т. е. развлекались), „яко белые головы“,—съ нимъ затѣялъ ссору п. Калусовскій. (Кн. № 923, л. 101 об. и 102.

LXXX.

Постановленіе гродскаго Владимірскаго уряда о дозволеніи дѣвиць-земянкѣ Ганнѣ Осекровской выйти замужъ за земянина Федора Шишку, согласно ея личному желанію, формально предъ урядомъ заявленному, и согласію на этотъ бракъ со стороны ея матери и дядей-опекуновъ. Изъ документа видно, что невѣста въ то время была уже обвѣнчана съ п. Шишкою, самая же свадьба должна была совершиться лишь черезъ восемь съ половиною мѣсяцевъ. 1575 года, февраля 19.

Лѣта по нароженію Иуса Христа Сына Божого тисеча пятсот семдесят пятого, месеца феврала девятигонадцать дня.

Постановившися обличне на вряде, передо мною Якимом Василевичом Стривязским, писаром кгородским Володимерским, будучи мне на тот час на местцу его милости пана Станислава Буграевского, подстаростего Володимерского, пан Семен Ласкович Черничцкий а пан Иван Берестский, весполек з сестрою своею панею Каспоровою Цетковскою панею Александрою Михайловною Берестскою, сами доброволне а устне то оповедали и до книг кгородских вызнали: иж што дей будучи той сестре нашой панен Александре в малженстве за першим мужемъ паном Иваном Болобаном Осекровскимъ, сплodiла з ним двое детей, то ест две девце Овдотю а Ганну; ино одна, старшая Овдотя, з сего света зышла, вмерла, а молодшая Ганна при матце своей а сестре нашой, то ест при мне Цетковской Александре, яко при матце зостала; которую дей мы девку, сестричну свою, будучи приятelmi ее, в крве повинными, одностайне а згодне, зволившиися з сестрою нашою а маткою ее панею Цетковскаго Александрою, з воли и презрениа Божого, за доброволным позволенем самое девки, за пана Федора Ивановича Шишку в малженство светое дати змовили и пошлюбили и ведле обычаю закону нашего хрестянского звенчати дали. Як же и пани Цетковская Александра таковыи з слови

яко пан Черничцкий и пан Берестский оповедали и вызнали, властными усты своими то вызнала, иж так ест, а не иначе. Где ж и тую девку панну Ганну передо мною на вряде ставили, которая очевисте а устне сама доброволне сознала, иж не сама своволне а ни теж поневолне, одно по доброй воли своеи, за позволенем панен матки своеи а за позволенемъ а волею и ведомостю приятелей своих звыш помененых и змовенемъ ихъ самых, за пана Федора Ивановича Шишку в малженство пойти зволила и пошлюбила. А иж на тую девку част имения, половина всего Осекрова зо всѣм, яко си в себе мает, правом приржоным отчизным приходит, которая дей половина того имени Осекрова, на нее приходичая, на тот час ест в заставе в пана Миколая Дубровского, иж небожчик пан Василей Болобан, стрый тое девки, будучи опекуном, пану Дубровскому в суме пенезей заставил,—просили мене яко пан Семен Ласко Черничцкий, так и пан Иванъ Берестский и пани Каспорова Цетковская Александра Михайловна Берестского, абых я з уряду кгородского им ведле змовы их тую девку панну Ганну Ивановну Болобановну за пана Федора Ивановича Шишку в малженство светое дати позволил и на всякие потребности на часы пришылы в книги кгородские то записал. Кгдыж оная девка панна Ганна з волею и ведомостю матки своеи и их, кривных своих, пана Семсна Ласка Черничцкого а пана Ивана Берестского, через их самых за пана Федора Ивановича Шишку змовлена, а ее теж самое на то воля ест, я з уряду кгородского Володимерского онуи дѣвце панне Ганне в малженство светое за пана Федора Шишку звышпомененого пойти позволил и рок веселю, ведле зволени их самых, о светом Михайле, свята нашего хрестянского руского прийдучого, которое мает быти въ року теперешнемъ тысячном петсотном семдесят пятюм, зложитъ, и то для памяти в книги кгородские записалъ.

Книга кродская Владимірская 1575 г., № 920, л. 31 об., актъ 33.

LXXXI.

Условіе, заключенное Волынскимъ воеводою княземъ Богушемъ Федоровичемъ Корецкимъ относительно женитьбы сына его князя Яхима на дочери каштеляна Виленскаго Яна Геронимовича Ходкевича. По причинѣ несовершеннолѣтія жениха и невѣсты, свадьба назначается черезъ шесть лѣтъ послѣ сговора. 1576 года, іюня 16.

Року 1576, месеца іюля 14 дни.

Перед нами Михайломъ Вильгорскимъ, подстаростим, а Григоремъ Данилевичом, судею, врядниками судовыми кгородскими Луцкими, его милость ясневелеможный князь Богуш Корецкий, воевода землѣ Волынское, староста Луцкий, Браславский и Веницкий, очевидно и доброволне в замку Луцкомъ вызнал водле листу запису своего, который от себе под печатю и с подписомъ руки своее и теж под печатями людей зацных его милости ясневельможному пану пану Яну Ходкевичу, кграбе на Шклове и Мыши, пану Виленскому, старосте Жомойтскому, маршалку навылпшому Великого Князьства Литовского, админестратору и гетману землѣ Лифлянтское, старосте Ковенскому, державцы Телшовскому, дат рачил, и тот лист запись свой его милость князь воевода Волыньский перед нами указавши и до рук наших давши, жедат его милость нас рачил, иж быхмо его с початку аж до конца до книг кгородскихъ Луцкихъ уписати казали. Которого-ж то мы листу огледавши, поред собою читати велели, и такъ ся в себе маеть: „Богуш Корецкий, воевода Волыньский, староста Луцкий, Браславъский, Веницкий, чиню явно и ознаймую сим моимъ листомъ, иж з воли а зражения Бога сотворителя нашего змовиль и поплюбил есми взяти у закон светый малъженский за сына моего князя Яхима дочку его милости ясневелеможного папа, пана Виленского, старосты Жомойтского, маршалка земского Великого Князьства Литовского, администратора и гетмана землѣ Лифлянтское, старосты Ковен-

ского, державцы Тельшовского, пана Яна Еронимовича Ходкевича ее милость панну Ганну и рокъ весело певный а неомылный на скучечное взяте ее в малженство за сына моего князя Яхима менованное дочки его милости пана Виленского панны Ганны, кдгы зуполных лѣтъ обѣдѣ парсуны еще не мают, от свята теперешнего, близко прийдучого, дня светыхъ верховныхъ Апостоловъ Петра и Павла в року теперешнемъ тысяча пятсот семдесят шостом за шест лѣтъ зложил и принял еси ажъ до такового-ж свята и дня светыхъ Апостолъ Петра и Павла, которое быти и припасти маеть в року тысяча пятсот осмѣдсят втором, на который часъ, кдгы сын мой князь Яхим ку скутку взятя в стан малжонский дочки его милости пана Виленского панны Ганны на веселе в дом его милости пана Виленского до двора его милости Гнезное, даст Бог, приедеть и дочку его милости ее милость панну Ганну обычаемъ закону хрестянского в стан светый малженский первѣй нижи за себе озмет, там на он часъ, кдгы сыну моему князю Яхиму его милость пан Виленский, ведлугъ обѣтницы и запису своего, посагу обещаного чтыри тысячи коп грошей литовскихъ готовыхъ, а в выправе, то ест в золоте, в серебре, клейнотах, перлахъ двѣ тысячи коп грошей даст, тогды маю я, або сын мой, за тое внесенье ее милости при моем и по моемъ животе, водлугъ права посполитого и статуту, дочке его милости ее милости панне Ганне на третей части всѣхъ именованыхъ моихъ отчизныхъ, купленыхъ, выслужонныхъ и якимъ колвекъ обычаемъ набытыхъ оправу учинит и записами слушными водлугъ права утвердить, не збраняючися жадными причинами; а естли-же быхъ я або сын мой князь Яхим на оный вышей помсненый рокъ, найдуючи вымову якими-ж колвекъ причинами, службою господарьскою, або затрудненемъ якимъ-же колвекъ домовымъ, хотели ся с того зрывать, а того сына моего князя Яхима на оный в семъ описе моемъ укрѣпленный рокъ для скучечного взятя в стан малжонский дочки его милости пана Виленского ее милости панны Ганны в дом его милости до Гнезное не послалъ, або он сам по животе моемъ в дом его милости не приехалъ и дочки его

милости взяти и тому запису моему досыт чинити не хотел, тогда обовезуеюсе, вскладаючи то сам на себе добровольне и на сына моего князя Яхима, также обовязокъ вкладаю заруки на господари короли его милость петнадцат тысячей коп грошей литовскихъ, а сторонѣ противной ображоной, его милости пану Виленскому, другую петнадцат тысячей копъ грошей литовскихъ заплатити масм а будем повинны и вси шкоды и наклады, кром всякого доводу и присяги телесное, одно на речене слова его милости оправити также будемо повинни. Якож, чога Боже сховаи, абых се з сыном моим въ томъ его милости пану Виленскому подле сего запису моего зыстити не мел, тогда даю моц и сим листомъ описомъ моим утвержаю, иж в тых заруках, на особу его милости стороны ображоной приналежащих, мает се его милость пан Виленский, або по смерти его милости ее милость пани малжонка его милости, або панове опекунове тое панны Ганны, дочки его милости, кром всякого права и позываия, заховавши толко одно, вземши возного з уряду которого кольвекъ, въехати в бйменье мое, замок и место Межиреч и во всю волост, села, приселки и в фолварки, къ Межиречу належачие, и так замок и мѣсто Межиречь. яко и всю волость, села, приселки, фолварки, в палинѣ замковые и в фолварковые, засѣяные и незасѣяные. в боире и в подѣдапые и во всѣ приналежаыне и яким-же колвекъ назвалые пожитки, здавна до того замку моего Межирецкого прислухающе, который замок и все именье мое Межирецкое до тыхъ часов мает его милость пани малжонка и опекунове держати и уживати, покуд я его милости, або сын мой князь Яхимъ, оную заруку петнадцат тысячей коп грошей отдать и вси шкоды и наклады на речене слова его милости заплатити маем. А што ся дотычет заруки господари короли его милости, которая за оповеданьемъ стороны ображоной другая петнадцат тысячей копъ грошей на мпе-ж, або на сыне моем князю Яхиме прийти и влитисе мусит, тогда, кром того замку моего Межиреча, волю будетъ королю его милости где индей, што бы за тую заруку стояло, у имение мое увезати се и то под

такowym-же обычаем и варункомъ до слушнос от мене або от сына моего заплаты держати и вживати, чому я и сын мой всему противен, за сим обовязком и утвержоным описом моим, жадными причинами противни быти не маем. А гдебых я преречоный Богуш Корецкий, або сын мой князь Яхим, пропомневши того запису моего, у тое имене мое звыш помененое Межирецкое увязаня его милости самому пану Виленскому, пани малжонце, або опекуном по смерти его милости не поступили и в чом се колвекъ спротивили я або сын мой, тогда волно будет его милости пану Виленскому, пани малжонце его милости, по смерти его милости опекуном позвати мене, або сына моего, на суд его королевское милости властный до двору его королевское милости, буд теж до которого колвекъ вряду суду земского, або кгородского, в короне Польской, або у Великомъ князьстве Литовском, а я и сын мой князь Яхим, не вымовляючи ся жадными причинами правыми и не збиваючи позволю и не вымовляючися хоробою и службою господарьскою, там на оный рокъ постановившиесе, яко на року завитом, отказати и во всем усправедливитися их милости, на сторону врядового суду не откладаючи и до апелаций жадных не отзываютисе, будем повижны; а если-бых я або сын мой перед таковым вышей помененым судомъ стати и отказовати их милости не хотели, тогда волно будет таковому суду сказане всякое и оправу ведля сего обовязку моего на мѣ и на сыне моем Яхиме учинити. а я и сын мой тому сказаню под тыми-ж вышей поменеными заруками ни в чом спротивлятися не маем и не будем мочи. А чого, Пана Боже, рач уховат, на мене часу смертельного, тогда княгиня малжонка моя и сын мой князь Яхимъ и опекунове, которые в воли моее остаточное до всякого постановени моего обраны будут, не отступуючи ни в чом сего опису моего и skutечного постановени и обовязку моего, заховати и зыститися во всем том против его милости пана Виленского мают и будут повинны; который описъ, естли-бы се так через мене самого, княгиню малжонку мою и сына моего князя Яхима, або приятелей и опекунов

моихъ нарушити мѣлъ, тогда, по заплаченю зарукъ вышей помененыхъ и оправеню шкод, предсе во всем при зуполной моцы зоставен быти мает. Ведже в которой бы се речи з стороны его милости пана Виленского тому описови, мнѣ от его милости даного, досыт не стало, тогда от всѣхъ обовязков, в сем листе описаных, и сам и по смерти моей сын мой князь Яхимъ на вси пришлые часы волни быти маем. А при том были и того добре сведоми их милость панове приятелѣ мои: князь Михайло Александрович Чорторыскій, староста Житомирскій, князь Иван Иванович Чорторыскій, а пан Иван Сенюта. И на то есми его милости пану Виленскому даль сесь мой лист з моею печатю и с подписом руки властное, такъ же сына моего Яхима, писмом руским; а на твердост того и тые вышей помененые панове приятелѣ мои за прозбою моею печати свои приложити рачили к сему моему листу. Писан у Луцку, лѣта Божого нароженъя тысяча пятсот семдесят шостого, месеца июня шостогонадцат дня. Богуш Корецкій; Яхим Корецкій“.—А так мы, врядники судовые кгородские Луцкие, припустивши ку ведомости своей врядовой тое очевистое а добровольное сознане и лист запис его милости князя воеводы Волинского, с початку ажъ до конца до книг кгородских Луцких записати казали.

Книга кродская Луцкая 1576 года, № 2050, л. 259.

LXXXII.

Иванъ Гулевичъ, подсудокъ земскій Владимірскій, записываетъ „привѣнокъ“ женѣ своей Маринѣ Бѣлостоцкой; вѣно ей записаль онъ раньше. 1576 года, іюля 1.

„Я Иван Михайлович Гулевич, подсудокъ земскій Володимерскій, ознаймую и вобец каждому, кому бы то належало ведати, явно чиню сим моимъ листом нинешнимъ и напотом будучим, пи:

што з воли Божое а презрениа Его светого беручи мнѣ за себе в стапъ светого малженства дочку у ее милости панее Ивановое Белостоцкое панее Олены Новоселецкого панну Марину, по которой есми взял до рук своих посагу грошми готовыми сто коп грошей личбы литовское, а в выправе, тоест в серебре, в золоте, в перлахъ, шатахъ, клейнотахъ и в иншихъ рухомах речех двесте коп грошей, того всего з готовыми грошми триста коп грошей, которую суму пенезей вышней описаную триста коп грошей записал есми малжонце своей паней Марине Ивановне Белостоцкого особливим листом моимъ позычным обычаем на третей части именей моих властныхъ отчизных у Смолѣгове и у Качинѣ. А ижемъ в том листе моемъ напротивко тых ста коп грошей готовых, у посагу от ее милости панее Ивановое Белостоцкое через мене взятыхъ, привенку не учинил и на имену мосм не описал а ни поменил, тогда я, заховываючися водле обычаю права посполитого и статуту земьского. напротивко тых ста коп грошей привенку другую сто коп грошей личбы и монеты литовское описую той малжонце моей паней Мари на третей части тых же обудву именей моих отчизных Смолегова и Качина; и гдебы, мешкаючи мнѣ з малжонкою моею теперешнею в малжонъстве светом панею Марею Ивановою, а потом естлибы первой Пан Бог з воли своее на мене час смертный допустит рачил, тогда по животе моем малжонка моя пани Маря Белостоцкого в той суме пенезей у сту копах грошей, яко у привенку, маеть третью част именей моих вышше помененыхъ на себе держати и всяких пожитков, ку той третей части належачих, доброволне до живота своего уживати, а дети мои, с першою малжонкою моею в малженстве набитые, такъ и тые, которые, даст Бог, с теперешнею малжонкою моею з воли Божос мети буду, так тежъ ниhto з брати, близких, кривных и повиноватых моих, не отдавши ей тых пенезей. в то ничим ся вступовати не мают. И на то дал малжонце моей папей Марине сесь мой лист, под печатю, з влостною подписью руки мосе. А при том были их милость пан Гаврило Гулевич. пан Остафей

Ковпытовский, пан Стефан Нешковский, староста Торчинский, пан Василей Семенович Воютинский. Яко-ж для лѣпшого сведомья и певности, утвержаючи сесь мой лист, просилом их милости о приложене печати; которые за очевистою прозбою моею то учинили, печати свои приложити рачили. Писан у Бѣломъ Стоку, року по нароженю Иусу Хрыстовом тысяча пятсот семдесят шостого, месеца июля первого дня. Иван Гулевичъ рука власнал“.

Книга городская Луцкая 1576 года, № 2050, л. 270.

LXXXIII.

Донесеніе вознаго, посыланнаго къ княгинѣ Ганнѣ Чорторыйской и ея дочери княжнѣ Катеринѣ съ напоминальнымъ листомъ отъ Луцкаго земскаго суда, заключавшимъ требованіе, чтобы послѣдняя возвратилась въ домъ своего мужа, Брацлавскаго каштеляна Василя Загоровскаго, котораго она оставила съ малыми дѣтьми. Отвѣтъ Загоровской, что она согласна возвратиться къ мужу въ такомъ лишь случаѣ, если онъ дастъ обязательство никогда впредь не имѣть съ нею „справы малженской“. 1576 года, ноябрь 4.

Року 1576, месеца ноября 4 дня.

Передо мною Ярофѣемъ Гостским, сурокгатором або справцею замку и староства Луцкаго, постановившися в замку очевисте па вряде, возный повету Луцкаго Григорей Вербѣский до книгтыми словы вызнал: Иж будучи я посланный з листом напоминальным от суду земьскаго Луцкаго в потребе его милости пана Василя Загоровьскаго, кашталяна Браславскаго, маршалка его королевское милости, городничого Володимерскаго, до ее милости кпегини Ивановос Чорторыйское кнегини Ганны Кузмянны Же-

славского и до ее милости пани Василевое Загоровское, кнежны Катерины Ивановны Чорторыйского, малжонки вышей менованого его милости пана кашталяновы, упоминаючи ее милость кнегиню в том, иж што ее милость кнегиня Ивановая Чорторыйская, на ден светыхъ апостол Петра и Павла, приславши сына своего князя Юря Чорторыйского з монастыря Земенского, давши знат о великой а тяжкой хоробе своей и просечи его милости пана кашталяна Браславского, жебы малжонку свою а дѣвку ее милости наведити в так тяжкой хоробе ку ее милости послал, што его милость зараз, чинечи досыт воли и жеданю ее милости, уприсивши панее дядиное своее ее милости пани Олехноее Загоровское, кнежны Зофеи Ивановны Жеславского, тогож вышей менованого дня на ден светыхъ апостол Петра и Павла до ее милости ку Зѣмну послал, которая назад и до сего часу до его милости не присхала,—абы ее милость дочку свою а малжонку его милости пана кашталяна Браславского до его милости отослала, такъ теж особливе упоминаючи се милость самую панюю Загоровскую, абы она, яко будучи жоною шлюбною его милости пану кашталяну Браславскому, до его милости и до деток своих в дом поехала и зъ его милостью, яко з малжонком своим, водле закону хрестянского и повинности своее в станс малженском менкала. То пак, кгда есми тамъ году пинешънего семдесят шостого, месеца сентебра дванадцатого дня з шляхтою людьми добрыми: паном Богданом Клегининским а служебником пана Палуского паном Станиславом Неосинским, до двора кнегини ее милости до Смержова, имени ее милости, приехали, поткавши мене сын ее милости князь Иван Чорторыйский и пал Ждан Бронницкий, врядник Клеванъский, и повѣдили, иж ее милость кнегиня хвора и никого до себе не пускает, але естлибы-сте мсли которую потребу, або листы до ее милости, нам повежете, або отдайте, же ее милости донесемо. И возный повсдил: „не одно до самое кнегини ее милости ест потреба, але и дочки ее милости, то ест пани Браславское, у которых мне и шляхте от его милости папа Бра-

славского в листомъ наименовальнымъ вридовнымъ ест быти потреба“. Ино его милость князь Иван отказаль: „там же дей при кнегини матце ест и пани Браславская, але васъ тамъ не пустить; про то, што, пане возный, маеш лист або мовене которое, мне повеж, а я кнегини ее милости и пани Браславской донесу“. Ино я, то бачачи, иж инакъ быти не могло, отдал есми лист наименовальнй его милости князю Ивану, с которымъ его милость пошол на впокуи до кнегини ее милости, и по малои године выпедчи его милость от кнегини ее милости с паномъ Жданомъ Бронницким, и поведил князь его милость тыми словы: „иж кнегиня ее милость matka моя пани кашталяновой до малжонка и детей ее ехати не боронит, але ее, яко дятяи своего, в дому ее милости выганяти не годится“. А пан Ждан Бронницкый поведил тыми словы: „е милость пани кашталяповал такой отказ через мене учинити казала, иж ее милость, видечи в грехом свое мешкале у малженстве с паномъ кашталяном, до его милости ехати и в его милостю жити не хочет, аж бы его милость илюбил и добре ее милость упевнил жадное справы малжонское до живота своего зъ ее милостью не мѣти“.—А такъ я тое очевистос сознане возного до книгъ вгородскихъ Луцкихъ записати казалъ.

Книга вродская Луцкая 1576 в., № 2050, л. 483.

LXXXIV.

Жалоба зсм. Семена Хомяка - Смородовскаго о томъ, что Марья Андреевна Еловая-Малинская, урожд. княжна Масальская, заключивъ съ жалобщикомъ письменное условіе относительно вступленія съ нимъ въ бракъ, въ день свадьбы уѣхала неизвѣстно куда, чѣмъ нарушила означенное условіе и ввела жалобщика въ напрасные расходы. Подтвержденіе вознымъ справедливости жалобы. 1577 года, мая 21.

Лѣта по нароженію Иусу Христа Сына Божого тисеча пятсот семдесят сегомо, месеца мая двадцат первого дня.

Присылаа на врьд кгородскій Володимерскій, до мене Станислава Кграевского, столника Подляского, подстаростего Володимерского, земелин землѣ Волинское повету Луцкого пан Семен Тихнович Хомакъ Смородовскій, оповедаючи и жалуючи на панюю Костентинову Еловую Малинскую, панюю Марю Андрѣвну Масальского, о том, што ж дей она часов недавно прошлых сама добровольне, с порадою и ведомостю приятелей своих, позволила и шлюбила пойти за мене в малженство, и рок веселю водле воли и баченя своего зложила и зо мною приняла на ден певный, то ест в шести неделях по Велицедни, святе прошломъ, в року теперешнем семдесят сегом, в неделю, месеца мая девятогонадцат дня, на местцу певном в дворе Радовицкомъ, в котором она на тот часъ мешкает, на што дей мне лист свой записный под печатю своею и под печатми людей добрых дала, в котором ся описала, если бы на тот рок и ден на местцу назначоном в Радовичох за мене в малженство не пошла, тогда мѣла мне заплатити заруки тисечу коп грошей литовских и всѣ шкоды и наклады на речене слова, што ширей а достаточней на том листе ее записном ест описано. То пак дей я, заховываючися в том водле шлюбу и властного опису ее, на тот рок. от нее самое зложонный. в неделю, месеца мая девятогонадцат дня, с приятелми своими на местце

назначеное, до двора ее Радовицкого ку веселю был приехал и все, штом был винен водле постановеня и опису, чинити и полнити был готов; иижли дей пани Малинская, запамятавни опису и плюбу своего, не дбаючи на обовязки в нем описаные, на тот рок, который сама зложила и приняла и листом своим описным вмоцнила, за мене в малженство пойти не хстела и от того року, сподеваючися мене, з ыменя и з двора своего Радовицкого проч отехала, и не вем, где ся скрыла, и мене ку великои шкоде и накладом приправила, меновите шкодную от нее в том шестсот копъ грошей.—Якож и возный повету Володимерского Демян Мокренский, который з уряду от мене приданный на тои справе был ставши очевисто, до книг вызнал тыми словами: штож дей пан Семен Хомакъ з многими зацными паны приятелми своими, а меновите: с паном Иваном Романовичом Сенютою Ляховецким, с паном Семеном Захаревичом Гутыром, старостою Муравницкимъ, с паном Илею Радовицкимъ, с паном Иваном Бурым, с паном Тихном Свицовским, в неделю, месеца мая девятоннадцать дня, водле опису панее Костептиновос Малинское, который читан был с початку аж до конца, до двора ее Радовицкого ку веселю был приехал, иижли дей панее Малинское в дому не застали, и ожидаючи ее, того дня с поранку аж до самос ночи в дворе ее Радовицкомъ мешкали, однож пани Малинская як сама того дня, в неделю, в дворе своемъ Радовицкомъ не была, и никого не прислала и никоторое вѣдомости о себе не вчинила.—А так я жалобу и оповедане пана Семена Хомека и возного сознане, за прозбою пана Хомековою, в книги крудские записати казалъ.

Книга крудск. Владим. 1577 г., № 939, л. 53, актъ 56.

LXXXV.

Жалоба пп. Ивана и Семена Красенскихъ о томъ, что п. Иванъ Шельвовскій, вопреки заключенному съ ними предбрачному условію, не выдѣлилъ сыну своему Прокопу слѣдуемой ему части родового имѣвіа, на которой онъ долженъ былъ обезпечить вѣно своей невѣсты — сестры жалобщиковъ, въ слѣдствіе чего послѣдніе сочли себя въ правѣ удерживать часть обѣщаннаго приданнаго. Свидѣтельство вознаго. 1577 года, іюля 8.

Року 1577, іюля 8 дни.

Передо мною Андреемъ Киверецкимъ, подстаростимъ Луцкимъ, от его милости пана Александра Жоравницкого, старосты, ключника и городничого Луцкого, ставши очевисте на вряде кгородском, в замъку господарскомъ Луцкомъ, врожонный панъ Иванъ Красенскій, мостовъничій Луцкій, самъ от себе и именем брата своего молодного, врожонного пана Семена Красенского ж, жаловалъ и оповедалъ на врожонного пана Ивана Шелвовского о томъ, штожь дей его милост в году нынешнемъ тысяча пятьсотъ семьдесятъ семомъ, месеца февралія шостогадцать дня, при бытности веля зацныхъ людей, приятель ихъ сполныхъ, в Луцку, учинивши дей з ними намову и певное постановлене тымъ обычаемъ, ижь менованный панъ Иванъ Шелвовскій змовилъ сестру ихъ рожоную панну Макгдалену Олехновъну за сына своего пана Прокопа Шелвовского в станъ светый малженскій, и мель дей былъ сына своего помененого пана Прокопа в домъ ихъ до Заборовлику таковому веселю на рок певный послати и тому, што ся з воли Божое а за радою приятель ихъ сполныхъ намовило и постановило, досыт учинити; а панъ Иванъ дей з братомъ своимъ паномъ Семеномъ мели были дати сыну его, пану Прокопу, по сестре своей панъне Макгдалене вена шестьсотъ копъ грошей, то ест в готовыхъ грошох, у золоте и в серебре триста копъ грошей, а у выправе другую триста копъ грошей; што дей все мель

сынъ пана Ивана Шелвовъскаго панъ Прокопъ на имену своемъ отчизномъ Шелвовъскомъ, ему от пего, отца его, пуццономъ, сестре пановъ Красенских а облюбеницы своей панне Макгдалене, водле обычаю и права в статуте описаного, записати або оправу учинити. На што дей листы, записы с печатми и с подписаньем влостных рукъ своихъ, якожь с печатми людей задных, приятель ихъ сполных, на обеде стороне межи себе роздали, утвержаючи дей то межи собою водле записовъ своихъ непорушнѣно держати, подъ закладомъ шестьмасты копами грошей и подъ нагороженемъ всихъ шкодъ па самое реченье слова, хто бы дей с такового листу опису межи ними выступилъ и его нарушилъ, стороне таковое постановлене держачой платити; яко дей то ширей и достаточней на оныхъ листехъ записехъ ихъ, которые межи себе роздали, есть описано и доложено. Ино кды дей таковой рокъ веселя, водле листу опису и певного постановлени ихъ приятельского, дня вчорашнего, у неделю, припаль, панъ Иванъ Шелвовъскій сына своего пана Прокопа в домъ их до Заборовля на таковос веселе послалъ, а такъ дей панъ Иванъ Красенскій самъ от себе и от брата своего пана Семена, маючи при собе приятелей людей задныхъ и возного повету Луцкаго пана Григорья Вербъскаго и при немъ шляхту людей добрыхъ, на року веселя, чинечи досыть листу опису, з братомъ своимъ паномъ Семеномъ сполне пану Ивану Шелвовъскому даному и постановленю приятельскому, сестру свою панну Макгдалену обычаемъ звычлымъ хрестянскимъ в станъ свѣтый малженъскій сыну его пану Прокопу выдал и выправу з венемъ тромасты копами, то есть гроши готовые, золото, серебро, перла, шаты, к тому иные до того налсжачие рухомые речи, што дей все было ошадовано за шесть сотъ копъ грошей личбы литовъское, все готово маючи, оказалъ и перед паны приятели такъ его, яко и своими, покладалъ и отдавати дей за менованю сестрою своею пану Шелвовскому готовъ быть; одно ижъ дей панъ Прокопъ Шелвовъскій, сынъ его, на чомъ бы водле статуту и права посполитого малъжонце своей а сестре пановъ Красенскихъ,

вземши за себе в стап светый малженъскій, таковую суму пенезей шестьсотъ копъ грошей вено се оправити и записати могъ, пуцного ему имени от отца своего, водле опису от него паномъ Красенскимъ даного и постановлени приятелского, пе мелъ, для чого дей панъ Ивапъ, с тос всее сумы шести сотъ копъ грошей вена и выправы двесте и двадцать копъ вынемъни, при себе зоставилъ, а остатокъ вена—гроши готовые и менованую выправу всю, з иными до того належачими речъми, што дей все водле шацунку сумою чинило триста осмдесять копъ грошей личбы литовское, сыну его пану Прокопу за менованую сестрою своею отдавъ, которых дей двесте и двадцат копъ грошей, остатокъ вена панъ Иванъ при себе к схованю задержалъ до того часу, ажъ бы то все панъ Прокопъ Шелвовскій на чомъ певъномъ малжонце своей записать и унстити мелъ; кдыж дей до того причину самъ же пан Иванъ Шелвовскій, отец его, далъ, ижъ досыть учинити записови своему не хотелъ и помененому сыну своему, на чомъ бы онъ таковую суму пенезей шестьсотъ копъ грошей водле статуту и права посполитого сестре их а малжонъце своей записать и оправити мелъ, имени ему жадного не далъ и не поступилъ; а для того дей, водле листу опису своего, пану Ивану и брату его пану Семену Красенскимъ даного, в закладъ шесть сотъ копъ грошей личбы литовское имъ попалъ, а особливе дей их же ошкоды на чотыриста копъ грошей литовское личбы приправилъ. О што все панъ Иванъ с братомъ своимъ паномъ Семеномъ не хотечи молъчати а о то с паномъ Иваномъ Шелвовскимъ водле опису, от него имъ даного, правне поступовати, просилъ, абы таковая жалоба и оповедане его до книгъ кгородскихъ Луцкихъ было записано.—Якожъ и вышъменованый возный повету луцкого панъ Григорій Вербскій, предо мною на вряде очевисто ставши. до книгъ кгородскихъ Луцкихъ ку записованю тыми словы вызналъ: Будучи дей мне от вашей милости, пане подстаростий, з уряду приданымъ а прошонымъ и возвапнымъ на веселе и справу от

его милости пана Ивана Красенского в домъ его милости до Заборовля, в году нынешнемъ тысяча пятьсотъ семьдесятъ сегого, месеца июля вчорашнего сегого дня, в неделю, где панъ Иванъ Красенский самъ от себе и от брата своего рожоного молодшого пана Семена выдавалъ сестру свою рожоную панну Магдалену Олехновну в станъ светый малженъский за сына его милости пана Ивана Шелвовского пана Прокопа Шелвовского ж, а маючи при себе мене возного, ктому шляхту людей добрых: служебника пана Василя Красенского Станислава Рудковского и Миколая Зеленского, служебника пана Станислава Держановского, на року веселя водле постановлени приятельского и опису своего, з братомъ паномъ Семеномъ пану Ивану Шелвовскому сполне даного, пред их милостью паны приятели такъ пана Шелвовского, яко и своими сполными, оказовалъ и покладалъ и выправу з веномъ тримасты копами грошей, то есть гроши готовые, золото, серебро, перла, шаты, к тому иные до того належачие рухомые речи, што все было ошачовано за шесть сотъ копъ грошей личбы литовское, все готово маючи, покладалъ и отдавати за менованую сестрою своею пану Прокопу Шелвовскому готовъ былъ; але иж панъ Прокопъ Шелвовский не мелъ от отца своего пуценого ему именя, на чомъ бы то малжонце своей а сестре панов Красенскихъ унститъ и записалъ, для того панъ Иванъ, с тое сумы шестисотъ копъ грошей двесте и двадцать копъ грошей вынемши, при себе зоставилъ, а остатокъ вена—гроши готовые и менованую выправу всю, з иными до того належачими речьми, што все водле шацунку сумою чинило триста и осмъдесятъ копъ грошей личбы литовское, пану Прокопу Шелвовскому за сестрою своею отдакъ, которых двесте и двадцать копъ грошей, остатокъ вена, панъ Иванъ ку схованю при себе зоставилъ и задержалъ до того часу, аж бы то все панъ Прокопъ Шелвовский малжонце своей на чомъ певномъ уистити и записати мелъ; што панъ Иванъ мноу вознымъ и помененою шляхтою осветчилъ.--А такъ я, за прозбою

пана Ивана Красенского, таковое оповедане его и очевистое возного сознане до книгъ вгородских Луцкихъ записати казалъ.

Книга вродская Луцкая 1577 года, № 2051, актъ 562, л. 464 об.

LXXXVI.

Дарственная запись землянки Ганны Гостской¹⁾, выданная ею своему мужу Ерофею Гостскому на вѣно, денежную сумму и на всю движимость. 1578 года, ноября 22.

Року 1578, месеца ноябра 26 дня.

На рокох судовых великихъ трибунальскихъ, перед нами, депутатами на суды великие трибунальские у воеводстве Волинскомъ обраными... (*слѣдуетъ именной перечень*), постановившиися очевисто в замку господарскомъ Луцкомъ, ее милость пани Ярофеева Гостская пани Ганна Тиховна Козинского сама устне доброволне до книгъ судовыхъ трибунальскихъ теми словы вызнала: якъ дей дала, даровала есмн его милость пана Ярофея Гостского, пана малжонка моего, всѣмъ вѣном своим на вечные часы; ктому теж его ж милости пану малжонку моему дала, даровала и записала есмн на часы вечные яко тую суму пенезей, што-м за Осмиговичи взяла, так и иную всю маетность мою, речи рухомые, што одно колвекъ маю и напотом мети буду, што ширей а достаточней на листе записе моем, на то от мене подъ печатью моею, так теж под печатми людей зацныхъ, пану малжонку моему даном, есть описано и доложено; и тот лист запис свой ее милость пани Ярофе-

¹⁾ Или, какъ именовали ее въ XVII—XVIII ст., *Гойской*, цвѣстной основательницы Почаевского монастыря.

евая Гостская перед нами покладала и просила, абы вычитан и до книжь наших судовыхъ трибуналскихъ слово от слова уписан был. которого мы огледавши, перед собою читати казали, и так се в себе маеть: „Я Ярофеевая Гостская Ганна Тихновна Козинского вызнаваю и чипю явно сим моим листом кождому, кому будет потреба того ведати, нинешним и напотомъ будучим: иж што которое вено. оправу, беручи мене в малженство, его милость пан Ярофей Гостский, пан а малжонк мой милый, ведле права на третей части всех пменей своих, то ест тысячу коп грошей с привенком записати мнѣ рачил и тот лист веновный в схованю брата моего рожного, пембжичка пана Михайла Козинского, капиталина Луцкого, zostаль, тогда я. узнавши милость, ласку и добротливость его милости пана малжонка моего паймишного и способляючи себе на приплытые часы еще ласкавшого ку собѣ. а не мней постерегаючи того. абы по моем животе от кривых. близких, брати и повинных моих до якои трудности не пришол. не будучи ни от кого прозбою намовена а ни принушена, леч по своей доброй волн. маючи волность ведле права властностю своею шафовати, даю, дарую его милость пана Ярофея Гостского на вечные часы и тот лист мой веновный симъ теперспшим листом моим басую. вмораю и в нивеч оборочаю, иж хотя бы ся где на котором местцу и в якого колвекъ вряду и права и от которое колвек особы, будь повинных и кривых моих, або и в кого обчого показал. тогда вжо жадное влады и моцы мѣти не маеть и мочи не будет и яко непогрѣбный и от мене сим листом моим вмореный. на сторону отложен и за никчемного полнчон быти маеть на вечные часы. Къ тому теж также в доброе воли моее записую и дарую на часы вечные тому ж предреченому его милости пану малжонку моему милому яко тую суму пенезей, што-м за Осмиговичи взяла, так и иную всю маетность мою, речи рухомые, што одно колвек маю и напотом мети буду: золото, серебро, гроши готовые, перла, ланцухи, клейноты, шаты, цып, мѣдь и иншие всякие речн. наименшое не уймуючи а ни zostавуючи, толко то все, што одно

речю рухомою названо и меновано быти мает, отдаляючи от того братамну мою рожоную и ее дѣти, также всех братю стрыечную и иншихъ кривных, близких и повинных моих, их детей вечне. Мает его милость пан малжонк мой милый по животе моем то все, што се одно вышей поменило, и хотя-ж бы се чого и не поменило, толко речю рухомою названо было, до руы, моцы и владности своее взяти. того всего выживати, отдати, даровати и тым водле воли и найлепшого уподобаня своего шафовати, а братамна моя рожоная и ее дети, также ни хто з брати, близких и повинных моих. детей. яко о тое вено мое, так о вси речи рухомые, маетность мою, его милость въпомянати, правом пойскувати и нампейшого вступу и трудности его милости задавати не мают и мочи не будуть вечными часы. А где бы и хотели ся въ якую ж колвек реч вступовати, або до права позывати и в чом колвекъ, хотя найменшой речи, трудность и волокиту задавати, тогда таковыи каждый, хто бы то учинил, мает и повинен будет его милости пану малжонку моему милому, або тому, кому бы то по его милости правом приржоным пришло, або записом записано было, заруки заплатити две тысячи грошей, шкody и наклады на речене слово, кром доводу и присяги, нагородити, а заплативши заруку и за шкody досыт вчинивши, предсе сесь лист мой в каждого вряду и права во всех тых артикулах в целе, не нарушоне на часы вечные при моцы заховаць и оставлен быти маеть. И на то-м дала его милости пану Ярофею Гостскому, пану малжонку моему милому, сесь мой лист под моею печатю. А при том были и того добре сведоми и за устною прозбою моею печати свои к сему моему листу приложити рачили их милости панове а доброден мое: вельможный пан Михайло Мышка Варковский, капиталан Волинский, староста Гомельский, пан Олизар Кирдей Мыльский, маршалок его королевское милости, князь Юрей Пузына, нап Федор Чаплич Шпановский, пан Богдан Костюшкович Хоболтовский, судья земский новету Володимерского, а пан Григорей Данилевич, судья кгородский Луцкий. Писан в Луцку, лѣта Божого

нарoженя тысяча пятсот семдесятъ осмого, месеца ноябра двадцат второго дня.“—А так мы тое доброволное сознане ея милости панее Ярофеевое Гостское, панее Ганны Тихновны Козинского, и лист пану малжонку ея милости данный, с початку аж до конца, слово в слово до книг наших судовых трибунальских записати казали, с которых и сесь выпис под печатью его королевское милости земскою повету Луцкогo его милости пану Ярофею Гостскому естъ дан. Писан у Луцку.

Книга земская Луцкая 1578 года, № 2095, л. 195.

Примеч. Получивъ эготъ даръ, Ерошей Васильевичъ Гостскій въ тотъ же день съ своей сгороны выдалъ женѣ дарственную запись на имѣнія: м. Крупую съ замкомъ и села: Кулинь, Расники, Любаши и половину Когова и Кобыльа (Кн. № 2095, л. 196 обор.). Кромѣ того, еще въ 1564 г. тотъ же Гостскій, тогда носившій званіе ротмистра королевскаго, внесъ въ Луцкія замковыя книги запись, въ которой писано: „помячы на часъ смертельный... а дознавши к собе во всемъ верное, цѣлливое захованье и поволные службы малжонки моея милое панее Ганны Тихновны Козинского, за што хочычы по животе моемъ станъ ея, малжонки моея милое, такъ обваровати, якобы от сестры, братья, кривных, близких а повинных моих ниякое трудности не ужита, не за жадными намовами, але з упріймое милости моея ку ней,— даю, дарую и запишю ей... *Почаевъ*, Савичы, Комнатковъ, Звѣровъ и Лидуховъ“. (Кн. № 2039, л. 266 об. и 267 об.)

LXXXVII.

I. Допесеніе вознаго о допросѣ землянки Марины Пузовской по поводу того, что она, въ противность Статуту, вступила во второй бракъ до истеченія шестимѣсячнаго срока по убіеніи ея мужа, не похоронивъ его тѣла и не окончивъ начатаго иска о взысканіи за убійство. 1580 года, генваря 29.

II. Жалоба со стороны братьевъ убитаго, что ихъ невѣстка, по выходѣ замужъ, удалила неизвѣстно куда дѣтей отъ перваго мужа и разоряетъ ихъ наслѣдственное имѣніе. Дознаніе вознаго по этой жалобѣ. 1580 года, марта 4.

I.

Року тисеча пятсотъ осмьдесятого, месеца генвара 29 дня.

Передо мною Александромъ Курцевичом, подстаростимъ Володимерскимъ, на вряде кгородскомъ Володимерскомъ постановившихя очевидно, возный повету Володимерского панъ Жданъ Чирскій къ записаню до книгъ кгородскихъ вызналъ тыми словами: ижъ будучи мене з уряду приданымъ на потребу ихъ милости пану Богдану, пану Авраму а пану Ивану Богусевичомъ Пузовскимъ, в року тепер идучомъ тисечномъ пятисотномъ осмьдесятомъ, месеца генвара двадцять шостого дня, а маючи я при себе стороною людей добрыхъ, шляхту тутощнаго повету Володимерского, пана Василя Мировицкого, пана Прокопа Пузовского а пана Федора Росавского, пытали передо мною вознымъ и при тое шляхте панъ Богданъ Пузовскій изъ братею своею попа Устилузского, церкви светого Юря, на йме Савы Клементовича: ижъ дей „дошла насъ ведомость, поше Саво, же ты шлюбъ давалъ и венчалъ братовую нашу Семеновую Пузовскую с паномъ Яномъ Касперскимъ“. Попъ вышей мененый Устилузскій Саво, передо мною вознымъ и при тое стороне шляхте, паномъ Пузовскимъ поведилъ и созналъ тыми словами: ижъ дей „дни оногодашнаго въ недѣлю, року теперешнаго осмьдесятого, месеца

генваря двадцат четвертого дня, даваль есми шлюбъ и венчалъ пани Марину Ивановну, бывшую жону небожчика пана Семена Пузовского, брата вашего, с паномъ Яномъ Касперскимъ въ дому боярина его милости пана Яронима Крупского па ймя Уполицкого, который дей мешкаеть у Нового Ставу на Тростянце, при котором дей шлюбе и венчаню были их милость пан Малхер и пан Ян Яронимовичи Крупские и инших людей немало“.—А потомъ на завтрее, месеца тогож генваря двадцать сегомо дня, пани Богдан, панъ Аврамъ а Иван Пузовские зо мною ж вознымъ и с тою жъ стороною, шляхтою вышей мененою, ехали в дом братовое своее бывшее пани Семеновое Пузовское пани Марины Ивановны, и там передо мною, приехавши, пытали ее, братовое своее, очевидно тыми словы: ижъ дей „маемо ведомость, же ты, пани Марино Ивановно, невѣстка наша, в томъ часе кромъ ведомости наше, сама, своволне, препомневши еси наперед боязни Божое и права посполитого, а стыду своего, не выседевши по забитю мужа своего шести мѣсецей, то есть полрока, не довѣдши права о голову мужа своего восполк с нами и еще не поховавши до землѣ тѣла небожчиковского, але в семнадцати недѣляхъ по забитю мужа своего пошла еси замужъ за пана Яна Касперского, и если вже тебе маемъ з малжонкомъ твоимъ паномъ Яномъ в малженствѣ свстом поздоровляти?“ Пани Марина Ивановна при мне возномъ и при тое сторопе шляхте паномъ Пузовскимъ, девери своси, поведила тыми словы: „Можете дей ваша милость вже залевне мене з малжонкомъ моимъ милым паномъ Япомъ Касперскимъ в стане светомъ малженскомъ поздоровляти“; и еще поведила, ижъ дей „уже з ласки Божое пана Яна Касперского малжонкомъ своимъ маю; а што ся дей дотычет о голову малжонка моего небожчика першого а брата вашего, о томъ дей о всемъ есми пану Яну Касперскому, теперешнему малжонкови своему, поведила и то ему злецила, ижъ о голову небожчика мужа моего першого а брата вашего, так и о шкоды, которые ся стали при замордованю его небожчика, и теж о шкоды, которые ми ся стали по забитю мужа моего перв-

шого в дому мосмъ от некоторыхъ суссудов моих, жебы муж мой з валслю милостью споломъ того доходилъ и о то мовилъ“.—Што все панове Пузовские мною вознымъ и тою стороною, шляхтою вышей поменепою, свѣтчили и обявляли. Которое жъ я сознание возного до книгъ вгородскихъ записати казаль.

Книга вродская Владим. 1580 года, № 921, л. 9.

Примеч. Первый мужъ Марины Семенъ Пузовскій былъ убитъ 27 сентября 1579 г. въ гостяхъ, въ домѣ зем. Тимоша Пузовскаго, гдѣ онъ, будучи пьянъ, затѣялъ ссору съ хозяиномъ (Кн. № 941, л. 389 об., 391 и 395 об.

II.

1580 года, месяца марта четвертого дня.

Што первой сего месяца марта второго дня, пришедши на врьдъ вгородскій Володимерскій, до мсне Александра Курцевича. подстаростего Володимерского, земяне господарские повету Володимерского пап Богдан, а пан Аврамъ, а пан Иван Богуневичи Пузовские оповедали и обътежливе жаловали на бывшую невестку свою панюю Семеновую Пузовъскую Марину Ивановну Подгороденского, а теперешнюю Яновую Касперскую о том, ижъ дей она. не заховавшия водле права и повинности своее хрестянское, скоро по забитью небожчика брата нашего Семена а мужа своего. и тела его небожчиковского не поховавши до земли. и права о голову мужа своего на врьде не доведши, за пана Касперского замуж пошедши, дѣти небожчика брата нашего не ведома гдѣ зы имени от себе отослала, а маетност всю по небожчику брату нашомъ zostалую, яко злото, сребро, гроши готовые, шаты, зброи воепные, цын, мѣдь, кони, быдло, нерядне тратит, пустошит, розпо-

рошает, гумна па трох местъцах зложоные: пшеницы, жита, овса, ячменн молотит, подданные бьет, грабитъ, у везене сажает, а инших розганяеть съ тымъ теперешним мужем своим, ку не малой шкоде и кривде деткамъ небожчиковскимъ; и просили мене о придане возного, хотечи се въ нее доведати о детех небожчиковскихъ, где бы были, и хотечи их здоровых видети, а о тое нерадное распрощене и знѣщене маетности, по небожчику брату их zostалое, ее передъ вознымъ пытати, где бы его подела, и што она па то откажеть. возным то освечити и оповедати. Я имъ на то придал возного повету Володимерского пана Яроша Котелницкого, который там бывши и тут на врьдъ приехавши, дати вышей написаное очевисто ку записано до книг кгородскихъ передо мною вызнал тыми словы: иж будучи мне з ураду Володимерского приданымъ на справу пану Богдану, пану Авраму а пану Ивану Богушевичомъ Пузовскимъ до бывшое братовое их панее Семеновое Марины Ивановны Подгороденского, а теперешнее Яновое Касперское, пно дей кгды я Ярош, возный, маючи при себе стороною шляхту людей добрых: пана Потея Михайловича Букрябу-Клюковицкого а пана Павла Тимофеевича Пузовского, року теперешнего осмъдесятого, месяца марца четвертого дня, с паном Аврамом Богушевичом Пузовскимъ в домъ небожчика пана Семена Пузовского приехал, тогда пан Аврамъ передо мною возным и при той стороне шляхте пыталъ панее Семеновое Марины Ивановны, а теперешнее Яковое Касперское, тыми словы: „иж дей еси, пани Марино, пошла замуж за Касперского, потреба мне и брати моей вдати: где еси дети небожчика брата пашого пана Семеновы Осдора а Кондрата и дочку Ганну, еще лѣт не маючих, отослала або поховала, абыхмо дей мы, яко стрыеве их, о их ведали, естли живы и здоровы естъ?“ Пани дей Марица Семеновая, а теперешняя Касперская, пану Авраму передо мною возным и при стороне тыми словы отказала: иж дей „тебе, Авраме, и брати твоей до моихъ детей нѣтъ потребности; я дей свои дети отослала до Мазовна и там ся дей имъ о науку старати хочу“. Панъ Аврамъ

дей поведилъ: иже дей „сыновцы мои еще малы: одному пять лѣтъ, а другому два годы, до науки вымовы еще не мають; а пж еси пошла замуж не ведле права, и тела мужа первшого не поховавши, и права о голову его не доведчи, потреба дей нам о дстном здоровю ведати“. Пани Марина Касперская дей поведила: пж дей „детми своими я болела, а я о них ся добра стараю, а тебе до того нѣт потребы“.—Потом дей того ж дня и того ж часу тот же пан Аврамъ при мне возном и при той стороне мовил паней Марине Ивановне Яновой Касперской: иж дей „пошедчи еси за теперешнего мужа своего, не заховываешь ся пристойне на имену нашомъ, з детми твоими а братаничами нашими в сполномъ отчизномъ, на Пузови: подданных еси килка можных з волми, с конми и зо всемъ статком прочъ розогнала, а ув ывших быдло поотберала, и тепер дей двох чоловеков отчичов наших збивши, змордовавши их, у везеню держиши; гумна дей еси вси на трох местцех зложоные: пшеицы, жита и иныи ярины, которого было о колконадцат сот коп, то еси все помолотивши, нѣт ведома, где подеда; колацыи и бесяды непотребные з мужемъ твоимъ теперешнимъ и з иными своими приятельми маючи часто, дом дей еси увес спустошила и маетност небожчика брата нашого: злото, сребро, шаты, грошы готовые, кони, быдло, зброи военные, цин, мѣд и увес спрят домовый, до чого дей еси ничего не мела, то еси все з мужом своимъ теперешнимъ нѣт ведома где подевала и поотвозила и праве еси все дей детькамъ своимъ утратила“. Пани Марица Яновая Касперская передо мною возным и при той шляхте вышей менованой поведила тмы словы: пж дей „тобе, пане Авраме, и брати твоей до того ничего нѣт; я дей то себе, а пе вам, гумна напратала, и моя то сила робила, и то дей все, што при мне небожчикъ малжонюк мой зоставил, мое есть; а подданыи дей оден без даня причины моее проч пошел, а въ другого дей есми быдло побрала для того, абы и тотъ не втекъ; а естли дей есми тых двох чоловиков Харка а Пашка до везени посадила, тогда для того, иж дей ми сѣти папу Богдану повыда-

валин“. А пан Аврам дей поведил: „иж дей сети чотыри были у Харка, отчича нашего, в дому его, тые дей брать мой панъ Богдан на тотъ часъ побралъ, кгда ты замуж за Яна Касперского пошла“. Яко ж пан Аврам тых двох чоловіковъ Харка а Палка мне возному и стороне у везеню, у лапцугу и в путях оказоваль, и я-м их видил. А потомъ дей того ж дня и того ж часу пан Богданъ, а пан Аврамъ, а пан Иван Богушевичи Пузовские ехали и в полю мне возному при той стороне оказали на двох местцах поды и местца, где стыргы—пшеница, жито и овсы были зложоны, и вказали подовъ стыртныхъ шест и одну стыргу жита цалую, а другую стыргу жита мужики молотили, которые поведили, иж за росказанемъ Касперское тое жито молотят, а стожокъ овса одень. Потом теж того ж дня и того ж часу передо мною возным и при той же стороне оказовали панове Богушевичи Пузовские подданого своего отизного Иева Гурбича, округне кийми збитого и зраненого и над окомъ правымъ на чоле рану кривавую и на плечахъ раны синие битые, которые раны и збите меновали панове Богушевичи и тотъ человекъ их Иевъ от Яна Касперского сталие. Потом показовали теж мне панове Пузовские пустки, где человекъ на ймя Веремей мешкаль и самъ з жоною, з детми, з воли и конми и зо всимъ статкомъ проч пошоль; а другого човека на ймя Панаса поставили, который передо мною поведил, иж дей въ сго пани Касперская четверо быдла нетъ ведома за што побрала, до двора пана Семенова к себе отогнала. А потомъ, запытанемъ пановъ Богушевичов, всѣ мужи Пузовские старие на ймя: Курило и Кас Конаховичи, Гриць Гурбич, Олеш Кгелема и иншии люде поведили передо мною вознымъ и при стороне, иж дей збожя сего лѣта прошлого ужил был небожчикъ пан Семен Пузовский и в стыргы зложопо было: пшеницы коп двесте и пятьдесятъ, жита копъ чотыриста, овса копъ триста и пятьдесятъ, ячмешю копъ сто, гороху, проса и иншого збожя не мало; а быдла дей у дворе по смерти небожчиковской zostало было великого и малого пятьдесят овецъ и коз чотырдесятъ и иншого статку домового не

мало. Што все пап Богдан, пан Аврамъ и пан Иванъ Богушевичи Пузовские мною Ярошомъ вознымъ и тою стороною, шляхтою выше менованою, свитчили, объявляли и оказывали. Которое ж я сознаю возного до книг вгородскихъ записати казаль.

Книга вродск. Владим. 1580 г., № 921, л. 65.

LXXXVIII.

Въновьная запись князя Матвѣя Вороницкаго, выданная имъ въ день свадьбы своей невѣстѣ Настасѣи Гулевичевнѣ, съ обезпеченіемъ въ двойной суммѣ всего приданаго. 1580 года, генваря 31.

Лѣта по нароженію Иисуса Христа Сына Божого 1580, месеца юня шестого дня.

На рокохъ судовыхъ земскихъ, от дня Светое Тройцы, римского свята, в году нынешнем осмьдесятим ведле статуту припалых и судовне отправованых, перед нами, то ест Ярофѣем Гостским, судсю, а Иваном Хрѣвѣницкимъ, подсудком, вридниками земскими судовыми повѣту Луцкого, постановившимся очевисто в замку господарьском Луцком, его милость князь Матушъ зе Збаража Вороницкій доброволне сознал: иж дей поймучи и за себе въ стан малъженский дочку зомълого пана Януша Гулевича, пасербицу его милости пана Алексанъдра Жоравѣницкого, старосты, ключника и городничого Луцкого, панну Настасью, и взивши по ней, малъжонце моей милой, посагу такъ готовыхъ пенезей, яко и у выправе, в рухомыхъ рѣчахъ, всего сумою семсотъ и дванадцать копъ грошей, который увесь посаг совито, то естъ чотырнадцать сотъ коп и двадцать чотыри копы грошей

личбы литовское, заховываючися ведле права посполитого, на третей части вѣхъ именей моихъ: Трыстеня, Ясеновѣки, Панговъцовъ и Нового Села ей записаль и на опъраву дей того вѣна ее листъ свой с печатю и с подписомъ властное руки своее и подъ печатми людей добрыхъ дал есмъ; который же то листъ веповный князь Вороницъкий передъ нами положивши, просилъ, абы до книгъ уписанъ былъ. Ино мы тотъ листъ до книгъ дѣли вписованья приняли, который листъ такъ ся в собѣ маеть: „Я Матушъ зе Эбаража Вороницъкий сознаваю и чиню явно симъ моимъ листомъ кожъдому, кому бы то вѣдати належало, ижъ з воли а презренья Пана Бога всемогущого и за радою пановъ приятелей моихъ, змовилъ есмъ за себе въ станъ светый малъженский дочьку зошлого пана Януша Гулевича панну Настасью з дому велможного пана его милости пана Алексъсандра Жоравницъкого, старосты. ключъника и городничого Луцъкого, и малъжонки его милости пани Ганны Красеѣнского, старостиное Луцкое. матки панны Настасины, з небожъчикомъ паномъ Янушомъ Гулевичомъ спложное, и прихавъши дня нинешнего, в недѣлю, месеца генвара тридцат перьвого дня, в року теперешнемъ тысяча пятьсотъ осмъдесятомъ, весело зложеного, в домъ его милости пана старостин до Блудова, беручи за себе в малъжонство менованую облюбеницу и пришлую, дасть Богъ, малжоньку свою панъну Настасю, взялъ есмъ по ней до рукъ своихъ посагу вѣна: готовыхъ пенезей триста копъ грошей личбы литовское, а у выправе, то есть в золоте, серебре, шатахъ, перълахъ, ланцухах и клейнотах шацункомъ чотыриста и дванадцать копъ грошей также на литовскую личбу, чого всего сумою чинит семьсотъ и дванадцать копъ грошей личбы литовское; и заховываючися я ведле обычаю права посполитого и статуту земского, передъ выдаемъ за мене в стап светый малженский помененое панны Настаси, облюбеници моее, напротивко того вѣна, выправы ее, оный весь посагъ, выправу ее, совито, то есть с привенкомъ, чотырнадцать сотъ двадцать чотыри копы грешей литовское личбы записую ей

и уищаю на третей части всѣхъ именей моихъ отчизныхъ и бабизныхъ, которые се мнѣ в отделе от брата моего рожиное князя Станислава и князя Лва Вороницкихъ на вечность zostали, то есть Трыстеня, Ясеновски, Пяньковѣцов и Нового Села, которое сумы пенезей чотырнадцати сотъ двадцати и чотырохъ копъ грошей литовскихъ облюбленица а, дасть Богъ, припшлая малъжонька моя панна Настася Гулевичовна на третей части помененыхъ имѣней моихъ, такъ при животѣ, яко и по животѣ моемъ, иста и певна быти, в той суме пенезей тую третюю часть помененыхъ имѣней моихъ з дворами, с пашнями дворными, з людми, кгрунты земляными, ставы и из спустами, млыны, ихъ вымелками, гап, леси, дубровами и зо всеми малыми и великими тых именей пожитки на себе держати и уживати маеть, волна будучи тую суму пенезей чотырнадцатъ сотъ двадцат чотыри копы грошей по животѣ моемъ, такъ всю огуломъ, яко и по частемъ, кому хочечи отдати, даровати и записати и тымъ всѣмъ, яко влостгностью своєю, по воли своей шафовати; а въ тое дѣти, потомьки мои, естли-бы мнѣ Пан Бог з нею мѣти узычили, такъже братья, близкие, кровные мои никакое переказы и затрудненя чинити и задавати, и не отдавши ей, пришлой малъжонце моей, панне Настаси Гулевичовне менованое сумы пенезей, тое третее части помененыхъ имѣней моихъ з рукъ, держаня и уживаня ее, и от того, кому бы она в той суме завела, выймовати не мають и мочи не будуть. И на то ее милости панне Настаси, пришлой малъжонце своей, даю сесь мой листъ с печатю и с подыписомъ руки моею влостгное писмомъ полскимъ. А при томъ были и того добре сведоми и за устною прозбою моею печати свои до сего листа моего пѣриложити рачили панове а приятелѣ мои, то ест их милости: князь Юрей зе Збаража Вороницкий, панъ стрый мой, панъ Базылиушь Древинский, писар короля его милости, панъ Михайло Жоравницкий, подкоморий Луцкий, панъ Александро Семалко, подкоморий Володимерский, панъ Иван Хренницкий, подсудок земьский Луцкий, князь Станиславъ а князь Левъ зе Зба-

ража Вороницькие, панове братя мои, а пан Фронць Круниъ. Писан у Блудове, лѣта Божого нарожени тысяча пятсот осмьдѣсятого, месеца генвара тридцать первого дня“.—В которого листу подписе руки князя Вороницького писмомъ польскимъ, которую подпись мы с полскаго писма па руское переложили и по руску до книгъ справъ нашихъ судовыхъ земьскихъ весполь с тым листомъ князя Вороницького уписати казали. Которая подпись руки князя Вороницького такъ ся в собѣ маеть: „Матушъ зе Збаража Воромянцкый рукою властною“. Яко жъ и выписе с книгъ земскихъ под печатями нашими малъжоньце князя Вороницького княгини Настаси Гулевичовне дали есмо. Писан в Луцку.

Книга земская Луцкая 1580 года, № 2095, л. 821.

LXXXIX.

Землянинъ Прокопъ Шельвовскій, въ благодарность женѣ своей Магдалинѣ Борзобогатовнѣ за любовь и попеченіе о немъ, дарить ей двѣ трети родовыхъ своихъ имѣній и всю движимость. 1580 года, марта 20.

Я Прокопъ Ивановичъ Шелвовскій визнаваю и чиню явѣно симъ моимъ листомъ, кому бы то была потреба вѣдати, ижъ што с презрениа Божого а за статечною порадую пана отца и кривныхъ моихъ взявши я за себе въ стапъ светый малжонскій врожоную и учтивую панну Магдалену Олехновну Борзобогатовну Красеньскаго, теперешнюю жону мою, и мешкаючи з нею черезъ часть немалый въ стане малженскомъ, а дозънавши ее ку собѣ склонность, милость и во всемъ статечное а цпотливое малъженское заховане, тежъ службы, которыми мнѣ она уставичне, пошедши за мене въ стапъ малженскій, и въ тяжкихъ хоробахъ моихъ, што от

часу неблизкого терплю, услугуеть и угрожаеть, за што ее нагорожаючи з доброты и милости моее малъженъское, ей, малъжонъце своей милой паней Магдалене Олехъновне Красенского, малочи волность, яко стан шляхетский, властностью своею шафовати, даю, дарую и симъ листомъ моимъ вечно записую третюю часть всего имѣнья моего дѣдизного и отчизного Шелвова з дворомъ; к тому даю, дарую и вѣчнѣ ей менованой малъжонце своей паней Магдалене записую сельцо Волицу Шелвовъскую з дворцемъ, гумны, бояры, людми, ставами, млынами, польми оремыми и неоремыми, засеянными и незасеянными, зъ гаями, садами, сенсжатми, запустами, дубровами, кгрунты и вѣсьми менованыхъ именей моихъ Шелвова третее части и села Волицы пожитки, на себе самого, дети, естли мне ихъ Богъ дастъ, тежъ сестры мои и детей моихъ, на крвныхъ и близкиихъ своихъ, ничого от сего дня не оставляючи, чога всего малъжонъца моя милая папи Магдалена Красенского от сего часу, даты нижей писаное, по воли своей маеть уживати и примножати водле уподобанья своего, будучи волна тою третеею частью имѣнья Шелвова и село Волицу Шелвовъскую, от мене ей на вечность записаны, и вѣсьхъ пожитковъ, въ немъ будучихъ, уживати и яко властностью своею шафовати, отдати, продати, записати и ведле налешного уподобанья своего оборочати, в чомъ ей я самъ, дѣти, близкые, крвные мои жадное трудности и переказы чинити не мають и мочи не будутъ вечными часы. К тому тежъ, которую другую третюю часть того-ж менованого двора, имени моего отчизного Шелвовского з бояры, людми, ставы, млыны, кгрунты и всякими ку той части належачими.... которую годное паметп зошлый отец мой пан Иванъ Шелвовский записалъ у двохсот копах грошей личбы литовское малъжонце а матухъне моеей паней Овдоти Шплювне, а мнѣ, яко отчичу, выкупити тую то другую менованую третюю часть, черезъ папа отца заведеную албо записаную, пришло, одно-ж я, будучи сыном и слугою панее матки своее, и в том ся ее милости не прикрачи и на сесь час той части в нее не окупуючи, але маючи волность, водле ухвалы сойму Берестейского, в

году тисеча пятсот шестдесят шостом вчиненое....., даю, дарую и
 запишу на менованой другой третей части у Шелвова вечность,
 яко в дворе, з бояры, в людех, ставех, млынех, кгрунтех и во
 всих менованое другое третее части имени моего отчизного Шел-
 вовского пожиткох жоне своей помененой паней Макгдалене Олех-
 новне Борзобогатовне Красенского и свое приржоное отчизное
 вечистое право на нее тое то помененое другое третее части у
 Шелвова вливаю и влил есми, отдаляючи от детей своих, если мнѣ
 их Бог даст, теж от сестрѣ своих и детей ихъ и от всех крвн-
 ных и близких моих; которую вышей описаную другую третью
 часть Шелвовскую зо всем, по животе помененое матки моее пани
 Овдоти Шиловъны, еслибы мимо мене, сына своего, або ее, жону
 мою, тую помененую коп двесте грошей кому иному записала,
 мает жона моя, отдавши и заплативши, к рукам своим, яко власт-
 ность ее, за такимъ от мене ей дарованым и на нее влитымъ
 правом взяти и того уживати, будучи волна так при животе, яко
 и по животе своем кому хотя записати, отдать, даровати, продати
 и заменить и ку своему налешпшму и вжиточнейшему обернути.
 Теж ей менованой малжонце своей милой запишу зброи, пан-
 цыри, стадо, кони ездные и робочие, ктому всю рухомую мает-
 ность: золото, серебро, клейноты, перла, шаты, цынь, мѣдь, быдло
 рогатое и нерогатое, теж увесь спрят домовый и што одно рухо-
 мою маетностью моею может быти названо, никому ничего с тых
 всех речей не zostавуючи; которую всею маетностью она, малжонка
 моя милая пани Макгдалена, як хотечи, по воли своей шафовати
 и такъ всю зараз, як теж и по частемъ розно кому хотя отдавати,
 продавати и меняти и водле налешного уподобанья своего на по-
 житок свой оборочати мает и волна будет, в чом ей никто з близ-
 ких, крвннх и повинныхъ моих жадное переказы чинити и ни-
 которое трудности задавати не мают и мочи не будут. И на то
 есми малжонце своей милой вышей менованой паней Макгдалене
 Красенского дал сесь лист з моею печатю и с подписомъ властное
 руки своее. А к тому за устною прозбою моею печати свои к сему

моему листу приложити рачили их милости: панъ Александро Семашко, подкоморий Володимерский, панъ Семень Козинский, пан Михайло Яновичъ Загоровский а панъ Иванъ Шпаковский. Писан у Шелвоуе, лѣта Божого нарожеша тисеча пятсот осмдесятого, месеца марца двадцатого дня. Прокопъ Шелвовский“.—А так мы, суд, за очевистым устным а доброволным сознанемъ пана Прокопа Шельвовского, и менованый лист его, от него пани малжонце его, пани Магдалене Красенского даный, слово от слова, с початку и увесь до конца до книг справ земских Луцких записати есмо казали.

Книга земская Луцкая 1580 года, № 2095, л. 811.

Примѣч. Въ отвѣтъ на эту запись, Магдалина Шельвовская въ тотъ же день записала мужу „доживотье“ на тѣхъ же имѣнїяхъ, т. е. право пожизненнаго ими пользованїя. Ibidem, л. 813.

ХС.

Землянка Марья Гулевичовна, въ знагъ признательности къ мужу, Яну Бокію-Печихвостскому, за его любовь и попеченіе, дарить ему свои материнскїя имѣнїя. 1580 года, іюня 4.

Я Янова Бокиевая Печифостская Марья Васильевна Гулевичовѣна сознаваю и чиню явно симъ моимъ листомъ кожъдому, кому бы то вѣдати належало, теперъ и напотомъ завѣжды, ижъ мешкаючи я за ласкою и милосердьемъ Пана Бога всемогущого з паймилъшим паномъ малжонкомъ своимъ его милостью паномъ Яномъ Федоровичомъ Бокіемъ Печифостскимъ в станс малженъскомъ часъ немалый, и через весь часъ мешкагъя моего зъ его милостью завѣжды, уставичне, без перестапъку, дознавала есми.

яко-жь и тепер не отменъно дознаваю, отъ его милости ку собѣ великую и щодробливую ласку и милость малженскую а во всемъ цнотливое и праве доброе мешьканье и захованье его милости до себе; чого я по его милости велице с покорнымъ и униженнымъ уставичнымъ дякованьемъ вдячна будучи и тую такъ гойную ласку и добротъ его милости поволностями и вшелякою щиростью моею ясне вызнати и значне нагородити, а тымъ впередь не отмѣнную, але также добрую бачность и ласку его милости ку себе способити хотечи, а вѣдаючи то добре, иж каждый чоловекъ рожаю шляхетского властною маетностью своею, ведлуг права посполитого и уфалы на сойме Берестейскомъ в року тисеча пятсотъ шестдсять шостомъ учиненое, шафовати есть воленъ, не з жадного примушенья, а ни намовы, одно сама по своей доброй воли дала, даровала и симъ листом моим дарую и на вечность его милости пану малжоньку своему пану Яну Бокию по животе своемъ записую именье свое материстое, в повете Берестейскомъ лежащее, называемое Камень, с приселками до Каменя належащими, тоест Турною, а Липниками, з двором Каменьскимъ, съ церквами, з гумном дворнымъ, з бояры, з людьми тяглыми, огородниками и подседками и зо всякими их пошлинами, повинностями и подачтьками, с полми, з сеножатыми, такъ мужыцкими, боярскими, яко теж и дворными, з боры, лсы, дубровами и всякими хорощами, з млыны и з ихъ вымелками и зо всякими малыми и великими, якимъ колвекъ именемъ названными пожитками, ничего на себе и на жадную сторону не выймуючи а ни зоставуючи, просто все огулом, зо всѣм на все, як тое имене мое Камень с приселками поменеными само в собѣ и во всяких пожитках, широкостях и можностях своихъ тепер мает и напотом мети будет, его милости пану малжонку своему по животе своем дарую и сим листом моим записую вѣчно и на веки непорушно. Мает и волен есть панъ малжонек мой милый, его милость панъ Янъ Бокий Печихвостский тое верху менованое именье Камень с приселками поменеными, от мене его милости на вечность дарованое и записаное, по моемъ

животе, если бых с презрени Божого напередъ з сего свѣта зошла, на себе его милость сам и потомство его милости держати и его по воли своей, якъ хотечи, вживати, будучи волни такъ по частем, розно, яко теж и все огулом тое имене кому хотечи отдати, продати, даровати, заставити, променять, на цервов записати, и яко-ж колвекъ хотечи завести; а вже ниhto з близких, кривных и повинных моихъ музского и женского стану тых именей под паномъ малжонком моимъ и под кождымъ держачим по моем животѣ искати, правом доходити а ни впоминатися не мають, алс о то вѣчными часы молчати повинны будуть. Яко-жъ еси всѣ листы и привилъя, на тое имене Камень належачие, што-мъ иле-кольвекъ ихъ в себе мѣла, его милости пану малжонкови своему до рукъ, шафуньку и вживанья его милости при томъ именью Каменю отдала и его милости ихъ зо всею моцью и правомъ, в нихъ описанымъ, по своемъ животе привлацаю и тое право на его милость и на потомковъ его милости по животѣ своемъ вѣчне вливаю и от всѣхъ близкихъ своихъ способомъ вышей помененымъ отдаляю вѣчными часы. И на то его милости пану малжонку своему милому даю сесь мой лист с печатю и с подписом руки моее властное писмом полским. А при томъ были и того добре сведоми, а за устною и очевистою прозбою моею печати свои до сего листу моего приложити рачили ихъ милости: пан Григорей Гулевичъ, хоружий земли Волынское, пан дядко мой, пан Василей Красенский, секретар его королевское милости, пан Януш Угриновский а пан Иван Калусовский. Писан в Луцку, лѣта Божого нарожени тисеча пятсот осмѣдесятого, месеца июня четвертого дня. Янова Бокѣова Печыфостеска Маруша Василевна Гулевичовна властну ренку.

Книга земская Луцкая 1580 г., № 2095, л. 805.

Примѣч. Нѣсколько раньше та же Марья Гулевичовна въ такой же формѣ выдала мужу дарств запись на денежную сумму, завѣданную ей первымъ ея мужемъ княземъ Ив. Буремскимъ, и на „вси речи рухомые“. Ibid., л. 804.

ХСІ.

Духовное завѣщаніе дворянина королевскаго Семена Оранскаго, которымъ онъ обезпечиваетъ на случай своей смерти положеніе своей невѣстки, вдовы умершаго сына его Лаврина Оранскаго. 1581 года, генваря 12.

Лѣта Божого нароженя тисеча пятсот осмьдесятъ первого, месеца феврала 14 дня.

Постановившися обличне на вряду кгородскомъ Володимерскомъ, передо мною Костентиномъ Курцевичомъ, иодстаростимъ Володимерскимъ, а передо мною Хведоромъ Курцевичомъ, на тотъ часъ засажонымъ на мествъцу пана Лазара Иваницьскаго, суди кгородскаго Володимерскаго, ставши обличне панъ Авдей Ивановичъ Буховецькій, будучи посланымъ отъ пана Семена Григоревича Оранскаго з листомъ отворонимъ, до нас, вряду кгородскаго Володимерскаго, писанымъ, при которомъ листе подалъ до насъ тестаментъ, отъ пана Семена Григоревича Оранскаго, дворенина короли его милости, справлений, панеи Лавриновой Оранской Мари Семеновне Чернъчицкаго, невестце его милости, даный; яко-жь при томъ тестаменте панъ Буховецькій оповедалъ: ижъ дей самъ панъ Оранскій, про старость леть и про великую хоробу свою не могучи самъ тутъ до вряду ехати, мене дей, приятеля своего, послалъ, абымъ передъ вашою милостію тотъ тестаментъ и остатнюю волю пана Оранскаго оповедалъ и в книги уписати далъ. Якожь панъ Буховецькій именемъ пана Семена Оранскаго просилъ, абы тотъ тестаментъ в книги кгородские былъ уписанъ и выписъ с книгъ панеи Лавриновой Оранской былъ данъ. При чомъ и сама папи Оранская, сполечно з паны опекуны, в тестаменте описаными, паномъ Лазаремъ Иваницькимъ, паномъ Семеномъ Чернъчицкимъ а паномъ Михайломъ Оранскимъ будучи, до того тестаменту ничего не мовили, и его слушнымъ, певнымъ признавши, просили, абы былъ в

книги кгородские уписан; которого мы тестаменту огледавши и перед собою вычитат давши, слово от слова в книги кгородские записати велели. Который тестаментъ такъ ся в себе маеть: „Во имя Божее единосущныя и животворящия, нерозделимыя Троицы, Отца и Сына и светого Духа, ку вечной памяти станся, аминь. Я Семен Григоревичъ Оранский, дворенин его королевское милости, ознаймую и чиню явно симъ моимъ тестаментомъ: иж всякие sprawy, умыслы и постановеня людъские, для памяти и ведомости далпное письмомъ неукгрунтованые, препоминаны рады бывають и с памяти людъское рыхло сплывають, а которые sprawy на часы пришлые а потомные для лепъшое ведомости каждый хрестьянинъ а почтивый человекъ на писме по себе заставуетъ, таковыя sprawy кгрунтовныи трывалы вечно бывають, и к тому иж кождому человеку, на семь свете нарожоному, ничего иного не есть такъ певнейшого, яко смерть, кгдажь иныя всѣ речы минуечие есть и бывають, а часъ смертный никого минути и никто его увойти не можетъ, про то и я, маючи то все перед очима своими, звлаща под такимъ часомъ, ижъ я на сесь часъ, будучи человекомъ хорымъ и в лѣтахъ зешлымъ, то есмь перед себе взялъ не з жадного примушениа и ни с чиси намовы, одно по своей доброй воли, хочечи порядокъ по животе своемъ вы йменях и в маетностях моих промежку невестъки моее и внуковъ моихъ а детей ее, по сыну моемъ небожчику пану Лаврину Семеновичу Оранъскомъ позоставых, заоставити, чиню сесь мой тестаментъ под такимъ обычаемъ: если бы Богъ милостивый з презрениа своего светого Бозского рачиль допустити на мене смерть, тогда душу мою Богу милостивому, а тѣло мое грѣшное землѣ полецаю; которое тѣло мое маеть быти уцѣтиве поховано вы йменю моемъ Линовъце, в церкви в заложению Воздвиженя Чесного Креста; а невестце моей Мари Семеновне Ласковича Чернѣчицкого и внукомъ моимъ а дѣтемъ ее Михайлу а Павлу, а дочкамъ ее а внучкамъ моимъ Марухне и Хведоре и именямъ моимъ Ораню и Лазкову, въ повете Володимерскомъ лежачимъ, и тежъ имспю моему Лпповце, в повете Бс-

рестейскомъ лежачомъ, тепер за живота своего обравши и вприсивши их милости пановъ а приятелей моих опекунами быти: пана Лазаря Иваницького, судю кгородьского Володимерского, а пана Семена Черньчицкого, а пана Михайла Оранского, а пана Овдѣя Буховецкого, симъ тестаментомъ моимъ невестку мою Марию Семеновну Ласковича Черньчицкого зъ детми ее а внуками моими, так теж и имена мои звыш помененые Орани и Лазково и Липовку в опеку и оборону их милости по животе своемъ злециль есми и злецаю. Маюг их милости панове опекунове первопомененые и от мене очевисто на то упрошоные невестку мою Марию Семеновну Ласковича Черньчицкого з детми и именами в опеце и в обороне своей по животе моемъ маюг мети и от всех кривдъ их боронити повинни будутъ. А невьстка моя Маря, седочи на вдовиномъ столцу, якъ дѣти въ себе в опеце, такъ и вси тые имена звышменованые мает держати и их уживати до живота своего, зо всеми пожитками, к тымъ именамъ приналежащими; а панове опекунове той невьстце моей Мари в томъ кривды никакое и переказы жадное чинити не маюг, и некоторыми причинами в то ветуповати ся не маюг и не будутъ мети моцы, одно повинни будутъ от вшелякихъ кривдъ боронити тые имена. А што сынъ мой небожчикъ пан Лавринъ Семеновичъ Оранский на третей части тыхъ всехъ именей моих Оранъ, Лазкова и Липовки, поймуючи за себе у малжонство, за дозволенемъ моимъ, дочку пана Семена Ласковича Черньчицкого и малжонки его паней Татьяны Лавриновны Иваницького. взялъ по неи у пана Черньчицкого и в паней малжонки его вѣна: посагу готовыми грошми и в выправе всего сумою чотыриста коп грошей личбы литовское, и напротивку вѣна и внесена ее в домъ мой на тыхъ всехъ именахъ моих звышпомененыхъ Оран, Лазкова и Липовки невестце моей а жоне своей Мари Семеновне Ласковича Черньчицкого в дворех, полях, в сеножатех, огородах, въ ставех, у млынех, у людех и их роботах, в платах и во всех до одех, яко ся тые всѣ имена мои сами в себе и в пожиткахъ своихъ здавна маюг и што на третюю часть

приходитъ, дал, даровал и листом своимъ, за дозволенемъ моимъ, записалъ, што ширей а достаточней на тыхъ листех наших записных, ей от сына моего небожчика пана Лаврина и от мене под печатми нашими и сведомем и подъ печатми людей добрыхъ на то даныхъ, описано и доложено есть, якож уже тое добровольное дане наше вряду Володимерскому объявили, прото и я теперь, не занехиваючи того и дознавши невестки моеи и по въвес часъ мешканя из сыномъ моимъ небожникомъ в малженствѣ склонность и милость ее веръную напругу сына моего, так теж и в послугах цнотливыхъ ее напругу мене, и маючи з нею сынъ мой небожчик дѣти, от Бога сотворителя данце, а такъ я, варуючи въ томъ невестку мою Марью, яко бы по животе сына моего, так теж и по животе моемъ, затрудненя некоторого на йменяхъ и маестностяхъ, по мужу своемъ, так тежъ и по мне zostалых, от детей своих, кровных, близкихъ и далеких повиноватых моих и ни от кого иншого не мела, не толко перших записовъ нашихъ, ей от сына моего небожчика и от мене подаваных, не нарушаючи, ас и овшемъ их во всем при mocy zostавуочи и еще надто симъ теперешним тестаментомъ моимъ остатное воли моеи тымъ мощней их утверждаючи, и не ведле статуту старого, але в дле поправы статуту нового, уфалы сойму Берестейского великого валного о волности шляхетское уживаючи шафованя именей своих земских, кроме третее части, которую вжо невестка моя от сына моего небожчика за дозволенемъ моимъ маест, але вси тые имена мои и сына моего властные отчизные, никому ни в чомъ не заведенные ани записанные, Орани и Лазково, в повете Володимерском лежачие, и тежъ имене мое выслужоное Линовку, въ повете Берестейскомъ лежачое, вси здоймомъ, з дворами и ихъ будованемъ дворным, з полми, з сеножатми дворными, з сады, огородами овощовыми, з ставы, млыны и их вымелками, и зъ сажавками, з хмелниками и з хмелищами, з гаи, леси, боры и добровами, з людьми тяглыми и их работами, с платы грошовыми и овсяными, зъ их полми и огородами и сеножатми и зо всеми их пожитками.

и во всѣмъ павсе, яко ся тые имена мои Орани и Лазковъ и Липовка самѣ в собе, в широкостяхъ, в границахъ, в межахъ и обыходехъ и пожиткахъ своихъ здавна и теперъ мають. Къ тому и всими маетностями, речами рухومیи: грошми, злотомъ, серебромъ, конми, зброями, и вшелякимъ рыштункомъ, которыи принадлежать къ службе военной, патами, цыномъ, мѣдью, стадомъ, быдломъ рогатымъ, такъ великимъ, яко и малымъ и дробнымъ, тымъ всимъ по животе моемъ певестка моя Маря Семеновна Чернчицкога з детми своими а внуками моими маеть шафовать, кромъ шкоды внучать моихъ а детей своихъ, если она по животе моемъ замужитъ не пойдетъ, а въсхочеть на вдовинномъ столцѣ седѣти, тогда маеть, с детми своими а внуками моими седечи на именахъ, аж до конца живота своего тыми всими именами вышей менеными, людми и пожитками, с тыхъ именей приходячими, и детми своими, сынми и дѣвками, по тому ж и речами рухومیи, такъ малыми, яко и великими, ридити и справовати и в пожитокъ свой собѣ привлацати; а по животе моемъ внуки мои а дети ея, такъ сынове, яко и дочки, и некоторые кровные, близкие и далекие, повиноватые наши, такъ панове опекунове ея жадного принагабани чинити и некоторое переказы въ именяхъ и в держаню и во вшелякихъ маетностяхъ и пожиткахъ ея трудности жадное задавати не мають. А еслибы тые панове опекунове звышпомещные, от мене в семъ тестаменте моемъ уставленные и описанные, не заховывали бы ся водле сего тестаменту моего, вместо обороны якую кривду и переказу и уближене невестце моей Мари а внукумъ моимъ а детемъ се и именямъ тымъ чинити мели, або што ей з моцы выимовати за живота ея хотели, тогда даю невестце моеи Мари в томъ моц, ижъ ей волно будетъ на тое местце собѣ кого иншого опекуномъ обрати. А што ся дотычетъ детей ея а внуковъ моихъ, такъ сыновъ, яко и дочокъ, тогда они невестки моея а матки своея во всемъ послушни мають быти, а она мает старатися о учтивое выховане а науку: читане, писане и о всякое цвиченс доброе а пожиточное дѣткамъ своимъ а внукомъ моимъ. Къ тому тежъ такъ мсти хочу, ижъ внуки мои а

дочки ея Марухна и Хведора от брата своея, естлибы им Пань Богъ того рачиль дати дождати, мають быти с тых именея моих венваны, то ест каждой внуце, Марухне такъ и Хведоре, по двесте копъ грошей готовыхъ вѣна; а они, таковую выправу венваную оземши от брата своея, во всехъ тыхъ именахъ моихъ отчизныхъ дедичити не мають, хиба, Боже чого уховай, если бы внуки мои а сынове невестки моея Михайло а Павель, не сплотивши по собе потомства, мели с того света бесплодне зыйти, тогда и тые девки Марья и Хведора правомъ приржонимъ дедичити мають в тыхъ именахъ. А если бы невестка моя Маря похотела замужь пойти, тогда панове опекунове, або и внуки мои, мають ей дати чотыриста копъ грошей личбы литовское и третью часть во всехъ речахъ рухомыхъ вышей мененыхъ; а она, то оземши, паномъ опекуномъ, або и дѣтемъ своимъ, такъ сыномъ, яко и дочкамъ, имена оныя звышменованыя, речей рухомыхъ две части пустити маеть и до тыхъ двохъ частей именея и речей рухомыхъ ничего мети не маеть. А если бы такъ, чого Боже вховай, жебы внуки мои, доропши зуполныхъ летъ своихъ, невестце моея а матце своея мели якие прикрости чинити, албо ей на всехъ именахъ на вдовиномъ столцѣ до живота ея мешкати ей допустити не хотели и ей кривду якую чинити мели, а она бы до того часу в тыхъ именахъ, яко вдова на вдовиномъ столцѣ, нейдучи замужь, порядне ся справовала, тогда мають панове опекунове и дети мои водлугъ сего тестаменту моего половицу имения ея отдати, а она бы, не хотечы и на тыхъ двохъ частехъ седити, а на той часъ хотела бы замужь пойти, або пакъ и не хотела, толко бы на той половицы именахъ мешкати не хотела, тогда панове опекуны, або внуки мои а дѣти ея, мають ей дати чотыриста копъ грошей личбы литовское, а она, оземши от нихъ оную чотыриста копъ грошей, маеть паномъ опекуновъ, або и детемъ своимъ, такъ сыномъ, яко и дочкамъ своимъ, оную половицу именея до рукъ ихъ пустити, а речы рухомые вси оныя две части вечными часы при ней зостати мають. А где бы дети ея оныя чотыриста копъ грошей личбы литовское

ей не отдали, а она бы и на половицы именьях мешкати не хотела, тогда даю волю и допускаю, симъ тестаментомъ моимъ утвержаю и хочу по моемъ животе на вечные часы мети, волна будетъ невестка моя Маря Семеновъна Чернѣчицкога на половицы всихъ именей моихъ оную чотыриста копѣ грошей кому хочечи отдати, даровати, заставити и на церковь Божью записати и ку своему налепшому а пожиточнейшому пожитку оборочати маеть, такъ и две части речей рухомыхъ при ней вечно зостати мають, а ихъ милость панове опекунове, а ни дети ее и ни хто инший в томъ переказы а ни взброненя жадного на вечные часы ей чинити не мають. И если бы дети ее летъ дорослыхъ не мели, а невестка моя, матка ихъ, пошла бы замуж, тогда тые жъ ихъ милость панове опекунове, имена мои вышей реченые, дети, речи рухомые и маетности до рукъ, обороны своее, такъ яко ся первой поменило, оземъши, мають ихъ милость старатися о ласковое выховане и о доброе двичене внукомъ моимъ; а чого Боже вховай, на невестку мою Марию, будучи ей на вдовиномъ столцу, именами и детми нашими справуючи, часъ смертнѣй на нее пришов, тогда тые жъ ихъ милость панове опекунове мои тыми именами и всеми речами рухомыми и дѣтми нашими, кроме третес части имения, на которомъ невестка моя справу веповную маеть, до дорослыхъ летъ внуковъ моихъ радити и справовати мають и отъ впелякихъ кривдъ заступовати и боронити повинни будутъ за власнымъ грошемъ и накладомъ съ пожитковъ именей моихъ и съ того личбы не повинни чинити будутъ и всякихъ пожитковъ зъ именей нашихъ внукомъ нашимъ привлащати мають. Которые внуки мое, будучи в опеце, в обороне и в моцы, за старанемъ ихъ милости пановъ опекуновъ, хованы быти мають ку чте и хвале Богу милостивому и ку послузе матки своее речи-посполитое, а тыхъ именей вышей реченыхъ и всихъ речей рухомыхъ и пожитковъ, зъ именей приходячихъ, и внуковъ моихъ зъ моцы ихъ милости пановъ опекуновъ ни хто ничимъ до дорослыхъ летъ детей нашихъ выймовати не маеть и моцы жадное ни в которого права мети не будетъ. А што ся дотычетъ приданя до церкви Бо-

жое земль, сеножатей, то маеть быти при церкви Божои непо-
рушно, вечными часы. А што ся дотычетъ о медь Спасский моее
дворное, такъ тежъ с поданных моих дани медовое, тогъды так
хочу завше мѣти, жебы сыта на дворъ бывала, а воскъ увесь на
церковную потребу мает быти завше оборочанъ, с чого бы мѣла
быти Пану Богу чест и хвала. На што я сесь мой тестаментъ
теперь остатное воли моее под печатю моею и с подписом руки
моее властное невестце моеи Марьи Семеновне Ласковича Чернъ-
чицкого даль. А при томъ были и того тестаменту моего добре
сведоми и за очевистою а устною прозбою моею печати свои къ
сему тестаменту моему приложити рачили, и которые их милости
умеди писати, руки свои властные поподписовали их милость па-
нове а приятели мои: его милост пан Авдѣй Иванович Буховецкый,
а панъ Миколай Гановицкый, а пан Матей Збицкый. Писан у
Линовце, лета по нарожени Исусъ Христа сына Божего тисеча
пят сот осмѣдесят первого, месяца генвара второгонадцат дня.
Семень Оранский рука властная, Авдѣй Иванович...“.

Примъч. По причинѣ потери въ книгѣ листовъ, въ этомъ документѣ не достаеть нѣ-
сколькихъ заключительныхъ строкъ.

*Книга городская Владимірская 1581 года, № 942, листъ
1 оборотъ.*

ХСІІ.

Разводъ Януша Глинскаго съ женою передъ городскимъ урядомъ и передача ея въ супружество другому лицу. 1581 года, февраля 13 или 14.

1) маршалка землѣ Волынское, Януш Бенедиктович Глинский, не будучи ни од кого ничимъ примушон, самъ доброволне а устне до книгъ городскихъ вызналъ тыми словы: „Иж што-мъ за посланемъ вашей милости, пане подѣстаростий, потрахвивши тут в месте Володимерскомъ з слугами вашей милости жону свою на ймя Катерину Ириковну, тут ку вашей милости привел и до везеня осадити дал, которая жона моя теды мене, яко мужа своего, перьво ся прела, але другого мужа собе Ивапа Щаурьского быт менила; а потомъ зас, узнавшись и взявши Бога в сердце, мене за мужа собе признала и мене черезъ приятелей такъ своихъ, яко и моихъ, в томъ просила, абы-мъ я ей то все, што колвекъ она мне чинила, пробачил и отпустил, а ее з малжонства своего выпустилъ. Я, поважаючи прозбу приятелей ее и своихъ и тежъ видечи то, же она милости правое малженское и счирого серьца ку мне не маеть, ее отъ себе з стану светого малжонского на часы векуистые волною передъ вашею милостью чиню и вже напотомъ вечне жадного дела до нее мети не маю и мочи не буду, а ни се о жадную речъ поискивати. Волна она з тымъ мужомъ своимъ, которого теперъ маеть, Ивановомъ Щаурскимъ, яко властнымъ шлюбнымъ, в стане малженскомъ поты, поки воля Божая будетъ, меп-

1) Начала нѣтъ, такъ какъ въ актовъ книгѣ не достаетъ первыхъ листовъ; но, судя по тексту слѣдующихъ записей въ книгѣ, начальныя строки настоящаго документа должны быть такы: „Лѣта Божого нароженя тисеча пятсотъ осмьдесятъ первого, месеца февраля 13 (или 14) дня. Постановившии обличне на врьде городскомъ Володимерскомъ, передо мною Костентиномъ Курцевичомъ, подстаростимъ Володимерскимъ, ставши обличне, служебникъ (или, можетъ быть, землянинъ или бояринъ) его милости князя Костентина Острожского, воеводы киевского, маршалка“.... и т. д.

кати. А если же бы тот муж ее Щаурский, иж кождый человекъ теда есть смертелный, наперед ниж она умер, теда она, то есть тая Катерина Ириковна, маеть замуж за надею нашу ити одно, за человека закону греческого або римского и иныхъ.—Якож и тая Щаурьская, тут же стоячи очевисте, на то все, яко ся звышь поменило, зезволила и того истого Януша Бенедиктовича з стану малженского выпустила и волнымъ учинила на часы вечные, и дала ему волность з другою жоною ся оженити, обещаючи ему в том жадное трудности и шкоды не задавати, под заклады на обеде стороны по двесте коп грошей литовских, а на его королевскую милость другими двесте копъ грошей. И то теж тая Катерина со- знала: гдебы тому постановленю досыть не учинила, а по смерти мужа своего Щаурского естлибы си, оставшися, за надею народу цыганского пошла замуж, тогда ничымъ иншимъ, одно горломъ маеть быти карана, а врядъ кождый ее в томъ караню боронити не мает, але еще выдати маеть. А по тых обу вознанияхъ, стоячи передо мною очевисто, Иван Щаурьский возналъ и шлюбовал тому Янушу Бенедиктовичу самому, брати, приятелем, слугамъ и подданым их за вшелякий покой и безпечность здоровья, а Янушь такъ же тому Щаурьскому шлюбовал под теми ж заклады звышь поменеными.—И просили з обудвух сторон, абы то есе для памяти до книгъ ыродскихъ записано было; я то записати велель.

Книга ыродская Владим. 1581 г., № 942, л. 1.

ХСІІІ.

Объявленіе осужденнаго на смерть за прелюбодѣяніе Яна Скурки о томъ, что онъ получилъ прощеніе отъ мужа соблазненной имъ жены 1582 года, апрѣля 30.

Року 1582, месеца апреля 30 дни.

Постановившія очевисто на вряде кгородскомъ, въ замку господарскомъ Луцкомъ, передо мною Войтехомъ Ветескимъ, будущимъ на мѣстѣцу пана Станислава Петровского, подстаростего Луцкого, отъ его вельможное милости пана Александра Пронского, столника Великого Князства Литовского, старосты Луцкого, Янъ Скурка, явне устне и доброволне, кромъ вшеякого примушени, по доброй воли своей, будучи здоровый на тѣли и на умысле своемъ, ку записанью до книгъ кгородскихъ Луцкихъ вызналъ тыми словы: ижъ дей, „будучи я посажонъ тутъ въ замку Луцкомъ, за обжалованьемъ балвера Луцкого Каспора, же былъ мене зъ жонною своею на ймя Галжкою въ дому матки тое жоны его Рупинское на чужолозстве учиненомъ засталъ, за чимъ дей мене тутъ до замку и на горло былъ осадилъ; и то самъ сознаваю, ижъ не што инъшого за такой выступъ мой не заслужиломъ былъ, одно даньемъ горла. А такъ я, уходечи того сродкого караня а просечи напредъ милостивого Бога, а потомъ того пана Каспора о змиловане, абы онъ, яко хрестіянскій человекъ, змиловавшися надо мною, горломъ даровалъ и вызволилъ, просилъ есми о причину до пана Каспора их милости: пана Дмитра Григоревича, наместника владыки его милости Луцкого, пана Богуша Ванковича, писара мѣстского Луцкого, а пана Есифа Андросовича, писара войтовъского, которые на прозбу мою, яко люде хрестіянские, учинить рачили и, въ то ся за мною вложивъши, пана Каспора упросили, же мене горломъ даровалъ. И будучи я отъ него въ томъ въ здоровю, за причиною тыхъ задныхъ людей, захованъ, то па себе

зношу и доброволне визнаваю, же потомъ вже въ мешканью его зъ тою малжонкою его такихъ ся свовольствъ не допускать и мешканья имъ не псовать. А то, абы на мене зась потомъ якое мниманье от самого пана Каспора, от людей въ той же речи не было, теды маю оттоль зъ Луцка прочь заразы где вьнший край, въ пятницу пришлюю, то есть месяца мая четвертого дня, кромъ вшеякое вже отволоки ехати и потомъ зась въ Луцку. николи, будь самъ, або гдебыхъ у которого пана служащи, з нимъ, або гдебыхъ и за посланьемъ пана оногo ехалъ теды, предся Луцко минути маю, и ему за то самъ черезъ себе, братью, приятелей и ни черезъ кого иншого обчого, якогo колве стану, на здраве его не отповедать и жадныхъ пофалокъ, хлубличяся съ того злого учиньку учиненогo, не чинить, а ни того ни передъ кимъ не выявлять, але ся во всемъ скромне заховать и добродѣйство пана Каспорово еще въ змилованью его надо мною выславлять. А гдебыхъ потомъ въ томъ мешканью ихъ малженскомъ якую прешкоду чинилъ и зъ Луцка если быхъ теперь заразы не выехалъ, и зась хотъ и выехавши, тутъ бывалъ и заеждчивалъ, на здравье пана Каспорово гонилъ и отповеди и пофалки самъ черезъ себе, приятелей и презъ когoжъ колвекъ чинилъ, тымъ ся хлублилъ, тутъ въ месте од оногo часу промешкивалъ, то, гдебы въ томъ во всемъ былъ дозналъ, або ли тежъ на мене светками слухными было переведено, теды, гдебы мене колвекъ, въ которомъ колвекъ панстве, такъ въ короне Польской, яко тежъ и у Великомъ Князьстве Литовскомъ, яко тежъ на Волюню, и гдежъ колвекъ въ которомъ повѣти и до которого жъ колвекъ вряду и суду, такъ въ месте тутъ. въ Луцку, яко и вьншихъ местехъ, въ селе и на дорозе потрафиль и до вряду за симъ сознаньемъ моимъ выдалъ и осадити далъ; тогды врьдъ кождый, пригледившися во всемъ сему листу моему, хотъ быхъ ся и якими жъ колвекъ причинами, будь правными, яко и неправными щитилъ, паномъ, у которого хотъ быхъ и былъ, а ни врьдомъ инымъ, але о все зъгола отступуючи всихъ оборонъ правныхъ, въ статутехъ такъ коронномъ и Великого князства

Литовского, яко и Майдеборскомъ, описаныхъ, не откладаючи мене ничего вже болшей на проволоку, але заразы на мнѣ, яко вже пересужоного правомъ, такъ яко-мъ первой горло понести мель, тогда на тотъ часъ мене горломъ карати и езекуцыю остаточную на мнѣ выконати маеть; а тотъ врьдъ, до которого буду пристигнень, даю моцъ и воленъ во всемъ ся томъ справить ведле того добровольного сознанья моего“.—Которое жъ то сознанье добровольное его до книгъ вгородскихъ Луцкихъ записати казалъ.

Книга вродск. Луцкая 1582 г., № 2061, л. 376 на об.

XCIV.

Дѣло о недѣйствительности второго брака, заключеннаго Василиемъ Загоровскимъ при жизни первой жены.

I. Донесеніе вознаго о заявленіи Владимірскаго епископа Θεодосіа Лазовскаго, что онъ не разводилъ Василія Загоровскаго съ первою его женою, княжною Збаражскою, и не давалъ благословенія на бракъ со второю—княжною Чорторыскою. 1581 года, апрѣля 22.

Лѣта Божого нароженя 1581, месеца апрѣля 22 дни.

Передо мною Адамом Мисевским, на тотъ часъ будучимъ на местцу его милости князя Костентина Курцевича, подстаростего Володимерскаго, в небытности его милости у Володимери, возный повету Володимерскаго панъ Жданъ Чирскій ку записаню до книгъ вгородскихъ вызналъ тыми словы: Будучи мне приданымъ з ураду вгородскаго Володимерскаго на потребу его милости князя Януша Збаражскаго, воеводы Браславскаго, старосты Кремянецкаго и Пинскаго, такъ тежъ на потребу ее милости панес Василево Загоровское, кашталново Браславское, кнежны Маруши Збаразское, былъ есми при томъ року теперешнего тисеча пятсотъ осмьдесятъ перьвого, месеца апрѣля двадцатъ перьвого дни,

коли служебникъ его милости князя воеводы Браславъскаго Томашъ Белецкый от его милости пана своего пыталъ отъца Феодосия, епископа Володимерскаго и Берестейскаго: еслиж бы он самъ особю своею духовною, ведле обычаю права духовнаго, який розвъодъ и росправу в малжонстве чинити мел межн небожчыкомъ паномъ Василемъ Загоровскимъ и малжонкою его милости княжною Марушею Збаразъскою? такъ тежъ если бы его милость отецъ владыка благословене якое на оженене пану Василю Загоровскому давал? На нто его милость отецъ владыка такое сознане учинил и повѣдил: ижъ дей „я николи у жаднаго суду своего духовнаго, ведле обычаю и права, а ни з доброе воли, не видилъ перед собою стоячи его милости небожчыка пана Василя Загоровскаго с панею малжонкою его милости кнежною Марушею Збаразъскою, росправуючысе о малжонство, пи яко-мъ розводу жаднаго не чинил, также-м тежъ и благословени жаднаго не давал на оженене иншою жонною пану Василю Загоровскому; одно один запис был и тепер ест у книгах наших духовныхъ, што былъ повзвалъ его милость пан Василей Загоровскый малжонку свою кнежну Марушу Збаразъскую на рок певный месеца августа пятого дня, року тисеча пятсотъ шестдесятъ осмого, ведле котораго запису видимус ест дан его милости князю воеводе Браславъскому; а болшей дей тое справы у нас и у кпигах наших духовныхъ не было и тепер немаш“.—Што мною, возным, служебник его милости князя воеводы Браславъскаго Томашъ Белецкый светчил; а при немъ была шляхта, пан Прокопъ Гуляницкый а пан Антърей Борятинскый, которые того добре свѣдоми. Которое ж и сознане возного до книгъ кгородскихъ записати казаль.

Кн. городская Владим. 1581 года, № 942, л. 98 об.

Примѣч. Подобнаго же рода справки княжна Збаразская получила: отъ кievскаго митрополита, отъ епископовъ Лудскаго и Пинскаго и даже отъ самаго Константинопольскаго патрiарха, и на основанiи ихъ начала въ духовномъ судѣ дѣло о недействительности втораго брака, заключеннаго бывшимъ мужемъ ея Браславскимъ каштеляномъ Василюемъ Загоровскимъ (незадолго предъ тѣмъ умершимъ въ Крыму, въ татарской неволѣ) съ княжною Чорторыйскою. *Ред.*

2. Князь Юрій Чорторыйскій, именовъ сестры своей Катерины, требуетъ отъ Владимірскаго епископа Феодосія выдачи „разводныхъ листовъ“, которыми Василій Загоровскій и его первая жена, княжна Маруша Збаражская, обмѣнялись другъ съ другомъ, когда разводились передъ судомъ пріятелей. 1583 года, февраля 24.

Лѣта Божого нароженя 1583, месца февраля 24 дни.

Передо мною Федоромъ Курцевичомъ, подстаростимъ Володимерскимъ, возный повету Володимерского Михайло Голубъ Сердятицкий до книгъ ку записованю сознал тыми словами: штожъ дей дни пинспного, даты вышей помяснос, будучи мнѣ з уряду приданымъ на справу и потребу се милости папее Василевое Загоровское, каптальповое Браславское, папее Катерины Иваловны княжны Чорторыское, и малочи я при себе шляхту, людей добрых: пана Лукаша Рогозу а пана Яна Окулича, былъ семи во владыки его милости Володимерского и Берестейского отца Феодосия, в замочку у его милости у Володимерскомъ, где князь Юрей Чорторыйскій, именовъ ее милости пани Браславское, сестры своее, отцу владыце его милости мовилъ тыми словами: „ижъ дей кгда небожчикъ пан Василей Загоровскій и княжна Маруша Збаражская чинили доброволне межю собою развод о маженство передъ пріятелми, теды в том листе своемъ разводномъ зобополне признавають, ижъ листы разводные и в том разводе належачие до вашей милости, яко до права духовного, дали, которые прошу, абы ми од вашей милости отданы были“. Отецъ владыка Володимерскій жадныхъ такихъ листовъ у себе быти не признавалъ а ни поведалъ. Его милость князь Юрій Чорторыйскій и повторе поведилъ: „кгда бы дей ихъ милость обеде стороне, панъ Загоровскій и княжна Маруша, разводячися з собою, тыхъ листовъ вашей милости не давали, теды бы ихъ и в том листе своемъ не споминали; але ижъ споминають, мамъ за то, же у вашей милости есть; теды прошу, абы ми ихъ ваша милость вернулъ або списати позволилъ“. Отецъ

владыка и повторе тых листовъ у себе быти не признавал и поведил, же „я о жадныхъ такихъ листехъ не вѣдаю, а ни м их у пана Загоровского и в кнежны Маруши брал, и в мене их нет“. Его милост княз Юрей Чорторыйский па тое отказаль: „сестре моеи мало, же се ваша милость до тых листовъ не признаваси и в себе их быти запрел: сестра моя пани Загоровская о том з вашою милостю у далнего права о то мовити будет“; и тое все мною возпымъ и менованою шляхтою светчил.—Которое ж я сознание возного до книг кгородских записати казалъ.

Книга кгородская Владим. 1583 года, № 961, л 15.

3. Донесеніе возваго о томъ, какъ производилось въ духовномъ судѣ дѣло по жалобѣ дочери Василія Загоровскаго Ганны па княжну Чорторыйскую о незаконномъ присвоеніи ею титула и правъ жены Загоровскаго 1583 года, ноября 9.

Лета Божого нароженя 1583, месеца ноябра девятого дня.

Передо мною Александром Курцевичом, подстаростим Володимерским, постановившимся очевисто, возный повету Володимерского Михайло Голубъ Сердятицкий очевисто ку записаню до книгъ кгородских тыми словы вызналь и тое сознание на писми под печатю своею до книгъ кгородских Володимерских дал: иж дей року теперешнего тисеча пятсотъ осмъдесят третего, месеца ноябра первого дня, водлугъ нового римского календару, на року за позвы духовными приналом, перед его милостю отъцем Феодосиемъ, владыкою Володимерскимъ и Берестейскимъ, и крилошаны Володимерскими, будучи мне при справе ее милости панны Ганны Ва-

силевъны Загоровское, кашталяповъны Браславское, якож того дня звышъ помененого, постановившиися очевисто, велможная панна се милость панна Ганна Василевъна Загоровская, кашталяновна Браславская, злецила моцъ приятелем своим: пану Матею Лонцькому, писару вгородскому Кременецкому, пану Томашу Белецкому а пану Григорию Дедеркалу, прстивко ея милости кнежны Катерины Чорторыское, даючи им во всемъ зыскъ и страту, которые умоцованые ея милости домовлялися того, абы позовъ по ея милост кнежну Катерину Чортгорискую, яко на року завитомъ, был читан; которую справу отецъ владыка под тою жъ моцю отложилъ до росправы в головной речи з се милостю нанею Василевою Загоровскою кнежною Марушою Збаражскою и с кнежною Чортгорискою. А дня сегодняшнего, в понеделок, то ест месеца октебра, водле старого календару, двадцат семого дня, по учиненю в той справе межи ея милостю кнежною Марушою Збаразскою и кнежною Катериною Чорторыскою головного декрету, умоцованые ея милости панна Ганны Василевъны Загоровское звышпомененые жаловали с позву ея милости на ея милост кнежну Катерину Чорторискую в том, иж кды дей отца ея пана Василя Загоровского, кашталяна Браславского, татарове в року тысяча пятсотъ семъдесят семомъ взяли, который дей аж до сего часу в неволи в земли неприятельской седел и тых часовъ педавныхъ зъ сего света зъшол, о чом ея милост ведати скутечне про далекост земли неприятельское не могла, аж недавно ведомост о смерти его взяла, а вапа дей милост ¹⁾, приписавши себе титул тот, яко бы малжонкою отъца ея пана Василя Загоровского быти мела, затым именья ея милости отчизныя Суходолы ис приселками, ку тому имепю Суходолом приналежащими, также и во всею маестностю, зъ золотом, зъ серебром, шатми, конми, стадом, быдлом, гумном и ишшими

¹⁾ Т. е. княжна Чорторыская. Очевидно, возний, при составленіи настоящаго допесенія, пользовался судебнымъ позволю, въ которомъ пронисана была сущность обвиненія, въ формѣ личнаго обращенія къ отвѣтчику. *Ред.*

вшелякими пожитками, што одно в тых именах было, квалтовне и невидомо заграбила, и то дей аж до сего часу на себе квалтовне держиш, што дей ее милости правомъ приржоным, яко на властного потомъка того небожчика пана Василя Загоровъского, кашталяна Браславского, припадает; и о то ее милост с тобою у суду належного целое право зоставуючи, толко о то с тобою у суду нашего духовъного мовити хочет, што дей вапа милост, не будучи никгды жоною отца ее, кгдаж кнежна Маруша Збаражская ест жива, над которую дей он иншое жоны мети не могъ; якож дей вжо ее милост панна Ганна Василевна Загоровъская о то вапу милост позволом нашим духовным позывала, якож дей и вапа милост на року зложом перед нами становилася, и кгда дей ее на позовъ жалобы панны Ганны Загоровъское отказовати сказал, вапа дей милост умоцованого своего Подгороденского от себе против ее милости устала и в право вступила, и не будучи до конца послушна сказаню нашего и не усправедливившиися ее милости панне Ганне Загоровское, проч от суду нашего отошла, о што ее милост з вапою милостю у суду духовъного мовити хочет и до прислухана головного декрету позывает.—А по вычитаню позъву, доводячи того, нж ее милост от суду, не слушаючи розсудку нашего духовъного, упорне отошла, положил декрет суду нашего под датою року тисеча пятсот осмъдсят третего, месеца феврала первогадцат дня, с которого ся то оказало, нж ее милост кнежна Катерина Чорторыйская, будучи от ее милости панни Ганны Загоровъское позвана, на року ставши и въ право вступивъши, не слушаючи до конца розсудку нашего, проч отошла. И просили умоцованые ее милости панни Ганны Загоровское, абы па ее милости кнежне Катерине Чорториское, яко ся они п на першомъ року домовляли, абы водле артикулу второго в разделе четвертомъ описаного, яко непослушная была здана, который артикуль и теперь до вапое милости подаемъ и просимо, абы вапа милост, отче владыко, декрет ведле Писма Божого у Матфея, глава девятаядцат, и до Коринтив в послапю Павла святого,

глава осмая, учинити рачиль. А владыка Володимерский и Берестейский, не слушаючи таковых выводов чиненых и не читаючи жадных доводов и статуту, от стороны поводовое показованых, але кьволи стороне позваное, неведати зь якого права, не розсуживаючи тое справы, на узнане до его королевское милости отослад. Што все умоцованые ес милости панны Загоровское мною возным светчили о зльий и несправный всказ и домовлялися того, указуючи правне, иж то вже иншая особа и о иншую реч чинит: бо то кнежна Марина Збаразская, жона пана Василя Загоровьского, а то зас панна Ганна Загоровьская, потомок. О то ж, ижесь всказал, признаваючи, якобы за яким еднанем пани матка ес милости панны Загоровское мсла се дозволит оженити малжонкови своему а отцови ес милости иншою жоною, о чом ес милост не ведает и не о то чинит; але яко сторона перед тым, вступивши в право и не слушаючи далее права, отошла, так и тепер не стает и ничего не мовит, а ты ес милости декрету правного не чиниш, ку зволоце справедливости ес милости панны Ганны Загоровское. И оповедали о то з владыкою, яко о зльий всказ, так и о шкоды, которых себе се милость менит на десет тисечей золотых за тою проволокою справедливости ес милости, в праве належном чинити.—Которое ж я сознане возьного до книг кгородских записати казалъ.

Кн. кгородск. Владим. 1583 г., № 961, л. 348 об., актъ 346.

Примъч. Упоминаемая въ настоящемъ документѣ Ганна Загоровская имѣла въ то время не болѣе 12—13 лѣтъ отъ роду. Кажется, она родилась послѣ того, какъ ея мать, княжна Збаразская, разошлась съ мужемъ (см. выш. № XLV, стр. 155). Въ духовномъ завѣщаніи Василя Загоровскаго, писанномъ имъ въ 1577 г. въ татарскомъ плѣну, онъ упоминаетъ о ней въ слѣдующихъ словахъ: „А што ся дотычетъ дочки моее Ганны, когорую-мъ мель съ первою жоною моею Мариною Збаразскою, той, ласку и милость мою повинную отцевскую цело отдаючи, хотя же-мъ, про незычливость матки ес, николи очима моима не видилъ, запишу ей тымъ тестаментомъ моимъ, по животе моемъ, тисечу копъ грошей литовскихъ,... кгда ей Богъ милосердный человека доброго въ малжепство дастъ“. Кромѣ того, онъ завѣщаль ей дать, при выдачѣ въ ла-

мужество, 30 лошадей, 100 овец и нѣсколько вещей изъ серебра (Архивъ Юго-зап. Россіи, ч. 1, т. 1, стр. 77) Но княжна Збаражская хотѣла добиться того, чтобы ея дочь была признана единственной наслѣдницей значительнаго состоянія Василя Загоровскаго, и съ этой цѣлью начала въ духовномъ судѣ дѣло о недѣйствительности второго брака Загоровскаго и, слѣдовательно, о незаконнорожденности происшедшаго отъ этого брака потомства. Въ первый разъ дѣло это разсматривалось Владимірскимъ епископомъ Θεодосіемъ 11 февраля, 1583 года. Княжна Чорторійская въ свое оправданіе представила документъ, помѣщенный въ настоящемъ томѣ выше, на стр. 160, въ доказательство того, что первый бракъ Загоровскаго былъ расторгенъ законнымъ порядкомъ; но владыка, по настоянію обвинительницы, призналъ этотъ документъ „неслушнымъ“ и „его, яко неслухный и неправный, скасовалъ и вывеч обернулъ“. Ответчица, „розумѣючи то собѣ быти зъближенемъ права своего“, потребовала перенесенія дѣла на судъ митрополита, что и было исполнено. Когда обѣ стороны явились къ митрополиту Онисифору, то онъ, разсмотрѣвъ „зо всѣми крылошаны своими“ дѣло, призналъ, что оно ему не подсудно, а на основаніи апостольскихъ правилъ и церковныхъ канонѣвъ подлежить единственно суду епархіальнаго архіерея, т. е. того же Θεодосія Лазовскаго. Тогда король повелѣлъ епископу Θεодосію вторично разобрать дѣло, назначивъ ему въ ассистента Холмскаго епископа Леонтія Зеновча-Полчицкаго. Нѣсколько дней продолжалось разсмотрѣніе этого необычайнаго дѣла, и всѣ шансы выиграть его были несомнѣнно на сторонѣ княжны Збаражской; но когда настало время произнесенія приговора, то еп. Θεодосій, „осветчившисъ Богу и всѣмъ людемъ“, что судить по совѣсти, объявлялъ декретъ, которымъ призналъ княжну Катерину Чорторійскую законною женою Василя Загоровскаго, а ея дѣтей—законными его дѣтьми и наслѣдниками. Княжна Збаражская заявила, что она признаетъ этотъ декретъ „неслушнымъ, писму Вожому, праву носполигому и розумови противнымъ“, и апеллировала „до его королевскои милости, яко до суду вышного“, тѣмъ болѣе, что участвовавшій въ разсмотрѣніи дѣла епископъ Холмскій Леонтій тутъ же объявилъ, что онъ „на таковой декретъ, который владыка Володимерскій учинилъ, не зезволяетъ, владычи его быти противнымъ писму Вожому и праву носполитому“.—Подробный протоколъ этого интереснаго дѣла, по счастью, сохранившійся въ актовыхъ книгахъ, напечатанъ въ I т. 1-й части „Архива Юго-зап. Россіи“ подъ № 35, поэтому мы ограничимся здѣсь лишь краткой передачей его содержанія, насколько это необходимо для поясненія помѣщаемыхъ нами другихъ документовъ, относящихся къ тому же дѣлу. *Ред.*

4. Удостовереніе, выданное бывшимъ игуменомъ Пересопницкимъ Кирилломъ Лясковскимъ, въ томъ, что онъ повѣнчалъ княжну Катерину Чорторыйскую съ Василіемъ Загоровскимъ, имѣя основаніе считать правильнымъ разводъ его съ первою женою, княжною Марушею Збаражскою. 1584 года, генваря 26.

Лѣта Божого нароженя 1584, месеца генваря 26 дня.

На рочкахъ кгородскихъ Володимерскихъ, дня оногдашнего, в четвергъ, того ж месеца генваря двадцать шостого, за' позвы кгородскими Володимерскими припалых и судовне отправовати зачатыхъ, перед нами Александромъ Курцевичомъ, подстаростимъ, а Хведоромъ Курцевичомъ, судею, врядники судовыми кгородскими Володимерскими, ставши очевисто в замку господарьскомъ Володимерскомъ, отецъ Кирило Лясковскій подал лист под печатью и с подписомъ руки своее и под печатъми и подписомъ рукъ людей добрыхъ, даный от него ку сведецству еи милости панеи Василевой Загоровской, капиталяновой Браславской, княжне Катерине Ивановне Чорториского, просячи, абы тотъ листъ его до книгъ кгородскихъ Володимерскихъ былъ вписанъ; которого мы огледавши и его перед собою вычитати давъши, за прозбою того отца Кирила, слово от слова, с початку аж до конца до книгъ кгородскихъ Володимерскихъ вписати велели, который листъ так ся в собѣ масть: „Я Кирилей Лясковскій, богомолецъ господарскій, сознаваю симъ моимъ листомъ каждому, кому бы того ведати належало, ижъ будучи мне игуменомъ у монастыри Пересопницкомъ, былъ ссми везванымъ от ее милости кнегини Ивановое Чорториское, кнежны Ганны Кузминны Жеславского, в року тисеча пятасть семьдесятъ первомъ, месеца генваря двадцать третего дня, в неделю, до имѣнья ее милости Смержева. Тамъ же я, приехавши, засталъ ссми людей задныхъ: их милость пана Петра Богдановича Загоровского, маршалка его королевское милости, отца пана Василя Загоровского, и самого его милости пана Василя Загоровского, маршалка его королевское милости, пана Богдана Сопегу, пана

Остафья Горносталя, воеводича Новгородского, пана Олизара Кирдья Мылского, маршалка его королевское милости, пана Василия Гулевича, войского Володимерского, пана Яродея Гостского, пана Гаврила Бокия, судью земского Луцького, пана Яна¹⁾ учинили з шлюбу и закону малженского, обое собѣ позволивши: позволил ей милости панъ Василей за иного мужа пойти, а кнежна Маруша его милости пану Василию Загоровскому позволила доброволне иную жону поняти, кого хочаши. Который листъ под заруками справлень, абы се тое вечными часы не впоминало перед жадным правомъ, такъ духовнымъ, яко и свецким, и тот листъ печатми людей задних былъ запечатованъ, и сама ее милость кнежна Маруша печат свою до оногo листу, постановеня приятельского, приложивши, рукою своею власною по полску подписати рачила. Я, зрозумевши достаточно з листу его милости отца епископа Володимерского, иж не такъ Василей Загоровский причину до розорваня малженства дал, але ее милость кнежна Маруша сама причиною розорваня малженства была, такъ теж з листу угоды ихъ милостей, же ее милость кнежна Маруша Збаражская его милости пану Василию Загоровскому, не хотечи ему водле присеги своєї быти малженкою, позволила доброволне иную жону поняти. с тыхъ тогда слупныхъ причинъ, чинечи я досит повинности моеї духовной и жадаю ихъ милостей, дал есми шлюб его милости пану Василию Загоровскому з ее милостю княжною Катериною Чорторискую у дворе се милости кнегини Чорториское, у Смержеве, при бытности менованыхъ ихъ милостей пановъ приятелей, на то з обохъ сторонъ возваныхъ, малочи при собѣ священника Троецкого, протопу Клеванского, отца Трифония и священника е. м. Михайловского отца Ивана, водлуг закону нашего греческого шлюбъ давши, то ест звинчавши, ихъ милостямъ в станъ светый малженский вступити есмп благослови. На што я, для ведомости и потребы и жадаю ее милости папее Василевое Загоровское, кашта-

¹⁾ Средняя акта утрачена. *Ред.*

ляновое Браславское. княжны Катерины Чорториское, дал семи
сестер мой лист под моею печатью и с подписом властной руки
моей; до которого сего листа моего их милости панове: его ми-
лость панъ Иванъ Гулевицъ Смолитовскій, подсудок земскій Во-
лодимерскій, а пан Михайло Дубницкій, войтъ дедичный Володи-
мерскій, печати свои приложити и руки свои подписати рачили.
Писан у Володимери. року по нароженю Исуса Христа Сына Бо-
жого тисеча пятсот осмдесят четвертого, месеца гепваря двадцат
шестого дня. Кирил Лясковский рука власна. Иван Гулевиц власна
рука. Михайл Дубницкій рукою власною подписалъ.

*Начало документа—въ гродской Владим. книгъ 1584 г., №
962, л. 29; окончаніе же найдено между отрывками этой книги,
оставшимися во Владимірѣ-Волынскомъ Архивѣ послѣ перевода
оттуда актовъ въ Киевск. центр. Архивѣ въ 1852 году, и
сообщено священникомъ г. Владиміра-Волынскаго о. Диміиломъ
Левцикимъ.*

5. Донесеніе вознаго о' врученіи княжнѣ Катеринѣ Чорторійской
позвоу: отъ Львовскаго латинскаго архіепископа Яна-Дмитра Сули-
ковскаго и православныхъ епископовъ: Холмскаго Леонтія Зеновича-
Полчицкаго и Галицкаго Гедеона Болобана, по обвиненію ея княжнѣ
Марушей Збаражской въ незаконномъ присвоеніи титула жены Васи-
лія Загоровскаго. 1586 года, марта 4.

Року 1586, месеца марта 4 дня.

Постановившия очевисто на вряде гродском Володимерском,
передо мною Андреем Романовским, подстаростим Володимерским,
возный повету Володимерского пан Михайло Голуб Сердятицкій
ку записано до книг гродских вызналъ тыми словы: иж року те-
перешнего тисеча пятсот осмдесят шестого, месеца марта чет-
вертого дня, положиломъ три позвы, слово в слово писапыс, у

дворе Суходолскомъ, по ея милост княжну Катерину Чорторыйскую, в жалобе ея милости папее Василевое Загоровское, кашталяновое Браславское, княжны Маруши Збаразское о неслушно собе приписане п зване ся титулом пегожчика Василя Загоровского, кашталяна Браславского, яко то пирей и меновите на тых позвех ест описано, то ест: перший позов. писмом полскимъ писанный. от павелебпейшого в Хрыстусе Яна Дмитра Суликовского, з ласки Божое арцыбискупа Львовского, а другий позовъ, писмомъ рускимъ писанный, од велебного въ Хрыстусе Леонтия Зеновича Полчицкого, владыки Холмского и Белзского, а третий позов, писмом рускимъ писанный, од велебного Гедиона Болобана, владыки Галицкого, Львовского и Каменца Подолского; а при мне на тот час были: ксендзь с Порицка Адам Клопотовский, и поп Замлицкий Андрей Гервасевич, и сторона шляхта, люде добрые, пап Валентый Комнацкий а пан Григорей Олешковский. Якож, тут же будучи очевисто, при возном, ксендзь с Порицка и священник Замлицкий п шляхта вышей помененая в тые ж слова вызнали, яко и возный сознал, же позвы положили. Которое очевистое возного сознание и теж вышей менсных особъ я-мъ до книг кгородских записати казать.

Книга городская Владим. 1586 г., № 963, л. 83, актъ 58.

Примъч. Очевидно, что король, на судъ котораго было перенесено дѣло о второмъ бракѣ В. Загоровскаго, не взялъ на себя его рѣшенія, а передалъ его на судъ особой комиссиі, состоявшей изъ Львовскаго латинскаго архіепископа и двухъ православныхъ епископовъ. Въ половинѣ декабря того же 1586 года возный, съ участіемъ ксендза и священника, вторично вручаетъ княжнѣ Чорторыйской судебныя позвы отъ членовъ этой комиссиі и назначаетъ ей срокъ (7 января 1587 г.), въ который она должна „стать передъ ихъ милостями“ въ г. Львовѣ. (Кн. гр. Владим. 1586 г., № 963, л. 911 обор.). Какое рѣшеніе постановлено было этой комиссиёй по данному дѣлу — въ актахъ нѣтъ свѣдѣній. *Ред.*

6. Врученіе епископу Феодосію судебныхъ позововъ отъ Кіевскаго митрополита Онисифора по жалобамъ княжны Маруши Збаражской и ея дочери Ганны Загоровской о неправильномъ рѣшеніи ихъ дѣла съ княжною Катериною Чорторыскою. 1588 года, апрѣля 1.

Року 1588, месеца априля первого дня.

На вряде кгродкомъ Володимерскомъ, передо мною Яном Шостовицкимъ, на тот час будучим на местцу его милости пана Андрея Романовского, подстаростего Володимерского, в небытности его милости на тот час у Володимеру, ставши очевисто, возный повѣту Володимерского пан Исакий Долмацкий ку записаню до книг кгродских вызнал тыми словы: ижъ за приданемъ врядовымъ, маючи при себе двухъ свещеников: отца Андрея Гервасевича, презвитера Замлицкого, а отца Марка Подмокловича, Бискупицкого, приданых очевисто од его милости отца Феодосія Лазовского, епископа Володимерского и Берестейского, подалем очевисто в руки позов три от его милости отца Онисифора, з ласки Божое архиепископа митрополита Киевского и Галицкого и всея Руси, его милости отцу Феодосію, епископу Володимерскому и Берестейскому, то ест: один позов в жалобе ея милости панес Василевос Загоровское панее Маруши княжны Збаразское о неслухный всказ с кнежною Катериною Чорторыскою, што ширей и достачней на том позве отца митрополита его милости ест описано и доложено, а два позвы от того ж отца митрополита по его-ж милость отца епископа Володимерского в жалобе ея милости панны Ганны Василевны Загоровское: оден позов, иж княжна Катерина Чорторыская, мимо матку ея милости княжну Марилу Збаразскую, живую жону отца ея милости Василя Загоровского, мнит ся быти жоною помененого Василя Загоровского, отца ея милости, што дей водле права и писма Божого, прав хрестянских, быти не могло; а другий позовъ по его жъ милость отца Феодосія, епископа Володимерского и Берестейского, в жалобе ея жъ

милости паншы Ганны Загоровское, иж помененая княжна Катэрина Чорторыскал, мимо матку се милости, живуую жону отца се милости Василя Загоровского, кашталяна Браславъского, княжну Марину Збаразскую, менит ся быти жоною Василя Загоровского, отца се милости, чимъ дей водле права, писма и права Божого быти не могла, и затым дей привлацает собе тытулу отца се милости, которая справа на тых позвех ширей есть описана и доложена. Которые позвы отдадем его милости целые, несъкробаные, незмазаные, в дате и во всемъ с тыми, которые при их милости zostали, згодливые; за которыми позвы зложилъ есми рокъ его милости отцу Феодосию, епископу Володимерскому, перед его милостю отцем митрополитом стати, яко в позвех есть описано. Которое созначе возного до книг кгородских есть записано.

Книга кродск. Владим. 1588 г., № 964, л. 145 об., актъ 136.

Примъч. Дальнѣйшая судьба процесса о недействительности второго брака В. Загоровскаго не известна по актамъ. *Ред.*

ХСV.

Дарственная запись князя Константина Константиновича Острожскаго, крайчаго Литовскаго, старосты Владимірскаго, выданная имъ своей женѣ Александрѣ Васильевнѣ Тишкевичевнѣ на право владѣнія всею его движимостью по его смерти. 1583 года, марта 2.

Року тисеча пятсот осмдесять третего, месеца марта сегого дня.

Постановившиися очевисто на вриде кгородскомъ Луцкомъ и книгами кгородскими Луцкими, передо мною Фалелѣемъ Бережцкимъ, будучимъ на местцу пана Станислава Петровского, подста-

ростего Лудского, от его велможное милости пана Алексадра Пронского, столника Великого князства Литовского, старосты Лудского, велможный его милость панъ Костентинъ Костентиновичъ княжа Острозское, крайчий Великого князства Литовского, староста Володимерский, созналъ водле листу запису своего, который от себе малжонце своей, ее милости палее Александре Василевне Тишкевичовне, воеводянце Смоленской, на обдаровале по животе своемъ ен милости малжонце своей всѣх речей рухомыхъ, которые колвекъ въ рухомости названы быти могутъ, яко ширей а достаточней на томъ листе, записе его милости, который его милость паней малжонце своей далъ, описано и доложено есть: и тот лист, запись свой, подъ печатью своею и с подписомъ руки своею и под печатми и съ подписомъ рукъ людей зацныхъ, его милость князь Костентинъ Острозский на вриде положивши, просиль, абы до книгъ уписанъ былъ, которого и для вписовагья до книгъ припаялъ, и такъ ся в себе маеть: „я Костентинъ Костентиновичъ княжа Острозское, крайчий Великого князства Литовского, староста Володимерский, ознаймую тымъ моимъ листомъ каждому, кому того потреба ведати або чтучи его слышати, нинешнимъ и напотомъ будучимъ: ижъ я, зъ воли и презрентья Бога сотворителя, будучи обвьязанный стадломъ малженства светого з малжонкою моею милою панею Александрою Василевною Тишкевичовною, воеводянкою Смоленскою, а скутечне во всѣхъ поступкахъ ес учтивыхъ дознавши цноты, повинности, веры, всякое учинности и праве упримое повинное милости малжоньское ку себе, и будучи тежъ ку ней, малжонце моей милой, таковою-жъ милостю порушонимъ, якою ся каждому доброму годит противко цнотливому милому товаришу, малжонце своей, показати, даю, дарую и вечне ей, малжонце моей милой паней Александре Тишкевичовне, воеводянце Смоленской, записую по животе моемъ всѣ речи, которые колвекъ в рухомости названы быти могутъ и што бы се колвекъ в семь листе моемъ поменило и не поменило, то есть: гроши готовые и на долгахъ записанные и незаписанные, золото у

золотыхъ черленыхъ, ланцоухохъ, клейнотахъ и всякое иное работы; серебро всякое, лапаное, старое и повоприробленое на ридехъ, галжбантахъ, шабляхъ, кончерахъ, седлахъ, сагайдаках, въ мисахъ, полумисахъ, тарелех, ложках, наливках, конвяхъ, чарах, кубькахъ и всякои же колвекъ работы серебра позлотистого и белого клейноты всякие; колибки, кареты, камене дорогое, перла, шаты, возники, цыпь, мѣдь, возы всякие, колибки, кареты и возы скарбные и всякие иные речи и спряты рухомые, которые якимъ же колвекъ способомъ помнити могутъ. Маает малжонка моя милая, скоро по животе моемъ, в моц, владност и в шафуюнокъ свой взявши, па пожитокъ оборочати и тымъ всимъ водлугъ воли и уподобанья своего шафовати, волпа будучи отдать, продати, заставити и кому хотя по свосемъ животе записати, о што никто з братьи, кровныхъ, близкихъ и повиповатых моих сѣ, малжонце моей милои, никоторое трудности чинити, а ни того поискивати от псе, а ни о то до права потегати псе мають, кдыжъ волно каждому власностю своего яко хотя шафовати. На што семи панен Александре Василевне Типковичовне, восводипце Смоленской, малжонце моей милой, далъ сесь листь мой подъ моею печатю и съ подписаньемъ властное руки моее, а для лепшого твердости просилъ есмн о приложенье печатей их милости пановъ: велебного в Бозе его милости отца Феодосия Лазовского, епископа Володимерского и Берестейского, князя Костентина Курцевича а пана Стапислава Вилчополского, которые их милости на жаданье мое учипили и до сего листу моего печати приложили и руки свои подписати рачили. Писан у Володимери, лѣта Божого пароженья тисеча пять сотъ осмдсѣять третего, месяца марца второго дни. Kostantin książę Ostrozkie, krączy W. X. L., starosta Włodzimierzsky, ręką swą.—Феодосій, епископъ Володимерскій, властною рукою. — Костентинъ Курцевичъ власная рука.— Stanisław Wilczopolsky ręką.—А такъ я тое очевистос сознанье его милости княжати Костентина Острозского, крайчого Великого княжства Лип-

товского, старосты Володимерского, и менованый листъ, запись его милости, до книгъ кгородскихъ Луцкихъ записати казалъ.

Книга кродск. Луцкая 1583 г., № 2062, л. 87 об.

ХСVI.

Дарственная запись княгини Александры Васильевны Острожской мужу своему князю Константину и потомкамъ его на право наследованія, по ея смерти, всѣми родовыми ея имѣніями. 1583 года, марта 2.

Року тисеча пятсот осмдесять третего, месеца марца семого дня.

Постановившиися очевисто... (*и проч., какъ въ предыдущемъ документѣ*) велможная се милость кнегини Костентиновой Острозская, крайчиная Великого княжства Литовского, старостиная Володимерская, пани Александра Василевна Тинковичовна, воеводянка Смоленская, доброволне водле листу, запису своего, которого от себе подъ печатью и с подписми рукъ людей добрых велможному пану его милости кнежати Костентину Костентиновичу Острозскому, крайчому Великого княжства Литовского, старосте Володимерскому, малжонку своему, на вечное дарованье по животе своемъ именей еи милости отчизныхъ и материстых, у Великомъ князствѣ Литовскомъ лежачихъ, дала, што ширей и меновите на томъ листе, записе его милости, описано и доложено есть; который листъ передо мною на вряде покладала, просечи, абы былъ вычитанъ и в книги кгородские Луцкие уписанъ. Которого я листу огледавши и видячи тотъ листъ се милости целый и ни в чомъ пенарушонный, до книгъ кгородскихъ Луцкихъ для вписованя принялъ, и такъ ся в себе маеть: „Я Костентиновая Костентиновича княжна Остроз-

скал, крайчиная Великого князства Литовского, старостиная Володимерская, Александра Василевна Тишковичовна, воеводянка Смоленская, чиню явно и сознаваю тым моимъ листомъ каждому, кому бы того потреба была ведати албо чтучи его слышати, нынешнимъ и напотомъ будущимъ вшелякого стану людемъ: ижъ дознаваючи и ку себе великое ласки, упримое а широе милости его милости кнежати малжонка своего, его милости кнежати Костентина Костентиновича Острозского, крайчого Великого князства Литовского, старосты Володимерского, и хотячи за то его милости вшелякую хуть и поволность мою оказати, а тым большей ласки и добротливости его милости себе приспорити, зваща же-мъ тежъ его милости, яко пану и добродееви своему, наболшей повинъна служити и всего доброго зычити, не будучи на то от кого ничимъ намовена а ни примушена, и овшемъ з статечнымъ розмысломъ моимъ а за радою и волею их милости пановъ приятелей моих, повинныхъ, к тому маючи волност с права посполитого и поправки сойму Берестейского власностю своею шафовати, сама по доброй воле своей его милости княжати малжонку моему, его милости кнежати Костентину Костентиновичу Острозскому, крайчему Великого князства Литовского, старосте Володимерскому, детемъ и потомкомъ его милости, по животе моемъ, вси имена мои, мне отъ его милости пана отца моего, небожчика пана Василья Тишкевича, воеводы Смоленского, и ее милости пани матки моее, пани воеводиное Смоленское, вечностю записаные, въ повете Слонимскомъ и индеи в панстве его королевъское милости у Великомъ князстве Литовскомъ лежачие, то есть: дворъ и фолварокъ Белавичи з селы и приселки, дворецъ Сидоровский и вси двory и фолварки, села и приселки, здавна и теперъ к тому имену Лососину, Белавичомъ и иншимъ фолваркомъ належачие, дворець въ повете Володимерскомъ Радобыльскый и иные вси двory, села и приселки, з бояры панцырными, путными, людьми оселыми, тяглыми, данъными, огородникамъ, подуседки, зъ ихъ службами, платы, повинностями, с подачками, с полми, ролями, сепожатми, з борами, лесами, гайми.

дубровами, запустами и зарослями, в ставами, реками, в ставища-ми, озера и болоты, в млынами, рудами, пилами, фолюшами, с коръчмами, мостами, в ловы звериными, пташими, рыбными и бобровыми гоны, в деревомъ бортнымъ осажонымъ и пустымъ, в уходами и згола во всеми кгрунты, принадлежностями и пожитки, яко ся оные именья Лососино во всеми селы и приселки, дворъ и фолъварокъ Белавицкий во всеми селы и приселки, дворець Радобылский и всѣ дворы, села, приселки здавна и теперь в своих границах, межахъ и обыходех и пожитках мают, ничего па кровъные и повиноватые мое не оставуючи, овшемъ отдаляючи то от пановъ брата, сестръ своихъ, кровъныхъ и повинныхъ моихъ,— его милости княжати малъжонку моему помененому, детемъ и потомком его милости. по животе моемъ, даю, дарую и симъ листомъ моимъ вечне и на веки ничымъ не порушно записую. Мать его милость княжа Костентия Костентинович Острозский, панъ а малъжонк и добродей мой милостивый, также дети и потомки его милости, по животе моемъ, оное именье Лососиную (sic!), дворъ Белавицкий, во всеми дворы, селы и приселки, и дворець Радобылский и иные во всякими принадлежностями и пожитки держати и уживати вечными часы, будучи волепъ и моценъ оное именье Лососиную, дворъ и фолъваркъ Белавицкий, дворець Радобылский и иные вси здоймомъ або и по частемъ кому хочечи отдати, продати, заменити, ку своему пожитку оборочати и тымъ, яко влосностью своею, подле воли и уподобанья своего, шафовати вечными часы; а панове брата, сестры, близкие, кровные и повинные мое в тое ничымъ ся вступовати, шкоды, переказы, ниякого затрудненья княжати его милости, также детемъ и потомком его милости, чинити и задавати и ни до якого права о то позывати не мають, под закладомъ на князя его милость папа малъжонка моего, дети и потомки его милости двадцетма тысячми копами грошей литовскихъ. О который закладъ, будучи панове брата або сестры, такъ же кровные и повинные мое, за нарушеньемъ сего запису моего, позвапи до якого-коллежъ права и суду и вряду и в

который-коллежъ повет, тогда за першимъ позволю и на первомъ року, яко па завитомъ, ничимъ позволю и року не збиваючи и не закладаючи ся жадными причинами, правными и неправными, стати а оный закладъ только кротъ, колько бы в чомъ сего запису моего нарушили а позвани были, ничимъ не зникаючи, княжати его милости пану малжонку моему, детемъ и потомкомъ его милости платити повинныи будутъ, а по заплаченью того закладу албо закладовъ, предъся сесь листъ, запись мой, завжды держанъ и при моцы вечно захованъ быти маеть. Которого запису ижъ про далекость дороги и поветехъ власныхъ вызнати не могу, тогда его на которомъ коллежъ уряде его королевское милости о то ведати и вызнати маю, даючи княжати его милости, пану малжонку своему, волпость и моць до книгъ земскихъ, коли одно его милость похочеть, самому албо черезъ служебника его милости перенести и дати вписати, што такъ маеть быти моцно и важно, якобымъ я сама у оного суду земского стала и вызнанье учинила, а хотя бымъ тежъ и передъ урядомъ кгородскимъ сего листу, запису моего, зъ якос пригоды або припадку вызнати не могла, тогда то его милости, княжати малжонку моему, и праву его милости шкюдити ничого не маеть, кдыжъ яко каждому, такъ и мне имена набытые, з ласки его милости пана отца и пани матки моее мне записаны, не только записомъ, але и тестаментом отписати волно. И на то-мъ дала княжати его милости, пану малжонку моему, сесь мой лист, запись, з моею печатю и съ подписомъ власное руки моее. А при томъ были и того добре сведоми и за устною и очевидною прозбою моею печати свое к сему моему листу приложили и руки подписали их милости панове: велебный в Бозе его милост отецъ Феодосий Лазовский, епископъ Володимерский и Берестейский, князь Костентипъ Курцевичъ а панъ Станиславъ Вилчопольский. Писан у Володимери, лѣта Божого нароженя тысяча пятсотъ осмдесять третего, месяца марьца второго дня. Костептинова Острогская Александра Тишкевичовна рукою власною.—Феодосий, епископъ Володимерский, властною рукою.—Костептинъ

Курцевичъ властная рука.—Stanisław Wilczepolsky ręką własną“.—
А такъ я тое очевпстое сознанье ее милости кнегини Костентин-
новое и тотъ менованый листъ, запись ее милости, слово въ слово,
с початку ажъ до конца до книгъ кгородскихъ Луцкихъ записати
казаль.

Книга иродская Луцкая 1583 года, № 2062, л. 82 об.

ХСVII.

Жалоба землянина Григорія Володковича о томъ, что зем. Романъ
Гостскій, сосватавъ за него свою дочь, подъ разными предлогами от-
срочиваетъ день свадьбы и тѣмъ вводитъ жалобщика въ убытки. За-
явленіе жалобщика, какъ происходило сватовство. 1583 года, іюня 7.

Року 1583, месеца іюня 7 дни.

Приходилъ на вриад кгородскій Луцкій, до мене Фалелѣя Бе-
режецкого, будучого на мествцу пана Станислава Петровьского,
подстаростего Луцкого, земенин его кор. милости земли Жомоитское
и Полоцкое пан Григорей Иванович Волотковичъ, оповедаючи о
томъ, штожь дей року прошлого тысяча пятсот осмьдесятъ первого,
будучи ему тут на Волюню с приятелемъ своимъ паномъ Юремъ
Юньдиломъ, подкоморим Волъковыйским, кгда дей посполу одпро-
важали тут на Волын з Литвы малъжонъу его милости княжати
Яхима Корецкого, воеводича Волинского, и мешкаючи час нема-
лый в вйменю их милости Межиречи, придалося дей ему бити в
дому земенина повету Луцкого пана Романа Велегорского. Панъ
Романъ Госкій, не маючи з ним знаемости никоторое, одно выда-
ючи о бытности его тамъ, посылалъ не однокротъ, великими проз-

бами уживаючи его в дом свой, за которыми то он чинечи, в дом его до замку Госчи приехал. Тамъ дей, показавши оному хуть, зычьливости, велце чтил и колько дней от себе не пустил, способючи дей его до вшелякое приязни: а кгда дей в tych днех там же до Госчы прибыть рачил его милость княжа Костентин Острозский, крайчий Великого князства Литовского, староста Володимерский, тамъ дей значне то и словы оказалъ, жебы его вечнымъ приятелемъ в дому своем мети хотель, до чого дей се хутьливе чинилъ былъ и самъ княжа его милость причинил; потымъ дей и самъ панъ Романъ Гоский частокротъ оного намавалъ, не толко самъ, але и приятел его панъ Иванъ Чапличъ Шпановский, войский Луцкий, тые жъ слова не пооднокротъ плодечи, до спояня приязни приводилъ, обещаючи ему и девъце своей вшелякую милость и наданье маестности. Зачимъ дей и за такимъ усилованьемъ схиливши за намовами хуть свою, на то се привести далъ, жебы дочку того пана Романа Гоского а сестру пана Ярофея и Гаврила Госкихъ рожоную, панну Настазью Госкую, в стан светый малъженский взяти позволил, за которою дей мели посагу дати тисечу золотых польскихъ, то ест чотыриста копъ грошей литовских, кромъ выправы, и часть Радомля, именъя ее материстого, за прибытемъ его на Волынъ зо всемъ поступити. К тому дей тот пан Романъ Гоский, способючи его до такое приязни и намавляючи пильно, учинилъ ему таемъне присягу телесную, словне, под великими шлюбами, с проклятьемъ на душу и на тело свое, же дей мел дати и даровати вечным правом ему сто служобъ людей оселых от имени своего Госчи, на што при оной присязи своей а давши ему на то руку, малъжонку свою пани Дороту Корчминскую до того привелъ, абы тои справы святкомъ была, ено дей заказалъ, абы сыномъ его то ведати не дошло, и иншихъ дей обетницъ не мало ему чинил, и шкоды, которые бы для далекое проеждчъки своее поднял, пагорожати прирекалъ. Зачимъ оная панна Настасья Гоская кгда за него в стан малженский была змовена, там дей и листы межи собою записные дали, зложивши рокъ веселью в ден

Сшествія свѣтото Духа, то ест о свѣтъкох, которое свѣто в року прошлом осмѣдѣсѣть второмъ минуло. Передъ которымъ дей рокомъ неделъ за чотырнадцѣть оный дей панъ Григорей Волотковичъ тутъ на Волынѣ прибылъ и вже не отежѣдчаючи того року пилновати дей умыслилъ былъ; лечь кгда дей в дому у Госчи былъ, оный дей пан Романъ Госкій и сынове его Ярофей и Гаврыло Госкіе сами и с приятели своими пилне в томъ его уживали, а прикладаючи трудности свои, жебы тотъ рокъ весело далей преложитъ ся могъ, на што дей онъ позволилъ, и рокъ зложили и описали собе в неделю первую по свѣте Вспенія свѣтото Пречистото в року прошломъ осмѣдѣсѣть второмъ, месеца августа деветнадцѣтото дня, чого дей пан Романъ Госкій присегою телесною словѣне подпиралъ, упевняючи пана Володковича, же тая справа зачатая дойти завжды муситъ. В тотъ дей часъ, за онымъ отложенемъ, едучи ему назадъ до Литвы, коней с стайнею немало в дорозѣ згорело, которые дей коштовали его осмѣсотъ таляровъ старыхъ. А частъ имени Радомля, тои панне Настаси Госкої належачую, описалися дей они на день Сшествія свѣтото Духа в року прошломъ осмѣдѣсѣть второмъ, месеца июля третего дня, ему самому албо посланцу его поступити, под закладомъ тисечею золотыхъ полскихъ; на который рокъ кгда дей онъ служебниковъ своихъ Якуба Куроша и Ивана Житинского послалъ, они дей, занедбавши опису своего и заруки в немъ описаное, того имени имъ поступити не хотели и не поступили; которая дей справа о тое веседе, межѣ ними зачатая, черезъ розныя записы точила се ажъ до часу и дня теперъ минулого, то естъ до дня Сшествія свѣтото Духа в року теперешнемъ тысяча пятьсотъ осмѣдѣсѣть третемъ, на которыхъ записехъ о всемъ ширей и достаточней естъ описано. За которыми дей и то уросло, же они, панъ Романъ Госкій и панъ Ярофей, сынъ его, шлюбили и прирекали и руки на то дали его милости пану Войтеху Стареховскому, старостѣ Вышокгородскому, абы онъ отъ себе того папа Володковича упевнилъ, кгдажъ дей вже онъ некоторымъ новымъ описомъ ихъ ухватъ далей не хотелъ. Кгда дей теперъ тотъ денъ и

рокъ помепеный Сошествия светого Духа припал, тот дей панъ Володковичъ, чинечи досыт обликгадцы своее, с приятелы своими, то есть з его милостью паномъ старостою Выпокргодцъкимъ, а зъ его милостью паномъ Кадьяномъ Чапльlichem Шпановъскимъ, судьбою земскимъ Лудскимъ, с паномъ Гаврилом Голубом, ротмистром его королевское милости, и з ыншими многими приятелы своими в замку Госчы становил и тои справе зачатой, яко на року весело зложеном, досыт во всемъ чинити готовъ был; нижегли дей оный панъ Романъ Гоский, запомневши присягъ своих, приреченя, руки даня, а тые сынове его панъ Ярофей и Гаврило Гоские веспол з ним, отцомъ своимъ, пробачивши обовязков и записов своихъ, на том року тое справы веселѣя кончати и паньны Настазыи Гоское ему в малженъство дати забранили, даючи причины хоробы отца своего и панны Настазыи, сестры свое, которые здоровыми на он час были, и уживали дей его з отьцомъ и приятелы своими прозбами о дальший рок, чога се ему над такое убезпечене дальий для нихъ чинити не здало. Што осветъчивши людми зацъными, взял од нихъ сведецтво правдивое на писме, где о всемъ ширей и достаточней описано ест, иж для обетницъ их многих чинечи по трикрот на Волын дорогу з ымен своих Полодкихъ и Жомоитски ь, ув одну сторону по полтора ста мил, упустившиися через два годы службы его королевское милости, уставичъное на его почотъ заплаты и занехавъши пожитковъ домовых, а для тое дей таковое зволокы немало маетьности своее стратил, которых шкод всихъ менуеть себе чотыри тисечи копъ грошей литовскихъ.— А такъ я тое оповедане его до книгъ кргодскихъ Лудцкихъ записати казаль.

Кн. кргодск. Лудцкия 1583 г., № 2063, л. 593.

ХСVIII.

Предсмертное заявленіе Раины Мироевской, что она умираетъ отъ побоевъ, навесенныхъ ей мужемъ. Свидѣтельство вознаго. 1583 г., іюня 25.

Року 1583, месеца іюня 25 дня.

Ставши очевисто на вряде короля его милости в замку Луцкомъ, передо мною Станиславом Петровъским, подъстаростим Луцким, возный повету Луцкого шляхетный Матыс Славокгурский ку записованю до книг тыми словы созналъ: ижъ дей я, будучи приданымъ от его милости пана Станислава Петровъского, подстаростего Луцкого, на справу слуги князя Юря Чорторыского, пану Павлу Заболоцкому и сыну его пану Антону, то ест на огледане ран, збитя и змордованя дочки пана Павла Заболоцкого Раины Мироевское, которая была замужемъ в Торчини за слугою его милости князя бискупа Луцкого, и кгда есми в домъ пана Павла Заболоцъкого, до Заболотец, маючи при себе двох шляхтичовъ, людей добрых, приехал месеца іюня петнадцатого дня, застал есми дочьку пану Павла Заболоцкого, Раину Мироевскую, в пеккарни лежачую, вельми збитую, зраненую и змордованую, на которой дочке пана Заболоцкого видилъ есми раны на боках, под самыми здухами, под ребрами, битые, синие, спухълые, а хрыбст битый, синий и спухлый; в голове видил теж есми раны битые, спухълые, и волосе оберваное, а на руке правой видилъ есми рану битую, синюю. Которая дочка пана Заболоцкого Раина Мироевская передо мною, возным, и перед шляхтою, людьми добрыми, повидила: иж дей „я тое тяжкое збите и змордоване маю бсзвинне от мужа своего Яна Мироевского, с которого дей бою ажъ кровью хрипълю, бо дей во мнѣ внутри збивши, з горы светлицы рострутил, не задаючи великих знаков на тѣли“. Якожъ есми видилъ, ижъ передо мною килька разъ кровью тяжько храни-

нула а велѣми тяжько въздыхала, и такъ передо мною мовила и передъ шляхтою, людѣми добрыми: же дей „я с того тяжького болю с того света зыйти мушу от змордованя мужа своего“. И просила пана отца своего, пана Павла Заблоцъкого, пани матки и всихъ приятелей своихъ передо мьною, вознымъ, абы того мужу ее Яну Мироевскому, по смерти ее, не пропустили, „бо дей я з рукъ его с того света зыйти мушу“. И тое дей мозила Раина Мироевская: иж дей „я ниякое маегьности моее, которую муж мой по мьне у дом свой з дому пана отца моего взял, ему ни перед ким н: записовала а ни отказовала; если дей што по животе моемъ мужъ мой казати буде, не вирьте ему, и все в него поберите“. И такъ передо мьною, вознымъ, и передъ шляхтою мовила: „коли бы дей мене пани matka моя з дому того злого мужа моего в томъ збитю моемъ не взяла с Торьчина, вже быхъ дей я давно з невчасов и безъ призору ее умеръла в томъ змордованю“.—А такъ я тое очевистое со нане возного до книгъ кргодскихъ Луцкихъ записати казалъ.

Книга кродская Луцкая 1583 г., № 2063, л. 687.

Примыч. Черезъ нѣсколько дней послѣ того Раина Мироевская дѣйствительно умерла. Возный былъ приглашенъ для освидѣтельствования знаковь отъ побоевъ на тѣлѣ умершей и присутствовалъ при томъ, какъ, во время похоронъ, отецъ Раины „чинилъ поволанье“, что дочь его умерла „отъ рукъ мужа своего“. Скоро послѣ похоронъ прѣѣхалъ къ Заблоцкому Мироевскій и сталъ просить тестя и его сына, „абы его з того замордованя вызволили и не славили“. Какъ кажется, дѣло между ними оwoцилось мпровой сдѣлкой. Кн. № 2063, л. 692; № 2064, л. 14. *Ред*

XCIX.

Землянинъ Василій Гнѣвошевичъ Бронницкій, сговоривъ невѣсту за сына своего Гаврила, выдѣляетъ ему часть родового имѣнія, чтобы онъ имѣлъ чѣмъ обезпечить вѣно своей женѣ. 1583 года, іюля 12.

Розу тисеча пятсот осмдесятъ третего, месеца августа десятого дня.

Передъ нами Станиславомъ Петровскимъ, подстаростимъ, а Остафѣемъ Малинскимъ, судею, вриадники гродскими Луцкими, ставъши очевисто, земенинъ господарьскій повету Луцкогo панъ Василей Гневошовичъ Бронницкій доброволне до книгъ вызналъ водлугъ листу, запису своего, который от себе сыну своему пану Гаврилу Бронъницкому на поступенъе ему части имени своего Бронникъ далъ, и тот лист, запис свой, перед нами на вриаде повладалъ и просилъ, абы до книгъ уписан былъ, которого мы для вписованъя до книгъ приняли, и так се в себе мает: „Я Василей Гневошовичъ Бронницкій вызнаваю самъ на себе симъ моимъ листомъ каждому, кому того потреба будетъ ведати або чтучи его слышати. сесь часъ и напотомъ завжды, ижъ я, з волею и презренъемъ Божиимъ, приехавъши в домъ папа Ивана Еловича Букоемского, до Букоймы, за ласкою а добродействомъ его милости, змовиломъ в стапъ светый малъжонскій сестру его милости стрыечную панну Ганну Григоровну Еловну Букоемскую за сына своего Гаврила. А ижъ я Василей Бронъницкій, будучи еще в добромъ здоровъи, малочи и владнучи всею маетностю и отчизною своею самъ, не отделивъши сыновъ своихъ ни в чомъ, теда теперъ, ижемъ позволилъ и благословилъ сыну своему до стану светого малъжепьского уступити, якожъ еси за него панну Ганну Букоемскую змовилъ, и хотечи поменити, ижъ бы он самъ и з малъжонкою своею на чом мешкати мелъ, даю и поступаю ему, сыну моему милому Гаврилови Бронъницкому, часть именъя моего Бронникъ, в повете Луцкомъ лежа-

чого, которая бы на него з делу ровъного вечистого от брата его рожопое прийти мѣла, з людьми тяглыми, з крунты и вшелякими пожитки и ужитки. Маеъ онъ тое части именья моего Бронникъ, от мене ему поступленос, самъ албо и з малжонъкою своею при животе и по животе моемъ спокойне держати, вживати, малжонъце своей оправу вчинити, огдати, продати, записати, заставити и куды хотечи обернути, водлугъ мысли и уподобанья своего шафовати, яко найлепей самъ похочетъ, а я ему того боронити не маю и мочи не буду. Якожь есми третюю часть имени моего Бронникъ ему в держанье до рукъ подалъ и поступилъ и, на реестръ списавъши, передъ вознымъ повѣту Луцъкого люди подалъ, якожь и на вряде въ Луцку, па рочкох кгородских Луцких, теперь припалых, месяца августа четвертого дня, в семь году тисеча пят сот осмьдесят третемъ, ставши, тое передъ врядомъ вызнати и до книгъ записати дати и сесь лист мой тымъ потвердити маю, и хотя жъ бы и роки не дошли и сужоны не были, теды хотя перед однимъ подстаростимъ ставши, предсе водлугъ сего листу данину свою вызнати маю, и што кгда сын мой передъ врядомъ земским ку записованью до книгъ переносовати будет, вряд земский моцне то будетъ...¹⁾ и зуполного суду кгородского, албо и под одною врядовою печатью принявъши, до книгъ записовати маеъ. Што кгда быхъ не учинил и водлугъ сего листу моего па рочкох перших кгородских Луцкихъ, месяца августа четвертого дня в року теперешнемъ осмьдесят третемъ, будь были и не были сужоны, хотя и перед однимъ подстаростимъ албо наместникомъ до книгъ не вызналъ, теды маю и буду виненъ заруки его королевское милости заплатити чотыриста копъ грошей, а сынови моему пану Гаврилу Бронницкому другую копъ чотыриста грошей личбы литовское, всѣ шкоды и наклады его милости на слова речене заплатити, а заплативъши тые заруки, всѣ шкоды и наклады сынови моему пану Гаврилу, предсежъ и папотома на вряде, буд передъ кгородским, албо зем-

¹⁾ Здѣсь видимо не достаетъ нѣсколькихъ словъ. Такъ и въ подлинникѣ. *Ред*

скимъ Луцъкимъ, вызнати буду виненъ, о што если бы . . . ¹⁾ або если бых про упоръ свой великий и на потомъ того вызнати не хотел, теды сынъ мѣй панъ Гаврило, малжонъка, дети и потомки его, або тот, кому бы онъ то якожь колвекъ пустилъ, маеть и воленъ будетъ тое части всего имѣнъя моего Бронникъ з людми и зо всѣми кгрунты, пожитки и вжитки за симъ моимъ листомъ держати и яко власности своее вживати вечъными часы. И на то я Василей Гнивошовичъ Бронъницкий сыну своему пану Гаврилу Бронницкому далъ сесь мой лист з моею печатю. А при томъ были и того будучи добре сведоми. за властною устною а очевистою прозбою моею, до того листу моего печати свои приложити и руки свои подписати, которые умеють, рачили их милость панове а приятели мои: его милость панъ Михайло Мышка Варъковский, кашталянъ земли Волинское, староста Гомелский, а панъ Павелъ Козинъский, а панъ Семенъ Свищовъский, панъ Федоръ Бруяка. Писанъ в Букоймѣ, року Божого нарженъя тисеча пятьсотъ осмъдесять третего, месеца июля дванадцатого дня. Михалъ Мышка, кашталянъ, рукою властною. Федоръ Бруяка рукою властною“.—А такъ мы тот лист вышей менованый слово от слова до книгъ кгородскихъ Луцких записати казали.

Книга град. Луцк. 1583 г., № 2062, л. 242 обор.

¹⁾ Здѣсь тоже замѣтенъ пропускъ. *Ред.*

С.

Врученіе Владимірскому и Брестскому епископу Феодосію королевскихъ листовъ по дѣлу о неправильномъ расторженіи подвѣдомственнымъ ему духовенствомъ брака „дьяка“ королевской канцеляріи Кондрата Ивановича. 1583 года, декабря 9.

Лета Божого нароженя 1583, месеца декабря 9 дня.

Передо мною Александромъ Курцевичом, подстаростим Володимерскимъ, на вряде кгородскомъ ставши очевисто, возный повету Володимерского панъ Исакий Долматский ку записаню до книг кгородскихъ вызналъ тыми словы: ижъ в року тепер идучомъ тисеча пятсот осмьдесят третемъ, месеца декабря пятого дня, подаваломъ листы его королевское милости владыце Володимерскому и Берестейскому его милости отцу Феодосею в справе пана Кондрата Ивановича, дьяка канцелярыи его королевское милости, о учиненъе справедливости с поповъ: Берестейского Спаского Романа Андрѣевича а Каменецкого Леонтея Мартиновича Семеновского, ижъ они жону его венчалную Опрахну Григоревну, змыслиени речи непристойныя, заочне судили, водлугъ которого суду ихъ наместникъ его милости отца владыки Берестейский панъ Манойло Болобан, сполне с протопопою и крылошаны, волною от малженства учинили, зложивши толко ей час не йти замужъ за сорокъ и за шест недель. То пакъ панъ Кондратъ, кгда о то з ними передъ тымъ же врядомъ духовнымъ Берестейскимъ правне чинилъ, на которомъ суде водлугъ жалобы своее довелъ на тыхъ поповъ, ижъ они фалшиве в декрете своемъ на него писали, якобы онъ самъ, ставши передъ ними, жоны своее выречися и з малженства выпустити ее мелъ и рокъ чотыри недели становитися у Берестыи передъ владыкою принялъ; а по доводе его, тые попы апелевали на розсудокъ его милости отца владыки, такъ тежъ и врядъ на чинене выроку до его милости отослалъ. За которымъ отозванемъ ихъ и за отосланемъ

урядовымъ, кгда рокъ, за чотыри недѣли от суду духовного Берестейского зложоный, припал, пан Кондрат пилпост чинил и через три дни их ожидал, а за нестанемъ их, яко на року завитом, домовлялся, абы тые суди зданы были и о то, иж несправедливе, водлуг речей подступных и змышленыхъ, судили водлугъ воли своее, ку шкоде его, скараны были, так теж шкоды, в которые его приправили, абы ему нагородили и жону его власную абы ему присудили, скасовавши тые вси декрета их, противко ему жоне его выданые от тых попов. Его милост отец владыка, принявши тые два листы его королевское милости, пану Кондрату поведил тыми словы, кгда всю справу его прогледел: иж дей „я тых попов заочне судити не буду и вырокку жадного на сесь час не учиню, хотяж дей вижу сам твою кривдоу и з шкодою немалую; але дей тепер дам я тебе по них позвы, позови дей их перед мене знову и того на них доводи; если же они што зле осудили, я дей за доводом твоимъ з них справедливост учиню; а жоны дей я твоее от тебе не отдаляю, бо дей и то причины не слушные ку розводу, которые в справе суду тых попов суть написаны“. За тым пан Кондрат, видечи то себе с кривдою и уближеньемъ справедливости своее, пошол был до вряду замку господарского Володимерского, хотсчп то перед паномъ подстаростимъ оповедати, иж ему отецъ владыка с тых поповъ справедливости учинити не хотел. И будучи в замку при его милости пану подстаростим, пан Михайло Дубницкий, войтъ Володимерский, пану Кондратови поведилъ, абы ся еще с тым мало задержалъ и на его милост отца владыку не протестовался. На што пан Кондрат позволивши, знову до его милости отца владыки с паномъ войтом ходил и просилъ, абы водлугъ жалобы и доводу папа Кондратова отец владыка на тых попов своих, яко на року завитом, за отозвомъ и отослапемъ вряду духовного Берестейского припалым, вырок учинилъ. То пак его милост отецъ Феодосей, епископъ Володимерский и Берестейский, толко суды и декрета тых попов выншей помепепых скасовал и, за пичемпых их узнавши, на сторону их

отдалил, такъже и причины въ немъ описаные противко пану Кондратови в пивѣшто обернулъ; а на тыхъ попов такъ о каранье, якое бы за то на себе понести мели, яко и о шкоды пана Кондратовы, выроку учинити не хотел, толко волное мовенье о то в ними передъ собою на другой час оставилъ. Чого я всего будучи добре ведомъ, и питом слышалъ, то до вѣдомости ваше милости вридовое доношу.—Которое ж я сознане возного до книгъ кгородских записати казалъ.

Книга кродск. Владим. 1583 г., № 961, л. 369, актъ 381.

СІ.

Судебное дло по обвиненію землянки Охлоповской въ убійствѣ мужа.

1. Обвинительный актъ, судебныя пренія сторопъ и допрость „челиди“ Охлоповской, обвиняемой вмѣстѣ съ нею въ соучастіи въ убійствѣ. Постановленіе о производствѣ судебного слѣдствія. 1583 года, августа 10.

Року 1583. месеца августа 10 дня.

На рочкох судовыхъ кгородскихъ Луцкихъ, дня оногдашнего в четвергъ, тогож месеца августа четвертого, за позвы кгородскими Луцкими припалыхъ и судовне отпраовати зачатыхъ. передо мною Александромъ Пропскимъ, столникомъ Великого Князства Литовского, старостою Луцкимъ, ставши очевисто в замку господарскомъ Луцкомъ, пап Юзефъ Борншовъскій, за моцю зуполною, ему очевисто у суду от папа Юпы Охлоповского даною, покладал позов крод-

ский Луцкий, которым ест позвана пани Борисовая Охлоповская Настася Михайловна Ощовского, просячи, абы был читанъ; я его читать казалъ, и так ся в себе маеть: Александер Пронский, столник Великого Князства Литовского, староста Луцкий, землянце господарской повѣту Луцкого, жонѣ забитого пана Бориса Охлоповского, Настаси Михайловни Ощовского. Обтяжливе и плачливе жаловал у суду моего вгородского Луцкого земенинъ господарский повѣту Луцкого панъ Иона Якимович Охлоповский, самъ от себе и от брата своее рожное молодшое, Костентина и Савы Якимовичов Охлоповскихъ о томъ, што ж дей ты, мешкаючи з небожчикомъ малжонкомъ своимъ паномъ Борисомъ Охлоповскимъ а братомъ пана Ионы, Костентина и Савы Охлоповскихъ, и вземши дей ты перед себе запаметалый а злый умысль,—почала дей еси з ним ненавѣсное и незычливое и не такъ, яко на малжонку пристояло, мешкане мѣти, не маючи ку нему правого и сердечного умыслу и малжонского захованя, одно дей ку розорваню мешканя малжонского и ку распусту, такъже ку якому злому и ганебному его, мужа своего, замордованю, волю и умысль свой склоняючи, старалася дей твоя милост в скрытом а потаемном умысле своемъ, якобы на него час свой усмотрѣти, а его яким колвекъ фортелнымъ и незбожнымъ способом здоровья позбавити и з сего света згладити могла. А навет, выбравши дей ты всѣ речи, маетност свою, в дому его, мужа своего, не держачи при себе, где индей на сторонѣ, яко он ведомост мает и на вряд кгородский Луцкий справу далъ, а в брата своее пановъ Ощовскихъ ховала и сама у нихъ по колку недель, отехавши от мужа своего, перемешкивала. Якожь дей ты того злого умыслу и предсезята своего незбожного и skutкомъ дей еси доказала, то есть, ижъ в року прошломъ тисеча пятсот осмдсят второмъ, месеца марца осмогоднадцать дня, в неделю, усмотрѣвши дей ты на него час себе погожий, кгда се был велми назбыт в дому своемъ у Охлопове спилъ и спати ся укладъ, приведши дей до того дивными а хитрыми и злыми способы челяд свою, на ймя Федора Дюгтя, слугу своего небожчи-

ковского, а Васка хлопца, а дѣвок двоих: Вуцю и Параску, и змовивши и порозумевшись с тою челядью вышей помененою, запомневши боязни Божое и срокгости, повинности хрестиянское и звирхности его королевское милости и срокгости права посполитого, за таковыя выступки каранѣя, в правах всѣхъ панов хрестиянских и в правах панствѣ его королевской милости описаныхъ, зле а неприястойне и незбожне, здрадливе оногo малжонка своего пана Бориса Охлоповского, чоловѣка безпечного, а так твердо будучи велми спилого, спячого, в ночи сама своею власною рукою пожемѣ его власнымъ, которым се он подголивал, у горло сколола. с которого зраненя и сколотя от тебе и от рукъ твоих з сего света зполь и от тебе забить и замордованъ естъ; а оная дей челядь верху менованая того тебе злого учинку, за приводом твоим, допомагала и тебе ку той твоей шкарадной работѣ служила: одна, свечу держачи, свитила, а ившие стерегли, жебы хто не подбачил; и скоро еси его сколола, свѣчи прудко погасивши, зараз розно з опое избы расперхнулись есте. Якож дей онъ самъ небожчикъ тое забите свое приятелем и суседом околичнымъ оповедалъ и по ономъ часѣ, кгда з сего света сходилъ, теда волаал, ижъ забито его в дому спячого здрадою. А кгда дей, по частом а долгомъ выведантю а тихомъ и промыслном опыте, отецъ пана Ионы Охлоповского, небожчикъ пан Яким Охлоповский, стрый рожонный мужа твоего, певне ся того выведал и допытался, ижъ дей ты оногo мужа своего власными руками своими, ис тою челядью вышей помененою, забила и замордовала, и кгда дей вже по смерти его ты хотѣла тому тѣлу небожчиковскому погребѣ учинити, тогды дей небожчикъ пан Якимъ Охлоповский, стрый рожонный небожчиковский, упоминал дей тебе приятелским обычаем, жебы еси того тѣла небожчика малжонка своего так сквапливе, спросне а ничемне не ховала для слушных а многих причин, и жебы се болшей приятелей для выведаня и лепшого досветченѣя о забитю и замордовантю того брата ихъ пана Бориса зобравшись, опыт коло того учинили, так же не хотечи тебе, яко шляхтянки, тымъ так

далече ославити, а чим лепей того правдиве дойти и допытатися могли. Ты дей з братею своею, паны Ощовскими, и з иншими приятелми своими на опыт и на выведанье не позволила, и от тѣла есте прочь пошли а на цвинтару его покинули; тамже дей братя твоє, панове Ощовские, будучи пъяными, мало дей пана Ионы Охлоповского на смерть не забили, от чого дей ледве ихъ лишние приятелѣ отвели и вгамовали; которое тѣло отец пана Ионинъ, панъ Якимъ Охлоповскій, стрый рожоный небожчика малжонка твоего пана Бориса Охлоповского, будучи порушонный жалемъ, а вже малочи вѣдомост о такомъ замордованью небожчиковскомъ, опое тѣло на цвинтару взявши, опатрилъ его пристойне и вознымъ тое тѣло обвел и оказал, же естъ забит, и осветчивши на уряде, то записати даль, а опую челяд тобѣ в тисечи копах грошей до росправы приручить. А нжъ власне, водле права нсполитого, брати о голову чинити належит. тогда пана Иона Охлоповскій, будучи братомъ стрычнымъ пана Борису Охлоповскому, из оною братею своею, яко вышей описано ест, которымъ власне, яко ближнимъ, о голову чинити правомъ доходити належитъ, выведавшия певне они всѣ о томъ, нжъ дей ты мужа своего забила и замордовала, то на вридехъ розныхъ на тебе оповедали, записали, и возными тѣло осветчивши, знову тобѣ тую челяд у другое тисечи копахъ грошей приручили и о тое забиге и замордоване брата их пана Бориса Охлоповского с тобою правом чинити хотят, и о то тебе сим позвом до суду кгородского Луцкого позывають, и с тобою очевисто мовити хочут. Проте приказую тебе, абы еси передо мною, а в небытности мое—перед судом моимъ кгородскимъ Луцкимъ, в замку господарскомъ Луцкомъ, на рочках кгородскихъ Луцкихъ, которые принасти и сужоны быти мають в року тепер идучом осмдесять третемъ, месеца августа четвертого дня, сама, яко на року завитомъ, стала и тую челяд вышей помененую, то есть Федора Дюгтя, хлопца Васка а дѣвокъ двох Воцю и Параску, которыхъ тебе перед вознымъ приручено, и ты их перед вридом ставити прирекла, абысь поставила, и в том

абы ся Ионе Охлоповскому и братьи его усправедливила. Писанъ у Луцку, року Божого нароженя тисеча пятсот осмдесять третего, месеца июня двадцать сегого дня. Петръ Мложовский, писар.— По вычитаню позву, сторона поводова, доведши оного позву и року выписом с книгъ сознанья возного Ивана Жуковецкого, просила о возного ку приволацью стороны позваное; и придалъ возного новѣту Луцкого Станислава Коломыйского, который возный, ставши, ку записаню до книгъ кродскихъ Луцкихъ созналъ, иж пани Борисовую Охлоповскую на позовъ пана Ионы Охлоповского и брати его Костентина и Савы приволавалъ. За которымъ приволанемъ возного от стороны позваное, пани Борисовое Охлоповское пан Матей Стемпковский а пан Иван Порванецкий, озвавшись, покладали моц от панее Борисовое Охлоповское, до тое справы им дауюю. хотечи в отказе быт. От стороны поводовое умоцованый поведил, ижъ дей то стороне позваной ити не может, абы через умоцованого мѣла в отказе быт. але сама очевисто отповедати есть повинъна, и домовлялися, абы сама пани Охлоповская из челядю, которой теж однака вина дана, стала и оных поставила. И, видячи с права посполитого, ижъ ся сторона поводова слущное речи домовляла, абы Охлоповская сама стала и оную челяд, которой заровно вина ест дана, ставила, сказати есми. И кды сторона позваная пани Охлоповская сама стала и оную челяд поставила, оным же очевисто у суду умоцованым, пану Стемпковскому и пану Порванецкому, моц до тое справы зуполную дала. Умоцовалые от пани Охлоповское, приходячи ку отказу на позовъ, поведили: ижъ дей „тут видимъ одну особу пана Ионы Охлоповского, а братьи его Костентина и Савы в позве помененыхъ не видимъ: прото дей без тыхъ братьи его, водле артикулу двадцат пятого в розделе одинадцатомъ, сторона позваная не повинъна отповедать, ажъ и тые два братья его тут станут“. От стороны поводовое умоцованый поведилъ, ижъ дей пан Иона Охлоповский, хоть и тых двохъ братьи тут неманъ, самъ, яко старший брат и опекунь оныхъ, того доходити есть виненъ, водле артикулу двадцат четвертого в

розделе одинадцатомъ, и домовлялся абы сторона (позванная), не бавячи суду речми непотребными, в отказе была. Я, видечи и то, же сторона позванная домовлялася слушное речи, розумеючи, абы напотом трудности и от тых брати его не мела, сказалъ есми, абы ся пан Иона Охлоповский и за тых двох брати на пришлые часы стороне позваное, якобы жадное трудности не поносила, записалъ; на што сторона, пан Охлоповский, позволил и то на себе доброволне, под вшелякими варунками, заступаючи от тых брати своее Костентина и Савы сторону позваную, принялъ и заступити ся обовезалъ. Потомъ от стороны поводовое, поступуючи далей а попираючи жалобы своее, покладалъ напервей выпис с книгъ кгородскихъ Луцкихъ под датою року осмдесят второго, месеца апрѣля десятого дни, оповеданя своего, кды небожчика Бориса Охлоповского зраненого видечи, до уряду донести не занехано, и тамъ же в том выписе и сознанье возного Станислава Коломыйского, ижъ до панее Охлоповское на поиманье челяди, от которыхъ тое зраненье того небожчика Охлоповского быт меновалъ, поймат и оныхъ приручит в тисечи копахъ грошей ходилъ, которыхъ челяди а ни поймати дано, и в прируце приймовати пани Охлоповская не хотѣла; зас три выписы с книгъ: одинъ з гроду тутошнего Луцкого, другой Володимерского, а третий Кремянецкого—сознани возныхъ: Станислава Коломыйского, Демяна Мокренского а Валентого Белобоцкого, под датою року осмдесят второго, которые у небожчика пана Бориса Охлоповского раны огледали и до панее Охлоповское ходили, абы о забитю небожчика мальжонка своего опыт и с тое челяди справедливость учинила и погребѣ тѣла небожчиковского на иный час отложила; она а ни опыту, а ни справедливости не чинила и чинити не хотѣла и на иный час погребу тѣла не призволила, обещуючися оную челядь до права в себе задержатъ; а предся опые возные тую челядъ ей в тисечи копахъ грошей приручили до росправы, в которой прируце она тую челядъ приняла. Выписе теж покладалъ с книгъ кгородскихъ Луцкихъ, под датою року осмдесят второго, сознанье возного Матыса Славокгур-

ского—обволане тела небожчика Бориса Охлоповского, ижъ ни от кого не ест забит, одно от самое панее Борисовое Охлоповское и челяди ее: Федора Дюгтя, хлопца Васка а дѣвокъ двох Параски а Воцы. При томъ выпис с книгъ же тутошнихъ вгородскихъ Луцких, року осмдесять второго, оповеданя на вряде панее Михное Порванецкое панее Опрахны Охлоповского, сестры рожное небожчика Бориса Охлоповского, ижъ дей небожчик Охлоповский, будучи хорымъ, ни от кого иного того сколота не мель, одно от челяди своее. Потомъ покладал два листы сведецких: одинъ от папа Кузмы и от пана Клима Порванецкихъ а пана Василя Олизаровского, а другой лист от пана Тимофѣя Зыка Князкого, в которыхъ пишеть, ижъ. за присланемъ по нихъ от пана Бориса Охлоповского, были в дому его в Охлопове, которого знашли зрапенного, лежачого на ложку, и оповедал перед ними, ижъ дей его в дому его, спячого, у светлицы пьяного, в ночи, могло дей было бытъ болшъ години в поч. ножемъ его власнымъ голелным, который уставичне у светлице на колку от часу немалого вишивалъ, у горло сколото. „и скоро дей мя уколото у горло, власне яко оса укусила, и зараз зашастѣло. из светлицы бегучи, которого м дей угонити не мог, бо была дей менѣ рана змогла“; и поведилъ, иж у него в дому его никого чужого не было и не винен никому ничего, а его забито; яко ширей о томъ всемъ на выписехъ врядовыхъ и сознанию томъ приятельскомъ ест описано и доложено. По которыхъ всехъ доводехъ, от стороны поводовое умоцованій поведилъ, ижъ дей водле тыхъ доводовъ и выводовъ, которые-мъ у суду покладалъ. пан Попа Охлоповский того замордоваия небожчика папа Бориса Охлоповского бытъ ни от кого иного не менит, толко от самое панее Борисовое Охлоповское и челяди ее: Федора Дюгтя, Васка хлопца а девохъ двох—Воцы а Параски; бо где бы дей пани Борисовая Охлоповская в томъ не была винна, а ужаловавшись жалю и невпнѣного забитя небожчика малжонька своего, теды бы дей была зараз в томъ опыт учипила, справедливости челяди своее не боронила и зараз тѣла небожчиковского не хо-

вала, ажъ бы ся слушне в томъ выведала, и выведавшися, такового скарала; але дей пани Охлоповская, кгда бы дей была забитя небожчика малжонка своего жаловала а в томъ ся сама не чула, теда бы дей то зараз на уряде, водле артикулу второго в разделе одинадцатомъ, справившися, также и суседомъ околичнымъ и брати его оповедала и з ними того посполу жаловала, чому ся дей во всемъ пани Охлоповская не справила и всему противна была и того занехала. Прото дей, при тыхъ веѣхъ доводехъ, значне а лсне показаныхъ, пан Охлоповский, водле артикулу второго и десятого в разделе одинадцатом, готовъ есть, яко тое забитье того небожчика Бориса Охлоповского стало ни от кого иного, одно от самое пани Охлоповское и челяди ее: Федора Дюгтя, Васка хлопца и двоухъ дѣвокъ Вуцы и Параски, самотреть на довод присягу учинит и ихъ поконать. Умоцованые от стороны позваное поведили: ижъ дей пани Охлоповская в томъ обжалованю, яко тут сторона поводовая твердит, не есть винѣна и в томъ ся не чует, вшакож для данья справы в томъ теда о себе такъ обмову чинит: ижъ на тот час, кгда небожчику Борису Охлоповскому тое зраненье стало, дома не была, бо ее былъ небожчикъ до Порванча, до сестры своее панее Михноее Порванецкое отослать и самъ дома осталь; и тамъ же отголь пани Михноеая Порванецкая взяла из собою пани Охлоповскую и сздили до Миркова, до панее Инвалеское на хрыстины и вес тотъ ден там ся в Миркови забавили, и зас от панее Михноее, приехавши з Миркова, позно выехала с Порванча до дому. Пан Охлоповский в тотъ час, без жоны своее, рано вставши, до церкви ходилъ, и кгда было по службѣ Божой, взял до себе попа своего Охлоповского и с поранку почаль з нимъ горѣлку пити, и кгда вже небожчик себе подпилъ, почаль бронтит в дому, тотъ пощъ, обачивши, ижъ бронтит, ублагавши его, спати положилъ на постели у светлицы, и коли пощъ пошолъ от него до дому, папъ Борис, вставши и одомкнувши комору в светлицы и взявши скрынку и брамку з нее вынявши перловую, шаблюе ее порубаль на штуки, и иных речей не мало, што в скринци

было, и не перестал шаблею рубат, ажъ си ему зламала; потомъ взялъ полгакъ свой, с которымъ перед тымъ ездилъ на ярмарокъ до Володимера, на сбор, и набилъ былъ его набитемъ пемалымъ порохомъ и кулею, тамъ у Володимери того полгака не выстрелилъ и, приехавши до дому, не выстреливши, коло отпустилъ, который полгакъ аж до того часу набитъ лежалъ, и на тот час тотъ полгакъ другой раз на тое жъ набитье давное порохомъ и кулею набилъ и, накрутивши его, самъ седѣлъ у светлицы, на услонн перед столомъ, и коли оттолъ стрелилъ с того полгака, полгакъ назадъ торгнулъ, ажъ на землю з услона спалъ, перси розбилъ, на правомъ боку кгуз ся учинилъ, в правомъ плечѣ и кост наполю переломилъ и с правого боку под бороною в горли щеса, от полгаку урвавшись, рану учинила, и по опомъ стреленью, завпнүвши рану, зас знову лег; а панее Охлоповское еще не было. И кгда потомъ панн Охлоповская приехала до дому, небожчикъ еще спалъ у светлицы; она, вшедши до гридни, пыталася о небожчику пану челяди: где бы былъ?—Челяд поведила, же панъ пъяный и бршил в дому, шкоды чинилъ; и она казала челяди ести дати; и коли ся челяд насдши розышла, она пошла з огнем до светлицы из челядю, нашла его ранъного, на ложку лежачого и збудивши его, пытала: што бы ся ему дѣят мѣло? Оп еи поведити не хотѣлъ, потомъ за ее докукою поведилъ: ижъ „самъ дей не ведаю, што мне ся дестъ; дай дей мнѣ покой, бо ся дей зле маю“. Она для опатрени его послала по барбера до Горухова; а кгда вже было назавтрее, она по братю свою панов Ощовскихъ послала, и коли приехали панове Ощовские с паном Иваном Селецкимъ, обачили, же балбѣръ Горуховскиі не может ему досыть учинит и помочи, послали по лепшого балбѣра до Свинюхъ, и тот вже балбѣръ аж до смерти при нем былъ. А он небожчикъ, бачачи, иж ся зле миль, термину назавтрее по зравенью, в понеделок, на тестаментъ учинилъ и по пана Иону Охлоповского и пановъ Кузму и Клима Порванецкихъ и пана Василя Олизаровского посылаѣ, которую термину и сам пан Иона поправовалъ;

а кды была термина на тестаментъ списана, пан Иона и тые всеъ приятелѣ поменены, за прозбою его, печати до тестаменту приложили, а он небожчикъ печать приложилъ и руку свою подписаль, по котором учиненю тестаменту ажъ в полтретѣ недели умер; на котором тестаменте жадное зменки небожчикъ не чинил, абы мель быт забит от жоны и челяди своее. И кды тѣло небожчиковское ховат водле пристойности приятелѣ хотѣли, до которого погребу, чинячи почтливость тѣлу, троухъ попов: Охлоповского, Селецкого и Мирковского позвали, и коли тѣло до церкви провадити мели, пришол пан Иона Охлоповский до двора с паномъ Кузмою Порванецкимъ и с панею Михновою Порванецкою а с паны Тихном а Федоромъ Ржищовскими, взявши тѣло, провадили до церкви Охлоповское; а коли тѣло вже было на цвинтару и попове водле звычайу провод чинили и доль на погребъ тѣла копати казали, тамъ панъ Иона, добывши шабли, с паномъ Кузмою Порванецкимъ и паномъ Тихномъ Ржищевскимъ, не ведати въ який обычай, скочили к тѣлу небожчиковскому, попов и мужиков розогнали и тело с труною и з марами квалтовне отняли, панее Борисовое и пановъ Ощовскихъ мало не позабияли, што ест в книги оповеданѣ записано и о то панъ Иона до суду земского есть позванъ; которого оповеданя своего и выпис с книг кгородскихъ Лудкихъ под датою року осмдесят второго, месеца апрѣли десятого дня, покладали. И выводячи ся далей, подавали тестаментъ небожчиковъский, менячи быти печатю пана Бориса Охлоповского запечатованый и рукою его подписаный и под печатми приятелей верху поменены, такъ теж и с подписомъ руки священника Охлоповского Карпа, под датою року тисеча пятсот осмдесятъ второго, месеца марта двадцатого дня, в которомъ тестаментѣ о забитю своемъ, с чого и якимъ способомъ ему ся стало и от кого, не споминает; одно, заховуючыся водле права посполитого, оправу малжонце, умиловавши ее, отписует. Потомъ покладалъ лист от пана Войтеха Кривовского, памесника Свиноского, под печатю и с подписомъ руки его, под датою року

осмдесят второго, месеца апрѣля дванадцатого дня — признанье барбѣра Свинюского на имя Мильолай, в которомъ пишет, ижъ кгда дей было по справованю тестаменту, был при небожчику папу Борису (Охлоповскомъ мало не три недели, ажъ до смерти его, ино дей по вес час нѣ на кого жадное речя не поведал а ни воалъ, хто бы его ранити мель, одно все ся журилъ на полгакъ, с которого стрелялъ немернымъ набитемъ, ижъ был до половицы набит, перси себе барзо подле руки правое шкодливое былъ розбилъ и в плечѣ в томъ же правомъ кост ось зламалъ, и на то ся дей горшею журилъ; а што дей рану подле горла мель, то не паметал, если же ся самъ ранилъ, або щеча ударила, которая от того полгаку ся оторвала и в тотъ час, коли з него стрелилъ, от ложа отпала: „бо-мъ, поведа, был назбит горѣлкою ушлъ“; а потомъ дей у него кгуз на персяхъ великий учинился и казалъ его ему пропустити пуцаломъ, который ему протял, а тот отокъ в него зараз внутрь пошолъ, и оттого умеръ. Зась покладали выпис с книгъ крродскихъ Лудких, под датою року осмдесятъ второго, месеца апрѣля двадцат девятого дня, сознание возного Касира Богупа, ижъ перед онымъ вознымъ священники три, одинъ Охлоповский Карпъ, а другой Феодосей Селецкий, а третий Мирковский Стефанъ признали, ижъ коли погребъ мель быти тѣлу небожчика Бориса Охлоповского и кгда на цвынтар до церкви Охлоповское припесено, и вже провод тѣлу чинили и долъ копати казали, тамъ дей пан Иона Охлоповский, не мовечи ничего, одно нафукавши, от тѣла панюю Борисовую Охлоповскую и приятел ее отбили, и порвавши тѣло з марами, з собою взяли; яко тежъ то у выписехъ вридовыхъ и на тестаменте все подостатку ширей ест описано и доложено. Но которыхъ выводек от стороны позваное умоцованье поведили, ижъ дей яко тутъ пани Борисовая Охлоповская значне невинность свою показуеть, же того замордованья мужа своего не есть випѣна, просили, абы была волпа; а што дей тутъ сторона поводовая поведает, ижъ ся пани Борисовая водле права не заховала, на вриде не оповедала, кгдажъ была невинна, и справедли-

востн с челяди своес не чинила и в томъ недбале починала, то вже дей знакъ винности по себе давала,—теды дей пани Охлоповская, яко белая голова, в томъ себе, яко правне почат, пе могла и порады о то не мѣла; кдыж дей и затым си задержало, же небожчикъ былъ пемалый час жпвь и, пе ведаючи, на кого бы мель тую пригоду оповедат, ее запехалъ, а пад то и пан Иона самъ до тестаменту и иные приятелѣ небожчиковские печати прикладали, о чом жадное зменки перед ними, яко ся то с тестаменту значит, не чинилъ; але панъ Иона Охлоповский, зваснившись на нее гневомъ, о то з нею чинит и то на пеп позыскати хочеть. От стороны поводовое умоцованый поведилъ: бы дей былъ панъ Охлоповский о то пе дбалъ, теды бы дей о то не чинилъ, кды ж до панес Охлоповское возных посылалъ, упоминал, абы была опыг в том и справедливост из челяди учинила, в чом ся не чула, але значне то кождому порозуменье давала, же тому сама причинцею была; а што дей тут тестаментъ кладет небожчика Бориса Охлоповского, менуючи там бытъ печать и подпись небожчиковскую и иныхъ приятелей, пановъ Климъ а Кузмы Порванецкихъ и пана Василя Олизаровского, и под нечатю пана Ионы Охлоповского, теды дей правда, же панъ Охлоповский клалъ печать и тые помененные приители до тестаменту, але не до того, и если дей бы печати, которые тепер маеть, до тых приили, теды бы дей слушны быт мели: бо бачу, же печать и подпись руки не пана Борисова, бо и печати своес на тотъ час не мель, и печат не пана Ионы Охлоповского, якожъ и самъ будучи до пее ся пе зналъ; такъ-же тутъ же будучи и панъ Кузма Порванецкий в тые жъ слова до печати ся не зналъ, абы мѣла быт его; который дей я тестаментъ, яко неслушный и неправный, тутъ на уряде арестую и до него мовити хочу, заховуючи во всем целое мовепе до него; теды ся и тым тестаментомъ, яко пеправнымъ и пелушнымъ, боропити не можетъ, але водле доводовъ абы всказ судовый вышюль. Другая, пж поведает сторона, же ся то ему от полъгака стало, которого тутъ не показует, а ни его показати может. И просить, абы тые

обмовы и обороны, которыми ся тут боронит и щтит, яко неправные и неслушныя, на сторону были отложоны. От стороны позваное умоцованыя повелили: што дей тут пан Иона Охлоповский поведает и до тестаменту пригапу даеъ, абы в него власная печать и подпис руки небожчика Бориса Охлоповского не была, и печать не его и не тыхъ приятелей, которые суть тамъ помепены, показовали против того лист небожчика Бориса Охлоповского, подъ печатью и с подписомъ руки его, кгда за себе змовилъ в станъ малженский теперешнюю малжонку свою, и другой лист тогож пана Бориса Охлоповского под печатью и с подписомъ руки его и с печатью Кузмы Порвалецкого и иных приятелей, што вѣно той жонѣ своей небожикъ записовал, под датою обадва року шестдесятъ осмого; прото дей власне у тых листовъ, яко и у тестаменту, рука одна и подпись мы быт розумеемъ, и иначеи потом ся не знайдеъ, и для того дей слушне у права приймованъ быт маеъ; а пани Охлоповская, яко невинъная, абы была волна. Умоцованый пана Охлоповского поведилъ: такъ, яко-м первой себе вцаде заховалъ мовене до тестаменту, такъ и теперь, кгдажъ о то з стороною позву не маю, одно о забитье небожчика пана Бориса Охлоповского,—па то ми нехай отказ чинит и далее поступает, если што еще маеъ; а кгда бачу, ижъ на доводе своемъ устаеъ, абы была водле позву и жалобы сказана. Умоцованыя от нанее Охлоповское повелили: кгдажъ дей ся сторона болшей выводовъ домагает, а ижъ пани Охлоповская на сес час не зготовала, теда, хотечи ясне а значне то показат и с того ся вывести, же в томъ обвиненью не ест винна, просили, абы имъ еще на шкрутинимумъ ку выправованью ся невинности се было до пришлыхъ рочковъ дано, подаючи по себе декрет небожчика Волчка из Залесовскимъ, пжъ слушне маеъ бытъ, кгда ся сторона выправити хочетъ, допуцено.—А такъ я, зрозумѣвши достаточне споровъ обоюх сторонъ а видечи то, ижъ сторона поводовая тягла по себе право и ясные доводы, против стороны позваное показованыя, абы была каранье водле права понесла, а сторона позва-

ная выводила, ижъ в том обвиненью не естъ винна, а просячи, абы дальшій рок ку оказанью невинности, то естъ на шкрутиннуумъ, был ей доущонъ; што иж себе была сторона позваная на першомъ пункте права упустила и тым се не боронила, в чом бы слушне ей доущоно быт не могло, але догожаючи болшей справедливости и праву посполитому а не сквалляючися на срогност правную, кгдажъ и право позволяет, же суд кождый маеть быти близшій ку вызволению, нижли ку каранью,—тое-мъ шкрутиннуумъ стороне позваное допустилъ, ижъ сторона позваная на рочкохъ близко пришлыхъ, которые по тыхъ теперешнихъ напервей сужоны и отправованы будутъ, маеть зо всеми выводами своими быти готова и с того ся, яко не винна, слушне выправити, а предся до того часу пани Охлоповская из замку выходити не маеть, она челядь абы до везеня была врьдowego дана, и панъ Охлоповскій тежъ при паней Охлоповской, яко сторона поводовая, на замку тежъ зостати до того жъ часу маеть. А што ся дотычет около спору о тестамент, теда стороне о то вцале правное мовенье заховаль.—По которомъ сконченю декрету судового, зараз, хочети тым лепшую ведомост о забитю того небожчика Бориса Охлоповского метъ а в тотъ декретъ и то вложить, оную-мъ челядь, которымъ вина дана, поставити казалъ, которые по одной розно были пытаны; и за пытанемъ урядовымъ напервей Федор Дюготъ вызналъ, иж на тот час, кгда пана Охлоповского ранено, не былъ дома, але ездилъ с панею до Миркова, и кгда приехалъ с панею до дому, пытала дей пани хлопа: што бы панъ чинилъ? Оный хлопъ поведал, иж о немъ ведомости не маеть, што бы чинити мелъ; она казала кони выпрагчи, а сама шла до избы, а я-мъ кони повелъ до маштарни и самъ ся есми з ыными товаришми поклал, бо-смо в тот час не ели, одно мне троха пирога Роговицкій зъести былъ даль. А потом, кгда есмо легли, могло быт полгода, прибежъ до мене Роговицкій, братанич небожчиковскій, и обудивши нас, поведилъ, ижъ дей, Федоре, не ведаемъ, што ся пану дееть: увес у кровѣ. Там есмо дей пошли зараз и знапли есмо вже, а пани з дѣвками Воцею и

Параскою и хлопцем Васкомъ рану завивають; и розказаль мне небожчикъ, абых бегъ о двойгу коней по балвѣра до Горухова; и кгдам у барвѣра у Горухове былъ, тот балвѣръ ехати не хотел, мовечи, ижъ тому досыть учинить не может, абых шукаль ипъшого; я-мъ дей до другого, до Свинюхъ оттоль бежалъ, которого-м им дей привез, и виделом у небожчика рану у шии, якобы ножемъ проколотую, и на персах кгуз, што отокъ по-за скурю шоль, который кгуз потомъ барвѣръ пусчалом протяль, от которого протятя тая ся рана, яко зеркало, розширила; и во дви недели по протятю того кгуза умеръ.—Быль тежъ пытанъ: если бы о томъ ведомост якую мель, хто бы его забиль, або од него. небожчика, слышалъ, от кого бы ся то ему стати мело? Онъ поведиль, иж небожчикъ ускаржался: „або дей ми ножемъ сколото, албо мя полгакъ образиль“; якожъ в перси розумѣль, же от полгака, одно в шию не ведалъ певне, што ся ему стало; а при немъ дей в тотъ час былъ сестренець его Кожуховскій, который ся тогож часу скрыль и ажъ его назавтрее в колешни, межи корчовѣемъ напли; и кгда былъ пытанъ, для чого ся скрыль и што бы панъ броиль, онъ поведиль, ижъ дей еси ся пана боял, бо упившися шалѣль и з ручницы на заходе слонца стреляль, и стреляючи з лавки спалъ; который дей Кожуховскій ест тепер у пана Клина Порванецкого. У полгака дей еси видел на пяд ложа урваного, з одного конца трѣска на два палцы, а з другого конца тоншей, нижли палець, а рура вся цѣла зостала. А попъ дей ему Олоповскій поведаль, же небожчика добре здорового отшоль и на постели пьяного положиль, а с того дей збитя теды дей руки поднести не могъ и кровю мочиль.—Дѣвка Параска вызнала: ижъ дей пани у пана Инвалского в тот час одно з дѣтятемъ, с Федором Дюгтемъ а Роговицкимъ была и оттоль на смерканью приехала; а кгда дей пан пьян былъ, мы-смы у него в избе не бывали, ажъ пани приехала, одно сестренець его Кожуховскій был при немъ; кгда пани приехала, застала пана, вже ся был забил, и пыгала его: што бы ся ему стало? Онъ еи по-

ведит не хотель, бо былъ барзо пъянь, и зараз дей послала по балвѣра Федора Дюгтя, и былъ дей от того зранептя живъ поль-третѣ недели; и пан на Кожуховского мовиль, ижъ дей „ты то мне, сестренче, учиниль“; а он дей ся прѣль, ижъ ему не он то учиниль. А коли дей пани раны завияла, тогда она не была, одно Воци, а Федор Дюгот, приехавши, тамъ в избе и не былъ, одно постѣль з воза зобраль. А коли з ручницы стреляль, то-м дей я слышала, а по стреляню з ручницы, теда его Кожуховский, сестренець, на постели положиль, и пани приехавши у него его застала, а о том зраненью его в тотъ час никто не ведалъ, ажъ пани приехала.—Воца дѣвка поведила и вызнала: ижъ пани на тотъ часъ у пана Интвалского с панею Порванецкою была и ажъ дей у вечеръ. еше ся не смеркло, приехала; и присхавши, глянула до избы, а над ним дей Кожуховский у ложка стояль и завпе при немъ былъ, и зараз дей потомъ утекъ и скрылся, и кгда былъ поиманъ и осажонъ, пытано: што бы з огнемъ там чинил в избе? Онъ поведиль, ижъ по хлѣбб ходиль, а пожъ дей у него за холявою в тот час былъ. И то вызнала, ижъ панъ дей, упившиися с попомъ, с полгака стреляль и самъ ся забиль, а с панею дей никто з них дѣвокъ не ездили, а мы-смы тамъ жаднал у пана, ажъ пани приехала, не были; бо кгда пани приехала, в тот час есмо з нею до избы пошли и папа кривавого на постели вже застали; якожъ и пан часто мовиль на Кожуховьского, ижъ дей „я теперь маю рану; и ты ее от мене буденъ мѣтъ, бо дей могъ бы ты мене былъ стеречи, хто бы до мене поль и мене скололъ“; и коли дей сестра небожчиковская Михнова Порванецкая у него бывала, теда ся ускаржалъ на полгакъ, же его забиль.—Васко хлопецъ возналъ: ижъ былъ в тот час у папа с трѣскою запаленою, а пан ранний на лаве седѣль, и пыталъ его: што бы ему было? Он дей мне поведиль, ижъ дей „ми неприятель скололъ“, и казалъ мне шукать хустки а хлѣба; и слышалъ дей есми, коли и стреляль; а пани дей приехала от панес Михновое Порванецкое с Порванча и Миркова в почи, по которомъ

приеханю теды Кожуховский из светлицы выскочилъ и на гору ся сховасть, которого ажъ на завтрее нашли под колешнею; а с пансю дей в тот час ездил Федор Дюгот а Роговицкий, а дѣвка жадная не ездилъ.—Што все есми до книгъ кгородьскихъ Луцкихъ для памети записати росказаль.

Книга кродск. Луцкая 1583 г., № 2096, л. 62.

2. Показанія челяди Охлоповской, давныя подъ пыткой. 1583 года, августа 12.

Року 1583. месеца августа второгонадѣцать дни.

На рочках кродскихъ Луцких. перед нами Станиславомъ Петровским, подстаростим, а Остафьемъ Малипскимъ. судею, вридниками судовыми кродскими Луцкими, ставши очевисто в замку господарскомъ Луцкомъ. возный повиту Луцкого Фронць Бромпрский ку записаню до книгъ кродскихъ Луцких созналь тыми словы: пжъ будучи я при пробѣ челяди пансе Борисовое Охлоповское, которым вина дана есть от пана Ионы Охлоповского о забите небожчика Бориса Охлоповьского, якожъ напервей дивѣка Воца поведила: пжъ дей „небожчика пана нашего забилъ сестрениць небожчиковский Василей Кожуховьский в ночи“; а потомъ повидила: пжъ дей „пани моя с Кожуховьскимъ сама в ночи пожомъ сколода власными руками своими. маючи на него гпсвь, пжъ дей скрынн се полунавнн, золото и серебро побрала; а то дей диялося в неделю, в ночи. а на тот дей час она была в летнику чорнымъ. мы дей. челядь, были при неи“. И засъ повторе. портрете и по четвертый разъ повидила: пж дей „то она. пани. сама

учинила власными руками своими, ножомъ голеннымъ сколола, и ножъ дей тот жонка Олена у сеньхъ за колодою нашла кривавый“. А слуга небожьчиковский Федоръ Дюготъ поведиль: ижъ дей „приехавши с панею, я-мъ дей пошолъ до маштарни и спати был люгъ, а потом дей дали ми в ночи знать, же панъ сколотъ; я-мъ дей тамъ хотел пойти, але ми пани не казала, и повгоре кгда-мъ дей хотелъ до него дойти и его огледати, тогда дей ме пани не пустила“. Васко Грицковичъ поведиль еше до пробы: ижъ дей „пани сама заколола, а девки дей на тот часъ при неи были и светили Воца а Параска,—я-м дей видил черезъ окно; а кгда дей есмо зъехали до Луцка, тогда пан Яковъ Оцовский мовил ми, жебых не поведалъ ничего, кгда дей тебе хто будегъ пытати“. Параска повидила: ижъ дей „Кожуховъский съ Федоромъ небожьчика пана нашего заморъдовалъ“.—А такъ мы тое очевистое со- знанье возного до книгъ кгородскихъ Луцкихъ записати есмо велили.

Книга кродск. Луцкая 1583 и., № 2064, л. 233.

3. Судебное слѣдствие и декретъ въ пользу обвиняемой. По требованію истцовъ, дѣло переносится въ королевскій судъ. 1583 года, сентября 19.

Року 1583, месеца сентебра 19 дня.

На рочкох кгородскихъ Луцкихъ, дня оногдашнего, в четвергъ, тогож месеца сентебра пятогонадцать за позвы кгородскими Луцкими припалыхъ и судовне отправовати зачатых, перед нами Яномъ Госинскимъ, подстаростим, а Остафъем Еловичем Малинским, судею, урядники судовыми кродскими Луцкими, ставши очевисто в

замку господарскомъ Луцкомъ, умоцованный панее Борисовое Охлоповское пан Матей Стемпковский чинил примову, иж за обжалованемъ панее Охлоповское от пана Ионы Охлоповского о забитье якобы от нее малжонька ее, небожчика пана Бориса Охлоповского, естъ zostала первой через декрет судовый ку оказаню оное невинности своее, а то ест ку вывоженю шкрутиниумъ, из челядю своею, котрымъ тежъ тутъ вину далъ, у везеню на замку; домовлялся, абы пани Охлоповская из челядю своею от везеня ку вывоженю шкрутиниумъ волна и тут у суду поставлена; а ижъ над декрет судовый везенъе терпятъ, чого на себе поносити не мели, просили, абы з стороною поводовою целое право им было заховано, хотечи то ясне довести, же у везеню ее врядовне застаню. Гдежъ тут же будучи, сторона поводовая пан Иона Охлоповский, через умоцованого своего пана Фронца Маковецкого, на то поведиль: ижъ дей пани Охлоповская в жадном везеню не была и того показати не можетъ, бо и теперь не естъ осажона; кгдаж одно водле декрету судового на замку в опатрности была, а жадного везеня не терпѣла; а если же до справы тое маеть быть ставена, теда, яко судъ узнаеть, сторона переставати мусит.—Мы, узнавши то, иж жаден о себе заочне справы невинности своее оказати не можетъ, яко очевисто, сказали есмо, абы была з везеня волна и до суду до тое справы припуцона; а што себе сторона обжалованая тяжет у везеню, о то целое право во всемъ есмо з стороною поводовою заховали. А кгда пани Охлоповская была поставлена, которая, даючи о себе справу невинности забитя небожчика малжонька своего, ставила задныхъ шляхтичовъ и людей добрыхъ, которые, яко были сведоми, очевисто ставши, по доброн воли своеи, кромъ жадного примушенъя, кгда были от суду поединкомъ пытаны, вызнали и оногю вызнани своего кождый лист под печатю и с подписом руки, яко хто умел, дали, и такое их свидѣцтво ест. Напервей: „Я Лаврѣнъ Кглазовский кождому и кождого права и суду, так хтобы о том ведати хотел, сознаваю, што в року прошлом тисеча пятсотъ осмдесять второмъ, месеца

марца осмогонадцать дня, будучи мнѣ в Конотспех у пана Светослава Липского, подстаростего Белзского, и отгол едуци, стретел есми на гребли Мирковской панюю Борисовую Охлоповскую из иншими панями Порванецкими, которые мнѣ на пытанье мое поведили, ижъ ехали до панее Инвалское в наведины; а потом, будучи мнѣ в Горукове, въ уряде своимъ, с того ж дня недели на понеделокъ, быть могло ку полуночу, пришлоъ ку мнѣ Якубъ барбѣръ, подданный кнежати его милости пана моего, с посланцемъ панее Борисовое Охлоповское, который собс имя передо мною призналъ Федоръ, п тотъ поведилъ передо мною, ижъ дей пап мой Борис Охлоповскій на смеркани, в небытности малжонки его милости, панее моее, с полгака стреляючи, в перси и в горло свое ображене учипил, и приехавши дей до дому пани, заставши зраненного пана малжонка своего, послала мя тут до барбера до Горукова. А ижъ былъ тотъ обычай, ижъ барберъ без ведомости моее на сторону николи не ехалъ, на тот час, кгда пришлоъ, тое жъ години, за розказаньемъ моим, там до Охлопова поехалъ и там бывши, назад у понеделок приехавши, месеца марта девитогонадцат дня, тот же барберъ, пришедши до мене, созпалъ тыми словы: ижъ есми был у Охлопове в дому пана Бориса Охлоповского, которого есми застал велми хорого, и видилъ есми у него рану одну кривавую в горле, которую знать, ижъ щепя от полгала отскочивши пробила, и другую, от тое шкюдливую, близко тое на персяхъ, синюю, спат ся кост спадала, которая горло окрывает; о котором зраненью своем поведилъ дей ми Борис Охлоповскій, ижъ в небытности малжонки своее стрелял с полгака здавна набитого, и в том ся есми, пьянь будучи, за несчастьемъ моимъ и за необычнымъ стрелянем своимъ, самъ зранилъ; я, видечи раны шкюдливые, не поднялъ ся есми его опатровати. А так я с тосе прудкое а певное повести от барбера о такомъ неfortunьном припадку небожчика Бориса Охлоповского, ижъ сам от себе смерть подпалъ, естем того певец, ижъ малжонка его, пани Настася Михювна Ощовского, не была и не ест причиною смерти

и зранени его. Лаврин Кглазовский властною рукою“. — „Я Иванъ Селецкий явне кождому сознаваю, ижъ в року прошломъ тисеча пятсотъ осмдесят второмъ, месеца марта девятогонадцать дня, в понеделокъ, будучи мнѣ уво йменицы своемъ в Селцы, перед полуднемъ, идучи зо млына моего Селецкого, поткаль есми барбера Горуховского Якуба и пыталъ есми: откол бы ехаль? Который мне повсдиль, ижъ дей есми былъ у пана Бориса Охлоповского, который хор есть велми и повсдил дей передо мною, ижъ ся есми самъ вчорашнего дня, на смерканьи, стреляючи с полгака, в небытности панее, самъ себе образиль в перси и в горло, до которого вже и барбера Свинюского привезли. То пакъ я, заразомъ сам до Охлопова ехавши в дом небожчика Бориса Охлоповского, так, яко ми барберъ Горуховский повсдил, то и он сам передо мною призналъ, ижъ тое зраненъе маю от Бога“. — „Я Василей, а я Микита Ощовские явно сознаваем кождому, ижъ року проплого осмдесятъ второго, месеца марта девятогонадцать дня, в понеделокъ, кгда приехал до нас посланецъ сестры наше Настаси Борисовое Охлоповское, даючи нам знати о неfortunнъпомъ припадку зяти нашего и пана своего Бориса Охлоповского, тогожъ дня, кгда есмо к нему приехали, перед нами вызналъ сам небожчикъ Борис Охлоповский, ижъ тое зраненъе свое от Бога Сотворителя своего а з необычайного стрелянья своего с полгака маю. Мы, из его повести власное будучи того певни, ижъ малжонка его Настася не была и не ест причиною зранени и смерти малжонка своего небожчика Бориса Охлоповского, готови есмо того и присягою нашою телесною потвердити. Василей Ощовский рука власная. Микита Ощовский рука власная“. — „Я Антоний Визкгердъ Заболоцкий, служебникъ его милости велможного князи Юртя Черторыского, верне, правдиве, под моим сумненъемъ, до ведомости вшелякое суду, чого-м свѣдомъ, доношу и при устном мосм мовеню на писме даю, то ест: року проплого тисеча пятсот осмдесятъ второго, кгдым приехал на Волын з службы его королевское милости з Москвы, с-подъ Пскова, и в том же року по-

мененомъ, маючи я потребу до их милости паповъ Ощовскихъ, месеца марца девятогонадцат дня, в понеделокъ, приехал есми в домъ пана Микиты Ощовского, самого есми пана Микиты Ощовского не засталъ, толко панюю малжонку его, и кгдым пыталъ о самом пану: где бы былъ? пани Ощовская поведила, ижъ дей дал знати до пана моего и до пана Василья Ощовского панъ Борис Охлоповский, же упившися а съ птянства якос ся сам образил и шкодливе ранен, там же дей до него побегли, бо ест велми хорый. Я, ач знаемости жадное с паном Борисом Охлоповскимъ не мел, поехалъ есми з дому Ощовского до пана Бориса, хотечи его наведити и тамъ ся с паны Ощовскими видити, и кгдым тогож дня выш помененого, вже позно в ночи, с понеделька на волторокъ, в дом пана Бориса Охлоповского до Охлопова приехалъ, засталъ есми пана Бориса на ложку хворого лежачого и при нем в дому его пана Ивана Селецкого а пана Василя и пана Микиту Ощовскихъ седячихъ. Я, приступивши до пана Бориса Охлоповского, почал его пытати: што бы ему за хобоба была? он поведиль, ижъ дей з несчастья, упившися, сам ся есми образилъ, и пе ведаю, если дей буду живъ. Там же есми в дому пана Борисовомъ в Охлопови и ночовалъ, а назавтрее, в олторокъ, раненко сам панъ Борисъ Охлоповский просил мене, абых ему тестаментъ написалъ. Я, водлугъ воли и властного росказани его, тестамент написавши рукою моею, самому есми пану Борису Охлоповскому его подалъ в руки; а панъ Борисъ казалъ ми его перед собою читати; и кгдым его властне, якъ былъ написан, перед нимъ вычиталъ, выслушавши подостатку, похвалилъ тотъ тестаментъ и до него самъ панъ Борис Охлоповский руку свою подписалъ, я-м ему и каламаръ держалъ; а потомъ, подписавши руку, и печат свою приложити панъ Борис к тому тестаменту своему казалъ и заразом по пана Иону Охлоповского, брата своего стрыйнего, и теж доведальсе, же и панъ Василей Олизаровский у пана Ионы естъ, обох их до себе просити казалъ в дом свой. И кгды тот посланецъ прииол от пана Ионы, поведиль пану Охлоповскому: былъ

дей семи за посланемъ твоимъ у пана Ионы Охлоповского, там же-м засталъ в дому его пана Василя Олизаровского, пана Кузму и пана Климѣ Иорванецких, которые ото зараз до вас идутъ. И кгда тые все до пана Бориса пришли, пан Борис имъ тыми словы мовилъ: ижъ есми есмъ з допуцента Божого хор, и не хочечи малжонки моее Настаси Михновны Ощовского по животе моем наголе оставити, а то хочечи листы, записы ей, малжонце моей милой, от мене даные, остатнею волею моею подтвердити симъ тестаментомъ моимъ, которъй ест з волею а властнымъ росказанемъ моимъ вже написан. И зараз панъ Борисъ Охлоповскій казалъ тотъ тестаментъ перед нами читати, и кгда в голос былъ перед нами всими вычитан, зараз просилъ ихъ всехъ панъ Борис, абы они к тому тестаменту печати свои приложили; ино пан Иона Охлоповскій, пан Василей Олизаровскій, пан Кузма и панъ Климъ Иорванецкие пытали передо мною пана Бориса Охлоповского: если ся ему тотъ тестаментъ самому подобаетъ, припоминаючи ему тое, же дей „еси дѣти свое погубилъ, а от детей все жонѣ отписуешь“? Онъ имъ такъ отказалъ: „вамъ дей до того ничого, толко я вас прошу, абысте печати свои к сему тестаменту остатнее воли моее приложили“. Они, слышачи то от него, ему то обещади к тому тестаменту его печати свои приложити, и такъ мовили, же дей тепер при собе печатей своихъ не масмъ,—естъ в дому у папа Ионы Охлоповского печати наши, и тамъ ихъ приложимъ. Якожъ зараз все есмо от пана Бориса Охлоповского з дому его в домъ пана Ионы Охлоповского пошли; и кгда пришли пан Иванъ Селецкий, пан Василей и пан Микита Ощовские, которых опекунами в том тестаменти написано и очевисто от пана Бориса перед ними признано; просили ихъ, абы они, якъ ся самому пану Борису Охлоповскому обещади, печати до тестаменту приложили. Они зновъ, пан Климъ и пап Кузма Иорванецкие, паном Ощовскимъ и пану Селецкому мовили, же дей „мы еще до папа Бориса Охлоповского пана Иону Охлоповского пошлемъ, если намъ таки печати к тому тестаменту приложити роскаже,

якъ перво казалъ?“ и заразомъ папа Иону Охлоповского послали и у него есмо зась были. Тогда и повгоре пан Борисъ, якъ ихъ сам перво устне просилъ, такъ и через папа Иону сказалъ и просилъ, абы они всѣ печати свос къ его тестаменту приложили. Ино скоро то панъ Иона отказалъ, же на то панъ Борисъ позволилъ, тогда зараз в дому пана Ионы Охлоповского пан Кузма и пан Клим Порванецкие, пан Василей Олизаровский и пан Иона Охлоповский печати свои к тому тестаменту пана Бориса Охлоповского приложити рачили; а священникъ Охлоповский Карпъ, теж за прозбою пана Бориса Охлоповского, руку свою подписалъ. А при томъ моемъ правдивомъ свидѣтстве на том, што есми самъ з усть небожчика Бориса Охлоповского слышалъ, будучи певен, ижъ не ест и не была причиною зраненя и смерти небожчика малжонка своего пани Настася Михновна Ощовского, и того ижъ есми свѣдомъ, же панъ Кузма, пан Клим Порванецкие, пан Василей Олизаровский, панъ Иона Охлоповский до тестаменту небожчика Охлоповского печати свои приложили, если бы того была потреба, готовъ есми того сумнедемъ своимъ поправити. Антоний Визкгердъ Заболоцкий власна рука“.— „Я Валентий Плонский сознаваю каждому, хто бы ведати о томъ хотель, до каждого уряду, ижъ в году прошлом, осмдесят второмъ, месеца марта девятигонадцат дня, посылал есми слугу пана Михайла Козинского, на ймя Мица Красовца, до пана Бориса Охлоповского перед полуднем, просечи о розьги на щепенье саду; который, там бывши и оттоль приехавши, передо мною поведил тыми словы, ижъ пан Борис Охлоповский, стреляючи з ручницъ, образилъ сам себе в перси и в горло шкодливе, в небытности панее малжонки своее, опившиися горельки, ечорашнего дня, в неделю, на смерканьи, што дей з усть небожчика Бориса Охлоповского слышал; которые я слышачи, естем певень того, ижъ пани Настася Михновна Ощовского не випъна и причиною не есть и не была зраненя и смерти небожчика малжонка своего Бориса Охлоповского, чого и присягою готовъ есми направити“.— „Я Ганъпа Валковна Белостодского Иваповая

Селецкая каждому явше сознаваю, яко я, доведавшися о псфортунъ-помъ припадку Бориса Охлоповского, была есми в дому его во второкъ, месеца марта двадцатого дня, року осмдесять второго, и на пытанье мое небожчикъ Борисъ Охлоповский поведилъ тыми словы: иж „тое зранспье маю за необычайным стрелянемъ моимъ с полгака“; а к тому тамъ же пани Михнова я Порванецкая, сестра его родная, оказавши передо мною щепу дерева, от полгаку отскипленую, поведила, ижъ от тое щепы брат мой в горло зранспье есть, кгда стрелял с полгака в небытности пансе малжонки своее, вчорашнего дня, на смерканью; которого слышантя моего тую повесть под присягою поведаю“.— „Я Янъ Длукгоборский сознаваю каждому, ижъ в року осмдесять второмъ, месеца марта двадцатого дня, у волторокъ, будучи и в Езерцахъ, во вряде своимъ на тотъ час от папа своего папа Мартина Менжипского, приехал ко мнѣ барберъ Свинюский Миколай по обетницу, ему от мене обещаную, по рыбы, который поведил передо мною, ижъ „теперь еду до Свинюхъ, до дому, по свое пачине ремесла моего барберского, абовем дей мя з недели на понеделокъ, перед свѣтомъ, взяли были до Охлопова, до пана Бориса Охлоповского, которого есми видел и застал хорого вельми, и поведилъ передо мною, ижъ есми ся самъ зранилъ, стреляючи с полгака моего; и от того дей виделъ есми рану шкодливую на персяхъ, близко горла, битую, синюю, и кость перебита“. Я, с повести того барбера то слышачи, ижъ дей на тотъ часъ при зраненю Бориса Охлоповского малжонка его Настася Михновна Ощовского не была причиною зраненья и смерти его, и тоее повести моее присягою моею, кгда того потреба будет, потвержу“.— „Я Федор, а я Андрей, я Левко Олизаровские явно всѣ сполечне визнаваем, яко року тепер прошлого тисеча пятьсотъ осмдесять второго, месеца марта двадцатого дня, в олторок, приехавши, брат нашъ родный Василей Олизаровский поведил перед нами сполечне всеми тыми словы: ижъ схавши мене до швакгра моего папа Ионы Охлоповского в недѣлю прошлую, месеца марта осмогнадцат дни, и там будучи ув Охлопове, слы-

пал есми, ижъ пани Борясвая Охлоповская того дня поехала была до Миркова, и в небытности ее Борис Охлоповский, збыточне опившись горелки с попом Охлоповскимъ, былъ тошен малжонки своее небытя, и в томъ, взявши скрынку малжонки своее, розлупавши, кошулки, брамку и пояс сребраный порубал, и с колку ручниц стреляючи, в небытности малжонки своее, вес ден недельный кончиль; и потом, по одештью поповомъ, за своимъ необычайнымъ стрелянемъ, самъ себе с полгака образиль и зраниль в перся: полгакъ его забиль, а в горло его ранила щепя, отскочивши от полгака; за которымъ своимъ припадкомъ сегодня, в олторок, месеца марта двадцатого дня, пан Борис Охлоповский, приславши по пана Иону Охлоповского, черезъ тогожъ посланца своего мне просиль, абыхмо тамъ до дому его были; на тотъ час, ижъ были в дому сегодня пан Кузма а пан Климъ Порванецкие у пана Ионы Охлоповского, заразомъ з нами ишли до пана Бориса Охлоповского, и тамъ пан Борис Охлоповский поведилъ передъ всѣми нами, ижъ зраненъе поднялъ черезъ необычайное стреляне свое с полгака; где есмо и раны видили: одну кривавую на горле, знать от полгака щепю пробитую, а другую велми шкодливую, близко тое, на персяхъ, битую, синюю; и тогожъ часу просиль Борисъ Охлоповский, абы тестаментъ з волею его писанъ былъ. Тамъ же при насъ, за прозбою и з розказованя его, писалъ тестаментъ Антонъ Заболоцкий о всей маетности Бориса Охлоповского, который тестаментъ кгда былъ справенъ, заразъ Борисъ Охлоповский печатъ приложилъ и руку свою подписалъ, оставивши опекунами на тестаменте жоне, детемъ и маетности своеи пана Василя и пана Микиту Оцовскихъ и пана Василя Селецкого; и просиль насъ, абыхмо къ тому тестаменту его печати свое приложили. Мы, при томъ будучи, напервей панъ Кузма и панъ Климъ Порванецкие, я Василей Олизаровский, по мнѣ Иона Охлоповский печати есмо свои приложили, и в томъ ся есмо розѣхали. Ижъ есмо слышали тое отъ брата нашего Василя Олизаровского, готови есмо на томъ и присягнути, яко Настася Михновна Оцовского не была и не есть причипою

смерти малжонка своего небожчика Бориса Охлоповского. Федор Олизаровский рука власнал.— „Я Иван Гаврилович Холоневский сознаваю каждому до каждого уряду, што в року прошломъ осмдесят втором, месеца марта двадцатого дня, в олторокъ, стретил есми в ыменъи своемъ в Холоневе пана Василя Олизаровского о нешпорной године, который ми поведил: ижъ дей „былем в Охлопове у пана Бориса Охлоповского тепер, с паном Кузмою и с паном Климомъ Порванецкими, с паном Ионою Охлоповскимъ,— который в прошлую неделю, в небытности малжонки своее, опившиися горелки с попом Охлоповскимъ, з ручниц стрелялъ, и вже на смерканъи, по одештью поповомъ, с полгака, который был давно набитый, набивши другимъ набитемъ, стрелил, и там полгакъ забиль его в перси, и щепя, отскочивши от ложа, ранила его в горло, и будучи велми хор, сегодня, упросивши нас, справил тестаментъ, до которого я и панъ Кузма, пан Клим Порванецкие и пан Иона Охлоповский печати свои есмо, за прозбою его, приложили, и самъ Борисъ Охлоповский печать свою приложилъ и руку свою подписалъ. Ижъ слышалъ есми з усть Василя Олизаровского тыи слова, и на том готов есми присягнути“.— „Я Василей Андреевич Холоневский, а я Андрей Григоревич Холоневский сознаваем каждому, хто бы о том ведати хотел, до каждого уряду, што в року прошломъ тисеча пятьсот осмдесят второмъ, месеца марта двадцать первого дня, оповедаль перед нами панъ Василей Олизаровский о нефортунъном припадъку небожчика Бориса Охлоповского, который в неделю прошлую, на смерканъи, опившиися горелки, стреляючи з ручниц, и там сам себе з одного полгака, в небытности малжонки своее, зранилъ, то ест полгакъ в перси недалеко от горла шкодливие вдарилъ, а в горло щепя, отскочивши, его ранила; от чого будучи хор, вчорашнего дня в олторок чинил тестамент, который, достаточне справивши при нас, просиль очевисте пана Кузмы и пана Клина Порванецкихъ, мене и пана Ионы Охлоповского о приложене печатей; мы, видячи его волю а па прозбу его, печати есмо свои к тестаменту его прило-

жили, а оп сам яко печат свою приложил, такъ и руку свою под-
писал. Мы, ижъ есмо тые слова слышали з усть папа Василя
Олизаровского, естесмо певни, ижъ Настася Оцовского не ест и
не была причиною зраненя и смерти малжонка своего Бориса
Охлоповского, на чом есмо готови и присягнути“.— „И Иван Ива-
нович Оцовский сознаваю явно кождому, што в року прошлом
осмдесять втором, месеца марта двадцать первого дня, посылал
есми служебника своего Ждана Гулялницкого до пана Бориса
Охлоповского, просечи невода на ловенья рыбы в ставе моем
Цевовскомъ; который, там бывши, передо мною поведил тыми словы:
ижъ дей невода не привезъ, бо дей пан Борисъ хоръ, а то для
того, иж в неделю на смерканьи прошлую, без бытности малжонки
своее, опившися горелки, стрелялъ с полгака и самъ себе образил;
и видел дей есми его раны: на персах, на правой стороне, рана
велми синяя, снать и кость под горлом нарушена, другая крива-
вая в горле, знати, иж щепя, отскочивши от ложи, ранила. А такъ
я, тое ижъ есми слышалъ, естем певень, ижъ Настася Оцовского
не ест и не была причиною зраненъя и смерти малжонка своего,
чого готовъ есми и сумненъем своим поправити. Иван Оцовский
рука власная“.— „Я Мартинъ Викгура сознаваю, иж што в року
прошлом осмдесять второмъ, месеца марта двадцать второго дня,
в середу, доведавшися о неfortunъной пригоде Бориса Охлопов-
ского, был есми в дому его в Охлопове, навежаючи его, и тамъ
на пытанъе мое самъ усты своими поведалъ, што в неделю, ме-
сеца марта осмогонадцать дня, опившися горелки, сам, с полгака
стреляючи, образилъся в перси и в горло шкодливе, в небытности
малжонки своее; што з усть его маючи я о том ведомост, ведаю
о том певне, ижъ пани Настасья Михновна Оцовского не была
причиною зраненъя и смерти его, чого и присягою своею potwier-
дити хочу“.— „Я Антонъ Рудецкий сознаваю кождому, хто бы о
том ведати хотелъ, ижъ в году прошломъ осмдесять второмъ, ме-
сеца марта двадцать третьего дня, в пятницу, маючи потребу свою,
ездилъ есми до Оцова до папа Василя Оцовского, и кгда есми

его дома не засталъ, о которомъ ми сказали: в Охлопове; и тамъ, тогожь дня поехавши за нимъ, знашолъ есми его в дому небожчика Бориса Охлоповского, который былъ велми хоръ, и будучи я тамъ, пыталъ есми самого Бориса Охлоповского, от кого бы то зранене свое мелъ? На пытанье мое самъ Борисъ Охлоповский поведиль, ижъ дей „в неделю прошлую, месеца марта осмогонадцать дня, жена моя кгда отъехала до Миркова; я упився есми горелки, а в томъ пьянь будучи, стрелял есми з ручниц, межи которыми полгак мой, с которым есми ездиль до Володимера о зборы, был набитый и лежалъ не выстреленый, чого я пропомневши, яко пьяный, а другой раз набивши, стрелил, а в том мя в перси забиль, а щепя, от ложа отскочивши, образила мя в горло, и того есми хор, а то в небытности малъжонки моее Настаси“. И маючи я з усть его такуюю ведомость певную о зраненю Бориса Охлоповского, естемъ певенъ и того свѣдомъ, ижъ Настася Михновна Ощовского не винъна и причиною не была зраненя и смерти малъжонка своего Бориса Охлоповского, и на томъ присягнути хочу“.— „Я Янь Наполский сознаваю явне до кожного права и суду, ижъ в року прошломъ осмдесят второмъ, месеца марта двадцать третего дня, слышалъ есми з усть попа Охлоповского Карпа о нефортунном припадку небожчика Бориса Охлоповского в тые слова: ижъ дей в неделю прошлую, месеца марта осмогонадцать дня, пивши зо мною горелку и опившись, з ручниц стрелялъ, челяд розогналъ; а потомъ, кгдымъ я отышолъ, с полгака здавна набитого стрелил а в том сам себе за онымъ необычайнымъ стрелянемъ своим в перси и в горло образил, зранилъ, а то без бытности малъжонки своее; с которого зраненя неведома, если жив будет. А потомъ слышалъ есми з усть барбера Горуховского Якуба, который тежъ поведиль в тые ж слова: яко ему панъ Борисъ Охлоповский сам поведалъ, ижъ сам себе в небытности малъжонки своее в необычайном стреляню своем с полгака зранилъ в перси шкодливе, снат и кости нарушилъ. Што иж-см так а не иначе слышалъ, яко от попа и от барбера, под сум-

ненъемъ моимъ поведаю. Jan Napolsky гeкa swa“.—„Я Федор Иржищовский сознаваю явне до кожного права и суду, што я, приехавши з Луцка в року прошлом осмдесят второмъ, месеца марта двадцать четвертого дня, въ субботу, до дому пана отца моего, до Иржищова, слышалъ есми от пана отца моего, ижъ панъ Борис Охлоповский в неделю прошлую, сам себе, стреляючи с полгака, шкодливе в перси и в горло образиль, в небытности малжонки своее; я, будучи того певень, ижъ Настася Михновна Ощовского не была и не ест причиною зраненя и смерти малжонка своего Бориса Охлоповского, чого и присягою своею готовъ есми подтвердить, до которого сознания и руку-м свою подписал. Федор Львовичъ Ржищовский рука власная“.—„Я Прокопъ Белостоцкий явне сознаваю, ижъ будучи мнѣ на торгу в Горухове в неделю, месеца марта двадцать пятого дня, в року прошломъ осмдесятъ второмъ, слышалъ есми з усть отъ подданныхъ небожчика Бориса Охлоповского, ижъ дей панъ нашъ Борисъ Охлоповский сегодня в тыждень, в неделю, коли пани ездилъ до Миркова, и без нее опившия з нашимъ попомъ горелки, стрелял з ручниц, и тамъ, по одештью поповом, и скрынку панее розлупалъ, пояс сребрепый и кошулки порубалъ, и стреляючи вжо на смерканьи, в небытности панее, сам себе в перси и в горло образиль, с чого не ведаемъ, если живъ будетъ. А с тоее певное повести подданныхъ небожчика Бориса Охлоповского естемъ певен, ижъ пани Настася Михновна Ощовского не ест и не была причиною зраненя и смерти малжонка своего Бориса Охлоповского, чого бых и сумненемъ своимъ поправиль. Прокоп Белостоцкий рука власная“.—„Я Томко Ощовский сознаваю явне каждому, што в року осмдесят второмъ, месеца марта двадцать семого дня, послышавши от пана Василя, брата моего, о нефортуньномъ припадку небожчика Бориса Охлоповского, ездилъ есми до Охлопова, навежаючи его, который ми з усть своихъ небожчик Борис Охлоповский поведиль, ижъ тое зранене в перси и в горло за необычнымъ стреляньемъ своимъ с полгака сам от себе маю, в небытности малжопки своее, в педелю

прошлую, месеца марта осмогоднадцать дня; што я иже мѣ слышалъ тые слова от небожчика Бориса Охлоповского, естемъ певен, иж Настасья, малжонка его, не есть винна зраненья и смерти его, и на том готовъ еси присягнути. Томъко Ощовский рука власная“.— „Я Станислав Клуховский сознаваю явне кождому, ижъ мне будучи в Горухоу в неделю, року прошлого осмдесять второго, месеца марта двадцать пятого дня, в дому мещанина Горуховского Юрка, там мнѣ и иншимъ многимъ людемъ поведал панъ Кузма Немиричъ Порванецкий, яко панъ Борис Охлоповский, опившися горелкою, в неделю прошлую месеца марта осмогоднадцать дня, на смерканьи, в небытности малжонки своее, стреляючи с полгака, сам себе зранилъ, и будучи фор, в прошлый второкъ тогожь месеца марта двадцатого дни чинилъ тестаментъ, до которого я и брат мой панъ Климъ Порванецкий, панъ Василей Олизаровский, панъ Иона Охлоповский, печати есмо свои приложили, и попь Охлоповский руку свою подписалъ. Я, тые слова от пана Кузмы иж еси слышалъ, готовъ бых на том присягнути¹⁾“.— „Я Миколай Стемпковский сознаваю явне кождому, ижъ року осмдесять второго слышалъ еси от подданных панее Якимовое Олоповское з Охлопова в Горухоу, на торгу, в неделю, месеца марга двадцать пятого дня, яко Борисъ Охлоповский в неделю, ото тыждень, опившися з нашимъ попомъ Охлоповскимъ горелкою, а панее самое Борисовое дома не было, мало не вес ден з ручницъ стрелялъ, и вжо по одостью поповомъ на смерканью сам себе, стреляючи, образилъ в перси и в горло, яко то и сам перед всеми поведает; я, маючи тую певную ведомость о томъ, естемъ певентъ, ижъ пани Настасья Михновна Ощовьского не винна и причиноу не есть и не была зраненья и смерти малжонька своего Бориса Охлоповского, на чомъ и присягнути хочу“.— „Я Адам Рудаевский правдиве, явне, кождому сознаваю, што-мѣ слышалъ з усть бар-

¹⁾ Далѣ слѣдуютъ совершенно такого же содержанія показанія свидѣтелей Иаи и Шарфена Сасиновъ, которыя, въ виду однородности ихъ, здѣсь опускаются. *Ред.*

бера Горуховского Якуба тые слова: ижъ есми слышалъ от самого пана Бориса Охлоповского, што зранене в перси и в горло поднялъ сам от себе за необычайнымъ стрелянем своимъ с полгака, в небытности малжонки своее, на смерканьи, в неделю, месеца марта осмогоднадцат дня, в року теперешнемъ осмдесят втором; а такъ я, иж слышалам тые слова з усть барбера Горуховского Якуба, под сумненемъ моимъ сознаваю. Adam Rudawsky гекаъ swą“. До того еще придал, иж тое слышал от барбера, которого тутъ поменил, иж поведед ему, же Иона Охлоповский пана Адама Рудавского по попа, которого мают на-полы с панею Борисовою, же онъ не ведати где задел, который при тестаменте был и подпис для (*пропускъ*) унес оног ест дей о том слышал и от многа людей, же не ест пани Борисовая в том обвиненю винна, хотячи то присягою своею поправити.— „Я Станислав Хрустицкий сознаваю, што есми слышал з уст попа Охлоповского Карпа в року прошломъ осмдесят второмъ, у вовторокъ волочебный, кгда приездилъ до зятя своего на Старый Ставъ, и в тые слова поведал, иж Борис Охлоповский в неделю прошлую, месеца марта осмогоднадцать дня, упившися дей зо мною горелки, в небытности малжонки своее, стрелял з ручниц, от чого дей я его много гамовал, и вже по одештю моим на смеркани, с полгака стреляючи, сам себе образил в перси, его полгак забил и щена; отскочивши от ложа полгакового, горло ему пробила; якожъ дей тогож дня, розлупавши скрынку панее, брамъку, кошулки, пояс серебряный порубал, а то все для того, иж панее дома не было. Я ижем слышалъ тые слова з усть попа Охлоповского, готов есми на том присягнути“.— „Я Никифор Насончикъ, войтъ Горуховский, чиню ведомо, явне сознаваю кождому, иж в року прошлом осмдесят втором, з недели на понеделокъ, о курех, приехал посланец панее Борисовое Охлоповское до Горухова и пытал: естли бы тут в Горухове был барбер Свинюский? который до дому моего кгда присехал, пытал есми: на що бы барбера шукалъ тут? за певную реч передо мною твердилъ тыми словы, ижъ дпя вчорашнего в неделю, в не-

бытности панее, пан мой Борис Охлоповский, пивши снат ден увес вчорашный горелку непомерне с попомъ нашим Охлоповским, и там пьянъ будучи, парекаль, иж панее в дому не было, которая до Миркова отъехала до панее Инвалское, а тамъ увес ден з ручницъ стреляль; кгда вжо у вечеры, розогнавши всю челядь з дому, стреляючи, сам себе нет ведома якъ онымъ стреленемъ в перси и горло зранил; што приехавши пани малжонка з Миркова в ночи, обачивши пана зраненого, посылала по барбера вашого Горуховского, который тепер там есть; нижли ся опатровати пана и з ранения его поднѣти не хочет, и послала тут пани барбера Свилюского пытати и другого посланца послала на Порванче до Свилюхъ, не ведаючи о барбери тутъ Свилюскомъ. Я казалъ есми тому посланцови панее Охлоповское, абы его тутъ взялъ; и маючи о томъ нефортунномъ припадку пана Бориса Охлоповского ведомост тогож часу певную, будучи того певен, иж пани малжонка не ест причиною смерти его, естемъ готовъ на томъ присягнути".— „Я Иван правдиве и под присягою моею сознаваю, што в року осмьдесятъ второмъ, месеца марта девятинадцатъ дня, былем при барберу Свилюскомъ, швакгру своимъ, в дому небожчика пана Бориса Охлоповского, при которомъ у нефортунномъ припадку его милости по увес часъ аж до смерти былем тамъ; снат каждого дня через полтреги недели каждому за живота своего, хто присажчалъ, навежаючи его, поведилъ о зраненю своемъ, яко опивниси горелки с попомъ Охлоповскимъ в неделю, месеца марта осмогонадцатъ дня, в небытности пани малжонки своее, на смеркантъи, по одештю поповомъ, с полгака стрелил, сам себе образил, а то ест, иж полгакъ его у перси забил, и кост, которая горло окривастъ, перебил, и щепя, отскочивши от полгака, в горло его ранила; а иж я тые слова от самого з усть небожчика пана Бориса слышалъ, будучи при немъ аж до смерти, готов есми на том и присягнути".— „Я Миколай, барберъ, сознаваю каждому до права и до каждого суду, иж року прошлого осмьдесятъ второго, месеца марта осмогонадцатъ дня, з недѣли на понеделокъ, в ночи,

о курех, будуче мнѣ в Горухове, и тамъ прибегъ по мене посланец панее Борисовое Охлоповское, просечи, абых тамъ до Охлопова ехаль, поведаячи, ижъ пан нашъ Борис Охлоповский велъми фѳор, до которого были и барбера Горуховского повезли; я тогож часу, взявши из собою товариша Ивана, там до Охлопова поехал, и там приехавши и раны его огледавъши, которые есми бачил быти шкодливые: на персах близко горла синяя, битая, а на горле кривая; о котором зраненю своим поведал передо мною, ижъ дей, в отъеханю жоны моее до Миркова, опился есми горелки с попомъ и ведле обычаю своего стрелял есми з ручниц, и вжо на смеркани, по одештью поповомъ, взял есми полгакъ, который был здавна набитый, и в необаченю, знову другим набитем набивши, стрелил есми, и в том ся есми образилъ, якож по увес час живота своего перед кождымъ, кождого дня, хто к нему приежчалъ, навежаючи его, в тые ж слова о нефортунынѳомъ припадку и зраненю своимъ поведал, и кгда тестамент справовал во второкъ по зраненю своим, перед многими задными людьми, напервей перед паном Василемъ и паном Микитою Ощовскими, перед паном Кузмою а паном Климом Порванецкими, перед паном Антоном Заболоцкимъ а перед паном Василемъ Олизаровскимъ, перед паном Ионою Охлоповскимъ поведал, иж тое зранене в небытности малжонки своее за необачным стрелянемъ с полгака поднялъ, и до смерти своее в тые слова поведал; а што брамку, кошулку и пояс серебряный, розлупавши скрынку, порубаль, кгда перед ним клали, и для чого бы тое вчинилъ, пытали,—иж дей „есми то с ффрасунку а зъ пянства моего вделал, а то з нещастемъ моим, иж не было жоны и жадного, хто бы мя был в томъ гамоваль“. А так я того слышаня моего з усть власныхъ Бориса Охлоповского готов есми и присягою поправить“.—При том зась показовали полгакъ, менячи, якобы с того полгака мил ся, з него стреляючи, иж был дей немирнымъ набитемъ набить, ранит и с тое раны умерти, которого видели есмо: рура вся цела, одпо ку концеву, у самого замку, щепса ся не барзо великая отервала и костей не мало по-

отпадывало. При которыхъ всехъ доводехъ своихъ яснѣ невинности своеѣ оказала и бралася сторона позваная, водле артыкулу двадцать третего в розделе первомънадцать, на отвод, то ест ку учиненю присяги самосема, яко в томъ учинку не винна, а оныя светки тако ж, на сознанию своемъ яко вчинили, хотячи то присягами своими поправить, готовыми ся бытъ ставили.—Отъ стороны поводовое умоцованый поведилъ: ижъ если стороне позваной на скрутиниумъ естъ ку доводу або ку выводу допуцоно, тымъ тежъ болшей стороне поводовои доводити оногю морду допуцоно, кгдажъ еще и декретъ не выйшовъ, быти маетъ, водле артыкулу десятого, в розделе первомънадцать; теда домовлялся, абы не было боронено. Отъ стороны позваное умоцованый поведилъ: ижъ вже то стороне пойти не можеть, кгда жъ вже на доводе своемъ устала и передъ тымъ то собе на праве упустила; а хто собе што первой упуститъ, потомъ поправити ся не можеть, водле артыкулу тридцатого в розделе четвертомъ; и просилъ, абы то стороне не шло, кгдажъ не стороне поводовои скрутиния естъ декретомъ допуцоно, одно стороне позваной; ото жъ ижъ дей вывела, готова водле права ку отводу. Мы, припатривши ся добре декретови першому судовому, в которомъ того не описано, але то сторонамъ обую скрутиниумъ заборонятъ не указано, узнали есмо, абы и тая сторона, што бы еще певного мила, показывала. Панъ Иона Охлоповскій показалъ выписъ с книгъ кродскихъ Луцкихъ сознаня возпогю Матвея Витвицкого, подъ датою року теперешнегю осмъдесять третего, в которомъ пишеть, ижъ оный возпый, за приданемъ врядовымъ, былъ у Горухова и барвера Горуховского на ймя Якуба пыталъ его есмь: чи онъ при опатрованю небожчика Бориса Охлоповского былъ, который дей забитъ естъ отъ власное жоны своеѣ Настаси Михайловны Оцовского, и якую бы опъ рану милъ? Ино оный Якубъ барвиръ поведилъ, ижъ в тотъ часъ в недели на понеделокъ, коли панъ Охлоповскій рапень былъ, заразомъ, скоро по зраненю, прислали по мене Федора Дюгги о дву кон; онъ самъ до свпжее раны ездилъ и пана Охлоповского оправовалъ, а рана дей была колотая ножемъ

у горли, с правое стороны; и кдѣм дѣй выдил, ижъ была рана шкодливая, с которе жив быти не могъ, теде ся его лечити не поднялъ, и коли-мъ дѣй вышол из светлицы, его оправивши, тогда сама пани Борисовая пытала оногo балвира тихо: если бы бивъ живъ? Онъ ей повидил, ижъ живъ быти не можетъ; и в тот же дѣй часть, коли его, небожчика, оправиль, голелного ножа шукано, и с тым ехал прочъ; яко ширей на выписе на вызнаню возногo ест описано. Потом подал лист свидецкий от пана Яна Федоровича Бокия Печихвостского, подкоморего Володимерского, под печатю и с подписом руки его, который мы читат казали, и так ся в себе мает: „Я Ян Федорович Бокий Печихвостский, подкоморый Володимерский, сознаваю сим моим листом, ижъ я, слышачи о припадку, то ест о зраненю пана Бориса Охлоповского, ездил есми до него навежати его; кдѣ есми там до дому небожчика Бориса Охлоповского приехалъ, и выдил есми его барзо хорого, который зо мною мало мовил и о том зраненю своем повѣдити не мог, бо был велми хор; и пытал есми барбера, чи будет жив? Онъ поведил, ижъ дѣй жив быти не можетъ, бо рана велми шкодливая, колотая, у горле с правое стороны, и потравы дѣй, которые истъ, тою раною идут; и на сведецтво того дал есми пану Ионе Охлоповскому сес мой лист з моею печатю и с подписомъ руки моее власное. Писан в Милятине, року тисеча пятсотъ осмъ-десят третего, месеца августа двадцать осмого дня. Ян Федорович Бокий Печихвостский, подкоморый Володимерский“. Потомъ зас ставил очевисто свитки, которые порядне з особна у суду были пытаны; напервей: ставши очевисто, пан Кузма Порванецкий под сумненемъ своимъ вызналъ: ижъ будучи дѣй мне в дому своем з братомъ, приехалъ дѣй до нас подданный небожчиковский и просиль от небожчика Охлоповского, абыхмо до него, поведаючи, ижъ ест ранен, приехали; и кдѣсмo там в него зраненого были, там ся перед нами ускаржалъ, ижъ его ножем ранено, а не ведал хто; а потомъ, кдѣ есмо были у пана Богуса Миленского, там приехавши до нас Василей Опцовский, и по-

ведал намъ, иж небожчикъ Борис Охлоповскій есть сколот; и до того поведил, иж его панове Ощовские якобы в дому своем бити мели. Пан Богущъ Линленский сознания своего цедулу под печатю своею дал, которая такъ ся в собе маеть: „Я Богущъ Линленский сознаваю справедливо, ижъ року прошлого осмьдесят второго, перед запустами великими, трафилося, ижъ з рѣчи поведил ми пан Василей Холоневский, иж был в дому пана Василя Ощовского у Терешковцы, тамъ дей и братья его пан Томко и пан Микита были, и там же дей приехал до них пан Борис Охлоповский по жону свою, которая у брата своего пана Василя, час немалый, приехавши з Луцка, з мазаня мешкает, а до дому не едет; и седечи дей подле жоны, што одно ес зацепит, мовити ей што, албо облапити се схочет, то се дей она от него по лавс умыкает, и потом от него из-за стула утекла до коморы. Он дей почал нарекати на панов Ощовскихъ, иж до него жоны не пускають а в себе ее в домехъ передерживают. Панове дей Ощовские пана Бориса почали бити; онъ дей от нихъ ажъ утекъ з дому, и всѣдши на санки, побѣгъ из двора до дому своего, до Охлопова, а они дей на него квалту закликали были и гонити его, бити казали. Потом в том же року осмьдесят втором, месеца марца двадцатого дня, в олторок, сказалъ ми вридникъ мой Холоневский на йми Миц кравецъ, иж будучи на селѣ, як заказывал на роботу мужиком моим, слышал от пана Ивана Холоневского, иж дей казано ему, што Борис Охлоповский пожем у горло скололся. На завтрее, в середу, месеца марца двадцат первого дня, на самое середопосте, поехал есми до Луцка и пытал есми на гребли в Холонове слугу пана Ивана Холоневского на йми Демка, и пытаем его: „чи ест пан дома?“ Он поведил: „ест дей дома, сеи ночи с Княжа приехал“. Я его пытал: „чи был пан твой у Охлопове?“ Он поведилъ: „былъ“. — „Што ся, мовлю, дѣеть с Борисомъ Охлоповскимъ? бо слышу, якобы ся мѣль сколоти ножемъ“. Он поведилъ: „лежит сколотъ, однож не вѣдати: чи сам сколот ся, чи пак его хто иный сколотъ“. Потом в недѣлю, двадцат пятого дни марца, видился

есми с паном Иваном Холоневскимъ у церкви, у завтрини, там же есми его пыталъ: чи былъ у пана Борыса, чи навежал его? а што ся ему дѣеть? Онъ ми повѣдил, жем дей его, едуци с Княжа, навежал. Пыталем его: чи сам скололся, чи хто его скололъ? Он ми повѣдил, иж дей „кажут, што был пьян, пил с попомъ и дурувал пьян; там же дей, кажут, яко бы ся ножем сколоти мѣл, але дей не вѣдаю, от чого ся ему стало“. Потом в олторокъ, двадцат сегого дня марца, спросил есми до себе пана Кузму Порванецкого и пана Василя Ощовского на потребу свою, хочечи з ними пойти справедливости просити до пана Ивана Холоневского на подданных о покрадене коней своихъ, якожем и ходил; нижлим пана Ивана дома не застал. Тамъ же в тот час при них трафился в мене быти пан Станислав Зацинский и з розмовы спыталем пана Василя Ощовского: што ся твоему зятю стало, же ся слышу ножем сколол? Он ми повѣдил: нешто дей с частого пьянства чинити; а то дей упившися, сколол ся ножемъ. Ям его пытал: чи будет, мовлю, жыв? Онъ ми повѣдил: Богъ то вѣдает, бо дей тою ранюю грибки, што едает, выходят“. О полгаки небожчиковские, што вѣдаю, то сознаваю, иж одного полгака небожчиковского короткого, товстого, яко бы кыпталтом бардабушки, ложе оправлено, позычил ми пан Миьита Ощовский, взявши по смерти небожчиковское у сестры своее а жопы его, который полгакъ у мене мало не три чверти лѣта был; тот полгакъ, яко сама рура, такъ и ложе были цѣлы во всемъ, жадная штука не урвалася; а другого полгака великого товстого, которого небожчикъ Борись называл „пахомъ“ и с которого, слышал есми, иж в тот часъ, коли то пьянъ, поведают, сколот, стрелял, позычал до potrzeby пану Костентину Копыльскому пан Василей Ощовский; тот полгакъ видел есми не один раз, ижъ был на всем. яко рура, так и ложе цѣлы и жадная щена от него не была урваная и отпала. И на свидетельство того всего даю сес мой лист власного рукописаня моего и под шчатю моею до книг кгородскихъ Лудкихъ. Писан у Лудку“.—Пан Клим Порванецкий вызнал: иж „кдымъ дей былъ у пана Борыса

Охлоповского вже зраненого, который поведил, иж его хтос по-
 жем голильнымъ, который дей надо мною от колва лит на колку
 вишывал, проколото, а того дей ножа теперь на колку не вижу
 и не видаю, где ся задити бы мел".—Пан Федор Бнязский выз-
 наль: иже-м дей „ничого не видил, одно-мъ то слышалъ, кгда-м
 за посланемъ князя Крупского, пана своего, у Варшаве был, и оттол
 до князя пана своего приехавши и там дей будучи у князя, пана
 моего, был пан Волицец, который ему повидиль, иж брата моего пана
 Бориса Охлоповского ранено; я-м ся допытовал, хто бы его ра-
 нил? Онъ мне повидиль, иж о томъ не ведает, с ким бы ся за-
 торгнути мел".—Стахей Порванецкий сознал: иж видиль у небож-
 чика Бориса Охлоповского рану ножем у шии проколотую, бо
 было знат острые и тылец. И пытан был: коли бы то по том
 зраненю его, если зараз, або коли иногда бачил? Он часу пови-
 дить не хотель, неведомостю и запамяталостю ся вымовлял; и то
 теж повидил, ижъ и перед ним ся небожчик ускаржалъ, же был
 ножем ранен, але не ведал от кого.—При которыхъ тыхъ всих
 доводех сторона поводовая бралася, хотечи сторону позваную водле
 права, яко в том учинку винную, самосем поконат, и тыи свитчи
 на том сведецтве готовостю ся быт ку присязе ставили; кгдаж
 дей того и знаки сут до того слышыые, же и челед ее власная,
 кгда была на пробе, тот учинок на ее клала, иж тот пан Борыс
 Охлоповский ни от кого не ест забит, одно от самое панес Охло-
 повское, панее их; про то дей слышне маеть быть поконана. От
 стороны позваное умоцованый повидил: ижъ што тут челяд менить,
 же ее поволать мели, теды просиль, абы была на вряде, яко их
 до везеня своего взял, поставлена; а иж ее пан Охлоповский не
 ставил, сторона ся позваная светчила, иж о тое чинит будет го-
 това, где ее позадиваль; а иж ся ку доводу с тими свитками
 берет, то ему пойти не може, бо дей и тот учинок на нее змы-
 слил для тое причины, иж ему опеки по небожчику мужу своему
 дати не хотела; а другая—иж сторона ся позваная близшая на
 тыхъ всих доводех, водле артыкулу трыдцатого в розделе четвер-

томъ, отвести, а нижбы се поконати мела. От стороны поводовое умоцованый поведил: ижъ то дей не з жадного лакомства на чужую маетность чинит, одно з щирое милости противко брата своего, жалуючи того невинного замордовани оного, прето с тых причин доходить а то и до конца, ужаловавши брата своего, просиль, яко первой, такъ и тепер, абы ку доводу была припуцона. А иж тая справа великого уважепя у себе ку розсудку потребовала, оную есмо справу на розмыслене и вырозумене ее достаточне на декрет до дня завтрешняго, волторъка, под тою ж моцоу взяли. И кгда было назавтрее, мы, суд, заседши на местце свое, водле звычайу, судовое, такий декрет в тои справе есмо вчинили: Иж тая справа. видячи мы то, чуючи ся у суду, же была ку доводови стороны поводовое вотпливал, яко теж ку отведенью обжалованое стороны не преспечная, приставаючи до декрету, которым первой было выправовать скрутнниумъ, через который такъ винность стороны обжалованое, яко теж попиране стороны поводовое слушные могли бы ся показатъ, которого выведованя, иж справа учинку такого, который сторона поводовая позванои ущеп(ил)а и в розсудок увела, и о што вже суд инфирмовала вознанъемъ людей свитьковъ вири годныхъ, которые на свидетельство свое готови сут телесную присягу вчинит, упатруючи зас з доводов, которые поводовая сторона за собою тягнеть, непреспечность ку поконанию, кгдаж такъ з листовныхъ, яко и устьныхъ продуктъ бачити ся ничого не може певного, и овшемъ вотпливого с повести, и ачь поволанемъ ся щитит, вшакож яко слуга за паномъ свитьчить, такъ теж и оного поконат и поводатъ не можетъ, и тая справа ни для чого иного не была отложена, одно для опыту, иж суди ку узнанью безпечна не была, бо толко одно в вотпливых, а не в доводныхъ справахъ выведане бываеть, доводныхъ и явныхъ причинъ погребуют того, поневаж прихилнейшее обжалованому, за которымъ близшей кождый невинность свою показат и отвести ся, нижли жалуючи поконан, бо иначе, где сут ясные а значные речи, албо на свижумъ учинку кого поймают, там вже за тым

сторона жалующая поконат близшая; а иж сторона обжалованая ставила свитков болшей далеко, нижли поводовая, которые готовыми ся быт оферовали довести на слова и повест свою, а бачачи есмо меншост свитков и вопливноств доводов, стороны поводовое до поконаня стороны позваное не допустили; але ижъ ся светки стороны позваное за присягу берут ся, которую они вчинити мають; а пани Борисовая Охлоповская, якъ того учинку а ни skutком, а ни радюю, а ни жадною ведомостю и помочю не ест винна, але иж ся сам с нулгака забил, а причиною ни хто инший не былъ, одно самъ смерти своей,—самосема зъ свитками веры годными, в стане шляхетском ровными, мает присягнути и невинност свою показат.—Сторона поводовая, розумиючи себе тотъ декретъ нашъ надъ право учиненый, апеллевала до его королевское милости; которое апелляцие мы стороне допустили и рокъ станбю за тоею апелляциею перед его королевскою милостю за чотири недели зложили. А предся, догажаючи праву посполитому, свиткомъ, яко ся сами доброволне за присягу брали, тым зараз есмо учинити велили; а сторона, пани Борисовая Охлоповская, с тоею присегою своею, которую мает вчинит, задержати ся маеть. Яко ж просила сторона позваная о роту и о возных ку прислуханю присяг от свитков; мы-смы от суду придавали возных повету Луцкого: Яцка Гулялицкого а Григоря Вербского, которые тамъ бывши и присяг оных ся прислухавъши, ставши, ку записаню до книг вызнали, иж будучи имъ приданым от суду ку прислуханю присягъ, теды еще к тому маючи мы при себе возного повету Кременецкого Андрия Керсновского и двох шляхтичовъ, и водле роты от суду выданое у церкви великои, в замку. вчинили присягу тыми словами: „Мы Иван Селецкий, Иван Холоневский. Янъ Напольский, Василей Ощовский, Микита Ощовский, Василей Холоневский, Андрий Холоневский, Федор, Левко, Апдрий Олизаровские, Лаврин Кглазовский, Янъ Длукгоборский, Парфин Сасинъ, Ивановая Селецкая Гантна Билостоцкого, Иванъ Цевовский, Стапиславъ Кглаховский, Томко Ощовский, Ян Сасинъ,

Прокопъ Билостоцкый, Мартинъ Вигора, Станиславъ Хрустицкий, Миколай Стемпковскый, Адамъ Рудаевскый, Валентый Плонскый, Анътонъ Заболоцкий, Антонъ Рудецкый, Федоръ Ржищовскый, Никипоръ войт Горуховскый, Миколай балвиръ, Иванъ Перехриста, присягаем милостивому Богу во Тройци единому, иж яко есмо на писме и мовенемъ своим до вряду донесли о обжалованю панее Борисовое Охлоповское о забите малъжонка ее, небожчика пана Борлса Охлоповского, ижъ не ест в том винъна, теда на томъ справедливе присягаемъ, иж водле тых повести и сознания нашего ест такъ а не иначе; такъ нам, Пане Боже, помози!“ — Которую тую всю справу, яко у суду точила и отправила, от початку аж до конца, до книг вродскихъ Луцкихъ записати есмо казали.

Книга вродск. Луцкая 1583 г., № 2069, л. 144, актъ 7.

4. Жалоба истцовъ о томъ, что родственники и прѣтели обвиняемой выкрали изъ Луцкаго замка «челядь» Охлоповской, уличавшую ее въ убійствѣ мужа, и неизвѣство куда дѣвали ее. Представленіе на урядъ тѣла одной изъ челидницъ, съ явными признаками насильственной смерти, и его судебнополицейское свидѣтельство. 1583 года, декабря 17.

Року 1583, месеца декабря 17 дня.

Пришедши в замок господарскый Луцкий, перед мене Станислава Петровского, подстаростего Луцкого, от его милости пана Александра Пронского, столника Великого княства Литовского, старосты Луцкого, земенин господарскый повету Луцкого пан Иона Якимовичъ Охлоповскый обѣтяжливе и плачливе

оповедал и жаловалъ самъ от себе и от братъи своее молодъшее, панов Костентина а Савы Якимовичовъ Охлоповских, тыми словы: „яко дей есмо то и первей на жалобе напой перед врядом тутопшимъ воеводства Волынского донесли и позвы кгородскими Луцкими перед суд тутешний позывали бывъшую невѣстьку нашу, жону забитого и замордованого брата нашего Бориса Охлоповского, Настасю Михайловну Ощовского, иж она з слугою Федором Дюгътем, з девками Воцею а Параскою и с хлопцомъ Васкомъ, зрадечки, спячого, менованого брата нашего а мужа своего Бориса Охлоповского ножемъ в горло сколола и на смертьъ забила и змордовала сама власными руками своими, яко то ширей на позвехъ и на всихъ доводехъ наших листовных описано есть; гдежъ тут у права, в суду кгородского, перед обличностью его милости пана старосты Луцкого, за позвы на нее о то жалобы наше, озвалися при ней ниякиесь опекуны, то есть Иванъ Селецкий и братя ее Василей а Микита Ощовские, способивши ку себе немало приятел, не толко повинныхъ, але и обчих людей, усиловали ведле думы, рады и зданья своего, неслупнымъ и непевнымъ отказомъ, менечи быти ее в томъ невинною и щитячися ниякимъсь тестаментомъ, которого мы обачивши быти подейзраного, до него мовили и на вряде арестовали. Его дей милость пан староста справедливим и побожнымъ узнанемъ своимъ, обачивши во всемъ з стороны ее речи барзо вотпливые и праве подейзраные, звлаща порозумивши с тихого, поодинъкомъ, перед самымъ его милостю тое менованое, з нею весполокъ в томъ замордованью обвиненое, челеди опытантя, рачил то отложити на справедливый опытъ до других рокув; а ижъ речи были непомалу значные, не казал его милост пан староста Борисовон, яко тои, которои о горло идетъ, до росправы зъ замъку сходити; такъже възглядомъ того, ижъ се показывали и з ихъ стороны и с тое тихое повести оноен челяди ричи значне подейзраные, росказатъ его милость рачил оную челядь зараз взяти на пробу, которая досыт значне поволала ее, ижъ она мужа своего а брата нашего

своими власными руками забила и замордовала, пожомъ сколола. Зачимъ, на несчастье наше, и его милость пан староста сам, и вряд его милости з Луцка одъехати рачиль, и роки вже выволаны были, же ся то зараз на он часть декъретомъ его милости не скончило, и кгдаж не треба было большого выведаня, якое ся на пробѣ оказало, и мусяло то за несчастьемъ нашимъ, над право посполитое, до другихъ роковъ протягнути. А ижъ яко сама Борисовая на замьку от уряду задержана, такъ и тая челядь у везеню посажона была; к тому ижъ намъ урядъ стеречи не подъялся, надъ то тежъ видели есмо, што Ощовские сами и зъ жонами своими и съ приятельми до Луцка приежъдъчали и зъ нею тихо розъмовляли, по чомъ добре то было знати, ижъ ее и челядь хотили, якъ могучи, зъ замьку выдвигнути; мы, яко люде вбогие, ня почтъъ слугъ и сторожовъ не способные, яко могучи есмо самое Борисовое, звлаца в ноци, стерегивали, а тую челядь, котрая была з оное катовское мукн хора, не держали есмо у везеню, але имъ по воли, за скверкомъ и плачом ихъ, там, где себе в замьку похотели, сыпляти не боронили. То пакъ потомъ, ижъ обачили, же мы стережемо пильно, кинулися до злого, спрсного фортелю, то есть: наперъвей коней моих, Иониных, двое тутъ в Луцку на болоню з межи колкусот коней покрадено. Я-мъ, оставивши брата молодшого Саву з Стасем Порванецкимъ, сестренцомъ рожонимъ небожчика Бориса, брата нашого, тут в замку стеречи, самъ есми побег коней своих покраденых искати и о них ся пытати; то пак в той малой дружине брат мой Сава не мог, толко самое Борисовое ледво устеречи, а челяди тое ижъ некому было стеречи, одно того Дегтя, а Воцу, а хлопца Васка у склепикъ неваровный, бо двери были слабы, замькнули на ночь, а тую девьку Параску, ижъ ся менила быт баръзо хорою, ув избе на свободе мели; а ку томуж по той челяди не сподивалися, абы, будучи так змучоними, могли утечи, звлаца в небеспечномъ месцу з муру спуститися. То пак менованые Ощовские и Селецкие, видечи, ижъ самое Борисовое достати и ослободити не могут,

альбо ж яких злых людей перекупили, альбо тежъ и сами с помощниками своими зъ замьку в ноци оных трое челяди с склепу выкрали и з муру спустили и, где хотели, тамъ ихъ запровадили и потратили; и коли вже оное челяди, то естъ самыхъ езыхов, которые на пробе Борисовую самую поволали, до рукъ своихъ достали, тожъ потомъ, уживши рады, собравши до себе в домъ, до Ощова, перед роками за тыйдень, то естъ в четвергъ, месеца сентебра осмого дня, немало своихъ приятелей и обьчихъ людей и ку тому хлопов простых, тамъ же ихъ через два дни честовали и ведле воли своее ихъ великими просьбами и плачемъ великимъ, а снат и дарами, намовили, упросили и по воли своей накеровали, которые, поехавши на роки, ниякуюсь шкрутинею неправъную, неслушную и несправедливую и барзо незгодную, мылную а значне вонтпливую и не ку речи, перед судомъ выправовали и незбожне за Борисовую, якобы она винна быти не мела, сознавати смели. Врядъ тутощный, на онъ часъ будучий, то ест пан Янъ Кгесиньский, подстаростий, и панъ Малинский Остафей, судя, а панъ Петръ Мложевский, писаръ кгородский Луцкий, мимо право посполитое, учинили декретъ намъ противъ неи, абы ся она отприсягла. Мы, видечи декретъ собе зъ ублженемъ и не водле права, а ижъ его милостъ намъ староста на онъ часъ тутъ быти не рачил, апелевали ссмо до его королевское милости. Судъ намъ апелляции ачъ допустил, але въ декрете много речей намъ потъребныхъ и в суду показованныхъ, не всдаемъ, чи увесьъ врьдъ, чили пакъ панъ писаръ, альбо подписокъ, не докладал. А оная Борисовая изъ братаю своею Ощовскими и зъ Селецькимъ, якъ тую вышей менованую челядъ у мене покрали, такъ же ее для езыка, чуючи ся в томъ быти винною, потопили; якожъ того вже и знаки явные показались, то ест: одну девку, на име Воцу, заслали до зятя своего Анътона Рудецького, который яко имъ всего противко насъ и всякое злое а незбожное рады ихъ помагал, такъ же тежъ того шкарадного и спросного учинку имъ допомогъ и skutромъ пополнить, ижъ оную то дѣвку Воцу, которая власне на нее самую, ижъ она брата на-

шого а мужа своего власными руками своими ножомъ сколола, на пробѣ волала, с каменемъ у криницы, недалеко дому своего, села Белогородки, где теперъ живетъ, на кгрунте пановъ Павловичовъ, Птицком, зъ слугами и помочниками своими утопилъ, которую девку утопленную, с трафунку а праве з особливого презренья и милосердья Божого, ижъ Богъ винного объявити хочет, знашли подданные пана Демяна Павловича Птицкие и оное тело выволокли и зараз познали, ижъ тую дѣвку у Антона Рудецкого видали, и пану своему дали знати, который оное тѣло до имени своего взялъ и не ховалъ, але опыт чинилъ. Ажъ потомъ, коли ся тое там у томъ краю, коло Кремянца, и по многихъ сторонахъ разголосили приятелѣ наши, которые неподалеку оттул там мешкают, довѣдавшися о томъ обо всемъ, дали намъ о томъ знати. Мы, тамъ поехавши, знашедши уво йменю пана Павловичовимъ тое тѣло и познавши его, ижъ оная дѣвка ест, оповедали есмо то на вряде кгородскомъ Кремянецкомъ, и возного з уряду упросивши, такъ тежъ и ведомость и сведецтво от тыхъ тамъ людей взѣмши, то все вознымъ и людми добрыми, шляхтичами задными, обвели и осветчили; якожъ и тут на вряде ваше милости то все оповедаемъ и жалуемъ, и тое тѣло из онымъ каменемъ, с которымъ ее утоплено, тут на вряд есмо привезли, и просимъ о возного на огледане и осветчене того тѣла".—На што я имъ очевисто придавалъ возного повѣту Лудцкого Станислава Коломыйского, который, огледавши того тѣла оное дѣвки, постановившися передо мною, до книгъ ку записованю тыми словы сознал: ижъ дей дня нинешнего, у пятницу, месеца декабра шостогонадцат дня, за приданемъ твоимъ врядовымъ, маючи я при собе двохъ шляхтичов, то естъ пана Орехву Поремницкого а пана Филона Котелницкого, огледали есмо тут, в замку Лудчкомъ, трупа, то ест тѣла мертвого, которое знат, ижъ была бѣлая голова, которую панъ Иона Охлоповский менилъ, ижъ дей то естъ дѣвка, на ймя Воца, которая тут з замку Лудцкого с Федоромъ Дюгтемъ а с хлопцомъ Васкомъ у мене украдены и на кгрунте Птицкомъ,

межи Птичею и межи Белогородкою, у криницы, с каменем утоплена, и яко есть вѣдомост, иж ее Антон Рудецкий утопил, албо кому утопити казалъ; и за оказанемъ пана Ионинымъ видели есмо у того трупа: голова острыжона и на плечох и по боком раны, знати свечами паленые, и в оных ран скура висит; на ногах и на руках знати, што было повязано; што менил пан Иона тые знаки: иж дей коли ее кат в Луцку тут мучил, тогда ей голову острыг и косы уризалъ; а то раны на плечох и на бокох, што ее кат мучил, свечами пик; а то знаки на руках и на ногах, коли ее кат на драбине розвезавши тягнул. Якож и камень великий у чепъцы жоноцкомъ увиненый видели есмо; и повѣдил пан Иона, ижъ с тымъ каменемъ ее утопленную знайдено, привязаный тот камен у чепцы к персам, што вже на вряде кгородском Кремнецкомъ оповедано и возным обведено и освѣтъчено ест; якож и мною, возным, и тою вышей менованою шляхтою пан Иона, ведле жалобы своее, тут перед врядом учиненое, обведши, освитчил и тое тѣло при мнѣ возном, тут, в Луцку, в замку околном, у церкви светого Дмитрия, в земли, за вѣдомостю и дозволенемъ попа Дмитровского, поставил и другому попу, который тое церкви пилнует, на ймя Михайлу, приказалъ и в дойзрене его тое тѣло поручиль.—И просиль мене, вяду, пан Охлоповский, абы то все было до книгъ записано; а такъ и тую жалобу его и сознание возного до книг кгородских Луцких записати казалъ.

Кн. иродск. Луцкая 1583 г., № 2064, л. 711, актъ 1218.

Примъч. Жалоба эта не имѣла никакихъ послѣдствій въ дальнѣйшемъ ходѣ процесса. *Ред.*

5. Очистительная присяга Настасьи Охлоповской, исполненная согласно окончательному рѣшенію ея дѣла королевскимъ судомъ. 1586 года, февраля 20.

Року 1586, месеца февраля двадцатого дня.

На рочьох кгородскихъ Луцкихъ, в року теперъ идучом тисеча пятсотъ осмѣдсят шостомъ, месеца февраля третегонадцат дня, в четвергъ, зачатых и судовне отправо́ванных, передо мною Александром Пронским, столником у Великомъ князстве Литовскомъ, старостою Луцкимъ, ставши очевисто в замку господарскомъ Луцкомъ, возный повету Луцкого Войтех Яблонский ку записованю вызнал тыми словы: штож дей в року теперешнемъ осмѣдсят шостомъ, месеца февраля двадцатого дня, ваша милост, пане старосто, очевисто в суду рачил мене придати паней Настаси Ощовского Борисовое Охлоповской до прислуханы присяги ее, ведле декрету короля его милости, за обвиненемъ панов Ионы, Костентина и Савы Якимовичов Охлоповских о смерти мужа еи небожчика пана Бориса Охлоповского, яко ширей и достаточней есть меновите написано в роте суду вашей милости, еи на присягу выданой; которую присягу пани Охлоповская Настася Ощовского, з суду вашей милости отступивши, зъ шестма светками, людьми добрыми, собе ровными, шляхтою: с паном Марьтином Виггурою, с паном Яковомъ Ощовскимъ, с паномъ Олехномъ Холоневскимъ, с паномъ Томкомъ Ощовскимъ. с паном Ярмолою Грушевскимъ, с паном Войтехом Плонскимъ, чинила поединкомъ, оден по другомъ, она сама напервей, а по неи кождый з них з особна, тыми словы: „Во ймя Отца и Сына, Светого Духа. Я Настася Михайловна Ощовского присягаю Господу Богу моему, в Тройцы единому, па то, иж што мене обвинили панове Иона, Костентин и Сава Охлоповские, абы-м я мѣла мужа своего небожчика пана Бориса Охлоповского сама, рукою своею влостною, и с челидю своею, спячого, пьяного

ножемъ сколоти и забити и на смерть замордовати мѣла; а иж
и с тою челядію своею не была причинцею и не ест до того
морду мужа своего, а ни его колола, а ни skutкомъ, а ни радюю,
а ни ведомостю, а ни помочю, а ни жадною ведомостю, и о томъ
не вѣдаю, и того-мъ пиколи не чинила, и яко-м на тот час дома
не была, на том усемъ присегаю Господу Богу; и естли же по
правди присегаю, так ми Боже помози; а естли же не по правди
присягаю, Боже ми не помози и вбий мя Боже в сей вѣкъ и в
будущий, на души и на тѣли моемъ“. Петръ Мложовский, писар.
Войтех Яблонский, возный.—А так я тос сознане возного до книг
гродских Луцких записати казалъ.

Книги гродск. Луцкая 1586 г., № 2110, л. 158.

СII.

Княжна Ганна Збаражская жалуется, что ея братья-опекуны по
корыстнымъ побужденіямъ не хотятъ выдать ее замужъ. Въ виду этого
гродскій урядъ, по ея просьбѣ, даетъ ей дозволеніе вступить въ бракъ
помимо согласія опекуновъ. 1584 года, февраля 8.

Року 1584, месеца февраля 8-го дни.

Пришедши перед мене Стефана Кнегининского, будущого на
местцу подстароства Луцкого, ея милост княжна Ганна Збараз-
ская з Воропчина, через приятелей кривныхъ своихъ: се милость
кнегиню Андърѣвюю Масалскую панюю Ганну Пуятинку, тютку
свою, его милость пана Ерофѣя Гостского, его милость пана
Миколая Семашка, братанича своего, поведали тыми словы: пжъ

дей его милост князъ Станиславъ а князь Левъ и князь Матысь Збаразские зъ Воронъчина, маючи ее милость кнежну Ганну у себе, сестру рожоную, в лѣтахъ зуполныхъ дорослую, не вѣдаемъ, если собе упатруючи оттол який пожитокъ, ее милости кнежны Ганны, сестры своее, замужь не дають и дати не хотять; про то она, заховуючи ся в томъ водле права посполитого, статугу Великого Князства Литовского в розделе пятомъ, артыкулу осмомъ описаного, не чинечи того своволне, через нас, приятелей своихъ, кнегиню Анъдреевую Масалскую, пана Ерофея Гостъского, пана Миколая Семашъка, вашу милост, яко уряду, просить, абы ваша милост рачилъ позволене учинити, абы ее милостъ вкнежна Ганна Збаразская, за волею и вѣдомостю вашей милости урядовою, могла пойти замужь, кгдажъ се ее милости трафляеть человекъ зацный, шляхтичь почтивый, в стан малжонъский; а тую прозбу нашу, приятелей кривныхъ ее милости кнежны Ганны, просим, абыс ваша милост до книгъ записати казалъ.—А такъ я, яко врьдъ, ведле права и статугу, артыкулу осмого в розделе пятомъ описаного, ее милости княжне Ганне Збаразской з Ворончина позволивши ее милости в стан светый малжонъский замужь пойти, тое оповедане и прозбу ихъ милости до книгъ кгородъскихъ Луцкихъ записати казалъ.

Книга городская Луцкая 1584 года, № 2066, л. 146 об.

СШ.

Справка о происходившемъ въ Зименскомъ монастырѣ вѣчаньи п. Александра Владычки съ чужою женою, выкупленной имъ изъ татарскаго плѣна. Переговоры съ ея мужемъ. 1584 года, іюня 11.

Лѣта Божего нароченія тисеча пятьсотъ осмьдесятъ четвертого, месеца іюня первонадцать дня.

Ставши очевисто в замьку господарскомъ Володимерскомъ, передо мною Михайломъ Дубницкимъ, на тот часъ будущимъ на местцу его милости князя Александра Курцевича, подстаростего Володимерского, в небытности его милости у Володимери, возный повету Володимерского Михайло Голубъ Сердятицей ку записаню до книгъ кгродскихъ созналъ тыми словы: ижъ дей року теперешнего тисеча петсотъ осмьдесятъ четвертого, месеца іюня десятого дня, маючи я при собе шляхту, людей добрыхъ, пана Васка Зарембу а пана Миколая Ковалского, быломъ на справе и потребе его милости пана Каспера Стужиньского, войского Киевьского, въ ыменью ихъ милости кнежать Чарторыскихъ в Земне, в монастыру; тамъ же его милость самъ особою своею передо мною вознымъ и тою шляхтою звышъпомененою пыгалъ яко отца Андрея, архимандрита Земенского, и тамъ священниковъ иныхъ, крылошанъ: „если же бы есте того вашмостъ были сведоми, которого часу шлюбъ бралъ и которого року сго милостъ панъ Александеръ Владычка зъ бывшою Халапмовою панею Ганною Ивановною Шишъчанкою Ставецького, которую помененый Владычка зъ неволи с татаръ в неякое суме выкупилъ?“ Отецъ архидьяконъ Аврамей Янъчинский передъ архимандритомъ, такъ тежъ панъ Семенъ и панъ Янъ Горечовские, слуги монастырские, сознали тыми словы: „было дей, пане Стужинский, ижъ есмо того были добре сведоми, же тутъ, в монастыри, шлюбъ брали, року не можемъ помнети, але ся намъ такъ видитъ, року шестдесятъ девятого албо осмого, за архимандрита першого, небожчика отца Порхи-

рыя“. Там же отец Янъчинский и повторе поведил; иж того часу межи паномъ Александромъ Владычкою и паномъ Михайломъ, мужомъ ее, была розмова такая, жебы ся жону его вернулъ; а он поведилъ, же „то не жона твоя, але неволница моя, же ее есми з неволи окупил“.—А так я тое очевистое сознане возного до книг кгородскихъ Володимерскихъ записати казалъ.

Книга вродская Владим. 1584 г., № 962, л. 309, актъ 362.

Примъч. Другихъ документовъ объ этомъ интересномъ случаѣ въ книгахъ не найдено. Имѣется лишь „тестаментъ“, т. е. духовное завѣщаніе Александра Фехоро-вича Владычки, лично явленное имъ въ Владимірскомъ замкѣ 28 іюля 1573 г. Въ немъ п. Владычка, „маршалокъ господарский, войскій Троцкій, державца Бирштанский“, записываетъ женѣ своей „Ганнѣ Ивановнѣ Шишчанцѣ, которую-мъ собѣ у малженство взялъ з народу учтивою, шляхетского, з землѣ Киевское, з Овручого“,—пять деревень, въ Пенянской волости, выслуженныхъ имъ у короля Сигизмунда-Августа. „Тестаментъ“ этотъ датированъ такъ: „Року 1570, генваря 15, у Земне, у монастыре Пречистое Богородицы“.—(Книга гр. Владимірская № 937, л. 182).—О посольствѣ Александра Владычки къ хану Крымскому—см. „Книга посольская Метрики Вел. Княжества Литовскаго“, изд. кн. М. Оболенскимъ и проф. И. Даниловичемъ, часть I.

CIV.

Сынъ Киевскаго судьи Андрей Немиричъ, вступивъ въ бракъ съ сестрою Киевопечерскаго архимандрита и нареченнаго епископа Владимірскаго Мелетія Хребтовича-Богуринскаго, записываетъ ей вѣно съ привѣнкомъ, съ ограниченіемъ своего права свободно распорядиться тѣми имѣніями, которыми это вѣно обезпечено. 1584 года, іюля 15.

Лѣта Божого нароженя тисеча пятсотъ осмѣдсать четвертого, месеца августа третегонадцать дня.

На вряде кгородскомъ, в замку господарскомъ Володимерскомъ, передо мною Михайломъ Дубницкимъ, на тот час будущим подста-

ростим Володимерским, а Федором Курцевичем, судею, вранники кгородскими Володимерскими, ставши очевисто его милость пан Андрей Есифович Немирич, судичь земский Киевский, явне, устне и доброволне ку записанью до книг кгородских вызналъ, водлугъ листу, запису своего, которым записал малжонце своей ее милости паней Марине Хребтовичовне Богуринской шесть тысячей золотых полскихъ на именахъ Фостницы, дворе и приселкахъ Приборском, Ладыжичах и Теремцах и на суме пенезей шестисот копах грошей, которую пан отец его милости от небожчицы панее матки мел записаную, яко то ширей на томъ листе его милости есть описано и доложено; и просил его милост, абы тот лист его до книг кгородских был уписанъ; которого мы листу огледавши и его перед собою вычитат давши, за прозбою его милости тот лист слово от слова до книг кгородских записати казали, и такъ ся в себе мает: „Я Андрей Есифович Немирич, судичь земский Киевский, чиню явно и ознаймую тым листом, доброволнымъ описом своим, кождому, кому бы одно того ведат належало, тепер и напотом будучим, иж што з милосердья и призренья Бога Всемогучого, также за волею и ведомым благословенством пана отца своего милостивого, его милости велможного пана Есифа Ивановича Немирича, суди земского Киевского, застановивши и вчинивши слупное застановенье зъ его милостью в Бозе велебнымъ отцемъ Мелетиемъ Хрибтовичомъ Литоворовича, епископом, владыкою Володимерским и Берестейским, архимандритом Киевским, сестру его милости, зацную учтывую панну, ее милость паньну Марину Хрибтовичовну з Богурина, которая панна отцу владыце в шафунокъ добрый и опеку слупную пришла ест, и ку тому за ведомостью и за ласкавым позволенемъ браты иншое тое панны, их милости панов Хрибтовичов, и всех кривных, повинных, водлуг приказанья Божего в стан малженский себе есми змовил и пошлюбил и рокъ веселю, зложеный мнѣ от его милости отца владыки, принял, што есть на листех описех наших з обудву сторонъ достаточне описано и ест доложено, такъ внесене вѣна сума певъная, што его милост

отец владыка, яко опекунъ, по оной панне сестре своей мнѣ дати приобещал, яко тежъ и то, иж я противко внесены малжонки моеи совитую сумму на именьях моих отчизныхъ слушнѣй запис учинити; чого я будучы пилен и хотечи себе завжды поволнымъ вечистымъ приятелем их милостям учинити и домъ весь родичовъ и повинных моих в приязнь вечистую злучити с такъ зацнымъ домомъ, за ведомомъ и благословенством его милости пана отца своего, приспособивши з собою на то зацныхъ людей, пановъ приятелей моих, ку зложонному року на звыклое местце до имени ихъ милости Богурина есми прибыл и то, што было належного, зъ его милостю отцемъ владыкою, яко опекуномъ, такъ и з ыншими паны братею его и приятели всѣми в тои речи до конца ведомо учинил и застановил, и яко законъ нашъ хрестиянский нас учитъ, вчинивши присягу, то есть шлюбъ, съ помененою панною Мариною Хребтовичовною в малженство святобливое есми уступил. Тогда тот час его милост отец Мелетий Хрыбтович, с повинности своей опекунсое, будучы порушоным крвеною милостю противко панны сестры своей, водлуг обетницы, застановеня, опису своего, яко отдавна в такъ зацныхъ домех походит, вѣна по ней суму певную мне дал, такъ готовизны и въ выправе всего сумою три тисечи золотыхъ личбы корупы Полское, а на личбу великого князства Литовского дванадцат сотъ копъ грошей, которая ми веновая сума вся сполна от его милости отца владыки по малжонце моеи ест дошла. Знаючи и видечи таковую милост и винность, которую отецъ владыка сестре своей, малжонце моеи, з себе показат и вчпнит рачил, будучи и я винным водлуг першого опису моего, а набольшей досыт чынечи праву посполитому, волностям нашимъ шляхетским, маючи и держачы в себе з данины и запису пана отца своего помененого, его милости пана Есифа Немирича, суди земьского Киевьского, имени мои отчизные, теперъ никому ничим и ни в якои суме не завденые, то есть: напервей имене Фостница, двор с приселком, лежачое в повѣте Овруцкомъ, другое село Приборско, в повѣте Клевьскомъ лежачое, а ку тому две селе: Теремцы

и Ладыжичи, в том же повѣте Киевскомъ лежачые, над то ми теж пань отец мой, што которую записаную суму пенезей шестсотъ копь грошей литовских мел записаную от небожчицы малжонки своей, матки моей, панее Богданы Бабинского, даровавши ми тым, при тых же именахъ записати и то, все мощно утвердивши, на вряде сознат рачил, давши ми волность на тых именах моих и суме помененой совитую суму напротивку вена малжонки моее описати, што ест меновите ширей и достаточней в записе пана отца моего, мнѣ его милостю данымъ, доложено и написано есть; водлуг того всего я, милуючи малжонку мою, напротивку внесена вѣна ее помененых трех тисечей золотыхъ полскихъ, которую-м в дом свой внеслъ, на тых всех помененых именах моих отчизных, то ест на Фостницы с приселкомъ, Приборску, Теремцах, Ладыжичах, ку тому и на той суме, милой малжонце своей панеп Андреевое Немиричовое панее Марине Хрибѣтовичовне з Богурина утвержаю и симъ листомъ моим записую совитую суму: вено с привенкомъ, то ест шест тисечей золотых полское личбы, а на литовскую личбу две тисечи копь и чотыриста копь грошей. Которые вышей помененные имена мои от того часу симъ листомъ, записомъ своим, подаю и подал есми в спокойное держане и вживане предреченой малжонце моеи панеп Марине Хрибѣтовичовне и тых же теж именей посполу зо мною она, малжонка моя, держати и вживати маеть, так при животѣ, яко и по животе моем; которых именей вже от сего часу, без воли и призволения предречопое малжонки моеи, никому ни яким правомъ, а ни в жадной суме заводити не маю и мочи не буду; а хотяж бы без призволения ее, малжонки моеи, завель и якимъ же колвекъ обычаем кому пустил, таковое право мое жадное мочи не мает и мѣти не будет, кром того, иж кгда мене зъ их милостю паны братею моею дел ровный вечистый дойдет, тогда на оную часть, которые имена на мене з делу такового припадут, оную вышепомененую суму внесена малжонки моеи, меновите шест тисечей золотых полских, перенести маю и тепер и симъ листомъ моим перенешу и

вскладаю. До того теж и то прикладаю, иж тые помененыя имена в краю тамошнем не есть в пожиткохъ великих и таковое сумы на запис не зносят, на то-м особливый лист свой предреченои малжонце моеи дал; которыхъ именей части моеи, мне в ровный дел прийдучое, такъ яко и теперешнихъ вышей помененыя именей, поспол зо мною она, малжонка моя, держати и вживати за сим описом моимъ маеть, а я тымъ же способом, яко и вышей помененыя именей моихъ, тое части, з делу вечистого мне зосталыхъ, безъ вѣдома и позволеня панее малжонки моеи ниякимъ правомъ и способомъ никому заводити не маю. А еслибыхъ я самъ черезъ себе, або брата моего и черезъ иного кого меновите, помененыя имѣнья, изъ делу вечистого зосталые мне, на которыхъ я вѣно малжонки моеи описал, з моцы, владности и спокойного держаня предреченое малжонки моее отнял, або якимъ же колвекъ обычаемъ в томъ ей переказу вчинил и ку шкоде и накладомъ якимъ привел, тогда за то маю и повиненъ буду заруки ей, малжонце моеи, от мене сторонѣ укривжонои, шестъ тисечей золотыхъ полскихъ, ку тому шкоды и накладу, кромъ доводу, на слово речене, поводовой сторонѣ платитъ маю и буду виненъ; а по заплаченю оное заруки, шкоды и накладовъ, предсе тотъ листъ записъ мой в каждого права при зуполное моцы держанъ и захованъ быти маеть; о што все будетъ волно ей, малжонце моеи, и тому, кому тотъ записъ мой належати будетъ, мене до якого колвекъ хочечы права позвати, будь до суду кгородского, або земьского, а я маю и повиненъ буду за пиршими позвы, яко на року завитомъ, передъ судомъ стати и во всемъ томъ сторонѣ жалобливое усправедливити. А если быхъ ку праву не сталь, судъ тотъ, передъ которого буду позванъ, заруку помененую, шкоды и накладу моцно на мене всказати и заразъ отправу на именахъ моихъ вчинити; чому если же быхъ противенъ былъ, знову в такую жъ другую заруку попадаю, и колко кротъ быхъ се в томъ спротивял, будучи в праве переконанымъ, толко зарукъ оныхъ платити маю; а предсе таки сесь записъ мой при зуполное моцы заховую. Такъ тежъ, еслибы Панъ Богъ на мене первой, нижи на малжонку мою, часъ

смертельный допустит бы рачиль, тогда по моемъ животе поменена малжонка моя пани Марина Хрибътовичовна оных верху мененых именей моих в записаной сумѣ спокойне держати и вживати мает за тым добровольнымъ описомъ моим, а ихъ милост панове братья, близкие, кривные, повинные мои, на кого колвекъ отчизна моя правомъ приржонимъ по мнѣ бы спала и пришла, таковой кажды, не беручи з держаня еи, малжонки моеи, тых именей, наперед повинен будет, водлуг сего запису моего, предреченои милои малжонъцы моеи паней Марине Хребътовичовне тую вышъпомененую суму всю сполна, шест тисеч золотых полских отложити, даги и заплатити мают и будут винни. Пак ли бы тежъ оные братья, близкие, кривные, повинные, на которых бы такимъ приржонимъ правомъ отчизна моя спадала, не откладуючы и не платечы тое звышъпомененое сумы паней малжонцы моеи, тые записаные имена от малжонки моеи отнять похотели, отняли и з спокойного держаня выбили и в чомъ бы колвекъ сесь запис мой нарушили, тогда туюжъ помененую заруку шест тисечъ золотыхъ з шкодами, наеладами, еи, малжонцы моеи, платити мают и повинни будут; о што еслибы до права были позвани, под такими ж заруками и обовязками, вышей в семъ листе моемъ поменеными, малжонъцы моеи, укривжоной сторонѣ, усправедливити и то, што суд вскаже, терпет и относит мают и будут повинни. И на то даю и дал есми еи, малжонцы моеи, паней Андреевои Немиричовой паней Марине Хрибътовичовне з Богурина сес мой лист и добровольный запис, под моею печатю и с подписом власное руки моеи. А при том были и того добре сут сведоми их милост паны приятели мои: его милост велможный пан Михаилъ Мишъка Варковский, кашталян Волынскый; пан Иван Чаплич Шпановскый, войскый Луцкый; пан Адам Боговитинъ Козирадскый, подкоморий Кремянецкый; пан Федор Кадьян Чаплич Шпановскый, судя земскый Луцкый; панъ Абрам Мышка з Варкович, староста Овруцкый; пан Андрей Бабинскый, пан Иванъ Кирдей Мнишинскый, пан Василей Бабинъскый, и для певное твердости и умоцнения сего моего

запису, за устною и очевистою прозбою моею, печати приложити и руки свои подписати рачили к сему моему записному листу. Писан у Богурине, року Божого нароженя тисеча пятсот осмьдесят четвертого, месеца июля пятогонадцать дня.

Кн. гродск. Владим. 1584 г., № 962, л. 463, актъ 499.

CV.

Землянинъ Николай Боговитинъ-Шумбарскій, „не имѣя лучшаго, вѣрнѣйшаго и благожелательнѣйшаго пріятеля“, кромѣ жены своей Евы, на случай своей смерти или отъѣзда за границу, записываетъ ей въ полную собственность все состояніе, ей одной предоставляетъ право опеки надъ дѣтьми, еслибы таковыя родились, и совсѣмъ устраняетъ отъ наслѣдства его имѣніями всѣхъ своихъ родственниковъ. 1584 года, августа 2.

Лѣта Божого нароженя тысяча пятсотъ осмьдесятъ четвертого, месеца августа тридцатого дня, ведля календару рымьского.

Передъ нами Григорьемъ Лосятинскимъ, подъстаростьтимъ, а Львомъ Войничомъ зе Збарража Вороницкимъ, судьбою, врядниками кгородскими Кремянецкими, от ясневельможного пана Януша, княжати Збаразского, воеводы Браславского, старосты Кремянецкого и Пиньского, засажоными, в рочки кгородские, тепер припалые, в року теперь идучомъ тысяча пятсотъ осмьдесят четвергом, месеца августа тридцатого дня, водле календару рымьского, даты вышей написаное, постановившиися обьличне в замку господарьском Кремянецкомъ, урожонный панъ Миколай Михайловичъ Боговитинъ-Шумбарскій оповедалъ добровольне: ижъ дей я, не будучи ни

от кого примушоный ани намовлений, одно самъ по своей доброй воли, а розъмислившися статечне, для веле причинъ слупьныхъ записаль есьми, даль и дароваль малъжонъци моей милой, панеи Еви Павловичовъны, по животе моемъ, всѣ имена, маетность мою лежачую, яко ся в собѣ маеть, ничего себе не зосътавюючи, на вечность, такъ-же и всѣ речи рухомые, што колвекъ речью рухомую названо быти можетъ, и опеку по животе моемъ, если бы ми Пан Богъ з нею потомство мети дати рачиль, подъ певными варунъками, обовязъки и заруками, о чомъ на листе моемъ с печатю и с подыписомъ руки моее и подъ печатями людей зачныхъ ширей, достаточней и меновитей все по досътатъку естъ описано. И по такомъ оповеданью своемъ положиль и отдалъ намъ листъ свой и просиль, абых-мо прочитат и до книгъ слово от слова вписати росъказали. Мы, сказавши прочитат, высълухали, который слово от слова такъ ся в собѣ маеть: „Я Миколай Михайловичъ Боговитинъ-Шумъбарский доброволне сознавамъ самъ на себе каждому, кому того потреба ведати албо чтучи слышати, нинешънимъ и напотомъ завжды будучим: ижъ дознавши я великои нехути, немилосъти и незычливости отъ повинъныхъ и кровныхъ моихъ противко себе, а помнячи на часъ смертельный, ижъ жадного человека, хто се едно на свѣтъ рожден, за презренемъ Божимъ, минути не може, постерегаючи, абы маетьность моя никому ку зъгоръшенью не стала, не была, с тыхъ теди всѣхъ слупьныхъ причинъ вышей помененыхъ, а ктому особливе—дознавши я ку собѣ упримую а щирую милость, зычливость а повинность, услукгованъе малъжонъки моее милое панеи Евъвы Павловичовъны и маючи вольность, водле статуту права посполитого и уфалы сойму Берестейского, иминьями, маетьностью своею, водле воли и уподобанья своего, вживаючи вольностьи шляхетское, шафовати, не будучи ни от кого намовлений а ни примушоный, едно за статечнымъ розмыслом и добърою волею моею такъ то мети хочу и тую волю мою всѣмъ посполите и каждому зособна, кому бы то ведать належало, ку ведомости зоставую: еесли же бы Панъ

Богъ вшехмоггонъцый за якимъ же кольвекъ припадкъомъ часть смертелный, будь приржоный, будь тежъ от кого колвекъ отъ рукъ неприятель моихъ, альбо яко отъеханье зъ земли тутошнеи на мне припустити рачиль, теды я, не маючи у себе лепшого, вернейшого и зычлившого приятеля, яко малъжоньку мою милую панюю Евву Павловичовну, всю маетьность лежачую и рухомую, то есть именья мои отчизныи и якъ колвекъ теперь и напотомъ набытые всѣ, з кгрунъты вшилякими земьлеными, з дворы, фолварки, пашьнями, з ставы, з ставицами, реками, болоты, рудами, млыны, зъ ихъ вымелками, з млынищи, с пасеками, бчолами, зъ садами, запусьты, з людьми, то есть бояры паньцырными, путными, подворыщными, тяглыми, подьсуседки и огородъники, з цынъшами, роботами, повиньностями, платы, доходы и всякими пожитки, якъ колвекъ теперь и напотомъ названныи и менованыи, ничего собе не zostавуючи, такъ-же всѣ речи рухомые: злото, сребро, гроши готовые, перли, клейноты, шаты, зброи, стада, быдло, кони ездные, статки домовые и весь спрятъ, што бы одно колвекъ речью рухомую названо и меновано быти мело, — малъжонцы моей милой паней Еввѣ Павловичовнѣ по животе альбо отъеханю моемъ зъ якои причины с паньства тутошнего даю, дарую и на вечьность отписую; а сестру мою рожоную панюю Барьтошовую Лащовую, панюю Ганьну Михайловну Боговитяньку, потомство ей и братью мою стречьную и ихъ потомство, сестры, кровьные, близкие и повиньныи мои, зъ якою-жъ бы колвекъ повиньностью хто озвати мел, яко отъ всѣхъ именей, маетьности лежачое, такъ-же и речей рухомахъ вечьными часы отъдаляю и от нихъ отписую, ижъ они по животе моемъ безъпотомномъ, отъеханю, за правомъ приржонымъ и ниякимъ кольвекъ в маетьность мою лежачую и рухомую въежъдчати, з моцы, владьности виймовати, ку праву позывати, в кгрунъты, в люди, в пожитки малыи и великии вступовати, переказы намнейшой чинити сами черезъ себе а ни черезъ кого не мають и мочи николи не будутъ; але малъжонька моя милая пани Евва Павловичовна, по животе альбо отъеханю моемъ,

всю маетность мою лежачую и рухомую вечным и яко отчизнымъ и дедичнымъ правомъ держати, записати и оною, яко властностью своею, водле воли и налєпшого уподобанья своего шафovati маеть и вольна будетъ. Леч еслибы ми Панъ Богъ з ласки и милосердья своего светого рачилъ дати и презрети з нею, малъжонкою моею милою, мати потомство, такъ сыны и дочки, теды малъжонка моя милая, маючи их в опеци, владзы и в хованью своемъ, тои маетности, отъ мене ей записаной лежачой, тратити, никому отдавати, даровати а ни записовати не маеть и мочи не будетъ; але кгда сынове мои летъ своихъ зуполныхъ доростутъ, а дочки мои от малъжонки моее, яко опекуныки, замужь отданы будутъ, теды малъжонка моя, усътупивши того запису моего и права своего, будетъ повинна потомству, то ест детемъ моимъ, именья своего лежачого, кромъ того, на шyto право особъливое отъ мене в себе маеть, отъдати и поступити, речи рухомые—всѣ предся при собе зосътавити. А дети, потомство мое, при доступленью отъ малъжонки моее а матьки их именья лежачого, яко личбы з опеки за держаня ее з ѳменей, зо всякихъ платовъ, доходовъ и пожитковъ, такъ розейштыя подъданныхъ, кривдъ, шкодъ своихъ и подъданныхъ и вшелякого спустошенья и речей рухомыхъ малъжонце моей упоминати, ку праву позывати и некоторои трудности ни в чомъ правомъ и ниякимъ иншимъ вшелякимъ обычаемъ ей задавати не мають и мочи николи не будут; а хоть жебы и ку праву, вынашедши себе якие-жь колвекъ причины правные и неправные и яко колвекъ иные розумы людскими вынайденными, позвали, врид кождый, до которого позвана будетъ, хот жебы што и найслушнейшого водле права показало, того всего приймовати не маеть, але малъжонку мою милую от позву и вшелякои жалобы вольною вчинити и при всемъ томъ зоставити маеть. Где бы ми тежь Панъ Богъ з ласки своее и презренья светого и потомство з нею дати мети рачил, а тое-бы потомство з волею Божою з сего света зошло, теды она предся малъжонка моя милая, пани Евъва Павълловичовна, при всей маетности моеи лежачой, рухомой,

яко ся вышей поменило, вечными часы зостати, оную держати, вживати, владнѹти и по воли своей, яко ся вышей поменило, шафовати мает и вольна будетъ; а сестру мою рожоную, еи потомство, братью стрыечную и ихъ потомство и всѣхъ кровныхъ, близькихъ и повинныхъ моихъ вечными часы отъ всее маетности моее лежачои, рухомои, такъ-же особливѣ и от опеки отдалямъ, только яко маетность лежачую и рухомую и опеку на малъжоньку мою милую влил есми а вѣливамъ, поручилъ и далъ есми. Бы тежъ зъ якихъ кольвекъ причинъ коли до того пришло, альбо потреба слупная водле права посъполитого вказовала, з сестрою моею рожоною, братею стрыечною, с ихъ потомствомъ и всеми кровными, близькими и повинными моими што становити, альбо розделокъ який приймовати, теды по животе, albo отеханью моемъ, все право мое отъчизное, прирожное на малъжоньку мою вливамъ и вместо себе моцъ зуполную давамъ правне, вгодою и вшелякимъ обычаемъ поступовати, вечнымъ и дочаснымъ обычаемъ кончити; а то все такъ моцно быти мает, яко бы-мъ властне и я самъ о то што чинил, и то, што ся зостанет на часть правомъ моимъ прирожным малъжоньце моей милой, то все такимъ обычаемъ и правомъ, яко ся вышей написало и нижей напишетъ, вечными часы держати и вѣживати и по воли своей тымъ шафовати маеть и вольна будетъ. И вже я сего листу моего ничимъ николи для жадныхъ причин и припадковъ отменяти и никому именья, маетности лежачои и рухомои, опеки записовати не маю; хоть же бым и записалъ, теды таковой листъ, запис мой, бы наслупнейший и направнейший былъ, моцы жадное мети и в жадного права за слупный прийманъ быти не мает; толко сесь мой лист в моцы в целой, ничим и ни в чом не нарушоный вечными часы зостати и в каждого вряду и суду захован быти маеть. Где бы тежъ я albo потомство мое, сестра моя рожоная, еи потомство, братья стрыечная и ихъ потомство, кровные, близкие и повинни мои, и хто жъ кольвекъ съ сего добровольного запису моего в чомъ же кольвекъ выступил и его намней в якомъ артыкули и

члоньку нарушалъ, таковой кожъдый, иле разовъ нарушить, повинень будетъ заруки малъжонъде моей милой заплатити пять тысячий копъ грошей личьбы литовское, к тому особливе шкоды, накълады, кромъ доводу присяги, только на голое реченье слова стороны, противко которой нарушить, альбо умоцованого, заплативъши заруки и вчинивъши досытъ на реченье слова за шкоды, предъся сесь мой листъ в моцы в цалей, ничим не нарушоный, в каждого права и передъ кожъдымъ урядомъ захованъ и малъжонъка моя при томъ всемъ зосъставълена быти маеть, и о то все вольно будетъ позъвати, до якого кольвекъ вряду и пърава сама похочет, до суду его королевское милости, до земского, кгродского и депутатского, и якимъ кольвекъ рокомъ похочеть; а позванный, не вымовляючися хоробою, службою господарскою, военною и ниякою иною, поветриемъ, соймомъ а ни жадными иными правными и неправными причинами, на перъшомъ року, яко на завитомъ, стати, не збываючи позвов рокомъ неслушнымъ а ни жадными причинами, усправежливити; а станеть-ли позванный, хоть же и не станеть, врьдъ, не приймаючи жадныхъ оборонъ а ни обьмовъ, не допусъкаючи апеляции ку его королевское милости, до трыбуналу, до жадного вряду и нигде инде, заруки, шкоды, накълады на реченье слова всказати, а то все, не складаючи роков статутовых, але заразы на маетности лежащей и рухомой отправити мощно, а малъжоньку мою водле запису сего моего при всемъ вечными часы заховати и декретомъ всказати и присудити маеть и повипень будетъ. И на том малжонде моей милой паней Евви Павловичовны даль доброволне сесь мой листъ з моею печатю и с подыписомъ власное руки моее писмом польским. При томъ были и того добре сведоми и за устною а очевисьтою прозбою моею печати свои приложити рачили их милости панове приятели мои: панъ Семень Деннско Матфеевский, староста Житомърский, панъ Матфий Малинский, секретарь его королевское милости, панъ Григорей Дедеркало. Писанъ у Загайцахъ, лѣта Божого нарожени тысяча пятсотъ осмьдесять четверьтого, месеца августа второго

дня. Миколай Боговитинъ Шумбарский рукою власною.—Матфей Еловичъ Малиньский, секретар его королевское милосъти, власною.—Григорей Дедеръкало власною рукою“.—А такъ мы, того листу огъледавши и его передъ собою вычитати казавши, тое оповедане и очевистое вызнане пана Миколая Боговитина и листъ, паней малъжонце его от него данный, слово в слово в книги кгородские записати казали, на што и выпис с книгъ под печатми нашими паней Евви Боговитиновой ест данъ. Писан у Кремянцу. Григорей Лосятиньский, подстаростый Кремянецкий, рука. Левъ Вороницкий, судя кгородский Кремянецкий, власною рукою своею. Матѣй Лонъдкий, писар.

Книга земская Луцкая, 1584 г., № 2067, л. 182.

CVI.

Донесеніе вознаго о томъ, какъ происходили „заручины“ п. Станислава Кавезскаго съ его невѣстой Настасьей Хребтовичевной. 1585 года, марта 11.

Року осмъдесят пятого, месеца марца первонадцат дня.

Передо мною Стефаном Кнегининским, будучим на местцу подстаростого Луцкого, ставшы очевисто, шляхетный Андрей Жикрицкий, возный повету Луцкого, ку записаню до книг кгородских Луцкихъ тыми словы созналъ: иж року тепер идучого осмъдесят пятого, месеца февраля двадцат осмого дня, будучи мне з уряду приданым на потребу его милости пану Станиславу Кавезскому, то ест для прислуханя водлугъ опису ее милости паней Василевои

Хребтовичевои панеи Ганны Дчусяньки и девки ее милости панны Настаси Василевны Хребтовичовны Богурынского, маючи я при себе двух шляхтичов: пана Войтеха Комовского а пана Зинка Лобоса, и при том были их милость панове: его милость пан Криштофъ Лабунский, пан Иван Богуринский а пан Михайло Болгаринъ. Чинил пытане его милость пан Станиславъ Кавезский панны Настаси Василевны Богуриньского, водлугъ постановена першого приятеля и ее милости панны Настаси и ее милости пани Богуринское: „если хочеш, панно Настасе, за мене?“—повторе и потрете. Панна мовчала; matka ее милости панны Настаси просила его милость пана Ивана Богуринского; иж-бы в то ся вложити рачил, яко брат старший, злецаючи моц, иж-бы ее милости помочь девку пану Кавезскому до рукъ дат за жону, иж-бы шлюб брал. Панъ Богуринский поспол з панею Василевою, взявши панну Настасю за руки, пану Кавезскому дали; пан Кавезский подяковал и светчил мною возным и шляхтою звышъ менованою их милостями, на тот час бывшими. И просила панна Настася пана Кавезского, иж бы пустил до приятелей, до его милости пана Адама Боговитина; яко-ж панну пустил на побыванье.— А такъ я тое очевистое сознанье возного до книг кгородских Луцких записати казал.

Книга вродская Луцкая 1585 г., № 2068, л. 194.

СVII.

Бракъ польскаго жолнера Мартишевскаго съ княжною Сокольскою.

1. Жалоба опекуновъ дѣтей умершаго князя Максима Сокольскаго о томъ, что польскій жолнеръ Балцеръ Мартишевскій, втершись въ домъ вдовы княгини Сокольской и пользуясь слабоуміемъ сына ея Василія, насильственно взялъ за себя якобы въ замужество сестру его княжну Софію Сокольскую, рассчитывая овладѣть ея наслѣдственными имѣніями. Показаніе княгини Александры Сокольской о томъ, что дочь ея, противясь браку, во время вѣнчанья выбила изъ рукъ ксендза книгу, и что Мартишевскій подвергалъ свидѣтельница и ея дѣтей заключенію. 1585 года, іюня 19.

Року 1585, месеца іюня 19 дня.

На рокох судовыхъ земскихъ, на завтрее светое Тройцы, свята рымьского, припалыхъ и судовъне отправованыхъ, ставши очевисто, его милост панъ Янушъ Угриновскій, опекунъ детей и именей небожчика князя Макъсима Соколскаго, самъ отъ себе и именемъ князя Марка Соколскаго и иныхъ близкихъ, кровныхъ и повинныхъ дому ихъ милости князей Соколскихъ, оповедалъ и обѣтея ливе жаловал о томъ: ижъ што перьво сего, взявъши они вѣдомость в рочкохъ кгородскихъ Луцкихъ от четверга, месеца іюня шостого дня у четвергъ припалыхъ, оповедали и возного на осветчене взяли, ижъ Балцеръ называемый Мартишевскій, который деи передъ тымъ жолънерскую службу служилъ в роте ротъмистра его королевьское милости пана Стареньскаго, а выехавши з роты оное, пе идучи до дому своего, есьлибы его где мелъ, але приехавши в дом ее милости кнегини Максимовое Соколское кнегини Александры Дользское до Холпнева, которая то кнегиня Максимовая Соколская, по смерти небожчика малжонка своего князя Максима Соколскаго, тамъ ув ономъ имену Холъпневе и иныхъ именяхъ ажъ

и до тых часов спокойне мешкала, тамъ приехавши, при ее милости если за прозбою, албо за слугу при ней, через часть немалый, ажъ и до тыхъ часовъ мешкаетъ; то пак в року тепер идущом тысяча пятсот осмъдесят пятомъ, месеца мая двадцать осмого дня, в ольторокъ, пропомневши боязни Божее, а иж ся менит быти шляхтичом, повинности своее шляхетское, срокгости права посполитого и конъстытуций о том уфаленых, взявши перед себе злый умысель непобожный, впеляким правам противный, способивши собѣ на помоч Андрея Кущку, товаришов и помочниковъ своих немало, такъ же и маючи змову з ксендземъ Кгрекгоремъ капитулы костела бисъкупства Луцкого, кромъ вѣдомости ксендза кустоса Луцкого, приехавши вже в ночи помененого дня з овторка на середу и способивши дей собѣ оных помененыхъ помочъниковъ о колькодесять особъ, которых он самъ леней имена и назвиска вѣдает и их знает, хотечи осегнути маетност в надею спадку, а бачечи быт сына небожчика князя Максимова Соколского князя Василя Соколского недовстипного и не всего змыслу, дочку оное помененое кнегини Максимовое Соколское, потомка зошлого князя Максима Соколского, княжну Зофею Соколскую, форуу и неспособного здоровья, которая про хоробу свою от нароженя межл людьми не бывала, кром ведомости самое кнегини Макъсимовое Соколское, матки ее, нас, опекунов помененыхъ, и иных кривных и повинныхъ дому князей Соколских, якобы под поставою якого малъженства кгвальтовне взял и оную княжну Зофею Максимовую Соколского згвалтил. Якожь и возного повету Луцкого Матыса Славокгурского на опытанье и осветчене оног згвалченья и взята черезъ помененого Балцера называемого Мартишевского и помочъников его княжны Зофѣи Соколского з уряду кродского Луцкого брали, который возный помененый Матыс Славокгурский, постановивши ся очевисто перед нами, до книгъ земьскихъ тыми словы вызнал: иж в року теперешнем тысяча пятсот осмъдесят пятомъ, месеца июня девятото дня, унедѣлю, был если в ймену его милости кнежати воеводы Браславского, Тростенцы, а маючи

тежь при собе возного повѣту Кременецкого Григоря Гуляльницкого а шляхты: пана Яна Андѣреевского а пана Станислава Рожковского, тамъ же передо мною возным, и тежь вознымъ повету Кременецкого и шляхтоу, его милость князь Яковъ Четвертьтенский пыталъ ее милости кнегини Максимовое Сокольское кнегини Александры Долъзское именовемъ их милости князя Марка Солтановича Соколского а пана Януша Угриновского, яко опекуновъ детей и именей небожчика князя Максима Соколского: ижь дошла их милостей такая ведомость, же Балцер называемый Мартишевский, который передъ тымъ жолнерскую службу служилъ в ротѣ ротмистра его кор. милости пана Стареньского, и выехавши дей з роты оное, не идучи до дому своего, если бы его где мел, але дей приехавши в домъ вашей милости, до Холпнева, который дей то дворъ и именье Холпневъ ваша милость по смерти небожчика малжонка своего князя Максыма Соколского тамъ у ономъ имену Холпневе и иныхъ именьяхъ ажъ и до тыхъ часовъ спокойно мешкаешъ, тамъ при вашей милости, если за прозбою албо за слугу, черезъ часъ немалый, ажъ и до тыхъ часовъ мешкалъ, то пакъ дей в року теперешнемъ, тысяча пятсотъ осмьдесятъ пятомъ, месеца мая двадцатъ осмого дня, у вольторокъ, препомневши боязни Божее, а способивши дей собѣ на помочъ пана Андрея Кошку и товарышовъ и помочниковъ своихъ немало, такъже маючи змову з ксендземъ Кгреггоремъ капитулы костела бискупства Луцкого, кромъ ведомости ксендза кустоша Луцкого, приехавъши дей вже в ночи з овѣторка на середу и способивши собѣ оныхъ помененыхъ помочниковъ о колькодесять особъ, хотечи дей осегнути маетьность в надею спадьку, а бачечи бытъ сына небожчика Максима Сокольского и вашей милости князя Василя недовѣстипного и не всего змыслу, дочьку вашей милости а потомъка зошлого князя Максыма Сокольского княжну Зофею Соколскую фору и неспособного здоровья, кромъ ведомости дей вашей милости и их милости пановъ опекуновъ помененыхъ и иныхъ кровныхъ и повинныхъ дому князей Соколскихъ, якобы под поставою малженства, квал-

товне взял и оную кнежну Зофѣю Макѣсимовъну Соколѣскаго згвалтил.—Якож ее милост кнегиня Максимовая Соколѣская передо мною возным и при возном повету Кремянецкаго Григорю Гуляльницком и шляхте, за пытанемъ князя Якова Четвертенскаго, поведила: ижъ дей „я еще скоро по смерти небожчика князя Максима Соколѣскаго, малѣжонка своего, в том именѣю и въ дворе Хольпневе мешкаю; то пакъ дей не вѣдаю, для которе причины пан Балцер Мартишевскій, способивши собѣ на помочъ пана Андрея Кошку, кромъ ведомости мене самое и опекуновъ и иныхъ близкихъ кровныхъ, повинѣныхъ нашихъ, дочку мою княжну Зофѣю мощно, кгвалтом за себе взял, которая дей про хоробу свою от давныхъ часовъ и волосы свои паненѣскіе на голове острыгла и николи их не мевала, и жадного дей шлюбу тамъ не было, кгдажъ дочка моя тому ксендзу и книги в рукъ вытрутила и оному Балцеру жадного приспособеня не чинила, и мене дей вже самую, сына моего князя Василья и тую дочку мою Зофѣю зовѣмъ у везенѣю и в неволи держит, и ледве дей мене тут до церкви ажъ за шлюбомъ пустилъ и никого тамъ до двора до нас не пускает“. Што его милост князь Яковъ Четвертенскій мною вознымъ, так тежъ вознымъ Кремянецкимъ Григоремъ Гуляльницкимъ и шляхтою светчил.—И просилъ пан Угриновскій, абы то до книгъ записано было; а такъ мы тую жалобу и оповедане его очевистое, возного сознане, до книгъ справ судовыхъ земскихъ Луцкихъ записат велели.

Книга земск. Луцкая 1585 г., № 2067, л. 66 обор.

2. Вторичное показаніе княгини Александры (она же Ирина) Сокольской, будто она добровольно выдала дочь свою въ замужество за Мартишевскаго. Такое же показаніе князя Василя и самой княжны Софы Сокольскихъ. 1585 года, іюня 19.

Року 1585, месеца іюня 19 дня.

На рокох судовыхъ земскихъ Луцкихъ, постановившеся очевидно в суду, пан Балцер Мартишевский оповедал и положил на письме сознанье возныхъ повѣту Луцкого Войтеху Яблоньского а Яна Пещиньского, под печатми их и с подписомъ руки Войтѣха Яблонского, которое сознанье давши ку записованю, просил, абы было вычитано и до книгъ справ земскихъ уписано, которое так се в себе мает: Року тисеча пятсотъ осмьдесятъ пятого, месеца іюня двадцатого (sic!) дня, будучи намъ Войтеху Яблонскому а Яну Пещинскому, вознымъ господарскимъ повету Луцкого, приданымъ з уряду кгородского Луцкого пану Балцеру Мартишевскому, маючи при себе двухъ шляхтичов: пана Яна Вроска а пана Станислава Ковзского, року и дня звышъ помененого ездилы есмо до ея милости кнегини Максимовое Соколское пани Арины Довзское, до имени пана Балцера Мартишевского, Холшнева, пытаючи: еслибы кгвалтовне пан Балцер Мартишевский дочку ея милости кнежну Зофею, не з волею и хутью ея, яко о томъ ведомость некоторая отъ людей зацныхъ и пана Балцера ест дошла, в малженство пошлюбил и за себе взял? А ея милост кнегини Максимовая Соколская поведила намъ тыми словами: „ачъ дей былъ малжонокъ мой небожчикъ князь Максим Соколский, схилившись в томъ одною волею зо мною, малжонкою своею, и сыномъ нашимъ княземъ Василемъ, пошлюбили и записами своими упевнили были есмо датъ в станъ свѣтый малженский пану Балцеру Мартишевскому дочку нашу княжну Марину, которую по смерти малжонка моего князь Марко Соколский, безъ вѣдомости моея и сына моего князя Василя, з дому

нашого до себе взял, тамже дей, водле воли своее намовивши тую дочку мою кнежну Марину, за пана Матея Лонцкого, писаря кгородского Кремянецкого, кромъ воли и вѣдомости моее и сына моего князя Василя в малженство отдалъ и имене наше Тростенець с приселками в моц и держане оному пустил; однак же дей и, корыстующи себе в приязни пана Балцера Мартишевского, яко чловека учтивога, а ку тому иж презрене Божее надышло, воля дей теж моя и сына моего князя Василя до того приступили, другую дочку мою кнежну Зофью Соколскую пану Балцеру Мартишевскому не квалтовне, але доброволне есмо в стан светый малженский пошлюбили и веселе дей не потаемне, але при бытности людей зацных, на то везваных, было учинено и звычайем пристойнымъ есть отправлено".—Там же будучи и князь Василей Соколский, сын ее милости, в тые ж слова а неотменно есть волю свою объявилъ и созналъ. Якож и кнежна Зофья, теперешная малжонка пана Балцера Мартишевского, то перед нами сама вызнала, ижъ з доброю волею, а не з жадного примушенъя людского, малженство с паном Мартишевскимъ есть приняла, якож за дозволенем матери своее и брата и приятелей своих".—На што дали есмо сознание под печатми нашими и с подписом руки моее. Войтех Яблонъский, возный повѣту Луцкого, рука власная.—А такъ мы, суд, тое сознание вышей менованых возных, перед нами на писме от пана Балцера покладаное, с початку аж до конца до книгъ справъ судовых земскихъ записати казали.

Книга земск. Луцкая 1585 г., № 2067, л. 167.

3. Протестъ Мартишевскаго противъ обвиненія его въ томъ, будто онъ насильственно женился на княжнѣ Сокольской и держалъ ее, а равно ея мать и брата, въ заключеніи. Показанія о томъ его тещи, жены и шурина, а также показаніе православнаго священника, совершавшаго бракъ совмѣстно съ католическимъ ксендзомъ. 1585 года, іюня 22.

Року 1585, месеца іюня 22 дня.

На рокох судовыхъ земскихъ Троецкихъ, передъ нами, то естъ Федоромъ Чапличомъ Шпановскимъ, судею, а Иваномъ Хренницкимъ, подсудкомъ, врядниками судовыми земскими повету Луцкогю, ставши очевисто, возные повету Луцкогю Григорей Вербъскій, приданный отъ насъ, суду земскаго Луцкогю, а Демъянъ Мокренскій, возный повету Володимерскаго, будучи ужитый отъ пана Балцера Мартишевскаго, ку записованью до книгъ вызнали тыми словы: што жъ дей дня вчорашнегю, месеца іюня двадцать перваго дня, маючи мы при собе шляхту людей добрыхъ, то естъ пана Ивана Путошинскаго а пана Станислава Орловскаго, были есмо на съправе пана Балцера Мартишевскаго уво йменью его милости Холпневу, где поведилъ его милость передъ нами в тые слова: ижъ дей „дня вчорашнегю въ среду, месеца іюня девятигонадцать дня, панъ Матей Лонскій, писаръ кгородскій Кремьянецкій, будучи у суду земскаго Луцкогю, обжаловалъ и оповедалъ ся на мя, яко быхъ я мелъ ея милость княгиню Орину Максимовую Соколскую и сына ея милости князя Василья Максымовича Соколскаго и дочку ея милости княжну Зофею, теперешнюю малжонку свою, у везеню своемъ держати, и яко бы за примушенемъ моимъ, квалтовне, кромъ воли и ведомости ея милости кнегини Максимовое Сокольское Орины и сына ея милости князя Василя и тежъ кромъ воли и позволеня дочки ея милости княжны Зофеи, тую княжну Зофею за себе у малженство взялъ; тогда дей, яко николи кнегини Соколское, тещи, князя Василя Соколскаго, шваггра моего,

у жадномъ везеню своемъ не держалъ, такъ теж за волею Божою и властнымъ позволенемъ ее милости кнегини Максимовое Соколское а сына ее милости князя Василя, за властною волею и позволенемъ кнежны Зофеи, тоеи теперешнее малжонки моее, и теж з волею зобополныхъ приятелей нашихъ, на тот час при насъ будучихъ, в стан малженский за себе есми ее милость взял водле закону хрестиянского, принявши з нею шлюбъ, а не такимъ способомъ, яко мя его милость пан Матей Лонъский перед их милостю врядомъ суду земского Луцкого справил и обьнесъ“. И посылал пан Балцер Мартишевский нас, возных, с тою шляхтою вышней поменованою, до ее милости княгини Максимовое и до сына ее милости, князя Василья Соколских, до тещи и до швакгра своего, и теж до ее милости княжны Зофеи Максимовны Соколской, до малжонки своее, пытаючи их милостей: если же такъ было, яко Матей Лонский на вrade справу дал? И коли есмо пришедши до двора его милости Холшневого, до ее милости кнегини Орины Максимовое и до сына ее милости князя Василья и до малжонки его милости пани Балцеровы, княжны Зофеи Соколских, там же очевисте яко ее милости княгини Максимовое и сына ее милости князя Василя и дочки ее милости а сестры князя Василеви, княжны Зофеи, пытали есмо: естлибы пан Балцер Мартишевский, зять вашей милости, вас самых особъ у везеню своемъ мел, и трапечи везенемъ, яко бы за примушенемъ и квалтовне а по неволи тебе, княжно Зофее, без воли и выдана матки и брата вашей милости за себе у малженство взяти мел? А его милость князь Василей, сынъ ее милости, поведил: иж дей „пан Балцер Мартишевский, зят нашъ, николи нас у везеню своемъ не держалъ и не мел и до жадное речи нас поневоле не примушалъ, але дей естли же дочку мою мене, Орины Максимовое, а сестру мою мене, Василя Максимовича Соколских, княжну Зофею Максимовича Соколских, княжну Зофею Максимовну Соколского, пан Балцер Мартишевский за себе в стан малжонский взял, то дей не поневоле, але за властною ведомостю, волею и

позволенъемъ и выданемъ нашимъ, родичовъ ее, и з ведомостю приятелей нашихъ, в стан малжонский, водле закону нашего хрестиянского, шлюб и венец принявши, в малжонство уступилъ“. А з особна ее милость княжна Зофея, пани Балцерова Мартишевская, тутъ же будучи, при матце и брату своемъ, поведила и вызнала: иж дей „и я в жадномъ везеню пана Балцера Мартишевского, теперешнего пана малжонка моего, николи не была, а ни теж мене квалтомъ, поневоле в стан малжонский брал, толко за властнымъ позволенемъ и волею княгини матки и князя Василя, брата, и родичовъ своихъ, такъ теж за властною волею моею, взявши первый з нимъ шлюбъ малженский, и за его милость в стан малженский пошла“. Яко ж и попь закону хрестиянского греческого Стефан, тутъ же очевисте передъ нами стоячи, вызнал: иж дей „я ис стороны княжны Зофеи, яко попь руський, ее милости с паномъ Балцеромъ Мартишевскимъ, а зъ стороны пана Балцера Мартишевского плебан лядский Кгрйкгоръ кнезь Бедрицкий, викарий головного костела Луцкого, шлюбъ есьмо малженский ихъ милости давали, за волею и ведомостю и выданемъ ее милости кнегини Максимовое и сына ее милости, князя Василя Соколскихъ, пановъ моихъ, и за властною волею и позволенъемъ ее милости кнежны Зофеи Маьксимовны Сокольского“.—Которое мы очевистое сознание возныхъ до книгъ справъ судовыхъ земскихъ Луцкихъ записати есмо казали.

Книга земская Луцкая 1585 г., № 2067, л. 335.

Примъч. Другихъ документовъ, относящихся къ этому дѣлу, не найдено въ актовыхъ книгахъ, кромѣ того, что еще въ августѣ 1583 г. князь Василій Сокольскій выдалъ Балцеру Мартишевскому дарств. запись на имѣние Холпневъ съ приселками и усадьбу въ г. Луцкѣ — единственно „за склонный и хутный умыслъ его и пилное старанье до приязни“ съ дарителемъ. Кн. гр. Луцкая 1583 г., № 2062. л. 238. *Ред.*

СVIII.

Жалоба п. Григорія Дублянскаго на землянь Тишей-Быковскихъ о томъ, что они сманили къ себѣ въ замокъ его жену съ дѣтьми и имуществомъ. 1585 года, іюля 16.

Року по нароженю сына Божого 1585, месеца іюля шосто-надцат дня.

Пришедши до вряду замку господарского Житомирского, перед мене Миколая Каменского, подстаростего Житомирского, от его милости пана Семена Дениска Матфеевского, старосты Житомирского, установленного, пан Григорей Степанович Дублянскій, слуга его милости пана Летошинского, оповедал и жаловал о томъ, иж дей року прошлого тисеча пятсотъ осмьдесят четвертого приехал дей есми з Низу, з Запорожя, зъ его милостью княземъ Григоремъ Домонтомъ, до Ходоркова, до их милости панов Тишъ Бывовскихъ, упоминаючисе о долгъ свой небожчика отца их, которого дей долгу их милость пан Александро а пан Василей и сами сведоми, и тот долгъ заведеный небожчика отца их за имене мое третью част Вели; и в тот дей час есми их милости в Ходоркове не застал, бо были дей в Литве. И будучи дей мне въ Ходоркове, то пакъ ее милость кнегиня и з иншими приятelmi своими, за прозбою Настаси Митрохановны, оную Настасю Митрохановну в малженство отдали, с которою дей и шлюб есми принял, которая дей служила ее милости паней Александровое Тишиной. То пак я, Григорей, восполокъ из жоною моею Настасею и з детками ее, которые дей при ней были, мешкаючи в Ходоркове, ждучи щасливого приеханя их милости панов Тиш з Литвы, хотечи долгу оногупоменутсе, а потом дей, кгда их милост панове Тиши приехали з Литвы и забавили мене при себе час немалый,

обещуючися тот долгъ отца своего мне нагородити, то пак дей мне болшь того долгу не дали, толко лошака, который копитовал три копы грошей, и за то-м дей имъ подяковал и попровадил есми живност свою, которую дей мне были здали панове земляне тутошние повету Киевского, то ест муки расходное и белое колод шест, до берега, до чолну, хочечи поехати до пана своего, до пана Легошинского, а жону дей свою из детми ее и маетностю моею и жоны моее, в скрыни зложоную, у подданого пана Василева Тиши, на ймя у Малца, зоставил, в которой дей скрыни пятьдесят коп грошей литовских, тринадцат рублей денег московских, чарокъ сребренных две, которые-мъ дей был достал под Трубецкомъ, шубокъ сиберковых две, шлыков чотыри: два нурмарчатых, а два чирвоных, бобров пят чорных, праве добрых, полотна московского тонкого поставцов чотыри, в каждомъ дей поставцу по полтредцат локот, сафянов чотыри жолтых, боты двои чирвоного сафяну, убране сукна каразѣи белое, кошул чотыри колинских а две простых, гареабузов три, дежка масла, сыров осмъ, кожух бараний, полушворни двои и инших дей речей домовых немало. То пак, в небытности моее, яко-м пашню тую попровадил до берега, пан Александро Тиша, восполок с панею малжонкою своею, панею Марею, в року тепер идучом тисеча пятсот осмъдесят пятм, месеца июля второго дня, намовивши дей жону мою Настасю, жебы она со мною в дорогу из детми своими не ехала, бо дей, „небого, не ед за мужем своим: иж дей тебе самую продасть и дети твои; побери дей маетност его и свою от мала и до велика, а припровад до мене в замок; я дей тебе одошлю на сторону, до кнегини Воронецкое, до Киева“. То пак дей жона моя, послухавши их, сама, з детми и зо всею маетностю своею и моею, выбравши зъ скрыни, такъ тежъ што в госпode было, вынесла до замку; то пак дей панъ Тиша з малжонкою своею заразом, нанемши подданого Бутовичова Брусиловского, тое ж ночи послали до Брусилова, а сам дей пан Тиша в тот час поехал до Литвы.—И просил пан Григорей Степанович, абы тое оповедане и жалоба его

в книги замковые Житомирские записано было; што-м был записати казалъ.

Книга градск. Житом. 1585 г., № 8, л. 91 об., актъ 22.

СІХ.

Жалоба землянки Евы Бутовичевой о томъ, что бывшій мужъ ея Матвѣй Немиричъ, вопреки условіямъ бракоразводной записи, по которой онъ обязался дать ей „во всемъ покой“, напалъ на нее въ дорогѣ, пограбилъ имущество и нанесъ ей тяжкіе побои. Перечень пограбленныхъ вещей. 1585 года, іюля 17.

Року по нароженію Сына Божого 1585, месеца іюля 17 дня, с поправы календару рымского.

Писала и прислала до мене, Миколая Каменского, подстаростего Житомирского, от его милости пана Семена Дениска Матвеевского, старосты Житомирского, установленного, пани Григореева Бутовичова Ева Василевна Раевна, оповедаючи и жалуючи се на Матфѣя Немирича о томъ, што ж дей в року тепер идучомъ тисеча пятсотъ осмьдесятъ пятомъ, месеца іюля пятогонадцат дня, с поправы календару рымского, едучи мнѣ до Киева за позвы своими, которыми есми была позвала пана Есифа Немирича на рочки кгородскыя Киевскыя, которые судитисе мели, гдеж я маючи певную ведомост о томъ, иж рочки дойти не мели, зас назад з Брусилова есми до дому ехала, то пак не маючи до мене Матфѣя Немирич жадное причины и потребности, до того не смотречи на добровольный опис свой, который Матфѣй Немирич мне, а я ему в розводе есмо межи собою дали, заховываючи себе з obu сторон

во всемъ покой, нижли Матфей Немирич не бачечи, а ни паметаючи на тот опис свой, перенемши тепер мене на добровольной дорози подь местомъ Коростешовом, над речкою Черемошною, в року семъ же осмьдесят пятомъ, месеца июля лятагонадцатого дня, с поправы календару римского, мне, яко невесте, учинивши кгвалть, бои, розбой, яко доброму каждому человеку учтивому, а звлаща будучи хлопомъ, з невестою жадных потреб, воен, чинити не пристой и не пристало, учинил, и мене, яко невѣсту безпечную, вывлекши з воза, сам особою своею розбивши, бичами округне з некоторыми слугами, помочниками своими, збил, змордовал и зранилъ. При которомъ том бою и розбою луп в маетности моее учинил и всю от мала и до велика, которая была со мною у возех, то все кгвалтовне мене розбивши, и маетност мою от мала и до велика на тот час побрал и пограбил, а то ест меновите: рыдван с конми, з возниками гнедыми чотырма узля, которые коштовали шестдесят коп грошей литовских; воз сукном крытый, кованный железом, который коштовал из сукном десет коп грошей литовских; а в том рыдване узято скрынку невеликую, в которой были ланцухи золотые, клейнотки, перстенки золотые, кошулки, брамки перловые; напрод в той скрини узято клейноток золотый, коштоваль сто золотых полских, кошулку перловую, которая коштовала осмьдесят копь грошей литовских, до неи рукава з ниткового золота и серебра робленые, коштовали пятдесят коп грошей литовских; другую кошулку взял перловую, из золотом тягненным робленая, коштовала шестдесят копь грошей литовских; брамокъ три узялъ, одна с перлы уриянскими белыми, с пунталы золотыми, коштовала коп осмьдесят грошей литовских, другая брамка перловая такъ же з фереты золотыми, коштовала сорокъ копь грошей литовских, третья брамка перловая, злотом тягненным роблена, коштовала двадцат коп грошей литовских; ланцухов золотых два, ув одном сто чирвоных, а в другом шестдесят чирвоных, ты ланцухи из роботою коштовали золотых полских чотыриста; менелли двои—у них было золотых чирвоных сорок; перстенков шест зо-

лотых с каменми: перший перстенокъ з диамантомъ, а в нем было золотых чирвоных два, коштовал коп десят грошей литовских; другой з шафиромъ, а в нем было золотых чирвоных два, коштовал коп дванадцат грошей литовских; третий з рубином, в нем было золотых чирвоных три, коштовал коп шест грошей литовских; четвертый зъ жабинцомъ, в нем было золотых чирвоных пят, коштовал коп осмъ грошей литовских; сыгнет золотый, в нем было золотых чирвоных шест; перстенокъ обручие золотый, в нем было золотых чирвоных два; чепцов перловых два, коштовали чотырнадцат грошей литовских; золотых чепцовъ нитговых плетеных два, коштовали осмъ коп грошей литовскихъ; рубков флямских три, коштовали девят коп грошей литовских; коленских рантухов осмъ, коштовали шест коп грошей литовских; рукавов ис кошулками флямских вышиваныхъ десет, коштовали дванадцат коп грошей литовских; листвы постелные, вышиваные шолком чорнымъ, коштовали сорокъ коп грошей литовских; в той же скрыни узято лыжок сребреных тузинов два, оден тузин позлотистых, в них было гривен сребра шест, коштовали з роботою, з позлотою копъ сорокъ грошей литовских; другой тузинъ лыжокъ непозлотистых, в них было сребра гривен чотыри, коштовали коп двадцат грошей литовских; поясов три обручов сребреных, у каждом з них было по три гривны сребра, злотистые, кождый з них з роботою коштовал по осмнадцати коп грошей литовских; чарокъ сребреных осмъ, в них у кождой было гривен по две, кождая з них з роботою коштовала коп пети грошей литовскихъ; кубков сребреных позлотистых дванадцат, у каждом было по гривне, а кождый з них коштовал з позлотою, з роботою по шести коп грошей литовских. Шаты мои, которые на тот час при мне были и Матфей Немирич того ж часу побрал, то ест: шата едамашки зеленое, злоголовом чирвоным брамованая, коштовала копъ сорок грошей литовских; до нее шубка оксамыту чорного, соболцами из бобром чорным подшитая, коштовала зо всим на все сто коп грошей литовских; отласъ чирвоный, оксамитомъ чорным по подолу брамованый,

коштоваль дванадцат коп грошей литовских; шубка одамашки чирвоное, кунами из бобромъ чорнымъ подшитая, коштовала тридцат коп грошей литовских; летник китайки мененой дупли чорный, чирвоный едваб, коштовал осмъ копъ грошей литовских; шубка китайки дупли зеленое, кунами подшитая, з бобромъ чорнымъ, коштовала коп двадцат чотыри грошей литовских; летник мухояру чорного з оксамитомъ, коштовал коп пят грошей литовскихъ; шубка чорная фалендышовая, лисицами подшитая, з бобромъ синикарымъ, коштовала коп дванадцать грошей литовскихъ. У другомъ возку узято, который ишоль двоима конми з речами кухонными и странными: коней в немъ было гнедыхъ два, коштовали десет коп грошей литовских; мис великихъ циновыхъ взято шест, коштовали дванадцатъ золотыхъ полскихъ; пулмисковъ тузинъ циновыхъ, коштовали коп чотыри грошей литовских; котловъ кухонныхъ чотыри, два великихъ, куплены по полкопы и по шести грошей литовскихъ, а два невеликихъ, куплено по двадцати грошей литовскихъ. То все Матфей Немирич квалтовне, розбойне мене збивши, змордовавши, и маетност мою всю, от мала и до велика, побрал и полупил и пограбил, с которого бою и великого мордоваия ажемъ ледво пеша у дуброву от нихъ утекла и пеша до места Коростешова вже на смерганю пришла.—Которое тое оповедане панее Григоровое Бутовичовое Евы Раевны слышачи, я Миколай Каменский казаломъ у книги замковыя Житомирскыя записати.

Книга городская Житомирская 1585 г., № 8, л. 93 об.

СХ.

Князь Константинъ Острожскій записываетъ вѣно невѣсткѣ своей Зузанѣ, женѣ сына его князи Януша, на Чудновскихъ имѣнїяхъ. 1585 года, октября 5.

Лѣта по нароженю Сына Божого 1585, месеца октебра 10 дня.

В рокох судовых земских Луцкихъ, ку отправаню справъ судовне зачатых назавтрее по светом Михали, римском святи, в году тепер идучом осмѣдсят пятом, перед нами Федором Кадяном Чапличемъ-Шпановским, судею, а Иваном Хренъницким, подсудком, врядниками земскими Луцкими, очевисто ставши у суду в замку Луцкомъ сам особою своею, ясневелможный панъ княжа его милость Костенътинъ Костентинович Острожскій, воевода Киевскій, маршалок земли Волынской, ку записованю до книгъ справ судовыхъ земских сознанъе свое уделалъ, иж в доброе воли и ласки своеи, милуючи сына своего княжа его милость Януша Острожского, воеводу Волынского, и малжонъку его милости кнежну Зузанъну Шередию, который то сынъ его милости ще был ничего водле звичаю нигде и ни на чом оправы той малжонъце своей не учинилъ и не записал, маючи волность тую с права посполитого, его милость княжа панъ воевода Киевскій той малжонъце сына своего а невестце своей дал, даровалъ и листом своим записал певную суму пенезей осмъ тисечей коп грошей литовских на именъях своих отчизных, которых еще был тому сынови своему не уступил, лежачих в земли Волынской, в повете воеводства земли Киевской, на замку и двох местех Чудъновских и всех селех, к тому належных, которые-ж то именъя помененные зараз в моц и держанъе еи милости подал и поступилъ, на што все ширей и лист, запис свой, ее милости под печатью и с подписомъ руки своее и под печатми людей добрых дати рачилъ, и тот листъ перед нами показавши, просилъ, абы читан былъ, которого мы

огледавши и достаточне его вычитавши, за прозбою княжати его милости пана воеводы Киевьского устноу, до книг справ судовых земских Луцких вписати казали, и так ся в себе маеть: „Я Костентин Костеньтинович княжа Острозкое, воевода Киевский, маршалокъ земли Волынское, чиню явно и визнаваю то сим моим листом всим посполито и каждому, кому бы того вѣдати была потреба, иж видечи то я, же сынъ мой, княжа его милость Янушь Острозский, панъ воевода Волынский, до сего часу нигде оправы звыклое ни на чом малжонце своей а невестце моей милой, княжне Зузанне Шереде не вчинил и не описал ничего, тогда я тепер з доброй воли и ласки моее, хотячи тымъ болшей склоннейшую и зычливую милость малжонкови ее милости а ку сынови моему милому узнать, маючи тую волность с права посполитого властностью добръ моих яко хотячи шафовати, той малжонце сына моего, княжати его милости Януша, княжне Зузанне Шередий, вместо оправы ее милости, от сына моего не учиненое, даю, дарую и сим листом моим з ласки моее ее милости запишу певную суму пенезей, тоестъ осмъ тисечей копъ грошей личбы и монеты великого князства Литовского, на именахъ моих власных, отчизных, которых есми еще был сынови моему милому, княжати его милости Янушу вперед сего не уступил, лежачих в земли Волынской, в повети воеводства земли Киевьской, на замьку и двох местех Чудновских и всих селах, к тому належных, никому ничим непенные и вперед сего ни в чом не заведенны, зовсимъ на все, яко ся тые имена сами в себе, в границах и обыходех а вшеляких пожиткох своих мают и мети могут, зъ земляны, бояры, людьми тяглыми и ихъ повиньностями вшелякими, не оставуючи вже тепер ничего на себе и иных потомков моих, так иж вже ее милости княжне сыновой моей милой волно тою сумоу, вперед помененоу, водле уподобаня своего, яко хотячи, вечно такъ всего, яко и порозно шафовати, кром кождых переказ и вступов от мене и потомковъ моих; и не отдавши тое сумы пенезей, всее вышей помененон, не маю вже я сам и потомки мои тых именей вышей

описанных в моцы и держаня ея милости и кому бы то яко колвекъ, от ея милости заведено было, николи выймати, аж всю сполна заплативши тую суму пенезей вышей помененую ея милости самой, албо кому бы то от ея милости яко колвекъ такъ все, яко и порозну заведено было; на што ж есми ея милости княжне Янушовой Острозской, паней воеводиной Волынской, сыновой моей милдой, дал сесь мой лист, доброволный опис, под печатю и с подписом руки моее властное, до которого ж листу а опису моего, за очевистою а устьною прозбою моею, и свои печати приложити рачили их милости: панъ Григорей Гулевичъ, хоружий земли Волынское, а панъ Адам Боговитинъ Козирадский, подкоморий Кремняецкий. Писан у Крупой, лета по нароженю Сына Божяго тисеча пятсотъ осмьдсятъ пятого, месеца октебра пятого дня. Костентин Острозский власная рука; Григорей Гулевич, хоружий земли Волынской, власною рукою; Адам Боговитинъ с Козирад, подкоморий Кремняецкий, власною рукою".—А такъ мы тое доброволное очевистое вызнане княжати его милости пана воеводы Киевского и тотъ листъ, запис его милости, даный княжне ея милости паней воеводиной Волынской, сыновой его милости, до книгъ справ судовых земскихъ Луцких записати есмо велели.

Книга земская Луцкая, 1585 г., № 2067, л. 636.

СХІ.

Слуга князя Константина Острожскаго, крещенный еврей Константинъ изъ Преворска даетъ разводъ женѣ своей Тилѣ Юсковнѣ, оставшейся въ еврействѣ. 1589 года, іюня 15.

Року 1589, месеца іюня пятогонадцат дня.

На вряде кгородскомъ, в замку господарскомъ Володимерскомъ, передо мною Яном Шостовицькимъ, будучимъ на местцу подстарства Володимерского, ставши очевисто служебникъ его милости ясневелможного пана, пана Костентина княжати Острозского, воеводы Киевского, маршалка земли Волынское, старосты Володимерского, на йме Костентинъ с Преворска ку записованью до книгъ созналъ тыми словы: „иж дей я з доброе воли моее до закону або вѣры хрестянское приступилъ, а жона моя Тила Юсковна, не хотечи зо мною в вѣре хрестиянской мешкати, просила мене, абы-мъ ее з стану малженьского выпустилъ. А такъ я, за певным постановеньем, тую жону мою з стану малженьского доброволне вызволяю и вже есми вызволилъ и от сего часу до нее самое и приятель ее, такъ же и обчих людей, которые ся по ней самой и по приятелех ее в Преворску были ручили, жадного дѣла мети не маю, але ихъ вечне симъ сознаньемъ моимъ вызволяю и кви-тую“. И просилъ, абы то до книгъ было записано. Которое я сознанье его до книгъ кгородскихъ Володимерскихъ записати казалъ.

Книга гродская Владимірская 1589 г., № 965, л. 324.

СХІІ.

Жалоба зем. Ивана Болобана-Осекровскаго о томъ, что его жена Раина Стакорская, потерявъ расположенность къ нему, прогнала его отъ себя и отказалась возвратить лично принадлежащее ему имущество. 1589 года, августа 17.

Року 1589, месяца августа 17 дня.

Пришедши на врьд вгородский Володимерский, до мене Мартина Приборского, будучого на местцу пана Романа Вилгорского, подстаростего Володимерского, пан Иванъ Болобанъ Осекровский оповедалъ на малжонку свою панюю Раину Стакорского тыми словы: ижъ дей часу прошлого взял есми панюю Раину Стакорского за себе в стан малженский, с которою мешкал во ймену нашем Ружиню часъ немалый, до которое есми внес маетности своее вшелякое немало, то есть: пенезей готовых сто копъ грошей литовских, шаблю сребромъ оправную позлотистую, которая мене коштowała двадцеть копъ грошей литовскихъ, чар две сребренных позлотистыхъ, которые мене коштowała сорок коп грошей литовских, лыжок сребрныхъ тузинъ, которые мене коштowała двадцат чотыри копы грошей литовских, пару шат полкгранатовых битайкою подшитых, которые мене коштowała тридцать коп грошей литовскихъ, пару шатъ фалюндишовыхъ, которые мене коштowała дванадцат коп грошей литовских, возников гнедых чотыри, которые мене коштowała осмъдесят коп грошей литовских, воз котчий, который мене коштовал шести копъ грошей литовских, постел зо всим, которая мене коштowała осм коп грошей литовских, коберцовъ два солгацких, которые мене коштowała дванадцати копъ грошей литовских, полгаков два а ручниц коротких три, которые полгаки и ручници коштowała мене осм копъ грошей литовских. То пак дей малжонка моя, не ведати для которое причины, запомневши боязни Божое и присеги своеи, на малженство зо мною

вчиненое, и фрокгости права посполитого, взявши противу мене, малжонка своего, безввинъне, если з умыслу своего, або з намовы людское, неприязни, немилост и змовившия з братею своею и с приятelmi своими, мене од оное все маетности моее квалтовне выбила и отогнала, чим великий жал и оболжене и шкodu немалую мне вчинила. Якож дей я потом врыхле посылалъ до нее приятелей своих: пана Семена Резановича Летинского, пана Григорья Писочиньского а пана Федора Чувата Глуботиньского, пытаючи ее, для которое причины то мне учинила, и упоминаючи, абы ся в томъ неслушномъ а непристойномъ учинку своемъ узнала и маетность мою мне отдала, а зо мною водле присяги своее в стане малженскомъ мешкала. Она не толко абы ми маетност мою отдати и о мешканье зо мною в малженстве што слушного через тех приятелей моих отказати мела, але есче оных приятелей моих не учтивши отправила.—И просилъ пан Иванъ Болобанъ, абы тое оповедане его до книг кгородскихъ было записано; што я записати казалъ.

Книга городская Владимірская 1589 г., № 965, л. 483.

СХІІІ.

Жалоба дв. Василия Васильевича Загоровскаго о томъ, что княгиня Магдалина Сокольская, обезпечивъ его формальнымъ обѣщаніемъ выдать за него въ замужество дочь свою княжну Ганну, на самомъ дѣлѣ выдала ее за другого и тѣмъ ввела жалобщика въ большіе убытки. 1593 года, сентября 22.

Року тисеча пятсот деветдесят третего, месеца сенгебра двадцат второго дня.

На вряде кгородском, в замку сго королевское милости Луцком, передо мною Александром Семашком на Хупькове, кашта-

ляном Браславским, старостою Луцким, очевисто у книг постановившихся, урожоный его милость пан Василей Василевич Загоровский, кашталянович Браславский, осветчался, жаловал и оповедал теми словами: иж дей в року нынешнем деведесят третем, в мясопусту посту великого, за неоднокротными и перед тым за старанем моим, обетницами и упевненем через певных панов а приятел моих, будучи мне не пооднокрот в дому еи милости кнегини Марковое Соколское панее Магдалены Якацкого, стараючися себе о приятеля до стану светого малженского, о девку еи милости княжну Ганну, которая то еи милость кнегиня Соколская, за старанем моим, мене рукодайне через певных пановъ приятел моих в том упевнила и певное постановене через приятелей моих зо мною учинила, иж девку свою княжну Ганну певне за мене в стан светый малженский дати мела, прирекла и обещала; чого я будучи певен, уфаяючи застановеню, обетници и приреченю слова еи милости, стараючися и готовячися на веселе, такъ же и упоминки панне даючи и отсылаючи, не малый кошть и утрату поднял. А еи милость, пропомневши оног застановеня, обетници и приречена слова своего, мене до немалых шкод, утрат, кошту и накладов приправивши, шацунком десят тысячей золотых полских, зо мною оног застановеня, обетници, упевнения и приречена слова не здержавши, оную девку свою княжну Ганну за его милость князя Чорторыского в стан малженский отдала. О которые то преречные шкоды и утраты свои его милость пан Загоровский зъ еи милостью кнегинею Соколскою протестуючися и оповедаючи правом чинити, то себе записати дал.—А такъ я тое оповедане и осветчене его милости пана Загоровского до книг кгородских Луцких записати казал.

Книга городская Луцкая 1593 г., № 2076, л. 432.

СХІV.

Разводъ дв. Волицкихъ.

I. Запись дв. Яна Волицкаго о томъ, что, въ виду болѣзненнаго состоянія жены его Федоры Головинской и согласно ея желанію, онъ навсегда освобождаетъ ее отъ брачнаго союза съ нимъ. 1594 года, 26 генваря.

II. Такого же содержанія запись, выданная Федорой Головинской мужу, съ предоставленіемъ ему права вступить въ бракъ съ другимъ лицомъ. 1594 года, 26 генваря.

I.

Року тысяча пятсот девятьдесятъ четвертого, месеца феврала второгонадцать дня.

На вряде кгородском, в замку господарскомъ Луцком, передо мною Щаснымъ Кгаленскимъ, подстаростим Луцъкимъ, постановивъшися очевисто, урожоный панъ Янъ Волицъкий з Волицы устне и доброволне сознание свое учинилъ, водлуг листу, доброволного запису своего, который от себе, подъ печатю и съ подыписомъ руки своее, под печатми и съ подписомъ рукъ людей зацныхъ, дал шляхетне урожоной паней Федоре Головинъского, бывшой Федоровой Черевчеевой, которую былъ за малъжоньку себе взялъ, — на вызволенъе зъ стану малженъского, а то для хоробы ее, которую Пан Богъ ее наведити рачилъ, яко ширей в ономъ листе описаю и доложено естъ, и водлугъ оног помененог листу своего сознание свое очевистое учинивъши и оный листъ свой на вряде, передо мною, положивши, просилъ, абы былъ до книгъ справъ кгородскихъ вписанъ; которог для вписованя до книгъ приймаючи, перед собою читати казалъ, и такъ се в себе мають: „Я Янъ Волицъкий з Волицы чиню явно и визнаваю симъ моимъ доброволнымъ записомъ, кому бы то ведати належало, людемъ веку тепе-

решного и напотомъ будучим: ижъ што-м былъ часовъ недавно минувыхъ уступилъ, за презрениемъ Божиимъ, в станъ светый малженский и собе за малжоньку взял панюю Федору Головинского, бывшую Черевчиевую, а ижъ ее Панъ Богъ великою хоробуо наведити рачилъ, частокрот прозбами усилиючи мене в том, абым ей того позволилъ и от себе з малженства моего вечными часы волною учинил, што я, помененый Янъ Волицький, бачечи такъ тую великую хоробу, яко тежъ и частые прозбы ее ку собе, а розумеючи то, ижъ вже я з нею мешканя в стане светомъ малженскомъ мети не буду,—симъ листомъ моимъ, от мене, помененого Яна Волицкого, ей даным, з малженства моего помененую Федору Головиньского теперь и на вси пришлые вечные часы от себе ее волною чиню и вже до жадного суду права духовного и свецкого о малженство позывати а ни якое причины в томъ до нее вечными часы мети не маю и мочи не буду, якоже-мъ и перед судомъ духовнымъ в парафії ее вызволенъе помененои Федоры, бывшее малжонки моее, ставши, очевисто вызналъ и волною ее от себе учинилъ вечными часы. И побравъши всю маетность мою от мала и до велика, ничего не зоставуючи, о нее мовити самъ презъ себе и презъ жадную особу, в нее самое и въ брати и въ повинныхъ впоминатисе не маю о то часы вечными. А если бымъ я, помененый Янъ Волицький, пропомневши сего листу, добровольного запису моего, знову якую трудность паней Федоре Головинской задавалъ п ее потомъ до малженства своего притегал, тогды маю и повиненъ буду, яко певного и позычного долгу, заруки ей самой, албо тому, в кого сесь листъ, запис мой, будетъ, заплатити тисечу копъ грошей литовскихъ и вси шкоды и наклады, што бы собе меновала, албо меновалъ, на голое реченъе платити; о што будетъ волно кождому, в кого сесь листъ мой будетъ, мене до кождого вряду и права позвати, якимъ колвекъ рокомъ похочеть; а я, не отзываючисе волностью правъ, а ни оселостю въ томъ повете, заразомъ стати, там же у того суду усправедливитися маю и повиненъ буду, не збываючи позву, а ни буречи року;

а судъ кождый, до котораго позванъ буду, воленъ и моцъ мети будет на вшелякои мастьности моеи, лежачои и рухомои, и на самой особе моеи отправу учинити, в чомъ я не спротивляючисе, в томъ во всемъ иститисе маю и повиненъ буду, не беручи себе жадных оборонъ правных, в статуте и в констытуцяхъ описанныхъ, а ни апелюючи до суду головного и до его королевское милости, тое все выполнити маю; а предъсе сесь записъ мой во всимъ при зуполной моци за кождымъ разом зостати маеть. Помнечи теж на зычливост и пилное старанье и накладъ мой, приводечи ее ку доброму здоровю, дала мне, а я от нее взялъ, одиннадцать сотъ золотых полских и пятъ золотых полских, то ест чотыриста копъ и сорокъ две копе грошей личбы литовское. А на то есми дал паней Федоре сесь мой листъ, добровольный записъ, с печатю моею и с подписомъ властное руки моее пополску. А при томъ были и того добре сведоми и за устною а очевистою прозбою моею печати свое к сему моему листу, добровольному запису, приложит и руки свое подписати рачили их милости панове: его милость пан Юрей Киръдей Мылский на Домбровицы, панъ Богданъ Омеляновичъ, староста Степаньский, панъ Янъ Тременский, панъ Самоель Повъченский, панъ Войтехъ Криницкий а панъ Тимофей Браньский, енераль воеводства Волынского. Писанъ у Степани, року от нароженъя Исусъ Христа тисеча пятсот деветьдесятъ четвертого, месеца генъвара двадцать шостого дня. У того листу печатей семь, а подпись рукъ в тые слова: Jan Wolicsky z Wolice ręka własna. Богданъ Омеляновичъ, староста Степаньский, рука власна. Jan Trzemiensky ręka swą. Самоель Повченъский власною рукою. Woyciesz Krzynicky ręka swą. Тимофей Браньский, возный енераль, рукою власною.—А такъ я тотъ листъ, записъ пана Яна Волицького, за добровольнымъ сознаниемъ его, до книгъ справъ кгородскихъ Луцких записати казалъ.

II.

Року 1594, месеца феврала второгонадцат дня.

На вряде... (*какъ выше*) постановившиися очевисто, панъ Тимофей Головинъский, именемъ сестры своее, панее Федоры Яцковны Головинской, оповедал и ку записаню до книгъ покладалъ листъ, запис помененои сестры его, подъ печатгю ее и подъ печатми и с подписми рукъ людей зацныхъ, бывшому малжонку ее пану Яну Волицкому данный, вызволяючи его з малженства своего вечными часы, который лист, запись, положивши передо мною, просил панъ Головинъский, абы былъ принять и в книги кгородские Луцкиѣ уписанъ. А такъ я того листу огледавши и его для вписованя до книгъ принявъши, перед собою читати казалъ, и такъ се в себе маеть: „Я Федора Яцковна Головинского чиню явно и визнаваю сим моимъ добровольнымъ записомъ, кому бы то ведати належало, людемъ веку теперешнього и напотомъ будучимъ: ижъ што-мъ была часовъ недавно минулыхъ уступила, за презренемъ Божиимъ, в станъ светый малженъский за пана Яна Волицкого, а ижъ мене Панъ Богъ барзо великою хоробою наведити рачилъ, о што частокротъ просила есми пана малжонка своего в томъ, абы мне того позволилъ и от себе з малженства своего вечными часы волною учинилъ; што панъ малжонокъ мой, бачечи такъ тую барзо великую хоробу мою, яко тежъ уваживши частые прозбы мое ку себе, а розумеючи то, ижъ я вже з нимъ мешканя в стане малженскомъ мети не могу, листомъ своимъ, на то мне даннымъ, з малженства своего теперь и на вси пришлые вечные часы от себе мене волною учинилъ, также и я его милость пана Яна Волицкого от малженства своего вызволяю, позволивши его милости оженитисе, и симъ листомъ моимъ на вси пришлые вечные часы волнымъ чиню и вже до жадного суду и права духовного и сведкого о малженство позывати его а ни якое причины в томъ до

него вечными часы мети не маю и не буду; якоже-м перед судомъ духовнымъ вызволенъе помененому пану Яну Волицькому, ставши, очевисто вызнала-мъ и волнымъ его от себе учинила есми. А еслибым я, пропомневши сего листу, доброволного запису моего, знову якую трудность пану Япу Волицькому задавала и его потомъ до мальженства потегала, тогда маю и повинна буду, яко певного и позычногого долгу, заруки ему самому, албо тому, в кого сесь листъ, доброволный записъ мой, будетъ, заплатити тислячу копь грошей литовскихъ и вси шкоды и наклады, што бы себе меноваль, на голое реченъе платити, о што волно будетъ кождому тому, в кого сесь листъ будет, мене до кождого вряду и права позвати, якимъ колвекъ рокомъ похочеть, а я, не отзываючисе волностью правъ, а ни оселостю в томъ повете, заразомъ стати и тамъ же, у того суду усправедливитися маю и повинъна буду, не збиваючи позву, а ни буречи року; а судъ кождый, до которого буду позвана, воленъ и моць мети будетъ на вшелякой маетности моей, лежащее и рухомое, и на самое особы моее отправу учинити, в чомъ я не спротивляючисе, в томъ во всемъ иститисе маю и повинъна буду, не беручи себе жадных оборонъ правныхъ, в статуте и в констытуцияхъ описаных, а ни апелюючи до суду головного и до его королевское милости, тое все выполнити маю; а предъсе сесь записъ мой во всемъ при зуполное моцы зостати маеть. Помнечи тежъ зычливость и шилное старанъе и накладъ пана Волицького, приводечи мене ку доброму здоровю, дала есми ему одиннадцать сотъ золотыхъ полскихъ и пятъ золотыхъ, то есть чотыриста копь, сорокъ копь и две копе грошей литовское личбы, и всѣ тые речы, которые онъ при бытности и сполном мешканю нашомъ, так и от мене маючи, яко тежъ и без бытности моее отдалъ што кому и даровал и што се справило с коморы, з оборы и з гумна, за тос я а ни повинные мое и близкие того доходити не мають. И на то есми дала пану Япу Волицькому сесь мой доброволный листъ подъ печатью мою; а при томъ были и того добре сведоми и за устною очевистою прозьбою моего печати свое

к сему моему листу приложить и руки свое подписати рачили ихъ милость панове: (*тъ же, что въ предыдущемъ актѣ*). Писанъ у Степаню, року от нароженъя Иусъ Христа тысяча пятсотъ девятьдесят четвертого, месеца генъвара двадцать шестого дня. У того листу печатей семь, а подпись рукъ тыми словы: (*с.тдуютъ подписи тѣхъ же милъ*).—А такъ я, тот листъ пани Федоры Яцковъны Головинъского принявши, до книгъ вгородскихъ Луцкихъ записати казалъ.

Книги вродск. Луцк. 1591—1594 г., № 2101, л. 660 об.

СВХ.

Дворянка Дорота Петровская, разведшись съ мужемъ, уничтожаетъ выданную имъ дарственную запись на денежную сумму и на право опеки дѣтьми, а равно облизывается не требовать отъ него своего приданого. 1594 года, 29 генвара.

Року тысяча пятъсотъ девятьдесят четвертого, месеца генвара двадцат девятого дня.

На рочкахъ судовыхъ вгородскихъ Луцкихъ, дни двадцатого месеца генвара, в року звышънаписаномъ припалыхъ и судовне отправовати зачатыхъ, перед нами Щаснымъ Вгалецкимъ, подстаростимъ, а Матеемъ Стемпъковъскимъ, судьею, врьдъниками судовыми вгородскими Луцкими, постановившиися очевисто у суду, урожоная пани Дорота з Ратошипа, бывшая пани Станиславовая Петровская, с позволенъемъ приятел своихъ, тут же особами у суду будучихъ, паномъ Криштофомъ и паномъ Томашемъ Сестритовъскими, на вси описаные речи призволяючими, доброволене сознала, водлугъ

листу, добровольного запису своего, который от себе, с печатью своею и с печатми и с подписомъ рукъ людей зацъныхъ, бывшему помененному малжоньку своему пану Станиславу Петровъскому на выречене и вечное квитоване з сумы, которую записаную мела от пана Петровского, тысячу золотыхъ полскихъ, и з опеки детокъ и маетности своее дала, яко ширей в ономъ листе описано есть, и оный листъ передъ нами у суду покладала и просила, абы при устномъ сознанью ее и тотъ листъ до книгъ кгродьскихъ Луцкихъ вписанъ былъ; которого мы для вписованья до книгъ приймуючи, перед собою читати казали, и такъ ся в себе маеть: „Я Дорота з Ратошина, бывшая Петровская, всимъ посполите и каждому з особна, кому бы одно того была потреба ведати або чтучи слышати, нинешънимъ и напотомъ будучимъ завжды, ознаймую и явно чиню тымъ листомъ, записом моимъ добровольнымъ: ижъ што мне был дал и записал, з ласки своее, листом, записом своимъ добровольнымъ, под датою в Люблине, року тысяча пятьсотъ деветьдесять третего, месеца июня двадцьцать второго дня, подъ печатью своею и с подписомъ руки своее и под печатью людей добрых и с подписы рукъ их, тысячу золотыхъ полскихъ личбы полское долгу на маетности своее вшелякое, подъ кондыциями, в записе оном описаными, урожонный панъ Станиславъ Петровский съ Сестретова, бывший малжонокъ мой, который тотъ листъ и выпис свой в року близко проминулом деветьсят третемъ на рокохъ земьскихъ Володимерскихъ, у Володимеру, о свите Троицы святой отправованых, месеца июля осмого дня, перед судом земьскимъ ставши, очевисто был созналъ и оного до книгъ земьскихъ судовыхъ Володимерскихъ слово в слово, яко ся в себе маеть, вписати казаль; тогда я Дорота з Ратошина, за ведомостью, волею и радою и зезволеньемъ брата, кровныхъ и повинныхъ своихъ ниже помененых, он запис со всими его кондыциями во въсемъ касую, умораю и внивечь оборочаю и з него пана Станислава Петровъского квитую и на вечные часы его самого и потомъки волными чиню, вкладаючи тымъ нинешним листомъ, записомъ моимъ, сама

на себе и на потомъки свое вечное молчане: южь отъ того часу дня и даты, нижей в томъ листе помененого, яко я сама, такъ и никто з близкихъ, повиноватыхъ, кровныхъ и потомъков моихъ, в помененого пана Станислава Петровского и в потомъков его яко помененое тысячи золотыхъ мне записаныхъ, такъ опеки ниякое, яко болшь тежь золота, серебра, пенезей, цыны, меди, коней, шать, перел и иныхъ речей рухомыхъ, явимъ колвекъ назвискомъ названыхъ, в домъ его черезъ мене внесеныхъ, яко тежь болшь и на кимъ презенъ вытягненихъ и в дому его при немъ зосталыхъ, на веки вечные николи ся ничего вспоинати и оного и потомъков его о то до жадного права, суду, вяду, з жадное вымыслное меры потегати и до права николи позывати и трудности ниякое задавати не маю и не буду могла с потомъками своими, подъ нагороженемъ шкодъ вшелякихъ на его и потомъковъ его, на голое реченье слова, кромъ вшелякого доводу правного и присяги телесное. И на то-мъ я Дорота з Ратошина дала тотъ листъ мой добровольный подъ моею печатью и подъ печатьми пановъ брата и приятелъ моихъ, пана Криштофа и Томаша Сестретовскихъ и пана Андрея Домората, пану Станиславови Петровскому, которые за устною прозбою моею и за ихъ милости волею и позволениемъ печати свое до того квити, листу моего, приложили и руками ся своими, которые умели писати, подыписали. Данъ и писанъ в Луцку, по нарощенью Сына Божого тысяча пятсотъ девятьдесятъ четвертого, месеца генвара двадцатъ девятого дня.—У того листу печатей пятъ и подписъ рукъ в тые слова: *Za żądaniem pani Pietrowskiey, ręką się swą podpisałem Krzysztof Siostrzetowski. Tomasz Siostrzetowski.*—Который же то листъ, за жеданьемъ панее Дороты з Ратошина, бывшее пани Станиславовое Петровское, есть принятъ и слово отъ слова до книгъ справъ лудскихъ Луцкихъ уписанъ.

Книга лудск. Луцкия 1594 г., № 2101., л. 648.

СХVI.

Неурядица въ семьѣ князя Воронежскаго.

1. Жалоба княгини Марины Воронежской о томъ, что мужъ ея князь Станиславъ безъ ея вѣдома перевелъ на имя брата имѣнія Щуринъ и Ясеновку, которыя раньше записалъ ей въ обезпеченіе долга и въ пожизненное пользованіе. 1594 года, 2 октября.

Року тисеча пятсот деветдесят четвертого, месеца октебра второго дня.

На вряде кгородскомъ, в замку госнодарском Луцком, передо мною Александромъ Семашкомъ на Хупькове, кашталяномъ Бра-славскимъ, старостою Луцкимъ, ставши очевисто, ее милость пани Марина Ивановна Гулевичовна Смолиговского кнегиня Станисла-вовая зе Збаража Воронежская оповедала и протестовала на его милость князя Станислава зе Збаража Воронежскаго, малъжонка своего: ижъ дей тот то помененый малжонокъ муй княз Станиславъ Воронежскій, понявши мене собе в малженство и мешкаючи зо мною час немалый статочне и пристойне, взявши у мене сумы пѣнеж-ныи, на записы свое позычоные, ку тому и всю маетность мою рухомую от мала до велика во владѣност свою, на имѣнъяхъ своих и на всѣхъ добрахъ своих вароваль; а потом, видечи по мнѣ вшелякую склонность и зычливост пристойную до себе, дал и да-ровалъ и до книгъ вызнал на добрахъ своих Щуринскихъ мне дей доживотное и волное мешкане и уживане тыхъ всѣхъ добръ сво-ихъ, о чомъ всемъ ширей в оныхъ записехъ, од его млости данныхъ мне, есть доложено. То пакъ дей, взявши раду отъ приятелей сво-ихъ и хотечи мене зо всѣхъ сумъ моихъ позычонныхъ рукоданныхъ одѣбити, а мою властность и зобране першого малжонка моего пана Себестяна Богусевича Приборовскаго детемъ своимъ обер-нути, а мне тое сумы абы не отдати и не заплатити, имѣнья свои одъ тыхъ записовъ высвободити и з доживоти моего выняти,

ку шкоде такому праву моему, чинячи снат розные протестацые, и кому иному, такъ некоторым особам, яко мя ведомость доходит, записы ниякие и мемраны подавалъ и дае. Прото я, постерегаючи в том права моего, на тые добра маючого, абы до якое вонтпливости напотом не пришло, с таковым моим правом и держаньем тых добръ на вряде тутошнемъ протестую и оповедаю, же оногo стеречи и тых добръ держати яко ест, такъ и буду.—Которое то оповедане кнегини Воронежское есть до книгъ кгородскихъ записано.

Книга кродск. Луцк. 1594 г., № 2077, л. 1255 об.

Примч. Раньше, 4 июля 1594 г., княгиня Марина жаловалась на брата своего мужа, князя Матуша Воронежскаго, о наѣздѣ на им. Щуринъ, причемъ опъ мужа ея кн. Станислава, „в лѣтехъ подошлого, ктому здоровья неспособного, отъ нея зъ двора квалтомъ взялъ“, имѣніе ограбилъ, даже „звонъ от церкви зъ звоницы взялъ“. Книга № 2077, л. 850. *Ред.*

2. Князь Станиславъ Воронежскій жалуется, что незаконно титулюющая себя его женой Марина Гулевичевна, вмѣстѣ съ зятемъ своимъ, а его сыномъ, кн. Станиславомъ, забравъ имущество жалобщика, оставила его безъ всего необходимаго и уѣхала въ свое имѣніе, вслѣдствие чего онъ вынужденъ былъ искать приюта у своего брата кн. Матуша и отдаться ему въ опеку. 1594 года, іюля 13.

Року тисеча пятьсотъ девятьдесятъ четвертого, месеца іюля третегонадцат дня.

Пришодши на врьдъ кгородскій, в замокъ господарскій Луцкій, до мене Александра Семашка на Хупькове, кашталяна Браславскаго, старосты Луцкаго, урожонный князь Станиславъ Збав-

разский на Щурине, самъ обтежливе и жалосне оповедалъсе: иж дей дошла мя вѣломость, же пани Марина Гулевичовна, которая се мени быти жоною моею, а не есть, бо-мъ шлюбу з нею не брал, оповедала на вряде тутошнем кгородском Луцкомъ, якобы братъ мой рожонный его милость княз Матушъ Збаразский, столникъ земли Киевское, мѣль, наехавши на двор мой Щуринский, на имѣнье Щуринъ и Ясеновку, мене самого квалтовне з двора взяти, маетность ее и дочьки ее побрати, такъ тежъ поддавым розные грабежи починити. Тогда дей с тым се перед вашмостю протестую, иж то на пана брата моего есть явная потвар змышленная, бо брат мой княз Матушъ николи на двор мой Щурин, на имене Щуринское и Ясеновку не наеждал и мене квалтом не брал, так теж маетности ее а ни дочки ее тамъ не бралъ, бо там они жадное маетности не мѣли, так тежъ и до Щурина жадное потребности а ни права не мають, а ни подданымъ жадных грабежов не чинил; але она сама, менечи се быти жоною моею, з сыномъ моим молодшимъ а з зятемъ своим Станиславом впередъ еще добре перед сим часомъ мене зрадила, маетность мою, золото, серебро, шаты, клейноты, листы, записы, привилея, мамрамы от мене одно потаемне, а другое квалтомъ побрали и пограбили от мала до веля, мене ни причомъ zostавили, рѣчи церковные всѣ такъ же съ церкви побрали и пограбили, а мене самого в дворѣ затворивши, не давши мнѣ ничего ни ѣсти, ни пити, а ни чимъ ся приодѣти, въ дворѣ покинули, ажемъ заледво, упросивши человека, на подводцы до князя Матуша, брата моего, приехалъ, и ажъ з особливое доброты своее ее милость кнегиня братовая моя кнегиня Матушова одѣнем и иншими вшелякими потребами опатрыти мя рачила. И от того часу, милостивый пане старосто, Пану Богу всемогущому а его милости князю Матушу, брату моему, самъ себе и маетность мою лежачую, то ест именье Щурин и часть в Ясеновце в опеку даю и подъ ласкавую оборону и опатрене поддаю, даючи ку тому право на имене Щурин, от мене князю Матушу на суму пенезей даное, нинешним сознаниемъ мо-

имъ при тои опеце ствержаю и змоцнюю и с тым се перед ваш-
мостью протестую. А што дей тая мниманая жона моя тут до вряду
на князя брата моего вносит протестацьи, то суть рѣчи пленные,
змышленные, и тым вѣры ваша милость давати не рач, бо я жадное
кривѣды от князя брата моего не маю, але от нее самое, тое
мниманое жоны моее, и от зятя ее князя Станислава, яко о том
по-достатку на протестацьях, реляцьях, записахъ, позвехъ и на
всемъ поступьку правномъ, противко оной учиненомъ, есть описано
и доложено.—И просил его милость князь Станиславъ, абы то
все для памяти до книгъ было записано; што-мъ я записати розказалъ.

Книга гродск. Луцкая 1594 г., № 2077, л. 908.

3. Тотъ же князь Воронежскій жалуется на «жену свою нешлюб-
ную» Марину о томъ, что она вмѣстѣ съ дочерью своею, а его не-
вѣсткою, хотѣла силою увезти его въ свое имѣнiе. 1594 года, iюля 24.

Року тисеча пятьсотъ девятьдесятъ четвертого, месеца июли
двадцат четвертого дня.

Писал и присылал на врьд кгородский, в замокъ господарский
Луцкый, до мене Александра Семашка на Хупъкове, кашталина
Браславского, старосты Луцкого, его милост княз Станиславъ зс
Збаража Воронежскый, жалуючи и оповедаючи на Собковую Богу-
шевичовую Марину Ивановну Гулевичовну, жону свою нешлюбную,
тымъ словы: Иж дей яко дни двадцат третего июля и, яко будучи
чоловек волный и никому ничего не виненъ, во йменю своем Счу-
рипе, праве о полудню, яко чоловекъ волный а хорый, уклалсе
спат, тая незбожная бѣлая-голова, наехавши квалтовне на двор

мой и на вес Счурин, маючи при себе лотровства килкадесят з оружемъ, войне належачим, такъ теж и хлоповъ с косами, которые припадши в двор, стали мене шарпать, и сама власными руками своими з дочкою своею, невѣсткою моею Станиславою, шарпаючи и душечи и на инших волаючи, абы мене вволокли до воза. Тые наймиты мои Ярмошъ, Хома и третий Гриць, обачивши квалт мой и чуючи голос мой, стали мене ратоват и квалту волать; теде они почали ихъ бит, сечь. Теде тыхъ хлопов килка, которые позостали, слышачи то, до двора побѣгли. Она, услышавши, та жона моя нешлюбная из с тыми лотрами своими, теде почали утекат, сподаваючисе, иж суседи мои, почувши то, мели мя ратувать, и ноутекали. Способу не мѣль до пойманья ее, бо тые наймиты мои поранены юж были од них шкодливе".—А такъ я тое оповедане князя Станислава зе Збаража Вороницкого до книг вгородских Луцких записати еси казал.

Книга вродская Луцкая 1594 г., № 2077, л. 934 об.

4. Жалоба того же князя Воронежскаго на сына своего князя Станислава, что онъ, дѣйствуя по наущенію своей тещи и вмѣстѣ мачихи Марины Гулевичевны, «незбожной» жены жалобника, наносилъ ему побои и выгналъ изъ имѣнія. 1600 года, ноября 7.

Року тисеча шестъсотъного, месеца ноября семого дня.

На рочках вгородских Луцких, месеца ноября второго дня в року теперешнем тисеча шестъсотном припалых и судовъне отправованыхъ, передо мною Миколаем Семашком на Хупкове, старостою и ключником Луцким, постановивъшися, урожоный его

милость князь Станиславъ зе Збаража Воронежский обтежливе ускаржался и оповедал на сына своего Станислава Станиславовича Воронежького и на жону свою Марину Гулевичовъну, тесчу того-то сына своего Станислава, который то „сын мой Станиславъ, пропомневъши боязньи Божое, ушанованья мне, родича своего, в летех зошлого и уломного, и срогости права посполитого, на таковых сынов злых постановеного, яко не пооднокротъ, часовъ розных, змовившихся изъ жоною моею, абы мя из сего свѣта згладили, всю маетность мою заграбивъши и посягнувши, мимо иншие сыны мое, молодшую братю его, хотечи их зо всего вытиснути, мне, человеку старому, кривды незносные чинил, бѣючи, мордуючи мене, родича своего, з Мариною Гулевичовною, жоною моею а тешчою своею, и на руку мене схромил, выгнавъши мене з маетности моее Щурина, жем се по чужих кутах впенды волочити мусел, голод, зимно и недостаток терпилъ и праве у людей хлеба жебрал, и вгдым которого колвек часу до маетности моее Щурина пришол, онъ, небачный сын мой Станиславъ, которого вже я за сына доброго и цнотливого не поличам, мене до маетности моеи пустит не хотел, але овшемъ за бороду торгалъ, кийми бил и зъ двору моего псы шчвалъ, всю маетность мою от мала до велика з жоною моею Мариною, тешчою своею, побравши. Которого то тиранства и нендзы своее уже болшь знести есми на собѣ не могъ, промышляемъ о то, абы до маетности своее пришол и болшь нендзы тое вже не терпелъ, маючи Пана Избавителя своего на помочъ, ижъ ми поможетъ на незбожную жону и сына, року тисеча шестсотного, месеца октебра двадцет девятого дня приехали сам до своее власное маетности, до имени своего Щурина; там же сын мой Станислав, обачивъши мене, ижем до двора приехал, там же, снаг подпивши себе горѣлки, скочивъши до мене, замест витани почал ме з дому в шию выпихат. Я-мъ теж, крикнувъши на челяд свою, которую на тот час при себе мел, порвавши есми того-то лотра, незбожного человека, сына своего, а ижъ ми Богъ помогъ, яко старому, на него, кием есми его приложивъши, з двора выгнал

зъ жоною и детми его; который то, слышу, знову збираетъсе изъ жоною моею, хотечи мене в дому моем наехати и мене замордуют, от которых есми частокрот ледве здоровем утекал. Если бы се што стало мне, то ни от кого, одно от жоны моее и от сына моего Станислава. И прошу, абы тое оповедане мое до книг было записано.—А так я, тое оповедане принявши, до книг вгородских Луцких записати казал.

Книги вродск. Луцкая 1600 г. № 2111, л. 119.

Примѣч. Считаемъ излишнимъ помѣщать другіе документы изъ этого очень сложнаго и запутаннаго дѣла, длившагося много лѣтъ и окончившагося ничѣмъ. Для нашей цѣли важно лишь установить два факта, достаточно уясняемые приведенными документами: 1) Князь Станиславъ Воронежскій много лѣтъ прожилъ въ бракѣ съ Мариной Гулевичевой, вдовой дв. Собка (т. е. Севастьяна) Богушевича, выдалъ ей нѣсколько записей на свои имѣнія, самъ получилъ отъ нея дарств. запись на 500 копѣ гр. лит. (кн. № 2077, л. 950)—и во всѣхъ этихъ актахъ Марина титулуется его „малжонкою“, „книгинсю Станиславою Воронежкою“. И только, разоидясь съ нею, вслѣдствіе ссоры, онъ одно время не хочетъ признавать ее своею женою, такъ какъ она „шлюбу (т. е. церковнаго брака) зъ нимъ не брала“, или называетъ ее „нешлюбною жоною“; но въ дальнѣйшихъ жалобахъ онъ снова титулуетъ ее „жоною“, хотя и „незбною“, т. е. не имѣющею Бога въ сердцѣ. 2) Въ то же время родной сынъ кн. Станислава Воронежскаго отъ первой жены, гоже Станиславъ былъ женатъ на дочери своей мачихи (отъ перваго ея мужа) Галикѣ Собковиѣ Богушевичовнѣ, т. е. на своей сводной сестрѣ. Хотя въ то время браки не рѣдко заключались въ довольно близкихъ степеняхъ родства жениха и невѣсты, но другого, подобнаго настоящему, примѣра кровосмѣшенія намъ пока не приводилось встрѣтить въ актовыхъ книгахъ. *Ред.*

СХVII.

Не состоявшийся разводъ дв. Згличинскихъ.

1. Запись дв. Павла Згличинскаго о томъ, что, исполняя декретъ Луцкаго бискупа, отказавшагося развести его съ женою Ганною Монтолтовною, онъ испросилъ у жены прощеніе за жестокое обращеніе съ нею и, за поручительствомъ трехъ шляхтичей, далъ обязательство вести мирную супружескую жизнь. 1595 года, генваря 16.

Року тисеча пятсот деведесят пятого, месеца генваря шестнадцатого дня.

На вряде кгородскомъ, в замъку господарскомъ Луцкомъ, передо мною Щаснымъ Кгалезскимъ, подстаростимъ Луцкимъ, постановившимся очевисто, урожонный пан Павелъ Згличинський устне а доброволне, водлугъ листу, запису своего, который от себе под печатью и с подписомъ руки своею, также под печатями и с подписомъ рукъ людей заднихъ, малжонце своею панею Ганне Монтолтовне Павловою Згличинскою далъ, сознание свое учинивши, же с помеченою малжонкою своею в малжонстве мешкати и водле декрету его милости ксендза бискупа Луцкаго противко нее во всемъ захватити мает, яко ширей меновите и по достатку о томъ всемъ описано и доложено ест; якож и тот листъ передо мною на вряде положивши, просилъ, абы былъ до книгъ кгородскихъ Луцкихъ вписанъ; которого я, для вписованья до книгъ примуючи, перед собою читати казалъ, и такъ ся в себе маетъ: „Я Павелъ Згличинський явно чиню и признаваю симъ моимъ листомъ, добровольнымъ записомъ, ижъ што первой сего о некоторыхъ речехъ я з малжонкою моею панею Ганною Монтолтовною Павловою Згличинскою мели есмо росправу в суде духовномъ, передъ ксендзомъ офиціаломъ костела столечнаго Луцкаго светое Тройцы, а то за жалобою впередъ реченою малжонки моею на мене о везенъе и о неслупное каране и охромене ея на члонку от мене, за чимъ есмо з обоюхъ сторонъ розводу ся домовляли, котрыи

справа за тым через декрет ксендза официялов скончона на он час не была и до его милости в Бозе велебного ксендза Берната Мациевского, бискупа Луцкого и Берестейского, отложена и завешона была. А кгда в року нинешнем, тисеча пятсот деведьдесят пятом, месеца генвара третегонадцат дня, перед его милост ксендза бискупа Луцкого тая справа приточила, теды есмо з обоух сторон перед его милостю тыежъ контроверсии учинивши, до розводу есмо ся мели; толко ж через декрет его милости кзенза бискупов с певных, в декрете менованых причин волни-сми з обу сторон розводом от себе быт не могли, але водде декрету его милости ксендза бискупа Луцкого повинен-ем был препросит малжонку мою, а препросивши, обручити трема шляхтичами, собе равными, же юж от того часу мам в малженстве з малжонкою моею мешкат, яко декрет его милости ксендза бискупа Луцкого ширей в себе обмовяет. А прето ж я, помененый Павел Згличинский, чинечи досыт декретови его милости ксендза бискупа Луцкого, оную малжонку мою препросивши, трех шляхтичов способивши, то ест пана Юря Кошиковского, буркграбего Луцкого, пана Андрея Вилигорского и пана Станислава Янковского в поруце за себе дал, которые за мене рукойму врядовую учинили, и я тым листом, записом моим, обликую, же с помененою малжонкою моею в малжонстве маю мешкати и во всем водде декрету его милости ксендза бискупа Луцкого заховати маю. И на том дал тот мой добровольный лист помененои малжонце моеи, под печатью и с подписом властное руки моее; а при том были и того добре ведоми и за устною а очевистою прозбою моею печати свое приложити и руки свое подписати рачили их милост панове: пан Иван Красенский, мостовничий Луцкий, пан Андрей Гулевич а пан Василей Ощовский. Писан у Луцку, року тисеча пятсот деведьдесят пятого, месеца генвара шостогонадцат дня".—У того листу печатей чотыри и подпис руки в тые слова: Paweł Zgliczinsky ręka swą. Иван Красенский, мост. Луцкий, подписалъ. А. Hulewicz ręka swą własną. Василей Ощовский, рукою власною.—Который же то вышей ре-

чоный лист слово от слова, с початку ажъ до конца, до книг
гродских Луцких уписати еси казаль.

Книга гродск. Луцкая 1595 г., № 2102, л. 30.

2. Примирившись съ мужемъ, Ганна Монтовтовна освобождаетъ его отъ судебной отвѣтственности за четырнадцатилѣтнее содержаніе ея въ тяжкомъ заключеніи, искалѣченіи и отнятіи имущества. 1595 года, генваря 15.

Року тисеча пятсотъ деведесятъ пятого, месеца генваря пещадъцатого дня.

На вряде гродском, в замку его кор. милости Луцком, передо мною Александром Семашком на Хупкове, кашталяном Браславским, старостою Луцким, постановившись очевисто, врожоная пани Ганна Яновна Монтовтовна пани Павловая Згличинская устне и доброволне ку записаню до книг гродских Луцких сознала, водле листу, доброволное квитанцыи своее, которую от себе, под печатю и с подписом руки своее и теж под печатми и с подписом рук людей добрыхъ, пану Павлу Згличинскому дала, и тот лист свой передо мною на вряде покладала и просила, абы был принят и до книг гродскихъ Луцких уписан; а так я, того листу огледавши и его для вписаня до книг приймаючи, перед собою читати казал, и так ся в себе маеть: „Я Ганна Яновна Монтовтовна, малжонка пана Павла Згличинского, вызнаваю тым доброволным листом моим, иж штом я черезъ повинного приятеля своего пана Яна Кгалчинского, такъ теж и сама через себе до вряду

земского Луцкого внесла протестацые на малжонка своего пана Павла Згличиньского о побране маетности моее, которая ми ся немалая zostалася была по небожчику пану Казимиру Ледницким, малжонку моем першим, о побранье сумы пенезей за маетност мою, от его милости пана Александра Семашка на Хупкове, кашталяна Браславского, старосты Луцкого, и малжонки его милости панее Барбары зе Збаража Порыцкое взятую, о тяжкое взезене, почавши от року тисеча пятсот осмьдесятого, ажъ до року тисеча пятсот деведесят четвертого, и уломъност на здоровью, имъ охромене мое на чълонку, яко протестацые тые ширей в себе обмовляют. Теды я, взявши певную угоду о тые вси речи з малжонкомъ моим, з оных всех протестацый и объжалованья, так от кривных и приятелей моих, яко и от мене самое учиненых, тым листом, добровольным записом моимъ, сама от себе, от братьей, повинных, близких моих пана Павла Згличиньского, малжонка моего, квитиую и волным чиню часы вечными, а себе, потомком, близким, кривнымъ а щадкомъ моим вечное милчене zostавую; который лист, запис мой, на вrade кгородском Луцкомъ зознати маю, а его милости пану Павлу Згличиньскому, малжонку моему, вольно будеть самому тот лист мой, с книг кгородских Луцких вынявши, до книг земских Луцких перенести. И на томъ дала пану Павлу Згличиньскому сес мой лист под моею печатю и с подписом власное руки моее. А при том были и того добре сведоми и за устною и очевистою прозбою моею печати свое приложити и руки подписати рачили их милости панове и приятель мой: его милость пан Иван Красенский, мостовничий Луцкий, пан Щасный Кгалезский, подстаростий Луцкий, а его милост пан Андрей Гулевич. Писан у Луцку, року от нароженя Сына Божого тисеча пятсот деведесят пятого, месеца генваря пятогонадцат дпя". У того листу печатей чотыри и подпис руки в тые слова: Hanna Montołtowna Pawłowa Zgliczinska własną ręką. Иван Красенский, мост. Луцкий, влостною рукою. Szczasny Galezskij, р. Ł., ręką własną. A. Hulewicz.—Который же то вышейменованый листъ, передо мною покладаный, за

прозбою панее Згличинское, слово от слова, с початку аж до конца до книг кгородских Луцких записати еси казаль.

Книга городск. Луцкая 1595 г., № 2102, л. 29.

СХVIII.

Декретъ Луцкаго магистратскаго суда по дѣлу о прелюбодѣянїи. 1596 года, ноября 20.

Року тысяча пятсотъ деветьдесят шостого, месеца ноябра двадцатого дня.

Передо мною Юремъ Кошиковскимъ, буркграбимъ и наместникомъ подстароста Луцкого, постановившиися очевисто, Матысь Славокгурский, енераль воеводства Волынского, ку записанью до книгъ кгородскихъ созналь: ижъ року теперь идучого деветьдесят шостого, месеца июля двадцать третего дня, былемъ на вряде местскомъ, въ ратушу, на мествцу судовомъ, при врядникахъ въ месте его королевское милости Луцкомъ, славетныхъ панохъ: Богушу Ваньковичу, лантьвойту, Матфею Трушевичу, бурмистру, Михайлу Филиповичу, радце, и лавникахъ присяглыхъ: Семену, Михайлу Федоровичахъ а Савѣ Томиловичу, а на месту Кирила Демьяновича Павлу Брожковичу, тамъ же судъ потребный ведле права ихъ майдеборского былъ гаенъ, передъ которымъ судомъ загаенымъ балверчикъ, который ся называлъ быти именемъ Станиславъ, родомъ зъ места Велички, отъ Кракова, сынъ Яна Хрустеля, подданный короля его милости, и Гапна, жона столяра тутошнего Войтеха, мещанина Луцкого, были постановлены. Там же

очевисто будучи, опатрѣный Войтехъ столяръ черезъ умоцованого, приятеля своего, шляхетного Криштофа Щуку, на того балверчика и жону свою жаловаль тыми словами: ижъ сее ночи, о године третей, уприсивши слугъ и сторожу у пана бурмистра, абы шоль въ домъ свой, чуючи и бачечи не пооднокротъ жону свою стороны стану малженьского въ чужолозстве подозреную, и кгдымъ тихо въ домъ свой зъ огнемъ пришоль, засталемиъ дей Станислава балверчика въ светлицы своей подъ лавою и жону свою надъ нимъ стоячую, закриваючи его, и зъ сторожами трома, на ймя Гаврило, Иванъ и Миско, черевики и капъци того балверъчика найшли подъ лужкомъ, а въ ложьку поясъ и шапку тогожъ балверчика; што и слуги врьдовые Иванко и Федко подъ присягою сознали, же такъ было, а не иначе. А перъвей тотъ же балверчикъ за здоровье жоны моее палець середний у руки левое самъ себе утялъ, а потомъ не давно изъ мосту у Стырѣ также за здоровье ее былъ ускочилъ. Якожъ не пооднокротъ такъ жону свою черезъ духовенство и приятели, повинные и суседы мое, яко и того балверъчика есми напоминалъ, абы въ дому моемъ не бываль, а она его не приймовала; але они не хотели въ томъ зломъ учиньку чужолозскомъ загамоватися. И надъ то показаль сознание двохъ шляхтичовъ на писме: одного Ивана Жуковецкого, возного, а другого Лавринца Кглазовского, ижъ въ дому славетного Яна Шмонеvского мель справу съ тою жоною своею Ганною о Войтехе шевчика, стороны чужолозства, о чомъ достаточне на томъ сознанию есть доложено. На которую жалобу Станиславъ балверчикъ, очевисто будучи, поведилъ: ижемъ „пилъ пиво въ дому Войтехе столяра, за которое-мъ восталь виненъ грошей пять, и тамъ есми обночоваль и жадного учинку съ тою жоною Войтеховою сее ночи не пополнилъ, толко передъ тымъ сполокъ чужолозства зъ нею есми мель, палець утялъ и зъ мосту для нее въ реку скакаль есми“. А Ганна, жона столярова, до жадного учиньку такового чужоложного се не знала, за которымъ ее непризнаемъ сторона жалобливая Войтехъ въ томъ учинку поприсягнути ее

хотель, которому врядь присягу учинити былъ наказаль; которую Ганну врядь разъ, два, три и четвертый надъ право пыталъ: если же бы того учиньку чужоложного была дейцею, албо нѣ? Ганна, не припускаючи Войтеха, мужа своего, до поприсягненья, поведила и сознала учинокъ свой чужоложный, ижъ съ тымъ балверчикомъ Станиславомъ мела. Врядь, выслухавши жалобы и отпору обеехъ сторонъ, а бачечи то, ижъ о учинокъ чужоложный идетъ, прихилиючися до права посполитого Майдеборьского, листу пядесять второму, въ Саксоне описаному, где стоитъ написано, ижъ „на чужоложъстве пойманый маеть быти стять, а то тые суть, которые ся зъ мужатками лучать, албо сами, жоны маючи, з ынъшими ся кладуть, и што такъ мужъчизна, яко и белая голова, однаково мають быти караны“. За которымъ доброволнымъ признаньемъ Станислава балверчика и Ганны Войтеховое, столяръки, жоны мужа тое, сказали, абы обое мечемъ были караны и за таковой учинокъ заплату взяли. Якожъ кгды на пляцъ передъ ратушъ обое сполне, Станиславъ балверчикъ и Ганна столярка, отъ мистра на екъзекуцью были выведены, там же оная Ганна столярка за тотъ выступокъ заплату взяла и презъ мечъ естъ скарана, а Станиславъ балверчикъ, не ведати, если за якимъ уфолгванемъ мистровымъ, чили такъ за припадкомъ якимъ не стять, толко у шии ображонъ, съ пляцу живо увошоль.—Которое то сознание менованого возного до книгъ кгродскихъ Луцкихъ естъ записано.

Книга гродская Луцкая 1596 г., № 2104, листъ 868.

СХІХ.

Жалоба вдовы Волинскаго подвоеводы Софьи Букоемской о похищеніи ея шляхтичемъ Войтехомъ Доманковскимъ и принужденіи, помощію угрозъ и насилія, ко вступленію въ бракъ съ нимъ. 1598 года, февраля 9.

Року тисеча пятсот девдсѣят осмого, месеца фѣвраля девятого дня.

Пришедши очевисто на уряд кгородский Луцкий, до замку господарского, до мене Щасного Кгалезского, подстаростего Луцкого, вже по смерти годное памяти пана Александра Семашка на Хупкове, кашталяна Браславского, старосты Луцкого, ее милость пани Зофея з Свидна, позосталая малжонка некгды уроженого пана Адама Букоемского, подвоеводего Волинского, з великим жалем, плачливе светчилася и оповедала (а то прихилиючися до перших протестацый, тутъ, на тутошнем уряде кгородскомъ Луцкомъ через слугу своего, шляхетного Петра Доманского учинных) в тые слова: „Мой ласкавый пане подстаростий! Плачливе светчуся и ускаржаю на ниякого Войтеха Доманковского, яко принципала учинку нижей описаного, а паны Яна Шлятковского и Матея Лешневского, помочниковъ,—которые, пропомневши болзни Божое, милости ближнего, не паметаючи ничого па срокгость права посполитого, па убойцы и квалтовники уфаленного, з много иных помочниковъ своих, которых они имена и назвиска лепей ведаютъ, з арматою, войне приналежакою, обычаемъ розбойничимъ, о колкодесят човека, на то умыслне приспособивши, засадившия непристойне, умыслне, здрадецке, з немалым оршаком людей, в лѣсп, недалеко Щуровичъ, коли есмо схала зс Львовское земли, то сст в ден пятничный, дня тридцатого генвара, с приятелкою своею, панею Яновою Быстриковскою, в року тсперешнемъ, до маѣтности своее Букоймы, мене квалтом, зле, непристойне от панее Быстри-

ковское в саней порвавъшы, яко человека покоем посполитымъ
убезпеченого и ничего ся злого ни од кого не сподиваючы, кото-
рая-м толко в служкою однимъ ехала, над пристойность плацъ
на мѣ оборвавши, квалтом, зле, непристойне, обычаемъ розбой-
ничимъ на сани вкинули, и кдѣм квалтъу волатъ почала, первой
битемъ, а потомъ затыканемъ губы, хотячи мене забить, заборони-
ли; потом до маетности пана Яна Шлятъковского, села Радзи-
хова, привезши, напрод у нецнотливом, зломъ предсявзятю своемъ,
квалтовне нецнотливый умыслъ свой выполнилъ, а потом дня
суботного, тридцать першого гснваря, в том же року, квалтом се,
обычаем тиранским, хотячи мене зараз забити, нос и уши обрѣ-
зати, до шлюбу примусилъ и тамъ зо мною ажъ до дня першого
февраля зле, непристойне обходячися, мешкалъ, о чом протестацые
за свѣжа учиненные ширей в себе мають. А потом, приехавши со
мною до маетности моее Букоймы, второго дня лютого, в ден свя-
тых Громниц, в везеню мя держал, не допускаючи жадному чоло-
вѣкови со мною мовити и до мене приступовати. Потом дня чет-
вертого лютого, кдѣ южъ повинным моим дано знати, обавяючися,
жебы, того постерегши, мене не забил, в ночѣ, кдѣ сторожа
уснула, до подданого своего ушла есми, который мя ночью ажъ до
Ольки завезлъ; а постерегши уехани моего, маетность мою всю
рухомую, то есть срѣбро, злото, камене, также и всѣ шаты мои
и небожчика пана Адама Букоемского, малжонка моего, скрынки
и комнаты поотбивавши, также кони ездные и возники побралъ,
и увесь дворъ мой в Букойми и подданных Букоемских обычаемъ
поганскимъ злупил и сплюндровал, же згола ничего не zostало,
толко яком в чом ходила и уехала. Ижъ теды сама очевисте за-
свѣжа для небезпечности од того злого чоловѣка до учиненя освет-
ченя пе прибыла, теды теперь с повинными своими прибывши,
очевисте протестацыи, через слугу своего Петра Доманского учиненные,
апробую и опые во вшелякои влады и моцы мѣти хочу;
якобы через мене самую были учиненные, теперешним очевистым
сознаьемъ светченя своего во всим ствержаючи".—Которое жъ

го оповедане панее Букоемское я до книг кгородских Луцких записати казалъ.

Книга городская Луцкая 1598 г., № 2106, л. 46.

Примъч. Другихъ документовъ, относящихся къ этому дѣлу, не найдено въ актовыхъ книгахъ. *Ред.*

СХХ.

Обвиненіе землянки Пузовской въ убійствѣ мужа.

1. Жалоба землянъ Пузовскихъ на свою невѣстку Настасью Пузовскую и ея родственниковъ объ убійствѣ ея мужа, брата жалобщиковъ, Карпа Пузовскаго. 1601 года, февраля 9.

Року тисеча пятсот первого, месеца февраля девятого дня.

Пришедши на врьд кгородский, в замокъ его кор. милости Володимерский, до мене Григоря Обуха Воцатинского, будущого на тот час на местцу подстароства Володимерского, урожонный пан Федор Семенович Пузовский оповедал и жаловал именовемъ урожонных панов Павла и Михайла Тимошевичов Пузовских, брата своее, и сам от себе на братовую свою пани Карповую Пузовскую Настасю Михайловну Шабановну и на брата ея рожного Василя Михайловича Шабановича, яко на принципалов, а на Михайла Шабана и на жону его Василису Лудовичовну и на сына их Ивана Шабановича, яко на помощников учинку нижей менованого, в тые слова: иж в року тепер идучом тисеча шестсот первом, месеца февраля осмого дня, с четверга на пятницу, в ноци, тые то впрод речонные Настасья Шабановна Карповая Пузовская и брат ея Ва-

силей Шабанович, принципалове, за радою, волею и ведомостю впрод речонх особъ, помочников своих, взявши перед себе злый а окрутный умысль свой, препомневши боязни Божое, срокгости права посполитого а милосердъя и литости хрестиянское, маючи способность свою, на тот час зготованую, кгда брат нашъ пан Карпъ Пузовский того дня, в четверг, будучи тут у Володимери по потребах своих, исправивши потребы, от сел з Володимера, яко чоловикъ спокойный, безпечный и никому ничего невинный, до дому своего во имену Пузове, неведаючи о жадное зраде, приехал, оного брата нашого пана Карпа Пузовского, чоловика спокойного и, яко в дому своем, безпечного, кром впелякого милосердъя и литости хрестиянское, в том дому его в Пузове зрадецке и окрутне на смерть забили, замордовали и тѣло его небожчиковское, вложивши на сани, оттол з дому его и з села Пузова вывезши, под Ворчином, маетностью папою, на дорозе покинули. И скоро тот злый и тиранский учинокъ пополнивши и скончивши, оден з них принципаль, Василей Шабанович, проч утекъль, а маетность небожчиковскую всю, от мала и до велика, побравши и злупивши, в дом отца своего Михайла Шабана до Володимера отпровадил. Которое тѣло небожчиковское аж назавтрее, взявши вѣдомост о том злом и окрутном учинку их, яко брата небожчиковские, с тамътого местца, где было покинено, взявши, до дому его до Пузова припровадили. И просил первопомененный пан Федор Пузовский о придане возного на огледане того окрутного на смерть забитя, замордованъя и обволаня брата своего пана Карпа Пузовского, а тое оповеданье и жалоба его абы до книгъ кгородскихъ была записана; па шъто я сму з уряду на тую потребу возного енерала, шляхетного Исакия Долъмацъкого придалъ, а тое оповеданье и жалобу пана Федора Пузовского, за прозьбою его, до къниг кгородскихъ записати казалъ.

Книга городская Владимірская 1601 г., № 957, л. 27.

2. Дознаніе вознаго. Показанія свидѣтелей о томъ, какъ произошло убійство. Публичное провозглашеніе именъ убійць надъ тѣломъ убитаго и заключеніе Настасьи Пузовской подъ стражу. 1601 года, февраль 23.

Року тисеча шестсотъ первого, месеца февраль двадцать третего дня.

Передо мною Матушомъ Збаразскимъ, столникомъ Киевскимъ, подстаростимъ Володимерскимъ, ставши очевисто, возный енераль воеводства Волинского, шляхетъный Исакий Долъмацкій ку записаню до книгъ кгородскихъ созналъ тыми словы: ижъ въ року теперешнемъ тисеча шестъсотномъ перъвомъ, месеца февраль девятого дни, будучи мне взятимъ, за приданемъ его милости князя Матыса Збаразского, на справу и потребу пановъ Федора, Павла и Михайла Пузовскихъ до имени Пузова, до двора небожчика пана Карпа Пузовского, и кгдымъ тамъ до Пузова приехалъ въ дворъ небожчика Карпа Пузовского въ томъ року теперешнемъ тисеча шестъсотномъ первомъ, месеца февраль девятого дни, мель есьми там же при себе шляхту: пана Петра Лудовича, а пана Станислава Верещинского и Адама Василевича Туминского; там же, за оказанемъ пановъ Павла и Федора Пузовскихъ, огледалъ есми тѣла, трупа забитого небожъчика пана Карпа Пузовского, въ которого виделъ есми раны: въ голове на розе левомъ рану битую кривавую, ажъ се кость спадала, другую рану подле тое жъ битую кривавую, а въ тылу головы рану вельми розбитую, ажъ мозокъ вылезъ, а посередъ головы чимсь наскрозъ пробитую; там же въ дворе, въ светлице, на порозе и въ сеняхъ крови не мало, и верцимакъ весь кривавый, который верцимакъ папове Пузовские, яко знакъ певный того мужобойства, мне, возному, до рукъ отдали, абымъ его вашей милости на урядъ отдалъ. И оповедали мне, возному, и шляхте первопомененой панове Павелъ и Федоръ Пузовские, сами отъ себе и именемъ брата небожчиковского рожоного пана Михайла Пузовского, ижъ тотъ небожъ-

чикъ братъ нашъ, панъ Карпъ Пузовскій есть забить, замордованъ тутъ въ дому своемъ, въ Пузове, въ ночи теперь прошлое съ четверга на пятницу, месеца феврала осмого дня, отъ власныхъ рукъ жоны своее Настаси Михайловны Шабановны и отъ брата ее рожного а швакгра своего Василя Шабановича, яко принципаловъ, за радою, волею и ведомостью отца, матьки и брата, яко помочъниковъ. А потомъ того жъ дня тые жъ панове Пузовские передо мною, вознымъ, при шляхте звышъ менованой, пытали, призвавши челеди небожчиковское дворное, которые на онъ часъ въ дому были, то есть меновите: напередъ хлопца небожчиковского Миска, потомъ невѣсты, матери того хлопца, Васи Кузмихи и дочьки ее Христи, девки дорослое, и другое девки Гануски: отъ кого и якимъ способомъ панъ ихъ, панъ Карпъ Пузовскій есть забить, замордованъ? Теды тая вся челядь менованая сами доброволне, безъ жадъного примушеня, а одностайне а неотменно передо мною, вознымъ, и шляхтою менованую зознали въ тые слова: „Ижъ кгда дня вчорайшого въ четъверъ панъ нашъ небожъчикъ, панъ Карпъ Пузовъскій, отъсел зъ дому своего, съ Пузова, поехалъ по потребахъ своихъ до Володимера, теды по одъеханю панскомъ тогожъ дня, въ четвергъ, тутъ до дому панъского приехалъ братъ панее нашее а швакгеръ панскій Василей Шабановичъ съ хлопцемъ своимъ, а потомъ тогожъ дня, въ четвергъ, по приеханю его и небожчикъ панъ нашъ зъ Володимера тутъ до дому своего приехалъ. И скоро панъ приехалъ, пани наша послала поясокъ свой сребръный до корчмы тутъ, въ Пузове, и отътоль, съ корчмы, на тотъ поясокъ принесли горелки и пива. И кгда тое пите принесено, теды тотъ братъ панее Василей Шабановичъ почалъ пана нашего горилкою принузовати, абы пиль; а онъ самъ барзо мало напивалсе. И кгда вже панъ нашъ гораздъ подпивати почалъ, теды тотъ Василей Шабановичъ пошолъ зъ светлицы до сеней, а по одыйштию его до сеней панъ съ панею штось розмовяти почалъ. Въ томъ часе Василей Шабановичъ зъ сеней до светлицы увошолъ и зъ собою у рукахъ кий великий принюсъ.

Панъ нашъ, стоечи середъ светлицы, почаль его просити, абы доброе мысли былъ; а онъ заразомъ, скоро тое панъ нашъ вымовилъ, заразомъ тымъ киемъ пана нашего посередъ головы ударилъ такъ мощно, што панъ заразомъ на землю упалъ, и на земли сталъ его бити киемъ по голове. А кгда мы, челядь, хотели крычати, теды се пани порвала къ дверомъ; а Василей Шабановичъ казалъ своему хлопцеви подати верцимакъ *). И кгда ему хлопецъ подалъ верцимакъ, теды онъ тымъ верцимакомъ почаль нашего пана бити, и одинъ зъ насъ, челядникъ, я Миско Кузмишинъ сынъ, до сеней зъ светлицы утекъ былъ. А Василей Шабановичъ, отшедши пана, на земли лежачого, за мною се погналъ, и мене поймавши, до светлицы увель. А панъ нашъ на коленка почаль былъ зводитисе зъ земли и, вставаючи, еще мовилъ, ижъ се то ему отъ него дѣеть за намовою жоны его. А пани, порвавшисе, рекла до брата своего: „для Бога, еще живъ!“ и порвала пана за шию, не дала ему встати. А Василей Шабановичъ, знову порвавши верцимакъ, почаль знову пана нашего верцимакомъ къ земли бити, мордовати; а пани, двери защепнувши, за защепку держала. И кгда вже панъ нашъ речъ замкнулъ, теды тотъ Василей Шабановичъ, запрягши въ сани коня панского и посполъ съ панею взявши тѣло панъское исъ светлицы и вынешъши на дворъ, на сани вложили. Одножъ того не вѣдаемъ, где тое тѣло подѣли; бо кгда тѣло зъ светлицы на дворъ вынесли, теды насъ пани зъ братомъ своимъ до коморы упхнули и защепнули; толкожъ, будучи въ коморе замкнени, то есьмо в уши свое слышали: кгда вже пана на сани вложили, то пакъ панъ, уже лежечи на саняхъ, зодхнулъ; теды пани на брата почала фюкаючи мовити, жебы не волалъ. А потомъ, по маломъ часе, пани, пришедши, насъ съ коморы выпустила до светлицы. А послаи приштя панее засъ въ килка годинъ тотъ Василей Шабановичъ знову санми тутъ до двора панского приехалъ и въ

*) Верцимакъ (польск. *wiercimak*)—макогонъ.

вокъно драпати сталь, мовечи: „Насте!“ А пани въ нему вышла и штось грошей въ руки дала ему; а онъ, оседлавши коня своего сивого седломъ панскимъ, отошелъ зъ двора, не ведати где поехалъ. А пани, седши у дверей светличныхъ, двери защепнувши, черезъ усю ночь, ажъ до самого света насъ зъ светлицы не пустила.—Теды я, возный, рекъ еси до панее: „Чому се тое, спже пани Карповая, такъ стало?“ А она поведила: „што мене тотъ злый человекъ, братъ мой, до того привель“. Што все преречоны панове Пузовские мною, вознымъ, и шляхтою перво поменсною осветчили.—А потомъ сегожь року теперешнего, тисеча шестсотъ первого, месеца феврала первонадцать дня, за приданемъ вядовымъ, маючи я при собе туюжь шляхту: пана Петра Лудовича, а пана Станислава Верещинского и пана Адама Василевича Туминского, былемъ на справе тыхъ же пана Павла и Федора Пузовскихъ тутъ, у Володимери, где панове Пузовские панъ Павель и Федоръ черезъ мене, возного, при шляхте, въ месте Володимерскомъ на рынку на трохъ местъцахъ и на четвертомъ местцу въ замку о забите и замордованье брата своего небожчика Карпа Пузовского чинили поволане тыми словы: ижъ тотъ небожчикъ братъ ихъ Карпъ Пузовский есть забить, замордованъ въ дому своемъ, въ Пузове, отъ власныхъ рукъ жоны своее Настаси Шабановны и брата ее Василя Шабановича, принципаловъ, за радою, волею и ведомостю отца, матки и брата ихъ, то есть Михайла Шабана и жоны его Васылисы Лудовичовны и сына ихъ Ивана Шабановича, яко помочниковъ ихъ. А по томъ обволаню преречоны панове Пузовские принципала одного, на гарачом и свежомъ учинку пойманого, жону небожчиковскую Шабановну, тут же, при теле маючи, при мне, возномъ, и при шляхте просили пана Обуха, наместника городского, о везене до далшого попартя, и оную въ томъ везенью, за позволенемъ пана наместниковымъ, въ замку, такъ же и верцимакъ кривавый, знакъ того мужобойства, zostавили.—Которое жъ то оповедане и жалобу пана

Федора Пузовского и пана Павла Пузовского и возного очевистое сознание до книгъ есть записано.

Книга городская Владимірская 1601 г. № 957, л. 42 на об.

Примѣч. Февраля 12 того же года, черезъ четыре дня послѣ убійства, отецъ Настасьи, п. Михайло Шабанъ-Гноенскій занесъ въ судъ жалобу о томъ, что братья Пузовскіе дочь его „безправне, квалтовне, менючи, якобы през нее забитье мужа ее стало, поймавши, збили, змордовали, маетность (на 3000 золотыхъ) пошариали, а ее, под часомъ бремени, въ ланцуг за шию и въ оковы осадили, чинячи вшелякое мордерство водле воли своее“. Возный доносилъ уряду, что видѣлъ Настасью „в Пузове въ везенью окрутнымъ, то есть за шию въ ланцуху всажоную у двори небожчика Карпа и в пута, албо в кайданы, за ноги окованую“, и что ее затѣмъ . в томъ же ланцуху и с путомъ у замку Володимерскомъ осажено“, откуда 14 марта она была взята на поруки. (Кн. № 957, л. 29 и 75). Такимъ образомъ во Владим. городскомъ судѣ одновременно возникло два дѣла: одно—по обвиненію Настасьи Пузовской въ убійствѣ мужа, и другое—по обвиненію братьевъ Пузовскихъ въ противозаконномъ арестѣ и оклеветаніи ихъ невѣстки. Нѣсколько разъ въ теченіе 1601 и 1602 г. были назначаемы сроки для судебного разбора этихъ дѣлъ, но разборъ не состоялся, такъ какъ въ мартѣ 1602 г. братья Пузовскіе примирились съ невѣсткою, причемъ она уступила въ ихъ пользованіе ту часть имѣнія въ с. Пузовѣ, на которой было обезпечено ея вѣно. Книга № 957, л. 129 и 342; № 958, л. 19, 20, 186 и 187.

СХХІ.

Декретъ Луцкаго старосты по дѣлу объ армянинѣ Ѳедорѣ, мѣщанинѣ Луцкомъ, обвиняемомъ въ сожительствѣ съ невѣнчанною женою. 1601 года, сентября 15.

Року тисеча шестсот первого, месеца сентебра пятогонадцат дня.

Передо мною Миколаем Семашком на Хупкове, старостою, ключником и войтом Луцѣким, гди се приточила справа славетного

Федора орменина, мещанина Луцъкого, з отнесеня, якобы он без плюбу мешкати мель з жоною своею Ганною, которого для певное ведомости до везеня, для загамованя злого прикладу людом, казалом был взяти, гди пришло до справы, озвали се ормене Львовские, славетный Вашко Туршовичъ и Симон Аведик з привилеями своими, показуючи то, же тая справа розсудькови духовному належи; которым привилеям я добре припатрившисе, а не хочечи никому безправя чинити, одослалем тую справу и тым декретом моим одсылам до права духовного бискупа орменского, до Льова; а што се дотыче рукоймы, которые за него взглядом станиа до справы поручили, оных од того рукоемства волными учинилом и чиню. Дѣялося то в замку короля его милости Луцкомъ, пятого-надцет дня сентебра, року Панского тисеча шестсот первого.

Книга гродск. Луцкая 1601 г., № 2415, л. 721.

СХХІІ.

Жалоба кягини Ядвиги Чорторыйской о томъ, что мужъ ея князь Юрій Михайловичъ Чорторыйскій подвергалъ ее жестокиѣмъ истязаніямъ, вынудилъ отъ нея рядъ записей на имѣніи и денежные суммы, доставшіяся ей отъ перваго мужа, князи Кирика Ружинскаго, наконецъ подъ стражей отправилъ ее къ королю хлопотать о подтвержденіи насиліемъ исторгнутой отъ нея записи на право пожизненнаго пользованія ея состояніемъ по ея смерти, давъ при этомъ тайный наказъ своимъ слугамъ на обратномъ пути лишить ее жизни. Провѣдавъ о замыслахъ мужа, жалобница во время проѣзда черезъ Люблинъ тайно бѣжала въ костелъ и нашла убѣжище въ женскомъ монастырѣ. 1602 года, генваря 31.

Року тисеча шестсот второго, месеца генваря тридцат первого дня.

Пришодши до вряду и книг кгородских Володимерских, перед мене Григоря Обуха, наместника подстароства Володимерского, урожоный Ян Лукомский, приятель а повинный и пленipotентъ в справе нижей описаной, протестующисе на урожоного Юрка князя Чорторыского именем урожоное Ядвиги з Фалчева, жоны менованого Чорторыского, иж он, запомневши того всего, що повинность хрестиянская несет, и повинности прав светых, прудко по принятю з нею стану светого малженского, водлугъ порядку костела хрестиянского католицкого учиненого, оную взгордѣвши и покинувши, давшисе на вшелякие нерады и збытки, на здорове ее стоял, везенем трапил незносным, муки нижей описаные ей задавалъ, до чиненя розмаитых записов, мамбрамов и цирокграфовъ оную примушал, чим оную и дѣтки ее, з небожчиком Кириком Ружинским спложоные, з маетностей злыми и неслушными фортелями и способами злупил и оголотил, што се ясне показывает з кривды и с тяжкости нижей описаных, которые юй (ей) починилъ, то ест, иж он, не контентующисе на тым, што килкадесят тысячей золотых пенезей полских, которых выраженъе доводне, кгда того час и мѣстце буде, покаже, которые теды, кгда южъ была малжонкою его, до себе взял и где хотел обернул, которые пенези она с певных причин была повинъна обернуть на потребу дочок своих, з небожчиком князем Ружинским, малжонкомъ своимъ, спложоных, о которые пенези часу и мѣстца своего з ним чинити хочу; и не контентующисе на тым, што пят тисечей золотых пенезей, которые взявши за лесные товары на Бугу, з них чотыри тисечи золотых шляхетному Адамови Олизарови Волчковичови в воеводстве Киевским, з певного контракту за село Красноселку, у воеводстве Киевскомъ будучое, прудко по светум Шимоне Юды, в року прошлым минучим, през шафара своего на йме няякогось Шоланского, послала, которые то пенези пят тисечей золотых тому Шоланскому, поймавши его у Секгини, взял и где хотѣлъ обернулъ, о которые также часу и мѣстца своего з нимъ чинити буде,—упикодивши сам так много и ов збор, который, яко matka, дтям своим ховала,

оний побравши, ве второк перед Божим Нарожениемъ руским в року прошлом, в Чорториску, где з Котелни, маетности од небожчика Кирика Ружинского в оный (т. е. у оной) за правом доживотным на тот час будучой, з розказанья до него приехала, оную везенем тяжкимъ осадилъ, округне и ганебне збилъ, седмъдесять и пят ран кривавых и синих ей задал и тамъ такое безправье способами незбожными и округными на ней вымучил: заставил певные маетности свое, въ воеводстве Волынскомъ, у Луцка будучие, то ест Сосницы Великие и Малые двое, Залучко и Сосны, до них приналежащие, небожчикови князеви Кирикови Ружинскому в суми осми тисечей золотых, которая ся оной за певным правом служит, тые добра абы она певным особам, права своего уступивши, в речи того то Чорторыского заставила, оную до того зневолил битьем, везеньем, голодом, вымыслные мордерства, яко шрубование палцовъ в курки ручничные, битье у пудошвы дубцами, у нугъ и шие, которых встыд менит, оный задаваючи, чим до того ее примусил, же мембраны до тых речи служачие мусила му дать и оные подписать; а он зас способилъ там себе певных особъ, которых он лепей знает, которые се при руде ее подписавши, якобы были свѣдками оного зезволения ее добровольного водлуг там того права. Мел ее по тум часу в оним везеню аж до недели квитной в тым то Чорторыску, с которого места ее до Котелни пересадил и везенем огледѣл, там и контракты чинил с пасербом ее князем Романом, небожчика Кирика Ружинского сыном, стороны доживота ей, которое мает на тое Котелни од небожчика князя Кирика, малжонка своего першого, учиненое; также стороны суммы, которую ей тот же то небожчик на той то маетности и всѣх до нее належачих записал; которые контракты же не могли быт варовны без призволения ей, теды также учинене мембран и зезволене на то все, што бы одно до тых контрактов служило, муки и збитя розмаитые, яко и первей, ей задавал. В чомъ ему ач, видячи самый (т. е. самой) себе и дѣток своих оголочене, долго противна была, вшакже боли, кгвалтъ то на ней вытиснулъ,

же мусила на то все, што едно хотѣлъ, позволить: мембраны розмаитые, иле му их потреба было, чинити, печатовать и подписывать; на которых мембранах ест подписы руки ее и его и свидков, которых он себе сам зводил. А иж зараз по смерти небожчика малжонка ее, кгда была вдова, пан Пясковский, слуга его милости пана гетмана коронного, зачал был з нею право стороны маестности Романова и Жидовець, на кгрунте короля его милости будучих, в воеводстве Киевъскомъ, которое державы, маючи на них доживоте од короля его милости, осадила коштом своим, — и в тым затыгу правном прето по сейме, который был в нинешнем року, судъ асесорский его королевское милости въ Варшаве наказал ей у двору присягу учинити в першую середу по святках в тым року прешлым; теда он, стороны того учиненя присеги ей, през (безъ) которое не мог до тых там добръ прийти, и стороны инших замысловъ, на которые се завзялъ, такъ себе поступилъ: ехал з нею напрод до замку Житомира, намовившисе с пасербомъ ее княземъ Романом, который тежъ тамъ на тот час ехал для сконченья оных контрактов; тамъ битем и флякгами розмаитыми и мордирствы оную до того примусил, же оного доживота и суммы, которую на Котелни мает, по неволи уступить мусила перед урядом тамошним; там же заразом две селѣ оные, вечностями належачие, в воеводстве Киевском, заставил ниякому Змиевскому в пултретю тисечу золотых и оную на позволене до таковой заставы приневолил; тамже взял мембран, печатми ее запечатованый и рукою подписаный з мусу и поневоле, который такъ подписавши и запечатавши, дал ниякому Лясоте на две селѣ: Пироговиче и Мойсейковиче, у воеводстве Киевъском, оный (т. е. оной) вечностями служащие, которые то тамъ села ему в суме двох тисечей золотых заставил. Потом также примусивши ее и поневоливши до подписаня и запечатованя килку мембрамъ, которых на што бы были, менованя немашь, и оные мембраны до себе взявши, зъ Житомира послал ее для оныи присеги чиненя до двору, сторожувъ килкодесять чоловѣка пишых и езных оную осадивши, с которыми в пятницу

пред святками приехала до Люблина, где занемогши, хора лежала в господи през килка дний. Тамъ неякий Петръ Куколский, слуга его, над тамтумъ гардумъ, которая ей пилновала, старший, анимо делиберато указал и цедулу, которую тот то князь Чорторыский сам власною рукою до него писалъ, розказуючи, жебы, в дорозе будучи и у двору, перестерегал того, якобы жадень повинний ей и жаден духовный человек до розмовы з нею от них припушонный не был,—тые слова ачь самъ з жалем на онымъ листе указуючи читал, але она далее инших дочиталасе, которые о тум (о томъ) были: якобы ено присегу она учинила а доживоте на оных селах, которое ей был приказал, зъєднала му у его королевское милости, абы ее где на дорозе, ворочаючисе з нею до Руси, албо он сам, албо который гайдукъ забил, а умерлую до него привезлъ. Што она видечи, нелзе ей было, ено радит о себе, яко бы могла оногo окрученства уйти, до чого так пришла: в пятницу по святках, кгда южь в дорогу далий мели з нею ехати, с тое там господы, в который ее мели в Люблине, утекла тылом до костела светого Духа; чого они постерегши, заразом до оногo костела за нею вошли и кгвалтом почели ее оттоля тягнути; аж каплани и законници, которые на тот час службу Божую отправовали, слышачи голос и волане ее плачливе и видячи он кгвалтъ и сепанье, которое ей чинили, а меновите тот Куколский, Ян Богушь Марковский и иншие, которых она не знала; оную однели и в костеле замкнули; которые слуги, ижъ имъ тые то каплани хотѣли пред их милостями паны депутаты на трибунале дати рокъ о кгвалтъ, костелови учиненый, и оттоля заразь поутекали. Она тежь, за радою тых там капланов, просила ксендза официяла тамошнего, в Люблине, жебы ю до мнишок, которых там кляштор есть, оддал и приняти росказал; што он учинил, и там якож колвек здоровья своего охронила, и для тыи причины до досыц учиненя декретови его королевское милости, для которого была ехала, прийти не могла; готова еднакъ ему есть досыт чинити, кгда ее Пан Богъ освободить с такого небезпеченства и оголоченя, з стороны чого и ту на тум местцу

осведча. А иж од того там часу ажъ дотул, rozmaитыми способами небезпеченства того уходечи, не могла до того прийти, абы так у свиюм кгороди, до которого то юрисдициеи належи, яко и в каждымъ инымъ коронным так велико и квалтовне безправя пьротестоват и жаловатъ се могла, теде тепер перед Паном Богомъ наперед, урядом и книгами нинейшими и каждым особам то на тот час будучим протестуюся и жалую и плаче на того то урожноного Юря Чорторыского стороны тых кривдъ, стая на горле еи, битя, мук и мордерства, без встыду и боязни Божеи над нею чиненых, контрактов и чиненых мембрамув, на згубу оный (оной) и дѣток ее учиненых и на неи вытисненых,—обезуючисе з ним пред правом и судом, которому то узнавати буде належало, о то чинить.—И просил помененый Лукомский, абы тая протестация, через него именованое Ядвижки с Фалчева чиненая, до книг нинешних кгородских Володимирскихъ принята и записана была; што я принявши, записат казалъ.

Книга кродск. Владимирская 1602 г., № 958, л. 34.

СХХІІІ.

Жалоба панскаго слуги Ивана Татарина о томъ, что его жена, вступивъ въ преступную связь съ другимъ лицомъ, бѣжала съ нимъ изъ дому и унесла часть имущества. 1602 года, июня 20.

Року тисеча шестьсот второго, месеца июня двадцатого дня.

Прислалъ на врьдъ кгородский, в замок господарьский Луцкий, до мене Адама Олшамовского, буркграбего и наместника под-

староства Луцкого, приятеля своего Миколая Коптя Бережецкого служебник ее милости панее Ярофеевое Гостцкое, судиное земское Луцкое, с Крупой, на ймя Иван Татаринъ, жалуючи и оповедаючи на жону свою Марю Татариновну с Корца о то: иж дей она, препомневши боязни Божое и стративши встыдь стану своего малженского, неучтиве, зле и непристойне се справуе, которая от часу не малого наполнившисе тои злои воли своее, в року теперешнемъ тисеча шестсотъ втором, месеца февраля одиннальцатого дня, намовившися и маючи здавна порозумене з неякимс Закгурским, побравши якъ готовых грошей, отлупивши скрыню, так и речей немало, на петдесятъ золотых полских, хотела было з ним проч уехати; нижли дей он, постерегши то, ее самую поймал, а тот дей Закгурский уехал. А потом дей она зас, знову чинечи не пооднокрот шкоду немалую в дому его, и тепер часу недавно прошлого, дня второго июня, не покинувши и не переставши того своего злого и неучтивога учинку и в стане малженским явного чужолозства, которую дей он заставши з ыншим на чужолозстве, не мог их поймать: утекли дей проч, починивши в небытности его шкод немало, так в грошах готовых, яко в сукнях и в бѣлых хустахъ на сто копъ грошей литовских. И просил, абы тая жалоба и оповедане его было принято и до книг кгродских Луцких записано; што я принявши, записати казалъ.

Книга гродск. Луцкая 1602 г., № 2416, л. 471 об.

CXXIV.

Жалоба дв. Оникія Мутыкальскаго о томъ, что жена его Ганна Еленская, проживъ съ нимъ 32 года въ полномъ согласіи и имѣя 11 человѣкъ дѣтей, по наущенію злыхъ людей вздумала разлучиться съ жалобщикомъ и, подговоривъ старшаго ихъ сына, вмѣстѣ съ нимъ тайно ушла изъ дому и унесла часть имущества. 1602 года, іюля 4

Року тисеча шестьсотъ второго, месеца іюля четвертого дня.

Пришедши на вридъ кгородскій, в замокъ его кор. милости Володимеръскій, до мене Григорія Обуха Воцатинскаго, буркграбего и наместника подъястароства Володимеръскаго, шляхетный Оникій Мутыкальскій оповедал и жаловал на жону свою в тые слова: „Иж дей мне то поткало в ноци теперешний, из середи на четъвергъ, в року теперешнемъ идучом, месеца іюля четвертого дня, от малжонки моее панее Ганны Гавриловны Еленское и одъ сына моего Стефана, с нею, жоною моею, спложоного, ижъ та жона моя Ганна Гавриловна Еленская, мешъкавши зо мною час немалый, през тридцать лит и две лѣте, уцѣтвиве и статечне, дѣти уцѣтвиве есмо сплодили, шестъ сыновъ а пятъ дѣвокъ,—то пакъ року теперешнего, за намовенемъ пании Петровои Доброницъкой и за намовленемъ дочки ее, панее Федоры Триполское, и за намовленемъ другое дочки ее Ориши Поплавское, ижъ тые три особы, перебачивши боязни Божое и встыду людскаго, которая естъ на-противко боязни Божое, тую малжонку мою намовивши собе невѣдомо для которыи причины, ку воли и незбожному умыслу своему чинечи досить, абы она, малжонка моя, Ганна Гавриловна Еленская в стане светомъ малженскомъ не мешъкала, и праве розлучаючи мене из жоною моею, яко се вышей поменило, сеи ноци тая жона моя, пополняячи злое порады их, могло бытъ пара годин в ноц, веспол из сыномъ своимъ звышъ помененымъ Стефаном, учинивши надо мною явную зраду и подступокъ, што се никому

доброму того не годить, а праве злодийскимъ обычаемъ зрадивши, окравши мене, малжонка своего, такъ теж тот сын мой Стефан, за певъною намовою Федоры Триполское, мене, отца своего и родича, зрадилъ и крадлъ ночнымъ обычаемъ, а праве злодийскимъ: зъ избы окномъ выпровадил з дому Левка Олийника на Запятничъи, подданого его милости пана Юря Овлочимского, з господы моее, такъ теж и маетност мою убогую тот сын мой Стефан веспол из маткою своею а жоною моею выбрали и выкрали, взяли напершей: сукню бурнатъную женскую фалендишовую, куплена за шест кошь грошей; другая сукня женская черная, коштовала чотырохъ кошь грошей; плацъ фалендышовый бурнатъный, лисами подъшитый, коштовалъ дванадцат кошь грошей; ку тому кобенякъ мой люньский барщовый, коштовал три копы грошей; курта моя каразъева блакитная, з кгрукми и з шнурками, коштовала полтрети копы грошей; убране фалендишовое бурънатное, коштовало три золотыхъ полскихъ; шалка женская окъсамитная, коштовала пят золотыхъ полскихъ; а потому хуст белых и наволокъ из постели зобравши а готовых грошей петнадцет золотых, все одно з другим зобравши и покравши, израдивши мене, тая малжонка моя израдила веспол из сыном моим. А так я вашей милости прошу, абы тое оповедане мое до книг кгродских Володимерских было записано.—Которое оповедане его принявши, до книг кгродских Володимерских записати казалъ.

Книга гродск. Владимірская 1602 г., № 958, л. 469.

СХХV.

**Судебное дѣло по обвиненію землянки Харлинской
въ убійствѣ мужа.**

1. Жалоба пп. Харлинскихъ, братьевъ убитаго, о томъ, что не-
вѣстка ихъ Елена, издавна питая ненависть къ своему мужу Щасному
Харлинскому, неоднократно покушалась на его жизнь и наконецъ под-
говорила своего слугу Рожковского задуть его. Дознаніе возныхъ по
этой жалобѣ. 1604 года, сентября 10.

Року тисеча шестсот четвертого, месеца сентебра десятого дня.

Постановившиися очевисто на вряде кгородском, в замку его
королевское милости Луцком, передо мною Адамом Олшамовским,
буркграбим и наместником подстароства Луцкого, урожонный его
милость пан Криштофъ Харлезский именем своим, также и их
милости панов брати своее рожоное: пана Яна Харлезского, подко-
морого Луцкого, и пана Шимона Харлезского, ротмистра его корол.
милости, урядовне, прихилиючисе до першое, ту жъ, на том же
уряде часу недавного кротко учиненое протестацыи, осветчал
и оповедал о то: иж в року теперешнем тисеча шестсот четвер-
том, месеца августа четвертогонадцат дня, в субботу, за взятємъ
ведомости о смерти небожчика пана Счасного Харлинского, брата
своего рожоного, кгда-м приехал до дому и до двора небожчиков-
ского до Любча, обачилем брата моего зошлого небожчика пана
Счасного Харлезского не так, яко хрестянского человека, смертью
добровольною зошлого, але и овшем окрутне замордованого и за-
душоного; а видечи знаки, так на голове раны, яко и на горле
або на шии сине, яко бы винцем шию обложил, и три раны све-
жие, не гоеные за левым ухом, знати ножиками белоголовскими
поколотые, на которых местцах засталем розмайтими ветками и
зелями для окритя знаков душоных обложоно и окрито. В томъ

и его милость пан Павел Монвид Дорогостайский того ж дня, в субботу, то ест четырнадцатого августа в сем же року шестсот четвертомъ, з немалою кguardиею слугъ своих власных там же до Любча приехал, при котором почалем се пытат и выведоват: што бы то на небожчику за знаки были и от кого бы,—звраща же ни с ким в неприязни а ни в жадным заводе небожчик не жив,—за таковым окрутным и тиранским, зрадецким замордованьемъ брат нашъ небожчик пан Счастный Харлезский с того света зшол? Также и в братовое свое панее Галены Монвидовны з Дорогостай Счастное Харлинское почалем се пытати теж, яко у найпевнейшого сторожа здоровья малжонка своего, которая, автора патрати криминис охраняючи, на неведомость все складала; а кдым зась од челяди небожчиковское ведомость о такомъ замордованью узяти и до везеня их всадити хотел, и абы также девки служебные свое для опыту и найденя винного до везеня ему выдала, теды она не толко мужобойцу оповедити, але такъ сама, яко и брат ее рожоный его милость пан Павел Монвид Дорогостайский, радший выступных охраняючи, нижли ся о них выведуючи, силомоцю выдат не хотели и моцно заборонили и при них се стат до горла оферовали, о што ест противко них правне поступлено и през певных возных при них тую белую челяд припоручоно и арештовано; по котором ареште девку, на йме Ганну, окном, час себе по тому упатривши, з избы высадивши, проч выславши, закрили и затаили, потаемне до Воротнева, села и двора брата своего рожоного пана Павла Монвида Дорогостайского, умыслне для утаеня выстпуку помененого выправили. Тамже удаемсе заразъ для опыту до иманя слугъ небожчиковских, а маючи их у везеню, взявши неякое домниманье о некотором, руцилемсе, за иньстанциею самого пана Павла Монвида Дорогостайского и матки его милости, до тых вязнев, пытаючисе о замордованью небожчика брата нашего, с которых посродку оден, неякийсь Андрей, который се называ быт Рожковскимъ, сам доброволне, безъ вшелякого мусу, при велю зацных людей и певных возных признал: „маючи

прожност, не хочу других, которые невинне сун до везеня зо мною осажоны, на свою душу брати, кгдажзем я ест тот, который за намовою, перенятем, розными обетницами и власным росказанем, ведомостю панее Галены Монвидовны з Дорогостай, малжонки небожчиковское, панее своее, будучи от нее намовеный и прина- нетый, пана добродея своего восполок з Ганнускою и Каскою, служебных ее девок, забил, замордовалъ, задавил и задушил а з живого, ктволи паней, мертвого учинил“. Што его милость пан Криштофъ Харлезский околичным суседом обвел и оскаржил и знаки того всего на теле замордованя оказав и на уряде кгородском Луцком кротюхно, яко он час знеслъ и того потребовал, ожаловал и то все возными певными, на то з уряду придаными, обвел и осветчил. Прето теды урожоный его милость пан Криштофъ Харлезский, именем своим и их милости панов брати своее звыш менованых, з великим жалем и плачливе ускаржал се и урядовне оповедал напративко урожоное панее Галены Монвидовны с Дорогостай Счасное Харлезское, братовое своее, яко принципа- лови выступку помененого, и всем помочником ее: иж она, взявши перед себе злый умысль, Богу, воли, закониви его, праву поспо- литому и товариству людскому противный а сердца своего злого ненависный, не маючи до того жадное намнейшее причины слу- шное напративко небожчикови пану Счасному Харлезскому з Харлежа, брату их милости рожоному а малжонкови засе своему власному, которая, покрываючи способы розмаитыми яд и ненавист свою напративко небожчикови малжонкови своему, наперед в року тисеча шестьсот четвертомъ, месеца генвара четвертого дня, без воли, ведомости небожчика пана Счасного Харлезского, малжонка своего, з ыменя двора Любча, побравши з собою все, до Воротнева, имени и двора его милости пана Павла Монвида Дорогостайского з Дорогостай, брата своего рожоного, одъехавши своволне, през час немалый без мужа своего так при матце своей ее милости панее Людомилы Ириковны Дорогостайское час барзо немалый мешкаючи, за писанем, посыланем и розным напоминанем ее до него, яко

мужа своего, приехати не хотела и мешкат се з ним, чинячи на него и на здорове его розмаитые похвалки и голосные погрозки, збороняла; в которой приязни и мешканю теж своем з нею и небожчик звонтъпивши, в дому своем въ Любчу сам без нее през час барзо долго немалый zostавал. А потом, намовившисе и на радившисе с тым, с ким она сама розумела, будущому небожчикови в Скорчу, в дому их милости панов брати своих, в року нынешнем тисеча шестсот четвертом, месеца июня пятого дня, в ден светечный, под претекстомъ милости и повинности своее малженское, до звышменованого небожчика пана Счастливого Харлезского, малжонка своего, неподиване приехавши, и през господаров и иных всле добрых и задных людей, там на тот час в Скорчу в дому их милости панов Харлезских будущих, ест се з небожчиком ркomo поеднала и з ним посполу з Скорча до имсна и двора Любча поехала. А тамъ, до Любча приехавъши, зараз з розмаитых мер о здорове его перемышливаючи, наперед розмаитыми чарами и кгуслами дибелскими розмаитых чаровниц до себе потаемне зводит, и з ними скутечне порозумене маючи, оного чаровала, зкгуслила и оному над веру и мнимане людское на змыслех, памяти и розумению звела и зопсовала. А потом по розных местцах до бабъ и людей розных для розмаитых тругизнъ посылала, а оных набываючи, ними небожчика малжонка своего таемне, хитро и зрадливе, чого се цнотливои чинити не годило, так сама через себе в поливках, в потравах, яко и через иншисе легкис и направные особы, дивчата и чслядки свои, задаваючи, не пооднокрот тасмне трула, кормила и поила. И тым ешче злосливого и упорного предсвзятия своего не контентуючисе а о прудшом зглаженю его с того света радечи и перемышливаючи, вперед сего через Каску, девку свою, звышменованого Андрея, который ся называ быт Рожковский, слугу и зрайцу небожчика малжонка своего рукодайного, для далшого попарти злого умыслу и предсвзятия своего порозумеваючи, намавяла, а потомъ и сама устпе и очевисте оного намавяючи, упоминками и обетницами дивными, до того персвязиями розными

приводечи, наконец на колына перед ним клекаючи и руки складаючи, жебы ее мужа а пана своего горла позбавил, а о здоровю его и нагороде певной широко за то оногo уверняючи, а за то покутоват и зан Пана Бога до смерти просит оферуючи, приватим прозбы до оногo Рожковскогo, стати при нем, яко брате рожином и добродееу своем, до горла своего и маетьности своее се ему обещовала, толко абы с тоею речю не мешкал, а в долго того не пускаючи, то кончил и зробил, оногo упоминала; якож его до того намовивши привела и того ему статечне домогаат се сама обещала и домогаала, а в том его никгды не выдават и не выявят оферовала. И то южъ так з нимъ заварши, застановивши, перепомневши боязни Божое и срокгости права посполитогo, повинности, присеги и милости малженское и уцтвности своее шляхетское, напервей в року нинешнем тисеча шестсот четверътом, месеца августа шостогo дня, кгда небожчикъ панъ Счастныи Харлезскый в коморе двора и покою своего в Любчу спал, за звышъ менованую намовою и перенанятемъ помененыи Андрей Рожковский килка годинъ перед вечером, упатривши час, взявши пулгак од поменное панее Галены Монвидовны з Дорогостай Харлезское, черезъ руки Каски, девки и служебницы ее власное, Рожковскому до работы нижеи описаное посланому а с покою небожчиковскогo тихо с колка знятый и вынесеный, двема кулями добре набитый, тихо и таемне до оногo покою и комори его вшедши, хотечи небожчика юж водлугъ панее своее намовы, воли и розказани забит, з оногo пулгака до небожчика спячогo, на ложку своемъ лежачогo, до головы просто змералючи стрелил, а стреливши, тым же пулгаком оногo мощно у голову ударил, которым ударенъем ран две в голове шкодливых и смертелных небожчикови задал, а сам с покою и коморы его заразом утеклъ. Леч иж его кулями хибил, с которых одна куля пад небожчиковскою головою в стену, а другая в вал подушки его, под головами будучое, упала, небожчик з оными ранами окривавлепый на двор выбежал, а заразь на жону свою звышменованую нарекаючи, скаржитися передъ челядью, иж

му ся то зъ ее направи черезъ якогос зрайцу стало, ускаржал и о то онос барзо лаял, а пославши по балвера, раны оные себе опатрити и завезати дал. А пани зася, на Рожковского нарекаючи, мовила: „ужа есмо на свою голову роздражнили прожно“. А потом прудко в килка дней, в том же року и того ж месеца августа третегонадцать дня, кгда ся им в оным их злым предсвязяту першомъ не надало, повторе знову, упатривши погодный час, речи балверове и постель с покою небожчиковского, — абовем тот балвер при небожчику, лечачи его, сыпал, — выкинувши и самого на тот час проч з двора отогнавши, казавши служебници своей Касце з скрынки своее, которая в ее покою стояла, подвику албо запасницу, в воде змачавши, принести и поменскому Рожковскому дат росказала; а засадивши страж и другими девчаты, сама вышедши з ызбы своее, челяд всю того там, того сам порозъсылала, а сама, зоставивши уае так в оным дому, в закрытию певным, Рожковско о, слугу и зрайцу уже на то приготоованого, давши му до оное работы кгодлю, до гумна на час малый, ркомо то для господарства, одешла. А в том девка, давши Рожковскому знати, же при пану никого нимаеш, толко карел на покою, умыслне от панее споеный, спячий, над которым с фартухом албо з радном девка Каска для паруценя му его на очи, естлибы ся был очкнуль, погоговю станула, помененый Рожковский, до пана на покой его вшедши, небожчика пана Счасного Харлезского, хорого а черезъ него юж перед тым смертелне зраненого, пана своего оною хустою мокрою, врудивши му ее несподевано с тылу на шию, оного торгаючи, давит и душит почал; а кгда о землю тварю ку долови округне ударил оного моцю великою, за помочю Гануски, девки и служебници панее Харлезское власное, которая небожчика, за ноги улапивши, моцно, Рожковскому помогаючи, тримала, округне, ганебне и немилосердне и зрадливе, усядши на нсм, задушила, задавила, замордовала и забила, а зъ живого черезъ тот инструментумъ помененого Рожковского и девок своих мертвого учинила. На остатокъ его, такъ зовсим убраного и задушеного, з оною ж девкою

на ложку и постель его положивши, руку ему правую на чолу головы его переложивши и периною прикрывши, сами заразъ прудко с покою выперхнувши, на покою замордованого тихо зрадою одошли. А помененый Рожковский, з дому оного вышедши, до кухни просто пришол и там седел, якобы никгда ничего такового не зробил, чекаючи, ажъ пани з гумна просто до него до кухни пришла, пытаючи, еслибы юж по его роботе было; которой он поведил трембундус: „юж ци!“ Пытала: еслибы ся не затаил, албо помылка яка, яко ся было первой того придало, не стала? Поведил ей: „юж не оживет, буд того вашамость певна!“; которал на то ему поведила: „фала Пану Богу! то жем юж себе тепер волна! Давайте ж ести тепер!“.—Што все его милость пан Криштофъ Харлезский черезъ певные возные, з уряду на то приданые, и шляхтою при них будучою, также и черезъ околичные суседы осветчил и ожаловал, оферуючисе о такой выступъ дебито юрис пн форо фори з стороною обвиненою, звышменованою злою, окрутною и нелицтостивою братовою своею, и с помочниками, от нее на то принанятыми, в суду належном правне, сполне зъ их милостю паны братаю своею, о то чинит. При котором то таком осветченю, постановил урядовне шляхетных Матуса Славокгурского, Сидора Гулялницкого и Андрея Жирицкого, Семсна Яроцкого, возных спералов воеводства Волынского, урядови добре знасных, которые то енералове, за приданьем урядовым до огледани помененого морду, становьши очевисте перед книгами, на вряде нынешнем тыми словы сознали: иж мы, будучи на справе их милости звышменованых панов Яна, подкоморого Луцкого, пана Шимопа, ротмистра его кор. милости, и пана Криштофа Харлезских, в Любчу, в дворе, в року нынешнем тисеча шестсот четвертомъ, месеца августа шостогонадцат дни, там же будучи в звышменованым дворе Любчу и малочи при себе для свидетельства шляхтичей, то ест пана Каспра Прупинского а папа Матея Жарповского, видели есмо, за показаньем его милости пана Криштофа Харлезского, тело небожчика пана Щастного Харлезского, брата их

милости роженного, замордованого и задушеного, на которого теле видслисмы тые разы и знаки замордованя: наперед в голове две раны кривавые шкодливе, одна на чоле стороны правое, другая троха повышей на том же чоле, обе от балвера юж гоеные, при том теж раны колотые ножиками знати белоголовскими, свеже, не засхлые за левым ухом в голове три; потом виделихмы на шию знак душенья и давенья сине значне, яко венцем шию обложил, которую синост душенья квятками и зелями розмайтими окрыто для знаку было; которые разы и зънаки кгдахмы се пытали, през кого бы были небожчикови заданы, там за пытанем нашим его милость пан Криштофъ Харлезский, именем их милости панов брати своее, также и именем своим, поведил з жалостю немалою, иж та работа ест панее братовое наше, панее Счасное Харлезское, яко принципалки, и от помочников ее, которых она на то себе способила и перенаняла, не огледаючисе на милост малженскую и повинност шляхетскую, зошлого пана Счасного Харлезского, брата их милости а малжонка своего, через руки помененного Рожковского, слугу небожчиковского рукоданого, также и девок ее служебных Ганны и Каски, которие при панее Галене Монвидовне з Дорогостай Харлезское през певные возные арештованы, обычаем вышей описаным забила и замордовала здрадецке, што се околичным суседом оповедило и показало. За которым таковым осветчепемъ его милости пана Криштофа Харлезского и за усиленным его милости пана Павла Монвида Дорогостайского и матки его милости жаданьем и прозбами и при бытности их самых, или потым до избы, где тот помененный злочинца Рожковский осаженный был, которого так бачечки осаженного, кгдахмы его, маючи при себе звышменованую шлях у и иных немало зацных людей, через кого бы и яким колвекъ способом небожчикъ был замордованный—пытали, который, за пытанем нашим и его милости пана Павла Дорогостайского самого и матки его милости, то вес, што з ведомостю, росказанемъ и перепятемъ панее своее з девками ее чинил и зробил, добровольне и непримупоне, з добрым розмыслом поведил

и признал се; штосмы все чотыри вознове, з шляхтою при нас будучою на тот час, особно все по достатку, яко што поведил тот то Рожковский, принаентый зрайца, списавши и печатми нашими запечатовавши, таже и руками своими, которые з нас писати умели, подписавши, их милости паном Харлезским кождому з них з особна, в тые ж и одни слова естесмы их милости, для лепшее вери и свидетельства того всего, три реляцие отдали, так яко то на оных реляциях наших о том всем по достатку ест ширей и достаточне описано и доложено и до шкрутинии судовне будет через нас признано и введено. Якож повторе и потрете, при велю зацных людей и при бытности его милости пана Дорогостайского и матки его милости, помененого Рожковского, еслибы то так, а не иначе было,—пытали; который за пытацъем нашим тыми словы с плачем великим поведил: „и ж и на смерть идучи, которое ми та пани ест албо будет причиною, иначе не повець“. Што его милость пан Криштофъ Харлинский слышачи, нами и всеми людьми, на тот час будучими, осветчил и пани братовую свою, яко принципала учинку помененого, обвинил. Мы теж с повинности урядов наших вознаваем, жехмы там будучи, яко се вышей все описало, то все слышели и видели.—И просил помененый его милост пан Криштофъ Харленский, именем своим и им нем помененых их милости панов брати своих, абы то оповедане его милости и возных сознане принято и до книг вродских Луцких записано было, што за принятем моим ест записано.

Книга вродск. Луцкая 1604 г., № 2418, л. 781.

2. Допросъ Рожковскаго и его показаніе о томъ, что убилъ п. Харлинскаго по подговору его жены. 1604 года, сентября 7.

Року тисеча шестъсот четвертого, месеца октября осмого дня.

На рочкахъ судовыхъ кгородскихъ Луцкихъ, дня тридцатого месеца сеньтебра в року звышъписаномъ припалыхъ и судовне отъправованыхъ, перед нами Матеемъ Стемпковскимъ, подъстаростимъ, а Остафьемъ Еловичомъ Малинскимъ, судьбою, урядниками судовыми кгородскими Луцкими, постановившия очевисто шляхетный Матыс Славокгурский, возный енерал воеводства Волынского, для вписаня в книги кгородские Луцкие подал тестаментъ Андрея Рожковскаго, здрайци небожчика пана Щасного Харлинскаго, который при немъ, возномъ, и инъшихъ возныхъ и особахъ нижей в том тестаментѣ менованыхъ, будучи на муце, учинилъ, с печатю своею, такъже с печатями и с подписми, которые писати умели, тыхъ нижей менованыхъ особъ, там на тот час будучихъ, просечи, абы принять и в книги вписан былъ; который тестаментъ, за поданемъ помененого возного, мы, принявши, до книгъ уписати есмо казали и такъ се в себе маеть: „Мовене здрайцы небожчика пана Щасного Харлинскаго, который на муце тые слова поведилъ: „Наперед, милостивые панове, птомъ первой поведилъ, и теперь поведаю, и што ихъ милости дали писать и штомъ поведалъ перед правомъ, же пани сама и две дивъки, одъна Ганънуска, што ми небожчика помогала, за ноги небожчиковские тримаючи держала, а Каска вшистько посылавала мне, намовяючи; другая зась *), слуга пана Дорогостайскаго Шлепиньский приходилъ до мене килъка разовъ, абымъ панюю отвоалъ, поведаючи, же душу и горло твое отъкупимъ; третья, коли его милость панъ Криштофъ Харлинский, взявъши вѣдомость о смерти небожчиковское, приехалъ до Любча, што в

*) Т. е. во-вторыхъ.

тотъ час и панове Хринъницкѣе приехали в коний пятьдесятъ альбо болшей, тамъже пришло до мене слугъ пановъ Хринъницкихъ пахолковъ шесть альбо семь, почали ми мовитъ, абымъ на дворъ вышоль, поведаячи, же ты порвемъ и коня тебе дамо, же уйдешъ; четвертая, присылала пани до мене ксенъдза мниха три разы одное ноци, абымъ панюю отволакъ, поведаячи, же душу и тело твое окупитъ; колимъ голосомъ мовилъ, тогда ми не казалъ волати, поведаячи: „тихо мовъ“.—Коли его (катъ) мучилъ и тягнулъ, поведилъ тыми словами: „О незбожная белая голова! не отъ пановъ Харьлинскихъ тую муку терплю, только от тебе! Пане Боже будь тобѣ помстою!“ И повторе то мовилъ, просячи, жебы то и повинному его поведзяно, же с причины от тое небачное белое головы с тогома света зполь. „А якома первой поведилъ, же Ганънуска за ноги держала, а Каскою мене намовяла па то“,—поведилъ застъ: „коли колвекъ намавяла на то, тогда ми ноги държали; але того дня, коли уже пана удавил с помощью панее, дала ми горилъки ся напитки с фляшкы якое мутъное; скором ся тое горилъки панил, страх мене уже оминулъ и безпеченство ми приступило, и тогожъ дня знакума ся не боялъ, пошедломъ на гору, на кганокъ; потомъ дѣвчина Каска послала Ганнуску до скрыни по рантухъ; коли рантуха не нашъла, два фартухи принесла, один фартух обедзве дивки змачивши у ваненъце на кганку, поведаячи пани сама, же отъ мокрое хусты не будетъ знати; выслала всихъ з двора, живое души не зоставивши, толко мене а дивки, а сама пошла с Каскою до воротъ, жебы хто до двора не пришолъ альбо не приехалъ, поведаячи, „же я буду пилъновати“; а мне розказала: „если па ложку будетъ, уфати его за горъло тою мокрою хустою; если будетъ волать, естъ тамъ мои великие подушкы, накинъ ему на губу, штобы не волакъ“. Удунивши, пополь есми па долъ до воротъ, али пани идетъ с Каскою з гумна и почала пытать: чи уже? Поведилом, жемъ уже удавилъ; она мовила: „Хвала Богу!“ почала мя пытати, если ся не затаилъ а южъ неживый. Колим хотилъ утекатъ, просилом панес о подъиздка, поведила: „не бойся,

не треба утекать; еслибы ты и осажоно, мы тебе пофолкгуем, же и з везеня утечешь“. Потомъ третего дня по удавеню, в недилю, на Небовзятъе Панъны насвятъшое, по обиди, пришовъ есми до панее, але она кошулки жалобни крае; мовилем ей: „зле есмо учинили, тръвожу собою“. Она рекла: „не бойся, будетъ и кунь *), только не вымавляйся ни перед кимъ; толко зле есмо учинили, жесмо его не обвисили по задушенью: разумели бы братья, же ся самъ обвесилъ“. Потомъ кгда мя поймано, поведилом все самъ, през (безъ) всего принушена и муки, штом учинилъ“. При которых его всих повестях и визнањю на муках катовских были мы, возный Матис Славокгурский, Петръ Бутовичъ, Иван Хвоинский и Григорей Суета; до того теж два присяжъные места Луцкого, то есть Сава Томиловичъ и Михайло Федоровичъ. И просил насъ, возных, тот то Андрей Рожковский, мужобойца пана добродей своего, небожчика пана Щасного Харлинского, абысмы тое визнање его реферовали до акътъ кгородских Луцких, оповедаючися, жемъ „не щие (с чиен) инъшое причины с того света схожу, одно за намовою, пренанятемъ и розными обетницами панее Галены Монъвидовны Дорогостайское, малжонки власное небожчиковское“. А для лепшое веры мы, вышъпомененные возные, тутъже тежъ и лавники звышъпомененные места Луцкого, которые з их умели, руки свои подписали ся, а которые-хмы не умели писати, печати свое приложилисмо, яко до власного тестаменту и остатънее воли и поволантя звышъменованого Андрея Рожковъского. Писан в Луцку, року тысяча шестьсотъ четвертого, месеца сентъебра семого дня, години семое в почъ.—У того тестаменту печатей притиспеных две, а подпис рук в тые слова: Петръ Бутовичъ, енераль, власная рука. Григорей Суета, енераль, рукою власною. Михайло Федоровичъ рука власная.—Который же то тестаментъ помененого Рожковского мужобойци, за поданьем помененого возного, за принятемъ нашимъ, есть до книгъ кгородскихъ Луцкихъ уписанъ.

Книга кродск. Луцкая 1604 г., № 2418, л. 923 об.

*) Т. е. конь — очевидно, для побѣга.

3. Последнее заявленіе Рожковскаго о томъ же, публично сдѣланное во время совершенія надъ нимъ смертной казни (четвертованія) 1604 года, октября 8.

Року тысяча шестьсотъ четвертого, месеца октября осмого дня.

На рочкохъ кгородскихъ Луцких, дня тридцатого месеца сеньтебра в року звышъ написаномъ припалыхъ и судовне отъправовать зачатыхъ, передъ нами Матеемъ Стемъшковскимъ, подъстаростимъ, а Остафьемъ Еловичомъ Малинскимъ, судею, урядъниками судовыми кгородскими Луцкими, становъши очевисто, возные енералове воеводства Волинского, шляхетные: Матис Славокгурский, Петръ Бутович, Андрей Жирицький, Григорей Суета, Иван Хвоинский и Станиславъ Ставъский ку записанью до книгъ кгородскихъ Луцкихъ сознали тыми словы: ижъ року теперь идучого тисеча шестьсотъ четвертого, месеца окътебра осмого дня, былисмо при томъ, коли зрайца именовъ Андрей Рожковський за свой учинокъ и зъ декрету вашои милости судового на горло былъ до мистра до екзекутора выданный, то есть за зрадецъке замордованье небожчика его милости пана Щасного Харлинського. Тамъ же, коли есмо его пытали: еслибы з ненависти якое на панюю Щасную Харлинськую помовил,—теды, коли уже его и екзекутор водлуг учинку его четвертоваль и уже коли Пану Богу духа отдавал, власне такъ поведиль: же „ни с чих рукъ, только отъ панее Галены Монвидовъны Дорогостайское, мальжонки власное небожчика пана Щасного Харлинського, которая мене на то намовила и перенаняла, с того света иду“; мовечи: „Пане Боже будъ тоби помъстою, небачная белая голова!“ и то мовечи, Пану Богу духа отъдал. Што мы видели и слышали, передъ вм. сознаваемъ.— Которое ж то сознанье возных до книгъ кгородскихъ Луцкихъ есть записано.

Книга кродск. Луцкая 1604 г., № 2418, л. 922.

Примъч. Въ виду особой важности дѣла, Харлинскіе позвали невѣстку, а равно ся брата п. Павла Монвида-Дорогостайскаго, въ качествѣ ея соучастника въ

преступленіи, непосредственно въ королевскій сеймовый судъ, который, согласно просьбамъ отвѣтчиковъ, отложилъ произнесеніе декрета до того времени, пока они выведутъ въ гродск. Луцкомъ судѣ „шкрутенію (scrutinium, слѣдствіе) и представить доказательства своей невинности. Такое scrutinium было произведено обѣими сторонами нѣсколько разъ, но протоколы слѣдственныхъ не были внесены въ актовыя книги, а по обычаю того времени, вручены были сторонамъ въ закрытыхъ пакетахъ для представления въ сеймовый судъ. Актов. книга № 2418, л 1039 и 1040; № 2419, л. 466 и 467; № 2985, л. 877—886; № 2986, л. 615—619.

4. Обвиненіе п. Павла Монвида-Дорогостайскаго, брата Елены Харлинской, въ соучастіи въ убійствѣ ея мужа. Судебныя пренія по этому дѣлу. 1605 года, мая 2.

Року тисеча шестсотъ пятого, месеца мая второго дня.

На рочкахъ судовыхъ кгородскихъ Луцкихъ, дня двадцет осмого месеца априля в року звышъ написаномъ припалыхъ и судовне отпраовати зачатыхъ, перед нами Матеємъ Стемпковским, подстаростим, а Остафьемъ Еловичемъ Малинским, судею, вриадниками судовыми кгородскими Луцкими, кгда се приточила справа з реестру судового, за приволаанемъ возного генералного, шляхетного Яхима Пристановского, межи урожоними: паномъ Яномъ, подкоморимъ Луцким, Шимономъ, ротмистромъ его королевское милости, и Криштофомъ Харлинскими, поводами,—з одное, а урожонимъ паномъ Павломъ Монвидомъ Дорогостайскимъ, позванымъ, з другое стороны, а то за позвомъ кгородскимъ Луцкимъ, от поводовъ по позваного на рочки теперешние до прислуханя вывоженя шкрутинѣи ихъ выданымъ, который за поднесенемъ поводовъ былъ читанъ и такъ се в себе маеть: Миколай Семашко на Хупкове, кашталянъ Браславскій, староста и ключникъ Луцкій, урожоному его милости пану Павлу Монвиду Дорогостай-

скому. Зо всех добръ вашей милости лежащих и рухомых и з особы в. м. приказую, абы в. м. передо мною, а в небытности моее ино перед судом моим кгородским Луцким, на рочках кгородских Луцких, в року теперешнемъ тисеча шестсотъ пятом, месеца априля двадцат осмого дня, стал на жалобу и правное попиране урожоных их милости пана Яна, подкоморого Луцкого, Шимона, ротмистра его королевское милости, и Криштофа Харлинских с Харленжа и имъ усправедливил, которые в. м. позывают о то, иж в. м., пропомневши боязни Божее, срокгости права посполитого и повинности своее, взявши перед себе якийсь умысль злый и вазнь противъ небожчикови пану Щасному Харлинскому, швакгрови своему а брату их рожоному, а то взглядом певных поступковъ правных о неотдане посагу по сестре в. м., учинивши впрод пофалку на здорове небожчиковское, радою и вшелякою помочю паней Галене Моввидовне з Дорогостай Щасной Харленской, сестре в. м. рожоной, будучи, которая за радою и отухою в. м. наперед от мужа своего з Любча до села Воротнева, до дому в. м., без вѣдомости и воли небожчика мужа ее была своводне отъехала и там, у в. м. рады набѣваючи и помочи просечи, через недел петнадцат албо шестнадцат мешкала, а до мужа за жаданемъ небожчиковскимъ звернутися не хотела; а здобывшись уже на раду и помочь нижей описаную, через в. м. есть до Скорча, дому поводов нынешних, кгда на тотъ час братъ их небожчикъ з пими былъ, то есть в року прошломъ тисеча шестсот четвертомъ, месеца июня пятого дня, в ден светочпый, умыслом недобрим от в. м. послана, от которое небожчикъ ничего такового себе противного и от в. м. самого не сподеваючися, жону за жону принявши, з нею до Любча, дому своего, от поводовъ, яко брати своее, з Скорча отъехали; а тамъ мало што зменкавши, небожчика через инструмента своего окрутне задушила и задавила и з живого мертвого учинила, такъ яко о томъ всем протестадые, оповедая возных, обдукцые и реляцые в описаню своем ширей светчат и обмовляют, до чого уже и поступки правные з нею зачатые ест и на певных стопнях

правных зависли и стоят. По которого замордованю назавтрее, кгда се брат поводов теперешних молодший, урожоный пан Кристофъ Харлинский, о смерти брата их, не от нее, але от людей обчих доведал, а причины смерти его таковое на он час зразу еще се не домневаючи, кгда до Любча прибежал, раны срокгие на брате забитымъ обачил, теды се зараз такъ о оныхъ ранах, яко и о замордованю его у братовое свое, сестры в. м., яко у жоны его власное, наперед пытал, в которое яко о причине ран, такъ и смеръти, ничего се певного выпытат и доведит не мог; кгдаж раны од метаня кадуку, которое хоробы он был прожен, придад му ся поведала, а смерть бы зас откуля припала—все на невѣдомость свою вкладала, толко се вымовкою Каиновою вымовляла. Затѣм кгда му теж явне цо о причине иншой от домовых тихо пошепсно, мусел ся уже до инших сродков удават, а межи слугами и челядю белою о мужобойцы се пытати и до инквизицыи, яко ин реценти кримине, хутне приступовати; при чом, ижес в. м. был з немалою личбою слуг и приятель, будучи до войны з браниями розмаитыми, войпе належачими, готовый, наперед, кгда братъ поводовъ урожоный пан Кристофъ Харлинский слуги усѣ и челядь до везеня побралъ, в котором за выткненем певным кгда се не який Андрей Рожковский до тое роботы признал, внет зараз и панюю сестру в. м. в той же роботе злой виновал, а девки ее две службистые Каску и Ганпуску воспол из сестрою твоею помовил и повольтвал, которые дѣвки коли также до везеня брата их в року прошлом тиссча шестсоть четвертомъ, месеца августа четвертогонадцат дня, побрат и оныя добре опатрити хотел, тож и о ней самой, братовой своей, бы был с тое силы мел промысливал, яко ин реценти факто, в. м. внет ся при оных дѣвках сестры своее мощно из нею, яко помочникъ ее того учинку, опарлъ, а до везеня их брату поводов теперешних брата не допустилъ и при них ся до горла своего стати оферовал и инквизицыи чинити упорне заборонил. Видечи брат их, што бы оттол урости могло, оныя девки певным возным енералом, водлуг права посполитого,

урядовне у сестры в. м. Щаснос Харлинское арештовал и при-поручил; а по учиненью потом протестацые их, иж се теж в. м. помочником сестре своей меноват мусел, внет их еднемь то таким, то оваким уходити хотел и в тых трактатех, кгда себе зъяздъ на угоду в Любчу зложили в том же року тисеча шестсотъ четвертом, месеца сентебра девятого дня, з дому и двора в. м. Воротнева и з ынших маетностей с килкадесят слуг своих конно и избройно и пехоты немало с пуггаками до Любча для пожаданое угоды приехал и гаковниц полных возов три с порохи и с пушкарми з собою до Любча привез и припровадил, зачим поводовъ нынешних яко от справы, такъ от тела небожчиковского и от вязня Рожковского отстрашити и отпудити хотел и мощно усиловал; чого коли не допял, а в Луцку сам в. м. очевисте, яко и через слуги и приятелъ свое, от здрайцы Рожковского слышал, же, сходечи з света, паяю Щасную Харлинскую Галену Монвидовну з Дорогостай, сестру в. м., виновал и на суд ее Божий з собою о то поволовал. До того, кгда на квестыях Рожковский был, признал, же в. м. слугу своего неякого Шлешинского до него тихо посылал, просечи его барзо, абы сестру в. м. отводал, обещаючи, же душа и горло его откуплено быти мело через в. м., если бы то был учинил; але кгда не отводал, овшем твердил то и повторал, же в Любчу слуга в. м. неякий Шлешинский до него приходил, намовляючи его, абы сестру в. м. отводал. До того теж в. м. коней килкадесятъ засажоных на отбите того здрайцы поготову недалеко двора мел. Тепер, по смерти здрайцы Рожковского, до протестацый противко ним ся удал, а не справившись им, о што был обвиненый, протестацыями уципливыми, славе их доткливыми, оных з розмаитых мер полжил и помазал и веле инконвенцый в них наклал и потварне нагматвал, яко ширей а достаточней поступокъ их милости пановъ Харлинскихъ правне учиненый в себе обмовляет. И хотечи их милост панове Харлинские через певные сведецства и шкрутинѣум того на в. м. явне показати и довести, в. м. до прислухания шкрутинѣум позывают; про то абыс

в. м. на час и мѣстѣ звышъ описаное стал, шкрутынѣум, которое противъ в. м. вывожоно будеть, прислухал и свое, если бысь его в той справе потребовал, за тым же позвоом, не беручи ся на свой позов, выводил и в том ся всем, яко на року завитом, под винами, в праве посполитом описаными, усправедливил. Писан у Луцку, року тисеча шестсотъ пятого, месеца марта двадцат шостого дня.— А по вычитаню того позову, доведши его и року за ним слушне припалого ведлуг права, поводове домовлялися, абы позваному на позов справоватися наказано было. А сторона позваная, пан Павел Дорогостайский, не признаваючи мниманого учинку, а ни актора, а ни форум в суде нинешнем тое справы, а ни акцыи належное, и овшем того всего остерегши и всѣ обороны правныя вцале и отводы, также и шкрутынѣумъ з стороны своее, еслибы его сторона потребовала, албо и ему самому если с права прийдѣ, и того себе не опуцаючи, поведиль: иж до слуханя шкрутынѣумъ од пановъ Харлинскихъ, до которого ест припозванный, не повинен, бо зо всего процесу и позову навет самого не показуется, абы его милость пан Дорогостайский мел быти в учинку яком обвиненъ, и не ест справа таковая, которая бы вывожена шкрутынѣумъ якого потребовала; бо толко подобенствомъ албо мниманемъ якимсь доходят помочництва, а не речю самою, которого мниманя сведецтвы подперты не могутъ: кгдажь мыслей чововечихъ ништо вѣдати и сведецтва на них чинити не може. Другая, справа с принципалем еще не скончона, с которым кгда се покаже через право, же невинне ест ип пена комплицитатисъ обвиненемъ, теды позванный дѣперешний без вшелякого выводу волным од тое справы быт мусит. Третия, бы теж поводовая сторопа и слушност якую себе меть розумела до выправованья противъ мниманю своему якого шкрутынѣум, чого се ей не позваля, теды то себе вже ведлуг права посполитого упустила с тых радый: першая, же нерыхло противъ позваному, здобывшиися на якуюс раду, протестацию учинила, але далей а нишли в чотырнадцат недел; а то мимо констытуцыю, бо констытуцыя позволяеть до дванадцати недел

протестацые вносить и то там, где бы се забите стало далеко от приятел, а ту зас иначе; бо а ни о забите, а ни о росказ забитя вины не дают, але толко, же „с твоею сестрою справа“, и шкрутынѣя толко о забите бывають выправоване, а не о речи такове, которых мниманем албо подобенством доходят; другая, рочковъ килка проминуло сужоных, а позвов жадных не выдавано, и то над право и констытуцыю, бо констытуцыя пост обдуктум кримень заразом каже шкрутынѣя на перших роках выправоват; зачим, бы теж якое чинене се мет розумели в той справе, теды его страшили, а протож не толко от шкрутынѣумъ, але и от самого обвиненя мает быти позванный волнымъ; третяя а немнейша и уважени и консидерацыи рация годна, же, яко се поменило первой, протестацью чинят, здобывшися на раду, по всихъ процесяхъ и по всихъ инстанцыяхъ на его милости пана Дорогостайского в недел килканадцат, и то не о жадное забите, але толко мниманем чогос доходят, коли вже позванный теперешний о починенъе на себе криминальных протестацый поводов теперешних на сеймъ позваль, доперо вже они протестацые якиес чинять и до тое протестацны позывають до шкрутынѣумъ, што а ни ведле права, розуму и самое слушности быти и стати не можс; четвертая, справа тая вже была на сейме сужона и ест суспендована через декретъ его королевское милости до того часу, аж се с принцыпалом поводове розопруть, под которою теды суспенсыею сторона ничего поступовати не може, а теж и на шкрутынѣум жадное не брала се, а ни взмянки жадное не было; але коли сторона с принцыпалом се розопреть а с теперешним позванным з року заховалого с права припадет, теды себе его милост пан Дорогостайский шкрутынѣумъ цале заховуетъ, если с права придетъ и если того потреба будет. Выведши то теды и показавши с тых радцый и ишших, его милост палъ Дорогостайский просилъ, абы яко от слухани того шкрутынѣумъ, до которого не повиненъ, такъ тожъ и от самое справы, не належпе заданое, волным был учинсний, вшелякие ивние притом обороны правные вцале себе и отводы, якие одно с права належати будутъ

могли, вцале заховуючи. А поводове поведили, же шкрутынѣумъ в той мере слупне слухано и вывожоно быт маеть, кгдаж комплицитас того мужобойства через позваного оказуется с тых причинѣ: першая, же позванный малжонку небожчика брата их, а сестру свою рожоную, которая о замордованье мужа своего принципалитер ест обвинена, кром воли небожчиковское в дому своемъ переховываючи, пофалки и прегрозки на здоровье небожчиковское чинил, о чомъ суть ясныя противко нему документы, и там ее в себе в дому переховываючи через недел петнадцат, што се покажет с процесу правного, который небожчикъ о выдане жоны своее с позванным чинил, рады и помочи до такового учинку замордованя брата их сестре своей додавал, за которою радою выдавши небожчикови жону его, ркомо то за угодою, з оное рады, а принамней з набраня се своее воли, которое се она, у позваного мешкаючи, научила, и небожчикъ братъ поводовъ, водлуг оных пофалокъ позваного, заразом по оной ркомо угоде ве чтыри недѣли задавленъ и замордованъ ест, откул конѣктура великая помочництва того учинку противко позваному оказуеся. Другая причина: скоро поводове панове Харлинѣские довѣдалися о смерти брата своего небожчика, а в дом небожчиковский, до Любча, для учтивости и опатреня тѣла брата своего приехали, обачывшы пан Крыштофъ Харлинский, брат небожчиковский, оден з акторов нинешних, тѣло небожчиковское, налязлъ на нем знаки замордованя, а звлаца на горле од задавеня синости, а на иншихъ местцах раны колотые ножиками белоголовскими, для затаеня прикрытые квѣтками, а то обачившы, узналъ, же не смертью прирожоною, але через задушенье и замордоване брат его с того света зшол; где с таковых конѣктуръ инквизицыю межи челядью небожчиковскою о смерти небожчиковской чинит хотел, там на тот час позванный панъ Дорогостайский, в Любчу будучи, инквизицые тое был спротивный, и оное боронечи, на пана Крыштофа до слов вперед попудливых и до брони потом се торгнулъ и до горла своего боронити челяди небожчиковское оповедалсе и тое инквизицыи моцно заборонял,

чим се у великую суспицию того помочництва подал. Третья: иж позванный поводов в той справе о голову небожчиковскую еднал, а еднаючи, местце оное еднаня людми и арматою розною осадил, и тыми людми и арматою сестре своей, которая есть о тое мужобойство принципалитер обвинена, помочи додавал. На што все поводе шкрутынѣум вывести и позваного помоч и раду до того округного учинку сестре своей через свѣдки вѣры годные оказать хочуть. А што се дотыче оборон позваного, которые до тое справы через умоцованого его до суду вношоны были, то поводе через умоцованных своих такъ солвовали: наперед, иж в головной протестацыи, которая ест учинена, а учинена ест в час, скоро вѣдомост певная поводов дошла о правдивом помочницестве того мужобойства через позваного, бо хот дванадцат недел минуло, ведлуг констытуцыи, чиненя протестацыи, але предсе прешкрипцыи о голову и другая прешкрипцыи рецентис не вышла; волно поводом чинити о тое протестацыю и по выйшту дванадцати недел, кгдаж и тая констытуцыя, которою позванный алекгуе, позволяет того не толко до дванадцати недел протестацые такы чинити, але от взяты вѣдомости о мужобойцѣ albo о помочнику яко напрудшей. Далей, боронит ся позванный тым, же не дана вина в протестацыи позваному о такое помочницество, жебы учинкомъ сам через себе помочи додавать, albo слугъ своих на тот час до того морду насылат мел, и тым шкрутынѣумъ того и акцые самое уходити хочет; але то латве заплатит: такъ поведают, же и тот, што чинит, и тот, што радит, одное казни годни. А иж ест обвиненый позванный о пофалку на здорье небожчиковское, обвиненый и о тое, же, ховаючи у себе жону небожчиковскую, рады и причины до такого морду оной додавал,—слушне под вину помочництва подпалъ и слушне шкрутынѣумъ в той мере слухано быт ма. Венцъ и то, што позванный алекгуе, же справу на сейме водлуг своее протестацыи про пена талионис противко поводом о обелъжене стану своего протестацыями, через поводов противко нему учинеными, интентовал, и за тым уже розумееть, же акторове тых протестацый своих, про-

тивко нему починенных, попирает и шкрутынѣумъ того выводит не могут,—та его борона болшей на сторону акторовъ, нижли на его, служит: бо иж он поведает, же акцци своеи на сейме про пена талионис з акторами попирает, далеко болшей потреба, абы акторовъ шкрутынѣумъ в тои мере слухано было, бо алиас, если бы его не вывели, тым самым за непопартем протестацый своих криминальных под пенам талионис подпасть бы мусели. Нехай позванный попираеть акцци своее сеймовое, яко хоче; але теж актором тою своею акцыею позву, который противко нему на сеймъ прошлый водлуг тых протестацый о тое помочництво в речи головной выданный был, на который лимитацця зашла, и позву теперешнего, до шкрутынѣумъ выданого, гамоват не може. Поведает далей, же акторове шкрутынѣумъ того своего выводити не могутъ с тое мѣры, же, ведлугъ констытуцци, на першихъ рочках по протестацци учиненю не выводили. Прожно и тым алекговат мает, бо та констытуцци не то в себе замыка, абы се шкрутынѣум тратит мѣло, коли се его ведлуг часу, в констытуцци описаного, не выведет; але на то учинена ест, абы стороны были готовы з шкрутынѣями своими на сеймѣ. Волно теды актором и тепер на тых рочках шкрутынѣумъ то выводить, поневаж жадная давность по протестацци не зашла. С тых теды всѣх причин указавши быт позваного власным помочником того мужобойства и указавши, же шкрутынѣумъ ведлуг констытуцци такъ противко помочником в справах криминальных и в справах о мужобойство вывожоно быт маеть, просили поводе, абы суд, отнявши всѣ обороны позваного, которые в справе шкрутынѣи не идуть, шкрутынѣумъ поводом и стороне позваной выводит наказал.—Мы, суд кгородский Лудкий, выслухавши и добре зрозумѣвши контроверсы обудвух сторонъ, которые поводе и позванный очевисто до суду нинешнего вносили, иж поводе ведлуг протестацци своее до шкрутынѣум запозвали, для того, обороны позваного на сторону отложивши, на позов поводов позваной стороне правне поступовати наказали есмо. Которого декрету сторона позваная за правный не приймюччи, од

него до суду головного трибуналу Любелского апелевала. Мы, тое апеляцци, иж о шкрутынѣум идет, не допустили, о которое недопущенье апеляцци, о попартье ее и о утяжене и о шкоды сторона позваная светчиласе. Мы, суд, также ся светчили, же над право ничего не выкročили и овшем ведле него такъ разумѣли. А потом сторона позваная, стоячи под обороною апеляцци и осветченя своего, а будучи утяжонный и примушонный декретом, еслибы того была потреба и еслибы с права яко пришло, просил о узычене дыляцци до пришлых рочковъ на выправене теж своего шкрутынѣумъ, которого собе не опуцает, але рачей, еслибы с права пришло, цале заховуетъ, домовляючися, абы ему суд оное позволил, вшелякие иншие обороны и одводы правне вцале заховуючи. Мы, суд кгородский Луцкый, припатрившися праву посполитому, стороне позваной позволили дыляцци до пришлых рочковъ кгородскихъ Луцких, по сих теперешних напервей сужоных, на выведене шкрутынѣумъ в обвиненю ее; а што се дотычет шкрутынѣумъ поводового, наказали есмо оное поводом выводит и на ставене светковъ водле констытуцци присягнути. А позванный его милост пан Дорогостайский, где дыляцци позволено, в той части декретъ принял; а в той части, где шкрутынѣумъ наказано выводити поводом, оного не приймуючи, до суду головного трибуналу Любелского апелевал; также и поводе в той части, иж дыляцци позволено позваному, того декрету за правный не приймуючи, од него до суду головного трибуналу Любелского апелевали. Мы, суд, што се ткне стороны позваное, апеляцци не допустили; а поводом тое апеляцци допустивши, рокъ обудвум сторонам у суду головного трибуналу Любелского на тот час, кгда sprawy воеводства Волинского порядком инших коронных по дате сего декрету нашего напервей припадуть и сужоны будутъ, стати зложили и заховали. А сторона позваная о недопущене апеляцци своее, о попартье ее и о утяжене, также и о неважности шкрутынѣум поводового светчиласе; а поводе водле пререченого наказания судового на ставене светковъ присягу водле констытуцциеи, при бытности стороны позваное, всѣ згодне

выполнили и светки до тое справы припозванные для выданя свидетельства ставили; которых мы суд способом звыклым, на особливом местцу выслушавши и свидетельства их порядне списавши, в завартом ротуле, печатми нашими запечатавши и руками подписавши, стороне поведовой отдали есмо. Што все для памяти до книгъ вгородских Луцких записати есмо казали.

Книга вродск. Луцкая 1605 г., № 2986, л. 619 об.

5. Королевский декретъ, которымъ Елена Харлинская за убійство мужа приговорена къ банициі. Публикація этого декрета. 1606 года, марта 31.

Року тисеча шестсот шостого, месеца июля двадцат пятого.

На вряде вгородскомъ, в замку его королевской милости Володымерскомъ, передо мною Иваном Шабаном Гноенским, буркграбим и наместником подстароства Володымерского, постановившише обличне, урожоный пан Богданъ Кулик покладал декрет его корол. милости сеймовый межи их милостю паном Яномъ, подкоморим Луцкимъ, паном Симоном, ротмистром его корол. милости, и паном Крышъгофомъ Харленскими—поводами, а Галеню Монвидовною з Дорогостай Щасною Харленскою—позваною, о окрутное замордоване малжонка ее, небожчика пана Щасного Харлинского учиненый,—просечи, абы до книгъ нынешних тот декрет принят, вписан и до вѣдомости всѣх приведеный и объволамый был; которого я принявши, до книгъ вгородских вписат росказал, и так ся в себе мает: „Жиггимонт Третьей, Божю милостю корол Полский, великий княз Литовский, Руский, Пруский, Мазовецкий, Жомоитский,

Ифлянтский, Шведский, Вандальский дедичный корол. Ознаймуем тымъ декретомъ нашимъ сеймовымъ посполите и кождому зособна, нинешним и напотомъ будучим. Приточилася справа перед маестат и судъ нашъ сеймовый межи урожоным Яном, подкоморим Луцким, Шимономъ, ротмистром нашимъ, и Криптофом Харлинскими, яко поводами,—зъ одное, а межи урожоною Галеною Монвидовною з Дорогостай Щасною Харлинскою, братовою их, з другое стороны, о то: иж она, запомневши боязни Божое и срокгости права посполитого и винъ в нем описаных, милости ближнего, а што болшая, зневаживши и зламавъши вѣру малжонскую, на шлюбe мужу своему поприсяжоную, направивъши, принанявъши и росказавши нѣякому Андриеву Ропковскому, слуге мужа своего, з двѣма дѣвками своими служебными з Ганускою и Каскою, урожоного Щасного Харлинского, секретара нашего и брата рожоного поводовъ нинешних, своего мужа, удавити и окрутне его на смерть задушити казала, о чомъ ширей и достаточней въ жалобе ихъ описано и доложено ест. А так о тот выступокъ кгда была преречоная Галена Монвидовна з Дорогостай Щасная Харлинская, братовая их, на близко прошлый соймъ запозвана, теды на выводъ невинности своее браласе до шкрутиниумъ, хочечи то з себе през выводъ шкрутаторовъ знести и невинност свою показат, которое иж имъ был час выводить не уплынул, позволили есмо были ей вывести и рокъ сторонамъ обеюмъ, безъ припову, вырокомъ нашимъ соймовымъ на нинешний соймъ зложили есмо. На року тогды нинешнем, з реестру и зъ арешту слушне припалымъ, за приволанемъ сторон обудву через возного енералного, шляхетного Крыштофа Чижевского, сторона поводовая—урожоные Харлинские сами очевисте и через умоцованого своего, шляхетного Яна Венкгерского, а от стороны позваное урожоный Ян Прилепский, подстаростий Володымерьский, приятел ее, маючи от нее моць зуполную, в той справе на зыскъ и страту собе даную, розныя контроверсие перед маестат и суд нашъ втачали, и положивши обоя сторона шкрутиниумъ свое, Харлинские до доводу бралисе, а умоцованный приятел Галены

Монвидовны з Дорогостай Щасное Харлинское до отводу. А такъ мы, король, съ паны радами нашими, которые се на нинешний соймъ зъехали, при боку нашемъ седячими, вырозумевши тую справу с контроверсий, а наболей шкрутениумъ сторон обудву, перед нами покладаными, за радою пановъ радъ нашихъ, сказали есмо вырокомъ нашимъ поводов быт близких до доводу; якожь до выслухана присеги и выконана декрету нашего того жъ возного, енералного Крыштофа Чижевского стороне поводовой придали есмо, который возный, ставши очевисто перед нами, зознал, ижъ преречоны поводове, водлугъ роты написаное, самоседмъ з шляхтичами, себе ровными, в тые слова присягнули: же з направи братовое их Галены Монвидовны з Дорогостай Щасное Харленское през Андрея Рожковского, слугу небожчиковского, и двух дѣвок Гануски и Каски удушонъ и на смерть удавленъ есть. По которой присязе ижъ сторона позваная не стала и декрету нашего не слухала, теды поводове просили, абыхмы оную, яко несталую и права непослушную, въ вине чти отсуженю здати допустили и на публикацию возного придали. А такъ мы, король, с тыми жъ паны радами нашими, прихилияючися в томъ до права посполитого, помененую Галену Монвидовну з Дорогостай Щасную Харленскую за нестаную здат допустивши, оную з панствъ наших, такъ с короны Полское, яко и з Великого князства Литовского и зо всѣх земель, до короны належачихъ, выволаную и за безецную а чти отсужоную быт сказадысмы и тым декретомъ нашимъ сказуемъ, знайдуючи то, же тая то Галена з Дорогостай Харленская вшеляких правъ, свобод, волностей и прерокгатив шляхетских заживат не будет могла и не может. Якож возного енералного, шляхетного Крыштофа Чижевского до публикованя того декрету, иж помененая Галена Монвидовна з Дорогостай Харленская со всѣх панствъ наших выволана и чти отсужона ест, придали есмо, которому приданю нашему и урядови своему помененый возный досыт чинечи, пред нами сознал: иж дня дванадцатого месеца априля, при бытности многих людей, тут в замку и в месте тутошнемъ оную

быт чти отсужоною, безецною и выволаною обволаць и то отсужене чти помененое Галены Харленское до ведомости людское привел. Што всѣмъ вобецъ и кождому з особна, якого ж колвек поволаня, духовного и светского стану людем, подданнымъ нашимъ, в Короне и у Великом князстве Литовскомъ до ведомости приводечи, росказуемъ, а звлаца урядомъ кгродскимъ и инымъ всѣмъ, абы есте оную Галену Харленскую, чти отсужоною, при брамах местскихъ, замковых и при рагушах в местех и в местечкахъ, и везде в панствах нашихъ, казавши карты поприбывати, обволат дали и тую то Галену Харлезскую, чти отсужоною, за безецную маючи, жадного сполкованя з нею мет не важилися и не мели, в домахъ своихъ оное не переховывали и не обцовали, подъ винами в праве описанными, иначе не чинячи с повинности своее и для ласки нашее королевское; до которого то декрету и печат наша коронная ест притиснена. Писан у Варшаве, на сойме валном коронном, лѣта Божого нароженя тисеча шестсот шостого, месеца марца тридцат первого дня, а панованя королевствъ нашихъ: полского девятогонадцат, а шведского третегонадцат року“. У того декрету его королевское милости печат коронная болшое канцелярии, а подпис рукъ тыми словы: Mateij episcopus Premisliensis, R. P. cancellerz. Справа велебного в Бозе его милости ксендза Мател Пстроконского, бискупа Премыслского, канцлера коронного. Florian Oleszko mр.—Который же то декретъ слово от слова до книгъ кгродскихъ ест уписанъ.

Книга гродская Владимірска. 1606 г., № 959, л. 370 об.

СХХVI.

Слуга п. Николая Глѣбовича Янушъ Кобринець, преданный суду за убійство, освобождается отъ наказанія подъ условіемъ вступленія въ бракъ съ дѣвушкой, изъявившей желаніе имѣть его своимъ мужемъ. 1606 года, 15 марта.

Року тисеча шестсот шостого, месеца марта пятогонадцат дня.

На вярде кгородском, в замку его королевское милости Луцкомъ, передо мъною Ярошемъ Станишевѣским, будущим на тот час наместником подстароства Луцкого, и книгами нынешними кгородскими Луцкими, постановившисе очевисто, возный енералный воеводства Волынского шляхетный Томашъ Брозовѣский подавъ квити на копѣи устного сознанья своего с подьписом руки своею, в тые слова писанный: „Я Томашъ Брозовѣский, енераль воеводства Волыньского, чиню ведомо тою реляцыею моею, иж дня четвертогонадцат месеца марта, в року тепер идучом тисеча шестсотъном шостом, будучи в месте Олыце запрошоным од уряду войтовского и радецького Олыцького до справы нижей описаное, о то: ижъ был осажоным на горьло неякий Янушъ Кобринець, который служил службу гайдуцькую велможному пану Николаеву Глѣбовичови, подстолему великого князства Литовского, старосте Оникъштенскому, о забитье товариша своего, также гайдука, Мпхала именем, венъкгринна, и кож на екзекуцыю слуга его милости панъ Станиславъ Целевич, который капитаном гайдуков его милости былъ, посланнымъ будучи а справе, яко се точила, прислухавшисе, же се то показовало, ижъ з нехотеня то учинил, по котором айте помененый панъ Телевичъ, тело забитого давши поховать, того знову аж до информацыи его милости пана своего, его милости пана подстолего великого князства Литовского, до везеня дал. Дня тогды звыш описаного был до уряду местьского отъ помененого пана Станислава Телевича, капитана, посланецъ Яхимъ Попько, кароимъ Луцький, з листом, рукою власною писаннымъ,

посланный, абы пререченого Януша Кобриньца з везеня вольно пуцоно. Еднакъ, ижъ на первомъ актѣ, кгда его на онъ часъ сужоно, уцѣтивая девочька местъская, хотечи его собе впросити в станъ святой малъженъскый, велю людей шляхетныхъ и учѣтивыхъ причинъ уживала, того помененый Телевичъ в писаню своемъ не опуститъ и то про принцапали положил: ижъ гдебы с тою дѣвочькою учѣтивною шлюбъ явне, в костеле католицъкимъ, взятъ не мель, южъ бы реч инъша з ним се деяла. Лечъ я и самъ очевисте при том з велю людей учѣтивых, веры годных, был, кгда в костеле католицъкомъ тотъ актъ се отъправовалъ. Которую я реляцыю рукою своею подписал и до книгъ кгородскихъ Луцъкихъ отдаю".— И просилъ звыш помененый возный, абы тое сознане его до книгъ кгородскихъ Луцъкихъ записано было; што за принятъем моимъ есть записано.

Книга кродская Луцкая 1606 г. № 2421, л. 230 об.

СХХVII.

Духовный судъ священниковъ мѣст. Бѣлиловки по жалобѣ Коденскаго мѣщанина Петра Гавриловича на своего тестя, Бѣлиловскаго войта Моноска, объ удержаніи жены жалобщика. 1606 года, марта 16.

Року 1606, месеца марта шестнадцатого дня.

На вряде его королевское милости замку Житомирского, передо мною Федором Щуровским, подстаростим Житомирским. постановившысе очевисто, енерал возный воеводства Киевского шляхетный Григорей Гуляницкий ку записованю до книгъ сознал и воддуг того сознаня своего квит под печатю и с подписом руки своею писанный тыми словами подал: Я Григорей Гуляницкий, возный

енералный, сознаваю тым квитом моимъ ку записованю до книгъ кгородских Житомирских, иж року тепер идучого тисеча шестсотъ шостого, месеца марца десятого дня, будучи мне на справе подданого велможного его милости пана Остафьяна Тишъкевича, старосты Лидского, мещанина Коденского Петра Гавриловича в месте Белиловце, на зложоном року от пана Себестяна Яхимовича, старосты Белиловского, на подданого Белиловского прозываемого Ратавинского, на ймя Моноска, на тот час войта Новоместского, кгда приточилася справа перед судом духовным, перед попами тамошними Белиловскими, выш менованый Петръ Гаврылович вчинил жалобу на тестя своего Моноска, войта Новоместского: „для которое причины жоны моее мне не отдаешъ, што мне за причину даешъ а мене до шкоды приводишъ и мене из жоною розводишъ?“— Моноско то, из дочкою своею, жоною его, стоячы, поведил: иж „мы тебе причины жадное не даемъ, толко ж прийды до Белиловки ко мне на мешкане, из жоною своею мешкат, я тебе боронити ее не буду, а до Кудни ее не дамъ“. Суд, обачившы то, иж причыны жадное слушное не дали, наказал, абы Петрови Гавриловичу, мещанину Коденскому, жону его ему тест его отдал. Оный вышменованый войтъ Новоместский росказаня оного не слухал и жоны оному зятеви своему не отдал; якожь Петръ мною, возным, светчил и просил суду духовного, абы ему суду своего декрет написавши дали. Оный суд, написавши декретъ суду своего, и послали для стверженя декрету духовного до пана Себестяна Яхимовича, старосты вышменованого. Пан староста, оный декрет духовный ствердивши и доход свой с попами побравши, до шкоды приправивши, не ведати для которое причины декрету ему не выдали; якож тот Петръ вышменованый, видечи зволку своее справедливости и кошт немалый, светчил мною возным и приручил оного Моноска тестя своего и жону свою Овдотю пану Себестяну Яхимовичу, старосте тамошнему, через мене возного на вряд высшый, перед который тая ся справа приточит, у пятисот копах грошей; а пан староста вышменованый у поруде принялъ; што все Петръ вышменованый

мною возным осветчивши, проч отехал. А так я, возный, штом видел и слышал, на том дал тот мой квит под печатю и с подписом власное руки моее. Писан в Житомиру.—Которое очевистое сознание возного и квит его до книг врьдовыхъ замку господарьского Житомирского принято и записано ест.

Кн. Житомир. 1606 г., № 10, л. 273 об.

СХХVIII.

Жалоба крестьян. Тимоша Сринки о томъ, что дьячекъ Ив. Потаповичъ обольстилъ его дочь Куницу и уклоняется отъ брака съ нею. 1607 года, апрѣля 30.

Року 1607, месяца априля тридцатого дня.

Пришедши на врьд кгородский, в замокъ его кор. милости Володимерский, до мене Ивана Шабана Гноинскаго, буркграбего и наместника подстароства Володимерского, подданный его милости Петра Душѣ Подорецкого Тимошъ Скринька, песполу з дочкью своею Куницею, оповедаючи и велико обтяжьливие жалуючи на Ивана Потаповича, дяка апостольского, о то: иж онъ року тепер идучого тисеча шестсот сегого, розных дней и мѣсецей, ходечи в дом мой обычаем приятелским, чого-мъ се я дорозумѣти не могъ, што бы за причина хоженя его в домъ мой; ажъ тепер довѣдаломсе от дочьки своее Кунки, же оную, обетницы великими уведши, паненства позбавил, обещуючи ей за то вшелякими лиггуминами: горохом, крупами, мясом полтевым опатривати; кототорых всѣхъ обѣтницъ своих не выполнил, только раз гороху и крупъ принес; за што тую дочьку мою паненства збавивъши, и до уроженъя вже пруд-

кого потомства привѣль. Што я в часъ забегаючи тому, абы се тот дякъ того учинку своего не записегши, зачим бы того эксцесу и взяти за себе в малженство дочьки моее с потомством от него привалянымъ зникънути мѣль, то за часу до ведомости ваш. милости врядовое доношу.—И просиль, абы то было в книги уписано. Яко и дочька его тая то Кунка, тут же стоячи, жалобы отца своего потвердила и также просила, абы то было записано; што я, вряд, принявши, до книг записати казал, и ест записано.

Книга гродская Владим. 1607 г., № 971, л. 299 об.

СХХІХ.

Двѣ записи слуги п. Яна Лагодовскаго, венгерца Януша Нада о добровольномъ расторженіи его брака съ дочерью боярина того же Лагодовскаго Анной Еданской вслѣдствіе несогласной жизни. Бракъ расторгается по взаимному соглашенію обоихъ супруговъ предъ лицемъ ихъ помѣщика и въ присутствіи свидѣтелей. 1609 года, іюня 19.

I.

Року тисеча шестьсотъ девятого, месяца іюня 15 дня.

На вряде кгородскомъ Володимерском, передо мною Яномъ Каменецкимъ, буркграбимъ и наместъником подстаровства Володимерского, постановившиися очевисто, возный енераль воеводства Волинского шляхетный Матыс Славокгурский подаль лист до книгъ кгородскихъ с печатью своею, такъже теж с печатъми и с подписами рукъ людей добрых, которого просиль, абы до книгъ былъ принят; я, его до книгъ приймаючи, передъ собою читати казалъ, и такъ се в себе маетъ: Ja Nad Ianusz Węgrzyn, bywszy sługa

jego mci pana Jana Łahodowskiego, oznaymuie y czynie jawno them listem moiem dobrowolnem każdemu, komu to potrzeba wiedzieć teraz y napotem, iż wziąwszy ia dziwkę Andrzeia Jedanskiego, boiarzyna jego mci pana Jana Łahodowskiego, z Zaturzec, w stan święty małżensky, na ymię Annę, pierwszego małżenstwa Raytkową a wtorego małżenstwa teraznieyszą żoną moią Nad Ianuszową Anną Iedanskiego, tedy iż tę żonę moię gwałtownie, a nie dobrowolnie za mnie oddano, i mieszkaiąc kilka lath z nią, nie było mieszkania miedzy nami według actu świętobliwego i miłosci małżeńskiej, przeto ia, stanowszy dobrowolnie Nad Ianusz oczewiscze z tą to małżonką moią narzeczoną Anną Jedanskiego przed jego mcią panem Janem Łahodowskim, z dobrej woli, a nie po niewoli, ani z żadnego przymusu onę to żonę moie Annę Jedanskiego wolnę czynie od stanu małżenskigo i z nią mieszkać niechęc wiecznemy czasy, any u niey bywać y żadnego przénagabania nie czynić, gdyż mi się dosyć we wszystkim stało od tey to narzeczoney żony moiey y od Andrzeia Iedanskiego, tescia mego przerzeczonego, za szkody i utraty moie. I opisuię się tem listem moiem dobrowolnem, iesliby ia sam, przyiaciel abo kto kolwiek z moią wiadomoscią y rozkazaniem i za prosbą iakie przénagabania czynił, w Zaturczeh i gdzie kolwiek by mieszkała, abo Andrzeiu Iedanskiemu, a było by to na mnie słusznemi dowodamy przewidziano, tedy harło i wiezienie wszelakie tym listem obowiazuie, iesliby iakie przénagabanie było, nie czyniąc w tem folgi my żadney. I prosiłem pana Matysa Sławogurskiego, generała woiewodztwa Wołyńskiego, aby ten list moy dobrowolny do xiąg grodzkich Włodzimerskich dla pamięci wieczney dał wpisać, przy bytnosci ich mosci panow przyacioł y dobrodzieiow mych, także i o podpisy i pieczęci ich mosce panow prosiłem; ktorzy za prosbą moią uczynili ich mosć niżey wszyscy opisane dostatecznie. Pisan w Zaturcach, roku Bożego tisiącz szestseth dziewiątego, dnia dziewietnastego czerwca.— У того листу печатей пят а подпис рукъ тыми словы: Proszony od pana Nad Ianusza Węgrzyna swiadek Stefan Ianczewsky własną ręką; swiadek

proszony od pana Nad Ianusza Węgrzyna do tego listu Jan Matyszyński ręką własną, i pieczęć przyłożył. Piasz pop Mikolinsky własną ręką; Евъстратий, попъ Коиленский, рука власная; Самъсонъ священникъ рука власная.—Который же то вышей менованый листъ, за поданемъ вышейменованого возного, до книгъ кгородскихъ Володимерскихъ естъ вписанъ.

Книга кродск. Владимірская 1609 г., № 973, л. 228 об.

II.

Року тисеча шестсотъ девятого, месяца июня шостогонадцать дня.

На вряде кгородскомъ . . . (какъ выше) . . возный енераль воеводства Волинского шляхетный Матысь Славокгурский для вписаня до книгъ нинешнихъ подалъ листъ с печатью своею, такъ же с печатми и съ подписми рукъ людей добрыхъ, о роспущенъе з жоною Януша Нада Венгриня, просечи, абы былъ принятъ и до книгъ вписан; которого я, для вписаня до книгъ приймаючи, перед собою читати казалъ, и такъ се в себе маеть: Ia Nad Ianusz Węgrzin, bywszy sługa iego mosci pana Jana Łahodowskiedo, oznaymuie tym moim listem dobrowolnym każdemu, komu tego wiedzić potrzeba będzie: iż ja, stanowszy przed iegomoscią panem Janem Łahodowskim z żoną moją Anną Iedanskiego, dobrowolnie ja żonę swoję wolną uczyniłem od stanu małżenskiego, także i ona mnie żona moia Anna wolnym uczyniła od stanu małżenskiego, iż ten act nie dobrowolny, ale poniewolny był, i mieszkania dobrego i słusznego w miłości małżenskiej między nami, przez te kilka lat mieszkaiąc, między nami nie było. Acz mi się od żony mey dosyc stało za szkody y utraty moie, pogotowiu od iegomosci pana Jana Łahodow-

skiego dosyc mi iegomosc uczynił za szkody y utraty moie, nagroda słuszna za posługi moie iest mi we wszystkim uczyniona od iegomosci, i to wiezenie za złe posługi moie, com cierpiał, za pochwałki i za gembę wszeteczną, co mi zli łudzi do tego przywiedli, tego mi wszystko odpisał, iako pan chrzescianski, y łaskawie mi się stawił i nagroda stała mi się wedle potrzeby moiey z contętacyą; przeto ia Nad Ianusz Węgrzyn za to dobrodzieystwo opisuię się tym listem moim dobrowolnym a nie przymuszonym tu na Wołyniu nikomu nie służyć panu żadnemu, ani iegomosci panu Benedyktowi Hulewiczowi, bobym trudność iaką ia sam abo iegomosc pan Hulewicz miał czynić na Zaturczach tesciowi abo żonie przeszłej, abo gdzie kolwiek, abo ia sam, tedy się opisuię zarazem iachać do Węgier na służbę, abo do przyjaciół. A ieslibym tu na Wołyniu był a według tego listu się nie uiscił, wolność daie sam na się mnie poimać, do wiezienia osadzić i gardłkiem mie karać za tą nieposłuszenstwo iegomosci panu Łahodowskiemu, co żaden pan ani przyjaciel żadnego wstępu prawa mieć nie ma wiecznemi czasy. I prositem pana Matysa Sławogurskiego, ienerała Wołyńskiego, aby ten list do xiąg grodzkich Włodzimierskich dał wpisać dla pamięci y pieczęć przyłożył. I ichmosć panow a przyjaciół, także i duchownych o podpicy prositem i o pieczęci przyłożenie, niżej wszytkich podostatku opisanych. Pisan w Zaturcach, roku pańskiego tysiąc szesćset dziewiątego, dnia dziewietnastego czyrwca.—У того листу печатеї притисненых пять, а подпис руць тыми словы: „Proszony swiadek od pana Nad Ianusza Węgrzyna Stefan Ianczewski ręką własną; swiadek proszony od pana Nad Ianusza Węgrzyna do tego listu Jan Matyszynsky ręką własną podpisał i pieczęć przyłożył; Iliasz, pop Mikołinsky, ręką własną; попъ Коленский Евстратий рука власная; Самсонъ священникъ рука власная“.—Который то вышей менованный листъ, за поданемъ возного вышей речоного, до книгъ кгродских Володимерскихъ есть уписанъ.

Книга градск. Владимирская 1609 г., № 973, л. 232.

CXXX.

Новобрачная жена чашника Волынскаго Лаврентія Древинскаго Дианна Боговитиновна Шумбарская, въ знакъ особой расположенности къ мужу, записываетъ ему въ даръ свой посагъ. 1610 года, ноября 7.

Я Дианна з Козирад Боговитиновна Шумбарская Лавриновая Древинская, чашниковая Волынская, сознаваю и явно чиню тым моим листом, добровольным записом, кому того потреба ведати укаже: иж што з воли и с прейзренья Божого а за радюю рожоного брата моего его милости пана Яна Яновича съ Козирад Боговितिана Шумбарского, и теж их милости панов кривных, повинных наших: славное памети зошлого велможного его милости пана Яна Паца, воеводы Минского, пана Василя Семашка на Добратине, хоружого земли Волынское, пана Адама Кохановского, суди земского Любельского, вувев моих, пана Андрея с Козирад Боговितिана, столника земли Волынское, стрия моего, пана Бартоша Казановского, подстаростего Любельского, швакгра моего, а не мней за радюю, старанемъ ясневелможного пана кнежати Януша з Острога Жаславского, воеводы Волынского, яко кривного и повинного дому нашего, часу недавного в сем року шестсотном десятомъ, месеца августа двадцат первого дня, кгдам была въ Люблине в кляштори паненским през рожоного брата моего на мешкантюю зоставлена, а стамтол за волею Божюю до стану светобливого малженского за его милост змовена, и укавано было его милости пану малжонкови моему на вено и посаг, на тот час суму пенезей през его милость пана Войтеха Собеского, подкоморого Любельского, мне записану, а то въ кгроде Любельским водле звичаю права коронного, то есть три тысячи золотых полских, которую на светый Янь близко прошлый отдано и заплачено бытъ мело, а въ выправе постановлено было дат две тысячи золотых полских; противко чому его милост пан малжонков мой, водле обычая права Волынского, унеслъ и записал мне на добрах своих осмь тисечей

золотых полских. По которм то малжонку моем дознавши я вше-
лякое учинности, поволности, милости малжонское, а хотечи теж
то ему взаимно нагородить, з доброе воли моее, не будучи ни от
кого намовена ани примушена, и овшемъ зъ радою ихъ милости
вышей менованных кривных моих, повинных, суму звышъ поме-
неную три тисечи золотых полскихъ, мне през его милость пана
подкоморого Любелского винъную и записом перед книгами кгрод-
скими Любелскими записаную, реченому малжонкови моему милому
даю, дарую и вечными часы записую, ничего сама себе, потомкомъ,
кривным, повинным с тое сумы не заставаючи, и все право мое и
запис во всеми кондициями, артикулами, паракграфами и обяза-
ками, на тую суму служащий, на его милост пана малжонка моего
вливаю, и з оного уступаю, зрекам се вечно. Волно теда будет
пререченому малжонкови моему милому тую суму три тисечи зо-
лотых полских, яко свою власную, одобрат и оною моцю того за-
пису моего добровольного вливкового, яко свою власную, шафват,
отдат, дароват, записат кому хотечи, з одобраной квитоват, а в
неотданю и незаплаченю оное, вже яко своее власное, правне, водле
запису въ кгроде Любелскомъ учиненого, на тую суму служачого,
у пререченого пана, пана подкоморого Любелского доходит, а до-
шедшы, оную одобрат, з одобраное и презысков квитоват и яко
своею власною по воли своей шафват; възглядомъ которое сумы
и запису на мене служачого, в короне учиненого, я у преречо-
ного пана малжонка моего, а по мне потомкове, близкие, кривные
и повинные мои упоминает се не маемъ и не могут, и овшем мил-
чене вечно сама себе и пререченым потомкомъ укладаючи; на
што и преречоные их милост панове, пан Василей Семашко, хо-
ружий Волинский, вуй мой, а его милост пан Анъдрей Боговитин
съ Козирад, столник земли Волинское, стрый мой, зезволяючи, на
тот запис мой, малжонкови моему милому данный, подписали се и
печатми запечатовали. Деялосе то в Луцку, при бытности их ми-
лости панов, панов приятель моихъ, меновите: ясневельможного
кнежати его милости Януша з Острога Заславского, воеводы

волынського, его милости пана Ивана Хренницкого, суди земского Луцкого, пана Аньдрея Гулевича. Которые их милост, за очеви-стою и устною прозбою моею, и теж за прозбою его милости пана хоружого и его милости пана столника, до сего моего листу печати приложити и руки подписати рачили. Писанъ въ Луцку, року тисеча шестсотъ десятого, месеца ноября сегого дня. У того запису вливкового печатей шест, а подпис руки тыми словы: Dianna Bohowitinowna z Kozirad Szumbarska, czasznikowa Wołynska, ręka własną.—Василей Семашко, хоружий Волыньский. Аньдрей Боговитинъ, столникъ Волыньский.—J. Zasławsky z Ostroga, woiewoda Wołynski, ręka swą.—Иванъ Хринъницкий, судья земьский Луц-кий, рукою.—Andrzej Hulewicz.

Кн. продск. Луцк. 1610 г., № 2119, л. 35.

СXXXI.

Земянинъ Янъ Павловичъ, женившись на вдовѣ князя Яна Ру-жинскаго Катеринѣ Шацкой, даетъ обязательство не вынуждать и не принимать отъ нея никакихъ дарственныхъ или иныхъ записей, со-пряженныхъ съ нарушеніемъ интересовъ ея дѣтей отъ перваго брака, и не позволять ей выдавать подобныя записи другимъ лицамъ. 1611 года, октября 3.

Року тисеча шестсотъ одинадцатого, месеца октября шо-стого дня.

На вряде кгородском, въ замку его кор. милости Луцком, пе-редо мною Якубом Окгородзевским, будучим на тот час намѣстни-ком подстароства Луцкого, и книгами нынешними кгородскими Луц-кими, постановившиися очевиство, урожоный панъ Ян Павлович сознал лист, запис свой добровольный, с печатю и с подписом руки

своее, также с печатми и с подписами рук людей добрых справ-
лений, на стрымане кондиции взглядом непримушена малжонки
до записованя маетности ему и никому иному, о чом ширей и
достаточней в том записе есть описано и доложено; который во
всем очевистым и добровольным сознаньем своимъ ствердивши и
змоцнивши, просил, абы принят и в книги кгородские Луцкие упи-
сан был. А так я, тот записъ от него принявши и читаного вы-
слушавши, въ книги вписати росказаломъ, который так се в себе
масть: „Я Ян Павлович чиню явно и визнаваю тым моим листом,
добровольным записомъ, кому того потреба будет ведати теперь и
напотомъ завжды, ижъ што з воли и с преизрениа Божого взял
есми в стан светый малженский малжонку зошлого князя Яна
Ружинского панюю Катерину Шацкого из дѣтками небожчика князя
Ружинского, лет недорослыми, теды постерегаючи то, яко ся годит
доброму чоловекови, абы через мене або недбалост мою тые детки
ее, з небожчиком князем Ружинским спложоные, в добрах своих,
по небожчику князю Ружинском зосталых, лежачих и рухомых,
шкоды якое не поносили, сам з доброе воли моее варую и запи-
сую и сим листом, добровольным записомъ моимъ, обовезую, иж я
сам через себе и через иншие направные особы жадным способом
не маю до того малжонки моее приводити, намовляти и приму-
шати, абы мне добра якие свое властные и по небожчику князю
Ружинском зосталые записоват мела, и хотябы сама доброволне
або мне самому, або кому колвек з близких, кровных своих и обчое
особы записоват, дароват або и отдавати хотела, я на то ей по-
зволеня жадного чинити и до сознаня таковых записов перед каж-
дый вряд становити и признавати не маю и мочи не буду. А хотя
бым запис який од нее одержал и на признане перед врядом ей
позволил, то все за неважное и неправное розумено быти, и моци
жадное мети не мает. Што все здержати и сему записови моему
и кондициям всимъ въ немъ выражоным досыт чинити маю п
зарукою на каждого такового, у кого бы колвек сес запис мой
был, семи тисечей золотых полских, и под шкодами на голое ре-

чене слова, кром присеги ошадованными; о которую заруку в недосыть учиненю в чом колвек сему записови моему даю волност каждому таковому, у кого бы сес запис мой был, себе позвати позвом правным и не правнымъ до которого колвек права, суду и вряду, кгородского, земского и трибуналского, задворного, а часу, чого Боже уховай, безкоролеви, каштурового, албо який бы на тот час уфаленый был; передь которымъ то судом и врядомъ я сам с потомками моими, отступивши своее власное належное юриздиции повету и воеводства, поддавам, где ставши за позвом, яко на року завитом, который себе с потомками моими завжды завитый чиню, оборон правных и неправных, дилиций, хоробы своее и умоцованого, бблшое справы, до того апелаций и до них приповзов, ово згола всѣх и енере въ статуте и конституціях описаных вымовъ не заживаючи, справитисе маю и буду повинен, то есть заруку заплатити и шкоды нагородити; а заплативши заруку и шкоды нагородивши, предсе тому записови моему во всем досыт чинити маю и буду повинен тыле крот, иле крот бы того потреба указовала. И на том даль сесь мой лист запис с печатью и с подписом руки моее; до которого за устною и очевистою прозбою моею печати свое приложити и руки властные подписати рачили панове приятели мои, их милост пан Александер Жабокрыцкий, пан Каспер Матчинский а пан Богданъ Заецъ. Писан в Луцку, року тисеча шестсотъ одиннадцатого, месеца октебра третего дня.—У того листу запису печатей чотыри, а подпис рук в тые слова: Ian Pawłowicz własną ręką. Proszony pieczętarz Alexander Zabokrzicki, ręką. Kasper Matczinsky mр. Proszony pieczętarz Bohdan Zaiąc ręką własną.—Который то лист запис, за очевистым признанем вышреченое особы, увес, с початку аж до конца, до книг кгородских Луцких есть уписанъ.

Кн. кродск. Луцк. 1611 г., № 2119, л. 522.

СХХХІІ.

Жалоба Владимірскаго мѣщанина Малуша Бѣлецкаго о томъ, что мѣщ. Хома Бачукъ, въ теченіе двухъ лѣтъ считавшійся женихомъ его дочери, взявъ отъ нея подарки, отказался вступить съ нею въ бракъ. 1612 года, февраля 21.

Року тисеча шестсот дванадцетого, месеца февраля 21.

Пришедши на врьд кгородский, в замок его королевское милости Володимерский, до мене Павла Кличевского, буркграбего и наместника подстароства Володимерского, подданный замку тутошнего Володимерского Малашъ Билецкий жалоснс протестоваль се на славетного Хоменяти Бачука, месчанина Володимерского, о то: ижъ тот то Бачукъ, ходечи в домъ мой от летъ двохъ або и большей, в способъ, якобы хотечи взети дочьку мою Окъсинью за себе в станъ мальженский, и будучи есмо вже от него словами и всякимъ способомъ упевънени, же вже певне возметъ тую дочьку мою Окъсинью за себе, людей иных, которые теж по килка кротъ до дочьки моее присылали зъ розныхъ мест, якъ з места Белза, такъ тежъ Торчина, и зъ места тутошнего людей не мало, от которого мы вже будучи праве вже обезпечены, тымъ людемъ отказовали; а вгды есмо ему мовили, жебы вже тую дочьку мою за себе бралъ и шлюбъ з оною взялъ, жебы вже от людей такового довниманя не мели взглядомъ хоженъня такъ часто в домъ мой, теда тот Бачукъ, взявши способомъ добрымъ у дочьки моее перъстенъковъ два сребныхъ, за ползолотого купъленихъ, хустокъ три, по полъталяра купъленихъ, из едвабом червонимъ, от того часу в дом нашъ не пошолъ и слову своему досытъ учинити не хотель и не учинил, противко которому так о невъзяте дочьки моее за себе, яко тежъ и о тые речи побраные и не верненъе ихъ, якъ о вси шкоды, которых себе отъ него поношу на золотыхъ пятдесять... И просилъ, абы то было для часу пришлого в книги записано; которое естъ записано.

Книга гродская Владимірская 1612 г., № 976, л. 62.

СХХХІІІ.

Донесеніе возныхъ, о томъ, что п. Галшка Циминская, заручивъ свою дочь Ядвигу за князя Адама Жижемскаго, тайно отъ него выдала ее замужъ за другого. 1616 года, февраля 3.

Року тисеча шестсот шестнадцатого, месеца фѣвраля третего дня.

В роки судовые земские Володимерские, во три недели по Трех Кроях, рымском святе, в року теперешнем вышменованом припалые и судовне отправовати зачатые, передъ нами Андреем Заленским з Слубиц, судею, а Григорием Киселем Низкиницким, подсудком, врядниками судовыми земъскими Володимерскими, становши обличне, возные енералове воеводства Волинского, шляхетный Юско Ключовода а Андрей Порецкий, для записаня до книг сознали тыми словы: Иж року теперешнего тисеча шестъсотъ шестнадцатого, месеца генвара тридцет первого дня, были есмо на справе и потребе урожоного его милости князя Адама Жижемскаго, а то: иж што урожоная ее милость пани Галшка с Харлежа Яновая Циминская, змовивши за него в стан светый малженский цорку свою панну Ядвигу Циминскую и руки данемъ оную обручивши, часъ веселя въ дому, маетности своей Бранех, на ден вышменованный тридцат первый генвара в року нынешнем тисеча шестсот шестнадцатом назначила, обликговавшися записом своим тому всему досыт чинити под кондициями и закладами в том записе описанными; и кгда его милость на час назначеный тридцет первого генвара с приятелы своими и з нами, возными, до маетности двора ее милости Бранъ ку досыт учиненю записом и кондициямъ в ним описаным и конченю того акту светобливого приехал, теды, засталши ее милост панюю Циминскую в дому ее Бранех, способом пристойным, уживши съ посродку их милости панов приятел, при его милости будучих, их милост пана Крыштофа Шклинского а пана Вацлава Бокия, оповедаючи то ее ми-

лости, же водлуг постановеня, во всем будучи готовым, ставит се и кондициям в записех межи их милостями абъ утриускве данных чинити досыт оферует се. На которую премову ее милост пани Яновая Циминская отповедила: же уже его милост княз Жижемский по часе до конченя акту того светобливого с приятелы приехал, кгдаж бовем уже пошлюбилам за кого иншого, то есть, за его милость пана... (*пропускъ*) Лаца цорку мою панну Ядвику в стан светый малженский, который дня оногдашнего двадцет осмого генвара, в четвергъ, шлюб з нею взял, зачим уже кондициям записовым досыт чинити не может. О што знову и через нас, возных, при бытности их милости панов приятел, при его милости на тот час будучих, рекуировал, абъ се ее милост слову, записомъ и кондициям въ нихъ описаным досыт чинила; лех иж ее милост на то уже не дбаючи, постановеню, записомъ и слову своему досыт чинити не хотела, о што се яко на он часъ нами, возными, и приятелы, при его милости будучими, то есть меновите: его милостю паномъ Криштофом Шимковичем Шельтнским, его милостю паном Юрем Будишевскимъ, его милостю паномъ Вацлавом Бокием, его милостю паном Александромъ Полубенскимъ, его милостю паном Николаем Горайном, паномъ Яномъ Непокойчицким, паном Якубом Касиновским, паном Николаем Бортковским, паном Станиславом Яцкевичем Маевским, паном Матияшем Касиновскимъ, остветчивши жал тот и недодержане постановеня оповедивши, тепер тое все через нас, возных, до уряду нинешнего тую контравенцию записом и слову до ведомости доносит и светчитсе, оферучи такъ о слово, яко о заклад и о шкоды ин форо фори чинити, иле с права прийдет. И просили, абъ тое сознание их до книг было принято и записано, што есть записано.

Кн. земск. Владим. 1616 г., № 1196, л. 395 об.

СХХХІV.

Жалоба дв. Ивана Козинскаго о томъ, что сестра его Настасья вышла замужъ безъ его воли, совѣта и позволенья и безъ вѣдома другихъ родственниковъ. 1616 года, 26 марта.

Року тисеча шестсот шестнадцатого, месеца марта двадцать шестого дня.

Присылал на врьд кгродскій, в замок короля его милости Луцкій, до мене Якуба Окгродзинского, буркграбего и наместника подстароства Луцкого, урожоный нанъ Иванъ Романовичъ Козинскій пріятеля своего шляхетного, Алексъсандра Ритаронского, оповедаючи и протестуючися именем своим и именемъ брата, стривевъ, повинныхъ своихъ, в тот способъ: иж дошло мене ведати, же часу недавно прошлаго, въ месопусты, в року теперешнемъ тисеча шестсот шестнадцатомъ, сестра моя рожоная урожоная Настазія Козинского, без воли, рады и позволенья моего и иныхъ повинныхъ, шла в станъ светый малженскій за урожоного пана Адама Юравницъкого з дому панее Осчовское, при которой на тот час мешкала. Иж се то противко праву и слышности и з неушанованемъ насъ, повинныхъ, стало, ведомости вашей милости, пане уряде, през слугу моего вышменованого доношу и прошу, абы тое оповедане мое было пріяно и до книгъ записано.—Которое я, врьд, пріявши, до книгъ записати казал и ест записано.

Книги вродск. Луцкая 1616 г., № 2122, л. 302.

CXXXV.

Декретъ Люблинскаго трибунала по иску двор. Катерины Модринской къ мужу своему Гаврилу Модринскому о томъ, что онъ, прогнавъ ее изъ дому, отказывается уплатить ей вѣно. 1616 г., августа 23.

Року тисеча шестсот шестнадцатого, месеца октября четвертого дня.

На вряде кгородскомъ, в замку его королевское милости Володимерскомъ, передо мною Яном Цешковским, подстаростимъ Володимерскимъ, постановившимся очевисто, урожонный панъ Базилей Мелешко Микулинский пер объятам, для вписаня до книгъ нынешнихъ кгородскихъ Володимерскихъ, подалъ декретъ суду головного трибуналу Любелского на воеводстве Браславскомъ, року теперешнего тисеча шестсот шестнадцатого, месеца августа двадцат третьего дня, межи урожоною панею Катариною з Кграева Кгабриелевою Модринскою—поводом, а урожонным паномъ Кгабриелем Модринскимъ, позванным, в справе нижей в том декрете инсерованомъ описаной учиненный, просечи, абы принят и до книгъ уписан был. А так я, вряд, тот декрет для вписаня до книгъ приймаючи, перед собою читати казал, и тые сут его слова: Выпис с книгъ головныхъ трибунальскихъ воеводства Браславского. Лѣта Божого нарожена тисеча шестсот шестнадцатого, месеца августа двадцат третьего дня. Перед нами, депутаты суду головного трибуналу Любелского, зо всѣхъ воеводствъ короны полское на рок теперешний вышей менованный обраными и высажонными, приточилася справа з реестру судового, за приволанемъ возного опатрѣного Шимона Кгуминского, межи урожоною панею Катариною з Кграева Кгабриелевою Модринскою—поводом, а урожонным паномъ Кгабриелем Модринскимъ позванным, за апелациею от декрету суду земьского Володимерьского з роковъ, во три недеде по Трехъ Кролех, римскимъ святе, в року теперешнемъ сужо-

ных, межи сторонами вышей меноваными учиненого выточною, а то в справе через сторону поводовую позваному до листу добровольного запису, од позваного стороне поводовой на певную суму пенезей, то ест пят тисечей золотых полских даного, перед суд земский Володимерский на роки выпменованные интентованный, въ которой справе суд он, по конгровверсияхъ сторон обудвухъ, вынесена позву року доводити наказал, от которого декрету умоцованный поводовое стороны тую справу через апеляцию на трибунал термину теперешнего роком завитым без припозву выточил, о чом тот декрет апеляции ширей въ себе мает. На року теды нынешнем, слушне в той справе припалом, постановившиися очевисто, умоцованный стороны поводовое, шляхетный панъ Петръ Тринишевский позваного через возного вышей менованого по трикрот ку праву приволатъ даль, который иж се не отозвалъ, оного, яко несталого и права непослушного, менованный умоцованный стороны поводовое, з допущена суду нынешнего, на упад в зыску речи, в позве описаное, з скасованем декрету земского Володимерского, з волнымъ, еднак, арештом до звыклое годыны, въздал на позов, въ апеляции земский Володимерской вписанный, который такъ ся въ себе мает: Жикгимонт Третий, Божию милостю корол полский. Урожоному Кгабриелови Модринскому, з особы и зо всихъ добръ верности твоее лежачихъ и рухомых приказуемъ, абы верность твоя на рокахъ судовыхъ земскихъ Володимерскихъ, во три неделе по Трех Кролех, святе римскомъ, въ року пришломъ тисеча шестсотъ шестнадцатомъ припадающих, самъ обличне и завите стал на жалобу и правное попиране урожоное Катарины з Кграева Кгабриеловое Модринское, малжонки верности твоее, которая верность твою взглядом листу, добровольного запису верности твоее, ей даного, позываетъ о то, иж кды она вступовала в дом твой за тебе в стан светый малженский, теды ты листомъ записомъ своим записал и обликговал ся ей вѣно суму пенезей пять тисечей золотыхъ полскихъ на вшеллякихъ добрахъ своихъ унстити и записати, подъ закладомъ таковое жъ

сумы пяти тисечей золотыхъ польскихъ и подъ нагороженемъ шкодъ на голое речене слова, яко то тотъ запись менованый ширей в себе обмвялетъ. Которого запису верьность твоя пробачивъши, тое сумы ей на добрахъ своихъ не призналъ, ани тежъ ей готовыми пенезми заплатилъ, для чого се въ закладъ менованый пять тисечей золотыхъ польскихъ попалъ, и оную зъ дому своего прочъ отогналъ, презъ што ее до шкодъ не малыхъ привель, которыхъ себе на пять тисечей золотыхъ польскихъ подпятахъ быти менить; про-то абысь сталъ и записови своему досытъ учинилъ и на тое все, и шьто тебе ширей у суду словъне задано будетъ, судовне отъповедал и поведови усправедливился. Писанъ у Володимери, року тисеча шестьсотъ петънадцатого, месеца ноябрю двадцетъ третего дня.—Которого въздана ижъ позваный, будучи о године звыклой черезъ вышъреченого възного до арешту тое sprawy приволяваный, не арешътовалъ, а поведовое стороны умоцованый дальшого поступку въ той справе на немъ домавлялся, прото судъ нинешний головный трибунальскый, прихляючися в томъ до права посьполитого, в дальшомъ тое sprawy в способъ зыску декретъ земъскый Володимерскый подноситъ и касуетъ, и наказуетъ, абы позваный тому записови своему поведови теперешнему, малъжонце своей даному, во въсемъ досытъ учинилъ, то есть суму помененую пять тисечей золотыхъ польскихъ на маетьности своей любъ в воеводстве Волянъскомъ, любъ и въ воеводстве Белзскомъ лежачихъ, которые бы тую суму выносили, уистилъ, възнеслъ и записалъ, альбо готовыми пѣнезми на певъномъ местцу, въ кгороде Володимерскомъ, однеслъ и тую суму, реалитеръ до рукъ ей отъдавъши, заплатилъ, а то учинити будетъ повиненъ от даты декрету нинешнего за неделъ шесть, подъ закладомъ, в записе помененымъ, и таксою шкодъ, в позве ошатованыхъ, пяти тисечей золотыхъ польскихъ, который закладъ и шьоды, в недосытъ учиненю тому декретови, судъ нинешний на позванымъ всказуетъ и на отъправу тое сумы, за закладъ и за шкоды перепалое, до того-жъ суду земъского Володимеръского и

до иншихъ судовъ и урядовъ вшелякихъ, подъ которыхъ бы юризд-
лицею добра позваного были, одъсылаеть; который то судъ земь-
ский и инъшій урядъ вшелякий отъправу за суму вышей въска-
заную на добрахъ вшелякихъ позваного, за жаданемъ стороны
поводовое и за показанемъ декрету нинешнего, учинити и выко-
нати маеть и будетъ повиненъ, подъ винами в праве посполи-
томъ описаными; што все для памети до книгъ есть записано, с
которыхъ и сесь выпис подъ печатю земьскою воеводства Бра-
славского есть выданъ. Писанъ у Люблине. У того декрету три-
бунальскаго печатъ притисненая земьская воеводства Бра-
славского, а подпись рукъ ихъ милости пановъ депутатовъ и писарь-
ское тыми словами: Piotr Goraiski z Goraiu, dep. woy. Send. mp.
Andrzej Firley z Dubrowice, deputat w. Wołynskiego. Andrzej Su-
larzicki, woyski i deputat Podol. Krzysztoph Szymkowicz Szklin-
ski, deputat Wołynski. Bartosz Bełzecky, d. w. Wołynskiego. Алек-
сандеръ Кропивъницкий, писарь земьский и депутат Браславъ-
ский.—Который же то декретъ, за поданемъ особы вышъ менова-
ное, а за принятемъ уряду нинешънего, с початъку увесь ажъ
до коньца въписанный до книгъ вгородскихъ Володимерскихъ есть.

Книга вродская Владим. 1616 г., № 980, л. 114.

СХХХVI.

О бракѣ князя Юрія Чорторыйскаго съ дв. Феодорой Колпытовской.

1. Жалоба п. Константина Колпытовскаго о томъ, что слуги князя Юрія Чорторыйскаго, козаки и татары, учинивъ ночной наѣздъ на имѣніе жалобщика с. Колпытовъ, схватили тамошняго священника о. Ивана и неизвѣстно куда увезли его вмѣстѣ съ семействомъ и имуществомъ. По мнѣнію жалобщика, поводомъ къ этому похищенію могло служить только то, что означенный священникъ вѣнчалъ князя Чорторыйскаго съ дочерью жалобщика и долженъ былъ выступить важнымъ свидѣтелемъ въ судебномъ процессѣ о самовольномъ расторженіи княземъ этого брака. Свидѣтельство вознаго 1615 г., апрѣля 29.

Року тисеча шестсот пятогонадцат, месеца априля двадцат девятого дня.

Пришедши на уряд кгородский, в замокъ его кор. милости Володимерский, до мене Григоря Дворецкого, буркграбего на сес часъ заму Володимерского, его милость пан Костентин Колпытовский ускаржал и протестоваль се напротивко велможному кнежати Юрію Михайловичу Чарторыскому в тые слова: иж я, будучи се зде у Володимери, досыть чинечи декретови короля его милости, а не будучи на тот час в дому своемъ въ Колпытове, дала ми знати малжонька моя, ижъ в небытности моей року те перешънего тисеча шестсотъ пятогонадцать, месеца априля двадцать шостого дня, з недели на понеделокъ, могло дей быти о четвертой године в ноч, помененый велможный княз Юрий Михайлович Чарторыйский, маючи затыг правный о вступъ шлюбу в стан светый малженский з цоркою моею Феодорою Колпытовскою, а ведаючи то, иж поць Колпытовский Иванъ, священникъ Николский, княжати Чарторыскому шлюбъ даваль, препомневши покою права посполитого и вин в нем описаных, наславши мощно, кгвалтомъ козаков, слугъ своихъ юргелтныхъ, до того способивъши

собе обчого народу—татар о пятьдесят чловека, з розным оружьем войне належачимъ, учинившы надъ ними старшим Яна Рибидкого, яко чловека ведомого маетьности моее Колпытова, до того и подвод немало; которые то слуги, козаки, татарове, посланци кнежати Юря Чарториского, за власнымъ посланемъ и росказанемъ пана своего, наехавши мощно, квалтом, в ночи на село Колпытов, на дом попа моего Колпытовского Ивана, священника Николинского, своволне а безправне а праве квалтовне оного попа впродречоного самого, жону и дети и въсю маетьность его забрати казалъ; которые то слуги оного попа зо всим на все, яко се выш поменило, забравъши зо всею маетьностью его, с Колпытова отвезли и нетъ ведома, где запровадили, о которомъ то попе своемъ ничего не ведаю, где его подѣли, затрудняючи и затлумяючи справу и слущную справедливость цорки моее Феодоры Колпытовъское, на которомъ то попе сведецтво даваня шлюбу кнежати Чарторискому водлуг порядку хрестиянского до справы цорки моее належало. О которое то квалтовное взятъе попа своего Колпытовъского правне чинити не занехамъ. Которое то взятъе попа своего и возным, шляхетным Матияшомъ Березовским малжонька моя, такъ в дому, где тот поп мешкал, яко и тор або шляк возовый и конный ездный объводила.—Якожь и возный, шляхетный Матияшъ Березовский, ставъши очевисто, ку записаню до книгъ кгородскихъ Володимерскихъ сознал тыми словы: ижь року теперешнего тисеча шестсотъ пятогонадцать, месеца априля двадцат семого дня, будучи мне на справе и потребе его милости пана Костентина Колпытовъского в селе Колпытове, а маючи при себе шляхту: пана Марцина Прошинского а пана Томаша Кгорского, и за указанемъ ее милости панее Костентиноее Колпытовское, видилем халупу пустую в Колпытове, в которой то никого немаєшь, и поведила ее милость пани Колпытовская, же в той халупе попъ нашъ Колпытовский Иванъ, священникъ Николский, мешкъкал, которого то попа нашего ночи сее, о године четвертой в ноч, з недели на понеделокъ, за росказанем велмож-

ного кнежати Юря Михайловича Чарториского, приехавши козаки и татарове, на подводы з жоною, з детми и зо всею маествостю его забрали и нет ведома, где повезли и одпровадили; яко жъ и тор, або и шлякъ возовый и конный верховыхъ видилемъ з села Колпытова гостинцем ку Турему полю, знать же проважено. И просил пан Колпытовский, абы тое его оповедане, такъже и сознаные возного, до книгъ принято и записано было; што я уряд принявъши, до книгъ кгородскихъ Володимерскихъ записати казал, и есть записано.

Книга кродская Владимірска. 1615 г., № 979, л. 242.

2. Донесеніе вознаго о врученіи имъ трибунальскихъ позововъ: а) князю Юрію Чорторыйскому по обвиненію его „шлюбной“ женой его Θεодорой Колпытовской въ томъ, что оставилъ ее самовольно и женился на другой, и б) второй женѣ Чорторыйскаго Зузанѣ Борзобогатовнѣ Красенской, обвиняемой въ томъ, что она, зная о существованіи первой, законной жены князя Чорторыйскаго, дерзнула вступить съ нимъ въ бракъ. 1618 года, мая 7.

Року тисеча шестсотъ осмнадцатого, месеца мая семого дн я

Пришедши на врьд кгородский, в замокъ господарский Володимерский, до мене Томаша Кгозимирского, буркграбего и наместника подстароства Володимерского, возный енерал воеводства Волынского, шляхетный Янъ Комнацкий, ку записаню до книгъ кгородскихъ Володимерскихъ сознал тыми словы: иж року теперешнего тисеча шестъсот осмогоннадцатого, месеца маръца двадцать шостого дня, отнеслом позовов два головныхъ трибунальскихъ, на мемрамехъ земскихъ Луцкихъ писаныхъ, до села Сернѣ и тьем позвы уткнул у ворота двора въ Сернахъ, то есть: одинъ позов по вел-

можного его милость кнежати Юря Михайловича Чарториского в жалобе панее Федоры Чарториское Костенътиновны Колпытовъ-ское о опущене ее, малжонки своее слюбное, в стану малженъ-ского, и затым о вины походячие, яко о том жалоба ее милости на томъ позве есть описана; а другой позовъ по кнежну Юревуу Чарторискую панюу Зузанъну Борзобогатяньку Красенъскую, иж вона, ведаючи, же кнежа Юрый Чарторыский Федору Колпытовъ-ского за собою малжонъку маючи, за кнежа Чарторыского в станъ малженский пошла; яко о томъ жалоба ширей ее милости на позве есть описана. И за тыми позвы зложилемъ рокъ ку праву кнежати его милости Юрю Чарторыскому и малжонце его милости кнежне Юревой Чарториской паней Зузанъне Борзобогатяньце Красенской в Люблине на трибунале перед судом головнымъ трибунальскимъ в року теперешнемъ тисеча шестьсот осмнадцатомъ, кгда справы воеводствъ Киевъского, Волынского и Браславского консерватные припадуть и судитисе будутъ, становитисе. Которое ж то сознание возного я вряд принявши, записати казалъ, и есть записано.

Книга городская Владимирская 1618 г., № 982, л. 284.

Примеч. Не известно, рассматривалось ли это дѣло въ трибуналѣ и каково было его рѣшеніе; но въ скоромъ времени оно перенесено было Колпытовской въ высшую инстанцію—на сеймовый судъ. 21 ноября того же 1618 г. возный вручилъ два королевскіе *мандаты* (позвы) князю Юрію Чорторыйскому: а) „о опущенъе зъ малженства панее Федоры Колпытовское, малжонки своее, безъ данья причины“, и б) „о ставенъе на сеймъ пона отца Иоана, который слюбъ давалъ княжати его милости зъ панею Федорою Колпытовскою,—и одинъ *мандатъ* Зузанѣ Борзобогатяниѣ-Красенской, „ижъ она, ведаючи о малжонце кнежати его милости Юря Чорторыйского панее Федоре Колпытовской, надъ право Божое за оног пошла“. Позванные обязывались стать „перед судом Е. К. М. на сейме близко пришломъ в року 1619“. Акт. книга № 982, л. 815. Въ это же время позванъ былъ къ королевскому суду п. Михайло Гулевичъ-Вокитинскій, подсудокъ земскій Луцкій, обвиняемый Федорой Колпытовской „о невыданъе атестацїи *розъйму* своего, который учинилъ въ Люблине. на трибунале. в справе межи княземъ Юрьемъ Чорторыйскимъ а еи милостью Федорою с Колпытова, малжонкою его милости князя Чорторыйского, о пущенъе еи з малженства безъ данья ее причины“. Книга Владим. № 983, л. 34 об.

3. Донесеніе вознаго о врученіи Луцкому епископу Евгенію Еловичу-Малинскому королевскаго позва къ сеймовому суду по жалобѣ на него Феодоры Колпытовской объ отказѣ его позвать къ своему духовному суду князя Юрія Чорторыйскаго и его вторую жену Зузанну Борзобогатовну-Красенскую по дѣлу о незаконномъ расторженіи брака жалобщицы. 1618 года, ноября 24

Року тисеча шестьсотъ осмнадцатого, месеца ноябра двадцат четвертого дня.

На вряде кгородскомъ, в замку его кор. милости Луцком, передо мною Марцианом Олшамовъскимъ, буркграбим и наместником подстароства Луцкого, постановившихся очевисто, возный енерал воеводства Волинъского, шляхетный Марко Могиленъский, урядови нинешнему добре знаемый, ку записаню до книг нинешних кгородских Луцких сознал тыми словы: иж року теперешнего тисеча шестсотъ осмнадцатого, месеца ноябра двадцат четвертого дня, маючи я при себе сторону, шляхту людей добрых, шляхетных пана Станислава Косовъского и пана Миколая Хмелецкого, позовъ албо мандатъ его кор. милости с печатю коронною меншее канъцелярии до замку вышшого однесши, оный при церкви соборной Луцькой светого Иоана Богослова, где слуга албо уставникъ мешкает, на столе положивши, о положеню его дяконови на тот час там будучому и тому уставникови оповедилом; писанный тот позов албо мандатъ его кор. милости по велебного в Бозе его милост отца Евгениуша Еловича Малинъского, владыку Луцького и Островского, в жалобе и кривде урожное ее милости панее Федоры Костанътиновны Колпытовского кнежны Ериное Чарториское, а то о невыданъе позовов духовных по велможного кнежати его милости Ерого Чарториского, также по урожную панъну Зузанъну Борзобогатянку Красинъскую, од тое панее Федоры Колпытовъского, вгды matka поводовое стороны сама в року прошломъ тисеча шестсотъ петнадцатом, за обетницею его милости

отца владыки, до Рожищъ ездила, а потомъ возного с терминами тамъ же до Рожищъ посылала, и о непридане священника до розношеня тых позвов, затым о шкоды в том позве албо мандате его кор. милости помененые походячие, о чом тотъ позов албо мандат его кор. милости ширей в себе обмовляетъ; за которым то позвом албо мандатомъ рокъ обудвомъ сторонам пред его кор. милостью и ихъ милостю паны радами на сейме валномъ, въ Варшаве, на ден двадцат вторый месеца генъвара в року, дасть Пая Богъ, пришлом тисеча шестсот деветнадцатого, шостого дня од зачатя сейму, першии толко вынявши, ку росправе правнои и прислуханюсе декретови его кор. милости становитисе зложил и назначил. Которое ж то очевистое сознане возного выпш менованого, за принятемъ моим урядовым, до книг кгородских Луцъких ест записано.

Книга городская Луцкая 1618 г., № 2436, л. 722 об.

Примъч. Въ тоже самое время Малинскому былъ врученъ и другой корол. мандатъ съ требованіемъ явиться на сеймовый судъ по жалобѣ Федоры Колытовской „до выданія свидѣцтва од попа Иоанна, священника Николского“, который передъ нимъ, епископомъ, „сознавалъ, ижъ шлюбъ княжати Юрею Чорторыскому съ панною Федорою Колытовскою водлугъ порядку хрестиянского давалъ“. Книга гр. Владим. 1618 г., № 982, л. 972.

4. Жалоба Фeдoры Колпытовской о томъ, что Луцкій епископъ Евгеній Еловичъ-Малинскій незаконно и заочно разбиралъ ея бракоразводное дѣло съ княземъ Юріемъ Чорторыйскимъ и выдалъ какіе-то невыгодные для жалобщицы декреты. Свидѣтельство вознаго. 1618 г., декабря 20.

Року тисеча шестьсот осмнадцатого, месеца декабря двадцатого дня.

Пришедши на врьд кгородскій, в замокъ господарскій Володимерскій, до мене Томаша Кгозимирьскаго, буръвграбего и намѣстника подстарoства Володимерьскаго, ея милост пани Феодора с Кольпытова кнежна Юревая Чарторискаая обтежливе жаловала и протестовала се напротивко в Бозе велебьному отьцу Евгению Еловичу Малинскому, владыце Луцкому и Острозскому, в тот способъ: ижъ дошла мене ведомость была, же его милость панъ владыка Луцъвий выдал позов свой духовный по мене кволи его милости кнежати Юрю Чарторискому, малжонькови моему, в том позве менуючи мене быть кнежа его милост Чарторыскій, якобы въ малженствѣ во мною николи не был, назначаючи ми терминъ м-ца ноябра двадцать пятого дня в Луцку становытсе, яко о томъ тотъ позовъ ширей в себе обмовляетъ; который позовъ положонъ был на маетности пана отца моего в Колпытове. На который терминъ, въ позве назначонный, я через вознаго листъ свой до его милости пана владыки Луцкаго одослала, просечи и ознаймуючи его милости пану владыце Луцкому, абы до суду своего, яко неналежного мне¹⁾, не затегал и не судил, кгдажъ з нимъ не в одномъ суде зятягъ правный маю, такъ на трибунале, яко и перед суд его королевское милости на сеймъ о невыданье

¹⁾ Въ письмѣ, посланномъ Колпытовской через вознаго еп. Малинскому, въ отвѣгъ на его позовъ, она объясняетъ, почему считаетъ его судъ себѣ „не належнымъ“: она „не належить до диоцезии (т. е. епархіи) Луцкое, одно до Володимерское“. (Акт. кн. № 2436, л. 800 об.)

позвовъ по кнежати Юря Михайловича Чарторыскаго, малжонька моего, иж выдати не хотелъ и не выдалъ, мандатомъ запозвала, яко о томъ процессъ sprawy моее съ паномъ владыкою Луцкимъ ширей в себе обмовляет; и кгда терминъ м-ца ноября двадцать пятого дня в неделю припал, возный писанье мое, за приволаньемъ возного до суду, его милости пану владыце Луцкому отдалъ, абы мя съ кнежатею Чарторыскимъ, малжонькомъ моимъ, не судил, и реляцию положенья мандату по пана владыку Луцкого перед суд его кор. милости показаль, абы жадныхъ декретовъ суду своего, мне неналежныхъ, кговоли кнежати Чарторыскому не выдавал. Те-ды его милост панъ владыка Луцкий, принявши отъ возного писанье мое, перед вознымъ судити мене с кнежатею Чарторыскимъ не обещоваль, а потомъ заразъ через возного своего тые суды свое, кговоли кнежати Чарторыскому, до дня другого отводал; и кгда на завтрие двадцат шестого дня месеца ноября припал, кгда возный мой для прислуханья тых судовъ до пана владыки Луцкого припал, доведующисе, што бы в той справе далшого было, а панъ владыка, обачивъши возного моего, до себе его призваль и кнежати Чарторыскому оного указаль, поведаючи, же тотъ возный отъ панее Федоры с Колъпытова листъ до него писанный отдалъ, абы оное з вашимостью, кнежа Чарторыский, не судил. А его милост кнежа Чарторыский, оного возного моего за руку взялъ и слугамъ своимъ отдал и до господа отпровадити казаль, который то возный за стражею в госпоре килка годинъ былъ. А потомъ якыхъ два листы тому возному подалъ и подписати и до книгъ сознати казаль его милост кнежа Чарторыский, который, будучи под страхомъ, учинити мусил.—Якож и тотъ возный шляхетный Марко Могиленьский, заразъ ставши передо мною, очевисте и подъ сумненьемъ вызнал, же такъ, а не иначе было, яко в протестации ее милости панее Федоры с Колъпытова выше ест описано.—А его милость панъ владыка Луцкий, не огледающисе на право посполитое и на правило светыхъ отецъ церкви восточное уставленое, иж деоцизии не его, ему неналежное, и на звирхность

его кор. милости, на позвы мандатомъ перед маестат и суды его королевское милости такъ его самого, яко и по кнежати Чарторьского, в той справе зашлые, важиль се, кгволи кнежати Чарторьскому и малжонъце его а сестранъце своей, суды свое засадивши, мне неналежные декрета свое якиес ку великой кривде, жалю и деспектови моему, противко мне выдавал и выдалъ, приводячи мя до шкод немалых, которых собе в том шадую на пят тичечей золотыхъ полскихъ, о што зъ паном владыкою, яко и с кнежатем Чарторьским, правне чинити не занехаю и чиню, иле ми с права будет належало. Якоже бымъ и давно была протестацию свою до вряду вашмости донесла, толко для хоробы своей ее отнести и отдати не могла, аж тепер, кгдым пришла до здоровья, тую протестацию до ведомости и вряду вашмости доношу.—И просила ее милость пани Федора с Колпытова кнежна Юревая Чарторьская, абы тая протестация ее милости, также и сознание возного, до книг принято и записано было; я, вряд, принявши, до книг записати казал и ест записано.

Книга вродск. Владимирская 1618 г., № 982, л. 993 об.

Примъч. Какъ видно изъ послѣдующаго, упоминаемый въ настоящей жалобѣ декретъ Луцкаго епископа Евг. Малинскаго былъ игнорированъ рѣшеніемъ сеймоваго суда, а взамятъ того поручено было Владимирскому епископу І. Мороховскому разобрать въ своемъ духовномъ судѣ дѣло князя Чорторьскаго и, не постановляя по нему собственнаго приговора, представить всѣ обстоятельства дѣла, какія будутъ обнаружены судебнымъ слѣдстіемъ, на окончательное рѣшеніе королю.

5. Заявленіе Владимірскаго епископа Іоакима Мороховскаго о томъ, что онъ, исполняя королевскій декретъ, выданный на предыдущемъ сеймѣ, приступилъ къ разбору въ своемъ епископскомъ судѣ бракоразводнаго процесса князя Юрія Чорторыйскаго съ Федорой Колпытовской и выдалъ надлежащіе позы по этому дѣлу. 1619 года, іюня 18.

Року тисеча шестсотъ деветнадцетого, месеца іюня осмнадцетого дня.

Присылал на врьд кгородскій Володимерскій, до мене Томаша Козимирского, бурьграбего и наместника подстароства Володимерского, висоцевелебный в Бозе его милост отец Іоаким Мороховскій, владыка Володимерскій и Берестейскій, слугу своего, шляхетного Яна Мрозовского, протестующис напротив урожное паней Анны Костюшковичовны Хобольтовского Костентиновое Колпытовское и цорки ее панее Федоры Колпытовского о то, иж досыт чинил декретови его кор. милости сеймовому, прошлого сейму, и повинности врьду своего епископского: на афектадию тое то паней Колпытовское албо цорки ее выдал позы епископские и священника през лист и очевисте придал на подане тыхъ позвовъ по кнежати его милости. Постерегаючи однак того его милост отец епископ, абы ее милост пани Колпытовская и цорка ее милости противко его милости где на яком врьде, догожаючи справы своей, чого противного не внесла в том досыт чиненю повинности своей епископской и декретови его кор. милости, в том ся светчить, если бы што где такового оказалось, теды ширшую на копии подат оферовался. И просил, абы то до книг на тот час записано было; што ест записано.

Книга вродская Владимірская 1619 г., № 983, л. 684 об.

6. Врученіе князю Юрію Чорторийскому судебнаго позва отъ владыки Іоакима Мороховскаго по дѣлу о самовольномъ расторженіи имъ брака съ Федорой Колпытовской. 1619 года, іюня 22.

Року тисеча шестсотъ деветнадцатого, месеца іюля третего дня.

Пришедши на вряд кгородский, в замокъ господарский Володимерский, до мене Яна Цешковскаго, подстаростего Володимерскаго, возный енераль воеводства Волинъскаго, шляхетный Марко Могиленьский ку записанью до книг кгородских Володимерских сознал тыми словы: ижъ року теперешънего тисеча шестъсотъ девятогонадцатъ, месеца іюня двадцатъ второго дня, отънеслом позовъ духовный епископии Володимерское до села Бискупичъ, маетьности держанья его милости кнежати Юря Михайловича Чарторискаго, и тотъ позовъ утъкнуломъ у ворота дворные в селе Бискупичах и челяди дворной оповедил; писанный тот позовъ по велможного его милост кнежати Юря Михайловича Чарторискаго в жалобе ее милости панее Федоры Колпытовское кнежны Юревое Михайловичево Чарторискаго до прислухання шкрутениумъ, которую выводиги будетъ через людей зацных противъ кнежати Чарторискому о зламаные шлюбу малженъскаго, яко о том ширей а достачней на том позве духовном естъ описано; и за тымъ позвомъ зложилом рокъ велможному его милости кнежати Юрю Михайловичу Чарторискому перед судом духовным у Володимери, перед епископом Володимерскимъ, в замочку владычнем, на рокъ въ том позве описанный ку росправе становитисе.—Которое жъ то сознанье возного я вряд принявши, до книг записати казалъ и естъ записано.

Кн. кродская Владимірская 1619 г., № 983, л. 901.

7. Свидѣтельское показаніе п. Петра Солоневскаго о бракѣ князя Юрія Чорторыйскаго съ Ѳедорою Колпытовскою. 1619 года, іюня 18.

Року тисеча шестсот деветнадцатого, месеца іюня осмнадцатого дня.

Пришедши на уряд кгродский Володимерский, до мене Томаша Кгозимирского, буркграбего и наместника подстароства Володимерского, урожонный пан Петръ Солоневский ку записаню до книг кгродских сознал тыми словы: иж што мене повзала урожоная пани Федора с Колпытова кнежна Юрева Чарториска позвом владыки Володимерского перед суд его, в року теперешнем тисеча шестсотъ девятогонадцет, на ден осмый месеца липча припадающий, до выдана шкрутении о зламани шлюбу ее от кнежати Чарториского, а иж маючи иньшие потребы свое, не могучи за тым позвом на тот день, в позве менованный, перед судъ владычий его милости Володимерского прибыти и того шкрутениум вядомости своей выдати, теды чогом сведом и що добре слышалъ, а мяновите од пасерба своего пана Циприяна Медведцкого, который на тот час кнежати его милости Юрему Чартгорискому служилъ, писаром покоювым был, коли его милост кнежа Чарториский панну Федору Колпытовскую змовил и шлюб з нею взял в Колпытове и лист запис на десет тисечей золотых полских юй дал; а потом и од еи милости паней Каменецкой, матки кнежати его милости Чарториского, слышал, которая ми власне в тые слова поведала: иж сын мой внежа Чарториский взялъ шлюбъ с панною Федорою Колпытовскою; тож и од слуг никоторых кнежати его милости Чарториского слышалам и мяновите од панов Венцковских двох, иж князь его милость брал шлюб с панною Колпытовскою. То що слышал правдиве, под сумненем моим зознаваю правдиве.— Которое ж то очевисте сознане пана Солоневскаго я, уряд, принявши, до книг записати казал и ест записано.

Книга кгродская Владимірская 1619 г., № 983, л. 682 об.

8. Показаніе о томъ же бракъ другого свидѣтеля, п. Александра Сеньюты-Ляховецкаго. 1619 года, іюля 15.

Року тисеча шестсотъ деветнадцатого, месеца іюля петнадцатого дня.

На вряде кгородском Володимерском, передо мною Томашом Кгозимирскимъ, буркграбим и наместником подстароства Володимерского, постановившисе очевисто, урожонный его милост панъ Алексанъдер Сеньюта Ляховецкий ку записаню до книг кгородских Володимерских зознал тыми словы: ижъ в року прошломъ тисеча шестсотъ тринадцатом, будучи в дому небожъчика пана отца моего его милости пана Грегора Сеньюты Ляховецкаго в Олшаницы, небожчик пан Адамъ Яковицкий поведал то небожчикови пану отцу моему, же княжа Юрей Михайловичъ Чарторьскій взял шлюбъ с панъною Федорою Колпытовскою, штом и я сам ушима своими слышал, кгда то небожчикови пану отцу моему поведал. Яко жем и повторе, кгдым ехаль от пана Константого Колпытовского, отца малжонки моее, з Овлучима до дому своего до Олшаницы и вступилом до Колпытова, до попа Колпытовского отца Ивана, который се прозываетъ Терebinским, которогом умыслне пытал, еслибы кнежа Чарторьское с панною Колпытовскою шлюбъ брал? Теды ми поведил, же кнежа его милост брал шлюб с панною Колпытовскою и ям его сам давал; и шедши зо мною до церкви и одомкнувши церковь, вошел в церковь и оказал ми рызы злоголавые и поведил, же тые рызы кнежа Чарторьское надал на тутошнюю церковь Кольпытовъскую, и благословил кнежа его милост в том стане святомъ малженском съ панною Колпытовскою. Штом слышал од того попа Колпытовъского правдиве, подъ сумненъем моим, же такъ а не иначе было, зознаваю, такъ яком и перед паном владыкою зознавал, а не иначе.—Которое то очевистое зознанъе его милости пана Сеньюты Ляховецкаго я, уряд, принявши, до книг записати казал, и ест записано.

Книга гродская Владимірская 1619 г., № 983, л. 940 об.

9. Жалоба князя Юрія Чорторыйскаго о томъ, что, явившись на судъ епископскій по дѣлу о „какомъ-то мвимоѣ бракѣ“ его съ Федорою Колпытовскою, онъ вынужденъ былъ выслушивать какъ отъ нея самой, такъ и отъ родственниковъ ея потоки бранныхъ рѣчей, крайне оскорбительныхъ для чести его имени и рода. Свидѣтельство вознаго. 1619 года, іюля 11.

Року тисеча шестсот деветнадцатого, месеца іюля одинадцетого дня.

На вряде кгородскомъ, въ замку его кор. милости Володимерском, передо мною Томашомъ Козимирскимъ, буркграбим и наместникомъ подстароста Володимерскаго, и книгами нынешними кгородскими Володимерскими, становши обличне, яснесведонный кнежа его милость Юрей Чарториский, такъ яко и заразъ тамъ, при суде духовномъ нижепомененомъ, и въсей громаде людей зацныхъ учинил, и тутъ обтяжливо жаловалъ и осветчался противко шляхетнымъ: Анне Костюшковичовне Костентиновой Колпытовской, Овдоти Мартиновой Линчевской и Федоре, такъ же и Политанови, цорькамъ и сынови ея, с помененымъ малъжонкомъ Колпытовскимъ спложонимъ, о то: ижъ они дня сегоднешняго на дате вышменованого, въ року нынешнемъ тисеча шестсотъ деветнадцатомъ, при одправованью судовъ презъ висоце въ Бозе велебного отъца Иоахима Мороховского, епископа Володимерскаго и Берестейскаго, при бытности иншого духовенства при его милости, на тотъ часъ на томъ же суде будущого, в справе певной межѣ помененою Федорою Колпытовскою а осведчающимсе о якоемъ мниманомъ малъженствѣ, за декретомъ его кор. милости, которымъ его кор. милость до суду его милости духовного тую справу одослати до узнанья рачил, не маючи жадное причины себе вышречонные особы, от кнежати его милости даное, словы непристойными, славе, гонорови, зацности дому и фамилией и цноте наветъ такъ кнежати его милости самого, яко и малжонки кнежати его ми-

лости кнежьне Зузанъне с Красного щиплючими и шкюдячими, на кшталтъ якогос пашъквилушу, с окриком великим и при всюмъ згромаженью велю людей задних, такъ стану духовного, яко и сведкого, на тотъ часъ будущих, не маючи респекту жадного на зверхность его кор. милости и повагу декрету его кор. милости, не уваживъши и суду помененого, всѣхъ одностайне, одно другого в томъ ущищливомъ обмовиску и лаянью кнежатъ ихъ милости малжонковъ, подпомагаючи, злаяли, зсоромотили и желжили; которыхъ-то словъ передъ жалемъ великимъ и спросности ихъ выразне споминати осветчаючому не здалосѣ на тотъ часъ; однакъ и повторе осветчившисе, кнежа его милость оферовалсе с теми поменеными особами зо всеми в обецъ и с каждымъ з нихъ зособна в суде належномъ, иле с права належати будетъ, чинити. Етъ инъ верификациею премиссорумъ ставилъ возного генерала воеводства Волинского шляхетного Анъдрея Клишчицкого, который тудежъ, передъ урядомъ нынешнимъ стоячи очевисте, явне и доброволне такъ а не иначе все быти правдиве, при чомъ былъ презенъсь, и што естъ имъ отъ его кнежацкое милости осведчено, возналъ и того всего потвердилъ. И просилъ преречонный осведчающийъ се, абы тая его жалоба и возного вознанъе было принято и до книгъ записано; што я, урядъ, принявши, до книгъ кгородскихъ Володимирскихъ записати росказалъ и етъ записано.

Книга городская Владимірская 1619 г. № 983, л. 923 об.

10. Жалоба Федоры Колиштовской и ея родственниковъ о томъ, что во время разбора въ епископскомъ судѣ ея дѣла съ княземъ Юрьемъ Чорторыйскимъ, послѣдній публично поносилъ ихъ бранными словами и грозилъ лишить ихъ здоровья и самой жизни. Свидѣтельство вознаго. 1619 года, іюля 12.

Року тисеча шестсотъ деветнадцатого, месеца іюля дванадцетого дня.

Пришедъши на врьдъ кгородский, до замъку Володимерьского, урожонные Конъстантъий Кольпытовский и Анъна Костюшъковъна, малжонкове, и Федора съ Кольпытова, малъжонка вельможного Юрѣя Михайловича кнежати Чарториского, Овѣдотѣя Кольпытовская, малъжонка урожонного Марцина Линъчевского, сесѣтры, и Политанъ Кольпытовский, сынъ и братъ, яко в суде духовномъ, передъ велебнымъ Иоахимомъ Мороховьскимъ, епископомъ Володимерьским и Берестейскимъ, такъ и тепер передо мною, Томашомъ Кгозимирскимъ, буркграбим и наместником подстароства Володимерского, жалосне на ясневелможного Юрѣя Михайловича кнежати Чарториского светчилисе о то, ижъ его кнежацкая милость, при одправованью sprawy межи помененою панею Федорою с Кольпытова а кнежатею его милостю о зламаные шлюбу и недотрыманье веры малженьское, ведлуг декрету его кор. милости до помененого отца владыки одосланой, такъ дня десятого, яко и одинадцатого іюля, року тисеча шестсотъ деветнадцатого, въ суде вышей менованого отца владыки, не памятаючи ани обавячусе на лист закладный, одъ его кор. милости данный, которымъ его кор. милостъ въшелякие покое тымъ протестующимъ объваровати рачиль, смель при велю людей задныхъ зъгромаженью тых протестующихъ словы неучтивыми и ущипъливыми лжити, на славу и на уцтвное ихъ наступуючи, и тымъ ся не конътенътуючи, розъмаитые грозбы, одъповеданья забити, утопити и внивеч обернути обещаючи, шъто зараз тамъ же въ суде велебного отца

владыки енераломъ ниже менованымъ есть презъ тыхъ протестующихъ освѣтчено. Прото, ижъ ся тому листови закладному его кор. милости спротивил, теды, прекавендо инъдемнитати суге, тую протестацию свою до уряду и книгъ теперешънихъ вгородскихъ Володимерскихъ подаютъ и просятъ, абы была принята, оферующисе с княжатеиъ его милостю о то все юре медианте чинити. Етъ инъ верификациеиъ премиссорумъ тыежъ протестующие ставили енерала, шляхетного Яна Комнацъкого, урядови добре знаемого, который перед урядомъ вгородскимъ Володимерскимъ очевистю стоячи, въ способъ правдивое реляции своее, ижъ то, о што презъ тыхъ протестующихъ выше освѣтчено есть въ суде владычомъ и вгородскомъ Володимерскомъ, такъ а не иначе все быти возналъ и тое свое сведецство до книгъ теперешънихъ вгородскихъ Володимерскихъ учинилъ. И просили вышеменованные особы, абы их тое освѣтчене до книгъ нинешнихъ вгородскихъ Володимерскихъ, з очевистымъ вознанемъ возного, было принято и записано; што есть принято и записано.

Книга вродская Владимирская 1619 года, № 983, л. 927 об.

Примъч. Угрозы князя Чорторыйскаго не были пустыми словами: 15 ноября 1619 года была занесена жалоба отъ имени Политана Колытовскаго о тяжкомъ избіеніи и израненіи его по приказу князя Ю. Чорторыйскаго Книга № 2436, л. 774

11. Жалоба Федоры Колпытовской о неправильностяхъ и злоупотребленіяхъ, допущенныхъ епископомъ Мороховскимъ при разборѣ въ духовномъ судѣ дѣла ея съ княземъ Юріемъ Чорторыйскимъ. 1619 года, іюля 12.

Року тисеча шестсот деветнадцатого, месеца іюля дванадцатого дня.

Урожная ее милост пани Федора с Колпытова, малжонька велможного Юря Михайловича кнежати Чарторыского, перед урядомъ и книгами игродскими старостими Володимерскими и передо мною Томашомъ Козимирскимъ, буркграбим и наместником подстарства Володимерского, очевисто стоячи, жалобливе напругиво велебному Иоахимови Мороховскому, владыце Володимерскому и Берестейскому, светчила се о то, иж его милость отецъ владыка, на декрет короля его милости межи оною протестуючою а велможнымъ Юремъ кнежатеи Чарторыскимъ, малжонком ее, стороны плюбу и недотриманья веры малженъское, до себе для вывоженья сведецтва одосланого, ничого не паметаючи, але се оному спруготививши, наперед не сам велебный отецъ владыка, яко належить, з ынъшою своею ксенъжою и попами, официалистами, скругутинии слухаль и судил, але попа кнежати его милости, меновите названого Кгалазего¹⁾, слугу его кнежацкое милости, который ему слугжить, и инъших, которых на то его кнежецкая милост затыгнул, до слуханья скругутинии и ферованья декретовъ приспособилъ и на судъ свой засадилъ, и декретъ з ними без жадное присяги, волнымъ чинечи кнежати его милости де пляно вечными часы, феровал и сказал; которого отецъ велебный владыка не мел сказывати ани феровати, але сведецтва выслулавши, скругутинии обом сторонам выдавши, до короля его милости, яко в головной справе, для узнания ее (яко о томъ декретъ его корол. милости

¹⁾ Рѣчь идетъ о Геласіи, архимандритѣ Успенскаго Дорогобужскаго монастыря, существовавшаго въ с. Дорогобужѣ, что нынѣ деревня Остр. у. Вол. губ.

вышшей менованый ширей обмовляет) одослати. А над то, кгда его кнежецкая милост сведки свои провадилъ и скрутиниюм вывел, теды, кгда пани Федора с Колпытова свои сведки веда, отецъ велебный владыка, по сконъченю его кнежецкое милости скрутинии, перешкожаючи сведкомъ панее Федоры с Колпытова, которых до сведецтва провадила, знов сведки его кнежецкое милости корумъпованые до зознаванъя припустил и того попа албо священника Колпытовъского, который при кнежати его милости за сторожою есть, знову до реассумованя присяги, перед велебнымъ отцем владыкою Луцкимъ учиненое, которая присяга декретом теперешним его королевское милости есть оттятая и не мней суспикована, и не для тое присяги потверженъя, але на вывоженъе сведецтва есть одослана. А што большая, скрутаторов моих, што того шлюбу певные и ведомы были, не ведати з якое причины припустити не хотель; навет и зознаванъя, которые в вгородех перед книгами, для далекости местца и акту теперешнего небытности, през сведки добре ведомые суть учиненые, выпису не хотел до суду приняти, а то за персвазию такъ попа, слуги вышей менованого его кнежецкое милости, яко и инших, которые были през его кнежецкую милост на тое приспособленые, до суду засажонные. До того, обокъ с тое избы, где се скрутиниюм одправовало, до покою выходити казал, зачим его кнежецкая милость так своих, яко и моих сведкомъ зознаванъя слухал. На остатокъ отецъ владыка, при бороненъю справы, докуменътовъ жадных не хотель, которые се указовали, читати и контроверсии жадное слухати, ку великой кривъде, жалости и шкоде панее Федоры с Колпытова то чинечи. В чомъ забегаючи, абы тая справа, которая, якъ сонце ясна (поневаж и сам отецъ владыка Володимерский того шлюбу добре ведомъ, кгдажъ его милости поведал перед тым тот попъ Колпытовский, который тот шлюбу давалъ и тепер присяг, и которого отца владыку до аттестации в той справе манъдатомъ на сеймъ позвано, которая в ареште есть), якого упадку не понесла, шацует себе на десеть тисечей золотых пол-

ских и толко ж шкоды. О которые всѣ вышѣменованные речи и о сиротивенѣ декрету его кор. милости повторе з жалостю на помененого отца владыку Володимерского се светчит и тую протестацию до актѣ теперешних вгородских Володимерских, при одправованю тое sprawy вышей менованое, дня десятого и одиннадцатого июля, року тисеча шестсот деветнадцатого, перед его милостю отцемъ владыкою внесеную, подаеть; которую просит, абы была принята и записана. Што я, уряд, принявши, до книг вгородских записати казалъ, и естъ записано.

Книга вродск. Владим. 1619 г. № 983, л. 929.

Примч. Любопытно, что въ числѣ свидѣтелей со стороны князя Чорторыйскаго былъ родной братъ Федора, Александръ Колпытовскій. На другой день послѣ суда Федора занесла жалобу на него: „ижъ онъ, маючи маетность под княжатемъ Юрьемъ Чорторыйскимъ, а маючи неласку (за певною причиною) у родичовъ своихъ, за намовою князя его милости, смел и важилсе сведцтво фалшивое противко сестры перед владыкою Мороховскимъ выводити и сведчити“.—*Ibidem*, л. 930 обор.

12. Возраженіе епископа Мороховскаго противъ означенной жалобы Колпытовской. 1619 года, июля 13.

Року тисеча шестсотъ деветнадцатого, месеца июля тринадцатого дня.

На вряде вгородскомъ, в замку его кор. милости Володимерскомъ, передо мною Томашомъ Козимирскимъ, буркграбим и наместникомъ подстароства Володимерского, велебный в Пану Христеусе его милост отецъ Иоакимъ Мороховъскій, епископъ Володимерскій и Берестейскій, якъ скоро взялъ ведомость о донесеной и до книг отданой протестации отъ урожное Федоры с Колпы-

това, яко се она менить быти, малжонъки велможного кнежати Юря Михайловича Чарторыского, напротивко оной жалосне се оповедал тыми словы: ижъ што тая то преречоная Федора с Колпытова менует быти в той протестации своей, яко бым я в справе ее с кнежатем его милостю Чарторискимъ, за декретомъ его кор. милости, пана моего милостивого, сеймовымъ и позвомъ духовнымъ перед судом моим отправовадой, взявши до себе попа Кгелазия, якобы слугу преречоного княжати его милости, и инших, которых бы княжа его милость з собою затыгнуль, до слуханъя шкрутиниумъ приспособити и на суд свой засадити мель, и надто, по сконченъю кнежати его милости шкрутинии, якобы перешкажаючи сведкомъ ее, которых до сведецтва приводила, знову сведкомъ княжати его милости корумпованых до зезнаванъя и того попа, або священъника Колпытовского, который бы при княжати его милости за сторожою был, знову до реассумованя присеги, которая бы уже декретом его корол. милости была отъята, припустити мел, и шкрутаторов оное, которые бы того шлюбу певны и ведомы были, до сведецтва не припустил; до того с тое избы, где се шкрутиниумъ отправовало, до покою выходити княжати казал, за чим бы княжа его милост своих, яко и оное, светъковъ зезнаванъя слухати мель, и якобым докуменътовъ жадныхъ при бороненю справы читати и контроверсии жадное слухати не хотел, и того шлюбу самъ бым ведом от того попа Колпытовского будучи, оного до присяги припустил, шапуючи себе затым шкод на десет тисечей золотых полских. Противъ которое протестации всим пунктом ее соленитер преречоный его милост отецъ владыка репротестовал: ижъ в помененой справе той то протестующийсе з кнежатем его милостю Чарторискимъ ничого отъ пристойности и права духовного и посполитого не одступовал и противного тому ничого в суде своемъ не чинилъ, з великим, годнымъ ушанованемъ декрет его корол. милости, пана нашего милостивого, до мене от стороны поводовой кнежати его милости Чарториского поданый, принявши, водле него и контроверсий, од сторонъ вношоных, поступоваломъ, воззавши

и упросивши до себе особъ духовныхъ набоженства римского костела и церкви восточное набоженства руского католицкого, людей зацныхъ, права умѣтныхъ: его милости в пану Бозе велебного ксенѣдза и велебного отца Кгелазия Русовского, архимандрита Дорогобузкого, а не слугу жадного княжати его милости Чарторыского, яко она удаеть, и отцовъ законниковъ, доминикановъ и презбитеровъ капитулы Володимерское, а з особъ свецкихъ, которыхъ было з obu сторонъ людей зацныхъ немало, на жадные суды до себе не затегаючи ани ихъ взываючи; шкрутиниумъ obu сторонъ, до которое се отзывали и в той справе потребовали, по выконаню публичнымъ ихъ присег, порядне оное без жадного уближенѣя слушалом, каждой стороне з ихъ светками местце особливое слушное давши, а то постерегаючи, абы жалювь далшихъ межи собою не мели; которыхъ се без жадного ушанованѣя кождое особе при суде од тое то протестуючоее наслухало; и по долгихъ контроверсияхъ оныхъ и читанѣю и выслуханѣю доводовъ листовныхъ, декретъ был на писме читаный, осведчаючи сумненѣемъ моимъ, же не што иншого, только Пана Бога, права слушност и справедливостъ светую пред очима маючи, допустивши стороне апелации там, где ми декретъ его корол. милости, пана нашего милостивого, спецификовал; а то, што колвекъ естъ в той протестации противко мене учиненой, речи сугъ на мене змышленые и жадного подобенства правды не маючие, которые абы гонорови и рядови моему не шкодили и злое естимации ни у кого на жадномъ местцу не чинили, тую репротестацию мою вношу. Которая абы принята и до книгъ записана была, преречоный велебный его милост отецъ владыка Володимерский просил; што уряд принявши, до книгъ вгородскихъ записати казал, и естъ записано.

Книга вродск. Владим. 1619 г. № 983, л. 934.

13. Жалоба матери Колпытовской, Ганны Костюшковичовны, что владыка I. Мороховскій, постановивъ незаконное рѣшеніе по бракоразводному дѣлу ея дочери съ княземъ Ю. Чорторыйскимъ, отказался выдать ей копію протокола судебного слѣдствія по этому дѣлу для представленія королю. 1619 года, августа 17.

Року тисеча шестьсотъ деветнадцатого, мѣсяца августа семонадцат дня.

Пришедши на врьдъ кгродскій, в замокъ его корол. милости Володимерскій, до мене Томаша Кгозимирского, буркграбего и наместника подстароства Володимерского, ее милост пани Костентинова я Колпытовская Ганна Костюшковичовна с Хоболтовы, именемъ цорки своее панее Федоры Колпытовъское кнежны Юревое Чарториское обътежливе жаловала и протестоваласе напротивко в Бозе велебному его милости отцу Иоакиму Мороховъскому, владыце Володимерскому и Берестейскому, в тот способъ: ижъ за одосланьемъ декрету его корол. милости сеймового до его милости пана владыки Володимерского на выведенье шкрутиниумъ перед суд его духовный в справе цорки моее с кнежатеи его милостю Юремъ Чарторыскимъ о зламанье шлюбу малженского, ведле которого то декрету его корол. милости сеймового, а за позвомъ владыки его милости Володимерского по кнежати его милости Чарторыского до слуханья, шкрутиниумъ свою через людей задныхъ противко кнежати Чарторыскому слушне и справедливе выводила и вывела; нижли его милост пан владыка Володимерскій, будучи фаворъ кнежати Чарторыскому, декретъ свой духовный ку кривде цорки моее выдал, а над то и шкрутинѣй их ин окклюзо ротуло ведле права, кгда цорка моя не пооднокротъ до пана владыки з вознымъ и шляхтою ходила, абы ей выдалъ, выдати шкрутиниумъ не хотиль и не выдалъ, потребуючи якогос запису от нее на тую шкрутиниум, о што се цорка моя противко пану владыце возным и шляхтою светчила И просила ес милость пани Колпытовъская, абы тая протестация ее до книгъ принята и записана была. Я, врьдъ,

принявши, до книгъ городскихъ Володимирскихъ записати казалъ, и есть записано.

Книга городск. Владим. 1619 г., № 983, л. 1025 об.

Примѣч Въ отвѣтъ на эту жалобу Мороховскій внесъ въ гр. Владимірскія книги заявленіе, что онъ копию „скрутинѣ“ не выдалъ Аннѣ Колыптовской за непредставленіемъ ею довѣренности отъ дочери.

Дѣло о бракѣ князя Чорторыйскаго не было разсмотрѣно на сеймѣ 1619 г. и грозило затянуться на неопредѣленное время. Между тѣмъ на Волыни исходомъ его интересовались не одни лишь прикосновенныя лица и ихъ родственники. Благодаря выдающемуся общественному положенію князя Юрія Чорторыйскаго, его бракоразводный процессъ выходилъ изъ предѣловъ частнаго дѣла и возводился на степень общественнаго явленія, настолько важнаго, что вопросъ объ его исходѣ интересовалъ все шляхетское сословіе. Поэтому волынскіе дворяне, собравшись 22 сентября 1620 г. на сеймикъ въ г. Луцкѣ для составленія инструкціи депутатамъ, отправляемымъ ими на предстоявшій сеймъ Варшавскій, въ числѣ другихъ представленій о мѣстныхъ политическихъ и общественныхъ интересахъ и нуждахъ, включили въ эту инструкцію слѣдующее ходатайство по дѣлу кн. Чорторыйскаго: „Sprawa xzęcia jego mosci Jerzego Czartoryskiego ma być wielce zalecona pp. posłom naszym, którzy mają w koło poselskie to wniesć, że nie tylko w duchownym prawie decreta otrzymane, ale y to, iż w wojewodstwie naszym w tak wielkim zdomadzeniu ani z duchownych, ani z świeckych zacniejszych y podleszych nikt taky nie był ani iest, który by mógł iako w każdej inszey sprawie, tak i w tey, pogotowiu o życiu xzęcia j. m. ynakszego dać świadectwa, ieno iako o człowieku zasnym s przodkow swych y siebie samego zasłużonym RPtey; za którym naszym świadectwem mają się starać, aby xzę j. m. nie tylko sprawiedliwy dekret wolności od j—go kr. mosci, w czym nie wątpimy, otrzymał, ale żeby y ta osoba, która to wlokła niesłusznie na xzęcia j. m., karana była.“—Актовая кн. № 2125, л. 894.

Было ли уважено это ходатайство и вообще какой былъ конецъ процесса князя Ю. Чорторыйскаго съ Ѳ. Колыптовской—объ этомъ мы не нашли данныхъ въ нашихъ матеріалахъ. *Ред.*

СXXXVII.

Запись, выданная священникомъ церкви св. Пятницы въ г. Владимірѣ-Вол. Михаиломъ Самсацкимъ дячку своему Заку Онисковичу въ томъ, что если послѣдній вступить въ бракъ съ его племянницей, то онъ будетъ стараться о посвященіи его въ діаконы къ той же церкви и со временемъ обязывается передать ему свое „дѣдичное“ право на означенную церковь. 1620 года, октября 24.

Року тисеча шестьсотъ двадцать первого, мѣсеца декабря тридцатого дня.

На вряде кгородскомъ, в замку его кор. милости Володимеръскомъ, передо мною Каспромъ Шпоровскимъ, подстаростимъ Володимерскимъ, и книгами нинешними кгородскими старостиньскими становъши очевисто, шляхетный панъ Грегорій Завалский листъ, запись добровольный одъ богомыслного отца Михайла Самсацкого, презвитера церкви светое Пятницы, тут у Володимери на передьместю Запятничю лежачое, славетному Сакови Онисковичови, дякови своему, на речъ въ немъ меновите описаную и выражоную, тутъ въ месте Володимеру, року тисеча шестьсотъ двадцатого, месеца октября двадцать четвертого дни написанный и данный, именемъ шляхетныхъ Олены и Анъны Кацеровичовенъ, цорокъ зошлого шляхетного пана Ивана Малофеевича, поповича Пятницкого, для вписанъя до книгъ нинешнихъ кгородскихъ Володимерскихъ перъ, облятамъ подалъ так се в себе маючий: Я Михайло Самсацкий, презвитеръ церкви светое Пятницы у Володимери, на передьместю Запятничю лежачое, чиню явно и сознаваю тымъ моимъ листомъ, записомъ добровольнымъ, каждому, кому бы о томъ ведати належало теперъ и потомъ завѣжды: ижъ што, за волею Господа Бога вшехмогучого и радою повинъныхъ моихъ, понялемъ былъ въ станъ светый малженъский Ганъну Ивановну Кацеровича, дедичку добръ церкви светое Пятницы и инъшихъ принадлежностей заровно еи зъ сестрами ее рожоними Оленою Мойсеевою а Гасею Ми-

хайловою Пѣшквичевою, по отцу их зопломъ Ивану Малофеевичу, поповичу Пятницкомъ, приналежающую; а ижъ они обедъве сестры ее, маючи свое обестъя иншие, мне тое церкви до живота нас обойга уступили, за которымъ уступенъемъ ихъ я въ свещеничество пострижонъ будучи, часть немалый зъ малжонкою моею зоплюю Ганъною тое маетности уживалемъ, а по смерти ее и теперь спокойно уживаю, диспонуячи добрами до тое церкви приналежащими. Однак же упатрѣлем то, же кождый чоловек, таковой въкъ выживъши, яковый я выжилъ, ближшій уже есть смерти, а нижели сегосвѣтнoго мешканя; што все я на добромъ баченью маючи, а милуючи малжонку мою за живота ее, а по смерти хотечи таковую жъ милость и повиннымъ ее оказати и працу, которуюмъ коло тое маетности подъяль, имъ в покою зоставити, яко власнымъ потомкомъ, а по смерти ихъ деткомъ ихъ; маючи тежъ взглядъ на заслуги мне одъдаваные и церкви Божое Сака Онисковича, дьяка на тот час церкви светое Пятницы, постановляю то: ижъ скоро бы, за волею Господа Бога вшехмогучого, тот-то Сакъ Онисковичъ, дьякъ мой, поняль в станъ светый малженъский цорку у пана Мойсея Яковлевича и малжонки его панее Олены Кацеровичовны панъну Галену, которая уже за него есть змовлена и час веселя певъный зложонъ, теда я оному таковую нагороду учинити маю: напродъ старатисе буду повиненъ, абы без жадного оmeshкяня въ дьяконы пострижонъ, а кгда бым уже я уставаль в служенью службы Божое и въ одъдаванью фалы, теда и на свещеництво постановленъ былъ, а я оному привилей, на тую церковь служащий а на мене одъ короля его милости, теперешного пана нашего милостивого, потвержонный, зо всеми аппаратами церъковными ведле реестру, черезъ мене списаного, одъдати и всѣхъ приналежностей к той церъкви належачихъ уступити маю; а онъ толко мене предъсе при той церкви до смерти моее ховати и выживленъе слущное, на мой станъ належачое, давати маеть. А за одъданъемъ привилею и уступенъемъ церкви светое Пятницы зо всеми приналежностями, маеть онъ на том

спокойне мешкати и пожиткувъ вшелякихъ уживати безъ жадного импедименту одъ мене самого и повинныхъ моихъ, близкихъ и далекихъ, которые бы себе якую близкост в том быти розумели и трудность о то задавати хотели, што я од нихъ тымъ теперешним листомъ моим отдаляю часы вѣчными и трудности въ томъ чинити не мают, подъ закладомъ двадцати копъ грошей литовских и под нагороженъемъ шкодъ и накладовъ на голое реченъе слова его самого; о который закладъ в неучиненъю досытъ которой колвекъ речи, такъ черезъ мене самого, яко и повинныхъ моихъ, въ задаванъю трудностей черезъ нихъ, даю волность такового каждого позвати до вшелякого суду, права и уряду, жебы одно тая справа зъ якое колвекъ кондиции въ томъ записе менованое форумъ мела, позвомъ якимъ хочечи; а онъ за першимъ позвомъ и на першимъ року стати, а ставши, жадныхъ оборонъ не заживаючи, року, позву не буречи и ни чимъ его не збиваючи, неналежностью жадною се не щитечи, хоробами се не закладаючи, усправедливитися маю и мають, то есть закладъ заплатити, шкоды нагородити; а заплативши закладъ и шкоды нагородивши, предсе тот листъ во всемъ при зуполной моцы хованъ и у каждого суду почитанъ быти маеть и кондициямъ въ немъ выражонимъ досытъ чинити повинни будутъ тылекротъ, илекротъ бы того потреба указовала, жадными давностями ани упадлостью запису сего не щитечисе, ани жадное давности ему не задаваючи; варуючи то однакъ, ижъ на тот часъ есть поля той церкви належачие, прозываемые Коцоръ, арендовани через мене пану Михайлу Вручинскому на лет три по себе идучихъ, которымъ тромъ летомъ конецъ маеть быти о светомъ Спасе рускомъ в року пришломъ тисеча шестьсотъ двадцатомъ второмъ, по которомъ експированъю аренды тое и выйстью тыхъ троухъ летъ уже панъ Вручинский не маеть того поля на паренину орати а ни кому иному продавати, але ихъ оному уступити и десятину зъ того поля в року томъ шестьсотъ двадцатъ второмъ з озимины и ярины дати маеть. И на том далъ Саку Онисковичу тотъ мой лист, доброволный записъ, с подписомъ

руки моее и с печатью моею; до которого за устьною прозбою моею печати свое приложити и руки подписати рачили, то есть: панъ Андрей Мисевский, панъ Иванъ зъ Добрска Стривязьский, а панъ Янъ Омединский, также и с парафиянъ три, которие писати умели, руки свое подписали. Писан у Володимери, року тисеча шетстсотъ двадцатого, мѣсеца октября двадцать четвертого дня.—У того запису местцъ на притисненѣе печатей наготованыхъ три, а печать засъ притисненая одна, а подѣпись рукъ тыми словы: Михайло Самсацкій, презвитер Пятницкій, рукою власною. Jwan z Dobrska Strywiazsky гѣка swą. Власть Ивановичъ рукою власною. Устне прошоный Романъ Охримовичъ рукою власною.— А такъ я, подстаростий, тотъ записъ, за поданьемъ и прозбою вышъ менованого подавающого, принявши, оный с початку увесь, ажъ до конца, такъ яко се в себе маєтъ написанный и поданный есть, до книгъ нинешнихъ кгородскихъ Володимерскихъ, самый орииналь его тому жъ подавающому выдати росказавши, уписати есьми казалъ, и есть уписанъ.

Кн. кродск. Владим. 1619 г. № 985, л. 1150.

СXXXVIII.

Предварительное условіе, заключенное княземъ Львомъ Воронежскимъ и его женой Христиной Боговитиновой относительно предположеннаго ими развода. 1621 года, апрѣля 28.

Року тисеча шестсотъ двадцет третего, месеца августа семнадцатого дня.

На вряде кгородскомъ, в замку его кор. милости, передо мною Яномъ Вылежинскимъ, подстаростимъ Луцкимъ, постановившимъ оче-

висто, урожоный княз Михал Воронежский для вписаня до книгъ кгородскихъ Лудкихъ подал пер облятамъ интерцызу певного поставленя межи урожонымъ княземъ Лвомъ зе Збаража Воронежскимъ а урожоною панею Крестиною Боговитянкою княгинею Лвовой зе Збаража Воронежскою, малжонками, с печатю и с подписомъ руки ее милости панее Кристины княгини Лвовое Воронежское, также с печатми и с подписами рукъ людей добрыхъ, о чомъ тая интерцыза шырей в себе мае, просечи, абы принята и до книгъ уписана была; которую я, для вписаня до книгъ приймующи, передъ собою читат казалемя, и такъ се в себе писмомъ полскимъ писаная мае: Miedzy mną, kniazemъ Lwemъ ze Zbaraża Woronieckymъ, а mną, Krystyną Bohowitianką kniehinią Lwową ze Zbaraża Woroniecką, małżonkami, stałosię takie postanowienie pewne: iż co miedzy nami małżonkami zaszły warchoły, różnice w małżenskimъ stanie różnemi czasy, w ktorыхъ to warchołachъ naszychъ nieznosnychъ ja Krystyna Bohowitynowna, małżonka kniazia Lwa Zbarazkiego, uciekшы się s protestatiami do grodu Łuckiego, pozwałamъ była przedъ duchowny sądъ małżaka swego do rozvodu y podała skargę swą y przyczynę na piśmie przedъ sądъ duchowny; такъ тежъ y ja Lewъ ze Zbaraża Woroniecky, на skargę małżaki swey, на terminie replikę swą, przeciwko terminu y skargi małżonki swey, подаłemъ тежъ на terminie skargę swą do sądu duchownego. Iakożъ ja Lwowa ze Zbaraża Woroniecka pozywałamъ pozwy duchownemi przedъ sądъ duchowny do rozvodu kilka razowъ, niżli за кождымъ razemъ на terminachъ przypadłychъ та się sprawa dla różnychъ sprawъ nie skonczyłasię, а на ostatnimъ terminie małżonekъ moyъ wzdałъ mie in contumatiamъ, iakożъ те wszystkie sprawy, такъ skargi nasze, на terminie podane, zobopolnie, do aktъ duchownychъ wpisane, такъ protestatie moie Lwowej Zbarazky tę sprawę szyrzey obmawiaią. А iż за pozwemъ ode mnie wyniesionymъ od sądu duchownego do małżонка mego kniazia Lwa Zbarazkiego przypadłъ terminъ на dzisiejшы день, aprila dwudziestego osmego, roku тysiącъ szescsetъ dwudziestego pirwszego, przedъ sądemъ duchownymъ Łuckimъ, ту в Łucku: tedy мы spolnie, iednostainie,

tak ia kniaz Lew Zbarazsky, iako y ia kniehinia Lwowa Zbarazka, małżonkowie, nie przypuszczając tę sprawę przed sąd duchowny, tak yz sobą zhodnie postanowilismy: iż ia Łew Zbarasky, co mam zapisy od sławney pamięci jmc. pana Andrzeia Bohowityna s Kozirad na summę pieniędzy dwa tysiąca złotych polskich, mam wrocić małżące mey; a ia kniehinia Lwowa z Zbaraża Woroniecka Krystyra Bohowitianka mam też wrocić małżonkowi memu zapis na summę cztery tyciąca złotych polskich y quitować powinnna urzędownie będę s tey summy wysz mianowaney w grodzie Łuckim, a drugi na przyznanie tey summy; tak też spolnie my oboie osoby powinni będzemy tak ze wszelakich protestatij, rellatij woznych, tak ode mnie kniehini Lwowey Woronieckiey abo oycy mego w grodzie Łuckim poczynionych, quitować małżaka swego y prawo te kassować y wiecznie umorzyć; tak też cochmy skargi swe z obu stron podali dc xiąg duchownych, s tego się z obu dwu stron quitować mamy. A co sie tknie rzeczy moich, pozostałych przy małżaku moim kniazu Lwu Zbarazskim, te mnie według sumnienia swego ma mi wrocić, co rozumiem, że nie ostawi nic na sumnieniu swym. A to sobie wszystkie te condicie, w tey intercyzie opisany, mamy wypełnić y zyscić wodle tey intercyzy, to iest junia siodmego dnia, w pierwszy poniedziałok po Troicy świętey rzymskiego święta, tu w Łucku, w roku teraznieyszym tysiąc szescset dwudziestym pierwczym. A wypełniwszy te wszystkie condicie zobopolnie, mamy y powinni będziem tegoż dnia y roku wysz mianowanego u sądu duchownego my małżakowie, obie osobie, stać bez żadnych zmaz, skalowania y sromoty u sądu duchownego tu w Łucku, gdzie sie sprawa poczęła, nię skaluiąc ieden drugiego, wynalazszy przyczynę choroby abo iakikolwiek, do rozvodu podobny, bez uszczyrbku ucciwego na obie stronie przyczyny, rozwiesć się z małżęskiego stanu mamy. A to wszystko y wszystkie conditie, w tey intercyzie opisane tak wyżey, iako y niżey, wypełnić y zyscić mamy pod zaręką dwuch tysięcy złotych polskich y pod nagrodzeniem szkod na gołe rzeczenie słowa, bez przysięgi, o co forum u każdego sądu y prawa,

tak ziemskiego, grodzkiego, trybunalskiego, iako y duchownego obedwie stronie sobie zachowuiem; a to w niedosyc uczynieniu ktorey kolwiek condiciey, w tey intercyzie opisaney, przez nas, iesliby ktora strona ktorey condiciey chciała być przeciwna y dosic czynić nie chciała, a strona gdyby ukrzywdzona stronę sprzeczną pozwała, tedy w tym wszystkim za pirwszym pozwem sprawić sie u każdego sądu wysz mianowanego powinna będzie pod zakładem wysz opisanym; a sprawiwszy sie, zakład y szkody zapłaciwszy, przecie ta inrercyza przy mocy swey ostawać ma. Co dla lepszey wiary te intercyze nasze, słowo w słowo pisane, miedzy się dalismy y rozebrali, a to z podpisem własnych rąk naszych y pieczęciami. Do ktorey to intercyzy, za ustną prozbą naszą, ich mość panowie przyiaciele naszy ręce swe podpisać y pieczęci przyłożyć raczyli, to iest: j. mc. pan Mikołay Bohowityn s Kozirad, j. mc. pan Siemion Witonisky, j. mc. pan Piotr Hulewicz, j. mc. pan Krzysztofh Horain, j. mc. pan Jerzy Czerniewsky. Pisan w Łucku, aprila dwudziestego osmega dnia, anno tysiąc szescset dwudziestego pirwszego.—У тое интерцызы печатей шест, а подпис рук тыми словы: Krystyna Bohowitynowna Woroniecka ręką swą. Mikołay Bohowityn mp. Pieczętarz proszony Semion Witonisky mp. Piotr Hulewicz. Krzysztofh Horain mp. Jerzy Czerniewsky ręką swą.—Которая ж то интерцызга, за поданемъ и прозбою вышъпомененое особы, а за принятем моим, уся, с початку ажъ до конца, до книг вгродских Луцких ест ушсана.

Книга вродск. Луцкая 1623 г., № 2132, л. 1071.

СХХХІХ.

Судебное дѣло о прелюбодѣянїи въ шляхетской семьѣ.

1. Жалоба п. Яна Рѣзановича на жену свою Марушу и на п. Демьяна Воронича о томъ, что они открыто живутъ въ преступной связи между собою. 1621 года, ноября 22.

Року тисеча шестсотъ двадцатъ первого, месеца ноябра двадцатъ второго дня.

На вряде кгородском, въ замку его кор. милости Луцком, передо мною Марціяном Олшамовским, буркграбим и наместникомъ подстароства Луцкогo, ставши очевидно, шляхетный панъ Янъ Резановичъ жалосливе светчилъ и оповедалсе напротивко шляхетное Маруши Жирицкогo Яновое Резановичовое, малъжонце своеи, и напротивко урожоному пану Демьяну Вороничу о то, ижъ помененные особы, не конътентуючисе тым, што в небытности протестуючогo предъ тым нерядне, под претекстом службы помененое малжонки его, през лет килка мешкали, але и недавно помененый пан Вороничъ, упросивши и намовившы протестуючогo, яко чоловека убогoго и уломногo, абы в небытности его, ним бы ся з експедиции посполитогo рущеня звернулъ, в дому его з жоною своею при малжонце его урожоной панеи Галене Долматовне Исайковскогo Ворониной промешкал и робот в небытности его догледал, обещаючи ему за тое и за першие лета, през которые служила жона его, по звроченюсе з посполитогo рущеня заплащать, там же, мѣсто нагороды, по звроченюсе з експедиции тое в року теперешнем тисеча шестъсотном двадцатъ первомъ, месеца ноябра пятогo дня, помененый пан Вороничъ, порозумевшисе з помененою Марушею Жирицкогo Резановичовою, малжонкою протестуючогo, оногo з дому своего од жоны его власное одогналъ, и так з собою обое тепер, не огледаючисе на боязнь Божую и срокгост права посполитогo, такъже на веру малженъскую, при

шлюбѣ поприсяжоную, без встыду, при живой малжонъце панѣи Ворониной урожное панѣи Галены Долматовны Исайковского, з великимъ преслядованемъ еѣ, в цудзозостве явнымъ мешъкают и того поперестати не хочуть; а надто еще панъ Воронич и пофалки на здравѣ протестуючого чинит; зачимъ не будучи безпечень здоровъя своего, такъ о тѣѣ похвалки, яко и о такіѣ шкарадъные учиньки цудзозоства, повторе се светъчилъ, оферуючисе о тое все в суде належном правне чинити. И просил помененый пан Янъ Резановичъ, абы тое его оповедане до книгъ кгородскихъ Луцкихъ записано было; што за принятемъ моимъ естъ записано.

Кн. вродск. Луцк., 1621 г. № 2442, л. 734 об.

2. Декретъ Луцкаго вродскаго суда, коимъ Демьянъ Вороничъ и Маруша Рѣзановичева за чужеложство приговорены къ лишенію жизни, а за неявку въ судъ—къ инфаміи. 1622 года, февраль 19.

Року тисеча шестсотъ двадцатъ второго, месеца февралья дветнадцатого дня.

На рочкахъ судовыхъ вродскихъ Луцкихъ, от дня десятого месеца февралья в року звышънаписаномъ припалыхъ и судовне отправоватъ зачатыхъ, передъ нами Яномъ Вылежинскимъ, подстаростимъ, а Адамомъ Сопоткомъ, скарбникомъ Волинскимъ, судею, вродниками судовыми вродскимъ Луцкими, кгда се приточила справа з реестру судового за приволанемъ возного, шляхетного Станислава Суского, межѣ шляхетнымъ паномъ Яномъ Резановичомъ, поводомъ, а шляхетною панею Марушою Жирицького Яновою Резановичовою и опекунами еѣ, если бы якіѣ претендовала, и урожнымъ паномъ Демьяномъ Вороною, позъваными, за позвомъ вродскимъ Луцкимъ, от

повода по позваныхъ на рочьки теперешные выданамъ, которые то позъванные, будучи от повода презъ возного вышъменованого при-
волывани, не стали и ведомости жадное о нестанку своемъ судови
нинешнему и поводовой стороне не дали, зачим оных, яко неста-
лых и права посполитого непослушных, менованый поводъ з до-
пущеня судового на упадъ в зыску речи, в позве нижей инсерова-
номъ меновите выражоное, з волным однак тое справы арештом
до звыклое години, въздалъ на позов, который таъ се в себе маеть:
Албрехт Станиславъ Радивил, кнежа на Олыце и Несвижу, подъ-
канцлерый великого князства Литовъского, Луцъкий и Ковенский
староста etc. шляхетной Маруши Жирицъкого Яновой Резанови-
човой и опекуномъ твоимъ, если их себе мети претендуешъ, кото-
рих тут имена за выражонные мети хочем, и урожоному пану Де-
мяню Вороне, з особы и зо всихъ добръ ваших лежачих и рухо-
мых и сумъ пенежных, где колвекъ и якимъ колвекъ способом
вамъ належачих, приказую, абысте вм. передо мною албо урядомъ
моимъ кгородским в замку Луцъкимъ, на рочках кгородских Луцъких,
которые в року теперешнем тисеча шестсотъ двадцат второмъ,
месеца феврала десятого дня припадуть и сужоны будутъ, сами
очевисте и завите стали, на жалобу и правъное попиранъе шля-
хетного пана Яна Резановича, малжонка твоего, Резановичова,
который, прихилиючисе до протестации своее в кгороде Луцъкомъ
учиненое, по выведеню в земъстве Луцъкимъ шкрутениум сво-
его ¹⁾, вас обойга позываетъ о то, иж вы, не контентуючисе тым,
што есте перед тымъ в небытности повода в неряде, под претекъ-
стом службы помененое Резановичовое, малжонки поводовое, през
килка лет мешъкали, але и недавно вм. пане Ворона, упросивши
и намовивши повода, яко чоловека убогого и уломъного, абы под
небытност твою, пане Ворона, ним быс се зъ екъспедиции поспо-

¹⁾ Протоколъ этого „шкрутениумъ“, производившагося въ Луцкомъ земскомъ
судѣ 13 генваря 1622 г, внесенъ гъ Луцк. земск. книгу № 2820, л. 47. Судъ выслу-
шалъ лишь свидѣтелей обвинителя, таъ какъ ни Вороничъ, ни жена Резановича не
явились на судъ.

литого рушеня звернулъ, в дому твоємъ з жоною своею при малжонце вм. урожное панее Галене Долматовне Исайковъского Ворониное перемешкал и робот в небытности твоее догледалъ, обещаючи ему за то и за першие лета, през которые жона его служила, по зверненюсе с посполитого рушеня заплатити, тамъ же, место нагороды, по зъверненюсе с тое експедиции в року прошлом тисеча шестсотъ двадцат первомъ, месеца ноябра пятого дня, вм. пане Ворона, порозумившися съ помененою Марушею Жирицького Резановичовою, малжонкою поводовою, и ты Резановичовая, порозумевшисе с помененымъ паномъ Демьяномъ Вороною, теперешнего повода з дому вм. пане Ворона, от жоны его одогнали есте, и такъ тепер обоє, такъ вм. пане Ворона, яко и ты Резановичовая, з собою при живых малжоньках своих, не огледаючисе на боязнь Божую и срокгость права посполитого, такъже на веру малженскую, пры шлюбе попрысяжоную, безъ встыду, злеща при малжонце твоеи, пане Ворона, з великимъ преследованемъ ее, в цудзоложстве явнымъ мешъбаєте, и того поперестати не хочете, але чинечи еще погрозки на горъло и здоровье повода, чим есте въ вини в праве посполитым описаные попали. Зоставивъшы теды поводъ волное чинене правом о прегрозки, тепер толко до прислухана се наказаня на васъ винъ правных позывает. Про то абысте стали и на то, што часу права вамъ ширей словы декляровано будетъ, судовне отповедали. Писанъ в Луцку, року тисеча шестсотъ двадцат второго, месеца генъвара тринадцатого дня.—Которого въздана ижъ позъваные, будучи о године звыклой до арешту тое справы през тогожъ възного вышей менованого привольваны, не арештовали и арештоват не хотели, а преречонный поводъ далшого поступку правного в той справе на нихъ домавяльсе, про то суд винешный кгородский Луцкый, за нестанею позваных а за домовенемсе и правными поступками стороны поводовое, прихиялючисе в томъ до права посполитого, в далшом тое справы поступку, в съспособъ зыску вини караня на горле за учинокъ в позъве вышей менованый на позъваных вська-

зуетъ. А ижъ не станули, теды оных на далшую екъзекуцію, то есть на всказанье на них вины инфамии и ее публикации до суду головнього трибуналу Любельского, на конъсерваты воеводствъ Киевского, Волынского и Браславъского, напервей по дате сего декрету припадаючие и сужоные, отсылаеть, складаючи рокъ сторнам обомъ у менованого суду трибунальского такий, який с права прийдетъ. Што все для памети до книгъ кгородскихъ Луцкихъ есть записано.

Кн. гродск. Луцк. 1622 г., № 2998, л. 364 об.

Примч. 11 апрѣля 1622 г. возный вручяль Демьяну Воронѣ и Марушѣ Рѣзановичевой позовъ къ трибунальскому суду для „прислухана наказанья и публикованья на нихъ инфамии албо одсуженья чти“ за неподчиненіе декрету гродскаго суда. Изъ реляціи вознаго видно, что Маруша все еще продолжала жить въ домѣ Воронича.— Акт. кн. № 2444, л. 553 обор.

3. Возраженіе Маруши Рѣзановичевой противъ обвиненія ея мужемъ въ преступной связи съ п. Вороничемъ. Характеристика мужа, какъ праздношатающагося пьяницы, который нерѣдко подбивалъ ее на развратъ и намѣревался продать ее кому-либо или промѣнять на коня. 1622 года, марта 4.

Року тисеча шестсотъ двадцетъ второго, месеца марьца четверьтого дня.

Пришедши на врьдъ кгородский, в замок господарский Луцкій, перед мене Марцияна Олшамовского, буркграбего и наместника подстароства Луцкого, урожоная Маруша Жирицкого Яновал Резановичовая сама обличне и доброволне сознала тыми словы: ижъ дошло мене ведати, ижъ тутъ, в кгороде Луцкомъ, у книгъ кгородскихъ Луцкихъ учинена протестация в року прошлом тисеча шестсотъ двадцетъ первомъ, месеца ноябра, от Яна Резановича, мужа моего, который ся протестуетъ на мене и на его милость пана Демьяна Воронича, а то о якоес неучтивное мешкане и чужолство, якобы я з его милостю паномъ Вороничомъ мела в чужолстве мешкаючы, неучтиве ся справовати; што то онъ на мене

и на его милость пана Демяна Воронича неслушине протестуетъ, але то онъ чинить на его милости пана Воронича, уходячи того, абы с того выйшол, ижъ онъ отъ его милости пана Воронича утеклъ, пошкодивши барзо веде речей без бытности пана Воронича, кгда былъ на посполитомъ рушенью, а онъ ся былъ упросилъ самъ до его милости пана Воронича, абы подъ тотъ час, такъ стислый, моглъ при его милости пребыти; а на мене подобно для того, жемъ обачивши такуюю шкodu, што онъ чинил и ночнымъ обычаемъ збоже панъское по корчмахъ розносил, почаламъ през ее милость панее Вороничовое мовит и перестерегати, абы того болшь не было; чого онъ доведавши на мене, скоро его милост пан Вороничъ приехал з рушеня посполитого, обавяючися за то трудности, без жадное панское причины, зашкодивши есче и при пану самомъ, з одежею всею, што ему панъ далъ, и з грошми, не будучи болшь у пана, одно недел з пят албо шесть, што на целый рокъ был узял, от его милости пана Воронича утеклъ. Кгдажъ онъ не звыклъ ничего иньшого тотъ-то мужъ мой чинити, кгда одно упросится до которого цюгливого пана, абы его, при его уломности и окаличнымъ здоровью, хто моглъ для его калецтва штукою хлеба и чимъ иншимъ ратовати, то от кожного, выредивши што-колвекъ и зашкодивши, пропъеть и утечетъ; а я тежъ также, штоколвекъ где могу, убогая невеста, кривавымъ потомъ моимъ выслужити, то онъ з мене зодравши пропъеть, же одно ледве за часомъ грешное тело могу за его обычаемъ прикрыти. Яко тежъ, подпивши кгдамъ з нимъ коли в одномъ месцу, самъ мене, уцтивую жоньку, до речей непристойныхъ и вшетечныхъ хотел бы привести, и частокротъ того бывало, же упившися, то мене ляда кому продаетъ и в неволю подаетъ, и его милости пану Андрееви Зброжкови хотел продати за коня; што такъ его милость пан Зброжокъ, обачивши его шаленство, ему того не хвалил, а я тежъ, з часомъ от его такового умыслу утекаючи, уходила и не позволяла; што то онъ все, на мене будучи злое воли, ижъ ему не позволяламъ се подати на речи неслушныя, чинить. А о его милости пану

Вороничу то тымъ сознаемъ моимъ сознаваю, ижъ его милость панъ Вороничъ, штоколвекъ онъ, мужъ мой, писалъ на его милость пана Воронича в протестации своей, ни в чомъ не есть в подейзраню и не виненъ мѣне ест, а я его милости, и овшемъ: еслимъ коли была и служила в дому его милости и у ее милости панее Вороничовое, теды так ся зо мною, убогою невестою, справовали, яко ся добрим, цнотливымъ пану и панец годит, не дознавши-мъ его милости ни в чомъ, што было бы противко Пану Богу и добрымъ людем, былам у пх милости.—И просила менованая Маруша Жирицкого Резановичовая, абы ее тая протестация и сведецтво до книгъ принято. Што я принявши, в книги записати казалъ, и есть записано.

Кн. гродск. Луцк. 1622 г., № 2443, л. 295.

4. Заявленіе жены Воронича Гальшки, въ которомъ она эвергично протестуетъ противъ ложнаго обвиненія ея мужа въ преступной связи съ женою Рѣзановича. 1622 года, марта 4.

Року тисеча шестсотъ двадцетъ второго, месеца маръца четвертого дня.

Пришедши на врьдъ кгородский, в замокъ господарский Луцкій, перед мене Марцияна Олшамовского, буркграбего и наместника подстароства луцъкого, урожоная пани Галшка Исайковского Демяновал Вороничовая сама обличне, при бытности малжонка своего пана Демяна Воронича, явне, ясне и доброволне вызнала тыми словы: ижъ дей дошло мене ведати, ижъ тутъ в кгороде Луцкомъ, у книгъ кгородскихъ Луцкихъ, учинена протестация в року прошлом тисеча шестсотъ двадцетъ первомъ, месеца ноября, от Яна Резановича, который у пана малжонъка моего служил, и зашкодившы барзо веле речей, без бытности его, кгда был на посполитомъ рушеню, и скоро панъ малжонокъ мой приехал, онъ, обавляючисъ спать яко трудности от малжонка моего, утеклъ, а

то абы малжонокъ мой милый панъ Демянъ Воронич мел зо мною непристойне мешкаючи п чужолоством ся бавечи, в дому своем, якобы изъ жоною его мелъ в цужолостве мешкати, яко и мене в той протестации вспоминаеть, якобым я мела якоес преследованье от пана малжонка моего милого мети за жону того то Резановича, паницы п волоцуги, што то тот Янъ Резановичъ, снатъ за намовою некоторого чловека, што ся можетъ показати, албо-ли и сам уходячи того, абы стонтъ могъ быти правъ, же зашкодивши, от пана малжонка моего утеклъ,—то чинитъ неслушне, и то подаеть, яко не есть. Але я з малжонкомъ моимъ милымъ паномъ Демяномъ Вороничомъ мешкаючи в стане светом малженском от летъ двадцяти и далей такъ, яко ся намъ, добрым, цнотливымъ, на домъ шляхецкий годит, не дознаваламъ и не дозналамъ пана малжонка моего ни в чомъ непристойномъ противко себе, ани кому иному, и овшемъ мешкает зо мною, яко доброму, цнотливому малжоньку на ставъ его шляхецкий належачи, уцтиве в стане светомъ малженскомъ, што есть не тайно цнотливымъ добрымъ людемъ, которыи ведоми нашего мешканя, ани ся жаднымъ вшетеченствомъ, што бы противко Пану Богу и добрым людемъ мело прикро быти, такъ з жоною того то Резановича, яко и ни з кимъ ишимъ не дознавалам, апи ся тымъ бавит; але маючи уцтиве детокъ своих, яко нам добрым ся годит, о калкоро, такъ некоторых великих сыновъ и дочок, яко мы сами пристойне ся в убогомъ дому нашомъ шляхетскомъ, яко намъ Панъ Богъ поблагословить рачил, справуемъ; а тот то Резановичъ неслушне и не такъ, яко есть, на папа малжонка моего и на мене таковую протестацию ку славе дому нашого шляхецкого уцтивного внесл, што ся николи в дому нашом шляхецкомъ не показовало и не покажет.—И просила ее милость пани Вороничовая, абы тое ее очевистое сознанье до книгъ было принято. Што я принявши, в книги записати казалъ, и есть записано.

Кн. уродск. Луцк. 1622 г., № 2443, л. 296.

СХЛ.

Заявленіе Владимірской мѣщанки Анны Мрозовской о томъ, какъ ей жилось въ замужествѣ за шляхтичемъ. 1622 года, іюля 8.

Року тисеча шестсот двадцат второго, месеца июня осмого дня.

Пришедши на урядъ кгроский Володимерский, до мене Станислава Собанского, буркграбего Володимерского, шляхетный Семен Заленский, яко приятел, именем славетней паней Анны Мрозовское, мешчанки Володимерское, през которого жалосне се оповедала и протестовала на богомыслных отцов Василия Хотячевского а Иакова Угриновского, священников, о то, же в року теперешным тисеча шестсот двадцат втором, месеца мая двадцет четвертого дня, учинивши протестацию, подали до книг войтовских мѣста Володимерского на мене, спадков неяких по небожчику Янѣ Мрозовскимъ, мужи моим, доходячи, не поглядаючи на жал мой и убозство мое, до которого небожчик привѣл, не пытаючисе о расходахъ и о выдатках, написали и сумы пенезей, якиес волы, кони, золото, серебро, шаты, розумѣли якобы то было без вѣдомости людское и без людей, же небожчик муж мой Ян Мрозовский не тылко сумы пѣняжных, волов, золота, серебра не мел, але о них ани ведал; а пан Бог вѣдает и зацные люде, щом я сама готова показати часу своего, штом мела и по мне потомкове мои. А же се с тым одозвали минованыи отцове, нехай вѣдают о тым, же небожчик муж мой, взявши мене в стан светый малженский, взял по мнѣ суму пѣнязей золотых пятсот, и погордивши мешканем моим и домом мѣщским моим, также и быти под зверхностю мѣсцкою, своей шляхецкою выгадзаючи пристойности, за тые мое пѣнязи купил на кгрунте Бискупей горы од Колбаски свитлицу с комнатою над волю мою, и сто золотых и пят за то, што не стояло и петнадцати копѣ, дал, и так диспонувал тыми пѣнязми моими, на що сут розные мое доводы. И так дви лити, на бруку мешкѣючи в туп халупце купленной, потравил; а кгды ужъ не доставало, небожчик, вѣдаючи о суме пѣнезей, которую перший

малженокъ мой славной памяти Мартинъ Станиславовичъ Настазиеи, цурце зо мною спложеное, записав и дал и до рукъ шляхетному пану Андрееви Линевскому поручил, наступивши над волю мою всѣми способы, урадовне у пана Линевского, записавши се правне, взял тые, яко и инше пѣнязи готовые, будучи господарем и опекуном мене самѣи, яко малжонки, также и менованои Настазиеи, справовал, позычал, куповаль ляда - яко то тѣ, то ово, аж и до того пришло, же и у пана Ивана Оприлика, утчима моего, который ест жив, на двѣсти золотых полских узял, которые якъ мнѣ Стефановне, так Иванови, братови моему, от него правом отчистым приналежали, о чом ширей поступок наш в себе обмовляет. На остаток пришло до того, же позволил, занехавши противенства месцкого, под юрисдицію мисцкою, до моего дому з оного, за мое гроши на Бискупей Горѣ купленого, прийти. О чом всем хотя ж менованые отцеве, братия небожчика мужа моего, добрѣ вѣдали, а жадное помочи и ратунку не учинили, о што не пооднокрот отцу Василию так в дому его будучи зо мною, яко и в тей халупце на горѣ Бискупей з ним о отчизни кровным по отцу их подѣлку мовил, респонсу и декларации не учинили, окром обетници, и право прироженое ему, яко братови, указовали, о чим сут доводы. На тен теды час домагаются якоесь сумы пенезей по небожчику Яне Мрозовском, малжонку моим, за чим до того пришло ми убогой сероте, же то все за причиною и побудкою впредречоных отцев. Тую мою репротестацию, погледаючи на замысль моих диверий, до книг кгородских вашей милости, пане буркграбий, даю и прошу, абы была принята и записана.—Которая естъ принята и записана.

Кн. вродск. Владим. 1622 г., № 986, л. 407.

СХІІ.

Дворянка Урсула Лукаревская обвиняется въ отравленіи своего мужа. 1631 года, 20 февраля.

Року тисеча шестсотъ тридцатъ первого, месеца февраля двадцатого дня.

На вряде кгородскомъ, в замку его кор. милости Луццькомъ, передо мѣною Алексанъдромъ Малиновъскимъ, буреграбимъ и наместникомъ подѣстароства Луццького, станувъши очевисто, урожоный панъ Ерій Лукаревъскій, братъ рожоный зошлого урожоного пана Алексанъдра Лукаревского, часы недавъными през нижей менованыхъ особъ труцизною и ядомъ заразливимъ окрутне забитого и с того света зглажного, сведчилъ жалосне и обѣтяживе протестовалъсе противко урожоной паней Оръшули Якубовъского Александровои Лукаревъской, малъжонце помененого зошлого пана Алексанъдра Лукаревъского а братовои своеи, панее Галъжбете Юрковъне целюриковъне, першого малженства Якубовского, а теперешънего Криштофовое Чуриловое, матце ее, тудежъ и малжонькови ее пану Криштофови Оленскому Чурилови, — принципаломъ и авторомъ забитя и окрутного а немилосердного замордованя способомъ нижей менованымъ помененого зошлого пана Алексанъдра Лукаревъского, брата протестантъис, и помочниковъ ихъ, которихъ имена и прозвиска они сами лепей ведають, о то: ижъ помененые особы, не огледаючисе на боязнь Божую, милост ближнего, острость права посполитого, которое межи инъшими ексъцесами еюсъ моди кримина севере ветать, а звласча малжонка помененая небожчиковская, не огледаючисе ничего на присегу свою, которую небожъчикови, яко малжонкови своему, ведълугъ трибу и обряду хрестиянъского выконала, овъшемъ гис омнибусъ флоръдипенсисъ, вси згодне и одностайне од часу давного старалисе о то по килка разы, абы могълы небожчика такъ в питю, яко и в розмайтымъ еденью труцизною с того света згла-

дить; але за охороною Божою и перестереженъемъ установичьнымъ людей добрихъ, завъше былъ охороненый. Теперь, новиссиме, менованые особы, южъ добре се на то приготавлившы и прирадивъшы, по килька разъ листами, самого пана Чурила руки писанными, просили менованого небожчика на света в домъ свой, до маетности и мешканъя своего села Жолобьного, где и менованая малъжонька небожчиковская, опустивъши небожчика малъжонка своего, при матъце и отчине менованомъ мешкала. Тамъ же небожчикъ, частью прозбами ихъ убезпечоный, частью для того, абы менованую малжонку свою могъ вышукат и до дому своего зъ собою привезти, в дом ихъ дня тринадцатого месеца генъвара, в року теперешнемъ тисеча шестсотъ тридцат первомъ, ставилъсе. Тамъ же помененые особы, змышленую хуть дня помененого небожчикови оказавши, назавътрее, дня чотырнадцатого генъвара, рано, помененый панъ Чурило самъ казал собе келишокъ горелъки налити и выпилъ до небожчика инъ децепционемъ оного; потомъ, выпивъши, далъ налить малжоньце своей а матце помененое панее Лукаревъское, которая, пошедши с келишкомъ до комнаты, всула якогось белого порошокку посполу с цоркою своею, менованую панею Александровою Лукаревскою а малъжонкою небожчиковъскою, и такъ тоею трутизною, ядомъ велце заразливымъ, тую горелъку приправивъши, с комнаты вышедши, дала небожчикови. Небожчикъ, постерегши в горелце порошокъ, обавяючисе таковое зърады, кгда же южъ в том не раз перед тым был остережоный, тое горелъки пит не хотел, пытаючисе: што то белого в келишку? А менованая пани Чурилова, упевъняючи его, же цукром ест приправлена и присоложена, примусила посполу зъ малъжонкомъ своимъ, который, офенъсе с того на небожчика взявъши, словы се уразливыми на небожчика кинувши, примусилъ его; который за примушенемъ менованыхъ особъ, а до того не розумеючи до коньца, абы то была труцизна, троха скошътовалъ, по котором скошътованью, нулля инътерпозита мора, вналъ в великую болестъ, в которой болести vomity ему тяжкие

припали, которые аж внутренности его зорвали. Там же заразь небожчикъ, нарекаючи на помененыхъ особъ, авторовъ того злого, непристойного учиньку, зараз барзо хорий, великою болестю знятй, до дому се поспешиль, до которого приехавши, болестъ обрутъную терпячи, абовем тая трутизна и тотъ ядъ такъ его дренчилъ, же вонътробу и плюца вси кавалъками з него выкинуло, в килька дни, то есть дня двадцать третего, месеца и року тогожь, кгдыжь былъ од доктора лекарства такъ долго затриманый, с того света смертю зшоль. Таковымъ теды и такъ непристойнымъ способомъ менованые особы небожьчика с того света згладили. Чимъ се еше помененая пани братовая не контентъуючис, подчасъ хоробы небожчиковское до дому небожчиковского с челядю помененого пана Чурила, отчима своего, припадъши, речи нижей менованые в неведомости небожьчиковской выбрала, а меновите: ланцуховъ два золотыхъ, которые важили чирвъонныхъ золотыхъ деветьдесять; манелей золотыхъ пару, которые важили чирвонныхъ золотыхъ двадцатъ пят; перстенъковъ золотыхъ зъ рубинами два, коштовали золотыхъ сорокъ; перстенъ з дьяментомъ золотый, коштовалъ золотыхъ пятьдесять; готовыхъ пенезей золотыхъ двѣсти семьдесять; ложокъ дванадцать сребрныхъ, важили гривень семь; куфлевъ сребрныхъ три, важили гривень шесть; чарокъ две, важили гривень полътрети; летникъ аксамиту чорного гладкий, коштовалъ сто чотырдесять золотыхъ; пласчикъ гатьласовой вишьневий, рысами подшитый, коштовалъ золотыхъ осмдесять пять; пенезей готовыхъ, которые был протестансъ до сховаия далъ небожчикови, яко брату, золотыхъ чотыриста з шкатулою, с тою ж шкатулою справи розмаитые, записы, церокграфы, на розные суми служачие, забрала; доломан адамашъковый чирвоный шкарлатный, зъ крузиками сръбраными зълоцистыми, шмалцами, з шнуркомъ золотым,—который коштовалъ золотыхъ сто тридцать; фerezыю полкгранатовую туркусовое масти, адамашком чирвонымъ подъшитую, с петлицами золотыми, которая коштовала (золотыхъ) чтырдесят; шабълю оправъную злоцистую,

которая коштовала золотыхъ сто тридцатъ; цыни, мись сръбра-ныхъ одинадцать, талеровъ циновыхъ дванадцать, фляшь цино-выхъ з олстромъ пят—коштовала тая вся цина золотыхъ сорокъ; котъловъ горельчанныхъ пять, коштовали по золотыхъ двадцати пяти; котелъ пивъный шостый, коштовалъ золотыхъ пятидесять; коней два гнедыхъ, коштовали золотыхъ сто деведьдесятъ; коляса на пару коней кованая, коштовала золотыхъ двадцатъ; шоръ юхтовый, кошто-валь золотыхъ пятнадцатъ; клячу гнедую с колясою поедыньковою, коштовала золотыхъ сорокъ, и иншіе пенитусъ вси речи, увесъ з бюр-домовый забрала, такъ ижъ не было в чомъ и тела небожьчиков-ского поховать, але ажъ в позычонныхъ хустахъ есть похованный; которые то речи частю зъ замъку Милитыньского, которые были для безпечнейшого схованья даные, частю зъ дому, мешканья небожьчиковьского, в селе Милитине будучого, побрала, што все побравъши, до дому тогожь пана Чурила, отчима своего, запро-вадила, небожьчика хорого, на смертелной постели лежачого, од-бегла и оного зо всего обнажила. О то все помененый панъ Ерій Лукаревський, такъ о забите и окрутное замордованье способомъ выжей менованымъ, албо рачей струты брата своего не-божчика пана Александра Лукаревьского, яко и о побранье речей выжей менованыхъ способомъ выжей выраженымъ, противко поме-ненымъ особомъ итерумъ аткъве итерумъ протестоваль се, оферу-ючи се о то все з ними вградибусъ юрисъ поступить. А верифи-куючи тую свою протестацію, ставиль на уряде нинешнемъ возьныхъ двоухъ, енераловъ воеводства Волыньского, шляхетныхъ Петра Качановьского и Миколая Понитовьского, которые очеви-сто передо мною на уряде становши, явъне и доброволне зознали: ижъ року теперешньего тисеча шестсотъ тридцать первого, месеца генъвара тридцатого дня, былимы в маентности селе Мылятыне, в дому небожчика пана Александра Лукаревьского, тамъ же, за приданьемъ от уряду вгородского Кременецкого на огледанье и обволанье тела небожьчиковского, маючи при себе двоухъ шлях-тичовъ, пана Александра Коздовского а пана Гелияша Плоть-

ницкого, видели есмо тело небожьчиковъское, барзо трутизноу попованое, и языкъ и губа поторгана, дясла и поднебенъе все выпало, внентрности з кровю спеклоу на постели выкиданые и постель вся кровю сплынула; што менованюу шляхтоу освѣдчили есмо. А потомъ, чинечи досытъ повинности уряду нашего, дня девъятаго месеца фѣвръяля, в томъ же року теперешнемъ, с тою шляхтоу были есмо на погребѣ тела того жъ небожчика пана Александра Лукаревъскаго в той же маестности селе Милятыне; тамъ же, за приданьемъ того жъ уряду вгородскаго Кременецкаго, напередъ раз, кгда тело зъ двору выношено, потомъ другой раз в посеред села, а третій передъ церковью на цъминтару, при бытности елю людей зацныхъ, которые се на тотъ погребъ згромадили, голосомъ вынесълымъ поволанье учинили есмо, приводечи то всимъ до ведомости, же небожьчикъ панъ Алексъандер Лукаревъскій зъ рукъ малъжонки своее панее Оръшули Якубовъское и матки ее панее Галъжбеты Чуриловое, тудеж самого пана Кришътофа Чурида и помочъниковъ ихъ през трутизну окрутную смертъю з того света зышолъ.—И просилъ выжей менованый панъ Ерый Лукаревъскій, абы тая его протестация и такова я реляция возныхъ до книгъ были принятые и записаные; которые сутъ записаные.

Книга гродская Луцкая 1631 г., № 2460, л. 153.

Примъч. Въ маѣ 1631 года въ Луцкомъ гродскомъ судѣ разсматривалось это уголовное дѣло объ отравленіи Лукаревскаго; но елва лишь судъ, вопреки представленіямъ обвиняемыхъ, призналъ это дѣло себѣ подсуднымъ, какъ послѣдніе потребовали, путемъ апелляціи, перенесенія дѣла въ Люблинскій трибуналъ, рѣшеніе котораго намъ остается нсизвѣ тнымъ.—Актъ. книги № 3012, л. 201 об.

СХІІІ.

Жалоба дв. Катерины Черницкой о томъ, что дв. Янъ Дроботь, безъ ея вѣдома, заручившись согласіемъ ея дочери Марианны, похитилъ ее изъ дома матери и тайно обвѣнчался съ нею у православнаго священника. 1634 года, 9 генваря.

Року тисеча шестсот тридцат четвертого, месеца генвара девятого дня.

До уряду и акътъ кгродскихъ Луцъкихъ, до мене Александра Малиновъского, буркграбего и намесника подстароства Луцъкого, обълично пришедши, урожоная ее милость пани Катарина Чаплянка, позосталая малжонка некгды урожоного его милости пана Александра Волянъца Чернъчицкого, жалосливе перед тым-же урядомъ сведчиласе и протестовала на урожоных пана Яна зъ Чемурникъ Дробота и урожоную прошълую панъну Марианну Волянцовну, а теперешнюю панюю Яновую Дроботовую, цорку свою, в тотъ нижей описаный способъ: „иж помененые особы, такъ его милость папъ Дроботь, яко тежъ и прошълая панъна Марианъна Волянъцовна, а теперешняя пани Яновая Дроботовая, цорка моя, ничего не огледаючися на право посполитое и на вины, в них на таковых описаные, и овшемъ то себе легъце поваживши, никгды о то жадное озъменьки не чинячи, безъ благословенства протестующое и позволенъя пановъ приятель, за спольною намовою прибравши себе до учиньку, который нижей выразить, веле компринципалов, оному самому имени и назвиски лепей ведомыхъ, противко которымъ теперешняя протестующая вольное чиненъе правомъ, за взятемъ ведомости, себе заховуетъ, важилсе и смель часу недавно прошълого, тоестъ в день светого Миколая, свята римского, в року прошълomъ тисеча шестъсот тридцат третем, на село Чернъчиче и двор властный протестующой, маючи зъ собою спольное на то, безъ ведомости родительское и инъших панов приятель, порозумене, упатривши себе час и оказию до выконаня того учиньку, з-рана, кгда вшистци люде

и сама протестующая набоженствомъ в костеле в Луцкѣ забавною была, способный, а будучи южь на то добре, арматно, с помощниками своими приготованый, на двор выжей менованый наехавши, урожоную паньну Марьянну прошлую, а теперешнюю малжонку свою и урожоную Аньну Гуляницкую, слугу ее, с позволеньемъ ее самым, взявъши, до дому урожоного его милости пана Абля Тошъковского, брата своего, до села Зелениць, въ воеводстве Волинскомъ лежачое, завезълъ, и сътамтоль, прибравъши собе болъшей компании, до Шепетовки, державы тогожь пана Тошъковского, приехавши, попови рускому шлюбъ собе казалъ дат; где зараз по шлюбе, вернувшись до Зелениць, веселе его милость панъ Тошъковский онымъ справивши, и тепер оныхъ при собе тримае; противько которому то пану Тошъковскому, ижь оныхъ в дому своемъ переховываетъ и онымъ до того учиньку помощнымъ былъ, вольное чиненье правомъ собе захую. През который-то таковой учинокъ свой пополненный помеченные особы право посполитое зневажили и въ вины, в праве посполитомъ на таковыхъ описанные, попали, о што все обещающе з ними правомъ, иле с права будетъ належало, правне чинити и тыхъ винъ на нихъ винъдиковать“. Зоставивъши еднакъ меллорацию собе тое протестации, инъшое, ширъшое поданья, было бы того потреба, просила на тотъ часъ, абы тое ее жалобливое осведченье до книгъ было принято и записано. Што и принял.

Книга городская Луцкая 1634 г., № 2147, л. 445 об.

СХLIII.

Брачное условіе, заключенное дв. Иваномъ Ярмолинскимъ съ опекунами его невѣсты Катерины Стрибылевны. Хотя молодые, въ моментъ заключенія условія, были уже обвѣнчаны (кіевск. митрополитомъ Петромъ Могилой), тѣмъ не менѣе свадьба откладывается на 2¹/₂ года, а до тѣхъ поръ невѣста должна была оставаться попрежнему въ домѣ своей бабки, женихъ же обязывался тѣмъ временемъ выхлопотать, чтобы мать выдѣлила ему наслѣдственную часть отцовскихъ имѣній, на которой онъ могъ бы записать вѣно своей „будущей женѣ“. 1634 г., 21 декабря.

Року тисеча шестсотъ тридцать пятого, месеца феврала девятого дня.

На вряде кгородским, в замку его кор. милости Житомерским, перед нами Яном Витинским, подстаростим, а Михаилом Карботом, писаром, урадниками кгородскими житомерскими, становши обличне, урожоный его милост пан Ян Ярмолинский для записаня до книг нинешних кгородских житомерских интерцизу mezi ee милостю панею Марушею Елцовною Филоновою Стрыбыловою, чашниковою Киевскою, и его милостю паном Яном Ярмолинским и иншими опекунами, до тоеж sprawy належачими, нижей меноваными, подал и толко про парте суа оную очевистым сознанемъ своим ствердил и змоцнил, просечи нас, уряду, абысмо оную до книг приняли; а так мы уряд, на афектацію его милости, тую интерцизу прочитавши, до книг вписат казали, и так ся в себе писмом полским писана мает: *Za srzodkiem, rada, pamową, perswazią y swiętobliwym postanowieniem ich mosciow przyzaciół spolnych, a osobliwie z uprzejmą prozbą, staraniem ich mosciow panow Jarmolinskich, miedzy jey moscią panią Maruszą Jelcowną Filonową Strybylową, czasznikową Kiiowską, opiekunką generalną, prawem pospolitym zapisaną, corki zeszęgo urodzonego jme pana Jana Strybyła, syna iey mosci, przy ktorey wole y pozwoleniu tuż będąc jey mosc pani Barbara Sokołowska, pierwszego*

małżeństwa Janowa Strybyłowa, a teraz wtorego Abramowa Strybyłowa, s przytomnością jmc pana małżonka swego, jako opiekuna małżenskigo, y s konsensem jch mosc panow przyacioł ex linia paterna et materna, dając błogosławienstwo macierzynskie swoje na też, iako sie niżej opiszą, condycie dobrowolnie, zezwalając na pierwszy akt swiętobliwy, miedzy sakramenta cerkwi Bożey z wielką powagą y reverentią policzony, to iest szlub y iurament zakonu małżęstwa swiętego, iey mosc pani czasnikowa, iako opiekunka zapisana, przy ktorey suma rerum zostacie, a iey mosc pani Abramowa Strybyłowa jure divino et humano do teyże opieki należąca, oddawszy błogosławienstwo swoje iey mosci pannie Katarzynie Strybyłownie, corce nigdy zeszelego urodzonego jmc pana Jana Strybyła, przy wielkim zgromadzeniu ludzi zacnych, tak duchownych, iako y swieckich utriusque sexus, przez confirmacją błogosławienstwa y danie wyraznego szlubu wedle zwyczaju cerkwie wschodniéy apostolskiej przez iasnioswieconego y przewielebnego w Bogu jego mosc oycy Piotra Mohilę, metropolite Kiiowskiego, Halickiego y wszytkiey Rusi, w stan swięty małżensky jmc panu Janowi Jarmolinskiemu z Jarmoliniec, synowi nigdy zeszelego wrodzonego jmc pana Konstantego Jarmolinskiego, oddali y w stan swięty małżensky doskonale poszłubili, wesele iednak od daty tey intercyzy, z pewnych y poważnych przyczyn, ich mość oboia strona od swięt chwalebneho zesłania Ducha swiętego, wedle kalendara greckiego, w roku da pan Bóg przyszełym tysiąc szesćset trzydziestym piątym przypadających, za dwie lecie, to iest w roku da pan Bóg przyszełym tysiąc szesćset trzydziestym siódmym, na toż uroczyste swięto zesłania Ducha swiętego, pierwszy dzień niedzielny, aktowi temu zachowując, mieć chcą, determinują y pewne miejsce przyiazdowi spolnych, na ten akt wesoly wezwanych uproszonych, ich mość panów przyacioł w domu y majątności iey mość paniei czasnikowey kiiowskiej, siele Berezo-wicy naznaczą, gdzie jmc pan Jarmoliński spolnie z ichmość pany przyacioły swemi na czas y miejsce wyżej naznaczone ziachać, sta-

wić się y do tego aktu świątobliwego zwyczajem starożytnym chreścianańskim, wszelaką zachowując przystoyność, przystępować będzie powinien. Co się tkanie condycyi na obiedwie stronie, te się takowym sposobem wyrażają: jmc pan Jan Jarmoliński, per instanciam ich mość panów przyjaciół y pilnym staraniem swoim, ma to na ieymość paniey matce swoiey od daty tey intercyzy za niedziel sześć wymoć, aby ie y mość dział wieczny między ich mościami panem Janem y Włodzimierzem Jarmolinskimi, rodzoną bracią, tak respectem dobr oyczystych, iako y macierzystych, wedle uwagi y moderacij swey, wszelką y we wszystkich cirkumstancyach zachowując equivalentią, uczyniła y takową divizją aktami teraz grodzkimi, a za nastąpieniem ziemstwa ziemskimi krzemienieckimi aprobować y ex nunc w realną possessyą podała, z wolnym warunkiem dobr obligowanych arendownymi zapisami asz do expiracyi arend; a po otrzymaniu wiecznego y przyznanego działu jmc pan Jan Jarmolinsky ie y mosci pannie Katarzynie Strybyłownie, szlubney małżonce swoiey, na wszystkiej majątnosci dziedzicney, z działu jego mosci przypadłey, summe piędziesiąt tysięcy złotych polskich modo obligatorio zapisac powinien będzie y submituie się. To iest sobie ie y mosc pani czasznikowa waruie, jmc pan Jan Jarmolinski, poszlubiony małżonek ie y mosc panny Katarzyny Strybyłowny, wnuki ie y mosci paniey czasznikowey Kiiowskiey, a corki ich mosci wyżey pomienionych rodzicow, bez wiadomosci panow przyjaciół bliższych, a mianowicie domu ich mosciow panow Strybyłow starszych, do żadnych oprav zapisu jego mosci samemu a nie żadnym inszym osobom przywozić dobrymi sposobami, ani przymuszac nie ma y nie będzie mógł; a iesliby to nad condycye terazniejszego postanowienia uczynic miał, tey takowe zapisy nulitaty przypisane zostaną; wszak że ta condycya ratione consensu ich mosc panow przyjaciół o wolney disposicyey circumscripta nie ma byc ważna, tylko do tego czasu, dokąd by ich mosc z sobą potomstwa nie mieli, a skoro Pan Bog ten związek małżenstwa świętego pobłogosławi y potomstwa dac zechce y da przed oczy

ich mosci, tedy wolna dyspozytia przy iey moscie panie Katarzynie Strybylownie, szlubney małżonce jmc pana Jarmolinskiego, zostawa, excepto na potym zescia potomkow tak, żeby żadnego nie zostało, to by już in suo robore ta condycya wyszey opisana zostawac miała. Dożycie wspólnie, nie s przypadku choroby iakiej, abo okazyey testamentowej na dobrach takowych, ktore by equivalenter sobie corespondowali, bez wiadomosci powinnych zeznac y aktami aprobowac ich mosc wyżey pomienieni y poszlubieni małżonkowie zapisac sobie będą mogli, a po odprawieniu szczęśliwie, da Pan Bog, wscela, według dispositiey testamentu świętej pamięci niebożczyka j. m. pana Fiłona Strybyła, czasznika wojewódstwa Kiiowskiego, iey mosc pani Marusza Ielcowna Fiłonowa Strybyłowa, czasznikowa Kiiowska, dobr dziedzicznych, iure naturali iey mosci pannie Katarzynie Strybylownie, małżonce poszlubionei j. m. pana Jana Jarmolinskiego, należących, ustąpić, reformacją y dożycie swoje wcale zachowując y w ni w czym nie naruszając, insze circumstantie dobr ruchomych, sum piennężnych, zbiorow, srybra, złota et alia przy łasce jey mosci zostawac mają. Małżonka poszlubiona jego mosci pana Jana Jarmolinskiego przy iey mosci paniey babce swojej aż do nastąpienia, za łaską Bożą, wesela zostawac będzie, ktorey securitatem od wszelakiego niebezpieczeństwa y odwag ludzi niebożnych, nie mających względu na obowiązek małżenstwa świętego, jej mosc pani czasznikowa Kijowska opatrowac, wszelaką ostrożnosc miec powinna będzie, do czego j. m. Jan Jarmolinsky, za namniejszym oznaimieniem jey mosci, kosztem, potęgą y prezentą swoją dopomagac obliguje się. W tym wszystkim, iako się wyżey opisało y pomieniło, ich mosc oboia strona słowa, wiary dotrzymac sobie mają y będą powinni, a to pod zakładem stu tysięcy złotych polskich y pod nagrodzeniem szkod, gołym słowem, bez przysięgi y wszelakiego dowodu oszacowanych, do każdej z osobna condycyey zakład pomieniony stosując y przykładając, o ktory zakład y szkody w niedosyc uczynieniu condycyom wyżey opisanym ich mosc oboia

strona naznaczają sobie forum u każdego prawa, sądu y urzędu ziemskiego, grodzkiego y trybunalskiego, na wojewodztwie Kiiwskim, Wołyńskim y Brasławskim między conservatami pomienionych wojewodztw, gdzie stanowszy, nie zażywaiąc żadnych zwłok, excepcij, dilacij, appellacij, prosequucij, legacij, exemptu, submisji, innomissji, nie zakładając się większością sprawy ani niedoroscnością lat potomkow y wszystkich obron prawnych y nieprawnych, w statuciech y constytucyach opisanych, s praw y umysłów ludzkich wynaidzionych in genere, odpisuję się zakład pomieniony zapłacic y szkody nagrodzić gotowymi pieniędzi, a nie żadnymi fantami y niepodaniem w dobra intromissyey, nie odchodząc od sądu y urzędu wszelakiego, do ktorego pozwana będzie strona niedosyc czyniąca, zapłacic powinna będzie. Y na to dali te swoją dobrowolną intercyzą między się z pieczęciami y podpisami rąk swoich własnych, także s pieczęciami y podpisami rąk ich mosc panow przyacioł swoich, ymiona nyżey podpisanych. Data w Berezowicy, dnia dwudziestego pierwszego decembra, roku tysiąc szescset trzydziestego czwartego. У той интерцизы печатей притисненых шесть, а подпись рукъ теми словы: Jan Jarmolinski z Jarmoliniec imieniem jey mosci paniey Maruszy Jelcowny Fіłonowey Strybylowey, czasnikowey Kiiowskiey, ktora pisac nie umie.—Ustnie y oczewisto proszony pieczętar Alexander Soltan mp.—Imieniem jey mosci paniei Barbary z Sokołowa Abramowey Strybylowey, ktora pisac nie umie, ustnie proszony pieczętarz Mikołay. Niepokoiczucky ręką.—Abram Strybył, iako tutor naturalis, na to, iako iest wyszey opisano, zezwalając.—Mikołay Jarmolinsky mp.—Piotr Mohiła, archiepiskop mitropolit Kiiowsky, Halicky y wszystkiey Rusi, archimandryt Pieczarsky, iako proszony pieczętarz podpisuję ręką swą.—Филонъ Кизаровичъ, архимандритъ монастырей Овруцкихъ, наместникъ монастыря печарского, прошенный печатар, рукою власною.—Proszony pieczętarz Andrey Chaim.—Ustnie proszony pieczętarz Marcin Pigłowski mp.—Alexander Denisko Matwieiowsky mp.—Ustnie proszony pieczętarz Jan Pigłowski mp.—Которая ж то интерциза такъ справлена, за оче-

вистымъ признанемъ урядовымъ, слово от слова, с початку аж до конца, до книгъ нинешнихъ кгородскихъ Житомерскихъ есть уписана.

Кн. уродск. Житом. 1635 г., № 9, л. 279.

CXLIV.

Жалоба дв. Михаила Лисовицкаго о томъ, что дв. Макарскіе, сговоривъ за него дочь свою, неоднократно откладывали день свадьбы, мѣшали его свадебнымъ приготовленіямъ и наконецъ затѣяли хитростью выманить у него брачное условіе; когда же онъ не поддался уловкамъ, они силою вздумали отнять документъ, при чемъ нанесли жалобщику и его слугамъ тяжкіе побои. 1638 года, 23 ноября.

Року тисеча шестсот тридцат осмого, месеца ноябра двадцать третего дня.

До уряду и книгъ нинешныхъ кгородскихъ, в замокъ его королевское милости Луцкый, до мене Станислава Зброжка, буръграбего и наместника подстароства Луцкого, пришедшы и персоналитер становъшы, урожоный панъ Михал Лисовицкий, одъ окрутного збитя и зраненя през нижей менованныхъ особъ зболелый и схорелый, а праве наполю живой, противко урожонымъ пану Александрови Макарскому и паней Федоре Подберезкого, першого малженства Яновой Путошинской, а теперешнего второго Александровой Макарской, мальжонкомъ, принцыпаломъ sprawy нижей выражоное, и инъшимъ: брати, приятеломъ и кровънымъ, близкимъ, такъ самого его милости пана Макарского, яко и самое мальжонки его, тудежъ слугомъ и подданымъ ихъ, комъпринцыпаломъ ихъ и помочъникомъ, жалостне ся светилъ и протестовалъ о то: ижъ сведчачий, пристойнымъ способомъ през ихъ милость пановъ приятелъ певныхъ, чи старанемъ своимъ, пришедши до застановеня певного межъ поменеными паны Макарскими мальжонками а сведчачимъ стороны приязни доживотъное малженское протестанътис зъ урожоною панною Але-

ксандрою Путошинъскою, цорьскою ея милости панее Макарскою, з перьшимъ малжонькомъ сплочною, и того интерцызною сполною, печатми и подписами рукъ своихъ и певныхъ ихъ милости пановъ приятелей и закладомъ на обедъве стороне в кондидицяхъ, в ней выраженныхъ, варовавши, кгда сведчачий, упевъненный будучи, коштъ немалый на тое ложивши, перед часомъ, тому акътови веселному назначонмъ, водлугъ пристойности и кондидици своее шляхецкое готуючий, такъ на маръцепаны, яко и инъшие потъробы тутъ в Луцъку реместникомъ ненязы подавалъ, хотячи той инътеръцызе экс паръте суа досытъ чинити, термину назначоного пилновалъ, в томъ помененые панове Макаръские малжонькове, заживъши противное сполное рады з своими комъпринъцыпалами и добре вже на тое нарадивъши, наперед од апътикаровъ тутошныхъ Луцкъкихъ пенязы властные протестантис, на маръцепаны даные, под именем протестантъис, золотыхъ килканадцать задатковыхъ взявъши, на себе и свое потребы оберънули, чинячи початокъ до розоръваня того акъту и до нижей выраженого учиньку; а кгда о томъ сведчачий, ничего не ведаючи о такихъ противныхъ замыслахъ, на день, инътерцызною назначоный, то ест пятнадцатого месеца и року теперешныхъ, выжей на дате менованыхъ, до села Целерова ставившисъ, кондидицомъ, которые бы юкста инътеръцызамъ про паръте оногo належачимъ, хотячи досытъ чинити, вице веръса, абы теж оной досит чинили, упоминалсе, теда помененые панове Макаръские малжонькове, спротивляючись впрод той интерцызе, маючи южь раду свою и замыслы секретные, тотъ терминъ и акътъ веселный зволокъши, способами розными протестанта уводили, абы тую инътеръцызю с подписами и печатми рукъ своихъ и приятельскихъ онымъ верънулъ; на остатокъ збавивши его и зволокъши до дня оногодашнего двадцать второго месеца и року теперешныхъ, выжей на акъте менованыхъ, кгда протестантъс, видячи, ижъ с того вже не будетъ ничего, хотелъ с тамътол того дня ехати; в томъ помененые панове Макаръские малжонькове з своими при-

ятели, комъпринъцыпалами, рѣкомо хуть и приязнь свою оному оказуючы, затрымали, а кгда се вже смеръкло, челядю и поддаными своими дворъ тамошъный опатривъши, аръматно сами серпо наступовати и тое инътеръцызы у осведчачого упоминатися почали, абы была верънена; чога не могучи отрымати, впрод даючи причину до звады, сами принъцыпалес, ничого не респектуючи на право посполитое, которого безпеченствомъ кождый есть обварованый, а ни на вины, въ немъ описаные, не обавляючисе ничого, сведчачого, чловека невинного, словами непристойными зольживши, потомъ се до шабел поръвавъши, панъ Макаарский с приятели и иншими помощъниками на сведчачого и челяд его сечи почали, который кгда до коней и колясы уходити хотель, в томъ же его самого поръвавъши и инътеръцызу выдераючи, подписы свои одшаръпънули, которую сведчачий, розумеючи, же есче целая, в рукахъ трымаючи и здоровье свое ратуючи, на двор уходиль; тамъ же онога шаблями секъли, плазовали и киями, обухами челядъ и подданные, помощъники, били; якож кгда-бы другие, бачънейшые, онога не ратовали и замысълывъ тамтых людей персвазиею своею не одвели, перъшы его оживили од разивъ тятыхъ: оденъ на руке правой, под великий палець, шкодливый, другий над окомъ правымъ, а киевых, плазовых и обуховых разовъ битых оных, кровью набеглых, спухълых, по розъных тила его чълонъках немало позадавали, шаблю оправъную срибъную, одливаную, золотых семдесят кошътуючую, оборвавъши, въ корист свою обернули, челяди сведчачого, меновите шляхетных пановъ Миколая Отрембъского и Яна Янъчого руку киями, обухами збили и тому-жъ пану Янъчому раз тятый въ лобъ на чуприне задали; и такъ оных зранивъши, збивъши и здеспектовавъши и одповедаючи публице далшим здоровья небезпеченствомъ, уежъдзати с тамтоль казали. О то теды вьсе, яко и о кожъдую ричъ зособъна, менованый его милость панъ Лисовицький, оферуючисе правъне въ судех належъных, иле гдѣ с кимъ и о што с права будетъ належало, правъне поступити, таковую свою протестацию чиниль.

CXLV.

Свидѣтельство вознаго о томъ, какъ двор. Якубъ Бранскій двукратно прїѣзжалъ съ боярами и съ *вѣнкомъ* (согласно обычаю) въ домъ своей невѣсты, въ дни, назначенные для его свадьбы, и оба раза не заставалъ дома ни невѣсты, ни ея родителей. 1638 года, 4 декабря.

Року тисеча шестьсотъ тридцать осьмого, месеца декабря четверьтого дня.

На вrade кгородскомъ, въ замьку его королевское милости Луцкомъ, передо мьною Станиславомъ Зброжкомъ, бурькграбимъ и наместьникомъ подьстароства Луцкого, становъши очевисъто, возьный енераль воеводьства Волинъского шляхетный Криштьофъ Шадзиновский для записаня до книгъ кгородскихъ Луцкихъ созналъ въ тые слова: ижъ он, будучи на справе урожоного его милости пана Якуба Бранского, дня десятого окътобра, въ маетьности урожоное ее милости панее Шимоное Павъловичовое и сына ее милости урожоного его милости пана Даниеля Павъловича, напередъ, кгда их милость панове приятеле его милости пана Бранского: урожоный его милость панъ Станислав Пречъковский и урожоный его милость пан Войцех Завацький з веньцомъ, яко звычай, до акту веселного приехали, ворота замькненые и добре челядю субьорьдинованою опатъроные застали; где кгда, задивовавши, помененые ихъ милость панове приятеле пытали: „што бы то было? мы тутъ на терминъ назьначоный вже з венцомъ од его милости пана Бранского приехали“,—такий респонсъ одьнесли: „их милости в дому не маешъ. не казали до дьвора никого пусчати“. О которыхъ я енерал воеводьства Волинского Криштьофъ Шадзиновъский одъ люду тамошньныхъ слышалаемъ, же были, яко жъ и черезъ ворота челядьник его милости пана Бранского урожоный Витославъ Кглазовский ее милость паню Павъловичовую, незьначне убраную, позьналъ и мовиль: „ото есть ее милость“, которая до воротъ на тотъ часъ была пришъла. Потымъ и другой разъ былемъ на справе помененого

его милости пана Браньского в той же маетьности ее милости панее Павловичовое, Тесове, дня сегого ноября, где вгды зъ венцемъ такъ же урожоный его милость панъ Анъдрей Ясениницкий з урожонымъ его милостью паномъ Михаломъ Курьковъским приехали в домъ их милости, никого не засътавъши, там же чекали; а потомъ, вгды помененый его милость панъ Бранский з их милостью паны приятели приехалъ, такъ же никого не засътавъши, коньтемъптомъ и вьстидомъ и жалемъ зъ ихъ милостью паны приятели накорменый, стамътуль одъехалъ; которого готовость, яко можетъ быти напристойнейшую, до акту веселного обадва рази видивши, што вьсе мьною и тыми-жь ихъ милостью, которые при томъ были, осъведьчил, оферуючись так з ее милостью панею Павловичовою, яко з его милостью паномъ сыномъ ее милости о то правьне чинити. А я-мъ, што-мъ на тотъ часъ слышал и видел, то правьдиве созьнавши, прошу, абы было принято и до книгъ записано.—Што за принятем моим урядовым до книгъ нинешньныхъ есть принято и записано.

Книга уродская Луцкая 1638 г., № 2473, л. 836 об.

CXLVI

Шляхтичъ Ясинский убиваетъ свою любовницу за то, что она послѣ его женитьбы, отказалась продолжать съ нимъ прежнія отношенія. 1644 года, 12 октября.

Року тысеча шестсотъ чотырдесятъ четвертого, месяца октября дванадцатаго дня.

На вряде вгродскомъ, в замку его королевской милости Луцкомъ, передъ мьною Гавърыломъ Корытынскимъ, буркъграбимъ и намесникомъ староства Луцкого, становъши очевисто славетные панове: Войтехъ Малхеровичъ, Янъ Зыкгармистръ, Андрей Шляхта, райцы, Федоръ Паленица и Лаврѣнь Мечникъ, лавники, месчане Острозские, перед урядомъ нинешнимъ то оповедали и заразомъ

шляхетного пана Марцина Ясиньского, забойцу, ис теломъ зошлое Зузаньны Куявинское, през него забитое, ту жъ на урядъ припровоажоного, презентовали в способъ тутъ нижей описаный: ижъ в року нинешнемъ 1644, месеца сентебра 29 дни, то есть в день святого Михала, свята Рымьского, в месте Острогу, в замьку околномъ, передь церквою святыхъ Глеба и Борыса, в дворку отцовъ Франьцышьяановъ Межирецькихъ, выжей помененая Зузаньна Куявинская, с костела, бывъши на тот час набожьная и найсветший сакраментъ прыймующая, додому, то есть до того дворка, кгда пришла и, хотечы обедъ зьесты, у столу села была, ни о чомъ зломъ не ведаючы, ни од кого се тежъ не сподаваючы, убезпечоная zostавала, толко з господынею того жъ дворка будучою, где тамъ же зо дворка тотъ то помененый Марцинъ Ясиньский прышедшы и небожьчку Куявицьскую, у столу сидячую, заставшы, почаль ее руками займоваты и руку на шыи кладучы, до небожьки тие слова мовиль: „Зусеньку! конечно му-сишь ехаты зо мною до дому моего!“ Которая, яко набожьная и сакраментующая будучы, руку его од себе зъ шыи и з головы зкинувъшы, тие слова до него мовила, просячы: „Дай ми покой и памятай на боязнь Божую, же ото нине zostаламъ набожьною; а до того маешъ южь и жону свою, прето покинь и занехай южь мыслий злыхъ першую и пуды прочъ себе одъ мене“. Которые слова и нехуть ее кгда услышалъ и обачылъ, доперо жъ, спатъ южь въ себе афектъ злый и зайтрений на выконанье злого учыньку маючы, заразомъ ее чеканомъ, самымъ дзюбасомъ, зверху въ голову ударылъ и голову такъ барзо пробылъ, же заразомъ и мозькъ з головы добыватысь и иты почаль. А кгда се на земьлю валыты почала, теды ее есче в перси тымъ же чеканомъ, обухомъ, ударылъ, которая на землю кгда южь упала и, Пану Богу духа отдаючы, въ опеку се его святую полецала, а южь рушытись и собою владнути не могучы, тамъ же лежала, што онъ бачачы, же южь смертельная zostала, уходиты почаль и уйты хотель былъ; который уходячий, за заволяньемъ о то квалту,

будучи улащенный и до уряду тамошнего местскаго Острозкого для екстендованя на немъ, яко забойцы, винъ правныхъ, отданный зосталъ. Которого урядъ тамошнй любо яко явного розбойцу прынявшы, а же се шляхтычемъ быти одозвалъ, сами з него справедливости учинити обавяючись, однакъ же в томъ водлугъ науки права посполитого заховуючись, того то Ясинскаго забойцу и с теломъ тымъ небожьчки Куявинское, през него жъ забитое, тутъ ня урядъ нынешнй кродскй Луцькй, до замку, припровадивъшы и впрод тое тело забитое перед урядомъ дня нынешнего, месяца теперешнего октября, презентовавшы, возного на огледанье того тела и прокламацію его просили. Яко жъ урядъ нынешнй, тело тое, на замку будучое и презентованое, бачечы, возного на огледанье того жъ тела и прокламованье его прыдалъ; который возный, туде жъ очевисто становъшы, то есть шляхетнй Янъ Пухалскй, для записанья до книгъ созналъ, ижъ онъ в року нынешнемъ 1644, месяца октября дня нынешнего, будучи на тую справу урядовне прыданный, тое жъ то тело, на замьку тутошнемъ будучое, огледавшы а чинечы досыт повинности своей урядовой, ижъ тое тело небожьчки Куявинское не през кого иншого, толко през Марцина Ясинскаго, часу и способомъ выжей въ протестадыи описанымъ, есть забитое и замордованое въ Острогу, и тот таковй учынокъ его всимъ людемъ до ведомости приводечы, обволавлъ, публиковалъ, и о томъ прокламацію учынившы и звернувшись перед урядомъ нынешнымъ, о томъ реляцію свою созналъ. И по сознанию релядыи возного, тот же помененый панъ Марцинъ Ясинскй, од уряду при бытности того жъ возного Яна Пухалскаго будучи инквированный, кгда поведилъ, же небожьчку чеканомъ в голову ударылъ и за тымъ умерла, теды тые жъ протеставтесъ просили уряду о указанье вязеня таковымъ виновайцомъ тутъ в замку Луцкомъ, в бране, в турме здавна будучой, однакъ за стравую и стражою ихъ, протестуючихъ, до росправы правно указалъ, в которой его заразомъ и осадили, жадаючи, абы, яко явнй забойца,

за таковой учынокъ свой злый былъ каранъ, и з онымъ такъ, иле одно с права будетъ належало, правне поступит оферовалисе и въ вязеню указаномъ оногò zostавили ажъ до росправы правное, жадаючы, абы то все до книгъ прынято и записано было; што отримали.

Книга гродская Луцкая 1644 г., № 2483, л. 1653.

СXLVII.

Жалоба шляхтича о нанесеніи ему побоевъ мѣщаниномъ, за невѣстой котораго онъ вздумалъ ухаживать. 1646 года, 28 февраля.

Року тисеча шестьсотъ сорокъ шостого, м-ца февраля двадцать осмого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замьку его королевской м-ти Житомирскомъ, передо мьною Крыштофомъ Цисовскимъ, подьстаростимъ Житомерскимъ, становьши очевисто, панъ Василей Кохъновичъ сведчыль и въ способъ акту протестоваль се напотивько пану Андрееви Хруленъковичови, войтовичови Вильскому, о то, ижъ протестующий, пустивши умысль свой до ожененъя и хотечы оный до скутьку самого привести, шоль яко чоловекъ спокойный, никому ничего невинъный, с приятелемъ своимъ въ домъ въ месте Вилску до Юрьпака, месчанина тамошнего Вилского, въ залоты, не ведаючы о жаднымъ залецанью того-то войтовича, и скоро тамъ пришедши, яко незнаемый, заставши тамъ войтовича того, привить зъ нымъ учинивъши, и за прошенемъ господарскимъ сель, и мало што посевевши, пустиль очы свое по хати всеей, хотечы тое обачить, о чомъ зъ умысломъ своимъ пришоль. Теды тотъ войтовичъ, постерегши тое, не мовечы ничего, головою кивнувши, зъ хаты пошоль. А протестующый, по пойстю того войтовича, при охоте господарской, послаль по музыку, несподеваячысе на себе жадного небезпеченства, з анимушомъ своимъ в танецъ былъ пошоль, и мало што потанцовавши, разъ албо два

въколо танецъ звычайный обышедши, поверънуть се в другую сторону хотелъ, и скоро се повернулъ, потъкаль се на дверяхъ с тымъ войтовичемъ, почаль протестующый зъ собою в танецъ просить. Тотъ войтовичъ, не мовечы ничего, заразы протестующого словами злыми лъжить, сромотить почаль, потомъ и на помочниковъ своихъ, о которыхъ онъ самъ лепей ведаеть и знаеть каждого по йменю, якъ которого зовутъ, заволааль, мовечы: „бийте, забийте такого а такого сына!“ якожь побили и раны ему синие спухлые позадавали и за плоть протестующого выгнали и сромоты вечное набавиль. Теды тое осведченье заносиль до актъ тутошнихъ, што отрималь.

Книга Житомирск. градск., 1646 г., № 17, л. 181.

СXLVIII.

Жалоба на бискупа, суффрагана Луцкаго, Николая Красицкаго о вооруженномъ наѣздѣ на домъ дв. Петра Станишевскаго и убійствѣ послѣдняго. Поводомъ къ преступленію послужило намѣреніе бискупа похитить племянницу Станишевскаго и выдать ее замужъ за избраннаго имъ жениха. 1648 года, 15 февраля.

Року тисеча шестсот чотырдесят осмого, месеца февраля петнадцетого дня.

На рочькахъ судовыхъ вгородскихъ Луцъкихъ, од дня шостого месеца февраля, в року зъвыш написаномъ припалыхъ и судовъне отправоать зачатыхъ, передъ нами Счаснымъ Збожнымъ-Лайсчевскимъ, подсудькомъ, Сохачевскимъ подстаростимъ, а Константимъ Казимиромъ в Добратина Семашкомъ, судьею, урядниками судовыми вгородскими Луцъкими, становшы обличтне, урожоный его милост пан Войцехъ Станишевский, брат рожоный негда урожоного его милости пана Петра Станишевского а стрый рожоный позосталыхъ потомковъ небожьчиковскихъ, туде жъ урожоная ее милост пани Гальшка Гулевичовна, малъжонка позосталая

того ж помененого его милости пана Петра Станишевського, округне, немилосердне и сродзе, тиранско, през способъ и особы нижей менованые зраненого, а потом врихле од тых же ран с того света зошлого малжонка своего, в неспособном на тот часъ здоровю, при том же округном зраненю и замордованю малжонка своего збитая, зтлучоная и здеспектованая, сами од себе и имениемъ позосталых потомковъ его милости пана Петра Станишевського, то есть Михала, сына, и Марцьянны, дорки, Станишевских, вельце жалосные будучы, судови нынешнему, прихилляючисе до словного оповеданя своего презъ урожоного его милост пана Марька Гулевича, писара земьского Луцького, есче за живота небожчиковского юре тенушь занесеного, теперь южь с того света зошлого, соленнитеръ еть кграви кумъ кверелья сведьчили и ускаржалис на ясневелебного его мл. ксенъдза Миколая Красицького, бискупа Арькгивенского, суфрагана Луцького, иньфулата Олыцького, яко учинокъ нижей менованый анимо делиберато, за одностайною радою и намовою особъ нижей менованых, выконываючого, такъже превелебного его мл. ксенъдза Францишька Брокголиньского, кустоша и каноника Луцького, при томъ же ексьдесъсе будучого и заровно з другими попольняючого и о тыхъ замыслах и порозуменосе добре ведаючого, такъже на урожоного его мл. пана Анъдрей Линевьского, судью земьского Луцького, яко змову и досконалую раду з его мл. ксенъдзомъ суфраганомъ до учынъву непобожного маючого, и на вельможного его милост пана Кгабриели на Несвичу Стемъпъковского, каштеляна Браславьского, яко спольную раду и коиньтельниенцию адъ идъ горрендумъ фадинушь маючого, на помочъ люду своего инь армис еть кумъ армис на округное забитье даваючого, яко принципаломъ; такъже противько Ганусови немцови, капитанови люду тогож то его мл. пана Брадлавьского, и иньшимъ всимъ слугомъ и челяди его милости ксенъдза суфрагана, меновите: Русецькому, Радоминскому, Миклашевьскому, Свенъцицькому, Дзеванови немъцови, Матяшови и Янушови, гайдукомъ, Захарияшови

Шольцови з места Луцька и пану Рохмановському, также Лагановському, слуге его м.л. ксенъдза кустоповому, и всей иньшой згромажоной асьсистенъци помененых особъ: гайдукомъ, козакомъ, даракганомъ и иньшимъ всимъ (которых было человека венъцей ста), имъ самымъ по именах и прозвискях добре ведомымъ и знаемымъ, которыхъ протестуючыя особы в той протестации имена за выражонные мети хочуть, а за взятъемъ досконалое ведомости, позвами спецификованные будутъ,—комъпринципаломъ и кооператоромъ, о то: иж менованый его милост ксенъдзь суфъраганъ Луцький, завъзевши ранъкоръ и умысль свой злый и непристойный до его милости пана Петра Станишевського, а претендуочы собе яковуюсь туюторию до цорки с того света зошлого урожоного его м.л. пана Яна Станишевського, ключьника Луцького, урожоное панъны Анъны Станишевское, рожоное сыновици забитого его м.л. пана Петра Станишевського, а учинивъшы впрод змову и певное межи собою постановенъе з урожонымъ его м.л. паномъ судьею земьскимъ Луцькимъ, мимо волю и ведомость зошлого его м.л. пана Петра Станишевського, яко стрья и прирожоного опекуна помененое панъны Анъны Станишевское, жебы за сына его, урожоного пана Яна Линевого в станъ мальженъский безъ позволения небожьчиковъского и протестуючогосе, спольных и натуралных опекуновъ тоежь панъны, а особливе и безъ консенсу самое жъ ее милости панъны Станишевское, выдана была, и певную квочу в способъ яковоесь за то контенътации намовивъшы и ексьвункъ двесте червъонных золотых тотъ же его милост ксенъдзь суфъраганъ од его милости пана Андрея Линевого, суди земьского Луцького, взявъшы и дальшее есче нагороды сподиваючысе, тое постановене межи собою скритое а таемное мили; а тое рады и постановенъя своего для засегненъя помочи до выконанъя учынъку ныжей менованого вельможному его милости пану Браславському, яко брату того ж пана судьи и стриеви сына его милости, зверивъшысе, о помочъ и людъ обадва спольне просили. И кгда то южь межи собою укновали и

унанимитеръ постановили, теды его милост ксенъдзъ суффраганъ, яхавъшы до Несвича на погребъ с того света зошлое ее милости панее Стемъпковское, старостиное Володимеръское, и скоро тотъ актъ погребовый одправившы, асъсистенъции, то есть козаковъ и дараггановъ с поменнымъ капитаномъ, аръматне, взявшы, спольне с ксенъдзомъ кустошемъ умыслъ тотъ взятъя кгвалтовъного панъны маючы, а уже будучы готовыми на розлянъе крѣве невинъное шляхецъкое, року теперешнего тысеца шестсотъ чотырѣдесят осмого, месеца фѣвраля осмого дни, под село Омеляникъ, где небожъчыкъ, яко шляхтичъ правомъ покою посполитого будучы обварованый, не ведаючы о такихъ замыслахъ, безъспечне в дому своемъ zostаваль и такового не уважного поступьку ни од кого на свете, поготовью од такъ зацныхъ и высокихъ каплановъ костела Божого, не сподеваючысе, безъ жадное асъсистенъции, толко з домовою челядкою своєю: однимъ пахолкомъ, хлопъцемъ выростькомъ, и четвертьтимъ кухаромъ zostаваль,—тамъ же, в полю, подъ Омеляникомъ, раду такуюю межы собою учынили, жебы въпродъ ксенъдзъ кустошь самъ, з килко тыя челяди верховыхъ, на коню до двору ехаль и жебы небожъчыка инъ специе симуляте гуманитатисъ на приездъ того жъ его милости ксенъдза суффрагана затрымаль; и ледво што трохи за прозбою его милости пана Станишевъского посидивъшы, теды в томъ часе и его милост ксенъдзъ суффраганъ з килькою тежъ челяди конъно приехалъ, а тую асъсистенцию и людъ свой з каритою в гаю, подле двору Омеляницъкого будучимъ, zostавиль. И заразы, вшедъшы до избы и небожъчыка словами мней уважными (што онъ пациенътисъсима зносиль) привитавъшы, а потомъ мало што посидивъшы, наперъсе того, жебы с панною могль се видити и з нею розмовити, чого небожчыкъ, яко неведомый такового замыслу, поготовю и о той асъсистенъции не ведаючы, того не борониль и панъне до избы прийты казалъ. Кгды пришла, помененый его милост ксенъдзъ суффраганъ, з его милостю ксенъдзомъ кустошомъ, тую жъ еи милост панъну Станишевъскую межы себе взяли и з нею розъмовляти почали, а на

остатокъ небожчикови з избы уступитъ казали, поведаячы, же маемо с панъною сами розмовити; а тымъ часомъ скрыте по кариту, в гаю подъ дворомъ зоставленую, и асьсистенъцию тамъ будущую послали. И кгда небожчикъ з тое избы уступилъ, панъны пытати почали, за кого бы в станъ малъженъский иты хотила и позволила, менуючы килька особъ, межы которыми сына его милости судъи земъского Луцъкого меновали, жебы занъ позволила, выхваляючы, же то есть домъ родовитый, можный, багатый; на которие слова и пытанье кгда панъна выразными словы безпечъне поведила, же „я о томъ не мишлю, жебымъ шла за пана Ливневъского, кгда жъ сердце мое од того есть далекое“,— теды его милость ксенъдзъ суфраганъ заразъ суровыми словы до панъны почаль мовити, же „ты собѣ мужа обирати не будешъ; маю я до тебе претексть, яко титоръ: за кого хочу, за того тебе выдамъ“. Пропомъневъшы права в костеле Божомъ канонице постановеного, же з добровольное инътенъции и позволенья млодзенъца и панъны звыкло се малъженство родити, и шлюбы безъ такового конъсенсу не бывають даваные, того всего не объсервовавъшы, а только самую умову и постановенье зъ его милостью паномъ судъею въ памяти доброй маючы, постерегъшы, же южь карита до двору пришла, панъну виоленътеръ самъ его милость ксенъдзъ суфраганъ за руку, посполу с ксенъдзомъ кустошомъ, взявъшы, з избы на дворъ до кареты почали провадити. В тымъ часе небожчикови пану Станишевъскому дано знати, же люд немалый до двору приехалъ, и панъну кгвалтомъ его милост ксенъдзъ суфраганъ беретъ; самъ, стрвожоный и брони жадное не маючы, до избы тое поспешилъ и его милости ксенъдза суфрагана зъ его милостью ксенъдзомъ кустошомъ, южь у порога провадячых панъну, поткалъ, и о то оныхъ почаль упрошати, жебы таковое виоленъции в дому шляхецъкимъ, паметаючы и на свое уроженье и вольность шляхецкую, не чынили, а панъны кгвалтомъ не брали и въ его природжономъ праве таковое оппресъсы понехали. А такъ его милост ксенъдзъ суфраганъ, ро-

спасанный на такую злость и оцъпресъсию невинное крови шляхецкое, самъ заразы, пястью в губу давшы, заволаля: „бий, кто цнотливый!“ На которое заволање, его милост ксенъдзь кустошъ ку порогови въ каръкъ пястью небожчыка потрутывшы, а козаки его милости пана Браславскаго и челяд вся, з обухами до избы впадшы, небожчыка бить почали. А небожчикъ, мощно унявъшыся панъны, од тых разовъ обуховых маючи руку левую збитую и згрукотаную, посполу с панъною на землю се обалилъ; где самъ его милость ксендзь суффраганъ, ничего недѣбаючи на право посполитое и вины въ немъ сурово описанные, ани на милость ближнего, постъпозито тиморе Деи, тудежъ запомънившы вокадии своее капланъское, которому и право посполитое, и костель Божий, и станъ его пастеръскій (которого бы добрый приклад мель быти даный) не позволяетъ таковыхъ ексъцесъсовъ и виленъций пополъняти, добывшы тесака своего, который при боку своемъ скрите подъ сукънею мель, небожчыка на земли лежачого, обухами южъ збитого, середъ головы округне и не милосердне, ажъ мозокъ по голове приснулъ, тьялъ в полголову, не яко чоловикози, але яко быдляти розрубалъ, заволавшы голосомъ великимъ: „бий, забий, хто цнотливый! Нехай се южъ кровь, кгда почала, лъеть!“ На которое заволање припавшы и капитанъ его милости пана Браславскаго менованный Ганусъ, рапиромъ разъ округный смертельный през пулъсъ, з левое стороны, почавшы од ока ажъ до тылу головы задалъ, и костъ всю также ажъ до самого мозку перетялъ. Тамъ, где южъ видечы небожчыка смертельно зраненого, кровью сплынутого, а и самъ постерегышы, же южъ далей жыти не можетъ, кгда ж мову заразы былъ заварялъ, не беручы южъ и панъны (суффраганъ) заволаля: „перетни, хто цнотливый, губу панъне!“ В томъ часе сама еи милост пани Станишевская, услышавшы таковой квалтовный и неслыханный поступокъ, сыначька, в пултора летъ будущого, на рукахъ трымаючи и прекгнанъсь будучи, а праве одъ жалю запомнявъшыся, слышачы, же южъ небожчикъ забитый, до тое избы,

где лежал, впадъшы и сыночка з рукъ опустивъшы, жебы не-божчика, лежачого, обухами не добияли, на немъ пала, просечи про милосердьѣ Божое, жебы малъжонька ее не забияли. Доперажь домъ увесь наколо обступлено, в окна стреляти почато, якожь печь, окна, стены и увесь домъ з мушькетовъ и кобыль, на то приготованыхъ и од его милости пана Браславскаго приспособленыхъ и посланых, постреляли. Панъна, поръвавъшысе вперед до покою, а стамътоль презъ тылныя двери на огородъ утекъшы, въ яму, где ярыны на зиму ховають, скрылася. А самую протестуючую ей милост панюю Станишевскую, на малъжоньку своемъ лежачую, ничего а ничего не респектуючы на станъ ее белоголовскый, ани на уроженъе ее зацное, шляхецькое не погледаючы, въпродъ самъ ксенъдзъ суффраганъ, шапъку з голови ногою струтивъшы, за волосы взявъшы, з мужа звекаль, а тая приспособленная асъсистенция сродзе а нелицостиве обухами и плазами шабель збили, стлукли и здизгоноровали; сыначька ее, в полътору летъ будучого, на земли покиненого, ногами и подьбовками подоптали и утовъкли, также и цорочьку панну Маръцианъну Станишевскую, которая за матькою убегла была, потрутивъшы, на земли лежачую удопътали, самую протестуючую, шаръпаючы, зо всего ее оденъя обнажили, а только в счекгульномъ оденю беломъ оставили. Челяд зас домовую часу и дня вышъменованого, при том же квалтовномъ наезде, посекли, побили и поранили, меновите: Жигмунтови Кротовъскому в левую руку два палци зятято, другого Миколая Ивановскаго, хлопца, руки левое в полписчел перетяли, од которого разу каликою зостати мусит, и того ж в голову разов чтири зятято, которм салва акъцио юре аенъди резерватур. И таковых виоленъдий, яко се поменило, неслыханых и никгда въ Речи-посполитой короны польское не найдуючыхсе наробивъшы, панъны во вьсемъ дому, абы, подобно, губу водлугъ воли и розказанъя того ж его милости ксенъдза суффрагана перетяли, шукаючы, а не налезъшы, стамтоль, кровью самыхъ себе насытивши, домъ шляхецькый окръ-

вавившы, заледѣве одехали, зоставившы небожчика в полѣ уже умерьлого и самую панюю округне и нелигостиве збитую. А его милост пан судья, того певен будучы, же тая паньна, водлугъ умовы и постановенья зъ его милостю ксенъдзем суфраганомъ, взятая будетъ, самъ в Заборолю того ж дня и часу, неподалеку Омеляника, приехавшы, зоставалъ; а доведавшысе од челяди своее, ад екзеквендумъ гокъ фацинусъ посыланое, о посеченю смерьтельномъ небожчиковскомъ и о всемъ, што се в Омелянику стало, з Забороля до дому своего, села Холопечъ повернулъ; такъже и его милост пан Браславскій на Гнидаве во дворе того ж часу былъ и на привезенъе тое жъ паньны очекивалъ, с которою до Несвича ехати, а тамъ зас з нею водлугъ замыслувъ и умовъ своихъ поступити и за сына его милости пана судьи, на остатные тры дни месопустовъ, выдати мели. По котором таковомъ злымъ и неуважньымъ поступку особъ преречоных, од такъ округного и тираньского зраненья, такъже обухового збитя, вышъречоный его милост панъ Петръ Станишевскій дня пятого по зраненю, то есть въ середу, о одынадцатое године на пользникгару передъ полуднемъ, дванадцатого дня месеца февраля Пану Богу духа оддалъ и тотъ светъ дочесный с тых счегулных, яко се поменило, причинъ и округного морьдества пожегнал, а малжоньку жалосную и детьки осеротелые позоставилъ; сама засъ протестуючая се в неспособнымъ здоровюю своемъ, а иле подъ тотъ часъ обтяженья своего бременьного зоставала и зостаеть, и Панъ Богъ ведаеть, што се далей з нею будетъ деяло. А яко первой дня оногдайшого оповеданье свое урядови нынешнему учынила, а о приданье возьного и шляхты такъ округного зраненья и здесьпекьтованья на огледане просили и у уряду то отримали, такъ и на тотъ часъ тому жъ судови нынешнему збитого и заморьдованого небожчика тело презентовали, и настъ, суду, о огледане и яко знову о придане возьного судового на поволанье и проклямацію тела небожчиковьского, яко право учитъ, просили. Мы теде, судъ, презентованое тело огледавшы, ранъ

две в голове, способомъ выжей в протестации выражонимъ заданных, такъже и сила знаковь синих побитих выдели есмо, и с повинности наше возного судового, енерала воеводства Волинскаго, шляхетного Ивана Кучковского придали есмо, который дня нынешнего, с повинности уряду своего, впрод тутъ, в замьку, потомъ перед замькомъ, и в месте разъ третий и четвертый над право, приведечы всимъ до ведомости, обволаля и проклямацію тела забитого учынилъ, же небожьчикъ панъ Петръ Станишевский есть окрутне забитый и заморьдованный, способомъ в протестации выражонимъ, за квалътовънымъ наездомъ на дворъ Омеляницкий презъ его милост ксенъдза Миколая Красицького, бискупа Аргивенскаго, суфракгана Луцького, и его милость ксенъдза Франъцишка Кгоглоинскаго, кустоша Луцького, и презъ люд его милости пана Браславскаго, на то умыслне посланный, с прычины и оказьи его милости пана судьи земскаго Луцького, за сполною всихъ радою, помочью и намовою есть забитый и замордованный. О чомъ тотъ возный, перед нами становъшы, рельеяцію свою учынилъ и сознал: ижъ онъ вперед дня онегдайшого, то есть десятого месеца февраля, маючы при себе шляхту людей добрих, его милост пана Якуба Кголембъевского и пана Станислава Кгостинскаго, былъ во дворе Омеляницкомъ; тамъ же, заставъшы небожьчика пана Станишевскаго, есче на онъ часъ жывого, ничего уже не мовьячого, за указаньемъ ранъ две в голове шкодливых, смерьтельне заданных, до мозку перетятых, руку левую обухами згрухотаную и веле инъших разовъ обуховых, на розных члоньках тела его огледалъ; самую ее милост паню Станишевскую, такъ обухами, яко и плазали збитую и стлучоную и волосы потарьганые видилъ; сыначька ее, в пулътора лет будучого, урожового Михайла Станишевскаго и цорочьку, ногами и подковьками подоптаную, огледалъ; домъ скривавенный, окна в нивечь постреляные и повыбияные, такъже печь и стены постреляные, кули в стенахъ будучые, такъже челяд при том же ексьцесьсе зраненую и здеспектованую, и раны у них в протестации

выжей менованые видель и огледал; на остатокъ, дня нынешнего, по огледанью нашомъ трупя привезеного, проклямацію и поволанье на помененых особъ, с приданья нашего судового, яко се выжей поменило, учынилъ и публиковалъ, и о томъ всемъ, же такъ, а неиначей было, што очыма своими ретельне огледал, перед нами стоячы, релъяцію свою учынил и сознал; просечы менованые особы, абы тая их жалосне занесеная протестация (до которое салвамъ себе мелиоранъди, альбо учыненъя шыршео протестации, инъ квантъумъ бы того потреба указовала, ресервантъ виям), возного реляция и проклямація были приняты и до книгъ записаны; што отримали.

Кн. прод. Луцк. 1648 г., № 2490, л. 436 об.

Примъч. За нѣсколько дней до совершения изложеннаго въ этой жалобѣ проступка, бискупъ Николай Красицкій съ своей стороны жаловался на Петра Станишевскаго, что онъ самовольно распоряжается имѣніями своей племянницы Анны Станишевской, опека которой поручена ея отцемъ главнымъ образомъ ему, бискупу, совмѣстно съ княземъ Альбрехтомъ-Станиславомъ Радзивиломъ, канцлеромъ литовскимъ, что онъ не заботится о присканіи ей приличной партіи, постыдно торгуется съ женихами, не заботится о ея воспитаніи, и что онъ, бискупъ, „сумненьемъ порушоный“, не можетъ болѣе оставить свою „пупиллямъ“ въ ея нынѣшнемъ положеніи: „в неволи, без цвиченія, без охендозства, праве зо всего обнажовую, и которая рада бы до кляштору панень законныхъ повернула, абы, будучы на свободи, о ставѣ своимъ резолюцію учывила, маючы и до законного жытя вота от дезидерія свое, яко се некоторымъ особамъ духовнымъ зверила, и на то нынѣгибция одъ уряду духовного есть выдана, абы жадень се не важилъ ей шлюбу давати, ажъ бы, ведлугъ коньдциіумъ святого Трыденського, ясневелможному его милости ксвѣду бискупови Луцькому, яко пастырови, достаточная воля ее милости паньны Станишевское объявлена была“.—Актовая книга № 2490, л. 222. — Подробноисторія убійства П. Станишевскаго изложена въ нашихъ „Очеркахъ стариннаго быта Волны и Украины“—въ ливарской книгѣ „Кіевской Старина“ 1891 года.

СХЛХ.

Шляхтичъ Славинскій, женившись на вдовѣ Еленѣ Тржасковской и взявши деньги за «голову» убитаго ея перваго мужа, бросаетъ ее среди дороги и ѣдетъ жениться на другой. 1648 года, 7 апрѣля.

Року тисеча шестсотъ чотырдесять осмого, месеца априля семого дня.

На вряде кродскомъ, в замку его кор. милости Луцкомъ, передо мною Рафаломъ Чаплинскимъ, наместникомъ бурграфства и замку Луцкого, становъши очевисто, шляхетный панъ Стефаль Трушевичъ для записаня до книгъ нинешнихъ кродскихъ Луцкихъ подалъ аттестацию одъ уроженого его мл. пана Войцеха Добруцкого, с печатю и с подписомъ руки его, уроженой паней Галенѣ Славенъской в певной справе даную, о чомъ тая жъ аттестация шырей в себе маеть, просечы, абы принята и до книгъ вписана была; которую на урядъ приймаючи читалемъ, и такъ се в себе маеть: Ja Wojciech Dobrucky czynię wiadomym moym pisaniem, iż na ten czas bywszy przyacielem z obu stron między ich mosciow: z iedney strony, między urodzonym Żygmuntem Sławienskim, a drudzey strony—przy urodzoney Helenie Trzaskowskiej, iż w domu moym własnym, we dworze jego mosci pana Przyemskiego, na ten czas dzierzący mego za własną moję summę, Berezołupe, przydał ym szlub; a na ten czas służył iego mosci panu Rafałowi Zbrożkowi, barwę wziąwszy, odstąpił, y z nią zaraz, wziąwszy ją ode mnie, poiachał, y do Łucka iachawszy z nią, odebrał pieniądze od pana Hulanickiego złotych polskich sto ośmdziesiąt za głowę niebożczyka męża iey iednalnym sposobom; on z nią poiachawszy s temi pieniędzy, ktore należeli dziecięciu, corce niebożczykowskiej, porzucił ją w drodze, pobrawszy pieniądze y insze rzeczy, poiachał się z ynszą żenić. Na co dla lepszej wiary daję tę moję atestatją, s podpisem ręki moiej. Działo się w Kisielinie, dnia wtorego decembris, anno tysiac szescset czterdziestego siedmego. Uniżenie upraszam w. m. moych mos-

ciwych panow o słuszną sprawiedliwość tey ubogiey sierocie, bo pod summieniem tą atestacją moję wydaię, gdyż się to u mnie w domu działo. У тое атестації подпись руки тыми словы: Woysesch Dobrucky. — Которая жъ то атестация, за поданьемъ и прозьбою вышъменованное особы и за принятемъ моимъ урядовымъ, до книгъ ест уписаная.

Книга гродск. Луцк. 1648 г., № 2169, л. 536.

СЛ.

Жалоба дв. Войтеха Брозки о томъ, что дв. Янъ Слончевскій, пользуясь его отъѣздомъ изъ Волини на Украину, съ вооруженными людьми напалъ на квартиру жалобщика, въ г. Луцкѣ, избилъ до смерти его слугъ, похитилъ обрученную его невѣсту дв. Анну Приборовскую и обвинчался съ нею у православнаго священника, не взирая на то, что дѣло происходило великимъ постомъ. 1649 года, 17 марта.

Року тысяча шестсотъ чотырдесять девятого, месеца марта семнадцатого дня.

На вряде кгородскомъ, в замку его кор. милости Луцъкомъ, передо мною Гелиашомъ Малюшыцъкимъ, буряграбимъ Луцъкимъ, становшы очевисто, урожоный его милость панъ Войцехъ Брозка, товаришъ компании урожоного его милости пана Романа Загоровского, столника Черниговъского, ротмистра его кор. милости, противко урожоному пану Янови Слонъчевскому, принъципалови, такъже тежъ челяди и помочъникомъ его, ему самому имени и прозвискы лепей ведомымъ и знаемымъ, сведчылъ и з великимъ жалемъ своимъ протестовалсе въ тотъ способъ и о то: ижъ кгда протестующый в року теперешнемъ тысяча шестсотъ чотырдесять девятомъ, урожоную панюю Анъну Кречовского Приборовскую в станъ святой малженъский себе пошлюбивши, руки и перстени, же одне другому слова дотрымат мело, про людехъ задныхъ з стану свецького и духовного на тотъ часъ будучыхъ, давши, самъ

его милость з велможнымъ его милостю паномъ воеводою Браславскимъ и иншими ихъ милостями на комиссию з козаками, за универсаломъ его корол. милости данымъ, в томъ же теперешнемъ року одъезджаючи, оную, яко южь власне малжоньку свою, придавши ей челяды двоихъ шляхты доброе, урожоныхъ пановъ Станислава Тресчковского и Крыштофа Буяльского, в господе своей, в дому славетного пана Григорого, бурмистра и месчанина Луцкого, при речахъ розныхъ зоставилъ, а тые вси речи до шафунку и заведываня ей самой и челяды вышей реченой отдалъ, теды вышей менованый панъ Слонгчевский, упатрившы собе час до выканя учынъку ниже менованого, кгда протестуючий, яко се вышей поменило, на Украину, на комиссию отъехалъ, с челядю и с помочниками своими, не паметаючи ничего на право посполитое и вины в немъ на таковыхъ описаные, але того всего снат пропомтъневшы и за ништо собе маючи, в року теперешнемъ тысяча шестсотъ чотырдесять девятомъ, месеца феврала двадцат осмого дня, на менованую господоу его милости протестуючого арматно, зъ стрелбою наехавшы, с помененою панею Прыборовъскою шлюбъ собе попу реллии руское, над заказъ права духовного, въ две неделе в постъ великий (з которымъ попомъ, по взятю ведомости о имени и прозвиську его, о то волное право собе в суде ему належномъ зоставуетъ) дати казавъшы, порвалъ и за жону собе квалтовне взялъ и приневолилъ. Пры которой и речы вси, през протестуючогосе зоставленые... *(слыдуеть ихъ перечень)* забралъ и на пошытокъ свой неслушне и неправъне обернулъ. И кгда челядь вышей менованая, панъ Тресчковский и панъ Буяльский, именемъ протестуючого, пана своего, пану Слонгчевскому тыхъ речей брати не допушчали и не позволяли, теды преречонный панъ Слонгчевский с помененою челядю и помочниками своими оныхъ, ничего никому, а поготовю ему самому и помочникомъ его, невинныхъ, киями, обухами побили, потолкли и разовъ онымъ немало синихъ, спухлых, кровю натеклыхъ, которых и зличыти реч неподобна, позадавалъ, от которых разовъ и тыранского

збитя и змордована оденъ з нихъ, панъ Тресчъковский, осмого дня месеца марца, а другий, панъ Крыштофъ Буяльский, пятнадцатого дня того жъ месеца марца, в року теперешномъ, Пану Богу духа поотдавали. През который таковой свой непристойный и неправный поступокъ панъ Слонъчевскій з челядю и помочниками своими, право посполитое зневажившы, в вины в немъ на таковыхъ описанные попалъ и на особу свою доброволне завзялъ и затыгнулъ, о што все з нимъ такъ, яко с права будетъ належало, его милость протестующый правне чинити оферовалсе, зоставившы однакъ такъ себе, яко и кривнымъ вышей менованныхъ зошлыхъ слугъ своихъ, волное учинене инъшое, шыршое протестацны и тое теперешное мелиорацию, еслибы того была потреба... (Далѣ слѣдуетъ „верификація“ вознаго, „презентація на урядъ“ умершихъ отъ ранъ п.п. Тресчовскаго и Буяльскаго и „обволање“ именъ виновниковъ ихъ смерти „разъ въ замку, другий перед замкомъ и в рынку места тутошнего, на местцахъ звычайныхъ“).

Книга гродская Луцкая 1648—1650 г.г., № 2951, л. 175 об.

СЛІ.

Жалоба на дв. Крыштофа Сестревитовскаго о томъ, что онъ умышленно оставилъ свою жену на произволь судьбы въ виду вторженія козаковъ Хмельницкаго и его союзниковъ татаръ. Трагическая судьба покинутой женщины. 1649 года, 9 апрѣля.

Року тисеча шестсотъ чотырдесят девятого, месеца априля девятого дня.

На вряде кгородскомъ, въ замку его кор. мл. Луцкомъ, передо мною Гелиашомъ Малюшыцеимъ, буркграбимъ Луцкымъ, становъшы очевисто урожоный его милость панъ Ерый Свенъцицкий, недавно зошлое с того света урожоное Анъны Свенъцицкое, урожоного пана Крыштофа Сестревитовскаго малъжонки, братъ рожоный, напротивко тому жъ урожоному пану Криштофови

Сестривитовскому з великимъ жалемъ и соленитер сведчылсе о то, ижъ онъ, запомъневшы боязни Божое и милосъти близънего, и овшемъ противко праву и сповиноваченью и присязе своей малъженъской выкročылъ: же понявъшы себе за малъжонъку помененую небосчъку, урожоную панъну Анъну Свенцицкую, за усиленнымъ стараньемъ своимъ, есче въ стане паненскимъ будучую, и водлугъ порядку костельного по шлюбе мешъкаючи з нею въ стане малъженскомъ летъ килка, чотири альбо пять, яко з малъжонкою присътойною, теперь, недавними часы, коли тые великие небезпеченства неприятельские козацькие наступовали, по розъгроменью обозу и войска нашего польского под Пилявками, якоь коло светого Михала прошлого, где по кождомъ праве воеводстве и повете почали о собе вси люде радити и купитысь кождый поветъ до обозовъ, а плеть белоголовъскую, малъженъки свое, где яко могли найваровъней и найбезпечней до местъ и замьковъ увозити, тотъ помененый урожоный панъ Сестривитовский, на то ничего не дбаючи на такъ великое небезпеченство неприятельское, месъто увоженъя малъжонъки своее, самъ затыгнувъшы под хороговъ его милости пана Петра Фалибовского, малъжонъку свою помененую урожоную Анъну Свенцицкую умыслне в дому покинулъ, не увозечы ее никуда и не оставивъшы ей жадного опатренья. Где якоь прудко по томъ тотъ неприятел Хмельницкий с потугою своею, такъ козаками, яко и ордою, под Замосътье наступилъ, скол тотъ же неприятел и по розныхъ местцахъ загоны свои росъпушъчалъ, же тежъ певного часу в повете Хельмскимъ и до села до Хойна тые жъ неприятеле козаки припали, где помененая пани Сестривитовская, сестра теперешънего сведчагогось, утрапленая будучы и одступленая одъ помененого малжонъка своего, такъ безъ коней, пинязей, яко и челяди, праве только неприятели в руки од малжонъка своего не дана, сама в томъ Хойне покпнена будучы, стамътоль яко могучы до села до Бельки пехотою уходила и тамъ у певного хлопа, на йме Якуба Бакулы, гаевого, мешъ-

кала; а назавторее албо другого дня и тамъ, до того села Бельки, козакы впадълы, где оная страпленая небога, хочечы яко-коль-вокъ унести здоровье свое, уходила до болота и тамъ крьючысь перед тымъ неприятелемъ, през три дни по шыю седила в воде; которую тотъ же хлопъ Бакула, у которого то она передъ тымъ мешъвала, по одойстю южъ козаковъ, праве пер казумъ фортунумъ, ходячы по боре, по надъ болотомъ, налезлъ ее в води ледве южъ живую, сколь ее ратовавъшы, взялъ до себе до халупы, где прудко по томъ в килка дни, якось коло Оферованья насвятъшее Панны, с перемерзненъя срокого Пану Богу духа оддала. И такъ пер ганькъ инъкурриамъ, фамемъ, ситымъ етъ медиумъ през умыслное такое недбанье и опусченье малъжонька своего помененая урожоная пани Сестъревитовская с того света зейти мусела, презъ што онъ за такимъ своимъ умыслнымъ и усилнымъ недбаньемъ и покиненьемъ малъжоньки своее юра вицинитатисъ етъ санъвинисъ поламалъ и покой посполитый зквалтиль, за чимъ и въ вины в праве описаные юксьта квали-татемъ факты попалъ. Такъ теды помененый протестътантъ разъ и повторе соленитеръ и жалобливе сведчылъсе, оферуючысь о то правне чынити далей; а на тотъ часъ просиль, абы тая его протестътаця до книгъ была принята и записана; што отрымалъ.

Книга гр. Луцкая 1649 г., № 2491, л. 123.

СЛІ.

Жалоба шляхт. Андрея Коморовскаго о томъ, что теща его п. Катерина Соколова разлучила его съ женой, съ которой онъ прожилъ въ бракѣ около тридцати лѣтъ, обратила ее и дѣтей въ православную вѣру (изъ католической) и намѣреваетъ хлопотать о формальномъ расторженіи брака ея дочери съ жалобникомъ. 1649 года, сентября 13.

Року тисеча шестсотъ чотырдесять девятого, месяца сеньтебра тринадцатого дня.

На вряде кгородскомъ, в замку его корол. милости Луцъкомъ, передо мъною Гелиашомъ Малюшыцкимъ, буркграбимъ Луцъкимъ, становши очевисто, урожоный панъ Андрей Коморовъскій в року теперешномъ тисеча шестсот чотырдесять девятомъ, месеца сеньтебра, дня тринадцатого, жалобливе скаръжыльсе и протестоваль на урожоную панюю Катарыну Николаевую Соколовую, которая, препомынявши права посполитого и винъ въ немъ описанныхъ, которые покой суседьскій взрушають, о здорове и о худобу протестуючого мышлячы, якъ тая пани Соколова, взявши якоесь злое сердце и замысль непрстойный противко протестуючому, якобы его здорovia и худобы збавыты, напередъ протестуючому малжоньку взяла, которая зъ нимъ мешкала въ вере католицькое летъ двадцать девять, розъмаитыми обитъницами зводячы ее, обещуючы ей дедыцтво свое даты, дароваты, записаты, „тылько покинь веру католицькую, а остань рускою“; чого доказала, же ее звела, же рускою зостала, и заразомъ братъи своей прыродьной, паномъ Жабокрицъкимъ, маетьность свою тестаментомъ лекгуеть. Выдечы малжоньку протестуючого с такового ошугаянн фрасовливуу, взяла ее кгвалтовъне од протестуючого, абы з нимъ болъшей не мешкала, абы се знову до веры католицькое не наவர்нула, и долъго ее въ добрымъ секвестре пры себе трымаючы, и не уфаючы ей, одвозить ее до пана подкоморого Володымерского¹⁾, даючы ее за служебъницу а просечы его милости,

¹⁾ Должность эту въ то время заималъ князь Юрій Пузына, членъ православнаго братства Луцкаго, родной братъ тогдашняго Луцкаго епископе Аеанасія Пузыны.

абы ее мель на оку, абы католичькою знову не остала, „а я се тымъ часомъ о розвъодъ буду старала“. Не досытъ на томъ маючы, же мальжоньку протестуючому взяла, але упатрившы час, кгда протестуючого в дому не было, забрала протестуючому дѣты: цорокъ тры и сына четъверьтого, и все домовъство з ними забрала, с которыхъ заразы две цорце примусила на веру рускую, з великимъ тыранизованемъ тыхъ дѣтокъ протестуючого, которые власне з неволи позоставали рускими. Не досытъ на томъ маючы и не коньтенътукчись тымъ, але ешъче жалъ до жалю прычиняючы, розказала, под час бытя козаковъ, протестуючому збожа помолотыти, все домовъство межы себе побраты, и еслибы былъ дома на тотъ часъ протестующый, самого забиты. Што видячы протестующый, же здоровья не безъпечень, для того тую протестацію, яко и о иньшыя кривды, заносить, оставуючы собе мелиорацию тое протестації, если бы была того потреба; а теперъ просить, абы тая протестація его до книгъ была принята и записана; што отрымалъ.

Книга вродск. Луцк. 1649 г., № 2491, л. 908.

СЛІІІ.

Судъ надъ крестьянкой—двумужницей. 1652 года, 11 апрѣля.

Року тисеча шестсотъ пятьдесятъ второго, месеца апрѣля одиннадцатого дня.

На рочькахъ судовыхъ вгородскихъ Володимерскихъ, од дня четвертого месеца и року тепер идучихъ, вишей на акъте менованыхъ, припалых и судовъне одправоватъ зачатыхъ, перед нами Балгазаромъ з Раецъ Раецкимъ, подстаростимъ, а Петромъ Зыковичомъ Князскимъ, городничимъ Луцкимъ, судею, урядниками вгородскими Володимерскими, приточилася справа з реестру судового, за приволанемъ возъного шляхетного Стефана Высоцького, межы

инстикгаторомъ и роботнымъ Анѣдреемъ Кондратенятемъ, подданнымъ Хоровскимъ, его дялаторомъ, з бытностю и притомностю урожноного его милости пана Петра Загоровьского, подсудка Володимерского, пана своего, поводами, а роботными Орышъкою Дорогиччанкою, жоною першого Левька Олексеняты, подданою того ж помененого его мл. пана подсудка Володимерского дедичною, а теперь в маетности урожноного его милости пана Романа Загоровьского, столника Черниговьского, будучою, и Грицомъ Галайдою, подданнымъ того жъ его милости пана столника Черниговьского, зъ села Кремеша, з бытностю и притомностю того ж пана ихъ вышменованого, позъванными, за позвомъ кгородскимъ Володимерскимъ, од поводовъ по позваныхъ на рочьки теперешъние въ справе ниже менованои выданнымъ, который за поднесенемъ стороны поводовое у суду былъ читан, и такъ се в собе маеть: Даниелъ на Несвичу Стемъпковский, староста Володимерский, вамъ роботнымъ Оришце Дорогиччанце, жене першого Левька Олексеняты, презъ неприятеля Крижа святого, то ест орду, в неволю взятого, праву Бозькому и посполитому спротивьной, подданой его милости пана Петра Загоровьского; подсудка Володимерского, дедичной, а теперь въ маетности урожноного его милости пана Романа Загоровьского, столника Черниговьского, будучои, и Грицови Галайде, подданому того жъ его милости пана столника Черниговьского зъ Кремеша, зъ бытностю и притомностю того жъ его милости пана вашого вышменованого, зъ особъ вашихъ власныхъ, моцью зверхности его кор. милости а владзою уряду моего старостиньского приказую, абысте передъ судомъ моимъ кгородскимъ Володимерскимъ на рочкахъ кгородскихъ Володимерскихъ, въ року теперешнемъ тисеча шестсотъ пятьдесятъ вторымъ, месеца априля четвертого дня, въ замьку его кор. милости Володимерскимъ, до сужения припадаючихъ, сами очевисто и завите, яко на року завитомъ, станули на жалобу и правъное попарте инстикгатора и роботного Анѣдрея Кондратеняты, подданого Хоровьского, его дялатора, который дялатор, з бытностю и притомностю выжей помененого

его милости пана подсудка Володимерского, пана своего, позывает о то: ижъ ты, Орышъко Дорогиччанко, добровольне взявъшы шлюбъ зъ деляторомъ въ року тисеча шестсот пятидесятом, месеца февраля двадцать второго дня, въ монастыре Загоровским, при бытности велю людей, а препомъневъшы впрод боязни Божое и присяги своее, которую при шлюбе выконала, потом знову, того жъ року и месеца зъ дня двадцать четвертого на день двадцать пятый, въ день пятковый, в ночи, до Свинюх одехавъшы, зъ тобою, Грицу Галайдо, другой раз шлюбъ неслушъне, над заказ права хрестияньского, взяти важылистеся; а ведаючи о том добре ты, Галайдо, же уже въ монастыре Загоровском менованая Дорогичъчанка зъ менованным Кондратенятемъ, теперешнимъ деляторомъ, шлюбъ взяла, другой шлюбъ противъко всему округломъ праву Бозькому и посполитому важылистеся взяти, якожь де факто взялисте и до того часу за тым неслушным шлюбомъ зъ собою скутки малженству належачие, правомъ Бозьким и декретом духовным заказанные, пополняючи заставае, намней ничего не дбаючи на боязнъ Божую и срокгост декрету презъ высоце превелебного его милост ксендза Иозефа Мокосия Баковецкого, епископа Володимерьского и Бресского, прототронего метрополии Киевское, пастера епархии Володимерское, и капитулы его в той справе, межи поводовою стороною а вами, року прошлого тисеча шестсот пятидесятого, месеца априля четвертого дня, водлуг старого календара, за нестанем вас обойга ферованого, которым то декретомъ таковымъ своимъ судъ духовный, за одосланем до себе презъ помененого его милост пана столника Черниговьского, пана вашого, и урожоных их милости пановъ Яна Маръковьского и Яна Скипора, прыятелей од панов ваших, на розсужене тое справы зъ обох сторонъ высажоных, и за позвомъ епископским, видечи спротивенесе ваше и непослушенство права посполитого, декретоваль правъне и узналь важъный шлюбъ першый зъ деляторомъ, а вашъ тотъ теперешъний мнеманый второй декретом своим неважъный быти узнавъшы, пожыты того малженства ва-

шого непристойного заказалъ, а в спротивенюсе тому декретови, до суду належного на одправу екекуции на особах ваших одослалъ; чимъ всемъ, а особливе боязню Божю и правом посполитымъ погоръдившы и ни за что себе маючи, того малженства своего неважного, непристойного и заказаного ажъ до того часу, зъ собою мешкаючи въ способъ малженского стану, заживаете, зачымъ тымъ таковымъ своимъ упорнымъ, неправнымъ и непристойнымъ поступкомъ право Божкое и посполитое, такъ же и присягу свою першую ты, Дорогичъчанко, при шлюбе выконаную, нарушывъшы, въ вины за то все горловые, албо такие, якие зъ права посполитого презъ судъ мой кградский Володимерский вашему таковому поступкови ровные и подобные, вынайденые и декларованые будутъ, попалисте, до которыхъ сказаня и присуженя поводовая сторона вас тымъ моимъ позвомя, реферуючис з ним во всем до права посполитого и декрету духовного, такъ же инквизиции през поводовую сторону перед судомъ духовнымъ о то противко вамъ выведеное и стороне поводовой ин окълюзо ротуло выданое и всего генералитер поступку правного, в той справе зашлого, о томъ всемъ широко и достатечне в себе обьявляючого, на терминъ вышей профикусованный позывают, на которомъ, яко на завитимъ, абысте стали, винамъ правнымъ, то ест горловымъ, презъ декрет судовой на вас с права посполитого вынайденымъ и декларованымъ, прислухали, и на все, што часу права ширей словы изъ доводов правныхъ дедуковано будет, судовне одповедаючи, зъ поводовою стороною скучочне розъправили. Писан в Володимеру, року тисеча шестоть пятдесят второго, месеца феврала двадцат девятого дня.— На термине нинешнемъ, з помененого позыву в той справе препалом, стороны обедве, поводовая—подданий его милости пана подсудка Володимерского, з притомностью пана своего, през шляхетного пана Александра Бялоберезького, а позвана зас, то ест Гриц Галайда зъ жоною своею, подданыи его милости пана столника Черъниговьского, з притомностью того жъ пана своего, презъ шляхетного пана Антъонего Домонътовского, умоцованныхъ своихъ,

очевисто у суду становилисе и, в той справе розъправу правъную межи собою маючи, контровертовали; однакъ ижъ од позваное стороны контроверсий для вписаня ихъ до декрету, водлуг звичаю, до канцелярии не подано, для чого и не сут вписаные, теди се то противъко стороне позваной угроной его милост пан Адамъ Вуркацкий, писар кгородский месца тутошьного, взглядом пилности своее светчит. А сторона поводова я поведила, же тут жадная суспенса позваных поткати не может, бо справа южь осужоная, которая звлоки терпѣти не мает, и позваньи неслухъне тое суспенсы аффектуют, яко в речи осужоной, и овъшемъ се повинъни справити, албо рачей декретови, який будет ферованый, прислухатисе и оному подлегати, салвис дефенсис. Суд нинешнъний кгородский Володимерский, контроверсий сторон обохъ до суду своего вношоных выслухавъшы и оные вырозумевъшы, справу теперешнюю ад кавъзам статуиционис суспендует; од которого декрету сторона поводова я, протестуючис о кгравамен и шкоды противъко судови, до суду головъного трибуналу коронного Любелского апелловала. Судъ ей тое апелляции, репротестовавъшысе, ижъ такъ водлугъ права быти розумель, допустилъ и терминъ за нею перед менованимъ судомъ головънымъ трибунальскимъ короннымъ, в Люблине одправуючимсе, тамъ где з права придет и належати будет, напервей по акте сего декрету и вистю шести недел обом сторонам ку росправе правъной завитий, без припозъву становити се зложилъ и заховал и тым декретом складает и заховет. Што все для памети до книгъ нинешнънихъ есть записано.

Кн. вродск. Владим. 1652 г., № 1020, л. 772.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

СЛІV.

Волынская землянка Марья Вохнова, выдавая дочь свою за племянника землянина Юшка Камки, заключаетъ съ послѣднимъ условіе относительно взаимнаго обезпеченія ими новобрачной четы. 1471 года, 11 сентября.

Во ймя Бога станѣ ся то. Се я пани Вохнова пани Мария з своими детми, с паномъ Ивашкомъ а с паномъ Васкомъ, посваталися есмо с паномъ Юшкомъ Камкою за его сестренца, за пана Стецка за Шишкинича, мою девку паньну Матрушку, а даю и дала есмо из своими детми, с паномъ Ивашкомъ а с паномъ Васкомъ, зятю нашому пану Стецку Шишкиничу и дотце своей паньне Матрухьне мужа своего дидину и отчину, селце на ймя Ставокъ, у Туриськомъ повете; а змовившися есмо зъ своими детми, дали есмо имъ вечно и непорушно зо всимъ с тымъ, што к тому селу слушаетъ и належитъ, какъ мужъ мой держалъ, и мы ему по тому жъ дали; а панъ Юшко Камка далъ пану Стецку Шишкиничу, противъ нашего села, таково ж село сестренцу своему и дотце моей, на ймя Будятичи, со всимъ с тымъ, какъ онъ самъ держалъ. А посватавшися есмо, дали своимъ детомъ тые селца свои имъ вечно и непорушно, дасть имъ Богъ дети, ино ихъ детемъ и ихъ счеткомъ; а дали есмо имъ по тому, какъ и сами есмо ихъ держали, а имъ, нашимъ детемъ, по тому жъ держати, как и мы; ачь не дасть имъ Богъ детокъ, ино доложивши се у осподаря короля его милости, волны себе продати и ближнымъ своимъ дати, и на церковь дати. А при томъ были

добрые люди: панъ Взязчъ, земенинъ Володимеръскій, а панъ Ласко, а духовныхъ были: плебанъ Володимерскій князь Станиславъ, а духовниѣхъ владыки Володимерскаго пупъ Прокопинскій, а пупъ Иванъ Пятницкій; а пана старостинъ, пана Шиловича дворянинъ панъ Яцко Ранъдиничъ, а Левъ Вороновичъ, а войтъ Володимерскій панъ Миколай; а мешчане Володимерскіе: панъ Тинъ Горчица а панъ Маско, и инныхъ добрыхъ людей при томъ было много. А къ тому листу и печати свое привесли: пани Вохнова зъ своими детми свою печать, а панъ Юшко Камка свою печать. А писалъ листъ пупъ Левко Веръбскій. А писанъ листъ у Володимери, сентября одинадцатаго, инъдикта четвертого.—У того запису печатей привесистыхъ на червонныхъ едвабныхъ шнурахъ въ воску притисненыхъ две.

Книга городская Владим. 1621 г., № 985, л. 766.

Примъч. Время составленія настоящаго документа мы опредѣляемъ 1471 годомъ на томъ основаніи, что въ числѣ свидѣтелей въ немъ поименованъ дворянинъ „пана старостинъ пана Шиловича панъ Яцко Рандиничъ“. Олизаръ Шиловичъ упоминается въ актахъ съ титуломъ старосты Владимірскаго подъ 1461 г. (Stecki, Miasto Równie); въ 1480—1484 гг. онъ именуется уже старостой Луцкимъ (Авгъ Южн. и Зап. Россіи, т. II). Индиктъ 4, какимъ датированъ нашъ документъ, падаетъ на 1471 и 1486 годы; но послѣдній едвали можетъ быть принятъ въ данномъ случаѣ, такъ какъ Шиловичъ въ этомъ году былъ старостой въ другомъ городѣ.

CLV.

Дочери Кіевскаго воеводы Григорія Александровича Ходкевича, Александра и Анна Григорьевны, выйдя замужъ — первая за князя Романа Сангушка, а вторая за п. Павла Сапѣгу и получивъ въ приданое больше того, что по закону имъ слѣдовало бы, навсегда отрекаются отъ своихъ наслѣдственныхъ правъ на отцовскія и материнскія имѣнія. 1559 года, 25 марта.

Року тисеча шестьсотъ третего, месеца августа тринадцатого дня.

На рочкахъ судовыхъ кгородскихъ Луцкихъ, дня семого месеца августа, в року теперешнемъ тисеча шестьсотъ третемъ, припалыхъ и судовне отпраовати зачатыхъ, перед нами Матеемъ Стемпковскимъ, подстаростимъ, а Остафѣемъ Еловичомъ Малинскимъ, судею, врядниками судовыми кгородскими Луцкими, постановившиися очевисто у суду велможный панъ Янъ Паць, воевода Минский, тивонъ Виленский, староста Каменецкий и Довгялижский, чивечи досыт инътерпызе своей з велможнымъ княжатею Юремъ Черторыскимъ, на сойме близко прошломъ Краковскомъ з стороны актыкованя сиравъ на Муравицу належачихъ учиненой, оповедал и ля вписаня в книги кгородскіе луцкіе подалъ листъ сознаня ихъ милости паней Григоровенъ Ходкевичовенъ, воеводянокъ Кіевскихъ, выреченъя се з добръ ойчистыхъ и материстыхъ перед его милостю паномъ Миколаемъ Радивиломъ княжатею на Олыце и Несвѣжу, воеводою Виленскимъ, маршалкомъ и канцлеромъ В. К. Литовского признаный, на паркгамене писаный, с печатю привесистою, просечи, абы до ведомости врядовое принять и в книги кгородские луцкіе уписанъ былъ; который мы видечи бытъ ни в чомъ не подеызраный, для вписаня в книги приймюучи, перед собою читати казали, и так се в себе маеть: „Мы Миколай Радивиль на Олыце и Несвѣжу княжа, воевода Виленский, маршалокъ и канцлеръ великаго князства Литовскаго, староста Берестейский и Ковеньский, державца Борисовский и Шавленский,

ознаймемъ симъ нашимъ листомъ, ижъ будучи в вась на замку Берестейскомъ княгиня Романовая Саньгушковича, старостинная Житомирская, княгиня Александра Григоревна Ходкевича, а пани Павлова Сапѣжина, воеводичовая Подляская, пани Ганна Григоревна Ходкевича, воеводянки Киевские, сестры рожоные, при очевистой бытности панее матки своее, ее милости панее Катерины Ивановны Вишневецкого в Берести и за ведомостю пановъ малжонковъ своихъ, его милости князя Романа и пана Павла Сапѣги, которые очевисте того их милости перед нами позволили, не будучи к тому никим примушонны, але по своей доброй воли сознали и оповедали перед нами врьдовне: ижъ ихъ милост, дознавши великую а милостивую ласку и добродейство велможного пана, его милости пана Григоря Александровича Ходкевича, воеводы Киевского, подкоморего великого князства Литовского, старосты Кормяловского, пана и отца своего милостивого, которую его милость от пороженъя ихъ по увес час мешканя их милости, з милости своее отцовское, имъ з себе показовал, а ктому много з ласки своее, над обычай посполитый, чого бы ся ихъ милости водле права и статуту з ыменей отчистых и материстых дати не пришло, то его милост яко ценезми готовыми, золотомъ, серебром, клейнотами, перлами, шатами и иными речами рухомыми их милости за посагъ надалъ и надаровалъ особливе, над пристойност выправы, такъ ижъ далеко перевышило четверту часть отчизны, с которое выправа идет, а з материстого тые части ыменей, што бы ся потом з делу по животе пана отца и пани матки их милости мело достати, тые добра его милость имъ дочкам своимъ оплатил, и ачъ ведаючи о тое право пана отца своего, которым ее милост пани воеводиная Киевская, пани matka их милости, записала его милости пану воеводе Киевскому, малжонку своему, ыменя свои, то есть: на Воляни Муравицу замокъ и место, а в Литве двор Берестовицу, двор Белавичи, а замокъ и место Пески, и ловы в пуци у Наровцы, што вже в руки и шафованье его милости вечнымъ правомъ записала и даровала, даючи

волность его милости куды хочечи то обернути, отдати, продати и даровати; яко и на сес час ее милость пани воеводиная Киевская пани Катерина Вишневецкая, очевисто седечи, устне перед нами и врьдовне потвердила того, же его милости пану малжонку своему нйменья свои на Волыни и в Литве отчизные и материстые в дедицтво вечное пустила, отдаляючи от дочокъ своих всѣхъ трох, а влнваючи право на пана малжонка своего и на сыны свои, зъ его милостью прибылые, и на потомки его милости. Тогда кнегиня Романовая и пани Павлова, дочки его милости пана воеводы Киевского, показуючи з себе поволност и послушенство ку родичом своимъ, вырекли ся теперешнимъ сознанием своим, яко есть вышей описано, з ведомостью малжонковъ своих, которые очевисте того имъ перед нами позволили, всѣхъ частей в нйменяхъ отчизных и материстыхъ вышей помененых тым обычаем, обовязокъ на себе и на дети свои, если имъ Панъ Богъ дати их рачить, кладучи: ижъ ои при животе и по животе матки своее ее милости не мают се домагати частей своих в тых именьях помененых материстыхъ у его милости пана воеводы Киевского, пана отца своего, а по зештью его милости з сего света, и у сынов его милости, брати своее, и потомковъ его милости,—они сами, дети и потомки, щадки ихъ, ниякими вынайденными причинами, але то маеть зостати вечно и на веки непорушно при его милости пану воеводе Киевскомъ и при сынех его милости; также теж и четвертая част именьей ихъ милости отчизных, с котороے выправа пх милости болшей, нпжли тая част ведле статуту стоит, дана, вечным дедицтвом маеть быти при владности и в пожываньи его милости пана воеводы Киевского и сынех его милости, докладючи волности тое, за позволенемъ малжонковъ своихъ, от особъ своих, детей и потомковъ своихъ пану отцу своему и брати своей роженой и потомком его милости, кому бы потомъ от его милости яким правом было заведено, тыми именьми отчизными и материстыми шафovati подле всякого приподобанья их милости, отдати, продати, даровати, замѣнити и ку своему налештому пожитку

обернути; бо и повторе на остатку визнавали ласку и милость отца своего ку себе, же болшей над обычай дал их милости у выправе, ниж коли бы на них мело прийти з отчизны и з материстого. И просили кнегиня Романовая и пани Сапѣжиная, абыхмы то для речи вечистое велели до книгъ врьдowych записати; мы, слышавши таковую волю и сознание их милости, казали есмо до книг наших справ судовых записати; с которых есть выписанъ сесь наш листъ и выпись данъ его милости пану воеводе Киевскому, з нашею печатю и с подписом руки наше. Писанъ у Берести, лета Божого нароженя тисеча пятсот пятдесять девятого, месеца марца двадцать пятого дня.—У того листу печат привесистая одна, а подпись рукъ тыми словами: Nicolaus Radziwil m. rrgia. Матыс Савицкий.—Который же то вышей менованный листъ, такъ яко се в себе маеть, за прозбою и поданьем его милости пана воеводы Минского, до книгъ вгродскихъ Луцкихъ есть уписанъ.

Кн. вродская Луцкая 1603 г., № 2113, л. 599.

CLVI.

Жалоба землянина Александра Вороны-Боротинскаго о томъ, что отецъ его п. Томило Ворона, принявъ къ себѣ за жену Туровскую мѣщанку Марушку Ильяшовну, вмѣстѣ съ нею пропиваетъ имущество и выдалъ ей какую-то запись на родовыя имѣнія жалобщика. Исторія похождения этой вольной женщины. 1586 года, 1 апрѣля.

Року тисеча пятсотъ осмьдесятъ шостого, месеца априля первого дня.

На рочках судовых вгродскихъ Луцких, в року теперешнем осмьдесят шостом, месеца марца двадцат сегого дня, в четвергъ, зачатыхъ и судовне отправованных, перед нами Станиславомъ Петровскимъ, подстаростимъ, Остафьемъ Малинскимъ, судею, врьдниками судовыми вгродскими Луцкими, оповедался в суду земенинъ господарский повету Луцкого пан Александер Воронич

Боротинский тым обычаемъ: ижъ дей слышалъ еси дня сегодняшнего, даты верху писаное, кухарка пана отца моего, пана Томила Вороны Боротинского, ниякась Марушка Иляшовна, мещанка Туровская, которая дей первой сего была замужомъ в месте Турове за Зоркою, служебникомъ его милости велможного кнежати Константина Острозского, воеводы Киевского, маршалка Волынской земли, потомъ, утекши оттоль тая невеста, збытечная пъяница, от мужа своего венчалного Зорки, пропивши всю маетность его, и ходила на козацтво до Киева, до Канева, до Черкасъ, до Белое Церкви, и бывши тамъ колконадцат лет, на Волынь приходчы до Крупой, пана Ерофея Гостъского, суди земского Луцкого, за мелником Крупским замужомъ была, и в оного мельника зашкодивши не мало, от него вѣтекла; як же пан отецъ мой оному мельнику пят копъ грошей за нее платилъ; мещанину Дубенскому штось теж немало была зашкодила, ино зъ еднантя семь копъ грошей пан отецъ заплатилъ; за шурином Перевеским теж была, и тому штось немало платилъ; Кохану, служи пана Андрея Русина, коня доброго и шесть копъ грошей дал за нее; Демянѹ Мокренскому, возному повету Володимерского, также за шкгоды ее, што ему починила и от него втекла, десять коп грошей заплатил, — а теперь дей оная невѣста з ниякимъсь правомъ на Боротинъ Передний показуетъ в суду вгородского, менит себе быт суму пенезей осмѣдсят копъ грошей и доживоте от пана отца якобы записанос. Ктому тежъ имене Туличово половицу за ее причиною и намовою злою, яко будучи пъяница, Мпхаилу Вороне у польтораста дей копахъ грошей литовскихъ заставилъ, до чого дей пан отецъ мой моды ниякое не мель и не маеть вольности ниякое продавати, ани заставляти, толькo до живота своего мешкати, бо на томъ вѣно небожчице паней матце моей на неп Райне Смоковне записал, который листъ записный веновъный панее матки моее и по животе ее милости мне, сынови, потребный и въ дому ихъ милости пановъ Угровецкихъ в захованью есть; а ижъ тежъ пан отецъ мой того з молодости лѣтъ своих не

чинилъ за первыхъ жон своихъ, которыхъ мель въ задныхъ шляхетскихъ домовъ: а напервей панюю матку з дому ихъ милости пановъ Угровецкихъ, тотку ихъ милости, потомъ другую малжонку панюю Зофѣю Козинского, а третью малжонку тежъ мель з собою в малжонстве Немилу Джусянку, за которыми дей учтиве мешкаючи; ничего не втратилъ, только теперешнего часу, маючи тую невѣсту збытечную, кухарку, а пѣяницу великую, же рокъ от року з Луцка возечи¹⁾. ко пити а втрату вести незмерную мает . . . же, рѣзумею то по нем, не своею волею тое чинит, а звлаща в старости лѣтъ своихъ, бо вже и сам не помнит, што чинит, толко она его И просилъ нас записати пан Александр Вороничъ Боротинский тое его оповеданье до книгъ кгородскихъ што отрималъ.

Книга Луцкая городская 1586 года, № 2110, л. 315.

Дополненіе къ документу № XX.

Къ исторіи сватовства князя Льва Александровича Сангушка-Коширского съ княжной Мариной Александровной Чорторыйской. 1563—1565 гг.

Року 1563, м-ця декабря 10 дня.

Постановившия в замку господарьском у Володимери зъ стороны своее самъ его милость князь Александро Санкгушковичъ Коширский, маршалокъ господарьский, изъ сыномъ своимъ княземъ Илвом, а з стороны его милости князя Александра Ѳедоровича Чорторыйского панъ Бартошъ Витвинский и служебник его милости Андрей Куколский, оповедалъ его милость князь Александро Кошерский мне, Василю Ѳедоровичу Гулевичу, подстаростему Володимерскому, иж дей, з ласки милостивого Бога, принял дей

¹⁾ Точками означены совершенно выпѣвшія слова въ актовой книгѣ.

есми у вечистое приятелство з его милостю князем Александромъ Чорторыйским и змовил дей есми дочку его милости княжну Марину за сына моего князя Илва, которую дей, ведле змовы и постановеня нашего, сын мой князь Лев в малженство святобливое за себе взяти и поняти маеть, которое тое постановене наше на листехъ нашихъ записныхъ, промежку себе один другому даных, ширей описано есть. А иж сын мой князь Лев вжо лет дорослый, лета свои маючи, тую княжну Марину, дочку его милости князя Александра Чорторыйского, полюбил, тогда тое постановене наше держати маеть, и на што бы листы свои князь Лев, сынъ мой, тепер его милости князю Чорторыйскому давати мел, тогда тые листы при моцы своей зостати мають для того, иж сын мой князь Лев вже лета свои зуполные мает. А тое оповедане и очевистое сознане его милости князя Александра Коширского до книгъ записати велел, с которых его милость князь Чорторыйский через пана Бартоша Витвинского и через того служебника своего Андрея выпис с книгъ под печатю моею взялъ.

Документъ этотъ разысканъ нами въ отрывкахъ замковой Владимірской книги 1563 г., оставшихся въ г. Владиміръ-Волынскомъ послѣ перевода оттуда актовыхъ книгъ и сообщенныхъ намъ тамошнимъ священникомъ (недавно умершимъ) о. Даниломъ Левинскимъ.

Примѣч. Въ тѣхъ же отрывкахъ актовыхъ Владимірскихъ книгъ находятся еще слѣдующіе документы, относящіеся къ сватовству князя Льва Сангушковича съ княжною Мариною Чорторыйскою:

а) 1565 г., апрѣля 17. Павъ Иванъ Матѣевичъ Ело-Букоемскій, въ качествѣ „вижа“, доноситъ старостинскому уряду, что вмѣстѣ съ п. Михайломъ Козинскимъ, маршалкомъ господарскимъ, и Волчкомъ Якимовичемъ Жасковскимъ, судьей Володимерскимъ, „ходилъ до Горухова, до князя Александра Сангушковича Коширского и именемъ князя Александра Чорторыйского мовилъ князю в невыполненю записовъ и обовязковъ, которыми ся князь Коширский записалъ о взятѣе дочки князя Чорторыйского за сына своего, ижъ с того запису выступилъ“. Князь Коширский на тое отказалъ: „еще дей рокъ веселю не пришлоъ: цхай дей князь Чорторыйский року назначоного

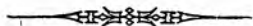
в л. стех наших ждеть, а мешковъ дей на заклады нехай не шить, бо дей сынъ мой его дочку, коли рое прииде, поймет; одно ж дей если я умру або князь Чорторыйскій, то ся все ни во што обернуть, бо дей князь до сына моего не ласкав, а сынъ мой ему ся не записовал и печатей к тому запису не прикладад, сынъ мой од того воленъ.“

б) 1565 г., мая 29. Тотъ же п. Ело Букоемскій, посланный „вижемъ“ 25 мая къ князю Александру Сангушко-Коширскому, вмѣстѣ съ п. Солтаномъ Бутетицкимъ, п. Семеновъ Ласкомъ-Черничцкимъ и др., доносятъ, что п. Бутетицкій „подадъ до рукъ его милости князю Коширскому въ замку Горуховскомъ листъ Е. К. милости и мовиль словне: што ваша милость, княже Александро Коширскій, учинивши змову и листомъ утвердивши зъ его милостю княземъ Чорторыйскимъ, маючи волю за сына своего Илва дочку е. м. княжну Марину въ малженство поняти, которого листу и обовязку своего ваша милость выстунилъ а сына своего князя Лва з иною оженилъ“. Князь Коширскій листъ Е. Кор. милости взялъ и копію своему дяку далъ, на подливномъ же королевскомъ листѣ зверху написати казаль: „не знаю ся до того, жебы ся сын мой з иною женою оженити мел“. Посланные требовали, чтобы князь, за нарушеніе договора, добровольно уступилъ, согласно условію, князю Чорторыйскому замокъ Коширскій, на что князь отвѣтилъ: „той замокъ Коширскій, на которомъ промежку насъ заруки описаны, поступилемъ в. моцъ сыну своему князю Лву: онъ будетъ ведати, если его князю Чорторыйскому або сыну его князю Михайлу поступит, або ни“. Посланные, „чинечи досыт листу королевскому и подле листу его милости князи Коширского“, поѣхали оттуда „до Коширского замку, хотечи въехати и въ моц его взяти за 10,000 копъ гаручныхъ“, при чемъ къ нимъ присоединился и князь Михайло Чорторыйскій съ своими людьми. Но, пріѣхавъ, он увидѣли въ замкѣ множество людей „з ручницами, луками, рогатинами, зо вськими бронями, кизка сотъ запущено было кобылинъ“. На требованіе уступить замокъ оттуда отвѣчали: „не маючи листу от пана своего, никому увязовати себе ве допустимо и на лист королевскій ничего не дбаемо и слухати не хочено и конии з него не беремо“. „Видечи небезпечность (доносить вижъ), мы почали уходити: она з ручницъ, з гаковницъ почали на нас стреляти, бы на якихъ неприятелей. А кгда пришла къ Старому-Коширу для угрозованья, то великое множество людей почали насъ перейлати и во вси звоны звонили“....

в) 1565 г., юня 4. Жалуется князь Александръ Сангушко-Коширскій, что 27 мая, „в неделю“, князь Александръ Чорторыйскій „зъ многими помочниками, приятелями, з сагайдаками, з рогатинами, ручницами, гаркабузы,— болшей тисечи коней,—наслалъ сына своего князя Михайла на замокъ Кошеръ,.... мощно квалтомъ замку добывали, стреляли“, много людей поранили, „в мешанъ коморы поодбивали, гроши ихъ, товары: воски, лов, скуры, сукни, платье белое побрали, и отступивши отъ мѣста, наехали на Старый-Кошеръ, тамъ войта, людей позбивали, поранили, жонокъ, девокъ квалтовали, коморы поотбивали и всю маетность отъ мала до велика побрали... горей вжали отъ погаиства Татаръ все имѣнье мое Коширское опустошили“.

1) 1565 г., іюня 7. Виждь доноситъ, что ѣздилъ къ князю Алек'андру Федоровичу Чорторыйскому для врученія ему отъ князи Сангушко-Коширскаго двухъ листовъ господарскихъ: „заручного (въ 10,000 копъ грошей лит.) о безвеченство здоровья“ его самого, сына Льва, слугъ и бояръ, и „отрочового“, въ которомъ объявлялось, что король, рвди службы военной и земской, „отрочаетъ“ обвинъ сторонамъ срокъ явки къ суду по жалобѣ кн. Чорторыйскаго „о нѣякое добровольное позволенъе за сына князя Льва влети у его милости дочку княжну Марину и за непозволенъе е. м. сыну дочки в малженство взятъ“. Посланныхъ долго не пускали въ дворъ и не давали имъ никакого отвѣта. Наконецъ вышелъ къ нимъ слуга князя Чорторыйскаго и спросилъ: съ чѣмъ они пріѣхали отъ князя Коширскаго? Ему были показаны господарскіе листы. Посмотрѣвъ ихъ, слуга отдалъ ихъ обратно и сказалъ: „То—плетки, и хоть вы будете стоять три дни, князь не велѣлъ васъ пускати до себе“. „Освѣтчивши тое“, слуга князя Коширскаго „угнеулъ у ворота“ копи листовъ и уѣхалъ домой.

Весьма естественно, что разъ дѣло приняло такой оборотъ, сватовство окончательно разстроилось, и спустя короткое время князь Левъ Александровичъ Сангушко женился на Аннѣ *Остиковнѣ* (см. № LI настоящаго тома), а его бывшая незѣста, княжна Марина Чорторыйская вышла за п. Андрея Павловича *Самту*, воеводича Новгородскаго (Архивъ Юго-зап. Россіи, часть VII, т. I стр. 26).

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ ИМЕНЪ,

встрѣчающихся въ настоящемъ томѣ.

І. Имена личные.

А.

- Александръ** Ягеллоновичъ, великій князь Литовскій, 5.
Андреевичъ Романъ, священникъ Спасской церкви въ г. Брестъ-Литовскомъ, 365—367.
Андреевскій Янъ, землянинъ Волынскій, 434.
Андрей, архимандритъ Зимоукаго монастыря, 417.
Андрей Володиміровичъ, князь (Полубенскій), 4.
Андрей, священникъ Покровской церкви въ г. Винницѣ, 143.
Андросовичъ Есифъ, писарь войтовскій Луцкій, 334.

В.

- Бабинскій** Андрей Семеновичъ, землян. Волынскій, 86, 174—177, 178, 423.
— Его дочь Катерина—за землян. Ив. **Городицкимъ** (см. это имя).
— Василій, землян. Волынскій, 423.
Бачукъ Хома, мѣшанинъ Владим., 534.
Бедрицкій Грегоръ, всендзъ капитулы бискупства Луцкаго, 433, 434, 440.
Белжецкій Бартошъ, депутатъ въ Люблинскомъ трибуналѣ отъ воеводства Волынскаго, 541.
Бендковскій Янъ, шляхтичъ, 246.
Бережицкій Матысъ, землянинъ Волынскій, 93, 94.
— Фалалей, землянинъ Волынскій, 349, 356.
Березовскій Матіашъ, возный Владим. повѣта, 543.

Билецкій Малашъ, мѣщанинъ Владимірскій, 534.

Берестскій Иванъ Михайловичъ, землян. Волынскій, 288—289.

— Его сестра Александра—за п. Ив. **Болобаномъ-Осекровскимъ** и 2-мъ бракомъ за п. Касперомъ **Цетковскимъ** (см. эти имена).

Бобровскій Станиславъ, бояринъ, 163, 164, 165.

Боговитиновичъ Богушъ, дворянинъ королевскій (XV в.), 4.

— Левъ, писарь королевскій, ключникъ Берестейскій, 4.

Боговитины-Козирадскіе, земляне Волынскіе:

— Адамъ, подкоморій Кременецкій, 423, 431, 449, 570.

— Андрей, стольникъ земли Волынской, 529, 530, 531.

Боговитины-Шумбарскіе, земляне Волынскіе:

— Боговитинъ Петровичъ 12—13. Его жена Софья Андреевна **Лозчанка**, 2-мъ бракомъ за кн. Вас. **Сангушомъ-Новельскимъ** (см. это имя).

— Ихъ дочь Θεодора—за п. Яномъ Богдановичемъ **Загоровскимъ** (см. это имя).

— Михайло Богдановичъ, 27—30, 33—35. Его жена Ганна Олехновна Борзобогатовна, 27—29, 33—35.

— Миколай Михайловичъ, сынъ предыдущаго, 424—430, 572. Его жена Ева Павловичевна, 425—430.

— Ганна Михайловна, сестра Миколая,—за п. Бартошемъ **Лащомъ** (см. это имя).

— Янъ, 529. Его дѣти: Янъ Яновичъ, 529; дочь Діана Яновна—за п. Лаврентіемъ **Древинскимъ** (см. это имя).

Буговитины-Шумскіе, земляне Волынскіе: братья Стефанъ, 29, и Павелъ, 29, 34.

Богушъ Каснеръ, возный повѣга Луцкаго, 377.

Богушъ-Марковскій Янъ, шляхтичъ, 489.

Бокіи, иначе **Боніи-Печихвостскіе**, зем. Волынскіе: Вацлавъ, 535, 536.

— Гаврило Васильевичъ, судья земскій Луцкій, 42, 56, 140, 275, 277, 345.

— Янъ Θεодоровичъ, подкоморій Владимірскій, 321—323, 402. Его жена Марья Васильевна Гулевичъ, вдова по князь Ив. Буремскомъ, 321—323.

Боні-Зарѣцкіе, земляне Волинскіе: Семень, 68.

- Его сынъ Янъ (иначе Иванъ) Семеновичъ, дворянинъ господарскій, 68, 178, 236, 242; дочь Елена—за зем. Василиємъ **Збѣрожскимъ** (см. это имя).

Болганъ Михайло, дворянинъ королевскій, 54.

Болгаринъ Михайло, землянинъ Волинскій, 431.

Болда Иванъ Ивановичъ, бояринъ Вол., и его сынъ Иванъ, 169—170.

Болобанъ Гедeonъ, епископъ Галицкій, Львовскій и Каменца-Подольскаго, 347.

Болобаны-Осекровскіе, земляне Волинскіе: Мануиль, 260—262, 365.

Его жена Марухна Михайловна, 260—262.

- Иванъ—288; его жена Александра Михайловна Берестская—288, 2-мъ бракомъ за п. Касперомъ Цетковскимъ.
- Ихъ дѣти: Овдотья—288; Ганна—за п. Мих. **Халаимомъ**, потомъ за п. Ѳедоромъ **Шишкою-Ставецкимъ** и наконецъ за п. Александромъ **Владычною** (см. эти имена).
- Василій, братъ Ивана, 289.
- Иванъ, кажется, не одно лице съ предыдущимъ Ивановомъ, 451, 452; его жена Раина **Стакорская**, 451—452.

Борзобогатые-Красенскіе, иначе просто **Красенскіе**:

- Олехно Яцковичъ, цельникъ господарскій на Волини, потомъ ключникъ, городничій и мостовничій Луцкій, 28—29, 34.
- Его сынъ Иванъ Олехновичъ, мостовничій Луцкій, 27, 33, 266, 277, 301—305, 470, 472.
- Другой сынъ Семень Олехновичъ, 301—304.
- Дочери: Ганна Олехновна—за п. Мих. **Боговитиномъ-Шумбарскимъ** (см. это имя).
- Магдалина Олехновна—за зем. Прокопомъ **Шельвовскимъ** (см. это имя).
- Иванъ Яцковичъ—впослѣдствіи Гога, епископъ Луцкій и Острожскій, 72 (см. еще **Юна**).
- Его сынъ Василій Ивановичъ, секретарь королевскій, 304, 323.
- Дочь Марья Ивановна—за п. Яцкомъ **Добрыльчицинимъ**, съ ко-

торымъ развелась и вторично вышла за п. Василя **Рогозенскаго**, 70—73.

Боришовскій Юзефъ, шляхтичъ, 367, 371.

Борно Григорій, дворянинъ королевскій, 266.

Бортковскій Миколай, шляхтичъ, 536.

Борятинскій Андрей, землянинъ Волинскій, 337.

Бранскій Тимофей, возный воеводства Волинскаго, 456.

— Якубъ, шляхтичъ, 598.

Брозна Войтехъ, шляхтичъ, 614—616.

Брозовскій Томашъ, возный воеводства Волинскаго, 521.

Бромирскій Франць, возный повѣта Луцкаго, 383.

Бронницкій Василій Гнѣвошевичъ, зем. Вол., 114, 116, 362—364.

— Сынъ его Гаврило—362—364; жена—Ганна Григорьевна Букоемская, 362—364.

— Жданъ Гнѣвошевичъ, братъ Василя, 39, 297—298.

— Настасья Ждановна, его дочь,— за земляниномъ Мих. **Шостановскимъ** (см. это имя).

Бруяна Феодоръ, землянинъ Волинскій, 364.

Будишевскій Юрій, шляхтичъ, 536.

Букоемскій Адамъ, подвоевода Волинскій, 476—477.

— Его жена Софья Свидновская, 476—477.

Букряба-Клюковицкій Потѣй Михайловичъ, землян. Вол., 312.

Булыга-Курцевичъ князь Дмитрій, 265 (см. еще **Курцевичи** князья).

Буремскіе, князья на Волини:

— Дмитрій и его жена N, 284—285.

— Ихъ дѣти: Марина Дмитріевна—за зем. Григоріемъ **Колмовскимъ** (см. это имя).

— Александръ Дмитріевичъ и его жена княжна Марія Соколинская, во 2-мъ бракѣ за Ив. Хренницкимъ, 284.

— Дѣти Александра: Феодоръ и Андрей, 284.

— Иванъ (отчество не извѣстно) и его жена Марья Васильевна Гулевичъ, во 2-мъ бракѣ за п. Яномъ Бокіемъ-Печихвостскимъ, 323.

Буркацкій Адамъ, писарь грѣдскій Владимірскій, 624.

Бурый Иванъ, дворянинъ королевскій, 300.

Бутетицкій Солтанъ, землян. Волынскій, 636.

Бутко Григорій, дворянинъ королевскій, 49.

Бутовичъ Григорій, землянинъ Кіевского воеводства, и его жена Ева Васильевна Раевна, бывшая прежде за зем. Матвѣемъ Номиричемъ, 443—446.

Буховецкій Авдѣй Ивановичъ, землян. Волн., 324, 326, 331.

Быстриковскій Янъ, землян. Вол., и его жена N, 476.

Бѣлецкій Томашъ, шляхтичъ, 337, 340—342.

Бѣликовичъ Сугакъ, бояринъ князя Ив. Кобринскаго, 4.

Бѣлинскій Θεодоръ, землянинъ Волынскій, 36—38.

— Его жена Ганна Парцовская—36.

Бѣлобоцкій Валентій, возный повѣта Кременецкаго, 372.

Бѣлостоцкіе, земляне Волынскіе: Романъ, 26.

— Олехно, 27, 256. Дочь его Θεодора—за п. Андреемъ **Олизаровскимъ** (см. это имя).

— Иванъ Лецковичъ, 256. Его жена Олена Новоселецкая, 295.

Ихъ дочь Марина Ивановна—за п. Ив. Гулевичемъ (см. это имя)

— Прокопъ, 396. 408.

Бялоберезскій Александръ, шляхтичъ, 623.

В.

Ванковичъ Богущъ, писарь мѣстскій Луцкій, 181, 384; ландвойтъ Луцкій, 473.

Василевичъ Якимъ—см. Стривязскій.

Вельгорскіе (иначе **Велегорскіе** и **Вильгорскіе**), зем. Волынскіе:

— Левъ, 83, 86 178.

— Михайло, подстароста Луцкій (кажется, братъ Льва), 178, 233, 251, 270, 283, 290.

— Романъ, подстароста Владимірскій, 356, 451.

— Андрей, 470.

Венгерскій Янъ, шляхтичъ, 518.

Венцлавъ, бискупъ Жмудскій, 16.

Вербицкий Викторинъ, бискупъ Луцкій, 126.

Вербскій Василій Ванковичъ, землян. Волын., 259.

— Григорій, возный повѣта Луцкаго, 296—298, 302—303, 407, 438.

Верещака Щастный Стецкевичъ, зем. пов. Кобринскаго, 190.

— Его сынъ Романъ, 190, и дочь Ганна—за п. Григоріемъ Пашкевичемъ **Ельцемъ** (см. это имя), за тѣмъ—невѣста землянина Богдана Дрозденскаго, 190.

Верещинскій Станиславъ, шляхтичъ, 480, 483.

Ветескій Войтехъ, шляхтичъ, 334.

Взячь, землянинъ повѣта Владимірскаго (XV в.), 628.

Вигура Мартинъ, землянинъ Волинскій, 394, 408, 414.

Визгердъ-Заболоцкий (и просто **Заболоцкий**) Павелъ, землянинъ Волинскій, 360—361.

— Его сынъ Антонъ, 360, 387, 408, и дочь Раина—за п. Яномъ **Мироевскимъ** (см. это имя).

Вильчопольскій Станиславъ, шляхтичъ, 351, 355.

Витвинскій Бартошъ, шляхтичъ, 50, 634, 635.

Витинскій Янъ, подстароста Житомирскій, 590.

Витвицкий Матвѣй, возный повѣта Луцкаго, 401.

Витонижскій Василій, землянинъ Волинскій, 272.

— Его сынъ Михайло и жена послѣдняго Софья Олехновна Окорская, 272—273.

— Семень, 572

Вишневецкій князь Михайло Александровичъ, староста Черкасскій и Каневскій, 96.

— Его сынъ Александръ, впоследствии также староста Черкасскій и Каневскій, 226.

— Катерина Ивановна—за п. Григоріемъ **Ходневичемъ**, воеводою Кіевскимъ (см. это имя)

Владычна Александръ Ѳеодоровичъ, маршалокъ господарскій, войскій Троцкий, 417—418.

— Ея жена Ганна Ивановна Волобановна-Осекровская, по 1-му

- мужу Мих. Халаимова, а по 2-му—Федорова Шипчанка-Ставецкая, 417—418.
- Войтехъ**, мѣщан. Луцкій, и его жена Ганна, 473—475.
- Волицкій** Янъ, зем. Волынской, и его жена Феодора Головинская, по 1-му браку Федорова Черевчсвая, 454—459.
- Воловичъ** Евстафій Богдановичъ, подканцлеръ и маршалокъ В. К. Литовскаго, староста Борестейскій и Кобринскій, 181, 183.
- Григорій Богдановичъ, братъ его, староста Мельницкій, Мсти-боговскій и проч., городничій Городенскій, 123—125, 127, 131.
- Григорій Григорьевичъ, сынъ предыдущаго, 123—125, 127, 129, 131, 229—231.
- Жена послѣдняго Богдана Семашковна, вдова по князѣ Янушѣ Четвертинскомъ, 229—231.
- Володновичъ**, иначе **Волотковичъ**, Григорій Ивановичъ, землянинъ Жмудскій и Полоцкій, 356—359.
- Волчно** Якимовичъ Жасковскій (т. е. владѣлецъ с. Жасковецъ), судья гр. Владимірскій, 635.
- Волчко-Жасковскій** Проконъ, землянинъ Волынской, 134—137, 159.
- Его жена Марина Ивановна Тишкевичъ, 134—137.
- Волынецъ** Иванъ, землянинъ Волынской, 215, и другой, по имени не названный, 405.
- Волынецъ-Черничій** Александръ, землянинъ Волынской, и его жена Катерина Чаплянка, 588.
- Ихъ дочь Маріанна—за п. Яномъ **Дроботомъ** (см. это имя).
- Вороны** (иначе **Вороны-Боротинскіе**), земляне Волынскіе:
- Андрой Юрьевичъ, 113, 114.
- Томило, 114—116, 633, 634. Первая жена его—Раина Смоковна, вторая—Софья Козинская, третья—Немила Джусянка, а четвертая (незаконная)—Марушка Ильяшовна, мѣщанка Туровская, 633—634.
- Александръ Томиловичъ, сынъ предыдущаго, 632—634.
- Демьянъ, 573—580, и его жена Гальшка (Галена) Долматовна Исайковская. 573—574, 576, 578—580

— Михайло, 633.

— Янъ и его жена Барбара Угриновская, 254—255.

Воронеціе или **Ворониціе** изъ **Збаража**, князья, отрасль княжескаго рода **Збаражскихъ**:

— Война Оедоровичъ, 160, 161.

— Его сыновья: Левъ Войничъ, судья гродск. Бременецкій, 200, 317, 416, 424. 430, 570—572, и жена его Христина Боговитиновна, 570—572.

— Матвѣй (Матусъ) Войничъ, стольникъ Кіевскій, подстароста Владимірскій, 200, 315—318, 416, 463, 464, 480, и жена его Настасья Янушовна Гулевичъ, 315—318, 464.

— Михаилъ Войничъ, 570.

— Станиславъ Войничъ, 200—205, 317, 416, 462—468, и жена его Ганна Тиховна Хомяковна, 200—204, и другая жена, „не шлюбная“, Марина Ивановна Гулевичевна-Смолиговская, 462—468.

— Станиславъ Станиславовичъ, сынъ предыдущаго, 464, 465, 467, 468, и жена его, дочь его мачехи Марины Гулевичевны, Гальшка Собковна Богушевичъ-Приборовская, 464, 466.

— Ганна Войновна, дочь Войны Оедоровича, 415—416.

Вороновичъ Левъ, землянинъ пов. Владимірскаго (XV в.), 628.

Вохнова Марья, землянка повѣта Володимірскаго (XV в.) и ея дѣти: Ивашко и Васко и дочь Матрушка—за п. Стецкомъ Шишкиничемъ, 627.

Воютинскій Василій Семеновичъ, землянинъ Волянскій, 296.

— Оедоръ Гавриловичъ, зем. Вол., 24—27, 256, и его жена Олена Григорьевна Промчейковичъ-Дервянецкая, 24—27.

Вросекъ Янъ, шляхтичъ, 436.

Вручинскій Михайло, шляхтичъ, 568.

Вылежинскій Янъ, подстароста Луцкій, 569, 574.

Высоцкій Стефанъ, возный пов. Луцкаго, 620.

Г.

- Гавриловичъ** Петръ, мѣщан. Кодеиный, и жена его Овдотья, 523.
- Галенскій** (иначе **Галезскій**) Щастный, подстароста Луцкій, 454, 459.
- Галчинскій** Янъ, шляхтичъ, 471.
- Гановицкій** Миколай, землянинъ Берестейскій, 331.
- Ганусъ**, нѣмецъ, капитанъ надворной драгунской милиціи п. Стемповскаго, 604, 608.
- Гервасевичъ** Андрей, священникъ с. Замличъ, Владимірскаго повѣта, 347—348.
- Гесинскій** Янъ, подстароста Луцкій, 411.
- Глазовскій** Лавринъ, землян. Вол., 385—387, 407, 474.
- Глинскій** Янушъ Бенедиктовичъ, шляхтичъ, и жена его Катерина Ириковна, послѣ развода съ нимъ вышедшая за Ив. Щаурскаго, 332—333.
- Глуховскій** Станиславъ, шляхтичъ, 397, 407.
- Глѣбовичъ** Миколай, подстолій Литовскій, староста Оникштенскій, 521.
- Гоголевскій** Степанъ, землянинъ Волинскій, 287.
- Гоздовскій** Александръ, возный Кременецкаго повѣта, 586.
- Гозимирскій** Томашъ, бургграфій Владимірскій, 544, 548, 551, 553, 554, 555, 557, 559, 561, 564.
- Гоголинскій** Францискъ, ксендзъ, кустошъ и каноникъ Луцкій, 604, 606, 607, 608, 611.
- Голубъ** Гаврило, ротмистръ королевскій, 359.
- Голубъ-Сердятицкій** Михайло, возный повѣта Владимірскаго, 338, 339, 346, 417.
- Горанинъ** Янъ, землянинъ Волинскій, 152.
- Теодоръ и его жена Богдана Мосѣевна, 211—213.
 - Дочь ихъ Ганна Оедоровна—за княземъ Яковомъ Андреевичемъ Четвертинскимъ (см. это имя).
 - Крыштофъ, 572.
 - Миколай, 536.
- Горайскій** Петръ, шляхтичъ, 541.
- Горечовскіе** Семенъ и Янъ, шляхтичи, 417.

Горноста́й Ива́нъ Горностаевичъ, воевода Новоградскій, маршалокъ дворный Литовскій, подскарбій земскій, староста Слонимскій и Мстибоговскій, 16.

— Сынъ его Остафій Ивановичъ, воеводичъ Новоградскій, 205—206, 208, 345.

— Жена Остафія, княжна Олена Ивановна Чортгорыйская, 205, 207.

Городищскіе или **Городищенскіе**, земляне Волынскіе:

— Ива́нъ, 174, 179.

— Сынъ его Ива́нъ Ивановичъ, 83, 86, 174—179, и жена послѣдняго Катерина Андреевна Бабинская, 174—179, во 2-мъ бракѣ за Семеномъ **Хребтовичемъ-Богуринскимъ** (см. это имя).

— Другой сынъ, младшій, Кондратъ Ивановичъ, 176.

Горскій Томашъ, шляхтичъ, 543.

Горчица Тинъ, мѣщанинъ Владим. (XV в.), 628.

Госинскій Янъ, подстароста Луцкій, 384.

Гостскіе (или **Гоцскіе** и **Гойскіе**), земляне Волынскіе:

— Ерошей Васильевичъ, 45, 83, 86, 104, 178, 208, 236, 242; справца староства Луцкаго, 296, 305—308; судья земскій Луцкій, 315, 345, 633.

— Жена его Ганна Тиховна Козинская, основательница Почаевского монастыря, 305—308.

— Романъ, 45, 73, 140, 233, 356—359.

— Жена его Дорота Корчминская, 357.

— Дѣти ихъ: Ерошей Романовичъ, 357, 358, 359, 415—416.

— Гаврило Романовичъ, 357, 358, 359.

— Настасья Романовна, 357—359.

— Марья Романовна—за Винницкимъ подстаростой Андреемъ **Ельцемъ** (см. это имя).

Граевскій Станиславъ, шляхтичъ, 38; дворянинъ королевскій, 189, 222, 226; подстароста Владимірскій, 288; стольникъ Подляпскій, 299.

Грибовскій Войтехъ, шляхтичъ, 376.

Григоревичъ Дмитрій, намѣстникъ владыки Луцкаго, 334.

Грушевскій Ярола, землянинъ Волинскій, 414.

Грушецкій Янъ, шляхтичъ, 215.

Гулевичи (иногда съ прибавкой прозвищъ по имѣнямъ: **Затурецкіе**, **Воютинскіе** и **Смолиговскіе**). земляне Волинскіе:

— **Θеодосій** (въ мѣрѣ **Θеодоръ**), епископъ Луцкій и Острожскій, 28, 32.

— Его сыновья: **Григорій** **Θеодоровичъ**, хорунжій земли Волинской, 102, 103, 156, 159, 222, 123, 236. 265, 285, 323, 449.

— **Романъ** **Θеодоровичъ**, 102—104, 281. Жена его **Пелагея** **Матяшовна** **Суропятвна**, 103—104, во 2-мъ бракѣ за **Иваномъ** **Патрикѣмъ-Курозвонскимъ**, подстар. Кременецкимъ, 281—282.

— Ихъ дѣти: **Настасья**—103, и **Θеодора**—за зем. **Вас. Холоневскимъ**, 281—282.

— **Янушъ** **Θеодоровичъ**, 35, 315. Жена его **Ганна** **Борзобогатвна** **Красенская**, по смерти его вышла за **Александра** **Жоравницкаго**, старосту Луцкаго, 316.

— Дочь ихъ **Настасья** **Янушевна**—за княземъ **Матвѣемъ** **Воролицкимъ** (см. это имя).

— **Василій** **Θеодоровичъ**, подстароста, затѣмъ войскій **Владимірскій**, 93, 103, 120, 189, 222, 275, 277, 285, 345, 634, 635.

— Дочь его **Марья** **Васильевна**—въ 1-мъ бракѣ за княземъ **Иваномъ** **Буремскимъ**, а во 2-мъ за зем. **Яномъ** **Бокіемъ-Печихвостскимъ** (см. эти имена).

— **Иванъ** **Михайловичъ** (кажется, внукъ епископа), подсудокъ земскій **Владимірскій**, 273, 294—296, 346; жена его **Марина** (**Марья**) **Ивановна** **Вѣлостоккал**, 295—296.

— **Андрей** (**Васильевичъ?**), 470, 472, 531.

— **Петръ**, 572.

— **Гаврило**, 273, 295.

— **Венедиктъ**, 528.

— **Михайло** (**Янушевичъ**) **Гулевичъ-Воютинскій**, подсудокъ земскій **Луцкій**, 545.

— **Марко**, писарь земскій **Луцкій**, 604.

- Гальшка—за п. Петромъ **Станишевскимъ** (см. это имя).
- Марина Ивановна Гулевичевна-Смолиговская, въ 1-мъ бракѣ за шляхт. Собестіаномъ (Собкомъ) Приборовскимъ, во 2-мъ— „не шлюбная“ жена князя Станислава Воронецкаго, 462—465.

Гуляницкіе (или **Гуляницкіе**), земляне Волынскіе:

- Иванъ Яцковичъ, 280.
- Игнатъ Юшковичъ, 280.
- Яцко (отецъ Ивана?) 41.
- Олехно Михайловичъ и его жена Теодора Игнатъевна, по 1-му браку Ивановая Останковичъ, 278—280.
- Прокопъ, 337.
- Григорій, возный, 434, 522.
- Сидоръ, возный воеводства Волынскаго, 500.
- Яцко, возный повѣта Луцкаго, 407.

Гурковичъ-Омелянскій Еско. землянинъ Волынскій, 108.

- Янъ, 178.

Гутыръ Семень Захарьевичъ, староста Муравицкій, 300.

Д.

Даменскій (Даминскій и Деменскій) Станиславъ, подклучій Луцкій, 63, 144—146.

Даміанъ, епископъ Владимірскій и Брестскій, 4.

Данилевичъ Григорій, судья городскій Луцкій, 251, 290, 307.

Дворецкій Григорій, землянинъ Волынскій, 542.

Дедернало Григорій, землянинъ Волынскій, 340—342, 429, 430.

Дениско-Матвѣевскій Семень, староста Житомирскій, 429, 441, 443.

- Александръ, землянинъ Кіевского повѣта, 594.

Держановскій Станиславъ, шляхтичъ, 304.

Дзялынскій Михаилъ, староста Добрыньскій, подкоморій Холмскій, 269.

Длугоборскій Янъ, шляхтичъ, 391, 407.

Доброницкій Петръ, землянинъ Волынскій, и его жена N, 492.

- Ихъ дочери: Теодора—за земляниномъ **Трипольскимъ** и Орипа—за п. **Поплавскимъ** (см. эти имена).

Добруцкій Войтехъ, шляхтичъ, 613—614.

Добрылчицкій Яцко Стецковичъ, землянинъ Волинскій, 70—72.

— Его 1-я жена Марья Ивановна Борзобогатовна-Красенская, по разводѣ съ нимъ вышедшая за п. Василя Рогозенскаго, 70—73.

— Ихъ дѣти: Иванъ, Якимъ, Магдалина и Настасья, 72.

— Вторая жена Добрылчицкаго Ганна Малинская, 72.

Добрынскій Андрей, землянинъ Волинскій, 43—45, 178.

— Его жена Ганна Богдановна Дчусянка, 43—45.

Долбуновскій Миско, землянинъ Волинскій, 27.

Долмацкій Исаакій, возный пов. Владимірскаго, 348, 365, 479, 480.

Доманковскій Войтехъ, шляхтичъ, 476—477.

Доманскій Петръ, шляхтичъ, 476.

Домонтовскій Антонъ, шляхтичъ, 622.

Домонтъ князь Григорій, 441.

Доморать Андрей, шляхтичъ, 461.

Дорогостайскій Миколай, стольникъ В. К. Литовскаго, державца Веленскій, тивунъ Кондинскій, 239.

Древинскій Василій, землян. Вол., писарь королевскій, 120, 317.

— Его сынъ Лаврентій, чашникъ Волинскій, и 2-я (или 3-я) жена послѣдняго Діана Яновна Боговитиновна-Шумбарская, 529—531.

Дроботь Янъ, шляхтичъ, и жена его Маріанна Александровна Во-
лынцевна, 588, 589.

Дрозденскій Яцко, землянинъ Волинскій, 26.

— Семень, землянинъ Волинскій, 189, 273.

— Богданъ Ивановичъ, землянинъ Волинскій, 190.

Друченинъ Степанъ, шляхтичъ, 181.

Дублянскій Григорій Степановичъ, землянинъ воеводства Кіевскаго, и
жена его Настасья Митрофановна, 441—442.

Дубницкій Михайло, дьякъ королевской канцеляріи, потомъ войтъ
Владимірскій, 150, 260, 262, 346, 366, 417.

Дубровскій Миколай, шляхтичъ, 231, 275, 277, 289.

Душа-Подорецкій Петръ, землянинъ Волинскій, 524.

Джусянка Немила, жена землянина Томила **Вороны-Боротинскаго** (см. это имя).

Дчуса Михайло Игнатьевичъ, землянинъ Волинскій, 101.

Б.

Евфимовичъ Яцко, мѣщанинъ Кіевскій, 181.

Еданскій Андрей, бояринъ Волинскій, 526.

Елецъ Феодоръ, землянинъ воеводства Кіевского, 141, 142.

— Андрей Феодоровичъ, его сынъ, подстароста Винницкій, и жена послѣдняго Марья Романовна Гостская, 140—143.

— Григорій Пашкевичъ и жена его Ганна Щастновна Верещака, 190.

Еловицкій Антоць Гнѣвошевичъ, землянинъ Волинскій, 79.

Еловичи-Букоемскіе (иначе **Елы-Букоемскіе**), земляне Волинскіе:

— Григорій, бирчій господарскій, 202, 205.

— Иванъ, 362; его „стрѣчная“ сестра Ганна Григорьевна—за п. Гавриломъ **Бронницинъ** (см. это имя).

— Иванъ Матвѣвичъ (можетъ быть, одно лицо съ предыдущимъ), 635, 636.

Еловичи-Малинскіе (иначе **Елы, Еловичи** и просто **Малинскіе**, земляне Волинскіе:

— Михайло, маршалокъ королевскій, 45, 83, 85, 126, 128, 131, 202, 205, 206, 208, 217, 222, 234, 240, 242.

— Константинъ Михайловичъ, сынъ его, 234—253.

— Жена Константина, княжна Марія (иначе Марина) Андреевна Масальская, 234—238, 240—254, 299—300.

— Евстафій, судья городскій Луцкій, 362, 383, 411, 503, 506, 507, 629, 632. Онъ же **Евгеній**, уніатскій епископъ Луцкій и Острожскій, 546—547, 548—550, 560.

— Матвѣй, секретарь королевскій, 429, 430.

Есенницій—см. **Ясениницій**.

Есифовичъ Карпъ, землянинъ Волинскій, 31.

— Олена Карповна, дочь его,—за п. Василиємъ **Семашкомъ**, потомъ за п. Иваномъ **Чапlichemъ** (см. эти имена).

Ж.

Жабокрицій Иванъ Ивановичъ, землянинъ Волинскій, и его жена Катерина Промчейковна, 109—112.

— Сыновья ихъ: Дмитрій, Янушъ и Василій, 110—111.

— Александръ N, 533.

Жарновскій Матвѣй, шляхтичъ, 500.

Жижемскій князь Адамъ, 535—536.

Жирицій' (иначе **Жикрицій**) Андрей, возный пов. Луцкаго, 430, 500, 506.

Жоравниціе, земляне Волинскіе:

— Маркъ Васильевичъ, впоследствии нареченный епископъ Луцкій и Острожскій, 23, 32.

— Сыновья его: Василій Марковичъ и жена его Анна Яновна Печихвосткая, 195—197.

— Александръ Марковичъ, ключникъ и городничій Луцкій, а впоследствии и староста Луцкій, 301, 315—316, и жена его Ганна Ивановна Борзобогатовна-Красенская, по 1-му браку Янушева Гулевичъ, 316.

— Михайло N, подкоморій Луцкій, 317.

— Адамъ N и его жена Настасья Козинская, 537.

Жуновецій Иванъ, возный нов. Луцкаго, 371, 474.

З.

Заболоцій—см. **Визгердь-Заболоцій**.

Завальскій Григорій, землян. Вол., 566.

Завацій Войтехъ, шляхтичъ, 598.

Завиша Романовичъ, землян. господарскій, 4.

Загоровскіе, земляне Волинскіе:

— Петръ Богдановичъ, маршалокъ королевскій. 78, 138, 225, 344.

— Василій Петровичъ, его старшій сынъ, маршалокъ королевскій, городничій Владимірскій и наконецъ каштелянъ Брацлавскій, 76—80, 101, 131, 147—168, 206—208, 209—211, 296—298, 337, 338—339, 340—343, 344—346, 347, 348, 349.

- Его первая жена, съ которою онъ потомъ развелся, княжна Маруша (иначе Марина) Николаевна Збаражская, 76—80, 147—168, 336—337, 338—339, 340—343, 345, 347, 348—349.
- Дочь отъ этого брака Ганна Васильевна, 339—343, 348—349.
- Вторая жена Василя Петровича, княжна Катерина Ивановна Чорторыйская, 206—207, 209—210; 297—298; 338, 340—343, 344—346, 347, 348—349.
- Сынъ отъ этого брака Василій Васильевичъ, 453.
- Янъ Богдановичъ, братъ Петра, 12—13; его жена Теодора Боговитиновна, 12—13, 286—287.
- Михайль Янъвичъ, сынъ ихъ, 286—287, 321.
- Олехно Богдановичъ (братъ Петра и Яна) и его жена княжна Софья Михайловна Жеславская, 297.
- Петръ Александровичъ, внукъ Петра Богдановича, подсудокъ Владимірскій, 621, 622, 623.
- Романъ (Федоровичъ или Андреевичъ), двоюродный братъ предыдущаго, стольникъ Черниговскій, 614, 621, 622, 623:

Заецъ Богданъ, шляхтичъ, 533.

Заленскій („зъ Слубицъ“) Андрей, судья земскій Владимірскій, 535.

Заленскій Семенъ, шляхтичъ, 581.

Заремба Васко, шляхтичъ, 417.

Зарицкій— см. Юразичъ-Зарицкій.

Зарубейно Гринъ, бояринъ, 92.

Заславскій князь Янушъ Янушевичъ, воевода Волынскій, 529, 530, 531.

Зашинскій Станиславъ, шляхтичъ, 404.

Заяць-Луковскій Богущъ, земли Волынскій, 76, 77, 152—154.

Збаражскіе князья на Волыни:

— Николай Андреевичъ, староста Кременецкій, 76, 77, 78, 79, 149—161.

— Его жена Анна Деспотова, въ 1-мъ бракѣ бывшая за княземъ Федоромъ Андреевичемъ Сангушкомъ, 76, 147—148.

— Янушъ Николаевичъ, сынъ предыдущаго, воевода Брацлавскій,

староста Кременецкій и Пинскій, 77, 78, 163, 164, 166, 226, 336—337, 424, 433.

— Маруша (или Марина) Миколаевна—за п. Василиємъ **Загоровскимъ** (см. это имя).

— Степанъ Андреевичъ, братъ Миколая, воевода Витебскій, 78.

Збаражскіе изъ Ворончина **Воронецкіе**—см. князья **Воронецкіе**.

Збицкій Матей, землян. воеводства Берестейскаго, 331.

Зброженъ Андрей, шляхтичъ, 578.

— Рафаилъ, шляхтичъ, 613.

— Станиславъ, бургграфій замка Луцкаго, 595.

Збѣрожскій Василій Аванасевичъ, землян. повѣта Берестейскаго, и жена его Елена Семеновна Бокіевна, 68—70.

Звертишковицъ Иванъ Львовичъ, шляхтичъ, 231.

Згличинскій Павелъ, шляхтичъ, и его жена Ганна Монтовтъ, по 1-му браку княжна Богусева Любецкая, по 2-му—княжна Васильева Сокольская, по 3-му—Казимирова Ледницкая, 249, 469—472.

Зеленскій Миколай, шляхтичъ, 304.

Зеновичъ-Полчицкій Леонгій, епископъ Холмскій и Белзскій, 343, 347

Злонскій Станиславъ, шляхтичъ, 131—132.

Зорна, слуга князя Конст. Острожскаго, и его жена Марушка Ильяшовна, мѣщанка Туровская, 633—634.

Зыгармистръ Янъ, райца Острожскій, 599.

Зынь-Князскій Тимошей, землян. Вол., 373.

Зыковичъ-Князскій Петръ, городничій Луцкій, судья гродскій Владимірекій, 620.

И-І.

Иваницкій Лазарь Лавриновичъ, судья гродскій Владимірекій, 93—96, 287; 324, 326. Его жена Настасья Есифовна Немиричъ, 93—96.

— Татьяна Лавриновна, его сестра,—за п. Сем. Ласковичемъ-**Чернчицкимъ** (см. это имя).

Ивановичъ Кондратъ, дякъ королевской канцеляріи, и жена его Опрахна Григорьевна, 365—366.

- Иванъ**, священникъ Михайловской церкви въ м. Клевани, 345.
Иржищовскій Ѳеодоръ Львовичъ, землянинъ Вол., 396, 408.
Іона, архимандритъ Жидичинскій, 90.
Іона Борзобогатый-Красенскій, епископъ Луцкій и Острожскій, архимандритъ Жидичинскій, 264, 271.
Іосифъ, епископъ Владимірскій и Брестскій, 28.

К.

- Кавачинскій** Гекторъ, староста Олыцкій, 208.
Кавезекій Станиславъ, шляхтичъ, и жена его Настасья Васильевна Хребтовичъ-Богуринская, 430—431.
Казановскій Бартошъ, подстароста Любельскій, 529.
Калусовскій Иванъ Петровичъ, зем. Вол., 120; судья городскій Владимірскій, 159, 167, 168, 182, 287, 323.
— Ѳеодоръ, землян. Волинскій, 208.
Каменеціи Янъ, бурграбій Владимірскій, 525.
Каменскій Миколай, подстароста Житомирскій, 441, 443.
Камка Юшко, землянинъ повѣта Владимірскаго (XV в.), 627.
Капуста князь Андрей Тимошеевичъ, каштелянъ Брацлавскій, староста Овруцкій, 141.
Карботъ Михаилъ, писарь городскій Житомирскій, 590.
Касиновскій Матіашъ и его братъ Якубъ, шляхтичи, 536.
Касперскій Янъ, шляхт., и жена его Марина Ивановна Подгороденская, по 1-му браку Семенова Пузовская, 310—314.
Каспоръ, мѣщан., и жена его Гальшка Рупниская, 334—336.
Качановскій Петръ, возный воеводства Волинскаго, 586.
Керсновскій Андрей, возный Кременецкаго пов., 407.
Кивереціи Андрей, землян. Волинскій, подстароста Луцкій, 189, 253, 282, 301.
Кизаровичъ Филонъ, архимандритъ Овруцкихъ монастырей, на мѣстникъ Кіево-Печерскаго монастыря, 594.
Кирдѣвичъ Грицько, землян. Волинскій, (XV в.), 1—2.
— Гальшка, его дочь, — за княземъ Дмитромъ **Порыцкимъ** (см. это имя).

- Кирдѣй-Мнишинскій** Иванъ, землян. Волынскій, 178, 233, 423.
- Кирдѣй-Мыльскій** Петръ, землян. Вол., маршалокъ господарскій, 23, 32, 73—75, 83, 85.
- Олизаръ Петровичъ, маршалокъ королевскій, 75, 90, 307, 345.
 - Иванъ Петровичъ, братъ предыдущаго, 75.
 - Маруша Петровна, ихъ сестра, — за Холмскимъ подчашимъ Яномъ Крупскимъ (см. это имя).
 - Юрій, землянинъ Волынскій, 456.
- Кисель** Петръ, землян. Волынскій, 219, 220.
- Григорій Гнѣвошевичъ, зем. Вол., 226—228.
- Кисель-Дорогиницкій** Тихно, землян. Волын., 11.
- Кисель-Низкиницкій** Григорій, подсудокъ земскій Владимірскій, 535.
- Кичинскій** Станиславъ, шляхтичъ, 261.
- Клавша** Миско, землян. Волынскій, 219, 220.
- Клементовичъ** Савва, священникъ церкви св. Юрія, въ м. Устелугъ, 309—310.
- Кличевскій** Павелъ, бурграбій Владимірскій, 534.
- Клищицкій** Андрей, возный Вол. воеводства, 556.
- Клопотовскій** Адамъ; ксендзъ м. Порыцка, 347.
- Клюйвода** Юско, возный воеводства Вол., 535.
- Клюскій** Матвѣй, землянинъ Волынскій, 189.
- Кнегининскій** (или **Княгининскій**) Богданъ Олехновичъ, возный пов. Луцкаго, 130, 131, 132, 133, 209, 297.
- Стефанъ, землянинъ Волынскій, 415, 430.
- Князскій** Теодоръ, землян. Волынскій, 405.
- Кобринецъ** Янушъ, слуга, гайдукъ панскій, 521—522.
- Кобринскій** князь Иванъ Семеновичъ и жена его Федка, дочь п. Ивана Рогатинскаго, 4.
- Кобыльскій** Станиславъ, шляхтичъ, 246.
- Ковальскій** Миколай, землян. Вол., 417.
- Ковзскій** Станиславъ, шляхтичъ, 436.
- Кожуховскій** Василій, землянинъ Волынскій, 381, 382, 383—384.
- Козинскіе**, земляне Волынскіе: Михайло Тихновичъ, городничій и под-

староста Владимірскій, потомъ каштелянъ Луцкій, 23, 36, 38, 79, 635.

— Его сестра Ганна Тиховна—за п. Ерошеемъ **Гостскимъ** (см. это имя).

— Семень, 191, 194, 321.

— Олехно Гринковичъ, 64.

— Дмитро Олехновичъ, сынъ его, 32, 67.

— Овдотья Олехновна, сестра Дмитра,—за княземъ Яковомъ **Кропоткой-Еловицкимъ** (см. это имя).

— Иванъ Романовичъ, 537.

— Настасья Романовна, сестра его, — за п. Адамомъ **Жоравницкимъ** (см. это имя).

— Павелъ (отчество по извѣстно), 364.

— Софья—за п. Томиломъ **Вороною-Боротинскимъ** (см. это имя).

Козѣна князь Андрей Михайловичъ, 28.

— Его жена княгиня Настасья Кирдѣевна, 224.

— Дмитрій Андреевичъ, сынъ ихъ, 223—225, 275—277.

— Олена Андреевна, сестра Дмитрія,—за зем. Богданомъ **Сватновичемъ-Хренницкимъ** (см. это имя).

Коиленскій Жданъ, землянинъ Волынкскій, 159, 226.

Коледа Василій, писарь королевской канцеляріи. 181.

— Богдана Евфимовна, жена его, мѣщанка Кіевская, 181.

Колмовскій Григорій Енковичъ, зем. Вол., 283—285.

— Марина Дмитріевна княжна Буремская, жена его, 283—285.

Коломыйскій Станиславъ, возный пов. Луцкаго, 371, 372, 412.

Колонтай Борисъ Оедоровичъ, мостовничій господарскій (Слонимскій?), 9.

Колпытовскій (или **Ковпытовскій**) Остафій, землян. Вол., 296.

— Константинъ, зем. Вол., 542—544, 554, 557.

— Жена его Анна Костюшковичевна-Хоболтовская, 543, 546—547, 551, 555, 557, 564.

— Дочери ихъ: Оеодора Константиновна—непризнанная жена князя Юрія **Чорторыйснаго** (см. это имя).

— Овдотья Константиновна—за п. Мартиномъ **Линчевскимъ** (смотри это имя).

- Сынвья: Александръ—561 и Политанъ Константиновичи—555, 557—558.
- Комнацкій** Валентъ, землян. Вол., 347.
- Янъ, возный воеводства Волынскаго, 544, 558.
- Комовскій** Войтехъ, шляхтичъ, 431.
- Коморовскій** Андрей, шляхтичъ, 619—620.
- Кондратовичъ** Юрій, дворянинъ королевскій, 4.
- Савва, бояринъ Вол., 169—170.
- Копоть-Бережецкій** Миколай, землян. Вол., 491.
- Копыльскій** Константинъ, землян. Вол., 404.
- Кордышъ** Филонъ, землянинъ повѣта Винницкаго, 143.
- Корецкій** князь Богушъ Федоровичъ, воевода Волынскій, староста Луцкій, Браславскій и Винницкій, 102, 125, 126, 127, 130, 263, 265, 270, 280, 290—294.
- Сынъ его, князь Якимъ Богушевичъ, 290—294, 356.
- Его жена Ганна Геронимовна Ходкевичъ, 290—294.
- Коровай** Андрей, землян. Вол., дворянинъ господарскій, 11.
- Коровай-Селецкій** Андрей, зем. Вол. (можетъ быть, одно лице съ предыдущимъ), 215.
- Остафій Андреевичъ (**Короваевичъ**), 104—108.
- Жена его Гальшка Ивановна Покотило-Пятигорская, 105—108.
- Корытенскій** Гаврило, бурграбій Луцкій, 39, 599.
- Михайло, писарь земскій Луцкій, 72, 139, 263.
- Павелъ, землянинъ Волынскій, 253, 267.
- Корытко** Бартошъ, писарь земскій Львовскій, 197.
- Косовскій** Станиславъ, землянинъ Вол., 546.
- Костюшковичъ-Хоболтовскій** Петръ, зем. Вол., 26, 111, 159, 189.
- Богданъ, судья земскій Владимірскій, 117, 227, 307.
- Котельницкій** Филонъ, землян. Волынскій, 412.
- Ярошъ, возный Владимірскаго повѣта, 312.
- Кохановскій** Адамъ, судья земскій Люблинскій, 529.
- Кохновичъ** Василій, шляхтичъ, 602—603.
- Кошиковскій** Юрій, бурграбій Луцкій, 470, 473.

- Красицкій** Миколай, бискупъ Аргивенскій, суффраганъ Луцкій, инфу-
латъ Олыцкій, 604—605, 606, 607, 608—609, 611, 612.
- Красносельскій** Романъ, землянинъ пов. Винницкаго, 143.
- Красовскій** Войтехъ, воротный замка Луцкаго, 51, 67, 91.
- Василий, зем. Вол., женатый на княжнѣ Марухнѣ Яковлевнѣ
Крокоткѣ-Еловицкой, 65—66.
- Овдюхна, дочь его, 65.
- Криницкій** Войтехъ, шляхтичъ, 456.
- Крокотка-Еловицкій** князь Яковъ Васильевичъ, 63—67.
- Овдотья Олехновна Козинская, его жена, 64, 65, 66.
- Марухна Яковлевна, старшая дочь ихъ,—въ 1-мъ бракѣ за па-
номъ Василиемъ Красовскимъ, а во 2-мъ—за п. Василиемъ
Привередовскимъ, 66.
- Другія дочери князя Якова: Марухна, Настасья, Ганна, Маска и
Пелагія—66.
- Кропивницкій** Александръ, писаръ земскій Брацлавскій, 541.
- Крупскій** Янушъ, подчашій Холмскій, и жена его Маруша Петровна
Кирдѣвна, 73—75.
- Еронимъ, шляхтичъ, и его сыповья: Мальхеръ и Яць—310.
- Крупскій** князь Андрей—см. **Курбскій**.
- Крушъ** Францъ, шляхтичъ, 97—101, 197, 202, 205, 231, 318.
- Его жена Галена Станиславовна Залеская, по 1-му браку кня-
гиня Матушеваля Александровна Порыцкая. 96—101.
- Кукольскій** Петръ, шляхтичъ, 489.
- Андрей, шляхтичъ, 634, 635.
- Куликъ** Богданъ, землян. Волинскій, 517.
- Курбскій** (Крупскій) князь Андрей Михайловичъ, 405.
- Курновскій** Михаилъ, шляхтичъ, 599.
- Курцевичи** князья: Александръ, подстароста Владимірскій, 309, 311,
339, 344, 365, 417.
- Константинъ Дмитріевичъ, подстароста Владимірскій, 324, 336,
351, 355.
- Феодоръ, подстароста, потомъ судья гродскій Владимірскій, 338,
344, 419.

- Кучковскій** Иванъ, возный Вол. воеводства, 611.
Кушка Андрей, шляхтичъ, 433, 434, 435.
Нуявинская Зузанна, мѣщанка Острожская, 600—601.

Л.

- Лабунскій** Михайло Богухваловичъ, землян. Вол., 46—48.
— Жена его Марья (Марина) Михайловна Гулевичъ, 46—48.
— Крыштофъ, зем. Вол., 431.
Лагодовскій Янъ, зем. Вол., 79, 526, 527.
Лазовскій Θεодосій, епископъ Владимірскій и Брестскій, 160, 161, 260, 261—262, 337, 338—339, 340—343, 345, 348—349, 351, 355, 365—367.
Лайцевскій Щастный-Збожный, подеудокъ Сохачевскій, подстароста Луцкій. 603.
Ламанъ Н, хоружій Луцкій, и братъ его Лазарь, 1.
Ласкій Альбрехтъ, воевода Сѣрадскій, 73, 75.
Ласко. землянинъ Владимірскаго повѣта (XV в.), 627.
Ласко—или **Ласковичъ-Чернчицкій** Семенъ, землян. Вол., 117—119, 152, 287, 288—289, 324, 326, 636.
— Жена его Татьяна Лавриновна Иванцкая, 326.
— Ихъ дочь Марія—за зем. Лавриномъ **Оранскимъ** (см. это имя).
Лашъ Бартошъ, шляхтичъ, 426.
— Жена его Ганна Михайловна Боговитиновна-Шумбарская, 426, 428.
Лашъ-Степанковскій Станиславъ, войскій Городенскій, 74, 75.
Лашъ-Стремилецкій Андрей, зем. Вол., 202, 205, 226.
Левко, священникъ Вербскій (XV в.), 628.
Ледницкій Казимиръ, шляхтичъ, 17, 180, 472.
— Ганна Монтовтъ, его жена, 17—23, 180, 249.
Лесковскій Якубъ, землян. Волынскій, 210, 211.
Лешневскій Матей, шляхтичъ, 476.
Линевскій Война, землян. Вол., 192, 193, 194.
— Михайло, 191, 194.
— Андрей, судья земскій Луцкій, 582, 604, 605, 607, 610, 611.

— Сынъ Андрея N, 605, 607, 610.

Линчевскій Мартинъ, шляхтичъ, 557. Его жена Овдогья Колпы-
товская, 555, 557.

Липленскій (и Липлинскій) Богушъ, землян. Вол., 256, 402—403.

Липскій Святославъ, подстароста Белзскій, 386.

Лисовицкій Михайль, шляхтичъ, 595—597.

Литаворы—см. **Хребтовичи-Литаворы**.

Лобось Зинко, землянинъ Вол., 431.

Лонцкій Матей, писарь городскій Кременецкій. 340—342, 430,
437, 438, 439.

— Его жена Марина Максимовна княжна Сокольская, 436—437.

Лосятинскій Григорій, подстароста Кременецкій, 424, 430.

Лубенецкій Василій, бояринъ Вол., 162, 163, 164, 165.

Лудовичъ Петръ, землян. Вол., 480, 483.

Лукаревскій Юрій, землянинъ Вол., 583—587.

— Александръ и жена его Урсула Якубовская, 583—587.

Лукомскій Янъ, шляхтичъ, 486.

Лысаковский Миколай, каптелянъ Любачовскій, 79.

Любецкій князь Богушъ Дмитріевичъ, 80; жена его Ганна **Монтовтъ**
80—81.

— князь Романъ Васильевичъ, 183.

— Ганна Романовна—за п. Николаемъ **Остиновичемъ**, а во 2-мъ
бракъ за княземъ Павломъ **Соколинскимъ** (см. эти имена).

Лясковскій Кирилль, игумень Пересопницкій, 344—346.

Лясота (Александръ), землян. Вол., 488.

Ляховскій Михайло, землян. Вол. (XV в.), 2.

М.

Маевскій Адамъ, возный повѣта Луцкаго, 246.

— Станиславъ Яцковичъ, землянинъ Вол., 536.

Манарій, митрополитъ Кіевскій, Галицкій и всея Руси, 8--10.

Макарскій Александръ, землян. Вол., 595—597.

— Его жена Теодора, по 1-му браку Подберезская, по 2-му Яновская Путошинская, 595—597.

Маковецкій Францъ, шляхтичъ, 385.

Малиновскій Александръ, бургграфій Луцкій, 583, 588.

Малинскіе—см. **Еловичи-Малинскіе**.

Малоевевичъ Иванъ, сынъ священника Пятницкой церкви въ г. Владимірѣ-Волынскомъ, 566—567.

— Его дочери: Ганна—за священникомъ той же церкви Михаиломъ **Самсацнимъ** (см. это имя).

— Олена—за н. Моисеемъ Яковлевичемъ, 566—567.

— Гася—за Михаиломъ **Пѣшневичемъ** (см. это имя).

Малхеровичъ Войтехъ, райца Острожскій, 599.

Малюшицкій Геліашъ, бургграфій Луцкій, 614, 616, 619.

Марковскій Романъ Васильевичъ, земян. Вол., 192, 259.

— Янъ, зем. Вол., 622.

Мартиновичъ Леонтій, священникъ церкви св. Симеона въ м. Камнѣ-Коширскомъ, 365—367.

— Щастный, служебникъ воеводы Брестскаго Юрія Тишковича, 134, 137.

Мартишевскій Балцеръ, шляхтичъ, 432—435, 436—437, 438—440.

— Его жена Софья Максимовна княжна Сокольская, 433—435, 436, 437, 438—440.

Масальскіе князья: Богданъ, 35.

— Иванъ (Петровичъ?), 37.

— Андрей Петровичъ, 87—90, 237, 238, 240, 248, 249, 250, 252.

— Его жена Ганна Богдановна Путятична, бывшая въ 1-мъ бракѣ за н. Богданомъ Семашкомъ, 86—90, 234—242, 415—416.

— Ихъ дочь Марія (иначе Марина)—за н. Константиномъ **Еловичемъ-Малинскимъ** (см. это имя).

Масло-Гавенскій Крыштофъ, дворянинъ королевскій, 143.

Матчинскій Касперъ, шляхтичъ, 533.

Матышинскій Янъ, шляхтичъ, 527, 528.

Маціевскій Берватоъ, бискупъ Луцкій и Берестейскій, 470.

Мацковичъ Андрей, землянинъ Новгородскаго повѣта, и его жена Богдана Юрьевна, 18.

— Олена Андреевна, ихъ дочь,—за п. Яномъ Якубовичемъ **Монтовтомъ** (см. это имя).

— Василій Андреевичъ, братъ ея, 17, 20, 23, 24.

Медведскій Цинрианъ, шляхтичъ, 553.

Медвѣдъ-Залѣскій Станиславъ, шляхтичъ, 28, 35.

Мезоцкій Ѳеодоръ Павловичъ, землянинъ Вол., 108.

Мелешко Иванъ, землян. Вол., и жена его Настасья Васильевна Тишкovichъ, 134—137.

— Марина Ивановна, ихъ дочь,—за землян. Вол. Прокопомъ **Волчкомъ Жасковскимъ** (см. это имя).

Мелешко-Микулинскій Василій, землян. Вол., 538.

Менжинскій Мартинъ, шляхтичъ, 391.

Мечникъ Лавринъ, лавникъ Острожскій, 599.

Николай, войтъ Владимірскій (XV в.), 628.

Мировицкій Василій, землян. Вол., 309.

Мироевскій Янъ, шляхт., и жена его Раипа Павловна Заболоцкая, 360—361.

Мисевскій Адамъ, землянинъ Волинскій, 336.

— Андрей, 569.

Михайловичъ Гринько, войскій и подстароста Слонимскій, 9.

Мишновичъ Янъ, ловчій королевскій (XV в.), 4.

Мложовскій Петръ, писарь гродскій Луцкій, 371, 411, 415.

Мнишновскій Янъ, шляхтичъ, 202.

Могила Петръ, митрополитъ Кіевскій, 591, 594.

Могиленскій Марко, возный воев. Волинскаго, 546, 549, 552.

Модринскій Габріель, шляхтичъ, и жена его Катерина Граевская, 538—541.

Мокошій-Баковецкій Іосифъ, епископъ (уніатскій) Владимірскій и Брестскій, 622.

Мокренскій Демьянъ, возный земскій пов. Владимірскаго, 261, 300, 372, 438, 633.

Монвидъ-Дорогостайскій Павелъ, землян. Вол., 495, 501, 502, 503, 506—516.

— Галена, его сестра, — за зем. Щаснымъ **Харлинскимъ** (см. это имя).

— Людмила Ириковна, ихъ мать, 496, 501.

Монтовтъ-Коблинскій Янъ Якубовичъ, зем. Вол., 17—24, 80—81, 202, 205, 249.

— Жена его Олена Андреевна Мацкевичевна, 17—24.

— Ганна Яновна, дочь ихъ, — въ 1-мъ бракѣ за княземъ Богусшемъ **Любецкимъ**, во 2-мъ — за княземъ Василиемъ **Сокольскимъ**, въ 3-мъ — за шляхт. Казимиромъ **Ледницкимъ** и въ 4-мъ — за шляхт. Павломъ **Згличинскимъ** (см. эти имена).

— Андрей Якубовичъ, братъ Яна, 23.

Мороховскій Иоакимъ, униатскій епископъ Владимірскаго и Брестскаго, 550—552, 555, 557, 559—560, 561—563, 564, 565.

Мощеницкій Олехно, землян. Волынскій, 265.

Мрозовскій Янъ, шляхтичъ, 551, 581—582.

— Его жена Анна, мѣщанка Владимірская, 581—582.

Мрочко, бояринъ Кобринскій (XV в.), 4.

Мудрейно Мартинъ Михайловичъ, двориня господарскій, 9.

Мукоسةвичъ Гринко, землян. Волынскій (XV в.), 3.

Мутькальскій Оникій, землян. Волынскій, 492—493.

— Ганна Гавриловна Еленская, его жена, 492—493.

— Стефанъ, ихъ сынъ, 492—493.

Мышка-Варковскій Михайло, каштелянъ Волынскій, староста Овручскій, потомъ Гомельскій, 46—47, 285, 307, 364, 423.

— Абрамъ, сынъ его, староста Овручскій, 423.

Н.

Надъ Янушъ, венгринъ, слуга панскій, и его жена Анна Едомская, дочь боярина Вол., 525—528.

Напольскій Янъ, шляхтичъ, 595, 407.

Насончикъ Никифоръ, войтъ Горуховскій, 398, 408.

Немиричь Есифъ Ивановичь, судья земскій Кіевскій, 93—96, 419, 420, 421, 443. Его жена Богдана Бабинская, 421.

— Андрей Есифовичь, землянинъ Кіевскій, сынъ его, 419—423.

— Марина Хребтовичевна-Богуринская, (сестра епископа Мелетія), 419—423.

— Матвѣй Есифовичь, землян. Кіевскій, братъ Андрея, 443—446.

— Его жена Ева Васильевна Раевна, по разводѣ съ нимъ вышла за зем. Григорія **Бутовича** (см. это имя).

— Настасья Есифовна—за п. Лазаремъ **Иваницимъ** (см. это имя).

Неосинскій Станиславъ, шляхтичь, 297.

Непокойчицкій Николай, зем. Кіевского воеводства, 594.

— Янъ, землянинъ того же воеводства, 536.

Несвицкій (Несвѣцкій и Несвичскій) Ильашъ Богушевичь, землянинъ Волинскій, 51—62.

— Дочь его Богдана, 51—62.

Нешновскій Стефанъ, староста Торчинскій, 296.

Новицкій Грицко, служебникъ княгини Маруши Збаражской, 163, 164, 165.

Новоселецкій Дмитрій, возный пов. Луцкаго, 179.

О.

Обухъ-Воцатинскій Григорій, землян. Вол., бургграфій Володимірскій, 478, 486, 492.

— Ивалъ, землян. Вол., 159, 166.

Овлочимскій Юрій, землян. Вол., 493.

Огородзевскій (иначе **Огородзинскій**) Якубъ, шляхтичь, 531, 537.

Окорскіе, земляне Волинскіе: Иванъ—26, Олехно и его братья: Иванъ и Юрій—272.

Окуличъ Янъ, шляхтичь, 338.

Олешновскій Григорій, землян. Вол., 347.

Олизаровичъ Сенко, намѣстникъ Берестейскій; его дочь N—за п. Богданомъ Мартиновичемъ Хребтовичемъ, 5—6.

Олизаровскій Олехно, землянинъ Вол., 255—256.

- Андрей Олехновичъ, сынъ его, и жена Андрея, Θεодора Олехновна Бѣлостоцкая, 255—256.
- Олизаровскій** Василій, земян. Вол., 373, 375, 378, 388, 390, 391, 393, 397.
- Братья его: Θεодоръ, Андрей и Левко, 391—393, 407.
- Олизаръ-Волчновичъ** Адамъ, землянинъ воев. Кіевскаго, 486.
- Олшамовскій** Адамъ, бургграфій Луцкій, 490, 494.
- Марціанъ, бургграфій и намѣстникъ подстароства Луцкаго, 546, 573.
- Омеляновичъ** Богданъ, староста Стенанскій, 456.
- Омецинскій** Янъ, шляхтичъ, 569.
- Онисифоръ** (Дѣвочка), митрополитъ Кіевскій, 343, 348—349.
- Онисковичъ** Сакъ, дьякъ церкви св. Пятницы въ г. Владимірѣ, и его жена Галена Яковлева, 567—568.
- Оранскій** Семенъ Григорьевичъ, дворянинъ королевскій, 117, 287, 324—331.
- Лавринъ Семеновичъ, его сынъ, землянинъ Вол., 117—120, 287, 325, 326.
- Жена Лаврина, Марья Семеновна Ласковичъ-Черницкая, 117—120, 287, 324—331.
- Ихъ дѣти: Михайлъ, Павелъ, Марухна и Θεодора, 325, 329.
- Оранскій** Тихно Андреевичъ, возный Владим. пов., 150, 159, 164, 191.
- Оранскіе**, земляне Волянскіе: Григорій Семеновичъ—150; Павелъ Григорьевичъ—150, 182, 191, 226; Михайлъ (не Лавриновичъ) 324, 326, и Юрій, возный пов. Владим., 165.
- Орловскій** Станиславъ, шляхтичъ, 438.
- Орѣховскій** Янъ, подкоморій Холмскій, 74, 75.
- Останко**—(Останковичъ) Гуляльницкій Иванъ Михайловичъ, землянинъ Вол., 278—279.
- Θεодора Игнатъевна Гуляльницкая, его жена, бывшая потомъ въ замужествѣ за зем. Олехномъ Гуляльницкимъ, 278—279.
- Дѣти ихъ: Татьяна и Оксимья, 279.
- Остикъ** (иначе **Остиковичъ**) Мисколай Юрьевичъ, зем. Вол., 14—16, 182, 183.

- Его мать Ганна Литаворова-Хребтовичевна, 15.
- Его жена Ганна Романовна княжна Любецкая, по 2-му браку княгиня Павлова Соколинская, 14—16, 185, 187.
- Ганна Николаевна, ихъ дочь, — за княземъ Львомъ Сангушномъ-Коширскимъ (см. это имя).

Острожецкій князь Федоръ Петровичъ, 45.

Острожскій князь Константинъ (Василій) Константиновичъ II, воевода Киевскій, маршалокъ Волынской земли, староста Владимірскій, 161, 447—449, 450, 633.

- Его сыновья: Константинъ Константиновичъ III, крайчій вел. кн. Литовскаго, староста Владимірскій, 350—355, 357.
- Жена его Александра Васильевна Типкевичовна, дочь воеводы Смоленскаго, 350—355.
- Янушъ Константиновичъ, воевода Волынскій, 447—448.
- Жена его княжна Зузанна Шередиі, 447—449.

Охлоповскіе, земляне Волынскіе:

- Якимъ—369, 370.
- Иона Якимовичъ, сынъ его, 367—380, 383, 385, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 397, 398, 400, 405, 408—413, 414.
- Константинъ Якимовичъ, 368, 370, 371, 372, 408, 414.
- Самва Якимовичъ, 368—370, 371, 372, 408, 410, 414.
- Борисъ, племянникъ Якима, 368—382, 383—384, 385—408, 409, 414.
- Жена его Настасья Михайловна Ощовская, 368—382, 383—384, 385—408, 409—411, 414—415.
- Опрахна, сестра Бориса, — за землян. Михномъ Порванецкимъ (см. это имя).
- Иванъ, возный Владим. пов., 152, 153.

Ощовскіе, земляне Волынскіе: 368, 369, 375, 376, 388.

- Михно (Михаилъ) Ивановичъ, подстароста Луцкій, 18, 32, 33, 50.
- Сыновья его: Василій, 387, 388, 389, 392, 394, 403, 404, 407, 409—411, 470.
- Микита, 256, 387, 388, 389, 392, 403, 404, 407, 409—411.

- Томко, 396, 403, 407, 414.
- Яковъ, 384, 414.
- Настасья Михновна—за п. Борисомъ **Охлоповскимъ** (см. это имя).
- Иванъ Ивановичъ, 394.

II.

- Павловичъ** Михно, бояринъ господарскій Красносельскій, 52.
- Михайло, подстароста Владимірскій (кажется, одно лице съ предыдущимъ), 134, 147, 152, 153, 167, 168.
 - Василій, 197—199, 253.
 - Жена его Настасья Петровна Семашковна, 197—199.
 - Демянъ, 412.
 - Иванъ, 178.
 - Янъ (кажется, одно лице съ предыдущимъ), 531—533.
 - Жена Яна Катерина Шацкая, по 1-му мужу княгиня Яновая Ружинская, 532—533.
 - Шимонъ, его жена N и сынъ Даніиль, 598—599.
- Павша** Богухваль Михайловичъ, писарь земскій Кіевскій, 141, 143.
- Паевскій** Войтехъ, шляхтичъ, 159, 166.
- Паленица** Оедоръ, лавникъ Острожскій, 599.
- Палускій** Миколай, шляхтичъ, 226, 297.
- Панновскій** Янъ, шляхтичъ, и его жена княжна Катерина Васильевна Ружинская, 121—122.
- Патрикій-Курозвонскій** Иванъ Васильевичъ, подкоморій Кременецкій, 81—86, 280—282.
- Олена Романовна Цятянка, 1-я жена его, 81—86.
 - Пелагея Матьясовна, 2-я жена его, въ 1-мъ бракѣ бывшая за земляниномъ Романомъ Оедоровичемъ Гулевичемъ, 281—282.
- Паць** Янъ, воевода Мянскій, тивонъ Виленскій, староста Каменецкій и Довгялижскій, 529, 629, 632.
- Перевѣскій** Романъ, писарь замковій Луцкій, 35.
- Перекладовскій** Богданъ, зем. Волынскій, 210—211.
- Перехриста** Иванъ, балвиръ (фельдшеръ-цырюльникъ) Горуховскій, 408.

- Петничанскій** Миско, войскій Винницкій, 143.
- Петровскій** Станиславъ, подстароста Луцкій, 27, 33, 73, 334, 349, 356, 360, 362, 383, 459—461, 632.
- Его жена (разведенная) Дорота Ратошинская, 459—461.
- Печихвостскій** Янъ, стольникъ земли Львовской, 195.
- Его дочь Ганна — за землян. Василиемъ **Жоравницкимъ** (см. это имя).
- Пещинскій** Янъ, возный Луцкаго повѣта, 436.
- Пивовая** Софья Станиславовна, землянка Волынская, 97.
- Пигловскіе**, шляхтичи, Янъ и Мартинъ, 594.
- Писочинскій** Григорій, землянинъ Волынской, 452.
- Плонскій** Валентій, шляхтичъ, 320, 408.
- Войтехъ, шляхтичъ, 414.
- Плотницкій** Илья, возный Кременецкаго повѣта, 586.
- Повченскій** Самоилъ, землянинъ Волынской, 456.
- Подгороденскій** Семенъ Григорьевичъ, зем. Волынской, 171—173.
- Дочь его Ганна — за зем. Василиемъ **Шпаковскимъ** (см. это имя).
- Подмокловичъ** Маркъ, священникъ с. Бискупичъ, Владим. нов., 348.
- Покотило-Петигорскій** Иванъ, землянинъ Волынской, 104—106.
- Жена его Ганна Юхновна, 105—106.
- Сыновья: Богданъ и Иванъ, 105, 106.
- Дочь Гальшка — за землян. Остафіемъ Андреевичемъ **Короваевичемъ-Селецкимъ** (см. это имя).
- Полубенскій** князь Василій Андреевичъ, маршалокъ Литовскій, 6—7.
- Ганна, дочь его, за княземъ Александромъ **Сангушковичемъ-Коширскимъ** (см. это имя).
- Александръ (безъ княжескаго титула), 536.
- Понитовскій** Миколай, возный воеводства Волынскаго, 586.
- Поплавскій** N; его жена Ориша Петровна Доброницкая, 492.
- Поповка-Гуляльницкій** Яцко Федоровичъ, землян. Волын., 257—259.
- Жена его Марія Яцковна Тимоховичъ-Гуляльницкая, 257—259.
- Порванецкій** Тихо, зем. Вол.; его жена Овдотья, 42—43.
- Сынъ ихъ Иванъ Тихновичъ, землянинъ Волынской, 256.

- Дочь Татьяна Тиховна—за земляниномъ Иваномъ **Ставецкимъ** (см. это имя).
- Порванецкіе**, земляне Вол.: Михнова Опрахна, урожд. Охлоповская, 373, 374, 376, 382, 391.
- Кузьма Немиричъ, 373, 375, 376, 378, 379, 389, 390, 392, 397, 402, 404.
- Климъ — 373, 375, 378, 381, 389, 390, 392, 397, 404.
- Стахей (Стась)—405, 410.
- Поремницкій** Арефа, землянинъ Волинскій, 412.
- Порецкій** Андрей, возный воеводства Волинскаго, 535.
- Порфирій**, архимандритъ Зименскаго монастыря, 417.
- Порыцкій** „панъ“ Дмитръ Ильичъ, землянинъ Волинскій; его жена Гальшка, дочь земян. Грицька Кирдѣвича (XV в.), 1.
- Порыцкій** князь Матушь Александровичъ и его жена Галена Залеская, вышедшая потомъ за шляхт. Франца Круша, 99.
- Его братья, князья Петръ, Янушь, Михайль и Александръ, 99—100.
- Посяговецкій** Пашко, землянинъ Волинскій (XV в.), 2—3.
- Его жена Марина, дочь землянина Волчка-Хреницкаго, 2—3.
- Поталовичъ** Иванъ, дьякъ церкви св. Аностоловъ, въ г. Владиміръ, 524—525.
- Пресмыцкій** Станиславъ, шляхтичъ, 210.
- Пречковскій** Станиславъ, шляхтичъ, 598.
- Приборовскій** Собестіанъ Богушевичъ, шляхтичъ; его жена Марина Ивановна Гулевичъ-Смолиговская, бывшая потомъ за княземъ Станиславомъ Вороницкимъ, 462.
- Дочь ихъ Гальшка—за княземъ Станиславомъ Станиславовичемъ **Вороницкимъ** (см. это имя).
- Анна, урожд. Крычовская, вдова по п. N Приборовскомъ, 614—615.
- Приборскій** Мартинъ, шляхтичъ, 451.
- Привередовскій** Василій, землянинъ Волинскій, 66.
- Жена его Марухна, княжна Крокотка-Еловицкая, по 1-му браку п. Васильева-Красовская, 66.

- Михайло, подстароста Владимірскій, 144, 286.
- Прилепскій** Янъ, подстароста Владимірскій, 518.
- Пристановскій** Яхимъ, возный воеводства Волынскаго, 507.
- Промчейковичъ-Деревяницкій** Грицько, зем. Волынскій, 24—27.
- Его дочь Олена—за земян. Феодоромъ Гавриловичемъ **Воютинскимъ** (см. это имя).
- Пронко**, бояринъ Кобринскій (XV в.), 4.
- Пронскій** князь Фридрихъ (Глѣбовичъ), воевода Киевскій, 16.
- Александръ, его сынъ, стольникъ Литовскій, староста Луцкый, 73, 334, 350, 367, 368, 408—409, 414.
- Проступчичъ** Сенко, бояринъ князя Ив. Кобринскаго (XV в.), 4.
- Прошинскій** Мартинъ, шляхтичъ, 543.
- Прусинскій** Мартинъ, шляхтичъ, и его жена Катерина Феодоровна Басарабовна, 232—233.
- Прушинскій** Касперъ, шляхтичъ, 500.
- Пстроконскій** Матей, бискупъ Перемышльскій, канцлеръ коронный, 520.
- Птицкій** Иванъ Павловичъ, землянинъ Волынскій, 111.
- Пузовскіе**, земляне Волынскіе: Богданъ, Аврамъ, Иванъ и Семень Богусевичи, 309—315.
- Жена Семена, Марина Ивановна Подгороденская, по 2-му браку Яновая Касперская, 309—315.
- Дѣти Семена и Марины—Бондрать и Ганна, 312.
- Феодоръ Семеновичъ, 478, 480, 483, 484.
- Каръ Семеновичъ и жена его Настасья Михайловна Шабановна, 479—484.
- Тимошъ, 311; Прокопъ, 309.
- Павелъ Тимошевичъ, 312, 478, 480, 483, 484.
- Михайло Тимошевичъ, 478, 480.
- Пузына** князь Богданъ Тимошевичъ, дворян. господарскій, 8—9.
- Оеда Михайловна Юражина, его жена, 8—9.
- Юрій князь, подкоморій Волынскій, 307, 619.
- Путошинскій** Иванъ Тихновичъ, возный Луцк. пов., 181, 438.
- Путятичъ** князь Богданъ, 325.

— Гаина Богдановна, дочь его, — въ 1-мъ бракѣ за п. Богданомъ Семашномъ, во 2-мъ — за княземъ Андреемъ Масальскимъ (см. эти имена).

Пухальскій Янъ, возный Луцкаго повѣта, 601.

Пѣшко (и **Пѣшневичъ**) Михайло Лаврентьевичъ, землянинъ Вол., 73, 566—567.

— Его жена Гася Ивановна Малоосевичевна, 566—567.

Р.

Радивиль (Радзивиль) Миколай Миколаевичъ, маршалокъ земскій вел. княж. Литовскаго, воевода Виленскій, 16, 34.

— Янъ-Миколай, воевода Виленскій, 38.

— Миколай Юрьевичъ, воевода Виленскій, 169.

— Альбрехтъ-Станиславъ, князь на Олыкѣ и Несвижу, подканцлеръ и затѣмъ канцлеръ Литовскій, староста Луцкій и Ковенскій, 575, 612.

— Миколай, князь на Олыкѣ и Несвижу, воевода Виленскій, маршалокъ и канцлеръ Литовскій, староста Брестскій и проч., 629, 630, 632.

Радовицкій Илья, землян. Вол., 300.

— Тихно, возный Владимірскаго пов., 147, 148, 156, 160, 161.

Раецкій Балтазаръ, подстароста Владим., 620.

Рандиничъ Яцко, дворянинъ старосты Владимірскаго (XV в.), 628.

Ратавинскій Моноско, войтъ м. Бѣлиловки, 523.

Ржищовскій Тихно и братъ его Феодоръ, земляне Вол., 376.

Ритаронскій Александръ, шляхтичъ, 537.

Рогатинскій Иванъ, землян. (XV в.); его дочь Федка — за княземъ Ив. Семеновичемъ Кобринскимъ, 4.

Роговицкій N, землян. Вол., 380, 381, 383.

Рогоза Лукашъ, шляхтичъ, 338.

Рогозенскіе (иначе **Рогозинскіе**), земляне Волынскіе:

— Василій Ивановичъ, 72, 111.

— Жена его Марья Ивановна Борзобогатая-Красенская, въ 1-мъ бракѣ бывшая за п. Добрылицкимъ, 72.

— Дмитрій Ивановичъ, и его жена Орина Волбасовна, по 1-му браку Угриновская, 254—255.

Рожковскій Станиславъ, шляхтичъ, 434.

— Андрей, 495, 497—498, 499, 500, 501, 502—506, 509, 510, 518.

Романовскій Андрей, зем. Вол., подстароста Владим., 346.

Росавскій Феодоръ, землян. Вол., 309.

Рудавскій Адамъ, шляхтичъ, 397—398, 408.

Рудецкій Антонъ, землян. Вол., 394, 408, 411, 413.

— Феодоръ, землян. Вол., 219, 220.

Рудигеръ Янъ, шляхтичъ, 226.

Рудновскій Станиславъ, шляхтичъ, 304.

Ружинскій князь Василій Михайловичъ; его вдова Настасья Львовна Есмановна, 121—122.

— Дочь ихъ Катерина Васильевна—за п. Яномъ Панковскимъ (см. это имя).

— Феодоръ Михайловичъ; его вдова княгиня Марья, 144—146.

— Сыновья ихъ: Степанъ и Михайло Феодоровичи, 144—146.

— Дочь Ганна Феодоровна, 144—146.

— Григорій Ивановичъ (племянникъ Василя и Феодора), 191, 194, 259.

— Дмитрій Ивановичъ (братъ Григорія), 259.

— Кирикъ Остафьевичъ (племянникъ Григорія и Дмитрія), 486, 487.

— Его жена (вторая) Ядвига Фальчевская, вышедшая потомъ за князя Юрія Чорторыйскаго, 486—490.

— Романъ Кириковичъ, 487, 488.

— Янъ (отчество не извѣстно), и его жена Катерина Шацкая, по 2-му браку Яновая Павловичъ, 532.

Русинъ Стефанъ, коморникъ королевскій, 208.

Русинъ-Берестецкій Андрей Ивановичъ, землян. Вол., подстароста Луцкій, нареченный владыка Пинскій и Туровскій, 28, 30, 48, 67, 72, 222, 263—268, 269, 633.

— Раина, дочь его,—за п. Семеномъ Хребтовичемъ-Богуринскимъ (см. это имя).

- Яцко Ивановичъ, братъ Андрея, 35.
- Ѳеодоръ Ивановичъ, братъ предыдущихъ, писарь замковый Луцкій, 49, 67, 86, 111, 114, 116.
- Русовскій** Геласій, архимандритъ Усп. Дорогобужскаго монастыря, 559—560, 562, 563.
- Рыбицкій** Янъ, шляхтичъ, 543.
- Ръзановичъ** Янъ, землянинъ Вол., и жена его Маруша Жирицкая, 573—580.
- Ръзановичъ-Летинскій** Семенъ, зем. Вол., 452.

С.

- Савицкій** Матысь, писарь староста Брестскаго, 632.
- Садовскій** Андрей Семеновичъ, землян. Винницкаго повѣта, 143.
- Самсацкій** Михайль, священникъ Пятницкой церкви въ г. Владимірѣ, и его жена Ганна Ивановна Кацеровичъ, 566—569.
- Самъ** Іоахимъ, подстолій Львовскій, 197.
- Сангушки (Сангушновичи)** князья:
 - Александръ Сангушковичъ (XV в.), староста Владимірскій и затѣмъ Кременецкій, 1—2.
 - Михайло Сангушковичъ (XV в.), 4.
 - Романъ Ѳеодоровичъ, староста Житомирскій и Винницкій, воевода Брацлавскій, 78, 126, 630, 631.
 - Жена его Александра Григорьевна Ходковичевна, 629—631.
- Сангушко-Ковельскій** Василій Михайловичъ, староста Свислочскій; его жена (вторая) Софія Лозчанка, въ 1-мъ бракѣ бывшая за п. Боговитиномъ Петровичемъ Шумбарскимъ, 27, 34.
- Сангушко-Коширскій** Андрей Михайловичъ, родоначальникъ этой линіи, 6—7.
 - Александръ Андреевичъ, его сынъ, 6—7, 28, 48—50, 634—637.
 - Его жена Ганна Васильевна княжна Полубенская, 6—7.
 - Левъ Александровичъ, ихъ сынъ, 48—50, 144, 182—189, 634—637.

— Жена его Ганна Николаевна Остиковичъ, 182—189.

Салѣга (иначе **Сопѣга**) Богданъ Павловичъ, воевода Минскій, 344.

— Павелъ Ивановичъ, воеводичъ Подляшскій, и его жена Ганна Григорьевна Ходкевичевна, 629—632.

Сасинъ Янъ и Пароенъ, земляне Вол., 397, 407.

Сачковичъ Млечко, землян. (XV в.), 4.

Сватковичи-Хренницкіе (и просто **Хренницкіе**), земляне Волынскіе:

— Михаилъ, 111, 225—226, 266, 274—277.

— Сынвья его: Богданъ Михайловичъ, 140, 223—226.

— Жена Богдана, княжна Олена Андреевна Козѣчанка, 223—226.

— Иванъ Михайловичъ, подсудокъ и потомъ судья земскій Луцкій, 140, 222, 266, 277, 315, 317, 438, 447, 531.

— Жена Ивана, княжна Марья Соколинская, по 1-му браку княгиня Александровая Буремская, 284.

— Оксинья Михайловна, сестра предыдущихъ, — за зем. Янушемъ Угриновскимъ (см. это имя).

Свенцицкій Юрій, шляхтичъ, 616.

— Анна, его сестра, — за шляхт. Крыштофомъ Сестревитовскимъ (см. это имя).

Свинускій Михайло, землянинъ Вол., 193.

Свищовскій Андрей Львовичъ, землян. Вол., 215.

— Семенъ Ивановичъ, землян. Вол., 115, 116, 364.

— Остафій и Тихно, земляне Вол., 253 и 300.

Секунскій Михаилъ, землян. Вол., 287.

Селецкій Василій, землянинъ Волынскій, 392.

— Гаврило Ѳеодоровичъ, землян. Вол., 54.

— Иванъ, землян. Вол., 375, 387, 388, 389, 407, 409, 410—411.

— Жена его Ганна Ванковна Бѣлостоцкая, 390—391, 407.

Семашко (Епимаховичъ), землян. Вол. (XV в.), родоначальникъ этой фамиліи, 3.

— Богданъ Михайловичъ, его внукъ, староста Ковельскій; его жена Ганна Богдановна княжна Путятична, во 2-мъ бракѣ княгиня Андреевна Масальская, 87—90.

- Александръ Богдановичъ (на Хупковѣ), подкоморій Владимірскій, затѣмъ каштелянъ Брацлавскій, староста Луцкій, 89, 122—123, 189, 243—253, 317, 321, 452, 462, 472, 476.
- Жена его княжна Барбара Александровна Порыцкал, 472.
- Василий Михайловичъ, братъ Богдана, судья Луцкій, 30—31, 126, 131, 133, 216.
- Жена его Олена Карповна Есифовичъ, по 2-му браку Ивановая Чапличъ, 30—31.
- Дочь ихъ Богдана Васильевна—въ 1-мъ бракѣ за княземъ Янушемъ Четвертенскимъ, а во 2-мъ за п. Григоріемъ Воловичемъ (см. эти имена)
- Петръ Михайловичъ, староста Кременецкій, братъ предыдущихъ, 28, 32, 197.
- Жена его Софія Боговитиновна, 197.
- Дѣти ихъ: Ярошъ—198 и Настасья—за зем. Василиемъ Павловичемъ (см. это имя).
- Василий (на Добрятинѣ), хорунжій Вол., 529, 530, 531.
- Миколай (на Хупковѣ), староста, ключникъ и войтъ Луцкій, каштелянъ Брацлавскій, 415—416, 484, 507.
- Константинъ-Казимиръ, судья гродскій Луцкій, 603.
- Сенюты-Ляховецкіе и Хмелевскіе, земляне Волинскіе:**
 - Иванъ Романовичъ, 253, 294, 300.
 - Теодоръ Григорьевичъ, его двоюродный братъ, войскій Кременецкій, 253.
 - Григорій Н. и его сынъ Александръ, 554.
- Сербинъ-Хорохоринскій** Михайло Теодоровичъ, хорунжій Волинскій, 67.
- Сестревитовскій** Крыштофъ, шляхтичъ, и его жена Анна Свенцицкая, 616—618.
- Сестритовскіе** Крыштофъ и Томашъ, шляхтичи, 459, 461.
- Сигизмундъ I**, великій князь Литовскій и король Польскій, 5—6.
- Скипоръ** Янъ, шляхтичъ, 622.
- Скрипка** Томашъ, крестьянинъ, и его дочь Куница, 524—525.
- Снурка** Янъ, шляхтичъ, 334—336.

Славенскій Жигмунтъ, шляхтичъ, и его жена Елена Тржасковская, 613—614.

Славогурскій Матусь, возный Луцкаго пов., 360, 372, 433, 473, 500, 503, 505, 506, 525.

Слончевскій Янъ, шляхтичъ, 614—616.

Смыковскій Богданъ Занковичъ, землян. Вол., 256, 282.

Собанскій Станиславъ, бургграфій Владимірскаій, 581.

Собѣскій Войтехъ, подкоморій Люблинскаій, 529.

Сова Борисъ Ивановичъ, подстароста Луцкаій, 42, 43, 46, 47, 51.

Соколинскій князь Павелъ Юрьевичъ, 185.

— Ганна Романовна, его жена, урожд. княжна Любецкая, въ 1-мъ бракѣ бывшая за п. Миколоемъ Остиковичемъ, 185, 187.

— Марья N, княжна, — въ 1-мъ бракѣ за княземъ Александромъ Буремскимъ, а во 2-мъ — за зем. Ив. Сватковичемъ-Хренницкимъ (см. эти имена).

Соколь Миколоай, землянинъ Вол., и его жена Катерина, 619—620.

Сокольскіе князья: Солтанъ Михайловичъ и его жена Олена Коптевна, 10—11.

— Василій Солтановичъ, сынъ его, 80. Жена его — Ганна Монтотъ, 180.

— Маркъ Солтановичъ, братъ Василія. 180, 199, 432, 434, 436, 437. Жена его Магдалина Якацкая, 453.

— Дочь ихъ Ганна Марковна — за княземъ N... Чорторыйскимъ, 153.

— Евстафій Васильевичъ (племянникъ князя Солтана), подсудокъ земскій Луцкаій, 56, 101, 140, 263, 264, 265, 266, 282.

— Максимъ Васильевичъ, братъ его, 432, 434, 435, 436.

— Его жена Александра (иначе Орина) Дольская (Довзская), 432—435, 436—437, 438—440.

— Ихъ дѣти: Василій Максимовичъ, 433—435, 436, 437, 438—440.

— Марина Васильевна — за п. Матеемъ Лонцикомъ (см. это имя).

— Софья Васильевна — за шляхт. Балцеромъ Мартишевскимъ (см. это имя).

Сокорь Григорій Матвѣвичъ, землян. Волинскій, 112—116. Его жена
Ганна Юрьевна Воропянка, 112—116.

Соломирецкій князь Ѳеодоръ Васильевичъ, 9.

Солоневскій Петръ, землян. Волинскій, 553.

Солтанъ Иванъ Александровичъ, дворянинъ господарскій, 23.

— Александръ Ивановичъ, землян. Кіевского воеводства, 594.

— Ѳеодоръ N..., дворянинъ господ., 101; писарь земскій Влади-
мирскій, 120, 159.

Сопотко Адамъ, скарбникъ Вол., судья городскій Луцкій, 574.

Сопѣга—см. Сапѣга.

Ставецкій Иванъ Богдановичъ, землян. Вол., и его жена Татьяна Тих-
новна Порываецкая, 42—43.

— Михайло, землянинъ Волинскій, 261.

Ставскій Станиславъ, возный Вол. воеводства, 506.

Станиславъ ксеудзъ, плебанъ Владимірскій (XV в.), 628.

Станишевскіе, земляне Волинскіе: Ярошъ, 521.

— Янъ, ключникъ Луцкій, 605.

— Анна, его дочь, 605, 606, 607, 609, 610, 612.

— Петръ, братъ Яна, 603—612.

— Гальшка Гулевичевна, его жена, 603—604, 608—609, 610, 611.

— Михайль и Марціанна, ихъ дѣти, 604, 608, 609, 610, 611.

— Войтехъ, братъ Яна и Петра, 603.

Стареховскій Войтехъ, староста Вышгородскій, 358—359.

Стаховскій Мартянъ Семеновичъ, бояринъ Вол., 136.

Стахорскій Гвѣвошъ, шляхтичъ, 210.

Стельмахъ Войтехъ, шляхтичъ, 266.

Стемпковскій Габріель (на Несвичу), каштелянъ Брацлавскій, 604—
605, 610, 611. Его мать N., старостиная Владимірская, 606.

— Даниель (на Несвичу), староста Владимірскій, 621.

— Матей, судья городскій Луцкій и вмѣстѣ подстароста, 371, 385,
459, 503, 506, 507, 629.

— Миколай, шляхтичъ, 397, 408.

Стрыбыли, земляне Кіевского воеводства:

- Филонъ, чашникъ Кіевскій, 590.
- Маруша Ельцовна, жена его, 590—594.
- Янъ Филоновичъ, ихъ сынъ, 590.
- Варвара Соколовская, его жена, во 2-мъ бракѣ за Абрамомъ Стрыбылемъ же, 590, 591, 594.
- Катерина Яновна, дочь ихъ, — за Яномъ Ярмолинскимъ (см. это имя).
- Абрамъ Н... и его жена Варвара Соколовская, вдова Яна, 591, 594.
- Стривязскій** Иванъ, землян. Вол., 569.
- Якимъ Васильевичъ, писарь гродскій Владимірскій, 121, 134, 147, 260, 288.
- Стрыжовскій** Матей, шляхтичъ, 163, 164, 165.
- Стужинскій** Касперъ, войскій Кіевскій, 417.
- Суета** Григорій, возный Вол. воеводства, 505, 506.
- Суликовскій** Янъ-Дмитръ, архидиаконъ Львовскій, 347.
- Суляржицкій** Андрей, войскій Подольской земли, 541.
- Сускій** Станиславъ, возный нов. Луцкаго, 574.
- Сушко** Яцко, землянинъ Волынкій, 48.

Т.

- Тарновскій** Андрей, шляхтичъ, 280.
- Теребинскій** Иванъ, священникъ Николаевской церкви с. Колытлова (Владимірскаго нов.), 542, 543, 545, 547, 554, 560, 562.
- Теснона** Михаилъ, землян. Пинскаго повѣта, 266.
- Тимоей**, архимандритъ Дорогобужскаго монастыря, 208.
- Тиши-Быковскіе** — см. **Тыши-Быковскіе**.
- Тишневичи** — см. **Тышневичи**.
- Томиловичъ** Савва, лавникъ магистрата Луцкаго, 473.
- Тошновскій** Абель, шляхтичъ, 589.
- Тременскій** Янъ, шляхтичъ, 456.
- Тринишевскій** Петръ, шляхтичъ, 539.
- Трипольскій** Н... и его жена Оеодора Петровна Добролицкая, 492—493.
- Трионій**, священникъ церкви св. Троицы въ м. Клевани, протопопъ Клеванскій, 345.

Трушевичъ Матвѣй, бурмистръ Луцкій, 473.

— Стефанъ, шляхтичъ, 613.

Туминскій Адамъ Васильевичъ, землян. Вол., 480, 483.

Тупичовскій Янъ, землян. Вол., и его жена Раина Парцовская, 36.

Туровая Томила Ванковна, урожд. Лагодовская, землянка Волинская, 219, 220.

Тыши (Тиши) - Быковскіе Александръ и Василій, земляне Кіевскіе, 441, 442.

— Марія, жена Александра, 442.

Тышневичи, также **Тишневичи** и **Тишковичи**:

— Левъ Патеевичъ, 13.

— Василій Тышковичъ, воевода Смоленскій, 353.

— Юрій Васильевичъ, (сынъ его), воевода Брестскій, староста Волковыйскій, 134, 136, 137.

— Каленикъ Васильевичъ (братъ Юрія), маршалокъ господарскій, староста Гомельскій и Шерешовскій, 134, 137.

— Настасья Васильевна, ихъ сестра,—за п. Иваномъ **Мелешномъ** (см. это имя).

— Александра Васильевна, другая сестра,—за княземъ Константиномъ III **Острожскимъ** (см. это имя).

-- Михайль N..., 239.

— Остафіанъ N..., староста Лидскій, 523.

У.

Угриновскіе, земляне Волинскіе: Прокopfъ, 51, 56, 58.

— Янушъ Прокоповичъ, сынъ его, 51—62, 274—277, 285, 432, 434, 435.

— Оксинья Михайловна Сватковичъ - Хронницкая, жена Януша, 274—276.

Ф.

Фалибовскій Петръ, шляхтичъ, 617.

Фаличовскіе, они же и **Фальчевскіе**: Станиславъ, староста Кременецкій, 13.

- Францишекъ, староста Ковельскій, 38.
Федюшко Василій, хорунжій Пинскій, 266.
Филиповичъ Михайло, радца Луцк. магистрата, 473.
Фирлей Андрей изъ Дубровицы, Волынскій депутатъ въ Люблинскомъ трибуналѣ, 541.

X.

- Халаимъ** Андрей, землян. Кіевскій, 594.
— Михайло, землян. Кіевскій, и его жена Ганна Ивановна Шишчанка-Ставецкая, во 2-мъ бракѣ за п. Александромъ Владычкою, 417—418.
Халецкій Андрей, писарь земскій Рѣчицкій, 231.
Харлезскіе, также **Харленскіе** и **Харлинскіе**:
— Миколай, 50, 285.
— Братья: Криштофъ, 494—502, 503—505, 507—508, 509—516, 517—519.
— Янъ, подкоморій Луцкій, 494, 500, 502, 507, 508—516, 517—519.
— Шимонъ, ротмистръ королевскій, 494, 500, 502, 507, 508—516, 517—519.
— Щастный, 494—502, 503—506, 508—514, 517—519.
— Его жена Галена Монвидъ-Дорогостайская, 495—502, 503—506, 508—514, 517—520.
Хвоинскій Иванъ, возный Вол. воеводства, 505—506.
Хмара Андрей, землян. Вол., 41, 131, 132.
Хмелецкій Миколай, землян. Вол., 546.
Хмельницкій Богданъ, гетманъ козацкій, 617.
Ходневичъ Григорій Александровичъ, воевода Кіевскій, подкоморій вел. княжества Литовскаго, староста Кормяловскій, 630—632.
— Жена его Катерина Ивановна княжна Вишневецкая, 630—631.
— Дочери ихъ: Александра Григорьевна—за княземъ Романомъ Сангушкомъ (см. это имя).
— Ганна Григорьевна—за п. Павломъ Сапѣгою (см. это имя).

- Третья дочь N..., 631.
- Янъ-Геронимъ Геронимовичъ, графъ на Шкловъ и Мышъ, каштелянъ Виленскій, староста Жомойтскій, маршалокъ найвысшій вел. княж. Литовскаго, администраторъ и гетманъ земли Лифляндской, староста Бовенскій, 290—294.
- Ганна, дочь его, — за княземъ Яхимомъ **Корецимъ** (см. это имя).

Холоневскіе, земляне Волинскіе:

- Андрей Григорьевичъ, 393—394, 407.
- Василій Андреевичъ, 280—282, 393—394, 403, 407.
- Θεодора Романовна Гулевичъ, его жена, 281—282.
- Иванъ Гавриловичъ, 256, 393, 403—404, 407.
- Олехно, 414.
- Ганна, „панна“ (не извѣстно, чья дочь), 266.

Хомяки, земляне Волинскіе:

- Петръ, подстароста Луцкій, 130, 132, 169, 174, 212, 239, 278.
- Тигъ, судья городскій Луцкій, 174, 216.
- Θεодоръ, 178.

Хомяки-Смордовскіе, земляне Волинскіе:

- Гуринъ Маскевичъ, 91.
- Θεодоръ Маскевичъ, братъ его, 91—92.
- Ганна Яцковна, жена Θεодора, 91—92.
- Тихно Ивановичъ, судья городскій Луцкій, 200, 203, 204.
- Ганна, его дочь, — за княземъ Станиславомъ **Вороницимъ** (см. это имя).
- Семень Тихновичъ, братъ ея, 299—300.

Хребтовичи (также Хребтовичи-Литаворовичи, Хребтовичи-Богуринскіе):

- Мартинъ Богдановичъ, ловчій и конюшій короля Сигизмунда I, 5—6.
- Богданъ Мартиновичъ, его сынъ, женатый на дочери Сенка Олизаровича, намѣстника Брестскаго, 5—6.
- Мелетій, епископъ Владимірскій и Брестскій, архимандритъ Бѣво-Печерскій, 419, 420.

- Марина, его сестра, — за п. Андреемъ **Немиричемъ** (см. это имя).
 - Ганна Литаворовна — за п. Юріемъ Остиковичемъ, 15.
 - Ганна Дчусянка, вдова Василя Хребтовича, 431.
 - Настасья Васильевна, ея дочь, — за шляхт. Станиславомъ **Кавезскимъ** (см. это имя).
 - Иванъ Васильевичъ, братъ Настасьи, подстароста Луцкій, 16, 18, 24, 195, 209, 216, 262—267, 431.
 - Семень Ивановичъ, (не сынъ предыдущаго), писарь гродскій Луцкій, 138—140, 262—268, 269, 270, 271.
 - Райна Андреевна Русиновна-Берестецкая, первая жена его, 138—139, 262—268, 269, 270, 271.
 - Катерина Андреевна Бабинская, вдова по зем. Иванъ Городищенскомъ, — вторая жена Семена (по разводъ его съ первою), 271.
 - Братья Семена: Иванъ и Дахно Ивановичи, 139.
- Хренницій** Волчко, землян. Вол. (XV в.), 2.
- Немѣра Богдановичъ, его „братаничъ“ (сынъ брата), 3.
- Хренниціе** — см. **Сватковичи-Хренниціе**.
- Хруленковичъ** Андрей, мѣщанинъ, войтовичъ Вильскій, 602
- Хрустель** Станиславъ, мѣщан. Луцкій, 473—475.
- Хрустицій** Станиславъ, шляхтичъ, 398, 408.

ІІ.

- Цата** Романъ, землян. Волинскій, 81, 82, 84.
- Олена Романовна, дочь его, — за п. Иваномъ **Патрикіемъ-Курозвонскимъ** (см. это имя).
 - Семень, братъ Романа, 13, 84.
- Цемовскій** Иванъ, землян. Волинскій, 407.
- Целевичъ** (также **Телевичъ**), шляхтичъ, 521.
- Цетковскій** Касперъ, шляхтичъ, 288.
- Жена его Александра Михайловна Берестская, по 1-му браку **Болобанъ-Осекровская**, 288—289.
- Цешновскій** Янъ, подстароста Владимірекій, 538, 552.

Циминская Яновая Гальшка Харлезская, шляхт., и ея дочь Ядвига,
535—536.

Цисовскій Крыштофъ, подстароста Владимірскій, 602.

Ч.

Чаплинскій Рафаилъ, шляхтичъ, 613.

Чапличи, также **Чапличи-Шпановскіе**, земляне Волынскіе:

- Иванъ Кадьяновичъ, войскій Луцкій, 31, 101, 122, 124, 126—133, 156, 159, 216, 229, 265, 357, 423.
- Жена его Олена Карповна Есифовичъ, въ 1-мъ бракѣ—за п. Василиемъ Михайловичемъ Семашкомъ, 31—32, 122, 124, 126—133, 229.
- Теодоръ Кадьяновичъ (онъ же Теодоръ-Кадьянъ и даже просто Кадьянъ), судья земскій Луцкій, 231, 359, 423, 438, 447.
- Иванъ Петровичъ, 90, 101, 104.
- Теодоръ Петровичъ, 231, 307.
- Григорій (отчество не извѣстно), 236.

Чапля Григорій Васильевичъ, землян. Вол., 96.

Черневскій Павелъ, землян. Вол., 191—194.

- Катерина Якубовна Вагленская, его жена, 192—193.
- Дѣти ихъ: Раина и Магдалина, 193.
- Юрій, землян. Волынкій, 572.

Четвертинскіе (Четвертенскіе) князья:

- Андрей Теодоровичъ, 11.
- Яковъ Андреевичъ, его сынъ, 211—215, 222, 434—435.
- Ганна Теодоровна Гораиновая, жена Якова, 211—214.
- Василій Теодоровичъ, братъ Андрея, 11, 13.
- Матвѣй Васильевичъ, его сынъ, 126, 216, 217.
- Его жена Овдотья Вагановская, 216—217, 221, 222.
- Янушъ Матвѣвичъ, ихъ сынъ, 79, 101, 127—133, 159, 199, 216—222, 230.
- Богдана Васильевна Семашковна, его жена, 122—133, 216—222.
- Ганна Матвѣвна, его сестра, 216—222, 230.

— Иванъ (Федоровичъ?) 28.

— Богдана Федоровна, сестра Андрея и Василия, — за п. Ив. Андреевичемъ Н., подскарбіемъ дворнымъ литовскимъ, 86, 88.

Чижевскій Крыштофъ, возный Вол. воеводства, 518, 519.

Чирскій Жданъ, возный Владим. повѣта, 309—310, 336.

Чорторыйскіе (также **Чарторійскіе**), князья:

— Александръ Феодоровичъ, воевода Волынской, 48—50, 90, 126, 634—637.

— Сынъ его Михайло Александровичъ, староста Житомирскій, 294, 636.

— Дочь — Марина Александровна, 48—50, 634—637.

— Юрій Михайловичъ, сынъ Михайла Александровича, 486—490, 542—565, 629.

— Его жены: Ядвига Фальчевская, въ 1-мъ бракѣ бывшая за княземъ Кирикомъ Ружинскимъ, 486—490.

— Феодора Колыцковская, 542, 543, 545, 546, 548—550, 551—554, 555, 557, 559—565.

— Зуванна Борзобогатянка Красенская, 545, 546, 566.

— Иванъ Феодоровичъ, братъ Александра, 40.

— Гаяна Кузмична княжна Заславская, его жена, 205—208, 209—211, 296—298, 344.

— Дѣти ихъ: Катерина Ивановна — за п. Василиемъ Загоровскимъ (см. это имя).

— Олена Ивановна — за Остафіемъ Горностаемъ (см. это имя).

— Иванъ Иввовичъ, 294, 297, 298.

— Юрій Ивановичъ, 297—298, 338—339.

— Н., женатый на княжнѣ Гаянѣ Марковнѣ Сокольской, 453.

Чувать-Глуботинскій Феодоръ, землянинъ Вол., 452.

Чувать-Теличовскій Хацко, возный Владим. повѣта, 144.

Чурило-Оленскій Крыштофъ, землян. Вол., 583—587.

— Жена его Галжбета Юрковна, по 1-му браку Якубовская, 583—587.

— Урула, ихъ дочь, — за зем. Александромъ Лукаревскимъ (см. это имя).

III.

Шабанъ Михайло, землян. Вол., 478, 479, 483, 484.

— Василиса Лудовичевна, его жена, 478, 483.

— Дѣти ихъ: Василій Михайловичъ, 478, 479, 481, 482, 483.

— Иванъ Михайловичъ, 478, 483.

— Настасья Михайловна—за зем. Карпомъ Пузовскимъ (см. это имя).

Шабанъ-Гноенскій Иванъ, бургграфій Владимірскій, 517, 524.

Шадзиновскій Крыштофъ, возный Вол. воеводства, 598.

Шельвовскій Иванъ, землян. Вол., 191, 194, 301—304, 319.

— Овдотья Шиловна, его жена, 319, 320.

— Прокопъ Ивановичъ, ихъ сынъ, 301—304, 318—321.

— Магдалина Олехновна Борзобогатовна-Красенская, его жена, 301—304, 318—321.

Шибенскій Яковъ Петровичъ, землян. Вол., 256.

Шиловичъ Олизаръ, староста Владимірскій (XV в.), 628.

Шимковичъ-Шклинскій (также Сяленскій) Крыштофъ, зем. Вол., 535
536, 541.

Ширей Матвѣй, слуга замковый Луцкій, 92.

Шишка-Ставецкій Ѳедоръ Ивановичъ, землян. Кіевского воеводства,
288—289.

— Ганна Ивановна Болобанъ-Осекровская, его жена, бывшая въ
1-мъ бракѣ за п. Михайломъ Халаимомъ, и въ 3-мъ за п.
Александромъ Владычкою, 288—289, 417—418.

Шишкиничъ Стецко, землянинъ Вол. (XV в.); и его жена Матрушка
Вохнова, 627.

Шлятковскій Янъ, шляхтичъ, 476—477.

Шляхта Андрей, райца Острожскій, 599.

Шостановскій Гаврило Гавовичъ, землян. Вол., 39.

— Михайло Гавовичъ (или Гавсовичъ), братъ его, 39—41.

— Жена послѣдняго Настасья Бронницкая, 39—41.

— Андрей, братъ предыдущихъ, 41.

Шостовицкій Янъ, землян. Вол., 348, 450.

Шпаковскіе, земляне Волынскіе:

- Маско Олехновичъ, 108.
- Павелъ Олехновичъ, подсудокъ Владим. земскаго суда, 108, 117
- Сыновья его: Василій Павловичъ и его жена Ганна Семеновна Подгороденская, 170—173.
- Иванъ Павловичъ, 170—173, 321.
- Грицко и Гаврило Павловичи, младшіе братья, 171.

Шпоровскій Касперъ, подстароста Владим., 566.

Шпрастскій Левко, землян. Вол., 54.

Щ.

Щаурскій Иванъ и его жена Катерина Ириковна, въ 1-мъ бракѣ за Янушемъ Глинскимъ, 332—333.

Щука Бриштофъ, шляхтичъ, 474.

Щуровскій Феодоръ, подстароста Житомирскій, 522.

Ю.

Юндило Юрій, подьоморій Волковыйскій, 356.

Юрага Михаилъ, землянинъ господарскій, и его жена Марина Феодорвна, 8—9.

— Ихъ дочь Феда—за княземъ Богданомъ Пузыною (см. это имя).

Юразичъ-Зарицкій Иванъ, землян. Вол., 39.

Юрпачъ N., мѣщанинъ Вильскій, 602.

Я.

Яблонскій Войтехъ, возный Луцкаго повѣта, 414, 415, 436.

Яковицкій Адамъ, землян. Вол., 554.

— Гаврило Ивановичъ, подсудокъ земскій Владим., 226—228.

— Феодора Гавриловна, дочь его, 227—228.

Яловицкій Антонъ, землян. Вол., 202, 205, 253.

— Дмитръ, 202, 222.

Янковскій Станиславъ, шляхтичъ, 470.

Ячевскій Стефанъ, шляхтичъ, 526, 528.

Ячинскій Аврамій, архидіаконъ Зименскаго монастыря, 417—418.

Янъ, бискупъ Познанскій, 12.

Янъ, аптекаръ Луцкій, 266.

Яролинскіе, земляне Волынскіе:

— Константинъ, 591.

— Раина Боговитиновна, его жена, 592.

— Ихъ сыновья: Владиміръ, 599.

— Николай, 594.

— Янъ и его жена Катерина Ивановна Стрыблевна, 590—594.

Ярославовичъ князь Миколай, 226.

Яроцкій Семенъ, возный Вол. воеводства, 500.

Ясениницкій Гермогенъ, зем. Волынскій, 41.

— Андрей, 599.

— Еско (Есениницкій), 26.

Ясинскій Мартинъ, шляхтичъ, 600—601.

Яхимовичъ Себастьянъ, староста Бѣлиловскій, 523.

Ө.

Феодоръ, священникъ Прокопѣвской церкви въ г. Владимірѣ, протопопъ Владимірскій, 261.

Феодосій, епископъ Луцкій,—см. Гулевичъ.

Феодосій, епископъ Владимірскій,—см. Лазовскій.

II. Имена географическія.

А.

Аршинчнъ, село Дубенск. у., при р. Иквѣ, 17—24.

Б.

Бабинъ, деревня Острожскаго у., близъ м. Гощи, 178.

Белзъ, городъ въ Галиціи, нѣкогда главный городъ Белзскаго воеводства, 534.

Беневшизна, деревня въ нынѣшн. Дубенск. у., 17—24.

Березовица, нынѣ дер. **Березовна**, Радомысльск. у., 594.

Березолупы, с. Луцкаго уѣзда, 31—32, 613.

Берестечко, м. Дубенскаго у., при р. Стырѣ, 140, 267—268.

— Сеймъ Волынск. воеводства въ мартѣ 1573 г. (по случаю смерти короля Сигизмунда-Августа), 269.

Берестье—нынѣ **Брестъ-Литовскъ**, уѣздн. г. Гродн. губ., а прежде главный городъ Брестскаго воеводства, 365, 630, 632

— замокъ, 630.

— Сеймъ 1566 г., 319, 322, 353, 425

— Церковь св. Спаса, 365. Священникъ Романъ Андрѣевичъ.

Берестовица, имѣніе въ Литвѣ, 630, 631.

Бискупичи, с. Владиміро-Волынск. у., 348, 552.

— Церковь, 348; священникъ Маркъ Подмокловичъ.

Блудовъ, с. Острожск. у., 316, 318.

Богуринъ—нынѣ **Бугринъ**, с. Острожск. у., при р. Горыни, 138, 419, 420, 424.

Боровая—нынѣ **Боровое**, с. Овручскаго у., 139.
Боровичи—нынѣ **Боровицы**, с. Луцкаго у., 212, 214.
Боротинь—нынѣ **Боратинь**, дер. Луцк. у., 633.
Борщовка, дер. Кременецкаго у., при р. Иквѣ, 81, 82, 83, 281.
Бочаница, с. Острожскаго уѣзда, 44—45.
Браны, с. Владиміро-Вол. уѣзда, 269, 535.
Бреховъ—нынѣ **Бруховичи**, с. Ковельскаго у., 87, 88.
Бронники, с. Ровенскаго у., близъ м. Клевани, 362—364.
Брусилловъ, м. Радомысльск. у., при р. Здвижи, 442, 443.
Бугъ (Западный), рѣка, 486.

— Складъ по ней лѣсныхъ товаровъ изъ Волыни, 486.

Будятичи, село Владиміро-Вол. у., 627.

Бужаны, село Владиміро-Вол. уѣзда, 243, 246, 249, 252.

Букойма—нынѣ **Бокуйма**, с. Дубенск. у., 362, 364, 476, 477.

Буремль—нынѣ **Боромель**, мѣст. Дубенск. у., 284, 285.

— замокъ, 284, 285.

Бусезъ, с. въ Литвѣ (на Подляшьи), 135.

Бухаровъ, с. Острожскаго у., при р. Горыни, 44, 45.

Бѣлавичи, с. въ Слонимскомъ повѣтѣ, въ Литвѣ, 353—354, 630, 631.

Бѣлая-Церковь, мѣст. Васильковск. у., при р. Роси, 633.

Бѣлиловна, мѣст. Бердичевскаго уѣзда, 523.

— Новое-мѣсто, имѣвшее особаго войта, 523.

Бѣлка, с. въ Холмскомъ повѣтѣ, 617, 618.

Бѣлогородна, с. Дубенскаго у., 412, 413.

Бѣлый-Стокъ—нынѣ **Бѣлостокъ**, с. Луцкаго у., 296.

В.

Варновичи, м. Дубенскаго уѣзда;—замокъ, 46, 47.

Варшава, г., 267, 405.

Величка, гор. въ Галиціи, близъ Кракова, 473.

Веля—нынѣ **Вилія**, село Радомысльск. у., 441.

Венгры—Венгрія, 527.

Вербы, село Владиміро-Вол. у. Церковь, священникъ Левко (XV в.), 628.

Вильгоры—нынѣ **Вильгоровъ**, с. Острожскаго у., 44—45.

- Вильснъ**, село Житомирскаго у. при рч. Каменкѣ, 602.
- Винница**, уѣздн. г. Подольск. губ., при р. Бугѣ, 143.
— Церковь св. Покровы, 143. — Священникъ Андрей.
- Витонижъ**, с. Луцкаго у., при р. Стоходѣ, 273.
- Войковичи**, село Владиміро-Вол. у., 163, 165, 166.
- Войнинъ**, село Владиміро-Вол. у., 191, 193, 194.
- Волица**, дер., гдѣ-то въ нынѣшнемъ Владиміро-Вол. у., 196.
- Волица-Шельвовская**, дер., гдѣ-то въ нынѣшн. Кременецк. или Старо-Константин. уѣздѣ, 319.
- Володимеръ**—нынѣ **Владиміръ Волинскій**, уѣздн. г. Вол. губ., прежде повѣтовый городъ Волинскаго воеводства, 160, 189, 261—262, 346, 375, 395, 479, 483, 569, 628.
— Замокъ господарскій, 483.
— Замокъ епископскій, 160.
— Доминикане Володимірскіе, 563.
— Капитула бискупства Володимірскаго, 563.
— Плебанія (ксендзъ-плебанъ Володим. Станиславъ—XV в.), 628.
— Рынокъ, 483.
— Церкви: „столечная епископія Володим.“ св. Пречистой (Успенія), 261.
— Церковь св. Апостоловъ, 524.
— Церковь св. Прокопія, 261, 628. (Ѳеодоръ протопопъ и Н „путь“ (XV в.).
— Церковь св. Пятницы, 628. („путь“ Иванъ—XV в.) и еще: 566, 567, 568.
— Ярмарокъ „на сборъ“. „о зборы“ (въ сборную недѣлю), 375, 395.
— Предмѣстье—Запятничье, 493, 566.
— Урочище Вискупья-Гора, 581, 582.
- Волинская земля и Волинь**, 22, 126, 131, 135, 255, 630, 633.
- Вороново**—нынѣ **Воронова**, дер. Ровенскаго у. близъ м. Тучина, 235, 241.
- Воротневъ**, село Луцкаго у., 495, 496, 508, 510.
- Ворсинъ**—поселеніе, лежавшее гдѣ-то въ нынѣшн. Дубенск. или Луцк. у., 64, 66.

Ворчинъ, дер. Владиміро-Вол. у., 479.

Воютинъ, с. Луцкаго у., 25, 26.

Вышково—нынѣ **Выжговъ**, с. Луцк. у., при р. Стырѣ, 86, 88, 125, 131.

Г.

Гданскъ (Данцигъ), г. въ Пруссіи. Торговля съ нимъ Волынянъ лѣсными товарами, 103.

Гирсоновичи (иначе Орсоновичи), было поселеніе въ нынѣшн. Луцкомъ у., 87, 88.

Гнидава, с. Луцкаго у., близъ самаго города, 66, 610.

Гнѣзна—имѣніе въ Литвѣ, 291.

Годомичи, с. Луцкаго у., 87, 88.

Голузеи—нынѣ с. **Галузія**, Луцкаго у., 214.

Гольши,—вѣроятно, нынѣшній **Гольшовъ**, с. Ровенск. у., 93.

Горбовцы, с. (нынѣ не существующее) въ Кременецкомъ повѣтѣ, 34.

Городище, село, нынѣ дер. Ровенскаго у., 176, 178.

Городно—нынѣ **Гродно**, губ. городъ, 57, 149, 157, 190.

— Сеймъ **Городенскій** 1568 г., 57, 190.

Городонокъ—имѣніе въ Олевской волости, въ нынѣшн. Овручскомъ у., 93, 94, 95.

Горуховъ (нынѣ **Гороховъ**), м. Владиміро-Вол. у., 375, 381, 386, 396, 397, 398, 402, 635.

— **Замокъ**, 636.

Гоща, мѣст. Острожскаго у., 233, 357—359.

— **Замокъ** пановъ **Гойскихъ**, 359.

Гривда, имѣніе **Хребтовичей-Богуринскихъ**; намъ не удалось опредѣлить положеніе этого поселенія, 139.

Гривятно, имѣніе князей **Збаражскихъ**, 154.

Гриновичи—нынѣ **Гридни**, дер. Ковельскаго у., 1.

Грушовно, имѣніе вл. **Суропятовъ**, 103.

Гуляльники—нынѣ **Уляники**, дер. Луцк. у., 258—259, 280.

Д.

Даниловцы, имѣніе въ Брацлавскомъ повѣтѣ, близъ нынѣшн. м. Дашова, 105, 107.

Дашовъ, нынѣ мѣст. Липовецкаго у., 105, 106.

Десятковичи, имѣніе (въ Подляхїи?), 136.

Дегтевъ, дер. Владиміро-Вол. у.; 79.

Динятинъ, с. въ Кременецкомъ повѣтѣ, 12.

Добучины, с. въ Вѣлоруссіи, 5.

Дорогобужъ, дер. Острожскаго уѣзда.

— Монастырь прав., 208. Архимандритъ Тимошей.

Е.

Езерцы, с. Владиміро-Вол. у., 391.

Еловичи—нынѣ **Яловичи**, с. Дубенскаго у., 64, 65, 67.

Ж.

Жабокрики—нынѣ **Жабокрики-Великія**, с. Дубенск. у., 110, 111, 112.

Жасковичи—нынѣ **Зашкевичи**, с. Владиміро-Вол. у., 135—137, 159.

Жидовцы, с. Сквирскаго у., при р. Унавѣ, 488.

Жидичинскій монастырь, близъ г. Луцка; архимандритъ Іона, 90.

Житомиръ, губ. г. Вол. губ., прежде повѣтовый г. Кіевскаго воеводства, 488.

— Замокъ господарскій, 488.

Жолбное—нынѣ **Жолобово**, дер. Луцкаго у., при р. Стырѣ, 584.

Жомойтская земля—**Жмудь**, 237.

Жоравники, село, находившееся въ юго-зап. углу нынѣшняго Владиміро-Вол. у., 196.

З.

Забороль, село Луцкаго уѣзда, 301—302, 304. 610.

Загайцы, с. Кременецкаго у., 34, 429.

Загоровъ, с. Владиміро-Волянск. у., 286—287.

— Монастырь, 622.

- Залучно**, дер. Луцкаго у., 487.
Замличи, с. Владиміро-Вол. у., 163, 164, 165, 166, 226.
— Церковь, 347, 348. Священникъ Андрей Гервасевичъ.
Замостье, уѣздн. г. Люблинской губ., 617.
Запорожье, 441
Затурцы, с. Владиміро-Вол. у., 526, 528.
— Церковь, 527, 528. Священникъ Самсонъ.
Збаражъ, г. въ Галиціи, 77, 78.
Збѣроги, имѣніе въ Берестейск. пов., 68, 69, 70.
Звѣровъ, дер. въ Кременецк. у., 308.
Зденежъ—нынѣ **Озденижъ**, с. Луцкаго у., 31—32.
Зеленицы—с. въ Вол. губ. (болѣе точное опредѣленіе не возможно) 589.
Зимно, с. Владиміро-Вол. у., 297, 417,
— Монастырь, 417. Архимандриты: Андрей, Порфирій.

И.

- Иваничи**, с. Владиміро-Вол. у., 93.
Ивань—нынѣ **Ивани-Пустые**, с. Дубенск. у., 21.
Иква, рѣка въ Вол. губ., правый притокъ Стыра. 21.
Инфлянты—Лифляндія, 66.
Иржищовъ—нынѣ **Ржищевъ**, с. Владиміро-Вол. у., 396.

К.

- Камень**, с. въ Берестейскомъ пов., 322, 323.
Камень-Ноширскій, мѣст. Ковельск. у., 135, 183, 187, 188.
— Замокъ, 183, 187, 188.
— Церковь св. Симеона, 365. Свящ. Леонтій Мартиновичъ.
Каневъ, уѣздн. г. Кіевск. губ., 633.
Качинъ, с. Ковельскаго у., 295.
Киселинъ, мѣст. Владиміро-Вол. у., 74, 613.
Кіевъ, губ. г., 91, 442, 443, 633.
Клеванъ, мѣст. Ровенск. у., 207, 208, 209, 210.
— Церковь св. Михаила, 345. Священникъ о. Иванъ.

- Церковь св. Троицы, 345. Свящ. Трифоній, протопопъ Клеванскій.
Княже, с. Владиміро-Вол. у., 403.
Коблинъ, с. Дубенск. у., 21, 23, 249.
Кобринъ, уѣздн. г. Гродн. губ., 5.
Кобылье, имѣніе Гойскихъ, близъ с. Котова (въ Луцк. или Дуб. у.) 308.
Ковель, уѣздн. г. Вол. губ., 36—38.
Кодня, мѣст. Жытом. у., 523.
Коильно—нынѣ Когильно, с. Владиміро-Вол. у.
— Церковь, 527, 528. Священникъ Евстратій.
Кокоревъ—теперь Старый и Новый—деревня и село Кременецк. у., 12.
Кочичинъ—не есть ли это нынѣшній Кульчинъ, дер. Луцк. у.? 255.
— Сеймъ „князей, пановъ, обывателей земли Волинской“ 1572 г., 255.
Колпытовъ, с. Владиміро-Вол. у., 542, 543, 544, 548, 553, 554.
— Церковь св. Николая, 542, 554. Священникъ Иванъ Терebinскій.
— Урочище Турье-Поле, 544.
Комнатковъ—нынѣ Комнатна, с. Кремен. у., 308.
Конотепы, с. лежавшее гдѣ-то близъ с. Миркова, Владиміро-Вол. у., 386.
Копыль, иначе Копыли, с. Луцкаго у., при р. Стырѣ, 11, 87, 88.
Коростышевъ, мѣст. Радомысльск. у., 444, 446.
Коростятинъ, дер. Ровенск. у., 235, 241.
Корсынъ, поселеніе, лежавшее гдѣ-то въ предѣлахъ Ковельскаго или Луцк. уѣздовъ, 11, 87, 88.
Корытно, с. Дубенскаго у., 3.
Космачовъ, с. Ровенскаго у., 235, 241.
Косово—поселеніе, находившееся гдѣ-то въ южн. части Гродн. губ., 135, 183.
Котелевъ—поселеніе, находившееся близъ с. Яловичъ, Дубенск. уѣзда, 65, 66, 67.
Котельня, мѣст. Житомирскаго у., 487, 488.
Котовъ—нынѣ Котово, дер. Ровенск. у., 308.
Кочкоровецъ, поселеніе, находившееся гдѣ-то въ пын. Луцк. у., 196.
Кошаревъ—нынѣ Косаревъ, с. Дубенск. у., 21.
Коширѣ, иначе Кошерѣ, нынѣ Кошары-Новые и Старые, село и дер. Ковельск. у., 50, 636.

— Замокъ, 50, 636.

Красная-Воля—нынѣ **Красноволя**, дер. Луцкаго у., 235.

Красное, дер., предмѣстье г. Луцка, 28, 35, 263, 265.

Красноселка, дер. Житомирскаго у., 486.

Кременецъ, уѣздн. г. Волынской губ., 79, 430.

— Замокъ господарскій, 424.

Крупая—нынѣ **Крупы**, с. Луцк. у., 308, 633.

— Замокъ, 308, 449.

Кунятково—поселеніе, находившееся близъ нын. с. Бугрина, Острожскаго у., 138.

Курозвоны, дер. Острожскаго у., 85.

Л.

Лавровъ, с. Луцкаго у., 81, 82, 83.

Ладыжичи, с. Радомысльск. у., 419—421.

Лазковъ—нынѣ **Ласковъ**, с. Владиміро-Вол. у., 17, 119, 287, 325, 326, 327, 328.

Лещатовъ, с., 97—100.

Лидуховъ—нынѣ **Ледуховъ**, с. Кременецкаго у., 308.

Линги—поселеніе въ „Жомойтской землѣ“, 237.

Линевка—въ Кобринскомъ повѣтѣ, 117, 119.

Линево, озеро, въ нынѣшн. Дубенск. у., близъ с. Лопавшъ и Хринникъ, 3.

Линовка, с. въ Берестейскомъ повѣтѣ, 325, 326, 327, 328, 331.

— Церковь Воздвиженія Честнаго Креста, 325.

Липники, с. въ Берестейск. повѣтѣ, 322.

Литогощь, с., 87, 89.

Локачи, мѣст. Владиміро-Вол. у., 259.

Лопавши, с. Дубенскаго у., при р. Стырѣ, 3.

— Урочище **Пропастища**.

Лососинъ, въ Литвѣ, въ повѣтѣ Слонимскомъ, 353, 354.

Луцкъ, уѣздн. г. Вол. губ., прежде—главный городъ воеводства Волыняск. и повѣта Луцкаго, 59, 131, 179, 253, 264, 285, 307, 335, 410, 601.

- Замокъ вышній—264, 265, 266, 334, 411, 412, 546, 601.
- Замокъ окольный—413.
- Церковь соборная. I. Богослова, 266, 546.
- Церковь св. Дмитрія, 413. Священникъ Михаилъ.
- Костель кафедральный св. Троицы, 469.
- Ратуша, 475.
- Рынокъ, 169.
- Сеймъ Волынскихъ дворянъ, 126, 131.
- Тюрьма для заключенія преступниковъ, 601.
- Арияне Луцкіе, 485.
- Караимы Луцкіе, 521.

Львовская земля—Галичина, 476.

Львовъ, г. въ Галиціи, бывшій главн. городъ воеводства Русскаго, 485.

— Епископія Галицкая, Львовская и Каменца-Под.—см. Гедеонъ
Болобанъ.

— Арияне Львовскіе и ихъ бискупъ, 485.

Любаши—не есть ли это нынѣшнія **Любахи**, дер. Луцк. у. 308.

Любинъ, дер. близъ г. Ковля, Вол. губ., 36—37.

Люблинъ, губ. г., нѣкогда главный г. воеводства, 489, 529, 624.

— Кляшторъ мнишекъ, 489, 529.

— Костель св. Духа, 489.

— Сеймъ вальный Любельскій въ 1569 г., 175.

Любче, нынѣ **Любча**, с. Луцкаго у., 183, 495, 496, 497, 498,
500, 503, 508, 509, 510, 513.

Ляшни, дер. Владиміро-Вол. у., 97, 98, 99, 100.

М.

Мазовшъ—Мазовецкое воеводство, 312.

Марковичи, село Владиміро-Вол. у., 192, 193.

Межиричъ (Острожскій), м. Острожск. у., 79.

Межиричъ (Корецкій), м. Ровенскаго у., 292, 293, 356.

— Замокъ, 294.

Мельница, мѣст. Ковельскаго у., 123, 124.

Микуличи, с. Владиміро-Вол. у.; церковь—527, 528. Священникъ о. Ілія.
Миловши—нынѣ **Милуши**, дер. Луцк. у., при р. Стырѣ, 130, 131, 132.
Милятинъ, мѣст. Владиміро-Вол. у., 402, 586, 587.

— Замокъ, 586.

Мирковъ, с. Владиміро-Вол. у., 269, 374, 386, 392.

— Церковь, 376, 377. Священникъ о. Стефанъ.

Митровичи, с. въ Галиціи, 197.

Михлинъ, с. Луцк. у., 53, 54, 55, 57.

Млыновъ, мѣст. Дубенскаго у., 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24.

Могилки, урочище (въ XV в.) между сс. Хринниками и Лопавшами,
въ нын. Дубенск. у., 3.

Мозыръ, уѣздн. г. Минск. губ., 46, 47.

Мойсейковичи—нынѣ **Мойсейки**, дер. Радомысльск у., 488.

Москва—Московское государство, 387.

Мошонъ—приселокъ м. Тучина, Ровенск. у., 235, 241.

Мусоры—нынѣ двѣ дер. **Мусоръ-Старый** и **Новый**, Ковельск. у., 72.

Муравица, м. Дубенск. у., 629, 630, 631.

— Замокъ, 630.

Мытища—нынѣ **Мытище**, дер. Луцк. у., 81, 82, 83.

Мышовъ, с. Владиміро-Вол. у., 146.

Н.

Навозъ, деревня Луцкаго у., 87, 88.

Несвижъ (Несвѣжъ), зашт. г. Слуцк. у., Минск. губ., 629.

Несвичъ, село Луцкаго у., 52, 53, 54, 55, 57, 59, 606, 610.

Низъ—Запорожье, 441.

Новое-Село, поселеніе, лежавшее гдѣ-то въ нынѣшн. Луцк. у., 316, 317.

Новоселки, дер. Кременецк. у., 83.

Носачевичи, было поселеніе въ нын. Луцкомъ у., 87, 88, 89.

О.

Овлучимъ—нынѣ **Овлачимъ**, с. Владиміро-Вол. у., 554.

Овручъ, уѣздный гор. Вол. губ.; прежде повѣтовый г. Кіевскаго воеводства, 96, 142, 418.

- Монастырь Заручайскій св. Пречистой, 143.
- Монастырь св. Спаса, 142.
- „Соборъ Овруцкій“ (т. е. духовенство г. Овруча), 142.
- Озеро**—нынѣ **Озеры**, дер. Луцкаго у., 218.
- Озлівъ**, было поселеніе близъ м. Млынова, Дуб. у., 17—24.
- Олевскъ**, м. Овручск. у., 93, 94.
- Олишновичи**, было поселеніе, какъ кажется, въ нынѣшнемъ Луцк. у., 87, 88, 89.
- Олына**, м. Дубенскаго у., 208, 215, 477, 521, 629.
 - Магистратъ, 521.
- Ольшаница**, было село въ нынѣшнемъ Владиміро-Вол. у., 554.
- Омеляникъ**, дер. Луцкаго у., 606, 610, 611.
- Ораны**, дер. Владиміро-Вол. у., 117, 119, 325, 326, 327, 328.
- Орсоновичи** (и Гирсоновичи), было поселеніе, какъ кажется, въ нынѣшнемъ Луцк. у., 87, 88.
- Осенровъ**, дер. Владиміро-Вол. у., 260, 261, 289.
- Осмиговичи**, с. Владиміро-Вол. у., 156, 305, 306.
- Острогъ**, уѣздн. г. Вол. губ., 75, 101, 600, 601.
 - Замокъ окольный, 600.
 - Церковь св. Бориса и Глѣба, 600.
 - Костель, 600.
 - Дворъ францисканцевъ Межирицкихъ, 600.
- Охлоповъ**, с. Владиміро-Вол. у., 368, 373, 386, 387, 388, 391, 393, 394, 396, 397, 400, 403.
 - Церковь (священникъ Карпъ), 376, 377, 381, 390, 392, 395, 398.
- Ощовъ**, с. Владиміро-Вол. у., 394, 411.

II.

- Паньковцы**, с. Кременецкаго у., при р. Горыни, 316—317.
- Пекаловъ**, с. Дубенскаго у., 17—24.
- Перевалы**, с. Владиміро-Вол. у., 79.
- Перемель**, нынѣ **Перемель**, с. Дубенскаго у., 183.
 - Замокъ, 183

Пересопница, дер. Ровенскаго у., 344.

— Монастырь, 344. Игуменъ Кирилло Лясковскій.

Песни, г. въ Вѣлоруссіи, 630, 631.

— Замокъ, 630.

Петрашевичи, было поселеніе, какъ кажется, въ предѣлахъ нынѣшняго Луцкаго у., 87, 88, 89.

Пилявки, —т. е. **Пилява**, мѣст. Литинск. у., 617.

— Разгромленіе польскаго войска Б. Хмельницкимъ, 617.

Пинскъ, уѣздн. г. Минской губ., 267.

Пироговичи, было поселеніе въ Кіевск. воеводствѣ, 488.

Погорѣльцы, было поселеніе близъ м. Млынова, въ нын. Дуб., у., 21.

Поддубцы, с. Луцкаго у., 102, 104.

Подлѣсы—нынѣ **Подлѣсье**, с. Ковельскаго у., 11, 50, 87, 88.

Подляшье—**Подляское** воеводство, 136.

Подрѣжъ—кажется, нынѣшнее **Подрыже**, с. Ковельск. у., 126, 132, 216, 220.

Порванче, деревня Владиміро-Вол. у., 42, 374, 399.

Порыцкъ, м. Владиміро-Вол. у., 343.

— Костель, 347.—Ксендзъ Адамъ Клопотовскій.

Порыцкъ одинъ и другой—нынѣ **Порскъ-Великій** и **Малый**, село и деревня Ковельскаго у., 1.

Посягва, с. Острожскаго у., 92.

Почаевъ,—нынѣ **Почаевъ-Новый** и **П.-Старый**, мѣст. и село Кременецкаго уѣзда, 308.

Приборско—нынѣ **Приборскъ**, с. Радомысльскаго у., 419, 420, 421.

Пропастища, урочище (XV в.) близъ с. Лопавшъ, въ Дубенск. у., 3.

Псковъ, губ. городъ, 387.

— Его осада въ 1582 г., 387.

Птиче, село Дубенскаго у., 412, 413.

Пузовъ, с. Владиміро-Вол. у., 313—314, 479, 480, 481, 483, 484.

Пустомыты, с. Ровенскаго у., 235, 241.

Путятичи, въ Мозырскомъ повѣтѣ, 139.

Пятигорщина, имѣніе землянъ Покотиловъ-Пятигорскихъ (?), 108.

Р.

- Радзиховъ**, с. въ Галиціи, 477.
Радобиль, было село въ повѣтѣ Владимірскомъ, 353—354.
Радовичи, дер. Владиміро-Вол. у., 299—300.
Радомль, с. Кременецкаго у., 357, 358.
Радошинъ, с. Ковельскаго у., 103, 281.
Расники, было поселеніе въ предѣлахъ, кажется, нын. Луцк. у., 308.
Ржищевъ, с. Владиміро-Вол. у., 196.
Роговичи, с. Владиміро-Вол. у., при р. Лугѣ, 121, 122.
Рожища—нынѣ **Рожище**, м. Луцкаго у., при р. Стырѣ, 547.
Романово—нынѣ **Романовка**, м. Сквирскаго у., 488.
Роскопаница-Могила, урочище (XV в.) близъ с. Хринникъ, въ нынѣшнемъ Дубенск. у., 3.
Росновъ—нынѣ **Русновъ**, дер. Владиміро-Вол. у., 163.
Руда, дер. Владиміро-Вол. у., 87, 88.
Ружинъ, с. Ковельскаго у., 121, 144, 145, 452.

С.

- Савчичи**—нынѣ **Савчицы**, дер. Кременецкаго у., 308.
Садни, дер. Острожск. у., 44, 45.
Свержно, имѣніе п. Остиковича (?), 14, 15.
Свинаринъ, с. Владиміро-Вол. у., 260.
Свинюхи, м. Владиміро-Вол. у., 375, 381, 391, 622.
Селець, с. Владиміро-Вол. у., 105, 106, 387.
— Церковь, 376, 377. Священникъ о. Ѳеодосій.
Серны—нынѣ **Шарно**, дер. Овручск. у. (?), 544.
Серховъ, с. Луцкаго у., 25—26.
Склѣнь—нынѣ **Шклинъ**, дер. Луцкаго у., 54, 57.
Снорче—нынѣ **Снурче**, с. Луцкаго у., 497, 508.
Славожичи—было поселеніе, какъ кажется, въ нын. Луцкомъ у., 86, 88.
Слонимъ, уѣздн. г. Гродн. губ., 9.
Смолѣговъ—нынѣ **Смолиговъ**, с. Луцкаго у., 295.
Смордва, с. Дубенскаго у., 21, 91, 202, 205.

- Сморжевъ**, с. Ровенскаго у., 297, 344, 345.
- Смыжалъ**, рѣчка (упомин. въ докум. [XV в.] близъ с. Лопавшъ и Хрипникъ, въ нын. Дубенскомъ у., 3.
- Смыновъ**, дер. Дубенскаго у., 257.
- Сониричи**, село, находилось гдѣ-то близъ г. Луцка, 218.
- Соколь—нынѣ Сокуль**, мѣст. Луцкаго у., 11.
- Сосницы-Великія и Малыя** и еще **Сосны**, поселенія, находившіяся гдѣ-то близъ г. Луцка, 487.
- Ставки**, с. Владиміро-Вол. у., 72.
- Ставокъ**, дер. Ковельскаго у., при р. Туріѣ, 627.
- Ставровъ**, с. Дубенскаго у., 210, 211.
- Старый-Ставъ—нынѣ Староставъ**, предмѣстье м. Горохова (Владиміро-Вол. у.), 398.
- Степанъ**, м. Ровенскаго у., при р. Горыни, 456, 459.
- Староста Богданъ Омеляновичъ.
- Стуга**, поселеніе „въ Литвѣ“, 216.
- Стырь**, рѣка, притокъ Припечи, 3, 65, 267, 474.
- Сускъ**, дер. Ровенскаго у., 11, 83, 86, 89.
- Суходолы**, с. Владиміро-Вол. у., 79, 147—154, 157—158, 162, 340, 347.
- Сѣтовичи**, имѣніе кн. Сокольскихъ въ Бѣлоруссіи, 11.

Т.

- Тавровъ**, было поселеніе въ предѣлахъ нын. Луцк. или Владиміро-Вол. у., 79.
- Теремцы**, дер. Радомысльскаго у., 419, 420, 421.
- Терешковецъ**, с. Владиміро-Вол. у., 403.
- Тесовъ**, с. Острожскаго у., 599.
- Торчинъ**, м. Луцкаго у., 361, 534.
- Тристенъ**, с. Луцкаго у., близъ м. Рожищъ, 201, 316—317.
- Тростенецъ**, с. Луцкаго у., 433, 437.
- Трубецкъ—Трубчевскъ**, уѣздн. г. Орловской губ., 442.
- Туличовъ**, дер. Владиміро-Вол. у.; есть и другая дер. того-же имени въ Ковельск. у., 633.

Турійскъ, м. Ковельскаго у.

— Турійскій повѣтъ (XV в.), 627.

Турна, приселокъ с. Каменя, въ Берестейскомъ повѣтѣ, 322.

Туровъ, м. Мозырск. у., Минской губ., 633.

Турье-Поле, урочище близъ с. Колпнтова, Владиміро-Вол. у., 544.

Тучинъ, м. Ровенскаго у., 90, 235, 236, 239, 241, 242, 243, 248.

— Замокъ, 243, 247, 248, 249.

У.

Угольница, было поселеніе, какъ кажется, въ предѣлахъ нын. Луцкаго у., 87, 88, 89.

Угриновъ, дер. Луцкаго у., 53, 54, 55, 57, 61, 62.

— Церковь. Священникъ Іаковъ, 581.

Ужинець, болото, гдѣ нынѣ с. Ужинець, въ Дубенск. у., 21.

Украина, страна, 615.

Устилугъ, м. Владиміро-Вол. у., 309.

— Церковь св. Юрія, 209. Священникъ Савва Клементовичъ.

Утески, с. на Подольи (?), 103.

Ф.

Фостница—нынѣ села **Великая** и **Малая-Фосня**, Овручск. у., 419—420, 421.

Х.

Хворостовъ, с. Владиміро-Вол. у., 163, 165, 166.

Хмелевъ—нынѣ **Хмелево**, с. Владиміро-Вол. у., 86.

Ходорковъ, м. Сквирскаго у., 441.

— Замокъ пп. Тышей-Быковскихъ, 442.

Хойно, с. въ Холмскомъ повѣтѣ, 617.

Холмъ, уѣздн. г. Люблинск. губ., 74.

Холоневъ, дер. Владиміро-Вол. у., 393, 403.

Холопичи, с. Владиміро-Вол. у., 610.

Холпневъ—нынѣ **Хопневъ**, дер. Луцкаго у., 432, 434, 435, 436, 438

- Церковь; священникъ о. Стефанъ, 440.
Хоровъ, с. Владиміро-Вол. у., 621.
Хотячовъ—нынѣ **Хотешовъ**, с. Ковельскаго у.
— Церковь; священникъ о. Василій, 581.
Хренники—нынѣ **Хриники**, с. Дубенскаго у., при р. Стырѣ, 3.
— Урочища: **Могилки** и **Язвинки** (XV в.), 3.
— **Роскопаница**—могила въ дубравѣ Хренницкой, 3.
— Церковныя нивы (въ XV в.), 3.

Ц.

- Цевовъ**—кажется, нынѣшнее с. **Цегово**, Владиміро-Вол. у., 25—
26, 394.
Цеперовъ, дер. Луцкаго у., 596.

Ч.

- Чать**, имѣніе п. Кирдѣя-Мыльскаго (?), 74—75.
Ченно, с. Дубенск. у., при р. Стырѣ, 64, 65, 66.
Черемошна, рѣчка, притокъ Тетерева, 444.
Чарнасы, уѣздн. г. Кіевск. губ., 633.
Чернично, приселокъ м. Тучина, Ровенск. у., 235, 241.
Чернчичи, с. близъ г. Луцка, на р. Стырѣ, 120, 588.
Четвертня, с. Луцкаго у., при р. Стырѣ, 86, 88, 218, 219, 220, 221.
— Замокъ, 218.
Чолница—поселеніе, находившееся, вѣроятно, въ нынѣшнемъ Луцкомъ
уѣздѣ, 218.
Чорторыйскъ—нынѣ **Черторійскъ**, м. Луцкаго у., при р. Стырѣ, 487.
Чудновъ, м. Житомирскаго у., при р. Тетеревѣ, 447, 448.
— Замокъ, 447, 448.

Ш.

- Шельвовъ**—с. Владиміро-Волинскаго уѣзда, 302, 319—321.
Шепетовка, м. Заславскаго у., 589.

Шостановъ, дер. Ровенскаго у., 40—41.

Шпановъ, дер. Ровенскаго у., 171—172.

Шумбаръ, с. Кременецкаго у., при р. Вили, 13, 29, 34.

— Замокъ, 29, 34.

Щ.

Щуринъ, с. Луцкаго у. 202, 462, 463, 464, 465, 467.

— Церковь, 463.

Щуровичи, с. въ Галиціи, 476.

Я.

Язвинки—урочище близъ с. Лопавшъ и Хренникъ, въ вынѣиномъ
Дубенск. у., 3.

Яровая—вынѣ с. Юрово, Овручскаго у., 139.

Яровица, село, вынѣ предмѣстье г. Луцка, 214, 218, 220, 221, 230.

Ярославичи, с. Дубенскаго у., 169.

Ясеновна, дер. Луцкаго у., 316—317, 464.

Ясеновъ, какъ кажется, то же, что и Ясеновна, 201.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Предисловіе къ актамъ.

- I. Вѣновная запись волынскаго землянина Дмитра Поруцкаго, обеспечивающая приданое жены его Гальшки, дочери п. Грицька Кирдѣвича. Документъ половины XV ст. 1.
- II. Запись волынскаго землянина Волчка Хренницкаго о томъ, что въ обезпеченіе денежной суммы, условленной въ приданое за дочерью его Мариною при выдачѣ ея замужъ за землян. Пашка Посяговецкаго, онъ впредь до уплаты таковой суммы уступаетъ зятю и дочери въ пользованіе имѣніе Лопанши. Опредѣленіе границъ этого имѣнія и условій пользованія имъ. 1472 г., сентября 15. 2.
- III. Вѣновная запись князя Ивана Семеновича Кобринскаго, выданная имъ жентѣ своей княгинѣ Ѳедкѣ, дочери Ивана Рогатинскаго, на сумму 2000 золотыхъ угорскихъ, съ обезпеченіемъ этой суммы на двухъ частяхъ его отчины. 1487 года, января 25, индиктъ 5. 4.
- IV. Грамота Сигизмунда I о подтвержденіи пану Мартину Хребтовичу права опеки надъ дочерью и имѣніями умершаго на мѣстника Брестскаго Сенка Олизаровича съ устраненіемъ вдовы послѣдняго отъ распоряженія этими имѣніями. Основаніемъ такому праву служило то обстоятельство, что сынъ Хребтовича Богданъ, не достигшій совершеннолѣтія, былъ сосватанъ съ означенной дочерью Олизаровича. 1507 года, декабря 28, индиктъ 10. 5.
- V. Королевскій декретъ по дѣлу о приданомъ княжны Ганны Васильевны Полубенской, бывшей въ замужествѣ за княземъ Александромъ Андреевичемъ Сангушковичемъ-Коширскимъ. и потомъ разведенной съ нимъ. 1534 года, марта 12, индиктъ 7. 6.

VI. «Судовый листъ» кievскаго митрополита Макарія по дѣлу объ отказѣ землянки Юражиной выдать въ замужество за князя Богдана Пузыну дочь свою Ѳедю, раньше уже „змовленную“ и „зарученную“ съ нимъ. 1536 года, генваря 11. 8.

VII. Запись князя Солтана Михайловича Сокольскаго, выданная имъ женѣ своей Оленѣ Коптевиѣ въ дополненіе къ первоначальному вѣновному ея листу, съ обозначеніемъ тѣхъ имѣній, какія должны перейти ей въ вѣно въ случаѣ ея вдовства. 1538 г., августа 16. 10.

VIII. Запись волинскаго землянина Боговитина Петровича Шумбарскаго и его жены, выданная ихъ зятю Яну Богдановичу Загоровскому на право владѣнія имѣніями Кокоревымъ и Динятиномъ впредь до уплаты ему трехсотъ копъ грошей, обѣщанныхъ ими въ приданое за свою дочь. 1538 года, ноября 6. . . . 12.

IX. Дарственная запись, выданная п. Миколаемъ Юрьевичемъ Остиковичемъ женѣ своей, княжнѣ Ганнѣ Романовнѣ Любецкой, на имѣніе с. Свержно, въ благодарность за супружескую любовь ея, а равно и за то, что она, не будучи еще женой Остиковича, ссужала его деньгами и дѣлала ему разнаго рода цѣнные подарки. 1546 г. октября 10. 14.

X. Дарственная запись п. Яна Якубовича Монтовта-Коблинскаго въ пользу малолѣтней дочери своей Ганны на имѣніи с. Млыновъ съ приселками, выданная въ видѣ удовлетворенія отчасти за дурное обращеніе его съ женою, а главнымъ образомъ за нарушеніе имъ предбрачнаго условія, по которому означенная дочь должна была быть окрещенной въ вѣру матери, т. е. въ православіе; объясненіе п. Монтовта относительно побужденій, въ силу которыхъ онъ рѣшился окрестить дочь по католическому обряду. 1547 г., августа 22. 16.

XI. Вѣновная запись земнина Ѳедора Воютинскаго, выданная имъ новобрачной женѣ своей Оленѣ Промчейковичевой-Деревянецкой въ обезпеченіе приданого и въ награду за сохраненіе цѣломудрія. 1551 года, мая 12. 24.

XII. Предбрачная вѣновная запись, выданная п. Михайломъ Боговитиномъ-Шумбарскимъ невѣстѣ своей, паннѣ Ганнѣ Олехновнѣ Борзобогатовнѣ, въ обезпеченіе обѣщаннаго за нею приданого. 1552 г. февраля 27. 27.

XIII. Вѣновная запись, выданная п. Василиемъ Михайловичемъ Семашкомъ своей женѣ Оленѣ Есифовичевой въ обезпеченіе ея приданого. 1554 года, іюня 29. 30.

XIV. Дарственная запись п. Михаила Боговитина-Шумбарскаго на значительную денежную сумму, выданная имъ въ пользу своей жены Ганны Борзобогатовны въ награду за вѣрную супружескую любовь и изъ желанія имущественно обезпечить ея положеніе на случай его смерти. 1557 годя, іюня 1. 33.

XV. Вѣновная запись п. Ѳедора Бѣлинскаго, выданная имъ женѣ своей Ганнѣ изъ Парцова въ обезпеченіе принесеннаго ею приданого. 1559 года, февраля 20. 36.

XVI. Вѣновная запись, выданная п. Михайломъ Шостаковскимъ своей женѣ Настасьи Бронницкой въ обезпеченіе внесеннаго ею приданого. 1560 г., февраля 5. 39.

XVII. Декретъ Луцкаго замковаго суда по жалобѣ землянина Ивана Ставецкаго на свою тещу Татьяну Порванецкую объ удержаніи обѣщаннаго за ея дочерью приданого. 1561 года, марта 21. 42.

XVIII. Дарственная запись землянки Ганны Добринской на третью часть родовыхъ ея имѣній, выданная ею мужу своему Андрею Добринскому въ благодарность за его любовь и попеченіе о ней. 1562 года, генваря 16. 43.

XIX. I. Жалоба землянина Михайла Лабунскаго о томъ, что его жена Марья Гулевичевна въ его отсутствіе уѣхала изъ дому, забравъ цѣнное имущество, и отказывается возвратиться къ жалобщнику. 1563 года, февраля 23. 46.

II. Жалоба жены Лабунскаго о томъ, что мужъ наносилъ ей частые побои, отобралъ ея имущество, вынуждалъ отъ нея въ свою пользу дарственную запись на ея вѣно и приданое и грозилъ въ случаѣ отказа взвести на нее позорное обвиненіе въ нарушеніи супружеской вѣрности. 1563 г., марта 31. 47.

XX. Условіе, заключенное княземъ Александромъ Андреевичемъ Сангушковичемъ Коширскимъ съ княземъ Александромъ Ѳедоровичемъ Чорторыйскимъ, воеводою Волынскимъ, по которому сынъ перваго, князь Левъ, имѣлъ вступить въ бракъ съ дочерью послѣдняго, княжною Мариною, съ назначеніемъ срока свадьбы черезъ три года. 1563 года.—Жалоба князя Чорторыйскаго о нарушеніи княземъ Сангушковичемъ означеннаго условія. 1564 г., марта 7 48.

XXI. Жалоба землянина Януша Угриновскаго объ уклоненіи землянина Ильяша Несвѣцкаго отъ исполненія условія, заключеннаго имъ первоначально съ отцемъ жалобщика, а затѣмъ вторично съ нимъ самимъ относительно выдачи въ замужество за него дочери своей Богданы. Донесеніе вижа о врученіи имъ п. Несвѣцкому урядоваго «напоминальнаго листа» по этому дѣлу и о рѣшительномъ его отказѣ выдать дочь за п. Угриновскаго. Свидѣтельство того же вижа относительно приготовленій, сдѣланныхъ Угриновскимъ къ несостоявшейся свадьбѣ. 1563 г., октября 5. 51.

II. Декретъ Луцкаго земскаго суда по означенной жалобѣ. 1568 года, августа 28. 56.

XXII. Духовное завѣщаніе князя Якова Васильевича Крокотки-Еловицкаго, въ которомъ онъ, между прочимъ, обезпечиваетъ вѣно своей жены, такъ какъ она при выходѣ замужъ не получила отъ него обычной вѣнковой записи. 1564 года, марта 18. . 63.

XXIII. Заявленіе землянина Брестскаго повѣта Василя Збѣрожскаго о томъ, чѣмъ онъ обязывается обезпечить вѣно новобрачной женѣ своей, дочери Волынскаго землянина Галенѣ Бокіевнѣ. Заявленіе это должно было временно замѣнить собою установленную вѣнковую запись, каковую Збѣрожскій обязывается выдать впоследствии и внести ее въ акты книги своего повѣта. 1564 г., мая 18. 68.

XXIV. Запись п. Марьи Борзобогатовны Красенской объ условіяхъ добровольнаго расторженія брака ея съ п. Яцкомъ Добрыльчицкимъ, съ предоставленіемъ обѣимъ сторонамъ права вступленія въ новые брачные союзы. Поводъ къ разводу—несогласная жизнь супруговъ. Судьба дѣтей. 1564 г., мая 27. . . . 70.

XXV. Соглашеніе, заключенное передъ третейскимъ судомъ между маршалкомъ королевскимъ Петромъ Кирдѣемъ-Мыльскимъ и его зятемъ Янушемъ Крупскимъ, подчашимъ Холмскимъ, по которому жена послѣдняго Маруша Кирдѣевна имѣла оставаться въ домѣ отца, вмѣстѣ съ своимъ приданымъ, до того времени, пока мужъ ея, согласно предбрачному условію, совершитъ законнымъ порядкомъ вѣнковую запись и вручитъ ее тестю. 1564 года, іюня 14 73.

XXVI. I. Предбрачное условіе, заключенное п. Василиемъ Петровичемъ Загоровскимъ съ княземъ Николаемъ Андреевичемъ

Збаражскимъ, старостою Кременецкимъ, относительно женитьбы его на дочери послѣдняго, княжѣ Маринѣ. 1564 года, іюля 10.

II. Вѣновная запись того же п. Загоровскаго, въ которой онъ обезпечиваетъ женѣ своей, княжнѣ Маринѣ Збаражской, денежную сумму, вдвойнѣ превышающую стоимость ея приданого. 1566 года, февраля 12. 76.

XXVII. Заявленіе вдовы князя Богуша Любецкаго Ганны Монтовтовны о томъ, что она по своей волѣ и желанію выходитъ замужъ за князя Василя Солтановича Сокольскаго. 1564 года, сентября 26. 80

XXVIII. Дарственная запись землянки Олены Патрикѣевой-Курозвонской на третью часть родовыхъ ея имѣній, выданная ею мужу своему Ивану Патрикю Курозвонскому въ благодарность за любовь и попеченіе. 1564 года, ноября 10. 81.

XXIX. Дарственная (вмѣсто вѣновной) запись землянина Ивана Патрикія-Курозвонскаго женѣ своей Оленѣ Цатиной на денежную сумму съ обезпеченіемъ послѣдней на третьей части имѣнія дарителя. 1564 года, ноября 20 84.

XXX. Дарственная запись княгини Ганны Масальской на свои родовыя имѣнія, выданная мужу ея князю Андрею Петровичу Масальскому въ благодарность за супружескую любовь и попеченія. 1564 г., декабря 1 86.

XXXI. Жалоба воротнаго замка Лудцаго Войтеха Красовскаго отъ имени родственницы своей Ганны Яцковны о томъ, что мужъ ея, землянинъ Ѳеодоръ Хомякъ-Смордовскій удалилъ ее, беременную, изъ своего дома, забравъ ея приданое. Донесеніе вознаго, что урядникъ п. Хомяка, по его приказу, не пустилъ Ганны въ домъ ея мужа, именуя ее не женою, а кухаркою своего пана. 1564 года, декабря 12. 91.

XXXII. Предбрачное условіе, заключенное п. Иосифомъ Немиричемъ съ нареченнымъ и обрученнымъ зятемъ своимъ, земляникомъ Лазаремъ Иваницкимъ относительно выдачи за него въ замужество своей дочери, срока вѣнчанья и свадьбы и приданого. 1565 г., марта 21.—Жалоба со стороны жениха о неисполненіи п. Немиричемъ означеннаго условія. 1566 г., іюля 11 93.

XXXIII. Дарственная запись п. Галены Крушовой на родовыя имѣнія, движимость и суммы денежные, выданная ею мужу сво-

ему въ знакъ искренней любви къ нему и признательности за такую же любовь съ его стороны. 1565 года, мая 7. 96.

XXXIV. Духовное завѣщаніе землянина Романа Гулевича, по которому онъ предоставляетъ женѣ своей право полного распоряженія его имѣніемъ Радошинымъ впредь до совершеннаго возраста ихъ сыновей, съ обязательствомъ изъ доходовъ означеннаго имѣнія собрать дочерямъ приданое. 1565 года, іюня 12. . . 102.

XXXV. Вѣнковая запись землянина Остафія Короваевича-Селецкаго, въ которой онъ, изъ особой любви къ женѣ, записываетъ ей вѣно (въ двойной суммѣ противъ приданнаго) на двухъ частяхъ всѣхъ имѣній, какія имѣеть или впредь имѣть будетъ, а третью часть тѣхъ же имѣній, равно какъ и всю движимость, записываетъ ей въ даръ съ правомъ полной собственности. 1565 года, іюня 24 . . . 104.

XXXVI. Духовное завѣщаніе землянина Ивана Жабокрицкаго, въ которомъ онъ, желая обезпечить положеніе своей жены послѣ его смерти, не только во всемъ подтверждаетъ раньше записанное ей вѣно на третьей части его родового имѣнія, но еще даритъ ей все движимое имущество и сверхъ того ей одной поручаетъ опеку надъ дѣтьми и полное распоряженіе его имѣніемъ, предоставляя ей право, по достиженіи всѣми дѣтьми совершеннолѣтія, распредѣлить между ними это имѣніе по своему усмотрѣнію. 1565 года, августа 6. 109.

XXXVII. I. Дарственная запись землянки Ганны Воронянки Сокоровой, въ которой она, изъ чувства глубочайшей любви къ своему мужу п. Григорію Сокору и признательности за такую же любовь съ его стороны, записываетъ ему въ даръ свое приданое и все то, чѣмъ она лично владѣеть или впредь владѣть будетъ. 1565 года, октября 30. 112.

II. Такого же содержанія дарственная запись п. Григорія Сокора своей женѣ. 1565 года, октября 30. 115.

XXXVIII. Вѣнковая запись зем. Лаврентія Оранскаго, выданная имъ своей женѣ Марьи, дочери зем. Семена Ласковича-Черничкаго. 1566 г, мая 2. 117.

XXXIX. Жалоба княгини Настасьи Ружинской о томъ, что дочь ея княжна Катерина самовольно, безъ вѣдома матери, вышла замужъ за «нѣякого» Яна Панковскаго и вмѣстѣ съ нимъ отняла у жалобщицы имѣніе въ с. Роговичахъ. 1566 года, іюля 15. . . 121.

XI. Дѣло о замужествѣ Богданы Семашковны:

1. Условіе, заключенное Владимірскимъ подкоморіемъ Александромъ Семашкомъ съ Мельницкимъ старостою Григоріемъ Воловичемъ относительно выдачи опекаемой Семашкомъ двоюродной сестры своей Богданы Васильевны Самашковны въ замужество за сына Воловича. Срокъ свадьбѣ назначается черезъ пять лѣтъ послѣ заключенія предбрачнаго условія. 1566 года, іюля 12. 122.

2. Протоколъ рѣшенія Луцкаго гродскаго суда (съ участіемъ почетнѣйшихъ обывателей Волынскаго воеводства) о дозволеніи Богданѣ Семашковнѣ, согласно ея личному желанію и дозволенію со стороны ея матери и опекуновъ, выйти замужъ за князя Януша Матвѣевича Четвертенскаго, не взирая на то, что ея двоюродный братъ Александръ Семашко, считая себя ея опекуномъ, противился этому браку и самовольно сговорилъ ее раньше за п. Григорія Воловича. 1569 года, мая 10. 125.

3. Донесеніе вознаго, ѣздившаго къ п. Александру Семашку съ приглашеніемъ пожаловать на свадьбу его сестры Богданы Семашковны. Отвѣтъ Семашка. 1569 года, мая 10. 130.

4. Донесеніе вознаго объ отказѣ Александра Семашка возвратить своей сестрѣ Богданѣ родовыя ея имѣнія. 1569 года, мая 20 132.

XLI. Жалоба отъ имени землянки Марины Мелешковны о томъ, что мужъ ея землянинъ Проконъ. Волчко-Жасковскій держалъ ее въ заключеніи, морилъ голодомъ и холодомъ, часто подвергалъ побоямъ и истязаніямъ, вынуждалъ отъ нея выдачу бракоразводной записи и наконецъ, мѣсяць спустя послѣ брака, приказалъ отправить ее къ матери, удержавъ у себя все приданое. 1567 года, марта 24. 134.

XLII. Вѣнковая запись п. Семена Хребтовича-Богуринскаго, выданная имъ своей женѣ Раинѣ, дочери п. Андрея Ивановича Русина-Берестецкаго. 1567 года, мая 22. 138.

XLIII. Духовное завѣщаніе подстаросты Винницкаго Андрея Ѳедоровича Ельда, въ котромъ онъ, озабочиваясь судьбой остающейся послѣ него молодой жены и еще не родившагося потомка, подтверждаетъ ея вѣно и записываетъ ей въ даръ все свое движимое имущество. 1567 года, іюня 8. 140.

XLIV. Донесеніе вознаго о переговорахъ п. Станислава Даменскаго съ княгинею Марьей Ружинскою и ея сыновьями по дѣлу сватовства его съ княжною Ганною Ружинскою. 1567 года, ноября 13. 144.

XLV. Документы, относящіеся къ дѣлу о разводѣ Василя Загоровскаго съ первую женою его, княжною Марьей (она же Марина) Збаражскою:

1. Донесеніе вознаго о томъ, что урядникъ п. Василя Загоровскаго, по его приказу, не дозволилъ княгинѣ Аннѣ Збаражской видѣться съ ея падчерицею, княжною Марьей Збаражскою, женою п. Загоровскаго. 1567 года, іюни 7. 147.

2. Жалоба урядника п. Василя Загоровскаго о вооруженномъ нападеніи князя Николая Збаражскаго на дворъ Загоровскаго въ с. Суходолахъ и увозѣ его жены. Перечень пограбленнаго при этомъ имущества. Дознаніе вознаго. 1567 года, іюля 17. 148.

3. Заявленіе князя Николая Збаражскаго о томъ, что онъ не дѣлалъ никакого наѣзда на дворъ своего зятя Василя Загоровскаго, а былъ тамъ для свиданія съ дочерью, женою Загоровскаго, и взялъ ее съ собою потому, что она слезно просила о томъ, жалуюсь на дурное обращеніе съ нею мужа. Подтвержденіе этого заявленія со стороны вознаго. Личная жалоба княжны Марины Збаражской на тиранство мужа и вынужденіе отъ нея дарственной записи на ея материнскія имѣнія. 1567 года, іюля 18. 152.

4. Заявленіе князя Николая Збаражскаго о беременности его дочери, жены Василя Загоровскаго. 1567 года, августа 3. . 155.

5. Донесеніе вознаго о томъ, какъ происходилъ разборъ пріятельскимъ судомъ дѣла по обвиненію Василіемъ Загоровскимъ своего тестя князя Николая Збаражскаго въ наѣздѣ на его дворъ, грабежѣ имущества и увозѣ жены. 1568 года, марта 19. . . . 156.

6. Заявленіе Василя Загоровскаго о прекращеніи начатаго имъ въ судѣ дѣла по обвиненію князя Николая Збаражскаго въ наѣздѣ на его имѣніе, грабежѣ имущества и увозѣ его жены. 1568 года, апрѣля 1. 157.

7. Заявленіе Василя Загоровскаго о данномъ ему со стороны тестя его князя Николая Збаражскаго обѣщаніи возвратить ему свою дочь, жену заявителя. Донесеніе вознаго о томъ, что Загоровскій въ назначенный срокъ, въ сопровожденіи своихъ пріате-

лей, ѣздилъ за женою къ князю Збаражскому, но послѣдній не исполнилъ даннаго зятю обѣщанія. 1568 года, мая 17. . . . 158.

8. Донесеніе вознаго о томъ, что князь Николай Збаражскій, чрезъ пріятеля своего князя Войну Воролицкаго, представилъ владимірскому епископу Феодосію объясненіе причинъ, по которымъ онъ не могъ въ назначенный срокъ представить къ духовному суду своей дочери княжны Марины по дѣлу ея съ мужемъ, Василиемъ Загоровскимъ; на что епископъ объявилъ, что вслѣдствіе неявки и непослушанія отвѣтчицы онъ выдалъ декретъ, коимъ освободилъ Загоровскаго отъ брака съ нею. 1568 года, августа 30. . . . 160.

9. Донесеніе вознаго о врученіи княжною Марушей (она же Марина) Збаражской бывшему ея мужу Василию Загоровскому урядоваго напоминальнаго листа о томъ, чтобы онъ возвратилъ ея приданое и материнскія ея имѣнія. 1568 года, сентября 16. 161.

10. Жалоба Василя Загоровскаго на князя Януша Збаражскаго и его сестру княжну Марину, бывшую жену жалобщика, о вооруженномъ захватѣ его двора въ с. Замличахъ и имѣній Войковичъ и Хворостова. Перечень заграбленнаго имущества. Донесенія возныхъ по означенному дѣлу. 1568 года, сентября 22. . . 162.

11. Заявленіе Василя Загоровскаго о томъ, что онъ добровольно возвратилъ бывшей своей женѣ княжнѣ Маринѣ Збаражской материнскія ея имѣнія, которыя она раньше записала ему въ даръ и въ заставу, и уничтожилъ самыя записи. 1568 года, ноября 10. . . . 167.

12. Заявленіе княжны Марины Збаражской о томъ, что она признаетъ недѣйствительною занесенную ею раньше жалобу на бывшаго ея мужа Василя Загоровскаго, будто онъ вынуждалъ отъ нея записи на ея материнскія имѣнія и «справилъ» таковыя безъ ея воли. 1568 года, ноября 10. . . . 168.

XLVI. Жалоба п. Ивана Болды объ отказѣ боярина Саввы Кондратовича отъ даннаго имъ обѣщанія выдать дочь свою въ замужество за сына жалобщика. Донесеніе вознаго о личныхъ переговорахъ п. Болды съ Кондратовичемъ по настоящему дѣлу и о наложеніи на послѣдняго «заруки» въ сто копъ грошей за нарушеніе слова. 1568 года, февраля 8. . . . 169.

XLVII. Заявленіе землянина Ивана Шпаковского о томъ, ка-

кимъ способомъ онъ обязался обезпечить вѣно своей невѣстки— вдовы его брата, не успѣвшаго при жизни выдать ей вѣнковой записи и не оставившаго духовнаго завѣщанія. 1568 г., августа 18. 170.

XLVIII. 1. Письмо п. Ивана Городищскаго къ п. Андрею Бабинскому съ изъявленіемъ согласія на бракъ своего сына Ивана съ дочерью послѣдняго Катериной и вмѣстѣ съ увѣдомленіемъ, что такъ какъ сынъ этотъ, по несовершеннолѣтію его младшаго брата, пока не получилъ еще своей наслѣдственной части въ родовыхъ имѣніяхъ, то онъ даетъ ему позволеніе записать вѣно своей невѣстѣ на третьей части имѣній, какія въ будущемъ достанутся ему по раздѣлу съ братомъ. 1569 г., 7 февраля.—2. Вѣнковая записъ п. Ивана Городищскаго (сына), выданная имъ по вобрачной женѣ своей на основаніи означеннаго дозволенія со стороны его отца. 1569 г., февраля 9. 174

XLIX. Донесеніе вознаго о томъ, что вдова князя Василія Солтановича Сокольскаго Ганна Монтовтъ, спрошенная своимъ деверемъ княземъ Маркомъ Сокольскимъ: не выходитъ ли она замужъ за п. Ледницкаго по его, Сокольскаго, уговору или принужденію,—отвѣтила, что она вступаетъ въ бракъ съ Ледницкимъ по своей доброй волѣ и съ согласія отца, и что князь Сокольскій не въ правѣ удержать ее отъ того, хотя бы и желалъ это сдѣлать; если же онъ жалѣетъ бочки меду и хлѣба, что сѣдятъ гости на свадьбѣ, то она можетъ то и другое достать у друзей своего будущаго мужа. 1569 года, февраля 22. 179.

L. Донесеніе вознаго о врученіи кіевскимъ мѣщаниномъ Яцкомъ Евфимовичемъ судебного позва п. Василию Коледѣ по обвиненію его въ томъ, что онъ, вступивъ въ бракъ съ матерью Евфимовича Богданою, бросилъ ее, забравъ ея имущество. 1569 года, марта 23. 181.

LI. Записъ княгини Ганны Сангушковой-Коширской, урожд. Остиковичевой, въ которой она, руководимая чувствомъ горячей любви къ мужу своему, князю Льву Александровичу Сангушку-Коширскому, и сердечной признательности къ нему за вѣрную любовь и усердную заботливость объ ея здоровьи, даритъ его своимъ вѣномъ, имъ же самимъ ей записаннымъ, въ суммѣ 17,200 копѣ грошей литовскихъ. 1569 года, мая 11. 182.

LII. Жалоба Кобринскаго землянина Щаснаго Верещакі о

томъ, что землянинъ Волянскій Богданъ Дрозденскій, сговоривъ за себя дочь жалобщика Ганну и заключивъ съ нимъ предбрачное условіе, уклоняется отъ вступленія съ нею въ бракъ. 1569 г., сентября 9. 190.

LIII. Духовное завѣщаніе землянина Павла Черневскаго, которымъ онъ обезпечиваетъ положеніе своей жены, въ любви и добромъ согласіи прожившей въ бракѣ съ нимъ долгіе годы и не имѣвшей отъ него вѣнковой записи. 1569 года, сентября 19. . . 191.

LIV. Вѣнковая запись п. Василя Жоравницкаго, выданная имъ своей невѣстѣ, дочери Львовскаго стольника Ганнѣ Печихвостской, въ обезпеченіе полученнаго за нею приданаго. 1569 г., ноября 13. 195.

LV. Дарственная запись землянки Настасьи Павловичевой, выданная ею мужу своему п. Василию Павловичу на вѣно, отъ него же ей записанное. 1569 года, ноября 22. 197.

LVI. Вѣнковая запись князя Станислава Вороницкаго, выданная имъ женѣ своей Ганнѣ Хомяковнѣ въ обезпеченіе (въ двойной сумѣ, т. е. съ «привѣнкомъ») ея приданаго. 1570 г., генваря 20. 200.

LVII. «Обрадованный листъ» князя Станислава Вороницкаго, по которому онъ новобрачной женѣ своей Ганнѣ Хомяковнѣ, въ награду за сохраненіе ею цѣломудрія, записываетъ въ даръ, независимо отъ вѣна, двѣсти червонцевъ угорскихъ. 1570 г., генваря 23 203.

LVIII. Предбрачное условіе п. Василя Петровича Загоровскаго, заключенное имъ съ княгинею Ганною Чорторыйскою относительно его женитьбы на дочери ея, княжнѣ Катеринѣ. 1570 года, марта 30.—Заявленіе княгини Чорторыйской о неявкѣ п. Загоровскаго къ условленному дню для совершенія брака. 1570 года, октября 17 205.

LIX. Заявленіе п. Василя Загоровскаго о томъ, что онъ по причинѣ болѣзни не можетъ къ опредѣленному сроку прибыть въ м. Клевань для вступленія въ бракъ съ княжною Катериною Ивановною Чорторыйскою. Донесеніе вознаго, посылапнаго съ извѣщеніемъ о томъ къ матери невѣсты, княгинѣ Ганнѣ Чорторыйской. 1570 года, октября 18 209.

LX. Заявленіе князя Якова Андреевича Четвертенскаго объ условіяхъ предбрачнаго договора, заключеннаго имъ съ матерью его невѣсты п. Богданю Горановою. 1570 года, іюня 19 . . . 211.

LXI. Вѣновная запись князя Якова Четвертенскаго, выданная имъ жемѣ своей Ганнѣ Горайновой въ обезпеченіе принесеннаго ею приданнаго. Обязательство мужа относительно возвращенія приданнаго родственникамъ жены въ случаѣ бездѣтной ея смерти. 1570 года, ноября 12. 213.

LXII. Запись княжны Ганны Матвѣевны Четвертенской объ условіяхъ миролюбиваго соглашенія ея съ невѣсткою, вдовою по умершемъ братѣ ея князѣ Янушѣ, княгинею Богданою Четвертенскою, относительно обезпеченія вѣна послѣдней, совмѣстной уплаты долговъ покойнаго и раздѣла родовыми его имѣніями. 1570 года, іюня 27 215.

LXIII. Заявленіе, подтвержденное формальною записью, п. Богдана Хренницкаго и новобрачной жены его, княжны Олены Андреевны Козѣчанки, о полученіи ими сполна приданнаго отъ брата послѣдней, князя Дмитрія Козѣвки и о формальномъ отреченіи ея отъ наслѣдственныхъ правъ на четвертую часть родовыхъ имѣній. 1570 года, октября 24. 223.

LXIV. Жалоба подсудка земскаго Владимірскаго Гаврила Яковickaго на жениха своей дочери п. Григорія Киселя о неавкъ въ условленный срокъ для совершенія брака. 1570 года, ноября 7. 226.

LXV. Дарственная запись п. Богданы Семашковны мужу своему п. Григорію Воловичу на вѣно, записанное ей первымъ ея мужемъ, княземъ Янушемъ Четвертенскимъ; мотивъ этого дара: любовь къ мужу и желаніе слиться съ нимъ въ одно не только лично, но и имущественно. 1571 года, февраля 26. 229.

LXVI. Дарственная запись п. Катерины Басарабовны, по которой она, изъ любви къ мужу своему п. Мартину Прусинскому и признательности за его вѣрную къ ней любовь, дарить ему все движимое свое имущество. 1571 года, апрѣля 29. 231.

LXVII. Дѣло о замужествѣ княжны Маріи Масальской.

1. Княгиня Ганна Масальская обязывается въ условленный срокъ выдать дочь свою княжну Марію Андреевну въ замужество за п. Константина Еловича Малинскаго. День свадьбы отсроченъ болѣе нежели на годъ послѣ сговора. 1571 года, іюня 27 . . . 234.

2. Дарственная запись княгини Ганны Масальской нареченному зятю своему Константину Еловичу-Малинскому на все движимое и недвижимое свое состояніе, въ томъ числѣ и на вѣно,

записанное ей умершимъ мужемъ ея, княземъ Андреемъ Петровичемъ Масальскимъ, а равно и на тѣ имѣнія, которыя перешли бы въ ея руки въ случаѣ смерти дочери—невѣсты п. Еловича-Малинскаго. 1571 года, іюля 12, 237.

3. Константинъ Еловичъ-Малинскій обязывается въ назначенный срокъ взять за себя въ замужество княжну Марію Масальскую и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ знакъ признательности къ будущей тещѣ за то, что она, еще до свадьбы, записала ему въ даръ все свое состояніе, предоставляетъ княгинѣ Ганнѣ Масальской право пожизненнаго пользованія нѣкоторыми изъ подаренныхъ ею имѣній, съ извѣстными, впрочемъ, ограниченіями. 1571 года, іюля 26 . 240

4. Жалоба Константина Еловича-Малинскаго о томъ, что въ его отсутствіе п. Александръ Семашко (сводный братъ княжны Маріи Масальской), силою овладѣвъ Тучинскимъ замкомъ, похитилъ жену жалобщика и держитъ ее у себя въ суровомъ заключеніи. Перечень пограбленнаго при томъ имущества, приданнаго княжны Масальской. 1573 года, февраля 21 243.

5. Константинъ Еловичъ-Малинскій и его жена княжна Масальская жалуются, что Семашко, держа послѣднюю въ тяжкомъ заключеніи и угрожалъ насильственно выдать ее замужъ за своего «машталѣра», вынудилъ отъ нихъ уступочную запись на третью часть родовыхъ имѣній княжны Масальской и принудилъ ихъ къ вторичному совершенію брака. 1573 года, сентября 3. . 247.

6. Княжна Масальская уничтожаетъ выданную на ея имя Константиномъ Еловичемъ Малинскимъ дарственную запись на 800 копѣ грошей лит., такъ какъ запись эта была вынуждена отъ него п. Семашкомъ, помимо ея воли и желанія, и удержана послѣднимъ у себя. 1576 года, іюля 19. 251.

LXVIII. Заявленіе предъ городскимъ урядомъ п. Дмитра Рогозенскаго и его жены о томъ, что они отдаютъ дочь послѣдней Варвару Угриновскую въ замужество за п. Яна Ворону съ ея личнаго на то согласія. Такое же заявленіе жениха и невѣсты о томъ, что они вступаютъ въ бракъ по доброй волѣ и личному желанію. 1572 года, генваря 23. 254.

LXIX. Дарственная запись п. Андрея Олизаровскаго новобрачной женѣ его Оедорѣ Бѣлостоцкой на все движимое его имущество, въ награду за ея любовь къ нему и цѣломудріе. 1572 года, октября 19. 255.

LXX. Запись землянки Маріи Гуляльницкой о томъ, что, проживъ немалое время въ замужествѣ за земляниномъ Яцкомъ Гуляльницкимъ въ любви и согласіи и не имѣя отъ него ни вѣнковой, ни другой какой-либо записи въ обезпеченіе ея приданого, она и впредь освобождаетъ мужа отъ выдачи ей вѣнковой записи и навсегда отрекается отъ всякихъ правъ на ту часть его имѣній, которую должна была бы получить отъ него въ вѣно. 1572 года, ноября 15. 257.

LXXI. Жалоба епископа Владимірскаго Феодосія Лазовскаго о томъ, что землянинъ Мануйло Болобанъ, будучи пьянымъ, жестоко избилъ и затѣмъ прогналъ изъ дому свою жену Марухну, внучку жалобщика, удержавъ ея имущество. 1572 года, ноября 21. 260.

LXXII. Донесеніе возваго о врученіи п. Мануйлу Болобану позва къ духовному суду по дѣлу о „непристойномъ и нерядномъ“ сожительствѣ его съ женой. 1572 года, декабря 5. 261.

LXXIII Дѣло о разводѣ Семена Хребтовича-Богуринскаго и Раины Русиновны.

1. Жалоба п. Андрея Русина-Берестецкаго, нареченнаго владыки Пинскаго и Туровскаго, о томъ, что когда онъ, вмѣстѣ съ дочерью своею Раиною и зятемъ Семеномъ Хребтовичемъ-Богуринскимъ, прибылъ въ Луцкъ съ тѣмъ, чтобы, согласно предварительному между ними соглашенію, Хребтовичъ и его жена формально, передъ урядомъ, заявили о своемъ рѣшеніи расторгнуть брачный союзъ и „вызволили“ бы другъ друга „въ малженства“, то Хребтовичъ, не довольствуясь раньше принятыми условіями развода, сталъ домогаться отъ своей жены какой-то новой, обидной для ея чести записи, и получивъ отказъ, затѣялъ ссору въ присутствіи суда и нанесъ побои жалобщику и его дочери. 1572 года, апрѣля 14. 262.

2. Жалоба Раины Русиновны о томъ, что мужъ ея Семенъ Хребтовичъ-Богуринскій, возилъ ее въ Берестечко на сеймикъ Волынскій, чтобы тамъ развестись съ нею, и не учинивъ съ нею никакого „постановленія“, бросилъ ее тамъ, строго запретивъ ей возвращаться къ нему и именоваться его женою. 1573 года, марта 25. 268.

3. Заявленіе Раины Русиновны, что она являлась въ срокъ на судъ духовный, къ Луцкому владыкѣ Іонѣ Борзобогатому-Кра-

сенскому, по дѣлу ея съ мужемъ о разводѣ; но владыка не принялъ ея, а его намѣстникъ отказался записать явку ея въ книги. 1574 года, октября 22. 270.

LXXIV. Вѣнковая запись п. Михайла Витонижскаго, которой онъ обезпечиваетъ въ двойной суммѣ приданое жены своей Софьи Окорской и сверхъ того дарить ей третью часть своего движимаго имущества. 1573 года, генваря 8. 272.

LXXV. Запись п. Михайла Сватковича Хреницкаго о томъ, что онъ, согласно рѣшенію третейскихъ судей, получилъ отъ зятя своего п. Януша Угриновскаго часть приданого дочери своей Оксеніи, умершей не оставивъ потомства. Формальное уничтоженіе силы вѣнковой и дарственной записей, выданныхъ нѣкогда п. Угриновскимъ женѣ своей. 1573 года, февраля 28. 274.

LXXVI. Вѣнковый листъ землянина Гуляльницкаго, выданный имъ женѣ своей Теодорѣ въ обезпеченіе ея приданого. Обязательства мужа по отношенію къ дѣтямъ жены отъ перваго брака. 1573 года, марта 10. 278.

LXXVII. Жалоба землянина Василя Холоневскаго на свою тещу Пелагею Матясовну и на мужа ея Кременецкаго подкоморія Ивана Патрикія-Курозвонскаго о томъ, что они содѣйствовали побѣгу жены жалобщика и, не смотря на его требованія, отказываются прислать ее обратно, настаивая, чтобы онъ далъ ей разводъ. 1573 года, сентября 8 280.

LXXVIII. Княжна Марина Дмитріевна Буремская, находясь въ состояніи беременности и потому опасаясь за свою жизнь, записываетъ въ даръ мужу своему, землянину Григорію Колмовскому, свое приданое, желая тѣмъ отблагодарить за его любовь и попеченіе. 1574 года, февраля 12. 283.

LXXIX. Жалоба землянки Теодоры Загоровской на сына своего Михайла Загоровскаго о присвоеніи двора въ с. Загоровѣ, уступленнаго ему жалобщицею лишь на короткое время, „для отпраздненія преносинъ“—обычая, совершаемаго во время свадьбы. 1574 года, іюля 22 286.

LXXX. Постановленіе гродскаго Владимірскаго уряда о дозволеніи дѣвицѣ-землянкѣ Ганнѣ Осекровской выйти замужъ за землянина Теодора Шишку, согласно ея личному желанію, формально предъ уридомъ заявленному, и согласію на этотъ бракъ со сто-

роны ея матери и дядей-опекуновъ. Изъ документа видно, что невѣста въ то время была уже обвѣнчана съ п. Шишкою, самая же свадьба должна была совершиться лишь черезъ восемь съ половиною мѣсяцевъ. 1575 года, февраля 19. 288.

LXXXI. Условіе, заключенное Волинскимъ воювдою княземъ Богушемъ Ѳедоровичемъ Корецкимъ относительно женитьбы сына его князя Якима на дочери каштеляна Виленскаго Яна Іеронимовича Ходкевича. По причинѣ несовершеннолѣтія жениха и невѣсты, свадьба назначается черезъ шесть лѣтъ послѣ сговора. 1576 года, іюня 16. 290.

LXXXII. Иванъ Гулевичъ, подсудокъ земскій Владимірскій, записываетъ „привѣнокъ“ женѣ своей Маринѣ Бѣлостоцкой; вѣно ей записалъ онъ раньше. 1576 года, іюля 1. 294.

LXXXIII. Донесеніе вознаго, посыланнаго къ княгинѣ Ганнѣ Чорторыйской и ея дочери княжнѣ Катеринѣ съ напоминальнымъ листомъ отъ Луцкаго земскаго суда, заключавшимъ требованіе, чтобы послѣдняя возвратилась въ домъ своего мужа, Брацлавскаго каштеляна Василя Загоровскаго, котораго она оставила съ малыми дѣтьми. Отвѣтъ Загоровской, что она согласна возвратиться къ мужу въ такомъ лишь случаѣ, если онъ дастъ обязательство никогда впредь не имѣть съ нею „справы малженской“. 1576 года, ноября 4. 296.

LXXXIV. Жалоба зем. Семена Хомяка-Смордовскаго о томъ, что Марья Андреевна Еловая-Малипская, урожд. княжна Масальская, заключивъ съ жалобщикомъ письменное условіе относительно вступленія съ нимъ въ бракъ, въ день свадьбы уѣхала неизвѣстно куда, чѣмъ нарушила означенное условіе и ввела жалобщика въ напрасные расходы. Подтвержденіе вознымъ справедливости жалобы. 1577 года, мая 21. 299.

LXXXV. Жалоба ип. Ивана и Семена Красенскихъ о томъ, что п. Иванъ Шельвовскій, вопреки заключенному съ ними предбрачному условію, не выдѣлилъ сыну своему Прокопу слѣдуемой ему части родового имѣнія, на которой онъ долженъ былъ обезпечить вѣно своей невѣсты—сестры жалобщиковъ, въ слѣдствіе чего послѣдніе сочли себя въ правѣ удержать часть обѣщаннаго приданнаго. Свидѣтельство вознаго. 1577 года, іюля 8. 301.

LXXXVI. Дарственная запись землянки Ганны Гостской, вы-

данная ею своему мужу Ероеею Госткому на вѣно, денежную сумму и на всю движимость. 1578 года, ноября 22. 305.

LXXXVII. I. Донесеніе вознаго о допросѣ землянки Марины Пузовской по поводу того, что она, въ противность Статуту, вступила во второй бракъ до истеченія шестимѣсячнаго срока по убіеніи ея мужа, не похоронивъ его тѣла и не окончивъ начатаго иска о взыскаіи за убійство. 1580 года, генваря 29. . . . 309.

II. Жалоба со стороны братьевъ убитаго, что ихъ невѣстка, по выходѣ замужъ, удалила неизвѣстно куда дѣтей отъ перваго мужа и разоряетъ ихъ наслѣдственное имѣніе. Дознаніе вознаго по этой жалобѣ. 1580 года, марта 4. 311.

LXXXVIII Вѣновная запись князя Матвѣя Вороницкаго, выданная имъ въ день свадьбы своей невѣстѣ Настасьи Гулевичевнѣ, съ обезпеченіемъ въ двойной суммѣ всего приданаго. 1580 года, генваря 31. 315.

LXXXIX. Землянинъ Прокопъ Шельвовскій, въ благодарность женѣ своей Магдалинѣ Борзобогатовнѣ за любовь и попеченіе о немъ, даритъ ей двѣ трети родовыхъ своихъ имѣній и всю движимость. 1580 года, марта 20. 318.

XC. Землянка Марья Гулевичовна, въ знакъ признательности къ мужу, Яну Бокію-Печихвостскому, за его любовь и попеченіе, даритъ ему свои материнскія имѣнія. 1580 года, іюня 4. . . . 321.

XCI. Духовное завѣщаніе дворянина королевскаго Семена Оранскаго, кѣторымъ онъ обезпечиваетъ на случай своей смерти положеніе своей невѣстки, вдовы умершаго сына его Лаврина Оранскаго. 1581 года, генваря 12. 324.

XCII. Разводъ Януша Глинскаго съ женою передъ городскимъ урядомъ и передача ея въ супружество другому лицу. 1581 года, февраля 13 или 14. 332.

XCIII. Объявленіе осужденнаго на смерть за прелюбодѣяніе Яна Скурки о томъ, что онъ получилъ прощеніе отъ мужа соблазненной имъ жены. 1582 года, апрѣля 30. 334.

XCIV. Дѣло о недѣйствительности втораго брака, заключеннаго Васиіемъ Загоровскимъ при жизни первой жены.

I. Донесеніе вознаго о заявленіи Владимірскаго епископа Феодосія Лазовскаго, что онъ не разводилъ Васиіія Загоровскаго съ первою его женою, княжною Збаражскою, и не давалъ благо-

словенія на бракъ со второю—княжною Чорторыйскою. 1581 года, апрѣля 22 336.

2. Князь Юрій Чорторыйскій, именемъ сестры своей Катерины, требуетъ отъ Владимірскаго епископа Θεодосія выдачи „разводныхъ листовъ“, которыми Василій Загоровскій и его первая жена, княжна Маруша Збаражская, обмѣнялись другъ съ другомъ, когда разводились передъ судомъ пріятелей. 1583 года, февраля 24. 338.

3. Донесеніе вознаго о томъ, какъ производилось въ духовномъ судѣ дѣло по жалобѣ дочери Василя Загоровскаго Ганны на княжну Чорторыйскую о незаконномъ присвоеніи ея титула и правъ жены Загоровскаго. 1583 года, ноября 9. 339.

4. Удостовереніе, выданное бывшимъ игуменомъ Пересопницкимъ Кирилломъ Лясковскимъ, въ томъ, что онъ повѣнчалъ княжву Катерину Чорторыйскую съ Василемъ Загоровскимъ, имѣя основаніе считать правильнымъ разводъ его съ первою женою, княжною Марушею Збаражскою. 1584 года, гевваря 26. . . . 344.

5. Донесеніе вознаго о врученіи княжнѣ Катеринѣ Чорторыйской позвовъ: отъ Львовскаго латинскаго архіепископа Яна-Дмитра Суликовскаго и православныхъ епископовъ: Холмскаго Леонтія Зеновича-Полчицкаго и Галицкаго Гедеона Болобана, по обвиненію ея княжной Марушей Збаражской въ незаконномъ присвоеніи титула жены Василя Загоровскаго. 1586 года, марта 4. 346.

6. Врученіе епископу Θεодосію судебныхныхъ позвовъ отъ Кіевскаго митрополита Онисифора по жалобамъ княжны Маруши Збаражской и ея дочери Ганны Загоровской о неправильномъ рѣшеніи ихъ дѣла съ княжною Катериною Чорторыйскою. 1588 года, апрѣля 1. 348.

ХCV. Дарственная запись князя Константина Константиновича Острожскаго, крайчаго Литовскаго, старосты Владимірскаго, выданная имъ своей женѣ Александрѣ Васильевнѣ Тишкевичевнѣ на право владѣнія всею его движимостью по его смерти. 1583 года, марта 2. 349.

ХCVI. Дарственная запись княгини Александры Васильевны Острожской мужу своему князю Константину и потомкамъ его на право наслѣдованія, по ея смерти, всѣми родовыми ея имѣніями. 1583 года, марта 2. 352.

ХCVII. Жалоба землянина Григорія Володковича о томъ, что

зем. Романъ Гостскій, сосватавъ за него свою дочь, подъ разными предлогами отсрочиваетъ день свадьбы и тѣмъ вводитъ жалобщика въ убытки. Заявленіе жалобщика, какъ происходило сватовство. 1583 года, іюня 7. 356.

XCVIII. Предсмертное заявленіе Раины Мироевской, что она умираетъ отъ побоевъ, нанесенныхъ ей мужемъ. Свидѣтельство вознаго. 1583 года, іюня 25. 360.

XCIX. Земянинъ Василій Гнѣвошевичъ Бронницкій, сговоривъ невѣсту за сына своего Гаврила, выдѣляетъ ему часть родового имѣнія, чтобы онъ имѣлъ чѣмъ обезпечить вѣно своей женѣ. 1583 года, іюля 12. 362.

C. Врученіе Владимірскому и Брестскому епископу Θεодосію королевскихъ листовъ по дѣлу о неправильномъ расторженіи подвѣдомственнымъ ему духовенствомъ брака „дьяка“ королевской канцеляріи Кондрата Ивановича. 1583 года, декабря 9. 365.

CI. Судебное дѣло по обвиненію земянки Охлоповской въ убійствѣ мужа.

1. Обвинительный актъ, судебныя пренія сторонъ и допросъ „челяди“ Охлоповской, обвиняемой вмѣстѣ съ нею въ соучастіи въ убійствѣ. Постановленіе о производствѣ судебного слѣдствія. 1583 года, августа 10. 367.

2. Показанія челяди Охлоповской, данныя подъ пыткой. 1583 года, августа 12. 383.

3. Судебное слѣдствіе и декретъ въ пользу обвиняемой. По требованію истцовъ, дѣло переносится въ королевскій судъ. 1583 года, сентября 19. 384.

4. Жалоба истцовъ о томъ, что родственники и пріятели обвиняемой выкрали изъ Лупкаго замка „челядь“ Охлоповской, учававшую ее въ убійствѣ мужа, и неизвѣстно куда дѣвали ее. Представленіе на урядъ тѣла одной изъ челядилицъ, съ явными признаками насильственной смерти, и его судебно-полицейское свидѣтельство. 1583 года, декабря 17. 408.

5. Очистительная присяга Настасьи Охлоповской, исполненная согласно окончательному рѣшенію ея дѣла королевскимъ судомъ. 1586 года, февраля 20. 414.

СII. Княжна Ганна Збаражская жалуется, что ея братья-опекуны по корыстнымъ побужденіямъ не хотятъ выдать ее за-

мужъ. Въ виду этого гродскій урядъ, по ея просьбѣ, даетъ ей дозволеніе вступить въ бракъ помимо согласія опекуновъ. 1584 года, февраля 8. 415.

СIII. Справка о происходившемъ въ Зименскомъ монастырѣ вѣнчаньи п. Александра Владычкы съ чужою женою, выкупленною имъ изъ татарскаго плѣна. Переговоры съ ея мужемъ. 1584 года, іюня 11 417.

СIV. Сынъ Кіевскаго судьи Андрей Немиричъ, вступивъ въ бракъ съ сестрою Кіевонечерскаго архимандрита и нареченнаго епископа Владимірскаго Мслетія Хребтовича-Богуринскаго, записываетъ ей вѣно съ привѣнкомъ, съ ограниченіемъ своего права свободно распорядиться тѣми имѣніями, которыми это вѣно обезпечено. 1584 года, іюля 15. 418.

СV. Землянинъ Николай Боговитинъ-Шумбарскій, «не имѣя лучшаго, вѣрнѣйшаго и благожелательнѣйшаго пріятели», кромѣ жены своей Евы, на случай своей смерти или отъѣзда за границу, записываетъ ей въ полную собственность все состояніе, ей одной предоставляетъ право опеки надъ дѣтьми, еслибы таковыя родились, и совѣмъ устриваетъ отъ наслѣдства его имѣніями всѣхъ своихъ родственниковъ. 1584 года, августа 2. 424.

СVI. Донесеніе вознаго о томъ, какъ происходили «ааручины» п. Станислава Кавезскаго съ его невѣстой Настасьей Хребтовичевою. 1585 года, марта 11. 430.

СVII. Бракъ польскаго жолнера Мартишевскаго съ княжною Сокольскою.

1. Жалоба опекуновъ дѣтей умершаго князя Максима Сокольскаго о томъ, что польскій жолнеръ Балцеръ Мартишевскій, втершись въ домъ вдовы княгини Сокольской и пользуясь слабоуміемъ сына ея Василія, насильственно взялъ за себя якобы въ замужество сестру его княжну Софію Сокольскую, рассчитывая овладѣть ея наслѣдственными имѣніями. Показаніе княгини Александры Сокольской о томъ, что дочь ея, противясь браку, во время вѣнчанья выбила изъ рукъ ксендза книгу, и что Мартишевскій подвергалъ свидѣтельница и ея дѣтей заключенію. 1585 года, іюня 19. 432.

2. Вторичное показаніе княгини Александры (она же Ирина) Сокольской, будто она добровольно выдала дочь свою въ замужество за Мартишевскаго. Такое же показаніе князя Василія и самой княжны Софы Сокольскихъ. 1585 года, іюня 19 436.

3. Протестъ Мартишевскаго противъ обвиненія его въ томъ, будто онъ насильственно женился на княжнѣ Сокольской и держалъ ее, а равно ея мать и брата, въ заключеніи. Показанія о томъ его тещи, жены и шурина, а также. показаніе православнаго священника, совершавшаго бракъ совмѣстно съ католическимъ ксендзомъ. 1585 года, іюня 22. 438.

CVIII. Жалоба п. Григорія Дублянскаго на землянь Тишей-Быковскихъ о томъ, что они сманили къ себѣ въ замокъ его жену съ дѣтьми и имуществомъ. 1585 года, іюля 16. 441.

СIX. Жалоба землянки Евы Бутовичевой о томъ, что бывший мужъ ея Матвѣй Немпричъ, вопреки условіямъ бракоразводной записи, по которой онъ обязался дать ей «во всемъ покой», напалъ на нее въ дорогѣ, пограбилъ имущество и нанесъ ей тяжкіе побои. Перечень пограбленныхъ вещей. 1585 года, іюля 17. 443.

СX. Князь Константинъ Острожскій записываетъ вѣно невѣсткѣ своей Рузанѣ, женѣ сына его князя Лиуша, на Чудновскихъ имѣніяхъ. 1585 года, октября 5 447.

СXI. Слуга князя Константина Острожскаго, крещенный еврей Константинъ изъ Преворска даетъ разводъ женѣ своей Тилѣ Юсковнѣ, оставшейся въ еврействѣ. 1589 года, іюня 15 450.

СXII. Жалоба зем. Ивана Болобана-Осебровскаго о томъ, что его жена Раина Стакорская, потерявъ расположенность къ нему, прогнала его отъ себя и отказалась возвратить лично принадлежащее ему имущество. 1589 года, августа 17. 451.

СXIII. Жалоба дв. Василя Васильевича Загоровскаго о томъ, что княгиня Магдалина Сокольская, обезпечивъ его формальнымъ обѣщаніемъ выдать за него въ замужество дочь свою княжну Ганну, на самомъ дѣлѣ выдала ее за другого и тѣмъ ввела жалобца въ большіе убытки. 1593 года, сентября 22. 452.

СXIV. Разводъ дв. Волицкихъ.

1. Запись дв. Яна Волицкаго о томъ, что, въ виду болѣзненнаго состоянія жены его Федоры Головинской и согласно ея желанію, онъ навсегда освобождаетъ ее отъ брачнаго союза съ нимъ. 1594 года, генваря 26. 454.

2. Такого же содержанія запись, выданная Федорой Головинской мужу, съ предоставленіемъ ему права вступить въ бракъ съ другимъ лицомъ. 1594 года, 26 генваря. 457.

СХV. Дворинка Дорота Петровская, разведшись съ мужемъ, уничтожаетъ выданную имъ дарственную запись на денежную сумму и на право опеки дѣтьми, а равно обязывается не требовать отъ него своего приданого. 1594 года, 29 генваря. 459.

СХVI. Неурядица въ семьѣ князя Воронежскаго.

1. Жалоба княгини Марины Воронежской о томъ, что мужъ ея князь Станиславъ безъ ея вѣдома перевелъ на имя брата имѣнія Шуринъ и Ясеновку, которые раньше записалъ ей въ обезпеченіе долга и въ пожизненное пользованіе. 1594 года, 2 октября. . . 462.

2. Князь Станиславъ Воронежскій жалуется, что незаконно титулюющая себя его женою Марина Гулевичевна, вмѣстѣ съ зятемъ своимъ, а его сыномъ, кн. Станиславомъ, забравъ имущество жалобщика, оставила его безъ всего необходимаго и уѣхала въ свое имѣніе, вслѣдствіе чего онъ вынужденъ былъ искать пріюта у своего брата кн. Матуша и отдаться ему въ опеку. 1594 года, іюля 13. 463.

3. Тотъ же князь Воронежскій жалуется на «жену свою нешлюбную» Марину о томъ, что она вмѣстѣ съ дочерью своею, а его невѣсткою, хотѣла силою увести его въ свое имѣніе. 1594 года, іюля 24. 465.

4. Жалоба того же князя Воронежскаго на сына своего князя Станислава, что онъ, дѣйствию наущенію своей тещи и вмѣстѣ мачехи Марины Гулевичевны, «незбожной» жены жалобщика, наносилъ ему побой и выгналъ изъ имѣнія. 1600 года, ноября 7. . 466

СХVII. Не состоявшійся разводъ дв. Згличинскихъ.

1. Запись дв. Павла Згличинскаго о томъ, что, исполнии декретъ Луцкаго бискуна, отказавшагося развести его съ женою Ганною Монтовтовною, онъ испросилъ у жены прощеніе за жестокое обращеніе съ нею и, за поручительствомъ трехъ шляхтичей, далъ обязательство вести мирную супружескую жизнь. 1595 года, генваря 16 . 469.

2. Примирившись съ мужемъ, Ганна Монтовтовна освобождаетъ его отъ судебной отвѣтственности за четырнадцатилѣтнее содержаніе ея въ тяжкомъ заключеніи, искалѣченіе и отнятіе имущества. 1595 года, генваря 15. 471.

СХVIII. Декретъ Луцкаго магистратскаго суда по дѣлу о прелюбодѣяніи. 1596 года, ноября 20. 473.

СХІХ. Жалоба вдовы Волынскаго подвоеводы Софьи Букоемской о похищеніи ея шляхтичемъ Войтехомъ Доманковскимъ и принужденіи, помощю угрозъ и насиліи, ко вступленію въ бравъ съ нимъ. 1598 года, февраля 9 476.

СХХ. Обвиненіе землянки Пузовской въ убійствѣ мужа.

1. Жалоба землянъ Пузовскихъ на свою невѣстку Настасью Пузовскую и ея родственниковъ объ убійствѣ ея мужа, брата жалобщиковъ, Карпа Пузовскаго. 1601 года, февраля 9. 478.

2. Дознаніе вознаго. Показанія свидѣтелей о томъ, какъ произошло убійство. Публичное провозглашеніе именъ убійцъ надъ тѣломъ убитаго и заключеніе Настасьи Пузовской подъ стражу. 1601 года, февраля 23. 480.

СХХІ. Декретъ Луцкаго старосты по дѣлу объ армянинѣ Одерѣ, мѣщанинѣ Луцкомъ, обвиняемому въ сожительствѣ съ невѣнчанною женою. 1601 года, сентября 15. 484.

СХХІІ. Жалоба княгини Ядвиги Чорторыйской о томъ, что мужъ ея князь Юрій Михайловичъ Чорторыйскій подвергалъ ее жестокимъ истязаніямъ, выудилъ отъ нея рядъ записей на имѣнія и денежныя суммы, доставшіяся ей отъ перваго мужа, князя Кирика Ружинскаго, наконецъ подъ стражей отиравлъ ее къ королю хлопотать о подтвержденіи насиліемъ исторгнутой отъ нея записи на право пожизненнаго пользованія ея состояніемъ по ея смерти, давъ при этомъ тайный наказъ своимъ слугамъ на обратномъ пути лишить ее жизни. Провѣдавъ о замыслахъ мужа, жалобщица во время проѣзда черезъ Люблинъ тайно бѣжала въ костель и нашла убѣжище въ женскомъ монастырѣ. 1602 года, генваря 31. 485.

СХХІІІ. Жалоба панскаго слуги Ивана Татарина о томъ, что его жена, вступивъ въ преступную связь съ другимъ лицомъ, бѣжала съ нимъ изъ дому и унесла часть имущества. 1602 года, іюня 20. 490.

СХХІV. Жалоба дв. Онкии Мутьвальскаго о томъ, что жена его Ганна Еленская, проживъ съ нимъ 32 года въ полномъ согласіи и имѣя 11 человекъ дѣтей, но наущенію злыхъ людей вздумала разлучиться съ жалобщикомъ и, подговоривъ старшаго ихъ сына, вмѣстѣ съ нимъ тайно ушла изъ дому и унесла часть имущества. 1602 года, іюля 4. 492.

CXXV. Судебное дѣло по обвиненію землянки Харлинской въ убійствѣ мужа.

1. Жалоба п. Харлинскихъ, братьевъ убитаго, о томъ, что невѣста ихъ Елена, издавна питая ненависть къ своему мужу Шасному Харлинскому, неоднократно покушалась на его жизнь и наконецъ подговорила своего слугу Рожковского задушить его. Дознание вѣрныхъ по этой жалобѣ. 1604 года, сентябри 10. 494.

2. Допросъ Рожковского и его показаніе о томъ, что убилъ п. Харлинскаго по подговору его жены. 1604 года, сентябри 7. . . 503.

3. Послѣднее заявленіе Рожковского о томъ же, публично сдѣланное во время совершенія надъ нимъ смертной казни (четвертованія). 1604 года, октября 8. 506.

4. Обвиненіе п. Павла Монвида-Дорогостайскаго, брата Елены Харлинской, въ соучастіи въ убійствѣ ея мужа. Судебныя пренія по этому дѣлу. 1605 года, мая 2. 507.

5. Королевскій декретъ, которымъ Елена Харлинская за убійство мужа приговорена къ банниціи. Публикація этого декрета. 1606 года, марта 31. 517.

CXXVI. Слуга п. Николая Глѣбовича Янушъ Кобринецъ, преданный суду за убійство, освобождается отъ наказанія подъ условіемъ вступленія въ бракъ съ дѣвушкой, изъявившей желаніе имѣть его своимъ мужемъ. 1606 года, 15 марта. 521.

CXXVII. Духовный судъ священниковъ мѣст. Вѣлиловки по жалобѣ Кодеискаго мѣщанина Петра Гавриловича на своего тестя, Вѣлиловскаго войта Моноска, объ удержаніи жены жалобщика. 1606 года, марта 16. 522.

CXXVIII. Жалоба крестьян. Тимоша Срипки о томъ, что дьячекъ Ив. Потановичъ оболъстилъ его дочь Куньцу и уклонился отъ брака съ нею 1607 года, апрѣля 30. 524.

CXXIX. Двѣ записи слуги п. Яна Лагодовскаго венгерца Януша Нада о добровольномъ расторгненіи его брака съ дочерью боярина того же Лагодовскаго Анной Еданской вслѣдствіе несогласной жизни. Бракъ расторгается по взаимному соглашенію обоихъ супруговъ предъ лицомъ ихъ помѣщика и въ присутствіи свидѣтелей. 1609 года, іюня 19. 525.

CXXX. Новобрачная жена чашника Волинскаго Лаврентія Древинскаго Діана Боговитиновка Шумбарская, въ знакъ особой

расположенности къ мужу, записываетъ ему въ даръ свой посагъ. 1610 года, ноября 7. 529.

CXXXI. Землянинъ Янъ Павловичъ, женившись на вдовѣ князя Яна Ружинскаго Катеринѣ Шацкой, даетъ обязательство не вынуждать и не принимать отъ нея никакихъ дарственныхъ или иныхъ записей, сопряженныхъ съ нарушеніемъ интересовъ ея дѣтей отъ перваго брака, и не позволять ей выдавать подобныя записи другимъ лицамъ. 1611 года, октября 3. 531.

CXXXII. Жалоба Владимірскаго мѣщанина Малуша Бѣлецкаго о томъ, что мѣщ. Хома Бачукъ, въ теченіе двухъ лѣтъ считавшійся женихомъ его дочери, взявъ отъ нея подарки, отказался вступить съ нею въ бракъ. 1612 года, февраля 21. 534.

CXXXIII. Донесеніе возныхъ о томъ, что п. Галшка Цвмпинскал, заручивъ свою дочь Ядвигу за князя Адама Жижемскаго, тайно отъ него выдала ее замужъ за другого. 1616 г., февраля 3. 535.

CXXXIV. Жалоба дв. Ивана Козинскаго о томъ, что сестра его Настасья вышла замужъ безъ его воли, совѣта и позволенія и безъ вѣдома другихъ родственниковъ. 1616 года, 26 марта. . . 537.

CXXXV. Декретъ Люблинскаго трибунала по иску двор. Катерины Модринской къ мужу своего Гавріилу Модринскому о томъ, что онъ, прогнавъ ее изъ дому, отказывается уплатить ей вѣно. 1616 года, августа 23. 538.

CXXXVI. О бракѣ князя Юрія Чорторыйскаго съ дв. Θεодорой Колпытовской.

1. Жалоба п. Константина Колпытовскаго о томъ, что слуги князя Юрія Чорторыйскаго, козаки и татары, учинивъ ночной наѣздъ на имѣніе жалобщика с. Колпытовъ, схватили тамошняго священника о. Ивана и неизвестно куда увезли его вмѣстѣ съ семействомъ и имуществомъ. По мнѣнію жалобщика, поводомъ къ этому похищенію могло служить только то, что означенный священникъ вѣнчалъ князя Чорторыйскаго съ дочерью жалобщика и долженъ былъ выступить важнымъ свидѣтелемъ въ судебномъ процессѣ о самовольномъ расторженіи княземъ этого брака. Свидѣтельство вознаго. 1615 г., апрѣля 29. 542.

2. Донесеніе вознаго о врученіи имъ трибунальскихъ позвовъ: а) князю Юрію Чорторыйскому по обвиненію его «шлюбною» женой его Θεодорой Колпытовской въ томъ, что оставилъ ее самовольно

и женился на другой, и б) второй женѣ Чорторыйскаго Зузаннѣ Борзобогатовнѣ Красенской, обвиняемой въ томъ, что она, зная о существованіи первой, законной жены князя Чорторыйскаго, дерзнула вступить съ нимъ въ бракъ. 1618 года, мая 7. 544.

3. Донесеніе вознаго о врученіи Лупкому епископу Евгению Еловичу-Малинскому королевскаго позва къ сеймовому суду по жалобѣ на него Теодоры Колнытовской объ отказѣ его позвать къ своему духовному суду князя Юрія Чорторыйскаго и его вторую жену Зузанну Борзобогатовну-Красенскую по дѣлу о незаконномъ расторженіи брака жалобщицы. 1618 года, ноября 24 546.

4. Жалоба Теодоры Колнытовской о томъ, что Луцкій епископъ Евгений Еловичъ-Малинскій незаконно и заочно разбиралъ ея бракоразводное дѣло съ княземъ Юріемъ Чорторыйскимъ и выдалъ какіе то невыгодные для жалобщицы декреты. Свидѣтельство вознаго. 1618 г., декабря 20. 548.

5. Заявленіе Владимірскаго епископа Іоакима Мороховскаго о томъ, что онъ, исполняя королевскій декретъ, выданный на предыдущемъ сеймѣ, приступилъ къ разбору въ своемъ епископскомъ судѣ бракоразводнаго процесса князя Юрія Чорторыйскаго съ Теодорой Колнытовской и выдалъ надлежащія позвы по этому дѣлу. 1619 года, іюня 18. 551.

6. Врученіе князю Юрію Чорторыйскому судебнаго позва отъ владыки Іоакима Мороховскаго по дѣлу о самовольномъ расторженіи имъ брака съ Теодорой Колнытовской. 1619 года, іюня 22. . 552.

7. Свидѣтельское показаніе п. Петра Солоневскаго о бракѣ князя Юрія Чорторыйскаго съ Теодорою Колнытовскою. 1619 года, іюня 18. 553.

8. Показаніе о томъ же бракѣ другого свидѣтеля, п. Александра Сенюты-Ляховецкаго. 1619 года, іюля 15. 554.

9. Жалоба князя Юрія Чорторыйскаго о томъ, что, явившись на судъ епископскій по дѣлу о «какомъ-то мнимомъ бракѣ» его съ Теодорою Колнытовскою, онъ вынужденъ былъ выслушивать какъ отъ нея самой, такъ и отъ родственниковъ ея потоки бранныхъ рѣчей, крайне оскорбительныхъ для чести его имени и рода. Свидѣтельство вознаго. 1619 года, іюля 11. 555.

10. Жалоба Теодоры Колнытовской и ея родственниковъ о томъ, что во время разбора въ епископскомъ судѣ ея дѣла съ кня-

- земъ Юрьемъ Чорторыйскимъ, послѣдній публично поносилъ ихъ бранными словами и грозилъ лишить ихъ здоровья и самой жизни. Свидѣтельство вознаго. 1619 года, іюля 12. 557.
11. Жалоба Ѳеодоры Колытовской о неправильностяхъ и злоупотребленіяхъ, допущенныхъ епископомъ Мороховскимъ при разборѣ въ духовномъ судѣ дѣла ея съ княземъ Юріемъ Чорторыйскимъ. 1619 года, іюля 12. 559.
12. Возраженіе епископа Мороховскаго противъ означенной жалобы Колытовской. 1619 года, іюля 13 561.
13. Жалоба матери Колытовской, Ганны Костюшковичовны, что владыка І. Мороховскій, постановивъ незаконное рѣшеніе по бракоразводному дѣлу ея дочери съ княземъ Ю. Чорторыйскимъ, отказался выдать ей копію протокола судебного слѣдствія по этому дѣлу для представленія королю. 1619 года, августа 17. . . . 564.
- CXXXVII.** Запись, выданная священникомъ церкви св. Пятницы въ г. Владимірѣ-Вол. Михаиломъ Самсацкимъ дячку своему Заку Онисковичу въ томъ, что если послѣдній вступитъ въ бракъ съ его племянницей, то онъ будетъ стараться о посвященіи его въ діаконы къ той же церкви и со временемъ обязывается передать ему свое «дѣдичное» право на означенную церковь. 1620 года, октября 24. 566.
- CXXXVIII.** Предварительное условіе, заключенное княземъ Львомъ Воронежскимъ и его женой Христиной Боговитниновой относительно предположеннаго ими развода. 1621 года, апрѣля 28. . 569.
- CXXXIX.** Судебное дѣло о прелюбодѣяніи въ шляхетской семьѣ.
1. Жалоба п. Яна Рѣзановича на жену свою Марушу и на п. Демьяна Воронича о томъ, что они открыто живутъ въ преступной связи между собою. 1621 года, ноября 22 573.
2. Декретъ Луцкаго гродскаго суда, коимъ Демьянъ Вороничъ и Маруша Рѣзановичева за чужеложство приговорены къ лишенію жизни, а за неявку въ судъ—къ пифаміп. 1622 года, февраля 19. 574.
3. Возраженіе Маруши Рѣзановичевой противъ обвиненія ея мужемъ въ преступной связи съ п. Вороничемъ. Характеристика мужа, какъ празднопатающагося пьяницы, который нерѣдко подбивалъ ее на развратъ и намѣревался продать ее кому-либо пли промѣнять на коня. 1622 года, марта 4 577.
4. Заявленіе жены Воронича Гальшки въ которомъ она эвер-

гично протестуетъ противъ ложнаго обвиненія ея мужа въ преступной связи съ женою Рѣзановича. 1622 года, марта 4 579.

CXL. Заявленіе Владимірской мѣщанки Асны Мрозовской о томъ, какъ ей жилось въ замужествѣ за шляхтичемъ. 1622 года, іюня 8 581.

CXLI. Дворянка Урсула Лукаревская обвиняется въ отравленіи своего мужа. 1631 года, 20 февраля 583.

CXLII. Жалоба дв. Катерины Черныцкой о томъ, что дв. Дроботь, безъ ея вѣдома, заручившись согласіемъ ея дочери Маріаны, похитилъ ее изъ дома матери и тайно обвѣнчался съ нею у православнаго священника. 1634 года, 9 генваря 588.

CXLIII. Брачное условіе, заключенное дв. Иваномъ Яромлинскимъ съ опекунами его невѣсты Катерины Стрибылевны. Хотя молодые, въ моментъ заключенія условія, были уже обвѣнчаны (кіевскимъ митрополитомъ Петромъ Могилой), тѣмъ не менѣе свадьба откладывается на 2½ года, а до тѣхъ поръ невѣста должна была оставаться попрежнему въ домѣ своей бабки, женихъ же обязывался тѣмъ временемъ выхлопотать, чтобы мать выдѣлила ему наследственную часть отцовскихъ имѣній, на которой онъ могъ бы записать вѣно своей «будущей женѣ». 1634 г., 21 декабря 590.

CXLIV. Жалоба дв. Лисовицкаго о томъ, что дв. Макарскіе, сговоривъ за него дочь свою, неоднократно откладывали день свадьбы, мѣшали его свадебнымъ приготовленіямъ и наконецъ затѣяли хитростью выманить у него брачное условіе; когда же онъ не поддался уловкамъ, они сплюю вздумали отнять документъ, при чемъ нанесли жалобнику и его слугамъ тяжкіе побои. 1638 года, 23 ноября. 595

CXLV. Свидѣтельство вознаго о томъ, какъ двор. Якубъ Бранскій двукратно пріѣзжалъ съ боярами и съ *вѣнкомъ* (согласно обычаю) въ домъ своей невѣсты, въ дни, назначенные для его свадьбы и оба раза не заставалъ дома ни невѣсты, ни ея родителей. 1638 года, 4 декабря. 598.

CXLVI. Шляхтичъ Ясницкій убиваетъ свою любовницу за то, что она, послѣ его женитьбы, отказалась продолжать съ нимъ прежнія отношенія. 1644 года, 12 октября. 599.

CXLVII. Жалоба шляхтича о нанесеніи ему побоевъ мѣщаниномъ, за невѣстой котораго онъ вздумалъ ухаживать. 1646 года, 28 февраля. 602.

CXLVIII. Жалоба на бискупа, сүффрагана Луцкаго, Николая Красицкаго о вооруженномъ наѣздѣ на домъ дв. Петра Станишевскаго и убійствѣ послѣдняго. Поводомъ къ преступленію послужило намѣреніе бискупа похитить племянницу Станишевскаго и выдать ее замужъ за избраннаго имъ жениха. 1648 года, 15 февраля. 603.

CXLIX. Шляхтичъ Славинскій, женившись на вдовѣ Еленѣ Тржасковской и взявши деньги за «голову» убитаго ея перваго мужа, бросаетъ ее среди дороги и ѣдетъ жениться на другой. 1648 года, 7 апрѣля. 613.

CL. Жалоба дв. Войтеха Брозки о томъ, что дв. Янъ Слончевскій, пользуясь его отъѣздомъ изъ Волыни на Украйну, съ вооруженными людьми напалъ на квартиру жалобщика, въ г. Луцкѣ, избилъ до смерти его слугъ, похитилъ обрученную его невѣсту дв. Анну Приборовскую и обвинчался съ нею у православнаго священника, на взирая на то, что дѣло происходило великимъ постомъ. 1649 года, 17 марта. 614.

CLI. Жалоба на дв. Крыштофа Сестревитовскаго о томъ, что онъ умышенно оставилъ свою жену на произволь судьбы въ виду вторженія козаковъ Хмельницкаго и его союзниковъ татаръ. Трагическая судьба покинутой женщны. 1649 года, 9 апрѣля. 616.

CLII. Жалоба шляхт. Андрея Коморовскаго о томъ, что теща его п. Катерина Соколова разлучила его съ женой, съ которой онъ прожилъ въ бракѣ около тридцати лѣтъ, обратила ее и дѣтей въ православную вѣру (изъ католической) и намѣревается хлопотать о формальномъ расторженіи брака ея дочери съ жалобщикомъ. 1649 года, сентября 13. 619.

CLIII. Судъ надъ крестьянкой—двумужницей. 1652 года, 11 апрѣля. 620.

Приложенія.

CLIV. Волынская землянка Марья Вохнова, выдавая дочь свою за племянника вемянина Юшка Камки, заключаетъ съ послѣднимъ условіе относительно взаимнаго обезпеченія ими новобрачной четы. 1471 года, 11 сентября 627.

CLV. Дочери Кіевскаго воеводы Григорія Александровича Ходкевича, Александра и Анны Григорьевны, выйдя замужъ—первая за князя Романа Сангушка, а вторая за п. Павла Санѣгу и получивъ въ приданое больше того, что по закону имъ слѣдовало бы,

навсегда отрѣкаются отъ своихъ наслѣдственныхъ правъ на отцовскія и материнскія имѣнія. 1559 года, 25 марта 629

CLVI. Жалоба землинна Александра Вороны-Боротинскаго о томъ, что отецъ его п. Томило Ворона, принявъ къ себѣ за жену Туровскую мѣщанку Марушку Ильяшовну, вмѣстѣ съ нею пропинаетъ имущество и выдалъ ей какую-то записъ на родовыя имѣнія жалобщика. Исторія похождения этой вольной женщины. 1586 года, 1 апрѣля 632

Дополненіе къ документу № XX.

Къ исторіи сватовства князи Льва Александровича Сангушка-Кошпрскаго съ княжной Мариной Александровной Чортгорійской. 1563—1565 гг. 631

Указатель личныхъ и географическихъ именъ, встрѣчающихся въ настоящемъ томѣ.

I. Имена личныя	641.
II. Имена географическія	692.

